

Евразийский юридический журнал

№ 2 (189) 2024

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИПЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШЛАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,

г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-

строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2024

Подписано в печать 25.03.2024
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 2 (189) 2024

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitry Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2024

Signed for printing 25.03.2024

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ДЕМИЕВА Айнур Габдулбаровна, д.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogy, Ph.D. in Economics

DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

В. П. Сальников:

Легендарный путь от ОКО (Оперативных Комсомольских Отрядов) до Санкт-Петербургского университета МВД России и далее – эпоха целой жизни и назидание будущим поколениям
Интервью с Сальниковым Виктором Петровичем, доктором юридических наук, профессором Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, государственным советником юстиции I класса, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, генерал-лейтенантом милиции в отставке, академиком Российской академии естественных наук (РАЕН)..... 14

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Халипов С. В.

Участие негосударственных структур в публично-правовом регулировании внешней торговли товарами..... 19

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Дубровина А. Н., Фантров П. П.

Правовая природа международного трибунала по бывшей Югославии: *estne legalis?*..... 23

Клячин В. М.

Международно-правовые проблемы реагирования на возникновение и распространение эпидемий..... 26

Лебедева Я. И.

Дуализм международного и внутригосударственного права в практике Ирландии и Германии..... 29

Мкртчян Г. Я.

Культурные права коренных народов как основа их идентичности..... 33

Ермолина М. А., Никифорова Е. Н., Тарканова Т. С.

Перспективы международно-правового взаимодействия в сфере экологической безопасности на территории евразийского пространства..... 36

Нуцалханов Г. Н.

Система контроля и проверки по Договору Раротонга..... 38

Мкртчян Г. Я.

Культурные права коренных народов: теория и практика..... 40

Сюй Цзиньлинь, Давыдова М. В.

Влияние международных неправительственных организаций на международное право..... 43

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Мишальченко М. Ю.

Международно-правовые аспекты энергетического сотрудничества Российской Федерации и Индии в системе БРИКС..... 45

Пикунюва А. А.

Соблюдение национальных интересов при трансграничной передаче прав на секрет производства..... 48

Токарев Р. Ю., Борисенко Н. С., Глинщикова Т. В.

Коллизионное и материально-правовое регулирование международных трудовых отношений..... 51

Ибрахим М. М., Глинщикова Т. В., Петровский В. А.

Влияние кодификации норм международного частного права на развитие современного коллизионного регулирования частных трансграничных отношений..... 53

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Лебедева Я. И.

Делегирование полномочий Европейскому союзу в практике Верховного суда Дании..... 55

Чернобаев С. В.

Рассмотрение эволюции цифровых рынков и значимости применения статьи 102 для защиты конкуренции..... 59

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

Накрыжская В. А.

Отражение принципов ESG в промышленной политике Европейского союза, Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики..... 62

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Израловский Н. Р., Петрова А. С.

Цифровизация гражданского процесса в странах БРИКС: опыт Бразилии и ЮАР..... 67

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Абызова Е. Р.

Развитие информационной составляющей гражданского общества..... 71

Баскакова Е. В., Тебряев А. А.

Трансформация института деликтной ответственности в условиях развития искусственного интеллекта..... 75

Бисярина А. Н.

Деятельность Российской Федерации по противодействию торговле несовершеннолетними в период с 2000 г. по настоящее время (историко-правовое исследование)..... 78

Горбунов М. Д.

Основа дискурса о месте человека в правовом регулировании..... 82

Гиндуллин Н. Ф., Кадырова Г. Ф.

Соотношения понятий «ответственность» и «наказание» в юриспруденции..... 84

Петроградская А. А., Скворцов Д. С.

Формирование правовой культуры граждан как приоритет правовой политики современной России..... 86

Сальников В. П., Чайка В. Н., Прокофьев К. Г.

К антропологии права: трансформации современности и новые ракурсы правового сознания..... 89

Скударнов А. С.

Об отраслевых видах юридической ответственности..... 94

Шогенов Т. М., Кучмезов А. Н., Бураева Л. А.

Актуальные проблемы противодействия информационным угрозам в образовательных учреждениях..... 97

Яковлев М. В., Никонов Д. А., Аврамов С. О.

Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений..... 100

Абызова Е. Р.

Современная «информационная революция» и ее значение для формирования правопорядка в информационном обществе..... 106

Вершинина М. К., Рузавина Е. Ю.

Правовой конформизм: отрицательные и положительные аспекты..... 110

Коваленко Н. Е.

Современное правовое сознание личности: эмпирическое исследование..... 112

Кулиева А. М.

Технические нормы: сущность и место в правовом регулировании в условиях цифровизации..... 115

Макулова А. О.

Юридическая ответственность в условиях становления цифрового общества..... 118

Толдиев Х.-М. Б.

Роль судебной практики в механизме совершенствования законодательства в сфере несостоятельности (банкротства)..... 120

Чайка Ю. В.

О проблеме определения правового статуса животных в российском праве..... 124

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бутов С. В.

О роли Особых отделов НКВД СССР в обеспечении правового положения военнослужащих в годы Великой Отечественной войны..... 126

Воситов Х. А.

Представления о правах человека в персидско-таджикской правовой культуре..... 129

Егоров А. М., Егоров И. А.

Ретроспективный анализ становления института мер уголовно-правового характера в истории отечественного законодательства..... 131

Климов А. Ю., Сальников А. С.

Организация и деятельность регулярной московской полиции во второй четверти XVIII в..... 133

Фурман Т. Г.

Политико-правовые взгляды Н. Г. Чернышевского..... 135

Фурман Ф. П. Право современной России с позиции аксиологии.....	138	ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	
Гуляева Т. Б., Гнетова Л. В., Карпукова А. А. Условия вступления в брак по законодательству отдельных Скандинавских стран в XIX в.	142	Бузова Н. В. Достаточно ли прав изготовителя фонограмм для использования музыкальных композиций в сети Интернет?.....	200
Красильников С. В. Источники и противоречия в изучении полицейской реформы Екатерины II	144	Зиньков Е. Н., Китаева А. В., Корниенко М. А., Круглова А. В. О нарушениях правовых основ медицинской деятельности в области косметологии	204
Фурман Т. Г. Влияние масонства Европы на российское масонство, политико-правовой аспект	147	Исюмов И. В. Правовая природа искусственного интеллекта как объекта права интеллектуальной собственности	207
Фурман Ф. П. Взгляды и концептуальные расхождения западников и славянофилов в праве и политике.....	150	Калятин В. О. Переработка программ для ЭВМ и баз данных: конфликтные ситуации и пути их разрешения	209
Гнетова Л. В., Гуляева Т. Б., Карпукова А. А. Препятствия к заключению брака по праву отдельных Скандинавских стран и Германии в XVIII-XIX вв.	153	Колесникова М. М., Максимова Е. В., Мишина Е. В., Саченко А. Л. Электронная форма сделок и смарт-контракт: специфика гражданско-правового регулирования и применения в договорной практике.....	213
Бобомурод А. В. Участие граждан в отправлении правосудия в Таджикистане в советский период.....	156	Машкова А. Д., Николаенко Е. Д., Таганцева В. С. Цифровой рубль: особенности теоретического понимания как цифровой формы российской национальной валюты и определения его места в системе объектов гражданских прав.....	216
Мутигуллин А. В. Восстановление и укрепление советских и партийных органов Украинской и Белорусской ССР, как одна из задач по борьбе с фашистско-националистическим подпольем (1944-1945 гг.)	158	Сефикурбанова Р. М., Гайбатова К. Д. Проблема защиты прав «граждан-инвесторов» при банкротстве застройщиков.....	219
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО		Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. Актуальные аспекты признания сделки недействительной в деле о разделе совместно нажитого имущества супругов	221
Гадисов Д. Р., Деникаева С. Э. Организация прокурорского надзора за соблюдением экономических прав граждан	160	Чердакова Л. А. Защита неимущественных прав граждан в контексте анализа позиции Верховного Суда Российской Федерации.....	223
Ивлева Ю. И. Применение информационно-коммуникационных технологий для реализации конституционного принципа экологического образования и воспитания граждан	162	Ястремский И. А. Права пациента по договору возмездного оказания медицинских услуг в клинике пластической хирургии	226
Мамошин В.И. Новые поколения прав человека и их конституционная регламентация.....	164	Кривицкая Ю. С. Интеллектуальные права в современной России	229
Фантров П. П., Дубровина А. Н. Модернизация законодательства, регламентирующего статус уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.....	168	Ястремский И. А. Обязанности пациента по договору возмездного оказания медицинских услуг в клинике пластической хирургии	231
Яриков М. М., Раджабова Э. Ш. Проблема взаимодействия института президента с ветвями власти в российской правовой системе.....	170	Ван Л. Особенности государственной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, в КНР.....	234
Шахмурадов А. Р. К вопросу о соотношении категорий конституционализм, парламентаризм и президентализм	172	Дюженков Н. А. О проблемах обращения взыскания на находящееся в залоге единственное жилое помещение в рамках дела о банкротстве гражданина	237
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО		Крицкий А. Д., Богатырев И. Р. Наследование аккаунта в социальных сетях и компьютерных играх	241
Бышков П. А. Правовые проблемы развития Арктики и Дальнего Востока.....	177	Селимова Е. Р. Актуальные проблемы правового положения лиц, участвующих в деле в гражданском и арбитражном процессах.....	245
Дудаев А. Б., Ткаченко В. В., Демченко Н. В. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в системе субъектов административной юрисдикции	181	ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Каменев М. А. Особенности административной ответственности за распространение экстремистских материалов.....	184	Воронцова И. В., Колобынина Е. А. Использование технологий искусственного интеллекта в приказном производстве как первый этап его внедрения в гражданский процесс	247
Останина А. М., Павлов Н. В. Контроль и надзор как основные способы обеспечения законности в административно-публичной деятельности	187	Трунов И. Л. Противодействует ли коррупции нынешняя форма изъятия имущества?	249
Сидоров С. А., Сахно В. П., Киркица А. А. Ответственность юридических лиц за нарушение правил плавания, при осуществлении транспортировки уловов водных биологических ресурсов	189	Арсланханова А. И. Основания для отмены или изменения решения (определения) суда первой инстанции.....	255
Бышков П. А. Правовые аспекты защиты бизнеса в сфере контрольно-надзорной деятельности	191	Пестова К. А. История трансформации принципа гласности гражданского процесса.....	257
Торяникова И. В. Актуальные вопросы административного принуждения: понятие и особенности его применения.....	194	Рязанцев М. Ю. Совместимость арбитражных соглашений по Арбитражному регламенту ICC	261
АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО		СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
Миташова А. А., Иваненко И. Н. К вопросу о возможности доказывания отрицательных фактов в административном судопроизводстве.....	197	Кудрявцева Л. В., Царева Е. Д. Особенности оспаривания брачного договора супругов в процедуре банкротства	263

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Анохин Н. Е.

К вопросам правового статуса подразделения
финансовой разведки 265

Фарикова Е. А.

Финансовая деятельность как способ реализации
финансово-правового статуса субъектов 270

Харин А. К.

О правовых факторах, препятствующих борьбе против
гибридных налоговых схем в Российской Федерации 272

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Гурьянов А. В., Петроградская А. А.

Плюсы и минусы внедрения цифровых технологий
в налоговое право 276

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Арцыгов Н. А., Абрамов К. Д., Кот М. К.

ESG-повестка как актуальная стратегия развития
корпоративной культуры организации 278

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Давудова С. Я., Рагимханова К. Т.

Электронный документооборот в высшей школе:
правовое регулирование 281

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Кариков В. А., Мороз Н. А.

Правовое регулирование недвижимого имущества
и кадастровых систем в Российской Федерации
и за рубежом: компаративный анализ 284

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Абанина Е. Н.

Правовые условия формирования и реализации концепции
устойчивого развития лесного хозяйства в России 287

Хайрединов В. А.

Тенденции развития института юридической
ответственности за экологические правонарушения
в условиях устойчивого развития 289

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Амирова Д. К., Набиев В. В.,

Уматкулова Р. Р., Зимин Н. В.
Концепции и теории ответственности
за «неудавшееся соучастие» в преступлении 291

Ваняшин И. С., Павлов Д. В.

Правовые аспекты незаконного перемещения
огнестрельного оружия 293

Ганиева И. А.

Виды и способы мошенничеств, совершенных
дистанционным способом 295

Ефремова О. С.

О некоторых современных тенденциях преступлений,
совершенных с использованием информационно-
телекоммуникационных технологий и их предупреждения 298

Зорина Е. А., Шарапов Р. Д., Вахмистрова С. И.

Декриминализация уничтожения или повреждения имущества
по неосторожности за счет повышения крупного размера
преступления: оценка законодательной инициативы 300

Осадчая Н. Г.

Незаконное осуществление деятельности по возврату
просроченной задолженности физических лиц:
правовой анализ 304

Некрасов А. П., Красковский Я. Э.

Правовая оценка и проблемы социализации
в России трудовых мигрантов из стран Средней Азии 306

Пирова Р. Н.

Комиссия по делам несовершеннолетних 310

Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А.,

Маланьин А. А., Савельева Д. Е.

Треш-стриминг: проблемы
уголовно-правового регулирования 312

Соколова Т. С., Имаева Ю. Б.

Актуальные вопросы взаимодействия следственных
подразделений с органами дознания при расследовании
мошенничеств, совершенных с использованием
информационно-коммуникационных технологий 317

Сулейманов С. К.

Профилактика преступлений в сфере зрелищных
коммерческих конкурсов 319

Тингаева И. В., Файрушина Р. Д.

О совершенствовании проведения следственных действий
при расследовании уголовных дел, с применением
технических средств 321

Шадрина Е. С.

Проблемы определения уголовно-правового статуса некоторых
категорий субъектов преступления, предусмотренного
ст. 200.4 УК РФ 323

Яблонский К. А., Ченчиковский А. Д.

Характеристика лиц, участвующих в незаконном
обороте оружия 326

Ларионов П. А.

Стадии интерпретации УК РФ:
правоприменительный алгоритм 328

Васильева Д. В.

Проблемы определения объективных признаков
фиктивного банкротства 332

Еловикова Ю. С.

Эволюция преступлений против личности в российском
уголовном праве дореволюционного периода 334

Корпеев А. Г.

Состояние и динамика преступлений, совершаемых
с использованием информационно-телекоммуникационных
сетей (технологий), и в сфере компьютерной информации
в Российской Федерации и Туркменистане 342

Либензон Е. Л.

Пробелы законодательства по конфискации автомашин
как орудия преступления при контрабанде (на примере
судебной практики Забайкальского края) 345

Мустафазаде Р. Ш.

Особенности субъективной стороны преступления,
предусмотренного ст. 236 УК РФ 348

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Абдрашитов В. М., Каххоров Д. Г.

Процессуальная модель взаимодействия прокурора
и следователя при предъявлении обвинения 350

Гоннов Р. В.

Роль и значение оперативно-розыскной деятельности,
осуществляемой органами внутренних дел 353

Квасница С. Е., Бирюков С. Ю.

Понятие, сущность и содержание привлечения лица
в качестве обвиняемого 355

Миликова А. В., Яковлева Л. А.

О подходах к определению понятия «уголовное дело»
и системности его материалов 357

Поликарпова О. С.

Обоснованность подозрения и его возрастание
как условие введения в статус подозреваемого
и допустимости уголовного преследования
до завершения досудебного производства по делу 359

Попенков А. В., Нуйкин С. Ю., Добринский В. А.

Деятельность дознавателя по установлению обстоятельств,
способствующих принятию решения о возбуждении
уголовного дела по признакам состава
преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ 362

Шаповалова Т. И.

Применение когнитивного интервью
в уголовном судопроизводстве 365

КРИМИНАЛИСТИКА

Винниченко А. С., Гринченко С. В.

Особенности осмотра и предварительного исследования
механических замков на месте происшествия 367

Долгушина Л. В.

Взрывные устройства как объекты исследования
в криминалистической взрывотехнике 369

Кабакова Е. С., Литвинов Р. В.

Расследование преступлений, совершенных
с использованием взрывных устройств
и взрывчатых веществ 371

Кадиев Г. Р., Сефикурбанов К. С.

Обыск и выемка как следственные действия 373

Лонцакова А. Р. Теоретические и методологические основы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в условиях цифровой трансформации общества.....	375	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО Анисимов С. Л., Ситников К. А. К вопросу о понятии «преступления в сфере высоких технологий».....	421
Мустафина Г. М. О пределах использования в качестве доказательств показаний оперативных сотрудников.....	378	Муртазин А. И., Зайцев А. Г., Ковалёв Т. В. Защита критической информационной инфраструктуры как элемент национальной безопасности Российской Федерации.....	425
Попов В. А., Сулейманов Т. А. Поисково-познавательная деятельность следователя на стадии предварительного расследования.....	380	Позий В. С. Почему необходим новый закон «О судебно-экспертной деятельности»? (Часть 1).....	427
Седов Д. В., Долгушина Л. В. Размер имущественной ответственности за ДТП, происходящие на ремонтируемых участках: проблема определения и пути решения.....	382	Чернозёмова Я. В., Демидов В. П. Основные направления противодействия международному терроризму в концепции национальной безопасности Российской Федерации.....	429
Клюева Ю. А. Расширение понятийно-терминологического аппарата судебной экспертизы психоактивных веществ как форма конкретизации предмета познания.....	385	Джамалов Д. М., Джамалова Р. И. Экстремизм и экстремистская деятельность.....	431
КРИМИНОЛОГИЯ		ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
Ступина С. А. Некоторые особенности наркоситуации в современных условиях (на примере Красноярского края).....	388	Амеличкин А. В. Патриотическое воспитание подрастающего поколения в учреждениях культуры.....	433
Таилова А. Г., Асхабарова М. Э., Абакарова Б. Г. Криминологическая характеристика ятрогенной преступности и основные направления по её предупреждению.....	391	Глубокий В. А., Хакимов Э. Р., Марченко К. С., Болобан М. Л. Применение интерактивных методов при обучении курсантов и слушателей вузов МВД России.....	435
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ		Зорина Н. С. Аспекты формирования духовно-нравственных ценностей у несовершеннолетних осужденных в процессе учебной деятельности.....	437
Валиахметов Р. Р., Ульрих С. А., Самиков А. З. Проблемные аспекты обеспечения личной безопасности сотрудника оvd при применении огнестрельного оружия.....	394	Курапина Е. В., Солоухина Е. В. Реализация волонтерского потенциала Орловской области: проблемы и перспективы.....	439
Габдрашитова К. И., Лазаревич М. В., Кучумов Д. В., Бормотов И. В. Моделирование отдельных требований к сотрудникам ОВД, осуществляющим государственную защиту, на примере физической подготовки других специальных подразделений.....	396	Попова А. А., Савушкин В. В., Михайлов Н. В. Роль эмоционально-волевых качеств в развитии личности.....	443
Гусейнов А. А., Шабаетов В. В., Торгерсен А. С. Методические указания по обеспечению личной безопасности сотрудников полиции при ведении боя в городских условиях.....	399	Филимонов Р. Н., Кубеев А. Ж., Якушев Э. В. Развитие профессионально важных двигательных умений и навыков курсантов и слушателей образовательной организации системы МВД России.....	445
Даминов А. А., Шохин В. Е., Подковка С. В. Психологические барьеры при подготовке к стрельбе на занятиях по огневой подготовке.....	401	Хорольский В. В., Дудкин Ю. А., Хамитов А. Р., Уланов Н. Д. Применение игрового подхода в обучении курсантов и слушателей ВУЗов системы МВД России.....	447
Заболотных А. А., Имангажинов Д. Т., Никеров Д. И. Стандартные факторы, влияющие на результаты стрелковых упражнений на огневой подготовке у обучающихся в образовательных организациях МВД России.....	403	Царькова Е. Г., Зорина Н. С. Принципы и методы педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных.....	449
Гусейнов А. А., Шабаетов В. В., Байкалов В. А. Методический материал для обучения тактике действий сотрудников полиции в условиях атаки беспилотных летательных аппаратов.....	405	ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО	
Никитин А. И., Архипов Е. В., Лестерев Н. Н. К вопросу об инновациях в огневой подготовке сотрудников силовых структур.....	407	Романовская И. В. Психологические особенности судебной деятельности при рассмотрении уголовных дел.....	451
Николаев Н. Ю., Афанаскин П. В., Алексеев А. М. Проблемные вопросы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции МВД России.....	409	Хатуаев М. О., Ярый М. И., Литвиненко А. А., Вафин В. В. Профессиональное общение сотрудников полиции.....	453
Петров П. С., Чернейкин П. П., Архипов С. Н. Проблемы обучения сотрудников органов внутренних дел практическим навыкам обращения с огнестрельным оружием. Методика формирования готовности сотрудников применять табельное оружие.....	411	Хорольский В. В., Хамитов А. Р., Колбышев П. Р., Шарафутдинов И. С. Методы воспитательной работы, применяемые в Центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при МВД.....	455
Соболев А. Г., Давлетов В. И., Имангажинов Д. Т. О проблемах обеспечения информационной безопасности сотрудников органов внутренних дел.....	413	ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	
Музафин Р. Р., Выштикалюк В. Ф., Никифоров П. В. Профессиональные качества сотрудника полиции МВД России.....	415	Минаков П. А. О некоторых особенностях социокультурной преемственности в России.....	457
Якушев А. В., Кузьмичев Ю. В., Винокуров В. Н. Использование баллистических калькуляторов в подготовке внештатных снайперских групп.....	418	Карев Д. А., Корчагина А. П. Правовое обеспечение организации и проведение выборов в Российской Федерации.....	459
		Яловенко Т. В., Поляков В. А., Рябов С. И. К вопросу о содержании юридической обязанности.....	462
		ПОЛИТИКА И ПРАВО	
		Вэй Аньюй Содержание и сущность государственного управления.....	465
		СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО	
		Бредихин А. В., Дзюбан В. В., Панин Ю. И. Террористические организации в структуре «новых войн».....	467

Казакова Н. В., Богданова Ю. Р., Садыкова Х. Н. Студенческая молодежь: в современном мире	469	Данилов В. Л. Роль конституции в защите религиозных прав граждан государством: российский и зарубежный опыт	526
Бредихин А. В., Богатырева О. В., Закопырин В. Н. Об определении статуса частных военных компаний.....	471	Измайлова Д. И. Гендерная идеология как угроза духовно-нравственной безопасности нации и государства.....	529
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ			
Гвоздь А. А., Бережных М. В. Лидерство как ключевой элемент компетентности современного руководителя.....	473	Кузьменко А. А. Философское осмысление эргоэкологического взаимодействия при проектировании (эргодизайне) систем в условиях техногенного социоприродного развития	532
Греков И. Е., Такмакова Е. В., Тинякова В. И. «Сбалансированность развития» региональных социально-экономических систем: подходы к определению понятия.....	476	Магаррамов М. Д., Караев И. И. Поддержание воспроизводства людей на основе традиционных семейных ценностей – основа безопасности российского общества и государства	536
Клунко Н. С., Свиридов А. С., Юрова И. А. Теоретико-методические подходы к формированию политики промышленного развития региона.....	478	Мельников В. Л. Русская критика конца XIX – начала XX века о теме Востока в художественном творчестве Н. К. Рериха.....	539
Кучукова Н. М., Мирсаяпов Э. А. Международные стандарты контроля расчетов с контрагентами, актуальность применения и адаптация к российской практике.....	483	Похилько А. Д., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Пашков А. А. Автохтонные и аллохтонные процессы и детерминанты формирования политического сознания в России: социально-философский аспект	543
Комиссарова Е. Р., Тинякова В. И. Инструменты цифрового менеджмента в управлении проектной деятельностью организаций строительной отрасли	485	Салихов Г. Г., Галимова Л. Р. Соотношения природного и социального факторов в процессе становления личности.....	545
Макар С. В. Актуальные компоненты устойчивого пространственного развития России: малонарушенные лесные территории	488	Спицина Д. Д., Бакланов И. С., Каданина А. В. Мировоззренческие основания формирования цифрового общества: ценностные и темпоральные ориентиры современной молодежи как поколения Z.....	547
Марченкова Л. М., Козлова Е. И., Скворцова Н. А. Основные аспекты государственного регулирования коммерческой деятельности предприятий.....	491	Тимощук Е. А., Тимощук И. А. Кризисная философия стоицизма и современность.....	549
Никитин С. А., Корева О. В. Принципы и факторы обеспечения устойчивого развития регионов.....	495	Трифонова Т.Л., Шибяева Г.Е. Формирование патриотического сознания в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей	551
Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Бюджетные риски при реализации проектов государственно-частного партнерства	497	Файзуллин Ф. С. Методологические вопросы диагностики социального капитала общества.....	555
Спасская Н. В., Кузнецова К. В. Сравнительный анализ основных превентивных механизмов к идентификации финансового состояния предприятия	499	Шматько А. А. Проявление социорегулирующей функции исторического сознания во взаимосвязи исторического, правового и политического.....	558
Сухова О. В. Конфликт интересов в структуре социально-трудовых отношений в органах государственной власти	502	Хазиев З. А. Обживаемый мир и проблема возникновения порядка из хаоса	560
Ли Гэнь Надзор за фондовым рынком и устойчивость экономики: механистический анализ	504	Хохлова О. М. Идеологические предпосылки общественного согласия в современной России.....	563
Ван Кэ, Асянова С. Р. Управление трудовыми ресурсами в цифровой экономике	506	Писарева А. В. Социально-философские аспекты истоков культуры самоуправления в России.....	567
Ли Цзяхуэй, Кулижская Ж. С. Международная бизнес-стратегия в условиях геополитической трансформации мировой экономики.....	508	РЕЦЕНЗИЯ	
Мэн Лю, Ковров В. Ф. Развитие зелёной экономики в условиях геополитической напряжённости.....	510	Винницкий Д. В., Зимульский М. И. На пути к разрешению налоговых разногласий (Рецензия на книгу Е. В. Порохова «налоговые споры»)	571
Хань Цзяци, Парсаданян С. А. Экосистемы инноваций и предпринимательства	512	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	
Цзи Юаньцзэ, Равочкин Н. Н. Стимулирование развития малых и средних предприятий в России и Китае и пути взаимовыгодного развития двух стран	514		
Ян Юйцзе Развитие науки в институте экономики, управления и прикладной информатики: история, состояние, перспективы	516		
ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ			
Авдонин А. Н. Корреспондентская и релятивистская концепции истины.....	518		
Бакланов И. С., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Лукьянов Г. И. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества	521		
Бондаренко О. В., Васенкин А. В. Исследование категории «деятельность» в постинформационном контексте.....	523		

PERSONA GRATA

V. P. Salnikov:

The legendary path from the OKD (Operational Komsomol Detachments) to the St. Petersburg University of the MIA of Russia and beyond – an era of a lifetime and an edification for future generations

Interview with Viktor Petrovich Salnikov, Ph.D. in Law, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, State Adviser of Justice of the first class, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of higher professional education of the Russian Federation, retired police Lieutenant General, academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS). 14

EURASIAN INTEGRATION

Khalipov S. V.

Participation of non-governmental bodies in public law regulation of foreign trade in goods 19

INTERNATIONAL LAW

Dubrovina A. N., Fantrov P. P.

The legal nature of the international criminal tribunal for the former Yugoslavia: *estne legalis*? 23

Klyachin V. M.

International legal problems of response to the emergence and spread of epidemics 26

Lebedeva Ya. I.

Dualism of international and domestic law in the practice of Ireland and Germany 29

Mkrtchyan G. Ya.

Cultural rights of indigenous peoples as the basis of their identity 33

Ermolina M. A., Nikiforova E. N., Tarkanova T. S.

Prospects for international legal interaction in the field of environmental safety in the Eurasian space 36

Nutsalkhanov G. N.

Control and verification system under the Rarotonga Agreement 38

Mkrtchyan G. Ya.

Cultural rights of indigenous peoples: theory and practice 40

Xu Jinlin, Davydova M. V.

The influence of international non-governmental organizations on international law 43

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Mishalchenko M. Yu.

International legal and economic aspects of energy cooperation between the Russian Federation and India in the BRICS system 45

Pikunova A. A.

Respect for national interests in the cross-border transfer of rights to the secret of production 48

Tokarev R. Yu., Borisenko N. S., Glinshikova T. V.

Conflict of laws and substantive regulation of international labor relations 51

Ibrakhim M. M., Glinshchikova T. V., Petrovskiy V. A.

The impact of codification of the norms of private international law on the development of modern conflict-of-laws regulation of private cross-border relations 53

EUROPEAN LAW

Lebedeva Ya. I.

Delegation of powers to the European Union in the practice of the Danish Supreme Court 55

Chernobaev S. V.

Examining the evolution of digital markets and the significance of applying Article 102 to safeguard competition 59

INTEGRATION LAW

Nakryzhskaya V. A.

Reflection of ESG principles in industrial policy of the European Union, Eurasian Economic Union and the People's Republic of China 62

COMPARATIVE LAW

Izralovskiy N. R., Petrova A. S.

Digitalization of civil proceeding in BRICS countries: Brazilian and South African experience 67

THEORY OF STATE AND LAW

Abyzova E. R.

The development of the information component of civil society 71

Baskakova E. V., Tebryaev A. A.

Transformation of the institution of tort liability in the context of the development of artificial intelligence 75

Bisyarina A. N.

Activities of the Russian Federation to counter trafficking in minors in the period from 2000 to the present (historical and legal research) 78

Gorbunov M. D.

The basis of the discourse about the place of the human in legal regulation 82

Gindullin N. F., Kadyrova G. F.

Relationship between the concepts of "responsibility" and "punishment" in jurisprudence 84

Petrogradskaya A. A., Skvortsov D. S.

Formation of the legal culture of citizens as a priority of the legal policy of modern Russia 86

Salnikov V. P., Chayka V. N., Prokofjev K. G.

Towards the anthropology of law: transformations of modernity and new perspectives of legal consciousness 89

Skudarnov A. S.

About industry types of legal responsibilities 94

Shogenov T. M., Kuchmezov A. N., Burayeva L. A.

Current problems of countering information threats in educational institutions 97

Yakovlev M. V., Nikonov D. A., Avramov S. O.

Legal culture as a determinant of the effective application of legal incentives and restrictions 100

Abyzova E. R.

Modern «information revolution» and its importance for the formation of the rule of law in the information society 106

Vershinina M. K., Ruzavina E. Yu.

Legal conformity: negative and positive aspects 110

Kovalenko N. E.

Modern legal consciousness of the individual: an empirical study 112

Kulieva A. M.

Technical norms: essence and place in legal regulation in the context of digitalization 115

Makulova A. O.

Legal responsibility in the context of the formation of a digital society 118

Toldiev K.-M. B.

The role of judicial practice in the mechanism of improving legislation in the field of insolvency (bankruptcy) 120

Chayka Yu. V.

On the problem of determining the legal status of animals in Russian law 124

HISTORY OF STATE AND LAW

Butov S. V.

On the role of Special departments of the NKVD of the USSR in ensuring the legal status of military personnel during the Great Patriotic War 126

Vositov Kh. A.

Perceptions of human rights in the Persian-Tajik legal culture 129

Egorov A. M., Egorov I. A.

Retrospective analysis of the formation of the institution of criminal law measures in the history of domestic legislation 131

Klimov A. Yu., Salnikov A. S.

Organization and activity of the regular Moscow police in the second quarter of the XVIII century 133

Furman T. G.

Political and legal views of N. G. Chernyshevsky 135

Furman F. P.

The law of modern Russia from the position of axiology 138

Gulyaeva T. B., Gnetova L. V., Karpukova A. A.

Conditions of marriage under the legislation of certain Scandinavian countries in the XIX century 142

Krasilnikov S. V.

Sources and contradictions in the study of the police reform of Catherine II 144

Furman T. G.

The influence of European Freemasonry on Russian Freemasonry, political and legal aspect 147

Furman F. P. <i>Views and conceptual differences of Westerners and Slavophiles in law and politics</i>	150	Kalyatin V. O. <i>Modification of software and databases: conflict situations and ways to resolve them</i>	209
Gnetova L. V., Gulyaeva T. B., Karpukova A. A. <i>Obstacles to marriage under the law of certain Scandinavian countries and Germany in the XVIII-XIX centuries</i>	153	Kolesnikova M. M., Maksimova E. V., Mishina E. V., Sachenko A. L. <i>Electronic form of transactions and smart contract: specifics of civil law regulation and application in contract practice</i>	213
Bobomurod A. V. <i>Participation of citizens in the administration of justice in Tajikistan during the Soviet period</i>	156	Mashkova A. D., Nikolaenko E. D., Tagantseva V. S. <i>Digital ruble: features of theoretical understanding as a digital form of the Russian national currency and determining its place in the system of objects of civil rights</i>	216
Mutigullin A. V. <i>Restoration and strengthening of the Soviet and party organs of the Ukrainian and Byelorussian SSR, as one of the tasks in the fight against the fascist-nationalist underground (1944-1945)</i>	158	Sefikurbanova R. M., Gaybatova K. D. <i>The problem of protecting the rights of «citizen investors» in the bankruptcy of developers</i>	219
CONSTITUTIONAL LAW		Storozheva A. N., Dadayan E. V. <i>Current aspects of invalidation of the transaction in the case of the division of jointly acquired property of spouses</i>	221
Gadisov D. R., Denikaeva S. E. <i>Organization of public prosecutor's supervision over the observance of economic rights of citizens</i>	160	Cherdakova L. A. <i>Protection of non-property rights of citizens in the context of analyzing the position of the Supreme Court of the Russian Federation</i>	223
Ivleva Yu. I. <i>Information and communication technologies for realization of the constitutional principle of environmental education</i>	162	Yastremskiy I. A. <i>Patient's rights under a contract for the reimbursable provision of medical services in a plastic surgery clinic</i>	226
Mamoshin V. I. <i>New generations of human rights and their constitutional regulation</i>	164	Krivitskaya Yu. S. <i>Intellectual property rights in modern Russia</i>	229
Fantrov P. P., Dubrovina A. N. <i>Modernization of legislation, regulating the status of the committee for human rights in Russian Federation</i>	168	Yastremskiy I. A. <i>The obligations of the patient under the contract for the provision of paid medical services in the plastic surgery clinic</i>	231
Yarikov M. M., Radjabova E. Sh. <i>The problem of interaction between the institution of the president and the branches of government in the Russian legal system</i>	170	Wang L. <i>Features of state protection of children left without parental care in China</i>	234
Shakhmuradov A. R. <i>Concerning the interrelation of categories constitutionalism, parliamentarism and presidentialism</i>	172	Dyuzhenkov N. A. <i>About the problems of foreclosure of the only residential property in the context of a personal bankruptcy</i>	237
ADMINISTRATIVE LAW		Kritskiy A. D., Bogatyrev I. R. <i>Account inheritance in social networks and computer games</i>	241
Byshkov P. A. <i>Legal problems of the development of the Arctic and the Far East</i>	177	Selimova E. R. <i>Actual problems of the legal status of persons involved in the case in civil and arbitration proceedings</i>	245
Dudaev A. B., Tkachenko V. V., Demchenko N. V. <i>Commissions on juvenile affairs and protection of their rights in the system of subjects of administrative jurisdiction</i>	181	CIVIL PROCESS	
Kamenev M. A. <i>Features of administrative responsibility for the dissemination of extremist materials</i>	184	Vorontsova I. V., Kolobynina E. A. <i>The use of artificial intelligence technologies in contract production as the first stage of its implementation in the civil process</i>	247
Ostanina A. M., Pavlov N. V. <i>Control and supervision as the main ways to ensure legality in administrative and public activities</i>	187	Trunov I. L. <i>Does the current form of property seizure counteract corruption?</i>	249
Sidorov S. A., Sakhno V. P., Kirkitsa A. A. <i>Liability of legal entities for violation of the rules of navigation when transporting catches of aquatic biological resources</i>	189	Arslankhanova A. I. <i>Grounds for revocation or amendment of the decision (ruling) of the court of first instance</i>	255
Byshkov P. A. <i>Legal aspects of business protection in the field of control and supervisory activities</i>	191	Pestova K. A. <i>The history of the transformation of the principle of publicity of the civil process</i>	257
Toryanikova I. V. <i>Current issues of administrative coercion: the concept and features of its application</i>	194	Ryazantsev M. Yu. <i>Compatibility of arbitration agreements under the ICC Arbitration Rules</i>	261
ADMINISTRATIVE JUDICIARY		FAMILY LAW	
Mitashova A. A., Ivanenko I. N. <i>On the issue of the possibility of proving negative facts in administrative proceedings</i>	197	Kudryavtseva L. V., Tsareva E. D. <i>Features of challenging the marriage contract of the spouses in the bankruptcy procedure</i>	263
CIVIL LAW		FINANCIAL LAW	
Buzova N. V. <i>Are the rights of the phonogram manufacturer sufficient to use musical compositions on the Internet?</i>	200	Anokhin N. E. <i>To questions on the legal status of a financial intelligence unit</i>	265
Zinkov E. N., Kitaeva A. V., Kornienko M. A., Kruglova A. V. <i>Violations of the legal foundations of medical activity in the field of cosmetology</i>	204	Farikova E. A. <i>Financial activity as a way to realize the financial-legal status of subjects</i>	270
Izuyumov I. V. <i>The legal nature of artificial intelligence as an object of intellectual property law</i>	207	Kharin A. K. <i>On the legal factors hindering to counter hybrid mismatch arrangements in the Russian Federation</i>	272

TAX LAW

Guryanov A. V., Petrogradskaya A. A.

The pros and cons of introducing digital technologies into tax law..... 276

ENTREPRENEURIAL LAW

Artsyov N. A., Abramov K. D., Kot M. K.

ESG agenda as an actual strategy for the development of the corporate culture of the organization..... 278

INFORMATION LAW

Davudova S. Ya., Ragimhanova K. T.

Electronic document flow in high school: legal regulation..... 281

LAND LAW

Karakov V. A., Moroz N. A.

Legal regulation of real estate and cadastral systems in the Russian Federation and abroad: comparative analysis 284

ECOLOGICAL LAW

Abanina E. N.

Legal conditions for the formation and implementation of the concept of sustainable development of forestry in Russia..... 287

Khayredinov V. A.

Trends in the development of the institution of legal liability for environmental offenses in the context of sustainable development..... 289

CRIMINAL LAW

Amirova D. K., Nabiev V. V., Umatkulova R. R., Zimin N. V.

Concepts and theories of responsibility for "failed complicity" in a crime..... 291

Vanyashin I. S., Pavlov D. V.

Legal aspects of illegal movement of firearms 293

Ganieva I. A.

Types and methods of fraud committed remotely 295

Efremova O. S.

On some current trends in crimes committed using information and telecommunication technologies and their prevention 298

Zorina E. A., Sharapov R. D., Vakhmistrova S. I.

Decriminalization of the destruction or damage of property due to negligence by increasing the large size of the crime: assessment of the legislative initiative..... 300

Osadchaya N. G.

Illegal activity for the repayment of overdue debts of individuals: legal analysis..... 304

Nekrasov A. P., kraskovskiy Ya. E.

Legal assessment and problems of socialization in Russia of migrant workers from Central Asian countries..... 306

Pirova R. N.

Commission on juvenile affairs 310

Pisarevskaya E. A., Dvorzhickaya M. A., Malanjin A. A., Saveljeva D. E.

Trash streaming: problems of criminal law regulation..... 312

Sokolova T. S., Imaeva Yu. B.

Current issues of interaction between investigative units and investigative bodies during investigations of fraud committed using information and communication technologies..... 317

Suleymanov S. K.

Crime prevention in the field of entertainment commercial competitions..... 319

Tingaeva I. V., Fayrushina R. D.

On improving the conduct of investigative actions in the investigation of criminal cases, using technical means..... 321

Shadrina E. S.

Problems of determining the criminal legal status of certain categories of subjects of crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation 323

Yablonskiy K. A., Chenchikovskiy A. D.

Characteristics of persons involved in illegal arms trafficking..... 326

Larionov P. A.

Stages of criminal law interpretation: judicial algorithm 328

Vasiljeva D. V.

Problems of determining objective signs of fictitious bankruptcy 332

Elovikova Yu. S.

The evolution of crimes against the person in the Russian criminal law of the pre-revolutionary period..... 334

Korpeev A. G.

The state and dynamics of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies) and in the field of computer information in the Russian Federation and Turkmenistan..... 342

Libenzon E. L.

Gaps in legislation on the confiscation of cars as an instrument of crime in smuggling (based on the example of judicial practice in the Trans-Baikal Territory) 345

Mustafazade R. Sh.

Features of the subjective side of the crime provided for in article 236 of the Criminal Code of the Russian Federation..... 348

CRIMINAL PROCESS

Abdrashitov V. M., Kakhkhorov D. G.

The procedural model of interaction between the prosecutor and the investigator at the presentation of charges..... 350

Gonnov R. V.

The role and importance of operational-search activities carried out by the internal affairs bodies..... 353

Kvasnitsa S. E., Biryukov S. Yu.

The concept, essence and content of involving a person as an accused..... 355

Milikova A. V., Yakovleva L. A.

On approaches to the definition of the concept of a criminal case and the consistency of its materials 357

Polikarpova O. S.

The validity of suspicion and its increase as a condition for entering into the status of a suspect and the admissibility of criminal prosecution before the completion of pre-trial proceedings in the case..... 359

Popenkov A. V., Nuikin S. Yu., Dobrinskiy V. A.

The activities of the investigator to collect and establish the circumstances conducive to making a decision on the initiation of a criminal case on the grounds of the corpus delicti provided for in Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 362

Shapovalova T. I.

The use of cognitive interview in criminal proceedings..... 365

CRIMINALISTICS

Vinnichenko A. S., Grinchenko S. V.

Features of inspection and preliminary examination of mechanical locks at the scene 367

Dolgushina L. V.

Explosive devices as research objects in forensic explosive engineering 369

Kabakova E. S., Litvinov R. V.

Features of the investigation of crimes involving explosive devices and explosives..... 371

Kadiev G. R., Sefikurbanov K. S.

Search and seizure as investigative actions 373

Lonshchakova A. R.

Theoretical and methodological foundations of criminalistic crime prevention in the context of digital transformation of society..... 375

Mustafina G. M.

On the limits of using the testimony of operational staff as evidence 378

Popov V. A., Suleymanov T. A.

Search and cognitive activity of the investigator at the stage of preliminary investigation..... 380

Sedov D. V., Dolgushina L. V.

The amount of property liability for accidents occurring in the areas being repaired: the problem of determining and solving the way..... 382

Klyueva Yu. A.

Expansion of the conceptual and terminological apparatus of forensic examination of psychoactive substances as a form of concretization of the subject of cognition..... 385

CRIMINOLOGY

Stupina S. A.

Some features of the drug situation in modern conditions (on the example of the Krasnoyarsk Territory) 388

Tailova A. G., Askhabarova M. E., Abakarova B. G. <i>Criminological characteristics of iatrogenic crime and the main directions for its prevention</i>	391	Popova A. A., Savushkin V. V., Mikhaylov N. V. <i>The role of emotional and volitional qualities in personality development</i>	443
LAW ENFORCEMENT AGENCIES			
Valiakhmetov R. R., Ulrich S. A., Samikov A. Z. <i>Problematic aspects of ensuring the personal safety of an internal affairs officer when using firearms</i>	394	Filimonov R. N., Kubeev A. Zh., Yakushev E. V. <i>Development of professionally important motor skills of cadets and students of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	445
Gabdrashitova K. I., Lazarevich M. V., Kuchumov D. V., Bormotov I. V. <i>Modeling of individual requirements for employees of the department of internal affairs who carry out state protection, using the example of physical training of other special units</i>	396	Khorolskiy V. V., Khamitov A. R., Dudkin Yu. A., Ulanov N. D. <i>The use of a game approach in the training of cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	447
Guseynov A. A., Shabaev V. V., Baykalov V. A. <i>Methodological material for teaching tactics of police officers in the conditions of attack by unmanned aerial vehicles</i>	399	Tsarkova E. G., Zorina N. S. <i>Determinants of juvenile delinquency and personality characteristics of a juvenile offender</i>	449
Daminov A. A., Shokhin V. E., Podkovka S. V. <i>Psychological barriers when preparing to shoot during fire training classes</i>	401	PSYCHOLOGY AND LAW	
Zabolotnykh A. A., Imangazhinov D. T., Nikerov D. I. <i>Standard factors influencing the results of shooting exercises in fire training for students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	403	Romanovskaya I. V. <i>Psychological features of judicial activity in the consideration of criminal cases</i>	451
Guseynov A. A., Shabaev V. V., Baykalov V. A. <i>Methodological material for teaching tactics of police officers in the conditions of attack by unmanned aerial vehicles</i>	405	Khatuaev M. O., Yariy M. I., Litvinenko A. A., Vafin V. V. <i>Professional communication of police officers</i>	453
Nikitin A. I., Arkhipov E. V., Pesterev N. N. <i>On the issue of innovations in the fire training of law enforcement officers</i>	407	Khorolskiy V. V., Khamitov A. R., Kolbyshev P. R., Sharafutdinov I. S. <i>Methods of educational work used in Temporary detention centers for juvenile offenders at the Ministry of Internal Affairs</i>	455
Nikolaev N. Yu., Afanaskin P. V., Alexeev A. M. <i>Problematic issues of the use of firearms by police officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	409	STATE AND LAW	
Petrov P. S., Cherneykin P. P., Arkhipov S. N. <i>Problems of training employees of internal affairs bodies in practical skills in handling firearms. Methodology for developing employee readiness to use service weapons</i>	411	Minakov P. A. <i>On some features of socio-cultural continuity in Russia</i>	457
Sobolev A. G., Davletov V. I., Imangazhinov D. T. <i>On the problems of ensuring information security of employees of internal affairs bodies</i>	413	Karev D. A., Korchagina A. P., <i>Legal support for the organization and conduct of elections in the Russian Federation</i>	459
Muzafin R. R., Vyshtikalyuk V. F., Nikiforov P. V. <i>Professional qualities of a police officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	415	Yalovenko T. V., Polyakov V. A., Ryabov S. I. <i>On the issue of the content of the legal obligation</i>	462
Yakushev A. V., Kuzmichev Yu. V., Vinokurov V. N. <i>Use of ballistic calculators in training free sniper team</i>	418	POLICY AND LAW	
SECURITY AND LAW			
Anisimov S. L., Sitnikov K. A. <i>On the issue of the concept of «crimes in the field of high technology»</i>	421	Wei Anyu <i>Content and essence of public administration</i>	465
Murtazin A. I., Zaytsev A. G., Kovalev T. V. <i>Protection of critical information infrastructure as an element of the national security of the Russian Federation</i>	425	SOCIOLOGY AND LAW	
Poziy V. S. <i>Why is a new law «On forensic activities» needed? (Part 1)</i>	427	Bredikhin A. V., Dzyuban V. V., Panin Yu. I. <i>Terrorist organizations in the structure of the “new wars”</i>	467
Chernozemova Ya. V., Demidov V. P. <i>The main directions of countering international terrorism in the concept of national security of the Russian Federation</i>	429	Kazakova N. V., Bogdanova Yu. R., Sadykova Kh. N. <i>Student youth: in the modern world</i>	469
Jamalov D. M., Jamalova R. I. <i>Extremism and extremist activities</i>	431	Bredikhin A. V., Bogatyreva O. V., Zakopyrin V. N. <i>On determining the status of private military companies</i>	471
PEDAGOGY AND LAW			
Amelichkin A. V. <i>Patriotic education of the young generation in cultural institutions</i>	433	ECONOMY. LAW. SOCIETY	
Glubokiy V. A., Khakimov E. R., Marchenko K. S., Boloban M. L. <i>The use of interactive teaching methods in the training of cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	435	Gvozd A. A., Berezhnykh M. V. <i>Leadership as a key element of the competence of a modern leader</i>	473
Zorina N. S. <i>Aspects of the formation of spiritual and moral values among juvenile convicts in the process of educational activity</i>	437	Grekov I. E., Takmakova E. V., Tinyakova V. I. <i>«Balanced development» of regional socio-economic systems: approaches to the definition of the concept</i>	476
Kurapina E. V., Soloukhina E. V. <i>Realization of the volunteer potential of the Orel region: problems and prospects</i>	439	Klunko N. S., Sviridov A. S., Yurova I. A. <i>Theoretical and methodological approaches to the formation of industrial development policy in the region</i>	478
		Kuchukova N. M., Mirsayapov E. A. <i>International standards for control of settlements with contractors, relevance of application and adaptation to Russian practice</i>	483
		Komissarova E. R., Tinyakova V. I. <i>Digital management tools in the management of project activities of organizations in the construction industry</i>	485
		Makar S. V. <i>Current components of sustainable spatial development in Russia: intact forest territories</i>	488
		Marchenkova L. M., Kozlova E. I., Skvortsova N. A. <i>The main aspects of state regulation of commercial activities of enterprises</i>	491
		Nikitin S. A., Koreva O. V. <i>Principles and factors of ensuring sustainable development of regions</i>	495
		Radchenko E. P., Vdovina A. N. <i>Budgetary risks in the implementation of public-private partnership projects</i>	497

Spasskaya N. V., Kuznetsova K. V. <i>Comparative analysis of the main preventive mechanisms for identifying the financial condition of an enterprise</i>	499
Sukhova O. V. <i>Conflict of interests in the structure of social and labor relations in government bodies</i>	502
Li Gen <i>Stock market surveillance and economic sustainability: the mechanistic analysis</i>	504
Wang Ke, Asyanova S. R. <i>Human resources management in the digital economy</i>	506
Li Jiahui, Kulizhskaya Zh. S. <i>International business strategy in the conditions of geopolitical transformation of the world economy</i>	508
Meng Liu, Kovrov V. F. <i>Developing a green economy under geopolitical tensions</i>	510
Han Jiaqi, Parsadanyan S. A. <i>Ecosystems of innovation and entrepreneurship</i>	512
Ji Yuanze, Ravochkin N. N. <i>Stimulating the development of small and medium-sized enterprises in Russia and China and ways of mutually beneficial development of the two countries</i>	514
Yang Yujie <i>Development of science at the institute of economics, management and applied informatics: history, status, prospects</i>	516
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY	
Avdonin A. N. <i>Correspondent and relativistic concepts of truth</i>	518
Baklanov I. S., Baklanova O. A., Bredikhin S. N., Lukyanov G. I. <i>Technologization of the political and politicization of the technical: the dynamics of public consciousness and sociocultural practices of the digital society</i>	521
Bondarenko O. V., Vasenkin A. V. <i>The study of the activity category in a post-information context</i>	523
Danilov V. L. <i>The role of the constitution in the protection of religious rights of citizens by the state: Russian and foreign experience</i>	526
Izmailova D. I. <i>Gender ideology as a threat to the spiritual and moral safety of the nation and state</i>	529
Kuzmenko A. A. <i>Socio-philosophical understanding of ergo-ecological interaction in the context of sociotechnological development</i>	532
Magarramov M. D., Karaev I. I. <i>Maintaining the reproduction of people based on traditional family values is the basis for the security of Russian society and the state</i>	536
Melnikov V. L. <i>Russian critics of the late XIX – early XX century about orientalism in N. K. Roerich's artistic creativity</i>	539
Pokhilko A. D., Baklanova O. A., Bredikhin S. N., Pashkov A. A. <i>Autochthonous and allochthonous processes and determinants of the formation of political consciousness in Russia: socio-philosophical aspect</i>	543
Salikhov G. G., Galimova L. R. <i>The correlation of natural and social factors in the process of personality's formation</i>	545
Spitsina D. D., Baklanov I. S., Kadanina A. V. <i>Worldview foundations for the formation of a digital society: value and temporal guidelines of modern youth as generation Z</i>	547
Timoshchuk E. A., Timoshchuk I. A. <i>The crisis philosophy of stoicism and modernity</i>	549
Trifonova T. L., Shibaeva G. E. <i>Formation of patriotic consciousness in the system of traditional Russian spiritual and moral values</i>	551
Fayzullin F. S. <i>Methodological issues of diagnostics of the social capital of the society</i>	555
Shmatko A. A. <i>Manifestation of the socio-regulatory function of historical consciousness in the interrelation of historical, legal and political</i>	558
Khaziev Z. A. <i>The inhabited world and the problem of the emergence of order from chaos</i>	560
Khokhlova O. M. <i>Ideological prerequisites for social harmony in modern Russia</i>	563
Pisareva A. V. <i>Socio-philosophical aspects of the origins of self-government culture in Russia</i>	567
REVIEW	
Vinnitskiy D. V., Zimulkin M. I. <i>On the way to resolving tax disputes (Review of the textbook of E. V. Porokhov «Tax disputes»)</i>	571
INFORMATION FOR AUTHORS	573

В. П. САЛЬНИКОВ: ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПУТЬ ОТ ОКО (ОПЕРАТИВНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОТРЯДОВ) ДО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ И ДАЛЕЕ – ЭПОХА ЦЕЛОЙ ЖИЗНИ И НАЗИДАНИЕ БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ

Интервью с Сальниковым Виктором Петровичем, доктором юридических наук, профессором Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, государственным советником юстиции I класса, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, генерал-лейтенантом милиции в отставке, академиком Российской академии естественных наук (РАЕН).

V. P. SALNIKOV: THE LEGENDARY PATH FROM THE OKD (OPERATIONAL KOMSOMOL DETACHMENTS) TO THE ST. PETERSBURG UNIVERSITY OF THE MIA OF RUSSIA AND BEYOND – AN ERA OF A LIFETIME AND AN EDIFICATION FOR FUTURE GENERATIONS

Interview with Viktor Petrovich Salnikov, Ph.D. in Law, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, State Adviser of Justice of the first class, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of higher professional education of the Russian Federation, retired police Lieutenant General, academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS).

Сальников В. П.

Визитная карточка:

Сальников Виктор Петрович, главный редактор журналов «Юридическая наука: история и современность», «Мир политики и социологии», «Правовое поле современной экономики», доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук (РАЕН) и многих других общественных академий, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, почетный профессор и доктор наук многих российских и зарубежных вузов, в том числе Кембриджского университета Великобритании, Иллинойского и Чикагского университетов США, вузов Германии, Франции, Китая, Монголии, государств СНГ и др., генерал-лейтенант милиции в отставке и Государственный советник юстиции I класса, автор более тысячи научных статей, публикаций, монографий, учебных пособий и книг (Санкт-Петербург, Россия)

– Глубокоуважаемый Виктор Петрович, Ваш жизненный путь, как эпоха легендарной личности, несомненно, является образцом и примером для подражания не только поколениям правоохранителей минувших лет, но и сегодняшнему подрастающему поколению, которое активно занимается наукой и просвещением современной России. Безусловно, невозможно, охватить одной фразой весь Ваш жизненный путь от учащегося ГПТУ до всемирно известного ученого, но рассчитываем, что сегодняшнее интервью позволит нашему читателю открыть для себя человека-эпоху, человека-легенду, человека с открытой душой, человека – учителя и ученого. Конечно, вопрос общественной жизни в начале пути весьма актуален, и в этой связи вопрос об оперативных комсомольских отрядах (ОКО) откроет наше сегодняшнее интервью. Каково было стоять у истоков основания одной из таких общественных структур, что она из себя представляла и какую определяющую роль в Вашей жизни сыграла эта организация?

– Послевоенный период советской России характеризуется восстановлением государственности нашей страны, бум строительства и промышленного производства в буквальном смысле этого слова, требовал от страны квалифицированных специалистов, а плановая экономика была рассчитана на десятилетия вперед, что и определяло будущие профессии многих и многих граждан нашей страны. В начале своего пути и я не стал исключением, прошел двухгодичное обучение в ГПТУ-13 (Городское профессионально-техническое училище) г. Куйбышева (ныне, г. Самара) и овладел несколькими рабочими специальностями – машинист дизельного экскаватора и крана 6 разряда, слесарь 3 разряда. В училище я занялся весьма серьезной общественной работой, приобретенные навыки в которой и определили дальнейшую мою

судьбу и будущую профессию. Два года я был секретарем комитета ВЛКСМ в профессиональном училище и участвовал в создании ОКО (оперативных комсомольских отрядов) при райкомах комсомола. В частности, при моем личном и непосредственном участии был создан такой отряд при Кировском райкоме ВЛКСМ города Куйбышева, действовавший при Дворце культуры им. С. М. Кирова, которым я командовал в период с 1964 по 1966 гг. Комсомольцы, организованные в ОКО, обеспечивали охрану общественного порядка на улицах, в парках и площадях Кировского района, помогали милиции предотвращать асоциальное поведение подростков в общественных местах. Между прочим, это был очень положительный опыт. Кстати, в настоящее время во многих регионах России возрождаются ДНД (добровольные народные дружины) по охране общественного порядка, как один из институтов гражданского общества, способного собственной инициативой и усилиями сделать нашу жизнь еще более спокойной, интересной и безопасной. Работая в ОКО, я постоянно контактировал с сотрудниками уголовного розыска Кировского райотдела, где на меня обратили внимание оперативные работники, и я стал внештатным оперуполномоченным УР и до поступления в Елабужскую специальную среднюю школу милиции МОО П СССР занимался этой общественной работой. Следует сказать, что благодаря активному образу жизни (я занимался спортом, был участником и организатором множества спортивных и общественных мероприятий) мне удавалось достигать значительных успехов в своей деятельности. В период обучения в школе милиции я продолжал активно заниматься общественной деятельностью, и наряду с освоением оперативного опыта работников милиции помогал оперативным сотрудникам местного отдела бороться с уголовной преступностью в городе Елабуга и Елабужском районе в целом. Обучаясь на очном отделении

школы милиции, будучи курсантом, я часто направлялся в служебные командировки по стране (Татарстан, Удмуртия, Кировская область и т.д.) в интересах борьбы с преступностью. И вплоть до постоянного перехода на оперативную работу в правоохранительные органы, общественная деятельность всегда сопровождала меня и, как ранее уже отмечал, сыграла основополагающую роль в становлении моей профессиональной карьеры, а ОКО стал одной из первых правоохранительных структур, которые мне довелось возглавить и руководить ею.

– Виктор Петрович, активная жизненная позиция, спортивная подготовка (как стало известно редакции, Вы занимались волейболом, боксом и лыжами), авторитетный неформальный лидер молодежи и успешный помощник учителей, политических работников и сотрудников правоохранительных органов, неординарность внутренней натуры и нестандартность поступков сделали Вас лидером, и как очевидное следствие – переход из общественной к оперативной работе в структуре правоохранительных органов. Какую роль сыграла в Вашей жизни оперативная работа и в какой момент стало понятно, что наиважнейшая роль Вашей жизни – это профессиональное образование и преданность науке?

– В 1967 году шумевшим, как сейчас говорят, резонансным, было дело о краже цыганами большого количества скаковых лошадей с одного из ипподромов СССР и продажа их в Удмуртии и Кировской области. Были и человеческие жертвы. Скакуны – известные во всем мире, они выступали на международных ипподромах, занимали призовые места, являлись чемпионами – похищены. Каждая лошадь стоила больше автомашины. И вот весь ипподром обчистили цыгане. Они нанесли не только существенный материальный ущерб советскому государству и международному престижу нашей страны, но и жертвами этого преступления стали ни в чем не повинные люди. Кроме того, кони должны были участвовать в международных скачках. В то время, будучи курсантом спецшколы, я в основном посвящал себя учебе, ну а все остальное время – это была общественная работа. В числе группы из двух-трех курсантов я был откомандирован в опергруппу для раскрытия данного преступления, и в течение где-то полутора месяца работал в этой оперативной группе, участвуя в засадах, занимаясь личным сыском, принимая участие в задержании вооруженных преступников. Преступление было раскрыто в сравнительно короткий срок, преступники задержаны и понесли заслуженное наказание, а скакуны, которые остались в живых, возвращены на ипподром. В порядке поощрения я получил краткосрочный отпуск на 10 дней с выездом в родной город Куйбышев. Подобные командировки, в процессе обучения, были, так сказать, частью обучения и переход в практическую плоскость работы «на полях» был лишь вопросом времени, а время как известно, летит очень быстро. Так позади школа милиции с красным дипломом об ее окончании, лейтенантские погоны на плечах и должность оперуполномоченного, которую потом переименовали на инспектора – в Отделе БХСС города Куйбышева областного УВД. Поскольку рядом с нашим Отделом БХСС располагался Куйбышевский факультет ВЮЗИ (Всесоюзного юридического заочного института), то сразу же по приезду в родной Куйбышев мною было принято решение поступать в ВЮЗИ. Дело было не без приключений, потому как я опоздал на вступительные экзамены, однако наличие диплома с отличием об окончании специального учебного заведения позволило мне, в качестве исключения, поступить на юридический факультет.

Между тем, служба в Отделе БХСС была непростой. Очень сложные, многоэпизодные, тяжелые уголовные дела, по результатам кропотливо оперативной разработки в отношении известных в те годы руководителей различных государственных и промышленных структур. Однако у меня были достаточно опытные руководители-наставники, которые позволили достичь серьезных результатов в оперативной работе, о которых не раз писала областная газета «Волжская коммуна» и даже «Известия». В сфере оперативных разработок ОБХСС входили директора рынков, асфальтового завода, руководители больницы, управления торговли, завода по производству хрустальных изделий, а также представители

нескольких кавказских республик СССР. Были командировки в эти республики для задержания и ареста виновных лиц. Было интересно, и нарабатывался опыт оперативной работы. В то время общественная работа, проводимая мною, ограничивалась организацией и проведением спортивных мероприятий и соревнований, коллективного отдыха и локальных читательских конференций, в том числе и с участием волжских писателей, книги которых продавались в книжном киоске областного УВД. Тогда на территории управления внутренних дел работал книжный киоск. Интересную книгу можно было купить прямо на работе, недалеко от служебного кабинета, чем я никогда не пренебрегал и при каждом удобном случае заглядывал за новинками, поскольку всегда интересовался всем новым и мною лично неизведанным, неисследованным. Оперативная работа позволила мне изнутри увидеть проблемы структуры правоохранительной деятельности в нашей стране, но для реализации идей, которыми мой разум был всегда переполнен, не представлялось возможным, в связи с отсутствием материальной и правовой базы. Учебно-познавательная деятельность на юридическом факультете также наложила свой отпечаток.

Так, 19 ноября 1968 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению». Одним из пунктов постановления предусматривалось создание на базе Ленинградского Военно-политического школы Высшего политического училища МВД СССР (г. Ленинград) для подготовки политработников органов внутренних дел. В 1969 г. на Куйбышевское областное УВД было выделено одно место для поступления на учебу во вновь созданное образовательное учреждение. Это был кульминационный момент, и мною было принято решение попытаться поехать на учебу в Ленинград, но руководство придерживалось другого мнения, потому как хорошие оперативные работники были нужны на передовой, и так просто расстаться со мной никто не хотел. Начальник Отдела БХСС – В. А. Земсков, с которым вплоть до ухода его из жизни я долгое время еще поддерживал дружеские отношения и после ухода из оперативной работы, был против моего перевода. Натиск со стороны областного руководства был серьезным, и лишь благодаря вмешательству секретаря парткома УВД области вопрос был решен в пользу моей переквалификации с перспективного оперативного работника на политработника.

Учеба в Высшем политическом училище МВД СССР была непростой, потому как мне приходилось учиться одновременно в двух вузах, да еще и общественная работа. Нагрузки были колоссальными. Была активная работа научных кружков кафедры ОРД (оперативно-розыскной деятельности) и по теории государства и права, участвовал в том числе и в международных научно-теоретических конференциях по рекомендации профессора Я. М. Бельсона.

Во время учебы в политучилище я два года избирался секретарем комсомольской организации батальона и два года – зам. секретаря партийной организации (КПСС) батальона. Все это сопровождалось отличной учебой по всем дисциплинам.

Мне предложили остаться для прохождения дальнейшей службы в ВПУ МВД СССР, обещали преподавательскую работу на кафедре, а назначили заместителем командира батальона по политической части. Потом многолетняя служба в политическом отделе, и только позже – кафедра. Прошел все ступеньки роста – от преподавателя до заместителя и начальника кафедры высшего политического училища МВД СССР, а затем заместителя по научной работе Санкт-Петербургского юридического института МВД России и Санкт-Петербургской академии МВД России. При этом читал лекции на всех предприятиях Ленинграда, в различных учебных заведениях, даже в кинотеатрах и театрах, воинских частях и академиях, в райкомах, горкоме и обкоме партии, в Доме политпросвещения по линии областного комитета КПСС, Дома офицеров и общества «Знание». Таким образом и определилась моя дальнейшая судьба в образовании и науке.

В 1998 году были объединены все учебные заведения МВД, а их было шесть, и создается Санкт-Петербургский университет МВД России, начальником которого меня и на-

значили. Предложение о создании университета было сформулировано мною, и его поддержал С. В. Степашин, будучи тогда министром внутренних дел России, сказав: «Ты предлагаешь организовать университет, вот и создавай его реально, я поддержу!». Это был первый университет в системе силовых ведомств Российской Федерации. Не было больше университетов не только в системе МВД, но и в Министерстве обороны, ФСБ и других силовых структурах, там они появились значительно позже. Например, спустя несколько лет, когда создавался Московский университет МВД России, назначенный его начальником В. Я. Кикоть, ранее проходивший службу в качестве моего заместителя в Санкт-Петербургском университете, обратился ко мне с просьбой помочь в организации становления нового вуза. Мною были направлены где-то тридцать руководителей различных структурных подразделений Санкт-Петербургского университета в командировку в Москву, которые в течение месяца оказывали необходимую помощь. Московский университет пришел на смену Московской академии МВД России, возглавляемой доктором юридических наук, профессором, генерал-лейтенантом милиции Ю. Н. Ждановым, который был назначен заместителем министра экономического развития и торговли России, а на смену ему пришел доктор юридических наук, профессор, генерал-лейтенант милиции В. Я. Кикоть.

Работа с момента создания Санкт-Петербургского университета представляла невероятно сложную, но интересную. На этой должности удалось достичь весьма неплохих результатов. Планы, идеи, их творческая и практическая реализация стали уже гораздо ближе и достижимее. Проблемы, которые мне виделись во время работы оперативным сотрудником, удавалось решать путем внедрения различных новых методик подкрепленных научно-практической и исследовательской работой. Так, университет стал по-настоящему кузницей подготовки научных кадров и сотрудников правоохранительных органов, истинных патриотов Отечества не только России, но и многих иностранных граждан и подданных. Среди воспитанников нашего университета - граждане Америки, Великобритании, Германии, Франции, Китая, Монголии, Африки, Кубы, Кипра, Финляндии, не говоря уже о наших соседях, стран-участниц СНГ.

Помимо учебно-образовательной деятельности, процветала редакционно-издательская работа. Издаваемая университетом научная продукция (учебники, пособия, словари, сборники, монографии, альбомы схем и т.д.) была хорошо известна далеко за пределами стен университета. Она оседала на библиотечных полках национальных библиотек, в библиотеках учебных заведений России и других стран, личных библиотеках научного сообщества. Сегодня их можно встретить в Лондонском, Портсмутском, Лестерском университетах Великобритании, в Кембридже, Пил-центре по подготовке Лондонской столичной полиции, Чикагском, Флоридском, Иллинойском, Западно-Иллинойском университетах США, в Сорбонне и других вузах Франции, Германии, не только европейских стран, но и государств Востока и Азии.

Проводилось очень много различных международных научных форумов с привлечением руководящих сотрудников российского государства, лидеров политических партий, руководителей судебной системы, правоохранительных органов и спецслужб России, законодателей из Государственной Думы Совета Федерации. В этих форумах участвовали представители высокого ранга зарубежных стран, включая генеральных прокуроров Франции и Италии, лордов парламента Великобритании, руководителей Скотланд-Ярда из Лондона. Были встречи с министром иностранных дел Соединенного королевства Джеком Стро и нынешним королем Великобритании Карлом III, в то время принцем Чарльзом, мои выступления в Палате лордов и на приеме у королевы Великобритании Елизаветы II.

Вспоминается международная конференция «Женщины. Полиция. Гуманизм», которую мы организовали и провели в течение трех дней в нашем городе, где участвовали несколько сот иностранных гостей - женщин-полицейских в своей форменной одежде из почти ста иностранных государств, включая США, Великобританию, Канаду, Францию, Италию, Германию, африканские и латиноамериканские государства, страны Азии, Востока и т.д. Или международная

конференция, связанная с обсуждением вопросов защиты участников уголовного судопроизводства. У нас тогда отсутствовал опыт такой работы, вот мы и провели такую конференцию, для которой привлекли наряду с другими экспертами группу специалистов из Италии и Франции во главе с генеральными прокурорами из этих государств. В 2002 году организовали и провели конференцию, посвященную 200-летию МВД России на базе Таврического дворца Санкт-Петербурга. В ней участвовал министр внутренних дел России Б. В. Грызлов, вся коллегия министерства, министры внутренних дел республик, начальники территориальных главных управлений и управлений МВД субъектов федерации и другие руководители системы, а также правоохранительных органов России. Можно назвать много аналогичных форумов. Информация об их работе отражалась в журналах «Государство и право» благодаря доктору юридических наук, процессору Л. А. Морозовой, которая всегда участвовала в работе этих конференций. Материалы научных форумов находили отражение в публикациях нашего университета.

Практиковался мощный обмен идеями и научной продукцией с зарубежными коллегами. И мы не были только лишь потребителями идей, предлагаемых, как сейчас говорят, представителями коллективного Запада, а предлагали свои собственные наработки, ценные для нас, но порой отторгаемые ими, особенно сейчас. В то же время их идеи мы воспринимали далеко не все, а лишь те, которые считали полезными для себя. Все это обогащало наше творчество, развивало сравнительное правоведение и способствовало внедрению нашего влияния на коллег из-за рубежа.

Данная ситуация была характерна в том числе и в диссертационных исследованиях иностранцев, защищаемых в наших диссертационных советах. В исследованиях коллег из зарубежных государств, конечно, господствовала наша правовая идеология, методология и философия права. Это относилось не только к диссертантам из Афганистана, Йемена, Конго, Монголии, государств СНГ, но и, скажем, из США. Например, начальник полиции из штата Иллинойс Рон Свон и директор института полицейской подготовки Иллинойского университета Майкл Чарльз защитили в нашем диссертационном совете диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, и ВАК России утвердил им ученую степень PhD (доктора философии) в области права. Основные положения своих диссертаций они в последующем издали у нас на русском языке и в США на английском языке в качестве монографий. Понятно, что все иностранцы, готовящие у нас свои диссертации, имели необходимое количество публикаций в России на русском языке и публикаций на родном языке у себя на родине. Другими словами, велась глубокая научная и идеологическая работа, в том числе и с иностранными гражданами. Мы предлагали свои, российские, можно сказать суверенные научные и идеологические позиции, учитывающие интересы нашего государства – Российской Федерации. Полагаю, эта работа была полезна как с позиций развития науки, так и в интересах укрепления суверенитета России, интересов нашего многонационального государства.

Мы работали с многими иностранными гостями: учеными, парламентариями, сотрудниками правоохранительных и специальных структур, судебно-прокурорской систем из многих стран, в том числе и со шпионами. Всегда понимали, с кем имели дело и как с кем себя вести, чтобы это было полезно для нашего Отечества и не приносило вреда для нашего собственного государства. Скажем, в нашем университете были члены палаты лордов Великобритании, руководители нового Скотланд-Ярда из Лондона, а также начальник Пил-центра подготовки столичной полиции Лондона, он же член королевской семьи, пожалуй, самый авторитетный специалист – сотрудник разведки Великобритании Ми-6 по Советскому Союзу и России, отсидевший в нашей исправительно-трудовой колонии почти 10 лет.

Будет правильным вспомнить и о руководителях ведущих учебных заведений многих так называемых цивилизованных государств Европы и США. Шла большая научно-исследовательская работа, имеющая цивилизационный характер, совместные усилия ученых России и зарубежных

государств. Мы всегда преследовали интересы своей Родины. Результатом выступали публикации: монографии, учебники, материалы конференций, научные статьи и т.д. С моей точки зрения, это обогащало науку, а результаты обеспечивались не только сотрудниками нашего вуза, но и многими российскими учеными из вузов и других научных коллективов России, участвовавших в мероприятиях, проводимых Санкт-Петербургским университетом МВД России.

– **Уважаемый Виктор Петрович, создание Санкт-Петербургского университета МВД России стало уникальным феноменом образования и повышения квалификации кадров правоохранительной системы не только нашего государства в целом, но и ряда зарубежных стран. Доселе подобного учебного заведения не существовало, а ранее существовавшие образовательные учреждения могли лишь акцентировать свои усилия лишь некоторым узким направлениям и функционалу, для чего и были созданы. Поистине, революционный прорыв реализован во многом благодаря и Вашим усилиям, настойчивости и таланту. Так в чем же заключалась уникальность вновь созданного учебного заведения?**

– Я сторонник не революционных, а эволюционных свершений. Помню о фразе, как-то сказанной С. М. Шахраем при одной из наших встреч: «Лучше спорная Конституция, чем беспорядная революция», и с этим надо согласиться.

Продолжающиеся в стране в 90-е годы процессы экономических и политических реформ порождали все новые вызовы перед правоохранительными органами. Рост криминальных проявлений и повышение правовых стандартов в обществе требовали от сотрудников милиции для успешного выполнения служебных обязанностей все более глубоких юридических знаний, высокого интеллектуального потенциала и широкого кругозора. Одним из способов достижения этого стало дальнейшее совершенствование ведомственного образования в системе МВД, в том числе путем объединения и укрупнения действующих учебных заведений.

К 1998 г. стало возможным говорить уже о формировании своеобразной учебной и воспитательной академической традиции, собственной научной и педагогической школы, которая пользовалась заслуженным авторитетом у научно-педагогической общественности не только города, но и страны в целом. Так, на базе объединения Санкт-Петербургской академии МВД России, Санкт-Петербургского института Государственной противопожарной службы МВД России и Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России появилось Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университет МВД России» (Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июня 1998 г. № 611). До этого были объединены Санкт-Петербургский юридический институт и Высшая школа, а также Институт повышения квалификации в Санкт-Петербургскую академию МВД России.

Уникальность создания нового образовательного учреждения заключалась прежде всего в значительном расширении спектра получаемых выпускниками специальностей и специализаций. Мы начали осуществлять подготовку научно-педагогических кадров, руководителей городских и районных органов внутренних дел, сотрудников для следственных и оперативных подразделений, воспитательных, кадровых аппаратов и подразделений психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, финансово-экономических и контрольно-ревизионных подразделений МВД России, Государственной противопожарной службы, внутренних войск МВД России. Кроме того, в эти годы вуз активно вел подготовку кадров для других правоохранительных органов России, а также милиции и полиции ряда зарубежных государств, о чем ранее я уже говорил. Готовились и научно-педагогические специалисты для зарубежных государств. Достаточно заметить, что у нас готовили и защищали диссертации из США, Конго, Йемена, Афганистана, Монголии, государств – участников СНГ и других стран.

С первых дней существования университета был взят курс на повышение эффективности и качества обучения

будущих специалистов с учетом потребностей органов внутренних дел.

В организационно-штатной структуре университета впервые были образованы 5 управлений, включающих 31 отдел, в т.ч. общую и специальную библиотеки, редакцию журнала и редакцию газеты, а также 6 самостоятельных отделов, отделений и групп, 10 факультетов, 2 учебных центра, учебная пожарная часть, 54 кафедры. И к началу 1999 г. в университете уже успешно проходили обучение более 25 тысяч докторантов, адъюнктов, слушателей и курсантов. Процесс подготовки специалистов для органов внутренних дел по различным формам обучения обеспечивали 3 тысячи сотрудников – руководящий, профессорско-преподавательский, административный и вспомогательный состав. В кратчайшие сроки, с момента создания университета, была проделана колоссальная работа. Это стало возможным и благодаря самоотверженному труду всего коллектива университета.

– **Как известно, научный потенциал любого ВУЗа определяется количественным и качественным составом, работающим в нем ученых, чему как известно Вы, Виктор Петрович, уделяли самое пристальное внимание и активно привлекали к педагогической и научно-исследовательской деятельности университета известных в России и за рубежом ученых – академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, профессоров. Кого из таких ученых Вы бы могли особо отметить с кем довелось поработать в годы управления университетом?**

– В годы работы в университете, я действительно уделял большое внимание педагогическому и научно-исследовательскому потенциалу ВУЗа. Лично приглашал знаменитых ученых практиков, многие из них стояли у истоков формирования научных школ, исследовательских центров, по праву являются светилами отечественной науки.

Среди тех, кто много лет проработал в вузе и посвятил себя служению ему, я бы отметил таких авторитетных ученых и практиков, которые оставили неизгладимый след в его истории, среди них Ю. М. Аристаков, Я. М. Бельсон, В. Г. Булавчик, В. С. Бурданова, В. Л. Васильев, И. А. Возгрин, А. В. Зиновьев, Г. Д. Ковалев, Б. И. Кожохин, А. И. Королев, Н. С. Лейкина, Л. А. Николаева, А. С. Пашков, И. Ф. Покровский, В. С. Прохоров, Д. В. Ривман, К. Т. Ростов, В. А. Сапун, И. А. Соболев, В. Д. Сорокин, Л. И. Спиридонов, И. Е. Тарханов, Г. Н. Хон и другие. К педагогической деятельности привлекались Заслуженные деятели науки Российской Федерации, Заслуженные юристы Российской Федерации, Заслуженные сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, Заслуженные работники высшей школы Российской Федерации и Заслуженные работники культуры Российской Федерации, признанные научные достижения которых содержат бесценный опыт для университета: Ю. Е. Аврутин, А. И. Александров, В. В. Балахонский, В. М. Баранов, Н. А. Беляев, П. В. Бильяк, В. М. Боер, Н. С. Бондарь, С. С. Бородин, Н. Ф. Гейжан, М. Ю. Гутман, В. М. Егоршин, Л. Б. Еськина, Н. Н. Жильский, В. Д. Зорькин, А. Т. Иваницкий, И. С. Иконникова, Д. А. Керимов, В. П. Кирилленко, В. В. Копейчиков, Э. В. Кузнецов, В. В. Лазарев, Д. И. Луковская, С. П. Маврин, М. Г. Маркова, И. И. Мушкет, Г. Г. Надсон, П. Д. Николаенко, В. С. Олейников, В. П. Очердько, В. Ф. Попандопуло, Р. А. Ромашов, А. П. Сергеев, Н. Н. Силкин, В. Я. Слепов, Н. И. Уткин, А. Б. Федоров, В. И. Хальзов, Е. Б. Хохлов, Ю. А. Шаранов, А. В. Шахматов, Д. А. Шестаков, А. И. Экимов. В плеяде этих имен можно перечислить еще многих и многих корифеев отечественной науки, которые в разное время принимали активное участие в формировании имиджа и профессионального авторитета нашего университета.

– **Уважаемый Виктор Петрович, Вас по праву называют отцом правовой культуры отечественной науки. Именно Вы впервые во времена Советского Союза подняли на уровень диссертационных исследований проблемы теории и методологии правовой культуры, обосновали правовую культурологию. Философско-правовая проблематика, а именно философия культуры всегда была и продолжает оставаться в центре Ваших научных интересов. Как так вышло, что именно данное направление науки стало основой Ваших научных трудов?**

– В силу того, что долгое время я занимался общественной работой, а также имел опыт практической реализации правоохранительной деятельности, в процессе которой не раз сталкивался с негативными проявлениями отсутствия профессионализма и понимания правоохранительной деятельности в целом среди различных социальных слоев населения страны, что откладывало грубый отпечаток на имиджевой составляющей сотрудника органов внутренних дел в лице общественности. Подобная проблематика не могла быть оставлена на откуп тенденциям и влияниям времени. Так, в 1970-1980-е и в 1990-е годы я начал разрабатывать оригинальную авторскую концепцию профессиональной правовой культуры сотрудника ОВД, что оказалось весьма своевременно в условиях радикальной трансформации общественно-политического строя. В очень непростых политических и экономических условиях сотрудники правоохранительных органов в подавляющем большинстве остались верны своему служебному и нравственному долгу, не утратили ориентиров на профессиональное и личностное развитие, что во многом и удержало страну над пропастью. Именно в перестроечный период 1990-х годов не было важнее задачи, чем сохранение национального суверенитета, который страна стремительно и, казалось, навсегда теряла.

При этом его сохранение означало прежде всего развитие, придание суверенитету новых форм, адекватных реалиям уже наступавшего XXI столетия. Само изменение общества и его политического устройства в динамике перехода от мира двухполярного к миру однополярному и от него – к многополярному миру, в динамике борьбы противоположных тенденций глобализации и регионализации, в динамике трансформации «вестфальской» модели государства, незыблемой с XVII века, настоятельно требовало тогда своего рода «перезагрузки» национального суверенитета и нового осмысления его политико-правовой модели. А это, в свою очередь, предполагало необходимость обновления всех оснований национального суверенитета.

Для меня уже тогда было понятно, что сохранение современного варианта суверенитета новой России невозможно без суверенной философии права, да и суверенной государственно-правовой идеологии, требовалась скорейшая разработка современной российской правовой идеологии, ее научной и мировоззренческой основы, т.е. оригинальной национальной философии права. Без нее вся система суверенитета российского общества и государства станет уязвимой и неустойчивой к современным вызовам и факторам внешнего влияния.

Такая суверенная философия права должна органично вырасти из двух корней: из всей мировой традиции классической философии и из особой традиции русской философии права. Совершенно очевидно, что невозможно проводить суверенную правовую политику, если она построена на философско-правовой «матрице», сформированной на базе нравственно-правовых ценностей и идеалов научности, выработанных в других государствах. Это невозможно даже в том случае, если мы оставим за скобками геополитическое противостояние этих государств России и будем исходить из а priori полагаемого принципа доброжелательного отношения к России иных акторов мировой политики. В любом случае: если мы формируем теорию права и государства на заимствованной философско-правовой платформе, то мы просто обречены постоянно оправдываться за все действительные или мнимые ошибки в законодательстве, обречены с вечной оглядкой на чужое мнение создавать нормативно-правовую основу как внутренней, так и внешней политики. А потому формирование суверенной философии права составляет одну из актуальных задач патриотически ориентированных ученых, коим я отношу и себя в том числе. Так и родилась идея приступить к исследованию проблем правовой культуры. Первоначально я планировал изучать правовую культуру в контексте взаимодействия с проблематикой правового государства. Однако, консультируясь с таким известным и авторитетным ученым из Института государства и права тогда АН СССР, доктором юридических наук Е. А. Лукашевой, по ее рекомендации ограничил свою кандидатскую диссертацию вопросами правовой культуры личности и по-

ведением граждан, защитив ее в Ленинградском университете в 1980 г. (первым оппонентом выступала Е. А. Лукашева, а научным руководителем был профессор Л. С. Явич, он же консультировал меня по докторской диссертации, которую защитил в 1990 году в том же диссертационном совете, что и кандидатскую, в Ленинградском университете). Вероятнее всего, это была первая в СССР диссертация, посвященная проблемам правовой культуры. Спустя десять лет защитил докторскую диссертацию уже по методологическим проблемам правовой культуры. Меня поддержали в качестве официальных оппонентов член-корреспондент Академии наук СССР, доктор юридических наук, профессор Д. А. Керимов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, классик теории государства и права В. В. Лазарев и доктор юридических наук, профессор П. Н. Лебедев, член диссертационного совета. Так началось глубокое диссертационное исследование проблем правовой культуры личности и общества моими коллегами, последователями и учениками в Советском Союзе, России и зарубежных странах.

– Огромное спасибо Вам уважаемый Виктор Петрович за столь содержательное и интересное интервью! Как видим, все эти впечатляющие результаты Вашей творческой мысли являются лишь промежуточным итогом. Знаем и верим, что главный результат, главный синтез – создание авторской концепции суверенной философии права – еще впереди. По нашей традиции, подводя некий итог нашей сегодняшней беседы, а также учитывая опыт прошлых лет, что бы Вы посоветовали нашему читателю, молодым авторам и ученым как задание будущим поколениям?

– Современные тенденции развития многополярного мира диктуют нам все новые условия, открывая новые горизонты как в науке, так и в общественно-политическом устройстве государства. Идеи благоустройства мироздания и всего бытия человеческого всегда будут диктовать нам свои условия. Для достижения и постижения истинных основ науки требуется приложить немало усилий, а порой и посвятить целую жизнь. Хочу пожелать уважаемой редакции Евразийского юридического журнала, авторскому коллективу и читателям неиссякаемой жизненной энергии, творческого вдохновения, новых свершений и открытий, не останавливаться на достигнутом и не бояться постигать новое.

Интервью брали:

**Фархутдинов
Инсур Забирович**

*Главный редактор Евразийского
юридического журнала, доктор
юридических наук, профессор*

**Чаттаев
Азамат Русланович**

*Член редакционной коллегии
Евразийского юридического журнала,
кандидат юридических наук*

ХАЛИПОВ Сергей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России

УЧАСТИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ

Статья раскрывает роль негосударственных структур в публично-правовом регулировании внешней торговли товарами. Показаны возможности внешнеторгового бизнеса, профессиональных союзов, ассоциаций, палат заявлять и отстаивать свои интересы. Используются положения международных актов, национального законодательства о доведении правовой информации до заинтересованных лиц, об учете регуляторами их мнения и пожеланий. Выделяются самостоятельные полномочия негосударственных образований в обеспечении внешнеторговой деятельности. Приводятся примеры оформления и выдачи документов, подтверждающих права на тарифные преференции, иные преимущества при совершении таможенных операций транзита и временного ввоза (вывоза) товаров. Рассматриваются инициативы обращения заинтересованных лиц в федеральные органы исполнительной власти, в Евразийскую экономическую комиссию, в Суд Евразийского экономического союза и последствия такого обращения для права Союза.

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, внешняя торговля товарами, право Евразийского экономического союза, негосударственные структуры, таможенное регулирование, таможенное дело, таможенный тариф, тарифные преференции, нетарифные и защитные меры, Российский экспортный центр, общественные объединения, участники ВЭД, оценка регулирующего воздействия, консультативные комитеты и советы.

KHALIPOV Sergey Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Public law sub-faculty of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of Russia

PARTICIPATION OF NON-GOVERNMENTAL BODIES IN PUBLIC LAW REGULATION OF FOREIGN TRADE IN GOODS

The article reveals the role of non-governmental bodies in public law regulation of foreign trade in goods. It shows options for foreign trade business, trade unions, associations and chambers of declaring and defending their interests. The provisions of international acts, national legislation are used, on bringing legal information to persons concerned, on considering by regulatory institutions their views and propositions. Independent powers of non-governmental entities in ensuring foreign trade activities are emphasized. Examples are given of issuance of documents confirming the right to tariff preferences and other advantages in the course of customs operations of transit and temporary import (export) of goods. The initiatives are examined of concerned persons' appeal to federal executive authorities, the Eurasian Economic Commission, the Court of the Eurasian Economic Union and its implications for the law of the Union.

Keywords: public law regulation, foreign trade in goods, the law of the Eurasian Economic Union, non-governmental bodies, customs regulation, customs, customs tariff, tariff preferences, non-tariff and safeguard measures, Russian Export Center, non-governmental associations, participants of foreign economic activities, regulatory impact analysis, advisory committees and councils.

Введение. Под негосударственными структурами в настоящей статье понимаются лица (организации, объединения, союзы, палаты), участвующие в публично-правовом регулировании внешней торговли товарами, но не наделенные государственно-властными полномочиями. Формы участия негосударственных структур в регулировании общественных отношений, как и результаты такого участия, различны.

Теория права, частно-правовые исследования допускают непосредственное нормотворчество в создании правил поведения, закрепляемых официальными актами, обычаями, рекомендациями, условиями и т.д. Например, отдельные авторские определения правотворчества включают деятельность негосударственных субъектов по изданию нормативных правовых актов, соответствующих системообразующей идее демократического правового государства [4, с. 9, 17]. Рассматривается возможность делегирования публичных полномочий в сфере исполнительной и законодательной ветвей власти, вовлекая, таким образом, граждан и общественные институты в правотворческий процесс [8, с. 23-24]. В негосударственном регулировании внешнеторговой деятельности приводятся примеры международных договоров, актов неправительственных международных организаций, воздействующих на международные коммерческие отношения. Данные негосударственные инструменты (общего и индивидуального характера) обладают механизмом социального принуждения (включает деловую репутацию, добровольность исполнения сторонами своих обязательств, использование нормативных и индивидуальных правовых предписаний). К источникам негосударственного регулирования относят, в частности, гражданско-правовой договор, обычай международной торговли, рекомендации международных организаций [5, с. 9-10, 20]. Торговые правила, выработанные и/или признанные коммерческим сообществом, не требуют государственного санкционирования в виду сложившейся практической легитимности [7, с. 13].

Категоричную позицию по рассматриваемому вопросу занимают представители административного права. Общественные объединения не являются субъектами правотворчества [3, с. 327], так как в силу своей природы не обладают государственно-властными полномочиями [2, с. 319], [1, с. 152]. Однако, в отраслевых административных исследованиях отдельные негосударственные структуры включаются в перечни субъектов регулирования, например, банки, торгово-промышленные палаты [6, с. 43-44].

Каждое из приведенных мнений заслуживает внимания, а вместе они взаимодополняют друг друга. По-своему правы все, и представители частноправового блока, и представители административно-правовых направлений. Негосударственные структуры не полномочны принимать нормативные правовые акты, не обладают правотворческой (в т.ч. законодательной) инициативой. Вместе с тем, они располагают значительными возможностями участия в публично-правовом регулировании внешней торговли товарами.

Участие негосударственных структур в комитетах, советах. Пункт (далее – п.) 2 статьи (далее – ст.) 13 Соглашения об упрощении процедур торговли ВТО (далее – TFA)¹ обязывает учредить и/или поддерживать национальный комитет по упрощению процедур торговли либо определить механизм содействия реализации положений TFA.

1 TFA – Agreement on trade facilitation // Протокол о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Подписан в г. Женеве 27.11.2014) // СЗ РФ. – 2017. – № 36. – Ст. 5408.

Рекомендация № 4 СЕФАКТ ООН² предусматривает создание национальных органов по упрощению процедур торговли (НОУПТ) с участием представителей частного и государственных секторов:

- государственных учреждений, связанных с торговлей;
- представителей внешнеторгового бизнеса (импортеров/экспортеров товаров);
- поставщиков услуг (перевозчиков, экспедиторов, операторов мультимодальных перевозок и т.д.).

Допускается существование иных структур, частично или полностью выполняющих функции НОУПТ³.

В настоящее время в России нет органа, подобного НОУПТ, но созданы, например, Совет по внешнеэкономической деятельности при Минэкономразвития России⁴, Консультативный совет при Минпромторге России⁵, Экспертно-консультативный совет по реализации таможенной политики при ФТС России⁶. С другой стороны, Россия не связана рекомендациями СЕФАКТ ООН, представляющего вспомогательный орган Европейской экономической комиссии ООН. Совсем необязательно нашему национальному комитету по упрощению процедур торговли иметь «сбалансированное участие представителей частного и государственных секторов». Главное, чтобы он решал возложенные на него задачи с учетом мнения российского внешнеторгового бизнеса. Следуя требованиям ТФА, на роль национального комитета по упрощению процедур торговли более всего подходит акционерное общество «Российский экспортный центр» (далее – Центр). С 2022 года Центр обеспечивает поддержку импорта⁷, например, организует консультирование и предоставление информации о возможностях и особенностях организации поставки импортируемой продукции, а также об условиях ввоза товаров на территорию России⁸. Кроме того, Центр выполняет функции оператора национальной системы «Одно окно»⁹, что согласуется с п. 4 ст. 10 ТФА.

На наднациональном уровне функционируют профильные комитеты. Например, при департаментах Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) работают консультативные комитеты по торговле¹⁰, по таможенному

регулированию¹¹, по техническому регулированию¹², по взаимодействию контролирующих органов на таможенной границе ЕАЭС¹³ и другие. И национальные советы, и профильные комитеты ЕЭК отвечают признакам форумов для совместного согласования мер по упрощению процедур торговли, что позволяет их рассматривать в качестве таковых, в контексте положений ТФА.

Статусное содействие публично-правовому регулированию внешней торговли товарами (далее – ППР ВТТ). Статусное содействие ППР ВТТ состоит в полномочиях негосударственных структур обеспечивать нормативно-техническое и индивидуально-правовое сопровождение таможенно-торговых договоренностей. На практике это проявляется в издании актов (регламентов) процедурного характера, в выдаче юридически значимых (правоустанавливающих) документов по запросам конкретных лиц. Например, Торгово-промышленная палата России (далее – ТПП России) выдает сертификаты о происхождении товаров¹⁴, удостоверяет документы, связанные с осуществлением внешнеэкономической деятельности, выдает заключения о статусе товара, изготовленного в особых экономических зонах¹⁵, оформляет карнеты АТА для временного ввоза товаров¹⁶. Правлением Ассоциации международных автомобильных перевозчиков (далее – АСМАП) утвержден Порядок взаимоотношений с российскими международными автоперевозчиками¹⁷, осуществляющими перевозки в соответствии с Таможенной конвенцией о международной перевозке грузов¹⁸. АСМАП оформляет международные транзитные документы¹⁹. Акционерное общество «Российский

ступя: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 25.02.2024).

- 11 Решение ЕЭК от 31.05.2012 № 52 «О Консультативном комитете по таможенному регулированию» (ред. от 22.03.2016). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 25.02.2024).
- 12 Решение ЕЭК от 18.09.2012 № 161 «О Консультативном комитете по техническому регулированию, применению санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер» (ред. от 18.09.2012). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 25.02.2024).
- 13 Решение ЕЭК от 02.12.2013 № 283 «О создании Консультативного комитета по взаимодействию контролирующих органов на таможенной границе Евразийского экономического союза, внесении изменения в Положение о Консультативном комитете по таможенному регулированию и признании утратившими силу некоторых решений Комиссии Таможенного союза» (ред. от 13.09.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 25.02.2024).
- 14 Сертификаты происхождения товаров используются для: получения тарифных преференций при импорте товаров в государства-участники соглашений о свободной торговле, например, сертификаты происхождения товаров, экспортируемых во Вьетнам, Сербию, страны СНГ; для экспорта отдельных видов товаров российского происхождения, например, газогенераторы, турбины, двигатели внутреннего сгорания, оборудование для сельского хозяйства и др. товары (Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 311 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100» (ред. от 06.05.2023) // СЗ РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1703).
- 15 Подп. «б», «г», «д» ч. 3 ст. 15 Закона РФ от 07.07.1993 № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (ред. от 01.05.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1309 (далее – Закон о ТПП).
- 16 В соответствии с Конвенцией о временном ввозе (заключена в Стамбуле 26.06.1990) // Таможенные ведомости. – 1996. – № 2 @ @ См. также: Регламент ТПП России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uslugi.tpprf.ru/ru/services/32775/> (дата обращения: 25.02.2024).
- 17 См.: документы по системе МДП. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asmap.ru/detail/normativnyedokumenty-po-sisteme-mdp> (дата обращения: 25.02.2024).
- 18 Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП) (г. Женева 14.11.1975) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XXXVIII. – М., 1984. – С. 266-281.
- 19 Книжка МДП (международные дорожные перевозки) / карнет TIR (Transport international routier – фр. международные автомобильные перевозки) заменяет национальную форму транзитной декларации и сопровождает, включая гарантийное обеспечение, транзитные перевозки грузов автомобильным транспортом (прим. авт. – С. Х.).

2 United Nations Centre for Trade Facilitation and Electronic Business (UN/CEFACT). Recommendation No. 4: National Trade Facilitation Bodies. 2015. Information Service United Nations Economic Commission for Europe. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unecsc.org/> (дата обращения: 25.02.2024).

3 Recommendation № 4: National Trade Facilitation Bodies. – 2015. – Р. 5, 10.

4 См. приказ Минэкономразвития России от 12.12.2008 № 449 «О Совете по внешнеэкономической деятельности при Минэкономразвития России» (ред. от 05.06.2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

5 См. Приказ Минпромторга России от 15.05.2015 № 1117 «Об утверждении Положения о Консультативном совете Министерства промышленности и торговли Российской Федерации» (ред. от 23.08.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

6 См. Приказ ФТС России от 31.12.2020 № 1176 «О создании в ФТС России Экспертно-консультативного совета по реализации таможенной политики при ФТС России и об утверждении Положения об Экспертно-консультативном совете по реализации таможенной политики при ФТС России». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

7 Подп. 9 п. 7 ч. 6 ст. 46.1 Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности» (ред. от 25.12.2023 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4850 (далее – Закон о регулировании внешнеторговой деятельности).

8 См. Постановление Правительства РФ от 05.02.2016 № 71 «Об утверждении Правил осуществления акционерным обществом «Российский экспортный центр» деятельности по поддержке экспорта и импорта, а также взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти, органами валютного контроля, уполномоченными Правительством Российской Федерации, и Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» (ред. от 26.09.2022) // СЗ РФ. – 2016. – № 7. – Ст. 981.

9 Ч. 6 ст. 46.1 Закона о регулировании внешнеторговой деятельности. См. также Постановление Правительства РФ от 28.01.2022 № 65 «О порядке функционирования информационной системы «Одно окно» в сфере внешнеторговой деятельности» (ред. от 16.11.2022) // СЗ РФ. – 2022. – № 6. – Ст. 876.

10 Решение ЕЭК от 07.03.2012 № 6 «О Консультативном комитете по торговле» (ред. от 24.01.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим до-

экспортный центр» участвует в реализации государственной политики в области развития и поддержки экспорта, в подготовке предложений по проектам нормативных правовых актов. Например, во многом, по инициативе Центра ст. 2 Закона о регулировании внешнеторговой деятельности была дополнена понятием несырьевого неэнергетического экспорта (перечень видов товаров, определяется Правительством РФ)²⁰. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что при статистическом и ведомственном учете объемов экспорта возникают разногласия по позициям несырьевого неэнергетического экспорта. Определение «несырьевой неэнергетический экспорт» позволит создать единый подход к различным товарным позициям для целей реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт»²¹.

Инициативное участие в ППР ВТТ представляет собой самую обширную форму вовлеченности негосударственных структур в правотворческую деятельность. Общественные объединения, профессиональные ассоциации, юридические лица, индивидуальные предприниматели вправе в инициативном порядке участвовать в подготовке проектов нормативных правовых актов, в оценке действующих документов, вносить предложения по их изменению, отмене или принятию новых актов. Так, ТПП России участвует в подготовке проектов федеральных законов, правительственных актов, приказов федеральных органов исполнительной власти, затрагивающих интересы предпринимателей (ч. 1 ст. 16 Закона о ТПП). Общероссийские общественные организации «Опора России», «Деловая Россия» осуществляют разработку и общественную экспертизу проектов нормативных правовых актов²², оказывают иное содействие регулированию общественных отношений в сфере экономики и предпринимательства²³. Конечно, подобные инициативы предлагаются и продвигаются на площадках консультативных комитетов ЕЭК, экспертно-консультативных и общественных советов при федеральных органах исполнительной власти. В приведенных примерах сочетаются две формы участия негосударственных структур: а) в профильных советах; б) инициативное воздействие на АПР ВТТ. Разница усматривается в том, что в профильных комитетах и советах негосударственные структуры представлены специалистами (людьми, обладающими профессиональными знаниями, представляющими практику). Во втором случае, любое заинтересованное лицо вправе принять участие в обсуждении проекта правового акта. Инициативы могут исходить и от исполнительной власти. Например, Правительственная комиссия по экономическому развитию и интеграции осуществляет взаимодействие с представителями научных и общественных организаций, предпринимательского сообщества при разработке и реализации мероприятий, направленных на защиту внутреннего рынка, в том числе путем применения инструментов таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, а также ответных мер в области внешнеторговой деятельности на дискриминационные действия со стороны других государств²⁴.

Согласно подп. 1.1 п. 1 ст. 2 ТФА каждый член должен, по мере возможности, и способом, согласным с его национальным законодательством, предоставить возможность и подходящий период времени участникам внешнеэкономической деятельности (далее – участники ВЭД) и другим заинтересованным сторонам для комментирования по предлагаемому введению или изменению законов и положений общего применения,

относящихся к движению, выпуску и очистке товаров, включая транзитные товары. Приведенное положение имплементировано в праве ЕАЭС и в национальном законодательстве, с учетом оговорок «по мере возможности» и «способом, согласным с его национальным законодательством». Например, при подготовке решения ЕЭК о мерах нетарифного регулирования Комиссия информирует участников ВЭД государств-членов, экономические интересы которых могут быть затронуты принятием такого решения, о возможности представить в Комиссию предложения и замечания по данному вопросу и о проведении консультаций²⁵. На основании п. 15 Положения о ЕЭК²⁶, решения Комиссии, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности, принимаются с учетом результатов проведения оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ) проектов таких решений²⁷. О возможности и исключениях участия заинтересованных лиц в ППР ВТТ говорится в Регламенте работы ЕЭК²⁸ (разделы VIII²⁹, IX³⁰). Например, общественному обсуждению и ОРВ не подлежат проекты решений о применении мер защиты внутреннего рынка, о начале расследований.

На национальном уровне (в РФ) тоже предоставляются возможности обсуждения проектов и действующих нормативных правовых актов в сфере ППР ВТТ, например, в порядке:

- антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов³¹;
- ОРВ проектов нормативных правовых актов и проектов решений ЕЭК (далее – НПА);
- оценки фактического воздействия НПА, регулирующих правоотношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности³².

В ОРВ НПА обращает на себя внимание оценка проектов решений ЕЭК по национальным критериям и, в частности, в области порядка и правил регулирования таможенного дела³³. Вопрос в том, что Положением о ЕЭК, последняя не наделена полномочиями в сфере таможенного дела. В «иных сферах, определенных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза» тоже нельзя встретить компетенции «в области порядка и правил регулирования таможенного дела». Понятие таможенного дела, его содержание и организация определены в Законе о таможенном регулировании³⁴. Решения ЕЭК не могут затрагивать систему российской таможенной службы, определять ее статус. Исключениями выступают лишь те права таможенных органов, которые являются составной частью институтов таможенного регулирования, например, та-

- 25 П. 6 Раздела II Приложения № 7 к Договору о ЕАЭС (Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран).
- 26 Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС.
- 27 Информацию об общественном обсуждении и ОРВ см. на информационном ресурсе Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaunion.org/ru-ru/Pages/regulation.aspx> (дата обращения: 25.02.2024).
- 28 Решение ЕЭК от 23.12.2014 № 98 «О Регламенте работы Евразийской экономической комиссии» (ред. от 25.05.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 25.02.2024).
- 29 Проекты решений ЕЭК, Межправительственного совета, Высшего совета публикуются, как минимум за 30 календарных дней до планируемой даты их принятия для представления заинтересованными лицами своих комментариев и предложений.
- 30 Оценка регулирующего воздействия решений Комиссии, включая публичное обсуждение с субъектами предпринимательской деятельности и иными заинтересованными лицами.
- 31 31 Подп. 5 ст. 2 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
- 32 Постановление Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 (ред. от 29.05.2023) «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 29.05.2023) // СЗ РФ. – 2015. – № 6. – Ст. 965.
- 33 Абз. 7 подп. «г» п. 3 Положения о взаимодействии федеральных органов исполнительной власти с ЕЭК (Постановление Правительства РФ от 21.10.2015 № 1126 «Об утверждении Положения о взаимодействии федеральных органов исполнительной власти с Евразийской экономической комиссией» // СЗ РФ. – 2015. – № 44. – Ст. 6122).
- 34 Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2018. – № 32 (Ч. I). – Ст. 5082.

20 Распоряжение Правительства РФ от 20.03.2023 № 661-р «Об утверждении перечня кодов товаров единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, в отношении которых осуществляется несырьевой неэнергетический экспорт» // СЗ РФ. – 2023. – № 13. – Ст. 2333.

21 Паспортные данные законопроекта № 202871-8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/202871-8?ysclid=lj3z5grpb603448476> (дата обращения: 25.02.2024).

22 П. 2.3 раздела II Устава Общероссийской общественной организации «Опора России» и среднего предпринимательства «Опора России». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opora.ru/about/ustavnye-dokumenty/> (дата обращения: 25.02.2024).

23 П. 3 ч. 1 ст. 5 Раздела II Устава Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deloros.ru/o-nas/ustav-dr/> (дата обращения: 25.02.2024).

24 Подп. 1-2 п. 1 Раздела I Положения о Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции (утв. Постановлением Правительства РФ от 30.12.2009 № 1166 (ред. от 29.06.2023)) // СЗ РФ. – 2010. – № 3. – Ст. 303.

моженного контроля, таможенных операций. Но таможенное регулирование не упоминается в национальной ОРВ проектов решений ЕЭК. Выходит, какая-то новая, неизвестная «область порядка и правил регулирования таможенного дела». Возможно, этим объясняется отсутствие национальной практики публичной ОРВ проектов решений ЕЭК.

Следующие примеры демонстрируют принятие НПА по инициативе негосударственных структур. Эти акты не относятся к системообразующим, не устанавливают новые предметы правового регулирования, а имеют «точечное» воздействие на таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, на применение защитных мер, на классификацию товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

Пример 1. Заинтересованное лицо³⁵ обращается в подкомиссию по таможенно-тарифному и нетарифному регулированию, защитным мерам во внешней торговле Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции или в ее секретариат (Минэкономразвития России). Подробный алгоритм действий выложен на сайте ФТС России под заголовком «Механизм внесения изменений в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС»³⁶ по инициативе участников ВЭД»³⁷. Форма подачи заявления и перечень информационно – аналитических материалов, необходимых для рассмотрения и подготовки предложений размещены на сайте Минэкономразвития России (раздел – таможенно-тарифное регулирование)³⁸.

Пример 2. Заинтересованное лицо³⁹ обращается (напрямую) в Департамент защиты внутреннего рынка ЕЭК с обжалованием введения специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры. Заявитель также имеет право участвовать в расследовании, предшествующем введению защитной меры⁴⁰.

Пример 3. Участник ВЭД (декларант товаров) обращается в Суд ЕАЭС (далее – Суд) об отмене решения ЕЭК, например, о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Существует и обязательный порядок рассмотрения вопроса в Комиссии (орган, принявший оспариваемое решение)⁴¹. Однако, если материалы рассматриваются Судом, то это прямое следствие неразрешенности конфликта в досудебном порядке⁴².

Удовлетворение Судом требований заявителя об отмене (изменении) решения ЕЭК обязывает Комиссию, во-первых, признать решение утратившим силу, а, во-вторых, принять новое решение (внести изменение в действующее), то есть осуществить правовое регулирование. Например, в решении Суда от 13.06.2023 № С-1/23 «О признании Решения Коллегии ЕЭК от 31.01.2018 № 15 (в ред. от 28.01.2020) не соответствующим Договору о ЕАЭС от 29.05.2014 и международным договорам в рамках ЕАЭС» излагается вполне определенная позиция о том, что решения Комиссии, не соответствующие Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза, должны быть приведены в соответствие с правом Союза. Норма права, признанная Судом не соответствующей праву Союза, должна быть исключена из правового регулирования Союза⁴³. Таким обра-

зом, частная инициатива, поддержанная Судом ЕАЭС, воздействует на работу Комиссии⁴⁴.

Выводы.

1. Негосударственные структуры не полномочны принимать нормативные правовые акты, не обладают правотворческой инициативой в сфере ППР ВТТ. Вместе с тем, они вправе участвовать в подготовке проектов правовых актов, оценивать действующие документы, содействовать реализации международных торгово-таможенных договоренностей, предлагать изменения в таможенное, таможенно-тарифное, нетарифное и иные отрасли правового регулирования внешней торговли товарами.

2. Предоставляемые правом ЕАЭС, федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами РФ негосударственным структурам возможности участия в ППР ВТТ можно обозначить следующими основными формами вовлеченности:

- участие в профильных консультативных комитетах, советах;
- статусное содействие ППР ВТТ;
- инициативное влияние на ППР ВТТ.

3. Участие в профильных консультативных комитетах, советах позволяет внешнеторговому бизнесу на союзном и федеральном уровнях озвучивать, разъяснять, отстаивать свои предложения в сфере ППР ВТТ.

Статусное содействие ППР ВТТ заключается в прямой обязанности негосударственных структур (палат, центров, ассоциаций) обеспечивать нормативно-техническое и правовое сопровождение отдельных международных договоров в области торгового и таможенного регулирования (например, оформление и выдача карнетов АТА, ТІР, сертификатов происхождения товаров). К другим обязанностям относятся оказание услуг по консультированию и иному содействию импортно-экспортным операциям участников ВЭД (например, по взаимодействию с государственными контролирующими органами).

Инициативное влияние на ППР ВТТ позволяет заинтересованным лицам принимать участие в оценке проектов и действующих нормативных правовых актов, обращаться с предложениями о ставках таможенных пошлин на конкретные товары, о мерах нетарифного регулирования и мерах защиты внутреннего рынка, о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Административное право: учебник / Под общ. ред. А. С. Телегина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – 340 с.
2. Алексин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России. Первая часть: Учебник. – М.: Зерцало-М, 2011. – 520 с.
3. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
4. Китаева Х. И. Правотворчество в правовом государстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 24 с.
5. Ломакина Е. В. Негосударственное регулирование международных общественных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2015. – 31 с.
6. Павлов П. В. Особые административно-правовые режимы осуществления внешнеторговой деятельности (теоретико-прикладной аспект): дис. ... докт. юрид. наук. – Люберцы, 2012. – 491 с.
7. Панарина М. М. Негосударственное регулирование торговой деятельности: унифицированные правила, обычаи и своды лучших практик: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 32 с.
8. Шиндина А. В. Институт делегирования в конституционной системе власти Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Пенза, 2017. – 28 с.

44 См. также «Обзор влияния практики Суда Евразийского экономического союза на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику в ЕАЭС» (подготовлен Судом Евразийского экономического союза, по состоянию на 08.11.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://courteurasian.org/> (дата обращения: 25.02.2024).

35 Организация, предприятие, ассоциация предприятий, профессиональный союз и т.п.

36 ЕТТ ЕАЭС – Единый таможенный тариф ЕАЭС.

37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/uchastnikam-ved/spravochnaya-informacziya/tovarnaya-nomenklatura-%28tn-ved-eaes-i-tn-ved-sng%29/mexanizm-vneseniya-izmenenij-v-tn-ved-eaes-i-ett-eaes-po-inicziative-uchastnikov-ved> (дата обращения: 25.02.2024).

38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/tamozhenno_tarifnoe_regulirovanie/ (дата обращения: 25.02.2024).

39 Производитель товара, аналогичного импортируемому в Союз, объединение производителей, отраслевая ассоциация.

40 Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (Приложение № 8 к Договору о ЕАЭС).

41 П. 43 гл. IV Статута Суда ЕАЭС (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС).

42 Ст. 9 Регламента суда ЕАЭС (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 101. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 25.02.2024).

43 Решение Суда ЕАЭС от 13.06.2023 № С-1/23 «О признании Решения Коллегии ЕЭК от 31.01.2018 N 15 (в ред. от 28.01.2020) не соответствующим Договору о ЕАЭС от 29.05.2014 и международным договорам в рамках ЕАЭС». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://courteurasian.org/> (дата обращения: 25.02.2024).

ДУБРОВИНА Анастасия Николаевна

студент Института права Волгоградского государственного университета

ФАНТРОВ Павел Петрович

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ESTNE LEGALIS?

Авторами дана оценка правовой природы Международного трибунала по бывшей Югославии. В работе анализируются документы ООН и иные международно-правовые акты, регламентировавшие деятельность трибунала, а также приводится концептуальный анализ его легитимности. Авторы статьи приходят к выводу, что юридические основания для проведения Международного трибунала отсутствовали.

Ключевые слова: МТБЮ, Генеральная Ассамблея ООН, Международный Суд ООН, Совет Безопасности ООН, Международное право, правовая основа, правомерность, компетенция.

DUBROVINA Anastasiya Nikolaevna

student of the Institute of Law of the Volgograd State University

FANTROV Pavel Petrovich

Ph.D. in political sciences, senior lecturer of Procedural law and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Volgograd State University

THE LEGAL NATURE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL TRIBUNAL FOR THE FORMER YUGOSLAVIA: ESTNE LEGALIS?

The authors assess the legal nature of the International Tribunal for the Former Yugoslavia. The work analyzes UN documents and other international legal acts that regulated the activities of the tribunal, and also provides a conceptual analysis of its legitimacy. The authors of the article come to the conclusion that there were no legal grounds for holding the International Tribunal.

Keywords: ICTY, UN General Assembly, International Court of Justice, UN Security Council, International law, legal basis, legality, competence.

Международный трибунал по бывшей Югославии (далее по тексту – МТБЮ) был учрежден резолюцией № 827 (1993) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее по тексту – СБ ООН), на основании главы VII Устава ООН, которая была принята 25 мая 1993 г. Полномочия МТБЮ продлевались несколько раз. За время своей работы трибунал рассмотрел уголовные дела в отношении 161 человека и вынес обвинительные приговоры по многим из них (90 – были осуждены). Он стал первым трибуналом, созданным ООН, для расследования и вынесения приговоров по делам о военных преступлениях. В рамках МТБЮ также принимались решения о привлечении к ответственности высокопоставленных лиц государства.

Стоит отметить, что данный трибунал является *ad hoc* судебным органом. Главной целью учреждения данного трибунала, согласно резолюции № 827, является осуществление правосудия над лицами, которые нарушили основополагающие принципы международного права на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 года. Без всякого сомнения, для того, чтобы международный судебный орган успешно выполнял стоящие перед ним задачи, прежде всего, он должен быть легитимным и независимым, каким бы могущественным он ни был. Вопрос легитимности и независимости данного трибунала до сих пор является актуальной темой для научного дискурса, о чем свидетельствует неугасимый интерес к этой проблематике, как отечественных, так и зарубежных теоретиков.

Существует несколько точек зрения относительно легитимности МТБЮ. Ряд зарубежных и отечественных исследователей полагают, что МТБЮ является законным трибуналом, созданным на основе резолюции СБ ООН, следовательно, его деятельность имеет международное признание и легитимность. Другие же ученые критикуют дея-

тельность МТБЮ и полагают, что он является инструментом политической мести, который используется для преследования только одной стороны конфликта, а именно сербов. Эти критики указывают на неравномерное применение правосудия, а также на то, что МТБЮ не провел никаких процессов в отношении военных преступлений, совершенных другими сторонами конфликта.

К работе Международного трибунала по бывшей Югославии критически относятся и российские ученые. Например, А. Г. Кибальник отметил, что работа МТБЮ была не всегда справедливой и объективной. Он отмечает, что на период ее работы она не привлекла к ответственности всех виновных в преступлениях, а также особо не обратила внимание на преступления, совершенные представителями НАТО в ходе бомбардировок Югославии в 1999 году. Кроме того, ученый считает, что МТБЮ не приложила достаточных усилий к преследованию преступлений, совершенных сепаратистами в Косово. Он отмечает, что МТБЮ должен был работать более эффективно, чтобы принести справедливость всем жертвам конфликта. В конечном счете, А. Г. Кибальник выступает за имплементацию принципа всестороннего расследования и привлечения всех виновных к ответственности в связи с конфликтами на Балканах [1, с. 182].

Еще один известный российский ученый, критически относящийся к МТБЮ – П. В. Шамаров, который утверждает, что МТБЮ создан не для достижения справедливости и наказания виновных в военных преступлениях на территории бывшей Югославии, а для наложения санкций на тех, кто не подчиняется интересам США и ЕС. Исследователь также считает, что деятельность МТБЮ приводит к подрыву международного права и созданию двойных стандартов в судебной практике. Он считает, что трибунал не имеет никакого морального авторитета и не может служить примером для

других стран. В целом, П. В. Шамаров относится к деятельности МТБЮ критически и считает, что его деятельность не соответствует международным стандартам и не способствует урегулированию конфликтов на Балканах или в других частях мира [3, с. 132].

К российским исследователям в области международного права, которые критикуют работу МТБЮ, можно отнести Н. Г. Михайлова. В статье под названием «Уголовный трибунал по бывшей Югославии. В данной статье ученый заявлял, что компетенция трибунала не была установлена на законодательном уровне, а это может привести к проблемам в рассмотрении уголовных дел. Он также критиковал МТБЮ за то, что он не смог осуществить закрепленную за ним миссию по поддержанию мира и стабильности на Балканском полуострове и заставить преступников понести ответственность за свои деяния. Вместо этого, по словам Н. Г. Михайлова, трибунал стал предметом политических манипуляций и уклонений [5, с. 133].

Хотя МТБЮ был создан ООН, он не был подчинен никаким другим органам или учреждениям ООН. Это означает, что МТБЮ был независимым международным судом, имеющим свою юрисдикцию и компетенцию для рассмотрения определенных уголовных дел.

Давая оценку юридической природе МТБЮ, первым, с чего следует начать – с рассмотрения правовых основ его создания. Это возможно путем анализа документов ООН и других международно-правовых актов, которые определили деятельность данного трибунала.

В своей деятельности МТБЮ руководствовался собственным Уставом, в котором содержались материально-правовые, организационно-правовые и процессуально-правовые нормы, определяющие его компетенцию.

Материально-правовые нормы в Уставе МТБЮ определяли сферу его правового регулирования. Он содержал нормы уголовного права и международного гуманитарного права, которые являлись фундаментальной основой для функционирования деятельности в рамках МТБЮ. В Уставе МТБЮ содержались определения различных преступлений, включая военные преступления и преступления против человечности.

Организационно-правовые нормы в Уставе МТБЮ определяли структуру и основные принципы организации МТБЮ. Они содержали положения о составе и назначении судей и прокуроров, формировании аппарата трибунала и его органов, а также о проведении заседаний и принятии решений.

Процессуально-правовые нормы в Уставе МТБЮ регулировали процессуальные аспекты его работы. Они определяли порядок возбуждения уголовных дел, проведения расследования и допросов свидетелей, аргументации и представления доказательств, принятия решений и вынесения приговоров. МТБЮ проводил следственные и судебные процедуры, выносил приговоры и наказания. Благодаря работе этого трибунала были признаны виновными и осуждены многие военные и политические лидеры, а также другие причастные к преступлениям лица, совершенным в ходе бывшей югославской войны.

МТБЮ при осуществлении правосудия по уголовным делам, руководствовался нормами международного гуманитарного права, включая Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, а также нормы об уголовной ответственности за нарушения этих конвенций. Тем не менее, МТБЮ при осуществлении правосудия нарушил основополагающие принципы международного права, а также и общие принципы международного уголовного и уголовно-процессуального права. Например, нарушено право на справедливое судебное разбирательство, поскольку процессы в МТБЮ часто проходили с нарушением процедурных гарантий, а обвиняемые не всегда имели возможность защитить

свои интересы. Кроме того, работа МТБЮ нарушала презумпцию невиновности обвиняемых. Данный факт обусловлен тем, что многие процессы в рамках МТБЮ основаны на доказательствах, которые не соответствуют стандартам материального права или не подтверждаются должным образом. Имеется и юридическая коллизия: в Уставе МТБЮ отсутствует специальная глава, посвященная общим принципам уголовного права. Однако, несколько общих принципов уголовного права в нем все-таки упоминается, а именно: принцип *non bis in idem*, принцип равенства всех лиц перед Международным трибуналом и принцип справедливости.

В контексте тематики исследования можно выделить две категории процессов, где нарушение вышеуказанных принципов достигли наивысшего уровня.

К первой группе нарушений следует отнести процессы против обвиняемых (Слободан Милошевич, Воислав Шешель, Момчило Краишник, Милан Милутинович и др.), в отношении которых выдвинуты ложные обвинительные акты. Полагаем, МТБЮ был инструментом для достижения политических целей и манипулирования судебными процессами, что, безусловно, повлияло на объективность и справедливость вынесенных судебных решений (приговоров). Обосновывая данный тезис, следует заметить, что МТБЮ концентрировался преимущественно на преступлениях, совершенных сербскими военными и полицейскими во время войны в Боснии и Герцеговине в 1990-х годах, но игнорировал другие случаи насилия, включая преступления, совершенные против сербов. На наш взгляд, трибунал должен был учитывать сложность конфликта на Балканском полуострове и назначать справедливые наказания для всех сторон военного конфликта, а не только для сербских военных и политических лидеров.

Ко второй группе следует отнести процессы в отношении реальных преступников, обвинение в отношении которых было выдвинуто с целью вывести трибунал из-под критики за дискриминационную политику к сербам (процессы в отношении Н. Орича, С. Халиловича и Харадиная). Можно прийти к умозаключению, что имело место быть селективность в привлечении уголовной к ответственности. Стоит подчеркнуть, что трибунал потратил огромное количество денег и времени на свою деятельность, тем не менее, не все основные фигуры югославской войны были осуждены.

Таким образом, стоит отметить, что некоторые процессы, проведенные в МТБЮ, характеризуются грубыми нарушениями международного права, к которым следует отнести:

во-первых, нарушение права на справедливое судебное разбирательство (в некоторых процессах были задокументированы проблемы с обеспечением права на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство, включая ограничение доступа к свидетелям и материалам дела, отклонение доказательств и другие нарушения процедуры);

во-вторых, невыполнение требований презумпции невиновности (в ряде процессах в рамках МТБЮ обвиняемые были предварительно признаны виновными еще до окончания судебного разбирательства);

в-третьих, проблемы, связанные с достоверностью свидетельских показаний (некоторые процессы были отмечены фальсификацией или подделкой свидетельских показаний, что вызывает сомнения в их достоверности и допустимости).

Вопрос о легитимности МТБЮ остается предметом дискуссии, как теоретиков, так и практиков. Мы придерживаемся позиции, что данный трибунал не был легитимным по ряду причин. Ниже приведем аргументы в качестве обоснования своей точки зрения.

Первый аргумент нелегитимности МТБЮ – в резолюции СБ ООН № 827 от 25 мая 1993 г. отсутствует правовая основа для создания МТБЮ. В частности, если проанализировать все статьи главы VII Устава ООН, то можно прийти к выводу, что

данная глава наделяет определенными полномочиями Совет Безопасности только в сфере международной безопасности. Полномочия на осуществление правосудия у СБ ООН отсутствовали. В данном случае можно усмотреть произвольное толкование главы VII Устава ООН.

В качестве второго аргумента, подтверждающего неправомерность создания МТБЮ СБ ООН, является отсутствие у него полномочий по учреждению международных судебных органов. В Уставе ООН отсутствует какое-либо положение, легитимизирующее СБ ООН создавать международные трибуналы или иные судебные инстанции. В соответствии с статьей 29 Устава ООН, СБ ООН может устанавливать только вспомогательные органы, которые должны исполнять его функции и полномочия. Давая правовую оценку статье 92 главы XIV Устава ООН, можно прийти к заключению, что единственной судебной инстанцией ООН является Международный суд, имеющий исключительное право на осуществление правосудия. Следовательно, СБ ООН не обладает полномочиями по осуществлению правосудия над преступниками бывшей Югославии. В рамках резонансного уголовного дела «Прокурор против Д. Тадича» судьи трибунала попытались оправдать действия СБ ООН, ссылаясь на создание Административного трибунала ООН. Вероятно, судьи использовали «лазейку» для подтверждения легитимности действий СБ ООН в обеспечении мира и безопасности на территории Югославии. Тем не менее, если детально проанализировать правовую основу функционирования данного органа, можно прийти к ряду интересных умозаключений: во-первых, он был создан по указанию Генеральной Ассамблеи; во-вторых, рассматриваемый судебный орган представляет собой судебный орган, который рассматривает административные споры, возникающие между Организацией Объединенных Наций и ее сотрудниками. Его основная задача – обеспечить справедливость и защиту прав и интересов сотрудников ООН в контексте их службы. Исходя из этого, можно заключить, что МТБЮ и Административный трибунал ООН имеют совершенно разные цели, компетенции и объекты юрисдикции. Они отличаются по своей природе и функциям, и их деятельность направлена на разные аспекты международного права: МТБЮ сосредоточен на преступлениях против человечности и военных преступлениях во время конфликта, в то время как Административный трибунал ООН занимается внутренними трудовыми вопросами организации.

Обосновывая третий аргумент в поддержку нелегитимности МТБЮ, стоит отметить, что Генеральная Ассамблея не была вовлечена в создание данного трибунала, хотя ее участие могло гарантировать полное представительство международного сообщества. В соответствии с Уставом ООН Ассамблея уполномочена рассматривать доклады СБ ООН и выносить рекомендации по вопросам или делам, относящимся к полномочиям и функциям любого из органов ООН. Таким образом, можно сделать вывод, что СБ ООН целенаправленно решил не вовлекать в процесс Генеральную Ассамблею ООН.

Авторитетный отечественный юрист-международник, профессор И. И. Лукашук, придерживается точки зрения, что «...учреждать международные органы или международные уголовные суды необходимо только путем мирного и всестороннего подписания договора или соглашения государствами, что соответствует основным принципам международного права» [2, с. 46]. Разделяя данную позицию, стоит отметить, что в истории были примеры правомерного создания Международного трибунала. Так, интересным с доказательной точки зрения является Нюрнбергский трибунал. Данный трибунал был создан на основе международного соглашения союзных держав: СССР, США, Великобритания и Франция. Стоит отметить, что военные действия Третьего рейха в 1939 – 1945 гг. были юридически квалифицированы как международные преступления. В основу соглашения

были положены основные принципы ООН, и стороны это неоднократно подчеркивали. Таким образом, если сопоставить данные трибуналы, то мы видим, что в случае МТБЮ был образован незаконно, поскольку он был учрежден не на основании международного договора или консолидированного нормативного правового акта государств.

Всесторонне оценивая проблему легитимности образования МТБЮ, нельзя не дать оценку точкам зрения сторонников правомерности создания данного трибунала. В частности, многие западные ученые указывают на то, что СБ ООН имел право создавать международные трибуналы на основании статьи 29 Устава ООН. Данная позиция представляется противоречивой, поскольку сама Апелляционная камера, в Деле Тадича, констатировала факт того, что СБ ООН не является судебным органом, ссылаясь на статью 41 Устава ООН. В научной литературе встречаются и другие аргументы сторонников законности создания МТБЮ, среди которых встречаются следующие: «учреждение Международного трибунала непосредственно входит в компетенцию Совета Безопасности»; «подготовка договора и его последующая ратификация необходимым числом государств для вступления его в силу требовало значительного времени, которое отсутствовало у Совета Безопасности» [4, с. 262-263]. На наш взгляд, данные аргументы следует считать необоснованными, поскольку они противоречат фундаментальным принципам международного права.

Таким образом, в статье рассмотрена проблема создания МТБЮ исключительно с правовой точки зрения. Проанализирован ряд документов ООН, в частности Устав ООН и Резолюция СБ ООН, которые определили деятельность МТБЮ. Кроме этого, в контексте данной проблематики дана оценка концептуальным подходам отечественных и зарубежных юристов-международников. В результате проведенного исследования можно прийти к выводу, что в резолюции № 827 юридически не обосновано решение Совета Безопасности ООН о создании МТБЮ. Более того, в Уставе ООН нет полномочий СБ ООН по осуществлению правосудия. Исходя из этого, можно заключить, что СБ ООН не только нарушил базовые принципы международного права, пренебрегая действующим международным правом, но и не учел мнения стран-участников ООН по данному конфликту.

Представляется, что это является «золотой серединой» указанной дискуссии, которая полностью соотносится с требованиями чч.1 и 2 ст.171, а также ч. 4 ст. 7 УПК. Между тем, процессуальный, строго установленный порядок принятия решений субъектами уголовной юрисдикции призван быть одной из гарантий, направленных на защиту прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в процессе по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Кибальник А. Г. Куда идет международная уголовная юстиция? // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 2.
2. Лукашук И. И. О недействительности международных договоров // Государство и право. – 2005. – № 8.
3. Михайлов Н. Г. Международный Уголовный трибунал по бывшей Югославии. Проблемы компетенции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2006. – № 1.
4. Новиков С. С. Проблемы нелегитимности создания Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 1.
5. Шамаров П. В. К вопросу о деятельности международного трибунала по бывшей Югославии // Вестник Академии права и управления. – 2015. – № 4.

КЛЯЧИН Вячеслав Матвеевич

доктор юридических наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАГИРОВАНИЯ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭПИДЕМИЙ

Статья посвящена рассмотрению международно-правовых проблем реагирования на возникновение и распространение эпидемий (на примере COVID-19). Отдельно рассмотрена проблема прогнозирования сценария развития обстановки на первоначальном этапе крупномасштабного инфекционного заражения.

Ключевые слова: инфекции, пандемия, международно-правовое регулирование борьбы с эпидемиями, реагирование, прогнозирование.

KLYACHIN Vyacheslav Matveevich

Ph.D. in Law

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF RESPONSE TO THE EMERGENCE AND SPREAD OF EPIDEMICS

The article is devoted to the consideration of international legal problems of responding to the emergence and spread of epidemics (using the example of COVID-19). The problem of predicting the scenario for the development of the situation at the initial stage of large-scale infectious infection is considered separately.

Keywords: infections, pandemic, international legal regulation of the fight against epidemics, response, forecasting.

Борьба с эпидемиями и инфекционными заболеваниями представляет собой деятельность государств и других субъектов международного права, направленную на всестороннее взаимодействие и развитие механизма совместных действий при возникновении чрезвычайных ситуаций и эпидемий, основанную на принципах и нормах международного права.

Человечество пришло к осознанию того, что самостоятельно бороться с эпидемиологическими заболеваниями, проводить превентивные мероприятия и ликвидацию их последствий очень сложно и малопродуктивно. Предупреждение и ликвидация, сдерживание распространения эпидемий на международном уровне является элементом системы обеспечения международной безопасности.

В мировой практике несмотря на предпринимаемые государством меры на превентивных этапах предотвращения крупных эпидемий, порой перерастающих в пандемии международного масштаба, на сегодняшний день так и остается неурегулированной сфера, опосредованная началом распространения этого чудовищного явления. Данный период характеризуется максимальными разрушениями и потерями, а с другой стороны – максимальной парализацией всех задействованных в ликвидации сил и средств.

Чтобы сдержать распространение неизученного вируса COVID-19 в мире были приняты беспрецедентные меры. Ярким примером можно рассмотреть развитие событий в Польше. Как об этом признает Жбиковский В. из Университета им. Адама Мицкевича в Познани, несмотря на то, что правительство Польши приложило большие усилия, чтобы облегчить сложные условия, возникшие из-за коронавируса, действовало оно «... к сожалению, без хорошо продуманного плана, слишком хаотично» При этом он констатирует полную невозможность прогнозирования событий даже на ближайшую перспективу [1]. При реагировании в Польше на первую волну пандемии коронавируса правительство решило принять так называемый «антикризисный щит», т. е. правовые и экономические меры, которые должны помочь находящимся в тяжелом состоянии предприятиям. Главной его составляющей являются законы: об особенных мерах, связанных с предотвращением, противодействием и борьбой с COVID-19, другими вызванными ими кризисными ситуациями (принят еще 2 марта), и об особенных мерах помощи в связи с распространением вируса SARS-CoV-2 (принят 16 апреля). В сфере трудового права польский законодатель принял решения, временно сделавшие правила работы и отдыха более гибкими.

Мировая практика борьбы с крупномасштабными эпидемиями показывает, что к пандемиям, ввиду катастрофиче-

ского сценария распространения инфекции и непредсказуемости характера развития событий в отличие от обычных эпидемий, подготовиться невозможно. В то же время масштабы последствий, грозящие нормальному функционированию и развитию не только отдельных государств и регионов мира, но цивилизации в целом, заставляют человечество искать пути решения проблем как обеспечения деятельности, так и заблаговременной подготовки. Для лиц, принимающих управленческие решения в условиях подобных биологических катастроф, остро необходима информация о прогнозировании развития обстановки.

Применяемые методики, основанные на анализе складывающейся ежедневной ситуации, опыте борьбы с эпидемиями, с которыми пришлось столкнуться человечеству в прошлом, а также методах адаптивного управления и др., позволяют выработать прогнозы лишь недолгосрочного характера и являются недостаточно точными и недостаточно научно обоснованными [2]. А это в свою очередь, сопряжено с просчетами в принятии решений на высоком государственном уровне, ведет к ненужным экономическим и политическим потерям, дополнительным человеческим жертвам и т.д.

Рассмотрим предложенную автором методику прогнозирования сценария распространения инфекции коронавируса COVID-19 в России во время пандемии на примере г. Москвы, разработанную в начале мая 2020 года [3].

В основу методики заложены основные идеи, использованные ранее автором при разработке модели техногенной катастрофы, основывающиеся на положениях теории катастроф [4].

Как показывает опыт участия человечества в борьбе с периодически возникающими на планете эпидемиями, успех предпринимаемых усилий по предотвращению распространения инфекции во многом зависит от своевременности и правильно проводимых карантинных и профилактических мероприятий. В то же время он во многом зависит и от внутренних свойств и параметров подверженных инфекционному заражению самих территориальных Систем с проживающим на них населением. Под Системой, в нашем случае в целом, понимается, к примеру, такое крупное территориальное объединение, как мегаполис г. Москва, включающее социальные, экономические, политические и иные институты со всеми внутренними и внешними связями. Прежде всего следует говорить о плотности населения, коммуникативности и характере взаимодействия как между отдельными индивидуумами, так и группами людей, их организованности, законопослушности и т.д. Наряду с предпринимаемым комплексом мер на общий уровень живучести Системы влияет

и популяционный иммунитет как состояние специфической защищенности популяции, всего населения, отдельных его групп, слагающееся из иммунитета индивидуумов, входящих в эту популяцию [5]. Собственно достижение популяционного иммунитета может стать той ключевой точкой, после которой начинает затухать волна эпидемии. Хотя данная точка зрения вызывает большой пессимизм у специалистов. Так, по мнению к.м.н. Евгения Зайцева, сооснователя и генерального партнера фирмы Helix Ventures, сроки приобретения коллективного иммунитета против COVID-19 могут составить многие месяцы и годы.

Сущность исследования автора сводится к анализу графической зависимости математической модели распространения COVID-19, построенной на основе «сборки Уитни» из теории катастроф [6]. Анализируются участки и условия перехода Системы из состояния покоя в состояние «катастрофа», т.е. «пандемия». Рассматриваются 2 возможных сценария перехода:

А) катастрофическим скачком, сопровождающимся состоянием неопределенности через гистерезис;

Б) плавно без разрывов и скачков.

В качестве рабочего выбирается вариант Б). При этом теоретическая форма кривой зараженности населения напоминает синусоиду с «точкой перегиба» (назовем ее точкой O) в начале координат. В этой точке Система плавно переходит в состояние «пандемия». Собственно, это и произошло в России в мае 2020 года.

В первоначальный период распространения пандемии на территории России благодаря своевременно принятым усилиям со стороны руководства страны и всего российского общества удалось избежать неуправляемого сценария развития событий, также больших непредвиденных потерь. Ситуация развивалась без каких-либо непредвиденных катаклизмов и скачков, весь период находилась под контролем государства.

Чего, собственно, не скажешь о сценариях развития пандемии на территориях, к примеру, стран европейского содружества и США, в частности. Там защитные и профилактические мероприятия были проведены, к сожалению, с большим запозданием. Зараженность населения инфекцией в этих странах скачком перешла в состояние «катастрофа». Хотя у них было время, когда еще можно было принять необходимые меры. Как следствие – практически во всех странах это привело к неоправданно большим летальным потерям среди населения, огромному числу зараженных и к невозможности организации адекватного реагирования как со стороны государственных органов, так и отдельных граждан.

В России вовремя принятыми мерами удалось прежде всего отодвинуть период значительного нарастания пандемии. Хронология развития событий показывает, что первые случаи заражения в Нью-Йорке и Москве официально фиксируются практически одновременно, в самом начале марта [7]. В то же время по сравнению с Нью-Йорком, когда там приблизительно 21 марта [8] наступил период лавинообразного катастрофического скачкообразного прироста зараженных и их численность достигла 10 тыс. человек, в Москве этот уровень был достигнут только 12 апреля [9], т.е. на 23 дня позже.

Возвращаясь к нашему случаю, хотелось бы подчеркнуть, что очень важным является правильное определение указанной «точки перегиба» на кривой роста количества выявленных заражений, т.е. когда реально наступает переломный момент по улучшению ситуации с пандемией.

Рассуждая далее, воспользуемся методом аналогии. Для нашего случая выберем подобную Систему-аналог. То есть Систему (мегаполис), имеющую одинаковый сценарий распространения инфекции на своей территории. Данный мегаполис должен иметь идентичность многих параметров, влияющих на ситуацию распространения коронавируса (численность и плотность населения, коммуникативность и др. – указано выше). В нашем случае в качестве Системы-аналога был выбран г.Нью-Йорк. К тому же, ввиду опережающих темпов развития пандемии на территории США, к моменту проведения эксперимента нам можно было воспользоваться отдельными уже имеющимися для Системы-аналога данными.

По сведениям INTERFAX.RU от 14 апреля 2020 года, на пресс-конференции в Белом доме американский президент Д. Трамп впервые за период от начала заражения населения США коронавирусом COVID-19 заявил, что количество зарегистрированных случаев заражения на территории США снижается [10]. Такую же точку зрения озвучил на следую-

щий день 15 апреля губернатор штата Нью-Йорк о снижении уровня смертности от коронавируса [11]. Т.е. в привязке к нашим рассуждениям, с определенным приближением дату 14 апреля 2020 года можно принять за ту точку отчета, после которой начался «перегиб» ситуации в Нью-Йорке в сторону уменьшения числа вновь выявленных зараженных. В этот день общее число инфицированных в Нью-Йорке достигло 203 020 человек [12].

Эту цифру «перекинем» на нашу Систему (г. Москва). То есть это дает нам полное основание полагать, что при уровне зараженности в Москве 203 020 человек в сутки произойдет стабилизация и в дальнейшем ситуация будет улучшаться в сторону уменьшения темпов роста заболеваемости. На кривой зараженности населения это будет «точка перегиба O».

Далее графически определяется дата «перегиба» ситуации с коронавирусом в Москве. При этом нижний отрезок кривой строится по результатам реальной статистики о распространении коронавируса в г. Москве по состоянию на 16 мая 2020 года. Таким образом графически определяется дата начала выхода ситуации с коронавирусом в г. Москва в сторону улучшения. **Это 26 мая.**

На основании этих данных строится первая половина графика. Учитывая, что «синусоида» является симметричной функцией, симметрично графически по аналогии достраиваем оставшуюся часть кривой зависимости зараженности COVID-19 в г. Москве. Анализ вновь полученной кривой дает основание полагать, что к середине лета 2020 года при уровне зараженности 380000 человек в сутки ситуация полностью стабилизируется и полностью прекратится рост численности вновь выявленных заражений. Отметим, что это показан пессимистический сценарий развития событий, основанный на примере неблагоприятного развития ситуации с коронавирусом в г. Нью-Йорке.

В этой связи был рассмотрен и более оптимистический сценарий развития событий, основанный на анализе реального хода ситуации с пандемией в г. Москве. Переломной датой (точкой перегиба O), когда произошла стабилизация и ситуация в дальнейшем стала улучшаться в сторону уменьшения темпов роста заболеваемости числа заражений в г. Москве по оптимистическому сценарию является 5 мая 2020 года. В насыщенной кривая зараженности населения в сутки показывает, что максимальный уровень заражения в Москве должен быть достигнут в середине июня и составлять 170 тыс. человек.

Позднее нами построен график реального развития событий с коронавирусом в г. Москве на основе реальных статистических данных по суткам, вплоть до начала июня. Траектория реального развития событий занимает промежуточное положение между оптимистически и пессимистическим сценарием.

Объясняется это прежде всего тем, что кривые пессимистического и оптимистического сценариев развития событий построены на основе рассмотрения некоторой идеализированной качественной модели.

При этом не учитывалось то, что в ходе развития пандемии происходит постоянное усовершенствование медицинского обеспечения, модернизируется оборудование, осуществляется доработка самих методов выявления новых случаев заражения, увеличивается количество и качество тестирования и т.д. К тому же к настоящему времени остается недостаточно изученным феномен приобретения коллективного иммунитета. Требуется более детальное теоретическое и практическое обоснование выбор «точки перегиба» [13].

Таким образом, на примере реагирования государства и международного сообщества системы в целом на распространение COVID-19 показано, что любая пандемия разрешается в той степени эффективно и с наименьшими жертвами, в какой степени эффективно действуют социальные институты в современном обществе, прежде всего государство. Право, как таковое является одним из наиболее, если не самым эффективным инструментом воздействия государства на общественные отношения.

В условиях пандемии возникают существенные, иногда кардинальные деформации правового пространства. Очевидно, что основополагающими целями и задачами, стоящими перед любым государством, является поддержание такого уровня развития права, которое было бы адекватным имеющемуся уровню развития общественных отношений, соответствовало бы задачам развития соответствующего государства. Одним из свойств права как системы выступает гармоничность.

Не менее важна также важна правильная оценка степени доверия общества к общегосударственной системе права. Применительно к системе реагирования на пандемию COVID-19 А.В. Воронцов показывает, что «что уровень развития COVID-19 должен в значительной степени коррелировать с уровнем правового нигилизма в обществе». Свои доводы автор обосновывает на результатах анализа развития ситуации с пандемией в некоторых странах. Одной из наиболее «законопослушных» в этом плане стран он называет Южную Корею, где степень доверия к праву в силу ряда причин (традиционализма общества, сильных конфуцианских традиций и прочих факторов, характерных для неких условных «азиатских» государств) исключительно высока [14]. На противоположном полюсе находится целый ряд государств, где уровень правового нигилизма, в силу порой совершенно различных причин, исключительно высок, а внешнее право либо населением в целом, либо значительными социальными группами в значительной степени отторгается. При этом среди таких стран приводят Бразилию, где институты государства слабы. Здесь же дискуссионно указывают на Соединенные Штаты Америки, «где в силу совпадения целого ряда причин в современный период уровень правового нигилизма у значительной части общества резко вырос..., что привело опять же к отрицанию и отторжению внешнего права заметной частью общества и, как видится, к серьезному ухудшению динамики развития пандемии»...

Наряду с гармонизацией законодательства, а также выработкой системы мер доверия населения к проводимым органами власти и управления во время эпидемий мероприятиям (порой носящих даже непопулярный характер, ввиду огромных деструктивных внешних и внутренних воздействий) необходимо также рассмотрение источников правового регулирования вопросов международного сотрудничества, принимаемые на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Глобальный уровень реализуется посредством деятельности субъектов международного права в рамках ООН, Всемирной организации здравоохранения, Международного комитета Красного Креста и др. ООН выступает форумом государств и иных субъектов международного права для изучения имеющегося опыта и подготовки резолюций и программ с целью решения глобальных проблем в области предупреждения и ликвидации последствий сдерживания распространения эпидемий на международном уровне [15]. К группе глобального уровня следует относить документы и официальные материалы Всемирной организации здравоохранения, Всемирного банка, Международного комитета Красного Креста и иных международных организаций.

Международное сотрудничество субъектов международного права на региональном уровне развивается на базе международных региональных организаций и источников права, создаваемых данными организациями. Европейский союз в области здравоохранения координирует свои действия с деятельностью национальных правительств и оказывает им поддержку. Здравоохранение (за исключением общих норм по охране труда) относится к компетенции государств-членов, в этой сфере нет обязательного к исполнению наднационального законодательства. Ситуация с противодействием коронавирусу и его последствиям в ЕС в очередной раз подтвердила существующее противоречие: с одной стороны, для более эффективного ответа на общие для Евросоюза вызовы ему необходимо иметь больше полномочий, с другой, государства-члены не готовы их передавать, особенно в политически чувствительных сферах.

Правовым закреплением совместной деятельности государств-участников СНГ в сфере международного сотрудничества по борьбе с эпидемиями стало принятие различных нормативных актов, таких как Соглашение о сотрудничестве в области санитарной охраны территорий государств-участников СНГ 2001 г., Соглашение о сотрудничестве в решении проблем вич-инфекции 1998 г., Комплекс совместных мер государств-участников СНГ по предупреждению проникновения и распространения гриппа птиц на территории государств-участников СНГ 2007 г., и др. Наряду с этим отсутствие законов в сфере реагирования на распространение инфекций до сих пор остается одним из белых пятен правовой системы стран СНГ.

К локальному уровню международного сотрудничества относят взаимодействие стран на двусторонней основе. Примером такого сотрудничества является международный договор, заключенный между Российской Федерацией и Ки-

тайской Народной Республикой «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» от 16 июля 2001 г. На этом уровне международного сотрудничества разрабатываются и принимаются документы различных государственных органов, ведомств и структур политического, экономического, медицинского и иных профилей и направлений. Государства проводят активную внутреннюю политику в области борьбы с глобальными эпидемиями и являются инициаторами разработки программ и проектов в данной сфере в международном масштабе.

Международное сотрудничество в сфере борьбы с эпидемиями и инфекционными заболеваниями представляет собой деятельность государств и других субъектов международного права, направленную на всестороннее взаимодействие и развитие механизма совместных действий при возникновении эпидемий, основанную на принципах и нормах международного права. Трансграничный характер распространения крупномасштабных эпидемий, несущих угрозу существования человечества в целом, требует консолидацию усилий всего мирового сообщества. Как показали события, связанные с распространением инфекции COVID-19, особо слабым звеном здесь является система реагирования, а также прогнозирования сценария развития ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Жбиковский В. Некоторые юридические аспекты «антикризисного щита», принятого в Польше из-за пандемии коронавируса: «Право в условиях чрезвычайных ситуаций: пределы и возможности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием». - Иркутск, 30 октября 2020 г. - С. 60-63.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://championat.com>>best.
3. Начало мая 2020 г. - тогда еще никто, даже приблизительно не мог предвидеть как будут развиваться дальнейшие события (прим. авт.).
4. Клячин В. М. Радиационные катастрофы – угроза национальной безопасности // Обозреватель. - М.: РАУ-Университет, 2013. - № 12 (287). - С. 6-14. Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. Пер. с англ. - М.: Мир, 1980. - С. 525-527.
5. Зуева Л. П., Яфаев Р. Х. Эпидемиология: уч. для вузов. - Санкт-Петербург: Фолиант, 2005. - С. 118.
6. Арнольд В. И. Теория катастроф. Изд. 5-е. - М.: Едиториал УРСС, 2009. - 136 с.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.lenta-news>reptrbndrz>; <https://www.interfax.ru>>world.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru>>Новости.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sports.ru>>others.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru>>world; см. также: coronavirus-monitor.ru.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru>>Новость>Мир.
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Yandex.ru.ncov.blog.
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Yandex.ru.coronavirus-monitor.ru
14. Воронцов А. В. Национальные особенности корейской нации, поспособствовавшие успеху борьбу против COVID-19 // Россия и Корея: взгляд из Сибири: тез. и докл. Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 10-11 окт. 2020 г. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. - С. 14-19.
15. Горлинский А. И. Международное политическое сотрудничество в области борьбы с глобальными эпидемиями на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербургский государственный университет. - Санкт-Петербург, 2008. - 158 с.
16. Клименко Е. П. Направления деятельности сотрудничества независимых государств по борьбе с инфекционными заболеваниями // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Юридические науки». - 2014. - Том 27 (66). № 2. - С. 49-57.

ЛЕБЕДЕВА Яна Игоревна

научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук (РАН)

ДУАЛИЗМ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ ИРЛАНДИИ И ГЕРМАНИИ

Статья посвящена одной из «традиционных» теорий соотношения международного и внутригосударственного права, дуализму. Рассматриваются теоретические основания и практическая реализация этой концепции в виде действий по трансформации норм международного права во внутригосударственное право. Материальная инкорпорация подробно иллюстрируется на примере Ирландии, а формальная – на основе практики Германии. В статье определяется роль, которую в дуалистических системах играет принцип согласованного толкования. Также рассматривается, какой ранг занимают нормы международного права в иерархии внутригосударственных актов, таких как конституция, закон и подзаконные акты. Затрагивается и проблематика применения норм международных договоров национальными судами. Делается вывод, что дуалистические особенности отдельных европейских государств все более уходят в прошлое, что связано с большим числом принимаемых международных договоров, развитием информационных технологий и трансформацией судебной деятельности.

Ключевые слова: правовые системы, дуализм, трансформация, инкорпорация, согласованное толкование, конституция, Ирландия, Германия.

LEBEDEVA Yana Igorevna

scientific researcher of the Human Rights Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (RAS)

DUALISM OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW IN THE PRACTICE OF IRELAND AND GERMANY

The article is dedicated to one of the “traditional” theories concerning the interaction of international law with domestic law, namely dualism. It examines the theoretical foundations and practical realization of dualistic approach in the form of transformation of international law into domestic law. Material incorporation is illustrated in detail using the example of Ireland, while formal incorporation is based on the practices of Germany. The article defines the role played by the principle of harmonious interpretation in dualistic systems. It also discusses the hierarchy of norms of international law within domestic legal acts such as the constitution, laws and other legal acts. The issue of the application of norms of international treaties by national courts is addressed. The conclusion is drawn that many dualistic features of certain European states are increasingly becoming a thing of the past, due to the growing number of international treaties, the development of information technologies, and the transformation of judicial activities.

Keywords: legal systems, dualism, transformation, incorporation, agreed interpretation, constitution, Ireland, Germany.

В международном праве существуют две основные концепции соотношения международного и внутригосударственного права – дуализм и монизм. Несмотря на то, что они представляются в качестве противоположных правовых воззрений, общим для них выступает то, что они развивались в рамках позитивистской концепции правопонимания. Б. Бонафе указывает, что обе концепции демонстрируют сходное отрицание естественно-правового подхода в международном праве. Исторически в период разработки указанных доктрин, то есть с конца XIX в. до окончания Второй мировой войны, такой подход считался антинаучным [1, с. 381]. Дуализм, представителями которого являются Г. Трипель и Д. Анцилотти, возникает в Германии и Италии практически одновременно с монистической доктриной (Г. Кельзен, А. Фердросс, А. Меркель, Й. Кунц и др.).

Истоки дуализма как юридической теории восходят к работе Г. Трипеля «Внутреннее и международное право» 1899 г. [2]. Автор указывает на принципиальное различие международного и внутригосударственного права. По его мнению, они подобны «двум кругам, которые никогда не пересекаются» [3, с. 83], то есть представляют собой разные правовые системы, которые не находятся в состоянии иерархической соподчиненности¹. Логическим следствием этого

является невозможность возникновения конфликтов между нормами международного и внутригосударственного права.

В своей работе Г. Трипель обращает внимание на отсутствие какого-либо организованного сообщества, которое бы устанавливало обязательные нормы в отношении государств [2, с. 17]. Международное право, напротив, имеет согласительную природу. Как указывал Д. Анцилотти в основе международного права лежит «согласованная воля государств в целях регулирования их взаимного поведения» [4, с. 61-62]. При этом согласованная воля представляет собой единство, отличное от простой суммы волеизъявлений. Субъектами международного права могут быть только государства [4, с. 95, 125]. Индивиды не могут выступать в качестве субъектов международного права. Даже если какое-либо государство признает индивидов субъектами или адресатами международно-правовых норм – это будет равнозначно предписанию того, что невозможно [4, с. 132-135].

Исходя из теоретических представлений о разности правовой природы внутреннего и международного права следует принципиальная невозможность регулирования последним поведения частных лиц на национальной территории. Поэтому, по мнению Трипеля, необходимо осуществить какую-либо внутригосударственную процедуру, которая знаменует собой «трансформацию» (нем. – *Umguss*) международных норм во внутренние правовые предписания. Обычно это предполагает издание внутреннего акта, в котором прямо или косвенно указывается, что какой-либо источник международного права может применяться на национальной территории. В таком внутреннем акте могут уточняться отдельные вопросы применения источника международного

¹ Д. Анцилотти также отмечал, что соподчиненность является идеей исключительно внутригосударственного права, регулирующего отношения в сообществе, которое юридически организовано и, таким образом, имплицитно содержит идею превосходства и подчинения – верховной власти сообщества людей над отдельными индивидами [4, с. 59-60].

права, а также частично или полностью воспроизводиться его положения.

Трансформацию как внутригосударственную процедуру необходимо отличать от выражения согласия на обязательность договора. Последнее является международно-правовой процедурой, которая осуществляется от имени договаривающихся сторон. Оно получает выражение в форме подписания договора; обмена документами, образующими договор; утверждения; присоединения к нему или любым другим способом, о котором договорились государства (ст. 11 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.²). После этого международный договор становится обязательным на международном уровне во взаимоотношениях государств, однако это ничего не говорит о том, как договор действует во внутреннем праве. Трансформация отличается также от вступления в силу международного договора как завершающей стадии его заключения. Вступление в силу обычно осуществляется с определенной даты или наступления юридически значимого события, определенного в самом международном договоре (например, ратификации международного договора определенным количеством государств).

После вступления договора в силу по международному праву государство, обычно в лице законодательной власти, осуществляет издание акта, определяющего условия действия договора во внутреннем праве. Однако конкретные действия, которые в данной связи может осуществить государство, международным правом не регламентируются. По общему правилу каждое государство свободно в выборе таких средств трансформации международного договора, которые оно сочтет необходимыми. После завершения процесса трансформации такие нормативные положения «больше не являются международным правом с точки зрения его применения на национальном уровне» [5, с. 41]. Они становятся источником внутригосударственного права.

Неосуществление государством трансформации международного договора, даже после его вступления в силу, само по себе не представляет собой нарушение международных обязательств, в том числе принципа *pacta sunt servanda* (лат. – договоры должны соблюдаться). Как отмечается в Решении Федерального конституционного суда Германии 2 BvL 1/12 от 15 декабря 2015 г.³, хотя этот принцип [*pacta sunt servanda* – Л.Я.] и возлагает на государство особую обязанность (согласно международному праву) по отношению к соответствующим сторонам договора, этот принцип никоим образом не регулирует действительность и юридический статус международных договоров на национальном уровне (п. 47).

Английский юрист Р. Хиггинс отмечает, что определенное упрощение представляет утверждение о большей приверженности дуалистическому подходу стран общего права, чем государств, принадлежащих к континентальной правовой традиции [6, с. 928]. Однако нельзя отрицать, что дуализм является важной частью правовой культуры стран общего права. Исторически он существовал в Великобритании со времен учреждения парламента, когда (как и сейчас) заключение международных соглашений входило в прерогативу Короны. Английский парламентаризм предполагает, что обязательные для населения предписания должны исходить от органа законодательной власти, который рассматривается в качестве носителя суверенитета. На практике это потребовало, чтобы текст международного договора с дополнительными указаниями в отношении того, как его исполнять, был воспроизведен в акте Парламента. Такая юридическая техника стала называться материальной инкорпорацией, а также

получила неофициальное наименование «Вестминстерская модель» [7, с. 51-52].

Воспроизведение текста международного договора в акте парламента исторически рассматривалось в качестве инструмента ознакомления населения с его текстом. Поскольку в настоящее время тексты международных договоров доступны для широкой общественности, в том числе благодаря распространению информационно-телекоммуникационных технологий, материальная инкорпорация постепенно уходит в прошлое. Даже в Республике Ирландии, которая традиционно следует модели материальной инкорпорации, текст договора в акте инкорпорации воспроизводится не всегда. В качестве примера можно привести Акт о Европейских сообществах 1972 г.⁴, который содержит общее положение о том, что учредительные и иные важнейшие договоры, перечень которых определен в акте, а также нормы вторичного права являются обязательными для государства и становятся частью его внутреннего права на условиях, изложенных в договорах (разд. 2). Однако далее отсутствуют типичные для актов, осуществляющих материальную инкорпорацию, приложения (англ. – *schedules*), в которых текст международного договора воспроизводится в неизменном виде.

Согласно положениям Конституции Ирландии 1937 г. никакое международное соглашение не может являться частью внутреннего права государства иначе, чем это определено Парламентом (ч. 6 ст. 29). Указанное правило не предполагает каких-либо отступлений⁵, за исключением договоров, которые рассматриваются в качестве норм международного обычного права. Примером может выступать Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. Подобные соглашения не предполагают необходимости осуществления трансформации и являются нормами непосредственного применения.

У. Бернам указывает, что дуалистические государства можно рассматривать в качестве «монистов правового обычая» [8, с. 1057-1058], поскольку абсолютное большинство из них в настоящее время признает непосредственное применение международных обычаев. Подобный подход свойственен умеренному дуализму, основоположником которого является Д. Анцилотти. В отличие от Г. Трипеля, он отмечал, что не все международные нормы основаны на прямом волеизъявлении государств. В частности, международные обычаи представляют собой «молчаливое соглашение», когда «воля государств, обязывающая взаимно придерживаться определенного образа поведения, вытекает из фактов» [4, с. 83]⁶. В последующем начинают выделяться и международно-правовые нормы *ius cogens*. Это такие нормы международного права, которые признаются международным сообществом государств в целом и отклонение от которых недопустимо⁷.

Однако по праву Ирландии международные договоры, нормы которых не имеют характера международного обычая, по общему правилу подлежат трансформации. В отличие от учредительных договоров Европейских сообществ, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁸, а также протоколы к ней были полностью воспроизведены в пяти приложениях акта об имплементации. Помимо указанных приложений Акт о Европейской конвен-

2 Венская конвенция о праве международных договоров (г. Вена, 23 мая 1969 г.).

3 Federal Constitutional Court of Germany (Second Senate). Case 2 BvL 1/12. Order of 15 December 2015.

4 Republic of Ireland. European Communities Act No. 27 of 6 December 1972.

5 Supreme Court of Ireland. Case No. 13 S.S. 1957. Re Ó Laighléis. Decision 1 January 1961.

6 Согласно устоявшемуся нормативному определению, международный обычай трактуется «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Подробнее см.: Статут Международного суда (г. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). Ст. 38.

7 Венская конвенция о праве международных договоров (ст. 53).

8 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 04 октября 1950 г.).

ции по правам человека 2003 г.⁹ содержит 9 разделов, посвященных практическим последствиям придания Конвенции юридической силы в национальном правовом порядке. Разделы 2, 3 и 4 Акта предусматривают необходимость обеспечения толкования и применения любой нормы внутреннего права способом, совместимым с международными обязательствами государства в соответствии с Конвенцией, а также решениями Европейского суда, Европейской комиссии по правам человека и Комитета министров Совета Европы.

Д. Анцилотти отметил, что, даже если придерживаться дуализма, принципиальное несоответствие международного и внутригосударственного права может быть частично сглажено с помощью осуществления согласованного толкования [4, с. 70]. Впервые важность подобного согласования положений международного и внутреннего права было подчеркнута в прецеденте Верховного суда США *Murray v. The Charming Betsey* 1804 г.¹⁰ В Решении по делу суд указал, что акт Конгресса не должен толковаться так, чтобы нарушать международное право, если остается хоть какая-либо возможность иного толкования [4, с. 118]. В настоящее время правила о необходимости осуществления согласованного толкования (англ. – *consistent interpretation*) получают значительное распространение и представляют собой устоявшуюся в практике государств, вне зависимости от приверженности дуализму или монизму, юридическую методологию. Она используется в том числе при толковании конституционных актов в соответствии с международными обязательствами государства. Это позволяет сделать вывод о том, что даже в рамках дуализма, правовые системы не всегда рассматриваются в качестве абсолютно автономных, а скорее, как ограниченно открытые и взаимно соприкасающиеся. Таких умеренных взглядов на взаимодействие международного и внутригосударственного права придерживалась и советская школа международного права, хотя в целом дуализм (как и монизм) рассматривался в качестве антисоветской буржуазной идеологии.

Положения международных договоров, которые прошли процедуру трансформации, приобретают статус во внутреннем праве Ирландии, равный по юридической силе акту инкорпорации. Д. Фелан указывает, что даже после инкорпорации нормы международных договоров в Ирландии никогда не смогут приобрести конституционный статус [9, с. 896]. В большинстве случаев они равны по юридической силе закону или подзаконному акту. Если между актом инкорпорации, который воспроизводит положения договора, и другими нормами внутреннего права государства возникает конфликт, он разрешается в соответствии с такими «традиционными» принципами, как *lex superior derogat inferiori* (рус. – закон более высокой ранга отменяет законы более низкой юридической силы); *lex posterior derogat priori* (рус. – закон, принятый позднее, отменяет те, что были приняты ранее) и *lex specialis derogat generali* (рус. – специальный закон отменяет более общие).

В настоящее время материальная инкорпорация рассматривается в качестве устаревшей правовой модели. Рост числа международных договоров требует большей гибкости и скорости в отношении придания внутреннего действия положениям международного права. По этой причине большинство современных государств, которые придерживаются дуалистического подхода, больше не прибегают к материальной инкорпорации. Так, Б. И. Осминин рассматривает в качестве государств формальной (процедурной) инкорпорации Германию, Австрию, Италию, Грецию и Финляндию. В таких государствах для включения международного договора в национальную правовую систему требуется лишь име-

ющее процедурный характер предписание, обязывающее к применению данного договора [10, с. 215-217].

В качестве примера можно рассмотреть парламентскую практику, которая получила распространение в Германии. Полномочия по заключению международного договора возложены Основным законом исключительно на Федерального президента (абз. 1 ст. 59). Реализация таких полномочий требует согласия или содействия Парламента (абз. 2 ст. 59). Содержание конституционных терминов «согласие или содействие» является довольно абстрактным. На практике Парламент издает акт смешанной правовой природы: с одной стороны, он символизирует одобрение международного договора перед его вступлением в силу по международному праву, то есть является законом о ратификации (одобрении) (нем. – *Ratifikationsgesetz, Zustimmungsgesetz*); а, с другой, содержит отдельные положения о действии международного договора во внутреннем праве, то есть представляет собой акт инкорпорации [11, с. 5]. В частности, Парламент обладает полномочиями по самостоятельному определению даты вступления договора в силу во внутреннем праве. По этой причине такой акт также приобретает название “*Vertragsgesetz*”, что переводится на русский язык как «закон о переносе сроков».

Двойственная природа такого акта вызвала дискуссии в научной литературе и судебной практике. Немецкий исследователь С. Кадельбах пишет, что такая природа акта Парламента порождает сомнения в отношении того, к какой модели, монистической или дуалистической, тяготеет Германия [12, с. 185]. Однако не вызывает сомнений, что акт, издаваемый немецким парламентом, по своей природе является «иным, чем подписание, ратификация, принятие, утверждение или присоединение» [10, с. 92]. Таким образом, Парламент издает акт смешанной правовой природы, который не только одобряет действия Федерального президента в отношении заключения международного договора, но и представляет собой собственное предписание законодательного органа в отношении применения договора на национальной территории, что отвечает критериям формальной инкорпорации.

Положения международного договора, которые были инкорпорированы во внутреннее право Германии, может иметь статус, равный закону¹¹ или акту исполнительной власти (декрета, министерского соглашения и т.д.). В 2015 г. Федеральный конституционный суд рассмотрел дело, связанное с международным договором об избежании двойного налогообложения между Турцией и Германией 1985 г.¹² Указанным договором были установлены иные правила налогообложения дохода от занятости, чем те, которые были предусмотрены поправками в налоговое законодательство 2003 г. В Решении ФКС было подтверждено, что международные договоры имеют статус обычного закона (п. 19), поэтому при возникновении нормативной коллизии используются «традиционные» правила их разрешения – *lex posterior* и *lex specialis* (п. 21). Поскольку положения международного договора прямо противоречат нормам закона, который был принят позднее, последние будут преобладать (п. 36-37). Суд уточнил, что неписанный принцип дружественности по отношению к международному праву, установленный в практике ФКС, не может привести к иному результату разрешения коллизии, поскольку представляет собой не более, чем принцип толкования и не налагает на законодательную власть обязанности следовать международному праву (п. 28-30). В другом деле содержалось уточнение о том, что отклониться

9 Republic of Ireland. European Convention on Human Rights Act No. 20 of 30 June 2003.

10 Supreme Court of the United States. *Murray v. The Charming Betsey*. 22 February 1804.

11 Это касается даже таких международных договоров, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

12 Federal Constitutional Court of Germany. Case No. 2 BvL 1/12. Violation of international law. Order of 15 December 2015. 141 BVerfGE 1.

от правил разрешения коллизий можно лишь в случае нарушения важнейших интересов государства, например, международного сотрудничества в области безопасности¹³.

Несмотря на то, что парламент в дуалистических системах дополнительно уточняет, каким образом будет применяться договор, он не может предусмотреть все аспекты такого применения. В Германии международный договор не может быть применен, если его прямо или косвенно запрещено использовать в спорах с участием частных лиц; договор требует принятия дополнительных, законодательных или административных, мер и процедур реализации; на его основании невозможно установить, какие органы власти ответственны за его исполнение. На основании международного договора должно быть возможно установить субъективные права, а не просто отвечать субъективным ожиданиям заявителей или иметь возможность, в силу содержания, приносить им пользу. В случае сомнений в отношении того, является ли норма международного права составной частью федерального права и порождает ли она непосредственно права и обязанности для отдельного лица, обычный суд должен получить решение Федерального конституционного суда Германии (абз. 2 ст. 100 Основного закона).

Наиболее трудным является ситуация конфликта положений национальной конституции и международных договоров. Наиболее часто они проявляют себя именно в рамках рассмотрения дел национальными судами. В ряде государств правила разрешения таких конфликтов установлены конституцией или являются частью сложившейся судебной практики. Высшие суды дуалистических стран, Дании и Ирландии указывали, что в случае возникновения конфликта между международным правом и национальной конституцией последнее слово остается за ними¹⁴. Такая точка зрения обусловлена отсутствием на международном уровне судебного или иного органа, правомочного выработать единообразный подход для разрешения таких коллизий.

Выводы

По итогам анализа соотношения международного и внутригосударственного права в Ирландии и Германии можно сделать вывод о том, что многие важные аспекты дуалистической практики государств все более уходят в прошлое. На смену материальной инкорпорации приходит формальная, которая в деятельности парламента может смешиваться принятием документов на различных стадиях заключения международных договоров. С развитием информационно-телекоммуникационных технологий отпадает и необходимость знакомить населения с международным договором посредством размещения его в тексте закона. Однако дуализм все еще является важной частью правовой культуры небольшого числа европейских государств. Например, в Ирландии, он носит подчеркнуто церемониальный характер как отражение особой роли парламента в международных делах. Но даже и там с целью их инкорпорации начинает применяться практика формального включения названия договора и небольшого числа положений о порядке его применения в текст законодательного акта. Большое практическое значение дуализм сохраняет в рамках судебной деятельности. Именно на суды возложена миссия по разрешению ситуаций, когда положения международного договора и внутреннего права вступают в противоречие. Общим для дуалистических государств является то, что международный договор имеет статус закона или подзаконного акта. При равенстве

ранга актов, вступающих в конфликт, все еще применяются «традиционные» механизмы разрешения внутренних нормативных конфликтов. В данном отношении значительной новеллой является возможность частных лиц основывать свои требования на положениях международного договора. Таким образом, дуалистические особенности в парламентской практике отдельных европейских государств медленно уходят в прошлое, что связано с большим числом принимаемых международных договоров и развитием технологий. В то же время, в судебной деятельности дуализм все еще значительно сохраняется, хотя определенные важные изменения прослеживаются и здесь.

Пристатейный библиографический список

1. Bonafé B. *International Law in Domestic and Supranational Settings // International Legal Positivism in a Post-Modern World / Ed. by J. d'Aspremont, J. Kammerhofer.* - Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
2. Triepel H. *Völkerrecht und Landesrecht.* - Leipzig: Verlag Von C.L. Hirschfeld, 1899.
3. Triepel H. *Les rapports entre le droit interne et le droit international // Recueil des cours 1923, t. I. / Par H. Triepel.* - Paris: Hachette, 1925.
4. Анцилотти Д. *Курс международного права Т. 1. Введение – общая теория // под ред Д. Б. Левина.* - М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
5. Björgvinsson D. *The Intersection of International Law and Domestic Law: A Theoretical and Practical Analysis.* - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015.
6. Higgins R. *Themes and Theories: Selected Essays, Speeches, and Writings in International Law.* - Oxford: Oxford University Press, 2009.
7. Осминин Б. И. *Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право.* - М.: Инфотропик Медиа, 2010.
8. Бернам У. *Правовая система США // Под ред. В. А. Власихина.* - М.: Новая юстиция, 2006.
9. Phelan D. *Monism in International Relations, Dualism in Intentional Law, Trinitarianism in Legal Theory – An Irish Crossroads // Basic Concepts of Public International Law – Monism and Dualism / Ed. by M. Novakovic.* - Belgrade: Faculty of Law, University of Belgrade, Institute of Comparative Law, Institute of International Politics and Economics, 2013.
10. Осминин Б. И. *Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. Монография.* - М.: Волтерс Клавер, 2006.
11. Deutscher Bundestag. *Parliament's Role in International Treaties.* WD 2-3000-038/17. 18. April 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundestag.de/resource/blob/509982/1316a1c42f1a8ee8a04cc65640d8af40/WD-2-038-17-pdf-data.pdf>
12. Kadelbach S. *International Treaties and The German Constitution // The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law / Ed. by C. A. Bradley.* - Oxford: Oxford University Press, 2019.

13 Federal Constitutional Court of Germany. Case No. 2 BvE 2/15. NSA Investigation Committee. 143 BVerfGE 101. Paras 135-157.

14 Danish High Court. Case No. H 800. Ugeskrift for Retsvaesen. 6 April 1998. Para 9.6; Irish Supreme Court. Society for the Protection of Unborn Children Ireland v Grogan. Judgment of 19 December 1989 (separate opinion of J. Walsh).

МКРТЧЯН Гаянэ Яшаевна

аспирант 3 курса кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Потребности представителей коренных народов и их ожидания от нового времени совершенно многовекторны, но именно стремление к сохранению и процветанию их собственной культуры является для них ключевым объединяющим фактором, при этом важна неразрывная духовная связь с землей предков. Именно эта связь, завязанная на специфической географической и исторической идентичности, отличает их от других меньшинств и ущемляемых групп. Вопрос защиты прав коренных народов неразрывно связан с существующими принципами международного права и, в некоторой степени, является их продолжением. Актуальность выражена в необходимости увеличения правовых инструментов, позволяющих обеспечить должную защиту прав коренных народов, в поиске их нового места в современном политическом и общественном пространстве, а также в продолжении процесса постоянного развития базовых прав и свобод человека, которые, несмотря на высокий уровень развития общества, до сих пор ущемляются.

Ключевые слова: коренные народы, защита прав человека, культурное многообразие, коллективные права, ЮНЕСКО, самоопределение народов.

МКРТЧЯН Gayane Yashaevna

postgraduate student of the 3rd course of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

CULTURAL RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES: THEORY AND PRACTICE

The needs of indigenous peoples and their expectations of the new age are completely multi-vector, but it is the desire to preserve and flourish their own culture that is a key unifying factor for them, while an indissoluble spiritual connection with the ancestral land is important. It is this connection, tied to a specific geographical and historical identity, that distinguishes them from other minorities and disadvantaged groups. The issue of protecting the rights of indigenous peoples is inextricably linked to the existing principles of international law and, to some extent, is their continuation. The relevance is expressed in the need to increase legal instruments to ensure proper protection of the rights of indigenous peoples, in finding their new place in the modern political and public space, as well as in continuing the process of continuous development of basic human rights and freedoms, which, despite the high level of development of society, are still being infringed.

Keywords: indigenous peoples, protection of human rights, cultural diversity, collective rights, UNESCO, self-determination of peoples.

Несмотря на то, что любая работа по реализации и продвижению проблематики культурных прав коренных народов, важна и необходима, кажется спорным вышеупомянутый комментарий Комитета в связи с тем, что мы снова возвращаемся к проблематике индивидуализма международного права. Таким образом вместо того, чтобы отходить от этой практики во благо развития третьего поколения прав человека, основные международные институции трансформируют их трактовку в целях упрощения. И упор снова делается на индивидуальные права членов группы, а не на права самой группы. Яркий пример – статья 15 Международного пакта, где закрепляется право каждого человека принимать участие в культурной жизни.

Однако Комитет по правам человека в своей судебной практике неоднократно устанавливал, что право на пользование культурой может быть реализовано только в группе, или в общине, так как речь шла о коренных народах. Одни из самых ярких примеров такой практике это дела *Ilmari Länsman vs Finland*¹, *Jouni E. vs Finland*² и *Apirana Mahuika vs New Zealand*³.

В первых двух делах оленеводы саамского происхождения (этнос Финляндии) оспаривали решение о заключе-

нии коммерческого договора местными властями с частной компанией по добыче камня на склоне горы, которая являлась частью их исторических земель. Право собственности на эти земли являлось конфликтной темой для правительства и общиной Саами. Основная проблема заключалась в том, что транспорт камня осуществлялся сквозь специальную систему оленьих изгородей, которая была создана поколения назад. Оленеводство же является неоспоримым элементом племенной культуры. При этом, деревня, где проживают представители народа Саами, является единственным поселением на территории Финляндии, где этот народ проживает сконцентрировано и имеет возможность реализовывать свою общинную жизнь, соблюдая традиции и обычаи. Исчерпав внутренние средства правовой защиты, представители племени обратились в комитет, сославшись напрямую на нарушение статьи 27 Международного пакта. Комитет не усмотрел нарушения на право пользования культурой, сославшись на тот факт, что оленеводство в районе существенно не пострадало и что с истцами проводились консультации в ходе процедуры освоения земель. Комитет при этом отметил, что, согласно имеющейся у него информации, власти государства-участника стремились разрешить только такие карьерные разработки, которые свели бы к минимуму воздействие на любую оленеводческую деятельность. В завершении было отмечено, что если горнодобывающая деятельность в данном районе будет одобрена в больших масштабах и значительно расширена теми компаниями, которым были выданы разрешения на эксплуатацию, то это может представлять собой

1 *Ilmari Länsman v. Finland*, №. 511/1992, UN Doc. CC-PR/52/D/511/1992.

2 *Jouni E. Länsman v. Finland*, № 671/1995, UN Doc. CC-PR/C/58/D/671.1995.

3 *Apirana Mahuika et al. v. New Zealand*, № 547/1993, UN Doc. A/56/40 (2000), at 11ff.

нарушение прав авторов по статье 27, в частности их права на пользование своей культурой. Государство-участник обязано иметь это в виду при продлении существующих или предоставленных новых контрактов.

Другим интересным делом по защите культурных коллективных прав является дело *Apirana Mahuika vs New Zealand*. Здесь речь шла о новозеландском народе маори и его праве на рыболовство, которое было закреплено в Договоре Вайтанги⁴, заключенном с колонизаторами еще в 19 веке. Вторая статья договора гарантирует народу полное исключительное и беспрепятственное владение своими землями, лесами, рыбными промыслами и другими владениями, которыми они могут обладать коллективно или индивидуально до тех пор, пока они желают и стремятся сохранить их в своем владении. При этом данный договор уже не имеет силы на территории Новой Зеландии, придать ему силу закона полностью или частично в исключительных случаях способен лишь Парламент страны. До 80-х годов 20 века масштабы рыболовства в стране никаким образом не определялись, но впоследствии ситуация поменялась. После нового декрета правительства на рыболовство в прибрежной зоне стали выдаваться разрешения, впоследствии возросший спрос на рыболовство привел к ограничению количества выдаваемых разрешений. Эта мера имела непреднамеренный эффект в виде удаления многих рыбаков маори из коммерческой отрасли. В 1988 году правительство начало переговоры с маори, которые были представлены четырьмя представителями. Представителям маори был дан мандат на ведение переговоров с целью получить 50 процентов от всего коммерческого рыболовства Новой Зеландии. В 1989 году, после переговоров и в качестве временной меры, маори согласились на принятие Закона о рыболовстве маори 1989 года, который предусматривал немедленную передачу 10 процентов всех квот Комиссии по рыболовству маори, которая будет управлять ресурсом от имени племен. В феврале 1992 года маори стало известно, что *Sealords*, крупнейшая рыболовная компания в Австралии и Новой Зеландии, вероятно, будет публично размещена на бирже в течение этого года. Переговорщики по рыболовству маори и Комиссия по рыболовству маори обратились к правительству с предложением, чтобы правительство предоставило финансирование для покупки *Sealords* в рамках урегулирования договорных претензий на рыболовство. Первоначально правительство отказалось, но после отчета Трибунала Вайтанги от августа 1992 года о морской рыбалке Нгай Таху, в котором Трибунал установил, что Нгай Таху, крупнейшее племя Южного острова Новой Зеландии, имеет право на разумную долю глубоководного рыболовства, правительство решило вступить в переговоры. Эти переговоры привели к подписанию 27 августа 1992 года Меморандума о взаимопонимании между правительством и участниками переговоров от племени маори. Однако в скором времени компания стала получать гораздо большие квоты, чем маори. Суды постановили, что система управления квотами является возможным нарушением прав маори, поскольку на практике маори не принимали в ней никакого участия и, таким образом, были лишены права на защиту своего рыболовства. В результате урегулирования маори получили доступ к большому проценту квот, и таким образом им было возвращено фактическое владение рыболовством. Что касается коммерческого рыболовства, то результатом урегулирования стало то, что власть маори и традиционные методы контроля, признанные в Договоре, были заменены новой структурой контроля, в структуре которой маори разделяют не только роль защиты своих интересов в рыболовстве, но и эффективный контроль. Что касается некоммерческого рыболовства, то обязательства «короны» по Договору

Вайтанги сохраняются, и принимаются нормативные акты, признающие и обеспечивающие традиционный сбор пищи.

В процессе консультаций особое внимание было уделено культурному и религиозному значению рыболовства для маори, в том числе обеспечению возможности для отдельных лиц и общин маори заниматься некоммерческим рыболовством. Комитет пришел к выводу, что государство-участник, участвуя в процессе широких консультаций, прежде чем приступить к принятию законодательства, и уделяя особое внимание устойчивости рыболовной деятельности маори, предприняло необходимые шаги для обеспечения того, чтобы урегулирование вопросов рыболовства и его введение в действие посредством законодательства, включая систему управления квотами, были совместимы со статьей 27.

Комитет подчеркнул, что государство-участник по-прежнему связано статьей 27, которая требует, чтобы культурное и религиозное значение рыболовства для маори заслуживало должного внимания при осуществлении Закона об урегулировании претензий по Договору Вайтанги. Ссылаясь на свое предыдущее прецедентное право, Комитет подчеркнул также, что для соблюдения статьи 27, меры, затрагивающие экономическую деятельность маори, должны осуществляться таким образом, чтобы авторы продолжали пользоваться своей культурой, исповедовать и практиковать свою религию в сообществе с другими членами своей группы. Государство-участник обязано иметь это в виду при дальнейшем осуществлении Закона об урегулировании претензий по Договору Вайтанги (рыболовство). Таким образом, мы видим, что и здесь Комитет признает ремесло, особенности проживания как часть культурной идентичности коренного народа.

Ну и, конечно, нельзя не сказать о деятельности Межамериканского суда по правам человека в деле *Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua*⁵. Трибунал подтвердил существование коллективного права коренного народа на свою землю. Он заявил:

«Посредством эволюционного толкования международных документов по защите прав человека, учитывая особенности данного дела, необходимо внести некоторые уточнения в понятие собственности в общинах коренных народов. Среди коренных народов существует общинная традиция в отношении общинной формы коллективной собственности на землю, в том смысле, что право собственности на землю сосредоточено не на отдельном человеке, а скорее на группе и ее сообществе. Коренные группы в силу самого факта своего существования имеют право свободно жить на своей собственной территории; тесные связи коренных народов с землей должны быть признаны и поняты как фундаментальная основа их культуры, духовной жизни, целостности и экономического выживания. Для коренных общин отношения с землей – это не просто вопрос владения и производства, а материальный и духовный элемент, которым они должны в полной мере пользоваться, хотя бы для того, чтобы сохранить свое культурное наследие и передать его будущим поколениям».

Все эти решения, к сожалению, не являются значительным прорывом в вопросах защиты культурных прав коренных народов, однако, они совершенно точно не отрицают наличие такой проблематики и готовы работать с ней в дальнейшем, развивать методы исполнения и формирования своих обязательств.

Наиболее эффективной формой работы выделось бы создание специального форума, комиссии или иного другого институционального образования на базе Организации Объединенных Наций с привлечением представителей, лидеров от существующих коренных народов или их групповых

4 Соглашение, подписанное представителями Великобритании и вождями некоторых племен маори 6 февраля 1840 года.

5 *Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua*, 31 Aug. 2001, Inter-Am Ct HR.

объединений с привлечением международных специалистов по проблематике международного права для обсуждения существующих проблем и формирования новой концепции по дальнейшему развитию поколения прав. Кажется интересным взаимодействием с ЮНЕСКО в контексте формирования отдельного списка объектов культурного наследия, представляющего отдельный интерес в рамках деятельности именно коренных народов и сохранения их исторической и культурной идентичности. При этом важно говорить не только о материальном выражении культурных ценностей, но и о нематериальном, таком как ремесло, как мы могли видеть из приведенных выше примеров из судебной практики, обычаи, священные обряды. В данном случае международному сообществу, безусловно, надо быть гибче в своем восприятии «чуждой» для него культуры, при том, что чуждой она ему остается именно в связи с тем, что многие его представители в лице отдельных государств не способны принять самостийность и особенность коренных народов, а также в должной мере взять ответственность за колониальное прошлое, которое, безусловно, идет в разрез с нормами международного права и существующей сейчас этикой.

Также гораздо легче понять культуру любого коренного народа через его стремление к самоопределению, которое вырастает не как потребность политической или экономической независимости, противопоставления себя государству в оппозиционном ключе, а как защита его культурной целостности, как единственного элемента, который остался у народа, потерявшего свою независимость многие столетия назад. При этом, нужно понимать, что любые решения, которые будут приниматься коренными народами, будут приниматься в границах государства, на территории которого они проживают, ведь в данном случае процесс самоопределения носит очень специфический характер, не нарушающий суверенитет и территориальную целостность государства. В данном случае его можно сравнить с правом каждого голосовать на выборах. Это способ заявить о себе как о самостоятельном субъекте общества.

Культура находится в постоянном движении, любые изменения, как со стороны общин коренных народов, так и отдельных людей, должны быть добровольными и опираться на знания об истории, культуре, политике, географии, а также на понимании возможности искать компромиссы и альтернативы.

Кажется, что если государства посмотрят на данную проблему с такой стороны и действительно будут готовы интегрировать коренные народы в современные общества, соблюдая их, на самом деле, несложные требования, процесс взаимодействия обретет совершенно новый вектор и даже финансовая поддержка государства, предоставляемая коренным народам, впоследствии может принести прибыль в казну за счет ответного вклада представителей коренного народа, получивших возможность свободно реализовывать свои навыки и умения на родной земле.

Пристатейный библиографический список

1. Устав Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.
3. Всеобщая декларация прав человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
4. Декларация ООН о правах коренных народов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
6. Замечание общего порядка № 23 Комитета ООН по правам человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom23.html>.
7. Публичные слушания Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (WCED), Сан-Паулу (28-29 октября 1985 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.
8. *Imari Länsman v. Finland*, № 511/1992, UN Doc. CCPR/52/D/511/1992.
9. *Jouni E. Länsman v. Finland*, № 671/1995, UN Doc. CCPR/C/58/D/671.1995.
10. *Apriana Mahuika et al. v. New Zealand*, № 547/1993, UN Doc. A/56/40 (2000), at 11ff.
11. *Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua*, 31 Aug. 2001, Inter-Am Ct HR.
12. Абашидзе А. Х., Блищенко И. Коренные народы и международное право // Российская юстиция. – 1994. – № 3.
13. Ананидзе Ф. Р. Международно-правовые проблемы определения статуса коренных народов // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки. – Москва, Россия, 2000.
14. Ананидзе Ф. Р. Коренные народы и право народов на самоопределение // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки. – Москва: Россия, 2001.
15. Волкова Н. В. Культурные права как отдельная категория системы прав человека: международно-правовые аспекты // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки. – Москва, Россия, 2013.
16. Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362.
17. Гусейнов К. К. Проблема защиты прав коренных народов в современном международном праве // УрФу, Электронное приложение к Российскому юридическому журналу, 2015.
18. Куприянов А. Опасный мир Вестфалы. – Москва, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/?sphrase_id=28416659.
19. James S. Anaya. *Indigenous People in International Law*. Second Edition. – Oxford University Press, 2004.
20. John R. Bowen. Should we have a universal concept of «Indigenous people's rights»? Ethnicity and Essentialism in the Twenty-First Century // *Anthropology Today*. – 2000. – Vol. 16. № 4.
21. Deloria Jr. *Self-Determination and the Concept of Sovereignty* // J. R. Wunder (ed.), *Native American Sovereignty*, 1996.
22. Francioni. *Culture, Heritage and Human Rights: An Introduction* // F. Francioni and M. Scheinin (eds), *Cultural Human Rights*, 2008.
23. Kymlicka W. *Liberalism, Community, and Culture*, 1989.

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

НИКИФОРОВА Елена Николаевна

кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, заместитель декана Юридического факультета по учебной работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ТАРКАНОВА Тамара Сергеевна

кандидат политических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящей статье анализируется проблема международного сотрудничества в сфере экологической безопасности на евразийском экономическом пространстве. Авторы исходят из того, что в современных условиях требуются подлинно коллективные подходы, интеграция совместных усилий всех заинтересованных сторон. В работе констатируется, что проблемы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов можно решать только при условии совместного правового, экономического, политического и информационного взаимодействия дружественных стран.

Ключевые слова: экологическая безопасность, природные ресурсы, окружающая среда, евразийское пространство, дружественные страны.

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of World politics sub-faculty of the St. Petersburg State University

NIKIFOROVA Elena Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, Deputy Dean of the Faculty of Law for Academic Affairs of the St. Petersburg State Economic University

TARKANOVA Tamara Sergeevna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Higher School of Media Communications and Public Relations of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PROSPECTS FOR INTERNATIONAL LEGAL INTERACTION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE EURASIAN SPACE

This article analyzes the problem of international cooperation in the field of environmental safety in the Eurasian economic space. The authors proceed from the fact that in modern conditions truly collective approaches are required, the integration of joint efforts of all stakeholders. The paper states that the problems of environmental protection and rational use of natural resources can be solved only under the condition of joint legal, economic, political and informational interaction between friendly countries.

Keywords: environmental safety, natural resources, environment, EAEU, friendly countries.

Евразийский экономический союз необходимо рассматривать как наглядный пример качественного экономического взаимодействия стран на постсоветском пространстве. ЕАЭС (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация) эффективно реализует свои основные цели и задачи, включающие в себя обеспечение условий для функционирования и развития Союза, а также разработку предложений в сфере дальнейшей интеграции в рамках Организации¹.

В числе важных объединяющих участников ЕАЭС факторов – совпадение интересов на международной арене по вопросам обеспечения международной безопасности, антикризисного урегулирования, решения глобальных экономических, экологических и иных проблем. Страны ЕАЭС выражают готовность сотрудничать с другими как развитыми, так и развивающимися странами на основе норм международного права и многостороннего подхода к принятию решений в мировых экономических и политических делах [4].

Эффективность правового воздействия в природоохранной сфере во многом зависит от согласованности национальной и международной правовых систем. Вместе с тем, в условиях политической нестабильности, когда по сути формируется новый международный правопорядок и когда некоторые международные договоренности могут остаться не-

реализованными, требуется переосмысление существующих подходов в международно-правовом регулировании различных аспектов экологической безопасности [3]. Следует заметить, что обеспечение экологической безопасности – один из важнейших пунктов Договора о создании ЕАЭС. При этом главный акцент должен быть сделан на взаимных интересах стран-участников ЕАЭС со схожими географическими и климатическими условиями [1].

Очевидно, что проблемы, подпадающие под понятие «экологическая безопасность» в широком смысле, носят разноаспектный характер. К ним относятся, во-первых, собственно такие как изменение климата, рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов, опустынивание, засуха, деградация земель и почв, сокращение биологического разнообразия и т.д. Во-вторых, это проблемы санитарии и качества окружающей среды в городах и населенных пунктах. В-третьих, это проблемы безопасного применения пестицидов и агрохимикатов. И, наконец, это проблемы глобальной экологической безопасности, связанные с угрозой применения ядерного, химического и бактериологического оружия. Указанные проблемы можно решать только при условии совместного правового, экономического, политического, информационного взаимодействия дружественных стран. Так, уже сегодня в рамках ЕАЭС сделаны определенные шаги по налаживанию сотрудничества в сфере разработки и безопасного применения химических удобрений в агропромышленной сфере². Отдельного внимания заслуживает вопрос о

1 «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014 (дата обращения: 21.01.2024).

2 Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.05.2023 № 11 «О развитии кооперационного сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в

необходимости разработки и принятия Климатической повестки ЕАЭС³, способствующей сближению интересов государств-членов и гармонизации их законодательства в данной области⁴ с учетом имеющихся международных обязательств государств-членов по сокращению выбросов парниковых газов и исходя из принципов функционирования единого рынка в рамках ЕАЭС⁵.

Вполне естественно, что в целях эффективной экологической интеграции необходимы единые стандарты в области природопользования и охраны окружающей среды для государств-участников ЕАЭС. Так, например, в части рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, на что обращается внимание в одном из исследований [2], еще не выработаны единые жесткие критерии регламенты их использования.

Что касается вопроса о сохранении достигнутых ранее договоренностей в области охраны окружающей среды и рационального использования между сопредельными государствами, то этот его можно отнести к числу приоритетных. В числе примеров можно назвать: соглашения между правительствами Российской Федерации и Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны окружающей природной среды⁶, охраны и рационального использования трансграничных водных объектов⁷. Такие же соглашения имеются между правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан^{8, 9, 10}.

сфере производства химических удобрений» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/>, 19.05.2023 (дата обращения: 21.01.2024).

- 3 Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20.08.2021 № 10 «О формировании рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств - членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки». Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaeunion.org/>, 23.08.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2024).
- 4 Заявление об экономическом сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки, 14 октября 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/zayavlenie-ob-ekonomicheskom-sotrudnichestve-gosudarstv-chlenov-%20evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-v-ramkah-klimaticheskoy-povestki/> (дата обращения: 21.01.2024).
- 5 «Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» (Принята 25.12.2023) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaeunion.org/>, 26.12.2023 (дата обращения: 21.01.2024).
- 6 Постановление Правительства РФ от 23.02.1994 № 135 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны окружающей природной среды» // «Собрание актов Президента и Правительства РФ». - 07.03.1994. - № 10. - Ст. 826.
- 7 «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов» (Заклучено в г. Минске 24.05.2002) // Бюллетень международных договоров. - 2003. - № 9. - С. 51-56.
- 8 Постановление Правительства РФ от 21.10.2004 № 571 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области охраны окружающей среды» // «Собрание законодательства РФ». - 01.11.2004. - № 44. - Ст. 4360.
- 9 Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2010 № 1484-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов» // «Собрание законодательства РФ». - 13.09.2010. - № 37. - Ст. 4758.
- 10 Распоряжение Правительства РФ от 13.09.2016 № 1929-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан по сохранению экосистемы бассейна трансграничной реки Урал» // «Собрание законодательства РФ». - 26.09.2016. - № 39. - Ст. 5675.

В числе недавних природоохранных проектов следует назвать Совместную Программу взаимодействия между Россией и Арменией в природоохранной сфере на период 2022-2023 гг.¹¹, в которую были включены вопросы управления водными ресурсами и особо охраняемыми природными территориями, обращения с отходами производства и потребления, государственного экологического надзора, а также международного сотрудничества в области сохранения биоразнообразия. Данные направления весьма значимы и для налаживания взаимодействия с другими партнерами в рамках ЕАЭС. Новые направления природоохранного сотрудничества в 2023 году стали предметом обсуждения между Россией и Киргизией¹². Все это свидетельствует о перспективах дальнейшего международного сотрудничества между странами-участниками ЕАЭС в сфере экологической безопасности.

Представляется, что для реализации целесообразных с научной точки зрения проектов в нынешних реалиях требуется разработка новой концепции развития государственного сотрудничества с дружественными странами на кратко- и среднесрочную перспективу с учетом потенциальных угроз. Это может быть Единая экологическая концепция государств-членов ЕАЭС.

В перспективе целесообразной видится разработка проекта Единого экологического кодекса для стран ЕАЭС, в котором будет систематизировано все природоохранное законодательство государств-членов, содержащее нормы обязательного характера. В Особенную часть Экологического кодекса представляется необходимым включить процессуальные нормы, регламентирующие процедуру рассмотрения экологических дел Межгосударственной экологической коллегией судей. В среднесрочной перспективе можно предположить и создание Межгосударственного экологического судебного органа.

Полагаем, что высказанные предложения направлены на совершенствование организационных и правовых основ обеспечения экологической безопасности, направлены на развитие международного регулирования в указанной сфере и, в конечном счете, будут способствовать обеспечению благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на территории ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 177-181.
2. Кадыров А. А. Проблемы развития экологического права и законодательства Кыргызстана // Экологическое право. – 2020. – № 4. – С. 34-40.
3. Никифорова Е. Н., Ермолина М. А. Международное экологическое право в период неопределенности // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1 (176). – С. 39-40.
4. Погодин С. Н., Тарканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – № 2 (36). – С. 77-85.
- 11 Россия и Армения подписали совместную Программу взаимодействия в природоохранной сфере на период 2022-2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_armeniya_podpisali_sovmestnyuyu_programmu_vzaimodeystviya_v_prirodookhrannoy_sfere_na_perio/(дата обращения: 21.01.2024).
- 12 Новые направления природоохранного сотрудничества России и Киргизии обсудили в Бишкеке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecoindustry.ru/NEWS/view/61172.html> (дата обращения: 21.01.2024).

НУЦАЛХАНОВ Гамзат Нуцалханович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ И ПРОВЕРКИ ПО ДОГОВОРУ РАРОТОНГА

В настоящей статье автором предпринята попытка анализа механизмов проверки и контроля за соблюдением положений Договора о безъядерной зоне в Южной части Тихого океана. Методология исследования основывается на формально-юридическом и сравнительно-правовом анализе данных элементов Договора Раротонга и Договора Тлателолко. Автор приходит к выводу что, несмотря на заявленную озабоченность по поводу эффективной системы контроля и проверки, государства региона предпочли принять менее строгую систему контроля и верификации, чем та, которая используется в латиноамериканской ЗСЯО. В гораздо большей степени, чем в латиноамериканской зоне, система контроля по Договору Раротонга не предусматривает систематические и упорядоченные процедуры проверки, создает трудности на пути подтверждения нарушений Договора, ограничивает конечную инстанцию региональным уровнем, а не международными форумами.

Ключевые слова: безъядерная зона, разоружение, Договор Раротонга, доклады, обмен информацией, гарантии МАГАТЭ.

NUTSALHANOV Gamzat Nutsalhanovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of State and legal disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of the All-Russian University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

CONTROL AND VERIFICATION SYSTEM UNDER THE RAROTONGA AGREEMENT

In this article, the author attempts to analyze the mechanisms for verifying and monitoring compliance with the provisions of the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in the South Pacific Ocean. The research methodology is based on a formal legal and comparative legal analysis of these elements of the Rarotonga Treaty and the Tlatelolco Treaty. The author concludes that, despite the stated concerns about an effective control and verification system, the States of the region preferred to adopt a less stringent control and verification system than that used in the Latin American NWFZ. To a much greater extent than in the Latin American zone, the control system under the Rarotonga Treaty does not provide for systematic and orderly verification procedures, creates difficulties in confirming violations of the Treaty, and limits the final instance to the regional level, rather than international forums.

Keywords: nuclear-weapon-free zone, disarmament, Rarotonga Treaty, reports, information exchange, IAEA safeguards.

Важным атрибутом региональных безъядерных зон является система контроля и верификации, используемая в зоне. Особенности проверки и контроля, предусмотренные Договором Раротонга, подробно изложены в статьях 8, 9 и 10, а также в приложениях 2 и 4 к Договору [6].

Несмотря на заявления правительства Австралии о том, что Договор Раротонга «сильнее» Договора Тлателолко, изучение положений Договора о контроле позволяет предположить, что они менее строгие и всеобъемлющие, чем соответствующие положения Договора Тлателолко (подробный сравнительный анализ Договора Раротонга и Договора Тлателолко в следующих публикациях).

Как указано в статье 8, система контроля Договора Раротонга включает четыре элемента: (а) доклады и обмен информацией, как предусмотрено в статье 9; (b) консультации, как предусмотрено в статье 10 и Приложении 4(1); (c) применение к мирной ядерной деятельности гарантии со стороны МАГАТЭ, как это предусмотрено в Приложении 2; и (d) процедура подачи жалоб, предусмотренная в Приложении 4.

Доклады в соответствии с подпунктом (а) должны представляться директору Южнотихоокеанского бюро по экономическому сотрудничеству, секретариата Южнотихоокеанского форума. В статье 9 указывается, что стороны должны сообщать «как можно скорее о любом значительном событии в пределах своей юрисдикции, влияющем на осуществление настоящего Договора» (пункт 1); что стороны «должны стремиться информировать друг друга о вопросах, возникающих в соответствии с договором» (пункт 2); и что «Директор должен сообщать ежегодно Южнотихоокеанскому форуму о статусе настоящего договора и вопросах, возникающих в связи с ним» (пункт 3).

Положения статьи 10 о консультациях и пересмотре требуют, чтобы по просьбе любой Стороны директор СПЕС созывал Консультативный комитет «для консультаций и сотрудничества по любому вопросу, возникающему в связи с настоящим договором, или для обзора его действия». Согласно Приложению 3, этот Консультативный комитет будет состоять из одного представителя от каждой из сторон, с кворумом, состоящим из половины сторон, и решениями, принимаемыми консенсусом или при отсутствии консенсуса большинством в две трети голосов.

В Приложении 2 излагается применение гарантий МАГАТЭ ко «всем исходным или специальным расщепляющим-

ся материалам во всех видах мирной ядерной деятельности» на территории стороны, и требует, чтобы каждая сторона по запросу предоставляла «копию общих выводов последнего доклада МАГАТЭ о его инспекционной деятельности на территории соответствующей Стороны» и сообщала директору о любых последующих выводах МАГАТЭ по этим выводам [7].

Наконец, в Приложении 4 излагается Процедура рассмотрения жалоб, в соответствии с которой любая сторона, подающая жалобу, должна сначала довести жалобу до сведения стороны, на которую подана жалоба, и предоставить последней «разумную возможность предоставить ей объяснение и решить вопрос» (пункт 1). Предполагая отсутствие решения, заявитель может потребовать созыва Консультативный комитет и должен предоставить «отчет о доказательствах нарушений обязательств» (пункт 2). Если после заслушивания объяснений Стороны, на которую подана жалоба, Консультативный комитет решит, что жалоба имеет достаточные основания для проведения специальной инспекции, Комитет направляет инспекционную группу из трех инспекторов соответствующей квалификации.

Инспекторы «подчиняются только указаниям Консультативного комитета»; однако директивы Комитета «должны учитывать законные интересы заинтересованной Стороны в соблюдении ее других международных обязательств» (пункт 5).

В то время как все Стороны обязаны «предоставлять полный и свободный доступ ко всей информации и местам на своей территории, которые могут иметь отношение к тому, чтобы позволить специальным инспекторам выполнять директивы, данные им Консультативным комитетом» (пункт 6), а Стороне, на которую подана жалоба, дополнительно предписывается «предпринять все соответствующие шаги для содействия проведению специальной инспекции и предоставляет специальным инспекторам привилегии и иммунитеты, необходимые для выполнения их функций», (пункт 7), сами инспекторы обязаны «выполнять свои обязанности с должным уважением законов Стороны, на которую подана жалоба» (пункт 5).

В то время как все Стороны обязаны «предоставлять полный и свободный доступ ко всей информации и местам на своей территории, которые могут иметь отношение к тому, чтобы позволить специальным инспекторам выполнять директивы, данные им Консультативным комитетом» (пункт 6),

а Стороне, на которую подана жалоба, дополнительно предписывается «предпринять все соответствующие шаги для содействия проведению специальной инспекции и предоставляет специальным инспекторам привилегии и иммунитеты, необходимые для выполнения их функций», (пункт 7), сами инспекторы обязаны «выполнять свои обязанности с должным уважением законов Стороны, на которую подана жалоба» (пункт 5) [9].

После инспекции инспекторы представляют письменный отчет Консультативному комитету, который, в свою очередь, принимает решение о том, имело ли место нарушение договора, и представляет соответствующий доклад Южно-тихоокеанскому форуму (пункт 9). Если Комитет принимает решение о том, что какая-либо сторона совершила нарушение, или что обязательства по инспекциям не были выполнены, или по просьбе заявителя или стороны, на которую подана жалоба, стороны должны «незамедлительно встретиться на совещании Южнотихоокеанского форума» (пункт 9) [2].

Сравнивая эту систему контроля с латиноамериканской системой контроля за безъядерной зоной, сразу бросается в глаза ряд упущений. Тогда как Договор Тлателолко создал специализированное агентство по контролю и проверке - Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке (OPANAL) - в составе Генеральной конференции, Совета и Секретариата для осуществления договора Договор Раротонга опирается на существующие региональные конференции Южнотихоокеанского форума и секретариат Форума [10].

Поскольку Форум и его секретариат занимаются широким кругом региональных политических, социальных и экономических вопросов, можно было бы ожидать, что он не сможет уделять столько же времени и ресурсов осуществлению договора в качестве специализированного учреждения; также нельзя ожидать, что он будет обладать таким же опытом и беспристрастностью, как специализированное агентство. Такие соображения вполне могли повлиять на архитекторов Договора Тлателолко, которые отказались передать систему контроля в соответствующую региональную организацию, Организацию американских государств, хотя в этом случае возникла дополнительная проблема членства ядерной державы, Соединенных Штатов, в региональном органе [1].

Во-вторых, хотя Договор Тлателолко требует, чтобы все участники представляли полугодовые отчеты о том, что на их территориях не происходит никакой запрещенной деятельности (пункт 14 статьи 14), со стороны государств Южной части Тихого океана аналогичного обязательства нет. Только в случае подачи жалобы страна, на которую подана жалоба, обязана представить объяснение.

Принимая во внимание, что институционализированная система регулярных отчетов сама по себе является важным источником постоянной информации об осуществлении договора, исключительная зависимость специальной процедуры рассмотрения жалоб предполагает постоянную бдительность и доступ к соответствующей информации со стороны всех участников договора, а также готовность подавать жалобы, несмотря на политические или экономические проблемы, которые такие действия могут повлечь за собой для заявителя. В контексте Южной части Тихого океана, где большинство малых островных государств сильно зависят от экономической помощи Австралии, Новой Зеландии и США, у зависимых островных стран могут возникнуть препятствия для подачи жалоб, даже если они подозревают, что имело место нарушение Договора [3].

В-третьих, Договор Тлателолко предоставляет правоприменительному органу право не только получать регулярные отчеты от каждой стороны, но и самостоятельно запрашивать дополнительную информацию о любом событии или обстоятельстве, связанных с соблюдением настоящего Договора Тлателолко, в то время как Консультативный комитет по Договору Раротонга может действовать только после получения жалобы [8].

В-четвертых, процедура рассмотрения жалоб в соответствии с Договором Тлателолко значительно более строгая, чем в Договоре Раротонга. Принимая во внимание, что заявитель в соответствии с Договором Раротонга может подать жалобу только в ситуации, когда есть подозрение, что нарушение договорных обязательств уже произошло, Договор Тлателолко дополнительно включает положение в том, что запрещенная деятельность «вот-вот будет осуществлена» (статья 16 l (a) (i)). Далее, в соответствии с Договором Тлателолко, просьба заявителя о проведении специальной инспекции автоматически обязывает Совет организовать инспекцию (статья 16 l(a) (i)); в

отличие от этого, в соответствии с Договором Раротонга, специальная инспекция организуется только в том случае, если Консультативный комитет решит, что в жалобе содержится достаточно оснований для проведения специальной проверки (Приложение 4, Пункт 4) [5]. Кроме того, в Договоре Раротонга указывается, что инспекторы должны руководствоваться директивами, которые учитывают законные интересы Стороны, на которую подана жалоба, и должны выполнять свои обязанности с должным уважением к законам Стороны, на которую подана жалоба (приложение 4, пункт 5), в то время как Договор Тлателолко не содержит таких ограничений. Тем самым, вполне возможно представить ситуацию, что государства-члены безъядерной зоны имеют действующие законы или могут принять новые законы, запрещающие доступ к чувствительным объектам (таким как военные базы) иностранным гражданам или неуполномоченным лицам. Если это так, то инспекторы, которые обязаны соблюдать «законы Стороны, на которую подана жалоба», могут оказаться не в состоянии проводить эффективные проверки предполагаемых нарушений [4].

Наконец, процедура рассмотрения жалоб по Договору Тлателолко может быть продвинута гораздо дальше, чем аналогичная процедура по Договору Раротонга. В то время как апелляционным судом последней инстанции по обоснованной жалобе по Договору Раротонга является заседание Южнотихоокеанского форума, Договор Тлателолко допускает созыв не только специальной сессии Генеральной конференции, но и передачу дела в Совет Безопасности ООН, Генеральную Ассамблею, ОАГ и МАГАТЭ (статьи 16 и 20).

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что, несмотря на заявленную озабоченность по поводу эффективной системы контроля и проверки, государства региона предпочли принять менее строгую систему контроля и верификации, чем та, которая используется в латиноамериканской ЗСЯО. В гораздо большей степени, чем в латиноамериканской зоне, система контроля по Договору Раротонга не предусматривает систематические и упорядоченные процедуры проверки, создает трудности на пути подтверждения нарушений Договора, ограничивает конечную инстанцию региональным уровнем, а не международными форумами. Кроме того, принимая во внимание законодательство Австралии в свете осуществления Договора о безъядерной зоне, следует отметить довольно сложную систему, в соответствии с которой инспектор по Договору не может просто провести инспекцию, независимо от того, согласны ли на инспекцию лица, ответственные за судно, воздушное судно, транспортное средство или помещения. Его должен сопровождать государственный служащий, наделенный соответствующими полномочиями в судебном порядке.

Пристатейный библиографический список

1. Austrillian Department of Foreign Affairs, Australia and Disarmament: Steps in the Right Direction. - Canberra, AGPS, 1986. - P. 27-29.
2. Ball D. A Suitable Piece of Real Estate: American Installations in Australia. - Sydney, Hale & Iremonger, 2008. - P. 50-51.
3. Ball D. Limiting Damage from Nuclear Attack. Civil Defence and Australia's Security in the Nuclear Age, Canberra, Strategic and Defence Studic Centre, ANU/Allen and Unwin, 2003. - P. 155.
4. Dyke J. V., Smith K. R. Nuclear Activities and the Pacific Islande. - 2004. - V. 9. № 9/10. - P. 747.
5. Hayes L. American Lake: nuclear peril in the Pacific. - Melbourne, Penguin Books, 2006. - P. 50-61.
6. Fry G. E. Toward a South Pacific Nuclear-Free Zone // Bulletin of the Atomic Scientists. - June-July 2005. - V. 41. № 17. P. 16.
7. Herr R. A. Diplomacy and Security in the South Pacific // Current Affairs Bulletin. - January 2007. - V. 63. № 8. - P. 16-21.
8. Firth S. The Nuclear Issue in the Pacific Islands // Journal of Pacific History. - October 2006. - V. 21. № 4. - P. 207.
9. Fry G. E. Australia, New Zealand and Anns Control in the Pacific Region. The ANZAC Connection, Sydney, Allen & Unwin, 2009. - P. 91-118.
10. Fry G. E. The Hawke Government's Nuclear-Free Pacific Proposal: Are the Critics Right? // Labor Forum. - September 2004. - V. 6. № 3. - P. 17-19.

МКРТЧЯН Гаянэ Яшаевна

аспирант 3 курса кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАК ОСНОВА ИХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Коренные народы в силу своей многовековой истории и привязанности к определенным землям, особенно чувствительны к изменениям их культурной идентичности, отрыву от традиционных ценностей, священных мест. Вопреки всем трудностям, принудительной колонизации и влиянию новых традиций и обычаев современного общества, коренные народы выжили именно благодаря своей ярко выраженной, проверенной временем самобытности. Современная турбулентная геополитическая ситуация вновь ставит перед обществом задачу решения базовых человеческих, в том числе, гуманитарных проблем, которые еще несколько лет назад, казалось, утратили свою актуальность. Между тем, нельзя сказать, что проблематика института коренных народов до настоящего времени решена и достаточно изучена.

Ключевые слова: коренные народы, защита прав человека, культурное многообразие, коллективные права, ЮНЕСКО, самоопределение народов.

МКРТЧЯН Gayane Yashaevna

postgraduate student of the 3rd course of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

CULTURAL RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES AS THE BASIS OF THEIR IDENTITY

Indigenous peoples, due to their centuries-old history and attachment to certain lands, are especially sensitive to changes in their cultural identity, separation from traditional values, and sacred sites. Despite all the difficulties, forced colonization and the influence of new traditions and customs of modern society, indigenous peoples have survived precisely because of their pronounced, time-tested identity. The current turbulent geopolitical situation once again poses to society the task of solving basic human, including humanitarian problems, which a few years ago seemed to have lost their relevance. Meanwhile, it cannot be said that the problems of the institute of indigenous peoples have been solved and sufficiently studied to date.

Keywords: indigenous peoples, protection of human rights, cultural diversity, collective rights, UNESCO, self-determination of peoples.

Статья 1 Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном многообразии гласит: «Формы культуры изменяются во времени и пространстве. Это культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присутствующих группам и сообществам, составляющим человечество»¹.

В Декларации о правах коренных народов 2007 года установлено, что они не могут подвергаться уничтожению их культуры, а также закреплено право на соблюдение и возрождение их культурных традиций и обычаев². Статья 15 Декларации гласит, что коренные народы имеют право на достоинство и многообразие их культуры, традиций, истории и чаяний, которые должны соответствующим образом отражаться в сфере образования и общественной информации³.

Разработанные инструменты для защиты их прав в рамках международного права, интегрированные в национальные системы, пытаются отразить в себе, в том числе, и культурные потребности коренных народов. Нельзя не отметить стремление мирового сообщества к поощрению культурного многообразия, что, безусловно, идет на пользу правам коренных народов и их развитию. В качестве культурного наследия мы понимаем совокупность их обычаев, традиций, ритуалов религиозного культа, непосредственно проявлений творчества и так далее. Не отрицая важность уже имеющегося правового и общественного базиса, направленного на работу

с этой проблематикой, очень многое еще только предстоит сделать.

Необходимо ответить, что права коренных народов – это, прежде всего, коллективные права, что создает некоторые проблемы при их реализации и применении к ним инструментов защиты международного права, направленного, прежде всего, на работу с индивидуальными субъектами (государство и личность). Безусловно, права человека в традиционном и общепринятом смысле должны быть скорректированы и переработаны в рамках взаимодействия с коренными народами. Это еще один из шагов формирования «третьего поколения» прав человека. Понимая под культурными ценностями, по мнению П. А. Сергеева, особо охраняемые вещественные результаты человеческой деятельности, которые также являются продуктом коллективного труда, носят исторический характер, связывают поколения людей и формируют идентичность различных социальных групп. Здесь очень важно понимать взаимосвязь именно с вещественным воплощением культурных прав в конкретных продуктах человеческого труда, что свидетельствует о необходимости предоставлять коренным народам возможности полноценно защищать свои вещественные права для должной защиты культурных.

В данном вопросе право на самоопределение также напрямую связано с правом на защиту культурных прав. Для дальнейшего развития нужно понимать, что возможно возникновение противоречий между государством и коренным народом в вопросе присвоения тех или иных культурных ценностей в процессе реализации права на самоопределение. При этом, нельзя отказывать от возможности культурной интеграции и ассимиляции, но только при условии

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

3 См. выше.

добровольности и на основе принципа взаимности, в противном случае это может быть расценено как насильственное насаждение чужеродных культурных ценностей. Но если коренной народ выбирает для себя самостоятельное развитие как вид борьбы с прошлым угнетением и новым шансом на развитие и процветание народной культуры, государства и доминирующие социальные группы обязаны всячески этому содействовать в целях сохранения мира и баланса интересов общества. Кажется, что только на таких условиях в настоящее время возможно строить здоровый диалог, не противоречащий принципам и нормам международного права.

Для эффективной работы с указанной проблемой необходимо понимать те рамки и потребности, которые испытывает каждый конкретный коренной народ в том или ином случае. Здесь важен индивидуальный подход, тщательное изучение географических, политических и исторических особенностей. Большая ответственность лежит и на современном международном юридическом сообществе, которое должно рассчитать риски и выработать наиболее безболезненные механизмы совместного существования новой и старых культур. Если представить, как было бы правильно и гуманистично интегрировать современные поколения в культурные особенности коренных народов, это, к слову, выступило бы дополнительной мерой поддержки их культуры.

Для упорядочивания процесса реализации и защиты культурных прав коренных народов важно определить основные ценности и направления, которые должны быть выделены как приоритетные.

В контексте разговора о любых народах и меньшинствах мы должны понимать, что концепция общества, заложенная Вестфальским мирным договором, на основании которой утверждается абсолютный суверенитет института государства, торжества национального интереса и принцип баланса сил, в значительной мере устарела⁴.

Колонизация, от которой и пострадали коренные народы в процессе всей истории своей существования, являлась логичным продолжением и составной частью того мира, который был разрушен после окончания Второй Мировой Войны, когда ценность человеческой жизни снова вышла на первый план. И тогда возникло понимание исторической несправедливости в отношении коренных народов и потребности исправить нанесенный им ущерб. Говоря о всеобщих правах человека впервые заговорили о необходимости предоставлять их всем, что и было сформулировано во Всеобщей декларации прав человека 1948 года.

Это явилось одним из первых шагов по очеловечиванию международного права и его приближению непосредственно к человеческим потребностям. Нужно понимать, что культурные права входят в базовые, основные права человека, хотя, казалось бы, творчество, культура, язык, самовыражение – это не те необходимые потребности для поддержания человеческой жизни, однако именно они по-настоящему делают из человека – человека как индивида, личность, с чаяниями, потребностями, историей, традицией. Так и получается, что если человек более не ощущает себя человеком, то и список прав, в реализации которых он нуждается, стремительно сокращается, а цель его существования все больше размывается. Человек как носитель определенной культуры ясно и четко представляет свое место на земле, то, за что ему

следует бороться, на что ориентироваться. По сути, это именно то, на что было направлено колониальное насилие, помимо физического истребления – культурная идентичность, слияние с новой доминирующей культурой. Именно поэтому коренным народам так важно сейчас доказать важность и отстоять право на реализацию и сохранение своей собственной оставшейся культуры и связанной с ней ценностями.

Здесь также важным является вопрос ощущения своей принадлежности к группе, как важного фактора существования человека в определенном обществе.

Принадлежность к группе имеет фундаментальное значение для индивида, для его стремления к самореализации, одной из ключевых социальных потребностей человека. В постоянном взаимодействии между индивидом и группами, составляющими общество, формируется и изменяется не только индивидуальное «я», но и перестраиваются и модифицируются общие модели группового поведения. Таким образом, значимые для индивида группы являются существенным продолжением идентичности человека. Взаимодействие с другими людьми и зависимость от них – непрерывное условие человеческого существования.

Уилл Кимлика отмечает, что группы не только обеспечивают культурное развитие и формирование определенных культурных структур, которые потом предоставляют участникам право выбора и возможность совершения индивидуальных осознанных поступков, они также способствуют росту благополучия отдельных личностей⁵.

Таким образом, чтобы продуктивно реагировать на человеческие потребности и потребность в защите, в частности, закон должен стремиться предоставлять такую защиту как отдельным людям, так и группам, в которые они входят или в которых рождаются.

Лидер Союза индейских народов Амазонии А. Кренак на публичных слушаниях Комиссии по окружающей среде и развитию в 1985 году сказал:

«Когда правительство забрало нашу землю... они хотели дать нам другое место... Но государство, правительство, никогда не поймет, что у нас нет другого места. Единственное возможное место для [коренного] народа, где он может жить и восстановить свое существование, говорить с нашими богами, говорить с нашей природой, плести свою жизнь, – это там, где нас создал наш Бог...

Мы не идиоты, чтобы верить в возможность жизни для нас вне того места, где находится исток нашей жизни. Уважайте место, где мы живем, не ухудшайте наши условия жизни, уважайте эту жизнь... Единственное, что у нас есть, это право кричать о своем достоинстве и необходимости жить на своей земле».

Невероятно осознанное понимание и формулирование настоящих потребностей, перед всем мировым сообществом он мог бы заявить о голоде, недостатке материальных благ, социальных гарантий и так далее, но, являясь представителем одного из самых исторически ущемленных народов, этот человек, прежде всего, говорит об их потребности и праве жить на своей земле, которая, как нам кажется, и является их главной культурной ценностью, так как в ней находятся могилы их предков, а любая культура – это переработанный опыт прошлого, присвоенный настоящим.

Еще одна очень показательная цитата «от первого лица» – это высказывание бывшего лидера возрождения коренных народов США В. Делория-младшего:

«Суверенитет коренных народов в большей степени состоит из сохранения культурной целостности, чем из полити-

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyu-mif-vestfalya/?sphrase_id=28416659.

5 Kymlicka W. Liberalism, Community, and Culture, 1989.

ческой власти, и в той степени, в которой нация теряет чувство культурной идентичности, в такой степени она теряет суверенитет»⁶.

Декларация 2007 года устанавливает право коренных народов на возрождение языка, истории, традиции, философию (статья 13), закрепляет права на образование (статья 14), уже отмеченное вначале право на многообразие культуры (статья 15). Наиболее тесно эти положения взаимосвязаны со статьями 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гласит:

«В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»⁷.

Также важно отметить, что Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам декларирует, что меньшинствам и коренным народам гарантируется свобода практиковать и пропагандировать свою культуру. При этом, интересно отметить, что Замечание общего порядка № 23 Комитета по правам человека к статье 27 Международного пакта отмечает, что положение о защите культурных прав и права на их реализацию коренными народами относится к индивидуальным правам, но обязательство государств по его реализации носит коллективный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Устав Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.
3. Всеобщая декларация прав человека – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
4. Декларация ООН о правах коренных народов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
6. Замечание общего порядка № 23 Комитета ООН по правам человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom23.html>.
7. Публичные слушания Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (WCED), Сан-Паулу (28-29 октября 1985 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.
8. Ilmari Länsman v. Finland. № 511/1992, UN Doc. CCPR/52/D/511/1992.
9. Jouni E. Länsman v. Finland. № 671/1995, UN Doc. CCPR/C/58/D/671.1995.
10. Apriana Mahuika et al. v. New Zealand. № 547/1993, UN Doc. A/56/40 (2000), at 11ff.
11. Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua, 31 Aug. 2001, Inter-Am Ct HR.
12. Абашидзе А. Х., Блищенко И. Коренные народы и международное право // Российская юстиция. – 1994. – № 3.
13. Ананидзе Ф. Р. Международно-правовые проблемы определения статуса коренных народов // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки. – Москва, Россия, 2000.
14. Ананидзе Ф. Р. Коренные народы и право народов на самоопределение // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки. – Москва, Россия, 2001.
15. Волкова Н. В. Культурные права как отдельная категория системы прав человека: международно-правовые аспекты // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки. – Москва, Россия, 2013.
16. Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве. – DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362.
17. Гусейнов К. К. Проблема защиты прав коренных народов в современном международном праве // УрФу, Электронное приложение к Российскому юридическому журналу, 2015.
18. Куприянов А. Опасный мир Вестфалья. – Москва, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/?sphrase_id=28416659.
19. James S. Anaya. Indigenous People in International Law. Second Edition. – Oxford University Press, 2004.
20. John R. Bowen. Should we have a universal concept of «Indigenous people's rights»? : Ethnicity and Essentialism in the Twenty-First Century // Anthropology Today. – 2000. – Vol. 16. № 4.
21. Deloria Jr. Self-Determination and the Concept of Sovereignty // J. R. Wunder (ed.), Native American Sovereignty, 1996.
22. Francioni. Culture, Heritage and Human Rights: An Introduction // F. Francioni and M. Scheinin (eds), Cultural Human Rights, 2008.
23. Kymlicka W. Liberalism, Community, and Culture, 1989.

⁶ Deloria Jr. Self-Determination and the Concept of Sovereignty // J. R. Wunder (ed.), Native American Sovereignty, 1996.

⁷ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

СЮЙ Цзиньлинь

магистрант Института русского языка (Русский язык и литература) Китайского нефтяного университета, Хуадун

ДАВЫДОВА Марина Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Неправительственные организации играют все более важную роль в формировании и функционировании международного права. Несмотря на то, что НПО не имеют единого определения и не обладают международной правосубъектностью в существующей системе международного права, НПО продолжают влиять на международное право и формировать его, заботясь об общественном благе и мобилизации общественности.

Ключевые слова: неправительственные организации, международное право, международные отношения.

XU Jinlin

magister student of the Russian Language Institute (Russian Language and Literature) of the Chinese Petroleum University, Huadong

DAVYDOVA Marina Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS ON INTERNATIONAL LAW

Non-governmental organizations are playing an increasingly important role in the formation and functioning of international law. Although NGOs do not have a uniform definition and do not have international legal personality under the current system of international law, NGOs continue to influence and shape international law with a concern for the public good and public mobilization.

Keywords: non-governmental organizations, international law, international relations.

После окончания холодной войны неправительственные организации (далее - НПО) играли важную роль в областях, связанных с международным правом, от разработки договоров до нормотворчества, НПО продолжали формировать международное право своим влиянием. Кроме того, растет число неправительственных организаций, которые добились значительных успехов в формулировании международных правил, связанных с охраной окружающей среды и международной защитой прав человека в мире. Несмотря на возрастающую роль НПО в мировых делах, их международно-правовой статус остается маргинальным и не признаваемым традиционным международным правом.

Несмотря на то, что вопрос о международной правосубъектности НПО неоднократно обсуждался учеными, международное сообщество до сих пор не унифицировало определение НПО. Были предприняты попытки дать определение НПО в международных организациях и соответствующих документах конференций.

Во-первых, термин «НПО» впервые появился в статье 71 Устава ООН, которая позволяет ЭКОСОС консультироваться с НПО, но не дает четкого определения и сферы действия НПО. В контексте Организации Объединенных Наций НПО впервые были четко определены в резолюции Экономического и Социального Совета, который постановил, что организации, учрежденные на основе неправительственных соглашений, являются НПО. Однако это определение не разъясняет международный характер НПО и включает в себя организации гражданского общества, которые занимаются только внутренними делами, что не способствует функционированию НПО в рамках международно-правовой системы.

В 1996 году Экономический и Социальный Совет принял более подробное определение, разъяснив, что цели НПО должны соответствовать духу, целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций. Всемирный банк также попытался определить НПО как «частные организации, занимающиеся деятельностью, направленной на облегчение страданий, продвижение интересов бедных, защиту окру-

жающей среды, предоставление основных социальных услуг или участие в развитии сообществ» [2].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), хотя и не дает четкого определения НПО, считает, что «к НПО относятся коммерческие организации, фонды, образовательные учреждения, церкви и другие религиозные группы, медицинские организации и больницы, профсоюзы и профессиональные организации, кооперативы и культурные группы, а также добровольные учреждения» [2]. Как и во Всемирном банке, ОЭСР определяет НПО в первую очередь с точки зрения их функций и основных типов, но ОЭСР шире с точки зрения коммерческих организаций и профсоюзов.

Европейская конвенция о признании правосубъектности международных неправительственных организаций, организованная Советом Европы, считает, что НПО должны быть некоммерческими, регулируемые внутренним законодательством государства, влиятельными по крайней мере в двух странах и имеющими соответствующие руководящие органы. Хотя это определение разъясняет международный характер НПО, оно не подчеркивает их легитимность.

Ученые высказывают свои взгляды на определение НПО международными организациями. Владимир Н. К. считает, что НПО должны быть частными и независимыми от государства. Руководствуясь принципами верховенства права, стремиться преследовать общественные, а не частные интересы, продемонстрировать масштабы транснациональной деятельности. и иметь организационную структуру [3].

Ищенко О. А. считает, что НПО должны быть некоммерческими, законными, организованными, международными и неправительственными [3]. Каламкарян Р. А. считает, что НПО не используют насильственные и незаконные средства для продвижения своих интересов и, как правило, обладают правосубъектностью страны [5].

В результате анализа определения НПО, проведенного международными организациями, учреждениями и учеными, хотя невозможно дать точное и четкое определение, характеристики НПО можно обобщить из следующих определений:

1) Неправительственные. НПО должны быть учреждены частными или неправительственными организациями, а их деятельность после создания должна быть независимой от государства и правительства.

2) Общественное благосостояние. НПО должны стремиться к общественным благам, таким как защита окружающей среды, предоставление социальных услуг и содействие социальному развитию.

3) Легитимность. Неправительственные организации должны создаваться и функционировать в соответствии с принципами, целями и задачами Устава Организации Объединенных Наций и не должны участвовать в противоправных действиях.

4) Некоммерческие. Некоммерческие организации не запрещают НПО получать прибыль в ходе своей деятельности до тех пор, пока НПО не ориентированы на получение прибыли в качестве единственной цели организации.

5) Интернациональность. Интернациональность требует, чтобы сфера деятельности и членство НПО находились в двух или более странах, но международный характер НПО не означает, что НПО являются международными организациями, которые, как правило, являются юридическими лицами в стране и подчиняются внутреннему законодательству этой страны.

6) Организация. Организационные требования требуют, чтобы НПО имели свои собственные уставы и системы, а также имели регулярные организационные структуры, такие как штаб-квартира и внешние бюро. НПО, упомянутые в этой статье, являются международными неправительственными организациями, отвечающими этим шести характеристикам.

Потому, что НПО не являются суверенными государствами, они могут участвовать в разработке международных правил, в полной мере используя свои преимущества в профессиональной сфере, а также могут выступать в качестве связки между суверенными государствами для содействия заключению международных правил. И, помимо непосредственного участия в разработке и формулировании международных правил, она обладает гибкостью, позволяющей формировать международное право другими способами.

Экспертиза в соответствующих научных областях является важной причиной, по которой НПО могут приобретать влияние и участвовать в построении международной правовой системы. Обладая профессиональными знаниями, НПО в основном участвуют в международной деятельности в области прав человека, защиты окружающей среды, борьбы с голодом и нищетой и достижения устойчивого развития, и они накопили группу профессиональных талантов в конкретных областях и обладают относительно глубоким пониманием знаний отрасли, так что они могут предоставлять научные консультации по формулированию международных правил, и даже непосредственно разрабатывать международные правила или формулировать международные стандарты в этой области.

НПО принимают самое активное участие в кодификации новых норм в новых областях права или в разработке новых договоров. В области прав человека неправительственные организации оказывали интеллектуальную поддержку Уставу Организации Объединенных Наций о правах человека, а затем помогали в разработке Всеобщей декларации прав человека. В области охраны окружающей среды Международный союз охраны природы (МСОП) разработал проект Конвенции о биологическом разнообразии. Кроме того, НПО продолжают выпускать стандарты и правила в некоторых специализированных областях, таких как Международная организация по стандартизации (ИСО) и Международный олимпийский комитет, которые также устанавливают международные правила в своих областях и требуют от стран их соблюдения.

В этом контексте НПО играют роль «групп знаний». По сути, это группа профессионалов, обладающих признанным опытом и компетенцией в определенной области и имеющих авторитетные претензии на знания, имеющие отношение к политике в этой области. В своих областях компетенции НПО играют определенную роль в формулировании причинно-следственных связей сложных вопросов, оказании

помощи странам в определении их интересов, формулировании вопросов для коллективного обсуждения, предложении конкретных стратегий и определении точек для переговоров. Международные правила, сформулированные НПО на основе их опыта, могут быть более научными, а также могут повысить доверие к правилам среди суверенных стран, участвующих в переговорах, что в большей степени способствует плавному ходу переговоров.

Помимо всего прочего, неправительственные организации могут служить связующим звеном в формировании международного права. В настоящее время из-за глобальных вызовов, таких как перенаселение, миграция, экологические проблемы и т.д., одна страна не может эффективно справиться с этими глобальными проблемами [1], и основным способом решения этих проблем является их интернационализация. НПО могут играть координирующую роль в разногласиях между различными странами по поводу того, как решать глобальные проблемы на основе национальных интересов.

В целом, НПО внесли свой вклад в заключение договоров и создание новых международных организаций. В частности, НПО влияют на формирование международных договоров тремя основными способами: определение тем, лоббирование и руководство, а также активное участие.

НПО могут сотрудничать с международными организациями, чтобы сосредоточиться на нескольких ключевых вопросах путем определения повестки дня до организации консультаций и переговоров между суверенными государствами, чтобы избежать вовлечения суверенных государств, участвующих в переговорах, слишком большого количества вопросов и влияния на переговорный процесс. В то же время, сосредоточение внимания на переговорных вопросах может уменьшить ненужные ссоры и облегчить завершение переговоров.

Посредством информационно-разъяснительной работы и лоббирования разногласия между суверенными государствами, участвующими в переговорах, будут разрешены. НПО продвигают свои взгляды через различные публикации в средствах массовой информации, чтобы привлечь внимание общественности к глобальным проблемам, волнующим НПО, повлиять на осведомленность общественности о связанных с ними вопросах и, в конечном итоге, объединиться в силу для оказания давления на правительства, тем самым влияя на их отношение и принятие решений при участии в переговорах по международным договорам.

НПО также берут на себя инициативу по взаимодействию с правительственными ведомствами, и в дополнение к официальным платформам, созданным международными организациями, НПО могут направлять известных и авторитетных экспертов, ученых или членов учреждений, обладающих высокой известностью и авторитетом в соответствующих областях, для установления контактов с государственными должностными лицами в частном порядке и передачи своих взглядов лицам, принимающим правительственные решения, с целью экспорта своих собственных взглядов.

Пристатейный библиографический список

1. Бежанов И. В. Экономика санкций и экономические войны как новое состояние национальной экономики // Дискуссия. – 2023. – № 4 (119). – С. 73-86.
2. Быкова Е. В. Международное сотрудничество как неотъемлемая часть развития правовых систем // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 2. – С. 20-22.
3. Владимир Н. К. О сущности и некоторых видах общепризнанных принципов международного права // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 1. – С. 18-21.
4. Ищенко О. А., Ищенко И. Г. Проблемы реализации норм международного права в российском законодательстве // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 3. – С. 34-38.
5. Каламкарян Р. А. Международный суд ООН: становление и развитие // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 62-71.

МИШАЛЬЧЕНКО Мария Юрьевна

старший преподаватель кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНДИИ В СИСТЕМЕ БРИКС

В статье рассматриваются международно-правовые аспекты энергетического сотрудничества между Российской Федерацией и Индией, исследуются основные проблемы, препятствующие эффективной энергетической интеграции между данными странами. Рассматривается межгосударственное взаимодействие между данными странами в энергетической сфере в системе правового обеспечения БРИКС.

Ключевые слова: объекты энергетики, энергетическое сотрудничество, международное право, энергетические ресурсы, БРИКС.

MISHALCHENKO Mariya Yurjevna

senior lecturer of Civil and commercial law sub-faculty of the St. Petersburg State Maritime Technical University

INTERNATIONAL LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS OF ENERGY COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND INDIA IN THE BRICS SYSTEM

The article examines the international legal aspects of energy cooperation between the Russian Federation and India and examines the main problems that impede effective energy integration between these countries. The interstate interaction between these countries in the energy sector in the BRICS system is considered.

Keywords: energy facilities, energy cooperation, international law, energy resources, the BRICS.

Международное сотрудничество между государствами в социально-экономической и правовой сфере всегда играло важную роль во взаимодействии национальных государств.

В настоящее время активно развиваются различные интеграционные объединения, в рамках которых происходит межгосударственное взаимодействие и взаимовыгодное международное сотрудничество между различными странами. При этом огромное значение приобретает взаимодействие с развивающимися странами экономика которых показывает уверенный рост в течение последних нескольких лет.

Согласно данным ООН, по международной торговле на Индию приходится более 9 % от мирового импорта нефтепродуктов, что делает индийский рынок энергетических ресурсов привлекательным для стран экспортеров энергетических ресурсов.

Развитие экономической сферы государства на современном этапе во многом зависит от его макроэкономического взаимодействия с другими государствами, а также от конкурентоспособности в рыночных условиях. В связи с ухудшением политических отношений России со странами Запада, вызванным проведением Специальной военной операции на Украине, наиболее очевидным вариантом сохранения внешнеэкономической стабильности становится усиление экономического взаимодействия России со странами Востока. Данная тенденция ставит перед Россией задачей заключение новых международных договоров на долгую перспективу с целью сохранения экономической безопасности государства¹.

Одной из стран, в отношении которых Россия проводит политику укрепления международных связей, является Индия.

Индия традиционно признается импортозависимой страной в отношении нефти. Средний коэффициент импорта нефти в Индии за 2023 г. составил 4,3 млн. барр./сутки².

На рост потребления энергетических ресурсов в Индии влияют несколько факторов, в том числе рост численности населения, где согласно прогнозам Всемирного банка, Индия занимает второе место в мире и через 5-7 лет опередит Китай по данному показателю. Рост численности населения подстегивает спрос на энергетические ресурсы и способствует развитию национальной экономики.

Также следует отметить, что в силу сложившихся природных факторов собственных энергетических ресурсов в стране недостаточно для удовлетворения внутренних потребностей, что делает данную страну зависимой от внешних поставок топлива в страну. Также значительной проблемой Индии является геологическая малоизученность собственных месторождений природных ресурсов. Также существует проблема высокого процента бедного населения, что в свою очередь приводит к низкой инвестиционной активности граждан, а также к отсутствию квалифицированных специалистов в энергетической сфере³.

Однако будучи крупным импортером нефти, Индия осуществляет экспорт продуктов, производящихся в результате переработки нефти, а именно бензина, дизеля, авиакеросина.

Россия играет ключевую роль в рамках межгосударственного взаимодействия со странами-участницами БРИКС. Она является одной из стран – основателей данной организации и активно стремится обеспечить усиление роли данного межгосударственного объединения на международной арене. Стремление многих государств вступить в данное межгосударственное объединение показывает все возрастающую роль БРИКС на мировой арене.

Одной из главных задач решаемых Российской Федерацией в БРИКС является усиление экономического межгосударственного сотрудничества. Россия активно работает над расширением торговых и инвестиционных отношений с другими странами БРИКС, что способствует стабильности в регионе и укреплению экономической безопасности.

Индия, вторая по численности населения страна мира, играет ключевую роль в межгосударственном сотрудничестве в рамках БРИКС. Ее динамично развивающаяся экономика и геополитическое влияние делают ее стратегическим партнером для других членов БРИКС.

В рамках межгосударственного взаимодействия страны стремятся создать взаимовыгодные условия для развития торговых отношений между государствами, совместного развития высокотехнологичных отраслей экономики. Развитию сотрудничества в энергетической сфере между Российской Федерацией и Индией способствует то обстоятельство, что данные страны в течение длительного времени развивали взаимную торговлю.

На современном этапе развития межгосударственного взаимодействия в энергетической сфере Российская Федерация наращивает поставки российской нефти и нефтепродуктов в Индию. Росту поставок энергетических ресурсов в данную страну способствуют введенные странами Запада санкции, в том числе

1 Манукян Р. К. Торгово-экономическое сотрудничество России и Индии в современных условиях // Экономические исследования и разработки. – 2023. – № 1. – С. 108.

2 Рынок нефти и нефтепродуктов Индии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seala.ru/analyticoil/neftindia> (дата обращения: 03.01.2024).

3 Рева А. Р. Нефтяная индустрия Индии: анализ и риски // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 3. – С. 97.

и потолок цен на российскую нефть. Российская Федерация неоднократно заявляла, что данные экономические санкции незаконны и осуществляла поиск торговых партнеров для поставки нефтепродуктов.

Успешное взаимодействие с Индией привело к тому, что в 2022 году Индия стала одним из основных покупателей российской нефти, увеличив поставки нефти в 16 раз по сравнению с предыдущими годами.

На эффективное межгосударственное взаимодействие влияет то факт, что между Российской Федерацией и Индией исторически установились дружественные отношения, все больше укрепляющиеся в настоящее время. Одним из существенных аспектов благоприятного взаимодействия стран является торговое сотрудничество в энергетической сфере, установление которого связано с рядом проектов.

В 2009 г. в силу вступило Соглашение между Россией и Индией⁴, касающееся сотрудничества стран в энергетической сфере, а также сооружения АЭС «Куданкулам» на территории Индии. Сторонами по данному соглашению стали Индия (как главный заказчик) и Госкорпорация «Росатом» (как главный исполнитель). Строительство первых двух блоков станции «Куданкулам» стартовало в 2002 г., третьего и четвертого – в 2017 г., а последних двух блоков, пятого и шестого, – 2021 г.⁵ Функционирование и совершенствование технологий АЭС «Куданкулам» реализуется и в настоящее время.

В 2010 г. в силу вступило Соглашение между странами о сотрудничестве в нефтегазовой сфере⁶. Кроме того, в 2016 г. ОАО «Газпром» подписало с «Oil India Limited» Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым со стороны России предоставляются практические методы, касающиеся разработки местонахождений газа и нефти, а Индия обеспечивает доступ к месторождениям природных ресурсов⁷.

Главным направлением в экономическом сотрудничестве России и Индии является усиление взаимодействия в энергетическом секторе.

Осуществляя поставки энергетических ресурсов в Индию, Российская Федерация закрывает потребности данной страны в самых востребованных источниках энергии, обеспечивая развитие собственной нефтегазовой промышленности.

Обеспечивая развитие и строительство объектов атомной энергетики в Индии, российская сторона обеспечивает заказами собственный высокотехнологический промышленный кластер.

В России создана крупная и мощная нефтедобывающая система. Энергетическое влияние России на внешнем рынке началось еще с 1970-х годов и продолжалось практически до настоящего времени. Свидетельством этому является строительство ряда международных энергетических объектов, в том числе «Северный поток-2» и «Турецкий поток»⁸.

Согласно данным Министерства энергетики РФ, объем добычи нефти и газового конденсата в России за 2020 г. составил 512,8 млн. тонн, а за 2019 г. – 561,2 млн. тонн. За 2019 г. Россия экспортировала 266,2 млн. тонн нефти за пределы государства. Этот объем составляет 47 % от общего объема добытой российской нефти⁹.

Также по данным, указанным на сайте Министерства энергетики РФ, объем добытого угля за 2021 г. составил 438,4 тонн.

Объем экспортированного угля за 2021 г. составил 223 млн. тонн, а именно 51 % от объема добытого угля в целом. Важно отметить, что поставки угля на внешний рынок за предыдущие десятилетия практически ежегодно увеличивались (исключением является лишь объем за 2020 г., что связано с пандемией COVID-19)¹⁰.

На основании вышеизложенных данных можно сделать вывод, что Россия является крупным и надежным экспортером энергетических ресурсов на внешний рынок. Около половины суммарного добытого объема нефти и угля Россия экспортирует другим странам.

Однако на данный момент на Российскую Федерацию оказывается мощное санкционное давление на мировом рынке энергоресурсов из-за недружественных действий западных стран. Таким образом, происходит переориентирование энергетического экспорта России в зону азиатских стран.

В ходе итоговой Годовой коллегии Минэнерго 28 марта 2023 г. Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А. В. Новак сообщил, что уже за 2022 г. поставки российской нефти в Индию выросли в 22 раза. Активные поставки энергоресурсов в страны Востока (Китай, Индия) привели к увеличению на 42 % поступлений в федеральный бюджет. При этом было отмечено, что тенденция переориентирования экспорта на рынки «дружественных» стран будет продолжаться и в 2023 г.¹¹

Данная направленность реализуется на практике в настоящее время. Согласно данным отчета по рынку нефти за октябрь 2023 г. Международного энергетического агентства доходы России от экспорта нефти выросли (с 1,8 млрд. долларов до 18,8 млрд. долларов). Актуальный показатель является максимальным с июля 2022 г. Соответственно увеличился и объем экспортируемой нефти в сутки (с 260 тыс. баррелей до 7,6 млн. баррелей в сутки)¹².

Существенным условием торговли энергоресурсами между Россией и Индией является ценообразование. 6 октября 2022 г. Евросоюз принял восьмой пакет санкций против России. Введенные запреты включали себя внедрение ограничения цен на нефть, предусмотренного странами G7. Целью являлись сокращение доходов России, а также снижение инфляции и сохранение стабильных цен на энергоснабжение. Данная мера вступила в силу 5 декабря 2022 г. (относительно сырой нефти) и 5 февраля 2022 г. (относительно нефтепродуктов)¹³.

Анализируя отношение России и Индии к установленному «потолку» цен на нефть, можно отметить, что Индия не высказала конкретного ответа по новому ограничению. В марте 2022 г. агентство Bloomberg сообщило о том, что Индия не намерена нарушать введенное Евросоюзом ограничение цен на российскую нефть, однако в России данную информацию посчитали недостоверной. Сама же Индия никак не прокомментировала статью из источника Bloomberg. В этом же месяце источник Reuters сообщил о том, что Индия не имеет перед западными странами никаких обязательств относительно ценового ограничения накупаемую российскую нефть¹⁴.

Отношение России к «потолку» цен заключается в его непризнании, а, следовательно, несоблюдении. Так с 1 февраля 2023 г. в силу вступил Указ Президента РФ, в котором предусмотрен запрет поставок российской нефти иностранным физическим и юридическим лицам, если в условиях контракта присутствует предельная цена¹⁵.

4 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о сотрудничестве в сооружении дополнительных энергоблоков атомной электростанции на площадке «Куданкулам», а также в сооружении атомных электростанций по российским проектам на новых площадках в Республике Индии от 5 декабря 2008 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2023).

5 АЭС «Куданкулам» (Вестник Атомпрома). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://atomvestnik.ru/2023/05/30/ajeskudankulam/?ysclid=lozvenxpr7987123815> (дата обращения: 03.01.2024).

6 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о развитии сотрудничества в нефтегазовой сфере от 21 декабря 2010 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2024).

7 Шортанов Р. А. Инвестиционное сотрудничество России с Индией в топливно-энергетической секторе на современном этапе и перспективы развития // Modern economy success. – 2023. – № 4. – С. 252.

8 Кузьмин А. А. Карпова Е. В. Байдецкая М. С. Анализ присутствия России на международных энергетических рынках // Энергетика и автоматизация в современном обществе. – 2023. – С. 96.

9 Добыча нефтяного сырья. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/1209> (дата обращения: 03.01.2024).

10 Поставки российского угля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/1210> (дата обращения: 04.01.2024).

11 Россия увеличила поставки нефти в Индию в 22 раза. Ее покупают со скидкой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2023/03/28/16467445.shtml?updated> (дата обращения: 25.12.2023).

12 Oil Market Report – November 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-november-2023> (дата обращения: 03.01.2024).

13 Ukraine: EU agrees on eighth package of sanctions against Russia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_5989 (дата обращения: 04.01.2024).

14 India not obligated to buy Russian oil below Western price cap – Indian oil ministry source. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nasdaq.com/articles/india-not-obligated-to-buy-russian-oil-below-western-price-cap-indian-oil-ministry-source> (дата обращения: 03.01.2024).

15 Указ Президента РФ от 27.12.2022 № 961 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами

Начиная с 2022 г. Россия поставляет в Индию нефть марки Urals. Нефть Urals представляет собой смесь тяжелой и высокосернистой нефти, добываемой на Урале и в Поволжье с нефтью из Западной Сибири. Urals выступает эталонной нефтяной маркой, продукция которой составляет основной экспорт российской нефти на мировые рынки. Нефть Urals производят такие российские компании, как «Роснефть», «Лукойл», «Газпром нефть», «Башнефть», «Сургутнефтегаз», «Татнефть»¹⁶.

Ценообразования на нефтяном рынке не представляется устойчивым. По данным Министерства финансов РФ в период с января по июль 2022 г. средняя цена на нефть Urals значилась в 83,27 долл. за баррель, а за аналогичный период в 2023 г. средняя цена на нефть Urals снизилась до 53,94 долл. за баррель.

Также Министерство финансов РФ сообщило, что к 1 декабря 2023 г. ожидается понижение экспортной пошлины на нефть до 24,7 долл. за тону¹⁷, из чего следует ожидать снижения цены на российскую нефть.

Несмотря на данные обстоятельства Российская Федерация планирует увеличивать поставки энергетических ресурсов в Индию. В подтверждение данного положения мы можем указать на заключение между ПАО «НК «Роснефть» и Indian Oil Company (самая крупная компания Индии) соглашения о значительном наращивании поставок нефти в Индию. Также ПАО «НК «Роснефть» на основании данных Министерства торговли и промышленности Индии сообщила, что Россия вошла в пятерку главных торговых партнеров Индии, благодаря существенно увеличению оборота нефти между странами¹⁸.

Также стоит отметить, что сотрудничество стран происходит не только в экономической сфере, но и в области образования и науки. В 2022 г. между Санкт-Петербургским горным университетом и правительством Индии было заключено соглашение о взаимопонимании. Санкт-Петербургский горный университет готовит специалистов в сфере нефтегазовой промышленности. В ходе обучения студенты проходят геофизическую практику не только на территории России, но и за рубежом. В результате заключенного соглашения специалисты Санкт-Петербургского горного университета смогут производить работы по поиску и исследованию углеводородов на территории Индии.

Таким образом поставки энергетических ресурсов играют значительную роль для развития экономики Индии. По итогам 2023 года Российская Федерация вышла на второе место по поставкам товаров в Индию и большую часть в поставках данных товаров пришлось на энергоносители.

При этом поставки товаров из Индии в Российскую Федерацию также выросли и общий товарооборот данных стран увеличился до 65 миллиардов долларов США в 2023 году.

Индия планирует и в дальнейшем расширять взаимодействие с Российской Федерацией в энергетической сфере. Министр нефти Индии Х. Пури отметил, что данное государство заинтересовано в долгосрочных контрактах на поставки энергетических ресурсов из Российской Федерации.

Представляется, что сотрудничество данных стран в энергетической сфере будет успешно развиваться, поскольку Российская Федерация и Индия в течение многих лет развивали взаимную торговлю в иных отраслях экономики, а также являются членами БРИКС, что способствует выработке единых политико-экономических взглядов на глобальные процессы в мире.

Также следует отметить, что в настоящий период индийская экономика активно развивается, что способствует увеличению потребностей в энергетических ресурсах в данной стране и Индия стремится получить стабильного поставщика энергетических ресурсов по приемлемым ценам.

Взаимовыгодное сотрудничество в энергетической сфере между данными странами позволит Российской Федерации нарастить поставки энергетических ресурсов в азиатские страны, в том числе и в Индию, что заместит поставки энергоносителей, которые ранее осуществлялись в страны Запада. Долгосрочные контракты в энергетической сфере позволят данным странам

избежать негативных факторов, влияющих на взаимодействие в энергетической сфере, и можно предположить, что Индия станет самым крупным экспортёром российской нефти¹⁹.

Межгосударственное взаимодействие между данными странами в энергетической сфере будет способствовать укреплению энергетической безопасности Индии поскольку данное государство обретет стабильного поставщика энергетических ресурсов и снижению рисков для Российской Федерации, которая диверсифицирует поставки энергетических ресурсов в различные страны и выйдет на новые рынки сбыта. Данное обстоятельство особенно важно для Российской Федерации в условиях геополитического противостояния со странами Запада.

Также следует отметить, что развитие энергетического сотрудничества будет способствовать росту межгосударственного взаимодействия в иных отраслях экономики, что приведет к увеличению двухстороннего товарооборота между данными странами и будет способствовать экономическому процветанию данных государств.

Индия и Российская Федерация являются сторонниками многополярного мира и стремятся к развитию на взаимовыгодной основе межгосударственного взаимодействия со всеми странами.

Участие данных стран в БРИКС позволяет им твердо отстаивать общепризнанные принципы международного права, уменьшать зависимость от доминирующих мировых валют и увеличивать расчеты в национальных валютах. Это способствует созданию более справедливого и стабильного мирового порядка.

В рамках БРИКС Российская Федерация и Индия стремятся максимально использовать возможности данного объединения для развития различных отраслей и обеспечения экономического роста в своих странах. Правильно расставляя приоритеты в рамках межгосударственного взаимодействия, данные страны успешно противостоят внешнему санкционному давлению и активно развивают свою экономику. Их совместные усилия способствуют поддержанию мира и стабильности в регионе и мире на основе устава ООН.

В связи с изложенным, в системе БРИКС целесообразно создание межгосударственной экономической организации, основу которой могут составлять действующие международные договоры и иные международно-правовые акты об энергетическом и экономическом сотрудничестве Российской Федерации и Индии в системе правоотношений объединения БРИКС.

Пристатейный библиографический список

1. Жучкова Т. А. Развитие атомной энергетики в мире // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 10. – С. 122-125.
2. Козлов Д. А. Энергетическое сотрудничество российской Федерации и Республики Индия: вызовы и возможности // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 54-57.
3. Кузьмин А. А., Карпова Е. В., Байдецкая М. С. Анализ присутствия России на международных энергетических рынках // Энергетика и автоматизация в современном обществе. – 2023. – С. 95-101.
4. Манукян Р. К. Торгово-экономическое сотрудничество России и Индии в современных условиях // Экономические исследования и разработки. – 2023. – № 1. – С. 105-108.
5. Рева А. Р. Нефтяная индустрия Индии: анализ и риски // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 3. – С. 97-103.
6. Чеснокова С. В. Россия стала крупнейшим экспортёром нефти в Индию // Восточная аналитика. – 2023. – № 3. – С. 98-107.
7. Шортанов Р. А. Инвестиционное сотрудничество России с Индией в топливно-энергетическом секторе на современном этапе и перспективы развития // Modern economy success. – 2023. – № 4. – С. 251-255.

ми предельной цены на российскую нефть и нефтепродукты». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.01.2024).

16 Чеснокова С. В. Россия стала крупнейшим экспортёром нефти в Индию // Восточная аналитика. – 2023. – № 3. – С. 102.

17 О средней цене на нефть и экспортной пошлине. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38755-o_srednei_tsene_na_neft_i_eksportnoi_poshline (дата обращения: 05.01.2024).

18 Игорь Сечин совершил рабочую поездку в Индию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/214119/> (дата обращения: 05.01.2024).

19 Козлов Д. А. Энергетическое сотрудничество российской Федерации и Республики Индия: вызовы и возможности // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 55.

ПИКУНОВА Алина Александровна

аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СОБЛЮДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЕРЕДАЧЕ ПРАВ НА СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА

Цель. В настоящей статье рассматривается вопрос о необходимости и возможности раскрытия собственниками конфиденциальной информации в отношении секрета производства, для внедрения таких результатов интеллектуальной деятельности на территории Российской Федерации.

Для контроля за передачей секретов производства возможно предусмотреть ряд положений в международных соглашениях, которые позволят учесть взаимные интересы государств-участников таких соглашений для последующего применения мер на национальном уровне.

С этой целью обладателям и разработчикам секретов производства в определенных отраслях деятельности необходимо предоставлять информацию о ведущихся разработках, а также об уже завершенных разработках государству.

Дополнительно предлагается разработать механизм, включающий в себя комплекс мер стимулирующего характера для правообладателей секрета производства и порядок оценки таких результатов интеллектуальной деятельности.

Метод или методология проведения работы. Систему общенаучных методов составили: анализ, синтез, аналогия. При исследовании законодательства различных государств был использован сравнительно-правовой метод. При разработке правил выбора применимого права к отношениям, возникающим по поводу цифровых активов и правил разрешения предварительного коллизионного вопроса был использован метод правового моделирования. В меньшем объеме по отношению к остальным методам применен статистический метод для анализа и сравнения количества договоров о передаче технологий, защищенных режимом конфиденциальности и патентно-лицензионными договорами.

Результаты заключаются в выявлении порядка безопасного раскрытия информации в отношении секрета производства, раскрытии особенностей режима конфиденциальной информации и его влияния на риски при трансграничных сделках; разработке концепции определения применимого права для трансграничного оборота секрета производства и для разрешения предварительного коллизионного вопроса; предложении механизма раскрытия собственниками конфиденциальной информации в отношении секрета производства для внедрения таких результатов интеллектуальной деятельности на территории Российской Федерации и последствия для собственника при непредоставлении такой информации.

Область применения результатов. Накопленная теоретическая база может быть использована для дальнейшего исследования регулирования трансграничного оборота секретов производства. Механизм учета государством ведущихся разработок, а также уже завершенных разработок в отношении информации, защищенной режимом конфиденциальности может быть применен и закреплен в нормах права, что теоретически может позволить увеличить прибыль России от использования таких инновационных технологий. Итогом совместных усилий государства и специалистов должны стать такие условия, при которых развивается инфраструктура создания коммерческого продукта на основе результатов интеллектуальной деятельности, а именно-секрета производства.

Ключевые слова: международный договор, конвенция, секрет производства, интеллектуальная деятельность, коммерческая тайна, инновационная модернизация, изобретение, результат интеллектуальной деятельности, конфиденциальная информация, интересы государства, национальные интересы.

PIKUNOVA Alina Alexandrovna

postgraduate student of International private law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

RESPECT FOR NATIONAL INTERESTS IN THE CROSS-BORDER TRANSFER OF RIGHTS TO THE SECRET OF PRODUCTION

Purpose. This article discusses the need and possibility of disclosure by owners of confidential information regarding the secret of production, for the introduction of such results of intellectual activity on the territory of the Russian Federation.

To control the transfer of production secrets, it is possible to provide a number of provisions in international agreements that will take into account the mutual interests of the States parties to such agreements for the subsequent application of measures at the national level.

To this end, owners and developers of production secrets in certain industries need to provide information about ongoing developments, as well as about already completed developments to the state.

Additionally, it is proposed to develop a mechanism that includes a set of incentive measures for copyright holders of the secret of production and the procedure for evaluating such results of intellectual activity.

The method or methodology of the work. The system of general scientific methods consists of: analysis, synthesis, analogy. The comparative legal method was used in the study of the legislation of various states. When developing the rules for choosing the applicable law to relations arising over digital assets and the rules for resolving a preliminary conflict of laws issue, the method of legal modeling was used. To a lesser extent, in relation to other methods, a statistical method was used to analyze and compare the number of technology transfer agreements protected by confidentiality and patent license agreements.

The results consist in identifying the procedure for the safe disclosure of information regarding the secret of production, disclosing the specifics of the confidential information regime and its impact on risks in cross-border transactions; developing a concept for determining the applicable law for cross-border turnover of the secret of production and for resolving a preliminary conflict of laws issue; proposing a mechanism for disclosure by owners of confidential information regarding the secret of production for the introduction of such results of intellectual activity on the territory of the Russian Federation and the consequences for the owner if such information is not provided.

Scope of the results. The accumulated theoretical base can be used for further research on the regulation of cross-border trade in production secrets. The mechanism of accounting by the state for ongoing developments, as well as already completed developments in relation to information protected by the confidentiality regime, can be applied and fixed in the norms of law, which theoretically can allow Russia to increase profits from the use of such innovative technologies. The result of the joint efforts of the state and specialists should be such conditions under which the infrastructure for creating a commercial product based on the results of intellectual activity, namely, the secret of production, develops.

Keywords: international agreement, convention, secret of production, intellectual activity, trade secret, innovative modernization, invention, result of intellectual activity, confidential information, interests of the state, national interests.

Одной из первоочередных задач государства на сегодняшний момент является создание условий для модернизации технологической базы за счет развития направленной науки и техники в Российской Федерации. Эффективное использование результатов интеллектуальной деятельности способно обеспечить формирование экономической базы, а также создать конкурентные преимущества продуктам и услугам на внутреннем и внешних рынках. В целях выработки государственной политики в области модернизации экономики и инновационного развития Российской Федерации Постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2018 г. № 1078 «О Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России и внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации» была образована специальная комиссия.

Государство заинтересовано в том, чтобы результаты интеллектуальной деятельности, в том числе научных исследований, были применены Российской Федерацией на своей территории и обеспечили инновационную модернизацию. Инновационную модернизацию можно представить как совокупность технологий, динамически меняющуюся под влиянием экономических, технических и институциональных факторов в процессе создания и реализации нововведений¹. Для инновационной модернизации в нашей стране используются не только запатентованные изобретения, но и изобретения, являющиеся секретом производства, защищенные режимом конфиденциальной информации. В соответствии с нормами законодательства Российской Федерации целесообразно использовать понятие «секрет производства», а не более распространенный термин «ноу-хау», что соответствует Федеральному закону от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

Большинство изобретений выражается не в патентоспособных изобретениях, а в секретах производства. Так, по мнению Ф. Х. Шехирали количество договоров о передаче технологий, защищенных режимом конфиденциальности, возросло по сравнению с патентно-лицензионными договорами. По статистике патентные лицензии составляют 20 %, объем «смешанных лицензий» (патентная лицензия плюс передача секрета производства) – 50 %, а доля договоров о передаче секрета производства – 30 % от общего объема сделок в отношении вышеуказанных объектов.² Увеличение числа договоров о передаче секретов производства можно объяснить в том числе усложнением современных изобретений, непатентоспособностью многих объектов, а также невозможностью проконтролировать правомерное использование интеллектуальной собственности.

Вышеуказанная тенденция сохраняется, поскольку большинство идей и научных разработок охраняется не в режиме патента, а в режиме коммерческой тайны. Данный способ позволяет не раскрывать суть разработки, а уникальные знания, навыки и компетенции позволяют получить прибыль не только на собственном производстве, но и оказывать услуги по внедрению и использованию секрета производства. Таким образом, промышленные, торговые и другие коммерческие секреты стали важными объектами интеллектуальной собственности, а их разработчикам необходимо не только компенсировать затраты, но и получать прибыль.

Какие меры необходимо предпринять для того, чтобы секрет производства стал одним из средств к модернизации российской экономики и использовался преимущественно на территории России? Вопрос возникает из того факта, что результаты исследований российских разработчиков нередко реализуются иностранными заказчиками за рубежом. Часто причиной такой реализации является то, что российские научные организации поставляют на рынок идеи и результаты исследований, а реализация и применение, так сказать «доведение до ума» происходит уже не на территории России. Прибыль и польза от использования технологий, разработанных на основе таких идей остается также за границей.

Государственное регулирование использования секретов производства целесообразно распространить не только на результаты, полученные на средства бюджета, так называ-

емого «целевого» финансирования, которые прослеживаются посредством государственных заказов и контрактов, но и на те, которые разрабатываются на территории Российской Федерации вне рамок контроля государства. Государственным контрактом предусмотрен порядок применения результатов интеллектуальной деятельности, однако при иных коммерческих разработках проследить путь от создания до непосредственного применения секрета производства, защищенного режимом конфиденциальной информации, для государства не представляется возможным. Следовательно, риск передачи ценных инновационных решений за пределы территории России значительно увеличивается.

Следует признать право Российской Федерации на приоритет использования инновационных разработок, поскольку государство в любом случае вносит свой вклад в создание секрета производства. Вкладом государства при этом являются ресурсы, к которым, не ограничиваясь, можно отнести систему образования, медицинское обеспечение, охрану жизни и здоровья, меры по соблюдению территориальной и национальной безопасности, обеспечившим конкретному субъекту прав осуществить действия по разработке и получению секрета промышленного производства.

Предполагается, что субъект, осуществивший определённого рода разработку, обязуется предпринять все возможные действия для внедрения такой разработки в пользу своей страны и сограждан. Государство в свою очередь должно иметь все необходимые механизмы и ресурсы для того, чтобы такое внедрение было осуществлено.

В качестве иллюстрации законодательного регулирования рассматриваемых отношений можно привести закон «О свободе информации» от 1966 года, принятый в США и позже (1974) доработанный в сторону либерализации. Согласно этому акту на владельцев крупных компаний в США возлагается обязанность информировать федеральное правительство о своих масштабных проектах. С одной стороны, данный закон автоматически означает расширение круга лиц, имеющих доступ к конфиденциальным данным, составляющим коммерческую тайну, и упрощает процесс промышленного шпионажа. С другой стороны, государство имеет возможность контроля, и обладает информацией о разработках, что соответствует самой идее целостности каждого государства.

В России меры по созданию единой системы государственного контроля над использованием результатов интеллектуальной деятельности, были приняты еще в 2005 году. Текст постановления о создании такой системы опубликован в «Российской газете» от 12 мая 2005 г. № 98, в Собрании законодательства Российской Федерации от 9 мая 2005 г. № 19 ст.³ Ответственным органом было определено Федеральное агентство по науке и инновациям (Роснаука) – федеральный орган исполнительной власти, находившийся в ведении Министерства образования и науки.

В настоящий момент функции контроля и надзора в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также контроль и надзор в установленной сфере деятельности в отношении государственных заказчиков и организаций – исполнителей государственных контрактов, предусматривающих проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ возложены на Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Постановление Правительства РФ от 24.11.2020 № 1914).

Используя имеющиеся ресурсы, государство, в лице уполномоченного органа, должно обладать информацией, достаточной для принятия решения о необходимости внедрения разработок, защищенных режимом конфиденциальности информации.

Наряду с этим требуется соблюсти интересы собственников информации, в отношении которой введен режим коммерческой тайны и предусмотреть ответственность государства за разглашение полученной информации и возмещения потерь и убытков, возникших в связи с таким разглашением.

1 Инновационная модернизация России. Политологические очерки / Под редакцией Ю. А. Красина. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – С. 253.

2 Sehirali F. H. Schutz des know-how nach türkischem, deutschem und europäischem Recht. – Carl Heymanns Verlag KG. Köln, Berlin, München, 2004. – S. 51.

3 Постановление Правительства РФ от 4 мая 2005 г. № 284 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения».

Предполагается, что механизм предоставления информации в отношении секрета производства не должен работать в качестве мер запрета на свободу реализации правообладателем своих прав. Так, в ст. 1233 ГК РФ, устанавливающей общие положения о распоряжении исключительным правом, отмечается, что правообладатель может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом, в том числе посредством договоров об отчуждении или лицензионных договоров. Однако субъективные гражданские права не могут быть безграничными, в особенности, если речь идет об институте интеллектуальной собственности. Должен быть обеспечен компромисс между интересами правообладателя и интересами общества, которое заинтересовано в доступе к результатам интеллектуального труда в целях технического, экономического и культурного развития. Необходимость обеспечения баланса публичных и частных интересов рассматривается многими исследователями как один из принципов данного института и в целом к общепрофессиональным принципам.

Следствием попытки соблюдения баланса интересов является расширение различных ограничений имущественных прав правообладателей.

Права правообладателя в отношении результата интеллектуальной деятельности имеют свои ограничения, одним из проявлений таких ограничений является принцип исчерпания исключительного права на результат интеллектуальной деятельности (далее – принцип исчерпания права), который возможно применить при наложении обязанности правообладателя раскрывать конфиденциальную информацию о секретах производства.

Принцип исчерпания права в иностранных законодательствах – исчерпание права (exhaustion) проявляется в различных моделях.⁴

Например, в России необходимо ввести товар в гражданский оборот на территории Российской Федерации, то есть преобладает национальный принцип исчерпания прав. В ГК РФ принцип исчерпания права распространяется на товарные знаки; оригиналы или экземпляры опубликованного произведения; географические указания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения, объекты авторского и смежных прав.

Международная модель подразумевает, что права собственника будут считаться исчерпанными после момента первой продажи товара в любой стране, при этом обязательным условием является введение объекта в оборот с согласия правообладателя.

Региональная модель является одним из видов международной модели исчерпания прав, она предусматривает исчерпание права на территории нескольких государств и действует в отношении какого-либо международного объединения в соответствии с принятыми актами международно-правового характера.

Обязательство по реализации правообладателем секретов производства на территории Российской Федерации можно сформулировать примерно подобным образом: в том случае, если правообладателем по его вине не были приняты меры по внедрению секрета производства на территории России, а также не были соблюдены положения об обязательном раскрытии такой информации государству, собственник может быть лишен последующей правовой защиты прав на такой результат интеллектуальной деятельности в России.

Вопрос о приоритетном внедрении секретов производства в равной степени представляется важной задачей для любого государства, в связи с чем проблема должна быть решена на уровне трансграничных отношений по передаче такой интеллектуальной собственности.

Основными международными конвенциями и договорами, связанными с охраной права на интеллектуальную собственность, к которым присоединилась Российская Федерация, являются «Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.», «Бернская конвенция

об охране литературных и художественных произведений 1886 г.», а также «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (ТРИПС/TRIPS) от 15.04.1994.

В соответствии с вышеуказанными международными конвенциями и договорами каждое государство вправе на национальном уровне применительно к результатам интеллектуальной деятельности определять режим исчерпания прав. Для целей контроля за передачей секретов производства возможно предусмотреть ряд положений, которые позволят учесть взаимные интересы государств-участников международных соглашений для применения мер на национальном уровне. Представляется, что такие положения будут являться некими перекрестными мерами по информированию, но не запрету на проведение сделок. Как пример: в случае подачи заявки на предоставление патента в одном из государств, участников международного соглашения в составе документов прилагаются сведения об исполнении собственником условия об информировании государственных органов страны, в которой производилась разработка секрета производства.

В том случае, если такие документы не были предоставлены, информация об этом факте должна быть доступна в открытом источнике и позволит государству принять соответствующие решения в отношении собственника секрета производства.

Российская наука сохраняет свой авторитет в сфере исследований. Это разработка и создание новых материалов, химические, ядерные технологии. Национальные интересы России от использования таких инновационных технологий, выраженных в секрете производства могут быть соблюдены при решении проблем в сфере нормативно-правового регулирования и совершенствования правоприменительной практики.

Итогом совместных усилий государства и специалистов должны стать такие условия, при которых развивается инфраструктура создания коммерческого продукта на основе секретов производства.

Пристатейный библиографический список

1. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru> (15.02.2023).
2. Право интеллектуальной собственности: учебник / Э. П. Гаврилов, О. В. Добрынин [и др.]; под ред. И. А. Близнец; Российский институт интеллектуальной собственности. – Москва: Проспект, 2014. – 960 с.
3. Гулидов П. Ноу-хау: специфика регулирования в ГК РФ / П. Гулидов // Арсенал предпринимателя. – 2013. – № 3. – С. 44.
4. Данилин С. Н., Борисов А. Н. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса РФ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса РФ (постатейный). – М.: Деловой двор, 2015. – 896 с.
5. Доротенко Д. Секрет производства (ноу-хау): правовой статус // ГАРАНТ.РУ, 22 марта 2018 г.
6. Пирогова В. В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт. – М.: Статут, 2008. – С. 147.
7. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. – М.: ТК Велби, 2004.
8. Сагдеева Л. В. Принцип исчерпания прав как ограничение исключительных прав // Международное право. – 2017. – № 3.
9. Шахназаров Б. А. Параллельный импорт и реализация принципа исчерпания исключительных прав в контексте договорных отношений хозяйствующих субъектов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 9.
10. Bradley L. D., Mahony I. G., Psychogeos N. J., Naughton E. J. United States // International Licensing / General ed. Campbell D. London, England: BNA International Inc, 2005. – Pp. US/9-US/107. – 233.
11. Folsom R. H., Gordon M. W., Spanogle J. A. International Business Transactions: A Problem Oriented Coursebook. – St. Paul, West Group, 2002. – P. 1424.
12. Sehrali F. H. Schutz des know-how nach türkischem, deutschem und europäischem Recht. – Carl Heymanns Verlag KG. Köln, Berlin, München, 2004.

⁴ Принцип исчерпания права на результат интеллектуальной деятельности в условиях параллельного импорта (Р. Р. Гатауллиной, журнал «Право и экономика». – № 4, апрель 2023 г.)

ТОКАРЕВ Руслан Юрьевич

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

БОРИСЕНКО Никита Сергеевич

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

КОЛЛИЗИОННОЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена исследованию материально-правового и коллизионного регулирования трансграничных трудовых отношений. Проведено исследование положений международных договоров, касающихся регулирования трансграничных трудовых отношений. Обозначены основные проблемные вопросы, связанные с отсутствием коллизионного регулирования трудовых отношений, осложненных иностранным элементом в Российской Федерации. Представлено предложение по внесению изменений в Трудовой Кодекс Российской Федерации с учетом наиболее распространенных в зарубежном законодательстве коллизионных привязок в сфере трансграничных трудовых отношений. Указано на целесообразность ратификации Российской Федерацией ряда международных договоров.

Ключевые слова: трансграничные трудовые отношения, международный договор, коллизионная норма, автономия воли, иностранный элемент.

TOKAREV Ruslan Yurjevich

fourth-year undergraduate student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

BORISENKO Nikita Sergeevich

fourth-year undergraduate student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

GLINSHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban state Agrarian University, Krasnodar

CONFLICT OF LAWS AND SUBSTANTIVE REGULATION OF INTERNATIONAL LABOR RELATIONS

The article is devoted to the study of substantive and conflict of laws regulation of cross-border labor relations. A study was conducted of the provisions of international treaties relating to the regulation of cross-border labor relations. The main problematic issues related to the lack of conflict of laws regulation of labor relations, complicated by a foreign element in the Russian Federation, are identified. A proposal has been presented to amend the Labor Code of the Russian Federation, taking into account the most common conflict of law provisions in foreign legislation in the field of cross-border labor relations. The expediency of ratification by the Russian Federation of a number of international treaties is indicated.

Keywords: cross-border labor relations, international treaty, conflict of laws rule, autonomy of will, foreign element.

В современных условиях сложилась конъюнктура, когда сфера трудовых отношений ввиду широкого международного общения выходит за рамки одного государства. Все чаще с иностранными лицами заключаются трудовые договоры на территории Российской Федерации, российские граждане трудоустраиваются за границей, создаются коммерческие организации с участием иностранных лиц — все это вызывает необходимость эффективного, рационального, четко определенного правового регулирования, как на национальном, так и на международном уровнях.

Трудовые отношения строятся на публичном и частно-правовом началах. Использование таких правовых категорий, как договор, исковая давность, дееспособность, правоспособность, возмещение ущерба свидетельствует о наличии частноправовой природы. В некоторых странах образовалась ситуация, когда частноправовая природа трудового отношения определена, но действие коллизионных норм и, как следствие, применение иностранного права ограничивают, тем самым удерживая данную категорию отношений в рамках исключительно национального регулирования [3, с. 146]. За-

конодатели, стремясь обеспечить реализацию прав и защиту законных интересов «слабой» стороны трудовых отношений — работников, ограничивают автономию воли сторон, вступающих в договорные отношения.

В российском трудовом законодательстве закреплен национальный режим, который применим в сфере трудовой деятельности иностранных лиц, что вытекает из п. 5 ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации. При этом одна из основных проблем российского законодательства кроется в отсутствие коллизионных норм, с помощью которых можно определить применимое право к трансграничным трудовым отношениям. За исключением положений Кодекса торгового мореплавания РФ, в российском трудовом законодательстве отсутствуют коллизионные нормы. В КТМ РФ правовое положение членов экипажа судна, отношения между судовладельцем и членами экипажа определяются законом государства флага судна.

В проекте Закона СССР о международном частном праве и международном гражданском процессе (1989 г.) было отражено намерение закрепить коллизионные нормы, регу-

лирующие международные трудовые отношения с учетом международной практики, однако данный законопроект так и не был облечен в форму закона.

Коллизионное регулирование трудовых отношений осложняется спецификой предмета и метода правового регулирования, тесной связи с нормами публичного права, а также преобладающей ролью государства в данных правоотношениях – все это ограничивает применение иностранного права. В ряде законов зарубежных стран закреплен принцип автономии воли в сфере трансграничных трудовых отношений, согласно которому стороны трудового договора самостоятельно выбирают право, применимое к их отношениям. В том случае, если стороны не пришли к соглашению о применимом праве, то применяется коллизионная привязка – «закон места работы». В случаях, когда работник не имеет основного места работы и находится в постоянной миграции, то применяется закон страны, в котором работодатель имеет основное место работы. Также в зарубежном законодательстве может быть закреплен «закон страны места заключения трудового договора».

Полагаем, что, закрепив в законе автономию воли в области трансграничных трудовых отношений, они получают новый импульс для дальнейшего развития. При этом следует отразить ряд ограничений, направленных на защиту прав и интересов работников. В доктрине выработана единая позиция по этому вопросу: невозможно заключение трудового договора, который включает условия, ухудшающие положение работника, по сравнению с теми, которые были бы предоставлены ему согласно закону места выполнения работы. Данное положение отражает взаимодействие императивных норм и автономии воли.

Каждое государство нацелено на экономическое и социальное развитие, поэтому оно не допустит применение норм иностранного права, которое ухудшает положение работников, по сравнению с тем положением, которое предусмотрено национальным законодательством.

На сегодняшний день отмечается скудность нормативной базы, регулирующей отношения в данной сфере, наша цель – всячески оказать содействие законодателю для принятия эффективных, целесообразных и научно – обоснованных нормативных правовых актов. Приведенные выше положения, могут стать основой для развития российского коллизионного права, которое, на сегодняшний день, практически полностью отсутствует в сфере трансграничных трудовых отношений.

В 1919 году была основана Международная организация труда (МОТ), которая занимается вопросами регулирования трудовых отношений. За основу ее функционирования взят принцип трипатризма, что обуславливает выступление МОТ основой для разработки международного законодательства, где совпадают интересы государств, профсоюзами и работодателями [1, с. 14]. На сегодняшний день результатом ее деятельности является создание конвенций и рекомендаций по вопросам регулирования трудовых и социальных отношений, в процессе разработки которых участвуют государства, работодатели и работники, что обеспечивает соблюдение интересов каждого из них. МОТ создает особые механизмы применения международных соглашений, которые имеют большое унификационное значение. Следует признать, что значительное число государств активно участвует в международных договорах по данному вопросу [2, с. 141]. В доктрине придается значение рамочным документам, которые являются удачным вариантом гибкого регулирования, ведь государства могут выбрать ту редакцию, которая будет соответствовать их национальному праву в наибольшей степени. К сожалению, Россия не входит в число участников международных соглашений, которые были разработаны и приняты МОТ на конференциях.

Одно из направлений деятельности МОТ – обеспечение защиты прав работников – мигрантов. Так, были приняты

Конвенция № 97 1949 года «О трудящихся мигрантах», рекомендация МОТ 1949 года № 86 «О работниках – мигрантах», Конвенция № 143 1975 года «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся – мигрантам равенства возможностей и обращения», рекомендация МОТ 1975 года «О работниках – мигрантах». Конвенция № 97 Россия не ратифицировала. Конвенция информирует об условиях труда работников – мигрантов государствами на взаимной основе расценила в качестве основной задачи. Раскрытие содержания термина «трудящийся – мигрант» в Конвенции № 97 привнесло единообразное в его толкование. Не ратифицировала наша страна и Конвенцию № 143, направленную на противодействие незаконной миграции, и решение вопросов воссоединения семей мигрантов.

Авторитетной является Конвенция ООН 1990 года «О защите прав всех трудящихся – мигрантов и членов их семей». Эта Конвенция закрепила гарантии реализации прав трудящихся – мигрантов, назвав их, а также предусмотрела возможность перевода доходов в страну гражданства. Данное соглашение является отправной точкой создания эффективной правовой базы в области регулирования вопросов трудовой миграции. Эту конвенцию Россия не ратифицировала.

Неэффективная система трансграничного труда обусловлена игнорированием Россией международных соглашений. Российские граждане, выполняющие трудовые функции за границей, теряют свою конкурентоспособность.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем ратифицировать Конвенцию № 97 1949 г. «О трудящихся мигрантах», Конвенцию № 143 1975 г. «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения», Конвенцию ООН 1990 г. «О защите прав всех трудящихся – мигрантов и членов их семей» – это будет существенным шагом на пути к единому правовому регулированию трудовых отношений. Полагаем, следует включить в Трудовой кодекс Российской Федерации отдельную главу – «Международное частное трудовое право», которая содержала бы все вышеперечисленные коллизионные привязки, с учетом указанных ограничений.

Пристатейный библиографический список

1. Бекашев Д. К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты). – Москва: Проспект, 2015. – С. 14-15.
2. Глинщикова Т. В., Виноградов Д. А. Развитие международно-правового регулирования ответственности морского перевозчика // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. № 3.
3. Егизарова М. В. Унификация норм, регулирующих трудовые отношения в международном частном праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2018. – С. 222.

ИБРАХИМ Мурат Мухамад С.

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ПЕТРОВСКИЙ Владислав Андреевич

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ВЛИЯНИЕ КОДИФИКАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье поднимаются вопросы влияния кодификации норм международного частного права на развитие современного коллизионного регулирования частных трансграничных отношений. Кодификация норм международного частного права представляет собой вид систематизации права, основой которого является закрепление правовых норм в определенной последовательности с целью оптимизации регулирования частноправовых отношений, имеющих важную связь с правопорядками двух и более стран. Посредством кодификации законодательство наполняется новым содержанием, устаревшие положения меняются на современные, что способствует устранению пробелов. Кодификация норм международного частного права выступает в качестве наиболее высокого уровня систематизации законодательства в данной области. Она связана с пересмотром отдельных сфер права, осуществлением внешней и внутренней переработки положений действующего законодательства, что способствует подготовке и принятию нового структурированного нормативно-правового акта, строго установленная система норм которого регулировала бы сферу частных правоотношений, отягощенных иностранным элементом.

Ключевые слова: кодификация, международное частное право, трудовые отношения, иностранный элемент, коллизионная норма.

IBRAKHIM Murat Muhamad S.

fourth-year undergraduate student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

GLINSHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban state Agrarian University, Krasnodar

PETROVSKIY Vladislav Andreevich

fourth-year undergraduate student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

THE IMPACT OF CODIFICATION OF THE NORMS OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW ON THE DEVELOPMENT OF MODERN CONFLICT-OF-LAWS REGULATION OF PRIVATE CROSS-BORDER RELATIONS

The article raises questions about the influence of the codification of international private law on the development of modern conflict of laws regulation of private cross-border relations. Codification of the norms of private international law is a type of systematization of law, the basis of which is the consolidation of legal norms in a certain sequence in order to optimize the regulation of private law relations that have an important connection with the legal orders of two or more countries. Through codification, legislation is filled with new content, outdated provisions are changed to modern ones, which helps to eliminate gaps. Codification of the norms of private international law acts as the highest level of systematization of legislation in this area and is associated with the revision of certain areas of law, the implementation of external and internal processing of the provisions of current legislation, which contributes to the preparation and adoption of a new structured legal act, a strictly established system of rules of which would regulate the sphere of private legal relations affected by a foreign element.

Keywords: codification, private international law, labor relations, foreign element, conflict of laws rule.

Ибрахим М. М.

Глинщикова Т. В.

Петровский В. А.

Разработка национальных кодификаций по международному частному праву требует соблюдения ряда условий. В первую очередь, необходимо обеспечить полноту закона. Он должен стать единственным источником права, распространяющимся на весь спектр трансграничных отношений частноправового характера. Впоследствии требуется правильно сконструировать основные принципы, что требует определенной связи среди юридических понятий. Не менее

важно использовать общепризнанные термины, которые, в том числе, отражены в международном законодательстве. Кроме того, кодификационный акт по международному частному праву должен иметь определенную форму и название. Таким образом, кодифицированный акт должен быть полным, понятным и удобным в применении.

В международном частном праве кодификация рассматривается как систематизация и закрепление существующих

норм права, а также как основа для формирования новых правовых норм. Кодификация предусматривает наличие определенной формы, связанной с упорядочиванием и фиксацией норм международного частного права. Она осуществляется путем введения норм в систематизированный свод правил, обладающим обязательной юридической силой для всех участников правоотношений. По мнению специалистов в сфере международного права, обширная судебная практика применения правовых норм гарантирует создание более качественного кодификационного акта. Нормы национального права и судебные прецеденты в международном праве могут выступать в качестве объекта кодификации.

Кодификация норм международного частного права способствует их развитию. Помимо этого, в кодифицированные акты разработчики включают нормы, которые ранее не были отражены в источниках международного частного права [1, с. 31]. Различия в национальных нормах существенно осложняют международное сотрудничество [2, с. 42]. Кодификационные акты способствуют взаимопроникновению норм права.

На современном этапе развития международного частного права наблюдается тенденция, связанная с формированием различных форм и видов кодификаций. Основой для классификации современных кодификаций международного частного права выступает юридическая сила итоговых нормативно-правовых актов, субъектный состав, форма фиксации и элементы преобразования.

Можно выделить официальную и неофициальную кодификации норм международного частного права. Официальная кодификация связана с деятельностью органов государственной власти, специально сформированных для выполнения данной задачи. Кодифицированный источник представляет собой официальный нормативно-правовой акт, положения которого обязательны для применения и имеют юридическую силу. Неофициальная кодификация разрабатывается субъектами, не обладающими соответствующими полномочиями, являющихся практикующими юристами и исследователями.

Как правило, официальной кодификации предшествует неофициальная, выступающая в качестве основы для ее будущего закрепления. В зарубежных странах распространены неофициальные кодификации частных научно-исследовательских учреждений, в которых сгруппированы международные нормативно-правовые акты и судебная практика.

Классификация норм международного частного права с точки зрения субъектного состава и сферы применения нормативно-правового акта предусматривает выделение международных и национальных кодификаций. Международные кодификации охватывают территории нескольких государств, а национальные кодификации действуют в пределах территории одной страны.

Ключевая роль в формировании кодифицированных источников норм международного частного права отводится национальной кодификации.

Исходя из установленных способов фиксации правовых норм, выделяют такие виды кодификации, как комплексные законы, содержащие большой массив коллизионных норм, отдельные законы, регулирующие общие вопросы применения норм иностранного права. Распределение норм международного частного права по отдельным отраслевым актам осуществляется в рамках межотраслевой кодификации. Такая ситуация сложилась в настоящее время в России, где нормы международного частного права содержатся в нескольких отраслевых актах, однако назвать это кодификацией в строгом смысле слова нельзя. Наиболее оптимальным средством представляется принятие специального закона, в котором содержатся не только нормы, позволяющие определить компетентное право, применимое к транснациональным частноправовым отношениям, но и вопросы юрисдикции, как, например, сконструирован закон о международном частном праве и процессе Швейцарии.

В России наметилась тенденция к росту количества комплексных кодифицированных законов, что было связано с процессом усложнения правовых отношений. В 1950-х годах были разработаны первые законопроекты о международном частном праве в СССР. Исследовался вопрос создания советской автономной кодификации путем принятия нормативного акта, в котором содержались бы коллизионные нормы. Сотрудниками Всероссийского научно-исследовательского

института советского государственного строительства и законодательства в 1990 г. был подготовлен автономный акт о международном частном праве. В состав данного проекта входило 60 статей, которые были посвящены общим положениям международного частного права, определению правового статуса субъектов и нормам, регулирующим трансграничные, семейные и трудовые отношения. Данный законопроект был представлен Верховному Совету РСФСР в 1992 г., однако так и не был принят [3, с. 61].

Разработка самостоятельного автономного закона, содержащего нормы международного частного права, будет иметь определенные практические преимущества. В первую очередь, частноправовой характер и осложненность отношения присутствием иностранного элемента придает предмету международного частного права определенную специфику, отличающую его от предмета гражданского права. Это указывает на самостоятельность международного частного права, как отдельной отрасли российского права.

Систематизация норм, направленных на регулирование международных частных отношений, способствовала бы упорядочиванию норм в этой области и их наиболее успешному применению. Комплексная автономная кодификация норм международного частного права позволит оправданно сократить ряд нормативных актов, вобрав в себя их коллизионные нормы.

Основной блок российских коллизионных норм содержится в Гражданском кодексе РФ (раздел VI) и других федеральных законах, направленных на регулирование трансграничных частных отношений нашли свое отражение материальные нормы.

Распределение коллизионных норм в российском законодательстве в нескольких нормативных актах не является, на наш взгляд, оправданным решением. Помимо этого, содержание многих норм расплывчато, что ведет к необходимости их толкования. Нередко нормы носят отсылочный характер, либо содержат пробелы, что требует применение аналогии права и закона.

Следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует коллизионное регулирование трансграничных валютных, трудовых отношений и отношений в сфере интеллектуальной собственности. Следует обратить внимание на наличие двух противоречащих друг другу коллизионных привязок, содержащихся в VI разделе Гражданского кодекса РФ: «место регистрации юридического лица» (ст. 1202) и «место осуществления деятельности» (ст. 1211).

В отношении Семейного кодекса РФ стоит сказать, что изменения в раздел VII длительный период времени не вносились, что логично привело к тому, что положения данного раздела более не отражают прогрессивные подходы, свойственные современным кодификациям по международному частному праву. Исправить данную ситуацию можно путем расширения правил о применимом праве, а также закрепив коллизионный принцип «наиболее тесной связи», но в рамках отдельного кодифицированного акта по международному частному праву. В области трудовых отношений также остаются многие неурегулированные вопросы, связанные с отсутствием коллизионного регулирования в данной сфере. Целесообразным представляется закрепить положение об автономии воли сторон при заключении трудового контракта, что уже нашло отражение на практике.

Таким образом, представляется логичным решение коллизионного регулирования трансграничных отношений, путем принятия в Российской Федерации самостоятельного автономного закона, представляющего собой кодификацию норм международного частного права, что способствовало бы дальнейшему развитию российского законодательства в этой сфере и его эффективному применению.

Пристатейный библиографический список

1. Крутий Е. А. Современные кодификации международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2012.
2. Глинщикова Т. В. Международно-правовое регулирование факторинговой деятельности // Очерки новейшей камералистики. - 2012. - № 2.
3. Марышева Н. И., Лазарева Т. П., Власова Н. В. Цивилистическая Концепция международного частного права // Журнал российского права. - 2015.

ЛЕБЕДЕВА Яна Игоревна

научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской Академии наук

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА ДАНИИ

В статье рассматриваются позиции Верховного суда Дании в отношении делегирования полномочий Европейскому союзу. Высший судебный орган Королевства крайне редко обращался к вопросам о порядке и пределах такого делегирования, несмотря на то что государство довольно давно участвует в проекте европейской интеграции. Первое решение Верховного суда по вопросу делегирования полномочий связано с принятием Маастрихтского договора 1992 г., который не только учредил Европейский союз, но и существенно расширил полномочия Европейского экономического сообщества (последнее в результате реформы получило наименование Европейского сообщества). Во многом попытка Верховного суда абстрагироваться от вопросов, связанных с членством в ЕС, обусловлено тем, что участие в интеграционных процессах традиционно рассматривается в государстве в качестве прерогативы законодательной и исполнительной ветвей власти. Однако в практике Суда также признается важность европейского интеграционного проекта для каждого датского гражданина, поэтому он принимает к рассмотрению индивидуальные жалобы, касающиеся возможного выхода Союза на пределы делегированных полномочий. Такая жалоба была направлена заявителями и в отношении присоединения Дании к Лиссабонскому договору 2007 г., принятие которого знаменует собой новейшую фазу развития ЕС. В 2016 г. Верховный суд рассмотрел дело *Ajos*, в котором впервые отказался следовать позиции Суда ЕС, выраженной в ответе на преюдициальный запрос. В довершение делается вывод о том, что высший судебный орган Дании, подобно другим европейским судам, проходит неизбежный процесс формирования собственной позиции в отношении делегирования суверенных полномочий.

Ключевые слова: Дания, Фолькетинг, Верховный суд, конституционное право, суверенитет, делегирование полномочий, идентичность, европейское право, Европейский союз.

LEBEDEVA Yana Igorevna

researcher of the Human Rights Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

DELEGATION OF POWERS TO THE EUROPEAN UNION IN THE PRACTICE OF THE DANISH SUPREME COURT

The article examines the positions of the Danish Supreme Court regarding the delegation of powers to the European Union. The highest judicial body of the Kingdom rarely addressed questions about the procedure and limits of such delegation, despite the fact that the state has been involved in the European integration project for quite a long time. The first decision of the Supreme Court on the issue of delegation of powers is related to the adoption of the Maastricht Treaty of 1992, which not only established the European Union, but also significantly expanded the powers of the European Economic Community (the latter received the name of the European Community as a result of the reform). In many ways, the Supreme Court's attempt to abstract from issues related to EU membership is due to the fact that participation in integration processes is traditionally considered in the state as the prerogative of the legislative and executive branches of government. However, the Court's practice also recognizes the importance of the European integration project for every Danish citizen, so it accepts individual complaints regarding the possible withdrawal of the Union beyond the limits of delegated powers. Such a complaint was also sent by the applicants regarding Denmark's accession to the Lisbon Treaty of 2007, the adoption of which marks the newest phase of the EU's development. In 2016, the Supreme Court considered the *Ajos* case, in which, for the first time, it refused to follow the position of the EU Court of Justice expressed in response to a preliminary request. Finally, it is concluded that the Danish supreme judicial authority, like other European courts, is undergoing an inevitable process of forming its own position on the delegation of sovereign powers.

Keywords: Denmark, Folketing, Supreme Court, constitutional law, sovereignty, delegation of authority, identity, European law, European Union.

В Дании заключение международных договоров, которые предполагают делегирование суверенных полномочий, осуществляется в соответствии с особой процедурой, предусмотренной ст. 20 Конституционного акта 1953 г. Эта статья была введена в Конституцию в связи с учреждением Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС) на случай, если Дания пожелает участвовать в проекте европейской интеграции [3, с. 272]. Согласно п. 1 ст. 20 полномочия делегируются в объеме, который определен законом. Такой закон принимается пятью шестью голосов членов парламента Дании, Фолькетинга, или, если такое большинство не было получено, – на референдуме (п. 2 ст. 20).

В 1972 г. Дания совместно с Ирландией и Соединенный Королевством заключили Договор о присоединении к Европейским сообществам¹. Однако вплоть до принятия Маастрихтского договора 1992 г., которым был учрежден Европейский союз и значительно расширены полномочия Евро-

пейского экономического (ранее – экономического) сообщества, Верховный суд воздерживался от вмешательства в вопрос о порядке и пределах передачи суверенных полномочий. В деле *Carlsen v. Rasmussen* (также – дело *Maastricht*), которое первоначально рассматривалось в Восточном высоком суде, а затем и Верховном суде Дании, истцы утверждали, что масштабы и характер делегирования полномочий Европейскому сообществу после Маастрихтской реформы таковы, что это противоречит презумпции о демократической форме правления в Королевстве. Такое делегирование, по мнению истцов, требует внесения конституционных поправок, а не просто соблюдения процедуры, предусмотренной в ст. 20².

Восточный высокий суд, сославшись на Решение Верховного суда 1973 г.³, постановил, что истцы не могут продемонстрировать личного интереса в исходе дела, а значит их

1 Treaty of Accession of Denmark, Ireland and the United Kingdom (1972) // OJ L 73, 27 March 1972. P. 5-11.

2 Danish Supreme Court. Case No. 361/1997. Judgment of 6 April 1998. Para 9.1.

3 Danish Supreme Court. Case No. 321/1972. Judgment of 28 June 1973.

требования являются неприемлемыми. Когда истцы подали апелляционную жалобу в Верховный суд, он изменил свою предшествующую позицию – истцы должны иметь доступ к суду, поскольку поправки, вносимые Маастрихтским договором, предполагают делегирование полномочий в ряде важнейших сфер общественной жизни, которые затрагивают не только истцов, но и датское население в целом⁴. Несмотря на то, что Верховный суд признал Акт Фолькетинга о присоединении к Маастрихтскому договору⁵ соответствующим Конституции, в итоговом решении⁶ он сделал ряд важных замечаний в отношении порядка и пределов делегирования суверенных полномочий.

В первую очередь, истцы обратили внимание Верховного суда на ст. 235 Договора о Европейском сообществе 1957 г. в ред. Маастрихтского договора⁷ (ныне, с изменениями, – ст. 352 Договора о функционировании Европейского союза)⁸. Согласно положениям этой статьи Совет Европейских сообществ, действуя единогласно, мог принять меры, необходимые для достижения одной из целей Сообщества, возникшей в ходе функционирования внутреннего рынка, если учредительным договором не были предоставлены необходимые полномочия. Истцы указали, что сама возможность действовать за пределами предоставленных полномочий, как минимум, делает их объемом неопределенным на будущее время. В то же время, как отметили истцы, ст. 20 Конституционного акта требует, чтобы законом был определен объем делегируемых полномочий.

В теоретической литературе в отношении ст. 235 сложилась довольно однозначная оценка. Датский исследователь В. Энгстрём отмечает, что механизм данного «положения о гибкости» заключается в предоставлении Европейскому сообществу возможность расширить полномочия за пределы тех, которые прямо предоставлены в учредительных договорах [1, с. 343]. С. Ю. Кашкин рассматривает его в качестве одной из «статей-лазеек», которые используются там, где институтам необходимые дополнительные (резервные) полномочия в случае отсутствия специальной уполномочивающей статьи в учредительном договоре [2, с. 100-101]. По этой причине опасения, высказанные истцами по настоящему делу, можно считать обоснованными.

По мнению Верховного суда, ст. 20 Конституции исключает возможность самостоятельного определения международной организацией своих полномочий (абз. 6 п. 9.2). Выражение «в объеме, который определен в законе», предусмотренное в ст. 20, следует понимать как возможность определить делегируемые области компетенции и характер реализации полномочий (исключительные, совместные, вспомогательные – прим. автора). Делегирование не предполагает настолько точного определения полномочий, которое не оставляет пространства для толкования или усмотрения (абз. 5 п. 9.2 Решения). При этом они могут быть делегированы на основании Акта о присоединении, а их объем и характер определяться в тексте учредительного договора. В Договоре о Европейском сообществе указывается, что последнее действует в тех пределах компетенции, которые очертили в учредительном договоре государства-члены для достижения целей, которые в нем установлены (ст. 3ter, ныне – п. 2 ст. 5 Договора о функционировании ЕС). Ранее сам Суд Европейских сообществ указывал, что положение о гибкости не может использоваться для выхода за пределы общих рамок, установленным учредительными договорами, и служить основой для принятия решений, которые, по существу, предполагали бы внесение изменений в учредительные договоры (п. 30 Заключения № 2/94 от 1996 г.)⁹. Кроме того, решение о принятии акта на

основании ст. 235 принимается в Совете единогласно, а значит правительство Дании имеет возможность контролировать, выходит ли Сообщество при использовании указанной статьи за пределы делегированных полномочий (абз. 9 п. 9.4 Решения). На основании приведенных выше аргументов Верховный суд указал, что положение о гибкости не нарушает требование определенности, предъявляемое ст. 20 Конституции Дании.

В настоящем деле Верховный суд также указал, что датские суды имеют право принять решение о неприменимости наднационального акта. Однако такие полномочия могут быть реализованы только после обращения в Суд Европейских сообществ, который несет основную ответственность по толкованию и применению учредительных договоров, а также рассмотрению вопроса о правомерности актов институтов (абз. 1 п. 9.5). Поэтому решение датского суда о неприменимости акта Сообществ может быть принято лишь в исключительном случае, когда «с необходимой степенью определенности» (содержание этого выражения в Решении не уточняется – прим. автора) удастся установить, что акт Европейского сообщества, признанный правомерным Судом Сообществ, выходит за рамки делегированных полномочий (абз. 2 п. 9.6).

В более общем плане делегирование не может осуществляться в таком объеме, чтобы Дания больше не могла рассматриваться в качестве суверенного государства. Однако Верховный суд не стал очерчивать границы суверенитета по примеру того, как это сделал Федеральный конституционный суд Германии в делах *Maastricht* и *Lisbon* [4, с. 86-88]. Для датского конституционного строя, который характеризуется строгой системой разделения властей, определение объема делегируемых полномочий рассматривается в качестве вопроса, который должен решаться политическими властями, правительством и парламентом (п. 9.8). В отношении довода истцов о нарушении демократической формы правления Верховный суд указал, что любое делегирование так или иначе представляет собой подобное вмешательство. Однако правотворческие полномочия передаются Совету Европейских сообществ, в котором правительство Дании может оказывать влияние. При этом Парламент Дании вправе решать, следует ли подвергать участие Правительства в европейских делах более строгому демократическому контролю. В этом смысле Верховный суд также не нашел оснований для признания Акта о присоединении противоречащим Конституции (п. 9.9).

В 2013 г. Верховный суд принял Решение по делу № 199/2012¹⁰. Изначально истцы обратились в Восточный вышестоящий суд с требованием признать Акт о присоединении к Лиссабонскому договору¹¹ противоречащим Конституции. В качестве причины указывалось, что поправки в Акт о присоединении были приняты по правилам ст. 19, предусмотренной для ободнения обычных международных договоров, а не на основании ст. 20, которая используется при передаче суверенных полномочий. По мнению истцов, Лиссабонский договор 2007 г. вносит фундаментальные изменения в отношении объема компетенции и характера ее реализации, в первую очередь, из-за изменений правил голосования в институтах Союза. В частности, Договором введена общая законодательная процедура, которая предполагает, что подобные полномочия реализуются на равных началах Советом ЕС и Европейским парламентом. Кроме того, Совет стал решать ряд новых вопросов квалифицированным большинством голосов, там, где ранее применялось единогласие. Тем не менее, Верховный суд постановил, что изменение порядка голосования в международной организации не является изменением в отношении ранее делегированных полномочий (стр. 7 Решения).

Далее Верховный суд остановился на особом значении ст. 20, указав, что ее надлежит применять в отношении одной и той же международной организации, только если изменения фактически приводят к ситуации, когда объединение приобретает новую идентичность (как это было при принятии Маастрихтского договора, учредившего Европейский союз в дополнение к Европейским сообществам – прим. автора). Однако такой вывод Верховного суда может рассматриваться в качестве результата расширительного толкования Конституции.

4 Danish Supreme Court. Case No. 272/1994. Judgment of 12 August 1996.

5 Акты о присоединении к какому-либо ревизионному договору Европейских сообществ (а ныне – Союза) имеют технический характер. Они вносят название договора, по случаю которого принимаются, в разд. 4 Акта Фолькетинга о присоединении Дании к Европейским сообществам 1972 г.

6 Danish Supreme Court. Case No. 361/1997. Judgment of 6 April 1998.

7 Treaty on European Union, together with the complete text of the Treaty establishing the European Community // OJ C 224, 31.08.1992.
8 Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012. P. 47-390.

9 Court of Justice of European Communities. Case. Opinion No 2/94 on the Accession by the Community to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 28 March 1996.

10 Danish Supreme Court. Case No. 199/2012. Judgment of 20 February 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://domstol.dk/media/oxebqufh/199-12-english.pdf> (дата обращения 09.02.2024). Нумерация страниц решения приводится в соответствии с этим электронным ресурсом.

11 Акт вносит наименование Лиссабонского договора в разд. 4 Акта о присоединении Дании к Европейским сообществам 1972 г.

туционного акта, который буквально говорит о том, что ст. 20 применяется всякий раз, когда речь идет о делегировании полномочий. Для того, чтобы определить, привело ли принятие Лиссабонского договора к обретению Союзом новой идентичности, Верховный суд осуществил анализ нововведений, отмеченных истцами. Выводом стало то, что ЕС все еще остается организацией, состоящей из независимых государств, обремененных взаимными обязательствами, и функционирующей на основе делегированных полномочий (стр. 10 Решения).

В данном деле истцы возражали против дальнейшего расширения сферы применения положения о гибкости (ст. 352 Договора о функционировании ЕС). После лиссабонской реформы оно стало применяться для достижения целей Европейского союза, а не только Сообщества, и даже в тех ситуациях, когда это не связано с внутренним рынком. В качестве ответа Верховный суд обратил внимание истцов на Декларацию № 42 к Лиссабонскому договору, согласно которой ст. 352 не может служить основанием для наделения Союза компетенцией в областях, которые находятся за пределами общих рамок, создаваемых учредительными договорами¹². Кроме того, принятие акта на основании этой статьи все еще осуществляется единогласно. Поэтому на Правительстве Дании, представленном в Совете, лежит *обязанность* (а не только право, как указывалось в деле *Maastricht* – прим. автора) предотвращать ее использование для выхода Союза за пределы полномочий.

Истцы также отметили, что придание Хартии ЕС об основных правах 2000 г.¹³ статуса обязательного источника первичного права, равного по силе учредительным договорам (п. 1 ст. 6 Договора о ЕС) расширяет компетенцию объединения. Верховный суд возразил, что ст. 6 содержит прямое указание, что положения Хартии не расширяют компетенцию Союза, как она определена в учредительных договорах. Верховный суд также предупредил Суд ЕС от такого толкования и применения Хартии, которое приводит к выходу Союза за пределы предоставленных полномочий, а также напомнил национальным судам о возможности осуществления контроля в отношении таких решений.

Истцы отметили, что Союз принял на себя новое обязательство о присоединении к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹⁴ (п. 2 ст. 6 Договора о ЕС). Помимо того, что принятие на себя новых обязательств означает расширение полномочий, Суд ЕС в результате присоединения получит новую юрисдикцию, которая будет оказывать непосредственное влияние на частных лиц в Дании. Как и в отношении Хартии, Верховный суд сослался на положения Договора о ЕС о том, что присоединение не изменяет компетенцию Союза (п. 2 ст. 6)¹⁵. Кроме того, такое присоединение может произойти только путем единогласного решения в Совете, а после подлежит одобрению всеми государствами-членами. Следовательно, Дания имеет возможность принять взвешенное решение прежде, чем оно произойдет.

Истцы указали, что к Лиссабонскому договору также была принята Декларация № 17, которая закрепляет принцип верховенства права ЕС в национальном праве, что значительно упрочивает его применение. Однако Верховный суд напомнил о своей позиции по делу *Maastricht*, где национальным судам были предоставлены полномочия по непротивлению актов, которые приняты за пределами предоставленных полномочий, даже если они имеют верховенство в национальной правовой системе. И принятие юридической декларации, в которой подтверждается принцип верховенства, этих полномочий не отменяет (стр. 13 Решения).

Доводы истцов о том, что Лиссабонский договор расширил полномочия Союза в отдельных сферах общественной жизни, также были отвергнуты. По мнению Верховного суда в таких сферах, как социальная политика; энергетическая политика; заключение Союзом международных договоров; а также

общая внешняя политика и политика безопасности, полномочия были лишь конкретизированы. В отношении иных поправок в сферах свободы передвижения граждан Союза; защиты персональных данных; и ограничительных мер в отношении третьих стран, Дания заявила о своем неучастии. По итогу рассмотрения дела Верховный суд оставил в силе Акт о присоединении к Лиссабонскому договору.

Комментируя это решение, можно указать, что Верховный суд занял проинтеграционный подход, поскольку трудно утверждать, что Лиссабонский договор 2007 г., который знаменует собой текущую фазу развития ЕС, не вносит существенные изменения, которые если не *de jure*, то по крайней мере *de facto* не приводят к существенному расширению компетенции объединения. В частности, принятие этого договора привело к значимому Решению Федерального конституционного суда Германии¹⁶, которое решительно очертило границы дальнейшей интеграции, определив неприкасаемые положения Основного закона и конкретные сферы, в отношении которых полномочия Европейскому союзу не могут быть отчуждены полностью без утраты Германией суверенной государственности [4, с. 88].

В 2016 г. Верховный суд Дании впервые отказал в применении Решению Суда ЕС, вынесенному в рамках преюдициальной процедуры¹⁷. Согласно обстоятельствам дела К. Расмуссен в возрасте 60 лет уволился из компании *Ajos* и вышел на пенсию. В силу датской судебной практики по применению п. 3 ст. 2а Закона о наемных работниках, работники, имеющие право на пенсию по старости, выплачиваемую работодателем, в рамках пенсионной схемы, к которой они присоединились до достижения 50-летнего возраста, лишаются выходного пособия, предназначенного для оказания помощи работникам в поиске новой работы со стажем работы на предприятии более 12 лет. По мнению Суда ЕС, выраженному ранее в деле *Ingeniørforeningen 2010* г.¹⁸ правильное толкование национальными судами Директивы № 2000/78 о равенстве в трудовых отношениях¹⁹ исключает подобное национальное право, поскольку представляет собой дискриминацию по признаку возраста. В 2015 г. Парламент Дании воспринял этот подход Суда ЕС и внес уточняющие изменения в Закон о наемных работниках, которые устраняют расхождение между положениями Директивы и национальным правом.

Тем не менее, дело *Ajos* имело принципиальное значение даже после внесения таких законодательных изменений, которые, казалось бы, ставят все точки над «i», поскольку в деле поднимаются важные вопросы в отношении действия наднационального права на территории Дании и пределов делегирования суверенных полномочий. Верховный суд отмечает, что рассматриваемое дело, в отличие от *Ingeniørforeningen*, представляет собой спор между частными лицами, работником и работодателем частного сектора. Директивы как акты Союза (в том числе Директива № 2000/78 о равенстве в трудовых отношениях) применяются только в «вертикальных спорах» между частным лицом и государством, если последнее не имплементировало ее надлежащим образом в установленный срок. В соответствии с устоявшейся практикой Суда ЕС частное лицо не может использовать директиву в национальном суде против частного работодателя²⁰. Это правило фигурирует в юридической литературе как запрет горизонтального прямого действия директив [6; с. 133-137].

Суд ЕС в ответе на преюдициальный запрос²¹ согласился с тем, что в данном случае Директива не имеет прямого действия, однако указал, что запрет дискриминации в трудовых отношениях по признаку возраста является не только положе-

12 Положения рассматриваемой Декларации практически прямо повторяют позицию Суда Европейских сообществ, выраженную в Заключении № 2/94 (см. выше).

13 Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012. P. 391-407.

14 Европейская конвенция по правам человека измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. (г. Рим, 04.11.1950 г.).

15 Аналогичное положение содержит ст. 2 Протокола № 8 к Европейской конвенции, которое открывает возможность для присоединения ЕС к ЕКПЧ.

16 German Federal Constitutional Court. 123 BVerfGE 267. Case Lisbon. Decision of 30 June 2009.

17 Danish Supreme Court. Case No. 15/2014. Judgment of 06 December 2016.

18 Court of Justice of the European Union. Case C-499/08. *Ingeniørforeningen i Danmark v Region Syddanmark*. Judgment of 12 October 2010.

19 Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // OJ L 303, 2.12.2000. P. 16-22.

20 Court of Justice of European Communities. Case No 152/84. *M. H. Marshall v Southampton and South-West Hampshire Area Health Authority (Teaching)*. Judgment of 26 February 1986.

21 Court of Justice of the European Union. Case C-441/14. *Dansk Industri (DI), acting on behalf of Ajos A/S v Estate of Karsten Eigil Rasmussen*. Judgment of 19 April 2016.

нием этого акта, но представляет собой общий принцип права ЕС²². Со ссылкой на дело *Kücükdeveci* 2010 г.²³ Суд уточнил, что национальный суд может непосредственно применить общий принцип права ЕС, который положения директивы только конкретизируют. В случае конфликта между общим принципом права ЕС и национальным правом, применяется первый (п. 50). В данном случае следует не согласиться с позицией Суда, поскольку она противоречит логике эволюции общих принципов, а также целевому назначению, которое они имеют в правовом порядке Союза. Изначально такие принципы разрабатывались в прецедентной практике Суда, чтобы защитить основные права от произвола наднациональных властей. Поэтому адресатами таких принципов, в первую очередь, являются сами институты. Общие принципы традиционно рассматриваются в качестве определенных пределов реализации последними своих полномочий [5, с. 190; 7]. В последующем общие принципы, содержащиеся в практике Суда, были обобщены и на их основе подготовлена Хартия ЕС об основных правах 2000 г. Последняя не создает для Союза новых полномочий (абз. 2 п. 1 ст. 6 Договора о ЕС), а значит применяется также, как и общие принципы. В ней четко указывается, что адресатами ее положений являются институты Союза, а государства-члены – лишь в той мере, в которой они претворяют в жизнь право ЕС. Если Директива в данном случае не может быть применена, то не может быть применен и общий принцип.

О недопустимости прямого применения общих принципов в национальном праве заявил в своем решении и сам Верховный суд. Исходя из этого им был сделан вывод, что общие принципы права не могут предусматривать обязательств в спорах между частными лицами просто потому, что Дания не делегировала Европейскому союзу подобных полномочий. В этой связи, как и ранее, Верховный суд уделит значительное внимание подготовительным актам Парламента (фр. – *travaux préparatoires*), из которых не следует, что члены Парламента планировали наделить каким-то юридическим статусом, а уж тем более прямым действием, неписанные принципы, разрабатываемые в практике Суда ЕС.

Как указывают датские исследователи М. Мэдсен и Х. Фолсен позиция Верховного суда по данному делу следует его фундаментальной предпосылке, высказанной ранее в деле *Lisbon* о том, что Суд ЕС имеет право осуществлять толкование наднационального права, что, однако, не должно приводить к расширению полномочий Союза, как это планировалось сделать в деле *Ajos*. Кроме того, динамическое толкование, которое осуществляют международные суды, в корне противоречит строгой ориентации датских судов на буквальное толкование. Поэтому исследователи выступают с идеей о необходимости разрабатывать гораздо более подробные Акты о присоединении, поскольку простая отсылка к договору слабо приспособлена для буквального толкования [8]. Кроме того, применение неписанных общих принципов иной правовой системы, противоречит дуалистической правовой культуре Дании. Нет правовой основы для прямого действия таких принципов и в тексте учредительных договоров, которые очерчивают границы делегированных полномочий, согласно Актам о присоединении. Однако с «наднациональной» точки зрения подобные ограничения, которые в одностороннем порядке применяются по отношению к праву ЕС, превращают его из собственного, в своего рода, вспомогательный правовой порядок, который зависит от практики высших судов и конкретных конституционных положений [9].

Выводы

Участие в проекте европейской интеграции в Дании рассматривается в качестве преимущественно политического решения, что является одной из причин, по которой Верховный суд осуществляет минимальное вмешательство в указанные вопросы. Последний не только старается на расширять содержание законодательных норм, но и при формировании позиции осуществляет тщательный анализ документов, предвещающих принятие того или иного парламентского акта (фр. – *travaux préparatoires*). С другой стороны, выступая в качестве органа конституционного контроля Верховный суд вынужден рассматривать законы о выражении согласия Парламента на заклю-

чение международного договора и занимать определенную правовую позицию. В таком случае Верховный суд сохранить подход, выраженный им в 1980-х гг., согласно которому доступ частных лиц к суду в отношении учредительных договоров Сообществ, а затем и Союза, не предоставляется. Однако он справедливо указал, что игнорировать эти вопросы больше не представляется возможным – интеграция затрагивает интересы всего датского населения в целом, вплоть до каждого отдельного гражданина. Если Союз превысил предоставленные ему полномочия на основании акта Парламента, датчане должны иметь возможность поднять вопрос о неприменимости таких актов на территории Королевства. Именно датские суды в исключительном случае могут признать такие акты неприменимыми, то есть обладают «правом последнего слова» в отношении объема и характера делегированных полномочий. Однако на практике такое неприменение было заявлено лишь однажды и то, исключительно в практике Верховного суда. Переходя к требованиям в отношении объема делегирования, можно указать на довольно абстрактные требования – такие полномочия могут быть определены в самом общем виде в том числе со ссылкой на договор. Интересна позиция Верховного суда о том, что процедура делегирования полномочий одной и той же международной организации может быть использована только тогда, когда последняя приобретает новую идентичность. Представляется, что такое толкование конституционного положения о делегировании является расширительным. Кроме того, Верховный суд не уточняет, что такое идентичность международной организации, а также то, как датские суды могут понять, что она изменилась. Известно, что национальные суды других государств-членов и ранее оперировали понятием конституционной идентичности, однако определяли ее по отношению к собственному государству, а не международной организации. В целом можно констатировать, что Верховный суд проходит объективный и неизбежный процесс формирования судебной доктрины в отношении делегирования суверенных полномочий. Однако в силу негативного отношения к судебному активизму практика Верховного суда формируется довольно медленно.

Пристатейный библиографический список

1. Engström, V. How to Tame the Elusive: Lessons from the Revision of the EU Flexibility Clause // *International Organizations Law Review*. 2010. № 7 (2). P. 343-373.
2. Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. Москва: ИНФРА-М, 2007.
3. Krunke H., Baumbach T. The Role of the Danish Constitution in European and Transnational Governance // *National Constitutions in European and Global Governance* / Ed. by A. Albi, S. Bardutzky. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2019. P. 269-313.
4. Лебедева Я. Позиции Федерального конституционного суда Германии в отношении отдельных аспектов европейской интеграции // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 4 (155). С. 76-92.
5. Terkelsen O. The *Ajos* Case and the Danish Approach to International Law // *European Public Law*. 2018. 24 (2). P. 183-193.
6. Энтин К.В. Право Европейского Союза сквозь призму практика Суда Европейского Союза. Москва: Статут, 2020.
7. Лебедева Я. И. Защита прав человека в практике Суда ЕС: от истоков к современности // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023. Т. 19, № 4. С. 120-131.
8. Madsen M., Olsen H. Legal Disintegration? The Ruling of the Danish Supreme Court in *Ajos*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://verfassungsblog.de/legal-disintegration-the-ruling-of-the-danish-supreme-court-in-ajos/>.
9. Benackova M. *Ajos* (Dansk Industri) – A challenge to the primacy of EU law? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blogs.kcl.ac.uk/ksleuropeanlawblog/?p=1150>.

22 Court of Justice of the European Union. Case No C-144/04. Werner Mangold v Rüdiger Helm. Judgment of 22 November 2005.

23 Court of Justice of the European Union. Case C-555/07. Seda Küçükdeveci v. Swedex GmbH & Co. KG. Judgment of 19 January 2010.

ЧЕРНОБАЕВ Сергей Валерьевич

магистр права, аспирант кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

РАССМОТРЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ И ЗНАЧИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 102 ДЛЯ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ

В данной статье рассматривается эволюция применения статьи 102 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) на цифровых рынках и её важность для защиты конкуренции. Исследуется как технологический прогресс, так и новые бизнес-модели, которые вызывают необходимость адаптации традиционных правовых рамок. Автор анализирует, как изменение понятий рыночного доминирования и конкуренции под влиянием цифровизации требует гибких, инновационных подходов в правовой и экономической политике для эффективной защиты конкурентного рынка. Статья предлагает рекомендации для обеспечения справедливой конкуренции, которые учитывают уникальные особенности цифровой экономики, и подчеркивает важность баланса между регулированием и стимулированием инноваций. Основываясь на актуальных работах ученых и анализе судебной практики, автор делает вывод о том, что в будущем регулирование должно поддерживать динамический характер цифровых рынков и способствовать их правильному и честному развитию.

Ключевые слова: право, антимонопольное право, конкурентное право ЕС, статья 102 ДФЕС, Суд Европейского союза, судебная практика ЕС, цифровая монополия.

CHERNOBAEV Sergey Valerjevich

master of Law, postgraduate student of Integration and European law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

EXAMINING THE EVOLUTION OF DIGITAL MARKETS AND THE SIGNIFICANCE OF APPLYING ARTICLE 102 TO SAFEGUARD COMPETITION

This article examines the evolution of the application of Article 102 of the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) in digital markets and its importance for the protection of competition. It explores both technological progress and new business models that necessitate the adaptation of traditional legal frameworks. The author analyzes how changing the concepts of market dominance and competition under the influence of digitalization requires flexible, innovative approaches in legal and economic policy to effectively protect the competitive market. The article offers recommendations for ensuring fair competition, which take into account the unique features of the digital economy, and emphasizes the importance of a balance between regulation and stimulating innovation. Based on the relevant works of scientists and the analysis of judicial practice, the author concludes that in the future regulation should support the dynamic nature of digital markets and promote their correct and honest development.

Keywords: law; antitrust law, EU competition law, article 102 TFEU, European Court of Justice, EU case law, digital monopoly.

Введение в проблему исследования

В последние десятилетия, ввиду активного развития Интернета и цифровых технологий произошел трансформационный переворот в глобальной экономике, по итогам которого возникли так называемые цифровые рынки. Эти рынки, отличающиеся быстрыми темпами инноваций, обширными сетевыми взаимосвязями и доминированием интеллектуальных активов, радикально изменили парадигмы ведения бизнеса и взаимодействия между потребителями и продуктами или услугами. На фоне этой цифровой революции поддержание справедливой конкуренции остается важнейшей задачей для регуляторов и политиков. Это особенно актуально из-за уникальных вызовов, которые представляют цифровые рынки, таких как контроль над данными и концентрация рынка, часто приводящие к доминирующим позициям, которые могут подавлять конкуренцию.

Статья 102 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) является в этом контексте критически важным юридическим инструментом, запрещающая злоупотребление доминирующим положением на внутреннем рынке таким образом, который может повлиять на торговлю между государствами-членами. Однако динамичный характер цифровых рынков требует тонкого применения статьи 102, обеспечивая, чтобы регулирование этого вопроса могло отвечать на новые и сложные вызовы и вместе с тем, чтобы эта была конкуренция без подавления инноваций. Данная статья стремится исследовать эволюцию цифровых рынков и значительную роль статьи 102 в защите конкуренции. Освещая сложности применения традиционных принципов антимонопольного права к цифровой экономике, она подчеркивает необходимость гибкого и прогрессивного подхода к принудительному исполнению, который может адаптироваться к быстрым изменениям, присущим цифровым рынкам.

По мере того, как цифровые рынки продолжают развиваться стремительными темпами, применение статьи 102 ДФЕС остается несколько устаревшим средством для способности ЕС защитить конкурентные процессы во все более цифровизированном мире. Это исследование не только проливает свет на тонкости динамики цифровых рынков, но и подчеркивает необходимость эволюции правовых толкований для обеспечения долговремен-

ной актуальности и эффективности антимонопольного законодательства.

Постановка проблемы

Суть проблемы заключается в особенностях цифрового рынка: быстрые циклы инноваций, важность данных как конкурентного актива, сетевые эффекты и тенденция к концентрации рынка. Эти характеристики ставят под сомнение традиционные парадигмы антимонопольного права, вызывая вопросы об эффективности статьи 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) в предотвращении антиконкурентных практик в цифровом контексте. Вопрос заключается не только в выявлении доминирующих позиций, но и в определении, когда и как такое доминирование переходит в злоупотребление в условиях, когда традиционные границы рынка стираются. Следовательно, цель данной статьи – разобрать эволюцию цифровых рынков и критически проанализировать применение статьи 102 ДФЕС как инструмента, обеспечивающего защиту конкуренции без искажений или препятствий.

Методология

Данное исследование принимает комплексный подход, сочетая качественный и количественный анализы для исследования многогранной природы цифровых рынков и применения статьи 102 ДФЕС.

В ходе исследования были использованы как общенаучные, формально-логические методы (включая методы познания, описания, анализа, индукции, дедукции, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования), так и специальные методы (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой, структурно-юридический методы; метод контент-анализа и др.).

Исторический контекст эволюции цифровых рынков

Эволюция цифровых рынков представляет собой одно из наиболее трансформативных экономических изменений в новейшей истории. Возникнув в результате широкого распространения интернета и цифровых технологий в конце XX века, цифровые рынки с тех пор росли экспоненциально, коренным образом изменяя способы ведения бизнеса и взаимодействия по-

требителей с продуктами и услугами. Эта эволюция может быть характеризована несколькими ключевыми этапами:

– *Появление электронной коммерции*: В 1990-х годах коммерциализация интернета привела к созданию первых онлайн-магазинов, что заложило основу для гигантов электронной коммерции и трансформировало розничную торговлю.

– *Возникновение социальных медиа и цифровой рекламы*: Начало 2000-х годов ознаменовалось появлением платформ социальных медиа, создавших новые цифровые рынки для привлечения внимания и рекламы.

– *Экономика платформ*: последнее десятилетие отмечено доминированием бизнес-моделей на основе платформ, которые облегчают взаимодействие между пользователями, значительно влияя на конкуренцию и барьеры для входа на рынок.

– *Появление больших данных и ИИ*: Текущий этап характеризуется стратегическим использованием больших данных и искусственного интеллекта, дополнительно уточняющим стратегии целевого маркетинга и сегментации рынка, и порождающим новые вызовы для конкуренции¹.

Обзор статьи 102 ДФЕС и ее традиционное применение

Статья 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) запрещает злоупотребление доминирующим положением на внутреннем рынке или его значительной части, поскольку это несовместимо с внутренним рынком в мере, в которой это может повлиять на торговлю между государствами-членами. Эта норма направлена на предотвращение злоупотреблений со стороны предприятий, занимающих доминирующее положение на рынке, в ущерб благосостоянию потребителей и конкурентному процессу. Традиционное применение статьи 102 ДФЕС сосредоточено на нескольких типах антиконкурентных практик, включая:

Исключающие практики: такие как хищническое ценообразование, отказ в поставке и связывание продаж, что может вытеснить конкурентов с рынка.

Эксплуатационные практики: непосредственное эксплуатирование клиентов или поставщиков, например, через несправедливое ценообразование или условия контрактов.

Дискриминационные практики: различное обращение с торговыми партнерами в сопоставимых ситуациях, искажающее конкуренцию.

Применение статьи 102 ДФЕС исторически сосредоточивалось на более осязаемых рынках с четкими географическими границами и материальными товарами. Однако цифровизация рынков внесла сложности в определение рынков, оценку доминирования и выявление антиконкурентного поведения, требуя более тонкого подхода к применению статьи 102 в контексте цифровых рынков.

Переход от традиционных к цифровым рынкам не только расширил понятие рынка, но и ввел новые динамики в способы приобретения, использования и поддержания рыночной мощи. Врожденные характеристики цифрового рынка, такие как сетевые эффекты, контроль над данными и зависимость от платформ, представляют уникальные вызовы для исполнения антимонопольного законодательства, требуя постоянной адаптации правовых рамок и практик исполнения для обеспечения защиты конкуренции в условиях усиливающейся цифровизации мировой экономики.

Исследования вопроса влияния цифровизации на рыночную конкуренцию

Цифровизация существенно изменила конкурентный ландшафт в различных отраслях, вводя новые динамики, которые оспаривают традиционные понимания рыночной конкуренции. Несколько ключевых исследований рассмотрели эти воздействия², выделяя как возможности, так и вызовы, представляемые цифровыми рынками:

Трансформация структуры рынка: Исследования показывают³, что цифровизация приводит к рынкам, характеризующимся динамикой «победитель получает больше», в основном из-за

сетевых эффектов и экономии на масштабе. Это может привести к увеличению концентрации на рынке, вызывая опасения по поводу потенциального монопольного поведения.

Барьеры для входа и динамика рынка: хотя цифровые платформы могут снизить барьеры для входа малых предприятий, предоставляя доступ к глобальным рынкам, доминирование крупных платформ также может создать значительные барьеры для значимой конкуренции. Исследования исследовали двойственную природу цифровых рынков, где первоначальная демократизация доступа к рынку в конечном итоге приводит к увеличенной концентрации.

Поведение потребителей и контроль над данными: Роль данных на цифровых рынках стала центральной точкой академического изучения. Контроль над огромными объемами потребительских данных позволяет доминирующим компаниям укреплять свои позиции на рынке, потенциально приводя к искажениям рынка.

Инновации и конкуренция: продолжаются дебаты о взаимосвязи между концентрацией на рынке в цифровых рынках и инновациями⁴. Некоторые утверждают, что перспектива достижения доминирующего положения стимулирует инновации, в то время как другие утверждают, что чрезмерная концентрация может подавлять конкурентные инновации.

Применение статьи 102 ДФЕС к цифровым рынкам было предметом обширного юридического и экономического анализа, отражая широкий спектр мнений о ее адаптивности и эффективности:

Некоторые юридические учёные утверждают, что статья 102 ДФЕС обладает внутренней гибкостью, позволяющей ей решать уникальные вызовы, представленные цифровыми рынками. Они выделяют недавние дела Европейской комиссии как доказательство этой адаптивности, демонстрируя, как антимонопольное законодательство применялось для борьбы со злоупотреблениями в цифровом контексте.

Проблемы применения традиционного антимонопольного законодательства:

Критики утверждают, что традиционная рамка статьи 102 ДФЕС, разработанная для осязаемых товаров и услуг, испытывает трудности с учётом нюансов цифровых рынков. К ним относятся сложности в определении соответствующих рынков, оценке доминирования на многосторонних платформах и понимании роли данных как конкурентного преимущества.

Призывы к реформе и новым подходам:

Существует растущий консенсус среди некоторых учёных⁵ о том, что, хотя статья 102 ДФЕС может быть адаптирована к цифровой эпохе, также существует потребность в реформе регулирования. Предложения включают введение новых юридических стандартов, специально адаптированных для цифровых рынков, или принятие более активных регуляторных подходов для предотвращения укрепления доминирующего положения цифровых компаний.

Экономические перспективы конкуренции на цифровых рынках

Экономический анализ способствовал пониманию сложностей цифровых рынков, подчеркивая необходимость эволюции политики в области конкуренции. Экономисты выделяют важность учёта сетевых эффектов, роли данных и потенциала инноваций в формировании конкурентной среды. Эти выводы подчеркивают необходимость нюансированного применения статьи 102 ДФЕС с учётом уникальных характеристик цифровых рынков.

В настоящий момент продолжается дискуссия о лучших способах применения традиционных законов о конкуренции, таких как статья 102 ДФЕС, для обеспечения честной конкуренции⁶. Баланс между стимулированием инноваций и предотвращением злоупотреблений на рынке остаётся центральной проблемой как в юридической, так и в экономической науке.

Возникновение цифровых монополий и экономик на основе платформ

Цифровая эра привела к появлению экономики на основе платформ, где цифровые платформы, облегчающие взаимодействие между двумя или более различными, но взаимозависимыми группами пользователей (например, покупателями

1 The Application of EU Competition Law in the Digital Age // Journal of European Competition Law & Practice. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/jeclap/article-abstract/13/1/51/6517652?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 12.01.2024).

2 The Role of Data in Competition Law: Towards a More Dynamic Market Analysis // Computer Law & Security Review @ @ Streifeld D. Digital Dominance: The Power of Google, Amazon, Facebook, and Apple // Law Insider Journal.

3 Van Damme. Challenges of Antitrust in a Digital Economy // The Journal of Competition Law & Economics.

4 Jones A. Platform Powers: Exploring the Evolving Nature of Monopoly Power in Digital Markets // European Competition Journal. – 2023.

5 Там же.

6 Antitrust and Regulation in the EU Digital Single Market // Journal of European Competition Law & Practice. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/jeclap/article-abstract/12/3/181/6174324> (дата обращения: 30.12.2023).

и продавцами), стали центральными для экономической и социальной деятельности. Эти платформы используют сетевые эффекты, при которых ценность услуги увеличивается по мере присоединения новых пользователей, что часто приводит к концентрации рыночной мощи в руках нескольких доминирующих платформ, иногда называемых цифровыми монополиями. Такое доминирование вызывает опасения по поводу рыночной конкуренции, поскольку эти субъекты могут оказывать значительный контроль над доступом к рынку, потоками данных и условиями самой конкуренции.

Роль Статьи 102 на Цифровых Рынках

Статья 102 ДФЕС запрещает злоупотребление доминирующим положением на внутреннем рынке. На цифровых рынках это включает в себя анализ поведения, которое может не быть явно антиконкурентным в традиционных рынках, но может привести к значительным барьерам для входа или расширения для конкурентов из-за уникальной динамики цифровых платформ. К этому относятся недобросовестные политики использования данных, самопредпочтение и использование доминирующего положения с одного рынка на другой, потенциально подавляя инновации и вредя благосостоянию потребителей.

Применения Статьи 102 в судебной практике или Решениях по Технологическим Компаниям:

а) Дело Google Shopping⁷: Европейская комиссия оштрафовала Google за злоупотребление доминирующим положением в качестве поисковой системы, предоставляя незаконное преимущество своему собственному сервису сравнения покупок. Этот случай подчеркнул, как цифровые платформы могут использовать свое доминирование в одной области для получения преимущества в другой, что напрямую относится к несколько устаревшему подходу статьи 102 о злоупотреблении доминированием, что негативно повлияло на качество и обоснование принятого решения.

б) Дело Amazon по Электронным Книгам⁸: Европейская комиссия расследовала использование Amazon пунктов о наиболее благоприятном режиме (MFN) в ее дистрибьюторских соглашениях с издателями электронных книг, которые потенциально могли составлять злоупотребление доминированием, ограничивая конкуренцию. Проанализировав материалы дела и принятое судом решение можно сделать аналогичный вывод, как и в деле Google Shopping.

Именно поэтому баланс между регулированием и инновациями на цифровых рынках критически важен. Чрезмерное регулирование может подавлять инновации, потенциально препятствуя развитию полезных технологий и услуг. В свою очередь, недостаточное регулирование может позволить доминирующим компаниям закрепить свои позиции, нанося вред конкуренции и благосостоянию потребителей. Необходим подтекстовый подход, один, который защищает конкурентные рынки и интересы потребителей, одновременно способствуя созданию среды, благоприятствующей инновациям. Это включает в себя постоянный диалог между регуляторами, заинтересованными сторонами индустрии и академическим сообществом для адаптации рамок закона о конкуренции к реалиям цифровой экономики.

Продолжение адаптации и уточнения правовых рамок, включая в себя понимания из экономической теории, технологических достижений и реалий рынка, является существенным для обеспечения эффективности закона о конкуренции в защите конкуренции на быстро развивающемся цифровом рынке. Выполнение законодательных функций в данной сфере просто невозможно без базовых знаний современных экономических моделей.

Потенциальная Эволюция Применения Статьи 102

Применение статьи 102 ДФЕС, вероятно, будет эволюционировать с появлением новых технологий и тенденций на рынке, таких как развитие Интернета вещей (IoT), искусственного интеллекта (ИИ) и блокчейна. Эти технологии могут переопределить динамику рынка, конкуренцию и концепцию доминирования. Европейской комиссии может потребоваться дополнительно адаптировать свой подход, учитывая взаимосвязанную природу цифровой экосистемы, роль данных в конкуренции и потенциал для алгоритмического сговора или манипулирования рынком.

В свою очередь, автор статьи рекомендует в построении законодательного и правоприменительного процесса в данной сфере придерживаться следующего:

1. *Улучшение Регуляторной Гибкости*: адаптация антимонопольных законов к быстрому темпу цифровой эпохи, обеспечивая их быструю корректировку для решения возникающих вызовов.

2. *Содействие Цифровой Грамотности*: гарантировать, чтобы регуляторы и законодатели хорошо разбирались в динамике цифровых рынков и технологиях для принятия обоснованных решений.

3. *Способствование Сотрудничеству*: поощрять сотрудничество между антимонопольными органами по всему миру, не только в рамках ЕС, обмениваясь лучшими практиками и пониманием для решения глобального характера цифровых рынков.

4. *Поддержка Инноваций*: создавать законодательство, которое будет защищать конкуренцию, поощрять инновации и разработку новых технологий.

5. *Мониторинг Концентрации на Рынке*: активно мониторить цифровые рынки на предмет признаков чрезмерной концентрации или злоупотребления доминирующим положением, заранее готовясь к необходимому вмешательству.

Будущее применение статьи 102 ДФЕС и политика в области конкуренции в целом потребуют баланса между защитой конкуренции и созданием условий, способствующих технологическому прогрессу и инновациям. Этот delicate баланс будет критически важен для обеспечения того, чтобы цифровые рынки оставались динамичными, конкурентоспособными и инновационными.

Закключение

Эволюция применения статьи 102 ДФЕС имеет решающее значение для защиты конкуренции на быстро трансформирующихся цифровых рынках. Данная статья подчеркивает необходимость адаптации правовых рамок к нюансам цифровой экономики, где традиционные концепции рыночного доминирования и конкуренции постоянно подвергаются сомнению технологическим прогрессом и новыми бизнес-моделями. Анализируя выводы, становится понятно, что будущая правовая и экономическая политика должна учитывать гибкость, инновации и глубокое понимание динамики цифрового рынка, чтобы обеспечить эффективную защиту конкуренции, не подавляя инновации. По итогам написания данной статьи, автором разработаны основные рекомендации, на которые следует ориентироваться, чтобы регулирование данного вопроса в будущем, являлось справедливым по отношению к конкуренции в новую цифровую эпоху.

Пристатейный библиографический список

1. The Application of EU Competition Law in the Digital Age // Journal of European Competition Law & Practice. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/jeclap/article-abstract/13/1/51/6517652?redirecFrom=from> (дата обращения: 12.01.2024).
2. The Role of Data in Competition Law: Towards a More Dynamic Market Analysis // Computer Law & Security Review.
3. Streitfeld D. Digital Dominance: The Power of Google, Amazon, Facebook, and Apple // Law Insider Journal.
4. Van Damme. Challenges of Antitrust in a Digital Economy // The Journal of Competition Law & Economics.
5. Jones A. Platform Powers: Exploring the Evolving Nature of Monopoly Power in Digital Markets // European Competition Journal. – 2023.
6. Antitrust and Regulation in the EU Digital Single Market // Journal of European Competition Law & Practice. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/jeclap/article-abstract/12/3/181/6174324> (дата обращения: 30.12.2023).
7. Дело: T-612/17 - Google and Alphabet v Commission (Google Shopping). – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-612/17> (дата обращения: 20.12.2023).
8. Дело: AT.40153 E-book MFNs and related matters (Amazon). – 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40153/40153_4392_3.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

7 Дело: T-612/17 - Google and Alphabet v Commission (Google Shopping). – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=T-612/17> (дата обращения: 20.12.2023).

8 Дело: AT.40153 E-book MFNs and related matters (Amazon). – 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40153/40153_4392_3.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

НАКРЫЖСКАЯ Валерия Аркадьевна

аспирант кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ESG В ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Целью данной статьи является анализ практики внедрения принципов ESG в промышленную политику Европейского союза (ЕС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Китайской Народной Республики (КНР). Автор подробно изучает новейшие нормативные документы и акты стратегического характера двух экономических объединений, выявляя специфику интеграции принципов ESG в сферу промышленной политики, впоследствии проводя сравнение с опытом Китая. В статье также выделяются цели развития промышленной политики, направленные на достижение устойчивого развития. Результаты исследования способствуют углубленному пониманию подходов к интеграции принципов ESG в сферу промышленной деятельности, а также выявлению общих тенденций и различий между региональными экономическими союзами и наиболее промышленно ориентированным государством.

Ключевые слова: промышленная политика, Европейский союз, Евразийский экономический союз, Китай, ESG-принципы, декарбонизация промышленности.

NAKRYZHSKAYA Valeriya Arkadjevna

postgraduate student of Integration and European law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

REFLECTION OF ESG PRINCIPLES IN INDUSTRIAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION, EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The purpose of this article is to analyze the practice of ESG principles implementation in the industrial policies of the European Union (EU), the Eurasian Economic Union (EAEU) and the People's Republic of China (PRC). The author examines in detail the latest regulatory documents and acts of strategic nature of the two economic associations, identifying the specifics of the integration of ESG principles in the sphere of industrial policy, subsequently making a comparison with the experience of China. The article also highlights the development goals of industrial policy aimed at achieving sustainable development. The results of the study contribute to an in-depth understanding of approaches to integrating ESG principles into the field of industrial activities, as well as identifying common trends and differences between regional economic unions and the most industrially oriented state.

Keywords: industrial policy, European Union, Eurasian Economic Union, China, ESG principles, industrial decarbonization.

Накрыжская В. А.

В последние два десятилетия решение экологических, социальных и управленческих (Environmental, Social, and Governance) проблем стало одним из наиболее влиятельных этических направлений в современной экономике. Впервые концепция ESG-принципов была представлена в 2004 году, когда Кофи Аннан, будучи Генеральным секретарем ООН, инициировал дискуссии о том, как продвигать этические методы инвестирования. В настоящее время ESG-принципы расширили сферу применения и внедряются во все сферы общественных отношений – трудовые, финансовые и так далее, и промышленная политика не стала исключением.

С точки зрения ряда исследователей, понятие промышленной политики означает «политику государства по содействию выхода промышленности из структурного кризиса за счет преодоления несоответствия между возникающей новой технико-экономической парадигмой промышленного развития и институциональной структурой общества и завершения структурной перестройки промышленности в рамках единства технологической, отраслевой и институциональной перестройки как важнейшего этапа циклического развития структуры промышленности»¹. Структурный кризис, очевидно, вызван теми глобальными политическими, климатическими и технологическими сдвигами, которые влияют на развитие общества в целом, в связи с чем к его разрешению также применимы ESG-принципы.

Правовой взгляд на промышленную политику заставляет несколько уточнить определение в следующем ключе: с точки зрения автора, правовое регулирование промышленной политики включает в себя основополагающие принципы и механизмы внедрения государством структурных изменений в

промышленности и связанных с ней сферах деятельности посредством разработки и реализации долгосрочной экономической стратегии развития промышленного комплекса, в том числе обеспечения конкурентоспособности промышленной продукции на национальном и мировых рынках и развития инновационной активности.

Главными апологетами изменения основ промышленной деятельности с так называемого «коричневого» подхода (иными словами, модель экономики, основные тенденции которой возможно наблюдать повсеместно, «олицетворением является типичный образ современного производства»²) на «зеленый» подход, ориентированный на устойчивое развитие, являются западные страны, в частности Европейский союз, первым в мире принявшим всеобъемлющую политику внедрения ESG-принципов под названием «Европейская зеленая сделка»³ в 2019 году, которая охватывала все основные сферы экономической жизни общества.

Основой для установления единой промышленной политики ЕС является статья 186 Договора о функционировании ЕС, в соответствии с которой в 2020 году принята действующая по настоящее время Новая промышленная политика для Ев-

2 Клевцов С. М., Тевяшова А. С. Применение модели «Зеленой» экономики на мировом уровне и в Центрально-Черноземном районе Российской Федерации // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 3-2 (20). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-modeli-zelenoy-ekonomiki-na-mirovom-urovne-i-v-tsentralno-chnozemnom-rayone-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 28.01.2024).

3 Европейская зеленая сделка // Коммюнике Комиссии ЕС 2019/640 от 11.12.2019 [Электронный ресурс]. Официальный правовой портал Европейского союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1588580774040&uri=CELEX%3A52019DC0640> (дата обращения: 28.01.2024).

1 Татаркин А. И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Вестник ЧелГУ. – 2008. – № 19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-politika-kak-osnova-sistemnoy-modernizatsii-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 28.01.2024).

ропы⁴. Окончательно оформившаяся стратегическая основа по внедрению принципов ESG-принципов в промышленность была представлена Европейской комиссией 01.02.2023 под названием «План по реализации «Зеленой сделки» в промышленности в эпоху нулевого уровня выбросов»⁵ (далее – Промышленный план). Целью Промышленного плана является повышение конкурентоспособности европейской промышленности с нулевым уровнем выбросов и быстрый переход к климатической нейтральности, что требует более благоприятной среды для наращивания производственных мощностей ЕС для производства технологий с нулевым уровнем выбросов.

В рамках Промышленного плана предполагается обеспечить соответствующую нормативно-правовую среду, облегчить доступ заинтересованных субъектов к финансам, обеспечить человеческие ресурсы необходимыми квалификациями и обеспечить устойчивость цепочек поставок в рамках глобальной торговли.

В частности, более быстрый доступ к финансированию проектов, направленных на создание чистых технологий, планируется реализовать при помощи государственного финансирования в сочетании с дальнейшим прогрессом в создании Европейского союза рынков капитала. Также планируется продлить общее положение об освобождении от уплаты налогов в свете «Зеленой сделки», увеличив лимиты для поддержки зеленых инвестиций, и оптимизировать деятельность существующих фондов ЕС для финансирования инноваций и внедрения чистых технологий в промышленную деятельность (среди них REPowerEU, InvestEU и Инновационный фонд).

Немаловажным аспектом Промышленного плана является развитие человеческих компетенций, необходимых для перехода к «зеленой» экономике. В данном направлении Европейская комиссия планирует создать отраслевые «академии с нулевым уровнем выбросов» для развертывания программ повышения квалификации и переподготовки кадров в стратегических отраслях. С точки зрения автора, более актуальным инструментом это может быть для граждан третьих стран, получивших доступ к единому рынку ЕС и планирующим реализовать себя в секторах промышленности, выделенных в рамках Новой промышленной политики.

Внешняя торговля является неотъемлемой частью реализации промышленной политики, европейское регулирование внешнеэкономической деятельности также должно осуществить «зеленый» переход в рамках Всемирной торговой организации и многочисленных соглашений о создании зон свободной торговли. В соответствии с Промышленным планом, в долгосрочной перспективе для обеспечения потребностей ЕС планируется также создать международный «Клуб критически важных сырьевых материалов», который объединит «потребителей» сырья и страны, богатые ресурсами. Планы ЕС нельзя оценить как инновационную инициативу, так как «Клуб критически важных сырьевых товаров» в конечном итоге будет предоставлять преференции развивающимся странам, что многократно было реализовано в рамках системы Генерального соглашения о тарифах и торговле, а впоследствии Всемирной торговой организации.

В контексте внедрения ESG-принципов в европейскую промышленность и реализации Промышленного плана следует обратить внимание на проект Акта о промышленности с нулевым уровнем выбросов (NZIA), предложенный Европейской комиссией 17.03.2023⁶, который направлен на укрепле-

ние европейского производственного потенциала технологий с нулевым уровнем выбросов и преодолеть препятствия на пути наращивания производственных мощностей в Европе. Меры, предусмотренные Регламентом, должны повысить конкурентоспособность промышленной базы технологий с нулевым уровнем выбросов и улучшить энергетическую устойчивость ЕС. Это предложение демонстрирует стремление Европы играть ведущую роль в переходе к технологиям с нулевым уровнем выбросов и способствовать достижению целей Fit-for-55 и REPowerEU.

Акт о промышленности с нулевым уровнем выбросов является частью основы промышленного плана «Зеленой сделки», направленного на создание предсказуемой и упрощенной нормативно-правовой среды, которая направлена на содействие инвестициям в производственные мощности продуктов, которые имеют ключевое значение для достижения целей ЕС по климатической нейтральности. Акт о промышленности с нулевым уровнем выбросов повысит конкурентоспособность и устойчивость промышленной базы ЕС с нулевыми технологиями, которая составит основу доступной, надежной и устойчивой экологически чистой энергетической системы.

Акт планируется распространить на готовую продукцию, компоненты и оборудование, необходимые для производства технологий с нулевым уровнем выбросов, а именно различных технологий производства возобновляемой электроэнергии, хранения данных и декарбонизации углеродоемких производств (например, технологии улавливания и хранения углерода).

Предложенный проект нормативного акта устанавливает ориентир для производственных мощностей стратегических нулевых технологий, который позволит удовлетворить как минимум 40% ежегодных потребностей ЕС в развертывании к 2030 году. Чтобы облегчить и реализовать проекты по улавливанию и хранению углекислого газа, а также повысить доступность мест хранения углекислого газа, Закон устанавливает цель к 2030 году создать 50 миллионов тонн годовой мощности по хранению углекислого газа.

Предполагается, что принятие проекта Акта о промышленности с нулевым уровнем выбросов создаст необходимые условия для облегчения инвестиций в проекты производства с нулевыми технологиями и облегчает инициаторам проектов создание промышленного производства с нулевым уровнем выбросов. Это достигается путем устранения основных факторов, способствующих чистым инвестициям в технологии производства с помощью таких мер, как:

- снижение административного бремени для проектов производства с нулевым уровнем выбросов за счет оптимизации административных требований и упрощения выдачи разрешений;
- обеспечение доступа к информации;
- облегчение доступа на рынки при процедурах государственных закупок и аукционах, а также схемах, направленных на поддержку частного спроса со стороны потребителей;
- поддержка инноваций через экспериментальные регуляторные режимы («регуляторные песочницы»).

Проект Акта о промышленности с нулевым уровнем выбросов также предполагает создание Европейской платформы Net-Zero, где Европейская комиссия и уполномоченные страны ЕС могут обсуждать и обмениваться информацией, а также собирать информацию от заинтересованных сторон, заинтересованных в промышленном секторе с нулевым уровнем выбросов. Платформа может консультировать по вопросам финансирования стратегических проектов с нулевой прибылью.

С точки зрения некоторых специалистов в области экологической повестки и промышленной политики, в частности, Симоны Тальяпьетры, проект Акта о промышленности с нулевыми выбросами имеет больше недостатков, чем достоинств, и главным из недостатков называется отсутствие решения основной проблемы политики ЕС в области «зеленой» промышленности, а именно – отсутствие скоординированности между инициативами на наднациональном и национальном уровне. В частности, некоторые государства, например, Германия и Франция, самостоятельно реализуют собственные инициативы, направленные на снижение выбросов в промышленности и предоставление налоговых преференций, что ставит компании из других стран ЕС

4 Новая промышленная стратегия для Европы. Коммюнике Комиссии Европейского Союза 2020/102 от 10.03.2020 // Официальный правовой портал Европейского Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0102> (дата обращения: 28.01.2024).

5 План по реализации «Зеленой сделки» в промышленности в эпоху нулевого уровня выбросов. Коммюнике Комиссии ЕС 2023/62 от 01.02.2023 // Официальный правовой портал Европейского союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023DC0062&qid=1705841820968> (дата обращения: 28.01.2024).

6 Предложение о регламенте Европейского Парламента и Совета ЕС о создании системы мер по укреплению европейской экосистемы производства технологической продукции с нулевым уровнем выбросов (Акт о промышленности с нулевым уровнем выбросов). Коммюнике Комиссии Европейского Союза COM/2020/102 от 17.03.2023 // Официальный правовой портал Европейского Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023PC0161](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023PC0161) (дата обращения: 28.01.2024).

в менее выгодное положение. Нескоординированная промышленная политика не позволяет извлечь выгоду из экономики ЕС и масштабов синергии⁷.

С учетом вышеуказанных опасений Европейский парламент направил проект на доработку со стороны Европейской комиссии, в связи с чем по состоянию на январь 2024 года правки к проекту находятся в состоянии разработки и обсуждения с соответствующими комитетами Совета ЕС⁸.

Следует отметить, что на развитие промышленного потенциала ЕС в русле ESG-принципов оказывает значительное влияние финансирование промышленных проектов. В рамках Программы ЕС по устойчивому финансированию такие инструменты регулирования, как раскрытие информации об устойчивом развитии в сфере финансовых услуг⁹, таксономия «зеленых» проектов ЕС¹⁰, новые стандарты отчетности в области устойчивого развития¹¹, направлены на обеспечение норм для предприятий и финансовых учреждений с точки зрения сдерживания практики «зеленого отмывания».

В частности, Таксономия ЕС, опубликованная в июне 2020 года, была разработана для создания системы «общей демаркации» для определения того, какие категории экономической деятельности совместимы с Целями устойчивого развития, обеспечивая инструмент прозрачности для устойчивого финансирования наиболее перспективных проектов в рамках шести выделенных экологических целей.

Таксономия ЕС также выделяет несколько критериев для определения «устойчивости» экономической деятельности. Эти критерии включают в себя способность вносить существенный вклад в достижение одной или нескольких из шести экологических целей, при этом не оказывая существенного негативного воздействия ни на одну из этих целей. Кроме того, для получения статуса экологической устойчивости, такая деятельность должна соответствовать минимальным требованиям, установленным международными правовыми актами, такими как Руководящие принципы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по многонациональным предприятиям, а также Руководящие принципы Организации Объединенных Наций в области бизнеса и прав человека.

В качестве отдельного характерного аспекта правового регулирования ESG в контексте промышленности необходимо отметить его экстерриториальный характер, который затрагивает не только европейские предприятия, но и зарубежные компании, которые привлекают средства на рынках капитала ЕС, получают доходы от бизнеса на рынках ЕС и/или предоставляют товары и услуги предприятиям ЕС.

С учетом того, что ЕС наиболее последовательно внедряет в свое правовое пространство ESG-принципы, а опыт ЕС в развитии промышленной политики предпринимают попытки

перенять в той или иной мере иные интеграционные объединения и государства, целесообразно рассмотреть опыт наиболее затрагивающего интересы Российской Федерации объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Основы правового регулирования промышленной политики как одного из компонентов экономической интеграции стран ЕАЭС закреплены в основополагающем нормативном акте – Договоре о Евразийском экономическом союзе, подписанном 29.05.2014.

В статье 92 Договора о ЕАЭС прописаны общие механизмы взаимодействия государств-членов объединения при реализации промышленной политики – тем не менее, исходя из толкования статьи 92 можно отметить, что речь идет скорее о координации национальных промышленных политик, а не о создании единого подхода к осуществлению евразийской промышленной политики¹². Промышленная политика в рамках ЕАЭС направлена на устойчивое промышленное развитие и конкурентоспособность производства государств-членов, эффективное сотрудничество в рамках инновационной активности и устранение барьеров в промышленной сфере, будучи основанной на принципах равноправия и учета национальных интересов государств-членов, взаимовыгодности, добросовестной конкуренции, недискриминации и транспарентности.

Согласование политик государств-участников, в рамках общей стратегии развития промышленности, представляет собой результат взаимодействия между странами при определении общих целей, методов и подходов к развитию промышленных комплексов. Достигнутые компромиссы служат основой для формирования институциональной среды, способствующей более эффективному использованию преимуществ международного разделения труда и сотрудничества, а также для установления связей между экономическими субъектами государств-участников. Главная цель разработки общей стратегии развития промышленности заключается в укреплении системной целостности промышленных комплексов в рамках интеграционного объединения.

При этом глобальная повестка оказывает постоянно усиливающееся влияние на деятельность ЕАЭС, в связи с чем переход к «зеленой» экономике и внедрение ESG-принципов в документы стратегического характера на наднациональном уровне рассматривается как инструмент перехода к новому технологическому и хозяйственному укладам, выходу экономик стран Союза на траекторию низкоуглеродного и устойчивого развития, характеризующуюся низким уровнем выбросов парниковых газов и внедрением новых экологических и промышленных технологий.

Первый программный документ такого рода – «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» – был принят в декабре 2020 года Высшим Евразийским экономическим советом. В данном документе обозначены основные ориентиры развития экономического сотрудничества государств-участников ЕАЭС в сфере зеленых технологий и защиты окружающей среды. Документ предполагает поэтапное принятие таких мер, как расширение ввоза и производства одноразового пластика, обмен передовым опытом и взаимодействие государств-членов в области энергосбережения, энергоэффективности, использования возобновляемых источников энергии и охраны окружающей среды¹³.

Первый документ, более четко закрепляющий основные направления сотрудничества в рамках климатической повестки, был утвержден 21.10.2022 в Ереване Евразийским межправительственным советом утвердил Первый пакет мероприятий по сотрудничеству в рамках климатической повестки. В климатическую дорожную карту ЕАЭС были включены следующие направления:

– анализ национального законодательного регулирования в климатической сфере и подготовка предложений по развитию общих подходов;

12 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16385_5/

13 Винокуров Е. (руководитель авторского коллектива), Альбрехт К., Забоев А., Ключкова Е., Малахов А., Перехов В. Глобальная зеленая повестка в Евразийском регионе. Евразийский регион в глобальной зеленой повестке // Доклады и рабочие документы 23/2. Алматы: Евразийский банк развития. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/bba/EDB_2023_Report-2_Green-Agenda_rus-_2_.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

7 Simone Tagliapietra, Reinhilde Veugelers, Jeromin Zettelmeyer. Rebooting the European Union's Net Zero Industry Act // Bruegel Blueprint. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bruegel.org/policy-brief/rebooting-european-unions-net-zero-industry-act> (дата обращения: 28.01.2024).

8 Процедура 2023/0081 относительно рассмотрения Предложения о регламенте Европейского Парламента и Совета ЕС о создании системы мер по укреплению европейской экосистемы производства технологической продукции с нулевым уровнем выбросов (Акт о промышленности с нулевым уровнем выбросов) // Официальный правовой портал Европейского Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/HIS/?uri=CELEX:52023PC0161> (дата обращения: 28.01.2024).

9 О раскрытии информации об устойчивом развитии в секторе финансовых услуг. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2019/2088 от 27.11.2019 // Официальный правовой портал Европейского Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/2088/oj> (дата обращения: 28.01.2024).

10 Об основе для содействия устойчивым инвестициям и внесении поправок в Регламент (ЕС) 2019/2088. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2020/852 от 18.06.2020 // Официальный правовой портал Европейского Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A2020R0852> (дата обращения: 28.01.2024).

11 О внесении поправок в Регламент (ЕС) № 537/2014, Директиву 2004/109/ЕС, Директиву 2006/43/ЕС и Директиву 2013/34/ЕС, в отношении корпоративной отчетности в области устойчивого развития. Директива (ЕС) 2022/2464 Европейского парламента и Совета от 14.12.2022 // Официальный правовой портал Европейского Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A2022L2464> (дата обращения: 28.01.2024).

- разработка предложений по формированию совместных рыночных и нерыночных механизмов углеродного регулирования для достижения целей Парижского соглашения;
- определение мер стимулирования низкоэмиссионной трансформации в различных секторах экономики;
- Евразийские инициативы низкоуглеродного развития;
- формирование Банка климатических технологий и цифровых инициатив;
- «зеленое» финансирование;
- продвижение интересов стран ЕАЭС в климатической сфере на международной арене, в том числе координация в сфере международных торговых отношений¹⁴.

Также отмечая значимую роль инвестиционного финансирования в развитии промышленности, почти все страны ЕАЭС имеют опыт в выпуске «зеленых» и ESG облигаций: Российская Федерация с 2018 года¹⁵, Республика Казахстан и Республика Армения с 2020 года^{16, 17}, Республика Беларусь с 2022 года¹⁸, Республика Кыргызстан с 2023 года¹⁹.

Также на заседании Высшего Евразийского экономического совета 23.05.2023 Президентом РФ предложено создать Климатический и экологический клуб ЕАЭС для синхронизации подходов государств-членов ЕАЭС в области климатического регулирования, в рамках которого были бы возможны «реализация совместных научных исследований и разработок, внедрение «зелёных» технологий, достижение международно признания евразийских климатических инициатив, улучшение состояния водных экосистем, сохранение биологического разнообразия, геологоразведка и освоение недр, осуществление проектов по переработке мусора и многое другое»²⁰. По состоянию на январь 2024 года Евразийская экономическая комиссия прорабатывает возможные варианты для представления отчета к середине 2024 года перед Евразийским межправительственным советом.

С учетом текущего развития экономики государств-участников ЕАЭС, направленной на поддержание технологического суверенитета в условиях санкционных ограничений, большое значение имеет развитие кооперационных связей между евразийскими производителями. Выстраивание стабильных евразийских цепочек поставок компонентов для продукции отраслей машиностроения, радиоэлектроники и станкостроения имеет большое значение для обеспечения экономического суверенитета всех государств-членов ЕАЭС.

В целом, можно заключить, что правовая база, позволяющая на наднациональном уровне продвигать повестку устойчивого развития и ESG-принципов в ЕАЭС, находится в состоянии бурного развития в соответствии с глобальной повесткой и актуальными вызовами.

Регулирование промышленной политики в ЕС и ЕАЭС имеет свои отличия, основанные на различиях в целях, структуре, подходах к интеграции и политических основах обеих организаций: ЕС является более глубоко интегрированным

объединением с общим рынком, общей валютой (в некоторых странах) и общей политикой во многих областях, включая промышленность. ЕАЭС имеет менее выраженную интеграцию по сравнению с ЕС. В настоящее время ЕАЭС сконцентрирован на экономической интеграции, хотя с постепенным расширением областей сотрудничества.

Из этого следуют и различия в подходе к регулированию промышленности: в правовых актах прямого применения ЕС большое внимание уделяется определенным механизмам стимулирования инноваций для устойчивого развития в промышленности, в то же время в ЕАЭС государства-члены прошли объективно менее длинный путь к интеграции, в связи с чем основное внимание в рамках правового регулирования промышленной политики в ЕАЭС уделяется устранению технических барьеров, в то время как более конкретные инструменты по внедрению ESG-принципов находятся в стадии разработки и приведения в соответствие с недавно выпущенными программными документами. С учетом вышесказанного, рекомендовать в полной мере интегрировать устоявшийся опыт ЕС на платформе ЕАЭС на текущий момент представляется преждевременным.

Тем не менее, одной из наиболее значимых характеристик права ЕС является его изначальная ориентированность на наиболее инновационные для своего времени ценности, какими с уверенностью можно назвать и ESG-принципы. На основе опыта ЕС иные государства и интеграционные объединения имеют возможность построить траекторию собственного развития, зачастую радикально отличную от европейского. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть отражение ESG-принципов в правовом регулировании промышленной политики Китайской Народной Республики, имеющей несравненно больший индустриальный масштаб по сравнению с государствами-членами ЕС, однако более близкой по структуре экономики к государствам-участникам ЕАЭС в связи с экспортной ориентированностью.

Внедрение ESG-принципов в Китае началось в 2001 году после присоединения Китая к ВТО и полномасштабной интеграции в мировую торговлю и экономику. В результате концепция социальной ответственности, которая по сути являлась предтечей принципов ESG, стала постепенно внедряться китайскими компаниями, столкнувшимися с такими требованиями на зарубежных (в частности, европейском) рынках²¹.

Второй этап начался после Восемнадцатого Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (КПК) в 2012 году и особенно после введения на Пятом пленарном заседании Центрального комитета коммунистической партии Китая 18-го созыва в 2015 году новой философии развития, в которой особое внимание уделяется инновациям, координации, экологичности и открытости:

– В 2014 году Законом об охране окружающей среды была создана система судебных разбирательств по экологическим общественным интересам, а также были внесены поправки в Гражданско-процессуальный закон и Административно-процессуальный закон;

– Система компенсации экологического и экологического ущерба постепенно создавалась с 2015 года и была включена в Гражданский кодекс в 2020 году;

– Были созданы специализированные судебные учреждения, такие как судебная система по нарушению частных экологических интересов, судебная система по экологическим общественным интересам, система экологических административных судебных разбирательств и система уголовных судебных разбирательств по загрязнению окружающей среды и иные;

– Наконец, в феврале 2022 года Министерство экологии и охраны окружающей среды Китая окончательно утвердило требование об обязательном ежегодном выпуске нефинансовых отчетов для пяти различных типов компаний.

Согласно ныне действующему «Четырнадцатому пятилетнему плану Китайской Народной Республики по национальному экономическому и социальному развитию и Кон-

14 Климатическая повестка // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dotpr/klimaticheskaya-povestka/> (дата обращения: 28.01.2024).

15 Зеленые облигации. Инвестиции в экологию // Новостной портал БКС.Экспресс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/zelenye-obligatsii-investitsii-v-ekologiiu> (дата обращения: 28.01.2024).

16 Как происходит выпуск ESG-облигаций в Казахстане. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kz.kursiv.media/2021-05-25/kak-proiskhodit-vypusk-esg-obligatsiy-v-kazakhstane/>

17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbonds.ru/news/1672115/>

18 Шадиян М. Г. Регулирование вопросов финансирования «зеленых» проектов в странах ЕАЭС // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-voprosov-finansirovaniya-zelenyh-proektov-v-stranah-eaes> (дата обращения: 28.01.2024).

19 В Кыргызстане зарегистрирован первый выпуск «зеленых» облигаций на 85 млн сомов // Кыргызское национальное информационное агентство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kabar.kg/news/v-kyrgyzstane-zaregistririvan-pervyi-vypusk-zelenykh-obligatsii-na-85-mln-somov/> (дата обращения: 28.01.2024).

20 Заседание Высшего Евразийского экономического совета // Сайт Президента России, 25.05.2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/71204> (дата обращения: 28.01.2024).

21 Hongtao Shen, Honghui Lin, Wenqi Han, Huiying Wu. ESG in China: A review of practice and research, and future research avenues // China Journal of Accounting Research. – Volume 16. Issue 4. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1755309123000357> (дата обращения: 28.01.2024).

цепции долгосрочных целей на 2035 год»²² высококачественное развитие – ключевая тема экономического и социального развития в течение 14-го пятилетнего периода с 2021 по 2025 годы.

Будучи крупнейшим в мире эмитентом парниковых газов (в совокупности), Китай поставил перед собой достаточно амбициозные цели по так называемому «двойному углеродному переходу» (dual carbon transition): достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 году и достичь углеродной нейтральности к 2060 году. Таким образом, переход к низкоуглеродным технологиям стал одним из приоритетов в китайской стратегии развития, и достижение этих целей потребует значительных инвестиций для стимулирования трансформации промышленности в инновационном ключе²³.

В целом, политика Китая в области ESG характеризуется следующими особенностями:

Во-первых, политика Китая в основном состоит из документов стратегического характера, ведомственных нормативных актов и добровольных декларативных актов в промышленности. Эта политика исходит от различных национальных министерств, отраслевых ассоциаций и саморегулируемых организаций. Как правило, политика инициируется для содействия устойчивому развитию в определенной отрасли или сфере и формирует более практичный план реализации.

Во-вторых, субъекты промышленности являются основными проводниками концепций устойчивого развития, и первыми были выпущены политики ESG для коммерческих организаций, в которых основное внимание уделяется предотвращению загрязнения окружающей среды и переходу на низкоуглеродные технологии. Что касается раскрытия предприятиями ESG-информации, то требования постоянно совершенствуются и постепенно переходят от добровольных к обязательным²⁴.

В-третьих, политика Китая в области ESG начала формироваться достаточно поздно, но быстро вышла на уровень, сопоставимый с европейским. Тем не менее, европейский опыт правового закрепления ESG-принципов в промышленной политике претерпел некоторые трансформации, что прослеживается на примере раскрытия нефинансовой отчетности. Показателями обязательного раскрытия информации в ЕС в основном являются выбросы парниковых газов, выбросы загрязняющих веществ, соблюдение прав человека и прав работников и так далее, то есть измеримые и разносторонние параметры. Китайские показатели обязательного раскрытия информации сосредоточены на системах внутреннего контроля, связанных с экологическим менеджментом предприятия, работой руководящего состава, порядком заключения и статусом наиболее крупных сделок и так далее. Иными словами, китайские стандарты раскрытия нефинансовой информации в рамках ESG-политики в большей степени фокусируются на внутренних процессах, формализованных внутри компании²⁵.

Таким образом, регулирование промышленной политики в Европейском союзе (ЕС), Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и Китае имеет свои особенности, обусловленные различиями в целях, подходах и контекстах этих регионов: ЕС, являясь объединением с глубокой интеграцией, стремится к созданию общего рынка, общих стандартов и общей валюты

в некоторых странах-членах. В контексте принципов ESG, ЕС активно уделяет внимание высоким стандартам в области безопасности, энергетики, охраны окружающей среды и прав потребителей. Стратегия «Зеленой сделки» свидетельствует о серьезном стремлении к снижению воздействия на окружающую среду и устойчивому развитию. ЕАЭС, хотя имеет меньшую степень интеграции по сравнению с ЕС, также проявляет стремление к углублению сотрудничества в экономических и торговых вопросах. В области промышленной политики ЕАЭС стремится к гармонизации технических норм и стандартов для облегчения торговли внутри союза, что может влиять на соблюдение принципов ESG, однако затрагивает глубинные промышленные процессы не так явно.

Китай же в качестве «мировой фабрики», также проявляет интерес к экологической устойчивости и борьбе с изменением климата, что отражается в разработке своих планов по экологии. Однако по сравнению с интеграционными объединениями, в частности ЕС, Китай избрал более последовательный и при этом объективный путь внедрения принципов ESG в нормативно-правовые акты, затрагивающие правовой статус промышленных предприятий, в частности в вопросах обязательного раскрытия информации.

Таким образом, различия в уровне интеграции, стандартах и подходах к экологической устойчивости отражают различные стратегии промышленной политики в контексте принципов ESG между ЕС, ЕАЭС и Китаем.

С учетом данных различий, представляется целесообразным на площадках ЕАЭС систематически проводить обсуждение различных аспектов потенциальной Стратегии устойчивого развития данного интеграционного объединения с целью принятия обязывающего документа на наднациональном уровне и рецепции практики ЕС. В перспективе Стратегия устойчивого развития может учитывать уже существующий опыт отдельных государств-членов ЕАЭС и включать в себя меры по декарбонизации промышленности и соблюдению принципов ESG:

– Ужесточение регулирования в области энергетики, с ориентацией на развитие экологически чистых и энергосберегающих технологий, может быть ключевым аспектом снижения выбросов парниковых газов;

– Принятие дополнительных нормативных правовых актов и стандартов в области экологии, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду, включая ограничения на выбросы загрязняющих веществ.

Пристатейный библиографический список

22 Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и Концепция долгосрочных целей на 2035 год // Guancha. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.guancha.cn/politics/2021_03_13_583945.shtml (дата обращения: 28.01.2024).

23 Alexander van Kemenade, Anjali Shukla, Jin Yanning, Georgia McCafferty, Helena Lim, Amanda Simms. ESG priorities in China: How companies in China are approaching ESG // Fidelity International. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fidelity.com.cn/media/PDF/esg/esg-priorities-in-china-en.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

24 Xiao Wang, Kuan Sun, Zhiguo Xiao. Industrial Policy and the Rise of China's Strategic Emerging Industries. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/url?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjk_u26u4OEAxXbs1YBHRZJBGo4ChAWegQIBxAB&url=https%3A%2F%2Fwww.aeaweb.org%2Fconference%2F2023%2Fprogram%2Fpaper%2F2FSQSRZ3Bk&usq=AOvVaw3EItE9jXgOYhmHr3oF45T2&opi=89978449 (дата обращения: 28.01.2024).

25 WHITE PAPER ON ESG PRACTICES IN CHINA // Совместный доклад China Central Depository & Clearing Co., Ltd. и The International Capital Market Association. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icmagroup.org/assets/Whitepaper-on-ESG-practices-in-China-ENG-January-2023.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

1. Татаркин А. И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Вестник ЧелГУ. – 2008. – № 19.
2. Клевцов С. М., Тевяшова А. С. Применение модели «Зеленой» экономики на мировом уровне и в Центральном-Черноземном районе Российской Федерации // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 3-2 (20).
3. Растопчина Ю. Л., Ковалева Е. И. «Зеленая» экономика и «Зеленые» инвестиции Китая: возможности и перспективы // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – № 3.
4. Гурский В. Л. Теоретические основы формирования общей стратегии развития промышленности государств-членов ЕАЭС // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2023. – Т. 68. № 1. – С. 61-71.
5. Доклад рабочей группы МЭА Перспективы энергетических технологий // Международное энергетическое агентство. – 2023.
6. Simone Tagliapietra, Reinhilde Veugelers, Jeromin Zetzelmeier. Rebooting the European Union's Net Zero Industry Act // Bruegel Blueprint. – 2023.
7. Hongtao Shen, Honghui Lin, Wenqi Han, Huiying Wu. ESG in China: A review of practice and research, and future research avenues // China Journal of Accounting Research. – 2023. – Volume 16. Issue 4.
8. Alexander van Kemenade, Anjali Shukla, Jin Yanning, Georgia McCafferty, Helena Lim, Amanda Simms. ESG priorities in China: How companies in China are approaching ESG // Fidelity International.
9. Xiao Wang, Kuan Sun, Zhiguo Xiao. Industrial Policy and the Rise of China's Strategic Emerging Industries // American Economic Association. – 2022.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-67-70

ИЗРАЛОВСКИЙ Николай Романович

студент Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ПЕТРОВА Антонина Сергеевна

студент Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ БРИКС: ОПЫТ БРАЗИЛИИ И ЮАР

В 2023 году авторами было проведено исследование процесса цифровизации гражданского процесса в странах БРИКС. Настоящая работа является первой частью серии публикаций итогов научного анализа данного явления. Авторы начинают с рассмотрения общих проблем цифровизации гражданского процесса в странах БРИКС, затем последовательно обращаются к опыту Бразилии и Южно-Африканской Республики в области внедрения цифровых технологий в гражданский процесс и применения искусственного интеллекта в деятельности судов. В завершении работы авторами делается вывод о различном темпе цифровизации и необходимости создания актуальной законодательной базы, учитывающей последние достижения информационных технологий.

Ключевые слова: гражданский процесс, БРИКС, Бразилия, ЮАР, цифровизация, технологии искусственного интеллекта.

IZRALOVSKIY Nikolay Romanovich

student of the Faculty of Law of the St. Petersburg University

PETROVA Antonina Sergeevna

student of the Faculty of Law of the St. Petersburg University

DIGITALIZATION OF CIVIL PROCEEDING IN BRICS COUNTRIES: BRAZILIAN AND SOUTH AFRICAN EXPERIENCE

In 2023, the authors conducted a study of the digitalization of civil procedure in the BRICS countries. This paper is the first part of a series of publications of the outcomes of the academic analysis of this phenomenon. The authors start with a review of the general problems of digitalization of civil procedure in the BRICS countries, then successively turn to the experience of Brazil and the Republic of South Africa in the introduction of digital technologies in civil procedure and the application of artificial intelligence in the activities of the courts. In conclusion, the authors conclude that the pace of digitalization varies and that it is necessary to create an up-to-date legislative framework that takes into account the latest achievements of information technologies.

Keywords: civil procedure, BRICS, Brazil, South Africa, digitalization, artificial intelligence technologies.

В свете последних событий: пандемии коронавирусной инфекции, смены международных партнеров, разработки технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), процесс цифровизации значительно ускорился [1]. Общая политика продвижения информационных технологий не могла не коснуться судебной системы и, в частности, гражданского процесса. Внедрение в гражданское судопроизводство таких технологий, как блокчейн, искусственный интеллект и т. д., является неотъемлемой частью глобального процесса информатизации и способствует усилению защиты имущественных и неимущественных прав, расширению доступа к правосудию, повышению стандартов судебного доказывания.

Достижению полномасштабной цифровизации гражданского производства во всех странах БРИКС на сегодняшний день препятствует несколько причин. Во-первых, недостаточность законодательного регулирования процесса информатизации стадий гражданского судопроизводства. Во-вторых, в странах БРИКС техническое оснащение судов зачастую не позволяет внедрять цифровые технологии на уровне, необходимом для их адекватного функционирования. В-третьих, условия жизни населения в части государств ограничивают их граждан в доступе к информационным сервисам. В-четвертых, несогласованная работа цифровых платформ судов или их слабая координация, а также невозможность совершения с их помощью определенных процессуальных действий приводят к настороженному отношению к цифровому правосудию.

В этой связи авторы ставят целью настоящего исследования – обозначение актуальных проблем цифровизации гражданского судопроизводства в странах БРИКС. Задачами данной работы являются: 1) сравнение законодательства стран БРИКС о цифровых технологиях в гражданском судопроизводстве; 2) выявление общих тенденций в этих странах по внедрению цифровых технологий в гражданское судопроизводство; 3) анализ темпов цифровизации в странах БРИКС.

В целом можно сразу предположить, что темпы цифровизации гражданского судопроизводства в странах БРИКС различны [2]. На сегодняшний день ряд государств поощряют использование электронных технологий в гражданском судопроизводстве, и поэтому их опыт может быть перенят другими странами, только стремящимися к этому.

Общая характеристика цифровизации гражданского процесса

В доктрине гражданского процессуального права появляются такие термины, как электронные доказательства, электронные документы, искусственный интеллект, цифровое правосудие, судебное разбирательство посредством видеоконференцсвязи и другие [3]. Несмотря на такие, казалось бы, значительные преобразования и модернизацию судебной системы, законодательство остается неизменным, то есть сохраняет свои принципы и продолжает функционировать в соответствии с основными положениями законов, не учитывавших внедрение современных технологий.

Ныне существуют три наиболее важных направления внедрения цифровых технологий в гражданское судопроизводство. Самым распространенным является использование электронных доказательств. Наиболее значимым является проведение судебных процессов в режиме онлайн. Перспективный путь, но пока недоступный для большинства стран БРИКС, – применения технологий искусственного интеллекта [4].

Исследуя такое направление гражданского судопроизводства, как использование электронных доказательств в судебном доказывании, нужно также обратить внимание на проблему обеспечения безопасности и сохранности электронных доказательств, поскольку при работе с ними высока вероятность их изменения или утраты. По этой причине создаются отдельные платформы с ограниченной возможностью пользования защищаемой информацией, ведется учет хранения данных.

Наиболее спорным с юридической точки зрения – как практической, так и теоретической, является привлечение искусственного интеллекта к работе судов. Некоторые специалисты отмечают, что этот процесс неизбежен, а потому ему необходимо придать должное правовое оформление [5]. Положительные стороны в полной или частичной замене человека (реального судьи) машиной можно увидеть в следующем: а) повышение эффективности деятельности судов по принятию судебных решений за счет того, что ИИ занимается подготовкой необходимых документов и реквизитов; б) сокращение сроков вынесения судебного акта, поскольку технологии ИИ могут составлять одновременно несколько текстов и без перерыва после принятия судьей решения; в) увеличение «беспристрастности» судей, поскольку ИИ не обладает присущими человеку эмоциями. Несмотря на успехи экспериментального подключения искусственного интеллекта к системе правосудия, авторы настоящей статьи считают, что полностью заменить человека-судью при текущем уровне технологий ИИ не представляется возможным, поскольку нельзя исключить вероятность какого-либо сбоя программы. В качестве примеров можно привести следующие: «машина» не всегда в состоянии корректно распознать документ и текст, содержащийся в нем. Кроме того, помимо изучения доказательств, в частности, письменных, на предмет относимости к делу, и проверки их копии на подлинность, есть множество программ, способных отредактировать отсканированную копию документа. Данные операции совершаются судами всех инстанций. Поэтому, ввиду того, что судьи ИИ на сегодняшний день не могут быть внедрены в массовом масштабе, действительная «интеллектуализация» судопроизводства пока нереалистична и не должна рассматриваться как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина, а также как средство обеспечения справедливости и гуманности при разрешении дела, возникающего из гражданских правоотношений [6].

Опыт Бразилии

Для судебной системы Бразилии характерны такие недостатки, как высокая загруженность и длительные сроки рассмотрения дел. Количество обращений в суды, особенно по гражданским делам, постоянно растет, а пандемия коронавируса усугубила эту ситуацию. 19 марта 2020 г. Национальный совет юстиции Бразилии издал Резолюцию № 313/2020, регулировавшую работу судов во время действия ограничительных мер и устанавливавшую обязанность судов минимизировать отложения судебных разбирательств и не

приостанавливать отправление правосудия, а также предусматривавшую переход на дистанционную работу [7]. Для реализации этого постановления был издан ряд региональных нормативных актов, например: постановление CSM № 2550/2020; Ato Normativo n. 7/ 2020 и др.

Во исполнение данных положений судебные разбирательства были переведены в дистанционный формат. Апелляционный суд штатов Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Федерального округа (Бразилия) предоставил право удаленной работы для судей, стажеров и гражданских служащих, а также удаленной аудиенции с судьями. Верховный суд Бразилии изменил свои внутренние правила и установил возможность рассмотрения споров в режиме онлайн. 1 апреля 2020 года Бразильский совет юстиции объявил о создании цифровой платформы, позволяющей судам и трибуналам безопасно проводить виртуальные судебные заседания [8].

В Бразилии элементы технологий искусственного интеллекта уже внедрены более чем в 50% бразильских судов, по крайней мере 47 из них в настоящий момент используют программы и системы ИИ в качестве вспомогательных инструментов для работы судов: поиска релевантной практики, архивирования дел. Значительных успехов добились Верховный суд и Высший суд юстиции в области внедрения технологий искусственного интеллекта в свою работу [9].

Следует отметить, что в Бразилии не существует специального правового регулирования ИИ. Национальный совет юстиции в августе 2020 года выпустил Резолюцию №332/2020. Она посвящена вопросам употребления ИИ в судебной системе, таким как этика, государственное регулирование и т. д. [9]. Резолюцией установлены следующие принципы регулирования ИИ: недискриминация, публичность, прозрачность, контроль пользователей и т. д. В главе, посвященной контролю за пользователями, в статье 18 говорится о необходимости предоставления информации о применении ИИ в судебном разбирательстве на ясном и понятном языке, а статья 19 устанавливает, что ИИ в качестве инструмента судопроизводства подчинен достижению справедливого результата.

Резолюция предусматривает меру, которая минимизирует дискриминацию среди разработчиков ИИ (статья 20). Формирование и состав групп исследователей и разработчиков должны включать разнообразие «по самому широкому спектру, включая пол, расу, этническую принадлежность, цвет кожи, сексуальную ориентацию, людей с ограниченными возможностями, поколение и другие индивидуальные характеристики».

В судах зачастую для создания текстов судебных актов используется ChatGPT. Его применение увеличивает озабоченность граждан, связанную с возможностью или правом быть судимым ИИ. Основная задача данной программы заключается в составлении текстов на основе анализа определенного количества материалов. Таким образом, вынесение судебного вердикта оказывается под контролем ИИ, способность которого «осмыслить» представленные источники и с соблюдением норм литературного языка из отдельных слов, заимствованных из материалов дела, сложить адекватный и логичный текст решения, весьма сомнительна. Ввиду того, что внешнее выражение решения будет соответствовать необходимым требованиям, порой отличить его от решения, написанного человеком, сложно. В этой связи возникает проблема осведомленности участников спора о способе вынесения решения: с помощью ИИ или человеком. Принятая Резолюция №332/2020 требует предоставления информации о ИИ в судах и объяснения действий, совершаемых системой,

но в большей степени она носит программный характер внедрения ИИ в бразильскую судопроизводство.

Ввиду теоретической направленности, данная Резолюция не дает ответы на все вопросы, например, не объясняет процесс и критерии вынесения решения посредством ChatGPT. В развитие данного проекта бразильский законодатель разработал проект закона, который регулирует общее применение искусственного интеллекта, предусматривает право на предварительную информацию об использовании в деле систем ИИ, а также на дачу объяснений принятых решений, рекомендаций или предсказаний. Это более подробное предложение, чем Резолюция № 332, и, вероятно, если оно будет принято, подключение ChatGPT к судебным органам получит свою надлежащую правовую форму. Однако, учитывая проволочки законодательства в Бразилии, до принятия законопроекта своей окончательной формы он претерпит значительные изменения [10].

Хотя на сегодняшний день нормативного закрепления ИИ в судебной системе в Бразилии нет, актуальным остается вопрос свободного применения ChatGPT при создании судебных решений, а также степени информированности сторон судебного процесса о задействовании в их деле систем ИИ [10]. Таким образом, имея в виду все более частое использование ИИ, в целом, и ChatGPT, в особенности, судебными органами, необходимо создать целый комплекс норм и правил о границах его допустимости, критериях принятия решений, роли человека в проверке и адаптации машинного текста к восприятию его человека. При отсутствии надлежащей регулятивной базы привлечение технологий ИИ приведет к нецелевому расходованию его ресурсов, снижению стандартов защиты, злоупотреблениям, а значит, падению доверия населения к процессу цифровизации гражданского производства.

Таким образом, можно сделать вывод, что проникновение технологий ИИ и иных элементов цифровизации является неизбежным процессом. Он уже постепенно получает свое юридическое оформление в бразильском законодательстве и правоприменительных актах. Наибольшее волнение вызывает вопрос этики и ее соотношения с использованием технологий ИИ. По мере разработки нового правового регулирования законодателью следует руководствоваться в первую очередь интересами «пользователей» судебных процедур – граждан, которые всегда являются слабой стороной спора, их персональные данные нуждаются в особенной защите.

Опыт Южно-Африканской Республики

Концепция онлайн-судов на практике пока реализуется только в Высоких судах Южной Африки. Онлайн-суды представляют собой комплексную электронную систему, в которой стороны могут размещать документы, управлять делом и доказательствами в режиме онлайн из любого места и в любое время без физического присутствия в суде. Данная платформа не заменяет обычный судебный процесс, но является вспомогательной в его отношении, где стороны подают заявления и доказательства, правят их. Решение также может быть вынесено заочно без присутствия сторон, но оно будет рассмотрено человеком, а не компьютером. Отметим, что Конституционный суд ЮАР также добился значительного прогресса в использовании электронных технологий [11]. Пандемия, безусловно, оказала существенное серьезное влияние на процесс становления цифрового правосудия в ЮАР.

Введение цифровых технологий привело к пересмотру имеющихся в ЮАР судебных правил. Однако их воздействие пока незначительное, и судебные регламенты далеко не полностью учитывают потенциал информационных технологий. Так, применение Закона об электронных коммуникациях и сделках 2002 года (далее – ЕСТА) и Закона об электронных технологиях без своевременной актуализации может привести к возникновению проблем. Например, согласно ЕСТА, доставка документов, которая в настоящее время вручена лично шерифам, вскоре будет осуществляться с помощью цифровых или электронных средств. В некоторых регионах ЮАР уже используется данный способ рассылки доказательств, однако, на законодательном уровне это явление еще не закреплено. Еще один пример пробела в законодательстве – это видео- и аудиозапись судебных заседаний, которая должна вестись в цифровом или электронном виде без стационарных видеокамер. Таким образом, законодателью следует разработать поправки к ЕСТА, чтобы «примирить» закон со сложившимися условиями и тем нововведениями, которые грядут в краткосрочной перспективе. Более того, по мере издания различных нормативных актов подзаконного характера в области цифровых технологий необходимо обеспечивать полное соответствие им ЕСТА. Иначе говоря, с одной стороны ЕСТА призван учитывать изменившиеся технологические реалии, с другой стороны, носить весьма обобщенный характер, чтобы не допустить противоречия между ним и подзаконными актами.

Принимая во внимание эклектичность правовой системы ЮАР и высокой роли судов в формировании правоприменительной практики, именно на них возлагается задача содействия развитию, регулированию и соблюдению ЕСТА.

Впервые суд признал достаточность цифрового доказательства – видеозаписи и идентификации ее представившим лицом, – для признания вины и вынесения осуждения как формы санкции и, следовательно, допустимым в деле *S v Mdlongwa (2010)*. Это дело касалось уголовного процесса, однако оно показало, что южноафриканские суды засчитывают доказательства, полученные с помощью систем видеонаблюдения и цифровых электронных технологий, если последние идентифицированы. В гражданско-правовом споре впервые к такому же выводу пришел суд в деле *CMC Woodworking Machinery (Pty) Ltd v Pieter Odendaal Kitchens (2012)*. В суд были представлены в качестве доказательства записи с видеокамер, которые компрометировали истца, заснятого в своем дворе без одежды. Подлинность этих сведений оспаривалась: истец указывал на легкость диверсификации цифрового доказательства. Однако запись верифицирована: нашлись те, кто засвидетельствовал аутентичность отснятого материала и использованных электронных технологий [11].

Подобные доказательства в процессе для ответчика будут проблемой в том смысле, что само обнаружение таких фотографий и видеоклипов для подтверждения позиции ответчика ведет к вторжению в частную жизнь истца. Истец, опороченный фотографиями или видеозаписями, размещенными на любых сайтах или в социальных сетях, по окончании дела, в котором представлены данные доказательства, имеет право подать иск о диффамации и компенсации морального вреда против ответчика. В качестве защиты в делах о клевете, инициированных истцом после завершения процесса, ответчик может привлечь заверенные в предыдущем процессе достоверность видеозаписи или фотографии [12].

На сегодняшний день фотографии и видеозаписи являются наиболее распространенными цифровыми доказатель-

ствами. Именно поэтому их правовое регулирование должно быть сформировано в первую очередь. Их применение в гражданском процессе должно быть ограничено. Ван дер Мерве и его коллеги согласны с тем, что «...любые действия, позволяющие вести наблюдение и мониторинг коммуникаций, безусловно, вызывают озабоченность по поводу неприкосновенности частной жизни» [12]. В этой связи важно сформулировать строгие правила, регулирующие раскрытие доказательств, полученных с помощью систем видеонаблюдения и цифровых технологий, в гражданском процессе.

Таким образом, гражданское процессуальное законодательство ЮАР нуждается в реформировании, чтобы привести его в соответствие с ЕСТА, другими актами и стандартами в области цифровых или электронных технологий. Разработка правового регулирования цифровых доказательств является одной из задач законодателя в ближнесрочной перспективе, поскольку до сих пор стандарты их принятия сформулированы судами в делах десятилетней давности.

Заключение

Подводя итог, отметим несколько ключевых критериев сравнения бразильского и южноафриканского опыта цифровизации гражданского процесса. Во-первых, критерий инициативы. Во-вторых, степень адаптированности законодательства к цифровизации. В-третьих, степень цифровизации и технологий ИИ.

В Бразилии, в отличие от ЮАР, инициатива внедрения современных технологий в гражданский процесс, и судебный процесс в целом, была в руках исполнительной власти. Иначе говоря, возобладал административный подход в закреплении стандартов применения технологий в судах, внедрении онлайн-судов и некоторых элементов ИИ. Для ЮАР, в том числе по причине влияния англо-саксонского права, характерен судебный подход к регулированию цифровых технологий. Впервые принципы использования цифровых доказательств были выработаны именно в судебной практике. Исходя из рассмотрения первого критерия, нетрудно сделать вывод относительно второго – бразильское законодательство в большей степени готово к адаптации, чем южноафриканское. Подчеркнем, что речь идет именно о готовности к адаптации, поскольку на сегодняшний день ни Бразилия, ни ЮАР не актуализировали законодательный массив под изменившиеся реалии цифрового века. В то же время в обоих государствах есть свои особенности законотворческого процесса, что является ключевым тормозом для проведения реформы.

Относительно степени цифровизации следует отметить тот факт, что в области использования цифровых доказательств ЮАР быстрее пришла к их принятию и признанию их юридической силы. В Бразилии данный процесс происходил на фоне пандемии, которая требовала введения экстренных мер и быстрого реагирования. С другой стороны, ЮАР замедлилась в части введения более заметных элементов цифровизации, в отличие от Бразилии, в которой уже существуют онлайн-суды и применяются технологии ИИ, хотя бы на уровне ChatGPT.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, подчеркнем, что в обоих государствах процесс цифровизации еще не вступил в свою активную фазу, однако постепенно набирает скорость. Для подведения его первых итогов обоим государствам необходимо закрепить их на законодательном уровне. Отсутствие нормативного регулирования, с одной стороны, позволяет процессу цифровизации протекать сти-

хийно и формироваться самостоятельно. С другой стороны, наличие законодательных рамок не позволит цифровизации нарушить основополагающие права человека, равно как и интересы самих государств.

Пристатейный библиографический список

1. Razveykina N. A., Shikhanova E. G., Dmitriev A. V. Digitalization of Legal Proceedings as a Way to Ensure Access to Justice // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 58. – С. 621-627.
2. Rusakova E.P., Frolova E.E. Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries // Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2021. – Vol. 254. – P. 143-153.
3. Prasalek, J. Digitalization of civil proceedings. // Scientific Journal of Bielsko-Biala School of Finance and Law. Bielsko-Biala, PL. – 2015. – № 3. – P. 82-104.
4. Damian C., et al. Regulation of Artificial Intelligence in BRICS and the European Union. // BRICS Law Journal. – 2021. – № 1. – P. 86-115.
5. Rahbari, E., Shabanpoor, A. The Challenges in Employing of AI Judge in Civil Proceedings. // Legal Research Quarterly. – 2023 – № 25. – P. 419-444.
6. Kleinberg, J., Ludwig, J., Mullainathan, S., Sunstein, C. R. Discrimination in the Age of Algorithms. // Journal of Legal Analysis. – 2018. – № 10. – P. 113-174.
7. Kerche, F., de Oliveira, V. E., Couto C. C. The Brazilian Councils of Justice and Public Prosecutor's Office as Instruments of Accountability // Brazilian journal of public administration. – 2020. – № 5. – P. 1334-1360.
8. Legg, M., Song, A. The courts, the remote hearing and the pandemic: from action to reflection. // UNSW Law Journal. – 2020. – № 1. – P. 126-166.
9. De Souza, J., Finger, M., De Araújo, J., Maranhão, J. Selecting and ranking leading cases in Brazilian Supreme Court decisions. // The Knowledge Engineering Review. – 2023. – № 38. – E7.
10. Brait, B., Pistori, M. H. C., Dugnani, B. L., Stella, P. R., & Rosa, C. G. Ethical Answerability in Science, Art, and Life. // Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso. – 2023. – № 18 (1).
11. Mabeka, N. Q. The impact of e-technology on law of civil procedure in South Africa. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. Pretoria, Gauteng, South Africa, 2018. – P. 275
12. Van Der Merwe, D., Roos, A., Erlank, W., Eiselen, S., Nel, S., Mabeka, Q. & Pistorius, T., Information and Communications Technology Law 3rd Ed. // South Africa: LexisNexis, 2022.

АБЫЗОВА Елена Равильевна

кандидат юридических наук, доцент, Судья Арбитражного суда города Москвы

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Гражданское общество нельзя противопоставлять государству. Они теснейшим образом взаимосвязанные и взаимозависимые социальные и политико-правовые явления, при реализации которых ведущая роль в идеале принадлежит гражданскому обществу, формирующему механизм достижения общественного интереса, в том числе через насилие над отдельной личностью, каковым и является государство. Устранение интегрирующего начала, каковым предстает государство, ограничивающего индивидуализм личности, влечет упразднение и самого гражданского общества, его превращение в ничем не связанную совокупность индивидов, что способно привести к воцарению анархии. Опираясь на этот тезис, можно сделать вывод о том, что, если человек является составной частью определенной социальной системы, то его нахождение в ней предполагает наличие функциональной связи между ними, а также трансформацию самой системы в результате деятельности человека: сама система и человек в отдельности развиваются, обретая новые свойства и формы. В качестве одной из таких форм в настоящее время развивается информационное общество.

Ключевые слова: информационная революция, правопорядок, электронное государство, право, государство, функции государства, реализация права, информационное общество.

ABYZOVA Elena Raviljevna

Ph.D. in Law, associate professor, Judge of the Arbitration Court of Moscow

THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION COMPONENT OF CIVIL SOCIETY

Civil society cannot be opposed to the state. They are closely interrelated and interdependent social, political and legal phenomenon, the implementation of which the leading role belongs to the ideal civil society, creates a mechanism to achieve the public interest, including through the abuse of an individual personality, what is the state. Eliminating integrating beginning, what appears to state that restricts the individual individualism, and implies the abolition of the civil society, its conversion into unrelated set of individuals that could lead to anarchy reign. Based on this thesis, we can conclude that if a person is part of a particular social system, his being in it implies a functional relationship between them, as well as the transformation of the system as a result of human activity: the system itself and the person individually developing, acquiring new properties and forms. As one of such forms currently the information society is developing.

Keywords: information revolution, the rule of law, electronic state, right, state, the functions of the state, making the right, information society.

Абызова Е. Р.

Большинство ранее действовавших, а также некоторые из современных моделей организации публичной власти основывались на сакральности государства. Особенностью основной из действующих модели – суверенного национального государства – стало постепенное отступление от неё, так сказать секуляризация власти. Данный процесс потребовал теоретического обоснования права государства на принуждение (насилие) отличного от божественности происхождения власти государя. В завершающем своем варианте такое обоснование получило форму концепции правового государства.

При этом совершенно правы те исследователи, которые указывают на неразрывную связь между правовым государством и гражданским обществом: «правовое государство может существовать только там и тогда, где и когда существует гражданское общество» [3, с. 392]. Именно в силу данного обстоятельства начать анализ взаимного влияния правопорядка и организации публичной власти следует именно с гражданского общества и его трансформации в общество информационное.

Подчеркнем, что в советский период в гуманитарном дискурсе государство и право соотносились с понятием общества как такового, и только в конце 80-х годов прошлого века первоначально в философии, а в дальнейшем и представителями других гуманитарных наук, стал делаться акцент именно на гражданском обществе, который в настоящее время является преобладающим.

При этом гражданское общество представляет собой устройство отличное по сравнению с государством, способное «... выработать механизм общественного производства, распределения, управления, контроля, обеспечения социальной согла-

сованности и стабильности...» [10]. Вместе с тем, оно отнюдь не то, что формально выходит за пределы государственного аппарата. При «огосударствлении» общественных институтов граница, разделяющая общество и государство, становится весьма условной, смещаясь в значительной степени в область государственной власти, формируя в её структуре квазиобщественные институты.

Родоначальником концепции гражданского общества как «противовеса» государства является Г. В. Гегель [2, с. 524]. Он исходит из того, что человек из первобытного (некультурного, нецивилизованного) состояния должен вступить в гражданское общество, т.е. перейти на более высокую ступень общественного развития, какой собственно и является цивилизация. В отличие от своих предшественников и последователей Гегель не противопоставлял общество и государство, не стремился провести между ними границу. Более того, общество представлялось ему как некоторое единство гражданских институтов и государства, где системообразующим фактором является сам человек, способный действовать по собственной воле, подчиняясь установленным правилам.

Современные представления о гражданском обществе исходят из того, что ключевым фактором общественных отношений выступает интерес, который и является тем, что объединяет всех людей в единое целое, т.е. общество. Личный интерес, побуждивший индивидов объединиться, породил интерес общественный, коллективный, направляющий публичную власть. С одной стороны, единство личного интереса и интереса общественного, а с другой – противоречие между ними: именно в этом проявля-

ется вся сложность и диалектичность современных общественных отношений.

Как гражданское общество является необходимым условием существования современного государства, так и государство необходимо для существования гражданского общества. Если в определенных вопросах общественной жизни не будет силы и воли, совокупность которых принято определять как государственное принуждение, общественные интересы останутся не обеспеченными, установится беспорядок, общество как таковое перестанет существовать.

Ни одна государственная модель (даже при азиатском способе производства) не в состоянии упразднить частную жизнь граждан, различные формы выражения которой собственно и есть то, что мы называем гражданским обществом. Вместе с тем, в современном гуманитарном дискурсе вопрос об изменившейся роли государства в системе современных общественных отношений является одним из наиболее дискуссионных.

Следует заметить, что гражданское общество является совокупностью общественных институтов, которые не относятся к структурным элементам государства, но, несмотря на это, позволяют гражданам и их объединениям реализовывать свои интересы и инициативы. Институты гражданского общества дают возможность гражданам совместно вырабатывать цели и достигать их. Цифровая же реальность открыла новые возможности участия институтов гражданского общества и граждан в управлении государством и трансформировала существующие механизмы взаимодействия общества и государства. Благодаря ей государственная деятельность стала более открытой, а процесс общественного контроля за ней стал легче [11].

Нельзя устранить гражданское общество без одновременного устранения самого государства. Государство возникает в результате реализации личных интересов, дающих ему связь с объективным миром через потребности людей. Государство и общество находятся в диалектическом единстве, образуя единую социальную систему. Если чисто теоретически эту связь разорвать, государство потеряет всякий смысл своего существования, а принуждение, утратив свою правовую основу, превратится в произвол, т.е. то, чему государство должно противостоять по своей сути.

Продолжая этот тезис, следует подчеркнуть, что гражданское общество нельзя противопоставлять государству. Они теснейшим образом взаимосвязанные и взаимозависимые, социальные и политико-правовые явления, при реализации которых ведущая роль в идеале принадлежит гражданскому обществу, формирующему механизм достижения общественного интереса, в том числе через насилие над отдельной личностью, каковым и является государство.

Сегодня, традиционные институты гражданского общества создали собственные сайты, электронные общественные приемные и т.д. На базе различных интернет-платформ осуществляются общественные дискуссии, разработки коллективных решений, экспертизы в которые вовлекается все большее количество субъектов. Однако свое место в глобальной сети «Интернет» обрели не только институты гражданского общества, но и государство. Оно, в лице своих органов, также трансформировалось и приспособилось к сложившейся реальности.

В целом, государство нацелено на создание эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации как важнейшего условия демократического развития [4].

Вместе с тем, во многих странах можно наблюдать признаки того, что пространство для гражданского общества сужается из-за введения правительствами законодательства и других стратегий, которые ограничивают независимость групп гражданского общества и их деятельность. Инструменты, появившиеся в эпоху четвертой промышленной революции, сделали возможными новые формы слежения и другие средства контроля, на сочетающиеся с природой здорового и открытого общества.

Как известно, в западных странах Интернет, равно как и гражданское общество, развивается достаточно независимо от государства. Развитие большей части коммуникационной среды, включая и гражданское общество, в России происходит под государственным надзором. Из теоретической плоскости вопрос о способах государственного регулирования Интернета недавно перерос в плоскость практическую, став составляющей государственной информационной политики и предметом дискуссий общественности¹.

1 Демидов О. Что меняет новый закон об Интернете. - РБК. - 17.06.2016.

В связи с развитием информационных технологий быстро меняются и методы борьбы за власть, потому что эффективность их в значительной степени определяется качественными характеристиками коммуникационных процессов — мгновенностью связи, распространением данных, идей, символов.

Устранение интегрирующего начала, каковым предстает государство, ограничивающего индивидуализм личности, влечет упразднение и самого гражданского общества, превращение его в ничем не связанную совокупность индивидов, что способно привести к воцарению анархии [2, с. 6-7]. В таком случае не будет ни государства, ни гражданского общества. История дает множество примеров, когда из-за ослабления или гибели государства общество погружалось в анархию и смуту со всеми сопутствующими им бедствиями и кровопролитиями.

Таким образом, опираясь на этот тезис, можно сделать вывод о том, что, если человек является составной частью определенной социальной системы, то его нахождение в ней предполагает наличие функциональной связи между ними, а также трансформацию самой системы в результате деятельности человека: сама система и человек в отдельности развиваются, обретая новые свойства и формы. В качестве одной из таких форм в настоящее время развивается информационное общество [6], [12], [13]. Проблематика информационного общества стала ключевой в гуманитарном дискурсе в 90-е годы прошлого века. Однако справедливости ради необходимо отметить, что первые исследования в этой сфере, которые и сегодня не утратили своей теоретической и практической значимости, относятся к рубежу 60-70-х годов.

Как правило, суть концепции информационного общества выражается через следующие тезисы: а) ориентированность на знания; б) электронная (цифровая) форма представления объектов; в) инновационность и виртуализация производства товаров, работ и услуг; г) динамизм социальных процессов, повышение эффективности личности при овладении информационно-коммуникационными технологиями; д) возрастание производительности коллектива как рабочей группы, взаимодействующей с использованием электронно-вычислительной техники, информационных систем и информационно-коммуникационных технологий; е) расширение участия в общественной жизни транснациональных структур (в том числе антиобщественной направленности (транснациональная организованная преступность, транснациональные террористические организации).

С учётом почти стопроцентного охвата страны мобильной связью можно говорить о том, что Россия в полном смысле слова является информационным обществом, которым труднее манипулировать, используя пропаганду или административный ресурс, ибо о любых проделках власти граждане будут моментально оповещаться и, соответственно, смогут им противодействовать. Выбор соцсетей в качестве платформы «Открытых медиа» логичен, потому что именно соцсети сейчас являются основной средой распространения информации, и значительная часть людей уже даже не открывает медийные сайты [7, с. 138-146].

В действительности можно отметить, что распространение Интернета не только способствовало определённой консолидации общества, но, с другой стороны, вызвало его расслоение. Отмеченный феномен обусловлен не в меньшей степени и естественной мировоззренческой и психологической разницей между поколениями, старшее из которых, как правило, тяготеет к привычным средствам массовой информации, прежде всего, к телевидению. Телевизор помогает людям закрыть глаза на то, что они не хотят видеть, и отвлекает на другое².

Младшее же поколение практически живёт в Интернете. Основной отличительной особенностью этого поколения называют то, что интернет и высокие технологии являются для него естественной средой обитания. Именно это поколение иногда называют «цифровыми людьми». Их детство пришлось на время, когда старые моральные и идеологические принципы уже не действовали, а новых практически не было. Да и сейчас они только формируются. Это, безусловно, повлияло на мировоззрение подрастающего поколения³.

Возникновение и становление информационного общества не просто совпали с процессом глобализации, а стали взаимообуславливающими друг друга социальными явлениями, отражающими основные условия современного общественно-го развития: электронная коммерция, скоординированность

2 Зотова Н. Петр Офицеров: «Телевизор - это секта». - Новая газета. 09.12.2016 г.

3 Канакова А. Как заставить работать 20-летних. - РБК. - 03.05.2016 г.

финансовых рынков, развитие наднациональных и транснациональных организаций, транснациональный трансфер ценностей и образа жизни. В связи с этим информационное общество приобрело значимое место в предметах философии, социологии, экономики, психологии и юриспруденции. Приверженность различным методологическим подходам, разным дисциплинам влечет за собой расстановку акцентов и находит выражение в разнообразии представлений об этой стороне общественной жизни.

Взаимная обусловленность формирования информационного общества и глобализации выражается в том, что последняя есть результат возникновения принципиально новых процессов обмена информацией во всем мире на основе электронно-вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий. При этом такие процессы породили противоречие между глобализацией мира и самобытностью (идентичностью) конкретного сообщества. «...Новая самобытность, устремленная в будущее, возникает не из былой самобытности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из развития сегодняшней самобытности сопротивления...» [14].

Так, Н. Луман справедливо ставит вопрос о том: не придется ли нам изменять традиционное понимание общества, указывая на то, что современное общество находится в фазе «турбулентной эволюции» без предсказуемых результатов. Есть опасность, что общество примет «метакод» включения/исключения, когда некоторые люди будут личностями, а другие только индивидами [15], отказавшись тем самым от достижений гуманистической мысли, одним из которых и является суверенное национальное государство.

При этом глобализация не столько обеспечивает социальное единство человечества, сколько скрывает все возрастающую его фрагментацию, являясь, по замечанию З. Баумана: «... продуктом индивидуализированного общества...», в котором трансформированные на основе сетевых технологий государства и нации управляются из единого центра, способствуя «... тоталитарному проникновению логики глобальных финансовых рынков во все аспекты жизни...» [16]. Информационное общество, таким образом, отнюдь не бесконфликтно, и праву в самое ближайшее время предстоит столкнуться с принципиально новыми проблемами, общие принципы решения которых должны быть сформулированы уже сегодня.

Следует иметь в виду, что в чистом виде информационное общество не существует нигде в современном мире, и маловероятно его появление в будущем. Более того, современное состояние человечества характеризуется одновременным сосуществованием традиционного аграрного общества, индустриального урбанизированного общества и стремительно развивающегося информационного общества. Речь идет не только и не столько о различном уровне развития отдельных стран и регионов. Такое сочетание характерно как для самых развитых государств, занимающих ведущие позиции в E-Government Index, ICT Development Index и Networked Readiness Index, так и для наименее развитых стран, даже не входящих в указанные рейтинги.

Об информационном обществе скорее нужно говорить, как о новой, вместе с тем только одной из, форм общественной организации, которая генерирует собственные структуры и соответствующие политико-правовые механизмы, связанных с развитием отраслей электронно-вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий. Многие из этих механизмов в настоящее время находятся еще в латентном состоянии и требуют выявления, адекватной оценки и надлежащей правовой регламентации.

Структура информационного общества без сомнения сложнее, чем структура предшествующих обществ, поскольку основополагающее звено этого общества – электронно-вычислительная техника, информационные системы и информационно-коммуникационные технологии – не представлены конкретным лицом (структурой, самостоятельной производственной единицей), а выступают в качестве продукта специфической индустрии, что обуславливает опосредованность волеобразования и волеизъявления в соответствующих общественных отношениях.

В частности, Бачило И. Л., определяет информационное общество, в котором реализуются функции информирования – доступность необходимой информации для всех пользователей, хранение и распространение знаний, а также их использование в целях поступательного, прогрессивного развития общества. Отмечая взаимосвязь информационных процессов и развития гражданского общества, полагает, что среди научного сообщества отсутствует пока что единая концепция правовой сферы информационного общества [1].

По мнению автора, неверно рассматривать информационное общество лишь с позиции технологий и значимости информации. Под воздействием всеобщей гласности, открытости государственных органов и иных субъектов, кардинальные изменения касаются и остальных сфер жизни общества. В результате исследователь приходит к выводу о возможности существования информационного общества лишь при условии, что оно является гражданским, социальным, демократическим и правовым.

К признакам, характеризующим взаимосвязь гражданского и информационного общества следует отнести: а) доступность правовой информации, б) открытость государственных органов и сведений об их деятельности, в) возможность граждан напрямую участвовать в политической жизни общества.

В этой связи при характеристике информационного общества необходимо акцентировать внимание именно на этих специфических свойствах данного общественного устройства. Так, например, М. Кастельс, раскрывая суть информационного общества, указывает на то, что ему присущ «... атрибут особой формы социальной организации, в которой создание информации, ее обработка и передача становятся фундаментальными источниками производительности власти, благодаря возникновению в данный исторический период новых технологических условий...» [17].

В качестве примера следует остановиться на процедуре электронного голосования, которое может служить формой опосредованного волеобразования и волеизъявления избирателей. В Российской Федерации такая практика имеет место только в общественной и предпринимательской среде. Так весной 2014 года через электронное голосование была частично сформирована Общественная палата Российской Федерации. При этом электронное голосование как политико-правовая практика информационного общества есть всего лишь социально предопределенный инструмент, который не должен изменять те условия, которые лежат в основе фундаментальных структур общества.

В другом случае, можно упомянуть «Единый портал электронной демократии в РФ», открывающий новые возможности для участия граждан в политике: Интернет- выборы, Интернет-приёмные государственных органов и их должностных лиц [9, с. 267]. Перевод общественных структур в виртуальное пространство способствует более продуктивному взаимодействию органов власти и граждан.

Стремительное распространение информационных технологий среди жителей России сократило расстояния и привело к активизации самых разных слоёв населения. Сеть Интернет теперь формирует виртуальные сообщества, стирает границы между государствами, элиминирует расстояния, разъединяющие людей и, в конечном итоге, создаёт вокруг себя специфическую форму культуры – киберкультуру. В этой специфической информационной среде действуют особые этические принципы и основанные на них правила поведения [5, с. 15].

К сильным сторонам Интернета многочисленными исследователями относят простоту реализации горизонтальных коммуникационных связей, позволяющую пользователям преодолевать барьеры политической субординации и иерархии. Наполнение Интернета включает в себя важнейший ресурс-информацию.

По материалам опросов очевидно, что для большого числа пользователей информационно-коммуникативная среда Интернета это «единственная возможность прорвать информационную блокаду со стороны СМИ» и «альтернатива властным медиа»⁴.

В этой связи Дж. П. Грант отмечает: «... представления о справедливости, действующие в современных политических философиях, созданы той же самой концепцией разума, которой созданы и технологии. Один и тот же западный рационализм породил и современное естествознание, и современную политическую философию. Способы применения компьютера будут так или иначе продиктованы политикой в широком смысле слова. А политика в нашу эпоху определяется представлениями об обществе, коренящимся в том же самом представлении о разумной рациональности, которым произведено на свет новое взаимопереплетение искусств и наук...» [18].

Таким образом, трансформация общества, в связи с внедрением в общественную жизнь электронно-вычислительной техники, информационных систем и информа-

4 Соколов А. В. Особенности реализации политического участия в Интернете в современной России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Sokolov_A.pdf

ционно-коммуникационных технологий ознаменовало появление новых политико-правовых идей, связанных с возникновением и становлением информационного общества, само понятие которого стало катализатором современного гуманитарного дискурса. Выделение информационного общества как особого предмета исследования имеет общенаучное значение.

Информационные взаимодействия входят в предметные области различных областей знаний, что предполагает изучение информационного общества на мультидисциплинарном уровне, а политико-правовой анализ призван выявить потенциально конфликтные зоны общественных отношений и обеспечить надлежащую правовую основу разрешения возможных конфликтов. Конвергенция методологий, объединяющая в себе философскую составляющую и принципы конкретных наук, в том числе юриспруденции, способствует перспективе формирования в обозримом будущем универсальной методологии как инструментария для анализа складывающейся социальной реальности информационного общества.

Мультиэффект от развития интернет-практик объективно предопределяет вмешательство государства, которое неизбежно в связи с необходимостью борьбы с фейками (ложным контентом), спамом, хакерскими нападениями и кибертерроризмом. Это вмешательство, в свою очередь, обостряет проблемы соблюдения гражданских прав и предполагает определение рамок свободы действий членов интернет-сообщества.

Однако представляется крайне затруднительным чётко обозначить линию, отделяющую права граждан и их возможности как интернет-пользователей от конституционной обязанности государства по защите своих граждан. Поэтому интернет-практики могут как стимулировать демократические изменения в виде роста гражданского участия и расширения площадок диалога власти и общества, так и становиться угрозой для их плодотворного взаимодействия. В целом, можно сказать, что в Интернет-пространстве как в зеркале отражается множество проблем российского гражданского общества [7, с. 138-146].

Дальнейшее развитие информационного общества актуализирует вопрос власти, в том числе государственной. Власть является одной из фундаментальных основ общественного развития. Она имеет правовой, духовно-идеологический характер, и существует везде, где появляется необходимость в формировании устойчивых объединений людей. Неразрывна связь власти с политической сферой, где она является средством осуществления и способом утверждения реальной политики.

Государственная власть является неотъемлемой составляющей общего определения власти как формы социальных отношений, которой присущ всеобъемлющий характер, способность проникать в государственно-правовые сферы человеческой деятельности. В научной среде и в рамках политических практик дискуссии о феномене института власти и ее источниках продолжают и, пожалуй, не могут быть завершёнными никогда. При этом в контексте развития информационного общества феномен власти, в том числе государственной, требует нового осмысления.

Известно, что источником власти может выступать сила, богатство, авторитет. Кроме того, власть может порождаться традицией или законом, которые обеспечивают право властвующего на принуждение и через механизмы контроля (надзора) и ответственности создают условия для неизбежного исполнения властных предписаний.

Таким образом, в рамках ныне существующего информационного общества сформировались две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции – централизация управления общественными процессами и «распыление силы» [19]. Однако окончательная реализация любой из них повлечет переоценку роли и места суверенного национального государства, которое является основной формой организации публичной власти в современном обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л. О связи гражданского общества с информационным в условиях глобализации // Труды Института gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. 2011. № 6. С. 64.
2. Гегель Г. В. Философия права. М., 1990.
3. Грудцына Л. Ю. Философско-правовая концепция гражданского общества как самоорганизующейся социальной системы: от Гегеля до наших дней // Административное и муниципальное право. 2014. № 4.
4. Лебедев П. А., Петухова С. И. Социальные медиа: показатели развития информационного общества // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2010. № 5. С. 9.
5. Левашов В. К., Сарьян В. К., Назаренко А. П., Новоженина О. П., Тоценко И. Ж., Шушпанова И. С., Саломатина Е. В. Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества // Социологические исследования. 2016. № 9.
6. Мартин У. Концепции информационного общества. 2017.
7. Михайлова Е. В., Скогорев А. П. Роль информационных технологий в развитии гражданского общества в современной России (Интернет-практики) // Политическая концептология. 2017. № 2.
8. Поздняков Э. А. Российское гражданское общество: иллюзии и реальность // Политический класс. 2006. № 22.
9. Пономарёва А. Э. Электронная демократия в условиях развития электронного правительства в РФ // Молодой ученый. 2021. № 21 (363).
10. Палазян А. С. Современное право: функциональный аспект. М., 2009. С. 215.
11. Ильичева М. В. Государство и институты гражданского общества: взаимодействие в цифровой реальности: политологический анализ: дисс. на соиск. учёной степени канд. полит. наук. М., 2021. С. 181.
12. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
13. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2001. С. 57.
14. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 300.
15. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. С. 96.
16. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 191.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 35.
18. Новая технократическая волна на Западе: Сб. статей. М., 2000. С. 159.
19. Най С. Дж (младший). О «распылении силы» Будущее власти. М., 2014. С. 444.

БАСКАКОВА Екатерина Витальевна

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ТЕБРЯЕВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Отсутствие четкой правовой регламентации в вопросах определения и применения юридической ответственности за вред, причиненный объектом, использующим искусственный интеллект, оказывает негативное влияние на уровень доверия населения к интеллектуальным системам, а также сдерживает темпы потенциального развития инновационных технологий. Целью настоящего исследования является выработка релевантной модели правового регулирования возмещения вреда, причиненного искусственным интеллектом, в рамках российского законодательного поля.

Научное исследование опирается на методологическую базу, включающую в себя использование универсальных, а также специальных юридических методов.

С опорой на научные исследования и зарубежный опыт разработаны предложения по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, деликт, деликтное обязательство, юридическая ответственность, риск-ориентированный подход.

BASKAKOVA Ekaterina Vitaljevna

magister student of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise at the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

TEBRYAEV Alexander Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF TORT LIABILITY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The lack of clear legal regulation regarding the distribution of legal responsibility for harm caused by artificial intelligence has a negative impact on the level of public trust in intelligent systems, and also hinders the pace of potential development of innovative technologies. The purpose of this study is to develop a relevant model of legal regulation of compensation for harm caused by artificial intelligence within the Russian legislative field.

Scientific research is based on a methodological basis, including the use of universal scientific methods, as well as special legal methods.

Based on scientific research and foreign experience, proposals have been developed to improve Russian legislation.

Keywords: artificial intelligence, tort, tortious obligation, legal liability, risk-based approach.

Формирование и концептуальное развитие многочисленных доктринальных подходов к определению правового режима искусственного интеллекта обусловлено отсутствием его четкой правовой регламентации на законодательном уровне. На текущий момент в мире юридической науки укоренились две совершенно полярные позиции: одни специалисты утверждают, что искусственный интеллект следует идентифицировать в качестве объекта правоотношений, другие специалисты придерживаются мнения о необходимости надления искусственного интеллекта статусом субъекта права. Как правило, научные исследования по данной тематике содержат в себе описание альтернативных моделей правосубъектности искусственного интеллекта. При этом нельзя не отметить, что все сформулированные подходы вызывают неподдельный научный интерес.

В свою очередь, настоящее исследование основывается на позиции о целесообразности идентификации искусственного интеллекта в качестве объекта правовых отношений. Выбранная модель позволит урегулировать общественные отношения в краткосрочной перспективе, а также позволит снизить уровень правовой неопределенности в вопросе распределения юридической ответственности за вред, причиненный объектом, использующим искусственный интеллект.

Представленная точка зрения хотя и обладает признаками консерватизма, однако является достаточно популярной в науч-

ном сообществе. Например, В. А. Лаптев в своем исследовании определил этапы развития искусственного интеллекта и его правового статуса в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах [2, с. 99]. Специалист выразил свое мнение о том, что надление искусственного интеллекта правосубъектностью на данном этапе развития науки и техники является излишним. Е. С. Тютчева вовсе отрицает возможность надления искусственного интеллекта правами и обязанностями субъекта права [4, с. 55]. Проанализировав существующие концепции с точки зрения правового и философского подходов, Е. С. Тютчева пришла к выводу о различии сущностных свойств физических лиц, юридических лиц и искусственного интеллекта и, как следствие, несовпадении критериев для надления искусственного интеллекта статусом субъекта права [4, с. 55].

Данный подход нашел свое отражение и в актах Европейского Союза. Политическое объединение к 2024 году достигло значительных успехов в сфере регулирования процессов разработки, внедрения и использования технологий искусственного интеллекта. Последовательный анализ созданной нормативно-правовой базы дает возможность проследить процесс трансформации разрабатываемых законодателями юридических конструкций (от предложений по надлению искусственного интеллекта статусом «электронного» лица до идентификации искусственного интеллекта в качестве объекта правоотноше-

ний). Отход от концепции надления искусственного интеллекта статусом субъекта, закрепленный в проекте первого в мире консолидированного Акта об искусственном интеллекте Европейского Союза, можно охарактеризовать как позитивную тенденцию, а поэтому инновационные юридические конструкции могут быть частично интегрированы в российское законодательство¹.

Правовая идентификация искусственного интеллекта как объекта гражданского права исключает возможность надления юнитов деликтоспособностью и одновременно с этим создает необходимость определения круга лиц, ответственных в силу закона за их работу, а также порядка распределения ответственности между ними.

Российское законодательство в сфере регулирования искусственного интеллекта находится на стадии развития, что характерно для большинства государств современного мира. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что гражданское законодательство Российской Федерации содержит правовые механизмы, позволяющие разрешить проблему распределения юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом. Одним из таких механизмов является институт деликтной ответственности, предусмотренный главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации².

Деликтные обязательства представляют собой отдельный вид внедоговорных обязательств, которые направлены на восстановление имущественного положения потерпевшей стороны в состоянии, предшествующее совершению гражданского правонарушения. Они возникают при условии отсутствия между сторонами договорных отношений, что подразумевает нарушение делинквентом абсолютных прав, а не относительных.

В юридической доктрине принято выделять общий (генеральный) деликт и специальные виды деликтов. Такое деление не только корреспондирует классификации, положенной в основу Гражданского кодекса Российской Федерации, но и вмещает в себе две модели деликтного права (французскую и немецкую).

Так, ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает общие основания для возмещения вреда³. Также Федеральным законом предусмотрены следующие специальные составы: ответственность за вред, причиненный актами власти; ответственность за вред, причиненный недееспособными, ограниченно дееспособными и лицами, не способными понимать значение своих действий; ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ, услуг⁴.

На основании указанных конструкций специалистами в области права предпринимаются попытки разработать оптимальные концепции деликтной ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом.

Некоторые специалисты указывают на применимость к искусственному интеллекту правил о возмещении вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Сторонники данного подхода проводят отождествление искусственного интеллекта с источником повышенной опасности из-за возможности первого действовать с определенной степенью автономности. На это в своем исследовании указывает Лаптев В. А. [2, с. 90].

Действительно, при разработке нормативных документов об искусственном интеллекте международное сообщество призывает учитывать степень опасности искусственного интеллекта. Например, Организацией экономического развития и сотрудничества разработаны принципы искусственного интеллекта, центральное место из которых занимает принцип надежности искусственного интеллекта, который способствует обеспечению безопасности инновационных систем на всех этапах их жизненного цикла⁵. При этом, согласно данному принципу, все субъек-

ты, имеющие отношение к искусственному интеллекту, должны следовать систематическому подходу к управлению рисками на каждом этапе жизненного цикла без нанесения ущерба.

В Белой книге искусственного интеллекта, разработанной в Европейском Союзе в 2020 году, также присутствует отдельный раздел, который посвящен необходимости разработки нормативных положений, способствующих снижению рисков причинения вреда системами искусственного интеллекта⁶.

Актуальность представленных положений нельзя отрицать.

Данный подход обосновывается сторонниками и тем, что в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует исчерпывающий перечень источников повышенной опасности. Единственным ограничением толкования является понятие источника повышенной опасности, содержащееся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»⁷.

В свою очередь, применение правил о возмещении вреда, причиненного источниками повышенной опасности, может привести к дисбалансу интересов участников общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом. Дело в том, что ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации возлагает ответственность за причинение вреда на владельца источника повышенной опасности⁸. Использование данного правового механизма означает принятие радикальных мер по отношению к владельцам технологий искусственного интеллекта, а также снижение степени ответственности разработчиков, производителей искусственного интеллекта за их разработки, продукцию. Усеченный состав в связи со спецификой искусственного интеллекта не представляется эффективным для применения.

Другие специалисты усматривают возможность привлекать к юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, на основании правил о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг. Данной точки зрения придерживаются, например, Иришкина Е. А., Беляков К. О [1, с. 67]. Субъектом ответственности в соответствии с данными положениями является продавец, изготовитель. Таким образом ограничивается возможность привлечения к ответственности владельца искусственного интеллекта, что также может привести к дисбалансу интересов.

Выявленные недостатки существующих юридических конструкций наводят специалистов на мысли о необходимости создания специального состава, непосредственно связанного с деятельностью искусственного интеллекта. По мнению Никитенко С. В., создание отдельного состава обусловлено необходимостью учитывать специфику искусственного интеллекта, а также интересы участников данных отношений [3, с. 160].

Важно отметить, что в рамках Европейского Союза уже предпринимаются меры по разработке специальных правил применения деликтных обязательств с участием искусственного интеллекта. В частности, была принята Директива Европейского парламента и Совета об адаптации правил внедоговорной гражданской ответственности к искусственному интеллекту № 2022/0303 от 28.09.2022⁹. Положения данного документа стали

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oecd.ai/en/ai-principles.html> (дата обращения: 17.02.2024).

6 Белая книга по искусственному интеллекту: европейский подход к совершенству и доверию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://commission.europa.eu/publications/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 17.02.2024).

7 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/?ysclid=lspxz577xt442569834 (дата обращения: 17.02.2024).

8 Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

9 Директива Европейского парламента и Совета об адаптации правил внедоговорной гражданской ответственности к искусственному интеллекту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0496> (дата обращения: 17.02.2024).

1 Проводник Акта об искусственном интеллекте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurasianlaw-journal.ru/oformleniematerialov.html> (дата обращения: 17.02.2024).

2 Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

3 Там же.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

5 Обзор принципов искусственного интеллекта, принятых Организацией экономического сотрудничества и развития.

основой для проведения настоящего исследования, а также оказали значительное влияние на его результаты.

Далее предлагается ознакомиться с авторской концепцией порядка распределения деликтной ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, базируемой на риск-ориентированном подходе, а также на разграничении юнитов искусственного интеллекта в зависимости от степени потенциальных рисков его использования.

Наиболее оптимальный подход к урегулированию общественных отношений в данной сфере должен в первую очередь основываться на балансе интересов их участников. Для достижения этой цели представляется целесообразным обозначить круг участников отношений в сфере применения искусственного интеллекта и четко определить их обязанности. Итак, в круг участников данных правоотношений должны входить следующие лица: разработчик, производитель/изготовитель, продавец, оператор и пользователь искусственного интеллекта.

Круг участников должен быть не только определен, но и закреплён на законодательном уровне. В связи с этим на территории Российской Федерации должен быть принят специальный закон об искусственном интеллекте. Данным законодательным актом должны быть установлены основные обязанности каждого участника правоотношений таким образом, чтобы обеспечить безопасные условия на всех этапах жизненного цикла искусственного интеллекта. Например, за пользователем должны быть закреплены следующие обязанности: эксплуатация системы искусственного интеллекта в соответствии с инструкциями; осуществление контроля за работой системы искусственного интеллекта; информирование разработчика/производителя о неисправности системы искусственного интеллекта. При этом обязанности каждого участника правоотношений должны соответствовать уровню принятия решений с учетом потенциальных рисков.

Таким образом, возложение юридической ответственности должно осуществляться при одновременном соблюдении следующих условий: причинение вреда в результате непосредственного или опосредованного взаимодействия с системами искусственного интеллекта; причинение вреда в результате несоблюдения лицом предъявляемых к нему требований, установленных нормативными правовыми актами, техническими и эксплуатационными документами либо предъявляемых к нему в силу добросовестности.

Также представляется целесообразным применение различных деликтных конструкций к системам искусственного интеллекта в зависимости от уровня их риска. Всего предлагается закрепить на законодательном уровне следующие виды юнитов искусственного интеллекта: искусственный интеллект низкого, среднего и высокого уровня риска. Уровень риска искусственного интеллекта должен определяться степенью автономности системы, а также общественной значимостью сферы его применения.

Новые правовые положения об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, должны быть основаны на следующих правилах: опровержимость презумпций; возможность переноса бремени доказывания с истца (потерпевшего) на ответчика (делинквента) ввиду невозможности понимания работы алгоритмов искусственного интеллекта средне-статистическим пользователем; опровержимость презумпции причинно-следственной связи. Закрепление таких правил обусловлено спецификой механизма применения искусственного интеллекта, необходимостью соблюдения баланса интересов между сторонами правоотношения, а также необходимостью сокращения потенциальных расходов на судопроизводство.

Так, на законодательном уровне целесообразно закрепить наличие у потерпевшего права самостоятельно обращаться с требованиями в адрес разработчиков и производителей систем искусственного интеллекта о раскрытии информации работы алгоритмов системы исключительно для целей, преследуемых в рамках судебного процесса. При этом государством должны предприниматься меры по гармонизации в обществе отношений между разработчиками, производителями инновационных технологий и их пользователями с целью создания благоприятных условий для развития механизмов применения искусственного интеллекта. Такие отношения должны быть основаны на взаимоуважении и сотрудничестве. Добровольное раскрытие сведений о работе системы искусственного интеллекта со стороны разработчика, производителя позволит, например, сократить расходы на проведение дорогостоящих экспертиз в рамках судебных процессов.

При этом законодательством должно быть предусмотрено и право суда запрашивать соответствующие сведения у ответ-

чика или иных причастных лиц, если собрать доказательства у ответчика не удалось. При таких обстоятельствах законодателью также необходимо учитывать, что информация, представляемая в материалы дела, может охраняться режимом коммерческой тайны, в связи с чем сохранение конфиденциальности в рамках судебных процессов должно быть обеспечено.

Таким образом, потерпевшему необходимо будет доказать: несоблюдение ответчиком обязанностей, установленных законодательством; несоблюдение обязанностей со стороны ответчика повлекло за собой неисправность работы искусственного интеллекта; неисправность системы искусственного интеллекта привела к возникновению ущерба.

В отдельных случаях на уровне законодательства целесообразно предусмотреть презумпцию причинно-следственной связи между противоправными действиями делинквента и возникновением вреда. Однако данная презумпция не должна применяться в отношении систем искусственного интеллекта высокого риска, поскольку правовые положения должны быть разработаны таким образом, что истец будет обеспечен необходимыми доказательствами для установления причинно-следственной связи. Специальным законодательством должны быть предъявлены строгие требования к разработчикам, производителям систем искусственного интеллекта высокого риска, в том числе и в части раскрытия, регистрации информации о работе таких систем.

В свою очередь, презумпция причинно-следственной связи может применяться к системам не высокого риска, поскольку для потерпевшего может стать затруднительным сбор необходимых доказательств. Такие трудности могут возникнуть из-за непрозрачности, автономности интеллектуальных систем.

Суд должен будет применять презумпцию в случаях, когда истец не может собрать достаточных доказательств для установления причинно-следственной связи, поскольку он должен объяснить, как конкретные действия и (или) бездействие лица в отношении системы искусственного интеллекта привели к неисправности, повлекшей наступление ущерба. При этом во всех случаях ответчик должен иметь возможность опровергнуть данную позицию.

Представленная концепция может быть в дальнейшем использована при разработке специального закона об искусственном интеллекте в Российской Федерации, а также при трансформации института деликтной ответственности в рамках гражданского законодательства Российской Федерации.

Идеи об использовании института деликтной ответственности для искусственного интеллекта в дальнейшем могут быть дополнены введением специального механизма страхования ответственности. Министерство экономического развития Российской Федерации уже осуществляет активные меры по разработке такого механизма, однако они носят превентивный характер¹⁰. Уже на данном этапе целесообразно использовать указанные механизмы совместно, поскольку именно комплексный подход сможет обеспечить эффективное правовое регулирование.

Пристатейный библиографический список

1. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. – 2016. – № 10. – С. 63-72.
2. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79-102.
3. Никитенко С.В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 1. – С. 156-174.
4. Тютчева Е. С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2 (12). – С. 50-58.

¹⁰ Власти разработали механизм защиты от причиненного технологиями искусственного интеллекта вреда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/07/12/2023/657063269a7947ofdb112ac37ysclid=lg4429065613928831> (дата обращения: 17.02.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-78-81

БИСЯРИНА Алина Нарисовна

начальник редакционно-издательского отдела Уфимского юридического института МВД России,
подполковник полиции

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ПЕРИОД С 2000 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Автором рассматривается развитие российского законодательства по противодействию торговле несовершеннолетними в период с 2000 г. по настоящее время. Отмечается, что в рассмотренный период наблюдается новый вектор развития российского законодательства в сфере противодействия торговле несовершеннолетними. В результате комплексного подхода к проблеме со стороны государства, который выразился в совершенствовании законодательства, посвященного обеспечению прав несовершеннолетних и непосредственно борьбе с торговлей несовершеннолетними, приведении его к международным стандартам, а также в модернизации организационно-правового механизма противодействия, сегодня торговля несовершеннолетними не несет угрожающего характера.

Ключевые слова: несовершеннолетние, торговля несовершеннолетними, развитие законодательства, противодействие торговле несовершеннолетними, законодательство в борьбе с торговлей несовершеннолетними.

BISYARINA Alina Kharisovna

Head of the Editorial and Publishing Department of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant of colonel police

ACTIVITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION TO COUNTER TRAFFICKING IN MINORS IN THE PERIOD FROM 2000 TO THE PRESENT (HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH)

The author examines the development of Russian legislation on combating trafficking in minors in the period from 2000 to the present. It is noted that during the period under review, a new vector of development of Russian legislation in the field of combating trafficking in minors is observed. As a result of an integrated approach to the problem on the part of the State, which was expressed in improving legislation on ensuring the rights of minors and directly combating trafficking in minors, bringing it to international standards, as well as modernizing the organizational and legal mechanism for countering, today trafficking in minors does not carry a threatening character.

Keywords: minors, trafficking in minors, development of legislation, countering trafficking in minors, legislation to combat trafficking in minors.

Бисярина А. Н.

На заседании Государственной Думы Российской Федерации 18 января 2000 года Президент Российской Федерации В. В. Путин на долгие годы обозначил свою позицию относительно законотворческого процесса. Обращаясь к депутатам, он просил не создавать законотворческого и правового долготоя, в то же время исключить принятие декларативных и «декоративных» актов, не обеспеченных ни достаточными средствами, ни реальными механизмами их исполнения¹. В результате масштабных законодательных и организационных мероприятий, обеспеченных финансированием и механизмами исполнения, в 2000-х годах во внутренних направлениях деятельности государства наметилась положительная динамика². Если сопоставить исследуемый период с любым другим периодом нашей истории, то нельзя не признать, что сумма возможностей для реализации прав и свобод у граждан стала неизмеримо выше тех, что имели, например,

русские подданные во второй половине XIX века или советские граждане в XX веке³.

Однако ситуация с торговлей несовершеннолетними продолжала складываться угрожающе. В частности, о злободневности проблемы торговли несовершеннолетними для России говорилось в докладе Специального докладчика ООН по вопросу о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии Офелии Кальсетас-Сантос, посетившей в 2001 году в рамках рабочей поездки нашу страну⁴. В докладе Парламентской Ассамблеи Совета Европы, подготовленном спустя несколько лет – в 2005 году, сообщалось, что торговля людьми на территории России распространена повсеместно.

1 См.: Выступление исполняющего обязанности Президента Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина. Государственная Дума: стеногр. заседание, 2000 г.: весен. сес. Т. 1 (81): 18 января – 25 февраля 2000 г., 2000. С. 22-23.

2 См.: Третий периодический доклад о реализации Российской Федерацией Конвенции ООН о правах ребенка (1998–2002 гг.) / Информационный центр ООН. 2002. С. 5-6.

3 См. подробнее: Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2013 г. С. 167-168. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/appeals/doclad2013.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

4 Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии. Добавление: Поездка в Российскую Федерацию. М.: Информационный центр ООН, 2001. С. 9.

Коррупция среди должностных лиц способствует этому преступлению⁵.

В этой связи надо отметить, в начале 2000-х годов часть российских детей вообще не посещала школы или любую другую образовательную организацию. Министерство образования Российской Федерации совместно с МВД России и региональными властями провели учет количества детей, которые должны были обучаться, но не обучались. По состоянию на 1 сентября 1999 года ими было официально выявлено 40 749 российских детей в возрасте 7-15 лет, которые нигде не обучались⁶. Эта ситуация, конечно, негативно сказывалась на безопасности несовершеннолетних. Как справедливо отмечают зарубежные исследователи, образовательное вмешательство, повышая осведомленность детей, снижает риск их эксплуатации, в том числе сексуальной [7]. С другой стороны, право на образование, в том числе высшее, снижает уровень преступности в целом, поскольку позволяет молодым людям избежать безделья, провоцирующего преступность [1, 8].

В данный период продолжают активно приниматься нормативные правовые акты, направленные на улучшение качества жизни населения, поддержку материнства и детства, обеспечение безопасности несовершеннолетних и т. д., которые, безусловно, явились частью деятельности по предупреждению торговли несовершеннолетними.

Так, согласно официальным данным, в стране ежегодно наблюдался рост детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (1997 г. – 596,8 тыс.; 1998 г. – 620,1 тыс.; 1999 г. – 638,2 тыс.; 2000 г. – 662,8 тыс.; 2001 г. – 685,2 тыс.)⁷. Обоснованно, одним из основных направлений Российского государства стала борьба с безнадзорностью и беспризорностью. Важным в этом направлении явился ряд федеральных законов⁸, а инструментами реализации намеченной политики – 10 федеральных целевых программ по улучшению положения детей на 2001–2002 годы, которые не только были профинансированы полностью, но и получили дополнительные средства⁹.

В 2001 году был принят Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, который усилил санкции к родителям за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. Важно, что в национальное законодательство была введена норма, предусматривающая ответственность за получение дохода от занятия проституцией другим лицом, что явилось одним из элементов противодействия вовлечению несовершеннолетних в занятие проституцией и торгов-

ле ими¹⁰. Кроме того, Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 58-ФЗ в Кодекс впервые была введена административная ответственность за создание юридическим лицом условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей и изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов¹¹.

В свою очередь, новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый в том же году, установил ряд процессуальных гарантий для несовершеннолетних в соответствии с международными стандартами и нормами ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних¹². Немаловажное значение для решения вопросов противодействия торговле несовершеннолетними имел Трудовой кодекс Российской Федерации, принятый также в 2001 году¹³, который, как справедливо отмечено в научной литературе, хоть и произвел некоторые положения прежних трудовых кодексов, но в то же время наполнил их новым содержанием, с учетом произошедших в обществе перемен [9, с. 167].

Вместе с тем, как указывали ученые, в законодательстве начала 2000-х годов имелись общие недостатки, среди которых: отсутствие четкого разграничения полномочий между федеральным и региональным уровнями власти, а также работоспособного механизма взаимодействия между уровнями власти; противоречивость и неясность законодательной базы [4, с. 6]. Е. В. Марковичева ситуацию в области правового обеспечения прав несовершеннолетних в этот период характеризовала как сложную и противоречивую из-за крайне негативных реалий (экономическая нестабильность, коррупция, политический экстремизм, правой нигилизм), поэтому, по ее мнению, невзирая на серьезную работу по модернизации внутреннего законодательства в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, многие нормы внутрисударственного законодательства носили исключительно декларативный характер [5]. Спустя несколько лет законодательство в интересах детей и семьи уже было подкреплено существенной финансовой и кадровой поддержкой¹⁴.

В рамках очередного этапа социально-экономического развития страны в интересах несовершеннолетних 1 июня 2012 года был утвержден Указ Президента Российской Федерации, в котором подчеркивалось, что незащищенность детей от противоправного контента в сети Интернет усугубила проблемы, связанные с торговлей детьми, детской порногра-

5 Доклад Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Выполнение обязанностей и обязательств Российской Федерации» (док. 10568): подготовлен Комитетом по выполнению обязанностей и обязательств государствами-членами Совета Европы и опубликован 20 июня 2005 года. 113 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/8ADB~1/AppData/Local/Temp/7zOC0157549/Doklad_monitir_komiteta_CoE_2005.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

6 Информация Министра образования Российской Федерации В.М. Филиппова и его ответы на вопросы депутатов. Государственная Дума: стеногр. заседания, 2001 г.: осен. сес. Т. 25 (105): 19 декабря – 27 декабря 2001 г., 2004. С. 550–551.

7 Аналитический вестник / учредитель Совет Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации, Аналит. упр. № 3: Права детей в Российской Федерации: законодательство и практика, 2003. С. 121.

8 Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон РФ от 24.06.1999 № 120-ФЗ; О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон РФ от 16.04.2001 № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Аналитический вестник / учредитель Совет Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации, Аналит. упр. № 3: Права детей в Российской Федерации: законодательство и практика, 2003. С. 64–65.

10 Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?dt=20011230&num=195-ФЗ> (дата обращения: 15.12.2020).

11 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 58-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 См. подробнее: Аналитический вестник / учредитель Совет Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации, Аналит. упр. № 3: Права детей в Российской Федерации: законодательство и практика, 2003. С. 60–61.

13 См.: Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?dt=20011230&num=197-ФЗ> (дата обращения: 15.12.2020).

14 О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон РФ от 29.12.2006 № 256-ФЗ; Об опеке и попечительстве: федеральный закон РФ от 24.04.2008 № 48-ФЗ; Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ; Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

фией и проституцией¹⁵. В связи с этим 1 сентября 2012 года вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ, регулирующий отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в том числе от информации, содержащейся в информационной продукции¹⁶. Надо сказать, в настоящее время вопросы защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, не утратили своей остроты. Согласно данным, опубликованным Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, количество обращений по этому вопросу ежегодно увеличивается. Так, в 2020 году, по сравнению с 2019 годом, их стало больше на 80,4 %. Чаще население страны обращается по вопросам нарушения законодательства о персональных данных, о рекламе, зрелищных мероприятиях, запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и др.¹⁷

К примеру, в 2013 году все мировые СМИ писали о массовых случаях торговли несовершеннолетними в целях сексуальной эксплуатации. Под видом компании «Азов Филмз», зарегистрированной в Канаде, длительное время действовала международная преступная группа, занимавшаяся детской порнографией. Снятые ими порнографические материалы распространялись более чем в 90 странах, в том числе в России. Всего в ходе расследования, которое длилось три года, по всему миру были арестованы 348 человек. Из сексуальной эксплуатации удалось спасти почти 400 детей в возрасте от 5 до 12 лет¹⁸.

Итак, по завершении мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы был принят ряд важнейших законодательных актов в интересах детей; созданы новые государственные и общественные институты: учреждена должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, в ряде субъектов Российской Федерации создан институт уполномоченного по правам ребенка, учрежден Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; приняты новые меры социальной поддержки семей с детьми и др. Впервые в России проведена общенациональная информационная кампания, направленная на противодействие жестокому обращению с детьми, введен в практику единый номер телефона доверия. Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 период с 2018 по 2027 год объявлен Десятилетием детства в Российской Федерации¹⁹.

Стратегией национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683, торговля людьми была признана угрозой

государственной и общественной безопасности²⁰. Проблема детства нашла свое отражение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года и Концепции демографической политики России на период до 2025 года. Инструментом практического решения многих вопросов в сфере детства стала реализация приоритетных национальных проектов «Здоровье» и «Образование», федеральных целевых программ и др.

Рассматривая проблему торговли несовершеннолетними, нельзя обойти стороной миграционное законодательство. В настоящее время вопросы миграции регулируют более 240 нормативных правовых актов, по мнению некоторых ученых, это требует разработки миграционного кодекса [3, С. 29-30]. Именно среди мигрантов много жертв торговли людьми всех возрастов²¹. Важность решения проблемы миграции обусловила образование 10 февраля 2022 года Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики²². Надо указать, что согласованный интерес к торговле рабочей силой у мирового сообщества возник сравнительно недавно, что свидетельствует о незрелости научно-исследовательской базы по проблеме торговли рабочей силой в Европе²³.

Серьезная работа по противодействию торговле несовершеннолетними проводилась и в части совершенствования уголовного законодательства. Российская Федерация 12 декабря 2000 года подписала Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принят в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН), 26 апреля 2004 года ратифицировала его. В декабре 2003 года в уголовное законодательство России были внесены поправки, изменившие законодательный подход к определению преступности и наказуемости торговли людьми всех возрастов и использования рабского труда. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ из Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. была исключена статья 152 «Торговля несовершеннолетними» и введена новая статья 127.1 «Торговля людьми». Торговля в отношении заведомо несовершеннолетнего была включена в качестве квалифицирующего признака в указанную статью (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ)²⁴. В результате нововведений уголовная норма стала

20 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения: 14.04.2021).

22 О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики: указ Президента РФ от 10.02.2022 № 48. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202100046?index=4&angleSize=1> (дата обращения: 18.03.2022).

23 См. подробнее: Cockbain E., Bowers K. & Dimitrova G. Торговля людьми в целях трудовой эксплуатации: результаты двухэтапного систематического обзора, отражающего европейскую доказательную базу и синтезирующего ключевые данные научных исследований // J Exp Criminol 14, 319–360 (2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s11292-017-9321-3> (дата обращения: 12.12.2020).

24 Путь и запоздалым, но верным решением законодателя в 2012 году стала редакция пункта «б» части 2 статьи 127.1 УК РФ 1996 года Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ: из обозначенного пункта было исключено слово «заведомо». После чего уголовной ответственности стали подлежать лица за совершение указанных выше деяний уже в отношении непосредственно несовершеннолетнего.

15 См.: О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16 См.: О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102144583&rdk=> (дата обращения: 15.12.2020).

17 Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2020 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2021/gpGytqWUzgRM6oW2NT9j.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itv.ru/news/2013-11-15/53887-politsiya_kanady_likvidirovala_prestupnyuy_set_zanimavshuyusya_detskoj_pornografiej (дата обращения: 14.03.2020).

19 Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

защищать не только несовершеннолетних, но и взрослых людей²⁵.

Спустя несколько лет Федеральный закон от 25 ноября 2008 года № 218-ФЗ скорректировал определение термина «торговля людьми». В новой редакции статьи 127.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года под торговлей людьми стала пониматься купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение²⁶. Это определение указано и в действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. Мы разделяем мнение тех юристов, которые считают, что действующее определение торговли людьми на сегодняшний день можно считать наиболее полным [2, с. 12-13].

Необходимо отметить, что большое значение в совершенствовании законодательства, направленного на противодействие торговле людьми, в том числе несовершеннолетними, имела деятельность Межведомственной рабочей группы по противодействию торговле людьми, созданной в 2002 году при Комитете Государственной Думы Федерального Собрания. Рабочей группой также был проведен серьезный анализ зарубежного опыта в противодействии торговле людьми в целях выработки эффективных национальных методов противодействия. Как указывала Е.Б. Мизулина, история создания и деятельности этой группы является частью истории создания российского законодательства, направленного на борьбу с торговлей людьми [6, с. 130]. Сегодня важная роль в противодействии торговле несовершеннолетними отведена деятельности законодательных органов субъектов Российской Федерации в части подготовки законодательных инициатив по совершенствованию правового регулирования вопросов материнства, детства и др.

25 декабря 2018 года Президент Российской Федерации В. В. Путин в ежегодном обращении положительно отзывался об осуществленной в России за четверть века законодательной деятельности, в результате которой было принято более восьми тысяч законов²⁷.

В настоящее время работа по совершенствованию законодательной базы продолжается путем принятия новых законов или внесения изменений и дополнений в уже существующие, которые также положительно влияют на решение проблемы торговли несовершеннолетними.

Сегодня новый импульс развития получила государственная поддержка семей с детьми в части содействия в приобретении или строительстве жилья, улучшения жилищных условий, денежных выплат, а также социальная поддержка многодетных и малообеспеченных семей и др. Нельзя не отметить внесенные в 2020 году изменения в Конституцию Российской Федерации 1993 года, закрепившие базовые ценности российского общества, приоритет семьи и детства, а также традиционных семейных ценностей²⁸.

В завершение отметим, что в рассмотренный период наблюдается новый вектор развития российского законодательства в сфере противодействия торговле несовершеннолетними. В результате комплексного подхода к проблеме со стороны государства, который выразился в совершенствовании законодательства, посвященного обеспечению прав не-

совершеннолетних и непосредственно борьбе с торговлей несовершеннолетними, приведении его к международным стандартам, а также в модернизации организационно-правового механизма противодействия, сегодня торговля несовершеннолетними не несет угрожающего характера.

Пристатейный библиографический список

1. Cockbain E., Bowers K. & Dimitrova G. Торговля людьми в целях трудовой эксплуатации: результаты двухэтапного систематического обзора, отражающего европейскую доказательную базу и синтезирующего ключевые данные научных исследований // *J Exp Criminol* 14, 319–360 (2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s11292-017-9321-3>.
2. Глотов С. А., Сальников С. В. Противодействие торговле людьми: правовое регулирование, зарубежная и отечественная практика. М.: Международный юридический институт, 2009. 231 с.
3. Карпович О. Г. Управление миграционными процессами в США и России: сравнительный анализ. М., 2015. 194 с.
4. Климантова Г. И., Федотовская Т. А. Основные проблемы совершенствования законодательной базы государственной политики защиты детства в Российской Федерации // *Аналитический вестник / учредитель Совет Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации, Аналит. упр. № 3: Права детей в Российской Федерации: законодательство и практика*, 2003. С. 6-14.
5. Марковичева Е. В. Правовое обеспечение прав несовершеннолетних в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2003. 201 с.
6. Мизулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект: монография. М.: Юристъ, 2006. 591 с.
7. Саманта Уэстон, Гейб Митен. Работа с «риском» и ведение переговоров: изучение последствий Мероприятий по повышению осведомленности, направленных на предотвращение сексуальной эксплуатации детей // *Британский журнал криминологии*. Том 60. № 2. Март. 2020 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/bjc/azz045> (дата обращения: 13.07.2021).
8. Martin Nordin. Does Eligibility for Tertiary Education Affect Crime Rates? Quasi-Experimental Evidence // *J Quant Criminol* (2018). 34. 805-829. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10940-017-9355-8> (дата обращения: 13.07.2021).
9. Скачкова Г. С. Трудовой договор в России: от Кодекса законов о труде 1918 г. до трудового Кодекса 2001 г. // *Труды Института государства и права РАН*. 2017. № 2 (60). С. 145-173.

25 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 08.12.2003 № 162-ФЗ // *Российская газета*. 2003. 16 дек. № 252.

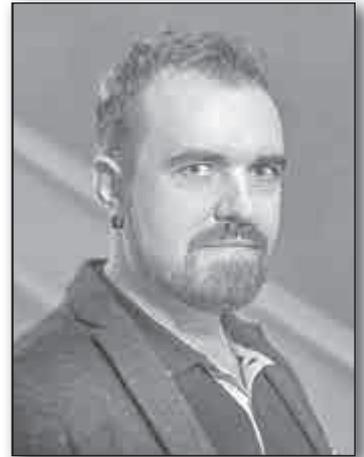
26 О внесении изменений в статью 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон РФ от 25.11.2008 № 218-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 01.12.2008. № 48. Ст. 5513.

27 *Вестник Совета Федерации*. 2019. № 1. С. 2.

28 О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Горбунов М. Д.

ОСНОВА ДИСКУРСА О МЕСТЕ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

В статье поднимается проблема неоднозначного понимания человеческой природы в правовой философии в контексте установок правового регулирования. Выделяется две группы теорий, принципиально по-разному отвечающих на данный вопрос. Первые теории позитивистского толка исходят из необходимости ограничения человеческих пороков с помощью принудительного правопорядка. Вторые теории провозглашают приоритет человека и презюмируют, что право должно обеспечивать естественное стремление к благу.

Ключевые слова: правовой позитивизм, естественное право, гуманизм, нормативная система, философия права.

GORBUNOV Maxim Dmitrievich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University

THE BASIS OF THE DISCOURSE ABOUT THE PLACE OF THE HUMAN IN LEGAL REGULATION

The article raises the problem of an ambiguous understanding of human nature in legal philosophy in the context of legal regulation. There are two groups of theories that answer this question in fundamentally different ways. The first positivist theories are based on the need to limit human vices with the help of compulsory law and order. The second theories proclaim the priority of man and presume that law should ensure the natural desire for good.

Keywords: legal positivism, natural law, humanism, normative system, philosophy of law.

Правовые теории по-разному оценивают содержание приоритетов в цели правового регулирования. Дискурс о человеческой природе и том, как нормативная правовая система должна на нее реагировать с негативной или позитивной стороны сформировался еще в античную эпоху и наибольшее свое проявление приобрел в период Нового времени. До сих пор мировая правовая наука связана данной дискуссией, которая включает себя ряд фундаментальных вопросов о приоритете прав и свобод человека, императивности и диспозитивности права, либерализме и примате государственной воли в нормативной системе. Дело в том, что в одних теориях правопонимания происходит концентрация на принудительном аспекте и необходимости установления четкой системы санкции и механизмов охраны правопорядка, а в других на правоустановительном аспекте обеспечения гражданских прав и свобод. В целом концептуальное противоборство между двумя типами теорий во многом является составляющей противоречий между позитивистскими и юснатуралистскими подходами, формальной и аксиологически направленной юриспруденцией

К первым теориям можно отнести, в частности, концепцию И. Бентама. Бентам указывает, что «природа поставила человечество во власть двух суверенных хозяев – боли и удовольствия. Только они могут указывать на то, что мы должны и будем делать. С одной стороны, они есть мерило правильного и неправильного, с другой - цепь причин и следствий, привязанных к своему престолу. Они управляют нами и каждое усилие чтобы отбросить наше подчинение им, будет служить лишь демонстрации и подтверждению его» [7, p. 12]. При этом Бентам указывает, что человек далеко не всегда способен установить баланс собственных интересов для стремления благу, которое должно быть всегда частью блага всеобщего. Потому Бентам определяет, что люди всегда нуждаются в наставлении и нравственном воспитании для пони-

мания объективных интересов [8, p. 161]. И в этом процессе ключевую роль имеет государство.

Д. Остин усилил эту установку, указав, что право – это ничто иное как императив – приказ официальной власти, обеспеченный формальным принуждением, безотносительно требований «человеческого разума» и ультимативной человеческой свободы. В данном контексте философ разделяет все правовые нормы на «законы в собственном смысле слова», то есть обязывающие законы и «несовершенные законы», в их которых отменяющие и управомочивающие законы [6, p. 36]. Таким образом право человека и сфера его доброй воли кажется Остину необходимо скованной путами принудительного закона, обеспечивающего столь необходимый правопорядок. Даже в более современных теориях позитивистского направления чувствуется сопротивление в отношении безусловного принятия человекоцентричной установки в правовом регулировании, приоритете его интересов над государственной волей.

Ко вторым теориям можно отнести традиционно естественные-правовые концепции, которые в рамках тезиса об общественном договоре с одной стороны устанавливали необходимость в подтверждении общественного согласия и обеспечение прав человека со стороны государства, с другой стороны видели в принуждении произвол и ограничение человеческой воли, его разумного благостного начала.

Здесь довольно примечательными кажутся рассуждения Дж. Локка: «поскольку все люди от природы разумны, а между этим законом и разумной природой существует взаимосвязь, познаваемая благодаря светочу природы, то все наделенные разумной природой, то есть все вообще люди, где бы они ни жили, необходимо связаны этим законом. Поэтому, если естественный закон обязывает хотя бы некоторых людей, то необходимо, чтобы он с совершенно тем же правом обязывал всех... Ведь закон этот зависит не от изменчивой и непостоянной воли, но от вечного порядка вещей... Бог не

смог создать человека иным, но потому, что раз уж он создан именно таким, наделен разумом и другими способностями, рожден для того, чтобы жить в условиях этой жизни, то из его природной конституции неизбежно следуют некоторые определенные его обязанности, которые не могут быть иными. Ибо, как мне кажется, из природы человека, если он человек, обязанность любить и почитать Бога и исполнять прочие требования разумной природы, то есть соблюдать закон природы, следует с такой же необходимостью, как из природы треугольника, если это треугольник, следует, что три его угла равны двум прямым, хотя, быть может, есть весьма немало людей, до такой степени невежественных и нелюбопытных, что они не задумываются над этим и не имеют представления об этих истинах... Поэтому никто не может сомневаться, что этот закон (естественный закон) обязывает всех людей до единого» [3, с. 40-47].

Связь идеи естественного закона, человеческой природы и зависимости от нее действующего права раскрывается Ш. Монтескье через понятия «общего духа» и «образа правления» [2, с. 197-212]. Философ утверждает, что «многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» [5, с. 163] и потому «необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или уставляемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов. Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ... образу жизни ее народов, ... степени свободы, допускаемой устройством государства, ... нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются» [5, с. 265].

Отношения государственного управления и создаваемых законов всегда связаны с этими условиями и образуют «дух законов» [2, 197-212]: «у каждой нации существует общий дух, на котором основана и сама власть; когда она хочет оскорбить этот дух, она наталкивается на самое себя и неизбежно останавливается» [1, с. 53-61]. При этом приоритет Монтескье отдает не законам страны, а обычаям и нравам народа, которые являются приоритетными при установлении всякой государственной нормы. Отсюда человеческое кажется идеальным и благостным. В конечном счете философ резюмирует: «нравы и обычаи суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их...» [5, с. 266] и «нравы более зависят от общего духа» [4, с. 264]. По итогу «законодатель должен сообразовываться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением» [1, с. 53-61].

В свою очередь нельзя не отметить довольно специфичные взгляды Гоббса, который в своей философии видел целью «показать человеческим глазам взаимные отношения между защитой и послушанием, из которых состояние человеческой природы и божественных законов (как естественных, так и позитивных) требует нерушимого наблюдения» [10, р. 483-492], которое осуществляется государством. Если для большинства представителей юснатурализма состояние человеческого общества скорее благостное, то в понимании Гоббса это состояние хаоса, от которого человека может спасти только суверен [11, р. 207]. Впрочем, довольно показательным, что в родной для автора британской правовой традиции его взгляды называют протопозитивистскими [9, р. 163-187].

Для отечественной правовой доктрины такие представления кажутся излишне идеалистичными. Метафизическая декларация благостности и нравственности человеческой природы является главным укором такого подхода к нормативному регулированию, избавиться от которого не смогла и

школа возрожденного естественного права, а также актуальные антипозитивистские концепции. Причем подобная критика не является исключительно спецификой отечественной доктрины.

Представляется возможным заключить, что человечество в целом рационально, что обусловлено базовой потребностью выжить, отсюда и потребность к социализации и согласованию из интересов, понимания индивидами взаимной ответственности друг перед другом для сохранения системы социального общения. С другой стороны, та же потребность в выживании может стимулировать излишние индивидуалистические установки на обладание благ, конкуренции и конфликтов, которые могут пагубно сказаться на достижении всеобщего интереса. Также в любом сообществе есть маргиналы и неравенство, что ведёт к деформации отношений. Это безусловно необходимо обеспечивать системой охранительных норм и силой принуждения для восстановления прежнего баланса состояния общества. Нахождение баланса между данными антагонистическими установками о месте человека в правовом регулировании и приоритетах правового воздействия на него, сформулированных в классических правовых концепциях, является важной задачей уже для современной правовой науки.

Пристатейный библиографический список

1. Воронцов Е. А. Концепция политической свободы Шарля Луи Монтескье // Человек. Общество. Инклюзия. – 2017. – № 2 (30). – С. 53-61.
2. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Идеи Ш. Монтескье «о духе народа» и «образе правления» и их влияние на современный российский консерватизм // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – № 4-2. – С. 197-212.
3. Локк Дж. Сочинения в 3 т.: Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
4. Монтескье Ш. Избранные произведения о духе законов / Ш. Монтескье; пер. с фр. А. Г. Горнфельда. – М.: Госполитиздат, 1955. – 274 с.
5. Монтескье Ш. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
6. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / Ed. Rumble W. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 344 p.
7. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation / Eds. Burns J. H., Hart H. L. A. – Oxford: Clarendon Press, 1970. – 343 p.
8. Bentham J. The Works of Jeremy Bentham. Vol. I. – Edinburgh: W. Tait; Simpkin & Marshall, 1838. – 303 p.
9. Dyzenhaus D. Consent, Legitimacy and the Foundation of Political and Legal Authority / Webber J., Macleod C. // Between Consenting Peoples: Political Communities and the Meaning of Consent. – Vancouver: UBC Press, 2010. – P. 163-187.
10. Hobbes T. Leviathan / Ed. Tuck. R. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 618 p.
11. Skinner Q. Hobbes and the Purely Artificial Person of the State // Visions of Politics: Volume III: Hobbes and Civil Science. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 177-208.

ГИНДУЛЛИН Наиль Фанильевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

КАДЫРОВА Гузель Фанильевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» И «НАКАЗАНИЕ» В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В статье рассматриваются различные подходы в понимании дефиниций «ответственность» и «наказание». Показано, что предложенные концепции не исключают друг друга, не всегда противоречат друг другу, скорее, они дополняют друг друга и отражают различные грани самого феномена юридической ответственности. Автором также затрагивается вопрос о соотношении двух видах юридической ответственности: позитивной и ретроспективной.

Ключевые слова: ответственность, наказание, мера принуждения, санкция, правоотношение.

GINDULLIN Nail Faniljevich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

KADYROVA Guzel Faniljevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF "RESPONSIBILITY" AND "PUNISHMENT" IN JURISPRUDENCE

The article discusses different approaches to understanding the definitions of "responsibility" and "punishment". It is shown that the proposed concepts are not mutually exclusive and do not always contradict each other; rather, they complement each other and reflect different facets of the phenomenon of legal liability itself. The author also touches on the issue of the relationship between two types of legal liability: positive and retrospective.

Keywords: responsibility, punishment, coercion, sanction, legal relationship.

Итальянский мыслитель и правовед Ч. Бекарриа, чьи труды до сих пор актуальны, а идеи реализуются в современном мире, исследовал проблему наказаний в конце XVII в. Он рассматривал наказание как чувственное побуждение, установленное против нарушителей закона [1, с. 89].

В современной юридической науке наказание рассматривается как реакция государства на совершенное правонарушение, как мера ответственности за правонарушение, как санкция за совершенное правонарушение, как кара, т. е. причинение виновному в совершении правонарушения определенных страданий, лишений, как вид государственного принуждения или принудительная мера государственного воздействия. Иначе говоря, однозначного подхода в понимании наказания не существует.

В Уголовном кодексе РФ наказание рассматривается как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, предусматривающая лишение или ограничение прав и свобод виновного лица. Целями наказания являются восстановления социальной справедливости, исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений. Административный кодекс РФ рассматривает административное наказание как установленную государством меру ответственности за совершение административного правонарушения. Целью административного наказания является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Таким образом, ближе всего к определению наказания – это мера ответственности, установленная в санкции нормы права.

В правовой науке нет единства и в трактовке юридической ответственности.

Различными учеными юридическая ответственность понимается как:

- мера государственного принуждения;
- наказание;
- реализация санкции;
- реакция общества на правонарушение;
- обязанность претерпевать неблагоприятные последствия;
- обязанность, принудительно исполняемая;
- обязанность дать отчет; оценка (осуждение);
- правоотношение.

Эти концепции не исключают друг друга, не всегда противоречат друг другу, скорее, они дополняют друг друга и отражают различные грани самого феномена юридической ответственности.

Преобладающей в мировой и российской юриспруденции является концепция негативной, или ретроспективной ответственности. Ряд отечественных ученых-юристов признают только этот вид юридической ответственности. К ним относятся: С. Н. Братусь, Д. Н. Бахрах, В. И. Иванов, Н. С. Малеин, И. А. Петрухин, А. А. Пионтковский, И. С. Самощенко, А. И. Санталов, М. Х. Фарукшин, Я. Н. Шевченко и др. Сторон-

ники этой концепции рассматривают, как правило, ответственность как реакцию государства на правонарушение, как государственное принуждение к соблюдению норм права. Правонарушитель подвергается осуждению претерпеванию соответствующих отрицательных последствий.

Понятию юридической ответственности большое внимание уделяла и отечественная юридическая наука. Наиболее признанными правоведами, изучавшими феномен юридической ответственности в советской юриспруденции с 60-х гг. XX века, можно назвать Р. О. Халфину, П. Е. Недбайло, Б. Л. Назарова, И. И. Лукашука и др.

Р. О. Халфина считала, что в юридической науке понятие ответственности «применяется для обозначения отрицательных последствий для лица или организации, допустивших противоправный поступок» [2, с. 59]. Поэтому ответственность «может быть только ретроспективной» [2, с. 61].

Другая группа исследователей рассматривает юридическую ответственность как охранительное правоотношение, как специфическую юридическую обязанность, как реализацию санкций правовых норм и т. д. [3, с. 187].

Концепция позитивной ответственности возникла в СССР в конце шестидесятых начале семидесятых годов двадцатого века, при чем первоначально как философская идея [4, с. 68]. Среди современных авторов, сторонников теории позитивной ответственности, можно назвать В. Н. Кудрявцева, О. Э. Лейста, Н. И. Матузова, Б. Л. Назарова, П. Е. Недбайло, В. В. Оксамытна, М. С. Строгович и др.

Р. Косолапов и В. Марков, исходя из идеологемы формирования советского человека с его возрастающим социалистическим правосознанием, пришли к мысли, что в условиях движения общества к коммунистическому идеалу, где регулятором общественных отношений должна стать мораль, активная и правомерная позиция субъекта права станет нормой жизни, а значит, появление новых общественных отношений при социализме выдвигает на передний план позитивное содержание ответственности. Одна из существенных сторон ответственности состоит в свойстве стимулирования активного и позитивное поведение субъекта права, она же формирует у субъекта внутренние регуляторы как наиболее действенные гарантии общественного поведения [4, с. 69-70].

Одним из первых теорию позитивной ответственности начал разрабатывать П. Е. Недбайло [5, с. 50]. Полагая, что центральным, структурообразующим элементом правовой нормы является диспозиция, а не санкция, ученый утверждал, что юридическая ответственность – это, прежде всего, обязанность действовать правомерно. Главный вид ответственности, по его мнению, – «позитивная ответственность, «социальный смысл которой состоит в деятельности, соответствующей объективным требованиям данной ситуации и объективно обусловленным идеалам времени». В содержание «позитивной» ответственности входит самостоятельная и инициативная деятельность «в рамках правовых норм и тех идеалов, для достижения которых нормы изданы» [5, с. 51]. К нему присоединился Б. Л. Назаров, который рассматривал позитивную ответственность как «обязанность осуществления предусмотренной нормами права полезной для общества деятельности» [6, с. 77].

Такой подход, с точки зрения И. И. Лукашук «представляется несколько ограниченным, так как сводит позитивную ответственность к обязанности добросовестного выполнения предписаний права. Это минимальное требование включает и обязанность осуществлять свои права таким образом, чтобы не нарушались права других субъектов [7, с. 231]».

Остается еще один существенный вопрос, как соотносить эти два вида ответственности. И в этом вопросе нет единства мнений. Часть авторов полагают, что нецелесообразно разделять юридическую ответственность на позитивную и ретроспективную. Это стороны одной и той же целостной структуры. Если выделять в отдельную категорию позитивную ответственность, считают они, то последняя, будучи неподкрепленной, превратится в пустую декларацию.

Та часть ученых, которые поддерживают вторую точку зрения, они считают, что речь идет о двух различных видах ответственности. По мнению О. Э. Лейста, попытка объединить их единым понятием ведет к тому, что «качество позитивной ответственности переносятся на юридическую ответственность за правонарушения (и наоборот)» [7, с. 233].

Пристатейный библиографический список

1. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа; Сост. и предисл. В. С. Овчинский; Пер. с ит. М. М. Исаева. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 89.
2. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., Юридическая литература, 1974, 348 с.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004. 512 с.
4. Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность. М.: Политиздат, 1969. С. 68.
5. Недбайло П. Е Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 50.
6. Назаров. Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М.: Юридическая литература, 1976. 312 с
7. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-86-88

ПЕТРОГРАДСКАЯ Альбина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета

СКВОРЦОВ Дмитрий Сергеевич

аспирант 2 курса Самарского государственного экономического университета

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН КАК ПРИОРИТЕТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье представлен краткий анализ сущности такой научной категории, как «правовая культура». Для понимания сущности данного понятия автор осуществляет анализ основных функций правовой культуры. Также в статье рассмотрена проблема правового нигилизма в РФ.

Ключевые слова: правовая культура, правовая политика, правовое воспитание, правосознание, гражданское общество, функции правовой культуры, правовой нигилизм.

PETROGRADSKAYA Albina Alexandrovna

Ph.D. in law, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty of the Samara State University of Economics

SKVORTSOV Dmitriy Sergeevich

postgraduate student of the 2nd course of the Samara State University of Economics

FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF CITIZENS AS A PRIORITY OF THE LEGAL POLICY OF MODERN RUSSIA

The article presents a brief analysis of the essence of such a scientific category as “legal culture”. To understand the essence of this concept, the author analyzes the main functions of legal culture. The article also examines the problem of legal nihilism in the Russian Federation.

Keywords: legal culture, legal policy, legal education, legal awareness, civil society, functions of legal culture, legal nihilism.

Социально-экономические, политические, научно-технические и духовные изменения в жизни России, активное вхождение нашей страны в мировой рынок и другие процессы глобализации требуют от граждан высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов. В этих условиях предпочтительным становится проблема формирования правовой культуры личности. Без сформированной правовой культуры невозможно построение и развитие гражданского общества.

Таким образом, объектом данного исследования является правовая культура и особенности её формирования в рамках правовой политики государства.

Если говорить о правовой культуре как научной категории, то можно заметить, что исследователи данного понятия предлагали множество его определений, выделяли ряд его разновидностей: от правовой культуры личности, общества, до правовой культуры должностных лиц и т.д. В целом следует заметить, что к единому мнению ученые, изучавшие правовую культуру, так и не пришли. В то же время мнения сторонников того или иного подхода к изучению данной научной категории все же сводятся к единству фундаментальных положений правовой культуры: право, правосознание, правовое поведение, правовое воспитание.

Вообще история определения правовой культуры складывалась следующим образом: вплоть до конца прошлого века в российской науке отсутствовало определение «правовая культура» как комплексное понятие, оно было напол-

нено абсолютно прикладным, а не духовным, социальным, философским смыслом. Например, исследователи 90-х годов прошлого века считали, что «подлинная» правовая культура уже самостоятельно сформировалась в нашем обществе при социализме, а значит, в цивилизованной правовой системе. Что касается западных правоведов, исследовавших анализируемое в рамках данной статьи понятие, там основы правовой культуры закладывались в гражданском воспитании и только потом в жизни общества. Данные факты влияли на подходы в изучении правовой культуры.

В настоящее время исследованием понятия «правовая культура» занимаются не только правоведы, но и педагоги, философы, социологи. Довольно часто для определения данного понятия используют категорию «ценность», предполагая, что именно ценности являются основой правовой культуры, её ядром. Например, В. Н. Карташов считает, что правовая культура является «совокупностью юридических ценностей» [3, с. 8]. А С. С. Алексеев полагает, что при определении правовой культуры следует исходить из субъективного фактора, так как для неё огромное значение имеют личностные, психологические свойства конкретного человека, его поступки, наличие или отсутствие правового поведения [1, с. 21]. Г. И. Балюк же считает, что при определении правовой культуры следует исходить из того, наличествуют ли у индивида правовые знания, умения, правомерно ли его поведение, уважает ли он закон и т.д. [2, с. 9]. Все это в итоге дает возможность сделать вывод о том, сформирована или не сформирована у конкретного гражданина правовая культура.

Таким образом, к настоящему времени в юридической науке сложилось множество подходов к понятию «правовая культура».

По нашему мнению, для того, чтобы дать максимально точное определение анализируемой категории, следует обратить внимание на её функции. В целом в науке сейчас сложилось мнение, что основными функциями правовой культуры являются:

1. Регулятивная. Исходя из названия понятно, что речь идет о том, что правовая культура регулирует общественные отношения. Важно понимать, что правовая культура занимает свое конкретное место в правовом регулировании. Безусловно, показателем сформированности правовой культуры у индивида является наличие у него знаний о праве, а также умения эти знания применять на практике. То есть недостаточно знать нормы права, важно уметь претворять их в жизнь, основываясь при этом на убеждении в их справедливости, невозможности противоправного поведения. Показателем сформированной правовой культуры гражданина будет его социально-правовая активность, под которой понимается, что он не только по собственному убеждению придерживается законопослушного поведения, но и знает, как защитить свои права и законные интересы, куда следует обращаться в случае нарушения данных прав и интересов. Таким образом, правовая культура регулирует поведение человека.

2. Гуманистическая функция. Суть данной функции правовой культуры заключается в том, что существующие нормы права нацелены, в первую очередь, на неукоснительное соблюдение прав, свобод и законных интересов каждого гражданина, на уважение его чести и достоинства. Все это является неотъемлемым условием развития истинно правового, демократического государства. То есть каждый гражданин не только должен знать свои права и требовать их соблюдения, но и уважительно относиться к правам других граждан, соблюдать их.

3. Функция исторической преемственности. Исходя из названия данной функции правовой культуры понятно, что речь идет о том, что система ценностей, принципов, традиций, как правило, формируется в течение длительного времени, имеет исторический характер. Безусловно, под влиянием тех или иных фактов, событий в любом государстве ценности, принципы, традиции могут меняться. Например, в древней Спарте жизнь человека не являлась безусловной ценностью, поэтому детей, которые рождались с различными пороками, заболеваниями, безжалостно убивали, и это считалось нормой. В настоящее время во всех правовых государствах мира жизнь человека является безусловной ценностью. Также в качестве примера можно привести современную ситуацию, при которой в ряде западных стран традиционный подход к семье меняется: если раньше речь шла о союзе мужчины и женщины, в результате которого рождались дети, то сейчас это может быть союз кого угодно с кем угодно: женщины с женщиной, мужчины с женщиной, людей с неодушевленными предметами и т.д.

Тем не менее, очевидно, что даже с учетом влияния тех или иных событий, исторических фактов, условий должно быть сформировано некое ядро ценностей, принципов, традиций, которые были бы неизменными, общепризнанными, вечными, и которые были бы так или иначе реализованы в способах и формах правовой жизнедеятельности. Если говорить о нашей стране, то в качестве примера такой традиции можно назвать ежегодное празднование 9 мая как дня победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Дан-

ная традиция претворяется в правовую действительность посредством норм, регулирующих вопросы предоставления ветеранам ВОВ различных льгот, пособий и т.д. Зная о том, что государство заботится о ветеранах, граждане более уважительно относятся к закону.

4. Гносеологическая (познавательная) функция. Сущность данной функции заключается в том, что индивид так или иначе стремится познать не только правовые нормы, но и самого себя, свое место в мире и государстве. И тут важно, чтобы это познание было истинным, поскольку только в таком случае оно будет составляющей правовой деятельности.

5. Коммуникативная функция. Сущность данной функции правовой культуры заключается в том, что государство регулярно информирует население о тех, или иных правовых нормах. В свою очередь граждане также информируют управомоченные органы о наличии тех или иных правонарушений, преступлений, или передают иную важную информацию. Таким образом осуществляется взаимный обмен правовой информацией. Сюда же относится и деятельность профессиональных юристов, которые консультируют граждан по правовым вопросам, оказывают им необходимую юридическую помощь. Кроме того, правовые вопросы, проблемы могут обсуждаться и между гражданами в процессе коммуникации. Например, граждане могут обмениваться информацией о том, какие законодательством РФ предусмотрены возможности защитить свои права и законные интересы, как и куда подать жалобу в случаях, когда данные права и интересы нарушены, и т.д. В целом коммуникативная функция правовой культуры является некоей платформой, в рамках которой осуществляется процесс «накопления, обновления и распространения правовой информации, тем самым создается эффективная система реализации прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и пользование определенной информацией» [5, с. 52]. Таким образом, в рамках реализации коммуникативной функции правовой культуры осуществляется взаимодействие граждан между собой и с государственными органами, профессиональными юристами в сфере права, правовых знаний.

6. Прогностическая функция. Как следует из наименования данной функции правовой культуры, здесь речь идет о прогнозах, под которыми понимается исследование существующей ситуации, явления, проблемы с целью выяснить, как они могут развиваться в будущем, к каким последствиям могут привести. То есть в результате прогнозирования должен быть установлен конечный результат, который будет иметь место в случае выполнения или невыполнения тех или иных действий. Прогнозирование играет важную роль в законотворческой деятельности, так как при грамотном его проведении законодатель будет иметь возможность оценить, каковы будут последствия принятия тех или иных нормативно-правовых актов, будут ли данные последствия положительными или же отрицательными. После составления прогноза, например, негативного, появляется возможность скорректировать данный правовой акт, разработать наилучшие варианты его реализации, адаптации к потребностям социального развития и т.д.

7. Воспитательная функция. Воспитание правовой культуры у граждан – важнейшая функция, предполагающая формирование не только знаний в сфере юриспруденции, то

и правовых мотивов, ценностных ориентиров. Очевидно, что данная функция связана с правовым воспитанием, цель которого – формирование правового поведения. Важно понимать, что правовое воспитание не есть получение юридического образования в специализированных образовательных учреждениях. Воспитательная функция правовой культуры шире, она «охватывает ту часть воздействия права, которая осуществляется не специально-юридическими, а общесоциальными, присущими всем надстрочным элементам приемами и средствами (правовое воспитание, правосознание, общие нравственные принципы права, не получившие еще закрепления в нормах позитивного права, профилактика правонарушений и т.д.)» [4, с. 348]. Важнейшей составляющей правового воспитания является формирование уважительного отношения к праву, понимание необходимости, целесообразности и справедливости правовых норм, правового поведения, недопустимости совершения правонарушений и преступлений.

Итак, по результатам анализа основных функций правовой культуры можно сформулировать определение данной научной категории. Правовая культура есть ценностно-нормативная система, которая ориентирована на верховенство права, идеалы гуманизма, правовые познания, в должной мере осознанные индивидом, и реализуемые им на практике на основе правовой убежденности в их необходимости, целесообразности и справедливости.

Формирование правовой культуры граждан является важнейшей составляющей правовой политики современного российского государства.

В настоящее время существует целый ряд организационных форм формирования правовой культуры. Это:

1. правовое обучение в образовательных учреждениях;
2. правовое просвещение через СМИ;
3. популяризация юридической практики;
4. правовое самообразование и самовоспитание.

Эффективность данных форм может быть разной, однако важно, чтобы в процессе формирования правовой культуры граждан были использованы все ресурсы государства.

Правовое воспитание граждан в целом заключается:

- в воспитании чувства ответственности за свое поведение;
- в формировании внутренней потребности граждан в защите законности и правопорядка.

Для того, чтобы понять, насколько успешно было осуществлено правовое воспитание, насколько сформирована у граждан правовая культура, следует ответить на следующий вопрос: что является основой и предпосылкой их поведения? Это сформированные правовые ценности, уважение к закону, правопорядку в обществе, правам и свободам других граждан, вера в необходимость, целесообразность и справедливость правовых норм? Или же гражданин не нарушает закон исключительно из боязни последствий? К сожалению, как показывает практика, уровень развития правовой культуры в России довольно низок. Граждане в большей своей массе не уважают закон, не верят в то, что государство защищает их, стремится сделать их жизнь лучше, оберегает их права и свободы. Здесь можно говорить о наличии такого явления в РФ, как правовой нигилизм.

Само понятие «нигилизм» означает отрицание общественных норм, ценностей. Соответственно, правовой ниги-

лизм – это негативное, отрицательное отношение к нормам права, непризнание необходимости правопорядка, правопослушного поведения, неверие в справедливость правовых норм. Причины правового нигилизма могут быть различными, в большинстве случаев это невежество, отсталость, отсутствие правового воспитания, правосознания и правовой культуры в целом.

В России правовой нигилизм в той или иной степени существовал всегда. Наиболее остро данное явление проявилось в 90-е годы XX века в период перестройки и после неё. Во многом это было обусловлено несовершенством в то время государственного аппарата РФ и всей системы государственного управления в целом; процветающие бюрократия и коррупция, нарушения прав и свобод человека способствовали росту правового нигилизма среди граждан. В настоящее время данное явление уже не так остро ощущается в обществе, однако о его полном искоренении говорить пока рано.

Безусловно, в настоящее время в рамках правовой политики государство делает многое для развития у своих граждан правовой культуры, правового воспитания, правосознания. Тем не менее, очевидно, что работа в данном направлении должна продолжаться, формы, способы и методы формирования правовой культуры граждан нуждаются в постоянном совершенствовании, развитии в соответствии с современными реалиями, политической и социально-экономической обстановкой в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2-х т. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т. 1. – 360 с.
2. Балюк Г. И. Взаимосвязь правовой культуры и социалистической демократии. – К.: Знание, 1984. – 221 с.
3. Карташов В. Н. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2008. – 200 с.
4. Левина С. В. Теоретические аспекты воспитательной функции права // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2010. – № 1. – С. 348.
5. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета им. В. Н. Таищева. – 2020. – Т. 1. № 3 (96). – С. 48-55.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-89-93

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович

профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАН Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ЧАЙКА Виктория Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич

кандидат юридических наук, доцент филиала Московского финансово-юридического университета в г. Орске

К АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА: ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ И НОВЫЕ РАКУРСЫ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Рассматриваются актуальные тенденции правосознания и правовой культуры как ответ на ценностные и метафизические сдвиги современности. Модерн и постмодерн формируют принципиально новую парадигму выстраивания ценностных приоритетов, что проявляется в возникновении новых, сетевых, неинституционализованных форм правового сознания. Обсуждается вопрос: Может ли классическая парадигма права остаться устойчивой в ситуации современности, опираясь на ценности традиции, культуры, религии?

Ключевые слова: современность, общество риска, правовое сознание, правовая культура, трансформации, традиция, безопасность, бессознательное.

SALNIKOV Viktor Petrovich

Ph.D. in Law, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

CHAYKA Viktoriya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and law sub-faculty of the St. Petersburg State Fire Service University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

PROKOFJEV Konstantin Georgievich

Ph.D. in Law, associate professor of the branch of Moscow University of Finance and Law in Orsk

TOWARDS THE ANTHROPOLOGY OF LAW: TRANSFORMATIONS OF MODERNITY AND NEW PERSPECTIVES OF LEGAL CONSCIOUSNESS

The article examines current trends in legal consciousness and legal culture as a response to the value and metaphysical shifts of our time. Modernity and postmodernity form a fundamentally new paradigm for building value priorities, which is manifested in the emergence of new, networked, non-institutionalized forms of legal consciousness. Can the classical paradigm of law remain stable in the modern situation, based on the values of tradition, culture, and religion?

Keywords: modernity, risk society, legal consciousness, legal culture, transformation, tradition, security, unconscious.

Как пишет современный французский исследователь, Доминик Терре, «во все времена право несет на себе миссию регламентировать и ограничивать нравственный облик общества, однако, при этом, от права требуют еще и непрерывного совершенствования» [65, с. 483]. Речь идет о том, что право выступает как естественное установление общественного солидарного выражения нравственных и социальных норм, и одновременно, является вербальной формулой, в которой сконцентрированы устои, традиции, нормы, выработанные в опыте прошлого [26, с. 5-6].

Парадоксальным образом право выражает актуальное представление о справедливости, ответственности, «человечности», и, одновременно, является «априорным» условием социальной интерпретации самих понятий справедливости, ответственности и «человечности».

Этот парадокс и права, и – в целом – ценностной сферы общественного сознания, в эпохи, интерпретирующие порядок как установленный свыше закон бытия, разрешался обращением к трансцендентным первоосновам: Космос (в эпоху Античности), Бог (в Средние века), наконец, физические законы вселенной (Новое время), диктующие свое продолжение и в сфере социальной, поскольку человек есть элемент природы.

Модерн, а вместе с ним – перестройка метафизической картины мира от упорядоченности к волевому изъявлению субъекта, должен был внести новые аспекты в понимание пра-

ва и справедливости, что и выразилось в кризисе классических моделей правопонимания и практик применения права. На это прямо ориентирует современная концепция комплексного (всеохватывающего) подхода к пониманию права [16, с. 328-361; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 26, с. 221-247; 50; 59, с. 63-111].

Право в ситуации современности: к антропологии права

Сами по себе понятия права, закона, государства, в рамках которых принято понимать существо общественной жизни – это не только предмет юридического знания, но и своеобразная «философия жизни» общества. Начиная от истоков, сама по себе юридическая традиция впитывает в себя широкий спектр от философских течений и концепций, формулирование законодательного и нормативного поля всегда сопряжено с глубинным осмыслением социального бытия. По этой причине в рамках российского правосознания, созидание нормативно-правовой модели – это формирование глубокой системы понимания принципов взаимодействия ценностного, аксиологического и экзистенциального спектров восприятия бытия в их социальной реализации. секуляризованным, плюралистическим и толерантным» [20, с. 330].

Историк русского права И. Д. Беляев в своё время отмечал, что «общество в своем движении опережает закон» [3, с. 312], подразумевая, что именно внутренние установки нрав-

ственного видения социального бытия впоследствии воплощаются в слове закона. Поэтому сегодня приходится слышать о необходимости «сокращения дистанции между правом и реальностью» [64, с. 12]. Речь идет о том, что реальность социальной жизни пришла в движение, общество активно переосмысливает, а где-то и оспаривает традиционные ценности, право государственной власти на установление идейных (идеальных, идеологических) констант, которые выполняли и продолжают выполнять важную функцию стабилизации и солидаризации общества.

Тем не менее, следует признать, что классическая парадигма права действительно отвечает в большей мере «классической», ньютоновской модели миропонимания, в которой право, правосознание, закон «говорят» на языке закономерностей бытия. Само дословное значение термина «юрисдикция» можно понимать именно так: «*juris dictio*» - говорение самого закона.

Сегодня публичная сфера наполнена призывами к тому, чтобы уже не «закон говорил», но сам человек, само общество определяло, что есть ценности, права, безопасность. Эта тенденция более ярко выражена в странах, принадлежащих европоцентристской цивилизационной парадигме, в меньшей степени – в российской, азиатской, латиноамериканской, африканской, тихоокеанско-атлантической культурных моделях. Тем не менее, феномен глобализации оказывает влияние на эти тенденции и здесь [51]. Речь идет не только о новом понимании мира как целого, раскрывающегося в многообразии и беспредельности информационных потоков. Сама картина мира изменилась; об этом свидетельствует и естественнонаучный дискурс с его концепциями относительности, перманентности, транспарентности и т.д. И антропный принцип, который сегодня можно считать одним из трендов современного и постмодерного мировоззрения, безусловно, отражается во всех сферах общественной и частной жизни.

Поэтому то, что современные дискуссии вокруг смены парадигм понимания человека и социума, ценностей культуры, общества, формулирования ограничений, естественным образом проистекающих из понятия «человечности», так или иначе, затрагивают сегодня и сферы права, правовой культуры, правового сознания – тема, необходимая для осмысления новых ракурсов правовой науки, которую можно обозначить как «антропологию права».

Право как гарант безопасности в условиях рисков современности

Фундаментальность происходящих сегодня сдвигов такого, что их значение выходит далеко за рамки производственно-экономической или политической сферы жизни общества: речь идет о всех аспектах существования человека, включая исторически сложившиеся культурные формы социального бытия, ресурсы психических реакций, ценностные ориентиры. В XX веке возникает широкие пласты художественных и научных осмыслений тех феноменов, которые сегодня стали уже привычными для отдельного человека и всей сферы общественных взаимодействий: «шок будущего», «общество риска» и т.п.

Многие мыслители предупреждали, что человек, будучи, в первую очередь, природным существом, имеет не слишком серьезный ресурс адаптации к стремительным изменениям внешней среды (и ценностного ряда, впрочем). Так, Э. Тоффлер в своей программной работе «Шок будущего» подчеркивает: «человек – это биосистема с ограниченной способностью к изменениям реакций» [58, с. 7].

Постоянный стресс восприятия, принятия решений, адаптации к изменениям приводят к тому, что человек «останавливается» в естественном переживании эмоций и событий, проявляет «реакционизм» или напротив, безжизненную мечтательность.

Здесь уместно вспомнить о наблюдениях Л. Н. Гумилева о культурных и исторических формах восприятия действительности обществом: говоря о «футуризме» - символической направленности к будущему, он отмечал, что корнем этой установки является непринятие действительности [15, с. 97-98].

Страх будущего провоцирует развитие пограничных реакций и расстройств, человек становится подвержен архаическим и биологическим реакциям, утрачивая «культурный» или «цивилизационный» облик. В целом, прогрессивная парадигма, подразумевающая определенность векторов будущего, разрушается.

И здесь важно обратиться к тому, что право есть одно из фундаментальных оснований безопасности общества: «Безопасность... обусловлена самой идеей права: от права ожидают, что оно гарантирует безопасность; под безопасностью понимается такое положение вещей, когда можно предвидеть решение юридических ситуаций и рассчитывать на то, что оно будет реализовано при помощи средств принуждения, гарантирующих осуществление прав» [5, с. 485]. В этом смысле право гарантирует присутствие порядка там, где общество рискует оказаться в зоне беспорядка, анархии, аномии (фр. *anomie* – отсутствие закона), хаоса [25].

В глубоком, фундаментальном значении, право есть структурированная картина мира, включающая в себя и обычаи, и ценности, часто – религиозные принципы, пусть и не всегда отраженные в вербальных формулах. Данное обстоятельство позволило профессору Ф. Х. Галиеву прийти к выводу о синкретизме современной правовой культуры [7; 8; 10; 12; 13]. Он убедительно обосновал новеллу о том, что право сегодня немислимо без отражения иных социальных регуляторов: морали, традиций, обычаев, корпоративных правил, религиозных догм и т.д. В частности, он пишет: «В современном мире сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [11, с. 12].

Русская традиция философии права всегда была чувствительна именно к такой интерпретации права. Как писал И. А. Ильин, государственное устройство, в этом смысле – это прямое осуществление права: «государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как *родина, оформленная и объединенная публичным правом*, или иначе: *множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сложившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания*» [27, с. 234]. Поэтому с уверенностью можно сказать, что облик права, правовой культуры неизбежно «повторяет» цивилизационную, культурную модель государства, и, что важно, понимание Родины отвечает именно этим, коренным, ценностям. Сегодняшние дискуссии о патриотизме не случайно затрагивают глубинные пласты нашей истории и культуры [1; 14; 38; 56; 57].

Поскольку пространство права и государственности оказывается в тесной взаимосвязи не только с историческими и культурными перспективами, но и с – самой «материей» социальной жизни – с повседневностью, традициями быта, с исповеданием веры в его внутреннем, духовном измерении, перед нами открывается именно антропологическая перспектива. И здесь можно подчеркнуть, что традиция русского правосознания с самих своих истоков возникает в единстве морально – нравственных норм: вспомним «Русскую Правду», которая рождалась в целостном восприятии личности, общества, веры.

Сегодня много говорится о сломе классических моделей безопасности: и в ракурсе социальных и государственных институций, и в геополитических перспективах. Возникает неизбежный вопрос о том, насколько жизнеспособны и эффективны классические, традиционные модели правосознания? Ведь, по существу, слои моделей безопасности могут свидетельствовать о том самом разрыве между «правом» и «реальностью», о котором сегодня часто дискутируют в зарубежных исследованиях [64].

Коммуникативная модель права и вызовы новых тенденций правового сознания

В XX веке, который на уровне теоретических концепций «предваряет» реальности информационного общества, возникает осознание того, что коммуникация есть основная форма взаимодействия между субъектами, между субъектом и обществом, между институциями власти. «Философия диалога» парадоксальным образом «отвечает» на запрос и западной, и отечественной мысли, впрочем, с существенной разницей. Для европоцентричной парадигмы, которая строится вокруг понятия «индивидуума», диалог призван обеспечить равенство прав и возможности самовыражения субъекта как актора, тогда как отечественная трактовка диалога (начиная от «симфонического» персонализма русского евразийства и философии диалога М. М. Бахтина) опирается на восточно-христианскую

модель синергии как взаимной открытости субъектов в духовной реальности.

Юрген Хабермас, открывая перспективы осмысления права как коммуникации, ставит своей задачей своеобразной «духовное разоружение» [6, с. 35; 33; 34]. Речь идет о своеобразном «отстранении» от ценностной парадигмы во имя коммуникативных принципов. Там, где есть коммуникация, не должно быть пред-заданности, пред-убеждений, пред-определенности.

Право здесь, по мысли Ю. Хабермаса, базируется на «принципе дискурса», следовательно, подлежит новому, «живому» переосмыслению и, значит, в условиях современности оно должно быть сферой коммуникативного разума. «Идейное начало дискурса заключается в том, что законными являются такие законы, которые были одобрены тем кругом лиц, прочувствовавшим результат данных норм на себе. ... закон, как таковой, не имеет конкуренции с остальными сферами общественности, будь это искусство или наука, право вкрапляется в имеющуюся структуру, усиливая ее значимость и необходимость, несмотря на имеющуюся тенденцию смены моральных устоев» [52, с. 88].

Ю. Хабермас обнаруживает, что «в эпоху модерна публичная сфера стала инструментом самоорганизации общества для противостояния государству как организации господства» [60, с. 16]. Однако, как мы видим, «диктат» с не меньшей, а, может быть, и с большей эффективностью может осуществляться уже в публичной сфере: «с изменением структуры общения и перформативности возможен переход к иному типу рациональности – коммуникативной рациональности, воплощением которой является такой идеально типический конструкт, как “публичная сфера”» [6, с. 43].

Интересно, что доминирование коммуникативного характера реальности, воспринимаемой субъектами в публичной сфере, ведет к деформации самих структурных связей обществ и государств. Сетевые формы взаимодействия субъектов и институций (экономические, политические, социальные, личные) создают новые пространства управления (поверх классических институций и связей). О феномене обратной пропорциональной связи между функционированием социальных институций и распространением влияния сетевых форм, писали как западные исследователи (Н. Луман и др.), так и отечественные (С. И. Шелонаев) [61].

Одновременно, сам феномен глобализации трансформирует социальную реальность изнутри. По словам Бертрана Бади, «мондиализация [глобализация] ломает суверенитеты, проходит насквозь через национальные территории, ... разрывает общественные договоры и делает излишними концепции международной безопасности» [63, с. 3]. Не случайно модель мировой системы геополитического взаимодействия, сложившаяся после Второй мировой войны, сегодня почти полностью утратила свои линии влияния.

Ален де Бенуа добавляет, что сама сетевая стихия при внешней «прозрачности», тем не менее, создает «новый, «фрактальный» тип общественных отношений» [4, с. 155]. Сетевая или «групповая» идентичность имеет особый характер: как правило, здесь утрачиваются все внешние авторитеты, кроме фигур групповых (харизматических) лидеров, происходит деление по принципу «свой – чужой», теряется критическое мышление в оценке реальной жизни. Протестовать сетевому мышлению можно только с позиций такого же сетевого мышления.

В сетевом информационном мире любые институции утрачивают свое ценностное упорядочивающее значение. Сегодня можно говорить об утрате доверия к институтам семьи, государства, образования в США и государствах коллективного Запада: это процесс для них объективный, в какой-то степени он связан с самой природой информационного глобализованного общества. Такая опасность, возможно, подстергает и евроазиатские государства, страны Азии, Африки, Латинской Америки, да и Россию.

Современность демонстрирует широкий набор кризисных явлений в самых разных сферах социального и личного бытия. Часто те протестные явления, которые наблюдаются в обществах и регионах, есть ответ на общий структурный кризис и картины мира, и институциональных связей. Сегодня во многом утрачены социальные идеалы и иллюзии, ранее позволявшие населению «претерпевать» лишения во имя будущего блага. Как подчеркивает Ульрих Бек в своей работе «Общество риска», производственные, профессиональные

и социальные риски прошлого (XIX в. - первая половина XX в.) еще можно было «локализовать», свести к специфическим группам населения. Современные риски имеют глобальный характер, «охватывают производство и воспроизводство, пересекают национально-государственные границы и в этом смысле порождает наднациональные и неклассовые глобальные угрозы с их своеобразной социальной и политической динамикой» [2, с. 65].

Как может отвечать право и правосознание на такого рода риски? Они имеют существенное значение для человека и всего общества [29; 30; 31; 32; 53; 54; 55], в том числе для государства [39] и самого права. Думается, это – один из ключевых вопросов, которым сегодня стоит задаться.

Правовая культура: традиция, ценности, «укорененность» в трансцендентном

Среди дискуссионных современности мы обнаруживаем тенденцию нивелировать перспективу культуры и традиции, как бы выделяя из неё человека, оставляя его «заброшенным» в глобальном пространстве информационных потоков. Между тем, если рассматривать правовую культуру как «правовую среду обитания людей» [40, с. 311], включающую в себя широкий спектр мира повседневности, то мы обнаруживаем и более глубокие ракурсы социальной и личной жизни человека. Речь идет о пространстве психического, в котором есть как осознанные спектры восприятия, так и бессознательные. Как активно демонстрировал психоанализ на протяжении XX в., пространство бессознательного включает не только и не столько биологические факторы, но и – символические и культурные. Возможно, этот символический и культурный спектр, который оформлен не только в ценностях, но и в самом феномене языка, а также национального характера, позволяет перевести дискуссию о современной антропологии права в плоскость, привычную для отечественной культурной и исторической традиции. В конце XX века был методологически обоснован подход к пониманию правовой культуры как единства ее характеристик применительно и к человеку (личности), и к обществу [45]. В этом направлении она исследуется и в XXI веке [9; 24; 28; 36; 37; 42; 43; 44; 46; 47; 48; 49].

Соответственно, многие подходы к праву, правопониманию и формированию правового сознания, можно рассматривать и как сферу психической жизни человека, и как «эффект» духовной жизни общества, в которой весьма значительно влияние бессознательных (неосознаваемых) состояний и процессов. В интерпретации фундаментальных основ права важно выявлять и учитывать глубинные основы осознаваемой правовой ситуации, коренящиеся в структурах бессознательного уровня человеческой психики. При этом, как мы знаем, существует и сфера коллективного психического. И ценности, нормы, имеющие общесоциальное значение, являются также определяющими и для всех других ценностей, на которых строится социальная система: «Организация всякой системы деятельности предполагает принятие некоторых базовых ценностей и законов. В том числе это всегда некая организация людей, созданная ради достижения некоторой цели, признанной самими этими людьми и обществом в целом» [35, с. 53].

Здесь уместно вспомнить Э. Шилла, который базовые ценности относит в «центральную зону культуры», которая «...определяет природу сакрального в каждом обществе» [62, с. 348].

Соответственно, мы видим, что стихия права – прежде всего, в ракурсах правосознания и правовой культуры не может рассматриваться исключительно в «верхнем» сегменте, отвечающим за рефлексивную интерпретацию. Сведение реальности человека, его «факторов человечности» к только осознаваемым или рационально сфокусированным формулам – это упрощение и необязательная спецификация призм зрения.

Русские мыслители еще в XIX-XX вв. обратили внимание на то, что кризис правосознания всегда есть выделение одной из сторон социального бытия в ущерб другим (именно эти процессы обнаруживают в европоцентристской парадигме И. В. Киреевский, В.С. Соловьев, И.А. Ильин). Здесь следует отметить, что, противопоставляя Россию и Запад как два типа миропонимания, отечественные ученые имели ввиду вовсе не «почвеннический», национально-этнический контекст. Речь идет о верхнем сегменте ценностей, которые отсылают нас к идеальным векторам, общечеловечности к Трансцендентному. Так, для И. А. Ильина, как только право утрачивает связь с ду-

ховным основанием (что мы видим в истории Древнего Рима, впоследствии – в просветительской парадигме новоевропейской традиции, а сегодня – в навязываемых коллективным Западом и США по существу античеловеческих ценностях), теряются причины для того, чтобы и человек, и общество, оживляли в своем бытии принципы нравственности.

Как полагает И. Ильин, именно религиозное основание «прикрепляло волю человека к единой высшей цели; оно научало его ставить духовное выше материального и подчинять личное как начало своекорыстия, гордости и посягания, – *сверхличному*, как началу качества, достоинства и совершенства. Этим правосознание прикреплялось к своим благородным первоосновам: к достоинству, самообладанию и дружеской общительности» [27, с. 220].

Сегодня перспектива обращения к трансцендентным ценностям способна оживить современную парадигму правового понимания не только не столько за счет обращения к традиции, к прошлому. Речь идет о внимании к фундаментальному, смысловому пласту человеческой реальности: о стремлении к высшему. Думается, без этой устремленности к лучшему, человек не сможет осуществить в себе подлинно «человеческое».

Пристатейный библиографический список

1. Аманацкий Ю. В., Алиев Я. Л. Возрождение патриотизма и актуальные проблемы патриотического воспитания в России: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2020. – 232 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381, [2] с.
3. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 890 с.
4. Бенуа де А. Лицом к глобализации // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2012. – № 2.
5. Бертель Ж.-Л. Общая теория права. – М.: Nota Bene, 2000. – 574, [1] с.: ил.
6. Вербилдович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // *Публичная сфера: Теория, методология, кейс-стади*. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2013. – в кн. 360 с.
7. Галиев Ф. Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // *Вестник Башкирского ун-та*. – 2013. – Том 18. № 4. – С. 1352-1356.
8. Галиев Ф. Х. О синкретизме правовой культуры // *Правовое государство: теория и практика*. – 2013. – № 4 (34). – С. 36-73.
9. Галиев Ф. Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // *Правовое государство: теория и практика*. – 2009. – № 4 (18). – С. 8-9.
10. Галиев Ф. Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
11. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
12. Галиев Ф. Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
13. Галиев Ф. Х., Райнов Ф. М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. – 292 с.
14. Гер О. Е., Сальников М. В., Сальников С. П., Шелепова М. А. Национальная идея и патриотизм // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 2. – С. 128-144.
15. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Ленинградский университет, 1989. – 495 с.: ил.
16. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А., Виноградова Е.В., Грибов И.Н., Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Зорина Н.В., Игнатьева С.В., Исмагилов И.Р., Исмагилов Р.Ф., Кийко А.Ю., Крижановская Г.Н., Лежнева О.Ю., Лысенков С.Г., Максимов А.А., Масленников Д.В., Морозов А.И., Новожилов

- С.А., Петров П.А., Прокофьев К.Г., Сальников В.П., Сальников М.В., Сальников С.П., Старовойтова О.Э., Утюганов А.А., Хабибулин А.Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.
17. Дутин А. Г. Русский логос – русский хаос: социология русского общества. – М.: Академический проект, 2015. – 582 с.
18. Захарцев С. И., Сальников В. П. Жестокость и право в контексте компрехендного правовопонимания // *Юридическая наука: история и современность*. – 2023. – № 5. – С. 169-175.
19. Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрехендная теория права заметно отличается от интегральной (интегративной) теории // *Юридическая наука: история и современность*. – 2021. – № 7. – С. 187-192.
20. Захарцев С. И., Сальников В.П. Компрехендная теория права как путь познания его сущности // *Научно-исследовательские публикации*. – 2021. – № 1. – С. 5-45.
21. Захарцев С. И., Сальников В. П. Поправки в российское законодательство и компрехендная теория права как основа суверенной философии права // *Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития региональной законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н. В. Ямалетдинова*. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172-187. – в сб. 310 с.
22. Захарцев С. И., Сальников В. П. Размышления о компрехендной теории права // *Образование и право*. – 2021. – № 5. – С. 98-105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105.
23. Захарцев С. И., Сальников В. П. Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания // *Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / Под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина*. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 105-118. – в кн. 312 с.
24. Захарцев С. И., Сальников В. П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
25. Зорькин В. Д. Право против хаоса: Монография. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2023. – 536 с. DOI 10.12737/1958344.
26. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, И. Р. Исмагилов, О. А. Клименко, О. Ю. Лежнева, С. Ф. Мазурин, Б. В. Маков, Д. В. Масленников, А. К. Мирзоев, П. А. Петров, Е. А. Поливко, К. Г. Прокофьев, О. В. Пылева, В. П. Сальников, М. В. Сальников, Ф. О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
27. Ильин И. А. Путь духовного обновления // *А. И. Ильин. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1*. – М.: Русская книга, 1993. – С. 218-255.
28. Исаев И. А. Правовая культура России: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 96 с.
29. Керимова Т. В. Риск в жизни современного человека // *История и личность. Труды СГУ*. – 2001. – Вып. 30.
30. Керимова Т. В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
31. Крючков Р. А. Подходы к определению риска в современном праве // *Правовое поле современной экономики*. – 2014. – № 10. – С. 154-163.
32. Крючков Р. А., Сальников В. П., Романовская В. Б., Сальников М. В. Риски в правовом поле современной экономики и «право на риск» // *Правовое поле современной экономики*. – 2015. – № 12. – С. 109-119.
33. Лежнева О. Ю., Прокофьев К. Г., Чудин-Курган Ф. О. Право и мораль перед судом коммуникативного разума в концепции Юргена Хабермаса // *Правовое государство: теория и практика*. – 2019. – № 4. – С. 59-65.
34. Максимов А. А., Морозов А. И., Сальников М. В., Садовников М. Г., Чудин-Курган Ф. О. Юрген Хабермас: опыт трансляции тегелевской парадигмы права в дискурсив-

- ное пространство современной юриспруденции // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 179-185.
35. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: О.Г.И., 1999. – 205, [2] с.
 36. Насурдинов Э. С. Правовая культура: Монография / Отв. ред. Ф. Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.
 37. Оразалиева А. М. Правовая культура и правовое воспитание (проблемы соотношения): Монография / Под ред. С. А. Комарова. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 201 с.
 38. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: Коллективная монография / Под ред. А. Ю. Кийко, с предисловием В. П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – 369 с.
 39. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова; И. А. Ананских, А. А. Вихров, М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, С. В. Игнатьева, Р. Ф. Исмагилов, А. Ю. Кийко, О. А. Клименко, Г. Н. Крижановская, С. Г. Лысенков, Д. В. Масленников, А. К. Мирзоев, С. А. Новожилов, П. А. Петров, К. Г. Прокофьев, В. П. Сальников, М. В. Сальников, С. П. Сальников, О. Э. Старовойтова, И. Л. Третьяков, А. А. Утюганов, А. Г. Хабибуллин, Д. В. Шкрум. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022.
 40. Поляков А. В. Общая теория права: Курс лекций. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 642 с., [1] л. портр.
 41. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 863 с.
 42. Правовая культура. Житковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. / Под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немытиной. – М.: РУДН, 2012. – 438 с.
 43. Правосознание и правовая культура как условие эффективности реализации права: проблемы теории, методологии и практики: Монография / Колл. авт., под ред. д.ю.н. И. Х. Бободжонзода, д.ю.н. А. Р. Нематова. – Душанбе: Дониш, 2022. – 241 с.
 44. Сальников В. П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530. – в кн. 720 с.
 45. Сальников В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1990. – 402 с.
 46. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 13-19.
 47. Сальников В. П., Сальников М. В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. Том 19. – С. 1096-1099.
 48. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4 (84). – С. 70-86.
 49. Сальников В. П., Стремоухов А. В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
 50. Сальников В. П., Захарцев С. И., Воронков К. И. Комплексная концепция субъектного состава ресоциализационных отношений // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 1. – С. 29-38. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-29-38.
 51. Сальников В. П., Ивашов Л. Г., Джегутанов Б. К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
 52. Сальников В. П., Романовская В. Б., Щепоткина-Маринина Т. В. Правовая концепция Юргена Хабермаса // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (53). – С. 86-92.
 53. Сальников В. П., Крючков Р. А., Романовская В. Б., Сальников М. В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184.
 54. Сальников В. П., Крючков Р. А., Романовская В. Б., Сальников М. В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211.
 55. Сальников В. П., Крючков Р. А., Романовская В. Б., Сальников М. В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 11-17.
 56. Силкин Н. Н., Шелепова М. А. Воспитание патриотизма на примере героев Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 151-158.
 57. Спасибо за небо чистое. Альбом / Авторы-составители: И. А. Ананских; П. А. Петров; И. В. Ходак; В. П. Сальников; А. В. Васильева; А. С. Еникеева. – СПб.: Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»; Благотворительный фонд «Движение “Время помогать”»; Фонд «Университет», 2023. – 192 с., ил.
 58. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557, [1] с.
 59. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова; Ананских И. А., Виноградова Е. В., Вихров А. А., Гутман М. Ю., Захарцев С. И., Зорина Н. В., Игнатьева С. В., Исмагилов Р. Ф., Кийко А. Ю., Клименко О. А., Крижановская Г. Н., Лысенков С. Г., Масленников Д. В., Мирзоев А. К., Морозов А. И., Новожилов С. А., Петров П. А., Прокофьев К. Г., Сальников В. П., Сальников М. В., Сальников С. П., Старовойтова О. Э., Третьяков И. Л., Утюганов А. А., Хабибуллин А. Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.
 60. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь Мир, 2016. – 342 с.
 61. Шелонаев С. И., Преображенская К. В. Антропологические парадигмы взаимодействия социальных институтов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 2. – С. 124-135.
 62. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.
 63. Badie V. Mondialisme et sociétés ouvertes // Apres-demain, 04-05. 1996.
 64. Le Roy É. Autonomie du droit, hétéronomie de la juridicité. Généralité du phénomène et spécificités des ajustements // Séminaire international «Le nuove ambizioni del sapere del guirista: antropologia giuridica e traduzione giuridica», Scienze e lettere. – Rome, 2009.
 65. Terré D. Droit, morale et sociologie // L'Année sociologique. – 2004/2 (Vol. 54). – Editions Presses Universitaires de France. – Pp. 483-509.

СКУДАРНОВ Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета

ОБ ОТРАСЛЕВЫХ ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье анализируется проблема отраслевого критерия для дифференциации юридической ответственности на виды. Традиционным для отечественной юриспруденции является деление юридической ответственности на гражданско-правовую, уголовную, административную, дисциплинарную и материальную. В основе такой классификации лежит вид (по степени и характеру) совершенного субъектом правонарушения. Однако, в последнее время широкое распространение получило выделение видов юридической ответственности в зависимости от отрасли права, в которой она применяется. Некоторые ученые отмечают, что наличие собственного института юридической ответственности является необходимым признаком отрасли права, наряду с предметом и методом правового регулирования. Вместе с тем, продолжающийся в настоящее время процесс разделения системы отечественного права и появления новых отраслей, в том числе комплексных, поставил под сомнение возможность образования в некоторых из них самостоятельных видов юридической ответственности. Кроме того, подобный подход не позволяет обосновать случаи сосуществования в одной отрасли права нескольких видов юридической ответственности (например, наличие в трудовом праве одновременно дисциплинарной и материальной ответственностей) или, напротив, урегулирование одного вида юридической ответственности нормами нескольких отраслей (например, правовое регулирование уголовной ответственности нормами уголовного и уголовно-процессуального права). Учитывая приведенные обстоятельства, в статье предпринята попытка сформулировать общетеоретические критерии самостоятельности конкретного вида юридической ответственности. К их числу, по мнению автора, следует отнести наличие собственных юридических и фактических оснований, особая система обременений правонарушителя и отдельный порядок применения. В результате исследования сделан вывод о межотраслевом характере института юридической ответственности и дискуссионности отраслевого критерия для деления его на виды.

Ключевые слова: право, правовое принуждение, юридическая ответственность, отрасль права, правонарушение.

SKUDARNOV Alexey Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Krasnoyarsk State Agrarian University

ABOUT INDUSTRY TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITIES

The article analyzes the problem of the industry criterion for differentiating legal liability into types. Traditional for domestic jurisprudence is the division of legal liability into civil, criminal, administrative, disciplinary and material. Such a classification is based on the type (by degree and nature) of the offense committed by the subject. However, in recent years, the allocation of types of legal liability has become widespread, depending on the branch of law in which it is applied. Some scholars note that the presence of its own institution of legal responsibility is a necessary feature of the branch of law, along with the subject and method of legal regulation. At the same time, the ongoing process of division of the system of domestic law and the emergence of new industries, including complex ones, cast doubt on the possibility of forming independent types of legal liability in some of them. In addition, this approach does not allow us to justify the cases of coexistence in one branch of law of several types of legal liability (for example, the presence in labor law of both disciplinary and material liability) or, on the contrary, the regulation of one type of legal liability by the norms of several branches (for example, the legal regulation of criminal liability norms of criminal and criminal procedure law). Given the above circumstances, the article attempts to formulate general theoretical criteria for the independence of a particular type of legal liability. Among them, according to the author, should include the presence of their own legal and factual grounds, a special system of encumbrances of the offender and a separate application procedure. As a result of the study, a conclusion was made about the intersectoral nature of the institution of legal responsibility and the debatability of the industry criterion for dividing it into types.

Keywords: law, legal enforcement, legal responsibility, branch of law, offense.

Правовое принуждение было и остается одним из основных средств обеспечения права. Без него невозможны реализация требований законности, формирование правопорядка, а также гарантирование прав и свобод человека и гражданина.

Среди мер правового принуждения особое место занимает юридическая ответственность, определяемая большинством авторов как обязанность правонарушителя претерпеть дополнительные ограничения (лишения) личного, имущественного характера в связи с совершенным правонарушением.

Фактическим основанием для возложения на правонарушителя такой обязанности является наличие в его деянии всех элементов состава правонарушения. Поэтому, традиционно, принято дифференцировать юридическую ответственность в зависимости от вида совершенного правонарушения на гражданско-правовую, уголовную, административную, дисциплинарную и материальную.

Вместе с тем, по вопросу критериев классификации юридической ответственности на виды сформулированы и иные мнения. Все большее распространение получает изучение отраслевых видов юридической ответственности, выделяемых на основе соответствующих отраслей права.

Так, В. А. Ефанов считает, что «определяющими в разграничении системы юридической ответственности на виды являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования, которые позволяют определить систему юридической ответственности, ее связь с системой права, отраслевою принад-

лежность определенного вида юридической ответственности, взаимопроникновение и точки пересечения различных видов юридической ответственности» [1].

Аналогичного мнения придерживается Д. А. Липинский, указывая, что «одной из основных характеристик, определяющих систему юридической ответственности и выделение в ней видовых институтов юридической ответственности, выступают свойства предмета и метода правового регулирования общественных отношений. Известно, что эти критерии являются основными и при делении системы права на отрасли и институты. Данный критерий показывает связь юридической ответственности с существующей системой права, их различные точки пересечения и взаимопроникновения». Более того, ученый отмечает значение наличия собственного отраслевого института юридической ответственности в качестве необходимого условия для признания той или иной совокупности юридических норм в качестве самостоятельной отрасли права [5, с. 135]. Согласно указанному подходу отдельными авторами в экологическом праве выделяется в качестве самостоятельного вида экологическая или эколого-правовая ответственность.

Например, В. В. Петров определяет экологическую ответственность как «экономико-правовой комплекс, соединяющий в себе нормы и соответствующие им отношения по возмещению и предупреждению вреда природной среде. При этом экологическая ответственность имеет две формы – экономическую (или эколого-экономическую) и юридическую. Эколого-эконо-

мическая ответственность, в отличие от юридической, которая наступает по факту правонарушения, возникает по факту причинения вреда. Виды эколого-экономической ответственности определяются в законодательстве как платежи за загрязнение окружающей среды, за захоронение вредных отходов, плата за использование вод и др.» [2, с. 245].

По мнению В. И. Романова «следует признать, что в природоохранных отношениях существует эколого-правовая ответственность как разновидность юридической ответственности. Она наступает в виде приостановления, ограничения и прекращения прав природопользования: аннулирования лицензии, лесорубочного и лесного билета, ордера, разрешения на отстрел и отлов животных, расторжения договора аренды и концессии в лесопользовании, земледельстве, водопользовании, недропользовании и т.п.» [3, с. 190].

Н. Н. Бринчук отмечает, что «содержание эколого-правовой ответственности образуют прежде всего два вида экологических правонарушений, предметом которых является: возмещение вреда, причиненного природе, т.е. экологического вреда, и неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, предусмотренных договором на природопользование и охрану окружающей среды» [4, с. 35].

В конце XX в. в конституционном праве начало формироваться представление о конституционной (или государственно-правовой) юридической ответственности.

Например, по мнению Т. Д. Зражевской «конституционная ответственность – это отдельное направление юридической ответственности, которое используется самостоятельно. Оно заключается в том, что важнейшие отношения защищаются в приоритетном порядке. Для субъектов, которые нарушают конституционное законодательство или делает попытки нарушения, наступают неблагоприятные последствия при использовании мер конституционной ответственности» [6].

А. А. Кондрашев считает, что «институт конституционно-правовой ответственности является неотъемлемой частью предмета конституционного права России на современном этапе исторического развития. Причем институт этот интенсивно развивается, наполняется новым содержанием, эволюционирует более быстро, нежели многие традиционные институты конституционного права. Представляется, что по темпам роста как количества санкций, так и наполнения содержательной стороны процесса привлечения к ответственности институт активно перерастает свой статус, в весьма недалеком будущем имея все шансы стать полноценной подотраслью конституционного права» [7, с. 190].

По мнению С. А. Авакьяна в конституционном праве «фактически два вида правонарушений – за первое наступала конституционно-правовая ответственность, за второе – отраслевая. Например, подлог на выборах вызывает такие меры конституционно-правовой ответственности, как признание выборов недействительными, расформирование избирательных комиссий. А для виновных лиц может наступить административная или уголовная ответственность. То есть можно говорить о так называемых совмещенных составах правонарушения, которые вызывают два вида ответственности» [8, с. 655].

Активное развитие финансового права способствовало появлению нового вида юридической ответственности – финансовой.

Так, С. Е. Батыров полагает, что финансово-правовая ответственность – это «правоотношение, зарождающееся в связи с нарушением определенных законом финансовых обязательств, проявляющееся в применении по отношению к правонарушителю санкций финансово-правового характера, влекущих за собой наступление неблагоприятных материальных последствий вследствие негативной оценки государственным органом его противоправного виновного действия, наступление которых гарантируется вероятностью государственно-правового принуждения» [9].

Н. А. Саттарова определяет финансово-правовую ответственность как «употребление к нарушителю финансово-правовых норм и мер государственного принуждения уполномоченными на то государственными органами, возлагающими на правонарушителя дополнительные обременения имущественного характера» [10, с. 74].

Некоторые авторы обосновывают существование семейно-правовой ответственности в семейном праве.

Например, по представлениям Ю. Ф. Беспалова семейно-правовую ответственность следует понимать как «совокупность личных неимущественных и (или) имущественных мер принуждения, ограничивающих, лишаящих отдельных семейных прав, а также устанавливающих дополнительные обязанности,

предусмотренных семейным, а в отдельных случаях и гражданским законодательством, применяемым судом, иным уполномоченным органом к лицам, совершившим семейное правонарушение либо допустившим иное действие (бездействие), признаваемое семейным законодательством в качестве основания ответственности» [11, с. 47].

В качестве примера такой ответственности приводятся положения ст. 69 СК РФ, в которой закреплена возможность лишения родительских прав и основания для этого.

Не остались в стороне и процессуальные отрасли права.

В частности, А. А. Бессонов выделяет конституционно-процессуальную, гражданско-процессуальную, уголовно-процессуальную, административно-процессуальную и арбитражно-процессуальную ответственность [12, с. 150]; Н. В. Витрук – судебно-конституционную процессуальную ответственность, гражданско-процессуальную ответственность, арбитражно-процессуальную ответственность и уголовно-процессуальную ответственность [13, с. 231].

По мнению Е. В. Чуковой «от иных видов юридической ответственности процессуальную ответственность отличают следующие характеристики: сфера применения – юридический процесс; субъектный состав – участники различных видов юридического процесса; формальная основа – нормы процессуального права; фактическое основание – процессуальное правонарушение; особый порядок реализации; применяется на основе особой разновидности актов применения процессуальной ответственности» [14, с. 69].

Наряду с обозначенными выше, в качестве самостоятельных видов юридической ответственности выделяют также бюджетную, налоговую, земельную, банковскую, таможенную, уголовно-исполнительную и другие виды ответственности.

Вместе с тем, некоторые ученые [15, с. 92] (Nachaturov, 2018) отмечают, что современная российская система права уже насчитывает примерно девяносто отраслей и процесс ее дифференциации продолжается. Появление новых, в том числе комплексных, отраслей права, поставило под сомнение обособленность существования в каждой из них собственного, отличающегося от уже известных вида юридической ответственности. В этой связи актуальным является формулирование общих критериев индивидуальности юридической ответственности.

Представляется, что к таким критериям можно отнести следующие.

1. Наличие собственных юридических и фактических оснований.

С философской точки зрения под основанием чего-либо понимается необходимое условие, являющееся предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и служащее их объяснением [16] (И'ichev F., Fedoseev P. N., 1983). Таким образом, под основаниями юридической ответственности следует понимать необходимые условия, предпосылки для возникновения у субъекта права обязанности претерпеть определенные обременения.

В качестве юридического основания ответственности выступает правовая норма – для наступления юридической ответственности необходимо, чтобы такое последствие было предусмотрено соответствующей нормой права.

Однако только нормативного основания недостаточно. Сама по себе юридическая норма не способна вызвать негативные последствия для субъекта и возложить на него какие-либо дополнительные обязанности. Для этого необходим соответствующий юридический факт – наличие в его деянии всех элементов состава правонарушения.

Единство юридического и фактического оснований предопределяет существование юридической ответственности. Для каждого конкретного ее вида необходимо собственное правовое регулирование – система правовых норм, закрепляющих саму возможность применения мер ответственности, а также перечень правонарушений отражающих особенности отдельной отрасли права. Только при наличии таковых юридическая ответственность приобретает отраслевую самостоятельность.

Например, уголовная ответственность урегулирована нормами уголовного законодательства.

Так, ст. 8 УК РФ устанавливает, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». При этом в ч. 1 ст. 14 УК РФ определено понятие преступления которым признается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Исчерпывающий перечень видов преступлений закреплен в Особенной части Уголовного Кодекса РФ.

Дисциплинарная и материальная ответственности регламентированы нормами трудового права.

В частности, согласно ст. 192 ТК РФ «за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) увольнение по соответствующим основаниям».

В ст. 233 ТК РФ содержится положение о том, что «материальная ответственность стороны трудового договора наступает за ущерб, причиненный ею другой стороне этого договора в результате ее виновного противоправного поведения (действий или бездействия), если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными федеральными законами».

Вместе с тем, анализ действующего законодательства показывает, что подобные юридические нормы характерны не для всех отраслей права.

Например, согласно ст. 75 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством.

Аналогичные по смыслу положения содержатся в статьях 31 и 32 Федерального закона от 04.05.1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», а также в ст. 49 Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах».

Земельное законодательство также не закрепляет особых оснований для применения мер юридической ответственности. В ч. 1 ст. 74 ЗК РФ содержится бланкетная правовая норма, согласно которой лица, виновные в совершении земельных правонарушений, несут административную или уголовную ответственность в порядке, установленном законодательством. При этом понятие земельного правонарушения и их перечень законодатель не определен.

2. Особая система обременений правонарушителя.

Юридическая ответственность влечет за собой наступление неблагоприятных последствий для правонарушителя. Они выражаются в возложении на него, помимо основной обязанности, дополнительных личных и/или имущественных лишений (ограничений).

Для каждого вида юридической ответственности характерен свой круг таких обременений (санкций).

Так, части 1 и 2 статьи 114 НК РФ определяют, что «налоговая санкция является мерой ответственности за совершение налогового правонарушения. Налоговые санкции устанавливаются и применяются в виде денежных взысканий (штрафов) в размерах, предусмотренных главами 16 и 18 настоящего Кодекса».

Неблагоприятные последствия гражданско-правовой ответственности в связи с нарушением обязательства установлены в ч. 1 ст. 393 ГК РФ, согласно которой «должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства». При этом «под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)» (ч. 2 ст. 15 ГК РФ).

Иным образом обстоят дела, например, в таможенном праве.

В соответствии со ст. 400 Таможенного кодекса ЕАЭС «за несоблюдение требований международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования юридические лица, осуществляющие деятельность в сфере таможенного дела, несут ответственность в соответствии с законодательством государств-членов».

В Российской Федерации система санкций за нарушение таможенных правил установлена в главе 16 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

3. Отдельный порядок применения.

Неблагоприятные последствия возлагаются на правонарушителя в определенной, установленной законом процедурно-процессуальной форме, строгое соблюдение которой является гарантией законности при применении мер юридической ответственности.

Так, привлечение к административной, материальной, дисциплинарной ответственности осуществляется в порядке, кото-

рый регламентирован в соответствующих отраслевых нормативных правовых актах.

В тоже время, процедура применения мер уголовной или гражданско-правовой ответственности регламентирована в законодательных актах, составляющих иные, процессуальные отрасли права.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно прийти к выводу, что юридическая ответственность представляет собой сложный межотраслевой правовой институт, в связи с чем отраслевая классификация не может считаться исчерпывающей. Она не позволяет объяснить возможность существования в отдельных отраслях права нескольких видов юридической ответственности (например, существование материальной и дисциплинарной ответственности в трудовом праве) или, напротив, правовое регулирование одного вида ответственности несколькими отраслями права (например, урегулирование уголовной ответственности нормами уголовного и уголовно-процессуального права).

Пристатейный библиографический список

1. Ефанов В. А. Дифференциация юридической ответственности как объективный процесс модернизации современного российского права // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2008. - № 1 (57). - С. 334.
2. Петров В. В. Экологическое право России. - М., 1997. - 557 с.
3. Романов В. И. Юридическая ответственность за экологические правонарушения. - Йошкар-Ола, 1999. - 202 с.
4. Бринчук М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lexrussia. - 2016. - № 6. - С. 26-46.
5. Липинский Д. А. Правовая природа юридической ответственности в уголовно-исполнительном праве // Прикладная юридическая психология. - 2017. - № 3. - С. 133-140.
6. Зражевская, Т. Д. Реализация конституционного законодательства: проблемы теории и практики. - М.: Норма, 2017. - С. 88.
7. Кондрашев А. А. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 10. - С. 184-194.
8. Конституционное право России. Учебный курс (учебное пособие в двух томах, том первый; издание седьмое, перераб. и доп.). / Авакьян С. А. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 864 с.
9. Батыров С. Е. Финансово-правовая ответственность. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003.
10. Сагтарова Н. А. Финансовая ответственность: тезисы докладов международной научно-практической конференции. - Саратов, 2003. - С. 74-75.
11. Бесалов Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. - 2014. - № 2. - С. 45-51.
12. Бессонов А. А. Процессуальные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2001. - 194 с.
13. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Норма, 2009. - 432 с.
14. Чуклова Е. В. Процессуальная ответственность в системе юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. - 2013. - № 4. - С. 68-70.
15. Хачатуров Р. Л. Становление отраслей права Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2018. - № 1 (41). - С. 91-96.
16. Ильичев Ф., Федосеев П. Н. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.

ШОГЕНОВ Тимур Мухамедович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

КУЧМЕЗОВ Арсен Нурбиевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

БУРАЕВА Людмила Александровна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского направления Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ УГРОЗАМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Авторами статьи проведено исследование актуальных проблем, связанных с масштабными фейковыми информационными атаками, направленными на дестабилизацию ситуации и распространение панических настроений в образовательных учреждениях во многих городах России. Рассмотрены предпринимаемые государственными органами меры, направленные на обеспечение информационной безопасности учебных учреждений в современных условиях внешнеполитической нестабильности, характеризующихся активизацией деятельности западных спецслужб, направленных на поддержание деструктивных подрывных сил.

Ключевые слова: фейки, фейковые информационные атаки, информационное противостояние, информационная безопасность, образовательные учреждения, школы, учащиеся, дестабилизация обстановки в школах, мессенджеры.

SHOGENOV Timur Mukhamedovich

Ph.D. in economical sciences, Deputy Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KUCHMEZOV Arsen Nurbievich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

BURAEVA Lyudmila Alechandrovnna

Ph.D. of physic-mathematical sciences, senior researcher of the Research Direction of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CURRENT PROBLEMS OF COUNTERING INFORMATION THREATS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The authors of the article conducted a study of topical issues related to large-scale fake information attacks aimed at destabilizing the situation and spreading panic in educational institutions in many cities of Russia. The measures taken by state bodies aimed at ensuring the information security of educational institutions in modern conditions of foreign policy instability, characterized by the intensification of the activities of Western special services aimed at maintaining destructive subversive forces, are considered.

Keywords: fakes, fake information attacks, information confrontation, information security, educational institutions, schools, students, destabilization of the situation in schools, messengers.

На современном этапе, в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции, актуальными являются вопросы активизации деятельности западных спецслужб, направленных на дестабилизацию социально-политической обстановки в стране. Иностранные кураторы, используя проверенную временем методику, открыто применяют разнообразные инструменты для достижения своих целей. В числе которых – информационное противостояние, направленное на формирование негативного имиджа России в международном сообществе; санкционное давление, оказываемое в целях подрыва

экономической и финансовой инфраструктуры Российской Федерации; распространение протестных настроений посредством использования интернет-сервисов; активизация деятельности западных спецслужб, направленных на поддержание деструктивных подрывных сил и радикальных «спящих ячеек» [12], а также многочисленные «фейковые» атаки, направленные на общественную дестабилизацию общества.

Необходимо отметить, что западные спецслужбы активно ведут информационную войну против России. Се-

Шогенов Т. М.

Кучмезов А. Н.

Бураева Л. А.

годня, так называемые «информационно-психологические операции» вышли на новый уровень и осуществляются при помощи создания информационного контента и управления им. Ложный контент формирует общественное мнение, алгоритмы поведения и побуждает к определенным действиям. Таким образом, медиа-продукты становятся инструментом для осуществления психологических и пропагандистских спецопераций. Данный факт был отмечен президентом Российской Федерации Владимиром Путиным на заседании Совета Безопасности РФ, который в своем докладе указал, что «...против России идет масштабная война в киберпространстве, число кибератак на страну выросло в разы. С началом специальной военной операции вызовы в этой сфере стали еще более масштабными, острыми и серьезными...» [11].

При этом особую озабоченность вызывают фейковые информационные атаки, направленные на дестабилизацию ситуации и распространение панических настроений в образовательных учреждениях. В последнее время информация о планирующихся атаках на школы, размещаемая в Телеграм-чатах множества городов России, буквально захлестнула российское общество.

Так, в октябре 2021 года студенты и школьники Новосибирска пересылали друг другу сообщения анонима с предупреждением о нападении десяти стрелков на образовательное учреждение города. Фейк традиционно распространялся по цепочке. Учащиеся подняли панику, испугавшись, что вирусное сообщение может оказаться правдивым и злоумышленники действительно придут «в рандомную школу». Такие же сообщения в 2021 году разошлись среди пользователей еще по меньшей мере восьми субъектов РФ – Липецкой, Нижегородской, Свердловской и Кемеровской, областей, а также Республики Коми, Пермского, Краснодарского и Забайкальского краев [11].

21 января 2022 года волна анонимных сообщений захлестнула Крым. В результате были эвакуированы учащиеся школ и вузов практически по всему полуострову: в Симферополе, Севастополе, Ялте, Алуште, Керчи, Евпатории, Феодосии, Бахчисарае и в ряде других населённых пунктов [8]. По распоряжению Главы Республики С. Аксенова занятия были отменены, а учащихся распустили по домам. При этом Сергей Аксёнов сообщил, что, по информации спецслужб, письма о минировании рассылали из-за границы.

22 декабря 2023 года правоохранительные структуры г. Омска призвали жителей не верить фейкам об атаках на школы города. Правоохранители сообщили, что осуществляют блокировку ресурсов, распространяющих данные информационные атаки и предупредили, что в данной ситуации важно сохранять спокойствие и незамедлительно сообщать о сообществах, распространяющих указанный контент в правоохранительные органы [7].

7 февраля 2024 года о массовых информационных атаках на школы с украинской стороны предупредило Министерство образования Республики Мордовия, которое сообщило, что «Украинская сторона проводит массовые информационные атаки в российских городах, распространяя в различных пабликах сообщения о готовящихся террористических актах в школах». Министерство попросило соблюдать спокойствие и не поддаваться панике» [3].

Подобные информационные фейковые атаки в феврале 2024 года встревожили также жителей Тулы, Калуги, Ставрополя и многих других городов России. Несмотря на то, что ложную информацию официально опровергли, родители и дети оказались всерьёз напуганы [4].

В ходе проверок, проведенных правоохранительными структурами, выяснилось, что аналогичные угрозы о нападении на учебные учреждения появлялись во многих городах России, без конкретной привязки к адресам, что является одним из основных признаков фейков. Основная цель таких провокаций – вызвать панические настроения, направленные на дестабилизацию ситуации в образовательных учреждениях и нарушить социальный порядок, спекулируя вокруг вопроса безопасности детей. Жителей призвали не верить фейкам об угрозах и стрельбе в школах и не распространять ложную информацию.

Сложившаяся обстановка детерминировала необходимость выработки соотносимого с современными условиями комплекса мер по обеспечению безопасности учебных учреждений.

Правовые последствия распространения заведомо ложной информации регламентированы статьями 5.35, 13.15 КоАП РФ [2] и статьей 207.1 УК РФ, а сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей – статьей 237 УК РФ [10].

В октябре 2022 года Указом Президента России [5] в структуре МВД России было создано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России). По поручению Владимира Колокольцева профильные подразделения ведомства приступили к реализации данного Указа [6]. Спустя год были подведены итоги работы Управления, в частности, было выявлено свыше 3 000 преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, по 879 из них возбуждены уголовные дела. Привлечено к уголовной ответственности свыше 400 лиц. Приняты меры к ограничению доступа более чем к 5 000 интернет-ресурсов, посредством которых распространялся запрещенный и деструктивный контент, а также совершались преступления в отношении граждан России [1].

В частности в целях предупреждения фейковых атак на образовательные учреждения УБК МВД России с ноября 2023 года фиксирует создания сообществ в мессенджере «Telegram», посвященных подготовке нападений на школы. В указанных сообществах, в том числе распространяют сообщения с угрозами взрывов, захватов заложников и совершения иных тяжких преступлений. Причем иностранные кураторы используют приемы демонстрации «осведомленности» о внутренней жизни учебных заведений, а также отдельных учащихся. В этих целях они заблаговременно изучают соцсети учебных заведений, педагогический состав и учеников, а также знакомятся в мессенджерах с группами, в которых обсуждаются вопросы обучения. При этом следует отметить, что результатом спланированных таким образом информационных атак становится формирование полной реальности воплощения противоправных намерений. Поэтому важным в данных условиях, является сохранять спокойствие и незамедлительно информировать об угрозах правоохранительные органы.

В качестве реализации организационных мер по обеспечению безопасности учебных учреждений в декабре 2023 года в Государственную Думу внесён законопроект, согласно которому отвечать за безопасность детских учреждений предлагают поручить Росгвардии. Для охраны всех объектов Минпросвещения в стране потребуется около 600 млрд рублей в год и около 700 000 новых сотрудников [4].

Следует особо отметить, что неотъемлемым компонентом предупреждения распространения фейковых сообщений являются общепрофилактические мероприятия, которые направлены на выработку определенного алгоритма действий при получении ложной информации. Данный алгоритм включает следующие действия: сохранять спокойствие и не транслировать непроверенную информацию дальше, в случае, если цель распространения данных – рассылка заведомо ложной информации (провокация, шутка) поставить в известность правоохранительные органы (по номерам 02, 112), а также администрацию образовательного учреждения.

Пристатейный библиографический список

1. День создания Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (11 октября). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prov.ladimir.info/?module=articles&action=view&id=24758> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декаб. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2024).
3. Министерство образования РМ предупреждает о массовых информационных атаках на школы с украинской стороны. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsar.ru/36295_ministerstvo_obrazovaniya_rm_preduprejdaet_o_massovyh_informatsionnyh_atakah_na_shkoly_s_ukrainskoy_storony (дата обращения: 09.02.2024).
4. Надёжна ли защита школ? Фейковые угрозы рассылают по всей стране. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kaluga.aif.ru/society/details/nadyozhna_li_zashchita_shkol_feykovye_ugrozy_rassylyayut_po_vsey_strane (дата обращения: 09.02.2024).
5. О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 сент. 2022 г. № 688 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2024).
6. Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 декаб. 2022 г. № 1110 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2024).
7. Омичей призывают не верить фейкам об атаках на школы. Об этом сообщает «Рамблер». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/incidents/51989945/?utm_content=news_media &utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.02.2024).
8. Письма интернет-террористов: хулиганство или спецоперация по дестабилизации ситуации? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/psikhiatr-rasskazal-kto-i-pochemu-miniruet-shkoly.html> (дата обращения: 09.02.2024).
9. Против России развязана настоящая война. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/20/14882558.shtml> (дата обращения: 09.02.2024).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2024).
11. Хотели как лучше: фейки о скулшутинге подняли на уши россиян. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1234717/ekaterina-korinenko/khoteli-kak-luchshe-feiki-o-skulshutinge-podniali-na-ushi-rossiian> (дата обращения: 09.02.2024).
12. Шогенов Т. М., Федоренко С. П., Бураева Л. А. О новых факторах молодежного экстремизма в условиях современной внешнеполитической нестабильности // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8 (183). – С. 431-432.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-100-105

ЯКОВЛЕВ Михаил Валерьевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

НИКОНОВ Дмитрий Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

АВРАМОВ Степан Олегович

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения) Факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭФФЕКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ

Рассматривается социально-правовая природа стимулов и ограничений как инструментов социального управления с проецированием на профессиональную деятельность специальных субъектов права. Осуществляется анализ процесса формирования профессиональной правовой культуры с выделением профессиональной самоидентификации, обеспечивающей отождествление субъекта с системой правовых ценностей, равно как и осознание воли законодателя на установление правовых стимулов и ограничений, показывается взаимосвязь и взаимообусловленность данных категорий с правовой культурой.

Ключевые слова: профессиональная правовая культура, правовая культура, правосознание, правовые стимулы, правовые ограничения.

YAKOVLEV Mikhail Valerjevich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Theory and history of state and law sub-faculty of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

NIKONOV Dmitriy Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

AVRAMOV Stepan Olegovich

adjunct student (full-time and part-time study) of the Faculty of Training of Highly Qualified Personnel and Additional Professional Education of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

LEGAL CULTURE AS A DETERMINANT OF THE EFFECTIVE APPLICATION OF LEGAL INCENTIVES AND RESTRICTIONS

This article highlights the role of legal culture and legislative incentives in the formation of behavioral norms in society. It explores how the legal system, through its laws, influences the daily lives of citizens, establishing the framework of acceptable and unacceptable behavior. Particular attention is paid to the analysis of legal incentives used to encourage or restrict certain actions, and their influence on the formation of legal consciousness and legal culture. The authors point out the potential problems and limitations associated with the use of legal mechanisms as a tool for social management.

Keywords: professional legal culture, legal culture, legal consciousness, legal incentives, legal restrictions.

Правовая культура как полиструктурный правовой феномен представляет в условиях современных деструктивных социально-правовых процессов повышенный интерес у ведущих теоретиков и практиков права. Необходимость повышения уровня правовой культуры граждан, равно как и профессиональной правовой культуры субъектов юридической деятельности, признается на федеральном уровне, о чем свидетельствует выражение воли законодателя в основах государственной политики в области укрепления правового сознания граждан, в государственной культурной политике. Последовательная работа по реализации указанных концептуальных решений проводится на уровне функциональных подсистем посредством различных форм социального и правового взаимодействия. В связи с чем представляется актуальным изучение правовой культуры с точки зрения антропологического подхода, обеспечивающего определение и систематизацию условий и факторов, обуславливающих процесс формирования правовой культуры в контек-

сте деятельности индивида в правовой сфере. При этом, говоря о процессе формирования правовой культуры субъекта, важно понимание его принадлежности к соответствующей социальной системе, в частности, к тому или иному профессиональному сообществу, ибо правовая культура личности неотделима от правовой культуры общества [46: 47; 49; 54].

Кроме того, сегодня уже хорошо известно благодаря профессору Ф. Х. Галиеву, что правовая культура носит синкретический характер [14; 15; 17; 18]. Она включает в себя не только исключительно правовые предписания, но и иные социальные регуляторы, такие как мораль, этические нормы, исторические традиции и обычаи, корпоративные правила, религиозные таинства и т.д. Скажем, исторически, начиная с античности, право в своем понимании шестует вместе с такими социальными ценностями, как свобода [4; 12; 19; 21; 24; 28] и справедливость [10; 11; 13; 20; 27; 29; 31; 32; 41; 59]. Именно право выступает в качестве нормативной формы свободы [26, с. 36-46]. В русской традиции невозможно отделить право

от правды и добра [5; 6]. Особенно ярко это проявляется в творчестве классика русской литературы и философа права Ф.М. Достоевского [3; 7; 8; 9; 23; 25; 30; 51; 56].

Отсюда и необходимость подхода к пониманию синкретизма правовой культуры. Совершенно прав Ф. Х. Галиев, когда пишет: «ни одна из социальных норм в современном обществе не функционирует изолированно от других... Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, что правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения, в единстве с другими социальными регуляторами..., синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различных систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества. Специфические моменты, связанные с формированием синкретизма правовой культуры, совпадают с теми историческими периодами, которые выделяются в развитии государства и права. Относительно России, это, прежде всего, VIII и IX вв., когда начинают появляться государственные структуры, формируются конкретные запреты, дозволения и обязывания. Они, с одной стороны, присущи правовой норме, ибо нормы права и запрещают, и разрешают, и обязывают. С другой стороны, эти же моменты мы обнаруживаем и в содержании норм других социально-регулятивных систем: морали, религии, этики, традиций, обычаев и т.д.» [16, с. 23].

Как видим, синкретизм правовой культуры предполагает использование ею (правовой культурой) всего арсенала соционормативной регуляции. При этом предполагается, что социальной нормой выступает та, которая способствует сохранению и развитию не одного какого-то человека, а всего человеческого рода. По мнению профессора В. Д. Зорькина, который, опираясь на творчество И. Канта, полагает, что все, наносящее ущерб этой цели, «можно рассматривать как отклонение от социальной нормы, даже в том случае, когда сравнительно небольшие масштабы таких отклонений создают видимость нормальности» [26, с. 42].

Следовательно, процесс формирования правовой культуры специальных субъектов права, как в общем-то и всех граждан, должен учитывать синкретический характер самого общественного явления «правовая культура».

Представляется, что применительно к процессу формирования правовой культуры субъекта профессионального правового (юридического) сообщества следует выделить следующие основные стадии:

- профессиональная самоидентификация, на которой происходит отождествление индивида с системой правовых ценностей сообщества;
- юридическое образование, рассматриваемое как целенаправленный процесс обучения и воспитания субъекта, формирующий у последнего систему научных знаний в конкретной предметной области правовой сферы и соответствующие профессиональные компетенции;
- непосредственная предметно-фактическая деятельность в правовой сфере, сопряженная с процессом правового воспитания на макро- и микроуровне.

В указанном контексте необходимо обратить внимание на создание условий для правовой рефлексии субъекта юридической деятельности, позволяющей своевременно устранять правовые коллизии, ликвидировать пробелы в праве [22; 33]. Оценочно-результативная стадия процесса формирования правовой культуры должна характеризоваться сформированной устойчивой позицией субъекта юридической деятельности и правомерному поведению, основанному на уважительном отношении к праву [35; 45], что в конечном итоге приводит к установлению правопорядка.

Значительное количество ученых определяет правовую культуру через категорию «ценность», подчеркивая, что она и есть некая система взятых в единстве ценностей и юриди-

ческих норм, детерминирующих во многом то или иное поведение участников общественных отношений [52; 53].

В отечественной литературе над проблемой правовой культуры активно работают такие ученые-правоведы, как Ф. Х. Галиев, Н. Л. Гранат, Н. М. Кейзеров, В. И. Каминская, Н. И. Матузов, А. В. Малько, А. Р. Ратинов, В. П. Сальников, А. П. Семитко, В. Н. Синюков и др.

Так, В. П. Сальников и М. В. Сальников раскрывают «правовую культуру как совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и практики. Структурными элементами правовой культуры выступают компоненты юридической действительности в их особом ракурсе эталонов поведения: право, правовые отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов» [43, с. 16].

В. Н. Синюков и Т. В. Синюкова определяют «правовую культуру как совокупность норм, ценностей, правовых институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе» [57, с. 224].

Н. И. Матузов считает, что «правовая культура выражает этику взаимоотношений субъектов общественной жизни с правом, законами, другими юридическими феноменами. Это — особая интеллектуальная сфера, имеющая свою специфику и выступающая предметом изучения юридической науки. Кратко говоря, правовая культура есть правовая образованность гражданина. Правовая культура тесно связана с политической, нравственной, духовной и другими видами культуры. И прежде всего, конечно, с обычной, поведенческой, связанной с воспитанностью человека, его адаптированностью к порядку, дисциплине, организованности, уважению к законам страны» [37, с. 248].

Безусловно, условия принадлежности индивида к конкретному юридическому сообществу, в том числе осуществляемому на профессиональной основе правотворческую или правоприменительную деятельность, позволяет нам говорить о профессиональной культуре, носителями которой могут выступать специальные субъекты права [44; 48; 50; 55].

Высокий уровень правовой культуры в обществе способствует более эффективному и предсказуемому использованию правовых стимулов, поскольку граждане обладают устойчивой социально-ориентированной позицией по отношению к правомерному поведению, равно как и осознанию компенсационного механизма установления правовых стимулов и ограничений.

Основываясь на уровне правовой культуры, государственные органы могут более точно выбирать наиболее подходящие и эффективные правовые стимулы для достижения желаемых социальных целей. Например, в обществе с высоким уровнем правовой культуры может быть более эффективным использование положительных стимулов, в то время как в обществах с низким уровнем правовой культуры могут потребоваться более строгие меры регулирования.

Существует и обратная связь, где правовые стимулы влияют на развитие правовой культуры. Позитивные стимулы могут способствовать укреплению доверия к правовой системе и повышению уровня правовой осведомленности, в то время как чрезмерное использование негативных стимулов может привести к снижению доверия к правосудию и уровня правовой культуры.

Важность сбалансированного применения правовых стимулов в контексте существующего уровня правовой культуры является ключевым для формирования эффективной и справедливой правовой системы.

Формирование высокой правовой культуры через образовательные программы и общественные кампании может способствовать более эффективному внедрению правовых стимулов и достижению социальной справедливости.

Связь между правовой культурой и правовыми стимулами представляет собой динамическое взаимодействие, в котором каждая из этих сфер влияет на эффективность и приемлемость другой. Понимание этой взаимосвязи имеет важное значение для разработки правовой политики и практики правоприменения.

В качестве инструмента регулирования общественных взаимоотношений право направлено на модуляцию поведенческих установок субъектов в рамках установленных параметров. В этом контексте правовые механизмы выполняют двойную функцию: с одной стороны, они активизируют определенные действия, в то время как с другой — ограничивают или даже исключают иные поступки. Эта двойственность проявляется через воздействие как позитивных, так и негативных мотивационных стимулов, влияющих на процесс удовлетворения разнообразных интересов и на индивидуальном, и на коллективном уровне, а также на уровне государственных и общественных структур.

Изучение механизмов стимуляции социально благоприятного поведения занимает ключевое место как в теории, так и на практике, привлекая внимание специалистов в областях социологии, экономики, психологии и права. Основное внимание в рамках внеюридического анализа данной тематики уделяется вопросам трудовой активности и распределения социальных ресурсов. В то же время, концепция «правового стимулирования» чаще всего анализируется через призму социального контроля над законопослушным поведением. В контексте юридической науки некоторые исследования по стимулированию проводились без параллельного изучения ограничений, действующих как противес мотивационному влиянию права. Такой методологический подход привел к неоправданному расширению понятия «правового стимулирования» за счёт элементов «правового ограничения». В результате в категорию правовых стимулов включались такие явления, как запреты, обязанности, приостановления, принудительные меры, меры наказания и пр., которые на уровне информационно-психологического анализа к стимулированию не относятся. Такой односторонний подход не способствовал расширению познавательного потенциала правовых стимулов и правовых ограничений.

Для эффективного законодательного регулирования необходимо сбалансированное сочетание правовых стимулов с правовыми ограничениями. Законодатель стремится не только стимулировать социально благоприятное поведение, но и ограничивать действия, которые могут нанести вред интересам отдельных лиц, коллективов, государства или общества в целом. Правовые ограничения задают определенные границы для деятельности индивидов, ограничивая их действия до уровня, соответствующего юридическим и социальным нормам.

В трудах теоретиков права тема стимулирования часто анализируется с точки зрения регулирования социально важного поведения в рамках отношений, которые находятся под регулированием правовых норм. В этом контексте, акцент в праве на стимулирование обычно делается в контексте профилактики и устранения незаконных действий.

Современная теория предлагает разнообразные подходы к определению элементов стимулирования. В рамках одной из концепций, механизм стимулирования охватывает как позитивные, так и негативные аспекты. В. М. Баранов, например, утверждает, что «стимулирование представляет собой диалектическую категорию, объединяющую две противоположности: поощрение и ответственность. В этом контексте ответственность выступает как негативный элемент метода стимулирования, в то время как поощрение является его позитивным аспектом» [2, с. 6].

В соответствии с другим подходом стимулирование анализируется как процесс, направленный исключительно на достижение положительных последствий из-за законопос-

лушного поведения. В частности, А. В. Малько определяет правовой стимул как юридический механизм, который мотивирует к законному действию, создавая условия, благоприятные для удовлетворения интересов субъекта. Он включает в эту категорию такие элементы, как поощрения, льготы, премия, рекомендации и разрешения. Кроме того, А. В. Малько различает правовые стимулы и ограничения, причём к последним он относит наказания, ответственность, запреты, ограничения и обязанности» [36].

Правовые стимулы направлены на создание благоприятных условий для реализации личных интересов, проявляясь через обещание или предоставление ценностей, иногда даже через отмену или уменьшение мер лишения. Они расширяют сферу возможностей и свобод, поскольку к их формам относятся субъективные права, законные интересы, льготы, поощрения и рекомендации, а также подразумевают наличие положительной правовой мотивации, предполагают усиление активности в позитивном ключе и ориентированы на организованное изменение общественных отношений, тем самым способствуя развитию социальных взаимодействий.

Особого внимания заслуживает подход Е. Н. Лебедевой к осмыслению механизма правового стимулирования. Она определяет его как комплекс внешних (например, юридических мер позитивного воздействия) и внутренних элементов, которые в определенной последовательности и единстве стимулируют субъекты к социально активному поведению. Е. Н. Лебедева утверждает, что «с объективной точки зрения, механизм правового стимулирования включает в себя стимулирующие правовые нормы, юридические факты, которые служат стимулами, правостимулирующие отношения, акты реализации прав и обязанностей, правоприменительные акты, предоставляющие льготы и поощрения, а также рекомендации и субъективные права. С субъективной стороны в механизм включаются потребности, интересы, мотивы, цели, воля, установки, обещания, убеждения и правосознание» [34, с. 64].

Ряд теоретиков права придерживается мнения, согласно которому наиболее действенным в плане стимулирующего влияния на индивида является подход, объединяющий в рамках правового стимула как поощрение, так и наказание. Такой подход исходит из предпосылки, что оба эти элемента в равной степени способствуют одной и той же задаче — обеспечению законопослушного поведения. В целом поощрение и наказание формируют единую структуру в процессе стимулирования в контексте права.

Концепция правового стимулирования имеет тесную связь с понятием заслуги, восприятие которого также неоднозначно. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегов Н. Ю. Шведова дают понятие «заслуги как общепризнанной полезности чьих-нибудь поступков, деятельности, а также сами такие поступки» [40].

Заслуга рассматривается как действие, выходящее за рамки обычного законопослушного поведения, которое проявляется в добровольном превышении индивидом своих прав и/или в более высококачественном выполнении возложенных на него обязанностей, что в итоге приводит к достижению социально значимого результата.

Заслуга характеризуется социально активным поведением и добросовестным исполнением обязанностей, включая их «сверхисполнение» или достижение полезных результатов, что служит основанием для поощрения, аналогично тому как правонарушения ведут к наказанию.

Эффективность использования стимулов и ограничений управленческим аппаратом во многом определяется уровнем правовой культуры, которая включает достаточное знание юридических норм как должностными лицами, так и гражданами, их правовую осведомленность, способность применять законы в повседневной жизни, глубокое уважение к праву и его восприятие как важной социальной ценно-

сти, необходимой для функционирования общества, а также привычку к законопослушному поведению, стойкие привычки соблюдения законов и социально-правовую активность.

Эффективное использование стимулов и ограничений положительно влияет на мышление и поведение индивидов, групп и организаций, охватывая все аспекты общественной и личной жизни, где действует система юридических ценностей, которая играет ключевую роль в обеспечении стабильности, гарантированности, порядка и управляемости в общественных взаимоотношениях.

При этом следует обратить внимание на то, что объем и соотношение стимулов и ограничений для специальных субъектов права в той или иной сфере, связанной с их профессиональной деятельностью, может существенно различаться. Так, для государственных служащих в целях профилактики коррупционных правонарушений действующим законодательством установлена масса ограничений, в том числе запретов и дополнительных обязанностей, а стимулы выражаются в основном в наказаниях.

Таким образом, представляется, что для наиболее полного понимания обусловленности эффективного применения правовых стимулов и ограничений уровнем правовой культуры субъекта следует обратиться к вопросу об их взаимосвязи в контексте активности поведения субъекта в правовой сфере. В указанном контексте следует придерживаться следующих форм взаимосвязи правовой культуры с правовыми стимулами и ограничениями.

Социально-активная форма, при которой субъект обладает положительным психоэмоциональным восприятием правовой действительности, равно как и принимает необходимость установления государством правовых стимулов и ограничений для достижения общественно-значимых целей и удовлетворения общественных потребностей. При этом сбалансированность получаемых социальных предпочтений и подчинение устанавливаемым правовым ограничениям обеспечивает укрепление социальных стереотипов как фундаментальной основы формирования правовой культуры.

Конформистская форма, характеризующаяся приспособленным отношением субъекта к соблюдению правовых предписаний, сопряженного с исполнением правовых ограничений из страха ответственности, чувства предосторожности из-за потенциальной возможности лишения привычных социальных благ. Указанная модель поведения субъекта не развивает у последнего чувства уважительного отношения к праву, опосредующему уровень правовой культуры.

Объективируется, длительное нахождение субъекта в состоянии социальной неудовлетворенности порождает у последнего нигилистическое отношение к объективному праву, что при определенных условиях подвигает его к неправомерному поведению, оказывающему репрессивное влияние на формирование правовой культуры.

Данное поведение может «выходить» за пределы профессиональной деятельности и распространяться в том числе и на взаимоотношения в семье. Семья, как известно, является значимой социальной ценностью [1; 39; 42; 58]. Она, хотя как правило и опосредованно, играет существенную роль в формировании правовой культуры. Мы порой недооцениваем ее значимость как краеугольной конституционной ценности для всего многонационального населения России, каждого народа, безотносительно этнической и религиозной принадлежности. По справедливому замечанию В. Д. Зорькина, традиции в сфере семьи касаются важнейшего вопроса – вопроса выживания человеческого рода. «Эти традиции формировались в глубочайшей исторической древности..., – пишет он, – складывались в фундамент человеческого сообщества как основа, базис общественной морали» [26, с. 40].

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации выражает озабоченность ярко выраженной тенденцией в данном направлении, проявляющейся на коллективном

Западе по этому поводу, и оказывающей определенное влияние на некоторую часть российского населения. В.Д. Зорькин пишет: «С позиции понимания внутренней взаимосвязи основных соционормативных регуляторов не могут не тревожить тенденции современного (и прежде всего западноевропейского) правового развития, в которых обнаруживаются отчетливые расхождения с теми нравственными нормами общества, которые уходят своими корнями в христианскую традицию. Центральной точкой этих расхождений, на мой взгляд, становится акцент правовых систем – уже сугубо светских, постхристианских – на личных, индивидуальных правах свободного человека, свободного в том числе и от общественной морали с ее представлениями о благом и справедливом. Такой подход во многом обусловлен укорененными в западноевропейской культуре Нового времени представлениями о человеке. По этим представлениям в “ядре” человеческой природы господствуют индивидуализм и личный эгоизм. И, как мы видим, эта позиция, под знаменем расширения индивидуальной свободы, в последние десятилетия все настойчивее проникает в сферу права и получает воплощение в действующем законодательстве» [26, с. 40-41].

Далее В. Д. Зорькин продолжает: «Поэтому представляются очень тревожными сегодняшние тенденции все более частого и жесткого противостояния между кодифицированным законом и массовой общественной моралью, затрагивающей те глубинные соционормативные основы, на которых и было когда-то сформировано человеческое сообщество. Я имею в виду такие законодательные новеллы, которые решительно отрицают базовые нормы традиционной религиозной морали. То есть объявляют правовой нормой нетрадиционные модели поведения сексуальных и гендерных меньшинств, пытаются принудительно “уравнять” мужчин и женщин, пренебрегая их естественными биологическими различиями в ущерб ценностям материнства, санкционируют вторжение государственных органов и неправительственных организаций даже в практически вполне благополучные семьи якобы с целью защиты детей от ненадлежащих воспитательных мер со стороны родителей» [26, с. 41]. Таковы навязываемые нам ценности коллективного Запада. Конечно, они неприемлемы для нас.

В то же время указанные выше проявления и попытки Запада заставляют нас учитывать данную ситуацию и эффективно вырабатывать иммунитет против восприятия указанных лжеценностей в процессе формирования правовой культуры как личности, так и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Ананских И. А., Уткин Н. И. Семья как нравственно-правовая ценность российского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 10. – С. 12-15.
2. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. – Саратов, 1978. – 147 с.
3. Бастрыкин А. И., Сальников В. П. Идея человека в учении Ф. М. Достоевского о праве и государстве // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 9-19.
4. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф. М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 176-181.
5. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея абсолютного Добра в философии права Достоевского: ее актуальность в контексте конституционных реформ // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской

- ской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 67-76. – в сб. 310 с.
6. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с. (Серия: «Наука и общество»).
 7. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея права нового времени и философское наследие Ф. М. Достоевского: мировоззренческая опозиция двух моделей // Правовое государство в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / Отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С 74-85. – в сб. 395 с.
 8. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Философия права Ф. М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9. – С. 168-181.
 9. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф. М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 165-172.
 10. Брылева Е. В., Игнатъева С. В., Сальников М. В. Социальное предпринимательство как реализация принципа истинной справедливости // Образование и право. – 2022. – № 7. – С. 340-349.
 11. Виноградова Е. В., Сальников В. П., Захарцев С. И. Правосудие для справедливости М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 190-194.
 12. Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Право, свобода, закон. Контрфорс // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 30-35.
 13. Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Справедливое правосудие М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. – 2023. – № 7. – С. 194-199.
 14. Галиев Ф. Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. № 4. – С. 1352-1356.
 15. Галиев Ф. Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
 16. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
 17. Галиев Ф. Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
 18. Галиев Ф. Х., Раянов Ф. М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. – 292 с.
 19. Денисов А. М., Жук А. С. Понятие свободы личности и понятие справедливости как ценностное основание права в учении Георга Фридриха Пухты // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 189-193.
 20. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова; Ананских И. А., Виноградова Е. В., Грибов И. Н., Гутман М. Ю., Захарцев С. И., Зорина Н. В., Игнатъева С. В., Исмагилов И. Р., Исмагилов Р. Ф., Кийко А. Ю., Крижановская Г. Н., Лежнева О. Ю., Лысенков С. Г., Максимов А. А., Масленников Д. В., Морозов А. И., Новожилов С. А., Петров П. А., Прокофьев К. Г., Сальников В. П., Сальников М. В., Сальников С. П., Старовойтова О. Э., Утюганов А. А., Хабибулин А. Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.
 21. Жук А. С., Лукашин Е. В., Прокофьев К. Г. Сущностная свобода человека как условие его самоопределения в качестве субъекта права и морали (ценностный аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 9. – С. 151-157.
 22. Захарцев С. И., Сальников В. П. Пробелы в праве – грань компрехендной теории его познания // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20-21 февраля 2020 г.) / Т. Я. Хабриева, С. В. Липень, В. В. Лазарев и др.; отв. ред. Н. Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 93-104. – в сб. 464 с.
 23. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф. М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
 24. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1. – С. 4-7. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-04-07
 25. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Теоретико-методологические основания философии права Ф. М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 17-24
 26. Зорькин В. Д. Право против хаоса: Монография. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2023. – 536 с. DOI 10.12737/1958344.
 27. Зорькин В. Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С.5-14.
 28. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, И. Р. Исмагилов, О. А. Клименко, О. Ю. Лежнева, С. Ф. Мазурин, Б. В. Маков, Д. В. Масленников, А. К. Мирзоев, П. А. Петров, Е. А. Поливко, К. Г. Прокофьев, О. В. Пылева, В. П. Сальников, М. В. Сальников, Ф. О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
 29. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников, С. И. Захарцев, М. В. Сальников, Л. К. Петросян, А. В. Черняева; под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
 30. Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Правовая философия Достоевского и идеократические основания суверенитета России // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 171-176.
 31. Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических ис-

- следований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
32. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2023. – 424 с.
 33. Лазарев В. В. Избранные труды: В 3 т. Том 2: Проблемы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «ЮСТ». – М.: Новая юстиция, 2010. – 504 с.
 34. Лебедева Е. Н. Правовое стимулирование в государственном управлении / Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 4 (99). – С.64.
 35. Личность и уважение к закону. Социологический аспект / Боботов С. В., Боруцкая-Арцтова М., Гаврилов О. А., Казимирчук В. П., и др.; Отв. ред.: Антонова Н. А., Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. – М.: Наука, 1979. – 286 с.
 36. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве // Общая теория государства и права. Академический в трех томах / Отв. ред. М. Н. Марченко Т. 3. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.
 37. Матузов Н. И. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 640 с.
 38. Матузов Н. И. Теория государства и права: Учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.
 39. Морозов А. И., Прокофьев К. Г., Сергеева А. Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 40. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 1997.
 41. Петров А. В., Жичкина С. Е. Справедливость как критерий ценности права // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 40-47.
 42. Рыбакова О. С. Конституционные гарантии защиты семьи и семейных ценностей в Российской Федерации // Вопросы ювенальной юстиции. – 2022. – № 4. – С. 2-5.
 43. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 13-19.
 44. Сальников В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: Учебное пособие. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988. – 48 с.
 45. Сальников В. П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. – 86 [2] с.
 46. Сальников В. П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
 47. Сальников В. П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. – Саратов: б.и., 1986. – № 7. – С. 44-54.
 48. Сальников В. П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983. – 72 с.
 49. Сальников В. П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530. – в кн. 720 с.
 50. Сальников В. П., Казаченко В. Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58.
 51. Сальников В. П., Масленников Д. В. Философия права Ф. М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72-79. – в сб. 256 с.
 52. Сальников В. П., Сальников М. В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. Том 19. – С. 1096-1099.
 53. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4 (84). – С. 70-86.
 54. Сальников В. П., Стремоухов А. В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
 55. Сальников В. П., Гучериев Х. С., Федоров В. П., Худяк А. И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
 56. Сальников В. П., Исмагилов Р. Ф., Масленников Д. В., Захарцев С. И. Философия Ф. М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // Мир политики и социологии. – 2018. – № 9-10. – С. 171-183.
 57. Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА:ИНФРА-М, 2022.
 58. Ситкова О. Ю. Семья, семейные связи, семейные ценности: проблемы понимания в современных условиях // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 4. – С. 142-150.
 59. Экимов А. И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.

АБЫЗОВА Елена Равильевна

кандидат юридических наук, доцент, Судья Арбитражного суда города Москвы

СОВРЕМЕННАЯ «ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Определенную группу современных условий и факторов развития государства и права, связанную с внедрением электронно-вычислительной техники, информационных систем и информационно-коммуникационных технологий, принято называть «информационной революцией», обозначающей кардинальное преобразование общественных отношений в результате принципиальных изменений в сфере поиска, обработки, передачи и хранения информации. Следствием подобных преобразований являлось приобретение обществом определенного нового качества. Указанные обстоятельства непосредственно влияют на трансформацию правопорядка. Данному вопросу и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: правопорядок, информационная революция, право, государство, «электронное государство», электронно-вычислительная техника, информационные системы, информационно-коммуникационные технологии.

ABYZOVA Elena Raviljevna

Ph.D. in Law, associate professor, Judge of the Arbitration Court of Moscow

MODERN «INFORMATION REVOLUTION» AND ITS IMPORTANCE FOR THE FORMATION OF THE RULE OF LAW IN THE INFORMATION SOCIETY

The definition of a group of modern conditions and factors of development of the state and the rights associated with the introduction of computer technology, information systems and information and communication technology, called "information revolution", indicating a radical transformation of social relations as a result of fundamental changes in the field of research, processing, transmission and storage of information. The consequence of such transformation is the acquisition of a new society, a certain quality. These circumstances have a direct impact on the transformation of the rule of law. This issue is devoted to this article.

Keywords: rule of law, the information revolution, right, state, "electronic government", electronic computing machinery, information systems, information and communication technologies.

Абызова Е. Р.

Определенную группу современных условий и факторов развития национальной правовой системы Российской Федерации, связанную с внедрением информационных систем и информационно-коммуникационных технологий, принято определять как «информационную революцию». Данное словосочетание взято в кавычки не случайно. Как правило, оно используется в качестве метафоры, обозначающей кардинальное преобразование общественных отношений в результате принципиальных изменений в сфере поиска, обработки, передачи и хранения информации. Следствием подобных преобразований являлось приобретение обществом определенного нового качества.

Исследования процессов информатизации и их влияния на все сферы общественной жизни достаточно широко представлены в современных социологической, философской и экономической науках. Сложился общепризнанный перечень цитируемых в этой связи авторов, которые признаны классиками концепции «информационной революции», представленной, в первую очередь, в работах Д. Белла, Э. Тоффле и А. Турена.

В отечественной литературе теоретические попытки осмыслить сущность и основные черты такого социального явления как «информационная революция» были предприняты А. Н. Авдуловым и А. М. Кулькиным, В. М. Глушковым, И. С. Мелюхиным, И. А. Негодаевым, В. Ю. Панов, А. И. Ракитовым, А. И. Смирновым, Г. Л. Смоляном, П. В. Сороколетов и Д. С. Черешкиным и др.

Теория информационного общества получила свое развитие в произведениях таких зарубежных исследователей как М. Кастельс, М. Маклюэн, И. Масуда, Ф. Махлуп, М. Порат, Т. Стоуньер и др.

Первой революцией была аграрная, построенная на соединении силы животных и людей в целях обеспечения производства, транспортировки и коммуникации. После неё по-

следовали ряд промышленных революций, начавшихся во второй половине XVII века:

а) первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. Её пусковым механизмом стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства;

б) вторая промышленная революция, начавшаяся в конце XIX века и продлившаяся до начала XX века, обусловила возникновение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера;

в) третья промышленная революция началась в 1960-х годах. Обычно её называют компьютерной или цифровой революцией, катализатором которой стали вначале полупроводники, затем персональные компьютеры и далее – сети Интернет [10, с. 15-16].

В 2016 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе его председатель К. Шваб провозгласил начало четвертой промышленной революции. В 2017 г. заговорили уже о пятой революции, в частности, в немецком городе Ганновер японский премьер-министр Синдзо Абэ презентовал свой проект «Общество-5.0» (Society 5.0), который идет еще дальше, чем проект четвертой промышленной революции «Индустрия-4.0».

Овчинский В. С. уже на начальных стадиях новых промышленных революций выделяет определяющие их черты: а) одновременное широкое производственное применение различных независимых кластеров технологий, прежде всего робототехники, 3D-печати, новых материалов со спроектированными свойствами, биотехнологий, новых информационных технологий и конечно же диверсификация энергетического потенциала производства и общества; б) постоянно возрастающее взаимодействие между отдельными технологическими кластерами, их своеобразное «слипание», взаимное кумулятивное и резонансное воздействие друг на друга; в) появление на границах технологических кластеров прин-

ципиально новых, не существовавших ранее технологий и семейств технологий, в которых кластеры взаимодействуют между собой [6, с. 352].

Информационная революция в контексте нового технологического уклада (Четвертой промышленной революции) опирается на третью, поскольку ее база – это по-прежнему цифровые технологии, но нового типа. Революционные возможности новых технологий являются следствием «скорости, масштаба и системных последствий технологических изменений».

Под информационной революцией понимается массовый переход от одного типа обработки информации к другому, затрагивающий один или несколько видов обработки информации. Информационная революция, в ходе которой осуществляется массовый переход к цифровому способу обработки информации, предполагает возникновение цифровой революции.

Четвёртая промышленная революция связана не только с умными и взаимосвязанными машинами и системами, её спектр значительно шире. Использование цифровых технологий позволит лучше осуществлять управление с помощью: а) модернизации структуры и функций госадминистраций; б) прозрачности процессов электронного управления; в) ответственности и вовлечённости в отношениях между правительством и его гражданами.

Главным же достижением Четвёртой революции будет создание по-настоящему открытого общества. Впервые в истории человечества, опираясь на самые современные технологии, будет создана цивилизация без тайн и секретов, при абсолютной открытости гражданина перед государством. Электронные инструменты Четвёртой революции сделают повседневную жизнь по настоящему прозрачной [7, с. 213].

Результатом перечисленных процессов стало то, что на рубеже XX и XXI веков происходит принципиальное изменение общественных отношений, которое некоторыми представителями социологической науки характеризуется как переход от индустриального общества к информационному [12, с. 6], т.е. подразумевается не просто «информационная революция», а революция информационно-технологическая или, иначе говоря, промышленная, предполагающая также изменение способа общественного производства.

Современная «информационная революция» характеризуется тем, что у значительной части населения существенно расширяется доступ к различной информации как внутри определенного государства, так и за его пределами. Возможности государства по контролю за информационным обменом, если не снижаются вообще, то требуют формирования новых форм и механизмов его осуществления.

При рассмотрении результатов промышленной революции XIX и последующих экономических процессов, российский экономист Н. Д. Кондратьев еще в 20-х годах прошлого века обнаружил так называемые длинные волны в экономике, образующиеся от введения определенного базового новшества, которое дает толчок к использованию множества вторичных и совершенствующих новаций. Такие новшества Н. Д. Кондратьев относил к «кумулятивным» элементам, определяющим развитие хозяйственной жизни общества [14].

Чуть позже австрийский экономист и социолог Й. Шумпетер вводит в оборот термин «инновация» и пытается увязать открытые до него виды циклических колебаний в единый взаимосвязанный процесс, базирующийся на инновациях. В своих исследованиях он изложил теорию мультициклическости волновых колебаний с волнами нововведений и изобретений; теоретически обосновал необходимость постоянных нововведений как средства преодоления кризисов [15].

Таким образом, основными тенденциями в развитии общества в настоящее время выступают: а) увеличение роли человеческого фактора в экономике; б) формирование новых, более высоких технологий; в) структурное изменение экономической и социальной структуры общества; г) возрастание роли организации и управления в общественной жизни. При этом проблема становления информационного общества (постиндустриального, сетевого [4, с. 96]¹) и оцен-

ка различных его составляющих является одной из наиболее дискуссионных тем в современной гуманитарной науке.

Исключение пока что можно сделать только для юридической науки, представители которой еще в недостаточной степени осознали те последствия, которые породила «информационная революция» для права в целом и правовых систем различного уровня (национальных и транснациональных, национальных, субнациональных) в частности).

Сложность и неоднозначность указанной проблематики делает возможным обращение к ней самого широкого круга исследователей: историков, философов, социологов, экономистов, психологов, юристов. Интерес к теории «информационного общества» и «информационной революции» неслучаен, учитывая естественное возрастание интереса к любым тенденциям и закономерностям, которые предопределяют перспективы развития современного общества.

Развитие информационных систем, информационно-коммуникационных технологий и вычислительной техники повлекли не только социальные преобразования, но и привели к возникновению обусловленного ими течения общественной мысли, известного под названием «теория информационного общества», имеющей свою историю развития. К настоящему времени уже достигнуты определенные результаты в процессе ее формирования: возник понятийно-категориальный аппарат, определены основные характеристики информационного общества.

Под информационным обществом понимается среда оборота информации, в которой основой развития становится не материальное производство, а производство знаний и информации на базе передовой информационной технологии [5, с. 31].

В России поворотным в этом направлении стал 2017 г., когда были приняты два важных документа: а) Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы;² б) Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которых определены условия для развития платформ и технологий, нормативное регулирование, информационная инфраструктура, безопасность и кадры.³

Социальное устройство общества будущего станет представлять из себя результат естественного развития общества современного: ведь новое не появляется из ниоткуда само по себе или по желанию. Оно всегда опирается на прошлое, меняя его постепенно, иногда незаметно, иногда резко, революционно.

Появление и развитие информационно-коммуникативных технологий стало предпосылкой цифровизации всех сфер жизни общества, в том числе и права. Актуальность информационной права в современном мире как комплексной отрасли отечественного права обоснована: во-первых, формированием информационного общества; во-вторых, повышением роли информации в разных сферах жизни; в-третьих, потребностью обеспечения информационной безопасности личности в отдельности и государства в целом.

В специальной литературе понятие «информационное общество» нередко отождествляют с другим чрезвычайно популярным в наши дни понятием – «оцифрованный мир», отличающимся от других миров: 1) гигантскими скоростями передачи информации и знаний; 2) гигантскими объемами запоминающих устройств; 3) гигантскими скоростями поиска и распознавания данных в базах данных и знаний; 4) глобальными масштабами передачи и распространения социально- и индивидуально-значимой информацией и знаний. Все это обуславливает быстрое распространение знаний, особенно научных, и их влияние на технологический и социальный прогресс [16].

Задачей правового регулирования сферы цифровых технологий в России является создание единой системы правового регулирования взаимодействия человека и цифровых технологий, которое будет способствовать цифровизации общества, уменьшению правовых рисков, развитию экономики, росту в целом благосостояния [9, с. 1262].

2 Информационно-правовой портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/#review> (дата обращения: 01.08.2023).

3 Официальный сайт Правительства России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4Ps_B79I5v7yLVuPgu4bvR7Mo.pdf (дата обращения: 06.08.2023).

1 Сетевое общество – это общество, социальная структура которого состоит из сетей, работающих на основе информационных и коммуникативных технологий, основанных на микроэлектронике.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», цель цифровой трансформации: «Достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде.

К данной проблематике обращались и советские исследователи, а также современные российские. Первоначально в основу отечественных исследований в этой области была положена такая категория как научно-техническая революция (далее также – НТР). При этом ее сущность «... – один из наиболее дискуссионных моментов в обсуждении проблем НТР в работах советских авторов (см.: В. С. Готт, Э. П. Семенюк, А. Д. Урсул и др.). Одни авторы видят главную суть НТР в автоматизации, коренных качественных преобразованиях производственных сил, другие – в небывалом ускорении процесса проникновения научных достижений в технику, третьи – в новом общественном разделении труда, четвертые – в создании четырехзвездной системы машин и т.д.» [1, с. 89].

В научной литературе советского периода встречаются различные подходы к раскрытию сущности НТР [17], [18]. Интерес представляет одно из наиболее поздних определенных научно-технической революции, отождествляемой с информационной революцией: «Сущность современной научно-технической революции заключается в скачкообразном возрастании интенсивности информационных процессов в контурах управления и познания благодаря научной методологии и техническим средствам кибернетики на базе микроэлектроники» [1, с. 90]. Далее цитируемый автор фактически заменяет понятие «современная научно-техническая революция» на понятие «информационная революция (информационный взрыв)».

Последнее десятилетие прошлого века характеризуется постепенным включением в научный понятийно-категориальный аппарат понятия «информационная революция» и фактическим исчезновением понятия «научно-техническая революция». При этом следует обратить внимание на то, что среди современных исследователей практически нет единства по ряду ключевых вопросов – понятие «информационной революции», периодизация таких революций, и, главное, их сущность.

Так, например, А. И. Ракитов [16] под информационной революцией предлагает понимать изменения инструментальной основы, способа передачи и хранения информации, а также объема информации, доступной активной части населения. При этом им выделяется пять информационных революций: 1) возникновение, распространение и внедрение в деятельность и сознание человека языка (речи); 2) появление письменности; 3) изобретение книгопечатания (что сделало любую информацию, и особенно научные знания, продукцией массового потребления); 4) внедрение электрической аппаратуры и основанных на электричестве аппаратов и приборов для скоростного, на предельно дальнее расстояние и предельно массового распространения всех видов информации и знаний; 5) создание сверхскоростных вычислительных устройств – компьютеров (в т.ч. персональных); гигантских автоматизированных баз данных; трансгосударственных и трансконтинентальных коммуникационных сетей.

Несмотря на свою достаточно широкую распространенность в последние годы такой подход нельзя признать общепризнанным. Например, П. В. Сороколетов⁴ определяет информационную революцию как качественный скачок в технологии сбора, хранения и передачи информации от субъекта к субъекту (коммуникации), выделяя только три таких скачка: 1) осознанные мысленные образы и представления человека вылились в звуковые символы, люди осваивали речевое общение; 2) формы устной речи были сопоставлены с визуальными символами – появилось письмо; 3) появление цифрового кода, существующего в памяти электронного устройства – компьютера. Автоматическая обработка тек-

стовых и графических файлов с последующей почти мгновенной передачей на расстояние становится содержанием современного состояния в области информатизации и вычислительной техники.

Из зарубежных исследователей к приведенным выше взглядам отечественных ученых наиболее близок Н. Луман, который на основе системного подхода заложил основы теории коммуникаций, выделив несколько этапов их развития: язык (речь), письмо (письменность), книгопечатание, электронные медиа, символически генерализованные средства коммуникации, религия и мораль как средства коммуникации [13].

Вместе с тем, за рубежом основным классиком концепции «информационной революции» является О. Тоффлер, который подходит к этому вопросу несколько с иной стороны по сравнению с советскими и современными российскими исследователями, выделяя три «волны» в развитии общества: (1) аграрную – при переходе собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, (2) индустриальную – при переходе от аграрного хозяйства к классическому капитализму, (3) информационную – при переходе к современному обществу, основанному на знании [12, с. 784].

Придерживается схожей позиции и признанный классик теории постиндустриализма Д. Белл, считающий, что мир переживает третью по счету технологическую революцию, характеризующуюся массовым распространением и внедрением новых технологий и «промышленного производства информации» [2, с. 7-8].

Следует обратить внимание на то, что при рассмотрении «информационной революции» отечественные и зарубежные исследователи рассматривают хоть и взаимозависимые, но различные явления. Точнее они рассматривают один и тот же социальный процесс, но с различных сторон, в силу чего результаты их исследований не могут считаться полностью сопоставимыми.

Отечественная гуманитарная наука, рассматривая современную «информационную революцию», в первую очередь стремится установить не ее роль и место в экономическом развитии общества, а раскрыть процесс информационного обмена и накопления знаний: от возникновения речи (языка) до современных информационно-коммуникационных технологий.

Вместе с тем, еще раз следует подчеркнуть единство рассматриваемого социального процесса. Различия же в подходах зарубежных и отечественных исследователей обусловлены тем, что они рассматривают данный процесс с различных позиций. При этом каждая из них имеет собственную научную ценность.

Принимая во внимание сделанные замечания, направленные на синхронизацию отечественных и зарубежных подходов к современной «информационной революции», к основным ее технологическим предпосылкам следует отнести: 1) уровень развития промышленного производства, достигнутый к середине прошлого века, обеспечивший создание и успешное функционирование в области материального производства средств автоматизации и телемеханики; 2) уровень автоматизации промышленного производства, достигнутый на рубеже 60-х – 70-х годов прошлого века благодаря внедрению и широкому освоению микропроцессов и промышленных роботов; 3) активную разработку общих принципов и средств автоматизации социального управления и управления производством, а также применение управленческих информационных систем в развитых странах в 60-х – 80-х годах прошлого века, когда произошло распространение процессов информатизации с уровня непосредственного создания благ на уровень управления ими; 4) создание на рубеже 70-х – 80-х годов прошлого и активного функционирование в 90-х годах прошлого века объединенных информационных систем, связавших воедино те процессы и ресурсы, которые ранее использовались разрозненно; 5) поступательное развитие информационно-коммуникационных технологий, обеспечившее глобализацию современного общества на рубеже прошлого и текущего веков.

В аграрных обществах важнейшее значение имела повторяемость, усвоение опыта предшествующих поколений, а орудия труда не менялись столетиями. Индустриальное общество диктует необходимость непрерывного технологического обновления. Динамика, технический прогресс являются основой жизни цивилизации нового типа. Темп изменений становится неуловимо быстрым по сравнению с прежними временами. В связи с этим, некоторыми исследо-

4 Сороколетов П. В. Мир на пороге четвертой информационной революции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source=web&cd=8&ved=0CEoQFjAN&url=https://3A%2F%2Fwww.ifap.ru%2Flibrary%2Fbook020.doc&ei=XFNtVJSyMibTygPP2YcW&usg=AFQjCNHXX07yClFFEEy1owrlsW5r_h6Xrw&bvm=bv.80185997,d.bGQ&cad=rjt (дата обращения: 20.11.2023 г.).

вателями указывается, что: «... если нашим детям при жизни одного поколения не удастся создать новый образ жизни, новое о ней представление, то человек как вид – обречен» [11]. Важнейшим источником перемен в индустриальный период стали достижения научно-технической мысли. Союз между промышленностью и наукой, ориентированный на практические цели, создавал огромные возможности для наращивания производственных мощностей и удовлетворения материальных потребностей в ранее непредставимых масштабах.

Промышленная революция, обусловившая переход от аграрного общества к индустриальному, вызвала преобразование всей общественной жизни, которые повлекли формирование действующей модели суверенного национального государства и соответствующих ей национальных правовых систем. Модернизация, создание гигантских индустриальных комплексов потребовали значительного увеличения численности наемных работников – как рабочих, так и служащих. В среднем в развитых странах на протяжении последней трети XIX века количество промышленных рабочих увеличилось примерно втрое, служащих корпораций, банков, государства – в четыре раза.

Современный мир оказался в условиях двойного переходного периода: от аграрной к индустриальной и от индустриальной к информационной модели. Указанное обстоятельство сформировалось в условиях общей глобализации общества, суть которой заключается в установлении системного единства всей мировой экономики. Незавершенность процесса индустриализации проявляется иногда неожиданно, в том числе в развитых странах, создавая серьезные препятствия общественному развитию и порождая новые проблемы, для решения которых необходимо переосмыслить все сложившиеся представления в этой сфере.

Преращения работы с информацией в целом и, науки в частности, в массовую специальность, дифференциация и интеграция наук, расширение проводимых комплексных и междисциплинарных исследований привели к небывалому росту знания и еще гораздо большему росту потока информации в обществе во всех сферах. Происходит осознание того, что информационные ресурсы составляют существенную часть национального богатства, а темпы научно-технического прогресса и развития всего общества в значительной степени определяются скоростью работы с информацией.

Текущий этап развития общества позволяет констатировать изменение места информации в общественном производстве. В результате «информационной революции» информация превратилась в один из ведущих предметов и средств труда, она овеществлена во всех факторах и продуктах общественного производства, в силу чего стала выступать составной частью ВВП, интернируясь со всеми другими экономическими ресурсами и определяя эффективность всех остальных факторов и само существование различных производств и отдельных видов предпринимательской деятельности.

Результатом современной «информационной революции» становится обострение ряда противоречий, которые являются предметом гуманитарного дискурса, в том числе юридического, а точнее относящегося к области философии права, а также общей теории государства и права. Среди таких противоречий, следует отметить: 1) общество – государство; 2) непосредственность волеобразования и волеизъявления – опосредованность волеобразования и волеизъявления; 3) доступность информации – информационная безопасность.

Данные противоречия не являются порождением современной «информационной революции». Их разрешению посвящены специальные философские и юридические исследования применительно к большинству исторических периодов. Однако в современных условиях они приобретают новые аспекты, требующие своего научного осознания и влияющие на правовые системы всех уровней (наднациональные и транснациональные, национальные, субнациональные).

Технологические революции, как правило, сопровождаются социальными изменениями, так как смена материальных основ жизни общества не может не сказаться на его социальной надстройке – образе жизни людей и регулирующих человеческие отношения общественных институтах (общепринятых нормах поведения, убеждениях и организациях [3, с. 76]. Последствия промышленной революции породили новые идеологии XX века, и точно так же будущее революции в биоинформационных технологиях, скорее всего потребуют формирования нового мировоззрения.

Одновременно с этим, внедрение технологий ставит цивилизацию перед угрозой массовой безработицы, которая может привести как к политическим, так и экономическим последствиям. Возможны жесточайшие столкновения между силами правопорядка и голодными толпами.

В контексте формирования нового типа правопорядка, характеризующего информационное общество, особый интерес представляет взаимодействие общества и государства, в рамках которого особый интерес представляют такие аспекты как (1) централизация и децентрализация власти и управления; (2) публично-правовая субъектность участников информационного обмена, в том числе влияние «информационной революции» на суверенитет государств; (3) роль и место «электронного государства» в информационном обществе.

При этом обеспечение информационной безопасности становится уделом самих информационных систем, а также в силу алгоритмической неразрешимости проблемы начала информационной войны, [8, с. 145] невозможно ни предсказать, ни, вероятно, определить точку окончательной победы цифровых акторов в информационной революции. Современное информационное общество породило и особый тип государства – информационное государство – государство, порожденное цифровой революцией.

Пристатейный библиографический список

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 2004.
3. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2018.
4. Егорова М. А. Сетевое государство и цифровое общество: новые культурологические условия развития правоотношений // Право в культурном измерении. Новые векторы развития, под общ. ред. В. Н. Синюкова и М. А. Егоровой. – Москва, Проспект, 2023.
5. Корнев В. А., Танимов О. В. Информационное право в условиях цифровой трансформации российского права. – Москва: Проспект, 2022.
6. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
7. Панов В. Ю. Симулятор безумия. Как Четвёртая промышленная революция превратит Homo Sapiens в Homo Servus? – Москва: Эксмо, 2023.
8. Петров С. Т. Цифровая революция. Цифровая экономика. Цифровая ноосфера. – М.: Издательство «Перо», 2022.
9. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий / под общей ред. д.ю.н., доцента А. В. Минбалеева. – Саратов: Амирит, 2019.
10. Шваб Клаус. Четвёртая промышленная революция: перевод с англ. / Клаус Шваб. – Москва: Эксмо, 2022.
11. Beer S. Brain of firm: Second edition. – New York: «John Wiley & sons», 1982. – P. 13.
12. Тоффлер О. Третья волна. – М., 1999.
13. Назарчук А. В. Учение Николая Лумана о коммуникации. – М., 2012. – С. 248.
14. Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры. – М., 1928. – С. 269.
15. Шумпетер И. Теория экономического развития. – М., 1982. – С. 611.
16. Ракитов А. И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. – № 6. – 2016. – С. 32-47.
17. Зинченко Г. И. Социологические проблемы НТР. – М., 1975. – С. 6.
18. Озобин Н. М., Павлов А. С. Комплексное планирование научно-технического прогресса. – М. 1975. – С. 45.

ВЕРШИНИНА Маргарита Константиновна

студент 5 курса Факультета подготовки специалистов для судебной системы Юридического факультета Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

РУЗАВИНА Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ПРАВОВОЙ КОНФОРМИЗМ: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются проблемы, а также положительные аспекты проявления правового конформизма в современном обществе. Именно правовой конформизм является наиболее распространенной формой деформации правового сознания в силу своих особенностей формирования и воздействия на поведение индивидов. В рамках правового конформизма отсутствует баланс между внутренними убеждениями человека с его действиями. Авторы детально прослеживают негативные проявления в действиях носителей правового конформизма, поскольку такая форма деформации правосознания напрямую зависит от тех ценностей и убеждений конкретной социальной группы, которой желает придерживаться индивид.

Почему именно правовому конформизму уделяется особое внимание среди других форм деформации правосознания в рамках современного общества?

Правовой конформизм, помимо существенных негативных последствий, способен привести и к некоторым положительным аспектам, способствующим неким образом оказывать благоприятное воздействие на общество, однако данное явление сложно назвать правильным, соответствующим букве закона.

Ключевые слова: правосознание, право, государство, деформация правосознания, правовой конформизм, цифровизация общества, молодежь, социальная группа, преступность, социальные ценности, общество, правовая культура, отечественное законодательство.

VERSHININA Margarita Konstantinovna

student of the 5th course of the Faculty of Training Specialists for the Judicial system of the Faculty of Law of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

RUZAVINA Evgeniya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

LEGAL CONFORMITY: NEGATIVE AND POSITIVE ASPECTS

The article examines the problems, as well as the positive aspects of the manifestation of legal conformity in modern society. It is legal conformism that is the most common form of deformation of legal consciousness due to its peculiarities of formation and influence on the behavior of individuals. Within the framework of legal conformity, there is no balance between a person's inner beliefs and his actions. The author traces in detail the negative manifestations in the actions of the bearers of legal conformity, since this form of deformation of legal consciousness directly depends on the values and beliefs of a particular social group that an individual wants to adhere to.

Why is legal conformity given special attention among other forms of deformation of legal consciousness in the framework of modern society?

Legal conformity, in addition to significant negative consequences, can lead to some positive aspects that contribute in some way to have a beneficial effect on society, however, this phenomenon is difficult to call correct, corresponding to the letter of the law.

Keywords: legal awareness, law, state, deformation of legal awareness, legal conformism, digitalization of society, youth, social group, crime, social values, society, legal culture, domestic legislation.

На сегодняшний день, для современного правового государства важную роль играет правосознание граждан. Такая зависимость от правосознания обоснована, поскольку именно уровень правового сознания граждан определяет его отношение к праву, а также ко всем, вытекающим из него явлениям.

Кроме этого, важность формирования правильного отношения к праву обусловлена положениями, закрепленными Конституцией Российской Федерации. Так, согласно ст. 1 Конституции Российской Федерации, Российское государство провозглашено правовым¹ наравне с его демократическими и социальными началами. Однако, процесс становления правового государства представляется достаточно сложным, поскольку для нормального его функционирования необходимо искоренить

различные формы деформации правового сознания, а также необходимо повысить уровень правовой культуры и разрешить многие другие проблемы правового характера.

В научной литературе имеется целый ряд трактовок понятия «правосознание», однако, их можно объединить в одно общее определение. Так, под правосознанием следует понимать «совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, взглядов, настроений, установок и ценностей, в которых выражается отношение людей к праву и правовым явлениям» [1, с. 93]. Кроме этого, правосознание является одной из форм общественного сознания, именно поэтому правосознание тесно связано с моральными воззрениями, политическими взглядами, философскими концепциями, идеологическими теориями, а также отражает национальные, религиозные, бытовые и иные особенности.

Различные формы деформации находили свое место еще в глубокой древности, с момента возникновения государства и права. Многие существующие трактовки деформации правосознания основываются на искажении и отсутствии ясного понимания права и его правовых явлений. Так, под деформацией правосознания, по мнению Колтуновой В. И. и Зайцева В. А.,

Вершинина М. К.

Рузавина Е. Ю.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022. (дата обращения: 03.01.2024).

следует понимать некое «искажение, неправильное формирование или недостаточное развитие правового сознания у индивидов или в обществе в целом» [2, с. 31]. Безусловно, деформация правового сознания, как и многие другие проявления деформации, приводит к различным неблагоприятным последствиям и нарушениям в области права.

Так, одной из таких форм деформации правового сознания выступает правовой конформизм. На первый взгляд очевидно, что конформизм – это некое приспособленчество к чему-либо. Говоря о конформизме, как о форме деформации правосознания, стоит отметить точку зрения Ягудиной А. Ю., утверждающей, что под правовым конформизмом «понимают такую форму юридического поведения, при которой человек в результате реального или воображаемого давления группы демонстрирует согласие с мнениями, установками, нормами группы или общества с целью удовлетворения личных интересов» [3, с. 75]. Исходя из данного определения можно сделать вывод, что в рамках правового конформизма отсутствует баланс между внутренними убеждениями человека с его действиями.

Исходя из особого процесса формирования правового конформизма возникает вопрос, а всегда ли данный конформизм имеет только негативный окрас для социума? Безусловно, любое отклонение от должного уровня и качества правосознания нельзя назвать нормой, поскольку, в рамках современного правового государства, считается под должным правосознанием понимать положительное, и, самое главное, адекватное отношение к праву и иным правовым явлениям.

Однако, в большинстве случаев правовой конформизм не несет в себе ярко выраженного негативного аспекта, поскольку люди стараются быть законопослушными гражданами, чтобы не быть наказанными. Но стоит отметить тот факт, что, как положительное, так и негативное значение такого конформизма напрямую зависит от тех ценностей и убеждений конкретной социальной группы, которой желает придерживаться индивид. А также, на уровень правосознания, помимо ранее перечисленных факторов, влияет и личностные характеристики отдельного лица: его жизненный опыт, возрастные рамки, качество и уровень его жизни, а также образование и многое другое.

Давайте рассмотрим какие же негативные аспекты существуют у правового конформизма.

Во-первых, стоит отметить наличие неправильного отношения к праву. Так, в рамках любой формы деформации правового сознания, в том числе и правового конформизма, отсутствует должное представление о праве, как о действенном регуляторе общественных отношений. Данный негативный аспект может проявляться незначительно, например, в силу незнания индивида о возможностях и значении права, однако, такое незнание может обратиться в огромную проблему для общества, поскольку полное отсутствие личного мнения о праве способствует приобретению индивидом взглядов и мнений иных лиц, чье правосознание может вызывать различного рода преступные деяния.

Во-вторых, стоит сказать и о повышении уровня преступности. Данное негативное последствие тесно связано с первым, и выступает крайней формой правового конформизма. Так, человек, не имеющий собственного представления о праве, попадая в неблагоприятную среду перенимает все отрицательные качества соответствующей социальной группы, поскольку желает быть похожим на остальных. Так, например, одной из острых проблем современности выступает преступность среди молодого поколения. Безусловно, ведется активная профилактическая работа в подростковой среде органами внутренних дел. Согласно данным статистики, количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 7,7% по сравнению с предыдущим годом. Кроме этого, на 8,6% сократилось количество криминальных посягательств, жертвами которых стали дети². Такие показатели говорят нам об эффективности проведения профилактической работы среди молодежи, однако данная категория преступлений до сих пор занимает важное место среди иных преступлений, поскольку встречается достаточно часто, несмотря на положительную динамику по снижению уровня привлечения подростков к уголовной ответственности. Помимо этого, представители молодого поколения более подвержены к воздействию со стороны своих друзей и знакомых, которые могут являться представителями преступных группировок, поскольку представление подростков о праве находится на стадии формирования и изменить его достаточно проблематично. Выходом из данной ситуации выступа-

ет проведение еще больших мероприятий по предотвращению преступности, а также проведение воспитательных работ для лиц не только школьного, но и дошкольного возраста.

Однако, учитывая особенности правового конформизма, данная форма деформации правосознания может приводить и к положительным последствиям.

Первым из таких последствий выступает положительное отношение к праву. Данное явление находит свое место в той среде, где преобладает число лиц, имеющих должный уровень правового сознания и правовой культуры. Однако, многие их носителей именно правового конформизма следуют правовым нормам только за счет страха быть наказанным. Безусловно, институты уголовной, гражданской и иной ответственности как раз и предназначен для наказания нарушителей, однако наличие такого страха ответственности говорит о неразвитом правовом сознании личности, поскольку соблюдение ими закона исходит не из волевого аспекта, а из желания не быть наказанным. Иными словами, человек действует на основе инстинктов для благоприятной жизни внутри общества.

Вторым положительным аспектом правового конформизма выступает формирование у личности социальных и культурных ценностей. Так, многие личности, не имея конкретного мнения о праве, стараются соответствовать общепризнанным социальным и культурным ценностям с целью сохранения мира и гармонии внутри общества, а также быть одним целым с представителями той или иной социальной группы.

И наконец, третьим благоприятным последствием правового конформизма выступает его проявление в религиозных традициях и обычаях. Так, многие религии содержат в себе запреты на убийства, кражи и иные преступные деяния. Следование религиозным предписаниям способствует формированию у личности представления о добре и зле, что говорит о положительной динамике развития личностных качеств индивида. Однако, данное явление не всегда приводит к положительным последствиям. Например, можно привести ситуацию, возникшую в городе Павлодар в 2021 году. Так, в результате отказа родителей от переливания крови, их ребенок, к сожалению, скончался. Свой отказ родители обосновали наличием религиозных убеждений. Данные граждане являлись членами секты Свидетелей Иеговы (организация признана экстремистской на территории Российской Федерации), и отказались от медицинского вмешательства путем переливания крови, поскольку существует запрет на смешение кровей, даже если на тот момент существовала угроза жизни их ребенка³.

Таким образом, существование правового конформизма как формы деформации правосознания оказывает негативное влияние на общественное сознание, а также на функционирование всего государства в целом, несмотря на некоторые положительные аспекты такой деформации. Безусловно, достаточно проблематично сказать какое именно правосознание необходимо считать правильным, ведь на уровень правосознания, помимо общественных процессов, влияет и личностные характеристики отдельного лица, его социальный статус, материальное положение, а также принадлежность к определенной социальной группе. Помимо этого, правовой конформизм находит свое отражение не только в рамках правовых процессов, но в бытовых ситуациях и взаимодействиях с другими людьми. Кроме этого, индивид, являющийся носителем правового конформизма, отличается своей непостоянностью, ведь его поведение может изменяться и не всегда в хорошую сторону, с целью соответствовать ожиданиям окружающих, даже если это не соответствует его собственным убеждениям или желаниям. Так, правовой конформизм, помимо негативного воздействия на правосознание, способен подавлять индивидуальность, а также ограничивать свободу мысли и действий отдельных лиц.

Приставейный библиографический список

1. Борисова Е. К. Понятие правосознания // Проблемы науки. – Томск, 2019. – С. 93-94.
2. Колтунова В. И. Зайцев В. А. Правосознание и его деформации // Право и государство: теория и практика. Санкт-Петербург. - 2023. - № 9 (225). - С. 31-33.
3. Ягудина А. Ю. Классификация видов правового конформизма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - Саратов, 2019. - № 3 (128). - С. 74-79.

2 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/40116049/> (дата обращения: 03.02.2024).

3 Спутник Казахстан. Ребенок скончался после отказа родителей от переливания крови. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/> (дата обращения: 03.02.2024).

КОВАЛЕНКО Наталья Евгеньевна

аспирант Юридического института Алтайского государственного университета, г. Барнаул

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Данная статья посвящена анализу правового поведения личности через проведение опроса, направленного на выявление взглядов индивидуумов к готовности правовой активности и оценки их отношения к правовой материи. В период активной цифровизации общественной жизни, внедрения результатов информационных технологий, все дальше отодвигается личность человека как субъекта права в информационном обществе. Необходимо понять состояние личности в правовой реальности и на основе полученных результатов начать правовое обновление законодательного массива для улучшения механизма правового регулирования в генезисе.

Ключевые слова: право, правоотношение, правосознание, правовая культура, цифровизация, искусственный интеллект, субъект, личность.

KOVALENKO Natalya Evgenievna

postgraduate student of the Institute of Law of the Altai State University, Barnaul

MODERN LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE INDIVIDUAL: AN EMPIRICAL STUDY

This article is devoted to the analysis of an individual's legal behavior through a survey aimed at identifying individuals' views on the readiness of legal activity and assessing their attitude to legal matters. During the period of active digitalization of public life, the introduction of the results of information technology, the individual's personality as a subject of law in the information society is moving further and further away. It is necessary to understand the state of the individual in legal reality and, based on the results obtained, begin a legal update of the legislative body to improve the mechanism of legal regulation in its genesis.

Keywords: law, legal relationship, legal consciousness, legal culture, digitalization, artificial intelligence, subject, personality.

В современных условиях, сопровождающихся повсеместным внедрением достижений технологического прогресса в жизнь общества и государства, необходимо уделить внимание качеству правовому регулированию новых видов правоотношений. В нашем представлении субъект права — это человек мыслящий, действующий, осознающий себя в правовой реальности и признаваемый её. Соответственно, когнитивно-эмоциональные переживания человека является детерминантой к активным действиям в социуме, обыденной жизни, а как только оно сталкивается с материей права, то становится правовым в данной сфере. Следует рассматривать категорию правосознания, как закономерно влияющую на сущность субъекта права.

В своих работах Л. И. Петражицкий неоднократно обращается к вскрытию закономерных связей между уровнем правового сознания в обществе с уровнем психического восприятия и развития людей. Анализируя историю развития общества, он подчеркивает, что «в обществах с низким культурным уровнем развития роль права играло «самоуправство». Дальнейшее же развитие общества, социальных институтов, повышение культурного уровня приводит к тому, что «самоуправное осуществление права постепенно вытесняется и заменяется соответственными действиями органов государственной власти...» [1, с. 324-325]. С помощью воздействия права на общественное сознание, согласно мнению Л. И. Петражицкого, можно добиться определенного поведения, воспитывать народную психику, повышать ее культуру, способность адаптиро-

ваться к требованиям социальной жизни, совершенствоваться нравственно.

В рамках исследования был проведен опрос, направленный на выявление уровня правовой культуры и правосознания граждан. Выборка составила более 150 человек, возрастом от 18 лет до 70. Ответы респондентов позволяют выявить пробелы как в правовом просвещении, так и в правовом регулировании.

Согласно полученным результатам, респонденты в большей степени проявляют повышенный интерес к содержанию норм права. Так, посчитав в совокупности тех, кто ответил положительно, получаем результат равный 77 %. При этом 60 % граждан не часто обращаются к правовым предписаниям, однако они ищут актуальную редакцию закона, в данном проявляется деятельностное начало личности в праве.

Результаты второго опроса показывают следующее. Общество разделилось на два мнения. Граждане не знают, соблюдают ли они нормативно правовые акты или нет до того момента, пока не будут затронуты непосредственные их личные интересы, потребности. С одной стороны, данная ситуация показывает маргинальность общества, преобладание маргинального типа правосознания. Маргинальное правомерное поведение, которое обозначает формы «предправонарушающего» поведения, ориентированного на цели и интересы, противоречащие обществу. Человек, в данном случае, не совершает правонарушений, т.к. осознает невыгодность, нецелесообразность таких поступков, руко-

Рисунок 1. Вопрос опросника № 1.

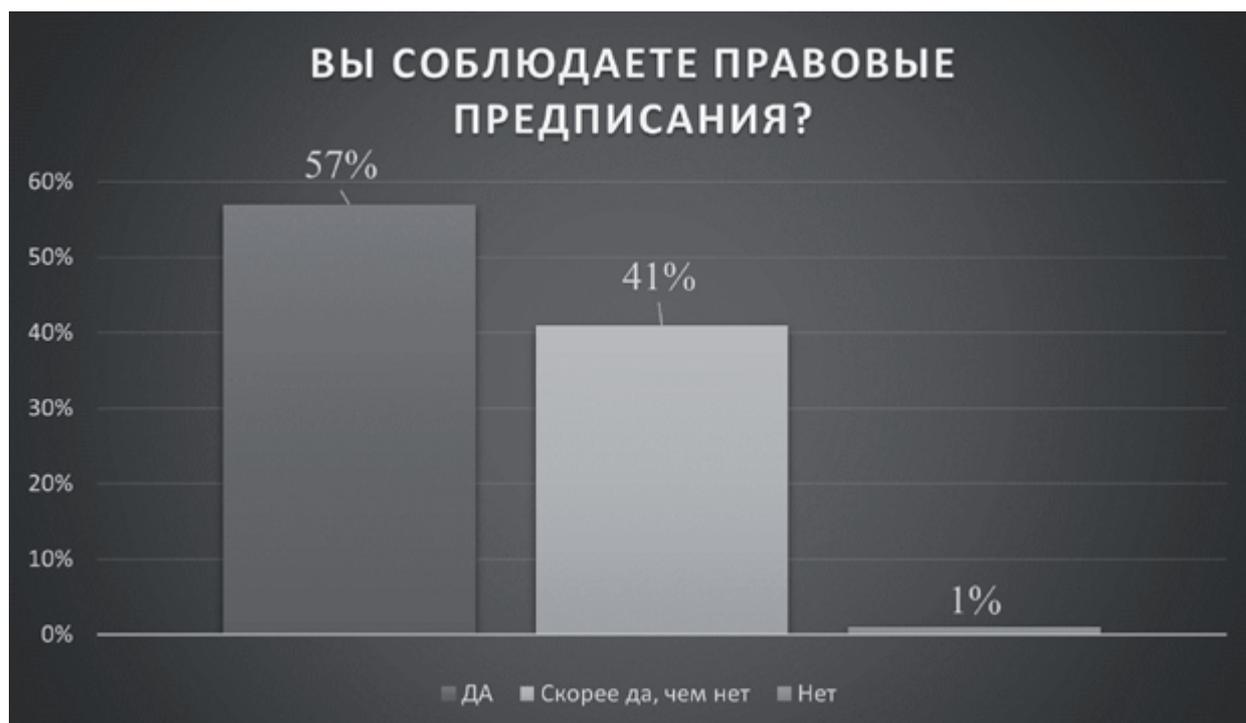

Рисунок 2. Вопрос опросника № 2.

водствуясь при этом личным расчетом или страхом перед наказанием. С другой стороны, как только в правовом поле возникают личные интересы граждан, маргинальность снижается, и они начинают задумываться об последствиях не под страхом наказания, а по собственной воле, как следует активной правовой личности. Общественное начало социальных отношений проявляется в анализе текста закона с юридическими фактами. Соответственно, на активной фазе правосознания идет процесс «переживания права» индивидуумами как писал ученый правовед Н. Н. Алексеев «переживание ценностей» [2], [3].

Следующий опрос подтверждает сказанное. Заданный вопрос позволяет уточнить мнение респондентов по поводу их субъективного отношения к правовым текстам. Так, граждане не могут ощутить себя творцами права, теми кто способствует возникновению права как такового. В доктрине подчеркивается, право создано человеком для человека. Однако, в современном обществе личность отделилась от сущности права, она не чувствует силу права в законе, поэтому активность граждан выражается в формальном интересе состояния законодательства и соблюдении норм права. Касательно маргинального типа

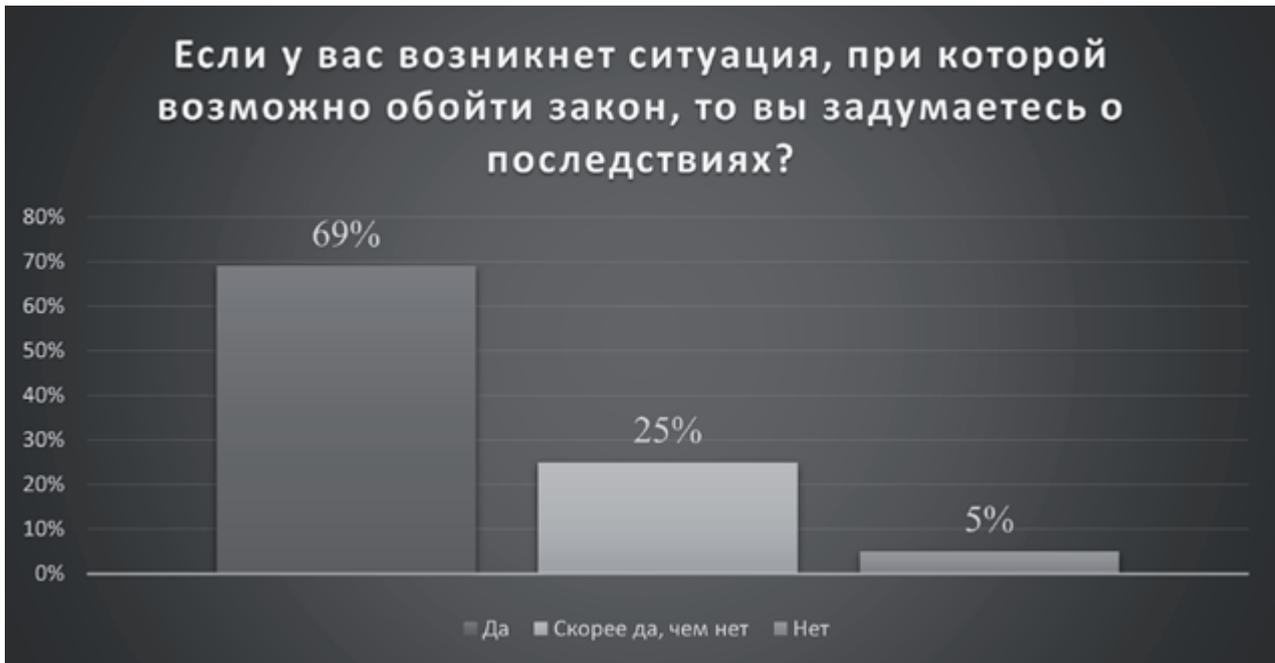

Рисунок 3. Вопрос опросника № 3.

правосознания у граждан, то на него приходится около 25 % ответов респондентов (рис. 3). Данное позволяет сделать промежуточный вывод об высоком уровне правосознания граждан в социуме, а из этого следует когерентная связь с уровнем правовой культуры государства и общества.

Согласно мнению М. Т. Байхманова, достижение правомерного поведения является основной задачей права [4]. В том числе профессор Н. И. Матузов упоминал о формировании активной позиции индивида в правовой реальности. В данном контексте право, как социальный регулятор, одновременно выступает и средством достижения законности и правопорядка [5].

В заключении отметим, Президент Российской Федерации В. В. Путин в одном из своих выступлений обратил внимание на то, что предотвратить развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта невозможно, в связи с чем данный процесс необходимо возглавить [6]. Считаем, необходимым начать с правового регулирования новых отношений в информационно-цифровизационной сфере, как основного социального регулятора, направленного на упорядочивание общественных отношений в государстве. Без планомерного правового закрепления использования технологий искусственного интеллекта может возникнуть ситуация правового пробела или неопределённости рамок, в которых могут использоваться данные технологии. Из данного последует падение уровня законности в обществе и государстве, чего нельзя допустить. Поэтому, прежде чем обратиться к вопросам механизма правового регулирования, необходимо выявить готовность социума к новым правовым нормам, определить перспективу их выполнения и необходимость в существовании новых правовых предписаний. Соответственно, было рассмотрено правовое сознание граждан, как содержание правовой реальности социума, выражающее непосредственное отношение к нормам права через когнитивные функции сознания человека, с психико-эмоциональной стороны. Данный аспект позволит выявить когерентные связи с уровнем правовой культуры.

Пристатейный библиографический список

1. Петражицкий Л. И. Право, государство и теория нравственности // Русская философия права: антология. - СПб., 1999. - С. 320-335.
2. Алексеев Н. Н. Основы философии права. - СПб.: Юридический институт, 1998. - 216 с.
3. Архипов С. В. Феноменологические мотивы концепции права Н. Н. Алексеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2013. - № 160. - С. 122-128.
4. Байхманов М. Т. Право и нравственное воспитание личности в советском обществе // Сов. Гос-во и право. - 1976. - № 10. - С. 125-133.
5. Матузов Н. И. Правовая система и личность. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. - 294 с.
6. Путин: предотвратить развитие ИИ невозможно. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/12/14/1011100-putin-predotvratit-razvitie> (дата обращения: 10.02.2024).

КУЛИЕВА Азиза Мустафаевна

аспирант Московского государственного юридического университета имени О. М. Кутафина (МГЮА)

ТЕХНИЧЕСКИЕ НОРМЫ: СУЩНОСТЬ И МЕСТО В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена изучению сущности технических норм, определению их места в системе регуляторов общественных отношений, исследованию вопросов их соотношения с другими видами норм и рассмотрению вопроса прогрессирующей роли технических норм в современном механизме правового регулирования в условиях цифровизации. Трансформационные процессы, происходящие в социуме в связи с его стремительным погружением в цифровую плоскость, несут за собой технологизацию общественных отношений и увеличение значимости норм, направленных на регулирование отношений человека и технологий.

Ключевые слова: технические нормы, механизм правового регулирования, соотношение норм, технологии, техника, цифровизация, правоотношения.

KULIEVA Aziza Mustafaevna

postgraduate student of the O. M. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

TECHNICAL NORMS: ESSENCE AND PLACE IN LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article is devoted to studying the essence of technical norms, determining their place in the system of regulators of social relations, studying the issues of their relationship with other types of norms and considering the issue of the progressive role of technical norms in the modern mechanism of legal regulation in the context of digitalization. The transformation processes taking place in society in connection with its rapid immersion in the digital plane bring with it the technologization of social relations and an increase in the importance of norms aimed at regulating the relationship between man and technology.

Keywords: technical norms, mechanism of legal regulation, correlation of norms, technology, equipment, digitalization, legal relations.

Развитие науки и техники влияет на все стороны общественной жизни. Усиление роли машин неизбежно влияет на уровень производительных сил и оказывает комплексное влияние как на обеспечение процессов управления в производстве, так и на процессы управления в обществе. Правовое регулирование сегодня неизбежно трансформируется под воздействием рассматриваемых процессов. В контексте процессов цифровизации вопрос определения места технических норм в правовом регулировании приобретает особенную актуальность.

Норма – понятие многоотраслевое, а как научная категория – междисциплинарное. В научной доктрине принято делить все нормы на социальные и технические, подразумеваемая под социальными – нормы, регулирующие любые виды отношений между людьми и социальными группами, а под техническими – все нормы, регулирующие отношения человека с внешним миром, природой и техникой. Внутри этой широкой классификации технические и социальные нормы также делятся на множество видов, иногда переплетенных между собой. Нормы различаются по содержанию, строению, методу регулирования и другим параметрам. Главным отличием социальных и технических норм, по мнению А. Б. Венгерова и ряда других правоведов, является предмет регулирования [1, с. 422]. Однако в отношении такого фундаментального понятия, как норма, не может предполагаться чёткого разделения, ведь, как и любой продукт сознания, норма и классификация норм носят относительный характер и с развитием науки их сущность может переосмыслиться.

Научное сообщество проявило интерес к теоретическим аспектам изучения технических норм в XIX в. Так, Н. М. Коркунов, рассматривая понятие нормы, исходит из тезиса, что в её основе лежит некоторая цель, которую человек преследует в своей деятельности. Вся совокупность норм, исходя из этого критерия, можно подразделить на технические и

этические (социальные). По этому поводу правовед писал: «Нормы технические суть правила осуществления отдельных целей человеческой деятельности; нормы этические – правила совместного осуществления всех людских целей» [2, с. 193].

Схожими категориями рассуждал и Г. Ф. Шершеневич. Он указывал, что «необходимость вызывает и создает искусство, которое укладывается в вырабатываемые веками нормы, основанные на законах природы. Эти нормы могут быть названы техническими. Правовые нормы здесь совершенно бессильны и неприемлемы» и задавался вопросом: «Что значила бы правовая норма, постановляющая, что степень урожая должна соответствовать количеству затраченного труда? А это и была бы именно норма, определяющая отношение человека к природе... Напротив, мы не можем себе представить правовую норму, обязывающую земледельцев прилагать к обработке земли известное количество труда, применять известные орудия, устранять те или иные опасности, угрожающие урожаю. Но такая норма, очевидно, имеет в виду определить не только отношение человека к природе, а отношение человека к другим людям» [3, с. 287].

В широком смысле сущность технических норм состоит в определении научно-обоснованных методов, приемов, способов обращения с естественными и искусственными объектами, технологическими операциями и процессами [8, с. 103]. Наиболее базовым и вместе с тем полным определением этого вида норм, на наш взгляд, будет следующее: технические нормы – правила, регулирующие действия людей по отношению к природным процессам и явлениям и позволяющие человеку лучше использовать технику, приборы, устройства; правила наиболее целесообразного обращения с чем-либо, более эффективного использования чего-либо [9, с. 154].

Логично, что происхождение технических норм связано с формированием отношений человека и предметов внешне-

го мира – орудий труда, механизмов, машин. Отсюда вытекают два главных признака технических норм: во-первых, они основаны на природных законах, а во-вторых, напрямую связаны с этапом научно-технического развития общества. Сущностное содержание технических норм напрямую зависит от уровня технологического развития социума и достижений научного прогресса.

Интересным является вопрос о социальной сущности технических норм. Ряд правоведов даже считают технические нормы лишь разновидностью социальных. Так, Р. Б. Головкин и Ж. А. Зотова утверждают: «технические нормы тесно связаны с жизнью общества, направлены на регулирование поведения человека, значит, их следует признать разновидностью социальных норм. Технические нормы соотносятся с иными социальными регуляторами как целое и часть» [4]. О социальном характере технических норм писал также М. И. Абдулаев, в качестве аргумента указывая на то, что производство, в сфере которого эти нормы применяются, носит общественный характер [5, с. 188]. Н. И. Матузов и А. В. Малько, полагали, что технические нормы носят так называемый полусоциальный характер, так как они регулируют отношения, одной из сторон которых являются неодушевленные предметы [6, с. 177]. М. Н. Марченко считает, что социальность технических норм весьма условна по сравнению с социальными нормами, она ограничена и проявляется как в специальных нормативно-правовых актах, в которых излагается содержание различных технических правил, так и в актах, содержащих отсылки к техническим нормам [7, с. 450].

Очевидно, что этот вопрос ещё недостаточно освещен и требует большей академической проработки. И всё же наиболее справедливой кажется позиция, согласно которой технические нормы не отождествляются с социальными, но, несомненно, обладают признаками социальных норм, при этом являясь самостоятельным родом норм. С социальными нормами их «роднит» то, что они являются результатом сознательной деятельности людей и появились в результате исторического развития общества, носят неперсонифицированный характер, помогают обеспечить социальный порядок. К специфическим же признакам технических норм можно отнести следующее: технические нормы основаны на объективных законах природы; содержанием технических норм выступает техническое действие, совершение или воздержание от которого приводит к заранее известному результату; они имеют своей целью регулирование отношений человека с объектами природы; имеют определённый способ выражения (технические регламенты, СНиПы и т.д.); их содержание и актуальность напрямую зависят от уровня научно-технического прогресса общества; их основные положения не имеют критичной связи с национальным законодательством определенного государства.

С социальными нормами их «роднит» то, что они являются результатом сознательной деятельности людей и появились в результате исторического развития общества, носят неперсонифицированный характер, помогают обеспечить социальный порядок. К специфическим же признакам технических норм можно отнести следующее. Технические нормы основаны на объективных законах природы, они содержат в себе меньше оценочных суждений и менее подвержены политическим тенденциям, недели нормы социальные, поэтому они более консервативны и меняются лишь с появлением новых способов взаимодействия с природой. В качестве содержания технической нормы выступает определенное действие технического характера. Совершение или воздержание от этого действия приводит к заранее известному результату. Они имеют своей целью регулирование отношений человека с объектами природы; имеют определённый способ выражения (технические регламенты, СНиПы и т.д.); их содержание и актуальность напрямую зависят от уровня научно-технического прогресса общества. Важной особенностью

технических норм является их относительная независимость от механизма правового регулирования и юрисдикции, их основные положения не имеют критичной связи с национальным законодательством определенного государства. Технические нормы призваны обеспечивать целесообразное и максимально безвредное использование природных ресурсов, развития техники и орудий труда, так как они устанавливают оптимальные способы, приемы и средства использования людьми технических объектов. От эффективности технических норм зависит технологическое развитие общества. И наоборот: степень детализации и конкретизированности технической нормы в отношении явления или объекта зависит от степени научной изученности этого явления или объекта.

Технические нормы тесно переплетены с различными видами норм социальных: рожденные в результате синтеза признаков правовых норм в технические, технико-юридические нормы, разумеется, не единственное место соприкосновения двух родов регуляторов. На повестку давно вышел вопрос алгоритмизации права и тенденций развития машиночитаемого права. Технические нормы тесно связаны с нормами морали: всё большую актуальность в науке приобретает дискурс об этичности вмешательства высокой технологий, цифровых и медицинских, в мир «человека разумного». Проблемы биоэтики, внедрения в человеческий организм внешних устройств (например, на днях потрясшее мир заявление физика Илона Маска о первом внедрении в мозг человека чипа «Telepathy» стало отправной точкой в огромном и стремительном путешествии в мир технологического человека)¹. Технические нормы в историческом срезе были неотделимы от религиозных норм, потому что мировосприятие наших предков, особенно в аспектах взаимодействия человека с природой, было пропитано религиозно-мифическим ореолом. Толкуя феномен природного явления, представитель пантеистической культуры видел в нём волю высших существ. С развитием научного знания и возвышением научного мировосприятия технические нормы приобретают самостоятельность, однако и по сей день технологические рывки сопровождаются бурной теологической дискуссией и отрицать влияние религиозной сферы на технологический прогресс попросту невозможно.

Как было сказано выше, граница между социальными и техническими нормами проходит по предмету регулирования, то есть виду отношений, для которых та или иная норма является регулятором. Разумеется, чёткому разграничению подлежит не абсолютное большинство норм, а лишь их часть, подлежащая типизации ввиду определенности предмета их регулирования. Как справедливо утверждают В. А. Кохановский и С. М. Христофорова: «Несмотря на то, что классификация определяется целью и опирается на реальные объективные признаки объектов, её процедура и результат носят субъективный характер. Это относится к выбору и разделению значимых и избыточных признаков, выявлению критерия для агрегирования отдельных признаков в подклассы, установлению отношений доминирования и т.п.» [11, с. 44]. Классифицировать весь массив существующих норм невозможно, по крайней мере, в условиях сегодняшнего уровня развития науки и общества. С. С. Розова три десятилетия назад высказывала суждение, актуальное и по сей день: «Классификационная проблема является одной из наиболее острых методологических проблем современной науки». Однако «поиск истины важнее, чем обладание истиной», а применительно к классифицированию норм поиск наиболее подходящей классификационной системы критически важен, так как от эффективности этой типизации зависит успешность упорядочения общественных отношений

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/01/30/mysliu-edinoj.html> (дата обращения: 20.02.2024).

и технологическое развитие общества. В своем диссертационном исследовании технико-юридическим норм правовед А. В. Пчёлкин по вопросу соотношения технических норм с социальными пишет, что по отношению к социальным нормам, технические нормы выступают не как противоположность (антипод), а как одна из разновидностей норм вообще, в том числе и социальных. Родовым признаком технических норм, как и индивидуальных, так и социальных, является то, что их содержанием является техническое действие, направленное на включение или недопущение включения законов природы, приводящих к заранее известному результату. В то же время, у технико-социальных норм есть и специфическое социальное содержание, которым выступает общественное отношение между субъектом технической деятельности и иными субъектами социального взаимодействия по поводу данного способа технической деятельности [12, с. 40].

Особенно важным для правовой доктрины решение этого вопроса будет в контексте определения места правовых норм. Рассуждая о соотношении норм права с другими социальными и техническими нормами чаще всего исследуют вопросы общности, различий и взаимодействий указанных регуляторов. В правовой науке выделяют такой вид правовых норм, как техно-юридические нормы – это смежная категория права и технологий, мост между гуманитарным знанием и миров в эпоху цифры, категория норм, первая отвечающая на вызов времени. Следовательно, возрастающая роль этого вида норм помогает в увеличении эффективности правовой системы в целом. Вопрос о сущности технико-юридических норм, безусловно, требует отдельного исследования.

В правовой науке принято говорить об инновационном обновлении права, то есть об инновациях как об инструменте для развития права, рассматривая, при этом, традиции и новации как парные правовые категории. Правовые инновации необходимы для конструктивного изменения отрицательных правовых традиций.

Внедрение инноваций в право несёт определенные риски, обуславливая для права временную нестабильность, допущение многовариантности процессов, усложнение системы права (так же временное), допущение коллизий и пробелов в праве в период внедрения инновационного инструментария и одновременного разрушения традиционного. Всё это свидетельствует о критической важности подробного научного изучения вопроса соотношения права и инноваций, анализа сопутствующих рисков и разработки инструментария по их минимизации.

Распространение инновационных технологий имеет колоссальные и долгоиграющие последствия на все общественные институты и является, на наш взгляд, важнейшим аспектом в понимании места технических норм в системе других регуляторов.

В условиях современного общества технические нормы можно поставить по важности и степени влияния на правовое регулирование на одну ступень с правовыми нормами. В правовое регулирование вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования, либо объективно не могли быть урегулированы правом [13, с. 10]. На современном этапе развития правовой науки преуменьшение роли инноваций для права является утопичной стратегией. Цифровизация заставляет нас пересмотреть вопрос соотношения общественных регуляторов, выводя технические нормы чуть ли не на равные позиции с правовыми нормами, так как именно с их помощью человек способен эффективно воздействовать на всё более технологизируемую действительность.

Оставляя без внимания неравномерные погружения общественных институтов в цифровую плоскость, мы рискуем отстать от мирового сообщества. В соотношении инновационных технологий и права как нельзя лучше раскрывается динамичная природа права. Без разрешения этих вопросов

невозможно достичь эффективности и актуальности правовой системы. В наших силах глубоко и комплексно переосмыслить систему социальных регуляторов, пользуясь всем инструментарием современной науки и реализуя её прогностическую функцию, и тем самым увеличить её эффективность и эффективность всего механизма действия права. Одним из направлений этого переосмысления, безусловно, должны являться теоретические аспекты изучения технических норм и их места в правовом регулировании.

Пристатейный библиографический список

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1886. – 353 с.
3. Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. – Казань, 1896. – 84 с.
4. Головкин Р. Б., Зотова Ж. А. Право в системе регулирования поведения: соотношение социальных и технических норм // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 4.– С. 82-89.
5. Абдулаев М. И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Финансовый контроль, 2004. – 410 с.
6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Курс лекций. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.
7. Марченко М. Н. Теория государства и права: Учебник. – 2 изд. перераб., и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 640 с.
8. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 245 с.
9. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 521 с.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/01/30/myslru-edinoj.html> (дата обращения: 28.02.2024).
11. Кохановский В. А., Сергеева М. Х. Классификация в технике и её оценка // Advanced Engineering Research (Rostov-on-Don). – 2012. – № 2-1 (63). – С. 43-46. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-v-tehnike-i-eyo-otsenka> (дата обращения: 14.03.2024).
12. Пчёлкин А. В. Технико-юридические нормы в современной России (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – 194 с.
13. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 5-15.

МАКУЛОВА Аделина Олеговна

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены понятие и признаки цифрового общества. Автор определил особенности ответственности виртуального мира. Изучены различные мнения ученых, как отечественных, так и зарубежных по рассматриваемой проблеме. Для подготовки в работе применялись логический и формально-юридический методы исследования. Сделан вывод, что на сегодняшний день механизм юридической ответственности в цифровом обществе плохо разработан и что основной проблемой ее выступает выявление виновного лица.

Ключевые слова: цифровое общество, информационное общество, киберпространство, цифровизация, особенности виртуального мира, государственный контроль, юридическая ответственность, проблемы

MAKULOVA Adelina Olegovna

postgraduate student of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

LEGAL RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A DIGITAL SOCIETY

The article discusses the concept and features of a digital society. The author has identified the features of the responsibility of the virtual world. Various opinions of scientists, both domestic and foreign, on the problem under consideration have been studied. Logical and formal legal research methods were used to prepare the work. It is concluded that today the mechanism of legal responsibility in the digital society is poorly developed and that its main problem is the identification of the guilty person.

Keywords: digital society, Information society, cyberspace, digitalization, features of the virtual world, state control, legal responsibility, problems

Макулова А. О.

В современных условиях общественного развития цифровизация различных сфер жизни становится естественным и неизбежным процессом в механизме правового регулирования. Процессы цифровизации актуализируют роль и значение государственного контроля и юридической ответственности в современном социуме. Поскольку без эффективного контроля со стороны государства придёт крах и обществу в целом.

Соответственно, цифровое общество предполагает установление новых более высоких требований к государственному контролю и пересмотр механизма наступления ответственности [8].

Вначале стоит рассмотреть, что из себя представляет цифровое общество.

Под ним понимается общество, в котором инфраструктура функционирует с помощью цифровых технологий, а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сетевые структуры и платформы.

Оно как современное явление имеет свои отличительные признаки:

- постоянное увеличение цифровых технологий и инструментов;
- применение техники и технологий во всех сферах жизнедеятельности человека;
- активное использование социальных сетей;
- применение цифровых возможностей в развитии Электронного правительства;
- развитие цифрового рынка [2].

Однако не стоит смешивать термины «информационное общество» и «цифровое общество».

Под первым понимают общество, в котором главными продуктами производства выступают информация и знания.

Информационное общество имеет свои отличительные признаки:

- информация имеет огромную роль в обществе;
- большая часть людей занята в сфере ИКТ;
- постоянное увеличение числа информационных продуктов и услуг;
- развитие глобального информационного пространства;
- создание электронного правительства;
- начало формирования цифрового рынка [2, с. 19].

Информационное общество выступает основой цифрового общества [5].

Цифровое общество не сможет эффективно развиваться без такого механизма, как государственный контроль. Он, в свою оче-

редь, представляет собой деятельность контрольного характера органов государства [3].

К сожалению, исследователями не рассматриваются некоторые вопросы в отношении государственного контроля в цифровом обществе.

Однако расширение областей и эффективности государственного контроля можно признать общей тенденцией развития человечества в последние десятилетия.

Выделяют две группы причин расширения государственного контроля в цифровом обществе и его методов:

- научно-технические;
- социальные [3, с. 41].

Первые позволяют расширить возможности контроля государства путем цифровой революции в мире, открытия в области поведенческих наук, мобильного интернета, искусственного интеллекта, миниатюрных производственных устройств, нано-, био- и нейротехнологий. Все это приведет к повышению эффективности контроля и управления в некоторых сферах деятельности, а также в борьбе с антиобщественными явлениями: преступностью, терроризмом, экстремизмом и т.п.

Что касается юридической ответственности в данном вопросе, то можно сказать следующее.

К сожалению, сегодня специальная литература не содержит единого определения юридической ответственности.

К примеру, Е. А. Николаева в своих трудах раскрывает данный термин следующим образом: вид политико-социальной ответственности лица, которое предполагает «отмщение» за совершенное деяние в рамках закона, которое привело к изменению, возникновению или прекращению общественных отношений [7].

Венгерова А. Б. же, в свою очередь, говорит о юридической ответственности как о реакции власти государства на нарушение норм, установленных в обществе [9].

Долгих Ф. И. относит юридическую ответственность к виду социальной ответственности. Она обязует лицо испытывать отрицательные последствия за совершенное преступление [4].

Как мы видим, указанные научные исследователи обращают внимание на тесную связь между юридической ответственностью и последствиями противоправного действия.

Основная цель данного института выражается в охране общественного порядка и предупреждения совершения правонарушений в будущем;

Однако в виртуальном мире такой цели достигнуть довольно сложно. Это обусловлено следующими проблемными моментами [4, с. 437].

Во-первых, какое именно поведение в цифровом пространстве признается законным.

Во-вторых, как именно выявить виновное лицо. Сложность возникает в данном случае из-за большого количества посредников (от провайдера до оператора).

В связи с массовым внедрением цифровизации перед всем странами встал вопрос о введении контроля. Такой контроль можно рассматривать с двух сторон:

- во-первых, над самой сетью;
- во-вторых, внутри самого киберпространства.

Чтобы определить внутренние отношения в сети и установить причинно-следственные связи, стоит применять сетевой анализ. Он может обнаружить не только виновных лиц в содеянном, но и неких случайных лиц, которые не преследуют злого умысла и не наносят вред другим лицам.

Поскольку сеть имеет глобальный характер, то помимо национальных норм стоит применять и международные.

Сетевой анализ необходим для:

- определения всего пути причинно-следственных связей различных уровней в больших объемах;
- установлению взаимодействия всех участников сети [9].

При неэффективном контроле в изучаемом пространстве возникают новые виды противоправных действий, что приводит к большому количеству нарушителей.

Тиль Кройцер выделяет несколько особенностей, влияющих на ответственность в Интернете¹.

Первой особенностью можно считать анонимность и бестелесность. Иными словами, любой человек (пользователь) вправе выбрать любое имя и

стать вымышленным персонажем. Конечно, же их можно идентифицировать с помощью IP-адресов. Но это ничего не меняет.

Вторая особенность заключается в глобальности и повсеместности. Участник киберпространства может находиться в любой точке земли. Логично, что каждая страна имеет свои особенности привлечения к юридической ответственности. Поэтому к нарушителю применяются нормы законов того государства, в котором он территориально находится.

Третьей особенностью является технологичность. Данная особенность проявляется через доступность и управляемость цифровыми технологиями для конкретного человека, что зависит от его поведения. Государственные структуры осуществляют функцию контроля. Это происходит посредством технических средств, направленных на блокировку доступа к информации. Соответственно, если у лица нет необходимых инструментов (серверов и др.), то он не сможет совершить какие-либо действия в сети.

Четвертой особенностью выделяют децентрализация. К сожалению, информация любого характера может распространяться вирусным путем, что приводит к бесконтрольности со стороны первоначального источника.

Последняя особенность проявляется через воплощение и неизменность. Для эффективного регулирования сети все выполняемые действия пользователя воплощаются, сохраняются и фиксируются на постоянной основе.

Ответственность за распространение информации сегодня проявляется с двух сторон.

Во-первых, ее частичное закрепление на законодательном уровне за поставщиками услуг (провайдеры, владельцы сайтов и т.д.). Это проявляется через полномочие по досудебной блокировке информации, если она нарушает права²

Во-вторых, отсутствие механизма распознавания информации без участия человека. К примеру, лицо делает покупки в Интернете, но контролирующее лицо сомневается, то оно блокирует банковскую карту. Соответственно, лицу придется самостоятельно заниматься ее восстановлением, тратя на это свое время.

На практике не всегда легко обнаружить виновное лицо, к которому будет применена юридическая ответственность. К сожалению, не всегда виртуальная личность, обнаруженная с

помощью сетевого анализа, совпадает с реальным субъектом общественных отношений. Большое количество правонарушений связано с действием должностных лиц, которые должны обработать личные данные пользователей. К примеру, заявление о переводе денежных средств ошибочно обработали, это будет нарушением человеческих прав на социальное обеспечение (в случае перевода пенсии). Но должностные лица согласно закону, будут освобождены от ответственности.

Один из немецких юристов предполагает поменять механизм определения юридической ответственности в связи с созданием цифрового общества [10].

Первым предложением выступает совместная ответственность всех участников виртуального взаимодействия. Главным ядром в данном случае будет являться безопасность соединений. Если выявляется факт угрозы, то необходимо автоматически отключить всех участников связи.

Вторым его предложением является требование к сети и программному обеспечению, направленному на точное определение виновного лица. Как было сказано ранее, сейчас пользователи определяют по IP адресу или ID адресу. Однако это не дает гарантии, что именно это лицо является ответственным.

Также возникает проблема установления ответственности авторов, которые оцифровывают продукты. Для решения этой проблемы стоит использовать обязательное страхование потребителей и заинтересованных пользователей, что позволит минимизировать риски [10]. Такой способ используется в банковской сфере.

В обобщении изложенного полагаем необходимым сделать следующий вывод. Цифровому обществу, как новому явлению, требуется особый механизм юридической ответственности. В условиях интенсивного развития цифровизации общества данный институт сегодня довольно плохо разработан, что приводит к усугублению проблемы ответственности. На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что сложно определить лицо, которое будет нести ответственность. На наш взгляд, предложениями для повышения эффективности юридической ответственности в сети интернет являются следующее: повышение информационной грамотности населения, введение в учреждениях образования курсов о правилах поведения в виртуальном пространстве и введение ответственности к должностным лицам за халатное исполнение своих обязанностей в соответствующем пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамов Д. О. Юридическая ответственность в киберпространстве: новые подходы к осмыслению // *Юридическая наука*. 2023. № 4. С. 5-9.
2. Бекецкая Ю. М., Осипян М. М., Терехова Ю. А., Кошкова С. Я. Цифровое общество как новый этап информационного общества // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. № 1. С. 18-21.
3. Воробьев Н. Ф. Понятие и правовая сущность государственного контроля // *Правовое государство: теория и практика*. 2018. № 4 (54). С. 29-35.
4. Долгих Ф. И. Теория государства и права: учебник. Москва: Университет Синергия, 2023. 464 с.
5. Ишеков К. А. О цифровизации ключевых институтов российского государства и общества // XVII Международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества – 2022». 2022. С. 481-483.
6. Кригер Е. Э. Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем // *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2018. № 4 (14). С. 29-39.
7. Николаева Е. А., Ардамин И. А. Проблема классификации юридической ответственности // *Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова*. 2023. № 1 (43). С. 117-121.
8. Пугачев В. П. Государственный контроль и свобода личности в цифровом обществе // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2022. № 2. С. 36-55.
9. Рымкевич Я. А. Юридическая ответственность в цифровом пространстве // *Образование и право*. 2023. № 7. С. 436-440.
10. Indra Spiecker gen. Döhmann Zur Zukunft systemischer Digitalisierung - Erste Gedanken zur Haftungs- und Verantwortungszuschreibung bei informationstechnischen Systemen // *Comput. und Recht*. 2016. Vol. 32. № 10. P. 698-704.

1 Dr. Till Kreuzer Verantwortung im Internet. Verantwortung im Internet. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.divisi.de (дата обращения: 25.01.2024).

2 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (Ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // *Собрание законодательства РФ*. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

ТОЛДИЕВ Хас-Магомед Баширович

аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета (МГЮА) имени О. Е. Кутафина, юрист юридической компании ООО «Лемчик, Крупский и партнеры»

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В МЕХАНИЗМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

В статье исследуются вопросы роли судебной практики в совершенствовании института несостоятельности (банкротства), отмечаются актуальные теоретические и практически проблемы регулирования законотворческой деятельности в данном направлении. Автор отмечает особенности института несостоятельности (банкротства), описываются исторические периоды развития института банкротства в России, приводятся аналитические материалы законотворческой деятельности. Также автор подчеркивается роль судов высших инстанций в совершенствовании отдельных юридических процедур. По результатам исследования автор приходит к выводу о необходимости выработки иных теоретических подходов к определению роли судебной практики, а также учета результатов судебной практики в качестве отдельной аналитической деятельности в рамках всего законодательного процесса в целях совершенствования института несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: судебная практика, несостоятельность (банкротство), законопроект, норма права, нормативный акт, влияние судебной практики.

TOLDIEV Khas-Magomed Bashirovich

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), lawyer at the law firm «Lemchik, Krupsky and Partners» LLC

THE ROLE OF JUDICIAL PRACTICE IN THE MECHANISM OF IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

The article studies the role of judicial practice in improving the institute of insolvency (bankruptcy), notes actual theoretical and practical problems of regulation of lawmaking in this direction. The author notes the peculiarities of the institute of insolvency (bankruptcy), describes historical periods of development of the institute of bankruptcy in Russia, provides analytical materials of law-making activity. The author also emphasizes the role of higher courts in improving certain legal procedures. Based on the results of the study, the author concludes that it is necessary to develop other theoretical approaches to determining the role of judicial practice, as well as to take into account the results of judicial practice as a separate analytical activity within the entire legislative process in order to improve the institute of insolvency (bankruptcy).

Keywords: judicial practice, insolvency (bankruptcy), draft law, legal norm, normative act, influence of judicial practice.

Последнее десятилетие прогресса гражданских правоотношений между хозяйствующими субъектами характеризуется острым недостатком правового регулирования. Такая необходимость связана с появлением не характерных для российской судебной практики правовых вопросов, которые суды высших инстанций в пределах своих полномочий разрешают либо путем вынесения частных судебных актов по конкретным делам, либо отражением правовых позиций в Постановлениях Пленума или Президиума Верховного Суда РФ. В свою очередь, Конституционный Суд РФ, проверяя соответствие конкретной нормы конституционным положениям, признает нормы недействующей в части, противоречащей Конституции РФ и тем самым обязывает законодателя внести изменения в действующую норму. Роль Конституционного Суда РФ также отчетлива прослеживается в реализации закрепленного в статье 104 Конституции РФ права законодательной инициативы.

Нельзя не согласиться с мнением А. С. Пиголкина, что «суды в силу специфики своей деятельности должны контролировать действие применяемых законов, выявлять их недостатки, определять пути улучшения и на этой основе вносить предложения по совершенствованию законодательства» [6, с. 337-338].

Отсюда возникает логичный вопрос относительно правовой квалификации такого явления с точки зрения основ теории права.

В настоящей теории права содержатся исследования судебной практики либо с точки зрения признания таковой в законодательстве стран романо-германской правовой семьи в качестве источника права (в частности, взятые в отдельности судебные решения (прецеденты), либо в качестве инструмента, дополняющего норму, а в ином случае как средство преодоления пробелов в правовом регулировании (без внесения изменений в действующее законодательство).

Как отмечает А. Г. Карапетов, развитие и унификация судебной практики создают условия для более продуманного законотворчества, которое может опираться на прошедшие проверку временем наработки судебной практики [4]. Очевидно, что только путем проверки степени проработан-

Толдиев Х.-М. Б.

1 Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001)

ности той или иной сферы правового регулирования на примере разрешения конкретных судебных споров, и, как следствие, анализа выявленных правовых пробелов, возможно добиться совершенствования конкретной нормы или целого института правового регулирования тех или иных областей правоотношений.

С. С. Алексеев отмечал, что судебная практика наряду с такими функциями как «правоконкретизирующая» и «правонаправляющая», имеет еще одну особую функцию – «сигнально-информационную», как фактора совершенствования и развития законодательства посредством «сигнала» необходимости тех или иных преобразований в общих нормах, а также посредством «выдачи» информации о том, какие именно совершенствования и изменений вызваны потребностями практической жизни [1, с. 487-489].

В научной литературе также встречаются мнения, подтверждающие особенность воздействия судебной практики на совершенствование законодательства путем выработки положений на основе накопленного опыта в части разрешения тех или иных споров. Разъяснения, содержащиеся в Постановлениях Пленумов судов высших инстанций, впоследствии могут служить основой для создания правовых норм и их включения в тексты нормативных правовых актов (в частности, Гражданского кодекса РФ) [9].

Изложенная выше функция судебной практики в настоящее время особенно характерна для института несостоятельности (банкротства).

Как отмечает Е. Е. Енькова, банкротство – комплексный институт, объединяющий нормы частного и публичного права, материального и процессуального права. Указанная особенность обусловила специфику нормативно-правовой базы в сфере банкротства [7, с. 17]. Сложная экономико-финансовая сущность банкротства обуславливает наличие правовых коллизий и пробелов. Отдельные нормы законодательства о банкротстве порою становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, для решения возникающих у правоприменителей вопросов весьма важны акты Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда РФ [7, с. 20].

Как справедливо указывает В. Н. Синюков, «несмотря на то, что до настоящего времени вопрос о правотворческой роли судебной практики законодательной регламентации не получил, акты высших органов правосудия служат ориентирующим для судов фактором, подчас не менее императивным, чем формальные установления законодательства» [8, с. 491 - 492].

Формирование и развитие института несостоятельности (банкротства) в отечественном правовом регулировании берет свое начало еще с дореволюционных времен. Как отмечает Г. Ф. Шершеневич, «зачатки конкурсного процесса были не чужды древнейшему законодательству России» [10, с. 55]. Определенные материальные и процессуальные нормы отражаются уже в Русской Правде. Также нельзя не упомянуть договоры смоленского князя Мстислава 1229 г. с Ригой, Гогландом и другими немецкими городами, а также Устав о банкротях [10, с. 55-75]. В более позднее время дореволюционной России огромное значение имеет Устав судопроизводства торгового 1832 г., заменивший собой Устав о банкротях и содержащий более широкое правовое регулирование. Конечно, в контексте настоящего исследования особенную важность имеет вопрос влияния судебной практики на развитие дореволюционного законодательства о несостоятельности. В этой связи, мы можем отметить, что начало XIX века характеризуется значительным количеством коллизий и пробелов в праве, отсутствием правового регулирования важных институтов несостоятельности, таких как заключение мировых соглашений [10, с. 188], в том числе во внесудебном порядке, учет особенностей отдельных видов кредиторов, а также иные вопросы, связанные с распределением конкурсной массы. Перечисленные пробелы были вы-

явлены в процессе рассмотрения и разрешения конкретных судебных споров.

Итогом консолидации всех существующих норм в сфере несостоятельности, учет судебной практики и зарубежного законодательства стали результатом принятия Устава судопроизводства торгового в 1832 году.

Если обратиться к периоду до известных судебных реформ Александра II, то, как нам известно, судебная власть не была отделена от власти законодательной, соответственно многие неразрешенные правовые вопросы доходили до Государственного совета, который по своей сути являлся последней инстанцией. Но, тем не менее, как описывал Н. М. Коркунов, «судебные решения постоянно превращались в законодательные постановления» [2, с. 393-394].

В послереформенный период судебные учреждения приобретают совершенно иные полномочия: суды теперь по праву являются толкователями норм, а высшие судебные инстанции призваны следовать единству понимания законов.

Введению новых судебных учреждений последовала необходимость соответствия норм Устава судопроизводства торгового с нормами новых судебных уставов. С 1 июля 1868 года изданы были временные правила о порядке производства дел о несостоятельности как торговой, так и неторговой в новых судебных установлениях². Судам предписывается всякое дело решать на основании существующих законов, не останавливая решения, под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия законов (ст. 10 Уст. Гр. Судопр. и ст. 13 Уст. Уг. Судопр.) [2, с. 386].

Необходимо отметить, что данный период времени характеризуется началом становления «судебного правотворчества», поскольку резкое изменение вектора государственного устройства в выделении отдельной ветви власти – судебной, реформа судебных учреждений, а также возникновение «творческой» функции судебных инстанций заложили фундамент для усиления роли судов в совершенствовании законодательства. Конечно, некоторые ученые того периода времени отмечали высокую роль судебной практики в совершенствовании законодательства [5, с. 68]³, однако утверждать о таком факте как о безусловном и исчерпывающем не представляется возможным, поскольку так или иначе единое понимание и применение норм права – основная функция судебных учреждений относительно развития действующего законодательства.

Таким образом, судебная реформа Александра II вносит значительный вклад в развитии судебного правотворчества как такового, предоставляя судам право широкого толкования норм. Тем не менее, ключевым фактором влияния на изменение законодательства в сфере несостоятельности того периода все же имело зарубежное законодательство (в особенности стран континентальной Европы), а также государственно-экономическая политика Российской Империи. Судебная практика имела вспомогательный характер и являлась инструментом анализа выявления пробелов и коллизий в законодательстве.

Следующий этап развития института несостоятельности связан с революцией 1917 г. и переход России к новому государственному устройству.

Первая попытка регулирования конкурсного производства связано с разработкой Торгового Свода 1923 г. Принятый в 1922 г. Гражданский кодекс РСФСР хоть и отражал категорию «несостоятельность», однако упоминания о конкурсе

2 Приложение III к ст. 1400 Устава гражданского судопроизводства.

3 Например, С. В. Пахман отмечал, что «особое влияние судебной практики на законодательство Российской Империи, поскольку именно суды быстрее реагируют на изменения общественных отношений, где наиболее ярко проявляются недостатки закона при разрешении споров».

как такового не было. «Судебная практика вступила на путь рецепции дореволюционных законов о конкурсе, что было осуждено Верховным Судом РСФСР», было описано в еженедельнике советской юстиции [11], в связи с чем данная редакция проекта Торгового Свода 1923 г. была отвергнута.

Ярко выраженная государственная политика в области регулирования экономических отношений должны была отражать привилегию государства в признании хозяйствующих субъектов несостоятельными, и, как правило, в обращении взыскания имущества в пользу государства. ВЦИК СССР И СНК СССР вносятся изменения в ГК И ГПК РСФСР, касающиеся производства по делам о несостоятельности хозяйствующих обществ. Данные постановления регулировали производство по делам о несостоятельности предприятий и акционерных обществ, имевших государственное участие⁴. Выделялось три вида процедур банкротства (в современном понимании): объявление хозяйствующего субъекта несостоятельным с последующей ликвидацией; заключение мирового соглашения и установление особого управления имуществом (своего рода антикризисное управление).

Такое регулирование просуществовало недолго, поскольку отказ от новой экономической политики и переход к плановой экономике по сути исключил необходимость наличия такого института, как банкротство, а в советском законодательстве второй половины XIX века вовсе отсутствуют нормы несостоятельности (например, ГПК РСФСР 1964 г.).

Естественно, при таких обстоятельствах судебная практика вовсе утрачивает свое влияние на развитие законодательства о несостоятельности советского периода. Советское законодательство отражает исключительно политику советского государства, а суды следуют строго букве закона.

Переломный момент в возрождении института несостоятельности связан с принятием Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» 1992 г.

Данный закон во многом заимствовал нормы из законодательства США, основным источником права которого является судебный прецедент (отсюда и наличие в наименовании закона термина «банкротство»). Помимо процедуры конкурсного производства закон содержал положения о внешнем управлении, санации – как формы реорганизации неплатежеспособного юридического лица. Не обошлось без закрепления регулирования заключения мирового соглашения (в том числе внесудебного), а также установления отсрочки и рассрочки платежа.

Однако, несмотря на широту правового регулирования, данный закон содержит значительное количество пробелов и недостатков, которые были выявлены правоприменительной практикой [3, с. 5].

В дальнейшем принимается Закон о банкротстве 1998 г., в котором уже закрепляется процедура наблюдения (выявление реального финансового состояния должника путем утверждения временного управляющего), а также процедура внешнего управления. Также закон содержит особенности банкротства особых субъектов гражданских правоотношений – кредитных и страховых организаций, сельскохозяйственных предприятий и т.д.

Итогом развития законодательства о банкротстве новой России стало принятие нового закона о банкротстве в 2002 году, которое в настоящее время является основным нормативным актом, регулирующим отношения в сфере несостоятельности (банкротства). Именно с момента принятия «нового» закона о банкротстве, степень влияния судебной

практики на совершенствование законодательства становится существенной, если не самой ключевой.

По данным официального сайта государственной думы, всего с 1999 года по настоящее время в государственную думу было внесено 96 законопроектов о внесении изменений в Закон о банкротстве. Из них 21 законопроект был реализован с опубликованием законов. Среди них 11 законопроектов были приняты на основе анализа правоприменительной практики. 1 законопроект был принят в связи с принятием Постановления Конституционного Суда РФ о признании нормы Закона о банкротстве противоречащей Конституции РФ⁵. 3 законопроекта носят технический характер⁶.

Первый проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» от 13.06.2022 связан с уточнением правовых механизмов банкротства кредитных организаций⁷. Актуальность внесения изменений в пояснительной записке к законопроекту обосновывается «выявлением практикой применений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» необходимости правового регулирования процедур предупреждения и осуществления банкротства кредитных организаций». Далее раскрываются все недостатки судебных процедур, связанные с регулированием данного вида правоотношений⁸.

Похожая формулировка содержится в тексте пояснительной записки к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 28.02.2005 г., который был направлен на уточнение процессуального статуса и полномочий саморегулируемой организации арбитражных управляющих, порядка формирования ее компенсационного фонда, ответственности за действия (бездействия) арбитражных управляющих⁹ и т.д.

Упомянутые законопроекты, принятые на рассмотрение в связи с выявлением правоприменителем пробелом и недостатков правового регулирования, также содержат похожее обоснование в пояснительных записках.

Вышеизложенное приводит нас к логичному выводу о непосредственном влиянии судебной практики на развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве). Правотворческая функция судов в данном контексте отчетлива и вполне объяснима, поскольку только суды могут полноценно исследовать норму и проверить ее на предмет достаточности и точности.

Нельзя не упомянуть деятельность Верховного Арбитражного Суда РФ, который до 2014 года являлся высшей судебной инстанцией по рассмотрению и разрешению споров в сфере несостоятельности (банкротства). Именно ВАС РФ принадлежит значительное количество судебных актов (постановлений Пленума, Президиума, информационные письма), которые внесли колоссальный и значительный вклад в развитии банкротного законодательства. Большая часть из правоприменительных актов ВАС РФ сохраняют свою силу

⁴ См. напр. Постановление ВЦИК СССР и СНК СССР от 20 октября 1929 г. Дополнение ГПК РСФСР главой XXXVIII «О несостоятельности государственных предприятий и смешанных акционерных обществ», и главой XXXIX «О несостоятельности кооперативных организаций».

⁵ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2022 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 612 и пункта 11 статьи 18940 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина».

⁶ Аналитическая справка на основе анализа сайта Государственной Думы РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/> (Дата обращения 10.02.2024)

⁷ Законопроект № 214856-3. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

⁸ Закон был опубликован 26.08.2004 г.

⁹ Закон был опубликован 31.12.2008 г.

до настоящего времени¹⁰. В структуру ВАС РФ входили подразделения, занимающиеся обобщением результатов судебной практики, которые имели важнейшее значение не только в принятии ключевых Постановлений, но также становились ориентиром для законодателя.

В настоящее время институт несостоятельности (банкротства) характеризуется стремительным ростом споров. Так, по мнению председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева, в 2023 году арбитражными судами было рассмотрено 242 тысяч дел о банкротстве - на 28 процентов больше, чем в предыдущем году, а также 1 миллион 900 тысяч обособленных споров в делах о банкротстве¹¹.

В настоящий момент на рассмотрении Государственной Думы РФ также находятся законопроекты, направленные на совершенствование банкротного законодательства. Среди них можно выделить проект закона № 516699-8, который Верховным Судом РФ в порядке законодательной инициативы внесен на рассмотрение.

Данный законопроект предусматривает большое количество изменений, связанных как с процессуальными аспектами рассмотрения судами споров о несостоятельности (банкротстве), так и основополагающими нормами (например, увеличения пороговой суммы задолженности, необходимой для подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом); закрепление за судом права рассмотрения определенных категорий заявлений без явки сторон и т.д.). Пояснительная записка к данному законопроекту справедливо обозначает цель – повышение эффективности и качества отправления правосудия.

Похожий характер имеет проект закона № 598603-7, включающий себя разгрузку суда путем наделения арбитражного управляющего полномочиями по рассмотрению бесспорных заявлений о включении в реестр требований кредиторов.

Таким образом, изложенный выше теоретический, практический и аналитический анализ приводят нас к следующим выводами.

Судебная практика имеет ключевую роль в выявлении недостатков правового регулирования института несостоятельности (банкротства), а также формирования предложения для законодателя, направленные на совершенствование и развития законодательства. Законодатель, в свою очередь, должен ориентироваться на правоприменителя с точки зрения обоснованности и необходимости внесения изменений в действующее законодательство.

Однако в настоящее время в теории права окончательно не определена роль судебной практики в совершенствовании отдельных отраслей законодательства. Отдельные теоретические положения о роли судебной практики имеют абстрактный характер и не учитывают особенности отраслей права, соответственно имеется необходимость выработки иных теоретических подходов. Также стоит особенно подчеркнуть, что совершенствование института несостоятельности (банкротства) требует учета результатов судебной практики в качестве отдельной аналитической деятельности в рамках всего законодательного процесса. Законодателю необходимо активно анализировать судебную практику и вносить соответствующие изменения в законодательство для решения текущих правовых проблем и совершенствования данного института. В ином случае отражение недостатков правового

регулирования будет явно выражено в разрешении тех или иных споров между участниками гражданского оборота.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории и права: Т. 3: курс лекций, 2010. – 779 с.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – 352 с.
3. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / Под общ. ред. В. В. Витрянского. – М.: Статут, 2000. – 416 с.
4. Основные положения гражданского права: поста-тейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Ответственный редактор А. Г. Карапетов. – М.: Статут, 2020. – 1102 с.
5. Пахман С. В. О современном движении в науке права. – СПб: тип. Правительствующего сената, 1882. – 68 с.
6. Пиголкин А. С. Законотворчество в Российской Федерации: (Науч.-практ. и учеб. пособие); институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2000. – 604 с.
7. Правовое регулирование банкротства: учебник / Ответственный редактор Е. Е. Енькова. – М.: Проспект, 2021. – 720 с.
8. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. - 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 670 с.
9. Степанов С. А. Судебное нормотворчество, его формы и место в механизме правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-normotvorchestvo-ego-formy-i-mesto-v-mehanizme-pravovogo-regulirovaniya>
10. Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право / [соч.] - 2-е изд. – Казань: Проспект, 1898. – 498 с.
11. Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 29. – С. 686.

¹⁰ Постановления пленума Высшего Арбитражного суда РФ остаются в силе до тех пор, пока по соответствующим вопросам не будет принято решение пленума ВС РФ (п. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ).

¹¹ Верховный суд подготовит специальные разъяснения по делам о банкротстве. Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/02/16/verhovnyj-sud-podgotovit-specialnye-raziasneniia-po-delam-o-bankrotstve.html> (дата обращения 11.01.2024)

ЧАЙКА Юлия Валерьевна

аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В статье ставится проблема определения правового статуса животных, вопрос о наличии или отсутствии у различных живых существ особых прав. Раскрываются имеющиеся разные подходы к поиску ответа на вопрос, разумно ли наделять животное правовым статусом, каким он может быть, и какие юридические и социальные проблемы возникают в связи с отсутствием законодательного закрепления статуса животного. В настоящее время существуют два основных подхода к решению этого вопроса. Превалирует традиционное отношение к животным как к объектам права с соответствующим местом в гражданско-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых отношениях. Однако все чаще возникают вполне обоснованные предложения признать за животными определенные права, по аналогии с правами малолетних детей. В статье приводятся примеры из зарубежного опыта ряда стран, где вопрос о статусе животных успешно решен.

Ключевые слова: правовой статус животных, правовая защита животных, животные – объект права, животные – субъект права, экосистема.

CHAYKA Yuliya Valerjevna

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University

ON THE PROBLEM OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF ANIMALS IN RUSSIAN LAW

The article raises the problem of determining the legal status of animals, the question of whether or not various living beings have special rights. The available different approaches to finding an answer to the question of whether it is reasonable to give an animal a legal status, what it can be, and what legal and social problems arise due to the lack of legislative consolidation of the status of an animal. Currently, there are two main approaches to solving this issue. The traditional attitude towards animals as objects of law prevails, with an appropriate place in civil, administrative, and criminal law relations. However, more and more often there are well-founded proposals to recognize certain rights for animals, by analogy with young children, i.e. to make them quasi-subjects of law. The article provides examples from the foreign experience of a number of countries where the issue of the status of animals has been successfully resolved.

Keywords: legal status of animals, legal protection of animals, animals – object of law, animals – subject of law, ecosystem.

Чайка Ю. В.

Вопрос правового положения животных появился в поле зрения юридического сообщества достаточно давно. Однако, до сих пор в теории права нет единого подхода к пониманию статуса и правового восприятия животных. Отсутствует терминологическая определенность, нет четких различий между имеющимися ключевыми подходами в регулировании правового положения животных, нет общего понимания того, каким объемом прав должны обладать такие существа и должны ли вообще быть ими наделены в юридическом смысле.

Нужно признать, что без четкого представления о содержании ключевых терминов, особенностях отдельных концепций невозможно создать эффективно функционирующий правовой механизм.

Существуют определенные, общие начала, на которые ориентируются исследователи. Так, ученые, практики, зоозащитники в равной степени стремятся к тому, чтобы защитить как можно большее количество видов животных от травм и болезней, от голода и жажды, от стресса и жестокости, безразличия со стороны людей¹. Именно эти стремления и порождают желания ученых-юристов, социологов, экологов, зоологов, биологов и других искать законные и научно-обоснованные способы обеспечения нормального экологического состояния животных, живущих среди людей. И речь здесь идет не только о домашних животных, где ситуация более или менее понятна и стабильна, сколько о животных, являющихся предметом той или иной эксплуатации, среди которых животные сельскохозяйственного назначения, цирковые, лабораторные, дикие (животные являющиеся объектами охоты). Широка проблем и её глубина очевидна для тех, кто вплотную занимается животными, и кто относится к ним не как к предмету наживы, а как к своим собратьям в экосистеме планеты.

На правовом поле этот вопрос представлен очень слабо. Причина заключается в том, что в теории права не разработана терминологическая основополагающая фундаментальная концепция прав животных. «Права животных», «право гуманного обращения с животными», «животные как объект права», «животные как субъект права», «правосубъектность животных», «правовой статус животных» – на первый взгляд эти термины весьма

схожи, однако, принадлежат они совершенно к разным концептам и подходам.

Отсутствие такого правового фундамента, несомненно, влияет на практику, на качество законодательной базы и на отношение людей к животным. Заметим, что существует многолетний успешный опыт зарубежных стран, где защита прав животных более развита и уже оформилась в самостоятельную отрасль права. Но и здесь не все так однозначно. Идеальная для одного государства концепция не приживается на почве другой страны. И факторы здесь могут быть самые разные: социальные, экономические, географические и множество других. Необходимо, хотя и очень сложно, учесть одновременно интересы государства, гражданского общества и разных видов животных.

Речь идёт о проблеме «правосубъектности» животных. Мы можем выделить два ключевых подхода в регулировании «прав животных»: животное – как объект права и животное – как субъект права.

В первом случае, животное воспринимается как вещь, имущество. Никаких прав в этом случае нет, но законодатель предполагает более бережное отношение к таким вещам в силу их физической хрупкости.

И вторая позиция: животное – как субъект права, предлагает воспринимать животных по аналогии с тем, как право воспринимает малолетних детей. А как известно, права у детей есть (правоспособность), но отсутствует дееспособность, нести ответственность за свои поступки они не способны, как и осознавать свои действия в целом. Для этого у них есть законные представители (родители, опекуны). Так, по аналогии, предлагается признать за животными ряд их прав. В этом случае хозяева будут способны представлять интересы своих питомцев в публичном пространстве.

Эти концепции отражаются в законах ряда современных государств.

Так, Германия первой закрепила защиту прав животных в Конституции², а также учредила специальную профессию – «защитник животных». Великобритания еще в далеком 1822 году

1 Всемирная Декларация Прав Животных. С. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutii.files.wordpress.com/2016/06/file-id-607.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).

2 Basic Law for the Federal Republic of Germany art. 20a, 23.05.1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/index.html (дата обращения: 10.01.2024).

приняла первый закон о защите животных от жестокости³. В современной Италии за любое брошенное на улице животное введена уголовная ответственность⁴.

В скандинавских странах практически отсутствуют бездомные животные. В Норвегии закон о благополучии животных достаточно подробно регулирует действия, запрещенные в отношении животных⁵. А в Нидерландах с 2002 года действует Партия защиты животных⁶.

В ряде восточных странах некоторые животные с давних времен являются сакральными. В частности, хорошо известно, что в Индии на протяжении всей ее истории и до сего дня корова является священным животным, в Египте такой статус исторически имеют кошки, птицы Ибис, скарабеи, в Китае – черепахи, жирафы. Более двухсот лет уличные кошки и собаки Турции пользуются защитой государства и закона. Им обеспечено питание и надзор.

Известно, что в Новой Зеландии благодаря активной деятельности ученых разных отраслей и народному признанию официально закреплено, что все животные являются разумными существами⁷.

Ситуация в нашей стране в отношении данной проблемы неоднозначная как в правовом смысле, так и в социальном.

Первые законы о защите животных в России начали появляться лишь во второй половине XX века. Так, в 1990 году посредством разработки первой редакции закона «Об ответственном обращении с животными»⁸ была предпринята попытка улучшить правовое положение животных на законодательном уровне. Итог получился весьма сомнительным. Действующая редакция закона учитывает только две категории животных: домашних и бездомных (забывая об остальных сферах взаимодействия человека и животного). Заметим, что в своей первоначальной редакции, закон был весьма качественно проработан, включал в себя лучшие зарубежные практики, учитывал все категории животных (домашние, бездомные, сельскохозяйственные животные, лабораторные, индустрия развлечений). Однако закон был отклонен с формулировкой «нет предмета правового регулирования», а также с указанием на то, что «отсутствует законодательная база».

Любопытно, что ещё одна очень достойная инициатива была отклонена в 2016 году с аналогичной формулировкой. Речь идет о создании должности уполномоченного по защите прав животных. В данный момент в отношении такого института оформилось два полярных мнения. Часть людей из разных сфер поддерживает создание такого института. Предполагалось, что институт уполномоченного по правам животных сможет гарантировать животным надлежащее ответственное отношение со стороны их владельцев и обеспечить животным более эффективную защиту от жестокого обращения. Учреждение такого института на федеральном уровне позволило бы назначить уполномоченных по правам животных в субъектах РФ. Такая двухуровневая система привела бы к сокращению преступлений и правонарушений в отношении животных, позволила бы привлечь виновных лиц к реальной ответственности за жестокое обращение с животными, а также наладить механизм взаимодействия всех участников данных отношений (государство, общество, животные). Однако, есть и другие мнения. Так, член Комитета СФ по конституционному законодательству и госстроительству Александр Башкин считает, что в России за защиту прав животных уже ответственны ряд государственных органов (полиция, прокуратура, Росприроднадзор). Поэтому создание института уполномоченного по правам животных нецелесообразно. Действующие органы успешно справляются с поставленной задачей в области защиты животных. При

этом уже существует закон об ответственном отношении к животным, который защищает животных⁹.

Очевидно, практика показывает, что государственные органы, которым переданы полномочия и функции по защите интересов животных, не обладают необходимыми ресурсами для успешного достижения поставленных задач. Причины здесь могут быть самые разные. Например, объем задач у полиции, прокуратуры, природоохранной прокуратуры, Росприроднадзора – огромен. Отдельных подразделений, занимающихся расследованием преступлений в отношении животных, защитой их интересов – не создано. Да и в целом, у вышеперечисленных органов приоритет один и он один: «защита прав граждан и их законных интересов». Что, в целом, понятно, верно и абсолютно обосновано. И аналогичная позиция должна бы быть и у органа, который будет защищать интересы животных. Где фокус будет смещен с «человека» на «животного».

Если говорить об отраслевом законодательстве, то упоминание животных имеются в Гражданском кодексе РФ и Уголовном кодексе РФ. Гражданский кодекс официально закрепил, что животные являются имуществом, вещью, соответственно на них распространяются нормы вещного права. А Уголовный кодекс в единственной статье, где речь идет о живом существе, – статье 245 устанавливает запрет жестокого обращения с животными. Однако даже здесь есть оговорка: защищает животных она только при наличии определённого признака – если противоправные действия в отношении животного совершаются на глазах у детей.

В то же время юридическая практика чрезвычайно богата примерами, демонстрирующими острую потребность в правовом регулировании конфликтов, связанных с взаимодействием человека и животного. Изучая данную тему, мы выявили многочисленные вопиющие факты жестокого и безразличного обращения с животными, а также столкнулись с гражданско-правовыми спорами, связанными с определением места животного. Совершенно очевидно, что цивилистика, административное право, уголовное право, семейное право, как отрасли российского права нуждаются в четких теоретических разработках, которые позволят решать судебные (и не только) споры относительно животных в контексте отношений к ним со стороны людей. Достаточно остро стоит вопрос, связанный с животными сельскохозяйственного назначения. Ежегодно зоозащитники находят фермы, в которых плохо содержатся и жестоко эксплуатируются животные. Отсутствие регулирования со стороны государства сказывается на игнорировании законодательства о животных и нарушении ряда правил эксплуатации животных данной сферы.

Приходится констатировать, что Российское государство серьезно отстает от европейских, и не только европейских стран, в деле правового регулирования и защиты экосреды, большой частью которой являются животные. К счастью, в последние годы наметились серьезные подвижки, как в плане развития зоозащитных организаций, так и государственных, муниципальных органов. В научной среде также появился интерес к данной теме, подготовлен ряд диссертационных и монографических работ, особенно в сферах гражданского и уголовного права, которые свидетельствуют о заинтересованности молодых ученых в исследовании этих проблем и практическом их решении.

Пристатейный библиографический список

1. Горохов Д. Б. Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными // Журнал российского права. - 2020. - № 4. - С. 153-171.
2. Дойников П. И. Принципы фаунистического права в Российской Федерации // Черные дыры в российском законодательстве. - 2021. - № 4. - С. 61-63.
3. Дойников П. И. О качественном совершенствовании законодательства об охране животного мира // Lexrussica. - 2021. - № 8. - С. 118-125. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.
4. Елисеев В. С. О проблеме расширения предмета фаунистического права // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 11. - С. 128-132.
5. Шабалина М. А. Проблемы правового регулирования обращения с безнадзорными животными в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2022. - Т. 15. № 5. - С. 198-227. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.198.227.
6. Совет Федерации против создания института уполномоченного по правам животных. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://senatinform.ru/news/v_sf_vystupili_protiv_sozdaniya_instituta_upolnomochennogo_po_pravam_zhivotnykh/ (дата обращения: 10.02.2024).
7. Act to Prevent the Cruel and Improper Treatment of Cattle, 1822 July 22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Martin%27s_Act_1822 (дата обращения: 10.01.2024).
8. Codice Penale (approvato con Regio Decreto n. 1398 del 19 ottobre 1930, come modificato dal Decreto Legislativo 11 maggio 2018 n. 63) art. 727. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/479196> (дата обращения: 10.01.2024).
9. Norway Animal Welfare Act 10.07.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/animal-welfare-act/id571188/> (дата обращения: 10.01.2024).
10. Regulations of the Party for the Animals. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.partyfortheanimals.com/ru/организации/partij-voor-de-dieren> (дата обращения: 10.01.2024).
11. New Zealand, Animal Welfare Act 1999, Public Act 1999 № 142, §38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/nze37062.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).
12. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 № 498-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

БУТОВ Сергей Валерьевич

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения) Факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

О РОЛИ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД СССР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность Особых отделов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор статьи отмечает, что Особые отделы НКВД, являясь надзорным независимым от командования правоохранительным органом, обладая большим объемом полномочий, обеспечивали реализацию правового положения военнослужащих, доведение своевременной оперативной информации до высших органов военного управления. Их деятельность по борьбе с неблагонадежным элементом и надзору за соблюдением законности в войсках являлась необходимой и эффективной, заслуживающей внимания органов безопасности силовых структур в современных военно-политических условиях.

Ключевые слова: правовое положение, военнослужащие, войска НКВД Особые отделы, цензура, надзор, безопасность, законность, Великая Отечественная война.

BUTOV Sergey Valerjevich

adjunct of the adjunct (full-time and distance learning) Faculty of the Training of Highly Qualified Personnel and Additional Professional Education of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

ON THE ROLE OF SPECIAL DEPARTMENTS OF THE NKVD OF THE USSR IN ENSURING THE LEGAL STATUS OF MILITARY PERSONNEL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article examines the activities of the Special departments of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War. The author of the article notes that the Special departments of the NKVD, being a supervisory law enforcement agency independent of the command, possessing a large amount of powers, ensured the implementation of the legal status of military personnel and the delivery of timely operational information to the highest bodies of military command. Their activities in combating unreliable elements and monitoring compliance with the rule of law in the troops were necessary and effective, deserving the attention of security agencies of law enforcement agencies in modern military-political conditions.

Keywords: legal position, military personnel, NKVD troops Special departments, censorship, supervision, security, legality, Great Patriotic War.

Бутов С. В.

22 июня 1941 года Советский Союз вступил в новый и самый тяжелый в своей истории период развития – период Великой Отечественной войны. Для СССР это была освободительная война, борьба за существование и суверенитет, сплотившая миллионы людей с одной целью – прогнать оккупантов тиранов и грабителей с родной земли. В соответствии со справедливой целью войны на защиту Родины вместе с Вооруженными Силами поднялся весь советский народ. Армия имела в годы войны величайшую поддержку миллионных масс всех национальностей страны. Поднятие авторитета Вооруженных Сил СССР, обеспечение правового положения и социальных гарантий фронтовиков и членов их семей являлось одной из самых важных задач государства.

Правовое положение военнослужащих, как и их правовой статус, к началу войны с фашистской Германией не имели нормативно закрепленного определения в советском законодательстве. Вместе с тем анализ норм Закона СССР 1939 года «О всеобщей воинской обязанности»¹ позволяет прийти к выводу, что в состав правового статуса военнослужащих Вооруженных Сил СССР входили такие элементы как юридические права, обязанность и ответственность. Совокупность и

объем этих элементов с одной стороны позволяли советским военнослужащим выполнять свои служебно-боевые обязанности по вооруженной защите Отечества, а с другой – гарантировали фронтовикам и членам их семей социальную поддержку, льготы и преимущества, установленные государством. Отличие правового статуса от правового положения военнослужащих, по мнению автора и некоторых ученых, заключается в том, что оно отражает не декларируемые законом права, обязанности и ответственность, а реализацию их в конкретных правоотношениях [1, с. 10; 2, с. 11].

Условия военного времени потребовали дальнейшего совершенствования правового положения фронтовиков. В систему прав, обязанностей и ответственности военнослужащих были внесены дополнения и уточнения по вопросам довольствия, воинских званий, дисциплинарной власти военачальников. «Получили дальнейшее развитие методы и способы поддержания воинской дисциплины, условия и формы установления степеней отличия, порядок присвоения воинских званий, награждения и поощрения воинов за боевые заслуги; были расширены пределы и улучшен порядок предоставления льгот, особых прав и преимуществ военнослужащим, инвалидам войны и их семьям, повышена юридическая ответственность военнослужащих» [3, с. 108].

1 Закон СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.

Военнослужащие, входящие в состав действующей армии получили право на повышенное денежное довольствие. В целях стимулирования их боевой активности и эффективности им начислялись дополнительные денежные выплаты за боевые успехи, сокращался срок службы в воинских званиях для получения очередного воинского звания, выдавался улучшенный паек продовольственного питания, а военнослужащим первой линии ежедневно дополнительно выдавалась водка по «100 грамм боевых». За всеми военнослужащими сохранялось ранее занимаемое ими жилое помещение, предоставлялись льготы по уплате налогов и другие привилегии в правах, было значительно улучшено социальное обеспечение военнослужащих, членов их семей, а также инвалидов войны.

Нарушение принципов законности и правопорядка в связи с применением актов военного законодательства рассматривалось в военное время как тяжкое преступление, направленное против интересов защиты страны. Преступления или дисциплинарные проступки квалифицировались нередко как совершенные при отягчающих обстоятельствах. Виды юридической ответственности военнослужащих не имели четкого разграничения – зачастую дисциплинарная ответственность могла подменяться уголовной, при этом материальная входила в дисциплинарную.

Ответственность по законам военного времени вводила в действие ряд статей уголовного кодекса, для которых «военное время» являлось условием или юридическим фактом для их применения. Как правило, санкции этих статей предусматривали высшую меру социальной ответственности – расстрел с конфискацией имущества. Кроме того, военное время на основании соответствующих правовых актов наделяло командиров и политработников правом внесудебной расправы над проявившими на поле боя трусость военнослужащими, а члены семей таких военнослужащих могли быть привлечены к уголовной ответственности и сосланы в отдаленные районы страны.

Важную роль в обеспечении безопасности, законности в войсках и правового положения военнослужащих в годы войны сыграли Особые отделы НКВД, образованные постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. № 187сс². Главной задачей этих органов являлась борьба со шпионами, диверсантами, паникерами, предателями, дезорганизаторами и дезертирами в советских Вооруженных Силах.

Для силовой поддержки Особых отделов в подчинение этим органам передавались подразделения войск НКВД, обладавшие специальными полномочиями по поддержанию общественного порядка и обеспечению внутренней безопасности страны [4, с. 22]. При обстоятельствах, не требующих промедления, Особые отделы имели право расстреливать дезертиров на месте. На следующий день после издания ГКО постановления № 187сс директивой НКВД СССР № 169 задачи Особых отделов по агентурно-оперативной работе, очищению войск от неблагонадежного элемента и укреплению дисциплины среди военнослужащих были уточнены [5, с. 346].

В рамках своих полномочий Особые отделы осуществляли надзор за соблюдением законности и правопорядка в войсках. Так, на Западном фронте имелись случаи нарушения порядка согласования приговоров военнослужащих к выс-

шей мере наказания, в частности согласования их военными советами армий. На необходимость устранения указанных нарушений и недопустимость попиранья принципа законности в любых условиях обстановки была направлена директива начальника ОО НКВД Западного фронта от 28 февраля 1942 г. № 10/3842 [6, с. 176].

Задержанные войсками НКВД правонарушители, дезертиры, агенты врага и иной преступный элемент передавались для дальнейшей оперативно-следственной работы в Особые отделы. Та же судьба ожидала вернувшихся из тыла врага советских военнослужащих, подозреваемых в измене и сговоре с немцами. Эти лица подлежали всесторонней проверке в спецлагерях НКВД. Наиболее тщательно Особые отделы НКВД проверяли военнослужащих, вернувшихся из окружения или плена противника без своего табельного оружия, так как этот факт являлся одним из признаков добровольной сдачи военнослужащих в плен.

В годы войны Германия готовила и засылала в тыл советских войск большое количество своих агентов. Под руководством Особых отделов проходились мероприятия по очищению личного состава Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД от неблагонадежных элементов: лиц, находившихся в плену, бывших в окружении, призванных с территорий, освобожденных от противника и пр. Всем названным категориям заранее оказывалось недоверие, они подлежали специальной проверке Особыми отделами, в ходе которой предполагалось установить их причастность к преступным деяниям. Военнослужащие, чья вина в ходе проверки была доказана, предавались суду военного трибунала. Невинные, но вызывающие у органов подозрение лица, не допускались к высшим командным должностям, к секретной аппаратуре и сведениям, составляющим военную тайну.

В годы войны была организована цензура корреспонденции фронтовиков в соответствии с постановлением ГКО от 6 июля 1941 г. № 37сс³ и от 28 июня 1942 г. № 1938сс⁴. Органы военной цензуры Особых отделов НКВД просматривали письма и телеграммы, конфискуя все носители с запрещенной информацией антисоветского, провокационного характера, с зашифрованным содержанием, а также включающие в себя сведения, составляющие военную тайну (о составе, численности месте расположения, передвижения войск и гарнизонов, фамилиях старшего, высшего начальствующего и политического состава, о вооружении, ходе боев, о месте нахождения и состоянии путей сообщения, телефонных станций, потерях войск и др.).

Способность военнослужащих действующей армии эффективно выполнять свои обязанности по вооруженной защите СССР напрямую зависела от полноты обеспечения их всеми видами довольствия. Реализация прав фронтовиков на материальное обеспечение, включавшее денежное, вещевое и продовольственное обеспечение находилось на особом контроле со стороны высших органов военного управления и правоохранительных органов. Кроме того, добывая победу в бою порой ценой своей жизни, фронтовики могли рассчитывать на заботу и защиту членов своей семьи со стороны государства. Через военную цензуру Особые отделы осуществ-

2 Постановление ГКО от 17 июля 1941 г. № 187сс «О преобразовании органов 3-го управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. Л. 118.

3 Постановление ГКО от 6 июля 1941 г. № 37сс «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 127, 128.

4 Постановление ГКО от 28 июня 1942 г. № 1938сс «О военной цензуре» // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 85.

вляли надзор за доведением положенных норм довольствия до фронтовиков, за предоставлением им необходимых материально-бытовых условий, за общим настроением военнослужащих и обеспечением законности в армейских кругах.

Анализируя результаты военной цензуры, Особые отделы НКВД владели объективной обстановкой в войсках и имели возможность оперативно реагировать на нарушение нормативных требований. Так, в начале 1942 года начальник Управления ОО НКВД СССР В. С. Абакумов в записке в ЦК ВКП(б) и НКО СССР сообщил: «При проверке писем, идущих в действующую армию, военной цензурой в конце декабря 1941 г. и начале января 1942 г. отмечено значительное количество жалоб семей военнослужащих на плохие материально-бытовые условия и отсутствие внимания к их нуждам со стороны местных гражданских и военных органов»⁵. В спецсообщении НКВД СССР от 14 ноября 1941 г. № 41/3286 в НКО СССР, составленном на основе информации, полученной из ОО НКВД, указывалось, что «на Северо-Западном фронте ощущается острая нужда в теплом обмундировании. Имеются части, находящиеся на передовых позициях, которые не полностью обеспечены теплым обмундированием. На 10 ноября с.г. всего по фронту установлено 193 факта обморожения. ...Особая нужда имеется в валенках, так как фронт валенок не имеет» [7, с. 305].

Незамедлительная реакция Особых отделов поступала в случае выявления военнослужащих распространявших ложные слухи, занимавшихся контрреволюционной агитацией, не желавших исполнять свой воинский долг, призывавших сдать на милость немецким захватчикам или дезертировать. Такие военнослужащие после проведения следственных действий предавались суду военного трибунала, что положительно сказывалось на общей боеспособности войск.

Таким образом, Особые отделы НКВД в военное время обладали широкими полномочиями, позволявшими им контролировать практически все сферы деятельности войск. Оперативно получаемая этими органами информация, отражающая действительную картину в войсках, давала возможность своевременно принимать необходимые правовые решения для устранения выявленных недостатков, восстановления законности, предотвращения нарушения прав военнослужащих, обеспечения надлежащего исполнения ими своих обязанностей, очистки войск от агентов врага. Анализ архивных источников военного времени позволяет судить о высокой эффективности деятельности Особых отделов НКВД, сыгравших значительную роль не только в обеспечении правового положения военнослужащих, но и в достижении Победы СССР в Великой Отечественной войне. Положительный опыт деятельности Особых отделов НКВД СССР в период войны заслуживает особого внимания органов безопасности России в современных военно-политических условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4 (35). – С. 6-11.
2. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Отечественные юристы о содержании понятий «правовой статус» и «право-

вое положение» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 3 (20). – С. 8-12.

3. Бутов С. В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. – С. 103-114.
4. Бутов С. В., Сибгатуллин Ф. С. Об использовании опыта выполнения войсками НКВД СССР служебно-боевых задач в годы Великой Отечественной войны в деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3 (38). – С. 20-24.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня-31 августа 1941 г. / Федер. служба контрразведки РФ, Академия федер. службы контрразведки РФ; Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. – М.: Русь, 2000. – 718 с.
6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января-30 июня 1942 г. / Федер. служба контрразведки РФ, Академия федер. службы контрразведки РФ; Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. – М.: Русь, 2003. – 704 с.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября-31 декабря 1941 г. / Федер. служба контрразведки РФ, Академия федер. службы контрразведки РФ; Рук. группы авт.-сост. В. П. Ямпольский. – М.: Русь, 2000. – 670 с.

5 Центральный Архив ФСБ России. Ф. 140с. Оп. 1. Д. 1. Л. 218.

ВОСИТОВ Хамзаали Абдувохитович

кандидат юридических наук, доцент высшей школы теории и истории государства и права Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье с позиций истории политических и правовых учений показаны философско-мировоззренческие взгляды персидско-таджикских мыслителей, политических деятелей и поэтов, таких как Рудаки, аль-Фараби, Фирдоуси, Абуали ибн Сина, Низам аль-Мульк, Ширази. В исследовании аргументируется, что в трудах персидско-таджикских мыслителей провозглашались нравственные ценности человека в русле восточной правовой культуры, что определяло социальную и политико-правовую характеристику бытия человека. Эти взгляды нельзя трактовать как воззрения о правах человека в буквальном смысле, но они содержали представления о человеколюбии, уважении людей друг к другу, равноправии и справедливости.

Ключевые слова: персидско-таджикские мыслители, философы, поэты, права человека, гуманизм, справедливость, равенство.

VOSITOV Khamzaali Abduvokhitovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher school of theory and history of state and law, of the Pacific State University, Khabarovsk

PERCEPTIONS OF HUMAN RIGHTS IN THE PERSIAN-TAJIK LEGAL CULTURE

The article, from the perspective of the history of political and legal doctrines, shows the philosophical and worldview views of Persian-Tajik thinkers, politicians and poets, such as Rudaki, al-Farabi, Ferdowsi, Abuali ibn Sina, Nizam al-Mulk, Shirazi. The study argues that the works of persian-tajik thinkers proclaimed the moral values of man in line with Eastern legal culture, which determined the social and political-legal characteristics of human existence. These views cannot be interpreted as views on human rights in the literal sense, but they contained ideas about philanthropy, respect between people for each other, equality and justice.

Keywords: Persian-Tajik thinkers, philosophers, poets, human rights, humanism, justice, equality.

Права и свободы человека являются неотъемлемым элементом культуры общества, необходимым условием утверждения человеческого достоинства, средством удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей людей. Это – ценностный ориентир, с помощью которого «человеческое измерение» приобретает не только государственное признание, нормативное правовое регулирование, но и социокультурное содержание.

Идеи прав и свобод человека в истории таджикского народа активно разрабатывались в трудах таких средневековых персидско-таджикских мыслителей и философов, как аль-Фараби, Абуали ибн Сина (Авиценна), Низам аль-Мульк. Именно в доктринах и теориях этих великих философов и политических деятелей таджикского народа права и свободы человека были обоснованы достаточно глубоко и в различных аспектах. Идеи свободы и равенства воспевались также известнейшими персидско-таджикскими поэтами Рудаки, Фирдоуси, Ширази и др.

Остановимся на некоторых взглядах вышеуказанных персидско-таджикских философов, мыслителей и поэтов.

Абуабдуллах Джафар Рудаки (858-941) – основоположник классической персидско-таджикской литературы. В своих произведениях поэт много внимания уделял социальному равноправию, помощи слабым – сиротам и старикам. В касыдах поэт рассказывает о трудностях жизни в старости, призывая помочь старикам [4, с. 46]. В творчестве Рудаки центральная тема выражается в противостоянии добра и зла. Осознавая недолговечность всего сущего и видя свое бессилие перед законами бытия, поэт призывает быть добрыми, справедливыми, чтобы хоть как-то смягчить участь обиженных и оскорбленных:

Взглядом трезвым и разумным погляди на этот мир,
Все увидишь по-другому, жизнь по-новому поймешь.
Мир – подобен океану, строй из добрых дел ладю,
И тогда его спокойно и легко переплывешь [7, с. 159].

Философ Абунасер ибн Мухаммад аль-Фараби (872-950) в своих трактатах, к примеру «Ара ахл ал-мадинат ал-фадила» («О взглядах жителей добродетельного города»), призывает к государственной организации справедливого общества. В этом процессе особая роль отводится 12 врожденным качествам, присущим справедливому правителю. Справедливый правитель должен обладать такими свойствами характера, как: 1) здоровье, 2) понимать мысли других, 3) хорошая память, 4) дальновидность, 5) правильная речь, 6) любовь к знаниям и культуре, 7) воздержание от пищи и питья, 8) правдолюбие, 9) обладать авторитетом, 10) быть благородным, 11) отвращение

к деньгам, 12) справедливое отношение к человеку [1, с. 317-318].

В учении аль-Фараби заложено четкое правило: если такой человек появится, именно он может руководить городом, и, если он обладает всеми перечисленными свойствами, это позволит благоприятному развитию населения, может обеспечить равноправие и справедливость – основные элементы прав и свобод человека, которые могут быть реализованы.

Величайший мыслитель и поэт Востока Абулькасим Фирдоуси (934-1020) в своем незабвенном произведении «Шахнаме» («Книга царей») провозгласил великие идеи человеколюбия и прочной системы правления царей Пешдода и Каяна Велико-го. В поэтической форме он выразил поучительные мысли о равенстве и братстве, справедливости и законопослушании, суверенитете наций и народов.

В литературном памятнике Востока «Шахнаме» доминирует мысль о том, что во все времена в общественных отношениях люди были равными, потому как они сотворены единым Богом. Понимание людьми своего единства благоприятствует укреплению добрых нравов и расцвету гуманистических ценностей! В теории Фирдоуси равенство людей начинается с равенства их перед Создателем. И царь, и бедняк одинаково равны перед Создателем. На взгляд поэта, все страны и государства, богатые и бедные, цари и дервиши (бедняки), герои и побежденные, находясь под защитой Создателя, ответственные перед ним. Наравне с этим, по мнению Фирдоуси, Создатель, признав людей равными, призывает царей к доброте, любви и справедливости:

Все в мире покроется пылью забвения,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетия, не зная конца [11, с. 29].

Абуали ибн Сина (Авиценна) (980-1037) – выдающийся ученый, врач, представитель восточного аристотелизма, мыслитель мирового масштаба. В своем произведении «Китоб уль-инсоф» («Книга справедливости») Авиценна обратил внимание на необходимость установления социальной справедливости в обществе и одним из первых указал на индивидуализацию полномочий государственных деятелей [6, с. 204-205]. Как следует из учения Авиценны, один человек не может одновременно управлять и городом и деревней, поскольку в

1 Цит. по: Курбанмамадов Мирзо Улугбек Акназар. Эстетические взгляды Абулькаси́ма Фирдоуси. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Moscow.icro.ir (дата обращения: 27.11.2023).

этом случае нарушаются права человека: как город постоянно требует развития, так и деревня имеет свои потребности. Это значит, что один человек, используя должностные полномочия в своих интересах, будет ущемлять права простого народа. Следовательно, в городах и деревнях должны управлять разные люди, знающие территорию, социальное положение и менталитет подвластных народов.

Абуали Хасан ибн Али Туси, более известный как Низам аль-Мульк из Туса (1017 – 1092), в политической, литературной и культурной жизни народов Востока занимал видное место. Будучи по должности министром, он по поручению правителей Сельджуков написал книгу об управлении государством под названием «Сиесатнамэ» («Политический трактат») [9, с. 192]. Низам аль-Мульк в «Сиесатнамэ» уделил пристальное внимание государству и государствоведению, разработал теорию восточного управления для близлежащих стран, взяв за модельный вариант практику прежних царей исламской эпохи, где счастье народа, защита прав человека и праведности занимает центральное место.

Низам аль-Мульк в теоретических трактатах проводит различие между божественными установлениями и властными предписаниями. Божественные правоустановления он подразделяет на два вида предписаний: приказания и запрещения. Первый подразумевает возложенные на мусульманина обязанности по совершению четко очерченных в священных текстах поступков, второй – по воздержанию от противоисламских поступков.

Властные предписания также включают два вида нормативных установлений: 1) «царские приказы»; 2) «указы, что пишут со двора». Однако дело не только в классификации, а в том, чтобы, отличив «царские приказы» от иных «посланий двора», придать им главенствующее положение во всей системе властных правоустановлений (но не всей правовой системе, ибо основополагающим ее источником был Коран). В этих целях они именуются «высочайшими приказами», а также «приказами его величества» [10, с. 74]. Этим можно подчеркнуть, что Низам аль-Мульк не смешивал нормы религии с государственно-правовыми догмами, а в силу разных обстоятельств пропорционально определял права, обязанности и полномочия государственных должностей. Он восстановил функции основных диванов, существующих при правлении династии Саманидов: диван амид аль-мулк занимался важными государственными бумагами; диван мухтасиб наблюдал за рынком, правильностью употребивших весов и мер, продажей товаров крестьянами и ремесленниками. К тому же мусульманское право, которое предусматривало права и обязанности каждого верующего человека, исходило только из норм шариата, что не противоречило Корану и Сунне.

Низам аль-Мульк при исполнении должности визира открыл школу-медресе, ставшую известной как «Низамия» – первое высшее учебное заведение в мусульманском мире, в котором наряду с изучением Корана и хадисов также могли обучаться как естественным, так и гуманитарным наукам (математике, астрономии, истории, мусульманскому праву, арабскому языку, литературе). Такие учебные заведения были открыты во многих городах, в том числе в Багдаде, Нишапуре, Герате, Балхе, Мерве и др. [3, с. 117] С одной стороны, это повышало уровень знания населения, а с другой – обогащало казну государства Сельджуков. Но нужно подчеркнуть, что без наличия грамотных людей все это было бы невозможно реализовать.

Один из выдающихся мыслителей и поэтов, оставивших глубокий след не только в восточной, но и мировой науке, – Шейх Муслихиддин Саади Ширази (1181-1291). В своих произведениях «Гулистан» («Цветочный сад») и «Бустан» («Сад роз») затронул вопросы справедливости и равенства [5, с. 172]. По мнению И. С. Брагинского, важнейшие достоинства поэзии Саади проявились в смелом изречении правды, безжалостном вскрытии острых социальных противоречий, понимании того, что тяжелое положение трудящихся людей вызвано режимом произвола, формулировании народного восприятия идеи «справедливого царя», активной пропаганде принципов гуманизма [2, с. 346-347].

«Сам Саади говорил, что человеку нужно прожить две жизни: в одной искать и ошибаться, накопить опыт, а во второй применять его с тем, чтобы безошибочно поведать о жизненных уроках» [2, с. 344].

Это жизненное кредо Саади глубоко отражено в его жизни и творчестве: прожив более века, он словно прошел через

две жизни. Первая жизнь – бурные молодые годы: искал, боролся, странствовал. Вторая жизнь – удалился на покой, где провел свою жизнь в размышлениях, созерцании, осмыслении и описании всего пережитого.

Ученый пропагандировал рациональные мысли о равенстве людей, гуманизме, поддержке сирот, инвалидов и прикованных к постели больных. Люди по своей природе едины, поэтому они не могут быть безразличными к горю и радости друг друга, а должны проявлять милость подневольным, уважать сирот и беспризорных:

«Все племя Адамово – тело одно,

Из праха единого сотворено.

Коль тела одна только ранена часть,

То телу всему в трепетание впасть.

Над горем людским ты не плакал вовек, –

Так скажут ли люди, что ты человек?»² [5, с. 173]

Вышеприведенные взгляды ученых, философов, политических деятелей и поэтов доказывают, что доктрина о человеколюбии, уважении друг друга, равноправии, толерантности и справедливости убедительно отражены в наследии персидско-таджикской культуры. Хотя указанные классики жили и творили в различные периоды времени, их творчество, по мнению Р. Ш. Сативалдыева, объединяет то, что все они жили в эпоху становления, развития и расцвета средневекового мусульманского Востока (VIII – XV вв.) и принадлежали к исламской цивилизации [8, с. 6]. К тому же произведения восточных поэтов и мыслителей внесли неопределимый вклад в мировую литературу, политику-правовую науку и повлияли на развитие идей гуманизма, равенства и справедливости в Таджикистане.

Пристатейный библиографический список

1. Аль-Фараби Абу Наср Мухаммад. Трактат о взглядах жителей добродетельного города / Пер. с араб. И. О. Мухаммеда и А. В. Сагадеева // Философские трактаты. – Алма-Ата, 1972. – 430 с.
2. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 496 с.
3. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга II. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 480 с.
4. Диноршоев А. М. Права человека. – Душанбе, 2010. – 336 с.
5. Диноршоев А. М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – 190 с.
6. Ибн Сина. Избранные философские произведения: (перевод с арабского и фарси-дари) / Ибн Сина (Авиценна); отв. ред. М. С. Асимов и др. – Москва: Наука, 1980. – 551 с.
7. 1000 строк Рудаки (к 1125-летию Рудаки) (на тадж. и рус. языках). – Душанбе: Ирфон, 1984. – 192 с.
8. Сативалдыев Р. Ш. Вклад персидско-таджикских мыслителей в развитие восточной школы международного права // Правовая жизнь Душанбе. – 2016. – № 3 (15). – С. 6-18.
9. Сативалдыев Р. Ш. История политических и правовых учений (на тадж. языке). – Душанбе: ЭР-граф, 2011. – 460 с.
10. Сиесат-намэ. Книга о правлении визира XI столетия Низам аль-Мулька / Пер., введ. и прим. Б. Н. Заходера. – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 379 с.
11. Слова-алмазы Абулькасима Фирдоуси / Пер. с фарси Ц. Бану-Лахути. – Ташкент: Изд-во. худ. лит-ры им. Г. Гуляма, 1971. – 64 с.

2 Это стихотворение, написанное на шести официальных языках, в том числе и на русском, высечено при входе в здание Генеральной Ассамблеи ООН, находящееся в г. Нью-Йорке.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-131-132

ЕГОРОВ Андрей Михайлович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России

ЕГОРОВ Игорь Андреевич

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается история возникновения и развития института мер уголовно-правового характера как своеобразной альтернативы классическому уголовному наказанию. Авторы осуществили диахронный сравнительно-правовой анализ зарождения и эволюции подобного рода мер в российском уголовном законодательстве, начиная с его ранних этапов вплоть до современного состояния. В статье рассматривается процесс трансформации и постепенной институционализации мер уголовно-правового характера в качестве самостоятельной формы уголовно-правовой ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, правовое принуждение, государственно-правовое реагирование, уголовно-правовые меры, механизм уголовно-правового регулирования, эволюция правового содержания.

EGOROV Andrey Mikhailovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Pskov branch of the St. Petersburg University of the FPS of Russia

EGOROV Igor Andreevich

junior researcher of the Research laboratory "Center for Comprehensive Study of Regional Security Problems" of the Pskov State University

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LAW MEASURES IN THE HISTORY OF DOMESTIC LEGISLATION

The article considers the history of the emergence and development of the institution of measures of a criminal law nature as a kind of alternative to classical criminal punishment. The authors carried out a diachronous comparative legal analysis of the origin and evolution of such measures in Russian criminal law, from its early stages up to the modern state. The article considers the process of transformation and gradual institutionalization of criminal law measures as an independent form of criminal law responsibility.

Keywords: criminal liability, legal coercion, state-legal response, criminal-legal measures, mechanism of criminal-legal regulation, evolution of legal content.

Рассматривая меры уголовно-правового характера в качестве юридического средства, посредством которого корректируется правовой статус лица, совершившего общественно опасное деяние, приходится констатировать, что на протяжении долгого времени в процессе развития отечественного законодательства единственной и безальтернативной формой реализации уголовной ответственности оставалось применение наказания. Отделение от него некоторых мер уголовно-правового характера происходило постепенно, на протяжении целых столетий. Поэтому формально институт мер уголовно-правового характера, отделяемых от непосредственного уголовного наказания, имеет не слишком длительную историю в российском праве [1, с. 11]. Современное понятие иных мер уголовно-правового характера было закреплено в отечественном законодательстве Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г., и получило свое дальнейшее развитие в качестве самостоятельного института начиная с 2006 г., когда в него впервые в истории российского права был дополнительно включен самостоятельный раздел посвященный данным видам государственно-правового реагирования на совершаемые общественно опасные деяния [3, с. 17].

Тем не менее, еще на ранних этапах истории отечественного права можно выявить зарождение прообразов тех уголовно-правовых мер воздействия на нарушителей установленного законом порядка, которые подразумевали целесообразные с точки зрения государства действия, связанные с принуждением материального, медицинского или воспитательного характера для предотвращения опасного и вредного с точки зрения социальных потребностей поведения.

Эти меры получали закрепление в законодательстве постепенно на протяжении целых столетий, наполняясь при этом новым содержанием [5, с. 502]. Характерным примером такой эволюции может служить мера, связанная с конфискацией имущества, которая изначально выступала в качестве самостоятельного вида уголовного наказания [3, с. 13].

В Русской Правде, наиболее раннем средневековом сборнике норм отечественного права XI-XII вв., именно конфискация имущества являлась элементом высшей меры наказания – так называемого «потока и разграбления». Но постепенно роль конфискации в уголовном законодательстве становится менее важной и с течением времени она трансформируется в дополнительное наказание [2, с. 60]. В Двинской уставной грамоте 1397-1398 гг. известен аналог конфискации имущества в качестве дополнительного наказания, выраженный формулой «продати противу поличного», подразумевающий продажу части имущества вора в размере похищенного.

Лишение имущества в качестве дополнительного наказания к изгнанию, смертной казни и телесным наказаниям предусматривал и первый общерусский Судебник 1497 г. в эпоху образования централизованного государства. Еще более специализированным становится конфискация имущества в законодательстве периода сословно-представительной монархии. В Соборное уложение 1649 г. она в основном предусматривалась как дополнительное наказание к смертной казни за государственные преступления. В Новоторговом уставе 1667 г., созданным под руководством приближенного к царю псковича А. Л. Ордина-Нащокина, предусматривалась конфискация тайно ввезенных в Россию золотых монет¹, что было связано с протекционистской политикой и защитой финансовых интересов российского государства.

В качестве дополнительного уголовного наказания полная или частичная конфискация имущества широко применялась и в период формирования абсолютной монархии в России. В Артикуле воинском 1715 г., на который зачастую опирались и гражданские суды, данный вид наказания добавлялся к смертной казни за преступления против веры и за измену государю в форме сдачи неприятелю воинской части или крепости².

1 Российское законодательство X – XX вв. – М., 1986. – Т. 4. – С. 129.

2 Российское законодательство X – XX вв. – М., 1986. – Т. 4. – С. 329, 348-349.

Одновременно в период раннего Нового времени в уголовном законодательстве появляются отдельные правовые нормы, связанные со смягчением карательной политики государства в отношении душевнобольных лиц. В частности, в Новоуказных статьях о татбах, разбойных и убийственных делах 1669 г. впервые в истории российского права было нормативно зафиксировано исключение противоправности деяния лица, совершившего убийство в состоянии психического расстройства («аще бесный убьет, неповинен есть смерти»). Уже упоминавшийся Артикул воинский 1715 г. допускал смягчение уголовного наказания или даже освобождения от него лица, совершившего кражу в состоянии невменяемости («кто воронство в лишении ума учинит»).

Однако никаких конкретных альтернативных мер уголовно-правового характера по отношению к таким лицам в данных нормативных актах еще не указывается. Несколько позднее, в самом конце правления Петра I, в 1722 г. был издан указ, о направлении всех душевнобольных преступников под надзор в монастыри, в последующем подтвержденный новым указом Сената «Об отсылке беснующихся в Святейший Синод для распределения их по монастырям». На содержании подобных лиц специализировался, в частности, Суздальский монастырь [2, с. 61].

В период «просвещенного абсолютизма» Екатерины II в России появляются первые светские учреждения, в ведении которых должны были находиться ограничено дееспособные лица, поведение которых отличалось общественной опасностью. В результате реформы местного управления 1775 г. на основании специального акта Учреждения для управления губерний Всероссийской империи были созданы Приказы общественного призрения, к обязанностям которых помимо прочего относилась организация специальных смиренных домов для душевнобольных лиц. Принятый в ходе полицейской реформы Устав благочиния 1782 г. распространил принудительные меры и на хронических алкоголиков, также предписав их направление в смиренные дома.

При этом указанные меры трактовались как исправительные и не предусматривали еще принудительного лечения³. Впервые на законодательном уровне попытка урегулировать возможность принудительного лечения лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, была принята во второй четверти XIX в.

Появлению подобной меры способствовала систематизация российского уголовного законодательства 1832 г. и издание затем отдельного Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В качестве дополнительного уголовного наказания, с формулировкой «отобрание имущества», получила дальнейшее развитие и конфискация имущества. В статье 61 Уложения 1845 г. она подразделялась на общую и специальную (в отношении орудий и средств преступления), размещаясь в одном ряду с такими мерами как церковное покаяние и передача под надзор полиции.

В конце XIX – начале XX вв. появляются нормативные предписания для формирования в системе российского права воспитательных мер уголовно-правового характера. Так, Законом 1897 г. «Об изменении средств и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних» были введены новые подходы к решению вопроса об уголовной ответственности лиц в возрасте от 10 до 17 лет. В качестве меры, альтернативной уголовному наказанию для этой категории правонарушителей, допускается возможность их передачи под надзор родителям или иным лицам, помещение в воспитательно-исправительные учреждения (приюты), направление несовершеннолетних девушек в женский монастырь. Тенденция по дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних путем отделения от наказания иных принудительных мер воспитательного воздействия в отношении данной категории лиц была продолжена Уголовным уложением Российской империи 1903 г.

Таким образом, уже в дореволюционном законодательстве нашей страны встречаются прототипы некоторых юридических норм, содержащих с точки зрения современной доктрины российского права отличные от наказания меры уголовно-правового характера [4, с. 180]. Однако в то время указанные меры по-прежнему оставались периферийным элементом механизма уголовно-правового регулирования, получив новый импульс для дальнейшей разработки только после революции 1917 г.

Первые годы советской власти были связаны с попыткой радикально изменить саму доктрину уголовной ответственности,

что выразилось в демонстративном отказе от законодательного закрепления традиционной категории уголовного наказания как социального пережитка. В правовой оборот вводится расширенное понятие мер социальной защиты, подразумевавшее весь комплекс различных способов уголовно-правового реагирования со стороны государства на преступления и другие сопряженные с ними общественно опасные деяния.

Декретом СНК от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» судебное преследование и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних рассматривалось как пережиток прошлого и полностью упразднилось. Данные лица освобождались от уголовной ответственности и направлялись для получения социальной помощи в одно из так называемых «убежищ» Народно-комиссариата образования, создававшихся в форме различного рода коммун, приютов, приемников и детских домов.

Руководящие начала по уголовному праву от 12 декабря 1919 г. декларировали принцип гуманизма как одну из важнейших основ советского уголовного права, что не исключало, конечно, фактического применения некоторых мер уголовно-правового характера в качестве полноценных наказаний. В частности, полная или частичная конфискация имущества служила основным видом уголовного наказания за преступления, связанные с хищением, скупкой краденого и т.п.

При избрании мер социальной защиты, принятых Уголовными кодексами (далее – УК) РСФСР 1922 и 1926 гг., прослеживался классовый подход. В отношении преступников, имевших рабоче-крестьянское происхождение, приоритетом обладали меры воспитательного воздействия, общественное порицание, условное осуждение, условное освобождение, смягчение уголовного наказания, в то время как в отношении так называемых классово чуждых или враждебных советской власти элементов превалировали меры изоляции от общества.

В 1930-е гг. понятие «уголовное наказание» было возвращено в советское законодательство в полном объеме. Постановления ЦИК и СНК СССР его замена на более общие «меры социальной защиты судебно-исправительного характера» было признано нецелесообразным. Начиная с 1934 г. данное понятие использовалось лишь применительно к принудительным способам воздействия воспитательно-педагогического и медицинского воздействия. Однако в ходе второй кодификации советского законодательства в конце 1950-х гг. от него окончательно отказались. С принятием УК РСФСР 1960 г. данные виды воздействия уголовно-правового характера перестали именоваться мерами социальной защиты. Статья 1 УК РСФСР 1960 г. однозначно трактовала юридические последствия, которые могут наступать в связи с совершением преступления, как уголовное наказание.

С момента вступления в силу действующего Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г., как уже говорилось выше, в отечественном уголовном законодательстве начался современный этап развития института иных мер уголовно-правового характера.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова Н. Г. К вопросу о применении наказания в виде принудительных работ на современном этапе // Пениitenciарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия: материалы Международной научно-практической конференции, Псков, 15 октября 2021 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. – С. 11-17.
2. Антохина А. Б. Эволюция мер уголовно-правового характера в российском законодательстве XI–XVIII веков // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 4 (26). – С. 60-62.
3. Егоров А. М. Исторические аспекты мер уголовно-правового характера в отечественном законодательстве // Пробация: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Псков, 2023. – С. 13-17.
4. Колошинская Н. В. Эволюция теоретико-правовых взглядов на уголовное наказание в России // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2007. – № 1 (27). – С. 180-197.
5. Майстренко Г. А. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества: организационно-правовые аспекты // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. № 3-1. – С. 502-507. – DOI 10.34670/AR.2023.29.44.054.

3 Российское законодательство X – XX вв. – М., 1987. – Т. 5. – С. 377.

КЛИМОВ Андрей Юрьевич

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

САЛЬНИКОВ Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГУЛЯРНОЙ МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

В статье на основе анализа широкого круга историко-правовых источников и исследовательской литературы рассматриваются вопросы развития в Москве регулярной полиции во второй четверти XVIII века. Исследованы обстоятельства, а также организационные и правовые основы усиления значения московской полиции при Петре II ввиду фактического перехода столичных функций из Санкт-Петербурга в Москву и преобразования Московской полицмейстерской канцелярии в Главную полицмейстерскую канцелярию. Изучены обстоятельства развития московской полиции при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, рассмотрена деятельность руководителей московской полиции во второй четверти XVIII века. В статье исследованы система московской полиции в рассматриваемый исторический период, ее штатная структура, компетенция, основные направления деятельности. Актуальность данной темы обусловлена тем, что сегодня важное значение имеет изучение истории правоохранительных учреждений России. Знание их структуры, компетенции и форм работы помогает объяснить события и процессы прошлого и прогнозировать возможные варианты развития, будущего. Познание прошлого имеет не только теоретико-познавательное значение, но и является неотъемлемым компонентом исследования настоящего.

Ключевые слова: Москва, регулярная полиция, охрана общественного порядка, борьба с преступностью, полицмейстерская канцелярия, обер-полицмейстер, полицейская команда.

KLIMOV Andrey Yurjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, chief researcher of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia

SALNIKOV Alexander Sergeevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia

ORGANIZATION AND ACTIVITY OF THE REGULAR MOSCOW POLICE IN THE SECOND QUARTER OF THE XVIII CENTURY

Based on an analysis of a wide range of historical and legal sources and research literature, the article examines the development of regular police in Moscow in the second quarter of the 18th century. The circumstances, as well as the organizational and legal basis for strengthening the importance of the Moscow police under Peter II in view of the actual transfer of capital functions from St. Petersburg to Moscow and the transformation of the Moscow Police Chief's Office into the Main Police Chief's Office are studied. The circumstances of the development of the Moscow police under Empresses Anna Ioannovna and Elizaveta Petrovna are studied, and the activities of the leaders of the Moscow police in the second quarter of the 18th century are considered. The article examines the Moscow police system in the historical period under review, its staffing structure, competence, and main areas of activity. The relevance of this topic is due to the fact that today it is important to study the history of law enforcement agencies in Russia. Knowledge of their structure, competence and forms of work helps to explain events and processes of the past and predict possible options for development and the future. Knowledge of the past has not only theoretical and epistemological significance, but is also an integral component of the study of the present.

Keywords: Moscow, regular police, public order protection, crime control, police chief's office, chief police officer, police team.

В исследованиях разных исторических периодов сохраняется общность взглядов и отрицательных оценок работы государства и государственных деятелей по созданию и развитию регулярной полиции и в особенности, ее организации и направлений деятельности. По преимуществу, это критическая оценка, связанная с обоснованием выводов о том, что не было сделано или какие ошибки были допущены. Это позволяет считать, что роль и значение такого исторического события как создание, развитие и деятельность в Москве регулярной полиции в XVIII до конца не познана. Этим определяется актуальность исследования.

После смерти Петра I на фоне некоторой депрессии всего государственного аппарата происходит, хотя и недолгое по времени, но общее ослабление полиции. В Москве сократился штат полицмейстерской канцелярии. По донесению обер-полицмейстера в вышестоящие инстанции сообщалось, что в его ведомстве состоит только 13 штат и обер-офицеров, тогда как в 1723 г. их было 20, из-за недостатка которых «в отправлении дел чинится остановка» [1, д. 30 л. 181об]. В десяти съезжих дворах (количество их увеличилось на два) на 23 февраля 1726 г. было только 13 канцелярских служителей: «в семи – по одному и в трех по два» [1, д. 15 л. 99об]. А в октябре 1726 г. в докладе Московской полицмейстерской канцелярии в Главную полицмейстерскую канцелярию сообщалось, что в полиции «обретаются солдаты старые и дряхлые» [1, д. 22 л. 105-106].

Вместе с тем деятельность самого московского обер-полицмейстера вызывала нарекания со стороны верховной власти. Указами от 22 декабря 1725 г. и от 4 января 1726 г. была назначена следственная комиссия под руководством главы Преображенской канцелярии князя И.Ф. Ромодановского «о некоторых преступлениях» московского обер-полицмейстера М.Т. Грекова и других [2, оп. 3. д. 18 л. 14об-16; д. 30. л. 181об]. Хотя

следствие и закончилось ничем, но для усиления контроля за московской полицией Указом от 2 октября 1727 г. было велено: «Московской полиции быть в дирекции Московского генерал-губернатора князя Ромодановского с товарищи» [3, т. 7. № 5172]. А первый московский обер-полицмейстер М.Т. Греков в январе 1728 г. написал прошение об отставке.

Так произошла временная децентрализация полицейских учреждений, ставшая частью общей реорганизации аппарата государственного управления, созданного при Петре I. Подчинение московской полиции генерал-губернатору возможно было связано и с личностью И.Ф. Ромодановского – сына князя-кесаря Ф.Ю. Ромодановского, который пользовался у Петра I безграничным доверием и уважением.

С воцарением Петра II столица де-факто была перенесена в Москву, сюда же переехал царский двор и оставался там до января 1732 г. Значение Московской полицмейстерской канцелярии значительно возросло. В ее распоряжение указом от 5 мая 1729 г. выделяется 12 драгун из ведомства губернской канцелярии [3, т. 8. № 5405]. Указом императора Петра II от 5 ноября 1729 г. [3, т. 8. № 5476] московская полиция перешла в подчинение Сената. Руководитель Главной полицмейстерской канцелярии И.Д. Поздняков был переведен из Петербурга в Москву на должность обер-полицмейстера. Московская полицмейстерская канцелярия стала называться Главной. Однако должность генерал-полицмейстера была введена в Москве императрицей Анной Иоанновной только в феврале 1731 г. и на нее был назначен родной брат первого московского обер-полицмейстера Степан Тимофеевич Греков [3, т. 8. № 5700]. Вместе с тем к концу 20-х – началу 30-х гг. XVIII в. Для разгрузки Московской полицмейстерской канцелярии от большого количества «невершенных» дел указом от 22 июля 1730 г. в Москве создается Сыскной приказ: «в Сыском ведать татинья и разбойныя и убивствен-

ные дела, и которые воры и разбойники пойманы будут в Москве и приведены в полицмейстерскую канцелярию, тех записав, того ж времени отсылать в Сысской приказ» [3, т. 8. № 5598].

Сразу после назначения на должность новый генерал-полицмейстер С.Т. Греков принимает серьезные меры по укреплению московской полиции. По его докладу Сенатским указом от 18 марта 1731 г. [3, т. 8. № 5721] штат московской полиции был заметно расширен, а руководящий личный состав обновлен.

Количество съезжих дворов, а соответственно и полицейских команд, увеличено с 10 до 12. В присутствии полицмейстерской канцелярии кроме генерал-полицмейстера вошли один подполковник, два майора, которые руководили деятельностью шести съезжих дворов каждый, и квартирмейстер. Также Главной московской полицмейстерской канцелярии были переданы из полков московского гарнизона два капральства с обер и унтер-офицерами (воинское формирование капральства включало в себя примерно ¼ часть роты) и 4 барабанщика. При генерал-полицмейстере введена должность адъютанта. Личный состав каждого из 12 съезжих дворов состоял из 2-х офицеров, 2-х урядников, 6-ти солдат и одного барабанщика. Кроме того, в распоряжение полицмейстерской канцелярии этим же указом «для разъездов и патруля» из Военной коллегии направлено две драгунские роты «в полном комплекте» [3, т. 8. № 5721].

После возвращения императорского двора Анны Иоанновны в 1732 г. в Санкт-Петербург императрица пытается «восстановить полицию в том виде, как желал Петр Великий» [4, с. 155]. Указом от 29 августа 1732 г. генерал-полицмейстером назначается генерал-майор Василий Салтыков, которому поручалось «над всеми полициями в государстве нашем иметь ему главную дирекцию» [3, т. 8. № 6164]. Петербургская полицмейстерская канцелярия вновь становится главной. В 1734 г. она была подчинена непосредственно Кабинету Её Императорского Величества [3, т. 9. № 6529]. Однако постепенно отношение к полиции меняется. В 1740 г. Главная полицмейстерская канцелярия опять переходит в подведомственность Сенату [3, т. 11 № 8257, 8315].

Московской полицией опять стал руководить обер-полицмейстер. При ликвидации в Москве должности генерал-полицмейстера «понеже при Главной полиции генерал-полицмейстер имеетя» [2, оп. 1. д. 36. л. 276] произошла и его персональная замена – обер-полицмейстером в Москве в январе 1733 г. был назначен Никита Андреевич Оболдуев.

Несмотря на расширение регулярного полицейского аппарата и использование в полицейской службе военных, правительство продолжало привлекать местное население к полицейскому управлению. Все полицейские части в Москве были разделены на сотни, в которых полицейские обязанности выполняли старосты и сотские. Как и прежде сотни делились на десятидворья, во главе с десятскими. Полицейская повинность продолжала лежать на плечах малоимущих групп населения. Повинность за дворян выполняли крепостные крестьяне и слуги, купцы обычно выставляли за себя нанятых отставных солдат.

Существенное место в деятельности московской полиции по-прежнему занимал сыск беглых солдат, матросов, мастеровых, крестьян и др. Бегство считалось преступлением. За несообщение в полицию о беглом виновные жители подвергались штрафу, а за поимку беглого полагалось вознаграждение – 2 руб.

С появлением большого количества беглых в городе увеличивалось в объеме и такое социальное явление как нищенство. Проведенная в Москве в 1734 г. облава показала, что нищих в городе более 7 тысяч [5, с. 96]. На основании именных и сенатских указов полиция была обязана искоренять нищенство. Так Именным Указом от 28 августа 1736 г. предписывалось: «нищих и прочих всяких гулящих и бродящих людей ловить и приводить в полицию» [3, т. 9. № 7041]. А в Сенатском Указе от 17 июля 1738 г. отмечено что «взыскано будет на той полиции жестоко, ежели впредь явятся нищие, бродящие по улицам» [3, т. 10. № 7621].

Борьба с пожарами в Москве также входила в одну из основных обязанностей полиции – половина статей московских инструкций 1722 г. посвящалась противодействию пожарам. В годы царствования Анны Иоанновны (1730-1740 гг.) меры по борьбе с пожарами в Москве были усилены. Даже служители московской полицмейстерской канцелярии канцеляристы и подканцеляристы стали выставляться в караулы у рогаток, а в отдельных случаях – священники и причетники: днем по два человека, а ночью по четыре. С 1736 г. на больших улицах в Москве для борьбы с пожарами выкапывались специальные колодцы с кровлями, оборудованные насосами. Расстояние между ними было около 100 саженей [6, с. XLVIII].

Чисто полицейских контрольно-ограничительных мер по борьбе с пожарами было явно недостаточно. В связи с чем 30 июня 1752 г. императрицей Елизаветой Петровной был издан Указ «О строении в Москве впредь домов по плану и о бытии селу Покровскому в ведомстве Московской Полиции» [3, т. 13. № 10003]. Указ повелевал, что на местах, уничтоженных в 1752 г. пожаром строить дома, «не затесняя улицы излишними строениями». Этим же указом устанавливалась минимальная ширина улицы в 10 саженей, переулка в 6 саженей. Контроль за соблюдением этих требований был возложен на полицию Москвы.

В 1764 г. все присутственные места Москвы имевшие пожарные команды и противопожарные инструменты были обязаны передать их в распоряжение московской полицмейстерской канцелярии. Так, например, «... по резолюции московской полицмейстерской канцелярии велено по силе оного Правительствующего Сената указу имеющихся в Сибирском приказе пожарные заливные трубы, лошади и прочее, что к тому приличное есть все от оного принять в ведомство московской полицмейстерской канцелярии вам с надлежащей описью, что принято будет в канцелярии репортовать» [7, д. 3180. л. 2-10]. Согласно описи, полиция Москвы получила из Сибирского приказа лошадей с амуницией для них и инструменты для пожаротушения. Кроме того, для сосредоточения пожарной службы в ведении московской полицмейстерской канцелярии из московского магистрата в полицию была передана пожарная команда в количестве 241 человека.

Несмотря на тесную связь полиции с военным ведомством, например, в Москве в Преображенской слободе полицейский контроль не осуществлялся. Так повелось, что еще со времен объезжих голов на территориях дислокации военнослужащих за охрану общественного порядка и за контроль по соблюдению законности отвечали полковые офицеры. Однако они не всегда справлялись с этими обязанностями должным образом. Так в приказе, объявленном из Московской полицмейстерской канцелярии от 8 января 1759 г. «Об установлении в Преображенской слободе полицейских рогаток и выборе сотских и десятских» отмечалось о частых случаях «прОВОЗА в Москву в Преображенскую слободку корчемниками корчемного вина» [7, д. 2658. л. 3-13]. В связи с чем приказ предписывал «под ведомством полицейским учредить и выбрать сотских и десятских», которые должны были помогать полиции контролировать соблюдение действовавших законов и правил поведения.

Итак, компетенция, структура и направления деятельности регулярной московской полиции к середине XVIII в. значительных изменений не претерпели. Четкого определения задач, роли и места полиции в государственном механизме все еще не было установлено. Попытки строить полицейские органы по задумкам Петра I не давали долговременного положительного результата, так как у законодателя отсутствовал проработанный стратегический план развития полиции. Поиск наиболее подходящих форм деятельности полиции происходил скорее интуитивно, в связи с чем носил скачкообразный характер. Таким же был и «политический вес» полиции. В эпоху дворцовых переворотов полиция ни в одном из них замешана не была, ровно, как и не предпринимала попыток их предотвращения.

Пристатейный библиографический список

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – Ф. 931. Московская полицмейстерская канцелярия. г. Москва. Оп. 3.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА) – Ф. 1329. Именные указы и «высочайшие» повеления Сенату (коллекция).
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) – Собрание 1.
4. Юсупов. А. Материалы для истории городской полиции в России с древнейших времен до царствования императрицы Екатерины II, собранные князем Аркадием Юсуповым. – 1852.
5. История Москвы / Под ред. С. С. Хромова и др. – Москва, 1980.
6. Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. В 2-х т. Т. I. – Москва, 1875.
7. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы) – Ф. 46. Московская полицмейстерская канцелярия, г. Москва; Канцелярия московского обер-полицмейстера, г. Москва; Канцелярия московского градоначальника ведомства министерства внутренних дел, г. Москва. Оп. 7.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В статье описывается значимость деятельности Н. Г. Чернышевского, как одного из наиболее значимых революционеров-демократов; исследуется взаимосвязь между его политическими взглядами и литературным творчеством; анализируется его вклад в историю и изменение государственного строя страны; проводятся параллельные связи взглядов Н. Г. Чернышевского с такими направлениями правовой идеологии как «народники» и «нигилисты»; кратко рассмотрены его политические взгляды и идеи.

Ключевые слова: политические взгляды, Николай Гаврилович Чернышевский, нигилизм, идеология, частное право, собственность, правительство, государственный строй, XIX-XX века, литература, роман, бунтарство, антидержавные настроения, творчество, гражданская позиция.

FURMAN Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in cultural studies, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF N. G. CHERNYSHEVSKY

The article describes the significance of the activities of N. G. Chernyshevsky, as one of the most significant democratic revolutionaries; the relationship between his political views and literary creativity is explored; his contribution to the history and changes in the country's political system is analyzed; parallel connections are made between views of N. G. Chernyshevsky with such directions of legal ideology as "populists" and "nihilists"; his political views and ideas are briefly discussed.

Keywords: political views, Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky, nihilism, ideology, private law, property, government, political system, XIX-XX centuries, literature, novel, rebellion, anti-power sentiments, creativity, civic position.

Личность Н. Г. Чернышевского достаточно противоречива. «У меня нет ни тени художественного таланта... Я пишу романы, как тот мастеровой бьёт камни на шоссе», – говорил о себе Н. Г. Чернышевский [11]. Ленин же называл его «великим русским писателем», «революционным демократом», «гениальным провидцем» [1]. Для других – это схематично нарисованный советскими учебниками революционно настроенный человек, который поставил в своём самом известном произведении «вечный» вопрос – «Что делать?». И даже попытался дать ответ. «Читай, добрейшая публика! Прочтёшь не без пользы» [10] – многообещающе писал он в предисловии к роману.

Говоря о личности Н. Г. Чернышевского стоит отметить, что своими взглядами он ближе всего был к нигилистам-теоретикам и «народникам».

Наиболее ярко нигилизм был выражен в трудах и публикациях таких видных деятелей русской интеллигенции второй половины XIX-го века, как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев. Все данные мыслители были критиками и публицистами.

Нигилисты выступали как реалисты и даже критические реалисты, отрицающие все нематериальное. Главной основой поколения молодежи 1860 – 1870 гг. можно назвать силу естествознания, особенно подчеркивая силу естественных наук – астрономии, физики, химии, ботаники, физиологии, географии и т.д. Идеалистическая метафизика отсекается Д. И. Писаревым [6] как ненужное и бесполезное занятие, не имеющее никакой цели. Нигилизм в силу своей природы отрицания общественных норм просто не мог не стать катализатором революционных перемен. К числу наиболее известных сторонников и теоретиков нигилизма, помимо Писарева, относились В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский. Последний ратовал не только за освобождение крестьян, но и за их массовое образование, пытался подтянуть их развитие как личностей.

Главной проблемой Н. Г. Чернышевский [9] считал полную зависимость (в первую очередь – земельную) крестьян от помещиков. Освобождение крестьян из крепостной зависимости означало только личную свободу, однако земельные наделы оставались за помещиком и находились в его личной

собственности, а крестьяне, привыкшие к возделыванию земли, оказывались лишенными не только места работы, но и фактически источника пропитания. Такие сложные социально-экономические условия не могли не явиться основанием для недовольства крестьян и борьбы за передел земельных наделов. По мнению Н. Г. Чернышевского [7], [8], [9], крестьяне владели землей после 1861 г. на праве общины, основанном на принципах коллективного владения и трудового использования земли. Уже одно лишь это условие явилось резким неприятием права частной собственности со стороны крестьян. И здесь необходимо отметить, что недостатком правового обеспечения земельной сферы со стороны российского государства в тот период явилось неверное соотношение права на землю в зависимости от социального статуса земледельца.

Так, если крестьянам земля предоставлялась на праве коллективного владения, что было соединено с трудовой деятельностью, то помещикам и дворянам земля предоставлялась на праве частной собственности. Это вызывало накопление земельных ресурсов исключительно в руках богатых дворян, помещиков, государственных чиновников и прочей приближенной к власти аристократии. Крестьяне были лишены земли, поскольку все лучшие земельные участки уже давно находились в руках дворянства и помещиков [5]. Все это явилось катализатором народного недовольства, так как крестьянам, несмотря на личную свободу, негде было работать, они были лишены земли как источника пропитания и места проживания.

Между тем, для императора и правительства требования крестьян о перераспределении земли были неприемлемы, поскольку, во-первых, это означало отказ от неприкосновенности права частной собственности, то есть, по сути, ликвидацию права частной собственности на землю; во-вторых, с политической точки зрения в таком случае царская власть теряла свою основную поддержку в лице богатого и обеспеченного дворянства, аристократии, помещиков и прочей знати, в руках которой было сконцентрировано все основное богатство и ресурсы; в-третьих, с социально-политической позиции уступка такому требованию крестьян означала бы, что они становятся решающей силой и могут диктовать свои правовые требования.

Непризнание частной собственности на землю за помещиками, конечно же, носило нигилистический характер, однако такой подход был продиктован самой жизнью, нигилизмом праздного сытого аристократа, желающего «попробовать что-то новое», чего еще не было ранее.

Такое нигилистическое отношение было продиктовано жизненной необходимостью, ведь без земли крестьянин существовать не мог, так как исторически он всегда жил и работал на земле. Н. Г. Чернышевский отмечал [8], что вскоре стало очевидно, что передел земли вызовет требования перераспределения и другого имущества и приведет к крушению всего прежнего уклада жизни страны и разрушению основ государственного устройства. Именно помещичье землевладение рассматривалось как основа монархического строя и самодержавия [1].

И в этих условиях широкое распространение получили идеи тайного общества «Земля и воля», начало существования которого было положено в 1861 г. В 1876 г. на базе данного общества возникла народническая организация. Идейними вдохновителями «Земли и воли» явились А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. Основной идеей «Земли и воли» стала идея крестьянской революции, а также созыва бессловесного народного собрания [3]. В истории данное течение общественно-политической мысли получило название народного радикализма. В широком смысле более «сглаженным» народный радикализм представлял как народничество – широкое и влиятельное культурное явление общенационального масштаба по определению Н. С. Воскресенской [2].

С нигилистами рассматриваемого периода тесным образом связано движение «народников». Народничество являлось очень распространенным течением политической и философской мысли, основой его идей явился синтез индивидуальной свободы, социальной справедливости и ненасильственного преобразования мира политики [3]. Очевидно, что именно отказ от насилия как основополагающего принципа социальных и политических трансформаций существенно отличал народничество от анархизма и русского революционного нигилизма, которые являлись боевыми направлениями русской политической мысли конца XIX – начала XX века.

Народничество стремилось к культурному, мыслительному и социальному сближению интеллигенции и крестьянства, было основано на идеях просвещения низовых масс простого народа, то есть, было не боевым, а более культурно-просветительским движением русской мысли. Народничество как социальная и культурная идея сближала различные направления русской интеллигенции – «западников» в лице А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и К. Д. Кавелина с «почвенниками» в лице Ф. М. Достоевского, «славянофилами» в лице К. С. Аксакова и собственно «народников» (М. А. Бакунин, П. Л. Лавров и др.) [4].

Но не всем импонировали данные взгляды. Несмотря на достаточно миролюбивый характер «народников», существует множество теорий (не подтвержденных), согласно которым «народников» сравнивают с террористами рассматриваемого периода. Основным источником такого взгляда послужила сталинская интерпретация истории народничества. Так, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский отвергали террор как метод достижения политических целей, что усматривается из бесспорно интеллектуальных и ненасильственных взглядах мыслителей, которые не могли одобрять насилие для достижения политических целей, и с нигилистической точки зрения не могли рассматриваться иначе, как чистые «интеллектуалы», не проповедовавшие «боевых» методов борьбы за свои идеи. Другие видные народники – Н. А. Морозов и П. А. Кропоткин, которые признавали первоначальное значение террора как метода политической борьбы и прежде всего, самозащиты, впоследствии перешли к его критике [4].

Общественно-политическое устройство царской России носило самодержавный характер, однако в социально-политическом смысле оно было крайне разрозненным и называть его целостным было крайне сложно. Как уже отмечалось, власть самодержавца, которую постоянно подвергали критике в публицистике и в критических воззрениях в скрытой и завуалированной форме, держалась на угнетении низших социальных слоев – крепостных помещичьих и уездных крестьян, которые были фактически бесправны. Власть царя опиралась на крупный капитал, чиновничью знать и сословную аристократию дворянства, которая, в свою очередь, была вполне удовлетворена таким порядком вещей, поскольку царская власть предоставляла ей бесплатную рабочую силу, которая не имела никаких прав, не имела возможности жаловаться, а

любые возмущения, волнения и восстания рассматривались как восстания против царской власти и подавлялись с привлечением разветвленного полицейского и силового карательного аппарата. Все подобные возмущения рассматривались как государственные преступления, за которые назначались самые суровые наказания с отправлением на каторгу. Тот же Чернышевский был сослан на каторгу на 7 лет, а свой знаменитый роман «Что делать?» [10] критик написал в одиночной камере Петропавловской крепости с 1862 по 1863 годы.

Одной из важных особенностей социального устройства дореформенной России первой половины XIX-го века было разделение крестьян на государственных (казенных) и помещичьих и уездных, о чем мы писали выше. Угнетение и ограничения прав в отношении государственных крестьян были практически минимальны, и они по своему объему прав очень близко подходили к предстателям некрепостных сословий. Большая численность таких крестьян, с одной стороны, выполняла роль «социальной отдушины» и снижала гнет на все крестьянство, но с другой стороны, являлась и катализатором глухого недовольства и возмущения помещичьих и уездных крестьян, которые находились в самом низу социального устройства общества. По сути, власть царя держалась на разрешении помещику эксплуатировать и угнетать своих крестьян. Права угнетаемых не были защищены никаким образом. Все это приводило к множеству восстаний, однако они безжалостно подавлялись.

Необходимость социальных и политических перемен становилась все более очевидной в начале XIX века. Социальные потрясения и революционные перемены в Европе, и в частности, во Франции, не могли не отразиться на жизни российского общества. Восстание декабристов против царя еще более усилило ожидания таких кардинальных перемен во всех слоях общества. Очевидно, что созрела такая социальная ситуация, когда молодое поколение не желало мириться более со старыми порядками и хотело изменений в консервативном и давно сложившемся традиционалистском патриархальном укладе российской жизни. Наиболее бурными были годы непосредственно перед отменой крепостного права в России – с 1850 по 1861 гг. Кризис феодально-крепостнической системы все более усиливался, что лишь способствовало революционной ситуации.

Волнения и бунты носили во множестве случаев миграционный характер, когда крестьяне всей общиной снимались со своих поселений и уходили в другую местность, что было вызвано как слухами о принимаемых законах против крестьянства, так и действительно принятых законах. Переселение, на которое необходимо было получить разрешение помещика, было массовым и самовольным и зачастую выливалось в жестокие столкновения с воинскими отрядами.

Кроме массового крестьянского движения активно проводился и индивидуальный террор, когда отдельные крестьяне поджигали помещичьи постройки, избивали и убивали помещиков и их управляющих. Многочисленные стычки и конфликты по всей стране превратились в массовое крестьянское движение, что сыграло важную роль в отмене крепостного права.

Еще одной довольно популярной формой крестьянского движения был призыв к массовому неповиновению крестьян помещикам и власти, что само по себе расценивалось как правовой нигилизм, так как все подобные призывы были направлены на отрицание подчинения как главного фактора управления крепостными в правоотношении крестьянин – помещик – государство. Неповиновение теперь стало носить тотальный характер, и если раньше помещичьи или уездные крестьяне бунтовали лишь против помещика, соглашаясь умерить свои требования, когда в дело вступал переговорщик от государства, то теперь волнения были направлены уже против самого государства как источника крепостного строя.

Основной причиной неповиновения крепостных была все увеличивающаяся тяжесть эксплуатации крепостного труда и постоянный рост податных налогов. Из 423 случаев крестьянских волнений почти половина – 208 восстаний были вызваны непосредственно экономическими мотивами – увеличением оброка и повинностей [2]. На этом фоне жестокость помещиков к крепостным выступала своего рода «триггером» протестного движения, благодаря которому все недовольство и злость выливались наружу и воплощались в погромы, поджоги, уничтожение имущества помещиков и рукоприкладство.

Обычной формой неповиновения крестьян выступал отказ от работы, отказ от уплаты налога и других поборов в

пользу помещика. Зачастую протесты сопровождалась насильственной сменой управляющих, поставленных помещиком к крестьянам, самовольным распоряжением имуществом помещика (очевидно, крепостные присваивали его себе). В официальных источниках того времени этот называлось самоуправством [2].

Для подавления восстания приходилось вызывать воинские соединения, которые могли находиться в селении несколько дней, пока восстания и протесты окончательно не утихали. При этом содержание таких воинских частей ложилось бременем на поселение и выступало в качестве наказания для взбунтовавшихся крепостных. Конечно же, все такие столкновения никак не могли способствовать укреплению авторитета власти и закона, поскольку на закон и право крестьяне давно не надеялись, в связи с чем, нигилистические умонастроения в крестьянской среде были очень высоки.

Пролетарская революция, которая провозглашала всеобщее равенство и равноправие, на самом деле своей целью имела так называемую «социально-правовую месть», когда те социальные слои, которые ранее были в наиболее бесправном и униженном положении – помещичьи и уездные крестьяне – получили право судить и карать представителей тех социальных слоев, которые ранее были в привилегированном положении – царскую знать и аристократию, а также зажиточных помещиков, купцов, дворян и прочих царских чиновников. Было ли это справедливо? Безусловно, да, особенно с исторической точки зрения, однако с точки зрения права и философии права одно классовое неравенство в праве сменялось другим, причем угнетаемые и угнетатели менялись своими местами. И здесь мы подходим к фундаментальному вопросу теории государства и права о том, как нам необходимо понимать право – как инструмент социально-правового регулирования, как способ установления социальной справедливости, либо же мы должны рассматривать право как инструмент исторического социального возмездия, когда угнетаемые мстят своим угнетателям? И здесь необходимо исследовать вопрос с точки зрения теории государства и права, поскольку только такими методами мы можем получить ответы на вопросы о том, что есть право для государства и какую роль играет право в становлении государства. Большевики начали историю советского государства с полного сокрушения всех государственных основ и устоев царской системы управления.

В таком случае правовая система большевиков должна была стать «новым правом» и сменить «старое право» царской России. Тем не менее, идеологические истоки большевизма необходимо искать в русском нигилизме, на что, собственно, и указывает наше исследование. Идеи русского революционного нигилизма, идеологически основанного на воззрениях Чернышевского, Писарева и Добролюбова, упавшие на почву темных насильственных начал социальных «низов» крепостного помещичьего крестьянства не могли не привести к вспышке насилия.

Как отметил Ю. А. Зеленин [4] в своем исследовании, одной из ведущих идей народничества являлась довольно популярная идея предельного сокращения и оптимизации государственных полномочий с минимизацией принуждения как основного метода воздействия государства на общество и личность. Для государства такие идеи были, конечно же, достаточно «крамольными» и разрушительными, поэтому 7 июля 1862 г. один из главных идеологов народничества – Н. Г. Чернышевский – был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Поводом для ареста послужило то, что А. И. Герцен в своем письме Н. А. Серно-Соловьевичу сообщил о готовности издавать журнал «Современник» за границей. Это послужило достоящим основанием для обвинения Н. Г. Чернышевского в связях с революционной эмиграцией. Именно во время ареста Н. Г. Чернышевский написал своё самое известное произведение.

Зачатки бунтарства и антидержавных взглядов наблюдались задолго до истории с «Современником» и арестами. В гимназии где он преподавал поползли слухи о том, что Н. Г. Чернышевский занимается на уроках не только преподаванием русской словесности. После занятий его ученики начинали серьёзно рассуждать, например, о ненужности церковных постов.

В феврале 1864 г. Чернышевский был приговорён к семи годам каторги и вечному поселению в Сибири. А перед этим состоялся обряд гражданской казни. Но Чернышевский уже не был одинок. Его поставили на колени, с головы скинули фуражку и палач разломил над головой «государственного

преступника» шпагу. В ту же минуту к ногам осуждённого из толпы полетели цветы. Молодёжь провожала своего вдохновителя криками: «До свидания!» [3].

В период каторги и поселения Н. Г. Чернышевский продолжал свою литературную деятельность, однако его произведения не были так же похожи на роман «Что делать?», в результате чего не обрели ту же известность.

Летом 1889 г. Н. Г. Чернышевский вернулся в Саратов. Однако три месяца спустя он заболел малярией, от которой не смог вылечиться. Он умер в октябре 1889 г. в возрасте 62 лет и был похоронен на родине.

Можно подвести итог, что весь свой опыт, все свои яркие идеи и политические взгляды Н. Г. Чернышевский продвигал через литературу. Выступая как литературный критик, писатель и публицист, полагал, что литература не только может, но и должна проникнуться и одухотвориться социально-политическими тенденциями своего времени, ибо лишь в этом случае она станет выразительницей назревших общественных потребностей, а одновременно послужит и самой себе. Главнейшей из потребностей эпохи Н. Г. Чернышевский считал освобождение народа от крепостной зависимости и устранение самодержавия. Труды и высказывания Чернышевского были очень близки русскому революционному движению, которое начало зарождаться в конце 1860-х гг. Одним из его критических воззрений являлось неприятие идеализации народа, которое было заметно в работах Тургенева и прочих писателей и мыслителей, призывавших интеллигенцию едва ли не «отправиться на поклон» к русскому мужику-крестьянину, которого притесняли все это время и держали в многовековой зависимости. Идеализацию народа как великого мученика, который «настрадался и натерпелся» за все долгое время Н. Г. Чернышевский считал явно ослабляющим фактором, направленным на закрепление безволия народа и его пассивности, поскольку жалость к угнетаемому народу в условиях социального пробуждения могла негативно сказаться на желании, как целого ряда представителей интеллигенции, так и выходцев из социальных низов простого народа совершать различные социальные преобразования и перемены. Наоборот, Чернышевский призывал литературные круги создавать образы народных вожаков и бунтарей, наделенных волей и пассионарностью, инициативой на перемены.

Пристатейный библиографический список

1. Бибиков Г. Н. Характер общественного движения XIX – начала XX в. в истории России // Выпуск «Трудные истории России». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840004620-1-1>.
2. Воскресенская Н. С. Крестьянство центрального промышленного района (XVIII – XIX вв.). – Калинин: КГУ, 1983. – 120 с.
3. Жукоцкий В. Д., Фурман Ф. П. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. – 2004. – № 3. – С. 156-175.
4. Зеленин Ю. А. Базовые компоненты идеологии классического народничества в России // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 234-239.
5. Источники и литература по истории крепостных Псковской губернии в XIX в. и в начале XX в. – Псков: Псковская правда, 1957. – 278 с.
6. Писарев Д. И. Схоластика XIX века. – М.: Директ-Медиа, 2015. – 230 с.
7. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения в 3-х томах. – М., 2019. – 872 с.
8. Чернышевский Н. Г. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1986-1987.
9. Чернышевский Н. Г. Терпеливая Россия. Записки о достоинствах и пороках русской нации. – М.: Родина, 2022. – 240 с.
10. Чернышевский Н. Г. Что делать? – М.: Детская литература, 2023. – 493 с.
11. Чернышевский Н. Г. Повести в повести: Чернышевский о себе как о беллетристе // в Литература и марксизм. – 1928. – № 3. – С. 681-685.

ФУРМАН Феликс Павлович

доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

ПРАВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОЗИЦИИ АКСИОЛОГИИ

В исследовании рассмотрена проблема теоретико-концептуальных позиций, принципов и методов гражданского права и их аксиологии; проанализированы вопросы принципов гражданского права в сочетании с изменениями в современной социальной экономике и правовой природе; определено аксиологическое значение принципов гражданского права в современных условиях; установлены и раскрыты теоретические и практические аспекты аксиологии принципов современного права; сделан вывод о том, что аксиологическая значимость принципов права постоянна и устойчива и не зависит от исторических или социально-экономических условий; доказано, что аксиологическая значимость принципов права постоянна и устойчива и не зависит от исторических или социально-экономических условий; подтверждено, что правовая аксиология как исследовательский тип философии права способна возвести ценностные трансформации в системе правовой реальности на уровень саморефлексии права как формы общественного сознания.

Ключевые слова: *цивилистика, современный правовой нигилизм, архаизм, аксиология права, гражданское право, духовно-нравственные ценности, принципы гражданского права, правовая аксиология, злоупотребление правом, недобросовестное поведение, добросовестность, стабильность гражданско-правового положения.*

FURMAN Felix Pavlovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Social sciences of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

THE LAW OF MODERN RUSSIA FROM THE POSITION OF AXIOLOGY

The study examines the problem of theoretical and conceptual positions, principles and methods of civil law and their axiology; questions of the principles of civil law in combination with changes in modern social economy and legal nature are analyzed; the axiological significance of the principles of civil law in modern conditions is determined; theoretical and practical aspects of the axiology of the principles of modern law are established and disclosed; it was concluded that the axiological significance of the principles of law is constant and stable and does not depend on historical or socio-economic conditions; it has been proven that the axiological significance of the principles of law is constant and stable and does not depend on historical or socio-economic conditions; it has been confirmed that legal axiology as a research type of legal philosophy is capable of elevating value transformations in the system of legal reality to the level of self-reflection of law as a form of social consciousness.

Keywords: civil law, modern legal nihilism, archaism, axiology of law, civil law, spiritual and moral values, principles of civil law, legal axiology, abuse of law, dishonest behavior, integrity, stability of the civil legal situation.

Первоначально перед правовой аксиологией стояла проблема общеправовых целей и задач, включающих в себя конкретные правовые принципы. В этом смысле теория правовой ценности претендует на роль уровня теоретического размышления, более высокого, чем правовая реальность, и ее задача – определить и раскрыть действительную ценностную структуру права, то есть реальную систему целей, которую преследует правовая система, ценностные принципы, которые должны быть достигнуты в правовом поле общественной жизни.

Современный правовой нигилизм связан с аксиологией права и может рассматриваться как её антипод, как его противоположность, однако если нигилизм сводится к отрицанию каких-либо традиционных ценностей, то правовой нигилизм сводится к отрицанию ценности всего права, либо только его части. С аксиологической точки зрения, по мнению Л. Л. Фуллера [13], право при таком подходе начинает восприниматься с философской точки зрения как традиционная ценность, а в качестве отрицания такой ценности выступает обесценивание права, что может воплощаться в любых формах.

При этом особенно примечательно и то, что даже применение права в современной России должностными лицами, специально на то уполномоченными и имеющими

официальные государственные полномочия, может при определенных условиях создавать проявления правового нигилизма, что не может не сказываться на социальной атмосфере. Так, к примеру, происходит, когда в результате рассмотрения уголовных дел одинаковой степени тяжести, осужденные получают различные виды наказания, либо же кто-то из них освобождается от наказания, получает отсрочку и т.д. Феномен социальной справедливости, который несет в себе в качестве одной из главных целей публичное право, прямо влияет на актуальность правового нигилизма как пренебрежительного отношения к праву.

При этом возникает вопрос – кто является инициатором такого процесса – лица, вырабатывающие негативное отношение к такому факту применения права или же само государство, которое соответствующим образом применяет закон, либо не применяет нужный закон? Важен сам факт установления причины и следствия, поэтому в социально-философском, а также правовом контексте важно не перепутать причину и следствие. В нашей работе мы постараемся тщательно изучить причинность нигилизма как общего интеллектуального явления и правового нигилизма как частного явления в правовой сфере.

Однако нельзя не отметить, что в современной правовой системе правовой нигилизм имеет наиболее разруши-

тельные последствия из всех нигилизмов, поскольку право и государство есть одно целое и невозможно представить себе их раздельное существование. Если же право своим появлением и зарождением порождает одновременно и правовой нигилизм, то нельзя не признать их единство и взаимообусловленность, что может дать принципиально новый подход к пониманию правового нигилизма.

Чрезвычайно важен ценностный подход, поскольку именно относительно системы ценностей будет происходить оценка влияния нигилизма на ту или иную сферу объективной действительности.

Аксиология как философский раздел о ценностях дает ключ к пониманию роли и значения правового нигилизма на правовую и юридическую действительность правовой сферы общества. Отношение общества и конкретного индивидуума к праву, правовой норме, ее применению порождает и отношение к ценности права как материи государства и как его прямому следствию. Вместе с тем существование нигилизма не только в сфере права, но и в сфере, далекой от прямого действия правовых норм – в сфере традиций, обычаев, различных родовых обрядов и ритуалов – может подтверждать наше предположение о более широком охвате общественных явлений феноменом нигилизма, и этот охват снова будет связан с ценностным подходом.

Полагаю, что понятие современной правовой теории права неразрывно с современной же государственностью. Понятие государственности является достаточно обширным, но наша задача состоит в том, чтобы связать государственность с конституционализмом и современной правовой аксиологией. Исследованиями аналогичных и граничащих вопросов занимались такие ученые, как Ф. В. Мусатов [8], Т. Б. Сазонова [11], Г. А. Прокопович [10], Е. А. Лобановская [6], О. В. Войтенко [4] и др.

Представляет интерес исследование Р. Р. Исмагилова [5], где автор анализирует важнейшую тему взаимосвязи права и современной морали, исследует социокультурный генезис права, пытается обосновать аксиологическое единство нравственных и правовых норм. Ценностный аксиологический подход, по его мнению, преобладает в контексте философского исследования феномена правового нигилизма, поскольку отсутствие взаимосвязи права, морали и нравственности приводит к кризисам ценностно-ориентированного подхода в общественном правосознании, что порождает нигилизм. Согласно его исследованию, причина упадка современного права в России берет свои корни в низком моральном облике современных граждан.

Также важно, что Р. Р. Исмагилов в своей работе не забывает рассмотреть и крайне важный аспект публичного права, вне которого анализ правового нигилизма является крайне узким и односторонним, – это феномен репрессивности публичного права и соотношение категорического императива правовой нормы с правовым нигилизмом [5].

В работе применяются методы общеправового анализа, гносеологический, аксиологический, феноменологический, универсальный диалектический метод познания, метод диалектического анализа, метод категорического императива, идеологический, идеалистический, материалистический, моноистический и дуалистический, критический метод познания, общие методы исследования – причинно-следственный, формально-логический, рационально-логический, научно-теоретический, научно-практический, исторический метод, историко-правовой, сравнительно-правовой и сравнительно-исторический методы, методы дедукции, индукции

и редукции, методы обобщения, абстрагирования, синтеза. Для объединения различных знаний из различных научных дисциплин понадобится междисциплинарный метод, философско-правовые методы исследования и познания, социально-правовой метод, историографический, социально-философский, социально-психологический, историко-философский и социально-исторический метод.

С нашей же стороны будет необходимым добавить к этому подходу также и важное значение принуждения с позиции одной из форм насильственного воздействия государства на личность в контексте противостояния коллективного и индивидуального начала. Классическая проблема противостояния личности и государства в парадигме влияния принудительной силы императивной правовой нормы будет представлять особенный интерес для анализа причин усиления или ослабления современного правового нигилизма в попытках поиска ответа на вопрос – какое из начал больше влияет на отрицание ценности права: морально-нравственное или принудительно-императивное сугубо юридическое начало права как символ подавления личности и ее ценности самой по себе.

Гражданское начало, гражданственность, правосознание возникает лишь на культурно-интеллектуальном базисе основного образования. Однако программа дальнейшего просвещения, которая бы смогла сформировать необходимую гражданскую надстройку, сознательно и целенаправленно государством закрыта. Не может быть иначе, это именно запланированная государственная политика, причем наиболее сильно она вредит самому государству, ведь снижается количество сознательных «носителей» гражданского самосознания, гражданского правосознания как гражданской опоры и основы для распространения государственности и гражданственности.

Подобная ситуация в ментально-интеллектуальной сфере социума и массового сознания может привести не только к кризису правосознания, но и к кризису государственности в силу тесной правовой, философской и культурно-духовной связи гражданина со своим государством. Государственность является фундаментальным понятием теории государства и права, и ментально она связана с правосознанием. Юридически же государственность опирается на конституционализм как «каркас» государственного устройства. Правосознание же является интеллектуальным и духовным началом государства.

Как же связаны государственность и юридическая обязанность в правовой системе, каково значение обязанности для формирования государственности?

Как отмечает один из современных теоретиков государства и права В. П. Малахов [7], одним из основных свойств государственности является ее связь с формальным правом. Юридизация общественных отношений в результате активного воздействия механизмов государственного правотворчества, призванного оформлять изменяющееся содержание социальных отношений, превращается в самодостаточный, функционирующий на обеспечение собственного воспроизводства процесс [7]. Формализм права связан с его движением в сторону преобладания формы над содержанием, что может указывать на упаднические явления в праве и его вырождение.

Следует ли из такой постановки вопроса, что государство воспроизводит само себя с помощью своей правовой системы, в которой важную роль играет право и обязанность по соблюдению такого права как юридический императив?

Но в таком случае государственность является не просто понятием теории государства и права, застывшим во времени, но процессом, структурно связанным со всеми изменениями в правовой реальности, включающей и правовую систему государства, и правосознание.

И если так, то, по мнению К. В. Нам [9], государственность является постоянно происходящим в реальном времени процессом. Однако при таком подходе должны существовать определенные незыблемые и стабильные устои и основы государства и государственности, которые бы не изменялись постоянно и являлись тем фундаментом, на котором покоится государственность как проявление любого государственного строя и государственной системы. На наш взгляд, именно конституционализм является тем фундаментальным статутом, на котором покоится государственность как процесс, непрерывно происходящий во времени, поскольку законодательство, а также правосознание как квазинтеллектуальное образование все время находятся в движении и изменяются.

Важно отметить, что в вышеприведенном определении государственности как самовоспроизводящейся вещи усматривается такое свойство государства, что по определению государственности изъятие какого-либо фундаментального и значимого элемента из системы государственного устройства и помещение изъятых элементов в свободные условия приведет к тому, что такой элемент начнет самовоспроизводиться в одной из форм ровно такой государственности, из какой его изъяли [4].

Это указывает на «ползучий» характер любой государственности, которая выглядит с этой стороны как изъятая часть большой структуры, которая при помещении в иные условия начинает воспроизводить большую структуру [1]. То есть, государственность является процессом распространения государства не только в физической, но и в духовной, интеллектуальной, психологической социальной и иной мыслесферах.

Кризис правосознания в современной России предопределен исторически. Восторжествовавший после революции большевиков революционный нигилизм и революционное правосознание со временем плавно эволюционировало в архаизм общественного сознания и отмирание высших форм общественного сознания – нравственного, духовного, научного, правового, культурного и прочих [2]. Бытовое правосознание с архаизацией всех сфер общественной жизни сопровождалось примитивизацией всех общественных отношений, их вырождением, стагнацией и упадком.

Архаизация общественного сознания произошла не сама собой, но как реакция на усложнение окружающей действительности, форм правоотношений, социально-экономических и иных отношений [6]. Гражданское правосознание как высшая форма индивидуального и массового сознания, которое могло бы являться «ментальным» барьером против архаизации и нигилизма, практически не встречается и российским государством не поощряется.

Передача проведения просветительской деятельности государству и его органам является, с позиции аксиологии, искусственным и незаконным сужением гражданско-правового поля распространения информации, которая по Конституции РФ ограничиваться не может. Таким способом вводится официальная государственная цензура просветительской деятельности, что не может не повлечь кризис правосознания и массового общественного сознания, так как архаизация исходит именно от государства.

Категорический императив административного права с одной стороны является интеллектуальным барьером и препятствием для дальнейшей нигилизации правовой сферы, но с другой стороны именно императив запретительного действия вызывает вырождение правосознания и его деградацию в наиболее простые формы – бытовую, обывательскую и прочие.

Предъявление требований для проведения просветительской деятельности, которая представляет собой не что иное, как распространение информации и является гражданской сферой деятельности, прямо противоречит основным принципам правового регулирования, а предъявление юридических требований к проведению лекций, семинаров, конференций и иных различных форм просвещения, выходящих за рамки образовательной деятельности, жестко ограничивает просветительское поле [11]. А это означает, что декаданс в российском общественном сознании будет только нарастать, примитивизация мышления общества будет только возрастать, и никаких сдерживающих формаций для этого процесса на данный момент не усматривается. Таким образом, снижение ментального порядка и нарастание декаданса в массовом сознании является целенаправленной политикой государства, которому не нужно гражданское правосознание у своих граждан.

Ментальная архаизация общественного сознания и менталитета в целом возникает в результате сложного психологического процесса, в основе которого находится страх и переживания отдельного индивидуума перед переменами социально-экономического, правового, политического или научно-технического характера.

Отставание по темпам интеллектуального, психологического, социально-экономического развития и нежелание участвовать в таком развитии в целом опираются с одной стороны на явление «социальной лени», описанной нами ранее, а с другой стороны лежат в плоскости феноменов чувственно-эмоциональных архетипов коллективного и социального бессознательного, когда даже если один индивидуум из множества желает развиваться и соответствовать внешним переменам, то остальные индивиды из данного множества не желают и не только препятствуют ему, но и стремятся затормозить прогресс в целом.

В целом социальная лень определяется как нежелание большой массы людей развиваться, усовершенствовать свое индивидуальное сознание, стремиться к более высоким сферам сознания [10]. И такое явление обязательно будет сопровождаться массовой деградацией и архаизацией как индивидуального, так и массового сознания.

Сознательная политика по поддержанию такого интеллектуально-ментального состояния общества является сознательным отказом от развития в целом и архаизирует не только общественный, но и политический строй государства, что сопровождается движением к прежним формам социального и государственного устройства, миропонимания и мироощущения. Такая ситуация не может не вызвать конфликт архаизирующегося общества с развивающимся и развитым обществом, находящимся в русле постоянных перемен. При этом такой конфликт является культурным, ментально-интеллектуальным, социально-экономическим, правовым и ценностным, что является основным.

Как отмечает И. Л. Честнов [14], трансформация социума, переход от старого к новому в культуре, процессы модернизации личности и общество в целом воспринимает такую трансформацию как опасность и может в качестве ответной

реакции возвращаться к старым идеям, оправдавшим себя во время прошлых кризисов. Все это наблюдается и сейчас, когда не имея возможности противостоять такой трансформации, российское общество стало буквально одержимо идеей возврата к СССР. При этом, по заверениям М. Н. Семякина [12], такая идея не показала никакой своей способности противостоять каким-либо кризисам, поскольку кризис советского государства начала 1990-ых годов привел к быстрому разрушению СССР.

Никакой устойчивости и вообще никакого сопротивления данная социальная модель не показала, поэтому такое стремление является просто бессмысленным и ничем не оправданным, иррациональным по своей природе и сущности. Такая иррациональность исторически переключается с отмеченной нами иррациональностью категорического императива административного права, а как показывает история, никакого иного права, кроме административного, в СССР не существовало и существовать не могло [3]. Таким образом, массовое сознание, не сумев развиваться до своих высших форм, снова пытается вернуться к своим истокам – революционному правосознанию и революционному нигилизму.

Нынешняя архаизация как сознательное направление государственной политики в сфере просвещения подтверждается тем, что в отношении просветительской деятельности предпринимаются шаги, которые запрещают занятие подобным видом деятельности без опыта.

В исследовании предпринята попытка ответить на насущные, с позиции аксиологии права, вопросы. Новая надстройка на старом базисе – возможна ли она и должно ли что-то новое существовать на фундаменте из прежних ценностей? Данные вопросы крайне аксиологичны и дискуссионны. Базис и надстройка являются основополагающими понятиями марксизма и исторического материализма и означают первичную и вторичную структуру общественной формации. Реальным базисом общества выступают материальные отношения, политические и идеологические отношения представляя собой надстройку над базисом.

Таким образом, интеллектуальные источники для обновления сферы просвещения закрыты архаичными общественными и правовыми установками, которые не допускают в систему ничего нового. Именно поэтому такая просветительская деятельность исключительно враждебна по отношению к формированию правосознания, гражданственности, гражданского правосознания. И подобные интеллектуальные и гражданские формации никак нельзя отнести к сфере образования, ведь они являются надстройкой к базису, под которым понимается именно образование.

Архаизация как целенаправленно запущенный на государственном уровне процесс влечет не только архаичные формы массового сознания с направлением к первобытным формам социального устройства, но и соответствующую архаизацию государственности, что вызывает постоянное стремление у государственных деятелей заглядывать в далекое прошлое и заниматься таким историческим «самокопанием». Подобные ментальные процессы вызваны лишь отсутствием правовой идеи и правовой идеологии в настоящем и своеобразным юридическим истощением, лежащим в юридической плоскости, поскольку публичное право и публичный императив есть публично-правовая деятельность государства.

Таким образом, фундаментальные процессы, происходящие в историко-философском понимании сущности государства глубоко рефлексичны и отражаются в современном

массовом общественном сознании как изменение базиса, вызывая при этом изменение в надстройке.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов М. В. Толкование и применение права как творческий процесс // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 4. – С. 74-86.
2. Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданова Д. Е. Принцип солидарности в гражданском праве России // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 37-45.
3. Веремеенко И. И. Концепция предмета советского административного права и необходимость ее коррекции // Пенитенциарная наука. – 2008. – № 2. – С. 67-74.
4. Войтенко О. В. Государство, государственное образование, государственность: теоретико-методологический анализ их соотношения: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. – М., 2006. – 177 с.
5. Исмагилов Р. Р. Правовой нигилизм: мировоззренческие основания и пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2006. – 174 с.
6. Лобановская Е. А. Государственность и государство в правовом учении И. А. Ильина: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 147 с.
7. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения. – М., 2008. – 392 с.
8. Мусатов Ф. В. Государство как субъект права: Автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2016. – 36 с.
9. Нам К. В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 88-103.
10. Прокопович Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: дис. ... на соиск. учен. степ. д-р. юрид. наук. – СПб. 2010. – 898 с.
11. Сазонова Т. Б. Право и правосознание в учении И. А. Ильина: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. – Благовещенск, 1998. – 143 с.
12. Семякин М. Н. Принципы вещного права в контексте реформирования российского гражданского законодательства // Российский юридический журнал. – 2021. – № 4. – С. 118-130.
13. Фуллер Л. Л. Мораль права. – М., 2016. – 418 с.
14. Честнов И. Л. Антропологическая программа правоприменения // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 4. – С. 48-54.

ГУЛЯЕВА Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права Нижегородского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

КАРПУКОВА Альбина Анатольевна

старший преподаватель кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

УСЛОВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ОТДЕЛЬНЫХ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН В XIX В.

В статье рассматриваются основные нормативно-правовые акты, регламентирующие брачно-семейные отношения в XIX веке в отдельных скандинавских странах, на примере Финляндии и Швеции. Авторами анализируется общее уложение о браке, условия вступления в брак в исследуемый период времени. Особое внимание уделяется вопросам распределения прав и обязанностей у лиц, наделенных правом дачи разрешения за заключение брачного союза. В заключении изложена авторская позиция по теме исследования.

Ключевые слова: брак, семья, дети, родители, близкие родственники, права и обязанности, уложение о браке.

GULYAEVA Tatyana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of Management (branch) of the Russian Academy of National Economics and Public Administration under the President of the Russian Federation

GNETOVA Lyudmila Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General history, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

KARPUKOVA Albina Anatoljevna

senior lecturer of General history, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

CONDITIONS OF MARRIAGE UNDER THE LEGISLATION OF CERTAIN SCANDINAVIAN COUNTRIES IN THE XIX CENTURY

The article examines the main normative legal acts regulating marital and family relations in the XIX century in some Scandinavian countries, using the example of Finland and Sweden. The authors analyze the general code of marriage, the conditions of marriage in the time period under study. Special attention is paid to the distribution of rights and obligations among persons entitled to give permission for the conclusion of a marriage union. In conclusion, the author's position on the research topic is presented.

Keywords: marriage, family, children, parents, close relatives, rights and obligations, marriage code.

В течение жизни человек постоянно вступал и вступает в разные отношения. В основе регулирования отношений между людьми стоят различные нормы морали, религиозные, обычаи, традиции, характерные для того или иного хронологического отрезка. Однако всегда существовал и существует достаточно узкий круг межличностных отношений, включающий отношения частногоправового характера в семейной сфере.

Вопросы брака и семьи постоянно занимали законодателя, как в нашем государстве, так и в зарубежных странах. В настоящей статье анализируется правовое регулирование института брака по законодательству отдельных Скандинавских стран в XIX веке, на примере Финляндии и Швеции, детализируются условия, необходимые для вступления в брак.

Положения о браке впервые были изложены в XIX веке в первом положении действующего в Финляндии Общего уложения – в разделе посвященном браку [1, с. 48]. В 17 главах были детализированы положения об условиях вступления в брак, последствиях сожителства, личных и имущественных отношениях супругов, прекращения брака, последствиях, о вступлении в новый брак и др. вопросы.

Анализируя начало первого раздела о браке интересно отметить, что межличностные отношения играли важную роль в заключении брачного союза. Например, будущему супругу нужно было обратиться к родителям будущей супруги за разрешением (согласием) на брак. Однако согласие не всегда являлось необходимым условием заключения брака, но, безусловно, важно было получить соглашение самой невесты. Если в ответе на такое сватовство следовало согласие невесты, а тех случаях, когда это требовалось и согласие родителей, то можно было считать, что между женихом и невестой состоялось обручение, хотя для заключения брач-

ного союза были установлены определенные формы, но соблюдение этих формальностей было необязательным [2, с. 8]. В связи с этим существовало мнение, что если на сватовство последовало надлежащее согласие, то обручение считалось состоявшимся, и от него нельзя отказаться, не подвергаясь определенным последствиям, о которых будет сказано ниже.

31 октября 1864 г. вышло Высочайшее постановление «о совершеннолетия незамужних женщин», согласно которому девушки, достигшие возраста 21 год, могли выходить замуж без согласия родителей.

Интересно обратиться к старому шведскому праву, там для вступления в брак вдовы требовалось согласие ее родителей, и это объяснялось тем, что, овдовев, женщина возвращалась в свою семью и была на ее иждивении. Но, если женщина оставалась в семье умершего супруга, то согласия на новый брак от ее родителей не требовалось. Так же не нуждался в согласии по общему правилу и несовершеннолетний мужчина, так что согласие родителя требовалось только на замужество несовершеннолетней девушки.

Однако существовало и общее правило, в соответствии с которым сын, дочь-вдова и совершеннолетняя дочь должны были получить согласие родителей на вступление в брак. Так, в главе VI о браке говорилось, о последствиях заключенного брака, совершенного без согласия родителей. В соответствии с этим разделом, если девушка выходила замуж вопреки воли матери или отца, то родители обладали правом лишения наследства. Это конечно была жесткая мера по отношению к детям, но некоторых молодых людей она все-таки сдерживала от заключения брака.

Необходимо отметить, что рассматриваемый правовой акт с изданием Высочайшего постановления 31 октября 1864 г. имел применение только по отношению к девушкам, не до-

стигшим 21 года. Однако во 2 параграфе этого нормативного документа была важная, на наш взгляд, оговорка, в соответствии с которой, если сын женился или дочь-вдова вступали в брак против воли родителей, проявляя тем самым неуважение, при этом проживая в их доме на иждивении, то применялась та же норма, т.е. родители могли лишиться детей наследства. Полагаем, что эта норма частично созвучна с нормой действующего гражданского законодательства о недостойных наследниках, и можем предположить, что она стала правопреемницей законодательства Финляндии.

Правила закона распространялись также и на совершеннолетнюю незамужнюю дочь. Возраст сына или дочери-вдовы в данном случае не имел значения, но для действия этой нормы необходимо было наличие одновременно двух условий:

Во-первых, сын, незамужняя дочь или дочь-вдова проживали в доме родителей и находились на их иждивении.

И во-вторых, вступление в брак без согласия родителей.

В связи с этим, и отец и мать могли лишиться наследства детей, послушавшихся своих родителей. При расхождении мнений по вопросу женитьбы решающее значение имело мнение отца, мать не могла лишиться детей наследства, даже если была против такого брака. В случае смерти отца право родительского благословения переходило к матери, которая действовала по совету с ближайшими родственниками. Закон не говорил, с какими именно родственниками нужно было советоваться, но профессор Вреде Р. А. полагал, что здесь подразумевались родственники именно с отцовской стороны [2, с. 56].

В соответствии с параграфом 2 главы 1 раздела о браке, в случае смерти отца и матери, согласие на заключение брака давал родственник, назначенный отцом или матерью (зависело от того, чья смерть наступила позже).

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что межличностные семейные отношения играли важную роль, и основная суть сводилась к нахождению детей под влиянием родительской власти.

Обращает на себя внимание глава 1 закона 1784 г., которая содержала запрет брать себе «...невесту в жены без ее согласия, силой или заманивая ее к себе тайно...». Это считалось преступлением, ответственность за которое была предусмотрена главами 7 и 8 уголовного уложения Великого княжества Финляндского [3].

Интересный вопрос затрагивался в правовом акте по поводу благословенного родителя невесты. Кто им может быть и как разрешался спор о праве родительского благословения? В соответствии с законом благословенным родителем для своей дочери являлся тот, кто благословлял на брак невесту. Если благословенным родителем являлся кто-либо из родителей, то решением суда решался лишь вопрос о разрешении или не разрешении для вступления в брак. Если благословенным родителем являлся кто-либо другой, то суд останавливался на разрешении вопроса, не действовал ли этот родитель, отказывая в согласии на вступление в брак, «... из корысти, мести или другой подобной причины». И, если суд признавал это доказанным, то он мог присудить благословенному родителю штраф и возмещение всех расходов, связанных с рассмотрением дела. Считаем, что это правильно, в соответствии с принципами судопроизводства.

Отметим, что взысканию штрафа и убытков подвергался так же благословенный родитель в том случае, если он без законных на то оснований препятствовал невесте вступить в брак после того, как обручение уже совершено, и жених хотел обвенчаться в церкви. О своем желании венчаться будущий супруг объявлял родителю за 6 недель. Этот срок законодатель предоставлял для того, чтобы будущие супруги подготовились к вступлению в брак - венчанию, например, составили проект брачного договора [2, с. 124-125]. Как видим, законодатель уже в 1734 году вводит понятие «брачный договор», заключаемый во время «регистрации» брака - венчания и тем самым кладет начало развития института современного брачного договора.

Продолжая анализировать законодательство Швеции, можно отметить такой факт, было время, когда для создания брачного союза иногда невесту выкрадывали (похищали). Еще 1274 году в своем послании Папа Римский Григорий X четко обозначил свою позицию против брака заключенного путем насилия, призывая народ отказываться от таких действий [4]. Мы рассматриваем период язычества и не можем не упомянуть

еще об одном способе создания семьи путем купли-продажи невесты. Договор купли-продажи невесты заключался с благословенными родителями при участии и согласии ближайших родственников. «Путем вступления в брак невеста не только уходила из семьи, но и переставала быть членом одного рода и переходила в другой род – род мужа» [1, с. 53].

Таким образом, основная мысль законодателя заключалась в том, чтобы право распорядиться судьбой своих детей при вступлении их в брак было по возможности сохранено за родителями, и закон предоставлял им право путем письменного или устного завещания назначить лицо, к которому после их смерти должно было перейти право родительского благословения. В случае смерти отца и матери, при отсутствии завещания, право благословения брака переходило к родным братьям невесты, если они отсутствовали к кровным братьям по отцу, а потом к кровным братьям по матери, так же они должны были советоваться по этому вопросу с отцом своего отца или матери [2, с. 12], то есть с бабушкой. В случае отсутствия родственников согласие давал опекун (параграф 3). Кроме того, законодатель считал, что согласие на создание брачного союза могут давать только мужчины, исключения наступали в случае смерти отца, брата, деда.

Отметим, что, в общем, право благословения переходило к родственникам в том же порядке, в каком переходило право наследования согласно III главы раздела о наследовании. Но порядок был не вполне выдержан, и это было связано с тем, что:

- наследство не переходило от мужа к жене, в данном же случае право благословения от отца невесты переходило, прежде всего, к ее матери;

- далее к наследству призывались лица мужского и женского пола, в данном случае лишь лица мужского пола;

- если имелось несколько родственников одинаково близкого родства, то право благословения должно было перейти к старшему из них;

- закон не указывал, каков должен был быть возраст для пользования правом благословения, хотя признавалось необходимым, чтобы благословенный родитель был совершеннолетним;

- ничего не говорилось о том, кто должен был быть благословенным родителем девушки – невесты, у которой не было ни родителей, ни опекуна. Профессор Вреде полагал, что благословения в таком случае должно было принадлежать тому лицу, на чьем попечении она находилась;

- за самовольное присвоение права родительского благословения виновный подлежал наказанию.

В заключении необходимо отметить, следующее:

Законодательство Финляндии и Швеции по вопросам брака дублировали друг друга, и основная идея законодателя Финляндии и Швеции заключалась в том, чтобы право распорядиться судьбой своих детей при вступлении в брак было за родителями, и закон предоставлял им право путем письменного или устного завещания назначить лицо, к которому после их смерти должно было перейти право родительского благословения.

Пристатейный библиографический список

1. Книпович Ф. М. О браке и о личных и имущественных отношениях супругов по финляндскому праву. VIII-XII // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1912. - № 8. - С. 48.
2. Сочинение профессора Гельсингфорского университета Р. А. Вреде, 1903 г.
3. Уголовные законы Великого княжества Финляндии // Право России // ALLPRAVO.RU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20140407093017/@http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum105/item802.html> (дата обращения: 09.01.2024).
4. Эволюция брачных отношений с принятием христианства, Княжеская семья в раннесредневековых государствах Центральной Европы в период IX-XII в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studentopedia.ru/istoriya/evolyuciya-brachnih-otnoshenij-s-prinyatiem-hristianstva--knyazheskaya-semya-v-rannesrednevekovih.html?ysclid=lsf11avl6h595205058> (дата обращения: 09.01.2024).

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Красильников С. В.

ИСТОЧНИКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II

В статье изучаются источники, в которых описывается полицейская реформа, проведенная Екатериной II в России; указан вклад Петра I в становление исполнительного органа власти (зарождение полицейского аппарата); рассмотрены противоречивые факты, связанные с реформой; анализируются конкретные обстоятельства, предшествующие и способствовавшие развитию функций регулярной полиции в столице и стране; дана характеристика направлений деятельности государственных органов власти по формированию правовых основ полицейской жизни, совершенствованию ее правового регулирования; сделаны выводы о результатах проведенной Екатериной II полицейской реформы; проанализированы шаги органов государственной власти по правовому обеспечению регулярной полиции и ее совершенствованию, что позволяет оценить содержание законотворческой деятельности и ее влияние по развитию отечественного законодательства и правоприменительной практики полиции.

Ключевые слова: полиция, реформа, источники, Москва, Российская империя, правовые основы, противоречия, охрана общественного порядка, Екатерина II, модернизация, западный образец полицейского устройства, аналог.

KRASILNIKOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Service under President of the Russian Federation, St. Petersburg

SOURCES AND CONTRADICTIONS IN THE STUDY OF THE POLICE REFORM OF CATHERINE II

The article examines sources that describe the police reform carried out by Catherine II in Russia; the contribution of Peter I to the formation of the executive body of power (the origin of the police apparatus) is indicated; conflicting facts related to the reform are considered; the specific circumstances that preceded and contributed to the development of the functions of the regular police in the capital and the country are analyzed; a description is given of the directions of activity of state authorities in forming the legal foundations of police life, improving its legal regulation; conclusions are drawn about the results of the police reform carried out by Catherine II; the steps taken by public authorities to ensure the legal support of the regular police and its improvement are analyzed, which makes it possible to assess the content of legislative activity and its impact on the development of domestic legislation and law enforcement practice of the police.

Keywords: police, reform, sources, Moscow, Russian Empire, legal framework, contradictions, maintaining public order, Catherine II, modernization, Western model of a police system, analogue.

Активная деятельность Петра I в области управления способствовала появлению полиции. Петр I часто выезжал с инспекциями за границу, внимательно изучал национальные административные порядки разных стран, формулировал планы реформирования государственной машины России.

Петр I рассматривал возможность поддержки полицейской системы, надеясь охватить все сферы общественной жизни страны. Как он считал: «Гражданин и душа всякого порядка, фундаментальная опора человеческой безопасности и удобства» [14, с. 297].

В ряде работ [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [15], [16] уделяется внимание противоречиям, содержащимся в до-реформенных законах, регулирующих правовой статус полиции, а также деятельности, формировавшей правовое обеспечение регулярной полиции.

Прежде чем анализировать сами реформы, необходимо ответить на вопрос, зачем они необходимы. В годы правления Екатерины II Россия столкнулась со многими проблемами, которые потребовали изменений в полицейской системе.

До реформ полиция выполняла функции координирующего органа между провинциальными правоохранительными органами и правительством.

В странах Западной Европы полиция рассматривалась как административное ведомство и выполняет внутренние административные функции [10], [14]. Принимая во внимание свой опыт в этой области, Петр заложил правовую основу организации и деятельности регулярной полиции в России. Стоит подчеркнуть оригинальность принятых в этой сфере организационно-правовых решений. Потому что они не являются плагиатом аналогичных зарубежных институтов.

Прямым приемником реформации Петра стала и Екатерина II. Стремление Екатерины II к совершенствованию государственного управления способствовало дальнейшему развитию регулярной полиции. Это было связано с поиском новых возможностей в области улучшения и оптимизации уже существующей системы, ее пересмотру, уточнению. В свою очередь, это требовало нового подхода к правовому регулированию этой деятельности, включая правовое обеспечение деятельности регулярной полиции, в том числе в Москве.

Западная мысль того времени побудила Екатерину II задуматься о статусе полиции в стране и о роли, которую она играла в системе управления. На подход Екатерины II к проблеме отчасти повлияли взгляды Билла Филдса, кото-

рый рассматривал полицию с двух позиций: как надзорную функцию государства и как направленную на поддержание общественного порядка и обеспечение национальной безопасности государственных органов.

Начало правления Екатерины II сопровождалось появлением предпосылок для реформирования надзорных и исполнительных органов. Ее правление считают новым этапом в развитии правоохранительной системы.

Постепенно, с учетом общественных событий и настроений, но все же целеустремленно и последовательно, Императрица приступила к реализации своих планов развития России, в том числе полицейского управления, на основе идей западного Просвещения и с учетом русских особенностей и традиций. Правление Екатерины II называли просвещенным абсолютизмом [13].

Основными целями полицейской реформы Екатерины II были улучшение общественной безопасности и поддержание порядка в стране. Для достижения этой цели Екатерина предложила ряд задач: централизация административного аппарата администрации, борьба с коррупцией и «кумовством» в рядах сотрудников правоохранительных органов, повышение качества сотрудников, улучшение отношений и повышение доверия граждан к полиции.

Одной из основных целей реформы было создание единой центральной полицейской системы. Раньше в разных городах и провинциях полицейские органы действовали по-разному, что приводило к путанице и неэффективности.

В ходе земских реформ при императрице Екатерине II (1775 – 1785) получила дальнейшее развитие и модернизация системы полицейского управления.

«Учреждение для управления губерний» 1775 года узаконили крупную региональную реформу, укрепив местное самоуправление в авторитарном духе. Реализация Устава создала разветвленную систему местного самоуправления, разделив административные, судебные и полицейские функции на отдельные провинциальные учреждения, сформировав новую централизованную бюрократию и предоставив дворянству новые полномочия в рамках местных и центральных правительственных структур [1].

Реформы Екатерины II ввели новую систему правления, взяв за основу усиление местной, полностью процарской, администрации, установление сильной вертикали в местных администрациях и подавление любых возможных проявлений недовольства и народного востания [3].

Одной из основных целей реформы являлось создание единой централизованной полицейской системы. Раньше в разных городах и провинциях полицейские органы действовали по-разному, что приводило к путанице и неэффективности.

Реформация была направлена на установление порядка и контроля в полицейской системе. Были разработаны единые стандарты и процедуры работы полиции, единые требования к кандидатам в полицейские, созданы механизмы контроля и наказания за нарушения. Это делает работу полиции более эффективной и справедливой.

В 1779 году началась работа над проектом «Устава о благочинии», которая была завершена в 1781 году. Основными источниками Устава являются: учреждение провинций, материалы создавших их комитетов, а также уставы иностранной полиции и юридические трактаты. Ему следует создать в городах полицейские органы для защиты порядочности, мира и нравственности [3, с. 160].

Устав был подписан 8 апреля 1782 года. Составление этого документа началось еще в 1767 году; в Приказе к Уставному совету Екатерина II не только широко заимствовала названия полицейских чинов (как легко заметит всякий, немного знающий немецкий язык), но и заимствовала все статьи и положения Конституции. Работы философов Просвещения, таких как Монтескье, Беккариа, Дидро и Даламбер.

Опираясь на реформы 1775 года, Устав ввел новые законы, регулирующие деятельность городской полиции. В 1782 году опубликована была только первая часть, хотя в заявлении говорилось, что «подзаконные акты и другие части будут добавляться впоследствии по мере необходимости».

Управа благочиния была способна запретить организацию любой общины или кружка – будь то масонская ложа, клуб любителей искусства или торговое объединение. Она контролировала цены в городе и следила за тем, чтобы крепостные крестьяне не бежали в город, а также выполняла административно-хозяйственные функции – поддержание условий работы дорог и уличных фонарей, обеспечение города продовольствием и т. д.

В основном Управа собирала информацию о преступлениях и передавала ее соответствующим судебным органам, но также могла проводить независимые расследования и принимать решения в соответствии со своей компетенцией – осуждение, запрет на определенные виды деятельности, штрафы, арест и заключение.

Затем управление имущества города было объединено с управлением полиции. В 1798 году на смену благочинному совету и городской управе была создана ратуша. Они консолидировали под своей властью все административные, полицейские, финансово-экономические и судебные функции города.

Через год в городе стало создаваться ведомство военной полиции во главе с командиром. Это были учреждения военной полиции, которые не позволяли даже представителям населения города выступать исполнителями приказов своего начальства [7]. В целом, в ходе реформ, Екатериной II городское самоуправление было практически ликвидировано и отдано в ведомство полиции.

В столицах провинций иерархия была немного изменена: всем руководил начальник полиции вместо мэра. Полицейский надзор в каждом квартале осуществляли квартальный надзиратель и его помощник – квартальный лейтенант. В столицах (Москве и Петербурге) над полицмейстером устанавливалась должность полицмейстера, назначаемого непосредственно императрицей [2].

С момента проведения реформ Управа полиции контролировала выполнение приказов и решений суда.

В полицейском участке имелся местный трибунал, возглавляемый местным судьей, избираемым населением, по мелким гражданским делам, решаемым в устной форме. Подразделения полиции были разделены на районы, порядок поддерживали районные надзиратели и окружные инспекторы.

Итак, можно сделать выводы, что сам же термин «полиция» не был широко известен, поскольку в то время не существовало соответствующего государственного органа. Популяризация и реструктуризация полиции произошла только с приходом к власти Екатерины II. Нет ничего удивительного, что формирование российской полиции произошло в эпоху зарождения абсолютной монархии. Конечно, это происходило сперва в столице, а затем и в крупных городах.

Во времена Екатерины II Россия столкнулась с рядом проблем, которые требовали изменений в полицейской системе.

Во-первых, в стране было много преступлений и беспорядков. Несмотря на то, что в России уже существовала полиция, она не справлялась с обеспечением общественной безопасности: преступники оставались безнаказанными, а люди жили в постоянном страхе.

Во-вторых, полиция была неэффективной и коррумпированной. Многие полицейские злоупотребляли своей властью и использовали ее для личных целей. Это вызывало недовольство и недовольство населения.

В-третьих, полицейская система была неорганизованной и несистематизированной.

Желание Екатерины II улучшить государственное управление привело к дальнейшему развитию формальной полиции. Это связано с поиском новых возможностей в области совершенствования и оптимизации, пересмотра и уточнения существующих систем. Это, в свою очередь, требует нового правового регулирования данной деятельности, в том числе обеспечения правового обеспечения деятельности регулярной полиции, в том числе в Москве.

В то же время правительство желало обеспечить неукоснительное соблюдение законности и повысить подотчетность чиновников, не оказывая при этом соответствующей материальной поддержки, повышения зарплат и сохранения престижа должности, что вызвало недовольство среди чиновников. Сложившиеся в этот период у сотрудников устойчивые представления о справедливости оплаты труда и ее пропорциональности званию, уровню ответственности, нагрузке и сложности работы во многом определили их отношение к происходящим изменениям.

Отметим, что даже небольшие изменения в работе местных институтов могли спровоцировать бурные дискуссии, сопровождающиеся расплывчатыми оценками последствий фактического внедрения нововведений.

Не все из них были сочтены полезными для систем управления, и многие недостатки реформ были совершенно справедливо отмечены исследователями в дальнейшем.

Именно в ходе проведенных реформ произошло возникновение московской регулярной полицейской организации, созданной в царствование Екатерины II. Характеристика деятельности органов государственной власти по правовому обеспечению регулярной полиции и ее совершенствованию позволяют оценить содержание законотворческой деятельности и ее влияние. по развитию отечественного законодательства и правоприменительной практики полиции.

Отдельно стоит отметить, что создание полноценного и самодостаточного полицейского органа не означало разрушение старого порядка, системы, которая была создана ранее. Напротив, именно инновационная модернизация обеспечила более высокую эффективность и высокую точность координации деятельности подведомственных ведомств. Важно отметить, что реформация являлась событием ценным для общества и юридической практики, поскольку усилия по созданию и обеспечению правовой поддержки регулярной полиции нельзя считать безуспешными.

Опыт прошлого показал, что в то время было просто необходимо формирование регулярной полиции, как одному из условий успешного внутригосударственного управления, обеспечения общественного порядка, борьбы с преступностью и коррупцией.

В ходе реформации многие недостатки органа исполнительной власти были устранены, что привело к созданию единой полицейской структуры, подконтрольной центральному органу. Если ранее управление выглядело более бессистемно, то с момента начала реформации появилась четкая и ярко выраженная иерархия, с прозрачной вертикалью управления, согласно которой регионы были полностью подчинены столице. Был разработан и предъявлен к соискателям на должность целый ряд профессиональных требований. Без надлежащего образования и базовой подготовки сотрудников, эффективность органов правопорядка, естественно, была весьма низкой.

Пристатейный библиографический список

1. Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. – СПб., 1872. – 198 с.
2. Беляева Л. И., Климов А. Ю. Правовое обеспечение деятельности московской полиции во времена Екатерины II и Павла I // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 3 (67). – С. 182-189.
3. Беляева Л. И., Климов А. Ю. Создание регулярной полиции в Москве и формирование правовых основ ее деятельности в первой половине XVIII в. // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2 (66). – С. 156-165.
4. Борисов А. В., Потёмкин И. А. Министерство полиции и его руководители. – М., 2020. – 368 с.
5. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел: [в 7 т.]. – Ч. III, кн. 2. – СПб., 1862. – 202 с.
6. Ерошкин Н. П. Российское самодержавие: к 75-летию Ист.-арх. ин-та. – М., 2006. – 348 с.
7. Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века: (из истории общественно-политической мысли России). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 380 с.
8. Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). – Н. Новгород, 1993. – 102 с.
9. Облицов И. А. Структура полицейских органов России по «Уставу благочиния, или полицейскому» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 4 (16). – С. 113-124.
10. Пинигин М. Г. Штаты полиции России в XVIII веке // Агропродовольственная политика России. – 2016. – № 4 (52). – С. 18-31.
11. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995. – 318 с.
12. Серов Д. Безопасность русского человека в начале XVIII века // Отечественные записки. – 2013. – № 2. – С. 113-121.
13. Сизиков М. И. История полиции России (1718-1917 гг.): Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. – М., 1992. – 66 с.
14. Тумин А. Ю. Московская общая полиция в XVIII – XIX вв. (Историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 310 с.
15. Устав благочиния или полицейский от 08 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. 1649-1825 гг. / Под ред. М. М. Сперанского (в 45-и томах). – СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 21. – Ст. 15. – 379 с.
16. Феднева Н. Л. К вопросу об истории разработки «Устава благочиния, или полицейского» // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2017. – № 2. – С. 49-61.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

ВЛИЯНИЕ МАСОНСТВА ЕВРОПЫ НА РОССИЙСКОЕ МАСОНСТВО, ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Автор статьи рассматривает роль влияния западного масонства на отечественное на примере Русской революции. Методологическую основу исследования составляет научно-аналитический материал, посвященный изучению революционных событий, а также деятельности российского масонства в историческом обзоре.

Великая русская революция - одна из важнейших вех в истории Родины XX века. Причины событий 1905-1917 годов изучаются авторами и по сей день, а участие различных групп интересов в подготовке и ходе революции остается дискуссионным вопросом. В частности, остаётся открытым для участия масонства в революционных событиях как важной политической силы, оказавшей серьёзное влияние на судьбы многих стран.

В данной статье на основе хронологических принципов представлены этапы становления и существования масонства в России до революции 1917 года. На основе анализа истории масонства, его становления и развития в России и мире автор приходит к выводу, что масонство могло сыграть одну из решающих ролей в Февральской революции. Хотя масонство отвергает любую политическую принадлежность своей деятельности, очевидно, что некоторые непосредственные участники революционных событий считали себя масонами, однако детали их участия всегда оспаривались.

Ключевые слова: масоны, ложи, западное масонство, политическая сила, государство, право, закон, русская революция, Февральская революция, отечественное масонство и «легализация во власти».

FURMAN Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in cultural studies, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

THE INFLUENCE OF EUROPEAN FREEMASONRY ON RUSSIAN FREEMASONRY, POLITICAL AND LEGAL ASPECT

The author of the article examines the role of Freemasonry using the example of the Russian Revolution. The methodological basis of the study is scientific and analytical material devoted to the study of revolutionary events, as well as the activities of Russian Freemasonry in a historical review.

The Great Russian Revolution is one of the most important milestones in the history of the Motherland of the twentieth century. The causes of the events of 1905-1917 are studied by the authors to this day, and the participation of various interest groups in the preparation and course of the revolution remains a controversial issue. In particular, it remains open to the participation of Freemasonry in revolutionary events as an important political force that had a serious impact on the destinies of many countries.

This article, based on chronological principles, presents the stages of the formation and existence of Freemasonry in Russia before the 1917 revolution. Based on an analysis of the history of Freemasonry, its formation and development in Russia and the world, the author comes to the conclusion that Freemasonry could have played a decisive role in the February Revolution. Although Freemasonry rejects any political affiliation in its activities, it is clear that some direct participants in the revolutionary events considered themselves Freemasons, but the details of their participation have always been disputed.

Keywords: Freemasons, lodges, Western Freemasonry, political force, state, law, law, Russian Revolution, February Revolution, domestic Freemasonry and "legalization in power."

Масонство как этико-философское движение возникло в эпоху Просвещения, когда людей привлекали свобода, братское равенство, стремление быть свободными от «предрассудков» и возможность рационального понимания действительности [1]. Масонство - это не религия, политическая партия или корпорация, это закрытое эзотерическое братство, члены которого разделяют общие идеалы и стремятся создать идеальное общество, а также весьма либеральны в своих личных религиозных взглядах. У масонов нет образовательной программы, они имеют степени (подмастерье, подмастерье, магистр). Некоторые работы каменщики выполняли в закрытых помещениях - «ложах», по сути предбанниках. Таким образом, масонство можно проследить до средневековых масонских братств и идеологических поисков европейских интеллектуалов 17-го века. Каменщики жили в хижинах, хранили свои инструменты и передавали секреты своего ремесла, поэтому хижины были защищены от посторонних. Старшие мастера наблюдают за ходом работы каменщика. Когда они вступают в артель, они приносят присягу. Переез-

жая с места на место, строители разработали систему кодов, позволяющую им идентифицировать себя. Масоны могут рассчитывать на поддержку других мастеров. Постепенно ремесленное масонство утратило и трансформировалось в интеллектуальное масонство. Из союза ремесленников родилось тайное общество.

Масонство - самое известное и крупнейшее тайное общество, возникшее в 17 веке. Масонство имеет идеологию, форму объединения, иерархию, богослужебные обряды и ритуалы, символы и способы идентификации «своих» [2]. Масонское движение сейчас насчитывает около 6 миллионов человек по всему миру [3].

Масоны описывают свою ложу как братство, институт философского и благотворительного прогресса. Главные цели - «нравственное самосовершенствование», понимание мира и стремление его улучшить. На протяжении веков утопические образовательные идеи привлекали политиков, ученых, изобретателей, философов, писателей и инженеров [4].

Фундаментальные принципы масонства основаны на деистическом учении: вере в высший принцип (Великого Архитектора Вселенной) и возможность бессмертия души. Каждый член масонского братства обязан соблюдать тайны масонства и признавать внутреннюю иерархию ложи. Утверждалось, что любой человек, независимо от социального статуса, мог присоединиться к масонской ложе и подняться по внутренней иерархии.

Со временем активное строительство соборов (для чего изначально собирались «ложи» каменщиков) завершилось, и такие братства сошли на нет. Но начали появляться новые братства, известные как «Внешние масоны» [4]. Они придерживаются либеральных ценностей и маскируются под братьев-строителей, чтобы не привлекать к себе внимание властей. Они унаследовали от масонов некоторые символы и морально-этические принципы, которым должен следовать каждый масон [5].

Великая русская революция - доктринальное название революционных событий, произошедших в Российской империи в 1917 году. Важнейшими из них были свержение монархии и передача власти Временному правительству в ходе Февральской революции и последующее провозглашение большевиками Советской власти над Временным правительством во время Октябрьской революции [1].

Масонство с его мистикой и таинственностью вызывало ажиотаж с момента своего основания, и не раз организация становилась плацдармом для реформистских и даже революционных идей, определявших дальнейшее развитие и судьбу стран, и России не стала исключением [2].

История российского масонства имеет богатый опыт и берет начало в XVIII в. Ученые выделяют различные этапы развития российского масонства [5, 6, 7], но исходя из хронологического принципа и наиболее важных вех, предлагается обозначить следующие существенные свидетельства существования масонства в России до революции 1917 г.

В 1731 году при поддержке масонов Великобритании была создана первая масонская ложа в Российской империи. Первыми руководителями российских масонских лож были британцы. Так, первым российским начальником отделения стал Джон Филлипс, британский капитан, служивший в ВМФ России. Десять лет спустя его сменил его соотечественник генерал Джеймс Кейт [14].

«Именно при участии масонских лож правители Западной Европы осуществляли свою тайную политику, направленную на ослабление Российской империи, а сами члены лож выступали в качестве агентов их влияния» [8].

О масонстве конца XVIII века О.А. Платонов утверждает: «Русское масонство времен Екатерины II - это вполне преступное сообщество, антироссийскими целями которого были расшатывание Российского государства и Русской Церкви и подчинение русского народа власти иностранных правителей. Постепенно российский правящий класс превратился в глобальную марионетку, живущую по координатам Западной Европы» [8].

После низложения императора Петра III его преемница Екатерина II не питала ни энтузиазма, ни надежды на масонство. Напротив, императрица не доверяла и боялась масонства, хотя и не выражала этого открыто.

Как писал М.Б. Свердлов: «Новый этап развития российского масонства связан с именем Н.И. Новикова, начавшего широкую масонскую деятельность после переезда из центра деятельности в Москву и Петербург.» [9].

Ещё до самой революции 1917 года многие декабристы стали национальными героями для многих революционных сил, включая умеренных либералов, социологов и других радикальных групп. Единственными людьми, которые не симпатизировали декабристам, были, конечно, консервативные монархисты начала XX века. Они первыми обратили внимание на масонские корни декабристов. Ряд казненных декабристов действительно являлись членами лож. И это в достаточной степени странно, так как среди критиков и противников декабристов представители масонов тоже были. Александр Грибоедов, относившийся к масонам политический деятель того времени, узнав о восстании, был более чем скептичен: «Сотня прапорщиков хотят изменить всю национальную жизнь России» [10]. На рубеже веков тайные общества всех видов получили широкое распространение. Пятеро из шести основателей Союза Спасения (первобытного общества декабристов) были масонами [10].

Также важно, чтобы российские масоны всегда стремились к развитию внутри страны. Г.В. Вернадский писал: «Масонство не может в первую очередь работать над изменением внешних классов и экономической структуры жизни. Их развитие уступает лишь духовно-нравственной дисциплине, самосовершенствованию и исправлению поврежденной нравственности». [11].

Последняя веха развития масонства в дореволюционной России приходится на начало прошлого столетия. Масонство между двумя революциями начала XX века оставалось хобби для привилегированных классов. В хижине обсуждают актуальные вопросы культуры, проводят сеансы и другие мероприятия. Сохранились загадочные ритуалы, которые часто вызывали путаницу. Французское масонство, представленное французским Великим Востоком, играло ведущую роль. В то время масонство имело мало влияния на правящие элиты.

В 1909-1910 годах масонство было обнаружено Имперской службой безопасности и ложи были насильственно расформированы. Масонство затем стало платформой для подпольных политических организаций, не подчинявшихся европейским масонам, многие из которых были бывшими членами масонских лож и политикой оппозиционных тенденций. В 1910-1912 годах было создано «Великое Восточное движение русской нации». Хотя этот орден в некоторой степени был масонским, он имел несколько особенностей. Классическая масонская иерархия была упразднена, руководство назначалось путем выборов, были допущены и женщины. «В эту организацию вошел ряд деятелей кадетской партии, а также некоторые умеренные социалисты, включая А.Ф. Керенского и социал-демократов Н.С. Чхеидзе, А. Чхенкели и М.И. Скобелева» [12].

В 1915 году в IV Государственной думе был создан Прогрессивный блок - союз депутатов IV Государственной думы и Государственного совета. В Прогрессивный блок входили представители парламентских партий, таких как прогрессисты, октябристы, «прогрессивные русские националисты» и кадеты. В это объединение вошли 236 из 442 депутатов Госдумы. Программа (манифест) Прогрессивного блока сводится к следующим положениям: Создать правительство, которому доверяет российский народ, проводить политику, сохраняющую мир и суверенитет внутри страны, а также отменить ограничения прав крестьян и граждан. Он предоставляет амнистию меньшинствам, людям, осужденным за политические или религиозные преступления и т.д. Суть программы Прогрессивной группы заключалась в создании платформы для генерального соглашения с Российским императорским

правительством. Это был последний шанс императора добиться проведения им минимума либеральных реформ во избежание недовольства и неприятия монархической власти широкими слоями населения, включая столичную элиту. Основной целью Прогрессивной группы было предотвращение революции в непрерывного противостояния мировых лидеров.

В результате исследования, после краткого обзора истории российского масонства до революции 1917 года мы приходим к выводу, что тайная организация с мистическими ритуалами стала все больше трансформироваться в политический «клуб по интересам». Но нельзя не отметить тот факт, что в представленной информации содержатся сведения о том, что свой политический характер масонство приобрело еще в XVIII веке, одновременно живя в симбиозе со своим загадочным истоком.

По факту завершения Февральской революции для объединения социалистических сил было создано не только Временное правительство, но и Петроградский совет рабочих и солдат. В руководство Временного правительства и Петроградского Совета входили не только люди, принадлежащие к масонству, но и люди, возглавлявшие в разное время обе власти [13]. Руководители Петроградского Совета также были масонами единой ложи. Они являлись приверженцами различных партий, но вот их отношения с масонством являлись межпартийными и едиными.

Таким образом, доминирующее положение масонства в руководстве обоих институтов сменной государственной власти свидетельствует о существенном влиянии масонских лож на подготовку и осуществление государственного переворота и свержения монархии.

Можно заключить, что масонство сыграло решающую роль в Февральской революции 1917 года, но это не было классическое масонство с его тайнами и ритуалами. Скорее это была тайная политическая коалиция оппозиционных партий и оппонентов, которые, несмотря на различия, объединились для достижения общей цели - переворота в Российском государстве.

Февральская революция разрушила и ослабила Российское государство. Результаты оказались для России трагичными. Страна начала распадаться, армия была по существу уничтожена, страна осталась беззащитной в военной ситуации, преступники и политические заключенные были освобождены, была введена карточная система питания.

Правительство полностью утратило свой авторитет, что привело к октябрьскому большевистскому перевороту.

С момента основания СССР масонские ложи находились под запретом. В то время множество масонов бежали из России, оставшиеся же были казнены или оказались в местах лишения свободы. Лишь единицам удалось остаться в России, при этом тщательно скрываясь. В настоящее же время масонские ложи продолжают существовать, в том числе и на территории РФ, многие их представители сидят в высоких кабинетах правительства. Как и ранее, главной целью они ставили создание нового мира высоких моральных ценностей и человеческого взаимопонимания. На данный момент не найдено никаких юридических оснований, подтверждающих законность существования масонской организации в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Лактионова Н. Я. Февраль 1917 года: его истоки и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 161-169.
2. Кудряшов В. В. Меншевики Иркутска о перспективах революции 1917 года (по материалам периодической печати) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкал. гос. ун-т. 2018. С. 285-293.
3. Попов Г. Г., Давыдов С. Г. «Провалы» в распределении продуктов и революционные потрясения 1917-1918 годов в Европе // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 1. С. 7-48.
4. История масонства в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russianmasonry.ru/history/istorija-masonstva-v-rossii>.
5. Новоторцева А. М. Новейшая зарубежная историография 60-90-х гг. О проблеме возрождения политического масонства в России в начале XX в. (о причинах, этапах, инициаторах) // Революции в России: теория и практика социальных преобразований: сб. ст. по итогам Междунар. науч. конф. (Москва, 7-10 нояб. 2017 года). М.: Изд-во МПГУ. 2018. С. 329-344.
6. Захаров В. Ю. Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. 2008. № 6. С. 6-9.
7. Ермаков В. А., Андросов А. А. Исторические этапы формирования «масонского заговора» в России второй половины XVIII - начала XX вв. // Интерактивная наука. 2017. № 3 (13). С. 22-34.
8. Платонов О.А. Криминальная история масонства. 1731-2004 гг. (Заговор против России). 3-е изд. М.: Алгоритм. 2005. 488 с.
9. Свердлов М.Б. Н.И. Новиков как историк России древней и новой // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4 (20). С. 201-226.
10. Восстание декабристов - масонский заговор? О связи вольных каменщиков с тайными политическими обществами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/870>.
11. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд., испр. и расшир. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова. 1999. 576 с.
12. Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина. 2014. 451 с.
13. Лактионова Н.Я. Февральский пролог русской революции (к 100-й годовщине Февральской революции) // Культура. Наука. Интеграция. 2017. № 1 (37). С. 77-83.

ФУРМАН Феликс Павлович

доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

ВЗГЛЯДЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ В ПРАВЕ И ПОЛИТИКЕ

В статье рассматривается конфликт между западниками и славянофилами в России XIX века; исследуются их основные идеи, сходства и различия, а также причины данного противостояния; западники и славянофилы представлены приверженцами разных мировоззрений и идеологий, которые оказали значительное влияние на развитие нашего государства.

В итоге вышел спор о выборе пути не только предстоящих буржуазных преобразований, но и преобразований вообще, европейском, который понимался западниками как универсальный, либо особом, русском, в возможность которого верили славянофилы. В итоге выяснялась роль Петра Великого в оценке и правильности преобразований.

Затем этот спор заметно прекратился после реформ Александра III, и на политическую авансцену вышли народники.

Ключевые слова: течения юридической мысли, правовое движение, направление, юридическая концепция, политические взгляды, западники, славянофилы, различия, правовой спор, юридическая дискуссия, XIX столетие, Россия.

FURMAN Felix Pavlovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Social sciences of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

VIEWS AND CONCEPTUAL DIFFERENCES OF WESTERNERS AND SLAVOPHILES IN LAW AND POLITICS

The article examines the conflict between Westerners and Slavophiles in Russia in the 19th century; their main ideas, similarities and differences, as well as the reasons for this confrontation are explored; Westerners and Slavophiles are represented by adherents of different worldviews and ideologies, which had a significant influence on the development of our state.

As a result, a dispute arose about the choice of path not only for the upcoming bourgeois transformations, but also for transformations in general: the European one, which was understood by Westerners as universal, or the special, Russian one, in the possibility of which the Slavophiles believed. As a result, the role of Peter the Great in the assessment and correctness of the transformations became clear.

Then this dispute noticeably ceased after the reforms of Alexander III, and the populists came to the political forefront.

Keywords: currents of legal thought, legal movement, direction, legal concept, political views, Westerners, Slavophiles, differences, legal dispute, legal discussion, XIX century, Russia.

Спор западников и славянофилов – это одна из наиболее известных дискуссий в русской интеллектуальной истории. Эти два течения возникли в XIX веке и продолжали своё существование на протяжении всего XX столетия и прослеживаются в XXI, оставив огромный след в культуре и политической жизни России. Существует много противоречий между двумя философскими течениями, которые касаются вопросов политического устройства, исторического развития, роли религии, образования и других аспектов.

В центре спора лежит вопрос о том, каким должно быть развитие России, какие ценности следует признавать, как оценивать её прошлое и настоящее. Западники выступали за приближение к Европе, за модернизацию, за адаптацию западных образцов, за рационализм и индивидуализм. Славянофилы же утверждали, что Россия должна оставаться самобытной, что западные образцы неприемлемы для неё, что нужно беречь традиции, выступать за сохранение памяти коллективизма и религиозности.

В тридцатые - пятидесятые года девятнадцатого века в обществе произошёл диссонанс: бывшие взгляды на мир менялись, что способствовало появлению различных общественных движений и течений. Основными идейными течениями были консервативные, радикальные, а также либеральные, представителями которых являются такие направления философской мысли, как славянофильство и западничество. Они высказывали отношение к историческому опыту Западной Европы и народов Востока, к крестьянскому вопросу, давали оценку преобразованиям Петра I, говорили о началах, на которые должна ориентироваться Российская Империя. Эти направления имели между собой большие различия [2].

Принято считать, что раскол в общество по поводу выбора своего пути развития внес Петр I, который пытался мо-

дернизировать страну, обращаясь к опыту Западной Европы, тем самым внес на Русь устои жизни, не характерные для русского общества [9].

Первый спор о выборе пути развития истории обнаружили в XV веке. В 1589 году в России. Реформы Петра раскололи общество на сторонников и противников, обозначив предпосылки для формирования «славянофилов» и «западников».

Оба направления возникли в ответ на социально-исторические процессы своего времени. В Европе произошли революции, пропагандирующие образец «свободы, равенства и братства», что привело к упадку абсолютизма. Как отмечал Б. Г. Пашков [8], именно в то же время в России граф С. С. Уваров, выдвинул идею разработать новую официальное воззрение - «Православие, самодержавие, народность». Вызвано это было тем, что на Западе считали, что в России происходит деградация общества.

Эти концепции были призваны стать опорой для Российского государства и защитить его от нежелательного западного влияния, сохраняя при этом существующий политический порядок, в котором народ и царь едины перед Истинной Православной Церковью.

П. И. Новгородцев [7] сделал вывод, что главным отличием между этими двумя философскими направлениями было их отношение к православной духовной традиции: славянофилы защищали своеобразную христианскую философию, в то время как западники склонялись к рационалистическим взглядам.

Представителями течения славянофилов были: А. С. Хомяков (поэт, философ, основоположник раннего славянофильства), И. В. Киреевский (религиозный философ, литературный критик и публицист, один из главных теоретиков

славянофильства), П. В. Киреевский (писатель, переводчик, фольклорист, археограф), И. С. Аксаков (публицист, поэт, общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения), К. С. Аксаков (публицист, поэт, литературный критик, историк, лингвист, глава русских славянофилов и идеолог славянофильства), Ю. Ф. Самарин (публицист, философ - славянофил) [12].

Западники придерживались мнения, что Россия является частью Европы, но отстает в своем развитии. Они утверждали, что европейская культура значительно повлияла на русскую, и только Петр Великий был способен вывести страну из отсталости и привести ее на путь европейской цивилизации.

Славянофилы же считали, что Россия имеет свой уникальный путь в истории и судьбу, которые не подходят для западного мировоззрения. Они описывали Россию как землю, где коллективизм и семейные традиции были очень сильными, а государственность играла второстепенную роль. Славянофилы не считали государственную власть приоритетной, а доверяли монарху.

Суть спора между западниками и славянофилами заключается в различных взглядах на место России в мировой истории и путях ее развития. Западники считали, что Россия должна следовать по пути западных государств и приспосабливаться к новым вызовам времени.

Итак, XIX век России можно смело назвать веком политического пробуждения. Начавшись робкими реформами Александра I и восстанием декабристов-политических идеалистов, он оканчивается вполне себе работающими, часто рабочими, иногда, к большому сожалению, террористическими политическими объединениями. Западники и славянофилы органически вписываются в этот век спора о судьбах России.

В 1836 году П. Чаадаев публикует «Философические письма» [11]. В них он рассуждает об отставании России по вине православия, которое не освобождало людей, а наоборот, своей пропагандой смирения власти способствовало установлению крепостничества. Он критикует «пережитки прошлого» в виде религии, веры, крепостничества, признавая необходимость следовать пути европейской цивилизации.

Письма были очень радикальны, поэтому в кругу образованных людей вызвали небывалый ранее резонанс. Поддержавшие Чаадаева в истории остались как Западники, то есть, стремящиеся к западному пути развития. Противников же Чаадаева называли славянофилами. Не потому, что они почитали славян как этнос, а за точку зрения уникальности пути. Спор накалялся, стали изыскиваться и применяться все более изощренные доводы в пользу своей точки зрения. Так и оформились два вполне полноценных интеллектуальных течения общественно-философской мысли [12].

Основная идея западников – Россия должна развиваться по тому же пути, что и Европа. Уход от этого пути – ошибка, из-за этого наша страна отстает.

Основная идея славянофилов – у России свой, особенный путь. И с Европой нам не по пути.

Западники считали, что Россия должна следовать европейскому пути. Следовало освободить крестьян, разрушить общину (так как она сковывала инициативу предприимчивых крестьян), создать условия для развития промышленности. Опорой государства западники считали буржуа - предпринимателей, а не родовитое дворянство. Надо сказать, на буржуа в те годы в стране был дефицит. Основой развития должна была стать наука, которая двигала промышленность. Западники положительно относились к Петру I за европеизацию (видимо, забыв о его тотальном закрепощении крестьян). Религия в государстве не должна играть значимую роль: разум важнее, чем вера.

Славянофилы показали недожизненную оригинальность в критике взглядов западников [6]. Гораздо проще сказать, что надо бежать за успешной Европой, чем как-то оправдать своё нынешнее бедственное состояние. Славянофилы занялись последним.

Их лозунгом стало: «Никакой Европы» – у России свой путь. Он заключается в важности православной веры. Запад, как писали славянофилы, прогнал в своём неверии и спаси его должна будет именно Россия со своей религиозной чистотой [1]. Стране не нужна либеральная ересь, в том числе и научная рациональность. Общество должно быть патриархальным, крестьянская община сохранена. Но при этом славянофилы, как и западники, выступали за отмену крепостного права и введение крестьянского самоуправления. Их девиз: «Сила власти – царю, сила мнения – народу». В связи с вышесказанным можно заключить, что относить их к консерваторам является ошибкой [12].

По поводу того, кто победил и чей опыт реализовался – славянофилов или западников, можно долго спорить – слишком противоречива история нашей страны, чтобы дать окончательный ответ.

Можно резюмировать, что славянофильство – течение философской мысли, сформировавшееся в тридцатых – сороковых годах девятнадцатого века, ориентированное на выявление самобытности России, ее отличительных черт. Западники же старались переложить западный опыт управления государством на отечественные реалии, игнорируя, в большей степени, национальную идентичность и самобытность.

Итак, в ходе исследования источников отчетливо прослеживается, что славянофилы не стали опорой власти и союзниками царского правительства. Во-первых, у них жесткое отношение к существующей государственной системе (политика, несомнимая с народом, бюрократическое правление). Во-вторых, не принимайте Петра I и его реформы. В-третьих, славянофилы видели идеальное государственное устройство допетровской эпохи, но пути назад из прошлого не было.

В противовес им образовалось другое движение, известное как западники. Западничество – социально-философское течение, возникшее в 1930-1950-е годы, выступающее за признание необходимости развития России по пути Западной Европы.

Как отмечал В. Г. Шукин [13], наиболее известными представителями течения западников были: писатели А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, В. П. Боткин, И. С. Тургенев, историки Т. Н. Грановский, Б. Я. Чичерин, К. Д. Кавелин, критик В. Г. Белинский, публицист П. Я. Чаадаев. Они выступили против теории «официальной национальности» и считали, что Россия должна была пойти по пути западноевропейских стран. Перемены, по их мнению, были необходимы и неизбежны. Чтобы «эволюционировать», Россия должна как можно скорее стать похожей на Европу. Западники особенно восхищались государственными и социальными структурами Британии и Франции, которые они считали наиболее подходящими моделями для России.

Народничество, как становится ясно в ходе проведенного анализа источников, являлось более распространенным течением политической и философской мысли, основной его идеей явился синтез индивидуальной свободы, социальной справедливости и ненасильственного преобразования мира политики. Не удивительно, что многие западники при этом являлись и «народниками». Очевидно, что именно отказ от насилия как основополагающего принципа социальных и политических трансформаций существенно отличал народничество от анархизма и русского революционного нигилизма, которые являлись боевыми направлениями русской политической мысли конца XIX - начала XX века.

Один из авторитетных философов права XIX-го в Б. А. Кистяковский [5] по этому поводу заметил, что нормы прав и нормы нравственности в русском сознании недостаточно дифференцированы и живут в слитном состоянии. Этом нельзя не отметить единство и борьбу противоположностей как одного из трех фундаментальных начал диалектики – с одной стороны публичное право ставилось ниже нравственных и моральных норм, когда требовалось принять решение «не по закону, а по совести», а с другой – право и нравственность существовали слитно как единое целое, как отмечает правовед Б. А. Кистяковский, в связи с чем право искусствен-

но и исподволь наделялось морально-нравственными качествами и наоборот, нравственность и мораль в народном сознании отождествлялась с писанными юридическими нормами. В случае несовпадения их друг с другом в реальном правоприменении наступал индивидуальный нравственный и юридический кризис, когда происходила индивидуальная переоценка норм нравственности или права.

Таким образом, нельзя не отметить диалектичность формировавшегося правосознания крестьянства на рубеже отмены крепостной зависимости, что необходимо считать определенной «вехой» в становлении общественного народного правосознания, освобождающегося от гнета крепостных законов. Взаимосвязь нравственности и права в массовом сознании является весьма существенным и влиятельным фактором для понимания сущности и возникновения правового нигилизма в различные времена российской истории, поскольку для крепостного крестьянина, постоянно находившегося под гнетом помещика, невозможно было оценивать право только по его юридическому наполнению – об этом социальные «низы» ничего не знали в силу своей неграмотности. Единственным мерилом и критерием оценки для таких социальных слоев являлась нравственность и мораль, которая понималась интуитивно.

Именно такие фундаментальные и неизменные начала для крепостных крестьян служили ориентиром и ценностью для западников, поскольку право изменялось, и для крепостных такие изменения практически ничего не значили, ведь для них единственной властью был не писанный закон, но помещик.

Более того, широкое интеллектуальное направление славянофилов еще в 30-40-х гг. XIX-го в. открыто высказывало позицию о том, что русский народ по своей природе и ментальности негосударственный, и вся политическая и правовая сторона его существования передана им в компетенцию правительству, а взамен этого русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа [7].

Генеалогическое древо каждого из течений является сложным и разветвленным. К западникам относятся такие мыслители, как А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский и многие другие. Славянофильское движение было создано Н. М. Карамзиным и А. С. Хомяковым, а также включало в себя таких авторов, как И. В. Киреевский, И. С. Аксаков и др.

Вполне созвучна такому подходу и позиция правоведа П. Я. Чаадаева о том, что идея права, идея законности для русского народа есть бессмыслица [10].

Появившиеся позже «народники» также считали, что «русскому народу чужды «юридические начала» и, руководствуясь только своим внутренним сознанием, он действует исключительно по этическим побуждениям» [5, с. 135].

Близки к этому и рассуждения знаменитого русского писателя и великого гуманиста Л. Н. Толстого, утверждавшего, что тогда лишь общество избавится от необходимости какой-либо правовой организации, когда каждый индивид станет нравственно совершенным - и в этом случае никакого принуждения и никакого насилия со стороны государства вовсе будет не нужно, да и вся необходимость в государственной организации отпадет [3].

Вообще говоря, вопрос о соотношении нравственности и права, поднимаемый в связи с исследованием происхождения правового нигилизма, являлся центральным вопросом общественной и культурной жизни на рубеже конца XIX-го - начала XX-го вв. В общественной и научной полемике высказываются различные, иногда самые противоположные позиции. Так, одним из направлений было направление правового позитивизма, в котором право постулировалось как минимум нравственности. Правовой позитивизм позиционировал себя на моральности и нравственности права в любом случае, вне зависимости от того, справедливо ли оно действительно или нет. Его абсолютными сторонниками были этатисты, которые считали, что государство может и имеет право вмешиваться во все сферы человеческой жизни и регулировать их по своему усмотрению. Противоположным направлением течения общественной мысли являлся

как раз абсолютный правовой нигилизм, который негативно и отрицательно относился к праву и государству вообще и предлагал преодолеть и ликвидировать их в существующем состоянии, после чего размышлять о создании чего-то нового.

Существует мнение, что спор между западниками и славянофилами продолжается и в настоящее время. Они считают, что Россия всегда находится на распутье и выбирает свой путь развития.

Но, с точки зрения науки и истории данный спор не актуален в настоящее время. Концепции западников и славянофилов XIX века возникли как реакция на конкретный исторический период и не отражают современной действительности. Важным этапом в развитии России стали отмена крепостного права и реформы Александра II. Однако со временем общественная мысль продвинулась дальше и пошла в другом направлении.

Таким образом, хотя в настоящее время также говорят об «особом пути» России, это не имеет никакого отношения к спору между западниками и славянофилами. Исторический контекст и социальные условия изменились, и эти идеологии больше не имеют такой же значимости, как в прошлом.

Семейное древо – важная часть истории не только народа, но и отдельно взятой семьи, из которой этот народ и состоит. Именно память о предках помогает сохранить и изучить семьи и Родину.

Пристатейный библиографический список

1. Габов К. В. Эволюция взглядов на славянофильство в отечественной историографии // Вестник МГУКИ. 2015. № 1 (63). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-slavyanofilstvo-v-otechestvennoy-istoriografii>
2. Жигунова Г. В. Общественный идеал России в духовном наследии славянофилов. М., 2016. 85 с.
3. Киреев М. Н. Римская О. Н. Идеи Л. Н. Толстого о праве и морали // Гуманитарные ведомости ТПГУ им. Л. Н. Толстого. Декабрь 2018. № 4 (28). С. 34-42.
4. Киреевский И. В. Разум на пути к истине: Философские статьи, письма, дневник. М.: Правило веры, 2002. 412 с.
5. Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. С приложением «Библиографии вех». Свердловск, 1991. 410 с.
6. Ляшенко Л. М., Волобуева О. В., Симонова Е. В. История России XIX - начало XX века. М.: Дрофа, 2016. 276 с.
7. Новгородцев П. И. Идея права в философии В.С. Соловьева // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. 435 с.
8. Пашков Б. Г. История России XVIII-XIX века. М.: Просвещение, 2000. 392 с.
9. Рябий М. М. Раннее славянофильство: проблема нижней хронологической границы. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 2. С. 286-291.
10. Чаадаев П. Я. Отрывки и разные мысли (1828-1850-е годы) // Полн. собр. соч. и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 441-511.
11. Чаадаев П. Я. Философские письма. М.: РИМИС, 2005. 240 с.
12. Широкова М. А. Место и роль славянофильства в русской философии и общественной мысли: историография проблемы // Известия АлтГУ. 2013. № 2 (78). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-slavyanofilstva-v-russkoy-filosofii-i-obshchestvennoy-mysli-istoriografiya-problemy>
13. Щукин В. Г. Русское западничество: генезис-сущность-историческая роль. Лодзь, 2001. 401 с.

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

ГУЛЯЕВА Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права Нижегородского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КАРПУКОВА Альбина Анатольевна

старший преподаватель кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

ПРЕПЯТСТВИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ БРАКА ПО ПРАВУ ОТДЕЛЬНЫХ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ГЕРМАНИИ В XVIII-XIX ВВ.

В статье рассматриваются особенности регулирования заключения брака по законам, действовавшим в XVIII – XIX веках в отдельных Скандинавских странах (Финляндии, Швеции) и Германии. Проведен сравнительно-правовой анализ основных Указаний по вопросам брака в указанный хронологический отрезок. В настоящей статье акцентируется внимание на регламентации препятствий к заключению брака и последствий заключения недействительного брака. В заключении подведены итоги, позволяющие сделать категоричный вывод о значимости мер, принимаемых в Финляндии, Швеции и Германии по исследуемому вопросу в указанный период.

Ключевые слова: брак, семья, дети, родители, расторжение брака, церковное уложение, препятствия к заключению брака, обряд бракосочетания.

GNETOVA Lyudmila Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General history, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

GULYAEVA Tatyana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of Management (branch) of the Russian Academy of National Economics and Public Administration under the President of the Russian Federation

KARPUKOVA Albina Anatoljevna

senior lecturer of General history, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

OBSTACLES TO MARRIAGE UNDER THE LAW OF CERTAIN SCANDINAVIAN COUNTRIES AND GERMANY IN THE XVIII-XIX CENTURIES

The article examines the peculiarities of regulating marriage according to the laws in force in the XVIII-XIX centuries in some Scandinavian countries (Finland, Sweden) and Germany. A comparative legal analysis of the main Laws on marriage issues in the specified chronological period has been carried out. This article focuses on the regulation of obstacles to marriage and the consequences of an invalid marriage. In conclusion, the results are summarized, allowing us to make a categorical conclusion about the importance of measures taken in Finland, Sweden and Germany on the issue under study during this period.

Keywords: marriage, family, children, parents, divorce, church code, obstacles to marriage, marriage ceremony.

Рассматривая зарубежное законодательство отдельных стран Скандинавского полуострова и Германии в XVIII-XIX веках по вопросам брака и семьи, можно сказать, что оно было очень разнообразным. Во-первых, включало основные положения, закрепляющие основания и условия вступления в брак; во-вторых, содержало требования, предъявляемые к лицам, вступающим в брак; в-третьих рассматривало препятствия, существующие к заключению брака и, наконец, указывало на основания признания его недействительным.

В настоящей статье акцентируется внимание на регламентации препятствий к заключению брака и последствий заключения недействительного брака на примере Финляндии, Швеции и Германии.

Одним из главных условий для вступления в законный брак было добровольное согласие брачующихся. Данная норма, и сейчас является основным условием для вступления в брак во всех государствах, в том числе и в Российской Федерации. В Церковном уложении от 9 ноября 1869 г. в разделе

о браке декларировалось о том, что «...никто не может быть принужден к браку, одно лишь добровольное согласие «да» и согласие, как женщины, так и мужчины должно было служить основанием для заключения брака...» (ст. 1, § 5).

Согласно уложению от 1869 г., если одна из сторон, мужчина или женщина, отказывались вступить в брак, когда при совершении обряда бракосочетания священник об этом спрашивал, то он должен был приостановить венчание. Принуждение к вступлению в брак являлось тогда преступлением, ответственность за которое была предусмотрена в § 12 главы XXV Уголовного уложения и грозила виновному заключением в смиренный дом (одна из форм лишения свободы в Финляндии) на период до четырех лет или тюремным заключением [3].

Церковный закон призывал к добровольному семейному союзу, однако были случаи, когда брак заключали путем насилия и (или) обмана – это было прямым основанием для признания брака недействительным.

Необходимо отметить, что такое положение существовало не всегда. Был период, когда договор о браке заключался между женихом и благословенным родителем, который действовал совместно с ближайшими родственниками невесты. Это было последствием существовавшей в то время безусловной зависимости женщины от рода и детей от власти отца [4]. Но уже в старых законах Швеции были помещены требования о необходимости добровольного согласия брачующейся. Предписание священнику о приостановлении венчания в случае отсутствия согласия невесты существовало и в церковных законах 1571 г. и 1686 г. [2, с. 21].

Важным условием для вступления в брак в исследуемый период времени являлось достижение брачного возраста. Мужчина не мог вступить в брак ранее 21 года, женщина ранее 15 лет, за исключением случаев снижения брачного возраста «Его Величеством».

У граждан Швеции и Германии не было обычая рано вступить в брак. В одном из своих сочинений жителей Германии известный профессор Р. А. Вреде писал: «...любовь юношей наступает поздно, и потому молодость их сильна, и девушки тоже не спешат; одинаковые годы, одинаковый рост отличают оба пола, и одинаково сильные соединяются они, и дети наследуют силу родителей...» [2, с. 22]. Но, тем не менее, необходимо отметить, что в старых шведских законах не было указаний относительно возраста вступления в брак, и требовалось только достижение «зрелого» возраста, а зрелым признавался возраст ниже того, который требовался по уложению 1734 г. [5]. Например, по Гельсингскому закону девушки достигали брачного возраста начиная с 12 лет [1, с. 62].

Кроме того, в Церковном уложении 1734 г. были обозначены исключения относительно возраста, необходимого для вступления в брак. Так, в Королевском письме от 15 февраля 1745 г. было изложено, что, если молодой человек достигал возраста 17 лет и научился читать и понимать основы христианства, но ему разрешалось вступить в брак. Даже Королевским постановлением от 18 марта 1748 г. было определено, что просьбы жителей о разрешении вступить в брак до достижения указанного в законе возраста должны были подаваться в уездные суды, которые решали этот вопрос таким образом, чтобы разрешить вступление в брак, при условии, если несовершеннолетний в Финляндии достигал возраста 18 лет и имел какой-либо земельный участок, который он мог бы обрабатывать и жить на нем.

Отметим, что Высочайшим постановлением от 2 июня 1826 года Императорскому Финляндскому Сенату было предоставлено право рассматривать, и решать на общем собрании департаментов, просьбы о разрешении вступить в брак до достижения положенного в законе возраста [1, с. 63].

В действующем в Финляндии Общем уложении не было препятствия вступления в брак по причине достижения преклонного возраста. Полагаем, что законодатель рассматривал брак как учреждение, преследующее две цели:

- 1) рождение детей;
- 2) взаимная помощь и поддержка супругов.

Если достижение первой цели для лиц преклонного возраста было невозможно, то вторая могла быть достигнута и в преклонном возрасте супругов. Поэтому в законе не только не было запрета на вступление в брак лиц преклонного возраста, но, напротив, в Королевском письме было разъяснено, что никому не следует препятствовать вступать в брак по причине преклонного возраста. Больше сомнений вызывали случаи, когда существовала большая разница в возрасте

между женихом и невестой. В Церковных правилах 1571 г. священникам рекомендовалось не торопиться с обручением, когда от брака «...нельзя было ожидать проку...» вследствие существенной разницы в возрасте жениха и невесты [2, с. 23-24]. Хотя прямого запрета совершать венчание в этом документе не содержалось. В Церковном уложении 1869 г. тоже не было запрета на венчание мужчины и женщины с большой разницей в возрасте.

Положения о препятствиях к вступлению в брак по причине родства или свойства были закреплены в первых девяти параграфах II главы раздела о браке под названием «О тех, кто в брак между собой вступать не может». Уже со времени язычества браки между родителями и детьми и между родными братьями и сестрами считались в Швеции противозаконными и запрещенными [5, с. 18].

С введением христианства запрещение вступать в брак вследствие родства или свойства распространилось на большее число родственников и свойственников, так как каноническое право объявило родство до 7-й степени препятствием к вступлению в брак. Это правило распространялось на территории всей Швеции. В последствии было признано распространение запрета вступить в брак на столь обширный круг родственников чрезмерным. Этот запрет, затем был ограничен Папой Римским Иннокентием III родственниками до 4-й степени родства включительно [1, с. 64].

Первоначально кровосмешение наказывалось по приговору духовных властей, но уже по Уголовному уложению 1439 г. кровосмешение признавалось преступлением. Кроме того, препятствием к браку служило и духовное родство, которое признавалось между крестным отцом с одной стороны и его крестными детьми и родителями с другой стороны. Это препятствие к вступлению в брак было устранено Церковным уставом 1571 г. и в уложении 1734 г. как препятствие к браку, сохранилось лишь родство и свойство. Затем некоторые из ограничений, существовавших в уложении 1734 г., были устранены отдельными законоположениями, изданными после присоединения Финляндии к России [1, с. 65].

По действующему закону запрещалось вступать в брак восходящим и нисходящим родственникам без ограничения степеней. Мужчина не мог вступить в брак со своей дочерью, внучкой и их потомством, а также с матерью, бабушкой по отцу или по матери. Необходимо отметить, что то, что действовало в отношении мужчины по вопросу вступления в брак, применялось также и к лицам женского пола.

В родстве по боковой линии запрещалось вступать в брак с сестрой, племянницей или их потомством, а равно с сестрой деда и бабушки и т.д. Хотя это предписание было изложено в достаточно категорической форме, но и из этого правила, хотя и редко, но допускались исключения по постановлению Верховной власти [2, с. 33].

Законодательством Финляндии брак также запрещался по прямой нисходящей и восходящей линии свойства, и поэтому нельзя было жениться на вдове своего сына или внука, на мачехе и второй жене умершего деда, а также на падчерице или дочери пасынка или падчерицы, на матери и бабушке своей жены и т.д. Законом этим также был запрещен брак между двумя лицами, одно из которых находилось в родстве по прямой восходящей или нисходящей линии другого супруга. Таким образом, можно подвести итог, что препятствием к вступлению в брак могло быть как кровное родство, так и свойство, как по прямой восходящей и нисходящей, а также боковой линии. Основанием для запрещения вступления в брак являлось, на наш взгляд, конечно в первую очередь,

уважение к родителям. Отметим, что незаконное сожительство лиц, состоящих в близком родстве или свойстве, считалось преступлением в соответствии с параграфом 2 главы XX Уголовного уложения Великого Княжества Финляндского [6].

Свойство считалось между мужем и родом жены и между женою и родом мужа, но не между обоими их родами. Поэтому два брата могли жениться на двух сестрах, и отец мог вступить в брак с матерью жены своего сына. Но при жизни отца воспрещалось сыну вступать в брак с матерью своей мачехи, чтобы сохранить должное уважение детей к родителям. Во всех случаях не должно было быть никакого различия между родством кровным и сводным.

Запрещение браков по причине родства, возникающего из рождения в законном браке, относилось также к родству от незаконного «сожития». К понятию незаконного «сожития» относилось: сожительство неженатого мужчины с незамужней женщиной; измена, супружеская неверность и т.д. В этом случае отцом ребенка признавался тот, кто признал ребенка своим или кто будет признан отцом судебным решением.

Таким образом, понятие родства в данном случае не соответствовало тому понятию родства, которое давало право на наследование. Закон гласил о запрещение браков по причине родства, возникающего из незаконного сожительства, но о свойстве, возникающем из такого же сожительства, не упоминалось ничего. Однако, профессор Р. А. Вреде высказывался за распространение этого правила и на свойство, возникающего из незаконного сожительства, и с этим мнением можно согласиться [2, с. 45]. Но для такого распространительного толкования закона не было достаточных оснований. Этим ограничивались препятствия по закону, вытекающие из родства и свойства.

Препятствием к вступлению в брак являлось также измена, супружеская неверность, что считалось преступлением. Лица, «уличенные в этом», не могли вступить в брак даже и после смерти невинного супруга. Это правило считалось наказанием и, по мысли законодателя, должно было быть средством предупреждения такого «преступления», хотя на практике были случаи, когда такие вопросы решались с согласия Верховной власти [2, с. 48].

О препятствиях к вступлению в брак говорить и в других узаконениях. В частности, согласно Церковному уложению 1869 г. не могли быть обвенчаны лица, не прошедшие процедуру причастия, если один из желающих вступить в брак (мужчина или женщина) не исповедовали христианской религии. На этом основании брак христианина с нехристианином не допускался. За венчание лиц, не имеющих право вступать в брак, священники подлежали наказанию, а брак признавался недействительным. Они могли быть лишены своего сана, могли быть заключены «... в тюрьму на две недели на хлеб и воду...», или подвергнуты штрафу, или могли быть отрешены от должности от трех месяцев до 1 года [1, с. 72].

Подводя итог исследованию можно сделать вывод, что в исследуемый период препятствия к заключению брака сохранились в Узаконениях Финляндии и Швеции в Германии они отсутствовали.

Существовало две основные категории препятствий к заключению брака: влекущие недействительность брака и не влекущие недействительность брака.

К первой категории препятствий относились: родство и свойство в степенях, в которых брак не разрешался; суще-

ствование прежнего не расторгнутого брака; измена и супружеская неверность, и, в отдельных случаях, тяжелая болезнь.

Ко второй категории препятствий относились: отсутствие согласия благословенного родителя; не достижение установленного законом брачного возраста; отсутствие у кого-либо из вступающих в брак процедуры причастия: вступление в новый брак вдовца или вдовы до истечения установленного законом срока после смерти первого супруга [2, с. 50]. За совершение венчания лицом, не имеющим на то право, оно подлежало уголовной ответственности.

Отдельные препятствия к вступлению в брак, существовавшие в XVIII – XIX веках в законодательстве стран Скандинавского полуострова имели прогрессивное значение для создания и регулирования семейных отношений, и нашли свое отражение в современных законодательствах многих стран, в том числе и в Семейном кодексе РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Книпович Ф. М. О браке и о личных и имущественных отношениях супругов по финляндскому праву. VIII-XII // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1912 г. – № 8.
2. Сочинение профессора Гельсинфорского университета Р. А. Вреде, 1903 г.
3. Уголовные законы Великого княжества Финляндии // Право России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20140407093017/http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum105/item802.html> (дата обращения: 10.02.2024 г.).
4. Законодательство Финляндии о браке и семье. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studylib.ru/doc/2246435/zakonodatel._stvo-finlyandiio-brake-i-sem._e?ysclid=lsfqni15qt757429137 (дата обращения: 10.02.2024 г.).
5. Уложение Швеции, принятое на сейме 1734 года и е. и. в. утвержденное для Великого княжества Финляндии: Пер., изданный по высочайшему повелению. – СПб.: тип. Н. Греча, 1824. – [9], XXIV, 534 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.auctionimperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=24745&ysclid=lsfrkzd7an349666197> (дата обращения: 10.02.2024 г.).
6. Уголовное уложение В. К. Финляндского и относящиеся к нему узаконения. | Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/801357?ysclid=lsгааg0q654557189> (дата обращения: 10.02.2024 г.).

БОБОМУРОД Арафат Валиджони

адъюнкт Факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Анализ особенностей и исторического значения участия граждан в отправлении правосудия в Таджикистане в советский период позволил констатировать, что даже в условиях политизированности судебной деятельности институт участия граждан в отправлении правосудия имеет положительный социальный эффект, хотя потенциал его полнее раскрывается в условиях независимого и беспристрастного суда. В целом, советский период истории правосудия представляет значительное многообразие форм участия граждан в отправлении правосудия, идеологически поддержанное идеей народности советского суда. Главной формой участия народа в осуществлении правосудия стал институт народных заседателей.

Ключевые слова: Суд, народный суд, Таджикская ССР, участие граждан в отправлении правосудия.

BOBOMUROD Arafat Valijoni

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-pedagogical Personnel of the Academy of Management of the MIA of Russia

PARTICIPATION OF CITIZENS IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN TAJIKISTAN DURING THE SOVIET PERIOD

An analysis of the features and historical significance of citizens' participation in the administration of justice in Tajikistan during the Soviet period allowed us to state that even in conditions of politicized judicial activity, the institution of citizens' participation in the administration of justice has a positive social effect, although its potential is more fully revealed in an independent and impartial court. In general, the Soviet period of the history of justice represents a significant variety of forms of citizen participation in the administration of justice, ideologically supported by the idea of the nationality of the Soviet court. The institute of People's assessors has become the main form of people's participation in the administration of justice.

Keywords: Court, People's Court, Tajik SSR, participation of citizens in the administration of justice.

Изучение функционирования судебной власти в советский и постсоветский периоды отвечает конкретно-историческим потребностям общественной жизни и юридической практики Таджикистана, решающего проблему качества отправления правосудия. В широкое проблемное поле, возникающее при обсуждении путей создания стабильной и справедливой судебной власти, входят и вопросы о ее взаимодействии с институтами гражданского общества, участия граждан в осуществлении правосудия.

В 1917-1991 гг. на территории советского Таджикистана произошло становление подходов к судопроизводству с максимальным вовлечением в его осуществление общественности, что было свойственным для СССР. Советская власть была сформирована как власть народа, о чем прямо указывалось в соответствующих программных актах. Концепция института народных заседателей была положена в основу официальной трактовки идеи народного суда «с заседателями из толщи рабочей массы», наделенными полномочиями судьи, так как она воплощала народное правосудие в судебной сфере [9, с. 108].

30 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР принял Декрет «О народном суде РСФСР (положение)», согласно которому, суд учреждался в составе: одного постоянного народного судьи; постоянного судьи и 2 народных заседателей; постоянного судьи и 6 народных заседателей [2]. Последние принимали участие в решении как вопросов права, так и вопросов факта вместе с профессиональными судьями в составе одной коллегии, участвовали в рассмотрении как уголовных, так и гражданских дел (ст. 8 Положения о народном суде). Принцип участия граждан в деятельности народного суда повторялся в «Положении о Народном Суде РСФСР» от 21.10.1920 г., «Положении о судостроительстве РСФСР» от 31 октября 1922 г.

Важно учитывать, что формирование системы правосудия на таджикских территориях хотя и имело определенную специфику, связанную с социально-культурными особенностями проживающего здесь населения, в конечном счете было направлено на утверждение общесоюзной модели, что было детерминировано преобладанием унифицирующей тенденции в государственно-правовом развитии союзных советских республик. Тем самым, исторически и институт участия граждан в отправлении правосудия в Таджикистане формировался в контексте развития системы правосудия СССР. Уже в предреволюционные

годы применение норм шариата, присущих традиционному таджикскому обществу, постепенно вытеснялось в пользу общеимперских правовых норм и территории будущего Таджикистана постепенно интегрировались в единое правовое пространство Российского государства, но этот процесс был далек от завершения. Эта проблема сохранила свою актуальность и в ранний советский период, связанный с включением территории современного Таджикистана в состав Туркестанской автономной ССР, созданной в 1918 г., и Бухарской Народной Советской Республики (далее – БНСР), созданной в 1920 г. [13, с. 130].

Сосуществование на территории Таджикистана одновременно свойственных для советского устройства и традиционных для мусульманского общества институтов организации общества привело к принятию Положения о казийско-бийских судах от 23 декабря 1922 г. № 167 [12, с. 791], урегулировавшего порядок отправления правосудия с учетом национальных особенностей населения обозначенной территории. После принятия в 1923 г. «Положения о судостроительстве Туркестанской АССР» в республике началась работа по организации судебных органов и была сформирована новая судебная система [10, с. 88].

В дальнейшем на основе «Положения о судостроительстве БНСР» от 5 января 1924 г., на территории БНСР была создана единая система судебных учреждений, которая состояла из народного суда и суда казия в составе: постоянного народного судьи или казия; постоянного народного судьи или казия и двух народных заседателей. Также создавались Окружной суд и Верховный суд БНСР. Данный порядок сохранился и после образования Таджикской АССР в составе Узбекской ССР в 1924 г. В соответствии с Положением о шариатских судах казиев Таджикской республики они могли быть учреждены только по желанию большинства населения (ст. 1) [1, с. 44]. В апреле-мае 1925 г. были организованы 8 народных судов, но параллельно до 1928 г. функционировали казийские суды. Казийские суды были существенным резервом вовлечения населения в механизм осуществления судебной власти посредством избрания казиев и реализации обоюдного права участников спора на обращение к ним для разрешения возникшего спора гражданско-правового или уголовного характера.

Значимой угрозой для безопасности таджикского общества являлось действие басмаческих банд, боровшихся против укрепления советской власти. В Инструкции Ревкома Таджик-

ской АССР судебным органам (1925 г.) [1] содержалось требование организовывать показательные процессы над их участниками, привлекая к процессам членов местных партийных организаций.

На смену казийским судам пришли джамагатские суды, внедренные Постановлением ЦИК СНК Таджикской ССР [11, с. 794]. Они выполняли функцию мировых судов и были упразднены лишь в 1961 г. Деятельность джамагатских судов, на наш взгляд, и, по мнению отдельных исследователей [15, с. 44-49], вписывается в концепцию восстановительного правосудия, которое отличается ориентацией на восстановление справедливости и сбалансирование потребностей пострадавшего, преступника и общества, публичных и частных интересов.

Первая Конституция СССР 1924 г. не упоминала институт представительства народа в отправлении правосудия, однако он был регламентирован в Основах судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г. Конституция (Основной закон) СССР 1936 г., а также Конституция (Основной закон) Таджикской ССР 1937 г. предусматривали включение в состав судебной системы народных судов, действовавших с участием народных заседателей.

Принятие на основе обозначенных Основных законов Верховным Советом СССР 16 августа 1938 г. Закона СССР «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» [5] обеспечило унификацию судебной системы в общесоюзном масштабе.

После окончания Великой Отечественной войны порядок избрания народных заседателей предусматривался в Главе V Положения о выборах народных судов ТаджССР. Как кандидаты в народные судьи, так и кандидаты в народные заседатели выдвигались общественными организациями и обществами трудящихся. Целью избирательного процесса, в соответствии со ст. 14 Положения о выборах народных судов ТаджССР, было формирование в каждом округе народного судьи и народных заседателей в числе от 50 до 75 человек.

В свою очередь, правовой статус избранных народных судей и призванных народных заседателей определялся в ст.ст. 12, 28 Закона СССР о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. В 1961 г. был принят Закон ТаджССР «О судостроительстве Таджикской ССР» [8], положения которого воспроизвели и детализировали ранее упомянутый союзный закон, в том числе и в части установления правового статуса народных судей и народных заседателей: в ст. 28 таджикского Закона предусматривалось количество народных судей и народных заседателей при судах первой инстанции, рассчитываемое на основании ст. 14 Положения о выборах народных судов ТаджССР.

В конце 1950-х гг. в советском государстве развивались параллельные процессы децентрализации и демократизации, сказавшиеся на определенной активизации вовлечения граждан в отправлении правосудия.

25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы закона О судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик [8] и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [7], а 8 декабря 1961 г. – Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик [4].

Кроме того, 25 декабря 1958 г. был утвержден и Закон СССР об изменении порядка выборов народных судов [6], согласно которому срок полномочий народных судей и народных заседателей увеличился до 5 лет. Увеличение срока полномочий народных заседателей обеспечивало стабильность судейского корпуса, повышение уровня правосознания, даже приобретение определенной профессиональной квалификации, даже складыванию специализации.

В статье 153 новой Конституции ТаджССР 1978 г. было закреплено: «Все суды в Таджикской ССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей». Заметно трансформировалась и процедура выборов народных судей, хотя в целом она оставалась под партийным контролем.

Еще одной формой участия общественности в осуществлении правосудия были институты общественных обвинителей и общественных защитников, свойственные уголовному процессу ТаджССР в период, начавшийся после принятия в 1961 г. Уголовно-процессуального кодекса ТаджССР [14].

Свидетельством определенной демократизации правосудия считались также предусмотренные ст. 34 Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик отчеты народных судей перед избирателями о своей работе. Такая форма общественного контроля позволяла обеспечить дополнительное (косвенное) участие граждан в отправлении правосудия. Несмотря на широко определенный демократизм советского правосудия и заявленную народность суда, правосудие в СССР обладало ярко выраженным политическим

характером. В частности, первоочередной задачей суда, согласно ст. 3 Закона Таджикской ССР о судостроительстве Таджикской ССР 1960 г., продолжало считаться воспитание граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, а уже во вторую очередь – воспитание в духе точного и неукоснительного исполнения советских законов.

Последний период развития советского правосудия в Таджикистане начался с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, ознаменовавшего старт «перестройки» и завершился принятием Декларации о государственном суверенитете Таджикистана 24.08.1990 г. При этом, на конституционном уровне было закреплено, что судьи и народные заседатели являются независимыми и подчиняются только закону. В 1989 г. в новом законе СССР о статусе судей в СССР [3] также декларировались независимость и неприкосновенность народных судей и народных заседателей (ст. 3).

Во второй половине 1980-х гг. на институт участия населения в отправлении правосудия стали оказывать влияние ряд неблагоприятных факторов. Перестал функционировать сложившийся в советское время механизм отбора граждан для участия в осуществлении правосудия, что привело к нехватке народных заседателей, сбоям в рассмотрении дел в судах. Кризисное положение института народных заседателей породило дискуссию о его будущем. Но проблемы остались нерешенными на общесоюзном уровне [10, с. 88].

Пристатейный библиографический список

1. Аслонов Х. З. Проблемы казийских судов досоветского и советского Таджикистана (1867-1928 гг.): дис. ... канд. истор. наук. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2018. – С. 44.
2. Декрет ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18812#DeNyG1UsBjy9v8hx> (дата обращения: 13.01.2023).
3. Закон СССР от 04.08.1989 «О статусе судей в СССР»: утратил силу // «Ведомости СНД СССР и ВС СССР». – 1989. – № 9. – Ст. 223.
4. Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 526.
5. Закон СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик»: утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС СССР от 13.04.1959. // «Ведомости ВС СССР». – 1938. – № 11.
6. Закон СССР от 25.12.1958 «Об изменении порядка выборов народных судов» // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1. – Ст. 13.
7. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»: утратил силу // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.
8. Закон Таджикской ССР «О судостроительстве Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. – 1961. – № 2.
9. Крыжан А. В. Народный суд с заседателями из толщи рабочей массы»: революционное новаторство или буржуазная реформа? // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2023. – № 2. – С. 108.
10. Обидова М. Н. Право граждан на участие в отправлении правосудия: теоретико-правовое и конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2021. – С. 88.
11. Постановление ЦИК СМНК Таджикской ССР от 12.05.1931 г. «Об организации джамагатских судов» // СЗ ТаджССР. – 1932. – С. 794.
12. Систематическое собрание действующих законов Таджикской ССР. – Сталинабад, 1932. – С. 791.
13. Тахиров Ф. Т. Становление советского права в Таджикистане / Отв. ред. О. У. Усманов. – Душанбе: Дониш, 1987. – С. 130.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1961. – 267 с.
15. Шодиев И. Р. Особенности формирования судебной системы Таджикской АССР // Труды академии МВД Республики Таджикистан. – 2012. – № 2 (18). – С. 44-49.

МУТИГУЛЛИН Александр Владимирович

адъюнкт адъюнктуры очного и заочного обучения Факультета Подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ССР, КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ПО БОРЬБЕ С ФАШИСТСКО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ (1944-1945 ГГ.)

В статье рассматриваются вопросы восстановления и укрепления советских и партийных органов на освобожденных от немецко-фашистской оккупации территориях Западной Украины и Западной Белоруссии. Показано, что для активизации деятельности советских и партийных органов применялся комплекс политических, хозяйственных, административных и специальных мер. Автором также отмечается, что восстановление и укрепление советской власти в Украинской и Белорусской ССР существенно подорвало социальную, кадровую и вооруженную базу фашистско-националистического подполья.

Ключевые слова: советские органы, партийные органы, активизация деятельности, борьба, фашистско-националистическое подполье, комплекс политических, специальных мер.

MUTIGULLIN Alexander Vladimirovich

adjunct of the adjunct full-time and part-time studies of the Faculty of Training of Highly Qualified Personnel and Additional Professional Education of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

RESTORATION AND STRENGTHENING OF THE SOVIET AND PARTY ORGANS OF THE UKRAINIAN AND BYELORUSSIAN SSR, AS ONE OF THE TASKS IN THE FIGHT AGAINST THE FASCIST-NATIONALIST UNDERGROUND (1944-1945)

The article examines the issues of restoration and strengthening of Soviet and party organs in the territories of Western Ukraine and Western Belarus liberated from the Nazi occupation. It is shown that a complex of political, economic, administrative and special measures was used to activate the activities of Soviet and party bodies. The author also notes that the restoration and strengthening of Soviet power in the Ukrainian and Belarusian SSR significantly undermined the social, personnel and armed base of the fascist-nationalist underground.

Keywords: Soviet organs, party organs, activation of activities, the struggle, the fascist-nationalist underground, a set of political and special measures.

Мутигуллин А. В.

Развитие, укрепление партийных органов и совершенствование их деятельности на всех этапах истории нашего общества неразрывно связывалось с руководящей и организующей деятельностью Коммунистической партии (далее – КП) – монопольного общественно-государственного органа власти в советском государстве.

Коммунистическая партия в годы Великой Отечественной войны проводила политику по организации и сплачиванию советского народа для достижения победы над врагом и их пособниками.

Новые сложные задачи, связанные с войной, определили всю работу органов Советской власти, его учреждений, предприятий, организаций и в особенности Советов, как местных органов власти. Во временно захваченных территориях партийные и государственные органы не только продолжали существовать юридически, но и действовали фактически на временно захваченной врагом территории. Во многих районах и областях республик, занятых врагом, продолжали работу или создавались подпольные партийные и советские органы [1, с. 89].

Возобновление деятельности местных Советов происходило одновременно с освобождением населенных пунктов от немецко-фашистских захватчиков. Огромную роль в возобновлении работы местных органов власти сыграли оперативные группы партийных, советских, хозяйственных органов, которые создавались ЦК КП (б) У, Б, Президиумом ВС и СНК УССР (БССР). Эти оперативные группы формировались заранее и вступали в освобожденные районы вместе с частями Красной Армии. Они занимались расстановкой и использованием кадров партийно-советских органов, осуществляли

оперативное руководство райкомами КП (б) и райисполкомами.

Большой вклад в комплектование и возобновление деятельности партийных и советских органов внесли военные советы фронтов, политотделов фронтовых частей и соединений. Необходимо подчеркнуть, что восстановление советской власти было организовано партийными и советскими органами во взаимодействии с военными органами управления фронтов, соединений и воинских частей.

Советское правительство и ЦК ВКП (б) разработали систему мер, направленных на обеспечение кадрами партийные и советские органы в освобожденных районах. К осуществлению этих мер Центральный Комитет партии (далее – ЦКП), ЦКП союзных республик практически приступили уже в 1942 г. Политбюро ЦК ВКП (б) в этом году приняло ряд постановлений, в которых была определена программа подготовки кадров не только на время войны, но и на послевоенный период. При комплектовании кадров в освобожденных районах были использованы разнообразные организационные формы [6, с. 320].

Необходимо отметить, что восстановление и укрепление местных Советов западных областей республики проходили в более сложной обстановке в отличие от восточных областей.

Это характеризовалось следующими факторами: 1) экономической и политической отсталостью; 2) наличие эксплуататорских классов в лице кулачества и обострением классовой борьбы; 3) население западных областей не прошли той политической школы классовой борьбы и коммунистического воспитания, которую прошли народы СССР под руковод-

ством КП за годы Советской власти; 4) активная деятельность фашистско-националистического подполья [4, с. 36].

Это создавало дополнительные трудности по восстановлению советской власти в районах и ставило первостепенную задачу, воссоздание партийных организаций и местных Советов, как органов государственной власти.

С этой целью ЦК ВКП (б) и ЦК КП (б) республик провели большую организаторскую работу. Еще до начала освобождения западных областей республики в 1943 г. ЦК КП (б) У рассмотрел и утвердил состав обкомов партии и исполкомов областных Советов депутатов трудящихся западных областей, были созданы группы, ставшие ядром районного партийного и советского актива.

Восстановление советской власти проходило в ожесточенной борьбе с украинскими буржуазными националистами, которые после освобождения территорий от оккупации организовали фашистско-националистическое подполье и путем террора и проведения антисоветской деятельности пытались срывать мероприятия Советской власти. Основными направлениями деятельности фашистско-националистического подполья были нападения на населенные пункты, подрывы помещений, уничтожение представителей Советской власти, а также их семей и активы [7, с. 99].

В тех районах, где советская власть была организована и регламентировалась действующим на тот период советским законодательством, бандиты в этих районах с осторожностью осуществляли антисоветскую деятельность, а в остальных, бандиты активно использовали преступные деяния против местного населения, поэтому партийные организации и Советы проводили работу по сплочению местного населения для борьбы с бандитами. При сельских Советах создавались группы охраны общественного порядка, задачей которых являлась борьба с националистическим подпольем и охрана общественного порядка в населенных пунктах.

Стоит отметить, что принимаемые меры партийными и советскими органами по борьбе с фашистско-националистическими бандами, позволили к концу 1945 г. разгромить основные их силы, что способствовало повышению политической активности местного населения и укреплению Советской власти в регионе [5, с. 83].

При проведении комплекса политических, общественных, хозяйственных и специальных мер по восстановлению государственной власти в регионе имелись существенные замечания в работе советских органов. Так, в постановлении ЦК КП(б)У от 1 апреля 1944 г. «О руководящих органах местных Советов депутатов трудящихся» отмечен ряд недостатков и указано, что возобновление деятельности некоторых сельских, поселковых и городских Советов проходит с опозданием [3, с. 453]. В связи с этим ЦК КП (б) У обязал обкомы КП (б) У и исполкомы областных Советов депутатов трудящихся после освобождения одновременно организовать исполкомы районных, городских, поселковых и сельских Советов, заново утверждая их состав соответствующими партийными и советскими органами. В тех случаях, когда в сельском Совете была незначительная часть депутатов или совсем их не имелось, состав сельского Совета доизбирался или избирался на собрании избирателей, а районные, городские и поселковые Советы – на собраниях уполномоченных. Те, в свою очередь, избирались собраниями избирателей. Избранный таким образом состав местного Совета утверждался исполкомом вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

Война внесла изменения в структуру и деятельность исполнительных комитетов Советов. Расширился круг вопросов, сузились коллегиальные формы работы Советов. К основным изменениям в работе Советов можно отнести: выборы не проводились, в связи с войной, многие вопросы, решавшиеся раньше коллегиально, рассматривались председателями исполкомов, руководителями отделов и управлений; не было возможности регулярно проводить сессии (правомочными признавались сессии Советов, на которых присутствовало 2/3 наличного состава депутатов); разрешалась кооптация активистов в состав исполкомов.

Характерной особенностью в деятельности исполкомов являлось изменение их структуры в соответствии с задачами, в различные периоды войны. Создавались новые отделы, реорганизовывались ранее существующие. Необходимость создания новых подразделений вызвана тем, что после освобождения территории Украины наряду с вопросами, вменяемыми в обязанности Советов, приходилось решать задачи по восстановлению разрушенного хозяйства республики

Необходимо подчеркнуть, что основная часть созданных подразделений при исполкомах местных Советов, выполнив свои функции, впоследствии расформировывались.

В годы войны под руководством исполкомов продолжали активно действовать такие массовые органы, как уличные и квартальные комитеты. Они объединяли широкие слои населения, в свободное время занимавшегося благоустройством улиц и площадей городов и сел, восстановлением коммунального хозяйства и жилищного фонда Советов. Так, в западной Украине в середине 1944 г. насчитывалось более 1500 уличных комитетов, в работе которых участвовало более 20 000 активистов [2, с. 114].

В связи со значительным сокращением депутатов Советов большое значение имело привлечение советского актива к работе в постоянно действующих комиссиях исполкомов местных Советов. Характеризуя деятельность комиссий, следует обратить внимание на значительное сокращение числа их членов и уменьшения количества депутатов.

Таким образом, с учетом введения военного положения в стране, достаточно в короткие сроки была восстановлена советская власть в регионе, а также большими темпами шла борьба с фашистско-националистическим подпольем. В период войны, с учетом временно занятых оккупантами территорий республик, государственный аппарат претерпевал значительные изменения, но стоит отметить, что руководству страной, на освобожденных от оккупации территориях, в кратчайшие сроки удалось восстановить государственные органы Советской власти и организовать деятельность партийных и советских органов в борьбе с фашистско-националистическим подпольем.

Важно подчеркнуть, что Советское государство в мировой истории является одним из ведущих государств, которое в период ведения войны смогло организовать и обеспечить восстановление государственной власти и осуществления масштабного плана строительства и восстановления разрушенных районов.

Накопленный опыт деятельности государственных органов Советской власти по нормативно-правовому регламентированию деятельности по восстановлению государственной власти в период войны имеет также неопределимое значение и в мирное время.

Пристатейный библиографический список

1. Бутов С. В., Мутигуллин А. В., Симончук Е. Р. Борьба военнослужащих войск НКВД СССР и органов НКГБ СССР с бандитизмом на Украине в годы Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 89-91.
2. Власов В. А. Советский государственный аппарат. – М., 1951. – 345 с.
3. Григоровия Д. Ф., Замлинский В. А., Немятый В. Н. Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны. – Киев, 1980. – 476 с.
4. Грошев И. И. Борьба партии против национализма. – М., Политиздат, 1974. – 124 с.
5. Мутигуллин А. В. Борьба с бандитизмом на Украине в годы Великой Отечественной войны, как функция обеспечения общественной безопасности советского государства // Актуальные вопросы административного законодательства: материалы всероссийского круглого стола (Санкт-Петербург, 27 апреля. 2023 г.) / Редколлегия: И. С. Назарова (пред.), В. И. Кайнов (отв. ред.). – СПб.: СПВИ войск национальной гвардии, 2023. – С. 79-84.
6. Мутигуллин А. В. Правовое регулирование деятельности госорганов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР (1943-1955 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9. № 4. – С. 318-325.
7. Мутигуллин А. В., Никонов Д. А., Яковлев М. В. Фальсификация истории деятельности вооруженного националистического подполья на Западной Украине в 1940-х – 1950-х гг. // Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права: Сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 98-103.

ГАДИСОВ Даниял Расулович

магистрант 2 года очной формы обучения Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ДЕНИКАЕВА Саида Эмирхановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Научная статья посвящена организации прокурорского надзора за соблюдением экономических прав граждан в России. В контексте современных вызовов и требований эффективного правового регулирования экономических отношений особое внимание уделяется роли прокуратуры в обеспечении защиты экономических прав граждан. В статье анализируются основные функции и полномочия прокурорских органов в сфере экономики, основные направления и методы прокурорского надзора. Особое внимание уделяется механизмам взаимодействия прокуратуры с другими органами государственной власти и контрольными органами в целях обеспечения эффективного противодействия экономическим правонарушениям и защиты интересов граждан.

Ключевые слова: прокурорский надзор, экономические права, граждане, Россия, защита, контрольные органы, эффективность.

GADISOV Daniyal Rasulovich

magister student of the 2nd year of full-time study of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

DENIKAEVA Saida Emirkhanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ORGANIZATION OF PUBLIC PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE OBSERVANCE OF ECONOMIC RIGHTS OF CITIZENS

The scientific article is devoted to the organization of prosecutorial supervision over the observance of economic rights of citizens in Russia. In the context of modern challenges and requirements for effective legal regulation of economic relations, special attention is paid to the role of the Prosecutor's Office in ensuring the protection of economic rights of citizens. The article analyzes the main functions and powers of prosecutorial bodies in the field of economics, the main directions and methods of prosecutorial supervision. Special attention is paid to the mechanisms of interaction of the prosecutor's office with other state authorities and control bodies in order to ensure effective counteraction to economic offenses and protect the interests of citizens.

Keywords: prosecutorial supervision, economic rights, citizens, Russia, protection, control bodies, efficiency.

Прокурорский надзор за соблюдением экономических прав граждан в России представляет собой важный инструмент обеспечения законности и защиты интересов граждан в сфере экономики. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и законодательством о прокуратуре, прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов в области экономики, защищая права и законные интересы граждан в этой сфере.

Прокурорский надзор включает в себя ряд функций и полномочий, направленных на обеспечение законности и защиту прав граждан в экономической сфере. В частности, прокуроры осуществляют контроль за соблюдением экономических законов, борются с экономическими преступлениями, защищают интересы потребителей, пресекают нарушения в области трудового законодательства и обеспечивают соблюдение антимонопольного законодательства [1, с. 25].

Одной из важных задач прокурорского надзора является борьба с коррупцией и злоупотреблениями в экономической сфере. Прокуроры активно вмешиваются в случаях, когда происходят нарушения законодательства в сфере экономики, такие как незаконное приватизация, хищения государственных средств, злоупотребления должностными полномочиями и др. [2, с. 94].

При рассмотрении предмета надзора в узком контексте необходимо выделить органы государственного управления и местного самоуправления, которым предоставлены организационные и распорядительные полномочия в экономической сфере государственной деятельности, или так называемый «экономический сектор» министерств и ведомств.

Обеспечение законности их деятельности также зависит от содержания объекта прокурорского надзора [5, с. 27].

В общем, объектом прокурорского надзора в области защиты экономических прав человека и гражданина включает в себя:

– соблюдение конституционных прав граждан в сфере экономики;

– соответствие законам и правовым актам, принятым федеральными исполнительными органами и их региональными подразделениями в связи с осуществлением экономической (в том числе предпринимательской) деятельности гражданами;

– соблюдение законодательства экономической направленности федеральными службами и их региональными структурами при осуществлении контрольной и надзорной деятельности в экономической сфере;

– соблюдение законодательства в экономической сфере со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации, их должностных лиц, органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих экономическую деятельность, а также соответствие законам и правовым актам, принятым ими [5, с. 27].

В общем, данные статистики прокуратуры свидетельствуют о заметной тенденции роста выявленных нарушений законодательства в различных секторах экономики России. За последние двенадцать лет их общее количество увеличилось в 6 раз (с 186 547 в 2001 году до 1 102 881 в 2014 году), а общее число неправомερных правовых актов возросло с 28 461 до 113 170, что составляет прирост в 4 раза. Доля нарушений

в экономической сфере ежегодно составляет от 20,9 до 27,8 % от общего числа выявленных органами прокуратуры нарушений законов. Ущерб от преступлений в 2023 году составил 397 млрд рублей, что на 36,3 % меньше показателя за январь–сентябрь 2022 года. Больше половины причиненного ущерба приходится на деяния экономической направленности (231,3 млрд рублей). Уточняется, что в процессе добровольного погашения ущерба и в ходе изъятия имущества государству было возмещено 105,3 млрд рублей. На активы стоимостью 150,9 млрд рублей был наложен арест, добавили в Генпрокуратуре. Анализ материалов прокурорского надзора показывает, что совершаемые правонарушения в сфере экономики затрагивают не только экономические права юридических лиц, но и одновременно оказывают негативное воздействие на соблюдение экономических прав граждан, принося им как материальный, так и моральный ущерб [5, с. 28].

Из анализа данных, полученных в результате прокурорского надзора, становится ясно, что нарушения в экономической сфере не только затрагивают интересы юридических лиц, но также отрицательно влияют на соблюдение экономических прав граждан, что приносит им как материальный, так и моральный ущерб.

При оценке эффективности механизмов защиты экономических прав граждан Российской Федерации через прокурорский надзор можно сделать вывод о том, что одним из наиболее действенных методов защиты данной категории прав является обращение в суд. В таких случаях прокурору следует обязательно принять меры к обеспечению судебной защиты, если это возможно в интересах гражданина или других заинтересованных лиц.

Согласно гражданско-процессуальному законодательству Российской Федерации, прокурор имеет право подать заявление в суд или вступить в процесс на любой его стадии, если это необходимо для защиты прав граждан и интересов общества или государства. Судебная защита экономических прав граждан, так же, как и других прав, считается одним из наиболее эффективных инструментов защиты, но не во всех случаях прокурор имеет право обращаться в суд, такие ограничения установлены гражданско- и арбитражно-процессуальным законодательством [5, с. 29].

В работах кандидатов наук, таких как Отческа Т. И., Заболоцкая И. В. и других исследователей, подробно рассмотрены вопросы, связанные с судебной защитой прав граждан органами прокуратуры. Исследования указывают на то, что обращение прокурора в суд и удовлетворение его требований является одним из наиболее действенных инструментов защиты прав граждан, предоставленных законом [5, с. 29].

Прокурор имеет право подать заявление в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, а также неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Заявление в защиту прав гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности или другим уважительным причинам не способен самостоятельно обратиться в суд. Некоторые случаи, определенные статьей 45 ГПК РФ, являются исключением из этого правила, однако законодательство не освобождает прокурора от ограничений в защите экономических прав граждан. Участие прокурора в арбитражном суде определяется Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Согласно статье 52 АПК РФ, прокурор имеет право обращаться в арбитражный суд с заявлениями об оспаривании нормативных и ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, касающихся прав и законных интересов организаций и граждан в сфере предпринимательства и других видов экономической деятельности.

Прокурор вправе вступить в дело на любой стадии арбитражного процесса, включая рассмотрение дела судом первой, апелляционной и кассационной инстанций. Это подтверждается Письмом ВАС РФ № С1-7/уп-1270 и Письмом Генеральной прокуратуры РФ № 8-26-03 от 20 ноября 2003 года «Об участии прокурора в арбитражном процессе». Особую важность прокурора в суде апелляционной инстанции

следует отметить, особенно при пересмотре судебных актов, которые уже вступили в законную силу, что часто является частью его профессиональной деятельности [5, с. 30].

Прокурор имеет право направить представление о пересмотре дел в порядке надзора только по делам, упомянутым в статье 52 АПК РФ, которые были возбуждены по его заявлению, а также по делам, в которых прокурор участвовал в соответствии с пунктом 5 статьи 52 АПК РФ.

Вступление прокурора в дело, рассматриваемое арбитражным судом, осуществляется на основании его заявления и оформляется определением арбитражного суда. Прокурор, обратившийся в арбитражный суд, обладает процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца. Он может обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании нормативных правовых актов недействительными, если считает, что они не соответствуют закону или иным нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, и нарушают права и законные интересы граждан, организаций и других лиц в сфере предпринимательской и других видов экономической деятельности [5, с. 31].

Опыт прокурорского надзора свидетельствует о том, что несмотря на широкий спектр полномочий, предоставленных органам прокуратуры для контроля за законностью решений в административных делах, наиболее эффективным средством защиты прав граждан в случае неправомерных решений является обжалование таких решений в судебном порядке. Институт судебного обжалования играет важную роль в обеспечении государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в административных процессах. Он призван обеспечить права лица, подвергнутого административной ответственности, а также защитить потерпевших от неправомерных действий или решений в процессе административного производства. Значительную роль в этом процессе играют органы прокуратуры, которые, в соответствии с полномочиями, предусмотренными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, имеют право обжаловать в суде незаконные постановления и решения, включая те, которые касаются экономических прав граждан [5, с. 33].

Прокурорский надзор за соблюдением экономических прав граждан в России является неотъемлемой частью системы правопорядка и правового государства. Благодаря деятельности прокуратуры граждане могут быть уверены в защите своих экономических интересов и соблюдении законности в сфере экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Баландина А. С. Роль прокуратуры в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации // *Авангард молодежной науки: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса*, Петрозаводск, 28 марта 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 25-30.
2. Бут Н. Д. Прокурорский надзор за соблюдением конституционного права на свободу экономической деятельности // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. – 2017. – № 1 (57). – С. 94-100.
3. Григорьева А. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // *Образование. Культура. Общество: Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции*, Санкт-Петербург, 29 октября 2021 года. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт Нацразвитие, 2021. – С. 57-59.
4. Игнатьев Д. Е. Защита прав и законных интересов малого и среднего бизнеса прокуратурой Российской Федерации // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. – 2020. – № 2 (42). – С. 41-44.
5. Соловьев А. А. Прокурорский надзор за соблюдением экономических прав граждан. Сборник статей. – Астрахань: ООО «Типография «Новая Линия», 2023. – 208 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-162-163

ИВЛЕВА Юлия Ивановна

младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук (РАН)

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН

Применение информационно-коммуникационных технологий в современном мире выступает необходимым условием для повышения качества экологического образования и воспитания граждан. Традиционные методы и подходы к организации образовательно-воспитательного процесса обуславливают внедрение передовых технологий, а также формирование должной нормативно-правовой базы, упорядочивающей и обеспечивающей реализацию данного направления. В настоящей работе рассмотрена система законодательных актов, в особенности конституционные положения, изучены конкретные примеры, а также выявлены проблемы функционирования информационно-коммуникационных технологий в экологическом образовании и воспитании в Российской Федерации.

Ключевые слова: экология, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, правовое обеспечение, информационно-коммуникационные технологии, Конституция РФ.

IVLEVA Yuliya Ivanovna

junior researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (RAS)

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES FOR REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF ENVIRONMENTAL EDUCATION

Application of information and communication technologies in the modern world is a necessary condition for improving the quality of environmental education. Traditional methods and approaches applying to the organization of educational and upbringing process condition the introduction of advanced technologies, as well as the formation of a proper legal framework that regulates and ensures the implementation of this direction. This paper considers the system of legislative acts, especially constitutional provisions, studies specific examples, and identifies the problems of functioning of information and communication technologies in environmental education and upbringing in the Russian Federation.

Keywords: ecology, environmental safety, environmental protection, Legal support, information and communication technologies, the Constitution of the Russian Federation.

Ивлева Ю. И.

Конституция РФ, являясь основным законодательным актом отечественного государства, закрепляет принципы обеспечения экологического образования и воспитания граждан. Данное направление государственной политики необходимо рассматривать с точки зрения реализации двух конституционно-провозглашенных и закреплённых аспектов, а именно право каждого на благоприятную окружающую среду, а также право на образование. В рамках обозначенного необходимо обратить внимание на положения следующих «экологических» и «образовательных» статей:

– согласно 42 статье Конституции РФ, каждый человек, в том числе вне зависимости от правовой принадлежности к государству, наделен правом на благоприятную окружающую среду, а также на достоверную информацию о ее состоянии;

– в свою очередь, статья 43 Конституции РФ гарантирует право каждого на образование, а также гарантирует общедоступность и бесплатность образования, в том числе на конкурсной основе;

– в силу идеи, заложенной в пункты статьи 71 Конституции РФ, установление основ федеральной политики и федеральных программ в области экологического развития, а также образования и воспитания, осуществляется в рамках исключительного ведения Российской Федерации, в свою очередь, в соответствии с пунктом «д» статьи 72 Основного Закона государства обеспечение экологической безопасности осуществляется на уровне совместного ведения центра и субъектов.

Неким симбиозом, консолидирующим конституционно-правовые основы обеспечения экологической безопасно-

сти и осуществления достойного образования и воспитания, выступает идея, закреплённая в пункте «еб» статьи 114 Конституции РФ, возлагающая соответствующие обязательства на Правительство РФ по созданию условий для развития совокупности взаимосвязанных и упорядоченных элементов экологического образования, воспитания, а также формирования должной экологической культуры. Дальнейшее развитие конституционного принципа экологического образования и воспитания граждан осуществлено в соответствии с положениями:

– Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (статья 2 – обуславливающая необходимость воспитания бережного отношения к окружающей среде, часть 7 статьи 76 – предусматривающая наличие правомочия у федеральных органов государственной власти по осуществлению государственного регулирования в области охраны окружающей среды посредством утверждения типовых дополнительных профессиональных программ);

– Федерального закона «Об охране окружающей среды» (статья 71 – закрепляющая всеобщность и комплексность экологического образования в Российской Федерации);

– Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» (пункт 6 статья 22 – создает условия для развития Правительством РФ системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры);

– Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (подпункт 17 пункт 83 – содержит положения о необходимости повышения уровня экологического образования и экологической культуры

граждан, воспитания в гражданах ответственного отношения к природной среде).

Обозначенные и иные нормативно-правовые акты, в том числе регионального законодательства, предусматривают необходимость комплексного и всеобщего экологического образования уполномоченными на то органами и организациями. Принципы экологического воспитания и образования в соответствии с указанными статьями позволяют гарантировать гражданам России доступ к информации о состоянии окружающей среды, формировать понимание проблем экологии и природоохраны, а также способствовать развитию навыков устойчивого поведения в целях сохранения окружающей среды для будущих поколений.

Реализация данного конституционно-провозглашенного аспекта осуществляется посредством создания условий для внедрения учебных материалов и курсов, посвященных экологическим вопросам, в образовательные программы на всех уровнях образования. Государство также обеспечивает доступность информации и ресурсов, необходимых для проведения образовательных и просветительских мероприятий, направленных на повышение экологической грамотности населения.

Использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в обозначенном контексте приобретает особую важность, поскольку с учетом вызовов современности государству необходимо содействовать созданию цифровых образовательных платформ, обеспечивающих доступ к актуальным и интерактивным материалам по экологии. Электронные учебные ресурсы, вебинары и образовательные приложения могут способствовать более эффективному усвоению информации и формированию экологической грамотности среди населения.

«Экокласс.рф»¹ - просветительский портал, в рамках которого создаются уроки международного и всероссийского уровня нового поколения, ориентированный на реализацию Поручения Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. «О решениях по итогам стратегической сессии «Адаптация России к глобальному энергопереходу»»². Данный образовательный проект, использующий цифровые технологии для проведения интерактивных уроков по экологии, располагает обширной базой, состоящей из видеоматериалов, анимированных презентаций, интерактивной развивающей части урока, раздаточного материала нетрадиционного формата. Посредством данного портала происходит формирование должной экологической культуры, формирование навыков заботы о различных составляющих окружающего мира в более интересной, наглядной, доступной и современной форме. Создание указанного проекта осуществляется коллективом профессионалов различных областей, таких как педагоги, методисты, биологи, экологи, IT-специалисты, веб-дизайнеры и иные специалисты Межрегиональной экологической общественной организации «ЭКА» при поддержке Министерства просвещения РФ.

Научно-образовательный портал «Фундаментальная экология»³, основное предназначение которого – создание единого информационного пространства для развития исследований и образования в данной области. Материалы содержат информацию о выдающихся персоналиях, внесших вклад в развитие экологической науки, о научных достижениях, мероприятиях, тематических печатных изданиях. В силу широкого спектра представляемой информации портал предназначен для базового, дополнительного, а также профильного образования людей, осуществляющих деятельность в области фундаментальной экологии.

«Всероссийский Экологический портал»⁴, является некоммерческим общеобразовательным сайтом, в котором

представлен свод законодательства в сфере экологии, тематический календарь событий, соответствующие словари, книги, базы данных рефератов по теме экологии, каталог тематических сайтов в том числе в рамках науки, образования и права и т.д. Кроме того, на портале представлены отчеты о качестве воздуха, воды, обработке отходов, а также рекомендации по улучшению экологической ситуации в регионе, что является необходимым для повышения уровня экологической осведомленности населения.

Обозначенные и иные ИКТ, общеобразовательные ресурсы, содержащие тематические разделы по экологии, интерактивные экологические выставки, платформы, позволяющие осуществлять онлайн-мониторинг загрязнения окружающей среды, анализировать полученные данные в образовательных целях и иное, способны повысить заинтересованность обучающихся, оказать положительное влияние на уровень экологического образования и воспитания граждан. Данные проекты демонстрируют внедрение ИКТ в образовательный и воспитательный процесс в области экологии, в обеспечение доступа к экологической и иной информации, стимулируя при этом интерес к взаимодействию с природными объектами посредством применения популярных и доступных информационных технологий. Однако, стоит учитывать, что существенным выступает не только наличие таковых технологий, но и качество их реализации, активное внедрение в образовательный процесс, применение в рамках как урочной, так и внеурочной деятельности.

Дальнейшее развитие рассматриваемого направления обуславливает необходимость соответствия содержания материалов, предоставляемых посредством ИКТ образовательным Программам, которые, в свою очередь, должны соответствовать обязательным нормативам и стандартам образования, установленным уполномоченными на то субъектами государственной власти. При этом, использование учебных материалов должно осуществляться в соответствии и с учетом требований законодательства об авторских правах и информации, в том числе главы 70 Гражданского кодекса РФ, Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Создание, использование и распространение образовательных ресурсов требуют повышения общего уровня правовой осведомленности пользователей информации.

Представляется возможным сделать вывод о том, что применение ИКТ играет ключевую роль в осуществлении конституционного принципа экологического образования и воспитания граждан. Современные технологии обеспечивают эффективные средства передачи и усвоения информации о важности окружающей среды, проблемах экологии и необходимости устойчивого взаимодействия с природой. Информационные ресурсы, образовательные приложения, онлайн-курсы и другие инструменты способствуют повышению уровня осведомленности граждан, формируют их ответственное отношение к окружающей среде, а также способствуют развитию навыков устойчивого поведения. Внедрение рассматриваемых технологий в систему образования и общественное пространство содействует созданию экологически грамотного общества, способного эффективно решать вызовы современной экологической проблематики.

Пристатейный библиографический список

1. Виноградова Е. В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры - инвестиции в будущее России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 3. – С. 199-206.
2. Моисеева Н. А., Полякова Т. А. Задачи информационно-математического моделирования как средство реализации междисциплинарной интеграции в преподавании математики и информатики в техническом вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2022. – № 9 (сентябрь). – С. 52-64.
3. Троян Н. А., Полякова Т. А. Современные подходы к систематизации информационного законодательства России в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 4 (45). – С. 50-58.

1. Официальный интернет-портал «Экокласс.рф». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--80ataenva3g.xn--p1ai/>.

2. Официальный интернет-портал Правительства России - Поручение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. «О решениях по итогам стратегической сессии «Адаптация России к глобальному энергопереходу»». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/43297/>.

3. Официальный интернет-портал «Фундаментальная экология». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sevin.ru/fundecology/>.

4. Официальный интернет-портал «Всероссийский Экологический портал». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecoportal.su/>.

МАМОШИН Вячеслав Игоревич

аспирант 1 курса Юридического института кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

В статье проанализирован институт новых поколений прав человека как особый юридический и социальный феномен. В частности, под новым поколением прав человека понимают комплекс прав, сформировавшихся на рубеже XX – XXI веков в результате научно-технического прогресса, открытий в медицине, биологии, генетике. В работе подчеркивается, что двумя основными группами прав человека нового поколения являются соматические права и права, связанные с развитием цифровых технологий. Эти новые права еще недостаточно детально урегулированы в законодательстве многих стран. Исключением здесь не является и Российская Федерация. Так, в статье освещается проблема признания права на эвтаназию в России. В частности, по мнению автора, российские пациенты с тяжелыми неизлечимыми заболеваниями должны получить право на принятие решения об эвтаназии. Это полностью соответствует идеям и принципам гуманизма. Кроме того, в работе рассматриваются последние изменения в законодательном регулировании процедуры смены пола. Делается вывод о том, что процедура смены пола должна носить ограниченный характер, однако введение абсолютного запрета на проведение данной процедуры не согласуется с нормами Конституции Российской Федерации. Автор полагает, что совершеннолетние и дееспособные российские граждане должны иметь право на прохождение процедуры смены пола только в тех случаях, когда после тщательного обследования у них были выявлены соответствующие медицинские показания.

Ключевые слова: искусственное оплодотворение, клонирование, новые поколения прав человека, смена пола, эвтаназия.

MAMOSHIN Vyacheslav Igorevich

postgraduate student of the 1st course of Constitutional law and constitutional judiciary sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

NEW GENERATIONS OF HUMAN RIGHTS AND THEIR CONSTITUTIONAL REGULATION

The article analyzes the institution of new generations of human rights as a special legal and social phenomenon. In particular, the new generation of human rights is understood as a set of rights formed at the turn of the XX-XXI centuries as a result of scientific and technological progress, discoveries in medicine, biology, genetics. The paper emphasizes that the two main groups of human rights of the new generation are somatic rights and rights related to the development of digital technologies. These new rights are not yet sufficiently regulated in detail in the legislation of many countries. The Russian Federation is no exception here. Thus, the article highlights the problem of recognizing the right to euthanasia in Russia. In particular, according to the author, Russian patients with severe incurable diseases should have the right to make a decision on euthanasia. This fully corresponds to the ideas and principles of humanism. In addition, the paper discusses the latest changes in the legislative regulation of the procedure for changing sex. It is concluded that the procedure of sex change should be limited, but the introduction of an absolute ban on this procedure is not consistent with the norms of the Constitution of the Russian Federation. The author believes that adult and capable Russian citizens should have the right to undergo a sex change procedure only in cases where, after a thorough examination, they have been identified with appropriate medical indications.

Keywords: artificial insemination, cloning, new generations of human rights, sex change, euthanasia.

Введение

Масштабные изменения в общественной и научной жизни человечества в конце XX и в течение первых двух десятилетий XXI века обусловили возникновение четвертого поколения прав человека. В правовой доктрине все чаще ведутся научные дискуссии относительно того, какие права следует относить к четвертому поколению, а какие нет, а также осуществляются попытки классификации таких прав в рамках четвертого поколения прав человека. Отсутствие единых научных подходов по данной проблеме обуславливают повышенную актуальность и ценность нашего исследования и определяют его непосредственное значение.

Четвертое поколение прав человека

Наиболее популярной на сегодняшний день признается классификация прав и свобод человека, сформулированная чешским и французским юристом Карлом Васаком, который разделил все доступные в то время права и свободы человека и гражданина на три поколения [1, с. 2042]. Теория трех по-

Мамошин В. И.

колений прав человека появилась в результате научной систематизации прав человека в историческом ракурсе.

Однако на рубеже XX – XXI веков начались дискуссии о становлении четвертого поколения прав человека, которое связано с научно-техническим прогрессом, открытиями в медицине, биологии, генетике, в космической сфере.

Еще юрист дореволюционной эпохи П. И. Новгородцев отмечал, что «время от времени понятия должны переворачиваться, чтобы могла начаться новая жизнь» [6, с. 232]. Нечто аналогичное, на наш взгляд, можно сказать и о правах человека на современном этапе, ибо за последние два десятилетия список прав и свобод человека начал неуклонно расти.

Так, например, С. М. Велиева в перечень прав четвертого поколения включает право на самоубийство и эвтаназию. При этом эвтаназию и самоубийство данный правовед рассматривает как элементы права на смерть [2, с. 121].

По мнению Е. А. Матвиенко, права четвертого поколения должны защищать от угроз, связанных с экспериментами в сфере генетической наследственности лица, то есть это такие права человека, которые связаны с клонированием и

другими открытиями в области медицины и биологии [5, с. 118].

А. Б. Венгеро называет четвертое поколение правами человечества. В частности, по его мнению, это право на мир, на ядерную безопасность, космос, экологические, информационные права и т.д. Г. Н. Глуздук к правам четвертого поколения причисляет право на эвтаназию, на изменение пола, на трансплантацию органов, на использование виртуальной информации, право на клонирование [4, с. 18].

Рассмотрев вышеупомянутые и другие научные подходы относительно исследуемого вопроса, резюмируем, что в рамках четвертого поколения прав человека можно выделить, как минимум, две такие группы: так называемые «соматические права» и права, связанные с развитием цифровых технологий, в том числе сети Интернет.

Этимологически понятие «соматический» происходит от греческого слова «сома» – «тело». Таким образом, речь идет о группе прав человека, которые связаны с его возможностью самостоятельно распоряжаться своим телом.

Н. С. Герасименко предлагает следующую развернутую классификацию соматических прав:

- 1) право человека на смерть (эвтаназия или суицид);
- 2) права человека в отношении его органов и тканей (трансплантация, донорство);
- 3) сексуальные права человека (право на сексуальное образование, выбор партнера);
- 4) репродуктивные права человека (искусственное оплодотворение, аборт, стерилизация, контрацепция);
- 5) право на смену пола [3, с. 34].

Право на эвтаназию

Проанализируем более подробно отдельные из вышеуказанных групп прав. Начнем с права на эвтаназию. Как правило, эвтаназия определяется как убийство неизлечимо больного человека по его просьбе под влиянием сострадания к нему, или причинение смерти неизлечимо больному человеку, вызванное состраданием [2, с. 122].

Выделяют две разновидности эвтаназии: активную и пассивную. Активная эвтаназия представляет собой преднамеренное действие, которое должно привести к смерти путем введения фармакологических средств врачом (по просьбе пациента). Пассивная эвтаназия связывается с прекращением терапии, которая поддерживает жизнь больного пациента.

Активную эвтаназию можно спутать с «самоубийством с помощью». В последнем случае мы имеем дело с ситуацией, когда сознательно жизнь прерывает сам пациент (при эвтаназии это третье лицо) после предварительной консультации и предоставления средств, предназначенных для наступления смерти.

Первой страной, легализовавшей эвтаназию в Европе и одной из первых в мире, является Албания. Соответствующие законы появились в 1999 году. Эвтаназия в Албании может быть сделана по желанию пациента, а когда он не может принять такое решение – с согласия трех членов его семьи.

Три года спустя вслед за Албанией эвтаназию легализовали Нидерланды и Бельгия. В Нидерландах это возможно после выполнения ряда условий, наиболее важным из которых является постоянное страдание пациента, без шансов на улучшение. В Бельгии просьба пациента о прекращении жизни должна быть добровольной, без внешнего давления, продуманной и многократно повторяющейся. В 2014 году там были приняты законы, разрешающие эвтаназию без возрастных ограничений. До 2023 года в Нидерландах эвтаназию можно было осуществить только в отношении лиц старше 12 лет. В апреле 2023 года была легализована эвтаназия детей в возрасте от одного года до 12 лет¹.

В 2009 году эвтаназия, а также самоубийство с помощью были легализованы в Люксембурге.

В Германии в 2014 году была легализована пассивная эвтаназия, а в 2020 году Федеральный конституционный суд Германии признал незаконным введенный бундестагом в 2015 году запрет на активную эвтаназию.

В Италии в 2019 году Конституционный суд признал неконституционным запрет на пассивную эвтаназию.

В 2021 году Испания приняла закон, разрешающий эвтаназию и самоубийство с помощью.

В Великобритании активная эвтаназия незаконна, но пассивная разрешена при определенных условиях.

В Австрии и Швейцарии допустимо самоубийство с врачебной помощью, если люди имеют серьезные и неизлечимые заболевания.

В Финляндии признается законной пассивная эвтаназия.

Одной из последних стран, легализовавших эвтаназию, стала Португалия. Так, в мае 2023 года президент Португалии Марселу Ребелу де Соуза подписал соответствующий закон.

В обосновании президент Португалии объяснил, что португальское законодательство обязывает его подписать законопроект, поскольку после того, как в марте 2023 года было наложено президентское вето, палата парламента абсолютным большинством снова проголосовала за него. Согласно законодательству, глава государства должен был в течение восьми дней после принятия закона парафировать его или отказаться от подписания, сославшись на оговорку о совести.

С 2017 года Ассамблея Республики (парламент Португалии) уже пять раз одобряла закон, легализующий эвтаназию. Президент дважды наложил вето на нее, а дважды Конституционный суд постановил, что эти положения несовместимы с основным законом.

Подписанный президентом Португалии закон предусматривает, что лицо, которое будет допущено к смерти с врачебной помощью, должно пройти собеседование с медицинской комиссией, в то время как это должно определить у пациента «страдание высокой интенсивности»².

В Российской Федерации эвтаназия прямо запрещена на законодательном уровне. Так, ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об охране здоровья)³ имеет соответствующее наименование – «Запрет эвтаназии». В данной законодательной норме подчеркивается, что врачам делать эвтаназию запрещено.

В российском обществе отношение к эвтаназии неоднозначное. Результаты проведенного в 2019 году опроса ВЦИОМ показали, что каждый второй россиянин считает процедуру эвтаназии допустимой для людей с тяжелыми неизлечимыми заболеваниями, которые сопряжены с сильными страданиями, при этом почти половина граждан с этим понятием даже незнакома⁴.

Главный аргумент, который выдвигают сторонники эвтаназии, заключается в том, что жизнь можно считать благом и ценностью только при условии, когда в целом удовольствие и наслаждение преобладают над страданиями и испытаниями. В рамках концепции прав человека человек имеет право распоряжаться собственным телом и жизнью (следовательно, она имеет право единолично решать вопрос об эвтаназии) [9, с. 61].

Полагаем, что в будущем право на эвтаназию должно быть закреплено и в России. По нашему мнению, любой человек должен быть наделен правом самостоятельно решать вопрос о продолжении жизни, когда он неизлечимо болен. Представляется, что это соответствует идеям и принципам гуманизма, которым Российская Федерация, будучи правовым государством, обязана следовать. Более того, на наш взгляд, Конституция РФ⁵ косвенно подтверждает допустимость закрепления такого права за российскими гражданами.

2 В Португалии разрешили эвтаназию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/05/17/portevta/> (дата обращения: 19.07.2023).

3 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 6724.

4 Опрос: половина россиян считает допустимой эвтаназию для тяжелобольных людей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6099205> (дата обращения: 19.07.2023).

5 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

1 В Нидерландах разрешили эвтаназию для детей младше 12 лет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/news/75013-v-niderlandah-razreshili-evtanaziyu-dlya-detey-mladshe-12-let/> (дата обращения: 19.07.2023).

ми, поскольку она возлагает на государство обязательства по обеспечению оказания надлежащих медицинских услуг, а также предоставления помощи социально незащищенным слоям населения.

Право на смену пола

Что касается признания права на смену пола, то заметим, что в 2023 году в Российской Федерации в этой части были проведены кардинальные законодательные преобразования. Так, 19 июля 2023 года Совет Федерации единогласно одобрил законопроект о запрете смены пола (вступил в силу 24 июля 2023 года)⁶. В качестве исключения новым законопроектом называются ситуации, когда смена пола требуется для лечения врожденных аномалий, генетических и эндокринных заболеваний у несовершеннолетних лиц.

Запрет о смене пола в России вызвал бурные дискуссии в отечественном медицинском сообществе. Многие врачи-психиатры выразили опасения в связи с тем, что появление данного запрета приведет к росту самоубийств. Так, в ходе обсуждения законопроекта сотрудники НМИЦ психиатрии и наркологии им. Сербского подготовили справку, из которой следовало, что принятие закона может вызвать всплеск суицидов в России. Они указали, что полностью запрещать изменение пола нельзя, потому что это практика, которая существует в западном мире 50 лет, а в Индии, например, сотни лет⁷.

Вице-президент Независимой психиатрической ассоциации России, кандидат медицинских наук, доцент РостГМУ А. Я. Перехов, соглашаясь со своими коллегами из НМИЦ психиатрии и наркологии им. Сербского, подчеркивает: «Вопрос о смене пола нуждается в какой-то степени контроля со стороны общества и государства, так что проблема возникла не на пустом месте... Изменение пола – не косметическая операция: человек меняет не только свою внешность, но и свой статус, который официально фиксируется в любом обществе. Это не может происходить просто так, по щелчку. Но то, как эта проблема решается сейчас, вызывает большие вопросы...». А. Я. Перехов считает, что на законодательном уровне смена пола должна быть возможной в тех случаях, когда есть соответствующее заключение врача-психиатра. По его мнению, в случае, если возникает спорная ситуация, данный вопрос должен разрешаться в судебном порядке⁸.

На наш взгляд, замечания врачей-психиатров справедливы с точки зрения не только медицины, но и конституционного законодательства. В частности, Конституция РФ провозглашает право на частную жизнь, право не подвергаться дискриминации. Представляется, установление абсолютного запрета на смену пола для совершеннолетних граждан Российской Федерации фактически нарушает эти конституционные права.

При рассмотрении данного вопроса, помимо Конституции РФ, следует сказать и о международно-правовых актах. Так, ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года⁹ предусматривает: «Пользование правами и свободами, признанными в этой Конвенции, должно быть обеспечено без дискриминации по любому признаку, например, полу, расе, цвету кожи...».

Полагаем, что процедура смены пола должна иметь разумные ограничения. Однако абсолютный запрет смены пола для совершеннолетних и дееспособных российских граждан, по нашему мнению, не согласуется с международным и конституционным законодательством. Представляется, что процедура смены пола должна проводиться только по медицинским показаниям, после тщательного обследования и

наблюдения лица, чтобы это не было мгновенным желанием или решением, принятым под влиянием моды или жизненных обстоятельств, кратковременного подросткового интереса, способом самовыражения или самоутверждения молодых людей в обществе.

Право на искусственное оплодотворение

Что касается права на искусственное оплодотворение, то оно широко закреплено в законодательстве многих стран мира, в том числе и в Российской Федерации. В частности, в нашей стране это право установлено ст. 55 Закона об охране здоровья.

Г. В. Станкевич, А. А. Яблонская отмечают, что наряду с очевидной медицинской пользой репродуктивных технологий имеют место проблемы морально-этического и правового обоснования их проведения [8, с. 48].

Моральная неоднозначность искусственного оплодотворения заключается в том, что во время этой процедуры создается несколько лишних эмбрионов, которые не могут быть имплантированы в организм будущей матери. Затем из организма женщины изымаются еще несколько уже имплантированных эмбрионов, подлежащих уничтожению.

Как справедливо замечает М. В. Посадкова, правовое регулирование искусственного оплодотворения должно быть направлено на то, чтобы стимулировать научный прогресс в сфере изобретения возможностей создания во время оплодотворения *in vitro* только одного эмбриона [7, с. 74].

Несмотря на сказанное, на наш взгляд, предоставление российским гражданам права на искусственное оплодотворение полностью соответствует предписаниям Конституции РФ. Так, ч. 2 ст. 7 Конституции РФ возлагает на государство обязательство по поддержке институтов семьи, материнства, отцовства и детства. Помимо того, что использование репродуктивных технологий удовлетворяет частные интересы людей, оно также помогает преодолевать государству демографические кризисы. Это немаловажный фактор для нашей страны, поскольку, по данным Росстата, численность постоянного населения России на 1 января 2023 года составила 146,425 млн человек, снизившись за год на 555 тыс. (минус 0,38%)¹⁰.

Право на клонирование

Одним из самых дискуссионных и спорных по своей природе является право на клонирование. Клонирование представляет собой размножение идентичных генов или организмов. Оно заключается в получении той же генетической информации путем создания точных копий материнского организма, и в результате этого действия образуется клон.

В настоящее время выделяют два вида клонирования:

- 1) репродуктивное, которое означает создание новых живых организмов, в том числе и человека;
- 2) терапевтическое, которое имеет целью создание отдельных органов и тканей тела.

В большинстве стран репродуктивное клонирование запрещено. При этом некоторые государства разрешают терапевтическое клонирование, например, для сбора миелидных клеток для трансплантации. Терапевтическое клонирование в целом вызывает гораздо меньше возражений, чем репродуктивное клонирование, хотя для многих оно также неприемлемо.

История клонирования началась с 5 июля 1996 года. Именно тогда на свет появилась овечка Долли. Она была первым млекопитающим, клонированным из соматических клеток взрослой особи методом переноса клеточных ядер. До создания Долли млекопитающие считались слишком сложными для клонирования. Таким образом, была доказана возможность клонирования всего организма на основе генетического материала, взятого из любой части его тела, из полностью соматически дифференцированных клеток, которые были способны инициировать развитие всего организма.

Рождение Долли, безусловно, стало сенсацией в мире науки. Там преобладал оптимистический подход и объявление о возможности получения, например, более эффективных лекарств или облегчения проведения трансплантации.

10 Население России за год сократилось на 555 тыс. человек. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/ekonomics/01/02/2023/63da428b9a7947e741363c53> (дата обращения: 19.07.2023).

6 Законопроект № 369814-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части запрета смены пола человека). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/369814-8> (дата обращения: 19.07.2023).

7 Ваше дело – больше не ваше дело. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nemoskva.net/vashe-telo-bolshe-ne-vashe-delo-v-rossii-okonchatelno-zapretili-menyat-pol/> (дата обращения: 19.07.2023).

8 Там же.

9 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.

Однако люди быстро начали задавать вопрос о том, была ли преодолена какая-то невидимая граница и каковы будут последствия этого прорыва. Технически также стало возможным клонировать новых людей, что вызывает очевидные вопросы морального характера.

В Российской Федерации запрет на клонирование установлен Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»¹¹. Данный нормативно-правовой акт был принят еще в 2002 году, а срок запрета на клонирование истек летом 2007 года. В 2010 году¹² действие данного запрета было продлено. В частности, запрет будет действовать до вступления в силу федерального закона, который устанавливает порядок использования технологий клонирования для клонирования человека.

Единственным международным актом, нормы которого прямо устанавливают запрет клонирования, является Дополнительный Протокол к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ 1998 года¹³.

Полагаем, что разрешение использования технологий клонирования в России противоречило бы Конституции РФ, ст. 21 которой провозглашает государственную охрану достоинства личности. Таким образом, Основной закон нашего государства гарантирует уважение человеческого достоинства как неотъемлемого права каждого человека. Клонирование нарушает право на уважение личности человека, поскольку, по сути, оно представляет собой программирование человека как продукта, созданного на основе заказа. Речь идет о превращении его в вычислимый, управляемый и предопределенный объект по всем своим физическим характеристикам. Поэтому, на наш взгляд, запрет на клонирование в российском законодательстве является абсолютно обоснованным, как с точки зрения этических, так и конституционных принципов.

Цифровые права

Что же касается второй группы прав человека, которые четко прослеживаются в составе четвертого поколения, а именно прав, связанных с развитием цифровых технологий, в частности сети Интернет, то к ним следует отнести следующие: право на свободный доступ к сети Интернет, право на свободу слова в сети Интернет, право на защиту конфиденциальности и персональных данных в сети Интернет и другие так называемые «цифровые права».

Сегодня сеть Интернет стала мощным фактором социального, образовательного и культурного прогресса. Интернет предоставляет новые возможности как государственным органам, так и обычным гражданам и работникам образования, устраняя барьеры к созданию и распространению материалов, предлагая общий доступ к источникам цифровой информации, количество которых постоянно увеличивается.

При этом сеть Интернет содержит также и определенную часть потенциально ненадлежащей, непристойной, оскорбительной или противозаконной информации, и может иногда использоваться как средство преступных действий. Хотя преимущества сети Интернет существенно превышают его потенциальные недостатки, игнорировать эти проблемы нельзя.

Кроме того, всё больше на передний план информационного пространства выходит феномен нейросетей и проблематика искусственного интеллекта в целом, представляющих широчайший ряд возможностей для работы и

созидания с одной стороны, и множество угроз для базовых личных человека и общества с другой.

Данные категории в настоящий момент не имеют надлежащего правового регулирования, между тем, как показывает актуальная практика – при их бесконтрольном применении существуют серьёзные этические противоречия, связанные с цифровым копированием и воспроизведением индивидуальных черт личности человека, таких как внешность и голос. Мы также можем наблюдать ряд противоречий, стоящих на стыке нарушения как личных, авторских прав человека, так и общественного правопорядка.

Полагаем, что правовое регулирование сети Интернет, нейросетей и технологий искусственного интеллекта должно осуществляться на основании принципа соразмерности (пропорциональности), и учитывать баланс необходимых свобод и ограничений, исходя из тех возможностей, которые эти технологии предоставляют, и тех угроз личности и обществу, которые от них исходят.

Заключение

Таким образом, концепция новых прав человека является чрезвычайно важным социокультурным и правовым феноменом на современном этапе развития общества. Все больше ученых исследует это явление, поэтому число фундаментальных работ по очерченной проблеме неуклонно растет. При этом можно наблюдать увеличение неоднозначных и дискуссионных точек зрения по данному вопросу. Безоговорочным остается тот факт, что признание новых прав человека, расширение уже существующего перечня является одной из тенденций трансформации правового статуса человека, продиктованного требованиями и потребностями настоящего. Однако важно не только признать эти права, но и создать и обеспечить эффективные и действенные законодательные механизмы их реализации. В частности, на наш взгляд, российскому законодательству необходимо предоставить право на эвтаназию пациентам с тяжелыми неизлечимыми заболеваниями. Кроме того, считаем правильным закрепить за совершеннолетними и дееспособными гражданами право на смену пола, однако только в тех случаях, когда есть соответствующие медицинские показания.

Пристатейный библиографический список

1. Бузуртанова П. М., Гандарова Л. Б. Поколения» прав человека // StudNet. – 2021. – № 6. – С. 2041-2046.
2. Велиева С. М. Право на жизнь и «право на смерть» в Российской Федерации и зарубежных странах // Современное право. – 2022. – № 6. – С. 119-123.
3. Герасименко Н. С. Соматические права как особая группа прав человека и гражданина // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2020. – № 4 (53). – С. 33-36.
4. Глуздак Г. Н. Генезис и эволюция концепции поколений прав человека // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 4 (21). – С. 17-23.
5. Матвиенко Е. А. Поколения прав человека: историко-правовой аспект // Сборник научных работ серии «Право». – 2020. – № 1 (17). – С. 117-127.
6. Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Русская философия права. Антология. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 229-246.
7. Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребёнка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 6 (151). – С. 72-94.
8. Станкевич Г. В., Яблонская А. А. Репродуктивные права граждан: содержание и реализация // Экономика. Право. Общество. – 2022. – Т. 7. № 4 (32). – С. 47-52.
9. Шевченко И. С. Право на эвтаназию и клонирование в современном мире // Правовая позиция. – 2021. – № 3 (15). – С. 60-66.
11. Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека» // Собрание законодательства РФ. – 27.05.2002. – № 21. – Ст. 1917.
12. Федеральный закон от 29.03.2010 № 30-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» // Собрание законодательства РФ. – 05.04.2010. – № 14. – Ст. 1550
13. Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ (Подписан в г. Париже 12.01.1998) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. – С. 751-752.

ФАНТРОВ Павел Петрович

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета

ДУБРОВИНА Анастасия Николаевна

студент Института права Волгоградского государственного университета

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Авторами выявлены пробелы отечественного законодательства, влияющие на эффективность деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ. Исследователи приходят к выводу, что в целях повышения уровня защиты прав и свобод граждан в РФ следует закрепить нормы: 1) ужесточающую ответственность органов государственной власти, должностных лиц за воспрепятствование деятельности Уполномоченного, закрепив в ст. 17.2 КоАП РФ такой вид наказания, как «дисквалификация»; 2) наделяющую Уполномоченного правом законодательной инициативы; 3) указывающую на необходимость наличия у Уполномоченного высшего юридического образования.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, Конституция РФ, права и свободы, законодательная инициатива, власть.

FANTROV Pavel Petrovich

Ph.D. in political sciences, senior lecturer of Procedural law and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Volgograd State University

DUBROVINA Anastasiya Nikolaevna

student of the Institute of Law of the Volgograd State University

MODERNIZATION OF LEGISLATION, REGULATING THE STATUS OF THE COMMITTEE FOR HUMAN RIGHTS IN RUSSIAN FEDERATION

The authors identified gaps in domestic legislation that affect the effectiveness of the activities of the Commissioner for Human Rights in Russian Federation. The researchers come to the conclusion that in order to increase the level of protection of the rights and freedoms of citizens in Russian Federation, the following standards should be consolidated: 1) tightening the responsibility of public authorities and officials for obstructing the activities of the Commissioner, enshrined in Art. 17.2 of Russian Code of Administrative Offenses such a type of punishment as “disqualification”; 2) giving the Commissioner the right of legislative initiative; 3) indicating the need for the Commissioner to have a higher legal education.

Keywords: Commissioner for Human Rights, Constitution of Russian Federation, rights and freedoms, legislative initiative, power.

В настоящее время взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее по тексту статьи – Уполномоченного) с органами государственной власти осуществляется при исполнении им соответствующих полномочий в пределах наделенных законодателем компетенций. В частности, в ст. ст. 22, 27 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» регламентированы механизмы взаимодействия Уполномоченного и органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц: обращение к компетентным государственным органам или должностным лицам за содействием в проведении проверки обстоятельств, подлежащих выяснению, либо направление им своего заключения, содержащего рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и свобод; направление запроса уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации. В свою очередь, согласно ст. 35 того же правового акта, должностные лица, получившие заключение Уполномоченного, обязаны в месячный срок рассмотреть их и о принятых мерах сообщить ему в письменной форме. Несмотря на данную норму, на практике не всегда органы государственной власти, органы местного самоуправления в лице должностных лиц прислушиваются к рекомендациям Упол-

номоченного [4, с. 324]. Это, на наш взгляд, обусловлено минимальной административной ответственностью должностных лиц за неисполнение требований Уполномоченного. В частности, размер административного штрафа составляет до трех тысяч рублей. На наш взгляд, данное наказание к должностным лицам является слишком мягким, поэтому размер штрафа законодателю целесообразно проиндексировать.

Для повышения уровня защиты нарушенных прав и свобод граждан необходимо ужесточить ответственность органов государственной власти, должностных лиц за воспрепятствование деятельности Уполномоченного. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно ввести такой вид наказания, как дисквалификация, и дополнить санкцию ст. 17.2 Федерального закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ, частью 4 следующего содержания:

«4. Повторное совершение административного правонарушения в течение года, предусмотренного частью 2 настоящей статьи, - влечет дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года.»

Несмотря на то, что Уполномоченный наделен широкими полномочиями по защите прав и свобод человека и гражданина, имеется целый комплекс проблем, которые

Фантров П. П.

Дубровина А. Н.

потенциально понижают эффективность реализации им правозащитной функции. Одной из таких проблем является отсутствие у Уполномоченного права законодательной инициативы. Согласно Закону, Уполномоченный вправе лишь обращаться к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и дополнении действующего законодательства в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Данная проблема освещена в научной литературе. Так, С. И. Глушкова считает, что отсутствие у Уполномоченного права законодательной инициативы является недостатком, затрудняющим его деятельность [3, с. 199]. Схожую позицию разделяет Н. Ю. Хаманева, указывая на необходимость предоставления Уполномоченному возможности оказывать влияние на правотворческий процесс [6, с. 104]. В этой связи целесообразно законодательно внести соответствующие поправки в Конституцию РФ, которые будут касаться расширения круга субъектов права законодательной инициативы, что значительно бы повысило авторитет Уполномоченного, а также способствовало бы повышению эффективности его деятельности.

Для реализации указанного предложения, на наш взгляд, имеется необходимость внесения поправки в п. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации (только при условии проведения еще одного референдума), изложив в следующей редакции:

«1. Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.»

Кроме того, необходимо изменить п. 2 ст. 31 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», вместо «права обращаться к субъектам законодательной инициативы», закрепить за ним право самой законодательной инициативы, изложив в следующей редакции:

«2) реализовать право законодательной инициативы в Государственной Думе.»

Другой не менее актуальной проблемой в контексте эффективности осуществления Уполномоченным правозащитной функции является отсутствие в ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» обязательных требований о наличии высшего юридического образования, предъявляемых к кандидату на должность Уполномоченного. В юридической литературе, по этому поводу высказалось немало точек зрения. В частности, В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова отмечали, что такой подход российского законодателя не является традиционным, а мировая практика свидетельствует о желательности наличия у омбудсмана юридического образования [2, с. 3]. Мы разделяем позицию М. С. Башимова: «Омбудсманы должны хорошо знать юридические способы защиты прав человека и быть, преимущественно, специалистами в области конституционного права. Весь опыт развития этого института во многих странах мира показывает, что для эффективной работы омбудсмана он должен обязательно иметь высшее юридическое образование. Его деятельность основывается не только на моральном авторитете и опыте, но и квалификации, а высшее юридическое образование является в этом случае необходимым условием» [1, с. 39].

Проанализировав вышеуказанные мнения ученых, мы приходим к умозаключению, что в целях повышения эффективности деятельности Уполномоченного и повышения доверия общества к этой должности целесообразно ужесточить требования, которые предъявляются к кандидатам на

данную должность. Для этого необходимо внести изменения в ст. 6 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», изложив ее в следующей редакции:

«Уполномоченным может быть гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция.»

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что в целях модернизации института Уполномоченного, что способствует повышению его роли в правозащитной деятельности законодателя, необходимо внести ряд изменений:

1. Ужесточить ответственность органов государственной власти, должностных лиц за воспрепятствование деятельности Уполномоченного, закрепив в ст. 17.2 КоАП такой вид наказания, как «дисквалификация», что позволит стимулировать должностных лиц к более ответственному и законному выполнению своих полномочий.

2. Внести изменения в ст. 104 Конституции РФ, включив в число субъектов права законодательной инициативы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по вопросам его ведения, что позволит ему предлагать новые законы и вносить изменения в существующие, если они касаются сферы защиты прав и свобод человека и гражданина.

3. Закрепить в ст. 6 Закона об Уполномоченном требования о наличии высшего юридического образования. Данная рекомендация актуальна, поскольку высшее юридическое образование дает Уполномоченному глубокие знания в различных областях права, что позволит ему принимать компетентные и обоснованные решения по защите прав и свобод граждан. Кроме того, у граждан появится уверенность в том, что их права будут защищены квалифицированным специалистом.

В целом, нормативное закрепление указанных авторских предложений позволит повысить эффективность деятельности и статус Уполномоченного, обеспечить более качественную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Башимов М. С. Некоторые проблемы совершенствования законопроекта об омбудсмене Казахстана // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2007. – № 4.
2. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Институт уполномоченного по правам человека в России // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. – 1997. – № 2.
3. Глушкова С. И., Палкина Н. В. Общественный контроль в современной России: основные направления и проблемы развития // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 2.
4. Плуталов И. Ю. Предложения по совершенствованию института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 3.
5. Хаманева Н. Ю. Институт уполномоченного по правам ребенка: проблемы развития и совершенствования // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 5.

ЯРИКОВ Махач Мурзадинович,

магистрант 2 года очной формы обучения Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

РАДЖАБОВА Эмилия Шахабутиновна

кандидат юридических наук, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА С ВЕТВЯМИ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Научная статья посвящена анализу проблемы взаимодействия института президента с ветвями власти в российской правовой системе. В статье осуществляется комплексный анализ конституционных основ разделения властей, полномочий президента и его влияния на исполнительную, законодательную и судебную ветви власти. Особое внимание уделяется выявлению факторов, способствующих эффективному или неэффективному взаимодействию между этими институтами, а также выявлению проблемных аспектов, таких как возможность злоупотребления властью, ограничения независимости судебной системы и паралич в системе принятия решений. На основе анализа предлагаются рекомендации и пути решения указанных проблем с учетом конституционных норм, международных стандартов и практики других государств.

Ключевые слова: взаимодействие, президент, ветви власти, правовая система, конституция, разделение властей, полномочия, независимость судебной системы, гражданское общество, российская политика.

YARIKOV Makhach Muradinovich

magister student of the 2nd year of full-time study of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

RADZHABOVA Emilia Shahabutinovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University Makhachkala

THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN THE INSTITUTION OF THE PRESIDENT AND THE BRANCHES OF GOVERNMENT IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

The scientific article is devoted to the analysis of the problem of interaction between the institute of the president and the branches of government in the Russian legal system. The article provides a comprehensive analysis of the constitutional foundations of the separation of powers, the powers of the president and his influence on the executive, legislative and judicial branches of government. Particular attention is paid to identifying factors contributing to effective or ineffective interaction between these institutions, as well as identifying problematic aspects such as the possibility of abuse of power, limitations on the independence of the judicial system and paralysis in the decision-making system. Based on the analysis, recommendations and solutions to these problems are proposed, taking into account constitutional norms, international standards and practices of other states.

Keywords: interaction, president, branches of government, legal system, constitution, separation of powers, powers, independence of the judicial system, civil society, Russian politics.

Проблема взаимодействия института Президента и ветвей власти в российской правовой системе выступает как квинтэссенция проблемы, определяющей динамику управления, распределение власти и реализацию демократических принципов в Российской Федерации. Уходящий корнями в запутанные рамки конституционного права, политической теории и исторического контекста, этот вопрос воплощает в себе сложное взаимодействие институциональных ролей, конституционных мандатов и социально-политических сил.

В основе этого вопроса лежит уникальное конституционное устройство Российской Федерации, которое определяет полупрезидентскую систему, характеризующуюся двойной исполнительной властью, состоящей из Президента и Правительства. Президент, как глава государства и должностное лицо высшего ранга, обладает значительными полномочиями, начиная от назначения ключевых правительственных чиновников и заканчивая формированием внешней политики. Одновременно правительство, возглавляемое премьер-министром, осуществляет исполнительную власть и надзор за реализацией политики и законов.

В этих рамках взаимодействие между Президентом и ветвями власти, а именно законодательной (Федеральное собрание) и судебной ветвями власти, имеет важное значение для эффективного функционирования государства и поддержания системы сдержек и противовесов. Однако разграничение полномочий и механизмы сотрудничества и разрешения конфликтов были предметом дискуссий, эволюции, а иногда и разногласий.

Один из ключевых аспектов этого взаимодействия относится к законодательному процессу. В то время как Федеральное собрание, состоящее из Государственной Думы и Совета Федерации, несет основную ответственность за законотворчество, Президент сохраняет значительное влияние благодаря праву вето и законодательной инициативе. Такая динамика требует сотрудничества и переговоров между исполнительной и законодательной ветвями власти для принятия законов, которые отражают интересы как правительства, так и законодательной власти, а также служат более широкому общественному благу.

В рамках российской правовой системы институт президента занимает особое место и обладает значительными полномочиями, которые во многом определяют ход политических процессов в стране. Президент Российской Федерации является главой государства и высшим командующим Вооруженными Силами, а также осуществляет ряд других важных функций, включая утверждение законов, назначение высших должностных лиц и руководство внешней политикой. Таким образом, президент обладает значительным влиянием на все сферы жизни общества и государства.

Однако, несмотря на широкие полномочия президента, важно подчеркнуть, что в рамках российской конституционной системы существует принцип разделения властей, согласно которому власть распределена между тремя основными институтами: исполнительной, законодательной и судебной. Этот принцип направлен на предотвращение концентрации власти в руках одного органа и обеспечение контроля и баланса между ними.

Президент активно взаимодействует с другими ветвями власти, что не только включает совместное выполнение общих задач, но и создает систему контроля и баланса – распределение полномочий между государственными органами, позволяющее им взаимно ограничивать друг друга [4, с. 7].

Полномочия Президента в отношении парламента РФ – законодательного органа – определены в статье 84 Конституции. Президент участвует в законодательном процессе, обладая правом законодательной инициативы, не ограниченными теми вопросами, которые могут быть представлены Конституционным и Верховным Судом. Кроме того, Президент подписывает и публикует федеральные законы, принятые Федеральным Собранием, и имеет право вето, что позволяет ему отклонить закон, не подписав его, и вернуть его на повторное рассмотрение законодательного органа. Это один из способов, которыми Президент влияет на Федеральное Собрание в рамках системы контроля и баланса в разделении властей [4, с. 8].

Отсутствие четкого перечня оснований для применения президентского права вето вызывает логичные вопросы о целях этого механизма. Идеально, отклонение федерального закона Президентом должно служить защите от некачественных, поспешно принятых или несвоевременных законов, тем самым воздействуя на работу парламента. Однако, практика показывает, что отсутствие явного списка оснований для отказа в подписании закона дает Президенту практически неограниченную возможность блокировать законодательные инициативы по чисто политическим или иным мотивам, иногда без объективных причин [4, с. 8].

При отказе в подписании закона Президент должен предоставить обоснование своего решения и сообщить его обеим палатам Федерального Собрания в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 года № 10-П. Однако отсутствие законодательно закрепленного перечня оснований для вето означает, что Президент иногда может воспользоваться этим правом в расширительной интерпретации, руководствуясь не только правовыми соображениями.

Законодательные органы в ответ могут принять замечания Президента и внести коррективы в законопроект, либо проигнорировать его замечания и повторно проголосовать за ранее принятую редакцию закона большинством голосов общего числа членов Федерального Собрания, таким образом преодолевая вето Президента. Это позволяет законодательной власти контролировать воздействие Президента в рамках системы контроля и баланса. Кроме того, в рамках законодательного процесса Президент может выступать как субъект законодательной власти, издавая указы. Хотя полный перечень вопросов, по которым Президент может издавать указы, не содержится в Конституции РФ, он определен в Распоряжении Президента Российской Федерации от 05.02.1993 г. № 85-рп.

Помимо вопросов, урегулированных в указе Президента, некоторые важные аспекты предусмотрены отдельными нормативными актами. Например, Президент имеет эксклюзивное право вводить военное положение только на основании своего указа. При анализе положений Конституции становится ясно, что логичным было бы установить, что Президент использует указы для осуществления своих конституционных полномочий. Например, указ о назначении Председателя Правительства, указ о введении военного и чрезвычайного положения, указ о проведении выборов депутатов Государственной Думы и другие важные меры могли бы быть урегулированы прямо через указы Президента.

Кроме того, Президент может издавать указы по вопросам, требующим законодательного урегулирования, если такие указы не противоречат Конституции и федеральным законам, и их действие ограничено временем до принятия соответствующих законодательных актов. Подобная позиция подтверждается Постановлением Конституционного Суда РФ, который указывает на роль Президента в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов.

Однако некоторые эксперты, включая судью Конституционного Суда РФ В. О. Лучина, считают, что такой подход может привести к неправильному распределению полномочий, когда Президент выходит за рамки своих функций и фактически принимает на себя роль законодателя. Лучин отмечает, что Президент должен стремиться к согласованно-

сти и взаимодействию между государственными органами, а не замещать их. Таким образом, использование указов для замещения законов может считаться неоправданным вмешательством в функции законодательной власти. Тем не менее, следует учитывать, что указы Президента обеспечивают оперативную реакцию на кризисные и чрезвычайные ситуации, когда парламент не в состоянии быстро принять соответствующие законы из-за сложности процесса их разработки и принятия.

В контексте взаимодействия президента с ветвями власти в России часто возникают ряд проблем и вызовов. Одной из основных проблем является возможность злоупотребления властью и нарушения принципов конституционной системы. Например, президент может использовать свои полномочия для подавления оппозиции или ограничения деятельности других ветвей власти, что может привести к нарушению прав и свобод граждан и дестабилизации политической ситуации в стране.

Кроме того, важным аспектом является эффективность работы ветвей власти и их способность к самостоятельному принятию решений. Если президент слишком доминирует над другими институтами, это может привести к параличу в системе принятия решений и замедлению темпов реформ и развития.

В контексте российской правовой системы также существует проблема ограниченной независимости судебной власти. Несмотря на то, что конституция гарантирует независимость судей, на практике существует ряд факторов, которые могут оказывать давление на судебную систему и влиять на принятие судебных решений. Это может затруднять функционирование системы контроля и баланса власти.

Для решения проблемы взаимодействия института президента с ветвями власти в российской правовой системе требуется комплексный подход, который включает в себя как изменения в конституционном строе и законодательстве, так и культурные и институциональные изменения. Например, можно усилить роль парламента и судебной системы, а также обеспечить большую прозрачность и открытость в процессе принятия решений.

Кроме того, важно развивать гражданское общество и механизмы общественного контроля за властью, чтобы обеспечить ответственность и прозрачность деятельности всех органов государственной власти. Только таким образом можно обеспечить стабильное и устойчивое развитие правового государства, в котором гарантируются права и свободы всех граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов О. К. Особенности взаимодействия Президента РФ с федеральными органами государственной власти РФ // Проблемы модернизации современного российского государства: Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 23-24 мая 2019 года / Отв. ред. Г. А. Иванцова. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2019. – С. 138-143.
2. Гаңдалоева Р. А. Взаимодействие Президента Российской Федерации с органами государственной власти // Актуальные вопросы современной науки: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Пенза, 10 июня 2023 года. Том Часть 2. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. – С. 274-276.
3. Жулидова П. А. Проблема полномочий президента и общественно-политического развития России // Актуальные вопросы современной науки и образования: Материалы Научной сессии 2022 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ», Борисоглебск, 01–30 апреля 2022 года. – Москва: Издательство «Перо», 2022. – С. 116-120.
4. Кашин И. А. Взаимодействие Президента Российской Федерации с ветвями власти: проблемы и перспективы взаимодействия // Большая юридическая конференция: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 августа 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 7-12.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-172-176

ШАХМУРАДОВ Андрей Рауфович

аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПРЕЗИДЕНТАЛИЗМ

В доктрине современного конституционного права ведутся дискуссии о соотношении конституционализма, парламентаризма и президентализма. Зачастую парламентаризм называется неотъемлемой частью конституционализма, а президентализм противопоставляется обеим категориям. Тем не менее, в науке права имеется и иное воззрение. Президентализм представляется альтернативой господству законодательной власти в рамках выверенной и проверенной временем системы сдержек и противовесов между органами разных ветвей государственной власти, а сам президент называется наиболее близким к принципу народовластия государственным органом.

Ключевые слова: конституционализм, президентализм, парламентаризм, принцип разделения властей, система сдержек и противовесов, конституционная демократия, исполнительная власть, законодательная власть.

SHAKHMURADOV Andrey Raufovich

postgraduate student of Constitutional law and constitutional proceedings sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

CONCERNING THE INTERRELATION OF CATEGORIES CONSTITUTIONALISM, PARLIAMENTARISM AND PRESIDENTIALISM

The doctrine of modern constitutional law discusses the relationship between constitutionalism, parliamentarism and presidentialism. Parliamentarism is often called an integral part of constitutionalism, and presidentialism is opposed to both categories. Nevertheless, there is a different doctrinal view. Presidentialism seems to be an alternative to the prevalent role of the legislature, but only within the frameworks of a verified and time-tested system of checks and balances between bodies of different branches of government, and the president himself is called the state body closest to the principle of democracy.

Keywords: constitutionalism, presidentialism, parliamentarism, the principle of separation of powers, the system of checks and balances, constitutional democracy, executive power, legislative power.

Вопрос о соотношении конституционализма и парламентаризма до сих пор является актуальным в доктрине конституционного права с той точки зрения, что часть исследователей всецело рассматривает парламентаризм в качестве неотъемлемого элемента конституционализма, а другая часть считает парламентаризм и конституционализм существующими параллельно независимыми категориями. Конституционализм при этом понимается как особая политико-правовая категория, включающая в себя основополагающие принципы конституционной демократии, такие как верховенство права, конституционный порядок, признание и защита основных прав и свобод человека и гражданина, разделение властей и народный суверенитет. Иначе говоря, конституционализм представляет собой и набор неких теоретических представлений о демократическом правовом государстве, и реализацию этих представлений на практике¹.

На эту двойственную природу конституционализма указывал в своей монографии и О. Е. Кутафин, писав: «Представляется, что понятие конституционализм можно рассматривать, с одной стороны, как теоретическую доктрину, связанную с представлением о справедливом, демократическом государстве, соответствующем природе человека, а с другой стороны, как государственный строй, созданный в соответ-

ствии с этой доктриной...» [2]. Вместе с тем остается дискуссионным вопрос об основных элементах конституционализма, то есть о тех ценностях, принципах и постулатах, которые являются неотъемлемыми атрибутами конституционализма. Безусловно, существует определенный консенсус, позволяющий без сомнения отнести к категории конституционализма, например, обязательное признание и защиту государством общепризнанных прав человека и свобод, но большая часть иных элементов продолжает оставаться спорной. В то же время конституционализм нередко рассматривается исключительно с точки зрения ценностного подхода, иначе называемого аксиологическим. Так, Умнова И.А. отмечает, что «с позиции аксиологии современный конституционализм представляет собой совокупность ценностей – идей и принципов формирования и функционирования государственного и общественного строя, сформулированных, как правило, в основных законах государств – конституциях – в виде основ конституционного строя, наличие которых объективно необходимо для обеспечения гуманизма, верховенства права, демократии и самоуправления в осуществлении публичной власти и общественной жизни; широты прав и свобод человека и гражданина, гарантирующих достойную и свободную жизнь личности...» [4]. Безусловно, ценностный подход в значительной степени выражает сущность конституционализма, являющегося по большей части совокупностью конституционно-значимых ценностей, принципов и воззрений, однако для полного и всестороннего определения конституционализма подобного подхода будет недостаточно. Конституционализм также включает в себя такие, например, далекие от

¹ Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 393. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/avakyan_sa_konstitucionnyj_leksikon/?ysclid=lq19xebp3a334375053.

ценностной ориентации правовые категории, как конституционный порядок, представляющий собой подчиненность всей политико-правовой действительности в стране нормам конституции. В данном случае говорить о ценностном подходе вряд ли рационально; гораздо правильнее склоняться к применению этики юридического позитивизма.

Что касается парламентаризма, то его признание в качестве одного из элементов конституционализма зачастую обосновывается приверженностью значительного числа конституционалистских государств привилегированной роли представительных органов. Традиционно это оправдывается большей независимостью законодательных органов при принятии решений, невозможностью узурпации парламентом всей полноты государственной власти в силу собственной неоднородности и внутреннего противоборства разных политических сил внутри. С одной стороны, такое суждение можно назвать справедливым и обоснованным: парламент по своей сути наилучшим образом демонстрирует диалектический закон единства и борьбы противоположностей, поскольку единый государственный орган состоит в то же время из противостоящих друг другу политических фракций, представителей и даже палат (в случае бикамерализма). С другой стороны, принцип разделения властей и механизм сдержек и противовесов не предполагает сосредоточения значительных государственно-властных полномочий в рамках какого-либо органа вообще, включая парламент, поскольку это может негативно сказаться в том числе и на эффективности осуществления полномочий органами иных ветвей власти.

Парламентаризм вообще представляется довольно дискуссионным понятием, поскольку подходы к его определению настолько различны, что вывести универсальную формулировку в действительности сложно. Тем не менее, отечественные правоведы склоняются к тому, что в наиболее общем виде парламентаризм это особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка [1]. В приведенной формулировке присутствуют два элемента конституционализма – верховенство закона и разделение властей. Однако имеется также и совершенно, казалось бы, не характерная для конституционализма особенность – ведущая роль парламента. Если попытаться разобраться в том, что представляет из себя эта особенность, то возникает необходимость анализа полномочий, функций и роли парламента в каждой отдельной правовой системе. При этом, следуя логике, закрепление такого привилегированного положения законодательного органа должно иметь какую-то конституционно значимую цель. В качестве такой цели, к примеру, Шульженко Ю. Л. обозначает «реализацию конституционно закрепленного полновластия народа» [5]. В действительности, парламент, являясь выборным коллегиальным представительным органом, хорошо подходит на роль наиболее эффективного выразителя воли народа. Тем не менее, избираемый на демократических выборах президент тоже выражает полновластие народа, несет ответственность перед ним и действует в его интересах, хоть и не обладает коллегиальностью. Предположительно, предоставление ведущей роли парламенту в отечественной доктрине обосновывается вполне разумными опасениями перед исполнительной властью, традиционно склонной к злоупотреблению полномочиями, присвоению государственной власти и произволу.

В то же время в западной доктрине права существует и гораздо более практичное воззрение на парламентаризм. Так, парламентаризм можно обозначить как систему, при которой правительство подотчетно законодательному органу. При этом правительство должно хотя бы пользоваться доверием законодательного органа, но совершенно не обязательно прямо поддерживаться им. Если же правительство не пользуется доверием законодательного органа, то оно может быть отправлено им в отставку [8].

Подобный подход вряд ли выдерживает какую-либо адекватную критику. В Российской Федерации, как известно, в соответствии со статьей 83 Конституции назначение Председателя Правительства Российской Федерации осуществляет Президент Российской Федерации при утверждении кандидатуры Государственной Думой. При этом в соответствии с положениями статьи 117 Конституции РФ выражение недоверия Правительству РФ Государственной Думой не означает его отставку – решение об отставке Правительства в этом случае принимает Президент, который может не отправлять Правительство в отставку, а распустить Государственную Думу. В случае двукратного выражения недоверия (или двукратного отказа в доверии) Президент обязан действовать также по своему усмотрению: либо отправить Правительство в отставку, либо распустить Государственную Думу². Тем не менее, оставление за Президентом РФ полномочий по окончательному решению вопроса об отставке Правительства не означает и не может означать отсутствие в российском государственном механизме парламентаризма. Российский парламент обладает широкими полномочиями в сфере парламентского контроля, который реализуется в том числе путем взаимодействия с Уполномоченным по правам человека, проведения парламентских слушаний и парламентских расследований, взаимодействия со Счетной палатой, направление своих представителей в иные органы государственной власти и проведение парламентских слушаний³. Наличие дополнительных полномочий, прямо не связанных с законотворческой деятельностью, а направленных на контроль за исполнением иными органами власти законодательства – именно это и определяет ведущую роль парламента.

Безусловно, вопрос о разграничении полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти является первостепенным не только для принципа разделения властей, механизма сдержек и противовесов, но также и для определения парламентаризма как такового. Остается актуальным вопрос о том, какие полномочия парламента по контролю за органами исполнительной власти являются допустимыми для эффективного функционирования механизма государства. Иначе говоря, какой объем дополнительных полномочий парламента возможен без ухудшения эффективности органов исполнительной власти?

Вероятно, ответ на этот вопрос кроется в понимании принципа разделения властей. Как было сказано ранее данный принцип является неотъемлемым элементом современного конституционализма. Однако универсальной системы эффективного разделения властей и разграничения полномочий между отдельными органами разных ветвей власти, разумеется, не существует. Тем не менее, в доктрине конституционного права так или иначе утвердились некие представления о том, какие, к примеру, полномочия тради-

2 Конституция Российской Федерации. Ст. 83. Ст. 117.

3 Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О парламентском контроле». Ст. 5.

ционно закрепляются за парламентом. Так, к полномочиям законодательной ветви власти относится как и законотворчество, так и контроль за исполнительной властью. Кроме того, законодательный орган вполне способен вполне эффективно принимать отдельные решения по вопросам, которые не допускают технического разрешения. Также, по мнению зарубежных правоведов, вполне целесообразно предоставлять парламенту право блокировать действия органов исполнительной власти и отменять их нормативно-правовые акты, однако нецелесообразно предоставлять парламенту право определять, какие действия надлежит предпринимать органам исполнительной власти в каждом конкретном случае [7]. Из этого следует, что роль парламента в системе разделения властей значительно шире его законотворческих и кадровых полномочий. Парламент, являясь наиболее ярким выразителем воли народа и представляя интересы широкого круга лиц, ответственен в том числе за контроль над действиями органов исполнительной власти, потому парламент может и должен обеспечить функционирование правительства исключительно в интересах народа. Полномочия же по контролю парламента за органами исполнительной власти не должны на этом основании считаться чрезмерными и ограничивающими, а ведущая роль парламента закономерно проистекает из его первостепенной важности для любого государства, разделяющего принципы и ценности конституционализма.

Кроме того, в вопросе определения границ законодательной власти закономерно поднимается вопрос о допустимости наличия у законодательного органа не только прямо предусмотренных конституцией полномочий, но и полномочий подразумеваемых. То есть, иначе говоря, таких полномочий, которые прямо не приводятся в положениях конституции, но следуют из толкования ее норм. К примеру, в Конституции США существует положения о так называемых «необходимых и уместных законах», представленное в последнем параграфе восьмого раздела статьи I. В соответствии с этим положением Конгресс уполномочен принимать любые законы, необходимые и уместные для реализации его полномочий, а также полномочий, закрепленных Конституцией за федеральным правительством, либо департаментом, либо должностным лицом⁴. Вопрос толкования этой конституционно-правовой нормы был затронут в одном из наиболее ранних решениях Верховного суда США – *McCulloch v. Maryland* (1819 г.). В данном деле решался вопрос об учреждении Конгрессом Второго банка США, начавшего свою деятельность в том числе в штате Мэриленд. Законодательное собрание попыталось обложить банк налогом, однако банк отказался действовать в соответствии с предписанием закона штата, сославшись на свой правовой статус федерального учреждения. Штат оспорил в суде конституционность учреждения такого банка, аргументируя свою позицию отсутствием прямо предусмотренных Конституцией полномочий Конгресса на создание банков. Верховный суд отверг аргументы представителей Штата, обосновав свою позицию действием положения о «необходимых и уместных законах», дающих Конгрессу полномочия принимать любые законы, необходимые для исполнения федеральным правительством возложенных на него полномочий. При этом термин «необходимые», по мнению Верховного суда, должен пониматься намного шире, он не может обязывать Конгресс принимать только те законы, что абсолютно необходимы, и без которых

реализация конституционных полномочий федерального правительства попросту невозможна. Конгрессу оставляется на усмотрение решать вопрос о необходимости принимаемых законов, если такие законы в принципе уместны и соответствуют положениям Конституции в целом⁵. Подобная позиция Верховного суда имела существенное значение в определении роли законодательной власти и последующем развитии парламентаризма в США. Неограниченная компетенция парламента, можно сказать, является одним из ключевых факторов развития парламентаризма, упрочения авторитета и роли парламента в государстве. Тем не менее, широкие полномочия законодательной власти могут использоваться для необоснованного вмешательства в дела исполнительной власти, создания ненужных препятствий для эффективного государственного управления.

Интересно, что в контексте конституционализма и в качестве некоего противопоставления парламентаризму исследователи нередко выделяют такую категорию, как президентализм. В рамках общепринятого понимания под президентализмом понимается такая система организации высших органов государственной власти с учетом принципа разделения властей, при которой значительный объем полномочий в сфере исполнительной власти предоставляется демократически избранному президенту⁶. Тем не менее, как было ранее сказано, наделение президента чрезмерными полномочиями может привести к опасным последствиям, в частности, ко сосредоточению всей полноты государственной власти в руках одного лица. Следовательно, даже в рамках президентализма необходимо действовать исключительно осмотрительно, опираясь на выверенную систему сдержек и противовесов и исключая предоставление президенту излишних инструментов воздействия на иные ветви власти, в частности, на законодательную.

В подтверждение разумного развития президентализма высказывался и Верховный суд США в своих решениях. Так, в деле *CFPB v. Seila Law LLC* суд выступил в пользу защиты полномочий Президента США, предусмотренных второй статьей Конституции США. Суть самого дела состояла в следующем: ранее, в 2008 году, Конгресс создал специализированное агентство, ответственное за обеспечение прозрачности и безопасности потребительских кредитов. В принятом акте, касающемся в том числе учреждения нового органа, было предусмотрено, что руководство агентством осуществляет директор, срок полномочий которого превышает срок полномочий Президента, при этом Президент не может освободить от должности директора, кроме случаев освобождения с должности за неэффективность, небрежность и должностные правонарушения. Введение подобных законодательных ограничений, вероятно, было обусловлено политической борьбой, поскольку подобный порядок отстранения в значительной мере ограничивал кадровые полномочия вновь избранного Президента в отношении агентства.

Агентство, осуществляя свои регулятивно-контрольные функции, вызвало волну возмущений со стороны представи-

5 *McCulloch v. Maryland*, 17 U.S. 4 Wheat. 316 316 (1819) // Сайт Верховного суда США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/17/316/#tab-opinion-1918127>.

6 Scott Mainwaring. *Presidentialism, multiparty systems, and democracy: the difficult equation*. Working paper #144 -// The Hellen Kellogg Institute for International Studies. September 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/144_o.pdf.

4 Конституция США 1787 г. Ст. I.

телей частных организаций, столкнувшихся с многочисленными штрафами за нарушение Акта о реформе Уолл Стрит и защите прав потребителей (2010). В попытке преодолеть давление фактически независимого агентства частные лица (включая истца по делу – Seilla Law LLC) попытались оспорить конституционность положений, запрещающих Президенту увольнять директора агентства по своему усмотрению. Федеральные суды первой и апелляционных инстанций не нашли в оспариваемых правовых нормах противоречия второй статье Конституции США. Тем не менее, Верховный суд занял прямо противоположную позицию.

В своем решении Верховный суд в лице председателя Джона Робертса отметил, что отцы-основатели сделали Президента наиболее близким к принципу народовластия и наделили наибольшей политической ответственностью в сравнении с прочими государственными органами национального правительства. В соответствии со второй статьей Конституции США всей полнотой исполнительной власти наделяется Президент, но в то же время Конституция презюмирует, что нижестоящие органы исполнительной власти и должностные лица будут помогать Президенту в исполнении возложенных на него полномочий. При этом полномочия президента как главы исполнительной власти включают в себя контроль и, если необходимо, отстранение должностных лиц, которые, по своей сути, лишь осуществляют полномочия, первоначально вверенные Президенту. Верховный суд прямо отверг аргументы о допустимости ограничения Конгрессом полномочий Президента по снятию с должности директора независимого агентства. Так, по мнению *amicus curiae*, реализация Президентом таких полномочий является исключением, а не общим правилом, что подтверждается в судебном решении по делу *Humphrey's Executor v. United States*. Тем не менее, Верховный суд принял прямо противоположную позицию, сославшись на положения второй статьи Конституции США и заявив, что снятие с должности директора независимого агентства является конституционной прерогативой Президента, подтвержденной предшествующей судебной практикой. Что касается приведенного *amicus curiae* в качестве примера судебного прецедента, то в этом деле, по мнению суда, независимое агентство однозначно не относилось к исполнительной ветви власти, о чем позволяют судить характер и сущность компетенции этого органа⁷.

В вышеприведенном судебном деле суд, можно сказать, прямо высказался против необоснованных ограничений полномочий президента. Если бы суд руководствовался исключительно теми представлениями, что господствуют в доктрине и концепции парламентаризма, то он бы, безусловно, согласился с тем, что Конгресс действует не в нарушение положений статьи второй Конституции США, запрещая Президенту без формально определенных оснований увольнять директора агентства а исключительно в рамках собственных конституционных полномочий, в попытке реализовать ту самую ведущую роль законодательного органа, которая является неотъемлемым элементом парламентаризма. Однако суд вполне прямо и очевидно выразил свою поддержку полномочиям Президента как независимого и самостоятельного органа исполнительной власти, осуществляющего в соответствии с Конституцией руководство иными органами исполнительной власти. Полномочия Президента как главы

исполнительной власти, в том числе контроль за иными нижестоящими органами, являются частью системы сдержек и противовесов в рамках реализации принципа разделения властей. Таким образом, суд сделал существенный шаг в сторону ограниченного конституционного президентализма.

Иные дела из практики Верховного суда еще в большей степени свидетельствуют, что зачастую при разрешении споров между органами государственной власти суд так или иначе встает на сторону Президента. К примеру, в случае рассмотрения дел, касающихся так называемой «доктрины существенных вопросов» (правовая доктрина, в соответствии с которой суд при толковании положений закона никогда не презюмирует делегирование Конгрессом наиважнейших полномочий органам исполнительной власти), суд нередко закрывает глаза на ощутимую, почти очевидную, вовлеченность Президента в фактическое руководство теми независимыми агентствами, делегирование полномочий которым оспаривается⁸.

Тем не менее, Верховный суд США при принятии решений, безусловно, не стремится наделить Президента чрезмерными полномочиями, или лишить Конгресс возможности осуществлять контроль за органами исполнительной власти, включая независимые агентства, поскольку риски наделения главы исполнительной власти и главы государства излишними полномочиями вполне очевидны. Правильнее будет заметить, что суд лишь пытается защитить Президента как важнейший элемент системы сдержек и противовесов, сохранить тот конституционно-правовой смысл должности Президента, что был заложен еще отцами основателями. Президент, в наибольшей степени являющийся выразителем народной воли, должен быть огражден от чрезмерного контроля со стороны парламента, поскольку этот контроль может в значительной мере подорвать эффективность исполнительной власти, уменьшить ее возможности действовать оперативно и осуществлять контроль за нижестоящими органами без оглядки на мнение законодательного органа, чрезмерно политизированного и чаще всего не имеющего единства.

Схожий подход выявляется и в конституционно-правовом регулировании Российской Федерации. Президент России хоть формально и не является главой исполнительной власти, все же существенно вовлечен в руководство деятельностью органов исполнительной власти. Так, в соответствии с Конституцией РФ Президент своим указом и по предложению Председателя Правительства утверждает структуру органов исполнительной власти, определяет те органы, руководство которыми он осуществляет сам⁹. Соответственно, из положений Конституции прямо следует, что Федеральное собрание не может (кроме как путем принятия Закона о поправке к Конституции) ограничить право Президента не только осуществлять руководство деятельностью подчиненных органов исполнительной власти, назначать на должность и освобождать от нее руководителей таких органов, но и определять саму структуру органов исполнительной власти, в том числе учреждать новые органы. При этом полномочия и задачи органа исполнительной власти, руководство которой осуществляет Президент, определяются в Положении об

7 *Seilla Law LLC v. Consumer Financial Protection Bureau*, 591 U.S. (2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/591/19-7/>.

8 Jed H. Shugerman & Jodi L. Short, *Major Questions About Presidentialism: Untangling the «Chain of Dependence» Across Administrative Law* (2023). P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scholarship.law.bu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4586&context=faculty_scholarship.

9 Конституция Российской Федерации. Ст. 83.

органе, утверждаемом Указом Президента. Так, например, в соответствии с Указом Президента определен перечень вопросов, отнесенных к ведению Министерства юстиции РФ, поскольку руководство деятельностью министерства осуществляет Президент¹⁰.

Безусловно, это не означает и не должно означать отсутствие контроля со стороны парламента за исполнительной властью. В отечественной доктрине конституционного права справедливо отмечается, что одним из требований, которым должен отвечать конституционализм как доктрина государственного строительства, является ответственность исполнительной власти перед высшим законодательным органом [3]. И, если проанализировать положения Конституции Российской Федерации, можно с уверенностью сказать, что механизм подобной ответственности и участия законодательной власти в формировании органов исполнительной власти в положениях Конституции закреплен. Прежде всего, как было отмечено ранее, Государственная дума участвует в формировании Правительства путем выражения своего согласия или несогласия с кандидатурой Председателя Правительства, а также путем утверждения кандидатур заместителей Председателя Правительства и федеральных министров, представляемых Председателем Правительства¹¹. Кроме того, Государственная дума и Совет Федерации вправе осуществлять парламентский контроль за органами исполнительной власти¹².

Защита президента от чрезмерного контроля со стороны парламента основывается на представлении о президенте как о наиболее важном элементе современного демократического государства, осуществляющем наиважнейшие функции и представляющем весь народ государства в одном лице. И если парламента, как было сказано выше, представляет интересы народа как совокупности разных политических групп, зачастую противопоставленных друг другу, то президент является неким объединяющим элементом, представителем всей нации в целом. Из этого следует, что попытка оградить избранного всенародного представителя от необоснованного давления со стороны законодательной власти не противоречит самой сути конституционализма, если под этим предлогом президент не наделяется излишними полномочиями.

Соответственно, ограниченный конституционной президентализм и парламентаризм как принципы равноценны в отношении конституционализма. Законодатель, выражающий волю суверена, народа, при определении основ конституционного строя и системы сдержек и противовесов волен выбирать между президентализмом и парламентаризмом, если создаваемый им механизм эффективно препятствует сосредоточению всей полноты государственной власти в рамках одной из ее ветвей. Из этого следует, что конституционализм как особая политико-правовая категория, свойственная большинству развитых демократических государств, может включать в себя как и парламентаризм, так и ограниченный конституционный президентализм.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова А. И., Витушкин В. А., Власенко Н. А. и др. Парламентское право России. Монография. // Издание Государственной Думы, 2013. 400 с.
2. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М: Норма, 2008. С. 380-381.
3. Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, с. 181: монография / Под общ. ред. В. В. Комаровой; отв. ред. О. С. Рыбакова. Москва: Проспект, 2023. 608 с. ISBN 978-5-392-39249-0
4. Умнова И. А. Современные подходы, концепции и доктрины конституционализма // Современный конституционализм. Теория, доктрина и практика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований Отд. правоведедения; РАН, Отд. Конституционно-правовых исследований; отв. ред. Е. В. Алферова, И.А. Уменова. М., 2013. С. 31.
5. Шульженко Ю. А. Понятие «Парламентаризм» в современной отечественной науке // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 5 (63). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-parlamentarizm-v-sovremennoy-otechestvennoy-nauke>.
6. Constitutional law / Erwin Chemerinsky, Dean and Jesse H. Choper Distinguished Professor of Law, University of California, Berkeley School of Law. Sixth edition. New York: Wolters Kluwer, 2020] ISBN 9781543813074.
7. Fellman D. (1975). The Separation of Powers and the Judiciary // The Review of Politics, 37 (3), 357-376. doi: 10.1017/S0034670500024463.
8. José Antonio Cheibub & Bjørn Erik Rasch (2022). Constitutional parliamentarism in Europe, 1800-2019 // West European Politics, 45:3, 470-501, DOI: 10.1080/01402382.2020.1870841.

10 Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 (ред. от 09.10.2023) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации»).

11 Конституция Российской Федерации. Ст. 112.

12 Конституция Российской Федерации. Ст. 103.1.

БЫШКОВ Павел Анатольевич

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, доцент Высшей школы управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АРКТИКИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья посвящена исследованию привлекательности северного и восточного регионов России и правовым инструментам их развития. Описываются основные меры и институты, созданные для стимулирования инвестиций и социально-экономического развития региона. Рассматриваются преференциальные режимы и специальные административно-правовые режимы, а также правовые акты, направленные на регулирование развития региона. Статья также содержит анализ вызовов и перспектив развития Арктики и Дальнего Востока с точки зрения правового регулирования.

Ключевые слова: Арктика, Дальний Восток, преференциальные режимы, правовое регулирование административно-правовых режимов, инвестиции, правовое обеспечение экономического роста, международное сотрудничество.

BYSHKOV Pavel Anatoljevich

Ph.D. in Law, Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Higher School of Management of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC AND THE FAR EAST

The article is devoted to the study of the attractiveness of the northern and eastern regions of Russia and the legal instruments for their development. The main measures and institutions created to stimulate investment and socio-economic development of the region are described. Preferential regimes and special administrative and legal regimes are considered, as well as legal acts aimed at regulating the development of the region. The article also contains an analysis of the challenges and prospects for the development of the Arctic and the Far East from the point of view of legal regulation.

Keywords: the Arctic, the Far East, preferential regimes, legal regulation of administrative and legal regimes, investments, legal support for economic growth, international cooperation.

Для обеспечения благоприятных условий частным инвесторам в Арктике и Дальневосточном регионе созданы различные институты развития, включая Корпорацию развития Дальнего Востока и Арктики и ВЭБ.ДВ. Правительство Российской Федерации, в соответствии с поручениями Президента В. В. Путина, проводит реформы в институтах развития с целью стимулирования инвестиций, которые имеют значительные социально-экономические эффекты.

Одним из важных элементов правового обеспечения развития данного региона являются специальные административно-правовые режимы. К преференциальным режимам относятся несколько специальных режимов, созданных для развития Арктики и Дальнего Востока России.

Территория опережающего социально-экономического развития (ТОР) представляет собой часть территории субъекта Российской Федерации, где действует особый правовой режим для осуществления предпринимательской деятельности. Резиденты таких территорий имеют возможность получить налоговые льготы и административные преференции, а Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики оказывает поддержку при подготовке и реализации инвестиционных проектов, предоставляя землю и инфраструктуру. Всего на данный момент создано 18 ТОР.

Свободный порт Владивосток (СВП) представляет собой территорию, где инвесторы могут воспользоваться особыми режимами таможенного, налогового и административного регулирования. В течение первых пяти лет работы своего бизнеса, они получают налоговые льготы. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики предоставляет помощь и административные преференции. В настоящее время в СВП включены 22 муниципальных образования, насчитывается 2

087 резидентов СПВ, создано 103 887 рабочих мест, а объем инвестиций составляет 1 520 млрд рублей.

КОРФ (Курильские острова Российской Федерации) - специальная территория, на которой предприниматели могут воспользоваться привилегиями, такими как налоговые льготы, сниженные страховые взносы и преимущества в административном порядке. Резиденты КОРФ имеют возможность налоговых льгот в течение 20 лет с получения статуса резидента, а также преимущества по административным вопросам и страховым взносам. В настоящее время на Курильских островах находятся, входящих в данную программу, 3 муниципальных образования и 14 резидентов.

Специальный административный район (САР) представляет собой территорию, на которой действует гибкий налоговый и валютный режим для компаний, которые решают перевести свою деятельность из иностранной юрисдикции в Россию. Перенос юрисдикции осуществляется путем получения статуса международной компании. Иностранное юридическое лицо, являющееся коммерческой корпорацией и принявшее решение изменить свою правовую форму, может стать международной компанией. Резиденты САР имеют право на налоговые льготы в течение первых 5 лет работы своего бизнеса. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики предоставляет помощь и административные преференции. Целями САР являются создание благоприятных финансовых и административных условий для развития бизнеса, привлечение капитала и инвестиций в Россию, деофшоризация экономики страны и развитие инфраструктуры особой административной территории.

Арктическая зона РФ (АЗРФ) является крупнейшей особой экономической зоной в мире, на которой инвесторы

могут воспользоваться специальными налоговыми и административными режимами. Внутри АЗРФ предоставляются налоговые и административные преференции для жителей зоны. В настоящее время АЗРФ включает 9 регионов, имеет 637 резидентов, создано 23 874 рабочих места, а общий объем инвестиций составляет 803 млрд рублей.

Инновационный научно-технологический центр ИНТЦ «Русский» — это специальная территория, которая была создана в соответствии с законом от 29.07.2017 г. № 216-ФЗ [1] с целью развития высокотехнологичного бизнеса на Дальнем Востоке России и продвижения наукоемких продуктов и технологий на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. На этой территории резидентам предоставляются различные налоговые льготы в течение 10 лет после получения статуса резидента, а также другие административные преференции. Также участники проекта получают помощь в продвижении своих наукоемких продуктов и услуг на рынке, а также развитии научно-технического сотрудничества, включая сотрудничество с иностранными организациями.

Правовое регулирование развития Арктики и Дальнего Востока России включает в себя ряд законодательных актов, которые устанавливают основные правила и механизмы для развития этого региона. Эти акты направлены на стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций, создание благоприятного бизнес-климата, решение вопросов межрегионального сотрудничества и содействие социальному развитию этого региона.

Один из ключевых правовых актов, связанных с развитием Дальнего Востока, является специальная программа развития, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» [2]. Она предусматривает ряд особых инвестиционных режимов для привлечения инвестиций в регион. В рамках данной программы планируется развитие транспортной инфраструктуры, строительство жилых и социальных объектов и привлечение инвесторов в секторы нефтегазохимии, добычи полезных ископаемых и другие отрасли экономики. Основными целями программы являются улучшение демографической ситуации, повышение качества жизни населения и прекращение миграционного оттока. В рамках этой программы планируется создание не менее 450 тысяч новых рабочих мест, а также обеспечение доступа к высокоскоростному интернету, телемедицине и дистанционному образованию во всех удаленных населенных пунктах.

Также стоит отметить Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития» [3], который создает правовую основу для развития территорий опережающего развития, в том числе в Арктике и на Дальнем Востоке. Это позволяет привлекать инвестиции и создавать особые экономические зоны с региональными льготами для развития индустриального и социально-экономического потенциала региона.

Создание особых экономических зон и льгот для инвесторов приводит к привлечению новых инвестиций и развитию бизнеса в регионе. Это в свою очередь может способствовать его экономическому росту, созданию новых рабочих мест и улучшению качества жизни его жителей.

Кроме того, такие правовые акты могут иметь влияние на таможенные процедуры, упрощая экспорт и импорт товаров. Такие меры способствуют развитию внешнеэкономической

деятельности региона и повышению его конкурентоспособности на международном рынке.

Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации от 22.07.2005» № 116-ФЗ [4] (ОЭЗ) на Дальнем Востоке стал механизмом стимулирования экономического развития региона. Он предоставляет особые государственные гарантии и льготы для привлечения инвестиций, развития инфраструктуры и улучшения инвестиционного климата. Однако, для участия в ОЭЗ необходимо строго соблюдать требования и условия, установленные законодательством.

Как пример успешной реализации Закона о ОЭЗ на Дальнем Востоке можно считать создание территории со специальным правовым режимом в городе Владивостоке [5]. Складской комплекс Порты Восточный в Приморском крае, как проект получил статус резидента ОЭЗ и смог привлечь значительные инвестиции для создания современного складского пространства. Благодаря налоговым льготам и обеспечению инфраструктурой, данный комплекс стал платформой для развития международной логистики и улучшения торговых связей России с Азией и Тихоокеанским регионом.

Важное значение имеют международные договоры и соглашения о сотрудничестве в этом регионе. Дальний Восток — это стратегически важный регион для России, имеющий прямой выход на азиатский рынок. В этом регионе ведется активная внешнеполитическая и экономическая деятельность, направленная на развитие международного сотрудничества.

Один из примеров такого сотрудничества — Международный договор о сотрудничестве России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Этот договор был подписан в 2001. Он устанавливает основы взаимодействия двух стран в различных сферах, включая экономику, оборону, науку, культуру и другие. Это способствует развитию экономики и безопасности не только на Дальнем Востоке, но и в регионе в целом. Подобные договоры вносят важный вклад в стабильность и развитие региона.

Кроме того, дальневосточные компании и публичные органы власти активно участвуют в различных международных интеграционных структурах, таких как АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). Это способствует созданию благоприятной инвестиционной среды для трансграничных проектов. Например, АТЭС направлена на стимулирование экономического роста и развитие торговли в регионе, и членство России в этой организации способствует проведению различных проектов и предоставляет доступ к новым рынкам.

Немаловажное значение для развития региона играет защита прав и интересов коренных народов Дальнего Востока. В России есть законодательство [6], направленное на гарантирование прав коренных народов и предотвращение их дискриминации.

Закон призван обеспечить правовую защиту и социальную поддержку коренным народам, сохранение и развитие их культуры, языка, традиций, а также предотвращение негативных последствий экологического характера.

Примеры мер, принимаемых по защите прав коренных народов, включают создание специальных органов для проведения диалога и сотрудничества с этими народами, финансовую поддержку социально-экономического развития и образования представителей коренных народов, а также гарантии их прав на землю и ресурсы.

Также важно отметить, что Россия является участником международных соглашений и деклараций, направленных на защиту прав коренных народов, в том числе Конвенции Международной организации труда № 169 [7] о правах коренных и местных народов в соответствии с их традициями и обычаями, которая была ратифицирована Россией.

Экологические аспекты развития региона и их правовое регулирование имеют огромное значение [8], особенно в случае Дальнего Востока России. Данная территория богата природными ресурсами, такими как леса, вода и минеральные ископаемые. Однако, развитие региона должно происходить в сбалансированном и экологически устойчивом режиме, чтобы сохранить богатство его природы на долгие годы и предотвратить негативные экологические последствия.

Соблюдение экологических норм и требований имеет важное значение для предотвращения экологических катастроф и сохранения природных богатств региона. Правовое регулирование, поддерживаемое применением закона и эффективным контролем, способно снизить негативное влияние на окружающую среду и обеспечить устойчивое и экологически ответственное развитие региона. Однако, следует отметить, что на практике соблюдение законодательства и его эффективное применение могут сталкиваться с различными вызовами.

Перспективы и вызовы в правовой сфере для развития Арктики и Дальнего Востока представляют собой важную тему, поскольку эта территория играет ключевую роль в экономическом развитии России. С развитием инфраструктуры и укреплением экономических связей в регионе, возникают как перспективы, так и вызовы, которые требуют юридического анализа и решения. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, документы стратегического планирования на федеральном уровне не имеют конкретных мер реализации механизма функционирования преференциальных режимов, которые должны быть приняты для достижения целей и задач, связанных с их работой. Несмотря на то, что использование преференциальных режимов рассматривается, как важный инструмент управления в отраслевых стратегиях, они обычно представлены лишь общими терминами по постановке задач.

Во-вторых, в государственной программе развития Дальнего Востока [9] не были определены стратегические цели использования преференциальных режимов ТОР и СПВ в отдельных субъектах Российской Федерации. Отсутствие четкой системы целеполагания не позволяет индивидуализировать ключевые показатели эффективности и соответствующие налоговые и неналоговые меры государственной поддержки для данных инструментов. Это снижает обоснованность, гибкость и эффективность применения ТОР и СПВ. В связи с этим, необходимо разработать конкретные стратегические цели использования преференциальных режимов в каждом субъекте РФ, а также определить соответствующие КПЭ и меры поддержки, что позволит повысить эффективность данных инструментов и обеспечить их успешную реализацию.

В-третьих, государственная программа развития Дальнего Востока [10] потенциально включает еще проблему, связанную с налоговыми расходами и функционированием СПВ в России. В первом случае, налоговые расходы, обусловленные режимом СПВ, не связаны с планируемыми показателями развития СПВ в соответствующем субъекте Российской Федерации. Это может привести к неопределенности итоговых эффектов от данного режима, а также к невозможности

объективного мониторинга и оценки эффективности функционирования СПВ.

В-четвертых, государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» [11], включающая приложения по приоритетным территориям, не имеет показателей, соответствующих показателям других государственных программ с территориальной направленностью. В результате этого, блок государственных программ, ориентированных на приоритетное территориальное развитие, не представляет собой согласованную систему. Это может привести к неэффективному использованию бюджетных средств и недостаточной поддержке развития приоритетных территорий, что может отрицательно сказаться на экономическом и социальном развитии России в целом.

В-пятых, не обеспечена связь между целями функционирования преференциальных режимов и стратегическими целями развития Российской Федерации, а также текущим социально-экономическим положением субъектов Российской Федерации и макрорегионов, что должно быть определено в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [12] в форме перспективных экономических специализаций для каждого субъекта Российской Федерации. Это может привести к негативным последствиям, таким как неэффективное использование ресурсов и недостаточная поддержка развития экономики и социальной сферы отдельных регионов, затруднив достижение общих стратегических целей развития России и снизив эффективность государственной политики в области регионального развития.

В-шестых, в оценке заявок и бизнес-планов, подаваемых резидентами в территории опережающего социально-экономического развития, которые находятся под управлением Минэкономразвития России или Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики России, используются различные критерии и подходы, согласно нормативным документам [13]. Это создает неравные условия для потенциальных резидентов в рамках единого режима ТОСЭР.

Бизнес-план Минвостокразвития содержит описание проекта, включая общий объем инвестиций, капитальные вложения, планируемые финансовые результаты и сопутствующие эффекты. Бизнес-план Минэкономразвития более узко фокусируется на стоимости проекта и планируемых источниках финансирования, а также включает информацию о форме и условиях участия инвестора и гарантиях возврата инвестиций. Важно отметить, что бизнес-план, используемый Минэкономразвития содержит предоставление обязательных параметров по маркетингу и сбыту товара (работы, услуги), финансовую модель инвестиционного проекта, оценку эффективности проекта и рисков его реализации. Это позволяет инвесторам и заинтересованным сторонам получить четкое представление о потенциальной прибыльности проекта и оценить его риски, что может помочь принять обоснованные решения о финансировании проекта.

В-седьмых, регион богат природными ресурсами, уникальными природными и культурными достопримечательностями. Это открывает потенциал для развития туристической отрасли, что требует принятия соответствующих правовых мер поддержки и защиты окружающей среды, сохранения культурного наследия и улучшения инфраструктуры. Например, создание особо охраняемых природных территорий в регионе нуждается в разработке специальных законов для охраны экосистемы, а также правилах посеще-

ния и использования природных ресурсов с учетом региональных особенностей. Большой размер и уникальные характеристики Арктики и Дальнего Востока могут вызывать сложности в вопросах определения границ правовой защиты для местного населения. Например, как определение границы морской территории или регулирование использования ресурсов, находящихся на территории коренных жителей и используемых ими для удовлетворения жизненно важных потребностей и сохранения своего традиционного образа жизни.

Таким образом, правовые инструменты развития Арктики и Дальнего Востока являются важным шагом в развитии региона и привлечении инвестиций в настоящее время. Однако, необходимо учитывать их юридические последствия и работать над созданием устойчивой экономической модели, которая будет основана на конкурентоспособности и инновационности.

Развитие Дальнего Востока требует принятия новых законов, а также усиления правового регулирования в различных сферах, например, в сфере инвестиций, строительства, экологии и земельных отношений. Решение сложных правовых вопросов также требует развития уровня правоприменительной практики и обеспечения ее согласованности с федеральным законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 № 216-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2017 г. № 31 (часть I) ст. 4765.
2. Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года».
3. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» // Российская газета, № 299, 31.12.2014.
4. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 июля 2005 г. № 30 (часть II) ст. 3127.
5. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 29 (часть I) ст. 4338.
6. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 мая 1999 г. № 18 ст. 2208.
7. Конвенция Международной Организации Труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (Женева, 27 июня 1989 г.) // Текст Конвенции опубликован в сборнике «Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957-1990. Т. II». Женева, Международное бюро труда, 1991.
8. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 января 2002 г. № 2 ст. 133.
9. Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.» // Собрание законодательства РФ, 05.10.2020, № 40, ст. 6311.
10. Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.» // Собрание законодательства РФ, 05.10.2020, № 40, ст. 6311.
11. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Собрание законодательства РФ, 05.05.2014, № 18 (часть II), ст. 2162.
12. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 18.02.2019, № 7 (часть II), ст. 702.
13. Приказ Минвостокразвития России от 02.04.2015 № 42 Об утверждении формы заявки на заключение соглашения об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития, примерной формы бизнес-плана, критериев и методики оценки заявки и бизнес-плана; Приказ Минэкономразвития России от 21.07.2022 № 381 «Об утверждении формы заявки на заключение соглашения об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития, созданной на территории Российской Федерации, за исключением территории Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны Российской Федерации, примерной формы бизнес-плана, критериев и методики рассмотрения заявки и оценки бизнес-плана, порядка подачи в форме электронного документа заявки и прилагаемых к ней документов».

ДУДАЕВ Анатолий Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

ТКАЧЕНКО Владимир Васильевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

ДЕМЧЕНКО Николай Викторович

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

В представленной статье авторами рассматривается правовое положение важнейшего субъекта профилактики безнадзорности лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста – комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, также являющегося юрисдикционным органом, рассматривающим дела об административных правонарушениях. В работе отмечены исторические обстоятельства, возникшие в первые годы Советской власти, послужившие основанием создания данного коллегиального органа. Авторами обозначена важнейшая роль комиссий в обеспечении защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в условиях правового демократического государства. На основе анализа ряда научных публикаций сформулировано понятие и особенности правового статуса комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как органа административной юрисдикции. Внесены предложения, направленные на обеспечение законности и объективности при разрешении дел об административных правонарушениях комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также на совершенствование их деятельности.

Ключевые слова: права и законные интересы несовершеннолетних, безнадзорность, беспризорность, система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы административной юрисдикции, государственные органы, дела об административных правонарушениях, несудебные органы.

DUDAEV Anatoliy Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

TKACHENKO Vladimir Vasiljevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Management and administrative activities sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

DEMCHENKO Nikolay Viktorovich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

COMMISSIONS ON JUVENILE AFFAIRS AND PROTECTION OF THEIR RIGHTS IN THE SYSTEM OF SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION

In the presented article, the authors consider the legal status of the most important subject of the prevention of neglect of persons under the age of eighteen – the commissions for juvenile affairs and protection of their rights, which is also a jurisdictional body considering cases of administrative offenses. The paper notes the historical circumstances that arose in the early years of Soviet power, which served as the basis for the creation of this collegial body. The authors identify the most important role of commissions in ensuring the protection of the rights and legitimate interests of minors in a legal democratic state. Based on the analysis of a number of scientific publications, the concept and features of the legal status of the Commission on Juvenile Affairs and protection of their rights as an administrative jurisdiction body are formulated. Proposals have been made aimed at ensuring legality and objectivity in resolving cases of administrative offenses by commissions for juvenile affairs and protection of their rights, as well as improving their activities.

Keywords: rights and legitimate interests of minors, neglect, homelessness, the system of prevention of neglect and juvenile delinquency, subjects of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency, commissions on juvenile affairs and protection of their rights, bodies of administrative jurisdiction, state bodies, cases of administrative offenses, non-judicial bodies.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних является одной из приоритетных задач правового демократического государства, а также профилактика их безнадзорности и беспризорности. Особое значение государственной защиты несовершеннолетних, обусловлено рядом факторов, указывающих на их особую уязвимость перед современными вызовами, особенностью их физического и психологического развития.

В целях реализации указанных задач государством образованы в различные органы и учреждения, обеспечивающие

реализацию прав и законных интересов несовершеннолетних, предупреждение антисоциальных проявлений с их стороны.

С. Н. Братановский, Д. В. Деменчук отмечают, что «профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних является важной государственной функцией, одним из направлений социальной политики современного демократического правового государства. Соблюдение и защита прав детей предполагают создание системы соответствующих органов» [1].

Система субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних определяет комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее - комиссии) как основной элемент¹.

Необходимость создания комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав возникла в начале двадцатого века.

События, происходившие в период с 1914 года, а именно, Первая мировая война, закончившаяся Октябрьской революцией 1917 года и последующая за этим Гражданская война, повлекли тяжкие последствия в России, в том числе резкий рост безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. В 20-е годы прошлого века уровень беспризорности детей достиг критического значения. Рожков А. Ю. отмечает, что «в 1922 году количество беспризорных достигло 7 миллионов человек» [7], аналогичные цифры называет А. Н. Кривоносов [4].

История создания комиссий берет свое начало в послереволюционный период, с 1918 года². В результате реформы законодательства были упразднены суды и получившие широкое распространение в царской России тюрьмы для малолетних. На момент создания образованные комиссии были подведомственны Наркомму общественного призрения.

Комиссии состояли не менее чем из трех человек, с обязательным условием, что один из которых должен быть врач.

Комиссии прошли в своем развитии и становлении несколько исторических этапов, связанных с изменениями правового положения и полномочий. С 1967 года данные органы стали называться комиссиями по делам несовершеннолетних. В настоящее время комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав являются важнейшим субъектом системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних³.

А. С. Виноградов рассматривает указанный орган как один из основных в осуществлении комплексной защиты интересов ребенка [2].

Создавать комиссии уполномочены высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации и подразделяются на две категории – комиссии субъектов Российской Федерации и территориальные комиссии. Законы субъектов РФ предоставляют возможность создавать комиссий органам местного самоуправления⁴.

В полномочия территориальных комиссий также входит рассмотрение дела об административных правонарушениях в соответствии с их подведомственностью.

Законодательство об административных правонарушениях предусматривает широкий перечень органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, к которым отнесены судьи, широкий перечень органов исполнительной власти и их должностных лиц, а

также комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Комиссии уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях несовершеннолетних, а также некоторые иные категории административных правонарушений, отнесенных к их компетенции.

В научной литературе встречаются различные мнения по поводу правового статуса данного коллегиального органа.

Некоторые авторы относят комиссии к органам государственной власти.

В частности, С. Н. Братановский и Д. В. Деменчук в отмеченной выше работе относят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав к органам государственного управления. Здесь необходимо отметить, что государственное управление в Российской Федерации осуществляют органы исполнительной власти. Следовательно, с позиции авторов, комиссии рассматриваются в статусе органов исполнительной власти.

Д. З. Кайбышева, отмечает, что «комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав обладает большим количеством схожих черт с общественными объединениями, нежели с государственными органами» [3]. Тем не менее, автор считает, что по своей правовой природе комиссия должна признаваться именно государственным органом.

По мнению К. А. Можаровской «комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав не может быть отнесена к числу государственных органов» [5]. Автор отмечает, что комиссия лишь выполняет функции в рамках профилактической деятельности.

Некоторые авторы рассматривают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как координационно-контролирующие органы [8] и не считают их государственными органами (органами государственной власти).

Рассматривая в юрисдикционном аспекте комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, обоснованную позицию выражает С. А. Москаленко. По мнению автора «комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав по своей правовой природе является коллегиальным органом, объединением лиц, созданный распорядительным актом органа исполнительной власти субъекта РФ либо органом местного самоуправления, имеющий специфический правовой статус, так как, не являясь органом государственной власти, от имени государства рассматривает дела об административных правонарушениях и выносит по ним юридически значимые решения» [6].

На наш взгляд, позиция авторов, не относящих комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав к государственным органам (органам государственной власти), является более убедительной по следующим основаниям.

Все перечисленные в главе 23 КоАП РФ государственные органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, (кроме судей и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав) относятся к исполнительной ветви власти.

Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 установлена система федеральных органов исполнительной власти⁵, какие-либо комиссии в дан-

1 Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ от 28 июня 1999 г. № 26 ст. 3177.

2 Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

3 Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ от 11 ноября 2013 г. № 45 ст. 5829.

4 Ст. 1 Постановления Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ от 11 ноября 2013 г. № 45 ст. 5829.

5 Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ от 15 марта 2004 г. № 11 ст. 945.

ную систему не входят. Соответственно, рассматриваемые нами субъекты органами исполнительной власти не являются. Также, Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»⁶ не относит какие-либо комиссии, в том числе, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав к таким органам.

Еще одним основанием, не позволяющим считать государственными органами (органами государственной власти) указанные комиссии, является возможность их создания органами местного самоуправления.

Следует отметить, что штатная структура государственного органа, (органа государственной власти) предполагает наличие должностей государственной службы, которые замещают государственные служащие. Вместе с тем, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995, членами комиссии могут быть представители муниципальных органов и учреждений, общественных объединений, религиозных конфессий, граждане, имеющие опыт работы с несовершеннолетними и другие заинтересованные лица, не состоящие на государственной службе. Данное обстоятельство также говорит о том, что комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав не могут быть отнесены к государственным органам (органам государственной власти).

В абзаце 4 ст.32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 используется термин «акты несудебных органов по делам об административных правонарушениях»⁷. На наш взгляд, термин «несудебные органы» применим и к комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В соответствии с отмеченным выше, считаем возможным рассматриваемую категорию субъектов, обладающих юрисдикционными полномочиями в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними относить к коллегиальным несудебным органам, с установленной компетенцией по принятию по ним юридически значимых решений.

Представляется целесообразным установить перечень квалификационных требований к составу комиссии в целом, которые окажут существенное влияние на качественный показатель ее работы.

В абзац 2 ст. 14 Постановления Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995, устанавливающий, что «Заседания территориальных (муниципальных) комиссий проводятся в соответствии с планами работы не реже двух раз в месяц», внести дополнение следующего содержания: «при получении материалов, содержащих признаки административного правонарушения заседания комиссии проводятся в соответствии со сроками, предусмотренными ч.1 ст. 29.6 КоАП РФ».

Пристатейный библиографический список

1. Братановский С. Н., Деменчук Д. В. Административно-правовое регулирование организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: монография. М.-Берлин: Изд-во Директ-Медиа, 2014. 138 с.
2. Виноградов А. С. Компетенция комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних // Молодой ученый. 2018. № 48 (234). С. 129-130.
3. Кайбышева Д. З. Деятельность комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по работе с безнадзорными несовершеннолетними // Международный академический вестник. 2019. № 5. С. 56-58.
4. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92-98.
5. Можаровская К. А. Анализ деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике правонарушений несовершеннолетних // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога. 2018. № 1. С. 132-135.
6. Москаленко С. А., Шихалов А. О., Ткачук В. Н. Специфика деятельности комиссии по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2022. № 1. С. 22-24.
7. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134-139.
8. Федорова И. В. Меры, применяемые комиссией по делам несовершеннолетних, по защите их прав // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 257-262.

6 Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ от 27 января 2020 г. № 4 ст. 346.

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июнь 2005 г., № 6.

КАМЕНЕВ Максим Александрович

преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В данной работе проанализированы особенности применения административной ответственности за совершение такого правонарушения как производство и распространение экстремистских материалов. В связи с тем, что указанное правонарушение относится к правонарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность, автор отдельно останавливается на рассмотрении указанных дефиниций. Актуальность данной работы обусловлена важностью более детального изучения оснований и нормативной правовой базы, устанавливающей административную ответственность за совершение рассматриваемого правонарушения. В статье рассматривается как непосредственно сам состав данного правонарушения, так и меры административной ответственности за его совершение. Автор анализирует необходимость внесения изменений в действующее административное законодательство по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: административная ответственность, общественный порядок и общественная безопасность, производство и распространение экстремистских материалов.

KAMENEV Maxim Alexandrovich

lecturer of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE DISSEMINATION OF EXTREMIST MATERIALS

This article analyses the peculiarities of the application of administrative liability for the commission of such an offense as the production and distribution of extremist materials. Due to the fact that this offence refers to offences encroaching on public order and public security, the author dwells separately on the consideration of these definitions. The relevance of this work is due to the importance of a more detailed study of the grounds and regulatory legal framework establishing administrative responsibility for the commission of the offense in question. The article examines both the composition of this offense itself and the measures of administrative responsibility for its commission. The author analyzes the need to amend the current administrative legislation on the issue under consideration.

Keywords: administrative responsibility, public order and public security, production and distribution of extremist materials

Значимость административной ответственности как инструмента, обеспечивающего необходимый уровень законности и правопорядка в обществе, бесспорна. Именно административная ответственность является той необходимой мерой принуждения, применение которой обуславливается целью недопущения совершения лицом административного правонарушения [3].

Административная ответственность за такое правонарушение как производство и распространение экстремистских материалов предусмотрена ст. 20.29 КоАП РФ. Данное правонарушение относится к Главе 20 указанного кодекса, регулирующей вопросы административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. Следует отметить, что указанная группа правонарушений является самой многочисленной в КоАП РФ. В первую очередь это обусловлено важностью правовой защиты указанных институтов, а также многочисленностью вариаций непосредственного посягательства на них.

Для более детального рассмотрения тематики данной статьи необходимо прежде всего обратиться к рассмотрению таких дефиниций как общественный порядок и общественная безопасность. Так, большинство авторов правовой доктрины сходятся во мнении, что общественный порядок необходимо определять как совокупность общественных отношений, которая регулируется не только правовыми нормами, но и такими нормами, как нормы морали, социальные и иные нормы [2]. Что касается общественной безопасности, то следует отметить, что она является наиболее важным фактором, который необходим для развития общества, так как

затрагивает все сферы жизнедеятельности государства и общества и представляет собой не что иное как должный уровень защищенности прав как отдельного гражданина, так и всего общества в целом от существующих угроз как внутреннего, так и внешнего характера.

Обратимся к более детальному анализу самого правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ. Прежде всего следует подчеркнуть, что указанное правонарушение является правонарушением экстремистской направленности. Следует отметить важность проводимой на сегодняшний день работы по противодействию распространения экстремизма, как на территории нашей страны, так и во всем международном масштабе. Совершение правонарушений и преступлений указанной направленности, влекут значительные негативные последствия для всего гражданского общества, выражающиеся в дестабилизации политической и общественной обстановки, посягающие на общественную безопасность и государственную целостность нашей страны, подрыве основ международного мира и согласия, которые были присущи нашей стране на протяжении многих лет.

Указанные моменты были подчеркнуты Президентом Российской Федерации в ходе его выступления на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации в начале 2022 года¹. Таким об-

¹ Расширенное заседание коллегии МВД: официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 10.02.2024)

Таблица 1. Количество лиц, подвергнутых уголовной и административной ответственности за распространение экстремистских материалов [1]

Вид ответственности	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Административная ответственность</i>						
<i>привлечено к административной ответственности по ст. 20.3.1 и 20.3 КоАП РФ</i>	1665	1652	2771	3036	4119	5270
<i>привлечено к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ</i>	1846	1964	1591	1826	1319	869
<i>Уголовная ответственность</i>						
<i>осуждено лиц по ч. 1 ст. 282 УК РФ</i>	460	418	14	7	20	25

разом, следует, что противодействие экстремизму является одним из приоритетных направлений работы органов внутренних дел на данный момент.

Если обратиться к анализу судебной статистики, то можно отметить, что количество преступлений рассматриваемой направленности, не смотря на принимаемые меры неукоснительно растет. Так, в январе - декабре 2022 года зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (+4,5% по сравнению с 2021 годом) и 1566 преступлений экстремистской направленности (+48,2% по сравнению с 2021 годом)².

Что касается количества лиц, привлечённых к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП то можно отметить, что их количество поступательно снижается (Таблица 1).

С целью анализа особенностей административной ответственности за производство распространение экстремистских материалов, представляется целесообразным более детально остановиться на рассмотрении состава правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП.

При рассмотрении объекта данного правонарушения следует отметить, что им является совокупность общественных отношений в сфере общественной безопасности и противодействия экстремизма.

Объективная сторона рассматриваемого правонарушения представлена следующими деяниями в отношении экстремистских материалов:

- массовое распространение;
- производство таких материалов;
- хранение таких материалов с целью дальнейшего массового распространения.

С целью определения того какие материалы относятся к экстремистским законодатель делает отсылку к:

- опубликованному федеральному списку экстремистских материалов;

– к Федеральному закону от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³, пункт 3 статьи 1 которого дает определение таким материалам.

Что касается субъекта рассматриваемого правонарушения, то следует отметить, что им может являться:

- физическое лицо;
- должностное лицо;
- юридическое лицо.

Существенными признаками физического лица как субъекта административного правонарушения является его возраст и вменяемость. При этом согласно действующему КоАП РФ, административную ответственность за совершение общественно опасного деяния могут нести граждане РФ, иностранцы и лица без гражданства, которые не пользуются дипломатическим иммунитетом.

Что касается следующего признака физического лица как субъекта правонарушения, а именно – вменяемости, то вменяемость определяется, как способность лица осознавать свои действия (бездействия) и контролировать их во время совершения правонарушения. Вменяемость является не только фактической, но и логической предпосылкой виновности и административной ответственности.

Еще одним существенным признаком субъекта административного правонарушения является возраст, с которого наступает административная ответственность за производство распространение экстремистских материалов. Данный вопрос регулируется ст. 2.3 КоАП РФ. При этом следует отметить, что общий возраст административной ответственности по действующему административному законодательству составляет шестнадцать лет.

Что касается основных признаков юридического лица как субъекта административного правонарушения, то здесь законодатель связывает возможность возникновения административной ответственности такого юридического лица с наличием у него гражданской правоспособности. Данный вопрос регулируется действующим гражданским законодательством РФ и основывается на осуществлении государственной регистрации таких юридических лиц в порядке, установленном действующим законодательством РФ.

2 Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года: официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 10.02.2024)

3 Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС Консультант-Плюс.

Что касается субъективной стороны рассматриваемого состава правонарушения, то тут вопрос о структуре и содержании субъективной стороны является достаточно спорным и дискуссионным. Некоторые ученые ограничивают субъективную сторону вины (умыслом или небрежностью), считая, что понятия вины и субъективной стороны можно рассматривать как тождественные. Существует также мнение, что содержание субъективной стороны должно включать, наряду с виной, мотив, цель и т.д. Принято отдавать предпочтение второй точке зрения.

Субъективная сторона любого правонарушения характеризуется следующими признаками: вина, имеющийся мотив деяния, непосредственная цель деяния, эмоциональное состояние.

Мотив, цель и эмоциональное состояние при определенных условиях могут не только выступать признаками основного или квалифицированного состава, но и непосредственно влиять на административную ответственность как обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание.

Наиболее существенным признаком субъективной стороны рассматриваемого состава правонарушения является вина. Ее понятие можно определить как непосредственное психическое отношение лица к совершенному им действию или бездействию, предусмотренному КоАП, и его последствиям. Доминантой в теории административного права является психологическое понятие вины, с позиции которого дается его законодательное определение. Для того чтобы охарактеризовать вину, необходимо обратиться к ее сущности, содержанию, формам, степени и видам, свойства которых подробно раскрыты в административно-правовой литературе.

Следует отметить, что рассматриваемое нами правонарушение всегда совершается с прямым умыслом. Для наличия прямого умысла необходимо, чтобы лицо:

- осознавало, что совершаемые им деяния носят общественно опасный характер;
- понимало, что результатом данных деяний будет причинение общественно опасных последствий;
- желало наступления данных последствий.

Под мотивами совершения правонарушения понимают внутреннюю мотивацию, обусловленную потребностями и интересами, обусловившую решение человека о совершении правонарушения, а под целями – представление о желаемом изменении внешнего мира, которого человек пытается добиться, совершая правонарушение.

На основании проведенного анализа состава рассматриваемого правонарушения можно сделать следующие выводы.

1. Для решения вопроса о привлечении лица к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ не важен факт того, знало ли лицо о том факте, что распространяемые им материалы содержатся в списке экстремистских материалов. При этом законодатель указывает на пункт ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», при детальном изучении которого можно отметить, что данные экстремистские материалы должны подпадать под характеристику «заведомо». Таким образом, законодатель связывает с экстремизмом исключительно массовое распространение заведомо экстремистских материалов.

В связи с чем, можно сделать вывод относительно отсутствия прямой взаимосвязи факта привлечения лица к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП и со-

вершения им экстремистской деятельности. Так, лицо может быть привлечено к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП, но его действия не могут быть охарактеризованы с позиции экстремистских по причине отсутствия признака «заведомо экстремистских» в отношении производимых и распространяемых им материалов.

2. Отсутствие законодательного определения понятия «массовости» по отношению к ст. 20.29 КоАП РФ негативно сказывается на практике привлечения лиц к административной ответственности по данной статье. Так, согласно Постановлению Буйнакского районного суда Республики Дагестан от 9 ноября 2020 г. по делу № 5-399/2020, лицо было привлечено к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП при этом судом не был установлен факт множественности распространения экстремистских материалов.⁴ В связи с чем, представляется целесообразным закрепить данное понятие в действующем законодательстве РФ.

3. Следует отметить, что суды при привлечении лиц к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ руководствуются проставлением Пленума ВС РФ⁵, которое разъясняет порядок привлечения лиц к уголовной ответственности за преступления рассматриваемой направленности. В связи с чем, представляется целесообразным принятие аналогичного постановления ВС РФ по вопросу разъяснения порядка привлечения лиц к административной ответственности за правонарушения такой направленности.

4. Помимо этого в заключение следует отметить, что правонарушения экстремистской направленности характеризуются повышенной общественной опасностью. При этом на сегодняшний день правовое регулирование данной сферы не является полностью упорядоченным. Имеет место отсылки от одного нормативного правового акта к другому. Что касается правонарушений в данной сфере, то они рассосредоточены по разным главам КоАП РФ. В связи с этим представляется целесообразным предложение о внесении изменений в КоАП РФ путем формирования отдельной главы, содержащей правонарушения экстремистской направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Магдилова Л. В., Магомедрасул Г. Я. Проблемы противодействия распространению экстремистских материалов в сети Интернет // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 86-90.
2. Прокофьев К. Г. К вопросу об основаниях административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Социально-политические науки. 2019. Т. 9. № 5. С. 148-151.
3. Куракин А. В. К вопросу о понятии и значении административной ответственности в российском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 208-209.

4 Постановление Буйнакского районного суда Республики Дагестан от 9 ноября 2020 г. по делу № 5-399/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sudact.ru> (дата обращения 10.02.2024)

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета, № 142, 04.07.2011.

ОСТАНИНА Анастасия Максимовна

магистр Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ПАВЛОВ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР КАК ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПУБЛИЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В научной работе авторами рассмотрены основные вопросы контроля и надзора как способа обеспечения законности административно-публичной деятельности. Отмечено, что главная цель контроля и надзора заключается в обеспечении законности административно-публичной деятельности, а правильная и действенная реализация контрольно-надзорной деятельности в стране — залог процветания государства. В статье также обозначены актуальные проблемы, возникающие в процессе реализации контрольно-надзорной деятельности. Предложены возможные пути устранения имеющихся пробелов.

Ключевые слова: контроль, надзор, государственное управление, законность, административно-публичная деятельность, органы государственной власти.

OSTANINA Anastasiya Maksimovna

master of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

PAVLOV Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

CONTROL AND SUPERVISION AS THE MAIN WAYS TO ENSURE LEGALITY IN ADMINISTRATIVE AND PUBLIC ACTIVITIES

In the scientific work, the authors consider the main issues of control and supervision as a way to ensure the legality of administrative and public activities. It is noted that the main purpose of control and supervision is to ensure the legality of administrative and public activities, and the correct and effective implementation of control and supervisory activities in the country is the key to prosperity as a state. The article also identifies current problems that arise in the process of implementing control and supervisory activities. Possible ways to eliminate the existing gaps are proposed.

Keywords: control, supervision, public administration, legality, administrative and public activities, public authorities.

Как и любая система государственное управление основывает свою деятельность на определенных принципах. Основным основополагающим началом государственного управления выступает законность, поскольку именно данный принцип служит определяющим фактором подзаконности исполнительной и муниципальной власти. Содержание принципа законности заключается в том, что органы как органы государственной власти, так и местного самоуправления, их должностные лица, граждане страны, различные объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, а также законы [1].

Для административного права проблема обеспечения законности во все времена являлась актуальной и значимой. Реализация административными органами законных действий, разработка и принятие правовых актов составляет предмет административно-публичной деятельности. Стоит отметить, что под административно-публичной деятельностью понимается вид властно-публичной деятельности в государстве, реализуемый на основе норм права в целях обеспечения безопасности государства, общества и личности [2]. Состояние законности в сфере административно-публичной деятельности в значительной степени определяется положением дел в сложившейся системе способов ее обеспечения органами государственной власти страны. В данном ключе выделим две группы органов с характеристиками отношения к обеспечению принципа законности в административно-публичной деятельности. Первую группу составляют те органы, для которых обеспечение законности не относится к перечню основных функций, в качестве примера в общем виде можно назвать федеральные министерства или агентства, деятельность которых в какой-то степени касается контроля за соблюдением принципа законности подконтрольными

субъектами. Специально созданные органы для обеспечения законной административно-публичной деятельности относятся ко второй группе, в перечне которых можно отметить, к примеру, прокуратуру.

Контроль и надзор выступают в качестве основных способов обеспечения законности обеспечения административно-публичной деятельности. В настоящее время на практике имеют место быть проблемные аспекты реализации контрольно-надзорной деятельности в рамках наблюдения за соблюдением принципа законности. Из сказанного видна важность исследования тех проблем, которые пагубно сказываются на эффективности административно-публичной деятельности в государстве, а также предложения путей их разрешения. Перейдем к рассмотрению проблемных моментов, возникающих в процессе реализации основных способов обеспечения законности административно-публичной деятельности.

Начало работы над совершенствованием контрольной деятельности в Российской Федерации было положено еще в 2003 г. Указом Президента Российской Федерации был определен курс на проведение административной реформы, которая включает в себя проведение комплекса мер, направленных на построение эффективной системы органов исполнительной власти на основе четкой регламентации их деятельности. Перечень вопросов реформирования надзорной и контрольной деятельности в России был определен в Концепции административной реформы в Российской Федерации на период 2006-2010 гг. Но, к сожалению, с того момента и по настоящее время отечественное законодательство о контроле продолжает развиваться поскольку при подготовке и осуществлении контрольной деятельности государством в лице уполномоченных органов государственной власти Рос-

сийской Федерации имеются проблемные моменты пагубно сказывающиеся на всей деятельности страны в целом.

На законодательном уровне нет четкой дефиниции понятий «контроль» и «надзор». В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» контрольная деятельность государства ставится наравне с надзорной. Под контрольной (надзорной) деятельностью нормы закона определяют деятельность уполномоченных на то лиц, связанную с выявлением, пресечением нарушений обязательных требований. Данная деятельность компетентных субъектов также включает в себя круг действий, связанных с восстановлением правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений [3]. По нашему мнению, термины «контроль» и «надзор» — это различные понятия. Контрольная функция в государственном управлении шире, чем надзорная поскольку объект контрольной деятельности в отличие от надзорной включает в себя не только законность, но и также эффективность. На наш взгляд подобного рода ситуация, приводящая к возникновению коллизий в праве, вызванных смешением понятий «контроль» и «надзор» пагубно сказывается на эффективности контрольной и надзорной деятельности. Считаем необходимым разграничить термины «контроль» и «надзор» при закреплении их в нормах законодательства в качестве различных функций государственного управления.

Следующая проблема, присутствующая при реализации контрольных функций органами государственной власти, наблюдается в отсутствие четкого разграничения между понятиями «форма» и «метод» контрольной деятельности. Стоит отметить о том, что в юридической литературе, законодательстве так же, как и касаются терминов «контроль» и «надзор» не имеется четкого разграничения обозначенных понятий. Анализ различных подходов ученых к определению терминов «форма» и «метод» контроля позволил нам сделать следующий вывод: форма контроля есть ничто иное как внешнее выражение контрольных функций. Посредством применения форм контроля реализуются поставленные задачи уполномоченными субъектами по отношению к подконтрольным объектам; метод контроля включает в себя различные приемы, при помощи которых исследуются материалы необходимые получения важных сведений для выявления доказательной информации. Метод контрольной функции в государственном управлении можно охарактеризовать как определенный способ осуществления контрольных действий и операций.

Нормы Федерального закона № 248-ФЗ объединили общим термином «контрольные мероприятия» понятия «форма» и «метод» контроля¹. В свою очередь судебная практика указывает на то, что под термином «контрольные мероприятия» следует понимать форму деятельности присущей федеральным органам исполнительной власти по результатам проведения которой могут быть обнаружены (выявлены) признаки административного правонарушения, связанные с нарушением обязательных требований². Таким образом понятия «форма» и «метод» контрольной функции нуждаются в законодательном разграничении в целях повышения эффективности контрольной деятельности и также недопущения ошибочного толкования и применения форм и методов в процессе организации и осуществления контроля.

Одним из итогов реформирования публичного управления в 2006-2010 гг. стало введение административных регламентов в деятельность органов как федеральных, так

региональных и местных уровней. Значение введения административных регламентов как правовых инструментов закрепления порядка реализации управленческих функций позволило систематизировать и оптимизировать процессы публичного управления. Разработка административных регламентов по осуществлению государственного контроля (надзора) предусмотрена нормами федерального законодательства. Однако с момента принятия Федерального закона № 248-ФЗ установлен переходный период. Некоторые виды контроля все еще попадают под действия Федерального закона № 294-ФЗ до 31 декабря 2024 года. На большую часть видов контроля распространяются нормы нового законодательства, порядок организации и осуществления которых в свою очередь определяются положением о виде контроля.

На основе сказанного в общем виде можно выделить следующие виды государственного контроля: общий и специальный государственный контроль. Общий государственный контроль характерен тем, что организация и реализация данного вида контроля регулируется положениями установленными нормами Федерального закона № 248-ФЗ. В свою очередь регулирование порядка подготовки и осуществления специальных видов государственного контроля попадают под нормы специальных (конкретных) нормативных правовых актов или административных регламентов. Если уделить внимание проблемным аспектам, возникающим в процессе подготовки и осуществления специальных видов государственного контроля, то стоит обозначить проблему, связанную с многообразием источников, регулирующих порядок реализации контрольной деятельности. Считаем необходимым реформировать правовые акты путем их систематизации порядковой процедуры контрольной деятельности или разработать и принять нормативные правовые акты федерального уровня, которые будут полностью касаться особенностей проведения специальных видов государственного контроля.

Подводя итог сказанному, отметим, контроль и надзор в Российской Федерации представляет собой деятельность уполномоченных на то лиц, связанную с выявлением, пресечением нарушений норм, установленных правовыми актами. Данная деятельность компетентных субъектов также включает в себя круг действий, связанных с восстановлением правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений. Главная цель контроля и надзора заключается в обеспечении законности административно-публичной деятельности. На сегодняшний день контроль и надзор выступают важными и неотъемлемыми элементами страны. Правильная и действенная реализация контрольно-надзорной деятельности в стране залог процветания и развития административно-публичной деятельности и как государства в общем виде.

Пристатейный библиографический список

1. Бельчик А. М., Павлов Н. В. Правовые аспекты государственного и муниципального управления // Закон и право. - 2022. - № 4. - С. 29-31.
2. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Административная правоприменительная практика: теоретический и практический аспекты. - М.: Юстицинформ, 2018. - 167 с.
3. Романов С. А. Реформирование системы государственного контроля (надзора) в условиях изменения действующего законодательства // Пенитенциарная наука. - 2023. - Т. 17. № 1 (61). - С. 82-88.

1 О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5007.

2 Об отказе в иске о признании частично не действующим пункта 9 постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»: решение Верховного Суда РФ от 30 августа 2022 г. № АКПИ22-494 // СПС «КонсультантПлюс».

СИДОРОВ Сергей Александрович

доктор политических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Всероссийского государственного университета юстиции

САХНО Василий Петрович

аспирант Всероссийского государственного университета юстиции

КИРКИЦА Антон Александрович

студент 4 курса Всероссийского государственного университета юстиции

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПЛАВАНИЯ, ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТРАНСПОРТИРОВКИ УЛОВОВ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В статье автор рассматривает актуальные вопросы привлечения юридических лиц к юридической ответственности при осуществлении транспортировки уловов водных биологических ресурсов. Однако сложившаяся практика, по мнению автора, фактически разделяет промышленное рыболовство на рыболовство непосредственно с добычей уловов ВБР, и рыболовство без добычи ВБР. Показано, что российские и иностранные суда и иные плавучие средства суда, при осуществлении рыболовства и следующими в исключительную экономическую зону Российской Федерации, после пересечения линии её внешней границы обязаны уведомлять заблаговременно пограничный орган. Несоблюдение указанных требований влечет административную ответственность.

Ключевые слова: рыболовство, административная ответственность, приемотранспортное судно, разрешение на добычу ВБР.

SIDOROV Sergey Alexandrovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of General legal disciplines sub-faculty of the All-Russian State University of Justice

SAKHNO Vasily Petrovich

postgraduate student of the All-Russian State University of Justice

KIRKITSА Anton Alexandrovich

student of the 4th course of the All-Russian State University of Justice

LIABILITY OF LEGAL ENTITIES FOR VIOLATION OF THE RULES OF NAVIGATION WHEN TRANSPORTING CATCHES OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

In the article, the author considers topical issues of bringing legal entities to legal responsibility when transporting catches of aquatic biological resources. However, the current practice, according to the author, actually divides industrial fishing into fishing directly with the extraction of VBR catches, and fishing without VBR extraction. It has been shown that Russian and foreign vessels and other floating vessels, when fishing and going to the exclusive economic zone of the Russian Federation, after crossing the line of its external border, are obliged to notify the border authority in advance. Failure to comply with these requirements entails administrative liability.

Keywords: fishing, administrative responsibility, receiving vessel, permit for the extraction of VBR.

В настоящее время невозможно представить современное рыболовство без приемотранспортных судов. Указанная категория судов обеспечивает своевременное освоение выделенных квот пользователями, доставляя добывающим судам снабжение в районы добычи и принимая от них уловы водных биологических ресурсов (далее – ВБР) для их дальнейшей транспортировки к местам доставки.

Необходимо отметить, что осуществление рыболовства порой сопровождается нарушением правил рыболовства. Причем, наряду с капитанами добывающих судов и их судовладельцами, к административной ответственности за нарушение правил рыболовства привлекаются капитаны и судовладельцы приемотранспортных судов.

В соответствии с п. 9 ст. 1 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [1, с. 15], рыболовство – это деятельность по добыче (вылову) водных биоресурсов и в предусмотренных настоящим законом случаях по приемке, обработке, перегрузке, транспортиров-

ке, хранению и выгрузке уловов водных биоресурсов, производству рыбной продукции [1, с. 20]¹.

Причем осуществление промышленного рыболовства возможно после получения разрешения на добычу (вылов) ВБР. Разрешение на добычу (вылов) выдается в отношении каждого судна, осуществляющего рыболовство².

Мы полагаем, что деятельность по приемке, обработке, перегрузке, транспортировке, хранению и выгрузке уловов водных биоресурсов, производству рыбной продукции является добыча (вылов) является неотъемлемой частью рыболовства.

В соответствии с Кодексом торгового мореплавания к судам рыбопромышленного комплекса относятся суда, осуществ-

1 О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»: федер. закон Рос. Федерации – Москва: Проспект, 2023. – С. 20.
2 Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ статья 34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/?ysclid=ls9clmnrju852711686> (дата обращения: 31.01.2024).

вляющие рыболовство, а также приемотранспортные суда и суда вспомогательного флота³.

Необходимо заметить, что при привлечении капитанов и судовладельцев приемотранспортных судов к ответственности им вменяется осуществление промышленного рыболовства в части приемки, хранения, погрузки, перегрузки, транспортировки уловов ВБР с нарушением законодательства о рыболовстве. Однако, сложившаяся практика фактически разделяет промышленное рыболовство на рыболовство непосредственно с добычей уловов ВБР, и рыболовство без добычи ВБР.

Следует подчеркнуть, что российские и иностранные суда и иные плавучие средства (далее – суда), при осуществлении рыболовства и следующими в исключительную экономическую зону (далее – ИЭЗ) Российской Федерации, после пересечения линии её внешней границы или заменяющей её делимитационной линии, а также выходящими из ИЭЗ РФ до пересечения линии её внешней границы или заменяющей её делимитационной линии обязаны проходить контрольные пункты (точки)⁴. При этом судно не позднее чем за 8 часов до пересечения линии внешней границы ИЭЗ РФ не обязано уведомить об этом пограничный орган⁵.

Далее обратимся к решению Арбитражного суда Мурманской области [6], которым судовладелец приемотранспортного судна за невыполнение пункт 9 Порядка о прохождении контрольных пунктов (далее – Порядка) был освобожден от ответственности по статье 18.6 КоАП РФ. Как следует из материалов дела, Общество на рефрижераторном судне «Новый свет» в 6:00 МСК пересекло государственную границу Российской Федерации, а ориентировочно в 9:00 МСК пересекло линию внешней границы исключительной экономической зоны Российской Федерации и проследовало по назначению в порт Велсен (Нидерланды). На борту судна находилось 2 056 294 кг продукции из краба-стригуна опило. При этом Общество не позднее чем за 8 часов до пересечения линии внешней границы исключительной экономической зоны Российской Федерации не уведомило об этом пограничный орган и не прошло через контрольные пункты (точки), тем самым нарушив требования Порядка. Заявитель (Общество) отметил, что он осуществлял перевозку (транспортировку) не уловов водных биоресурсов, а переработанную пищевую рыбную продукцию – варёно-мороженые конечности краба, следовательно, не обязан был уведомлять административный орган о намерении пересечь государственную границу Российской Федерации.

По факту выявленного нарушения Управление 08.10.2020 составило в отношении Общества протокол по делу об административном правонарушении № 2109/2025-20, а 28.10.2020 вынесло постановление по указанному делу о привлечении Общества к административной ответственности по статье 18.6 КоАП РФ в виде взыскания 200 000 руб. штрафа [6]. Не прохождением судном «Новый свет» в спорный период контрольных пунктов (точек) в соответствии с требованиями Порядка № 605, Общество не оспаривало. Более того, Обществом не оспаривался и факт приемки на борт с российских

рыбопромысловых судов в исключительной экономической зоне Российской Федерации продукцию из краба-стригуна опило. Суд первой инстанции, указав, что Общество транспортировало не улов водных биологических ресурсов, а рыбную продукцию и не усмотрел в действиях Общества события административного правонарушения по статье 18.6 КоАП РФ.

Однако Апелляционный суд [5], констатировав ошибочность вывода суда первой инстанции об отсутствии в действиях Общества объективной стороны административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена статьей 18.6 КоАП РФ, наличие в действиях Общества всех элементов состава административного правонарушения, нарушение порядка привлечения Общества к административной ответственности, отменил решение и отказал в удовлетворении заявления Общества о признании незаконным и отмене постановления Управления.

Причем суд отметил, что статьей 18.6 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушение судами рыбопромыслового флота порядка прохождения установленных контрольных пунктов (точек) при пересечении внешней границы исключительной экономической зоны Российской Федерации. Суд подтвердил, что был нарушен установленный законодательством порядок прохождения установленных контрольных пунктов (точек) при пересечении внешней границы исключительной экономической зоны Российской Федерации. Деятельность Общества по приемке, транспортировке и хранению продукции из уловов водных биологических ресурсов непосредственно связана с пересечением линии внешней границы исключительной экономической зоны Российской Федерации и может осуществляться только с соблюдением установленных Порядком № 605 правил.

Таким образом, рыболовство представляет собой деятельность, которая не ограничивается только добычей (выловом) водных биологических ресурсов, а включает в том числе их приемку, хранение и транспортировку.

Пристатейный библиографический список

1. Беляева О. А., Боголюбов С. А., Галиновская Е. А. [и др.]. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ, п. 9, ст. 1. – Москва: Проспект, 2020. – 216 с.
2. Постановление Арбитражный суд Северо-Западного округа: от 15 сентября 2021 г. по делу № а42-9854/2020 Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ELhZAGlguQW3/?ysclid=ls9dgzu5o34726216>.
3. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 11.03.2021 по делу № А42-9854/2020. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ELhZAGlguQW3/?ysclid=ls9dgzu5o34726216>.

3 Кодекс торгового мореплавания, статья 7 п. 2. Информационно-правовая система Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/?ysclid=ls9clmnrju852711686> (дата обращения: 31.01.2024).

4 Порядка о прохождении контрольных пунктов: приказ ФСБ России № 605 п. 2 от 31.12.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2024).

5 Там же.

БЫШКОВ Павел Анатольевич

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, доцент Высшей школы управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ БИЗНЕСА В СФЕРЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается текущее состояние контрольно-надзорной деятельности в России. Отмечается уменьшение числа проверок, однако существуют проблемы, такие как необоснованное уголовное преследование предпринимателей. В статье также обсуждаются полномочия правоохранительных органов, дается классификация экономических преступлений и меры для защиты прав предпринимателей. В контексте улучшения инвестиционного климата, предлагается рассмотреть расширение полномочий прокуратуры, декриминализацию определенных уголовных преступлений и более частое применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы. В целом, изменения в законодательстве могут способствовать развитию экономики и защите прав предпринимателей.

Ключевые слова: снижение административного давления, предпринимательство, Россия, контрольно-надзорная деятельность, инвестиционный климат, правоохранительные органы, уголовное законодательство, преступления, защита прав предпринимателей.

BYSHKOV Pavel Anatoljevich

Ph.D. in Law, Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Higher School of Management of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL ASPECTS OF BUSINESS PROTECTION IN THE FIELD OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES

The article examines the current state of control and supervisory activities in Russia. He notes a decrease in the number of inspections, but there are problems, such as unjustified criminal prosecution of entrepreneurs. The article also discusses the powers of law enforcement agencies, the classification of economic crimes and measures to protect the rights of entrepreneurs. In the context of improving the investment climate, the article suggests expanding the powers of the prosecutor's office, decriminalizing certain criminal offenses and more frequent use of preventive measures not related to imprisonment. In general, changes in legislation can contribute to the development of the economy and the protection of the rights of entrepreneurs.

Keywords: reducing administrative pressure, entrepreneurship, Russia, control and supervisory activities, investment climate, law enforcement agencies, criminal legislation, crimes, protection of the rights of entrepreneurs.

На пленарном заседании XXVI Петербургского международного экономического форума Президент РФ в своей речи отметил «...предприниматели говорят, что теперь вместо контроля надзорных органов стали приходиться правоохранители, причем зачастую и нарушений-то никаких нет, а они тут как тут – уже приходят, что-то там ковыряют...» [1]. Ранее Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов, представил результаты исследования «Индекс административного давления 2023 года» [2], основанные на данных за несколько прошлых лет. Согласно исследованию, уровень административного давления на предпринимательскую деятельность снизился по сравнению с предыдущими годами. Одной из главных причин снижения является уменьшение числа проверок, которых было на 70% меньше, а именно 292 тысячи, по сравнению с 976 тысячами предыдущего года. Следует также заметить, что произошло улучшение качества контрольно-надзорной деятельности в России. Однако, несмотря на позитивную динамику, все еще существуют проблемы в сфере контрольно-надзорной деятельности. Согласно докладу «Индекс административного давления 2023 года» (см. доклад с. 43), более половины опрошенных считают, что бизнес в Российской Федерации недостаточно защищен от необоснованного уголовного преследования. Одним из примеров такого преследования за последние годы может служить дело о банкротстве компании «МегаФон». В 2018 году компанию обвинили в неуплате налогов на сумму более 33 миллиардов рублей. Однако, по мнению защиты, эти обвинения были необоснованными. Компания вынуждена была обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве. Кроме того, дело ООО «Фабрика Вкуса» 2022 года. Основанием для начисления налога на при-

быль, пени и штрафа послужило неправомерное заявление обществом о внереализационных расходах. Общество указало в своих расходах «Списание товаров» за счет порчи, боя, естественной убыли, утраты продукции из-за поломки холодильника и прочих причин. Однако суд отказал в удовлетворении требования. По требованию инспекции Общество не представило необходимые документы, такие как акты уничтожения некачественной продукции, выписки из регистров налогового учета по учету товара, списанного в связи с его уничтожением, а также подтвержденный уполномоченным органом государственной власти документ об отсутствии виновных в недостатке, хищении лиц. В отношении списанных товаров в пределах норм естественной убыли судом было отмечено, что налогоплательщик не представил до окончания проверки документы, подтверждающие причины списания товара. Кроме того, суд отклонил довод налогоплательщика о правомерном отнесении во внереализационные расходы продуктов питания, списанных в результате порчи ввиду поломки холодильного оборудования. Таким образом, на основании отсутствия необходимых документов и недостаточности представленных доказательств, общество было обязано выплатить налог на прибыль, пени и штрафы.

Подобные примеры имеют негативное влияние на деловую репутацию России и отталкивают инвесторов. Поэтому необходимо принимать меры для защиты прав предпринимателей и снижения уровня административного давления на бизнес, проведение превентивной правовой работы с бизнес-сообществом.

В соответствии с правовой и политико-экономической ситуацией в 2022 и 2023 годах, Правительство РФ получило возможность устанавливать особенности контрольно-над-

зорной деятельности на территории Российской Федерации, включая введение временного запрета на проведение проверок и контрольных (надзорных) мероприятий (см. пункт 2 части 1 статьи 18 Федерального закона от 08.03.2022 года № 46-ФЗ) [3]. Постановление Правительства РФ № 336 [4] ввело запрет на многие ранее потенциально возможные внеплановые проверки в 2023 году. Мораторий не накладывал в 2023 году никаких ограничений на проведение контрольно-надзорных мероприятий без взаимодействия. Мораторий на плановые проверки распространяется исключительно на такие виды надзора и контроля, которые подчиняются правилам, установленным Законом О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации от 31.07.2020 № 248-ФЗ [5] или Законом О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля от 26.12.2008 № 294-ФЗ [6]. Все остальные виды надзора, поскольку они выведены из-под регулирования Закона о госконтроле и Закона № 294-ФЗ, никакого моратория не предполагают.

Предпринимательская деятельность и инвестиционный климат в России строятся на принципах юридического равенства и добросовестности сторон, с уверенностью в гарантиях от незаконного и необоснованного вмешательства в деятельность коммерческих организаций, которые закреплены в статьях 8 и 34, 35 Конституции России. Российская Федерация, как государство, основанное на праве, обеспечивает единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, приверженность конкуренции и свободе экономической деятельности. Частная собственность признается и защищается наравне с другими формами собственности. Все граждане имеют право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и других законных экономических целей.

Правительство РФ активно работает над улучшением инвестиционного климата в стране. В частности, за последние годы, было принято несколько законов, направленных на упрощение процедур регистрации бизнеса, уменьшение налогового бремени для предприятий, а также улучшение условий для привлечения иностранных инвесторов из «дружественных стран».

Также были созданы специальные инвестиционные зоны (СИЗ), которые предоставляют инвесторам ряд преимуществ, таких как освобождение, от налогов на прибыль или земельный участок на определенный период времени. Благодаря этим мерам Россия постепенно реализует курс на привлечение инвесторов из разных стран мира.

Экссессивное вмешательство правоохранительных органов в коммерческую деятельность частных организаций и произвольное толкование гражданско-правовых договоров создают возможность для принятия решений, которые ограничивают права предпринимателей. В юриспруденции наиболее актуальными преступлениями в этой сфере считаются мошенничество, присвоение или растрата, особенно в случаях бухгалтерского аутсорсинга. В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) [7] содержатся нормы, регулирующие юридическую ответственность в случаях мошенничества, присвоения или растраты. Статья 159 УК РФ относится к мошенничеству. Она предусматривает ответственность за приобретение, сбыт или использование поддельных или подложных документов, а также за различные махинации с деньгами и имуществом других людей с целью причинения им ущерба. В России есть множество примеров, когда мошенники использовали поддельные документы для получения кредитов или других финансовых выгод. Одним из наиболее заметных случаев является дело о мошенничестве в отношении ООО в Майкопском филиале «Газпром

трансгаз Краснодар», где злоумышленники использовали поддельные документы для получения кредита.

Статья 160 УК РФ относится к присвоению или растрате. Она устанавливает ответственность за присвоение или растрату чужого имущества или имущественных прав путем злоупотребления служебным положением, а также при совершении кражи, мошенничества или иных действий. Одним из таких стало дело о присвоении более 1,5 миллиарда рублей, связанное с банкротством ОАО «Нижекамскнефтехим». В этом случае было установлено, что руководство компании злоупотребляло своими полномочиями и присваивало деньги компании.

Что касается бухгалтерского аутсорсинга, то в случае сотрудничества с внешними аутсорсинговыми компаниями по бухгалтерскому учету, важно заключить договор и установить ясные условия работы с оговорками об ответственности за возможные мошеннические действия. В предметной области, касающейся налоговых вопросов, предположения налоговых органов относительно сомнительных сделок или наличия контрагентов в «подозрительном списке» могут послужить основанием для возбуждения уголовных дел в отношении незаконной банковской деятельности, отмывания денежных средств или неуплаты налогов. Также необходимо отметить уголовные дела, связанные с сокрытием денежных средств или имущества организации, которые могут использоваться для уклонения от уплаты налогов. В этом случае компании пытаются скрыть свои доходы и уменьшить налоговые обязательства.

Правоохранительные органы иногда трактуют такие действия как преднамеренное и корыстное поведение, направленное на сокрытие денег и имущества с целью избежать их учета налоговыми органами.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство содержит специальные нормы, регулирующие производство в отношении преступлений, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью. Данные нормы касаются порядка инициирования уголовных дел, признания предметов и документов доказательствами, а также устанавливают сроки возврата незаконно изъятых предметов, применение мер в виде заключения под стражу и другие меры. Требования, содержащиеся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [8] и других законах, должны являться дополнительными гарантиями неприкосновенности инвестиций и законных коммерческих инициатив. Однако, встречаются систематические нарушения этих требований, вызванные либо превышением полномочий правоохранительными органами, либо их небрежным отношением к ним.

Исходя из пункта 1.2 Перечня № 2 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 34/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 1 от 24.01.2020 года, который регулирует введение в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо отметить наиболее часто встречающиеся составы преступлений. В этом списке лидирующую позицию занимает часть 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также ряд других статей, которые также указаны в части 1.1 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве оснований для неприменения меры пресечения в виде заключения под стражу при определенных условиях. В статистической карточке эти составы преступлений относятся к категории экономических преступлений, при условии наличия дополнительных факторов, включая оценочный характер. Однако, такая классификация приводит к отсутствию соответствующего кода и, следовательно, лишает предпринимателей гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Возникает важная проблема отсутствия конкретных статистических данных по преступлениям, совершенным в предпринимательской сфере. Необходимо, как минимум

рекомендовать органам власти ввести дополнительные коды учета по предпринимательским составам преступлений [9], что значительно облегчило бы выявление и последующее разрешение проблем, с которыми сталкиваются предприниматели, а как максимум правозащитникам вести статистику, которая была бы независимой от органов государственной власти. Это позволило бы получить объективную картину происходящего и принять необходимые меры для защиты интересов предпринимателей.

Кроме того, следует повысить уровень правовой грамотности среди предпринимателей и финансово-экономической грамотности следователей. Очень важно, чтобы субъекты предпринимательской деятельности понимали критерии оценки своих действий с точки зрения общественной опасности и умели правильно действовать в сложных ситуациях. Для этого необходимо формировать регламенты правильных действий и повышать их правосознание. Только так можно обеспечить эффективное функционирование бизнеса и справедливость в обществе.

В данной сфере требуется усиление надзора и дополнительный контроль со стороны органов прокуратуры за ходом расследования дел, возбужденных или возобновленных по итогам принятых мер прокурорского реагирования. По данным Генеральной прокуратуры, на фоне моратория на проверки в отношении бизнеса возникла проблема подмены деятельности контрольно-надзорных органов деятельностью органов правоохранительных. Данная проблема была отмечена также в Докладе федерального бизнес-омбудсмена главе государства, и Президентом страны даны поручения по ее проработке. Минюстом России были подготовлены изменения в законодательство, направленные на исключение дублирования полномочий правоохранительных и контрольно-надзорных органов. Однако, к сожалению, эти изменения затрагивают только нормы КоАП РФ, а поправок в закон «О полиции» о недопустимости «вне процессуальных проверок без регистрации сообщений о преступлении» нет. Необходимо продолжать работу в данном направлении и принимать меры для устранения указанных проблем.

В России существуют проблемы практики применения уголовного законодательства в отношении предпринимателей, обвиняемых по экономическим статьям Уголовного кодекса РФ. При этом отметим, что следующие меры могут способствовать улучшению ситуации.

Первая мера – расширение полномочий органов прокуратуры для защиты прав предпринимателей. В настоящее время прокуроры имеют ограниченные возможности в защите прав предпринимателей, которые обвиняются по экономическим статьям Уголовного кодекса РФ. Расширение полномочий прокуратуры позволит им более эффективно защищать права предпринимателей и обеспечивать справедливость в судебных процессах.

Вторая мера – декриминализация и классификация определенных уголовных преступлений как административные правонарушения. Некоторые экономические преступления, такие как незаконное предпринимательство, могут быть классифицированы как административные правонарушения. Это поможет уменьшить количество уголовных дел и сократить нагрузку на судебную систему.

Третья мера – более частое применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, таких как залог или запрет определенных действий. В настоящее время в России часто используется лишение свободы как мера пресечения, что может привести к неоправданным ограничениям прав предпринимателей. Более частое применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, поможет обеспечить более справедливое рассмотрение дел и защитить права предпринимателей.

Так в 2019-2023 годы произошло заметное увеличение числа дел, связанных с экономическими преступлениями.

Большинство из них были связаны с нарушением правил банкротства и незаконным оборотом денежных средств. Однако, несмотря на высокую степень общественной опасности этих деяний, не все они должны быть квалифицированы как уголовные преступления.

В настоящее время предприниматели в России сталкиваются с непростой ситуацией в сфере уголовных правоотношений. Часто они становятся жертвами произвола со стороны силовых органов. В результате предприниматели теряют свой бизнес и репутацию, а также подвергаются лишению свободы.

Однако, как было отмечено ранее, расширение полномочий органов прокуратуры, декриминализация некоторых уголовных преступлений и более частое применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, могут помочь изменить ситуацию. Эти меры позволят более эффективно бороться с преступлениями в сфере бизнеса и защитить права предпринимателей.

В целом, такие изменения в законодательстве помогут улучшить деловой климат в стране и привлечь больше инвестиций. Бизнесмены будут чувствовать себя защищенными и уверенными в завтрашнем дне, что способствует развитию экономики и благополучию страны и общества.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71445>.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2022.html.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.03.2022 № 46-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 марта 2022 г. № 11 ст. 1596.
4. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. N 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 марта 2022 г. № 11 ст. 1715.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5007.
6. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // «Российская газета» от 30 декабря 2008 г. № 266.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
9. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений». // Российская газета». - № 13. - 25.01.2006.

ТОРЯНИКОВА Ирина Витальевна

преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

В данной статье автором рассматриваются актуальные вопросы административного принуждения, которые выражаются в некоторых факторах: во-первых, это экономический фактор, согласно которому административное принуждение выступает некой необходимостью на пути развития рыночной экономики в государстве; во-вторых, политический фактор, означающий возможность полноценной реализации прав граждан, защиты государства, а также поддержание правопорядка на ее территории лишь посредством применения в необходимых случаях принуждения; в-третьих, правовой фактор, означает возможность полноценного регулирования посредством принуждения порядка производства по делам об административных правонарушениях. Сформулированы понятия административного принуждения, дана классификация признаков принуждения. Выделены формы государственного принуждения и раскрыты некоторые особенности его применения.

Ключевые слова: административное принуждение, административное правонарушение, административная ответственность, восстановление права, обеспечение правопорядка.

TORYANIKOVA Irina Vitaljevna

lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

CURRENT ISSUES OF ADMINISTRATIVE COERCION: THE CONCEPT AND FEATURES OF ITS APPLICATION

In this article, the author examines current issues of administrative coercion, which are expressed in several factors: firstly, this is an economic factor, according to which administrative coercion acts as a kind of necessity in the development of a market economy in the state; secondly, the political factor, which means the possibility of fully realizing the rights of citizens, protecting the state, as well as maintaining law and order on its territory only through the use of coercion when necessary; thirdly, the legal factor means the possibility of full regulation through coercion of the procedure for proceedings in cases of administrative offenses. The concepts of administrative coercion are formulated and a classification of signs of coercion is given. The forms of state coercion are highlighted and some features of its application are revealed.

Keywords: administrative coercion, administrative offense, administrative responsibility, restoration of rights, ensuring law and order.

Во все времена к обществу со стороны государства применялись различные методы воздействия на них и на их поведение. Как правило, такими методами выступают убеждение и соответственно принуждение. По своей сути с помощью принуждения государство воздействует различным образом на поведение правонарушителей. Принуждение не может применяться к лицу просто так, более того, оно применяется лишь после того, как лицо нарушит ранее установленные государством правовые предписания, чем нарушит закон и повлечет за этим необходимость применения принуждения.

Как и любое явление, принуждение обладает рядом своих специфических и характерных для него, признаков, к которым следует отнести:

1. Применять меры принуждения могут не все, а лишь специально уполномоченные на то органы, наделенные для этого конкретными средствами.

2. Принуждение выступает в качестве как психологического, так и физического воздействия на поведение лица, к которому оно применяется.

3. Для того, чтобы применить меру принуждения, необходимо наличие, установленных законом оснований, поскольку в противном случае такое применение будет считаться незаконным.

4. Принуждение применяется не просто исходя из желания субъекта, а для того, чтобы посредством этого достичь

определенную цель. То, какая цель преследуется, зависит от того, какой вид принуждения используется. Целями могут быть:

- превенция правонарушений;
- пресечение совершаемых правонарушений;
- восстановление права;
- обеспечение правопорядка;
- наказание лиц, совершивших правонарушение.

5. Реализация принуждения осуществляется посредством существующих конкретных мер.

Законодательно понятие «административное принуждение» не закреплено, что конечно же вызывает немало вопросов в административной работе. Более того, некоторые из авторов вместо «административное принуждение» предлагают для употребления термин «административно – правовое принуждение». Это связано с тем, что само по себе административное принуждение является наиболее широким понятием, нежели чем предлагаемое. Для административного принуждения форма не является определяющим признаком[1].

Существуют различные подходы к административному принуждению. Наука административного права понимает его как вид государственного принуждения, который урегулирован нормами административного материального и процессуального права.

Торяникова И. В.

Отличительными признаками принуждения выступают следующие:

1. Административное принуждение – это прежде всего особый вид государственного принуждения, который применяется в целях охраны общественных интересов, образующихся в сфере публичных отношений между субъектами.

2. Административное принуждение, как и государственное может быть применено не любым субъектом, а лишь имеющими на это право органами. Как правило, такие меры применяются ни одним, а несколькими органами, которые направлены на реализацию защиты правопорядка и общественных отношений [2].

3. Административное принуждение выступает внесудебной мерой, поскольку применяется преимущественно административными органами или должностными лицами в рамках их полномочий.

4. Исполняется в пределах специальных взаимоотношений, образующихся в области государственного управления.

Как уже отмечалось, чтобы применить ту или иную меру административного принуждения, необходимо наличие конкретных оснований. Главным из них выступает наличие совершенного правонарушения, но также отметим и то, что помимо него, выступает также и преступление. Примером может послужить ситуация, когда сотрудник полиции уполномочен применять физическую силу или специальные средства в том числе для пресечения преступлений, что указывается в законе «О полиции».¹

Если рассматривать указанный институт с точки зрения административно – правового принуждения, то можно определить и совершенно другой подход к его содержанию [3]. Для того, чтобы отделить рассматриваемое нами принуждение от иных его видов за основу деления берутся такие критерии, как:

– Положение субъекта, к которому данная мера принимается с точки зрения права;

– Область правового регулирования, где непосредственно происходит реализация воздействия на субъектов.

В результате такого понимания административное принуждение относится к правоохранительной и правоприменительной деятельности компетентных органов, которая направлена на лиц, совершивших правонарушение.

Нормы материального права определяют, в каких случаях и по каким причинам, а также в каком порядке используются меры принуждения.

Описанный подход определяет административное принуждение в узком смысле. Так, помимо административного принуждения, выделяют и другие виды принуждения, к которым можно отнести гражданско-правовое, дисциплинарное, уголовно-процессуальное, финансово-правовое виды принуждения.

Такой подход не является общепринятым в науке административного права. Логичнее представляется широкий подход к определению термина «административное принуждение».

5. Административное принуждение характеризует также тот факт, что компетентный государственный орган и лица, к которым он применяется, не связаны служебным подчинением, что отличает его от дисциплинарного принуждения, который имеет место быть в рамках служебных

отношений. Процессуальный порядок его применения отличается быстротой, относительной простотой и экономичностью.

В связи с чем отметим, что в Кодексе административного судопроизводства,² который был введен в действие относительно иного законодательства весьма недавно, имеют место быть требования настоящего судопроизводства, а также устанавливается упрощенная процедура административного судопроизводства.

В целях реализации защиты публичного права лица является важным реализация наиболее эффективного производства по административным и иным публичным делам.

Важно учитывать, что административное принуждение является частью государственного принуждения, имеющего целью принудить конкретные субъекты права соблюдать нормы права и воздерживаться от их нарушения. Презюмируя, что принуждение является неотъемлемым элементом защиты прав, можно отметить, что цель государственное принуждения – это обеспечение правопорядка, защиты прав и интересов граждан, государства и общества.

Представляется возможным выделить различные формы государственного принуждения:

– Форма, направленная на прекращение совершаемого правонарушения;

– Форма, направленная на превенцию правонарушений;

– Форма, направленная на возвращение прав в состоянии до совершения правонарушения;

– Форма, преследующая целью наказать правонарушителя.

Классификация принудительных мер возможна по нескольким причинам, так как меры юридического принуждения разнообразны и имеют многочисленные характеристики.

Государственное принуждение можно разделить по секторам, в которых оно применяется, поэтому административное принуждение является секторальным. Ученые дают различные определения административному принуждению, что делает его вопросом дискуссионного характера.

Использование административного принуждения целесообразно только в крайних случаях, когда требуется защита порядка. При этом административное принуждение может использоваться в различных целях, в том числе и для профилактики и пресечения нарушений права, а также для поддержки административного процесса. В широком смысле цель административного принуждения – обеспечение общественного правопорядка. По общему правилу такой вид принуждения является внесудебным, поскольку применяется органами исполнительной власти и их должностными лицами в процессе осуществления их деятельности.

Сущность административного принуждения заключается в административном характере мер и не всегда сводится к внесудебным мерам. Нормы административного права предусматривают перечень различных мер, которые могут быть применены для поддержания правопорядка. При этом регулирование составляют не только нормы административного права, но и нормы других отраслей, например, земельного, трудового, гражданского и других отраслей, обеспечением которых занимаются органы исполнительной власти.

1 О полиции: Федеральный закон от 07.12.2011 ФЗ № 3 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900. (последняя редакция).

2 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391. (Ред. от 25.12.2023).

Меры административного принуждения применяются в случае административного правонарушения или иных условий, предусмотренных нормами права. Этим административное принуждение отличается от других видов принуждения (в случае уголовного принуждения условием его применения является совершение преступления).

В результате можно сделать вывод о том, что административное принуждение выступает в качестве одного из видов государственного принуждения, но которое направлено на воздействие в области административных и иных публичных отношений. Как и любое явление, административное принуждение обладает рядом своих признаков, которые в свою очередь, также помогают отделить его от иных видов государственного принуждения. Административное принуждение также обладает своими функциями, целями и классифицируется на различные виды. Такой подход способствует подробному изучению административного принуждения.

По своей сути меры принуждения, а также рассматриваемая нами конкретная мера в виде административного наказания, являются карательной санкцией, наделенной своими целями. Их применение должно осуществляться в строгом соблюдении закона.

Ответственность может определяться в различных понятиях, как черта характера или же как правовая категория. Очень многое ответственность значит в повседневной жизни каждого из нас. Большинство людей не в состоянии нести какую – либо ответственность за свои поступки и больше придерживаются той позиции, что лучше ее избежать.

Любая правовая норма, как известно, должна содержать в себе такие элементы как гипотеза, диспозиция и санкция. Но есть исключения. Когда один из элементов, например, отсутствует. Конечно же санкцию мы можем понимать в различных вариантах. Но так или иначе, абсолютно в каждом смысле санкция подразумевает под собой то, что нужно исполнить, что нужно запретить и т.п. Немаловажное значение имеют принципы юридической ответственности. Под ними следует понимать некие идеи и начала, которыми руководствуются при применении ответственности.

По мнению Б. В. Россинского административная ответственность – это вид государственного принуждения, который урегулирован нормами административного права [4].

Юридическая ответственность и административная ответственность имеют общие черты. Как отдельный вид ответственности, административная ответственность имеет свои особенности, среди которых:

- Реализуется без обращения в суд (является внесудебной) в большинстве случаев;
- Наказания назначают должностные лица в случае совершения другими лицами предусмотренных законом правонарушений;
- Административные наказания являются менее суровыми в отличие от уголовных наказаний;
- Уголовная ответственность закрепляется УК РФ³, административная – кодексом об административных правонарушениях и законами субъектов РФ, посвященных административной ответственности.

Чтобы совершенное лицом деяние являлось административным правонарушением, необходимо его отграничить от преступления. Это приводит к следующим выводам:

– Не следует квалифицировать одни и те же деяния как административное правонарушение и как уголовное преступление;

– Уголовная ответственность является приоритетной в случае, если деяние содержит признаки преступления. Правильная квалификация важна с учетом того, что Кодекс об административных правонарушениях содержит множество составов, требующих отграничения от преступлений.

В первую очередь отметим то, что основанием применения данной меры административного принуждения является само административное принуждение, которое по своему содержанию обладает такими же признаками, как и преступление, но главным их отличием выступает их содержание и соответственно уровень общественной опасности.

Пристатейный библиографический список

1. Сафоненков П. Н. Административное принуждение, применяемое таможенными органами, как научная проблема // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 4. – С. 295-298.
2. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография. – СПб.: Санкт – Петербургский университет МВД России, 2014. – С. 83.
3. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. – М.: Норма, 2015. – С. 37.
4. Гришин Д. А. К вопросу о понятии и содержании административного принуждения, применяемого сотрудниками ФСИН России // Административное право и процесс. – 2016. – № 1. – С. 33-38.
5. Россинский Б. В. Административная ответственность. – М.: Норма, 2015. – С. 1.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. (Ред. от 25.12.2023) (С изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023).

МИТАШОВА Анастасия Анатольевна

магистрант Юридического факультета имени А. А. Хмырова Кубанского государственного университета

ИВАНЕНКО Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФАКТОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В тексте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не раскрывается понятие «отрицательного факта», не приводится его правовая квалификация, нет указания на то, возможно ли доказать отрицательный факт в процессе рассмотрения и разрешения дела или такая возможность лишена практического обоснования. Затронут исторический аспект возникновения понятия «отрицательный факт». Проанализирован опыт зарубежных стран и зарубежных ученых в рассмотрении вопроса о возможности доказывания отрицательного факта. Рассмотрены подходы, сложившиеся в юридической доктрине и судебной практике к вопросу о возможности доказывания отрицательного факта. Раскрыта позиция о возможности доказывания отрицательных фактов в процессе рассмотрения и разрешения административного дела посредством перераспределения бремени доказывания между сторонами. Высказано мнение о подходе к рассмотрению отрицательного факта как неопределенного правоотношения, для доказывания которого необходимо наполнение последнего фактическим содержанием (с целью трансформации «отрицательного» в «определенное» для дальнейшего доказывания).

Ключевые слова: отрицательные факты, перераспределение бремени доказывания, доказывание, административное судопроизводство, неопределенное правоотношение, опыт зарубежных стран.

MITYASHOVA Anastasiya Anatoljevna

magister student of the A. A. Khmyrov Faculty of Law of the Kuban State University

IVANENKO Igor Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil process and international law sub-faculty of the Kuban State University

ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF PROVING NEGATIVE FACTS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

The text of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation does not disclose the concept of a “negative fact”, does not provide its legal qualification, there is no indication whether it is possible to prove a negative fact in the process of considering and resolving a case or such a possibility is devoid of practical justification. The historical aspect of the emergence of the concept of “negative fact” is touched upon. The experience of foreign countries and foreign scientists in considering the possibility of proving a negative fact is analyzed. The approaches developed in legal doctrine and judicial practice to the issue of the possibility of proving a negative fact are considered. The position on the possibility of proving negative facts in the process of considering and resolving an administrative case by redistributing the burden of proof between the parties is disclosed. The opinion is expressed on the approach to considering a negative fact as an indefinite legal relationship, for the proof of which it is necessary to fill the latter with factual content (in order to transform the “negative” into a “definite” one for further proof).

Keywords: negative facts, redistribution of the burden of proof, proving, administrative proceedings, an uncertain legal relationship, the experience of foreign countries.

Становление в юридической доктрине понятия «отрицательный факт» уходит своими корнями в далекие «римские времена», ведь именно в тот период времени римляне утверждали – «Nullius nulla sunt praedicata», что в переводе с латинского дословно означает «Не имеет никаких признаков то, что не существует», или, применительно к современным реалиям «отрицательный факт не подлежит доказыванию» [1, с. 567].

Выработанный римским народом взгляд в отношении отрицательных фактов продолжительное время рассматривался советскими процессуалистами в качестве основополагающего постулата, благодаря чему в юридической доктрине традиционно укоренился подход к пониманию «отрицательного факта» как отсутствия чего-либо, несовершения какого-либо акта, невыполнения обязательства, несовершения определенного действия, бездействие [2, с. 236]. В качестве примера отрицательного факта применительно к административному судопроизводству можно привести пример не-

выполнения органом государственной власти или его должностным лицом возложенных на него полномочий, а равно бездействие последних. Например, заявитель-физическое лицо в письменной форме обратился в налоговый орган с целью разъяснения ему, как налогоплательщику, порядка исчисления и уплаты налога, в то время как со стороны налогового органа соответствующего разъяснения не поступило, вышестоящий налоговый орган также проигнорировал жалобу заявителя на действия нижестоящего должностного лица, соответственно, данную ситуацию следует рассмотреть как бездействие должных лиц налогового органа, что можно расценить в качестве невыполнения налоговым органом возложенных на него законом обязанностей (п. 4, ст. 32 НК РФ) [3]. Следовательно, складывается ситуация, при которой заявителю-физическому лицу, дабы защитить свои права и интересы, необходимо доказать в суде отрицательный факт – отсутствие ответа на обращение со стороны налогового органа.

Возникает вполне закономерный вопрос: правы ли римляне, и доказать «несуществующее явление» априори нелогично, или все же существует возможность подтвердить отсутствие какого-либо факта/события/явления в процессе рассмотрения и разрешения административного дела лицом, участвующим в деле?

Следует отметить весьма интересный подход к решению данного вопроса, сложившийся в ряде зарубежных стран. Так, например, французский ученый-процессуалист Бонье весьма категорично отстаивает позицию возможности доказывания отрицательных фактов [4, с. 226]. В свою очередь К. Н. Анненков, рассуждая относительно позиции Бонье, отмечал, что сама по себе отрицательная природа таких фактов не может служить основанием для возложения обязанности доказывания обратного на противоположную сторону [5, с. 11]. Аргументирует свою позицию ученый тем, что заявитель всегда может либо выразить отрицательный факт более конкретным образом, либо доказать его существование через связанный с ним факт положительный.

В англосаксонских странах подход к доказыванию отрицательных фактов весьма красочно можно проиллюстрировать на примере уголовного процесса. Так, например, по делам об убийстве, если обвиняемый отрицает свою причастность к совершенному преступлению, то данный факт попадает в разряд «отрицательных». Однако, это вовсе не означает, что отрицательный факт не может быть доказан. Напротив, обвинитель в данном случае должен доказать причастность обвиняемого в конкретном деле. Следовательно, в английском доказательственном праве действие подобной презумпции заключается обычно в том, чтобы переложить бремя доказывания со стороны, в пользу которой она сделана, на противную сторону.

В то же время, в английском праве в некоторых категориях преступлений достаточно часто практикуется перераспределение бремени доказывания фактов на сторону защиты, а не обвинения (например, в случае, когда в целях защиты от обвинения ставится вопрос о невменяемости подсудимого, или в случае, если обвиняемый предоставляет возражения по существу обвинения с выдвижением новых обстоятельств) [6, с. 67-68].

Следует отметить, что в 19 веке не было нормативной обязанности суда распределить бремя доказывания. Однако нарушение правил распределения бремени доказывания было серьезным поводом к отмене решения Варшавской судебной палаты вышестоящей инстанцией за нарушение существенных форм и обрядов судопроизводства. Так, Кассационный Сенат неизменно указывал судам на неправильное распределение между тяжущимися обязанность доказать спорные по делу обстоятельства. И частным случаем такого нарушения является возложение обязанности доказать отрицательный факт [7, с. 174]. Следовательно, в опыт правового регулирования Польши в аспекте доказывания отрицательного факта базируется на принципе невозможности доказывания последнего.

Особая сложность в аспекте доказывания отрицательных фактов в российском законодательстве сводится к тому, что в тексте процессуального кодекса (далее – КАС РФ) нет специальных указаний ни на понятие отрицательного факта как такового, ни о доказывании отрицательного факта в процессе либо о невозможности последнего вовсе (ст. 62 КАС

РФ) [8], т. е., напрямую КАС РФ не содержит правовую регламентацию о том, что отрицательные факты в принципе не подлежат доказыванию, в чем, собственно, и заключается «корень зла».

Ввиду отсутствия надлежащего урегулирования данного вопроса одни суды полагают, как например апелляционная инстанция Новосибирского областного округа, что отрицательные факты не подлежат доказыванию вовсе [9], другие, в лице апелляционной инстанции Санкт-Петербургского городского суда, – что отрицательный факт может быть доказан [10]. На данный счет имеется сформулирована позиция высшего суда в лице Верховного суда Российской Федерации, который в одном из своих судебных актов, указал нижестоящим инстанциям на ненужность доказывания отрицательного факта [11].

Большинство отечественных процессуалистов не согласны с мнением вышестоящей судебной инстанции, с укоренившимся «римским» подходом, полагая, что отрицательные факты повсеместно входят в предмет доказывания, а в состязательном процессе количество отрицательных фактов может быть тождественно количеству фактов положительных [12, с. 692]. На наш взгляд, возникновение ситуации, при которой одной из сторон спора необходимо доказать отрицательный факт, тождественно возникновению не «отрицательного правоотношения» между сторонами, а возникновению «неопределенного правоотношения», и суду необходимо разрешить данный спор, т.е. сделать его «определенным» в результате рассмотрения и разрешения дела (установить действительно ли правоотношение не возникло).

Отрицательный юридический факт для одной стороны соотносится с положительным фактом для другой. Чтобы не вынуждать одну сторону спора заниматься доказыванием отрицательного факта, другую обязывают подтвердить противоположный факт. Применительно к вышеописанному примеру с налоговыми органами, да и в целом взяв во внимание специфику административного судопроизводства, вполне правомерным представляется перераспределить бремя доказывания между административным истцом и административным ответчиком, т.е. возложить бремя доказывания отрицательного факта на налоговый орган. Следовательно, вполне правомерно налоговому органу подтвердить или напротив – опровергнуть факт того, что заявление от истца поступало/не поступало [в какой именно форме (письменной или электронной), если поступало, то в какой день обращение было зарегистрировано (исходящий номер), к какому именно должностному лицу попало в порядке распределения, в какой день было рассмотрено, в какой день был направлен ответ и в какой форме (или не был направлен вовсе)]. Вполне логично, что гораздо проще оппоненту в лице налогового органа привести доказательство надлежащего исполнения своих должностных обязанностей.

Предполагается, что при перераспределении бремени доказывания отрицательный факт для истца преобразовывается в положительный факт для ответчика. Следовательно, отрицательный факт не исключается из предмета доказывания, а всего лишь трансформируется. В качестве подтверждающего примера указанных домыслов можно взять в качестве основы пример из судебной практики. Так, административный истец обратился в суд с иском к Федеральной службе исполнения наказания России по Новосибирской области с

целью признать незаконными действия (бездействия) федерального органа исполнительной власти, допущенные при рассмотрении обращений заявителя в адрес государственного органа и непринятии данным органом решений, а равно не направлении необходимых ответов на обращения заявителя. Следовательно, в данном споре заявителю в качестве доказательств необходимо было подтвердить перед судом отрицательный факт – неполучение ответов на обращения со стороны государственного органа, и применительно к данной ситуации, вышестоящая проверочная инстанция вполне правомерно посчитала, что в данном случае бремя доказывания между административными истцом и ответчиком подлежит перераспределению [13].

Анализируя способы доказывания отрицательных фактов, можно прийти к выводу о том, что возможность доказать «отрицательный факт» существует, для этого в процессе рассмотрения и разрешения дела следует добавить в отрицательное и несуществующее правоотношение нечто «определенное», т.е. буквально добавить фактическое содержание, и выявить – оспариваемое событие не происходило в действительности или оспариваемое действие не могло быть совершено вовсе.

Таким образом, устоявшееся в доктрине мнение о том, что «отрицательные факты не доказываются» – застывшая догма, пережиток советского прошлого, отстающего от реальности, и рассмотренные в рамках работы судебные прецеденты, идущие по обратному пути – тому подтверждение. Не следует забывать, что каждое административное дело уникально по характеру правоотношений, по субъектному составу, судам необходимо более тщательно подходить к вопросу об исследовании обстоятельств дела, выявлении фактов, имеющих значение для справедливого разрешения спора, и установлении наиболее приемлемых и эффективных правил их доказывания.

Пристатейный библиографический список

1. Смирнов И., Левинский В. (сост.). Крылатые фразы древних римлян. – М.: Рипол классик, 1999. – 704 с.
2. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М.: Интро-пик Медиа, 2012. – 608 с.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. №146-ФЗ // СЗ РФ. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3824.
4. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та. – 403 с.
5. Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Том V: Исполнение решения / [Сочинение] К. Анненкова. – Второе издание, исправленное и дополненное. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888. VIII. – 588 с.
6. Нахова Е. А. Предмет доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в гражданском судопроизводстве стран континентальной правовой системы // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 3 (69). – С. 65-76.
7. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / 3-е изд., доп. – М.: Госюриздат, 1950. – 308 с.

8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. – 09.03.2015. – № 10. – Ст. 1391.
9. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 21.02.2023 г. № 33а-1814/2023 по делу № 2а-398/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023 г.).
10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.03.2023 г. № 33-2405/2023 по делу № 2–370/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023 г.).
11. Определение ВС РФ от 30.08.2017 г. № 309-ЭС17-12939 по делу № А76-11353/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023 г.).
12. Гилев К. И. Подходы к доказыванию отрицательных фактов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 689-702.
13. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 21.02.2023 г. № 33а-1814/2023 по делу № 2а-398/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.10.2023 г.).

БУЗОВА Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия

ДОСТАТОЧНО ЛИ ПРАВ ИЗГОТОВИТЕЛЯ ФОНОГРАММ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ?

Хотя фонограммы являются самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности, их использование часто связано с реализацией интеллектуальных прав на произведения и исполнения, которые записаны на такие фонограммы. То есть для правомерного использования фонограмм, в том числе в сети Интернет, не достаточно получения согласия только изготовителя фонограммы, требуется также согласие авторов и исполнителей (или иных обладателей исключительных прав на произведения и исполнения), которые используются совместно с фонограммой. Дополнительного внимания требуют случаи использования аудиозаписей, созданных в советский период без заключения договора с автором.

Ключевые слова: исполнение, запись, музыкальное произведение, правообладатель, фонограмма, срок охраны.

Бузова Н. В.

BUZOVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Business and corporate law sub-faculty of the Russian State University of Justice

ARE THE RIGHTS OF THE PHONOGRAM MANUFACTURER SUFFICIENT TO USE MUSICAL COMPOSITIONS ON THE INTERNET?

Although phonograms are independent results of intellectual activity, their use is often associated with the realization of intellectual rights to works and performances that are recorded on such phonograms. That is, for the legitimate use of phonograms, including on the Internet, it is not enough to obtain the consent of only the phonogram manufacturer, the consent of the authors and performers (or other holders of exclusive rights to works and performances) that are used in conjunction with the phonogram is also required. Additional attention is required when using audio recordings created during the Soviet period without concluding an agreement with the author.

Keywords: performance, fixation, music work, rightholder, phonogram, duration of protection.

В век распространения информационно-телекоммуникационных сетей становится популярным как скачивание, так и прослушивание музыкальных композиций, размещенных на музыкальных сервисах, порталах, сайтах творческих организаций и других информационных ресурсах.

Зачастую доходы владельцев аудиосервисов и иных информационных ресурсов зависят от размещения на их ресурсах рекламы. Поэтому они заинтересованы в увеличении количества посетителей, желающих воспользоваться данным ресурсом, и не только самостоятельно загружают музыкальные композиции, но и в отдельных случаях, предоставляют свой ресурс другим лицам как площадку для размещения творческих объектов.

Как известно, размещение охраняемых результатов интеллектуальной деятельности предполагает осуществление действий по воспроизведению (охраняемый объект загружается на информационный ресурс) и доведению до всеобщего сведения (к объекту открывается доступ для третьих лиц через информационно-телекоммуникационную сеть). Такие действия относятся к способам использования определенных в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) результатов интеллектуальной деятельности (в том числе ст. 1270, 1317, 1324 ГК РФ), которые требуют согласия правообладателя.

При этом, когда речь идет о музыкальных композициях (фонограммах с исполнениями произведений), и, если потребителем такие объекты воспринимаются как один объект, с точки зрения права интеллектуальной собственности, используются три результата интеллектуальной деятельности, которые требуют получения согласия всех правообладателей на использование каждого из охраняемых результатов.

Но, к сожалению, несмотря на активное повышение осведомленности об интеллектуальных правах, пользователи продолжают «забывать» о необходимости получения согла-

сия на использование от всех правообладателей. Например, полагая, что получение согласия у изготовителя фонограммы является достаточным условием правомерного использования, в том числе и тех объектов, которые используются одновременно с фонограммой, в результате происходит нарушение прав.

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, приведенным в пункте 111 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» музыкальное произведение с текстом или без текста (объект авторского права), его исполнение артистом-исполнителем и фонограмма исполнения представляют собой самостоятельные результаты интеллектуальной деятельности, и нарушение прав на каждый такой результат носит самостоятельный характер.

Из такого разъяснения следует, что в случае одновременного использования фонограммы, исполнения и произведения должно быть получено согласие на использования от каждого из правообладателей и при нарушении его прав каждый из обладателей исключительных прав имеет право на защиту своего права не зависимо от других.

Безусловно, не исключены случаи, когда изготовитель фонограммы приобретает исключительные права или права использования на произведение и исполнение по закону или договору об отчуждении исключительного права, но в этом случае он одновременно становится правообладателем не только исключительного права на фонограмму, но и на исполнение, и на произведение. Однако такая передача исключительного права или такой переход исключительного права без договора, как правило, имеет документальное подтверждение, поскольку, по общему правилу, договоры об отчуждении исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности заключаются в письменной форме,

несоблюдение которой влечет их недействительность (п. 2 ст. 1234 ГК РФ), также как и переход исключительного права без договора (переход по наследству, в порядке реорганизации) предполагает соблюдение ряда формальностей.

На практике же нередки ситуации, когда обладателями исключительных прав на фонограмму, исполнение или музыкальное произведение являются разные лица. И некоторые из таких правообладателей предоставили свои права использования охраняемых результатов отдельными способами другим гражданам или организациям, которые также в соответствии со ст. 1254 ГК РФ получают право на защиту и возможность обращения в судебные органы.

И несмотря на то, казалось бы, самостоятельный характер каждого из объектов авторского права и смежных прав (произведения, исполнения и фонограммы), неправомерное использование хотя бы одного из таких результатов интеллектуальной деятельности, представляющих собой для потребителя единую музыкальную композицию, к которой он имеет доступ через сеть Интернет, может повлечь за собой прекращение доступа ко всем таким результатам одновременно.

При этом разъяснения Верховного Суда РФ, изложенные в п. 111 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», были применены иначе судом первой инстанции при рассмотрении дела № 3-25/2021. В данном деле истец, являющийся лицензиатом по договору исключительной лицензии с автором музыки в музыкальных произведениях, которая распространяется на такие способы использования как воспроизведение и доведение до всеобщего сведения, обратился за защитой авторских прав, нарушенных при размещении в медиасервисе ответчика фонограммы музыкального произведения. При рассмотрении указанного дела суд первой инстанции установил факт размещения на сайте ответчика, являющегося владельцем медиасервиса, фонограмм музыкальных произведений. Вместе с тем, поскольку ответчик в обоснование правомерности своих действий ссылался на лицензионный договор с обществом «Н», по которому ответчику предоставлялись права использования фонограммы, суд первой инстанции принял решение о том, что использование фонограмм музыкальных произведений осуществлено с соблюдением требований действующего законодательства и в соответствии с условиями лицензионного договора.

Вместе с тем суд ошибочно посчитал, что правообладатель может требовать защиты своего исключительного права на музыкальное произведение, использованное в составе фонограммы, но лишь в том случае, если не доказана «правомерность распоряжения объектом смежных прав, права на который носят самостоятельный характер».¹ То есть, по мнению суда первой инстанции, защита авторских прав на музыкальное произведение возможна в случае, если использование такого охраняемого объекта осуществляется в отрыве от объектов смежного права – фонограмм. Такая позиция была скорректирована в апелляционной инстанции. Судебная коллегия посчитала ошибочной позицию ответчика, согласно которой для использования фонограммы музыкального произведения достаточно получить права только на саму запись (фонограмму).²

Согласно пункту 2 статьи 1323 ГК РФ изготовитель фонограммы осуществляет свои права с соблюдением прав авторов произведений и прав исполнителей. Правомерное использование фонограммы по общему правилу возможно при заключении договоров о распоряжении исключительным правом как с обладателями исключительного права на

произведение, так и на исполнение, записанные на фонограмму. Таким образом, смежные права являются производными от авторских, и для осуществления смежных прав необходимо получение разрешения автора (правообладателя) и соблюдение его авторских прав.

Как отмечается в апелляционном определении, *использование фонограмм невозможно без одновременного использования других охраняемых объектов – музыкальных произведений и исполнений, которые на ней зафиксированы. Таким образом, использование записанного музыкального произведения будет являться законным, если субъектом правоотношения получены права не только на запись (фонограмму) и исполнение, но и на само музыкальное произведение с текстом, то есть приобретены как смежные, так и авторские права.*³ В результате действия ответчика были признаны нарушением.

Возможно, указанное нарушение прав является следствием не только того, что пользователь не идентифицирует все охраняемые результаты, которые использует, либо обусловлены желанием сэкономить на вознаграждении, которое необходимо выплачивать всем правообладателям (хотя такие ситуации исключать нельзя). Или он надеется на то, что его действия подпадут под пределы осуществления исключительного права на объекты авторских и смежных прав, предусмотренные российским законодательством. Такие пределы осуществления исключительного права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в музыкальной сфере включают в себя ограничения и исключения из авторского права и смежных прав и исчерпание исключительного права и допускают использование охраняемых результатов без согласия правообладателей.

Например, в отношении музыкальных произведений, исполнений и фонограмм ряд правомочий, таких как публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю может осуществляться через аккредитованные организации по управлению авторскими и/или смежными правами на коллективной основе, через такие как Российское авторское общество, Всероссийская организация по интеллектуальной собственности.

В случае правомерного введения в гражданский оборот фонограммы посредством продажи или иного отчуждения экземпляра или оригинала фонограммы дальнейшее распространение такого материального носителя с фонограммой возможно без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения (ст. 1325 ГК РФ). Положение об исчерпании исключительного права предусмотрено и для правомерно опубликованных произведений, оригиналы или экземпляры которых были правомерно проданы или иным образом отчуждены на территории Российской Федерации (ст. 1272 ГК РФ).

Однако доведение до всеобщего сведения является самостоятельным способом использования, которое связано не с распространением охраняемого результата интеллектуальной деятельности (хотя в литературе, не относящейся к интеллектуальной собственности, можно встретить фразы о распространении произведений и фонограмм через сеть Интернет), а с предоставлением доступа к таким объектам в цифровой форме через информационно-телекоммуникационную сеть.

Пользователю следует быть внимательным и обращать внимание на разницу правовых последствий распространения экземпляра фонограммы на материальном носителе (в этом случае происходит исчерпание прав, но только при введении в оборот конкретных экземпляров, а не произведения в целом) и доведения до всеобщего сведения фонограмм, которые представляют собой аудиозаписи исполнений произведений (исчерпания прав не наступает).

Кроме того, в случаях, когда запись исполнения была произведена с согласия исполнителя, а ее воспроизведение, сообщение в эфир или по кабелю либо публичное исполнение осуществляется в тех же целях, для которых было получено согласие исполнителя при записи исполнения, исключительное право на исполнение не распространяется на воспроизведение, сообщение в эфир или по кабелю и публичное исполнение такой записи (п. 3 ст. 1317 ГК РФ).

3 Там же.

1 Решение Московского городского суда от 19 января 2021 г. по делу 3-0025/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/02b70b60-25b9-11eb-bf25-318936fcca37?uid=770S0000-02-2020-004014-42&formType=fullForm>.

2 Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 4 июня 2021 г. № 66-1944/2021. УИД 770S0000-02-2020-004014-42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1ar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1645835&delo_id=5&new=5&text_number=1.

Вместе с тем, как уже было отмечено выше, указанные пределы не распространяются на доведение до всеобщего сведения. И для осуществления этого способа использования необходимо получение согласия правообладателя.

В отдельных случаях ситуация усложняется тем, что результаты интеллектуальной деятельности были созданы до введения в действие Основ гражданского законодательства 1991 г.⁴ и Закона РФ от 9 июля 1993 г. №5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве), когда на произведения и звукозаписи распространялись правовые режимы, отличные от действующих в настоящее время в отношении произведений и фонограмм, а в отношении исполнений не признавались смежные права.

Хотя произведения и аудиозаписи их исполнений были созданы в советский период, вопросы о правомерности их использования, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, возникают в настоящее время. В качестве примера можно привести спор, который был рассмотрен в суде в 2023 году, в связи с размещением в сети Интернет фонограммы произведения. В данном споре одна из которых, истец, обладает по договору исключительной лицензии правами на использование произведения, созданное в 1989 г., а другая, ответчик, также по лицензионному договору обладает правами на использование фонограммы (аудиозаписи такого произведения), которая была создана в тот же временной период, когда действовал ГК РСФСР 1964 г.⁵

Следует признать, что в советский период «творческая деятельность артистов-исполнителей регулировалась нормами трудового права» [2, с. 155]. Например, в пункте 2 Положения об условиях и оплате труда работников концертных организаций, музыкальных и танцевальных коллективов, отмечалось, что вопросы, не предусмотренные данным положением, регулируются общим законодательством о труде и специальными нормативными документами (в частности, Инструкцией о порядке тарификации артистического и художественного персонала театров, музыкальных и танцевальных коллективов)⁶.

В этой связи имеется некоторое заблуждение о неохранный способности в настоящее время исполнений, созданных до введения в действие Основ гражданского законодательства 1991 г. и Закона «Об авторском праве и смежных правах». Хотя на охрану смежных прав исполнителей на подобные исполнения указывали ряд специалистов, в частности, Тулубьева И. Ю. [6, с. 108] Завидов Б. Д. и Савельева И. В. поясняли, что, если с даты первого исполнения, опубликования фонограммы или первой передачи в эфир или по кабелю к 1 января 1993 г. не истекло 50 лет, такие объекты охраняются в соответствии с Законом об авторском праве [2, с. 56]. Такой вывод следует из положений п. 3 постановления Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5352-1 «О порядке введения в действие Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», согласно которому сроки охраны прав, предусмотренные статьями 27 и 43 Закона «Об авторском праве» применяются во всех случаях, когда 50-летний срок действия авторского права или смежных прав не истек к 1 января 1993 года.

Об охране исполнений, созданных в советский период, упоминается и в современной правовой литературе [3]. Следует обратить внимание на абзац первый ст. 6 Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором говорится о сроках охраны произведений и объектов смежных прав, предусмотренных, в частности, ст. 1281

и 1318 ГК РФ. Сроки охраны, предусмотренные указанными статьями, продолжают действовать, если они не истекли к 1 января 1993 г. То есть в настоящее время охраняются даже те объекты, которые не охранялись в советский период, в частности, исполнения. Но такие объекты должны соответствовать положениям действующего законодательства Российской Федерации [5, с. 140].

Следует учитывать, что в период действия ГК РСФСР 1964 г. авторские права являлись неотчуждаемыми (положения ГК РСФСР 1964 г. не предусматривали передачи (отчуждения) автором, признаваемых за ним авторских прав, включая права имущественного характера), но могли быть выкуплены государством (ст. 501), кроме того, произведения могли быть объявлены общественным достоянием государства (ст. 502). Использование объектов авторского права осуществлялось на основании договоров с авторами или иными правообладателями (ст. 488 ГК РСФСР 1964 г.), за исключением случаев, указанных в законе, и в соответствии с действовавшим в тот момент законодательством.

В ряде случаев допускалось использование без согласия автора, и была предусмотрена выплата вознаграждения за отдельные виды использования, определенные ГК РСФСР 1964 г. Например, допускалось публичное исполнение выпущенных в свет произведений, запись в целях публичного воспроизведения или распространения выпущенных в свет произведений на пленку, пластинку, магнитную ленту или иное устройство, за исключением использования произведений в кино, по радио или телевидению (ст. 495). Такие действия рассматривались как ограничения авторского права.

В этой связи целесообразно отметить постановление Совета Министров РСФСР от 22 апреля 1975 г. № 242 «О ставках авторского вознаграждения за публичное исполнение произведений литературы и искусства» (далее – Постановление 1975 г. № 242) и сменившее его постановление Совета Министров РСФСР от 19 декабря 1988 г. № 531 «О ставках авторского вознаграждения за публичное исполнение произведений литературы и искусства» (далее – Постановление 1988 г. № 531), а также постановление Совета министров РСФСР от 22 апреля 1975 г. № 243 «О ставках авторского вознаграждения за издание произведений науки, литературы и искусства».

Однако, если по Постановлению 1975 г. № 242 авторское вознаграждение за концертные, эстрадные и цирковые программы начислялось независимо от того, звучат ли произведения в исполнении артистов или в механической записи, кроме тех случаев, когда исполняется музыка в механической записи на танцевальных площадках при бесплатном входе⁷, то Постановлением 1988 г. № 531 последнее исключение уже не было предусмотрено⁸.

Как уже было указано выше, без согласия автора или иного правообладателя допускалась запись в целях публичного воспроизведения или распространения выпущенных в свет произведений на пленку, пластинку, магнитную ленту или иное устройство, за исключением использования произведений в кино, по радио или телевидению (п. 2 ст. 495 ГК РСФСР 1964 г.). Такие ограничения авторских прав были направлены на развитие культуры и продвижение результатов творчества в массы в условиях слабого распространения телевидения и отсутствия информационно-телекоммуникационных сетей. В этой связи некоторые произведения советского периода были записаны на пластинки или на пленку без заключения договора с автором или иным правообладателем. Впоследствии такие аудиозаписи были оцифрованы и в настоящее время их можно встретить, в том числе на сайтах, в медиасервисах и других информационных ресурсах в сети Интернет.

4 Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утвержденные Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

5 Решение Московского городского суда от 23 августа 2023 г. по делу 3-0814/2023. Уникальный идентификатор дела 770S0000-02-2023-006304-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/7e2b73d1-cc6a-11ed-80d5-575f754e6bc6?caseNumber=3-814/2023>.

6 Положения об условиях и оплате труда работников концертных организаций, музыкальных и танцевальных коллективов, утвержденные заместителем Министра культуры СССР 29 декабря 1976 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.libussr.ru/infdoc5.htm>.

7 Пункт 8 Инструкции по применению постановления Совета министров РСФСР от 22 апреля 1975 г. № 242 «О ставках авторского вознаграждения за публичное исполнение произведений литературы и искусства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-ecolog.ru/docs/bo_OXolcgaS3ZpDqKaxLn?ysclid=llqzstrbd0753733086&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

8 Пункт 8 Инструкции по применению постановления Совета министров РСФСР от 19 декабря 1988 г. № 531 «О ставках авторского вознаграждения за публичное исполнение произведений литературы и искусства». Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Ряд пользователей таких аудиозаписей, которые в настоящее время квалифицируются как фонограммы, ошибочно полагают, что получения признаваемых ими прав на эти аудиозаписи достаточно для их использования в настоящее время в сети Интернет без согласия авторов и иных правообладателей на произведения и исполнения, записанные на такие аудиозаписи (фонограммы).

Вместе с тем необходимо учитывать, что не предусмотрено специальных исключений или ограничений исключительного права в отношении использования записанных результатов интеллектуальной деятельности на аудиозаписи, созданные до введения в действие Основ гражданского законодательства 1991 г. и Закона об авторском праве. Хотя отдельные попытки урегулировать правоотношения по использованию произведений, созданных до введения в действие Основ гражданского законодательства 1991 г. предпринимались Правительством РФ. Например, стоит отметить постановление Правительства РФ от 29 мая 1998 г. № 524 «О минимальных ставках вознаграждения авторам кинематографических произведений, производство (съемка) которых осуществлено до 3 августа 1992г.». Однако реального правового механизма, регулирующего специальным образом вопросы использования охраняемых результатов, созданных в советский период, установлено не было.

Необходимо помнить, что положения законодательства, действовавшего на дату создания результатов интеллектуальной деятельности, применяются при установлении автора или иного первоначального правообладателя такого результата. И в случае споров о признании интеллектуального права подлежит применению законодательство, действовавшее на момент возникновения соответствующего права. На такой подход специально обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 26). Что касается использования охраняемых в настоящее время объектов, правоотношения по их использованию в настоящее время регулируются положениями части четвертой ГК РФ. По правоотношениям, возникшим до 1 января 2008 года, она применяется к тем правам и обязанностям, которые возникли после 31 декабря 2007 года (п. 24)⁹.

Несмотря на правомерность создания звукозаписей в соответствии с п. 2 ст. 495 ГК РСФСР 1964 г. без разрешения автора или иного правообладателя, и даже при заключении с ним договора в советский период, размещение такой звукозаписи (фонограммы) в сети Интернет требует согласия обладателей исключительных прав на записанные произведения и исполнение.

То есть само изготовление аудиозаписи, которая в соответствии с действующим законодательством именуется фонограммой, было осуществлено правомерно. И за лицами, изготовившими такие аудиозаписи в советский период (хотя их наименование и правовой статус менялись: создатели аудиозаписей (ст. 141 Основ гражданского законодательства 1991 г.), производители (изготовители) фонограмм (Закон «Об авторском праве»), изготовители фонограмм (часть четвертая ГК РФ)) признаются интеллектуальные права, относящиеся к смежным правам. Однако смежные права имеют зависимый характер. Признание за авторами и исполнителями новых правомочий, ставит использование фонограмм в зависимость от наличия у лица, намеревающегося ее использовать, не только соответствующих правомочий, разрешающих использование фонограммы определенным способом, но и наличие прав по использованию такими же способами произведений и исполнений.

С расширением сферы использования произведений и объектов смежных прав на информационно-телекоммуникационные сети, Закон «Об авторском праве» был дополнен положениями о правомочии авторов, исполнителей и изготовителей фонограмм на доведение таких объектов до всеобщего сведения. В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закон

от 20 июля 2004 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»¹⁰ подп. «а» п. 3, п. 8, п. 9 вступили в силу с 1 сентября 2006 года, и с этой даты за авторами и иными правообладателями стало признаваться новое правомочие, позволяющее контролировать предоставление доступа к объектам авторского права и смежных прав в сети Интернет. В то же время представляется, что такое право на данный способ использования автоматически не появилось у пользователей, осуществляющих использование объектов авторского права и смежных прав на основании ранее заключенных договоров с правообладателями. Для использования охраняемого результата интеллектуальной деятельности посредством доведения до всеобщего сведения пользователь, осуществляющий использование по авторскому договору, должен был заключить с правообладателем дополнительное соглашение.

Такой вывод можно сделать с учетом положений законодательства о том, что авторские договоры о передаче авторских или смежных прав предполагали предоставление (ст. 30 Закона «Об авторском праве», также как и в соответствии с ГК РСФСР 1964 г.), а не отчуждение исключительного права в полном объеме, и в формулировках действующего законодательства имелись характеристики лицензионных договоров [4], а Федеральный закон от 20 июля 2004 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» или другой законодательный акт не предусматривал специального порядка использования в сети Интернет охраняемых результатов, созданных до вступления в силу этого закона.

Таким образом, при размещении на сайтах, медиасервисах, иных информационных ресурсах в сети Интернет фонограмм, даже если аудиозапись была сделана в период действия более раннего законодательства, чем часть четвертая ГК РФ, включая ГК РСФСР 1964 г., необходимо убедиться в наличии прав не только на такие фонограммы, но и на иные результаты интеллектуальной деятельности, которые одновременно с фонограммами доводятся до всеобщего сведения. В противном случае правообладатель или иное лицо, определенное в ГК РФ при наличии у него прав в отношении соответствующих способов использования, сможет потребовать, в том числе в судебном порядке, применение публично-правовых и/или гражданско-правовых мер защиты, включающих не только пресечение неправомерных действий, но и выплату компенсации.

Пристатейный библиографический список

1. Гришаев С. П. Средства массовой информации и авторское право // Библиотечка «Российской газеты» Авторское право и средства массовой информации. Законодательные и другие нормативные акты. 2002. № 20. С. 123-167.
2. Завидов Б. Д., Савельева И. В. Основные положения о смежных правах // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2001. № 3. С. 51-56.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / Отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ: ИНФРА-М», 2009. 812 с.
4. Моргунова Е. А. Порядок распоряжения исключительным правом на объекты авторского права по части четвертой Гражданского кодекса РФ и по Закону РФ «Об авторском праве и смежных правах» // Цифровая экономика: интеллектуальная собственность и право. Сборник статей. М.: РУП, 2023. С. 85-94.
5. Моргунова Е. А., Фролова Н. М. Исключительное право в гражданском обороте: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М., 2021. 496 с.
6. Тулубьева И. Ю. Права артистов-исполнителей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2000. № 5-6. С. 108-111.

⁹ Аналогичный подход отражался и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 2 и п. 2.2).

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 30. Ст. 3090.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-204-206

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Института права Самарского государственного экономического университета

КИТАЕВА Алина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры профессиональных дисциплин факультета подготовки государственных и муниципальных служащих Самарского юридического института ФСИН России

КОРНИЕНКО Марина Андреевна

студент 3 курса Института права Самарского государственного экономического университета

КРУГЛОВА Анна Владимировна

студент 3 курса Института права Самарского государственного экономического университета

О НАРУШЕНИЯХ ПРАВОВЫХ ОСНОВ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ КОСМЕТОЛОГИИ

Статья посвящена актуальной теме в сфере оказания медицинских косметологических услуг. Данная тема остается востребованной, поскольку все больше людей стремятся изменить свою внешность с помощью косметического вмешательства. В данной работе будут раскрыты правовые аспекты косметологической деятельности, проблемы появления «черной» косметологии и пути предупреждения такой деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование, косметология, процедура, лицензия, услуга.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

KITAEVA Alina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Faculty of Training of State and Municipal Employees of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

KORNIENKO Marina Andreevna

student of the 3rd course of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

KRUGLOVA Anna Vladimirovna

student of the 3rd course of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

VIOLATIONS OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF MEDICAL ACTIVITY IN THE FIELD OF COSMETOLOGY

The article is devoted to an urgent topic in the field of medical cosmetology services. This topic remains in demand, as more and more people seek to change their appearance with the help of cosmetic intervention. In this scientific work, the legal aspects of cosmological activity, the problems of the appearance of «black» cosmetology and ways to prevent such activity will be revealed.

Keywords: legal regulation, cosmetology, procedure, license, service.

В настоящее время все больше людей стремятся изменить и улучшить свою внешность, поэтому услуги врача-косметолога в данный момент особо востребованы. Стремление изменить свою внешность обуславливается разными факторами, но самым весомым выступает мода, которая и задает настроение на преображение. В связи с этим появляется все больше врачей-косметологов, а также клиник, предоставляющих косметологические процедуры. Для того чтобы углубиться в правовые аспекты такого рода медицинской деятельности необходимо разобраться, что же такое косметология как сфера медицинской деятельности.

Косметология — это область медицины, которая направлена на исследование, лечение и устранение визуальных дефектов, которые были получены вследствие перенесенных травм, заболеваний или приобретены врожденно, а также деятельность, связанная с разработкой различных методов для усовершенствования уже имеющихся технологий и средств. Косметология стала активно развиваться в России в XX веке. В далеком 1930 году в Москве был открыт первый «кабинет врачебной косметики», и уже к 1968 году он был преобразован в «Институт красоты». По приказу Наркома пищевой промышленности А. Микояна в 1937 году в столице был создан «Институт косметики и гигиены Главпарфюмер-

прома», реорганизованный в 1966 году в Московский НИИ косметологии. К 1968 году здесь стали развиваться разные направления медицинской деятельности — косметологии: физиотерапия, дерматокосметология, амбулаторная хирургия и дерматохирургия. На базе НИИ в 1977 году открылось первое в мире отделение детской косметологии. Там работали исключительно с детьми и к каждому определялся подход в зависимости от возраста и психологического состояния пациентов. В 1989 году была создана лаборатория по экспертизе косметологических средств, которая по сей день является одной из ведущих испытательных центров [1]. Совсем недавно, в 90-х годах прошлого века число косметологических клиник в нашей стране не превышало 850, но только в июле 2009 года специальность «косметология» была официально утверждена Минздравом РФ и внесена в Государственную номенклатуру врачебных специальностей [2].

Косметология в РФ подразделяется на медицинскую и эстетическую. Министерство здравоохранения регулирует деятельность в сфере медицинской косметологии, а Министерство труда и социальной защиты регламентирует предоставление услуг в сфере эстетической косметологии. Эстетическая косметология — комплекс процедур, направленных на улучшения, омоложение и преображение внешности па-

циента. Медицинская косметология в отличие от эстетической направлена на восстановление, лечение и исправление внешних дефектов, которые затрудняют полноценное функционирование организма в целом. Стоит отметить, что эстетическая косметология направлена именно на улучшение внешнего вида человека, а не на диагностирование и лечение заболеваний.

В данный момент наиболее востребованы следующие виды косметологических процедур: мануальная (ручная), инъекционная и нитевая. Мануальная или ручная косметология включает в себя неинвазивные способы вмешательства, направленные на неглубокое очищение верхнего слоя эпидермиса или осуществление поверхностного механического воздействия на кожу лица или иную область. Нитевая косметология представляет собой безоперационное вмешательство, направленное на омоложение и подтяжку кожных тканей путем введения в область лица или шеи специализированных «нитей». Инъекционная косметология – инвазивное вмешательство, которое предполагает введение препаратов через естественную кожную оболочку.

Косметология является медицинской деятельностью, поэтому в соответствии с п.46 статьи 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3] для ее осуществления необходимо лицензирование помещения. Под лицензированием такого вида деятельности понимается правильное оборудование процедурного кабинета с соблюдением всех санитарно-эпидемиологических норм, а также наличие среднего специального или высшего образования у персонала и прохождение аккредитованного курса «Косметология» в соответствии с приказом Минздрава России от 18.04.2012 № 381н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология» [4].

Для получения лицензии необходимо представить перечень документов: заключение о соответствии санитарно-эпидемиологическим нормам, требованиям пожарной безопасности, документация, подтверждающая наличие профессионального оснащения и расходных материалов. Далее необходимо подать заявление установленного образца в Росздравнадзор, которое рассматривается в течение 30 дней и оплатить государственную пошлину в размере 7500 рублей.

Контрольно-надзорные функции за медицинской деятельностью указанных организаций осуществляют прокуратура, полиция, Росздравнадзор и Роспотребнадзор. Незаконное осуществление предпринимательской деятельности без лицензии влечет административное наказание в виде штрафа в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой [5].

В РФ косметологические процедуры и услуги оказывают не только врачи и специалисты в данной области медицины, но и так называемые «Черные» и «Серые» косметологи. Под «Черной» или «Серой» косметологией понимается оказание медицинских услуг лицами, не имеющими должного образования и в помещениях, которые не соответствуют тем или иным требованиям Минздрава и законодательства РФ в целом [6].

Одним из организаторов подпольной косметологии в России является Емельян Брауде (Ян Силис). Брауде по образованию не является врачом-косметологом и утверждает, что для проведения косметологических процедур не требуется медицинского образования. Он создал ряд обучающих курсов по косметологии, после прохождения которых любой желающий смог бы проводить указанные процедуры. Ян Силис создал ряд «медицинских техник», которые кардинально отличаются от традиционных способов применения тех или иных препаратов. Стоит отметить, что Брауде призывает своих «студентов» использовать дешевые и несертифициро-

ванные препараты, за счет чего «будущие косметологи» смогут значительно снизить траты на расходные материалы и извлекать больше прибыли. В сети Интернет можно найти обучающие ролики, выпускаемые Яном Силисом, в которых он при проведении процедур не соблюдает технику безопасности. Все процедуры проводятся в помещении, не оборудованном для оказания такого рода услуг, а также им не соблюдаются меры предосторожности, которые заключаются в предупреждении пациентов о возможных рисках и негативных последствиях при проведении процедуры. Деятельность Брауде и ряда «Черных косметологов» получило название «Секта Брауде» [7].

Деятельность данной группировки направлена на извлечение прибыли путем ввоза нелегализованных препаратов, оказание некачественных медицинских услуг и разработку антинаучных методик проведения косметологических процедур [8]. В 2020 году Следственный Комитет РФ заинтересовался «Сектой Брауде», в связи с чем начались массовые проверки косметологов, которые в ней состоят, после этого было возбуждено 5 уголовных дел, в которых фигурирует имя Емельяна Брауде. Обвинительным приговором суда косметологу Юлии Качан и студентке Брауде назначено уголовное наказание в виде реального лишения свободы по причине оказания некачественной услуги, повлекшей за собой смерть пациентки [9].

Резонансным случаем стало дело косметолога из «Секты Брауде» Алены Верди. Данный псевдокосметолог проходила курсы Емельяна и состояла в сообществах «Черных» косметологов. Она оказывала услуги, которые не отвечали требованиям законодательства о предоставлении медицинских услуг. Первоначально Алена заявляла, что она косметолог и проводила инъекционные процедуры, а впоследствии и вовсе приобрела поддельные дипломы, на основе которых проводила хирургические операции. От рук данного псевдокосметолога пострадали 7 человек, один из которых умер прямо во время операции, которую проводила Алена [10].

Количество жертв от «Секты Брауде» уже исчисляются десятками. В сети Интернет появляется все больше упоминаний о людях, пострадавших от деятельности псевдокосметологов. Это связано с тем, что услуги таких «специалистов» отличаются дешевизной и доступностью на рынке косметологических услуг.

В связи с этим можно выделить некоторые правовые проблемы:

1. Недостаточная информированность населения о правовых требованиях, предъявляемых к врачам-косметологам;
2. Отсутствие должного правового регулирования товарооборота медицинских препаратов;
3. Фальсификация лекарственных препаратов.

Недостаточная информированность населения приводит к тому, что граждане не осведомлены о своих правах требовать от косметолога документы и дипломы, на основе которых данный специалист может осуществлять данную деятельность. По статистике ВЦИОМ 25% клиентов косметологов не интересуются тем, какие препараты будут использоваться при процедуре и есть ли у врача диплом об образовании [11]. Стоит уточнить, чтобы стать врачом-косметологом, необходимо получить базовое медицинское образование по специальности «Лечебное дело» или «Педиатрия». Следующий шаг – ординатура по дерматовенерологии, а затем – профессиональная переподготовка по специальности «Косметология». В связи с чем важно информировать население в средствах массовой информации о рисках проведения процедур у «черных» косметологов, а также о том, что законодательство РФ защищает потребителей от некачественного оказания таких услуг.

Отсутствие должного регулирования товарооборота медицинских препаратов приводит к тому, что многие инъекционные препараты, в том числе иностранного произ-

водства, продаются в общем доступе, в связи с чем их могут приобретать и использовать лица без медицинского образования. В данном случае решением проблемы станет ужесточение таможенной политики и жесткий контроль со стороны государственных органов и должностных лиц в области ввоза и распространения ряда медицинских препаратов. Недобросовестные косметологи все чаще приобретают и распространяют, используют инъекционные препараты, которые не отвечают установленным требованиям и не прошедшие клинических испытаний. Применение такого медицинского препарата может повлечь необратимые последствия для здоровья человека. Для решения данной проблемы необходимо пересмотреть перечень медицинских средств, которые можно приобрести в свободном доступе, тем самым ужесточив надзор и контроль за распространением некачественных лекарственных средств. Данный вопрос осложняется тем, что многие косметологии смешивают препараты между собой, выдавая их за эксклюзивный продукт. Такой вид «препаратов» получил название «авторский коктейль».

«Авторский коктейль» представляет собой некий лекарственный продукт, изготовленный лицом, не имеющим фармацевтического образования, состав которого не изучен и не протестирован, не отвечает требованиям, предъявляемым для лекарственных и иных медицинских препаратов. Последствия применения таких «коктейлей» предсказать невозможно, но в случае неправильно смешанных пропорций или иного другого нарушения при создании лекарственного средства это может принести необратимый вред здоровью пациента. Поэтому для решения данной проблемы необходимо ужесточить наказание за распространение, изготовление и нелегальный ввоз ряда препаратов. Такие меры, по нашему мнению, должны привести к снижению числа «черных косметологов», поскольку такие псевдоврачи ориентированы на извлечение прибыли, а не на оказание качественных медицинских услуг.

Обобщив вышеизложенную информацию, предлагаем активизировать и совершенствовать превентивную деятельность органов публичной власти, осуществляющих контрольно-надзорные и правоохранные функции, которая будет способствовать решению проблемы проявления «серой» косметологии.

В современном мире косметологии появляется все больше некачественных специалистов, которые проводят разные процедуры, не имея должного образования и достаточных знаний. Граждане, которые обращаются к таким специалистам, становятся жертвами некачественно оказанных услуг. Но спрос на такого рода услуг растет, поэтому пристальное внимание государства должно затрагивать эту сферу деятельности, должен быть ужесточен надзор за данной деятельностью. Помимо ужесточения контроля в таможенной политике, касаясь ввоза и массового, неконтролируемого распространения некачественных препаратов, также важно информировать население о различных мошеннических схемах в области косметологии, повышать правовую грамотность в данном направлении.

Пристатейный библиографический список

1. «История косметологии в России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: История косметологии в России - Рыбинская Неделя (rweek.ru) (дата обращения: 06.02.2024).
2. О номенклатуре специальностей специалистов с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения Российской Федерации: приказ Минздрава России от 23.04.2009 г. № 210н (утратил силу) / Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [3. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ \(ред. от 25.12.2023\) / Официальное опубликование правовых актов. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: О лицензировании отдельных видов деятельности \(pravo.gov.ru\) \(дата обращения: 06.02.2024\).
 4. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»: приказ Минздрава России от 18.04.2012 № 381н / Официальное опубликование правовых актов. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102159609&ysclid=ltflwt6wjs613454831> \(дата обращения: 06.02.2024\).
 5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ \(ред. от 25.12.2023\) \(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024\) / Официальное опубликование правовых актов. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277&ysclid=ltg22k7c25859652671> \(дата обращения: 06.02.2024\).
 6. «Легальная и серая косметология»: Комсомольская правда. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: Легальная и «серая» косметология в Екатеринбурге: как потребителю не запутаться на рынке красоты и не навредить себе - KP.RU \(дата обращения: 06.02.2024\).
 7. «Мясник из соцсетей». \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2024/02/17/myasnik-iz-sotssetey-emelyan-braude-vernulya-v-rossiya/?ysclid=ltfmdj54qh680363456> \(дата обращения: 06.02.2024\).
 8. Разоблачение серых косметологов: Как секта Брауде делает на нас миллиарды: видеохостинг YouTube. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zJpvtGOtMc> \(дата обращения: 06.02.2024\).
 9. Приговор Дорогомилковского районного суда города Москвы от 15.10.2020 по делу № 1-288/19. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/3daa80a0-7a62-11eb-af74-1ffce50878e5>.
 10. Названа причина смерти хирурга-потрошителя Алёны Верди: АО «Телекомпания НТВ». \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: Названа причина смерти хирурга-потрошителя Алёны Верди // Новостям НТВ \(ntv.ru\) \(дата обращения: 06.02.2024\).
 11. Косметологи: на свету и в тени, данные опросов ВЦИОМ. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kosmetologi-na-svetu-i-v-teni?ysclid=ltfjfwjvxy390893959> \(дата обращения: 06.03.2024\).](https://</div><div data-bbox=)

ИЗЮМОВ Игорь Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОБЪЕКТА ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье анализируется правовая природа искусственного интеллекта, а также особенности и дальнейшие перспективы правового регулирования отношений, связанных с ним, с точки зрения права интеллектуальной собственности. а также представлены предложения по совершенствованию законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, нейротехнологии.

IZYUMOV Igor Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Humanitarian sciences and technologies sub-faculty of the Tyumen Industrial University

THE LEGAL NATURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW

The article analyzes the legal nature of artificial intelligence, as well as the features and further prospects of legal regulation of relations related to it from the point of view of intellectual property law. Proposals for improving legislation in the field of intellectual property are also presented.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, neurotechnology.

Действующее гражданское законодательство не даёт определения того, чем является (с точки зрения права, экономики, психологии, социологии, политики и т.д.) искусственный интеллект. Но, учитывая, стремительное развитие всех технологических отраслей, включая роботехнику, биотехнологии, нейротехнологии, компьютерные технологии, соответственно развивается и искусственный интеллект, что влечёт появление остро стоящего вопроса о законодательном регулировании данной области.

Прежде всего, необходимо определить, что представляет из себя искусственный интеллект. Нужно сформировать юридическую дефиницию «искусственный интеллект», определить содержание данного понятия, обозначить элементы, которые его образуют.

Наличие качественной правовой дефиниции необходимо для того, чтобы возможно было определить субъектов отношений данной сферы, предмет и объект правового регулирования, что позволит выделить круг правовых инструментов, посредством которых наиболее эффективно регулировать данную сферу.

Одной из существенных проблем при подходе к разработке законодательного определения понятия «искусственный интеллект» является то, что отсутствует единая концепция понимания сущности, сути искусственного интеллекта и, соответственно, того, что следует закрепить на законодательном уровне.

В правовой, экономической и социологической доктринах термин «искусственный интеллект» известен давно. Но несмотря на то, что попытки создания универсального толкования понятия предпринимались довольно давно, до настоящего времени отсутствует четкая единая позиция, что нужно понимать под термином «искусственный интеллект». С момента начала использования термина «искусственный интеллект» общий смысл данного термина не изменился. При этом вопросы вызывает конкретизация данного понятия и его юридическая природа [1].

Определенную сложность представляет также бурное развитие отрасли IT-технологий и общий технологический

прогресс. В отношении любой технологической единицы учёные разных отраслей знаний не всегда могут прийти к единому мнению об интерпретации данного явления. В юридическом плане закрепление новшеств может затягиваться на года, если не на десятилетия, что неизбежно отодвигает ещё дальше юридическое определение и законодательное закрепление какого-либо явления.

Так что же из себя представляет интеллект? Среди достаточного большого числа энциклопедических определений интеллекта самым удачным, на наш взгляд, является определение Британской энциклопедии. Интеллект понимается как «качество психики, состоящее из способности приспосабливаться к новым ситуациям, способности к обучению и запоминанию на основе опыта, понимаю и применению абстрактных концепций, и использованию своих знаний для управления окружающей человека средой.

Данная трактовка характеризует интеллект как возможность познавать и достигать цели, путём использования всех видов мыслительных процессов человека.

Соответственно интеллект как вид деятельности формируется при помощи других действий, таких как: способность к познанию, самообучению, логическому мышлению, а также к анализу большого объёма информации с целью нахождения различий, ассоциаций, а также закономерностей с подобного рода информацией. Что позволяет сделать вывод, что «интеллект» — это сложная система взаимосвязанных элементов, совместная работа которых и образует данное понятие.

Следует также отметить, что при попытке законодательно регулировать технологии искусственного интеллекта необходимо понимать, что никто не может предсказать, в каком направлении будут развиваться эти технологии. В то же время, процесс создания правильной фиксации термина «Искусственный интеллект» означает, что необходима унификация всех существующих законов, чтобы привести все к единой модели, даже при условии, что разрабатывается универсальное определение.

В то же время бездействие некоторых законодательных органов власти в плане интеграции этого понятия приво-

дит к определенной путанице при попытках использовать эти технологии через призму существующего юридического определения объектов, вводимых в гражданский оборот, что приводит к отсутствию единообразия в использовании «искусственного интеллекта» технологии в правовой сфере.

Интересное и очень подробное определение дано А. В. Понькиным и А. И. Редькиной: Искусственный интеллект - это архитектура когнитивных функций и собственный или доступный компьютер:

– тенденция к улучшению свойств и автономности веществ, а также работоспособности;

– воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) окружающие образы и символы, отношения, процессы и окружающую среду, моделировать, принимать решения, анализировать и понимать свои собственные действия и опыт, а также самостоятельно разрабатывать поведенческие алгоритмы;

– способность адаптировать свои действия, учиться автономно и глубоко, разрабатывать протоколы и методы общения с самим собой и другим искусственным интеллектом, выполнять определенные антропоморфные когнитивные функции предметным образом, учитывать, накапливать и воспроизводить опыт [1].

Е. П. Сесицкий относится к системам искусственного интеллекта как к компьютерным системам, представляющим собой совокупность алгоритмов, компьютерных программ, баз данных и аппаратных средств, работающих на основе технологии искусственного интеллекта [2].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что по нашему мнению, эти определения требуют уточнения, поскольку они не в полной мере учитывают сущность искусственного интеллекта.

На данный момент наиболее близким понятием, которое может охарактеризовать искусственный интеллект в российском законодательстве, является «компьютерная программа», но сам термин устарел, и, несмотря на то, что особенно современные лингвисты подчеркивают тождественность понятий «компьютер» и «вычислительная машина», этот термин все еще используется, но в обыденном сознании компьютер предстает как несколько архаичное явление.

Основное различие между программами для компьютеров и искусственным интеллектом заключается в том, что программы для компьютеров работают по заранее заданным алгоритмам и не способны принимать самостоятельные стратегические или тактические решения.

Появление компьютеров, которые могут быть настроены на решение проблем и самостоятельно ставить и решать конкретные цели, привело к появлению искусственного интеллекта.

Резюмируя все вышесказанное, мы считаем, что наиболее правильным при формировании определения данного понятия является сочетание определения искусственного интеллекта как технического элемента и его юридического определения, в зависимости от того, какой элемент общественных отношений. Искусственный интеллект фокусируется на способности выполнять умственную деятельность по последнему и другим признакам. Фактически, по мере развития технологии искусственного интеллекта, в зависимости от ее типа, в юридическом определении необходимо проводить различие между различными подходами к регулированию отношений, связанных с искусственным интеллектом.

Таким образом, можно сделать вывод, что искусственный интеллект – это искусственная техническая и/или ком-

пьютеризированная система, выполняющая деятельность, требующую навыков, относимых к обычным прерогативам человека, таких как восприятие, мышление, обучение, накопление опыта, обобщение приобретенных знаний, способность анализировать информацию, полученную из внешней среды, способность принимать и исполнять решения, которые принимаются при определенной степени автономии. Также важно понимать, что в настоящее время системы искусственного интеллекта очень близки к модели человеческого разума, причем далеко не по всем его характеристикам. Но их можно считать слабым искусственным интеллектом.

Пристатейный библиографический список

1. Жулева М. С., Изюмов И. В., Игнатов С. Б., Шулер И. В. Правовые проблемы современности / Коллективная монография – Текст непосредственный. – Тюмень, 2019. – С. 92.
2. Понкин А. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права / Текст непосредственный // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2018. – № 1. – С. 99.
3. Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта. – Москва: Юрайт, 2018. – С. 17. – Текст непосредственный
4. Изюмов И. В. Философско-правовой анализ законодательства о защите интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // В сборнике: Информационные и графические технологии в профессиональной и научной деятельности. сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2021. – С. 275-277. – Текст: непосредственный.

КАЛЯТИН Виталий Олегович

кандидат юридических наук, доцент, профессор Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа Факультета права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Калятин В. О.

ПЕРЕРАБОТКА ПРОГРАММ ДЛЯ ЭВМ И БАЗ ДАННЫХ: КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Переработка произведений всегда вызывает много вопросов, но применительно к программам для ЭВМ они становятся намного сложнее. Это обусловлено особой природой указанных объектов и условиями их использования. Данная статья посвящена наиболее важным практическим вопросам переработки этих объектов. В ней рассматриваются причины появления тех или иных конфликтных ситуаций, возможные пути их разрешения, указывается наиболее важная судебная практика.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, программы для ЭВМ, базы данных, исключительное право, переработка, личные права, право на неприкосновенность, адаптация.

KALYATIN Vitaliy Olegovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of the S. S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation, associate professor of the Department of Law of Digital Technologies and Biolaw of the Faculty of Law of the National Research University «Higher School of Economics»

MODIFICATION OF SOFTWARE AND DATABASES: CONFLICT SITUATIONS AND WAYS TO RESOLVE THEM

Modification of works always raises a lot of questions. However, in connection with software and databases they become much more difficult. This is due to the specific nature of these objects and the conditions of their use. This article is devoted to the most important practical issues of modification of these objects. It examines the reasons for the development of certain conflict situations, possible ways to resolve them, and indicates the most important judicial practice.

Keywords: intellectual property, copyright, software, databases, exclusive rights, modification, moral rights, right to integrity, adaptation.

Одним из способов использования произведений, указанных в статье 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») является переработка произведения. Как отмечал Верховный Суд Российской Федерации: «Право на переработку произведения является одним из способов использования результата интеллектуальной деятельности и как таковое принадлежит правообладателю, в том числе не являющемуся автором первоначального произведения, который вправе перерабатывать произведение (в частности, модифицировать программу для ЭВМ или базу данных) и осуществлять последующее использование нового (производного) произведения независимо от автора первоначального произведения»¹.

Переработка произведений по своей природе связана с потенциальными конфликтами, ведь у авторов и иных правообладателей перерабатываемого произведения и его новых версий могут различаться взгляды, стили, планы по использованию произведения и т.д. К этому следует добавить необходимость учета интересов общества в целом и пользователей в частности. Законодательство и судебная практика выработали некоторые подходы к разрешению этих конфликтов. Но при переходе к программам для ЭВМ и базам данных эти подходы оказываются не всегда эффективными, а подчас и просто не работают.

Попробуем рассмотреть некоторые спорные вопросы, возникающие применительно к переработке программ для ЭВМ и баз данных.

Зачем в систему способов использования произведения введена переработка?

1 П. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, 23.04.2019.

ГК РФ устанавливает общий контроль правообладателя за использованием произведения: «автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение ... в любой форме и любым не противоречащим закону способом»². Однако контроль правообладателя может касаться только использования формы произведения. При переработке внешняя форма претерпевает существенные изменения в результате чего, например, ссылка на воспроизведение оказывается невозможной.

Указание в законе на переработку произведения позволяет поставить под контроль автора такие действия по использованию произведения, которые в ином случае оказались бы свободными. Это обеспечивается за счет оценки использования в новом объекте таких внутренних элементов произведения как сюжет, персонажи и т.д. В результате даже в том случае, если текст произведения (или соответствующее изображение) полностью изменен можно продолжать контролировать его использование.

Чем отличается определение переработки программы для ЭВМ и базы данных от общего понятия переработки произведения?

Первая существенная проблема с переработкой программ для ЭВМ и баз данных возникает из-за качественно иного строения программ и баз данных по сравнению с иными произведениями. В этих объектах отсутствует или находится в неразвитом виде внутренняя форма произведения, позволяющая зафиксировать идейную составляющую произведения и, тем самым установить взаимосвязь двух произведений. Не случайно в одном из дел, рассматривавшемся в Высоком суде Англии и Уэльса отмечалось: «Ни функци-

2 Ст. 1270 ГК РФ.

ональность программы, ни язык программирования, ни формат файлов данных, используемых в компьютерной программе для осуществления ее функций, не являются формой выражения этой программы, и, как таковые, не защищены авторским правом на компьютерную программу»³.

Для решения этой проблемы законодатель меняет подход к определению переработки. Если переработка применительно к обычным объектам авторского права определяется как создание производного произведения (обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и тому подобного), то под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимаются любые их изменения, в том числе перевод такой программы или такой базы данных с одного языка на другой язык, за исключением адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя.

Значит ли это, что любое изменение программы для ЭВМ или базы данных, являясь переработкой, влечет появление нового охраняемого объекта?

Если системно читать ст. 1270 ГК РФ, то следует признать, что фраза о переработке программы для ЭВМ или базы данных заменяет для этих объектов общее определение переработки, содержащееся в предыдущей фразе, а не дополняет его.

Такое изменение определения переработки влечет два важных следствия:

-расширяется понятие переработки, что усиливает контроль правообладателя;

-наличие переработки программы для ЭВМ или базы данных не обязательно означает возникновение нового охраняемого объекта.

Таким образом незначительные изменения программы для ЭВМ или базы данных хотя и будут считаться переработкой (что означает необходимость получать разрешение на использование программ у правообладателя переработанной программы), но не приведут к признанию прав переработчика на новую версию программы.

Так, в современной практике суды рассматривают модификацию программ именно в контексте установления ответственности переработчика и для этого достаточно установления изменения кода программы. Например: «Для установления того, что новая программа является переработкой исходной, должно быть доказано использование кода исходной программы при отсутствии соответствующих правовых оснований. При этом с точки зрения правовой охраны изменения программы для ЭВМ признаются как изменения исходного кода, так и изменения исполняемого/объектного кода. В связи с этим предмет доказывания по рассматриваемому спору составляют следующие обстоятельства: факт использования одним лицом программы другого лица (ее кода) в составе собственной разработки, объем такого использования, отсутствие законных оснований для использования такой программы ответчиком, наличие прав на защищаемую программу у истца»⁴.

Нередки и случаи когда суды говорят о «неправомерной модификации» - и в этих ситуациях, конечно, рассматривается именно вопрос ответственности: «Проанализировав материалы дела, суды обоснованно исходили из того, что представленными документами, объяснениями сотрудников ответчика подтверждено использование спорных программ, которые обоснованно признаны судами контрафактными, поскольку запускались без обязательного ключа защиты, что свидетельствует об их неправомерной модификации (пункт 9 статьи 1270 ГК РФ), и без заключения договора»⁵.

Вполне понятно, что в таких случаях признание наличия нарушения со стороны ответчика еще не означает, что он получает какие-то права на созданную переработку.

И еще пример из судебной практики когда было прямо признано, что не всякая переработка программы приводит к возникновению нового объекта: «Поскольку в обновлениях ПС присутствуют все признаки, характерные для компьютерной программы, обновления ПС - это модификация исходной программы, появляющаяся в результате исправления ошибок и актуализации исходного программного продукта, которая может содержать новые решения, реализацию новых требований и новые функции, создающая новый объект авторского права, но не создающая принципиально нового программного продукта и не меняющая первоначального назначения программы»⁶.

Когда можно говорить о новой программе?

Охраноспособность новой версии программы определяется не содержанием определения переработки (т.к. это лишь характеристика одного из правомочий автора), а базовыми принципами авторского права. Статьи 1228 и 1257 ГК устанавливают в качестве основания возникновения прав автора наличие творческого труда и именно это определяет возможность охраны соответствующего произведения. Следовательно, переработка программы для ЭВМ или базы данных лишь тогда будет приводить к возникновению самостоятельных прав переработчика, когда вносимые изменения будут носить творческий характер. До достижения этого уровня налицо будет лишь воспроизведение чужой программы.

Понятно, что определить творческий характер произведенных изменений не всегда просто. По этой причине Верховный Суд попытался предложить практический критерий, с помощью которого можно проще выполнить эту задачу: «В силу специфики программ показателем творческого характера и существенности изменений являются не новизна и оригинальность, как в отношении других творческих объектов авторских прав, а функциональные изменения (добавление новых функций или улучшение существующих функций программы), вытекающие из переработки кода, степени и цели переработки. Переработка программы для ЭВМ (ее модификация) может сопровождаться переводом программ с одного языка программирования на другой, что обусловлено техническими особенностями этих объектов авторского права»⁷.

Такой подход может помочь разрешить спор во многих случаях, но иногда он может привести к принципиально неверным выводам. Ведь изменение функционала не всегда связано с творческим характером работы; в то же время и не всегда изменения программы, требующие творческого труда, будут выражаться именно в изменении функционала, а не иных характеристик программы (например, стабильности работы). В результате следует признать, что предложенный Верховным Судом критерий может использоваться на предварительной стадии оценки работы, но в дальнейшем все равно придется рассматривать вопрос о творческом характере работы.

Можно ли запретить переработку?

Поскольку переработка указана как форма использования произведения, контролируемая правообладателем, то правомерен вопрос, может ли правообладатель запретить переработку его программы для ЭВМ или базы данных.

Думается, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Законодательство об авторском праве позволяет автору или иному правообладателю запрещать лишь публичные действия с его произведением так как именно в

3 SAS Institute Inc. v. World Programming Ltd., Judgement of Grand Chamber, 2 May 2012, Case C-406/10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-406/10> (дата посещения: 26.12.2023).

4 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.11.2022 № 307-ЭС22-14196 по делу № А56-10049/2019.

5 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.11.2023 № С01-1929/2023 по делу № А36-7440/2022. См. также Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.10.2016 №

С01-868/2016 по делу № А32-1612/2016, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.05.2021 № С01-476/2021 по делу № А50-11269/2020, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.12.2022 № С01-2255/2022 по делу № А40-263309/2021 и др.

6 Постановление ФАС Московского округа от 11.06.2013 по делу № А40-130312/12-140-87.

7 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.11.2022 № 307-ЭС22-14196 по делу № А56-10049/2019.

рамках публичной сферы осуществляется экономическая эксплуатация произведения – в конечном итоге произведения создаются именно для доведения до сведения других лиц. Переработка программы для ЭВМ или базы данных, осуществлённая для самостоятельного использования правомерным владельцем экземпляра такого объекта, сама по себе не угрожает экономическим интересам правообладателя и поэтому может осуществляться свободно.

В то же время такое развитие объекта может быть необходимо для обеспечения научного и культурного прогресса в обществе. Именно поэтому Конституция Российской Федерации в п. 1 ст. 44 провозглашает, что «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания». Нужно упомянуть и п. 4 ст. 29 Конституции: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Следовательно, не должны допускаться действия, препятствующие сообщению результатов человеческого творчества (без заимствования их формы).

Как отмечал Э. П. Гаврилов: «Использование произведения для создания на его основе производного произведения само по себе не является и не может являться использованием первоначального произведения» [2, с. 173].

С ним согласна и судебная практика: «в данном конкретном случае действия учреждения по незаконной модификации программного обеспечения не образуют отдельный состав правонарушения, суды в удовлетворении иска о взыскании компенсации в указанной части отказали»⁸.

Что же запрещено?

Ответ на этот вопрос можно найти в доктрине: «Необходимость получения согласия правообладателя на переработку означает не запрет переводить или иным образом перерабатывать чужое произведение, но лишь то, что правообладатель будет контролировать использование созданного в результате такой переработки произведения» [1, с. 320]. Иными словами, нарушением будет не сама по себе переработка программы для ЭВМ или базы данных, а последующее использование переработанной версии без согласия автора первой работы. Е. А. Павлова пишет: «По существу, использование любого производного произведения (независимо от того, насколько далеко оно отходит от оригинала) требует получения согласия автора оригинала» [3, с. 403].

Следует заметить, что судебная практика также подчеркивает, что нарушением является именно использование новой версии объекта (а не его первоначального варианта): «Использование переработанного произведения (в том числе модифицированной программы для ЭВМ) без согласия правообладателя на такую переработку само по себе образует нарушение исключительного права на произведение независимо от того, является ли лицо, использующее переработанное произведение, лицом, осуществившим переработку»⁹. Или другой пример: ««Использование модифицированной программы для ЭВМ в отсутствие письменного договора с правообладателем, которым передается право на такое использование программы для ЭВМ как ее модификация, само по себе является нарушением авторских прав»¹⁰.

Может ли автор помешать переработке программы для ЭВМ или базы данных опираясь на свое право на неприкосновенность?

Личное право автора на неприкосновенность и право на переработку касаются изменения произведения. Однако в отношении обычных произведений эти два права лежат в разных плоскостях: право на неприкосновенность позволяет запрещать изменения внутри произведения (до этапа появления нового произведения); право на пе-

реработку касается контроля использования нового (переработанного) произведения, содержащего соответствующие элементы первоначального произведения. Эти два права не пересекаются – право на переработку начинает работать тогда, когда право на неприкосновенность уже помочь не может.

Не так с программами для ЭВМ и базами данных. Поскольку здесь право на переработку охватывает любые изменения (кроме адаптации), то это означает, что эти два права пересекаются. Причем если право на неприкосновенность всегда принадлежит автору, то право на переработку может перейти к другому лицу. В результате право на переработку начинает функционально замещать право на неприкосновенность: обладатель исключительного права может по своему усмотрению изменять программу для ЭВМ или базу данных без согласия автора.

Такой подход обусловлен техническим назначением указанных объектов и необходимостью регулярно вносить в них изменения. Понятно, что получать согласия всех авторов, участвовавших в создании программ для ЭВМ или баз данных, при каждом обновлении практически нереально. Но это означает фактическое сужение права на неприкосновенность авторов этих объектов до права противодействовать действиям, нарушающим их честь и достоинство.

В результате можно признать, что личные неимущественные права в отношении подобных объектов также не позволяют запретить переработку указанных объектов.

Имеет ли значение, что переработка осуществлена с нарушением закона?

Осуществление переработки программы для ЭВМ или базы данных, как отмечено выше, само по себе не является нарушением. Однако нарушением будет последующее использование созданного варианта такого объекта. Именно в этом контексте и надо воспринимать предъявляемые требования «о взыскании компенсации за нарушение авторских прав в связи с незаконной модификацией программного обеспечения»¹¹. По этой причине Верховный Суд судами отмечал в одном из рассматриваемых им дел, что «заявляя требование о взыскании компенсации за незаконную модификацию, общество «Апшеронскжилкомсервис», фактически, требует взыскания компенсации за совершение ответчиком отдельных действий, обеспечивающих неправомерное использование программы для ЭВМ»¹².

В то же время если в ходе переработки программы для ЭВМ или базы данных, осуществлённой без согласия автора или иного правообладателя, будет создан охраняемый объект, то на права переработчика не повлияет то обстоятельство, что переработка была осуществлена неправомерно. Это было четко указано Конституционным Судом Российской Федерации, который заявил о неконституционности положений законодательства допускающих отказ суда в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ в споре с лицом, использующим указанную программу для ЭВМ в отсутствие его согласия, только на том основании, что названная программа является составным произведением и ее автором не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания, тем более в случаях, когда ответчик также не обладает необходимыми правами на использование таких объектов (программ для ЭВМ)¹³.

Таким образом творчество, даже основанное на чужих произведениях, всегда остается свободным, но использование переработанных произведений должно осуществляться с соблюдением прав автора (его правопреемника) первоначального произведения.

8 Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2019 № 308-ЭС18-4313 по делу № А32-1221/2017.

9 П. 91 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10. «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

10 П. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности».

11 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.09.2021 № С01-1088/2021 по делу № А32-35134/2020.

12 Определение Верховного Суда РФ от 24.04.2018 № 308-ЭС18-4309 по делу № А32-12314/2017.

13 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Мамичева».

Можно ли ограничить действие разрешения на переработку сроком?

Поскольку переработка возможна всегда, то, на первый взгляд, вопрос о сроке значения не имеет. Но, поскольку последующее использование переработанного произведения также должно совершаться с согласия автора, то получение согласия автора в действительности очень важно. Оно может проявляться двояко.

Во-первых, если разрешения касалось только срока, в течение которого должна быть осуществлена переработка, то это означает, что при пропуске указанного срока последующее использование переработанного произведения будет запрещено. Если же переработка произведена в указанный срок, то автор первоначального произведения теряет контроль над использованием переработанного произведения и далее оно уже может использоваться переработчиком по своему усмотрению. Поэтому давая подобное разрешение на переработку нужно быть очень аккуратным, т.к. потом уже вернуть переработанное произведение под свой контроль не получится.

Иная ситуация имеет место, когда правообладателем изначально оговаривается, что использование переработанного произведения возможно лишь в определенных сроки. По сути здесь возникают лицензионные отношения и это означает, что по истечении данного срока правомерное использование переработанного произведения окажется невозможным.

Однако в обоих случаях указанные сроки не влияют на действие прав переработчика в отношении созданной им версии – это право будет действовать, хоть и с необходимостью согласовывать использование объекта с автором первоначального произведения.

Как соотносятся при переработке права на первоначальную программу и переработанную?

При переработке новая версия программы для ЭВМ или базы данных сохраняет существенные части старой версии объекта, что и обуславливает возникновение правовой зависимости между ними. Соответственно, оценка соотношения прав на указанные объекты также носит правовой характер и не может быть осуществлена абстрактно, без оценки судом материалов дела.

Необходимо оценить, в частности, соотношение указанных версий, а также возможность включения в программу для ЭВМ иных объектов, поскольку все они могут иметь самостоятельный характер.

Так, в одном из дел, рассматривавшемся Судом по интеллектуальным правам, отмечалось: «ссылки ответчика на отсутствие в материалах дела надлежащих доказательств наличия у истца исключительного права на программные продукты «1С: Предприятие 7.7 для SQL. Комплексная поставка + ИТС USB» и «1С: Предприятие 7.7 (сетевая версия). Комплексная поставка + ИТС USB» (в приложениях к договору об отчуждении исключительных прав данные программы не поименованы), отклонены судами, с указанием на то, что названные программы являются комплексными (составными), и состоят из компонентов, каждый из которых был зарегистрирован прежним правообладателем в Российском агентстве по патентам и товарным знакам, что подтверждается свидетельствами об официальной регистрации программ для ЭВМ»¹⁴.

Как отличить адаптацию от модификации?

Как указывалось выше, согласно ст. 1270 ГК РФ под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимаются любые их изменения, в том числе перевод такой программы или такой базы данных с одного языка на другой язык, за исключением адаптации. Признание вносимых изменений адаптацией будет означать свободу их осуществления без согласия автора или иного правообладателя, поэтому различение этих форм изменений объекта весьма важно.

Основное, что определяет адаптацию – это ее целевое назначение. Статья 1270 ГК РФ указывает, что адаптация – это

внесение изменений, «осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя». В литературе отмечалось: «при адаптации программного обеспечения происходят изменения, которые призваны обеспечить совместимость адаптируемого программного продукта с другими продуктами пользователя или изменения программы, осуществляемые исключительно в целях функционирования программы на конкретных технических средствах пользователя, без создания производного произведения» [4].

В отличие от этого для модификации цель изменений может быть любой (в том числе и создание нового произведения), за исключением целей, привязанных к адаптации.

Именно цель является основным критерием разграничения адаптации и модификации, в частности, наличие цели создания нового произведения исключает признание изменений адаптацией, а исключительная цель приспособления программы для ЭВМ или базы данных к работе технических средств пользователя или под управлением конкретных программ пользователя означает, что эти действия не могут быть признаны модификацией.

При этом для адаптации обязательно установление связи с конкретными условиями функционирования программ для ЭВМ или баз данных, как это, например, отмечалось в следующем деле: «В данном случае из материалов дела усматривается, что создание в процессе выполнения работ по разработке, внедрению и начальному сопровождению биллинговой системы на базе внедряемого программного обеспечения конкретных функциональных возможностей системы является адаптацией программы, то есть исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ и базы данных на технических средствах ОАО «Кировэнергообит» и только для данной организации»¹⁵.

С практической точки зрения установление у вносимых изменений характера адаптации может быть осуществлено при восстановлении функционирования программы или базы данных при осуществлении этих изменений и утрате такого функционирования при отмене этих изменений.

Рассмотренными вопросами проблематика переработки программ для ЭВМ и баз данных не ограничивается. Сложность возникающих отношений означает необходимость чрезвычайно внимательно определения отношений сторон при переработке указанных объектов. Однако представляется, что закон дает достаточные ориентиры для разрешения возникающих спорных ситуаций и инструменты для защиты интересов автора, переработчиков и общества в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный), отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. - М.: ИНФРА-М, 2017.
2. Гаврилов Э. П., Городов О. А., Гришаев С. П. и др. Комментарий к ГК РФ (постатейный). Часть четвертая. - М.: Проспект, 2007.
3. Калягин В. О., Корнеев В. А., Павлова Е. А. и др. Интеллектуальные права. Учебник. Под общей редакцией Е.А. Павловой. - М.: Статут, 2023.
4. Смирнова Е. Ю., Серго А. Г. Свободное ПО в реестре российских программ // ИС. Авторское право и смежные права. - 2020. - № 1, цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.02.2016 № С01-1255/2015 по делу № А63-1829/2015.

¹⁵ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.08.2016 № 02АП-4118/2016 по делу № А28-9466/2015.

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

МАКСИМОВА Елена Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-экономических наук Санкт-Петербургского университета Гражданской авиации

МИШИНА Елена Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии имени В. Б. Бобкова

САЧЕНКО Алексей Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛОК И СМАРТ-КОНТРАКТ: СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ В ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье предпринята попытка комплексного анализа правовой сущности, специфики гражданско-правового регулирования и особенностей применения электронных договоров и смарт-контрактов в российской правовой действительности. Подробно исследуется соотношение анализируемых категорий посредством их концептуального описания на основе имеющихся подходов к правовой природе и критического осмысления имеющегося правового материала, анализируется договорная правовая природа смарт-контракта и ее соотношение со смежными правовыми институтами. Авторский коллектив приходит к выводу о том, что новые технологические решения, активно применяемые в последнее время в отечественной юридической практике, обладают актуальностью и особой востребованностью в процессе формирования современной цифровой экономики в Российской Федерации. Тем не менее, значительные пробелы в законодательстве, неоднозначная и дискуссионная правоприменительная практика свидетельствуют о необходимости максимальной детализации подвергшихся анализу правовых явлений в обозначенной сфере.

Ключевые слова: договор, смарт-контракт, цифровые права, электронная форма сделки, обязательство, гражданский оборот.

KOLESNIKOVA Marianna Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process law sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

MAKSIMOVA Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Social and economic sciences sub-faculty of the St. Petersburg University of Civil Aviation

MISHINA Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the St. Petersburg branch of the V. B. Bobkov Russian Customs Academy

SACHENKO Alexey Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

ELECTRONIC FORM OF TRANSACTIONS AND SMART CONTRACT: SPECIFICS OF CIVIL LAW REGULATION AND APPLICATION IN CONTRACT PRACTICE

The article attempts a comprehensive analysis of the legal essence, specifics of civil law regulation and features of the use of electronic agreements and smart contracts in Russian legal reality. The relationship between the analyzed categories is examined in detail through their conceptual description based on existing approaches to the legal nature and critical understanding of the available legal material, the contractual legal nature of the smart contract and its relationship with related legal institutions are analyzed. The team of authors comes to the conclusion that new technological solutions, which have been actively used recently in domestic legal practice, are relevant and especially in demand in the process of forming a modern digital economy in the Russian Federation. However, significant gaps in the legislation, ambiguous and controversial law enforcement practice indicate the need for maximum detail of the legal phenomena analyzed in the designated area.

Keywords: agreement, smart contract, digital rights, electronic form of transaction, obligation, civil turnover.

Современный гражданский оборот предопределяет развитие многих правовых инструментов его опосредующих, ставших как уже традиционными, так и являющихся сравнительно инновационными. К числу подобных примеров, безусловно, стоит отнести гражданско-правовой договор, ставший наиболее распространенным явлением, порождающим в целом правоотношение и одновременно являющимся

определенной правовой моделью для его участников. Однако стоит признать, что за последнее десятилетие как в мировой, так и в отечественной практике явно наметилась тенденция развития технико-правовой составляющей не только процесса заключения, но и процесса исполнения договора. При этом участниками гражданского оборота широко применяются электронные средства заключения договора, а в не-

которых случаях широко применяются автоматизированные способы определения его условий и исполнения. С одной стороны, вышеуказанные явления затрагивают лишь внешнюю оболочку договора, например, форму, другие же предопределяют действия участников гражданского оборота по заранее заданному порядку совершения последовательных действий, устанавливаемых только той информационной средой участниками, которой они являются.

В связи с этим нельзя не упомянуть сравнительно новое явление в современном гражданском законодательстве под названием «цифровые права», закрепленное в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹, поскольку именно с появлением таких прав стоит увязать наличие возможности заключения электронной формы сделки, а, следовательно, электронного договора. Так, в частности, цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание которых, равно как и условия их реализации определяются информационной системой. В данном контексте ключевую роль выполняет отдельное указание законодателя о том, что цифровые права рассматриваются как разновидность обязательственных прав, что в итоге позволяет их рассматривать также в системе договорных отношений, поскольку очевиден тот факт, что к регулированию данных прав применяются общие положения об обязательствах. Следовательно, общие положения о договоре, равно как и сделках, применяются к цифровым правам и к данного рода правоотношениям без каких-либо ограничений, но с определенного рода особенностями. Одной из особенностей реализации цифровых прав является их реализация в цифровой среде с учетом применения общих положений о сделках и договорах, в том числе электронного договора, а также тесно примыкающего к нему такого явления как смарт-контракт.

Электронный договор, как, впрочем, и любая двусторонняя либо многосторонняя сделка, имеет сложившиеся в системе частноправового регулирования традиционные подходы как восприятию данного правового явления в качестве юридического факта, так и в качестве системно сложившейся группе отношений, урегулированных нормами гражданского законодательства. Это проявляется в том, что гражданским законодательством детально регулируются понятие и признаки гражданско-правового договора, а также его содержание, заключение, изменение и расторжение. Особенности правового регулирования отдельных видов договоров фактически посвящена вторая часть ГК РФ, за исключением внедоговорных обязательств, а также положения третьей и четвертой части ГК РФ. При этом общей нормой при рассмотрении любого из вышеуказанных сегментов гражданско-правовых отношений, которой руководствуются участники гражданско-правовых отношений, является содержание ст. 434 ГК РФ, согласно которой договор, заключенный в письменной форме, может быть также оформлен в форме электронного документа. Таким образом, при заключении договора в электронной форме сохраняются традиционные подходы действующего гражданского законодательства, детально регламентированные главой 28 ГК РФ. Стоит отметить определенное отражение данного подхода в подзаконных нормативных актах. Так, в частности, согласно письму Федеральной государственной службы кадастра и картографии от 13 февраля 2023 г. № 14-1142-ТГ/23 «О дате договора, заключенно-

го в электронном виде и являющегося основанием для осуществления регистрационных действий»², датой заключения «электронного» договора (если такой договор в силу закона не считается заключенным с момента его государственной регистрации в ЕГРН) является дата, когда он был фактически подписан УКЭП (усиленной квалифицированной электронной подписью) участника договора, подписавшего такой договор последним (согласно метке доверенного времени). В связи с этим очевиден общепринятый порядок заключения гражданско-правового договора в контексте заключения электронного договора, выраженный в его подписании сторонами, пусть даже с использованием электронной подписи.

Применительно же к смарт-контрактам необходимо заметить полное отсутствие его легальных признаков в законодательстве в целом и в гражданском законодательстве, в частности. Хотя стоит признать, что на текущий момент некоторые попытки в обозначенном направлении и приобретают черты правовых рамок, но их применение по отношению к электронному договору или смарт-контракту законодателем детально не определено. В качестве примера стоит отметить то, что еще в 2019 году были внесены дополнения³ в ст. 309 ГК РФ, в которых указано, что условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Однако так и не разрешен вопрос о пределах дополнительного волеизъявления путем применения информационных технологий. С одной стороны, можно сделать вывод о том, что в данном случае речь идет об электронно-цифровой подписи, поскольку ее использование исключает дополнительное волеизъявление стороны по сделке, а, с другой стороны, можно предположить и то, что законодателем создается правовое пространство для дальнейшей регламентации смарт-контракта.

Отметим, что в профессиональном сообществе ведутся активные споры относительно возможности восприятия смарт-контракта в качестве разновидности договора, а также обсуждается возможность и целесообразность использования уже имеющихся правовых институтов и субинститутов или же необходимость разработки новых конструкций в обозначенном направлении. Вопросом дискуссионного значения является и проблематика способа исполнения обязательств из смарт-контракта. В частности, широко обсуждается возможность применения категории заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства к исполнению обязательств из смарт-контракта [1, с. 4].

Принимая во внимание дискуссионность анализируемой научной проблематики, обращают на себя внимание различные подходы к определению понятия «смарт-контракт». Первое упоминание о смарт-контрактах датируется 1996 годом, когда американский криптограф Ник Сабо опреде-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2 Письмо Росреестра от 13.02.2023 № 14-1142-ТГ/23 «О дате договора, заключенного в электронном виде и являющегося основанием для осуществления регистрационных действий». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439815/ (дата обращения: 30.01.2024).

3 Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 30.01.2024).

лил смарт-контракт как компьютерный протокол, который самостоятельно проводит сделки и контролирует их исполнение с помощью математических алгоритмов [2, с. 38]. Так, обобщенно, смарт-контракт рассматривается в качестве самоисполняющегося частнопроводного соглашения, формализованного в виде компьютерного кода, имеющего свои технические ограничения [3, с. 59]. Определяется смарт-контракт и в качестве объекта права особого рода (*suigeneris*), с одной стороны, не соответствующего существующей системе объектов гражданских прав, с другой, требующего урегулирования [3, с. 66].

Таким образом, представляется целесообразным отметить, что на сегодняшний день логично вести речь исключительно о доктринальном восприятии смарт-контракта и пока руководствоваться аналогией закона при регулировании данной группы отношений.

В соответствии с проведенным анализом норм гражданского законодательства стоит отметить, что электронная форма сделки может восприниматься как разновидность информации, но не просто в виде сведений информативного характера, а тех сведений, которые юридически задокументированы самой информационной системой, либо могут воспроизводиться соответствующей информационной системой. В то же время, рассматривая такую разновидность электронной сделки как смарт-контракт, нужно иметь в виду, что при исполнении такой сделки именно информационная система, устанавливая соответствующий алгоритм заранее предопределенных действий, фактически устанавливает условия совершения смарт-контракта, а, следовательно, и электронной формы сделки. При этом информационная система, действуя автономно, самостоятельно идентифицирует сторону договора и по окончании данного процесса, при положительном сценарии идентификации стороны такого договора, осуществляет его субъективные права и обязанности. То есть смарт-контракт позволяет исполнять сделку без волеизъявления сторон, при наличии автономности работы информационной системы.

С развитием научно-технического прогресса и развития формата цифровой экономики бессмысленно утверждать порочность такого явления как расширение сферы применения смарт-контрактов в частности и электронных сделок вообще. Но, с точки зрения традиционного подхода к осуществлению гражданских прав и обязанностей непосредственно участниками гражданского правоотношения, данное явление вызывает массу вопросов. Одним из главных вопросов является то обстоятельство, что в процессе исполнения смарт-контракта личность его участника не персонифицирована, поскольку сама по себе информационная система воспринимает фактические действия ее участников как соответствующей стороны по смарт-контракту. В отсутствие необходимости проведения дополнительной проверки волеизъявления стороны и учитывая обезличенность участника такой сделки, становятся очевидными видоизменения основы гражданского законодательства, заложенной ст. 9 ГК РФ, в силу которой граждане и юридические лица осуществляют гражданские права и обязанности по своему усмотрению⁴. В рассматриваемой ситуации такое усмотрение отсутствует, поскольку

воля субъекта предопределяется информационной системой в момент идентификации соответствующей стороны в смарт-контракте. Развитие же информационных технологий и расширение сферы применения смарт-контрактов и иных видов электронных договоров⁵ позволяют рассматривать идентификацию личности как субъекта правоотношений исключительно информационной системой в крайне негативной плоскости. Более того, в современном гражданском законодательстве вообще отсутствуют нормы, которые позволяли бы деятельность информационной системы отождествлять с действиями участников гражданского оборота. В связи с этим наделение полномочиями по идентификации личности субъекта, равно как и по автономному определению воли и волеизъявления участников гражданского оборота исключительно информационной системой представляется небезупречным. По нашему мнению, обезличенность субъекта правоотношений наряду с его волей и волеизъявлением, допускаемая исключительно применением алгоритмов информационной системы, открывает прямой путь к расширению границ злоупотребления правом, что невозможно в силу положений отечественного гражданского законодательства. Ввиду этого представляется крайне необходимым обратить внимание на имеющиеся ресурсы гражданского законодательства, которые все же не допускают осуществление гражданских прав и обязанностей посредством представления субъекта гражданских правоотношений исключительно информационной системой.

Таким образом, представляется логичным, своевременным и востребованным, во избежание правовой неопределенности и дискуссионности трактовки уже имеющихся законодательных положений и примеров судебной практики, максимально детализировать и конкретизировать подвергшиеся анализу правовые явления в обозначенном направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Красноярск: СФУ, 2022.
2. Вашкевич А. М. Смарт-контракты: что, зачем и как. – М.: Симплоер, 2018.
3. Лукоянов Н. В. Legal tech: смарт-контракты сквозь призму современного частного права // Юридические исследования. – 2018. – № 7. – С. 56-63.
4. Янковский Р. М. Проблематика правового регулирования децентрализованных систем на примере блокчейна и смарт-контракта // Государственная служба. – 2018. – Т. 20. № 2. – С. 64-68.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 30.01.2024).

5 Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Собрание законодательства РФ. – 07.08.2017. – № 32. – Ст. 5138.

МАШКОВА Александра Дмитриевна

ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

НИКОЛАЕНКО Елизавета Дмитриевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ТАГАНЦЕВА Валентина Сергеевна

ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ КАК ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО МЕСТА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Цифровизация оказывает значительное влияние на все аспекты человеческой жизни, включая финансовую систему государства. Одним из ключевых направлений цифровизации в настоящее время является внедрение цифровых валют. Актуальность настоящего исследования определена тем, что долгое время цифровые валюты находились за рамками правового поля Российской Федерации, однако возможность их внедрения в финансовую систему страны открывает для государства и граждан новые возможности. В Российской Федерации внедрение в оборот цифрового рубля сопровождалось общественными обсуждениями и разработкой ЦБ РФ различных концепций, которые легли в основу принятых поправок, что, к сожалению, так и не разрешило все дискуссионные вопросы.

Материалы и методы. Научная статья основана на анализе доктринальных подходов и ряда нормативно-правовых актов, в первую очередь, исследованы изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, касающиеся закрепления цифрового рубля в качестве объектов гражданских прав и их корреляции с нормами Закона о цифровых финансовых активах. Настоящее исследование носит междисциплинарный характер, поскольку неопределенность правовой природы и сущности цифрового рубля предопределяет его исследование через призму частного и публичного права.

Анализ. Проведенный в статье анализ указывает на недостаточную теоретическую проработку введения цифрового рубля в гражданских оборот, наличие в законодательстве пробелов и противоречий между нормами, регламентирующими схожие правоотношения.

Результаты. В настоящее время, несмотря на то, что в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения, закрепившие цифровой рубль в качестве одного из объектов гражданских прав, дискуссионными все еще остаются вопросы его соотношения с цифровыми правами, а также относительно места цифрового рубля в законодательстве о цифровых финансовых активах. С целью разрешения данных проблем необходимо привести к согласованности нормы о цифровых правах, цифровых финансовых активах и цифровом рубле, определив границы данных понятий в рамках гражданского и финансового законодательства.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой рубль, деньги, цифровые права, цифровые финансовые активы, безналичные денежные средства, объекты гражданских прав.

MASHKOVA Alexandra Dmitrievna

assistant of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North Caucasus Federal University, Stavropol

NIKOLAENKO Elizaveta Dmitrievna

assistant of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North Caucasus Federal University, Stavropol

TAGANTSEVA Valentina Sergeevna

assistant of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North Caucasus Federal University, Stavropol

DIGITAL RUBLE: FEATURES OF THEORETICAL UNDERSTANDING AS A DIGITAL FORM OF THE RUSSIAN NATIONAL CURRENCY AND DETERMINING ITS PLACE IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Digitalization has a significant impact on all aspects of human life, including the financial system of the state. One of the key areas of digitalization at present is the introduction of digital currencies. The relevance of this study is determined by the fact that digital currencies have been outside the legal framework of the Russian Federation for a long time, but the possibility of their introduction into the country's financial system opens up new opportunities for the state and citizens. In the Russian Federation, the introduction of the digital ruble into circulation was accompanied by public discussions and the development of various concepts by the Central Bank of the Russian Federation, which formed the basis of the adopted amendments, which, unfortunately, did not resolve all the controversial issues.

Materials and methods. The scientific article is based on the analysis of doctrinal approaches and a number of normative legal acts, first of all, the amendments to the Civil Code of the Russian Federation concerning the consolidation of the digital ruble as objects of civil rights and their correlation with the norms of the Law on Digital Financial Assets are investigated. The present study is interdisciplinary in nature, since the uncertainty of the legal nature and essence of the digital ruble determines its study through the prism of private and public law.

Analysis. The analysis carried out in the article indicates insufficient theoretical elaboration of the introduction of the digital ruble into civil circulation, the presence of gaps in legislation and contradictions between the norms regulating similar legal relations.

Results. Currently, despite the fact that amendments have been made to the Civil Code of the Russian Federation that have fixed the digital ruble as one of the objects of civil rights, the issues of its relationship with digital rights, as well as the place of the digital ruble in the legislation on digital financial assets, are still debatable. In order to resolve these problems, it is necessary to bring the rules on digital rights, digital financial assets and the digital ruble to consistency, defining the boundaries of these concepts within the framework of civil and financial legislation.

Keywords: digitalization, digital ruble, money, digital rights, digital financial assets, non-cash funds, objects of civil rights.

Машкова А. Д.

Николаенко Е. Д.

Таганцева В. С.

Введение.

Цифровизация оказывает значительное влияние на все аспекты человеческой жизни, включая финансовую систему государства. В частности, в последнее десятилетие появились новые формы платежных инструментов – безналичная форма платежей, заменившая традиционные наличные денежные расчеты. Результатом повсеместной информатизации стали технологии блокчейн и криптовалюты, с появлением которых возникли новые возможности для различных отраслей экономики. Одним из ключевых направлений цифровизации в настоящее время является внедрение цифровых валют.

Актуальность настоящего исследования определена тем, что долгое время цифровые валюты находились за рамками правового поля Российской Федерации, однако возможность их внедрения в финансовую систему страны открывает для государства и граждан новые возможности. Вместе с тем, изменение законодательства, как правило, происходит гораздо медленнее, так как сопряжено с разрешением различных дискуссий относительно правовой регламентации стремительно изменяющихся цифровых правоотношений. Поэтому, в Российской Федерации внедрение в оборот цифрового рубля сопровождалось общественными обсуждениями и разработкой ЦБ РФ различных концепций, которые легли в основу принятых поправок, что, к сожалению, так и не решило все дискуссионные вопросы.

Материалы и методы.

Научная статья основана на анализе доктринальных подходов и следующих нормативно-правовых актов: Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Настоящее исследование носит междисциплинарный характер, поскольку неопределенность правовой природы и сущности цифрового рубля предопределяет его исследование через призму частного и публичного права. Исследованы проблемы, возникающие в связи с закреплением цифрового рубля в числе объектов гражданских прав и введением его в оборот.

Анализ.

В Российской Федерации о перспективе создания национальной цифровой валюты впервые было объявлено Центральным Банком Российской Федерации в октябре 2020 г. в Докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль». Именно в нем впервые были обозначены перспективы внедрения в экономику и правовое поле страны дополнительной формы денег, которая совместит в себе достоинства наличных и безналичных денег. Это связано с тем, что в России количество лиц, осуществляющих оплату цифровой валютой и сервисов, принимающих оплату ей, ежегодно увеличивается на 15-20 %.

В апреле 2021 г. Банком России была принята «Концепция цифрового рубля», в которой были подведены итоги общественных консультаций по вопросам создания в РФ новой платежной инфраструктуры.

Наконец, в июле 2023 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», закрепивший появление в Российской Федерации цифрового рубля, являющегося цифровой версией национальной валюты, которую можно использовать для совершения определенных финансовых операций.

Согласно 128 статье Гражданского кодекса РФ в систему объектов гражданских прав в настоящий момент входят:

- 1) вещи (в них законодатель включает наличные деньги, а также документарные ценные бумаги);
- 2) иное имущество, в том числе имущественные права, которые включают в себя безналичные деньги, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права;
- 3) результаты работ и оказание услуг;
- 4) охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность);

5) нематериальные блага.

Стоит сказать, что деньги как объект гражданских прав сочетают в себе экономические и юридические свойства. Так, А. В. Бабушкина отмечала, что в основе понимания денег в доктрине гражданского права лежит их экономическая сущность [1]. Поэтому, согласно анализируемой статье, правовой режим вещей распространяется только на наличные деньги, тогда как безналичные денежные средства законодатель относит к категории имущественных прав. Деньги как объект гражданских прав также регламентированы ст. 140 ГК РФ, исходя из содержания которой деньги могут быть представлены национальной и иностранной валютой. Основным критерием разграничения денежных средств от смежных правовых явлений выступает законодательное закрепление конкретной платежной (денежной) единицы. В Российской Федерации таковым является рубль.

Примечательно, что в новой редакции ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровые рубли представлены в качестве разновидности безналичных денежных средств. На это же в своем исследовании указывает Л. Ю. Василевская, считающая, что цифровой рубль по своей правовой природе относится к безналичным денежным средствам, поскольку его эмитентом является Центральный Банк Российской Федерации [2]. Однако в вышеупомянутых актах Банка России цифровой рубль называется новой формой денег, в результате чего фактически происходит подмена правовых понятий экономическими.

С появлением цифрового рубля изменения коснулись также ст. 140 ГК РФ, которая теперь определяет три возможных варианта осуществления платежей на территории РФ:

- 1) путем наличных расчетов;
- 2) посредством безналичных расчетов;
- 3) расчеты цифровыми рублиями.

Данные изменения вступили в силу с 1 августа 2023 г., и означают, что в настоящий момент физические и юридические лица обладают в отношении цифрового рубля правами владения и пользования. Поправки относительно завещательных распоряжений цифровым рублем вступят в силу лишь с 1 августа 2024 г.

Более того, в действующем законодательстве и актах Банка России отсутствует упоминание о том, что цифровой рубль по своей сущности близок к цифровым правам.

Согласимся в данном случае с А. В. Габовым, указывающим в своем исследовании на неопределенность относительно того, каким образом цифровой рубль попадает в гражданский оборот [3], и чем это отличает его от иных объектов гражданских прав.

Исходя из того, что цифровые права – это совокупность обязательственных и иных прав, которые должны отвечать определенным признакам, а их содержание и условия осуществления соответствовать правилам информационной системы. Иными словами, цифровые права по задумке законодателя удостоверяют права на иные объекты гражданских прав (вещи, результаты работ и т.д.) [4], а статья 141.1 ГК РФ не определяет их, а лишь называет условия, при которых цифровые права становятся объектами гражданских прав. Большинство цивилистов также склонны определять цифровые права в качестве совокупности электронных данных (код). Совокупностью электронных данных (цифрового кода) в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» названа цифровая валюта. Данным законом регламентированы также выпуск, учет, обращение цифровой валюты и деятельность оператора информационной системы. При этом в доктрине понятие цифровой валюты остается весьма дискуссионным.

В Докладе ЦБ РФ для общественных консультаций указано: «цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода». Тем самым, широкое толкование понятия «цифровые права» в своем техническом значении совпадает с понятием цифровой валюты и цифрового рубля, что представляется недопустимым, поскольку последний по замыслу законодателя является формой национальной валюты, отличаясь тем самым от криптовалюты: криптовалюта представляет собой децентрализованную платежную систему, тогда как выпуск цифрового рубля находится под государственным контролем.

Кроме того, необходимо учитывать, что основополагающим законодательным актом в сфере оборота инновационных технологий на финансовом рынке является Закон о цифровых финансовых активах, поэтому законодателю следует четко провести различия между цифровой валютой и цифровым рублем, внести соответствующие изменения в Закон о цифровых финансовых активах. Согласно указанному закону, цифровой финансовый актив является объектом гражданских прав, имеющим экономическую ценность и цифровую форму. В соответствие должны быть также приведены нормативные акты Банка России, несмотря на то, что поправки в ГК РФ уже вступили в силу, на сайте Центрального банка, в рамках различных конференций сотрудниками пресс-центра ЦБ РФ происходит употребление цифрового рубля в значении цифровой валюты, что является недопустимым относительно действующих законодательных норм.

В целом, появление цифрового рубля является естественным шагом в развитии финансовой системы РФ в условиях цифровой экономики, поэтому представляется логичным рассматривать его также в качестве финансово-правового механизма, направленного на стабилизацию финансовой системы страны и обеспечение экономической безопасности государства. Так, Т. А. Саадулаева определяет, что цифровой рубль как финансово-правовой механизм способствует информационно-техническому развитию государства, устанавливает дополнительные возможности контроля за целевым расходованием средств и т.д. [5].

Следует обратить внимание на то, что Центральный банк отмечает возможность оплаты цифровым рублем офлайн, сравнивая тем самым это с наличными расчетами. При этом, п. 1 ст. 140 Гражданского кодекса РФ гласит, что законным платежным средством в РФ является рубль. Л. Ю. Василевская, комментируя данную норму, справедливо указывает, что по изначальному замыслу законодателя только рубль является единственным законным средством наличного платежа. Поэтому с точки зрения гражданского права отнесение цифрового рубля к цифровой форме национальной валюты ошибочно.

Возвращаясь к анализу ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации, отметим, что в ней законодатель снова использует формулировку «включая», относя тем самым расчеты цифровыми рублями к безналичным расчетам. Изначально в Докладе ЦБ РФ данная формулировка отсутствовала, поскольку его авторы оперировали в большей степени экономической терминологией, определяя, что расчеты безналичным рублем обеспечиваются коммерческими банками, тогда как расчеты «новым» рублем происходят на специальной платформе, оператором которой выступает Центральный банк. В тексте Доклада также указывалась возможность обмена цифрового рубля на безналичные денежные средства.

Естественно, что, принимая вышеперечисленные поправки в Гражданский кодекс РФ, законодатель был вынужден не выходить за рамки ст. 75 Конституции РФ, закрепляющей ключевые положения о денежной системе Российской Федерации, ее функционировании. Однако виду того, что законодатель закрепил цифровой рубль в качестве разновидности безналичных денежных средств, на практике мы получаем ситуацию, когда происходит между идентичными объектами гражданских прав.

Существенным отличием цифрового рубля от безналичных и наличных денег является то, что они не могут являться средством сбережения, законодательно отсутствует возможность получения кредита в форме цифровых рублей. Примечательно, что это в корне противоречит первоначальной позиции разработчиков «нового» рубля, так как в Докладе Банка России указывалось, что цифровой рубль будет выполнять абсолютно все функции денег.

Соответственно, по своей юридической природе цифровой рубль близок к безналичным денежным средствам, но не должен являться их разновидностью, так как выступает имущественным правом в цифровой форме, следовательно, является разновидностью цифрового права.

Стоит сказать, что практика применения цифрового рубля в России все еще не сложилась, несмотря на то, что прошло уже несколько месяцев с момента принятия Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части форми-

рования правовых основ для внедрения цифрового рубля)» и запущена пилотная платформа. Отсутствуют также какие-либо разъяснения со стороны Верховного Суда Российской Федерации. В июне 2023 г., до вступления в силу вышеупомянутого закона в Конституционный Суд Российской Федерации было направлено две жалобы. Граждане, которые их направили, полагали, что положения проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» нарушают их конституционные права, закрепленные в статьях 23, 24, 35, 37, 39, 71 и 75 (ч.1) Конституции РФ, однако в рассмотрении жалоб КС РФ отказал, поэтому многие вопросы, касающиеся функционирования в России цифрового рубля остаются открытыми.

Результаты.

На основании вышеизложенного, выделим основные признаки цифрового рубля:

Во-первых, цифровой рубль существует в особой материальной форме – цифровой.

Во-вторых, использование цифрового рубля возможно, как онлайн, так и офлайн (посредством специальной интернет-платформы), при этом он не выступает средством накопления.

В-третьих, рубль выступает как оборотоспособный объект гражданских прав.

В-четвертых, цифровой рубль по своей природе не является криптовалютой.

Таким образом, проблемы становления и оптимизации правового регулирования оборота цифровых денег возникли в связи с появлением и использованием цифровых денежных средств. Так как объект права выступает основой любого правоотношения, то неопределенность его правового режима будет препятствовать реализации субъектами права своих прав и обязанностей. В настоящее время, несмотря на то, что в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения, закрепившие цифровой рубль в качестве одного из объектов гражданских прав, дискуссионными все еще остаются вопросы его соотношения с цифровыми правами, а также относительно места цифрового рубля в законодательстве о цифровых финансовых активах.

С целью разрешения данных проблем необходимо привести к согласованности нормы о цифровых правах, цифровых финансовых активах и цифровом рубле, определив границы данных понятий в рамках гражданского и финансового законодательства [6].

Пристатейный библиографический список

1. Бабушкина А. В. Правовое регулирование денежной системы Российской Федерации // *Материалы международной (заочной) научно-практической конференции.* – 2016. – С. 68.
2. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex Russica.* – 2023. – № 1. – С. 10.
3. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права.* – 2021. – № 4 (125). – С. 60.
4. Закиров Р. Ю., Кульмяков Н. С. Цифровые права как объекты гражданских прав // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета.* – 2022. – № 4. – С. 80.
5. Саадулаева Т. А., Шляхтина И. А. Цифровой рубль как механизм обеспечения финансовой безопасности государства // *Экономика и бизнес: теория и практика.* – 2022. – № 6-2. – С. 136.
6. Смирнов Д. А., Первышов Е. А. О понятии цифровых финансовых активов в условиях современных реалий: финансово-правовые аспекты // *Гуманитарные и юридические исследования.* – 2022. – № 4. – С. 639.

СЕФИКУРБАНОВА Радмила Маллакурбановна

магистрант 2 курса Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ГАЙБАТОВА Курум Давудовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ «ГРАЖДАН-ИНВЕСТОРОВ» ПРИ БАНКРОТСТВЕ ЗАСТРОЙЩИКОВ

В статье исследуется проблема незащищенности прав участников долевого строительства – «граждан-инвесторов», которые в условиях банкротства застройщика не могут получить удовлетворение своих требований в одной очереди с «гражданами-потребителями». Критерии, позволяющие установить инвестиционные цели участников долевого строительства, в законодательстве и в судебной практике четко не определены. В статье делается вывод, что защита прав граждан должна быть одинаковой независимо от цели их участия в отношениях долевого строительства, до тех пор, пока законодателем не будут выработаны конкретные правила по сложившейся проблеме.

Ключевые слова: долевое строительство, участник долевого строительства, граждане-инвесторы, банкротство, застройщик, инвестиционные цели, реестр требований участников строительства.

SEFIKURBANOVA Radmila Mallakurbanovna

magister student of the 2nd course of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

GAYBATOVA Kurum Davudovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THE PROBLEM OF PROTECTING THE RIGHTS OF «CITIZEN INVESTORS» IN THE BANKRUPTCY OF DEVELOPERS

The article examines the problem of insecurity of the rights of participants in shared-equity construction – “citizen investors” who, in the conditions of bankruptcy of the developer cannot get satisfaction of their claims in the same queue with “citizen consumers”. The criteria for determining the investment goals of participants in shared-equity construction are not clearly defined in legislation and in judicial practice. The article concludes that the protection of citizens’ rights should be the same, regardless of the purpose of their participation in shared-equity construction relations, until the legislator develops specific rules on the current problem.

Keywords: shared-equity construction, participant in shared-equity construction, citizen investors, bankruptcy, developer, investment goals, register of requirements of construction participants.

Сефикурбанова Р. М.

Гайбатова К. Д.

Развитие жилищного рынка характеризуется тем, что долевое строительство является наиболее экономически выгодным способом приобретения жилья и особым видом инвестиционной деятельности. В связи с этим государство должно обеспечивать защиту конституционного права на жилище участников долевого строительства, которые реализуют его в рамках долевых отношений¹.

Долгое время не было специальной правовой базы, регулирующей отношения по долевому строительству, что создавало на практике ряд проблем. По данной причине в 2004 г. был принят Федеральный закон № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об участии в долевом строительстве), который закрепил договор участия в долевом строительстве и его су-

щественные условия, права, обязанности и ответственность сторон, но не дал четкого определения понятию «участник долевого строительства»².

Отдельные признаки, характеризующие участников долевого строительства, содержатся в п. 1 ст. 1 Закона об участии в долевом строительстве при описании предмета регулирования.

В доктрине предложены различные варианты определения участников долевого строительства. Нам представляется наиболее удачным определение, которое дано Савиной Е. С.: «Участник долевого строительства – это юридическое или физическое лицо, вкладывающее денежные средства в строительство многоквартирных домов и иных объектов недвижимости с целью получения в собственность жилых или нежилых помещений в указанных объектах» [1, с. 33].

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.02.2024).

2 Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 02.02.2024).

Общеизвестно, что нарушения прав участников долевого строительства наиболее остро проявляются при банкротстве застройщиков. Для решения данной проблемы в 2011 году Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) был дополнен новым разделом, который содержит в себе специальные правила о банкротстве застройщиков (глава 9, раздел 7). Позднее в 2017 г. в Закон о банкротстве был введен подп. 2.1 п. 1 ст. 201.1, содержащий легальную дефиницию понятия «участник долевого строительства»³.

Участники долевого строительства делятся на две группы: «граждане-потребители» и «граждане-инвесторы». Основанием для классификации является цель их участия в долевом строительстве.

Первую категорию составляют потребители, которые участвуют в долевом строительстве исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Они наделены большим объемом прав и нуждаются в дополнительной защите. К отношениям с их участием применяется законодательство о защите прав потребителей (п. 9 ст. 4 Закона об участии в долевом строительстве).

Признаки, позволяющие отнести участников долевого строительства к группе инвесторов, в законодательстве и судебной практикой четко не определены. Например, Обухова А. В. определяет таких граждан как «крупных дольщики», имеющих на праве долевой собственности более одной квартиры. На практике данных лиц приравнивают к профессиональным инвесторам [2, с. 181].

Отсутствие четких критериев разграничения рассматриваемых категорий участников долевого строительства создает на практике ряд проблем, когда дело касается защиты их прав при банкротстве застройщика.

Статья 201.4 Закона о банкротстве закрепляет единственную «юридически правильную» форму защиты участниками долевого строительства своих прав при банкротстве застройщика. Согласно положениям, закрепленным в данной статье, со дня признания застройщика банкротом требования о передаче жилых и нежилых помещений, машино-мест и (или) денежные требования (в том числе, если они возникли после принятия заявления о признании застройщика банкротом) предъявляются конкурсному управляющему, который после их рассмотрения принимает решение о включении или об отказе их включения в реестр требований участников строительства, который является частью реестра требований кредиторов должника.

Закон о банкротстве не содержит специальных ограничений для включения в реестр требований участников строительства, которые касались бы мотива вступления граждан в отношения долевого строительства, площади или количества жилых помещений, приобретаемых участником долевого строительства. Однако на практике сложилась ситуация, что граждане, для которых участие в долевом строительстве является лишь способом извлечения прибыли, не получают удовлетворение своих требований в одной очереди с гражданами, имеющими потребительский мотив.

Верховным судом РФ была выработана позиция, непосредственно касающаяся рассматриваемой проблемы и являющаяся в настоящее время единственным разъяснением для судов при ее разрешении. Он делает вывод, что при приобретении гражданином значительного количества помещений для перепродажи и извлечения прибыли, т.е. в инвестиционных целях, его требования к должнику (застройщику) не находятся в режиме требований участников строительства и, следовательно, не подлежат приоритетному удовлетворению. «Граждане-инвесторы» должны нести риски и ответственность за наступление неблагоприятных последствий от осуществляемой ими деятельности. Удовлетворение требований таких лиц должно осуществляться в четвертую очередь

согласно реестру требований кредиторов. Таким образом, Верховный суд РФ приравнивает требования «граждан-инвесторов» к требованиям юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, долг перед которыми погашается в четвертую очередь согласно подп. 4 п. 1 ст. 201.9 Закона о банкротстве.

Однако, как отметил суд, приобретение участником строительства нескольких жилых помещений не доказывает то, что они куплены для последующей перепродажи, это не свидетельство инвестиционного характера его деятельности. Гражданин может приобрести квартиры для удовлетворения как своей потребности в жилище, так и потребности членов его семьи, возможно, и других близких ему лиц⁴.

Таким образом, конкурсный управляющий при рассмотрении требования участника долевого строительства о передаче жилых помещений должен установить цели их приобретения и с учетом этого включить их в реестр требований участников строительства или в четвертую очередь реестра требований кредиторов.

В доктрине неоднозначно оценили выводы Верховного суда. Некоторые считают, что такая практика гарантирует приоритетную защиту участников долевого строительства, как потребителей и позволит государству взять под контроль граждан-профессиональных инвесторов, в частности, доходы от осуществляемой ими деятельности.

Мы согласимся с мнением, что перенос на заведомо слабую сторону правоотношений обязанности по доказыванию цели приобретения жилья снизит установленный уровень защиты их прав и законных интересов, что приведет к массовому нарушению ст. 40 Конституции РФ. Проблема состоит в том, что на практике будет сложно доказывать цель приобретения «значительного» количества жилых помещений, а также устанавливать то, какое количество жилых помещений необходимо гражданину для удовлетворения потребности в жилище, а покупка скольких уже будет свидетельствовать об инвестиционной деятельности. [3, с. 89].

Таким образом несмотря на то, что в соответствии с п. 2 ст. 213 Гражданского кодекса РФ количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются, в условиях банкротства застройщика в приоритетном положении в вопросе восстановления жилищных прав находятся граждане, которые не являются профессиональными инвесторами⁵.

Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод, что защита прав участников долевого строительства должна быть одинаковой независимо от целей их деятельности, до тех пор, пока законодателем не будут выработаны четкие правила по сложившейся проблеме.

Пристатейный библиографический список

1. Савина Е. С. Стороны договора участия в долевом строительстве // Цели и пути устойчивого экономического развития: Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2022. – С. 31-35.
2. Обухова А. В. Пределы защиты прав участника долевого строительства как инвестора // Вестник науки. – 2022. – № 12. – С. 180-184.
3. Молодых К. Ю., Травин Г. Д. Рубежи признания розничного инвестора потребителем // Закон. – 2023. – Т. 2. № 10 (67). – С. 84-94.

4 Определение Верховного суда Российской Федерации от 22.08.2022 № 305-ЭС22-7163 по делу № А41-34210/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2151792 (дата обращения: 03.02.2024).

5 Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.02.2024).

3 Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 02.02.2024).

СТОРОЖЕВА Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета

ДАДАЯН Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ В ДЕЛЕ О РАЗДЕЛЕ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Вопросы раздела совместно нажитого имущества являются достаточно актуальными и непростыми в настоящее время. Сложность данной процедуры заключается в том, что супруги (бывшие супруги) зачастую не могут избрать цивилизованные и равноправные способы такого раздела. Непонимание или нежелание смириться с равноправным разделом активов и пассивов, принадлежащим супругам, приводит к судебным разбирательствам. Судебная процедура рассмотрения споров, о разделе совместно нажитого имущества нередко затрагивает интересы третьих лиц, а именно добросовестных приобретателей имущества, находящегося в момент его отчуждения в совместной собственности супругов. В настоящей статье остановимся на защите добросовестных приобретателей, осуществивших сделку по приобретению недвижимого имущества без согласия одного из супругов.

Ключевые слова: супруги, совместная собственность, раздел совместно нажитого имущества, добросовестный приобретатель, недвижимое имущество.

STOROZHEVA Anna Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Krasnoyarsk State Agrarian University

DADAYAN Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Krasnoyarsk State Agrarian University

CURRENT ASPECTS OF INVALIDATION OF THE TRANSACTION IN THE CASE OF THE DIVISION OF JOINTLY ACQUIRED PROPERTY OF SPOUSES

The issues of dividing jointly acquired property are quite relevant and difficult at the present time. The complexity of this procedure lies in the fact that spouses (former spouses) often cannot choose civilized and equal methods of such division. Misunderstanding or unwillingness to accept the equal division of assets and liabilities belonging to spouses leads to litigation. The judicial procedure for considering disputes regarding the division of jointly acquired property often affects the interests of third parties, namely, bona fide purchasers of property that was jointly owned by the spouses at the time of its alienation. In this article we will focus on the protection of bona fide purchasers who entered into a transaction to acquire real estate without the consent of one of the spouses.

Keywords: spouses, joint property, division of jointly acquired property, bona fide purchaser, real estate.

Раздел совместно нажитого имущества супругов занимает особую категорию гражданских дел, которая связана зачастую со сложными процессами рассмотрения. Процесс усложняется тем, бывшие супруги после развода не сразу начинают осуществлять раздел совместно нажитого имущества. Продолжительность процедуры раздела совместно нажитого имущества зависит от многих факторов, таких как наличие споров, между супругами, наличие несовершеннолетних детей, необходимость оценки имущества и т.д.

Так, к моменту рассмотрения исковых требований одним из супругов имущество, которое заявлено к разделу может уже отсутствовать, а именно отчуждено без согласия другого супруга третьему лицу или третьим лицам.

Супруг, не давший согласие на такое отчуждение, может только в процессе рассмотрения судом спора о разделе совместно нажитого имущества узнать о том, что имеет место быть отчуждение части совместно нажитого имущества без его согласия.

С целью защиты своих имущественных интересов супруги, не давшие согласие на отчуждение совместно нажитого имущества, имеют право предъявить встречный иск о признании недействительной сделки по отчуждению совместно нажитого имущества или уточнить исковые требования, в части признания недействительной соответствующей

сделки, совершенной другим супругом без требуемого законом согласия.

Так, признание сделки недействительной является одним из актуальных аспектов в деле о разделе совместно нажитого имущества супругов. При рассмотрении споров может выясниться не только недобросовестность супруга, не получившего согласие от другого супруга на отчуждение имущества, но и недобросовестность третьего лица, приобретшего такое имущество. Такая ситуация ведет к признанию судом сделки недействительной.

Возникает достаточно непростой вопрос, когда имущество приобрел добросовестный приобретатель, который не знал и не мог знать о том, что лицо, отчуждающее имущество находится в браке и отчуждает имущество, право, как минимум, на половину которого принадлежит другому лицу.

Остановимся подробнее на особенностях защиты права добросовестного приобретателя в деле о разделе совместно нажитого имущества при признании совершенной им сделки недействительной.

Вопросы добросовестности поднимаются достаточно часто не только в науке гражданского права, но и на практике. Авторы настоящей статьи также поднимали в своих работах вопросы, какими доказательствами подтверждается факт до-

бросовестности владения в силу того, что категория «добросовестности» является оценочным понятием [1].

Как правило, третьи лица, приобретшие соответствующее спорное имущество привлекаются к процессу в качестве соответчиков или третьих лиц.

Третье лицо должно доказать добросовестность приобретения имущества, в противном случае сделка, совершенная им с лицом, не получившим требуемого в силу закона согласия будет признана судом недействительной. В процессуальном законодательстве отсутствует какой-либо алгоритм, какими доказательствами должен оперировать неууправомоченный приобретатель, чтобы у суда не осталось никакого сомнения в его добросовестности.

Возможные доказательства добросовестности выработаны судебной практикой и являются определенными ориентирами не только для суда, но и в первую очередь для приобретателя имущества, который не знал и не мог знать об отсутствии согласия супруга, как, впрочем, и о самом супруге.

Во-первых, доказательством того, что приобретатель не мог знать о супруге может служить выписка из ЕГРН на объект, подтверждающая, что правообладателем объекта является его отчуждатель – продавец (один из супругов).

Кроме того, проанализировав информацию, отраженную в выписке из ЕГРН, приобретатель недвижимого имущества может убедиться, что приобретаемый им объект не находится еще в чей-либо собственности, не является предметом какого-либо спора, не находится в чем-либо обременении. Иное бы свидетельствовало о недобросовестности приобретателей¹.

Во-вторых, правообладатель имущества согласно выписке из ЕГРН, совпадает с продавцом по сделке полностью. О таком совпадении могут свидетельствовать не только выписка из ЕГРН, но и первоначальный договор купли-продажи, договор на техническое обслуживание помещения, справка о наличии задолженности по коммунальным расходам и др.

В 2021 году Конституционный Суд Российской Федерации защитил добросовестного приобретателя, отметив, что иск бывшего супруга о признании сделки недействительной не всегда, безусловно, должен удовлетворяться². Так, необходимо учитывать добросовестность участника сделки, который за деньги приобрел имущество, полагаясь на данные ЕГРН, а также проанализировать поведение экс-супруга, который не проконтролировал вовремя статус общего имущества и оформление его права собственности на него.

Следовательно, приобретатель будет являться добросовестным, если полагается на данные ЕГРН при заключении сделки, в которых отсутствует какая-либо информация об ограничительных действиях с соответствующим имуществом, а также информация об ином или иных собственниках отчуждаемого имущества.

В-третьих, установленная цена по договору должна быть рыночной на дату приобретения имущества. Рыночная стоимость имущества подтверждается результатами оценочной экспертизы. В противном случае неоправданно низкая цена могла бы насторожить приобретателей.³ Доказательствами возмездности сделки может служить расписка о передаче де-

нежных средств за приобретенное имущество или иной тому подобный документ, к примеру выписка со счета и т.п.

В-четвертых, необходимо обратить внимание на договор купли-продажи, согласно которому объект находится в собственности отчуждателя около 3 лет, что не считается подозрительным условием короткого периода владения недвижимостью⁴.

Отметим, что суд должен учитывать и выбранной способ защиты одним из супругов, который признает сделку по отчуждению имущества недействительной.

Так, осведомленность бывшего супруга и отсутствие возражений с его стороны о продаже имущества может свидетельствовать о том, что, требуя признать совершенную другим супругом сделку без его согласия, супруг тем самым избирает не соразмерный способ защиты своих прав, который идет в разрез с принципом стабильности гражданского оборота. В случае отчуждения общего имущества супругом стоимость отчужденного имущества может быть учтена при разделе совместно нажитого имущества без оспаривания сделки по его отчуждению. Суд может взыскать компенсацию в пользу супруга в размере половины стоимости такого имущества.

Вышеуказанное согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации. Так, ВС РФ отмечает, что не только при осуществлении, но и при защите своих гражданских прав участники должны действовать добросовестно, не извлекая из избранных способов защиты преимуществ для себя, нарушая тем самым права и законные интересы иных добросовестных участников гражданского оборота⁵. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения⁶.

Таким образом, судебная практика играет важную роль в определении оснований и последствий признания сделки, совершенной неууправомоченным отчуждателем либо действительной, либо недействительной. Так, анализ судебной практики позволяет определить наиболее частые случаи недобросовестного поведения супругов (бывших супругов) при разделе имущества, а также выработать эффективные меры защиты третьих лиц, которые вступили в правоотношения с недобросовестными супругами.

Пристатейный библиографический список

1. Дадаев Е. В., Сторожева А. Н. Добросовестность владения земельным участком как одно из условий признания права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности // Актуальные проблемы частно-правовых и публично-правовых отношений в сфере рационального использования и охраны окружающей среды. Материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции. - Красноярск, 2023. - С. 58-61.

4 Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 27.08.2020 г. по делу № А40-157934/2015 // Консультант Плюс: Судебная практика.

5 Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс: Судебная практика.

6 Пункт 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Консультант Плюс: Законодательство.

1 Абз. 2 п. 38 постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 г. № 10/22 // Консультант Плюс: Судебная практика.

2 Постановление КС РФ от 13 июля 2021 г. № 35-П // Консультант Плюс: Судебная практика.

3 Пункт 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 // Консультант Плюс: Судебная практика.

ЧЕРДАКОВА Лариса Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ЗАЩИТА НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автор анализирует позицию Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда. Делается вывод о том, что компенсацию за страдания можно требовать не независимо от длительности их претерпевания и предлагается дополнить перечень способов защиты гражданских прав нематериальными формами компенсации морального вреда на случай причинения такого вреда гражданину, предоставив ему выбор определения способа денежной или неденежной компенсации, опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а также реабилитацию гражданина. Автором установлено, что сам моральный вред является неосоздаваемым, а повреждению подвергается охраняемое законом личное немуществственное (имущественное право) благо, которое носит абсолютный характер. Сама компенсация морального вреда рассматривается как способ защиты немуществственных прав граждан, предусмотрена законом и носит имущественный характер, но нельзя считать подлежащие выплате суммы материальным эквивалентом физических и нравственных страданий гражданина.

Ключевые слова: компенсация, немуществственные права, моральный вред, физические и нравственные страдания, судебная практика, защита прав граждан.

CHERDAKOVA Larisa Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

PROTECTION OF NON-PROPERTY RIGHTS OF CITIZENS IN THE CONTEXT OF ANALYZING THE POSITION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author analyzes the position of the Supreme Court of the Russian Federation on compensation for moral damage. It is concluded that compensation for suffering can be demanded regardless of the duration of their suffering and it is proposed to supplement the list of methods of protecting civil rights with non-material forms of compensation for moral damage in the event of such harm being caused to a citizen, giving him the choice of determining the method of monetary or non-monetary compensation, refuting those who discredit him honor, dignity or business reputation of the information, as well as the rehabilitation of the citizen. The author has established that moral damage itself is intangible, and damage is caused to a legally protected personal non-property (property right) benefit, which is absolute in nature. Compensation for moral damage itself is considered as a way of protecting the non-property rights of citizens, is provided for by law and is of a property nature, but the amounts to be paid cannot be considered the material equivalent of the physical and moral suffering of a citizen.

Keywords: compensation, non-property rights, moral harm, physical and moral suffering, judicial practice, protection of citizens' rights.

Защита немуществственных прав граждан в России чаще реализуется через подачу иска о компенсации морального вреда. Как прямо следует из ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ)¹ субъектом компенсации морального вреда является гражданин (физическое лицо), причем заявлять он может только свои физические и нравственные страдания. Близкие родственники по восходящей и нисходящей линии могут заявлять также свои страдания, в связи с утратой близкого человека, данные субъекты определяются по правилам семейного законодательства. Юридические лица могут заявлять только требования о защите деловой репутации, субъектами компенсации морального вреда они быть не могут.

При определении размера компенсации морального вреда учитываются степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинён вред. Индивидуальные особенности потерпевшего считаются подлежащие доказыванию обстоятельства, которые суд должен устанавливать предусмотренными процессуальным законодательством способами

и учитывать при оценке действительной глубины (степени) физических или нравственных страданий и определении соответствующего размера компенсации.

Закон устаивает перечень условий, который влияют на размер компенсации в числе которых требование справедливости предполагает беспристрастность, истинность и правильность решения, принятие которого осуществляется на законных основаниях (ст. 1101 ГК РФ)². Требования разумности означают логичность, целесообразность принятого решения, т.е. такого определения компенсационной суммы, которое диктуется исследованными в суде посылками для умозаключения в виде конкретных обстоятельств и доказательств.

Оценке подлежит виновность причинителя вреда, а также субъективная характеристика потерпевшего, которая также могла способствовать причинению вреда или увеличению его масштабов. Если виновность причинителя презюмируется при рассмотрении гражданского дела о чем свидетельствуют статьи 401 и 1064 Гражданского кодекса Рос-

¹ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. - 1994. - № 238-239.

² Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. - 1996. - № 23, 24, 25.

сийской Федерации (далее – ГК РФ), то потерпевший - как и все участники гражданского оборота считаются автоматически добросовестными субъектами и их виновность подлежит доказыванию теми лиц в процессе, которые на это ссылаются. Субъективные характеристики потерпевшего и причинителя вреда судом оцениваются в совокупности для справедливого разрешения дела.

Значение имеют и формы вины, которые выражаются в намеренном поведении (умышленном) или неосторожном, последнее делится на простую и грубую – все эти формы влияют на размер компенсации, назначенной судом. Различие состоит в том, что при самонадеянности правонарушитель предвидит возможные вредные последствия своего противоправного действия или бездействия, но легкомысленно расценивает на то, что они не наступят.

В судебной практике могут возникать проблемы в разграничении оценки этих форм, особенно тонкая грань между простой и грубой неосторожностью [1]. Так, например, суд снизил размер возмещения в три раза в связи с грубой неосторожностью потерпевшей, которая переходила дорогу и не заметила приближающийся автомобиль в последствии судебное дело было пересмотрено и установлено, что в ее поведении не присутствовала грубая неосторожность[2], а лишь простая, что не дало права суду уменьшать размер компенсации, кроме того, законодатель не указал насколько суд может снижать размер компенсации с учетом этих факторов (п. 2. ст. 1083 ГК РФ). Таким образом, суд может и в два и в три раза снижать этот размер по своему усмотрению, что видится нецелесообразным и явно не нацелено на защиту прав граждан.

Стоит отметить, что ст. 1100 ГК РФ закрепляет возможность компенсации морального вреда независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию; в иных случаях, предусмотренных законом. Вызывает также интерес ещё одна норма ГК РФ (ст. 1070 ГК РФ), которая устанавливает положение о том, что за счёт казны РФ, субъекта РФ или муниципального образования (в случаях, указанных в законах) возмещается вред независимо от вины должностных лиц органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, причинённый гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причинённый юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности. Данный перечень носит закрытый характер и не может быть истолкован судом расширительно.

Несмотря на наличие в нормативно-правовых актах иных форм компенсации морального вреда, в настоящее время суд может взыскать компенсацию лишь денежной форме, новое видение практикоприменителя провозглашает такую возможность только на стадии исполнительного про-

изводства[3]. Существуют колоссальные и необоснованные различия в присуждаемых размерах компенсаций морального вреда, поскольку у судов отсутствуют ориентиры для назначения справедливых и разумных размеров компенсации морального вреда. В настоящее время Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» определило новые реалии и перспективы в применении института компенсации морального вреда в России и затронула специфику, в частности определяется, что если моральный вред причинили правомерными действиями, его не компенсируют, работодатель компенсирует вред, причинённый его работниками. Также выявлены вопросы, связанные с компенсацией, причинённый источником повышенной опасности, а также разъясняются особенности компенсации морального вреда незаконными действиями органов публичной власти, страховых организаций, организаций, осуществляющих медицинскую деятельность, продавцов, изготовителей товаров чьи неимущественные права на результаты интеллектуальной деятельности оказались нарушены. Также выделены процессуальные особенности рассмотрения вопросов о компенсации морального вреда, обозначив новые презумпции. Так, например, медицинская организация теперь должна доказывать факт выполнения требований стандартах схем лечения, будучи профессиональным субъектом, оказывающим медицинские услуги, ранее этого разъяснения мы не наблюдали в судебной практике [4, с. 154].

Мы пришли к выводам, что законодательство допускает защиту чести, достоинства и деловой репутации не только в общем порядке, указанном в ст. 12 ГК РФ, но и особым образом, предусмотренным ст. 151 ГК РФ и ст. 152 ГК РФ. И стоит отметить не только важность существования таких благ для человека, но и то, что законодатель допускает судебную защиту их, что еще раз подтверждает тот факт, что мы живем в демократическом государстве, где права человека являются высшей ценностью. Такое право потерпевшего должно наличествовать в гражданском законодательстве, поскольку такая форма защиты гражданских прав как компенсация морального вреда направлена на восстановление прежнего состояния гражданина с целью сгладить его физические и нравственные страдания.

В практике у судов не возникает разногласий по поводу определения понятия «моральный вред», в основном споры идут об объекте правовой защиты, допустимости применения компенсации морального вреда и размере компенсации. Конкретный субъект, которому причинен моральный вред, не определен; действия, нарушающие моральные права и материальные выгоды, не конкретизируются, перечень таких действий может быть шире, чем предусмотрено действующим законодательством.

Должен действовать принцип «презумпции морального вреда», содержание которого можно сформулировать следующим образом: «Любое физическое лицо, в отношении которого совершено неправомерное деяние (действие или бездействие), признается потерпевшим моральный вред, если совершивший деяние не докажет обратное».

Второе условие ответственности за причинение морального вреда – противоправность. Действие приобретает характер противоправного, если оно прямо запрещено законом или иным правовым актом, либо противоречит закону или иному правовому акту, договору, односторонней сделке или иному основанию обязательств (распространение несоответствующих действительности порочащих сведений).

Бездействие лишь в том случае становится противоправным, если на лицо возложена юридическая обязанность, действовать в соответствии с соответствующей ситуацией (неоказание помощи больному).

Третье условие ответственности за причинение морального вреда — причинная связь между противоправным действием и моральным вредом. Также необходимо оценить степень вины причинителя вреда и потерпевшего при наличии смешанной ее формы.

Подводя итог, следует отметить, что при компенсации морального вреда следует учитывать, что вред является неосознанным, а повреждению подвергается охраняемое законом личное нематериальное благо, которое носит абсолютный характер. Имущественные потери могут отсутствовать, но моральный вред подлежит компенсации в полном объеме. Компенсация морального вреда предусмотрена только в денежном выражении, натуральный способ компенсации вреда законом не предусмотрен. Нельзя считать подлежащие компенсации суммы материальным эквивалентом физических и нравственных страданий. Сам моральный вред является необходимым условием его компенсации и подлежит доказыванию потерпевшим, однако только при наличии доказывании всех остальных необходимых условий (противоправность, причинно-следственная связь и вина) возможна такая компенсация.

Следует отметить, что в суде необходимо более тщательно оценивать потерпевших и все критерии, указанные в законе, исходить из принципов разумности и справедливости. В законодательстве нужно более четко закрепить все условия компенсации морального вреда и на сколько суд предельно может занижать эти суммы компенсации в целях наиболее эффективной защиты имущественных прав граждан при нарушении прав, которые по своей природе не имеют денежной оценки (нематериальные права), а учет индивидуальных особенностей личности нарушает принцип равенства прав граждан и единообразного применения правовых норм. Кроме того, суммы назначенные в счет компенсации морального вреда в различных регионах Российской Федерации отличаются, что тоже считаем несправедливым. Думается, что степень физических и нравственных страданий не зависит от места жительства и места постоянного пребывания гражданина, защита возможна без учета времени существования таких страданий и места нахождения гражданина. Частичное или полное восстановление здоровья гражданина, его психического состояния на момент исполнения обязательства по компенсации морального вреда значения не имеет. В случае компенсации морального вреда при нарушении нематериальных прав или благ, он подлежит взысканию независимо от сроков обращения с исковыми требованиями.

Результаты нашего исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

Выявлено, что моральный вред выражается в виде физических (боль, тошнота, головокружение и др.), а также нравственных (переживаниях) страданиях, которые взаимосвязаны между собой, одни из которых могут носить временный характер, другие - сохраняться на долго, но компенсацию за страдания можно требовать не независимо от длительности их претерпевания.

Нами предлагается дополнить перечень способов защиты гражданских прав нематериальными формами компенсации морального вреда на случай причинения такого вреда гражданину, предоставив ему выбор определения способа денежной или неденежной компенсации, опровержения по-

рочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а также реабилитацию гражданина.

Установлено, что сам моральный вред является неосознанным, а повреждению подвергается охраняемое законом личное нематериальное (имущественное право) благо, которое носит абсолютный характер. Сама компенсация морального вреда предусмотрена законом и носит имущественный характер, но нельзя считать подлежащие выплате суммы материальным эквивалентом физических и нравственных страданий гражданина.

Предлагается закрепить в законодательстве презумпцию морального вреда, что позволит обеспечить защиту нематериальных прав граждан на случай причинения такого вреда. Сам моральный вред является необходимым условием, однако только при наличии всех остальных необходимых условий (противоправность, причинно-следственная связь и вина) возможна его компенсация.

Выявлено, что в случаях, предусмотренных законом, компенсация морального вреда возможна даже при отсутствии вины в поведении причинителя вреда, которые составляют исключения, однако суммы компенсации не могут быть одинаковыми для виновных и невиновных лиц, что противоречит принципам разумности и справедливости.

Установлено, что компенсация морального вреда возможна независимо от времени существования таких страданий. Частичное или полное восстановление здоровья гражданина не влияет на определение размера компенсаций.

Таким образом, анализа позиции Верховного Суда Российской Федерации сформулировал новые реалии и перспективы, обозначив специфику компенсации морального вреда в отдельных случаях, а в случаях причинения морального вреда правомерными действиями – отказ в компенсации. Также выявлены вопросы, связанные с компенсацией, причиненный источником повышенной опасности, а также разъясняются особенности компенсации морального вреда незаконными действиями органов публичной власти, страховых организаций, организаций, осуществляющих медицинскую деятельность, продавцов, изготовителей товаров чьи нематериальные права на результаты интеллектуальной деятельности оказались нарушены. Также выделены процессуальные особенности рассмотрения вопросов о компенсации морального вреда, обозначив новые презумпции.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Верховного Суда РФ от 11 октября 2021 г. № 5-КГ21-94-К2 // Гарант. [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
2. Определение Верховного Суда РФ от 18 сентября 2023 г. №18-КГ23-119-К4 // Гарант. [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
3. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Гарант. [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
4. Шевчук Е. П. К вопросу о распределении презумпций в обязательствах по возмещению вреда в Российской Федерации // Закон и право. – 2023. – № 12. – С. 154-157.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-226-228

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат областной коллегии адвокатов, филиала «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ПРАВА ПАЦИЕНТА ПО ДОГОВОРУ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В КЛИНИКЕ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В России юридические гарантии для пациентов формировались на протяжении долгого периода и в настоящее время интегрированы в систему общественных отношений в контексте предоставления медицинских услуг. основополагающими регулятивными документами, определяющими права пациентов, служат Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, а также другие законодательные и подзаконные нормативы, включая элементы гражданского законодательства. В эпоху активного прогресса в медицинской сфере возрастает роль юридических норм в контексте медицинского обслуживания. Соответственно, актуальность данного исследования обусловлена неотложной потребностью в детальном и комплексном анализе юридических аспектов деятельности в области пластической хирургии с ориентацией на защиту интересов пациентов, где конкретизированные отношения между медицинским учреждением и пациентом вызывают необходимость точечного правового регулирования.

Ключевые слова: права пациента, договор возмездного оказания услуг, пластическая хирургия, медицинская этика, конфиденциальность, информационное соглашение, юридическая ответственность, качество медицинских услуг, компенсация, судебная практика.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljovich

Lawyer of the regional bar association, branch of the Law Firm "Pelevin and Partners"

PATIENT'S RIGHTS UNDER A CONTRACT FOR THE REIMBURSABLE PROVISION OF MEDICAL SERVICES IN A PLASTIC SURGERY CLINIC

In Russia, legal guarantees for patients have been formed over a long period of time and are now integrated into the system of social relations in the context of the provision of medical services. The fundamental regulatory documents defining patients' rights are the Federal Law "On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation" of 21.11.2011 No. 323-FZ, as well as other legislative and subordinate regulations, including elements of civil law. In the era of active progress in the medical sphere, the role of legal norms in the context of medical care is increasing. Accordingly, the relevance of this study is due to the urgent need for a detailed and comprehensive analysis of the legal aspects of activities in the field of plastic surgery with a focus on the protection of patients' interests, where the concretized relations between the medical institution and the patient cause the need for precise legal regulation.

Keywords: patient rights, contract for the provision of paid services, plastic surgery, medical ethics, confidentiality, information agreement, legal responsibility, quality of medical services, compensation, judicial practice.

В рамках данной тематики ключевую роль играет контрактное управление взаимоотношениями между пациентом и медицинским учреждением. В литературе на эту тему А. Ю. Галкин подчеркивает значимость точной спецификации условий договора на коммерческие медицинские услуги, внимательно рассматривая вопросы правовой точности и функциональной эффективности¹. С другой стороны, О. Е. Жамкова концентрируется на законодательных аспектах предоставления медицинских услуг в России, затрагивая важные моменты относительно прав пациентов согласно российскому законодательству². Ю. А. Звезда пристально изучает гражданско-правовую ответственность за причинение ущерба в сфере медицинского обслуживания, с акцентом на этические и материальные последствия³.

Контракт на возмездные медицинские услуги в сфере пластической хирургии функционирует как интегрированный юридический механизм, регламентирующий взаи-

модействие на разных этапах лечебного процесса. Этот документ охватывает не только фундаментальные элементы, такие как объект, участники и сделка, но и уточняет нюансы качества медицинского сервиса, стандарты информированности пациента и требования к медицинскому уходу.

Цель данного исследования заключается в комплексном разборе прав пациента согласно контракту на возмездные медицинские услуги в области пластической хирургии. Аналитический фокус нацелен на выделение критических законодательных норм и практических элементов, которые обеспечивают юридическую защиту пациента.

В соответствии с декларированными стандартами, пациент ожидает обслуживания наивысшего качества. Е. С. Сальгина исследует договорные аспекты возмездного медицинского сервиса, включая не только базовые медицинские услуги, но и качественную реализацию тех услуг⁴. Это подразумевает, что любое уклонение от заявленных стандартов активизирует право пациента на компенсацию. М. А. Ковалевский проводит анализ критериев оценки медицинских услуг, аргументируя, что эффективность должна измеряться не исключительно через клинические результаты, но и через

1 Галкин А. Ю. Существенные условия договора на оказание платных медицинских услуг // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 29-31.

2 Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 125.

3 Звезда Ю. А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда при оказании медицинских услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 12.

4 Сальгина Е. С. Договорное регулирование отношений в сфере оказания возмездных медицинских услуг. Екатеринбург, 2016. С. 115.

Ястремский И. А.

соответствие законодательным рамкам⁵. Е. П. Шевчук фокусируется на механизмах компенсации в случаях нарушения качественных стандартов медицинского обслуживания, подчеркивая гражданско-правовую ответственность учреждений⁶. Е. С. Салыгина, в свою очередь, акцентирует внимание на непереносимости применения верифицированных методик и современных технологий в медицинской практике⁷. М. А. Ковалевский также подчеркивает неотъемлемость законодательно определенных норм и стандартов в процессе оказания медицинских услуг⁸. В этом контексте, медицинские протоколы и стандарты обслуживания не могут быть проигнорированы.

В соответствии с юридическими и этическими нормами, право на приватность является ключевым элементом договорных отношений между пациентом и медицинскими работниками. Н. А. Соколова настаивает на критической важности механизмов защиты пациентов в контексте обязательного медицинского страхования, подчеркивая возможные юридические последствия за несоблюдение⁹. Е. П. Шевчук, в свою очередь, указывает на риски компенсации материального и нематериального ущерба, если пренебречь этим аспектом¹⁰. Д. А. Шепелева детализирует проблемные моменты в оказании медицинских услуг, в частности, те, которые касаются разглашения конфиденциальной информации. Она утверждает, что это может стать препятствием для расторжения договоров и получения компенсации за моральный вред¹¹. О. Е. Жамкова подчеркивает, что в Российской Федерации существует строгое правовое регулирование в этой сфере, что обязывает к соблюдению конфиденциальности при предоставлении медицинских услуг¹². Ю. А. Звездина, в своем исследовании, акцентирует внимание на гражданско-правовых аспектах нарушений в этой сфере, включая неправомерное разглашение медицинской информации¹³. Следовательно, обеспечение приватности и неразглашение личных данных пациента стоят в центре этико-правового поля медицинского обслуживания.

Засекреченность информации стоит в центре дискуссий по этике медицинского обслуживания и поддерживается соответствующими законами. Нарушение данного принципа может сулить существенные риски для здравоохранительных учреждений.

Права пациента – сложный многогранный правовой феномен, который заставляет научное сообщество его углубленно исследовать. Целостный метод решения этой проблемы способствует не только повышению легитимности и эффек-

тивности медикаментов, но и укреплению доверия между сторонами, что напрямую влияет на качество судебного администрирования.

Таким образом, контракт на предоставление медицинских услуг является многоплановой юридической конструкцией, обусловленной как национальным законодательством, так и отдельными практическими соглашениями. Соблюдение всего комплекса статей и условий данного контракта обеспечивает юридический иммунитет для обеих сторон. Глубокий анализ таких договорных отношений способствует повышению стандартов медицинского обслуживания и уровня защиты пациентов. Основные элементы контракта на предоставление медицинских услуг включают в себя его предмет, участников, условия и процедуры его заключения.

Итак, предмет нашего фокуса концентрируется на специализированных медицинских интервенциях, которые предоставляются клиенту и отличаются высокой степенью персонализации. Это подтверждается работами Е. С. Салыгиной, где акцентируется внимание на необходимости соответствия дополнительным критериям, особенно в области пластической хирургии¹⁴. Салыгина также утверждает, что детализированное описание услуг является критическим аспектом для устранения юридической амфиболии¹⁵.

О. Е. Жамкова делает акцент на том, что законодательная база Российской Федерации четко формулирует правовые рамки для всех сторон, вовлеченных в договор¹⁶.

Контрактные условия включают такие моменты как сроки оказания услуг, финансовые параметры, а также механизмы оплаты. При этом особое внимание уделяется условиям, касающимся конфиденциальности и медицинской этики. Этот взгляд поддерживается исследованиями А. Ю. Галкина, который акцентирует внимание на ясности и точности условий договора¹⁷. Такой подход коррелирует с позицией М. А. Ковалевского, который указывает на важность четкого кодифицирования условий для исключения возможных правовых трудностей¹⁸.

Обыденная практика заключения договора предполагает участие медицинской учреждения и индивида. Однако, как замечает М. А. Ковалевский, могут возникать комплексные юридические вопросы, связанные с участием третьих сторон¹⁹. А. В. Тихомиров в свою очередь выделяет, что применение предварительных консультаций и диагностических процедур генерирует не только правовые гарантии, но и соответствующие риски, в том числе ответственность за возможное негативное воздействие на здоровье пациента²⁰.

В контексте заключения договоров о возмездном предоставлении медицинских услуг, А. Ю. Галкин акцентирует внимание на обязательном платежном аспекте²¹. О. Е. Жам-

5 Ковалевский М. А. Правовые проблемы оказания платной медицинской помощи // Кодекс-Шо. 2002. № 9. С. 72.

6 Шевчук Е. П. Элементы обязательства по возмещению вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 70.

7 Салыгина Е. С. Договорное регулирование отношений в сфере оказания возмездных медицинских услуг. Екатеринбург, 2016. С. 115.

8 Ковалевский М. А. Правовые проблемы оказания платной медицинской помощи // Кодекс-Шо. 2002. № 9. С. 72.

9 Соколова Н. А. Проблемы применения механизма защиты прав потребителей при оказании медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 17.

10 Шевчук Е. П. Элементы обязательства по возмещению вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 71.

11 Шепелева Д. А. Характеристика недостатка предоставления по договору возмездного оказания медицинских услуг // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 11. С. 148.

12 Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 125.

13 Звездина Ю. А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда при оказании медицинских услуг: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 12.

14 Салыгина Е. С. Договорное регулирование отношений в сфере оказания возмездных медицинских услуг. Екатеринбург, 2016. С. 115.

15 Салыгина Е. С. Договорное регулирование отношений в сфере оказания возмездных медицинских услуг. Екатеринбург, 2016. С. 115.

16 Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 125.

17 Галкин А. Ю. Существенные условия договора на оказание платных медицинских услуг // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 29-31.

18 Ковалевский М. А. Правовые проблемы оказания платной медицинской помощи // Кодекс-Шо. 2002. № 9. С. 72.

19 Ковалевский М. А. Правовые проблемы оказания платной медицинской помощи // Кодекс-Шо. 2002. № 9. С. 72.

20 Тихомиров А. В. Проблемы правовой квалификации вреда здоровью при оказании медицинских услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

21 Галкин А. Ю. Существенные условия договора на оказание платных медицинских услуг // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 30.

кова, развивая эту тематику, подчеркивает, что оговорка о взаимозависимости медицинских процедур и их финансирования является ключевым элементом таковых договоров²².

Договор на проведение пластической операции строится на основе определенной архитектоники и включает в себя конкретные условия. Эти условия определяются как логическими, так и юридическими императивами применяемой практики. Соблюдение этих критериев крайне важно для клиник, поскольку нарушение даже одного из них может привести к правовым и экономическим санкциям.

В рамках данного типа договоров медицинская организация обязана действовать в соответствии с принципами, закрепленными в конституционном и подчиненном ему законодательстве. А. Ю. Галкин в своих исследованиях делает акцент на неотъемлемости соблюдения профессиональных и этических стандартов, так как это напрямую коррелирует с успешностью и безопасностью медицинского вмешательства²³. В этом контексте, Е. С. Салыгина предлагает включать пациента в диалог, чтобы гармонизировать интересы всех сторон соглашения²⁴.

Эффективность работы медицинской организации определяется соблюдением трёх кардинальных принципов: качественного предоставления услуг, всестороннего информирования пациента и непреложного уважения конфиденциальности медицинских данных. Эти факторы являются основополагающими для легитимного и успешного функционирования системы оказания медицинских услуг.

В контексте заключения договоров на проведение платных медицинских процедур клиенты имеют определенные права на защиту своих интересов. Эти механизмы защиты урегулированы в нормативных документах медицинской организации и должны быть явно описаны в контракте. Согласно А. Ю. Галкину, наличие категорически определенных процедур для обработки жалоб является ключевым элементом в оформлении подобных соглашений²⁵.

Если клиент не получает удовлетворение от решений, принятых на уровне медицинского учреждения, он имеет право обращения к государственным инстанциям, включая Росздравнадзор. Е. С. Салыгина подчеркивает, что в этом процессе возможны инциденты, связанные с недостаточно качественной медицинской документацией или экспертными заключениями²⁶.

Не менее важным является тот факт, что, как показывают исследования Н. А. Соколовой и О. Е. Жамковой, пациент вправе требовать компенсацию за ущерб, который был причинен из-за неисполнения условий контракта. Это может охватывать различные формы ущерба, включая моральный и физический²⁷.

22 Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 125

23 Галкин А. Ю. Существенные условия договора на оказание платных медицинских услуг // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 30.

24 Салыгина Е. С. Договорное регулирование отношений в сфере оказания возмездных медицинских услуг. Екатеринбург, 2016. С. 115.

25 Галкин А. Ю. Существенные условия договора на оказание платных медицинских услуг // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 30.

26 Салыгина Е. С. Договорное регулирование отношений в сфере оказания возмездных медицинских услуг. Екатеринбург, 2016. С. 115.

27 Соколова Н. А. Проблемы применения механизма защиты прав потребителей при оказании медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 18; Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 125

В агрегированной перспективе весь процесс урегулирования жалоб должен быть максимально прозрачным и интуитивно понятным для клиента, начиная с момента подачи жалобы в медицинскую организацию и завершая обращением к судебным и надзорным органам. Защита интересов клиентов в случаях нарушений договорных обязательств остается ключевой задачей как для медицинских организаций, так и для надзорных органов.

Когда же средства административной защиты оказываются недостаточными, пациент обладает всеми правами для обращения в судебные инстанции. Шевчук Е. П. подчеркивает, что в этих случаях судебные органы будут учитывать не только соответствие контрактным обязательствам, но и качество медицинских услуг в целом²⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Галкин А. Ю. Существенные условия договора на оказание платных медицинских услуг // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81).
2. Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Звезда Ю. А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда при оказании медицинских услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
4. Ковалевский М. А. Правовые проблемы оказания платной медицинской помощи // Кодекс-Шо. 2002. № 9.
5. Салыгина Е. С. Договорное регулирование отношений в сфере оказания возмездных медицинских услуг. Екатеринбург, 2016.
6. Сироткина А. А. Договор оказания медицинских услуг. М.: Статут, 2004.
7. Соколова Н. А. Проблемы применения механизма защиты прав потребителей при оказании медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20).
8. Тихомиров А. В. Медицинская помощь вне пределов медицинской услуги // Главный врач: хозяйство и право. 2005. № 1.
9. Тихомиров А. В. Проблемы правовой квалификации вреда здоровью при оказании медицинских услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
10. Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
11. Шевчук Е. П. Элементы обязательства по возмещению вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71).
12. Шепелева Д. А. Характеристика недостатка предоставления по договору возмездного оказания медицинских услуг // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 11.

28 Шевчук Е. П. Элементы обязательства по возмещению вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 70.

КРИВИЦКАЯ Юлия Станиславовна

ассистент кафедры теории и истории государства и права, аспирант кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Кривицкая Ю. С.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Категория «интеллектуальные права» для российского права является достаточно новой и сложной – несмотря на то, что само определение активно используется. В статье рассмотрено понятие и сущность интеллектуальных прав в России. Определена актуальность проведения аналитической работы в отношении норм регламентирования и регулирования интеллектуальных прав, что является одной из потребностей современного человека. Выделены некоторые проблемы, присутствующие в современной России, и предложены пути совершенствования гражданского законодательства в данной области. Результаты исследования могут быть очень полезными для юридической практики.

Ключевые слова: интеллектуальные права, авторство, авторское право, гражданское законодательство, право, общество, гражданское общество, интеллектуальных труды, способы защиты прав.

KRIVITSKAYA Yuliya Stanislavovna

assistant of Theory and history of state and law sub-faculty, postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Rostov State University of Economics (RINE)

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN MODERN RUSSIA

The category of “intellectual property rights” is quite new and complex for Russian law, despite the fact that the definition itself is actively used. The article examines the concept and essence of intellectual property rights in Russia. The relevance of analytical work in relation to the rules of regulation and regulation of intellectual property rights, which is one of the needs of modern man, is determined. Some problems present in modern Russia are highlighted and ways to improve civil legislation in this area are proposed. The results of the study can be very useful for legal practice.

Keywords: intellectual property rights, authorship, copyright, civil legislation, law, society, civil society, intellectual works, ways to protect rights.

Современное развитие экономического общества характеризуется стремительным развитием охраны результатов интеллектуального труда. Защита интеллектуальной собственности является гарантом реализации совокупности прав субъектов при взаимодействии в рамках гражданского оборота.

Гражданское общество в России переживает значительный рост и достигает новых достижений в развитии хозяйствующих связей. Экономические взаимоотношения между участниками становятся все более многочисленными и сложными, и на их развитие внутри гражданских институтов влияет все больше факторов.

Установление правовых процедур для интеллектуальных и юридических вопросов создает основу взаимных прав и обязанностей, как с точки зрения личных, так и имущественных аспектов. В этом контексте важно признать изменения как в историческом развитии правоотношений, так и в законодательной базе, регулирующей приобретение прав интеллектуальной собственности.

Гражданский кодекс Российской Федерации защищает и охраняет интеллектуальную собственность, которая создается и развивается в рамках общественных отношений, которые связываются созданием, использованием и защитой прав. Законодательство России направлено на развитие норм относительно интеллектуальных прав. Данные положения регламентированы в части 4 Гражданского кодекса, где интеллектуальные права выделяются как самостоятельный институт права.

По мнению кандидата юридических наук Р. О. Долотова интеллектуальная собственность состоит из различных видов прав, в том числе личных и имущественных прав, которые направлены на результаты интеллектуальной и творческой деятельности, а также объекты, определенные законом [2]. Также автор отмечает, что интеллектуальная собственность охватывает именно те результаты интеллектуальной деятельности, которые подлежат правовой защите. Сюда входят различные способы дифференциации юридических лиц, продукции, работ, услуг и предприятий.

По мнению Б. А. Терещенко и ряда других авторов, интеллектуальную собственность можно определить, как совокупность исключительных прав, относящихся к результатам интеллектуального труда. Сюда также входят объекты, схожие по своей природе, например, способы разграничения участников хозяйственных операций и создаваемые ими предметы, работы и услуги [4].

В сущности, интеллектуальной собственности необходимо выделять две составные части: права, поскольку интеллектуальная собственность – это совокупность прав, и материальное воплощение прав, которые возникли по факту создания, в силу регистрации объекта. Результатом развития института интеллектуальной собственности стало формирование двух самостоятельных разновидностей регулирования вопросов интеллектуальной собственности: авторские и смежные права и промышленная собственность [1].

Распоряжение правами является центральной частью гражданского законодательства, которое существует для

обеспечения надлежащего гражданского оборота. Интеллектуальная собственность создавалась в тот период, когда автор воспринимался как индивид, личность, поэтому конструкция, которая использована в законодательстве, ориентирована на отдельного человека. В действительности же практика свидетельствует о наличии примеров создания интеллектуальной собственности коллективным методом. Это не могло не привести к возникновению конфликта между законодательной конструкцией, которая ориентирована на отдельного правообладателя, и потребностями экономического оборота, предполагающего согласование между рядом субъектов интеллектуального права, что привело к новому этапу развития законодательства и трансформации законодательной конструкции.

Быстрый темп гражданского оборота часто превосходит способность законодательства адаптироваться к широкому спектру современных гражданских отношений. Аналогичная тенденция свойственна и институту терминологической определенности в отношении интеллектуальной собственности, что выражается в отсутствии общих норм, позволяющих тот или иной продукт отнести к результатам интеллектуального труда и определить режим его правовой охраны. Вместо этого законодательство устанавливает открытый перечень поименованных видов интеллектуальной собственности.

Выбранная позиция законодателя оправдана, поскольку соответствует правовой классификации интеллектуальной собственности, широко используемой в гражданских правоотношениях. При этом, данный подход, несмотря на его результативность с точки зрения практики применения, является несовершенным, поскольку не предполагает законодательного закрепления системного подхода к определению результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть созданы, но не поименованы в ГК РФ в результате прогрессивного развития общества.

В настоящее время практически каждый гражданин РФ так или иначе сталкивается с составляющими интеллектуального права. В связи с этим проведение аналитической работы в отношении норм регламентирования и регулирования является одной из потребностей современного человека. Рассматриваемое право и относящееся к нему законодательство за всю историю своего существования изменялось не один раз.

Гражданский кодекс Российской Федерации логично и последовательно отражает основу института интеллектуальных прав. Вместе с тем Гражданский кодекс не решил всех проблем, связанных с данным явлением. В случае спора относительно принадлежности интеллектуального объекта, не могут быть должным образом регламентированы права и обязанности, которыми будет наделена каждая из сторон, что приводит к коллизиям в правовом регулировании реализации интеллектуальных прав.

Нерешенность данных проблем требует внесения в Гражданский кодекс РФ изменений, а именно требуются более обширные пояснения в данной части, поскольку и для физических, и для юридических лиц важно понимать, имеют ли они право на интеллектуальную собственность в конкретном случае, и в каком порядке следует это право реализовывать. Практика применения законодательства в области интеллектуальных прав в связи с техническим прогрессом, а также в связи с последними глобальными изменениями выявила острую потребность в дальнейшем совершенствовании нормативного регулирования, направленном на предоставление субъектам интеллектуальных прав эффективных меха-

низмов решения проблем при обнаружении неразрешимых внутримогательных противоречий [3].

Рыночная экономика постоянно развивается в условиях современного общества, в связи с этим важно постоянно отслеживать и вносить необходимые изменения в законодательство, в том числе относительно интеллектуальной собственности и прав на нее между участниками гражданского оборота. Любые несовершенства законодательства приводят к спорам, которые не позволяют должным образом соблюдать принципы гражданского права и процесса.

Будучи важнейшим элементом правовой жизни государства, правосудие должно обладать высоким качеством, а судебная практика характеризоваться признаками устойчивости, определенности, предсказуемости, единообразия и единства. Единство судебной практики по поводу защиты интеллектуальной собственности как важный механизм регулирования обязательств выведет судебные органы на новый уровень осуществления правосудия, придаст ему реальную правовую и социальную ценность и обеспечит его последовательность.

Пристатейный библиографический список

1. Воробьева С. Б., Хренова Л. А., Ляшко В. Г. Современные проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в России // Вестник Тульского филиала Фин.университета. – 2023. – № 1. – С. 414-416.
2. Долотов Р. О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Саратов, 2019.
3. Логозинская А. М., Коваленко Е. В. Проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в современной России // Теоретические и практические аспекты научных исследований. – 2019. – С. 376-379.
4. Терещенко Б. Л. Предупреждение преступлений, посягающих на интеллектуальную собственность: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-231-233

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат областной коллегии адвокатов, филиала «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ОБЯЗАННОСТИ ПАЦИЕНТА ПО ДОГОВОРУ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В КЛИНИКЕ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В статье дается характеристика договора возмездного оказания услуг – его содержания, предмета, его основных элементов. Исследуется содержание обязанностей клиента по договору об оказании услуг по проведению пластической операции. Выявлено, что спецификой исследуемого договора является обязанность клиента сообщить исполнителю и лечащему врачу сведения о перенесенных или имеющихся заболеваниях. Еще одной особенностью исследуемого договора выступает обязанность клиента письменно удостоверить свое добровольное согласие на медицинское вмешательство. Предложено, что разумнее получить у клиента согласие на момент постановки на учет в клинике, когда риски и преимущества пластической операции объясняются врачом. Отмечено, что причинение вреда здоровью при осуществлении пластической операции не по указанию врача не будет являться страховым случаем, и претендовать на возмещение не получится.

Ключевые слова: пластическая хирургия, договор, услуги, операция, клиент, пациент, клиника, согласие.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer of the regional bar association, branch of the Law Firm "Pelevin and Partners"

THE OBLIGATIONS OF THE PATIENT UNDER THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID MEDICAL SERVICES IN THE PLASTIC SURGERY CLINIC

The article describes the contract for the provision of paid services – its content, subject, its main elements. The content of the client's obligations under the contract for the provision of plastic surgery services is investigated. It was revealed that the specifics of the contract under study is the client's obligation to inform the contractor and the attending physician about the transferred or existing diseases. Another feature of the contract under study is the client's obligation to certify in writing his voluntary consent to medical intervention. It is suggested that it is more reasonable to obtain consent from the client at the time of registration at the clinic, when the risks and benefits of plastic surgery are explained by the doctor. It is noted that causing harm to health during plastic surgery not on the instructions of a doctor will not be an insured event, and it will not be possible to claim compensation.

Keywords: plastic surgery, contract, services, operation, client, patient, clinic, consent.

Пластическая хирургия - это область медицины, охватывающая различные процедуры, предназначенные для изменения, улучшения или реконструкции физических особенностей тела. Пластическая хирургия включает в себя процедуры для улучшения внешнего вида и операции для лечения медицинских проблем или несчастных случаев.

Основной целью пластической хирургии является восстановление функции и внешнего вида тканей и кожи, и по определению носит реконструктивный характер. К пластическим хирургическим процедурам относятся: реконструкция груди, операция по восстановлению ожогов, коррекция врожденных дефектов: волчья пасть, коррекция дефектов конечностей, хирургия кисти, коррекционная хирургия рубцов.

Пластическая хирургия часто может помочь улучшить самооценку, уверенность в себе и общее качество жизни человека.

Выделяют 3 основных вида пластической хирургии:

- Косметическая хирургия направлена на улучшение внешнего вида различных частей тела для достижения желаемого эстетического результата.
- Реконструктивная хирургия направлена на восстановление функций и внешнего вида частей тела, пострадавших от врожденных деформаций, травм, заболеваний или хирургического лечения.

Ястремский И. А.

- Эстетическая хирургия направлена на улучшение природных особенностей для получения более сбалансированного и гармоничного внешнего вида. В отличие от радикальных изменений, часто связанных с косметической хирургией, эстетические процедуры направлены на улучшение существующих черт лица, сохраняя при этом уникальные характеристики человека (напр., ринопластика для тонкой коррекции носа).

Договор на оказание медицинских услуг в клинике пластической хирургии относится к договорам возмездного оказания услуг. Услуги не носят о вещественный характер, который выражается в правовых последствиях, которые возникают во время предоставления услуг. Оказание услуги не может гарантировать достижение результата, как это имеет место в договорах подряда, где действует принцип: если предусмотренный договором результат получен – производится оплата, а если отсутствует результат – отсутствует плата.

Предмет договора оказания медицинских услуг носит смешанный характер: это как проводимое лечение (исследование), т.е. как сама деятельность исполнителя, так и результат проведения лечения (исследования) – улучшение качества жизни потребителя (пациента), включая выводы и рекомендации, оформленные в виде отчета о проведенном исследовании [1, с. 21].

Договор оказания услуг – один из самых распространенных договоров, в котором одна сторона (Исполнитель) обязуется оказать определенные услуги другой стороне (обычно «Заказчику» или «Клиенту») на определенных условиях, в течение определенного периода времени и за вознаграждение. Договор об оказании услуг предусматривает, что услуга потребляется в ходе выполнения определенной деятельности или выполнения определенного действия. То есть услуга должна иметь конкретный результат, который заказчик получает от исполнителя.

Договор на обслуживание может использоваться для предоставления юридических, бухгалтерских, медицинских, аудиторских или ИТ-услуг. Самое главное в этом договоре – правильно определить условия, на которых будут предоставляться услуги. В договоре должно быть четко прописано, какие услуги должен оказывать исполнитель.

Такой договор должен содержать определение цены услуг и порядка их оплаты. Стоимость услуг и порядок оплаты – это основные коммерческие условия, неупоминание которых в договоре может привести к спорам в будущем. Особенно это может быть актуально при приемке результатов оказанных услуг.

Выплата вознаграждения подрядчику может быть на ежемесячной основе. Это часто бывает в договоре на оказание юридических или бухгалтерских услуг. Также оплата может быть привязана к результату, как это бывает в случае разработки определенного программного обеспечения или разработки сайта.

Оплату стоимости услуг можно разделить на несколько этапов. Например, в сфере ИТ, стороны договариваются о частичной оплате стоимости услуг в соответствии с планами и этапами реализации проекта. Исполнитель может получить часть стоимости услуг на старте проекта, затем часть после утверждения промежуточных результатов, а остальное по факту реализации проекта.

В договоре должен быть указан срок, в течение которого должны быть оказаны услуги. Как правило, срок действия договора и срок оказания услуг идентичны. Однако в некоторых случаях, например, при привлечении исполнителя к тому или иному проекту, срок оказания услуг по конкретному проекту может быть меньше общего срока действия договора. Важно привязать оказание услуг к результату в договоре. Например, результатом оказания юридических услуг будет определенная материальная или нематериальная выгода, при наступлении которой возможно осуществление расчетов с исполнителем.

Поскольку цена договора формируется исходя из объема фактически оказываемых клиникой услуг, при оформлении договора зафиксировать твердый размер цены не всегда возможно. Поэтому стороны согласовывают цены, либо способ ее определения, исходя из установленных исполнителем в договоре расценок (тарифов, ставок).

Основной обязанностью заказчика по рассматриваемому договору является обязанность оплатить исполнителю услуги, оказанные надлежащим образом и в установленный договором срок, после ее принятия. Договором может быть предусмотрена предварительная оплата услуг или оплата отдельных ее этапов. Как правило, услуги по исследуемому договору оплачиваются на условиях определенной предоплаты, размер которой может составлять до 100 % стоимости операции.

От оплаты услуг следует отличать компенсацию исполнителю произведенных затрат, в случае, когда заказчику

передается результат неоказанных в полном объеме услуг, в случае прекращения договора до приемки заказчиком услуги по основаниям, предусмотренным законом или договором.

Спецификой исследуемого договора является обязанность клиента сообщить исполнителю и лечащему врачу следующие сведения:

- о перенесенных или имеющихся заболеваниях, в т.ч. аллергии, гепатита, СПИД, заболеваний сердечно-сосудистой системы, туберкулеза;
- о наследственных и психических заболеваниях;
- о перенесенных травмах, проведенных операциях;
- о переливании крови;
- о проведенных прививках;
- о непереносимости медицинских препаратов;
- о параллельном лечении в других медицинских учреждениях;
- об имеющихся вредных привычках;
- иные, запрошенные лечащим врачом сведения, необходимые для полного и качественного оказания пациенту медицинских услуг.

Клиент обязан предоставлять полную и достоверную информацию о своем здоровье, включая текущее состояние, прошлые болезни, госпитализации, лекарства, продукты и витамины, а также любые другие вопросы, касающиеся его здоровья. Клиент несет ответственность за достоверность личной медицинской информации, предоставленной компании для получения предлагаемых медицинских услуг.

Клиника ожидает, что пациент предоставит точную и полную информацию по вопросам, касающимся его истории болезни, чтобы пациент мог получить эффективное лечение. Пациент несет ответственность за сообщение о том, ясно ли он понимает предполагаемый порядок действий и что от него ожидается. Клиника не обязана проверять точность переданных ей данных.

К обязанностям клиента относится письменно удостоверить свое добровольное согласие на медицинское вмешательство (оперативное вмешательство, проведение медицинских манипуляций и др.).

Европейское и международное законодательство устанавливают право пациента дать либо отказаться от согласия на любую операцию. Закон подчеркивает свободу выбора пациента во взаимодействии с врачом, но в то же время определяет подходы, которые не учитывают его волю. Установление информированного согласия указывает на свободу выбора пациента в отказе или продолжении терапии, даже если его собственный выбор приведет к ухудшению заболевания и последующей смерти.

Давая согласие, пациент соглашается с медицинской процедурой, назначенной врачом. Важно создать «терапевтический альянс» между пациентом и врачом и уважать свободу выбора пациента, чтобы получить информированное согласие.

Дача согласия на операцию может показаться формальностью, однако к этому процессу нужно отнестись очень серьезно. Перед операцией клиенту следует обсудить с хирургом любые вопросы или опасения, которые имеются. Конечно, не все хотят знать все специфические детали самой хирургической процедуры, но следует искать ответы на такие вопросы, как:

- Какие альтернативные методы лечения доступны?
- Каков вероятный результат, если хирург не сделает операцию?

- Каковы основные процедуры, связанные с операцией?
- Каковы риски, связанные с операцией?
- Как операция улучшит здоровье или качество жизни?
- Нужна ли госпитализация, и если да, то как долго можно ожидать госпитализации?

- Чего ожидать во время восстановительного периода?
- Когда можно ожидать возобновления нормальной деятельности?

- Возможны ли остаточные явления от операции?

Для того, чтобы согласие было действительным, пациент должен: (1) быть компетентным, чтобы принять конкретное решение; (2) получить достаточную информацию для того, чтобы принять решение; и (3) не действовать под принуждением.

Последний пункт может стать проблемой, если согласие получено в день операции. Большинство пациентов твердо решают продолжить лечение до посещения клиники для хирургического вмешательства. Тем не менее, у меньшинства могут возникнуть сомнения, когда они узнают об операции более детально в процессе получения согласия. Если эти сомнения возникнут в день операции, пациент может чувствовать себя вынужденным, так как были приняты все меры.

В связи с этим, целесообразнее запросить у клиента согласие при консультации в клинике и объяснении возможных рисков и преимуществ операции. Пациент будет ощущать меньшее давление, чтобы в дальнейшем продолжать выполнять договор, и следовательно, не будет действовать под принуждением.

Также пациент дополнительно обязан:

- Предоставить полную и точную информацию о себе, включая ФИО, номер СНИЛС, адрес и другую информацию.

- Задавать вопросы, если он/она не понимает, что врач или другие члены медицинской команды говорят о диагнозе или лечении. Он также должен сообщить врачу, если он ожидает проблем с назначенным лечением или альтернативными методами лечения.

- Соблюдать действующие в клинике требования и правила, выполнять назначения и рекомендации врачей во время и после окончания лечения, в том числе: не применять медикаменты, которые не были рекомендованы врачом, не употреблять спиртные напитки, не курить и др.

- Соблюдать требования по пребыванию в стационаре, а также график наблюдения у лечащего врача, в том числе сообщения ему о состоянии своего здоровья, эффективности лечения и побочных эффектах, возникающих в процессе лечения.

- Соблюдать правила посещения, чтобы обеспечить права и комфорт всех пациентов. Быть внимательным к уровню шума, конфиденциальности и безопасности. Ношение оружия в помещениях запрещено.

- Уважительно относиться к имуществу других лиц и к имуществу клиники.

- Относиться к персоналу клиники, другим пациентам и посетителям с вежливостью и уважением.

- Приходить вовремя в случае записи.

- Не давать назначенные ему лекарства другим людям.

- Предоставлять полную и точную информацию о страховых претензиях и работать с больничными и врачебными счетными службами для организации платежей.

- Сообщать медицинскому работнику, если его состояние ухудшается или не соответствует ожидаемому курсу.

- Уважать тот факт, что состояние здоровья некоторых других пациентов может быть более неотложным, чем паци-

ента, и согласиться с тем, что его врачу, возможно, придется сначала осмотреть их.

- Следовать назначенному плану лечения и тщательно соблюдать данные инструкции.

- Принимать, где это применимо, адаптацию к окружающей среде для обеспечения безопасного и надежного пребывания в больнице.

- Учитывать меры, принятые больницей для обеспечения личной неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности медицинской документации.

- Явиться на повторный прием по запросу.

- Не принимать какие-либо лекарства без ведома врача и медицинских работников.

Пациент обязан подписать акт приема-передачи надлежащим образом оказанных услуг.

Обязанность страхования пластической операции у клиента отсутствует. Риски неудачного врачебного вмешательства при осуществлении пластической операции не страхуются. Пластическая хирургия не охватывается большинством планов медицинского страхования, из-за того, что она является необязательной и обычно не считается необходимой для поддержания качества жизни или функционирования организма. Данное страхование действует в случаях внезапных заболеваний или травм.

Пластические операции медицинское страхование покрывает, только если это операция выполняется по указанию врача. Например, если у человека какое-то искривление переносицы, которое мешает ему дышать, и врач дает ему направление на пластическую операцию, которая это исправит. Или если, например, пациенту делают операцию по уменьшению груди, если есть показания, что большая грудь как-то негативно влияет на позвоночник и человек испытывает боли в спине. Если же клиент хочет сделать чисто эстетическую операцию, то страховая компания не покрывает эти расходы.

Пристатейный библиографический список

1. Головин Е. П. Медицинская услуга как предмет договора оказания возмездных медицинских услуг // Актуальные проблемы правоведения. 2016. № 1. С. 20- 24.

ВАН Лу

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В КНР

Вопросы защиты детей, оставшихся без попечения родителей, являются весьма актуальными во многих странах мира, и Китайская Народная Республика не является тому исключением. Обусловлено это тем, что дети, оставшиеся без попечения родителей, являются самой уязвимой группой населения.

Китайская Народная Республика – одно из немногих государств с развитой правовой системой, где права детей серьезно ограничены. Так, дети в КНР не могут выходить из дома без сопровождения взрослых, им не разрешается работать на определенных должностях, детям запрещено иметь собственные банковские счета и не разрешается ходить в школу без присутствия взрослого. В Китайской Народной Республике реализуется относительно современный подход к нормативному правовому регулированию прав детей и государственной защите детей, оставшихся без попечения родителей.

При этом дети, оставшиеся без попечения родителей, в Китайской Народной Республике являются субъектами и прямыми бенефициарами обязанностей по опеке, которая, в свою очередь, является не только обязанностью государства, но и прямой законодательно установленной обязанностью китайского общества. Это означает, что защита детей и забота о детях в Китайской Народной Республике должна обеспечиваться не только со стороны семьи или родственников, но и со стороны государства, действия которого в отношении детей четко очерчены правовыми рамками.

Ключевые слова: защита детей, опека, государственная защита, права детей, департаменты по гражданским делам.

Wang Lu

postgraduate student of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

Ван Лу

FEATURES OF STATE PROTECTION OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN CHINA

The issues of protection of children left without parental care are very relevant in many countries of the world, and the People's Republic of China is no exception. This is due to the fact that children left without parental care are the most vulnerable group of the population.

The People's Republic of China is one of the few States with a developed legal system where children's rights are severely restricted. Thus, children in China cannot leave home unaccompanied by adults, they are not allowed to work in certain positions, children are forbidden to have their own bank accounts and are not allowed to go to school without the presence of an adult. Despite the fact that the People's Republic of China is considered to be a State that does not take care of children and a State where children are objects of slave labor, in fact, the People's Republic of China implements a relatively modern approach to the normative legal regulation of children's rights and State protection of children left without parental care.

At the same time, children left without parental care in the People's Republic of China are subjects and direct beneficiaries of guardianship duties, which, in turn, is not only the responsibility of the state, but also a direct legally established obligation of Chinese society. This means that the protection of children and the care of children in the People's Republic of China should be provided not only by the family or relatives, but by the State, whose actions in relation to children are clearly outlined by the legal framework.

Keywords: child protection, guardianship, state protection, children's rights, civil affairs departments.

В последние несколько лет на законодательном уровне наблюдаются масштабные изменения в нормативных предписаниях норм китайского законодательства, касающиеся различных прав детей. Права детей в Китайской Народной Республике (далее – КНР) регулируются нормами двух основных нормативных правовых актов – положениями Гражданского кодекса КНР 2020 года (далее – ГК КНР): Часть V Брак и семья [7], и положениями Закона КНР о защите несовершеннолетних 2020 года (далее – Закон КНР о защите детей) [6]. При этом нормы ГК КНР регулируют права детей в семьях, а нормы Закона КНР о защите детей регулируют права несовершеннолетних граждан (до 18 лет) вне зависимости от того, проживают такие граждане в семьях или нет.

Дополнительное нормативное правовое регулирование, связанное с вопросами прав детей и их государствен-

ной защитой, содержится в Законе КНР о предупреждении преступности среди несовершеннолетних 2021 года [8], в котором акцентируется внимание на вопросах поведения несовершеннолетних, устанавливаются обязанности государства по предотвращению преступности среди несовершеннолетних и вводится поэтапная система мер государственного вмешательства в случае невозможности предотвращения преступности со стороны опекунов и семей. Отдельно важно выделить также и нормы Закона КНР о поощрении семейного образования 2021 года [5], основной целью которого является участие государства в вопросах образования путем мобилизации всего общества, направленной на поддержку семей в воспитании детей.

Среди мер государственной поддержки детей в КНР наибольший научный интерес представляют меры, направленные

ные на защиту детей, оставшихся без попечения родителей. Обусловлено это тем, что длительное время таким вопросам уделялось сравнительно мало внимания на государственном уровне ввиду отсутствия объективной информации о количестве детей, оставшихся без попечения родителей. Отсутствие у государства объективной информации связано с традиционным подходом китайского общества заботиться о детях, оставшихся без попечительства родителей, силами родственников или принятием таких детей в неформальные семьи, с которыми детей связывают родственные отношения [1], [3], [4], без оформления официальной опеки.

Учитывая вышеизложенное, в КНР на государственном уровне проблема защиты детей, оставшихся без попечения родителей, стоит достаточно остро. Это требует от государства определения в каждом конкретном случае того, является ли то положение, в котором отказался ребенок, оставшийся без попечения родителей, приемлемым и соответствует ли оно интересам самого ребенка, даже если это противоречит интересам родственников или неформальным семьям, в которых воспитываются дети, оставшиеся без попечения родителей.

Еще одной проблемой являются «брошенные дети», но официально находящиеся под опекой родителей. В КНР наличие «брошенных детей» является последствием быстрой урбанизации, когда родители уезжают из деревень в поисках работы в более развитые города. Китайское законодательство долгое время прекращало право на опеку родителей над «брошенными детьми» по решению суда, но нежелание государства разрывать семейные связи и отсутствие альтернативных мест для устройства «брошенных детей» оставляли такие законодательные возможности неиспользованными.

С принятием Закона КНР о защите детей в Китае была создана многоуровневая система вмешательств государства в дела детей, в том числе в дела детей, оставшихся без попечения родителей, включая охранные приказы, которые могут изменить механизмы опеки; временное и экстренное помещение под опеку и лишение прав на опеку.

Так, вопросам государственной защиты детей посвящена глава VI Закона КНР, в основу которой заложена позиция Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности и Министерства гражданских дел по ряду вопросов при рассмотрении нарушений опекунами прав и интересов несовершеннолетних в соответствии с законом [9], [10]. Важно отметить, что именно вышеназванная позиция положила начало формированию совершенно новой основы для вмешательства государства в защиту детей, оставшихся без попечения родителей.

В положениях Закона КНР о защите детей центральная роль в вопросах государственной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, отводится департаментам по гражданским делам. Так, согласно положениям ст. 92 Закона КНР о защите детей, департаменты по гражданским делам обязаны брать на себя временную опеку в тех случаях, когда несовершеннолетний является бездомным и его нельзя идентифицировать, когда у несовершеннолетнего нет подходящих опекунов, когда опекуны не могут выполнять свои обязанности или отказываются это делать, оставляя несовершеннолетних без присмотра, а также в ситуациях, когда опекуны непосредственно представляют физическую угрозу

для несовершеннолетних или вовлекли их в незаконную деятельность.

Согласно ст. 93 Закона КНР о защите детей только после установления временной опеки департаменты по гражданским делам могут передать детей, оставшихся без попечительства родителей, их родственникам на патронатное воспитание, а также могут поручить учреждениям по оказанию помощи и защите детей или учреждениям социального обеспечения детей принять таких детей и организовать их воспитание.

Важно акцентировать внимание на том факте, что положениями Закона КНР о защите детей не определен конкретный срок для временной опеки детей, оставшихся без попечения родителей, департаментами по гражданским делам. Срок временной опеки, устанавливаемый департаментами по гражданским делам, может различаться в зависимости от конкретной ситуации и потребностей ребенка. Обычно срок временной опеки может быть установлен на определенный период времени, в течение которого ребенок будет находиться под защитой и заботой временных опекунов.

Срок временной опеки может быть продлен или изменен в зависимости от потребностей и интересов ребенка. В некоторых случаях, если родительские права не могут быть восстановлены или если родители не могут обеспечить достойные условия для ребенка, временная опека может перейти в постоянную опеку или усыновление. Конкретные сроки и процедуры временной опеки, устанавливаемые департаментами по гражданским делам, могут различаться в разных регионах Китая и зависеть от местных законов и политики.

Временная опека, как мера государственной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, отличается от долгосрочной опеки, при которой ребенок может быть передан на усыновление. Департаменты по гражданским делам назначают долгосрочную опеку только в трех ситуациях: когда их опекунов невозможно идентифицировать; когда опекуны умерли или стали недееспособными и некому взять на себя опеку; и когда суд уже аннулировал квалификацию опекунов и передал дело по опеке департаментам по гражданским делам [2]. Здесь важно отметить тот факт, что департаменты по гражданским делам имеют исключительную компетенцию в части принятия решения о назначении и прекращении временной или долгосрочной опеки для детей, оставшихся без попечения родителей, за исключением случаев судебного прекращения опеки.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что в КНР, когда ребенок остается без попечения родителей, департаменты по гражданским делам несут ответственность за вмешательство в его жизнь и обеспечение его благополучия. Департаменты могут предпринимать различные действия, такие, как помещение ребенка в учреждение социального обеспечения или организация временной приемной семьи. Цель состоит в том, чтобы обеспечить ребенку безопасную и заботливую среду, в то время как предпринимаются усилия по поиску подходящего долгосрочного решения.

Если ребенок не может воссоединиться со своими биологическими родителями или подходящим членом семьи, департамент может изучить варианты по поиску для детей постоянных семей (усыновление), как в КНР, так и за рубежом, которые прошли необходимую оценку и одобрение. Этот процесс, предусмотренный положениями Закона КНР

о защите детей направлен на обеспечение соблюдения наилучших интересов ребенка и его помещения в любящую и стабильную семейную среду.

На государстве, согласно положениям целой совокупности статей Закона КНР о защите детей, лежит также контроль за выполнением обязанности опекунов детей, оставшихся без попечения родителей. Так, в соответствии с Законом КНР о защите детей обязанности опекунов заключаются в защите физического и психического благополучия несовершеннолетних и внимательном отношении к ним, в том числе в их компетенцию входит защита их имущества и управление им.

Запреты для опекунов тесно связаны с этими обязанностями и иногда являются просто обратной формулировкой. Так, например, на опекунов налагается запрет незаконно распоряжаться имуществом несовершеннолетних. Ряд запретов касается невыполнения обязанностей по уходу и защите несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. К ним относятся прямое жестокое обращение с несовершеннолетними, отказ от них или разрешение им участвовать в противоправных действиях, вовлечение несовершеннолетних в запрещенные идеологии, такие, как культы, экстремизм и сепаратистские движения. Последняя группа учитывает предполагаемые социальные проблемы, такие, как запрет позволять детям становиться зависимыми от Интернета, работать нелегально или вступать в брак по принуждению.

Подводя итог, необходимо отметить, что в действительности в КНР реализуется относительно современный подход к нормативному правовому регулированию прав детей и государственной защите детей, оставшихся без попечения родителей. При этом дети, оставшиеся без попечения родителей, в КНР являются субъектами и прямыми бенефициарами обязанностей по опеке, которая, в свою очередь, является не только обязанностью государства, но и прямой законодательно установленной обязанностью китайского общества. Это означает, что защита детей и забота о детях в КНР должны обеспечиваться не только со стороны семьи или родственников, но и со стороны государства, действия которого в отношении детей четко очерчены правовыми рамками.

Пристатейный библиографический список

1. Грищенко З. Д. Правовая позиция китайской народной республики в сфере защиты прав ребёнка // Океанский менеджмент. – 2024. – № 1. – С. 69-72.
2. Овсянникова Т. А., Фирсова И. А. Основные элементы системы правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае // МНИЖ. – 2021. – № 10-2 (112). – С. 176-178.
3. Fisher K. R., Cortis N., Shang X., Blaxland M. Chinese and Australian Neoliberal Policy Responses to Risks in Social Service Purchasing // Social Policy and Society. – 2023. – Pp. 1-16.
4. Shang X., Katz I. Awareness of Child Maltreatment among Professionals in Shanghai // Asian Social Work and Policy Review. – 2015. – № 9. – Pp. 245-256. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1111/aswp.12062>.
5. Закон Китая о поощрении семейного образования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/family-education-](https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/family-education-promotion-law-of-china-20211023/chn)

[promotion-law-of-china-20211023/chn](https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/family-education-promotion-law-of-china-20211023/chn) (дата обращения: 07.02.2024 г.).

6. Закон Китая о защите несовершеннолетних. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/family-education-promotion-law-of-china-20211023/chn> (дата обращения: 07.02.2024 г.).
7. Гражданский кодекс Китая: Книга V Брак и семья (2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-v-marriage-and-family-20200528?ysclid=ls08tcbmj387662544> (дата обращения: 07.02.2024 г.).
8. Законе КНР о предупреждении преступности среди несовершеннолетних 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinalawtranslate.com/en/juvenile-delinquency-law-2021/> (дата обращения: 07.02.2024 г.).
9. 两高两部的依法处理监护人侵害未成年人权益行为的意见. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinalawtranslate.com/guardianship/> (дата обращения: 07.02.2024 г.).
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-348601.html> (дата обращения: 07.02.2024 г.).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-237-240

ДЮЖЕНКОВ Николай Андреевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

О ПРОБЛЕМАХ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА НАХОДЯЩЕЕСЯ В ЗАЛОГЕ ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

В статье рассматриваются изменения законодательства и правоприменительной практики в части ограничения прав залоговых кредиторов на обращение взыскания на единственное жилое помещение должника в рамках дела о банкротстве. Анализируется актуальная судебная практика по утверждению в рамках дела о банкротстве граждан локального плана реструктуризации и мирового соглашения. Автором предложены некоторые меры по совершенствованию механизма утверждения локального плана реструктуризации и мирового соглашения, а также по приведению его в соответствие с нормами законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, залоговое имущество, единственное жилое помещение, исполнительский иммунитет, мировое соглашение, план реструктуризации.

DYUZHENKOV Nikolay Andreevich

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ABOUT THE PROBLEMS OF FORECLOSURE OF THE ONLY RESIDENTIAL PROPERTY IN THE CONTEXT OF A PERSONAL BANKRUPTCY

The article discusses changes in legislation and law enforcement practices in relation to restricting the rights of creditors to foreclose on a debtor's sole residential premises during a bankruptcy case. Current judicial practices regarding the approval of local restructuring plans and settlement agreements within the framework of bankruptcy cases involving citizens are analyzed. Some measures are suggested to improve the process of approving local restructuring plans and settlement agreements, as well as aligning it with the norms of bankruptcy legislation.

Keywords: bankruptcy, insolvency, collateral, single dwelling, executive immunity, settlement agreement, restructuring plan.

До недавнего времени права залоговых кредиторов в гражданско-правовом законодательстве, а также в специальном законодательстве о банкротстве по обращению взыскания на жилое помещение, являющееся единственным пригодным для проживания должника, но при этом обремененным залогом – являлись безусловными. Иными словами, законодательство не содержало положений, допускающих отказ в удовлетворении требований кредитора по обращению взыскания на такое имущество.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), из конкурсной массы должника-гражданина исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

Перечень такого имущества определен в ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), в него входит, в том числе, единственное пригодное для проживания жилое помещение должника, а также земельный участок, на котором такое жилое помещение расположено, предметы обычного домашнего обихода, денежные средства в размере прожиточного минимума и т.д.

Между тем, в отношении единственного жилья должника законодательством предусмотрена оговорка, что реализации оно не подлежит только в том случае, если не является предметом ипотеки.

Из положений абз. 6 п. 4 ст. 134, п. 5 ст. 213.27 Закона о банкротстве также напрямую следует, что требования залоговых кредиторов подлежат удовлетворению за счет реализации залогового имущества должника.

Более того, в соответствии с недавними разъяснениями Верховного Суда, денежные средства, оставшиеся после реализации предмета залога в рамках продажи единственного жилья должника после осуществления расчетов с залоговым кредитором – не могут быть направлены на погашение требований иных кредиторов¹. Это объясняется тем, что залог как один из механизмов обеспечения исполнения обязательств защищает кредитора от неисполнения обязательств должником, посредством предоставления ему возможности получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества. Наличие обеспечения позволяет кредитору вступить в правоотношения на более рискованных условиях, посредством, например, предоставления должнику в кредит большей суммы под меньший процент или на больший срок.

Воля должника, передавшего свое имущество в залог, направлена на вступление в залоговые правоотношения с конкретным кредитором, в связи с чем вывод Верховного Суда о

Дюженков Н. А.

1 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2023 № 307-ЭС22-27054 по делу № А56-51728/2020 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.02.2024).

том, что на кредиторов, выбравших иную модель правоотношений с должником, не могут быть распространены преимущества залогового кредитора – видится справедливым [1].

В основе такого правового регулирования лежит упомянутый Верховным Судом принцип эластичности (суррогации) залога, под которым следует понимать сохранение залогового статуса вне зависимости от видоизменения предмета залога [2]. В упомянутом случае принцип эластичности просматривается в перенесении свойств залога на денежные средства, вырученные от обремененного залогом объекта недвижимости.

Между тем, в юридической доктрине на протяжении длительного времени имеет место дискуссия о необходимости ограничить права залоговых кредиторов в части установления определенных критериев, при наличии которых обращение взыскания на заложенное имущество не может быть осуществлено. Так, высказываются предложения о внесении изменений в ст. 50 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в части установления запрета на обращение взыскания на обеспеченное залогом единственное жилое помещение должника при наличии совокупности двух условий: 1) добросовестность должника по основному обязательству; 2) ненадлежащее исполнение обязательств по основному обязательству является следствием действий самого залогодержателя (кредитора) [3].

Иные авторы, напротив, обращают внимание на сбалансированность действующего законодательства – должник, вступающий в залоговые правоотношения с кредитором, не может не осознавать возможности наступления неблагоприятных последствий в виде принятия последним мер по обеспечению исполнения обязательств [4].

В то же время, анализ правоприменительной практики и ключевых изменений в законодательство свидетельствует о наличии тенденций по ограничению прав залоговых кредиторов в части безусловной возможности обращения взыскания на находящееся в залоге единственное жилое помещение должника.

Так, в настоящий момент на рассмотрении в Государственной Думе находится законопроект № 309801–8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Законопроект № 309801–8), основная суть которого состоит в возможности заключения должником в рамках возбужденного дела о банкротстве локального мирового соглашения или плана реструктуризации задолженности с залоговым кредитором².

Согласно пояснительной записке, предлагаемая инициатива продиктована возникающими в практике случаями, когда надлежащим образом исполняющий обязанности по договору об ипотеке должник признается банкротом по заявлению иного кредитора, что, в свою очередь, приводит к невозможности исполнения им обязательств по договору об ипотеке, а также к рискам признания ипотечного обязательства погашенным по результатам завершения дела о банкротстве, в связи с чем залоговые кредиторы могут обратиться

взыскание на заложенное единственное жилье должника. Такая судебная практика, в соответствии с мнением инициаторов законопроекта, лишает не имевшего просрочки перед залоговым кредитором гражданина единственного жилья, что нарушает его конституционное право на жилище [5].

В соответствии с содержанием законопроекта, правила о возможности заключения локального мирового соглашения или плана реструктуризации задолженности могут применяться только в правоотношениях должника и кредитора, чьи требования обеспечены залогом единственного жилья гражданина, и не подлежат распространению на иных кредиторов должника. Заключение такого мирового соглашения/плана реструктуризации исключит возможность реализации имущества в ходе процедуры банкротства, а исполнение обязательств должником по договору, обеспеченному ипотекой, будет осуществляться на первоначально согласованных с кредитором условиях.

Законопроект не содержит специальных правил заключения указанного мирового соглашения, в связи с чем, вероятно, при его заключении следует руководствоваться положениями Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) и Закона о банкротстве.

В данном случае, применению к таким мировым соглашениям подлежат, в том числе, нормы, касающиеся необходимости погашения требований кредиторов первой и второй очереди до его заключения (п. 1 ст. 158 Закона о банкротстве), а также возможность отказа в утверждении такого мирового соглашения судом в случае противоречия действующему законодательству и при нарушении им прав и законных интересов третьих лиц (в первую очередь, иных кредиторов должника) (абз. 4 и 5 п. 2 ст. 160 Закона о банкротстве).

Представляется, что распространение вышеуказанных норм на локальные мировые соглашения, заключаемые между залоговым кредитором и должником, приведет к сложностям в процессе их заключения.

Во-первых, представляется, что такое мировое соглашение, по логике законодателя, должно быть заключено до перехода к реализации имущества должника, при этом на момент его заключения у должника могут уже иметься требования кредиторов первой и второй очереди (например, задолженность по налогам и сборам). В условиях наличия такой задолженности и отсутствия механизмов для её погашения, заключение такого мирового соглашения не представляется возможным.

Более того, правило о необходимости погашения задолженности перед кредиторами первой и второй очереди в законодательстве о банкротстве продиктовано стремлением обеспечить права и законные интересы этих лиц по отношению к иным кредиторам-потенциальным участникам мирового соглашения. Локальные же мировые соглашения заключаются в целях обеспечения прав граждан на жилище, которым объективно не могут быть противопоставлены имущественные права кредиторов первой и второй очереди.

Во-вторых, заключение такого мирового соглашения, в любом случае будет нарушать права и законные интересы иных кредиторов должника, в связи с необходимостью должника обеспечивать внесение платежей по договору об ипотеке из денежных средств, составляющих конкурсную массу.

Согласно п. 5.1 ст. 213.11 Закона о банкротстве, должник после введения в отношении него процедуры реструктуризации не вправе осуществлять распоряжение денежными средствами в размере свыше 50 тысяч рублей. При этом ежемесячный платеж по договору об ипотеке может превышать

2 Паспорт проекта Федерального закона № 309801–8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в части сохранения договора залога единственного жилья при банкротстве гражданина) // «Система обеспечения законодательной деятельности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 21.02.2024).

указанный лимит, либо лишать должника возможности распоряжаться денежными средствами на иные нужды без получения соответствующего разрешения.

Таким образом, представляется, что внесенный законопроект требует определенной доработки, в первую очередь, в части неприменения к локальным мировым соглашениям, заключаемым между должником и залоговым кредитором, п. 1 ст. 158, абз. 4 и 5 п. 2 ст. 160 Закона о банкротстве, а также в части закрепления нормы о специальном выделении как из состава конкурсной массы, так и из-под действия п. 5.1 ст. 213.11 Закона о банкротстве лимита денежных средств для осуществления расчетов с залоговым кредитором.

Между тем, несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования возможности сохранения признаков исполнительского иммунитета у жилого помещения, обремененного залогом, судебная практика по данному вопросу уже начинает формироваться.

Так, в Определении от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 Верховный Суд признал несправедливым обращение взыскание на находящееся в залоге жилое помещение должника-банкрота при добросовестном исполнении последним своих обязательств по основному договору³.

В этой ситуации должнику и кредитору может быть предложено заключение локального плана реструктуризации или мирового соглашения, по условиям которых обязательства должника перед кредитором сохраняются и подлежат исполнению в том же порядке, в котором они существовали до возбуждения дела о банкротстве, при этом обращение взыскания на жилое помещение кредитором также не осуществляется.

Таким образом, общая концепция разрешения ситуации с находящимся в залоге единственным жильем должника, предлагаемая Верховным Судом, во многом соответствует вышеприведенным положениям Законопроекта № 309801-8, однако есть и некоторые существенные отличия.

В первую очередь, Верховный Суд фактически напрямую указывает, что если кредитор отказывается от заключения мирового соглашения, и такой отказ признан экономически немотивированным, то арбитражный суд может утвердить локальный план реструктуризации по правилам п. 4 ст. 213.7 Закона о банкротстве.

Таким образом, согласие залогового кредитора на сохранение основного обязательства и выведение жилого помещения из состава конкурсной массы, в сущности, не требуется, реабилитационный механизм по сохранению имущества должника может быть запущен по инициативе должника и при согласии арбитражного суда.

При этом для обхода положений ст. 139-140 АПК РФ о необходимости получения согласия кредитора для заключения мирового соглашения, Верховный Суд предлагает использовать конструкцию локального плана реструктуризации, который может быть утвержден и без одобрения кредитора.

Еще одна значимая особенность предлагаемого Верховным Судом подхода состоит в невозможности погашения обеспеченного обязательства за счет иного имущества долж-

ника, на которое претендуют другие кредиторы. Из этого следует, что платежи по договору об ипотеке, который будет возобновлен на первоначальных условиях в результате утверждения мирового соглашения (плана реструктуризации), должны будут осуществляться должником не из денежных средств, составляющих конкурсную массу, а из иных источников.

На первый взгляд, позиция Верховного Суда вполне логична и обоснована: требования иных кредиторов должника, не являющихся участниками мирового соглашения или плана реструктуризации, подлежат погашению за счет имущества, составляющего конкурсную массу, которая не может быть дополнительно ограничена за счет платежей по договору об ипотеке.

С другой стороны, используя термин «иные источники», Верховный Суд не раскрывает за счет каких именно денежных средств признанный банкротом гражданин может осуществлять платежи по договору об ипотеке, учитывая невозможность использования им денежных средств, составляющих конкурсную массу.

Как уже было упомянуто, лимит денежных средств, которыми свободно может распоряжаться, должник в ходе процедуры реструктуризации долгов не может превышать величину в 50 тысяч рублей. При этом у должника есть право обратиться в арбитражный суд в порядке абз. 2 п. 5.1 ст. 213.11 Закона о банкротстве с ходатайством об увеличении указанной суммы, однако удовлетворение такого ходатайства будет способствовать сокращению конкурсной массы для расчетов с иными кредиторами и, следовательно, противоречить положениям о недопустимости погашения обеспеченного залогом обязательства за счет средств иных кредиторов.

Для обеспечения возможности продолжения осуществления должником обязательств по обеспеченному залогом единственного жилого помещения договору, представляется обоснованным внесение изменений в ст. 213.11 Закона о банкротстве в части дополнения указанной нормы статьей, допускающей резервирование на счете должника денежных средств для расчетов с залоговым кредитором, исходя из графика платежей по договору. Указанные денежные средства должны быть обособлены как от конкурсной массы должника, так и от денежных средств, предоставляемых должнику для личного пользования.

Позиция Верховного Суда уже нашла отражение в судебной практике. В настоящий момент судами уже утверждаются локальные планы реструктуризации задолженности и мировые соглашения в тех случаях, когда установлено, что обращение взыскания на заложенное имущество в рамках дела о банкротстве повлечет лишение должника, надлежащим образом исполнявшего обязательства перед залоговым кредитором, его единственного жилья.

При этом суды по-разному подходят к вопросу о порядке реализации механизма, предложенного Верховным Судом. В некоторых случаях, на этапе включения требований залогового кредитора в реестр требований кредиторов должника суды отказывают в признании требования кредитора обеспеченным залогом единственного жилья должника, основываясь на вышеприведенной позиции Верховного Суда и ссылаясь на отсутствие просрочки по обеспеченному залогом обязательству.

Так, в нескольких делах на этапе кассационного обжалования были отменены судебные акты о включении требований в реестр требований кредиторов как обеспеченных залогом единственного жилья должника, обособленные споры

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

направлены на новое рассмотрение⁴⁵. Впоследствии в обоих случаях на втором круге рассмотрения требований кредиторов в суде первой инстанции устанавливалось, что требования залогового кредитора погашены, а задолженность по основному обязательству отсутствует, в связи с чем во включении в реестр такому кредитору было отказано.

Вероятно, данные примеры свидетельствуют о достижении должником и кредитором внесудебного соглашения, когда задолженность по основному обязательству погашается за счет третьих лиц, что позволяет кредитору избежать заключения локального плана реструктуризации или мирового соглашения, механизм реализации которых законом о банкротстве по-прежнему не предусмотрен, что обуславливает неопределенность в вопросе о четком порядке его применения.

В иных случаях суды признают требования кредитора обеспеченными залогом единственного жилья должника и включают требование в реестр, указывая при этом на возможность в будущем заключить локальное мировое соглашение или план реструктуризации⁶. Вероятно, что этот вопрос может быть поднят впоследствии в ходе рассмотрения ходатайства должника об исключении имущества из конкурсной массы или при разрешении разногласий между участниками дела о банкротстве.

При этом встречаются и примеры утверждения судами локальных планов реструктуризации при рассмотрении обоснованности заявлений кредиторов о включении в реестр требований кредиторов должника⁷. В некоторых случаях возможность утверждения локального плана реструктуризации была, в том числе, обусловлена наличием солидарных должников по обеспеченному залогом обязательству в лице должника и её супруга⁸. В данной связи обязанность по внесению платежей по договору займа была возложена на третье лицо (супруга должника), что исключило любые риски, связанные с нарушением прав иных кредиторов должника в связи с необходимостью изыскания денежных средств для погашения обязательств перед залоговым кредитором.

Вышеприведенные предложения по внесению изменений в законодательство, а также правовые позиции Верховного Суда, очевидно, свидетельствуют о наметившейся тенденции по ограничению прав залоговых кредиторов в части возможности обращения взыскания на находящееся в залоге единственное жилье должника. С одной стороны, такие изменения, безусловно, направлены на обеспечение конституционного права гражданина на жилище, лишение или

ограничение которого по формальным основаниям не представляется в должной степени справедливым.

С другой стороны, базирующееся на принципе свободы договора гражданско-правовое законодательство подразумевает, что каждое лицо, вступающее в договорные правоотношения, в полной мере осознает последствия и риски совершения тех или иных действий или наступления определенных обстоятельств. Более того, возбуждение производства по делу о банкротстве – вне зависимости от оснований его инициирования – исходя из прямого толкования норм Закона о банкротстве, свидетельствует об отсутствии объективной возможности исполнять обязательства в целом, в связи с чем заключение локального мирового соглашения или плана реструктуризации в итоге лишь отсрочит, но не исключит обращение взыскания на предмет залога.

Пристатейный библиографический список

1. Автонова Е. Д., Гвоздева С. В., Карапетов А. Г., Романова О. И., Сбитнев Ю. В., Трофимов С. В., Фетисова Е. М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за июнь 2023 года // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 8. – С. 26.
2. Сайфуллин Р. И. Концепция универсальной защиты конституционного права граждан на жилище: системный взгляд на проблему через призму банкротства. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 22 августа 2022 года № 305-ЭС22-7163 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 12. – С. 8.
3. Бочарникова К. В. О расширительном толковании условий, исключающих обращение взыскания на предмет залога // Хозяйство и право. – 2022. – № 1. – С. 29.
4. Савельев Д. Б. Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников // Журнал российского права. – 2014. – № 11. – С. 75.
5. Мартасов Д. У обанкротившихся ипотечных заемщиков не смогут отобрать единственное жилье // Жилищное право. – 2023. – № 8. – С. 34.

4 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.05.2023 № Ф04-2344/2023 по делу № А03-12075/2022 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2024).

5 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.06.2023 № Ф08-6058/2023 по делу № А53-39716/2022 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2024).

6 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.07.2023 № Ф04-3055/2023 по делу № А70-7617/2022 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2024).

7 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2024 № Ф09-9811/21 по делу № А76-2298/2020 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2024).

8 Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2023 № 18АП-1990/2023 по делу № А07-946/2022 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.02.2024).

КРИЦКИЙ Артем Дмитриевич

магистрант Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, младший юрист АБ «Грата Интернешл»

БОГАТЫРЕВ Иван Романович

студент магистратуры Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Данная работа посвящена рассмотрению возможности наследования аккаунтов в социальных сетях и компьютерных играх. В работе будет рассмотрена два основных подхода к правовой природе аккаунта: как объект интеллектуального права и как совокупность прав из пользовательского соглашения. Также в рамках исследования анализируются подходы к наследованию, которые предлагаются в пользовательских соглашениях наиболее популярных социальных сетей и компьютерных игр. Отдельно анализируется возможность наследования аккаунта по завещанию и отдельные проблемы, связанные с этим. Целью работы является определение порядка наследования аккаунтов в социальных сетях и компьютерных играх. Наследования аккаунтов возможно в той части, в которой аккаунт состоит из имущественных прав, а в части, в которой он состоит из личных неимущественных прав, наследование не происходит.

Ключевые слова: аккаунт, наследование, завещание, социальная сеть, компьютерные игры, интеллектуальная собственность, сложный объект, составное произведение.

KRITSKIY Artem Dmitrievich

magister student of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, junior associate law firm «Grata International»

BOGATYREV Ivan Romanovich

magister student of the Southern Federal University, Rostov-on-Don

ACCOUNT INHERITANCE IN SOCIAL NETWORKS AND COMPUTER GAMES

This work is devoted to the consideration of the possibility of inheritance of accounts in social networks and computer games. The paper will consider two main approaches to the legal nature of the account: as an object of intellectual property law and as a set of rights from the user agreement. The study also analyzes the approaches to inheritance that are offered in the user agreements of the most popular social networks and computer games. Separately, the possibility of inheriting an account by will and individual problems associated with it are analyzed. The purpose of the work is to determine the order of inheritance of accounts in social networks and computer games. Inheritance of accounts is possible in the part in which the account consists of property rights, and in the part in which it consists of personal non-property rights, inheritance does not occur.

Keywords: account, inheritance, will, social network, computer games, intellectual property, complex object, composite work.

Крицкий А. Д.

Богатырев И. Р.

Введение

Аккаунты в социальных сетях играют важную роль в жизни современного человека. Они предоставляют нам возможность выстраивать виртуальную коммуникацию с другими людьми, обеспечивают площадку для реализации продукта и ведения предпринимательской деятельности, а также позволяют совершать многие другие действия. Аккаунты знаменитостей в определенных социальных сетях, к примеру, в Instagram¹ могут приносить огромный доход, в том числе и после смерти владельцев аккаунтов. Между тем, несмотря на значимость и популярность социальных сетей, по настоящее время в праве не сформулирован единообразный подход в определении понятия и правовой природы аккаунта. На практике это порождает

ряд проблем, некоторыми из которых являются вопросы о возможности включения аккаунта в наследственную массу наследодателя, а также о допустимости включения в пользовательское соглашение условия в части определения правовой судьбы аккаунта после смерти его обладателя.

Правовой режим аккаунта

На данный момент сложилось общепринятое понимание аккаунта как учетной записи, созданной пользователем в рамках определенной электронной системы [6, с. 353]. В юридической доктрине можно выделить два подхода к определению сущности аккаунта: как объект интеллектуального права и как совокупность прав и обязанностей по пользовательскому соглашению.

Первый подход, который обсуждается в научной литературе, предлагает рассматривать аккаунт как объект интел-

¹ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

лектуального права, в частности, как сложный объект и как составной объект [7, с. 965].

Нахождение на странице различных объектов (фотографий, видеоматериалов, постов) может позволить признать аккаунт базой данных, то есть составным произведением. Такой подход предлагает применить, к примеру, М. М. Панарина [5, с. 27]. Составное произведение — это произведение, состоящее из подобранных или систематизированных определенных образом материалов. Одним из видов составных объектов является база данных. Согласно ст. 1260 ГК РФ под базой данных подразумевается совокупность материалов, представленных в объективной форме, которая систематизирована в таком виде, что может быть найдена и обработана с помощью ЭВМ. Расположение объектов на странице аккаунта определяется пользователем, и в результате его действий данная компиляция может приобрести творческий характер. Ярким примером является внешний вид страницы аккаунта в социальной сети Instagram², когда владельцы аккаунтов специально подбирают последовательность фотографий, сочетаний цветов на них и другие параметры с целью придания аккаунту более эстетичного вида. Второй критерий — возможность обратки с помощью ЭВМ, который тоже выполняется, поскольку для пользования аккаунтом необходим компьютер или другое техническое устройство. Подтверждением обоснованности квалификации аккаунта как базы данных является постановление Суда по интеллектуальным правам³.

Аккаунт возможно представить и в виде сложного произведения. Статья 1240 ГК РФ определяет сложный объект как произведение, состоящее из нескольких самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности. Из указанного определения можно выделить два признака: наличие единства и сложного состава⁴. Аккаунт в социальной сети может содержать самостоятельные объекты авторского права (тексты, иллюстрации, видеоролики, фотографии), и при этом аккаунт образует единый объект. В таком случае аккаунт можно признать сложным объектом авторского права.

Одним из видов сложных объектов является мультимедийный продукт. В ГК РФ не содержится понятия мультимедийного продукта, но в доктрине его определяют как выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем [3, с. 18]. Отсюда можно выделить несколько признаков: электронная форма, сложный состав, интерактивность. Электронная форма безусловно присутствует, так как аккаунт можно использовать только с помощью программ для ЭВМ. Сложный состав аккаунта был раскрыт выше. Интерактивность представляет собой необходимость взаимодействия с объектом для его функционирования. Интерактивность проявляется в том, что аккаунт позволяет пользователю совершать активные действия по отправке сообщений, добавлению фотографий, музыки, а также другие действия. Тем самым выполняются все требования, предъявляемые к мультимедийному продукту.

Таким образом, некоторые аккаунты можно отождествить и с базами данных, и с мультимедийными продуктами. В этих случаях возможно наследование исключительных прав на аккаунт в порядке ст. 1283 ГК РФ.

Серьезным недостатком данного подхода является то, что он охватывает далеко не все виды аккаунтов. Часто встре-

чаются такие, которые не содержат вышеперечисленных признаков, позволяющих отнести их к объектам авторского права. Существует достаточно много таких, на которых отсутствуют фотографии или иные объекты, которые могли бы носить творческий характер. Аккаунты в видеоиграх также вряд ли будут содержать элементы, носящие творческий характер. В таких случаях аккаунты не могут признаваться объектами авторского права, а вопрос с наследованием аккаунта остается вне правового регулирования.

Второй же подход предлагает рассматривать аккаунт как совокупность прав и обязанностей по пользовательскому соглашению.

Переходя к исследованию вопроса о допустимости признания аккаунта в качестве совокупности прав и обязанностей, следует сначала определиться с дефиницией. Пользовательское соглашение (от англ. end-user license agreement, EULA) — соглашение, заключаемое между владельцем компьютерной программы (сайта) и потребителем. Иными словами, пользовательское соглашение рассматривается как лицензионный договор, в который могут быть включены условия об оказании различных услуг. К примеру, владелец виртуальной площадки может дополнительно «продавать» виртуальное имущество в видеоиграх, в социальных сетях могут «продаваться» подписки с расширенным функционалом (ярким примером является Telegram premium). Одним лишь лицензионным договором такие действия охватываться не могут. Судебная практика видит в таких отношениях элементы договора оказания услуг. К примеру, в решении Арбитражного суда Московского округа по делу ФНС РФ и ООО «Мэйл.ру геймз» указывалось, что предоставление дополнительного функционала (виртуального имущества) является оказанием услуги⁵. Также и в судах общей юрисдикции встречается практика, квалифицирующая отношения пользователя и виртуальной площадки как договор оказания услуг⁶.

Ввиду этого более правильно квалифицировать такой договор в качестве смешанного [2, с. 94]. Соответственно, в данном случае аккаунт рассматривается не как единый объект, а как совокупность различных прав и обязанностей пользователя.

Кирсанов Е. Е. отмечает, что преимуществом данной теории является то, что она учитывает специфическую связь, которая возникает между пользователем и владельцем виртуальной площадки в рамках их взаимодействия [4, с. 46]. Действительно, владелец площадки может удалить какую-либо информацию, размещенную на аккаунте, если посчитает ее противоречащей правилам пользовательского соглашения. Более того, он может запретить пользователю совершать те или иные действия, а может вовсе заблокировать аккаунт.

Исходя из этого, рассматривать аккаунт как совокупность прав и обязанностей по пользовательскому соглашению является более правильным решением, так как указанный подход охватывает все аккаунты, а не только определённые виды, и наиболее полно отражает его специфику.

Общие проблемы наследования аккаунтов

Если говорить непосредственно о наследовании аккаунтов, то стоит обратиться к ст. 1112 ГК РФ, которая закрепляет возможность наследования имущественных прав. В статье указывается, что в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Также подтверждают возможность наследование аккаунта и разъяснения Федеральной нотариальной палаты

2 Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

3 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 марта 2014 г. № Со1-114/2013 по делу № А56-58781/2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.24).

4 Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой ГК РФ // Вестник гражданского права. 2007. № 3. Т. 7. С. 124.

5 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.06.2015 по делу № А40-91072/14 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.24).

6 Апелляционное определение Ленинского районного суда города Кемерово от 26.04.2013 по делу № 11-59/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.24).

(ФНП). ФНП отмечает, что возможно наследование как по закону, так и посредством включения аккаунта в завещание⁷.

Таким образом, аккаунт может передаваться наследникам. Но возникает проблема с частью аккаунта, которая содержит личную информацию пользователя (к примеру, переписку). Предоставление доступа к таким данным может нарушать право граждан на тайну переписки и сообщений, гарантированное ст. 23 Конституции РФ⁸, а также законодательство о персональных данных⁹. В таком случае нарушаться будут и права умершего, и права всех тех, с кем происходила коммуникация. Из-за возможности подобных нарушений суды, к примеру, отказывали в доступе к почте третьим лицам¹⁰.

Более того, получая возможность отправлять сообщения от имени умершего, наследник может злоупотреблять своим правом на аккаунт и вводить в заблуждение подписчиков и других пользователей. Такая возможность создает широкий спектр для злоупотреблений, поскольку не все знают о смерти пользователя, а верифицировать того, кто сейчас управляет аккаунтом, зачастую либо нельзя, либо достаточно сложно.

Данная проблема уже сейчас находит свое решение в российском законодательстве. Правомочия на прочтение, отправку сообщений и другие подобные правомочия являются личными неимущественными правами, так как они не имеют стоимостной оценки. Согласно ст. 1112 ГК РФ личные неимущественные права не подлежат наследованию. Аналогичные рассуждения приводит и А. А. Васильева, указывая, что данные права являются разновидностью права на свободу слова и права на тайну переписки и поэтому относятся к неимущественным [1, с. 278].

Можно заключить, что по российскому праву аккаунт наследуется не в полном объеме, а только в той части, в которой он представляет собой имущественные права и обязанности. Таким образом удовлетворяется интерес наследника и защищается право на тайну переписки.

Но на практике можно столкнуться с трудностями при предоставлении частичного доступа к аккаунту, то есть без возможности просмотра сообщений и другой личной информации. Во многих социальных сетях отсутствует специальный функционал, предоставляющий ограниченный доступ к аккаунту. Соответственно, исполнить такое наследование очень проблематично с технической точки зрения. По нашему мнению, решением проблемы может послужить законодательное закрепление обязанности владельца виртуальной площадки предусмотреть использование аккаунта с ограничениями.

Часто сами пользовательские соглашения содержат отдельные положения о судьбе аккаунта после смерти владельца. Анализ действующих пользовательских соглашений позволяет сделать вывод о возможности предоставления различных режимов взаимодействия с аккаунтом после смерти его владельца: 1) запрет на передачу аккаунта, 2) возможность назначить хранителя аккаунта и 3) установление особого статуса для аккаунта. Но такие опции реализуются по желанию самой компании, что делает их вероятностными, не гарантированными.

Первый подход чаще встречается в пользовательских соглашениях компьютерных игр. Такие соглашения не предполагают какой-либо возможности изменения статуса аккаунта

после смерти и содержат общий запрет на передачу аккаунтов третьим лицам. К примеру, пользовательским соглашением компании Wargaming¹¹ полностью запрещена передача аккаунта (в том числе наследование), а попытки передачи наказываются полной блокировкой. Аналогичные положения содержатся в пользовательских соглашениях компаний Blizzard¹² и Steam¹³.

Действительность таких положений подтверждается позицией Верховного Суда. Согласно п.14 Постановления Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 № 9 имущественные права наследуются, если иное не уставлено законом или договором¹⁴. Так как мы указывали выше, что аккаунт — это совокупность прав по договору, то договор (пользовательское соглашение) может наложить запрет на наследование аккаунта и это условие будет признаваться действительным.

Второй подход с возможностью назначения хранителя предлагает пользовательское соглашение Meta¹⁵ (экс-Facebook)¹⁶. Хранитель назначается пользователем при жизни. В случае, если же он не указал хранителя в настройках аккаунта или в завещании, то после смерти владельца аккаунта эта функция недоступна.

Несмотря на предоставление доступа хранителю аккаунта, его полномочия носят ограниченный характер. Императивно запрещен доступ к просмотру сообщений, а также возможность изменения списка друзей. Возможность предоставления доступа к остальному функционалу остается на усмотрение владельца аккаунта. Таким образом, хранителя аккаунта можно рассматривать как наследника в части владения и пользования аккаунтом, но к которому перешли не все права, а лишь определённая часть (к примеру, хранитель может публиковать посты на странице умершего, менять аватар, но не может отправлять сообщения).

По своей сути назначение хранителя в настройках аккаунта является распоряжением имуществом на случай смерти. Российское право указывает, что такое распоряжение может содержаться только в завещании или в наследственном договоре (ст. 1118 ГК РФ). При этом оба документа под страхом недействительности должны быть заключены в нотариальной форме. Следовательно, назначение хранителя на сайте не будет иметь юридических последствий в России. Если по завещанию или по закону наследником будет иное лицо, то аккаунт должен быть передан именно ему, а не хранителю.

Возможным решением данной проблемы видится внесение в законодательство изменений, которые бы позволили узаконить такое наследование. Уже сейчас есть подобное исключение для наследования банковских вкладов. Распоряжение ими возможно без составления нотариально удостоверенного завещания, достаточно составить документ в простой письменной форме в филиале банка (ст. 1128 ГК РФ). У владельца виртуальной площадки, на которой зарегистрирован аккаунт, как и у банка, есть все инструменты, чтобы обеспечить сохранность аккаунта и его передачу наследнику. Видится возможным легализовать наследование посредством выбора хранителя на виртуальной площадке.

7 Порядок наследования цифровых активов: мнение экспертов нотариата. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasledovaniya-cifrovyyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata> (дата обращения: 26.03.23).

8 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 19.02.24).

9 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.23)

10 Определение Верховного Суда РФ от 16 октября 2019 г. № 308-ЭС19-17751 по делу № А53-23516/2017 // СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения 28.02.23).

11 Пользовательское соглашение компании Wargaming. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legal.ru.wargaming.net/ru/eula/> (дата обращения: 23.02.23).

12 Пользовательское соглашение Blizzard. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.blizzard.com/ru-ru/legal/08b946df-660a-40e4-a072-1fbde65173b1/licenzionnoe-soglasenie-blizzard-s-konechnym-polzovatelem> (дата обращения: 23.02.23).

13 Пользовательское соглашение Steam. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/ (дата обращения: 23.02.23)

14 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.02.23).

15 Данная организация признана экстремистской и запрещена на российской территории.

16 Пользовательское соглашение Meta. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/terms.php?locale=ru_RU (дата обращения: 23.02.23).

Третий подход, пример которого содержится в пользовательском соглашении ВКонтакте¹⁷, не предусматривает возможность назначения хранителя, но предлагает либо просто удалить аккаунт, либо перевести его в особый статус, при котором ограничивается возможность его просмотра другими пользователями. В обоих этих случаях фактически наследования не происходит.

Отдельные проблемы наследования аккаунта по завещанию

Стоит рассмотреть вопрос составления завещания, по которому наследуется аккаунт. В частности, важным вопросом является необходимость указания в тексте завещания логина и пароля от наследуемого аккаунта. На наш взгляд, указание данных прямо в тексте завещания облегчает его исполнение, но стоит учитывать, что тайна завещания действует только до смерти наследодателя (ст. 1123 ГК РФ). На момент открытия наследства эти данные, а, следовательно, и доступ к аккаунту могут получить третьи лица. В таком случае более безопасно будет указать лишь данные, достаточные для идентификации аккаунта. Например, социальная сеть «ВКонтакте» присваивает каждому аккаунту «VK ID», который является уникальным, неповторимым идентификатором. Видится правильным указание в завещании только индивидуального идентификатора по модели социальной сети «ВКонтакте», что одновременно конкретизирует волю наследодателя и защитит наследника от доступа к аккаунту 3-х лиц.

При этом, на наш взгляд, отсутствие информации о логине и пароле не должно повлечь недействительности наследования аккаунта. Как мы заключили ранее, аккаунт — это совокупность прав и обязанностей, одним из таких наследуемых прав является право доступа к аккаунту, которому непосредственно корреспондирует обязанность владельца виртуальной площадки предоставлять доступ к нему. При этом право не ставится в зависимость от знания логина и пароля. Логин и пароль — это лишь наиболее простые, но не единственные средства идентификации аккаунта. К примеру, пользователь может восстановить доступ к своему аккаунту, написав в службу поддержки и предоставив другие доказательства принадлежности ему аккаунта (привязанный номер телефона, адрес электронной почты). На наш взгляд, точно так же и наследник должен получать доступ к аккаунту, предоставив доказательства перехода прав и сведения, идентифицирующие аккаунт.

Наследование аккаунтов в зарубежных правовых порядках

В Германии нет каких-либо актов, регулирующих цифровое наследство, но данная проблема поднималась в судебной практике. Верховный Суд Германии в одном из своих решений¹⁸ указал, что права на аккаунт переходят в порядке универсального правопреемства. Но наследники не могут получить права на данные, которые противоречат положениям о тайне коммуникации. Немецкий суд приоритизировал сохранение тайны о личных данных умершего, и также отметил, что предоставление данных о переписках пользователя может нарушать права третьих лиц, с которыми она была совершена. Поэтому в данном деле родственникам не удалось получить доступ к сообщениям умершего, но в остальной части, которая не нарушает тайну личной жизни, суд признавал возможность наследования. Позиция Верховного Суда Германии по своей сути поддерживает указанные выше рассуждения о частичном наследовании аккаунта.

США же имеет отдельный закон¹⁹ (RUFADA), посвященный наследованию цифровых активов. Пользователь может

выбрать с помощью онлайн инструментов (по сути, это является соглашением с владельцем социальной сети) лицо, которому будет раскрываться информация из аккаунта (Designated recipient). Пользователь может выбрать: предоставить всю информацию (в том числе сообщения), или дать лишь частичный доступ. Если же платформа социальной сети не предоставила онлайн инструментов или пользователь ими не воспользовался, то допускается дать разрешение на использование в обычном завещании.

Заключение

Аккаунт является совокупностью прав и обязанностей из пользовательского соглашения. Несмотря на отсутствие в законодательстве РФ прямого регулирования наследования аккаунтов, оно является возможным в той части, в которой аккаунт состоит из имущественных прав, а в части, в которой он состоит из личных неимущественных прав, наследование не происходит.

Отсутствие прямого регулирования порождает ряд серьезных проблем (недействительность выбора хранителя, нарушение тайны переписки и другие), с которыми могут столкнуться потенциальные наследники. Для облегчения положения наследников представляется целесообразным внести изменения в гражданский кодекс, добавив главу, регулиющую наследование аккаунтов, используя опыт американского RUFADA.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева А. А. Трансформация права в цифровую эпоху: монография // Алтайский государственный университет. Барнаул, 2020. 432 с.
2. Гушин В. В., Добровинская А. В. Пользовательское соглашение в сети Интернет // Вестник Академии интеллектуальной собственности. 2021. № 3. С. 90-98.
3. Котенко Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / МГЮА им. О. Е. Кутафина. М., 2012. 26 с.
4. Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 44-48.
5. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 27-28.
6. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1 500 слов // АСТ. Москва. 2011. 768 с.
7. Kirillova E. A., Pavlyuk A. V., Blinkov O. E., Blinkova E. V., Sidorenko E. L. Digital Inheritance of Social Media Accounts // International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT) ISSN: 2249 – 8958. – Volume-8 Issue-4. 2019. P. 963-967.

17 Пользовательское соглашение «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 23.02.23).

18 Kammergericht Berlin. Urteil Ges. Nr. 21 U 9/16 vom 31.05.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/873426.html> (дата обращения: 23.02.23).

19 Revised uniform fiduciary access to digital assets act (2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.ashx?DocumentFileKey=112ab648->

СЕЛИМОВА Елизавета Рамидиновна

магистрант 2-го года обучения очной формы, профиль подготовки: «Проблемы гражданского и арбитражного процессуального права» кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ

В данной статье рассматривается один из главных вопросов гражданского процесса - правовой статус участников судебного процесса.

Были подняты вопросы понятия лиц, участвующих в деле и их правового положения. Дается сравнительная характеристика участников судебного процесса в различных гражданских процессах, предложены возможные изменения, которые можно внести в Гражданский процессуальный кодекс и Арбитражный процессуальный кодекс. Цель работы: выявить существующие проблемы правового статуса участников гражданского и арбитражного процесса; выяснить, какие проблемы существуют в Законе о гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: правовой статус; лица, участвующие в деле; стороны; третьи лица; взыскатель; должник; судебный представитель.

SELIMOVA Elizaveta Ramidinovna

magister student of the 2nd year of study full-time education of the Training profile: «Problems of civil and arbitration procedural law» of Civil process sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS INVOLVED IN THE CASE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

This article examines one of the main issues of the civil procedure - the legal status of the participants in the trial. The issues of the concept of persons involved in the case and their legal status were raised. A comparative description of the participants in the judicial process in various civil law processes is given, and possible changes that can be made to the Civil Procedure Code and the Arbitration Procedure Code are proposed. The purpose of the work: to identify existing problems of the legal status of participants in civil and arbitration proceedings; to find out what problems exist in the Law on Civil and Arbitration Proceedings.

Keywords: legal status; persons involved in the case; parties; third parties; recoverer; debtor; judicial representative.

Институт лиц, участвующих в деле, занимает центральное место в гражданском процессе. На протяжении долгого времени ученые-процессуалисты занимаются изучением всех вопросов, касающихся этого института, который, тем не менее, остается в центре их внимания. Кажется бы, в эпоху постоянных правовых реформ не должно быть упущений, но многие вопросы остаются нерешенными. Лица, участвующие в деле являются основными участниками как гражданского, так и арбитражного процесса, именно поэтому мы выбрали эту тему для нашей научной работы. Ход дела, переход от одной стадии к другой – все зависит от процессуальной активности или пассивности сторон, участвующих в деле. Именно они заинтересованы в исходе дела. Субъект гражданского и арбитражного процесса приобретает статус участника дела с момента возбуждения дела и вовлечения его в процесс. Процессуальный статус участника процесса определяется законом. Все лица, участвующие в гражданском и арбитражном процессе по делу, являются субъектами этих правоотношений, которые несут предусмотренные законом процессуальные права и обязанности. Однако определение «субъект процессуального права» в данном случае является более широким и включает в себя всех возможных участников любого гражданского или административного дела, подведомственного суду.

Лица, участвующие в деле, представляют собой сложную по составу группу субъектов процессуального права. ГПК РФ в ст. 34 дает полный перечень лиц, участвующих в деле: стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46 и 47 ГПК РФ, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства и по делам, возникающим из публичных пра-

воотношений. Аналогичный перечень предусмотрен ст. 40 АПК РФ.

В настоящее время, в условиях реформирования процессуальной правовой системы, появления новых видов судопроизводства, многообразия и стремительного развития материальных и процессуальных правоотношений, проблема определения статуса отдельных лиц, участвующих в деле, стала реальностью. Полагаясь на вышеперечисленные факторы, важно отметить необходимость определения правового положения сторон приказного производства, конкретизации роли прокурора в процессе, правового положения государственных органов, органов местного самоуправления, включая Уполномоченного РФ по защите прав, свобод, и законных интересов граждан; Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, а также уполномоченных по защите прав, свобод и законных интересов граждан и предпринимателей в субъектах РФ, и лиц, не привлеченных к участию в деле, в отношении которых судебным постановлением разрешен вопрос об их правах или обязанностях. Важно отметить необходимость определения правового статуса лиц, не привлеченных к участию в деле, права или обязанности которых были разрешены решением суда. В рамках этой темы были обозначены такие вопросы, как определение правового статуса представителей, определение правового статуса сторон в процессе и уточнение роли прокурора в процессе. Civil Procedure Code and the Arbitration Procedure Code

Важным достижением в решении этих вопросов стала Концепция Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (The Concept of the Unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation), которая создана с целью повышения эффективности российского судопроизводства за счет унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Этот документ предлагает усовершенствовать действующее законодательство,

избавившись от различий в некоторых нормах между ГПК и АПК, что позволит ускорить сам гражданский процесс, а вынесенные решения сделать более точными и законными. Данная концепция предполагает наличие лишь двух групп лиц, участвующих в процессе, а именно лиц, участвующих в деле, то есть основных участников процесса, и иных участников процесса.

Процесс унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства уже был воплощен на законодательном уровне: с 1 сентября 2019 года гл. 4 ГПК РФ получила название «Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса», так же как и гл. 5 АПК РФ. Унификация этих законов предполагает усовершенствование законодательства за счет устранения имеющихся упущений. Так в гл. 4 ГПК РФ отсутствует норма об иных участниках гражданского процесса. Их процессуальные права и обязанности отражены в разных главах ГПК РФ. В АПК РФ имеется статья, посвященная этим участникам процесса (ст. 54 АПК РФ), но и это недостаточно отражает их процессуальное положение. Имеются доработки норм, посвященных участникам, оказывающим содействие осуществлению правосудия. Так, например, в ГПК РФ секретарь судебного заседания упоминается в нескольких статьях, но в этих нормах отражаются их процессуальные действия, нежели права и обязанности. Наряду с секретарем судебного заседания лицом, осуществляющим содействие, является помощник судьи. В ГПК РФ нормы о помощнике судьи отсутствуют, в АПК РФ такая норма есть. Имеются и другие существенные пробелы. Необходимо расширить список основных участников процесса, включив в него субъекта, права которого нарушены судебным постановлением и который имеет право обжаловать его в апелляционном и кассационном порядке [5]. Другой важный вопрос заключается в том, что в перечень участников судебного разбирательства не включены субъекты приказного производства [3, с. 11]. Действительно, анализируя ст. 34 ГПК РФ, можно заметить несоответствие между перечнем лиц, участвующих в деле, с кругом субъектов, имеющих заинтересованность в исходе дела. Участники процесса – взыскатель и должник – в ст. 34 ГПК РФ не упоминаются, хотя в ч. 2 ст. 126 ГПК РФ говорится о сторонах приказного производства. Аналогичная ситуация складывается и в арбитражном процессе.

Взыскатель и должник являются не только сторонами исполнительного производства, но и участниками процесса. В исполнительном производстве они имеют те же права и обязанности, что и лица, в отношении которых вынесено решение (истец и ответчик). Однако взыскатели и должники как лица, участвующие в деле не упоминаются в ст. 34 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 40 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В тех случаях, когда истцы и должники не являются сторонами судебного разбирательства, они выступают в качестве субъектов правосудия и исключаются из процесса по определению. По нашему мнению, и практическому опыту, для решения данного вопроса и устранения несоответствия вышеуказанную статью необходимо дополнить следующим образом. После слов «заявители и иные заинтересованные лица в особом производстве» дополнить словами «взыскатели и должники в случае судебного разбирательства».

Еще одним вопросом, связанным с правовым статусом вступающих в процесс лиц, является вопрос о статусе судебного представителя. На сегодняшний день между учеными и процессуалистами продолжается дискуссия по этому вопросу. Ученые не могут прийти к единому мнению о том, является ли судебный представитель участником дела или поборником правосудия. Другие утверждают, что судебные представители — это самостоятельная категория участников процесса. На законодательном уровне этот вопрос окончательно не решен, но попытки его решения, а также унификации ст. 54 ГПК РФ и 62 АПК РФ предпринимались неоднократно.

По мнению В. В. Яркова, Е. А. Трещевой и других, представитель — это участник судебного процесса. Полагаем, что данный аргумент не оправдывает включение тяжущихся в круг участников судебного процесса. Можно утверждать, что

данные обстоятельства означают, что действия представителя истца оказывают влияние на развитие процесса, которое имеет участник судебного разбирательства. Положения ст. 54 ГПК РФ и ст. 62 АПК РФ уполномочивают судебного представителя совершать все процессуальные действия от имени представляемого. Например, представитель не может отказаться от иска или заключить мировое соглашение по собственной инициативе. Таким образом, можно сделать вывод, что ход судебного разбирательства зависит не от действий агента, а от воли ответчика, который решает, наделять или не наделять агента определенными полномочиями. Представителя следует отнести к другому субъекту гражданских процессуальных правоотношений – лицу, содействующему осуществлению правосудия [4]. Вопрос о правовом статусе представителей в судебной практике нашел однозначное решение. Статус представителей и третьих лиц относится к лицам, оказывающим содействие в отправлении правосудия.

Несмотря на дискуссию среди ученых по поводу определения процессуального статуса прокурора в гражданском и арбитражном процессе, единого подхода к решению данного вопроса нет.

Наиболее правдоподобной и правильной представляется позиция ученых, которые склоняются к тому, что прокурор занимает самостоятельный процессуальный статус в силу специфики выполняемых им задач. Исходя из этого, можно сделать вывод, что прокурора нельзя сравнивать с другими лицами, участвующими в деле. procedural law

Для решения этой проблемы необходимо внести изменения в действующий процессуальный кодекс. А именно, необходимо добавить отдельную правовую норму, специально отражающую положение прокурора в гражданском и арбитражном процессе как представителя государства. Это необходимо для того, чтобы определить права и обязанности прокурора иначе, чем права иных участников гражданского и арбитражного процесса, что в дальнейшем приведет к положению о правовом статусе прокурора в соответствии с нормами процессуального законодательства. procedural law

Учитывая изложенные выше позиции, можно сделать следующие выводы: 1. лица, участвующие в деле, являются основными участниками как гражданского, так и арбитражного процесса; 2. субъекты ГПК РФ и АПК РФ занимают различный правовой статус и наделены разным объемом процессуальных прав и обязанностей; 3. распределение участников процесса между субъектами гражданского и арбитражного процессуального права осуществляется на основе определенных объективных критериев; 4. ГПК РФ и АПК РФ предусматривают перечень лиц, участвующих в делах в гражданском и арбитражном процессах, который необходимо дополнить.

Пристатейный библиографический список

1. Артебякина Н. А. Теоретические и практические проблемы института лиц, участвующих в деле: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2020. - С. 182.
2. Диордиева О. Н. Гражданское процессуальное право. - М.: Изд. центр ЕАОИ, 2018. - С. 284.
3. Опалич Е. В. Проблемы конкретизации статуса отдельных участников гражданских процессуальных правоотношений // Арбитражный и гражданский процесс. - 2020. - № 6. - С. 11-14.
4. Афанасьев С. А., Баулин О. В., Луктянова И. Н. и др. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / Под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2019. - С. 142.
5. Дедюева М. В. Спорные вопросы судебной практики рассмотрения апелляционной инстанцией гражданских дел по правилам производства в суде первой инстанции // Российский судья. - 2019. - № 6. - С. 27.

ВОРОНЦОВА Ирина Викторовна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

КОЛОБЫНИНА Екатерина Алексеевна

студент Факультета по подготовке специалистов для судебной системы Юридического факультета Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП ЕГО ВНЕДРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье авторами проводится анализ проблемы внедрения искусственного интеллекта в цивилистический процесс. Исследуются положительные и отрицательные аспекты изучаемого явления. Дается оценка тому факту, что внедрение информационных технологий, несмотря на повсеместную цифровизацию осуществляется в судебной системе недостаточно быстрыми темпами, ведь в судопроизводстве нередко применяются устаревшие технологии, которые усложняют процесс защиты и восстановления нарушенных прав, что негативно сказывается на отношении граждан к суду. Однако, несмотря на это, многие видные государственные деятели не спешат поддерживать активную цифровизацию судебной деятельности. Стоит отметить, что среди ученых правоведов и юристов практиков также существует немалое количество противников внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство. В данной научной статье исследуются причины такого сопротивления, и авторами делается попытка показать наилучший способ решения указанной проблемы.

Ключевые слова: суд, судья, искусственный интеллект, приказное производство, информационные технологии, мировые судьи.

VORONTCOVA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, professor of Civil process law sub-faculty of the Kazan branch of the Russian State University of Justice, professor of Civil process sub-faculty of the Saratov State Law Academy

KOLOBYNINA Ekaterina Alexeevna

student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System of the Faculty of Law of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN CONTRACT PRODUCTION AS THE FIRST STAGE OF ITS IMPLEMENTATION IN THE CIVIL PROCESS

In the article, the authors analyze the problem of the introduction of artificial intelligence into the civil process. The positive and negative aspects of the phenomenon under study are investigated. The assessment is given to the fact that the introduction of information technologies, despite widespread digitalization, is carried out in the judicial system at an insufficiently rapid pace, because outdated technologies are often used in court proceedings, which complicate the process of protecting and restoring violated rights, which negatively affects the attitude of citizens to the court. However, despite this, many prominent government figures are in no hurry to support the active digitalization of judicial activity. It is worth noting that among legal scholars and legal practitioners, there are also quite a few opponents of the introduction of artificial intelligence into legal proceedings. This scientific article examines the causes of such resistance, and the authors attempt to show the best way to solve this problem.

Keywords: court, judge, artificial intelligence, writ proceedings, information technology, justices of the peace.

Приказное производство является наиболее простым видом гражданского процесса. Характерная его особенность – это отсутствие спора о праве. Согласно ст. 126 ГПК для вынесения судебного приказа не требуется проведения судебного заседания и присутствия сторон разбирательства¹. Вместе с этим, согласно данным судебной статистики, представленных Судебным департаментом за 2022 год, более 80% дел, рассматриваемых мировыми судьями, разрешаются в порядке приказного производства². Безусловно, это очень большое

количество дел, на которые мировой судья тратит большую часть своего времени, которое можно было бы использовать для разрешения более сложных дел искового или особого производства. Поэтому помощник в виде искусственного интеллекта в делах приказного производства – необходимый элемент оптимизации процесса работы мировых судей. Разработка алгоритма такого помощника не составит никакой сложности, ведь, по сути, все рассмотрение дела в приказном производстве сводится к документальной деятельности судьи, которая заключается в проверке всех представленных сведений на соответствие требованиям, установленных в ста-

1 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // СЗ РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

2 Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // Данные су-

дебной статистики на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/?id=80> (дата обращения: 09.01.2024).

Воронцова И. В.

Колобынина Е. А.

тнях ГПК – эти требования и стоит заложить в алгоритм искусственного интеллекта. Почему же в таком случае не передать механическую составляющую работы судьи машине, которая будет выполнять ее быстрее и качественнее? Ведь каким бы внимательным не был человек, при выполнении рутинной работы организм устает, из-за этого могут быть допущены случайные ошибки. А какого-то анализа правоотношений, при помощи более сложных нравственных категорий и оценок, основанных на внутренних убеждениях судьи, для данного производства не требуется.

Аналогичной точки зрения придерживается и председатель Совета судей РФ Виктор Момотов, в своем выступлении на пленарном заседании Совета судей РФ 23 мая 2023 года он, в частности, отметил, что делопроизводство необходимо упростить с помощью внедрения электронного документооборота и цифровизации правосудия³. Также глава Совета судей РФ не раз упоминал в своих докладах, что применение искусственного интеллекта при рассмотрении дел в порядке приказного производства позволит значительно снизить нагрузку на мировых судей, при этом права граждан в данном случае не нарушаются, так как у них будет возможность направить возражения, что позволяет отменить вынесенный судебный приказ и рассматривать дело уже в порядке искового производства.

Таким образом, мы видим, что процесс внедрения искусственного интеллекта на данном этапе развития технологий в судебную деятельность в качестве помощников мировых судей поддерживается и со стороны судейского сообщества России и, безусловно, имеет больше положительных аспектов чем отрицательных [1].

Одним из самых главных, на наш взгляд, достоинств искусственного интеллекта является то, что искусственный интеллект беспристрастен, а принцип беспристрастности – наиважнейший принцип осуществления правосудия, обеспечивающий справедливость суда. Если данный принцип не выполняется, то правосудие перестает осуществлять свою роль и становится бесполезным институтом. Также не стоит забывать, что, руководствуясь внутренними убеждениями, не редко возникают ситуации, когда в силу тех или иных обстоятельств судья выносит решение на основе своих личных предубеждений и пристрастий к участникам процесса [2]. Возникают и такие ситуации, когда судьи, сами того не замечая, становятся жертвами умелых психологических манипуляций той или иной стороны судебного процесса. В связи с этим, конечно, искусственный интеллект предстает идеальным решением в борьбе с коррупцией и с иными причинами вынесения несправедливых решений.

Помимо того, что искусственный интеллект – это абсолютно беспристрастное создание, его существенными преимуществами перед человеком является и то, что он не знает усталости и может осуществлять различные операции с молниеносной скоростью. Из-за чрезмерной загруженности мировых судей, часто установленные в законе сроки рассмотрения дел увеличиваются, люди не могут получить заветный приказ или решение и добиться восстановления нарушенных прав вовремя. По той же причине возникают и ошибки технического характера со стороны судьи, так как за выполнением большого объема рутинной работы у человека снижается внимательность. К таким ошибкам, относятся опечатки, описки: мировой судья или его помощник по невнимательности может пропустить цифру в почтовом индексе, неверно написать номер дела, дату, фамилию стороны, перепутать адрес, бывают также и арифметические ошибки в подсчетах. Такие ошибки редко влекут за собой какие-то серьезные последствия, хотя и это не исключено, однако они затягивают рассмотрение дела, ведь чтобы их выявить и разобраться с путаницей, которая может начаться вследствие их допущения,

а после еще вынести определение об их исправлении нужно время.

Рассмотрим на практическом примере важность этого аспекта. В декабре 2020 года Беловым В. А. была подана в Восьмой кассационный суд жалоба на судебный приказ мирового судьи. В кассационной жалобе Белов В. А. просит об отмене принятых по делу судебных постановлений. Он указывает на невозможность подачи возражений относительно исполнения судебного приказа в установленный срок в связи с неполучением копии судебного приказа, поскольку по адресу регистрации не проживает, а в направленной по месту проживания копии судебного приказа судом был указан неверный номер почтового идентификатора. 3 марта 2021 года Восьмым кассационным судом общей юрисдикции было вынесено определение № 88-3599/2021, в котором было указано, что «неверное указание мировым судьей номера почтового идентификатора не свидетельствует о том, что копия судебного приказа в адрес должника не направлялась. Допущение мировым судьей в судебном постановлении технической описки не является основанием для отмены обжалуемого судебного акта в кассационном порядке, поскольку описки, опечатки и арифметические ошибки подлежат исправлению в предусмотренном ГПК РФ порядке». Т.е. по мнению должника, опечатка судьи в номере почтового идентификатора должна была стать причиной для отмены судебного приказа, на этом основании им были поданы апелляционная и кассационная жалобы, а для пересмотра этого дела в апелляционной и кассационной инстанции были затрачены материальные средства, приложены не малые человеческие усилия, а ведь по своей сути эта, как и почти все иные описки не являются роковыми ошибками, но их выявление и исправление требует разного вида затрат, что соединяясь с аспектом сильной загруженности мировых участков становится немаловажным фактором, требующим скорейшего решения указанной проблемы. Если же все данные будут заполняться автоматически с помощью цифровых технологий, то таких затрат из-за таких, по сути, маловажных причин не потребуются. Искусственный же интеллект может выполнять неограниченное число работы неограниченное количество времени точно и беспристрастно до тех пор, пока аппарат не отключат от питания.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью заявить, что процесс внедрения искусственного интеллекта – необходимый этап развития судебной системы. С каждым днем все более становится понятным – дальнейшее развитие судопроизводства сопряжено с работой в нем искусственного интеллекта, причем данное положение нельзя назвать перспективной на далекое будущее, внедрение искусственного интеллекта нужно проводить в настоящее время и как можно активнее, чтобы как можно быстрее создать наилучшую версию правосудия, устраняя встающие на пути цифровизации проблемы. Нам кажется логичным, начать внедрение искусственного интеллекта с приказного производства, а со временем дорабатывая и улучшая технологии, распространять на более сложные виды судопроизводства. Сталкиваясь поначалу со сложностями, мы верим, что в конечном итоге удастся прийти к наиболее совершенной модели судебной системы.

Пристатейный библиографический список

1. Бугаевский А. А. Гражданский процесс в его движении с приложением типичных дел. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — С. 96.
2. Лебедев М. Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. — 13-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 438 с.

3 Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В. В. на пленарном заседании Совета судей РФ 23 мая 2023 года // Совет судей РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/50973> (дата обращения: 28.01.2024).

ТРУНОВ Игорь Леонидович

кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор, Академик Российской академии естественных наук, Президент Союза адвокатов России

ПРОТИВОДЕЙСТВУЕТ ЛИ КОРРУПЦИИ НЫНЕШНЯЯ ФОРМА ИЗЪЯТИЯ ИМУЩЕСТВА?

Результатом присоединения и имплементации Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., появилась норма, предусматривающая форму ответственности за нарушение законодательства о противодействии коррупции в виде обращение имущества в доход государства (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ).

Во взаимосвязи со статьей 17 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», имеет назначение противодействию коррупции и подлежит применению в специальной процедуре искового производства.

Прокуратура получила право на обращение в суд на основании п. 2 ст. 235 ГК РФ - пп. 8 с иском заявлением об обращении в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены, в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции, доказательства его приобретения на законные доходы по решению суда.

Множатся гражданские иски к физическим и юридическим лицам, результат которых – обращение в доход государства имущества, приобретенного десятилетия назад. Исковая давность не применяется.

Доходы, полученные должностными лицами от запрещенной предпринимательской деятельности, или имущество, скрытое от декларирования, квалифицируются как подлежащие изъятию, хотя это не вытекает из закона. Прекращается залог изъятого имущества, хотя для этого также нет оснований в законе.

В статье анализируются аспекты применения закона. Кроме того, автор доказывает, что оспаривание сделок должностного лица для признания их недействительными не вытекает из закона и не отвечает целям и задачам законодательства о противодействии коррупции.

Ключевые слова: Конвенция ООН против коррупции, № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», должностные лица, Генеральная прокуратура; конфискация, коррупция, недействительность сделок, прекращение залога, исковая давность.

TRUNOV Igor Leonidovich

Ph.D. in economical sciences, Ph.D. in Law, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the Union of Lawyers of Russia

DOES THE CURRENT FORM OF PROPERTY SEIZURE COUNTERACT CORRUPTION?

As a result of the accession and implementation of the UN Convention against Corruption of October 31, 2003, a norm appeared providing for a form of liability for violation of anti-corruption legislation in the form of conversion of property to state income (clause 8, clause 2, Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation).

In connection with Article 17 of Federal Law No. 230 "On control over the compliance of expenses of persons holding Public Positions and other persons with their incomes", it has an anti-corruption purpose and is subject to application in a special procedure of claim proceedings.

The prosecutor received the right to appeal to the court on the basis of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation - paragraph 8 with a statement of claim for applying to the income of the Russian Federation property in respect of which, in accordance with the legislation of the Russian Federation on combating corruption, evidence of its acquisition for legitimate income by a court decision is not provided.

Civil lawsuits against individuals and legal entities are multiplying, the result of which is the conversion of property acquired decades ago into state income. The statute of limitations does not apply.

Income received by officials from prohibited business activities, or property hidden from declaration, are qualified as subject to seizure, although this does not follow from the law. The pledge of the seized property is terminated, although there are also no grounds for this in the law.

The article analyzes aspects of the application of the law. In addition, the author proves that challenging an official's transactions to invalidate them does not follow from the law and does not meet the goals and objectives of anti-corruption legislation.

Keywords: United Nations Convention against Corruption, Federal Law No. 230 "On Control over the Compliance of Expenses of Persons holding Public Office and Other Persons with their Incomes", officials, Prosecutor General's Office, confiscation, corruption, invalidity of transactions, termination of collateral, limitation period.

Как результат присоединения и имплементации Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., появилась норма предусматривающая форму ответственности за нарушение законодательства о противодействии коррупции в виде обращение имущества в доход государства (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ) во взаимосвязи со статьей 17 ФЗ-№230 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», имеющая назначением именно противодействие коррупции и подлежащая применению в специальной процедуре искового

производства¹. Прокурор обращается в суд на основании п. 2 ст. 235 ГК РФ - пп. 8 с иском заявлением об обращении по решению суда в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены, в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции, доказательства его приобретения на законные доходы.

Имущество ответчиков не изымается в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (кон-

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 4.07.2022 № 22-П.

Трунов И. Л.

фискация), а как юридическое и фактическое следствие отсутствия у соответствующего лица законных оснований для обладания спорным имуществом.

В силу положений ч. 1 ст. 56 ГПК РФ прокурор обязан представлять доказательства приобретения ответчиком (ответчиками) в отчетном периоде земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) на сумму, превышающую его (их) общий доход за три последних года, предшествующих отчетному периоду.

01.01.2013 со вступлением в законную силу поправок в ст. 235 ГК РФ, появилась презумпция вины, действующая в гражданско-правовой сфере, а в уголовной по-прежнему действует презумпция невиновности. Бремя доказывания невиновности или законного источника происхождения средств, позволивших приобрести такое имущество, возлагается на ответчика (ответчиков). При этом суд вправе принимать любые допустимые ГПК РФ доказательства, представленные лицом, в отношении которого осуществляется контроль за расходами, но в Российской Федерации отсутствует законодательное закрепление понятия и определения понятия «стандарты доказывания» не только в гражданском, но и в иных видах судопроизводства, а принятие судом решения основывается на принципе свободной оценки им доказательств по внутреннему убеждению судьи². Тенденция последних нескольких лет в том, что истцом выступает не прокуратура субъекта РФ, надзирающая за соблюдением законности в «обычном» порядке, а Генеральная прокуратура РФ. Понятно, в чем разница. Предъявление иска Генпрокуратурой, представляющей Росимущество — орган, уполномоченный осуществлять права владения, пользования и распоряжения государственной собственностью, свидетельствует о важности спора для государства, его заинтересованности в соответствующем активе. Районные судьи проявляют к такому истцу сверхлояльность, что при широкой возможности оценки, по внутреннему убеждению, доказательств и широкому усмотрению суда, иск Генпрокуратуры удовлетворяется практически всегда. Хотя согласно ч. 4 ст. 212 ГК РФ права всех собственников защищаются равным образом.

Через 4 первых года применения этой нормы появился обзор судебной практики, утвержденный Верховным судом с 2013 г. по 2017 г., тогда судами было рассмотрено 19 дел, по 12 делам требования прокурора удовлетворены, по 7 отказано³. Это были незначительные должностные лица с незначительным имуществом, и абсолютно адекватные справедливые решения.

Через несколько лет произошел взрыв такого рода дел который продолжает разрастаться.

Как пример, небольшой регион - Кавказские Минеральные Воды, общее количество объектов в отношении которых Генеральной Прокуратурой РФ заявлены искивые требования – 1763 объектов, в том числе, 37 санаторно-курортных учреждения и 680 объекта недвижимости.

Иски Генпрокуратуры о передаче в госсобственность 610 га чайных плантаций, ЗАО «Дагомысчай», ЗАО «Хоста чай» и АО «Мацестинский чай». Дела о незаконной приватизации рассматривают суды многих регионов: Пермского, Челябинского Санкт-Петербурга и т.д. Приморский край — иски к компаниям ОАО «Радиоприбор», ООО «Инвест-Лайн», ООО «СЗ «Форест Групп» и ОАО «Строитель», с указанием на нарушение приватизации от 1993 года. Генпрокуратура забирает земли у собственников на Черноморском побере-

жье. Туапсинский районный суд Краснодарского края вынес решение по иску более 150 владельцев земельных участков в поселке Шепсы владельцы потеряли и землю, и жилье, которое для значительной части из них было единственным⁴. В сочинских судах конвейер, за половину февраля прокуратурой подано свыше 250 исков об обращении земельных участков с домовладениями граждан в собственность государства, на 11 тысяч участков наложили запрет на регистрационные действия⁵.

«Башнефть», Ростовский оптико-механический завод, АО «Калининградский морской торговый порт», ТПК-2, «Метафракс Кемикалс», «Кучуксульфат», Соликамский магниевый завод, Башкирская содовая компания, АО «Волжский оргсинтез», ОАО «Завод «Исеть»», «Коми энергосбытовая компания», ОАО «Уралбиофарм», АО «Компания Эталон» и т.д. Все эти и много других, недавно частных предприятий обращены в государственную собственность.

Поднялся вечный вопрос критики приватизации Е. Т. Гайдара, А. Б. Чубайса в 1990-х годов. Тогда по итогам приватизации Россия получила 7,2 млрд. долларов, а небольшая Венгрия величиной как Кемеровская область, за то же время – 15 млрд.⁶

«В РФ предложили деприватизировать квартиры бедных семей, пенсионеров и одиночек»⁷. Вернуть в собственность государства неправильно приватизированные квартиры один из болезненных вопросов, который может касаться широкого круга граждан, ведь по данным Росстата, к 2015 г. в частную собственность перешло в 79 % от общего числа подлежащего приватизации жилья.

С критикой и предостережениями, не остановившими маховик, выступили:

– Председатель «Сбербанка России» Герман Греф. В стране складывается «обратный тренд приватизации» — национализация. Сегодня действительно мы видим большое количество исков со стороны прокуратуры, причем по историческим сделкам, где, собственно говоря, и срок исковой давности, и срок приобретательской давности давно прошли. Прокуратура должна защищать интересы бизнеса в такой же мере, как интересы государства, потому что интересы государства и бизнеса неразделимы. Это очень важная задача, и нам важно эту грань не перейти, чтобы и права собственности, и стабильность хозяйственного оборота присутствовали⁸.

– Президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александр Шохин - «У нас никто не знает, кто в очереди может быть следующим. В худшем положении финальный собственник, бизнес плохо реагирует на сообщения о планах национализации»⁹.

– Глава Минэкономразвития Максим Решетников назвал идею пересмотра приватизации бесперспективной. «Это путь в никуда, и он очень многих демотивирует, и очень

2 См. Статья: Мильчакова О. В. Стандарты доказывания факта незаконного установления контроля иностранного инвестора над стратегическим хозяйственным обществом // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 2.

3 Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.report/zakon-ili-proizvol-genprokuratura-zabiraet-zemli-u-sobstvennikov-na-chernomorskom-poberezhje/>.

5 Новые Известия. «Хуже, чем в 90-ые. В Сочи суды продолжают изымать у собственников участки с домами». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2023-02-28/huzhe-chem-v-90-ye-v-sochi-sudy-prodolzhayut-izymat-u-sobstvennikov-uchastki-s-domami-398978>.

6 https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

7 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/realty/1938156-deprivatizacia/>.

8 Подробнее на РБК: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/09/2023/65003a0e9a7947552625175b?from=copy>.

9 Подробнее на РБК: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/09/2023/65003a0e9a7947552625175b?from=copy>.

многие начинают задаваться вопросом, а где те красные линии», заявил он об эпизодах «деприватизации»¹⁰.

– Президент В. В. Путин. В сентябре 2023 на Пленарном заседании 8 Восточного экономического форума заверил: «Никакой деприватизации не намечается. Никакой деприватизации не будет, это я вам могу точно сказать. Кошмарить никого не будут, но все должны соблюдать законы Российской Федерации»¹¹.

Предлагаю с научной точки зрения и на примере конкретных дел разобраться, бизнес кошмарят или все происходит в рамках Закона.

В соответствии со ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Конституция РФ гарантирует свободу экономической деятельности, поддержку конкуренции, признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности в качестве основ конституционного строя РФ (ст. 8), а также закрепляет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34, ч. 1).

В силу ст. 55 Конституции РФ и п. 2 ст. 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона, иные нормативные акты, ограничивающие права собственника, применению не подлежат.

Как указал Конституционный Суд, положения ГК РФ и ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», действующие с учетом их конституционно-правового смысла, выявленного Конституционным Судом РФ, не предполагают принятия произвольных, без учета особенностей того или иного вида имущества решений об обращении соответствующего имущества в доход РФ. В силу абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены на основании закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства¹².

Определяя с учетом требований статей 17 (часть 3) и 19 (части 1 и 2) Конституции РФ критерии допустимости ограничений конституционных прав и свобод, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что цели таких ограничений должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения - адекватны этим целям и отвечать требованиям справедливости; при допустимости ограничения законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями следует использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции РФ, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если они адекватны социально необходимому результату; в ходе правового регулирования недопустимо искажение самого существа конституционного права или свободы, а цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод¹³.

Применительно к праву собственности это также означает, что его ограничения, вводимые федеральным законодателем, должны отвечать требованиям справедливости, раз-

умности и соразмерности (пропорциональности), не могут затрагивать само существо данного права¹⁴.

Первый и важный вопрос, сроки исковой давности. Исковая давность один из фундаментальных принципов гражданского законодательства, обеспечивающих стабильность гражданского оборота. Правоотношения, которые затрагивают иски Прокуратуры РФ и последующие судебные решения 20 или 30-летней давности. Общий срок исковой давности составляет 3 года, срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права (ст. 196 ГК РФ). Суды отклоняя доводы ответчиков о пропуске истцом срока исковой давности для обращения в суд с исками, исходят из того, что в действиях ответчиков имеет место коррупционная составляющая, в связи с чем к спорным правоотношениям с учетом характера заявленных требований правила об исковой давности применению не подлежат, поскольку положения ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» не ограничивают прокурора в борьбе с коррупцией сроками исковой давности и предписывают суду при рассмотрении подобного рода исков исходить из неотвратимости ответственности физических и юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений¹⁵, а кроме того, полагая, что иски прокурора направлены на защиту нематериальных благ, суд применяет к спорным правоотношениям положения ст. 208 ГК РФ, согласно которым исковая давность не распространяется на требования о защите нематериальных благ.

Однако такие выводы о том, что на заявленные прокуратурой иски требования срок исковой давности не распространяется, противоречат нормам материального права и фактическим обстоятельствам.

Согласно ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. В соответствии с п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет 3 года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 ГК РФ. В силу п. 2 ст. 199 ГК РФ исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске. Согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Прокуратура в обоснование исковых требований об обращении имущества в доход государства, ссылается на положения пп. 8 ч. 2 ст. 235 ГК РФ и положения ФЗ от 3.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», однако Конституционный Суд РФ однозначно отметил, что каких-либо специальных сроков исковой давности ФЗ от 3.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» не установлено, а потому к таким правоотношениям подлежат применению нормы ГК РФ об исковой давности, включая п. 1 ст. 200, закрепляющий общее правило о начале течения срока исковой давности со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите нарушенного права¹⁶.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, законодатель в пределах своей дискреции вправе устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от цели правового регулирования и дифференцировать их при наличии к тому объективных и разумных оснований, а также закреплять порядок их течения во времени, с тем чтобы обеспечивались возможность исковой

10 Forbs от 11.09.2023 Forbs - Глава Минэкономразвития назвал пересмотр итогов приватизации «путем в никуда». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/496235-glava-minekonomrazvitiya-nazval-peresmotr-itogov-privatizacii-putem-v-nikuda>.

11 Президент России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72259>.

12 Определение КС РФ от 25.11.2020 № 2852-О.

13 См. Постановление КС РФ от 22.06.2010 № 14-П, от 13.07.2010 № 16-П и др.

14 См. Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 № 9-П, от 14.05.2012 № 11-П; Определение Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 1127-О и др.

15 См.: Решение Советского районного суда г. Владивостока от 06.03.2020 по делу N 2-292/2020.

16 См. Определение КС РФ от 19.12.2019 № 3559-О.

защиты права, стабильность и предсказуемость правового статуса субъектов правоотношений. Соответственно, пункт 1 статьи 200 ГК РФ сформулирован так, что наделяет суд необходимыми полномочиями по определению момента начала течения срока исковой давности исходя из фактических обстоятельств дела¹⁷. Согласно разъяснениям п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» в силу п. 1 ст. 200 ГК РФ срок исковой давности по требованиям публично-правовых образований в лице уполномоченных органов исчисляется со дня, когда публично-правовое образование в лице таких органов узнало или должно было узнать о нарушении его прав, в частности, о передаче имущества другому лицу, совершении действий, свидетельствующих об использовании другим лицом спорного имущества, например, земельного участка, и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Согласно правовой позиции, сформулированной в Обзоре судебной практики по делам, связанным с истребованием имущества от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 г., при обращении в суд прокурора в защиту интересов публично-правового образования начало течения срока исковой давности определяется исходя из того, когда о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску, узнало или должно было узнать такое публично-правовое образование в лице уполномоченных органов.

Поскольку право собственности и другие вещные права на недвижимое имущество подлежат государственной регистрации в ЕГРН органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней, течение срока исковой давности по заявленному иску начинается не позднее дня, когда лицо узнало или должно было узнать о соответствующей записи в ЕГРН¹⁸.

Следовательно, в случаях, когда с исковыми требованиями в суд обращается прокурор в защиту интересов иного лица (материального истца), течение срока исковой давности начинается со дня, когда о нарушении своих прав узнал материальный истец, а не прокурор. Таким образом, срок исковой давности по заявленным прокурором требованиям должен исчисляться с того момента, как Российская Федерация в лице уполномоченных органов узнала или должна была узнать о нарушении своего права.

При этом несостоятельными являются доводы о необходимости исчислять срок исковой давности с момента, когда о нарушении права собственности РФ стало известно прокурору, поскольку при обращении прокурора в защиту прав и законных интересов других лиц в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, начало течения срока исковой давности определяется исходя из того, когда о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права, узнало или должно было узнать лицо, в интересах которого подано такое заявление.

Вышеизложенное согласуется с правовой позицией, изложенной в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43, согласно которой по смыслу пункта 1 статьи 200 ГК РФ при обращении в суд органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций или граждан с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц в случаях, когда такое право им предоставлено законом (часть 1 статьи 45 и часть 1 статьи 46 ГПК РФ, часть 1 статьи 52 и части 1 и 2 статьи 53, статья 53.1 - АПК РФ), начало течения срока исковой давности определяется исходя из того, когда о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите

этого права, узнало или должно было узнать лицо, в интересах которого подано такое заявление.

В соответствии с разъяснениями п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43, истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ). Если установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности и не имеется уважительных причин для восстановления этого срока для истца - физического лица, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела.

Так же не соответствует закону утверждение, что иски прокурора направлены на защиту нематериальных благ, суд применяет к спорным правоотношениям положения ст. 208 ГК РФ, согласно которым исковая давность не распространяется на требования о защите нематериальных благ. Закон говорит об обращении в пользу государства имущества (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ), в то время как не материальными благами (ст. 150 ГК РФ) являются; жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, и иные нематериальные блага. Иски прокуратуры носят имущественный характер и, как любой другой материальный иск, они реализуемы только в пределах исковой давности.

Перейдем от общего к частному на конкретных примерах.

Генпрокуратура обратила в доход государства активы Андрея Викторовича Коровайко — основателя крупнейшего агропромышленного концерна «Покровский». По решению Лабинского суда государству отошло 50 предприятий, владеющих более чем 242 тыс. га земли¹⁹. Всего в пользу государства обращены 94 предприятия²⁰. В решении суда по данному делу отчетливо видны системные нарушения закона повсеместные в сегодняшней практике.

Конструкция, предусмотренная п. 2 ст. 235 ГК незатейлива, прокуратура собирает сведения сколько чиновник заработал, затем собирает сведения сколько имущества числится на нем, его супруге и несовершеннолетних детях (№ 230-ФЗ от 03.12.2012), оценивает и разницу по решению суда изымают в пользу государства.

В данном деле, как и в остальных похожих, прокуратура смешивает уголовное судопроизводство с гражданским, ссылаясь на, якобы, факты рейдерства, мошенничества, незаконного извлечения личной материальной выгоды, давления физического и психологического, соучастия сторонних лиц, то есть то, что суд в данном гражданском производстве не может рассматривать и оценивать. Генеральная прокуратура таким образом увеличивает количество ответчиков из 2 регламентированных законом (бывший чиновник и жена), получает 7 (не указываемых в № 230-ФЗ) и так же в геометрической прогрессии растет количество имущества, к которому юридически экс-чиновник не имеет отношения. Повсеместно в подобного рода судопроизводствах, на третьих лиц возлагается бремя доказывания законности получения имущества аналогично тому, которое предусмотрено для чиновников, их супругов и несовершеннолетних детей.

Так же нарушается фундаментальный Конституционный принцип ст. 54 Конституции РФ: «Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет». Так же в соответствии со ст. 4 ГК РФ акты гражданского законодательства не имеют обратной силы. Норма пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ принята Федеральным Законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ, «О внесении изменений в отдельные законодательные акты.» и вступила в законную силу 01.01.2013. Коровайко А. В. занимал годами должность федерального инспектора и главного советника Управления по работе с органами власти субъектов и органами местного самоуправления Аппарата

17 См. Определения КС РФ от 8.04.2010 № 456-0-0, от 21.11.2013 № 1756-0, от 20.03.2014 № 534-0, от 29.03.2016 № 516-0, от 29.09.2016 № 2071-0, от 25.10.2016 № 2309-0 и др.

18 Совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 п. 57.

19 «Агростоппинг» Коммерсант 02.08.23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6147979>.

20 См. Решение Лабинского городского суда Краснодарского края от 23.10.2023 № 2-987/2023.

полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе в 2001–2004 гг.

При введении в действие 1.01.2013 года ФЗ № 230-ФЗ предусматривалась возможность проведения процедуры контроля за расходами государственных служащих только в отношении действующих, работающих должностных лиц. 3.08.2018 в № 307-ФЗ были внесены поправки, позволяющие осуществить процедуру контроля расходов и в случае увольнения государственного гражданского служащего со службы - в течение 6 месяцев после увольнения. Коровайко А. В. занимал должность в 2001–2004 гг., суд состоялся в 2023 г.

Еще типичное решение, повторяющее практику несоответствия законодательству. Иск заместителя Генерального прокурора РФ к экс-Губернатору Республики Марий Маркелову Л. И., Маркеловой Т. И., Шилову А. Ю. Судебным решением Нижегородского суда от 25.11.2019 года, на основании пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, ст. 17 ФЗ от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности...» и ст. 169 ГК в доход государства изъято недвижимое и движимое имущество, принадлежащее на праве собственности третьим лицам не входящим в круг лиц подлежащих контролю и ответственности в соответствии ст. 17 № 230-ФЗ. Это денежные средства Шилова А. Ю., недвижимое и движимое имущество принадлежащее (бывшей супруге умершего отца, не имеющей родственной связи с ответчиком Маркеловым Л. И.) Маркеловой Т. И., юридических лиц: ООО «Воскресенский парк», ООО «Июнь-2006», ООО «Кардинал», ООО «Компания «Чукшинский карьер»», ООО «Марийский цемент», ООО «Телекомпания 12 регион», ООО «Чукшинский карьер», АО «Памашьяльский каменный карьер», АО СПК «МАПДС», приобретенные в период с 1968 года, т.е. до вступления нормы в законную силу. Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель, вводя контроль за расходами, установил, что обязанность по представлению сведений о расходах возникает в отношении сделок, совершенных с 1 января 2012 г. В то же время нормы законодательства, позволяющие обратить в доход государства объекты недвижимости, в отношении которых государственным гражданским служащим не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные расходы, вступили в силу с 1 января 2013 г.²¹ Согласно правовой позиции КС РФ ч. 1 ст. 17 № 230-ФЗ не предполагает возможности обращения в доход государства имущества, которое было приобретено до замещения ответчиком государственной должности²².

Суд, по внутреннему убеждению, пришел к выводу о том, что все имущество, приобретенное юридическими лицами, якобы фактически (не юридически) принадлежит экс-губернатору Маркелову Л. И., деньги, изъятые у Шилова А. Ю. – являются деньгами Маркелова Л. И., так как Шилов не привел убедительных доводов отсюда у него денежные средства²³. При том, что в Законе № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности...», не прописаны деньги как объект обращения в доход государства, (ст. 17 ч. 1 - об обращении в доход РФ земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты). Инициативы поправок закона о включении денег периодически вносились, но не были приняты законодателем.

Гражданское законодательство РФ для целей изъятия имущества в порядке ст. 17 Закона № 230-ФЗ, п. 2 ст. 235 ГК РФ ограничивает имущество лишь тем, на которое имеется право собственности, но не таким, на которое имеется не право собственности, а интерес, и тем более не таким, которое приобретено «косвенно»²⁴. Так же повсеместно квалифи-

цируются как подлежащие изъятию, доходы, полученные должностными лицами от запрещенной им предпринимательской деятельности, или имущество, скрытое от декларирования, хотя это не регламентировано законом.

Выход за рамки закрытого перечня лиц, регламентированных ст. 17 Закона № 230-ФЗ, «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», должностного лица и его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, имущество которых подлежит контролю и может быть изъято в порядке п. 2 ст. 235 ГК РФ, предлагалось расширить. Как пример, отклоненный проект федерального закона № 726111-6 депутата О. А. Нилова²⁵, свидетельствует, что законодатель не намерен это делать, но Прокуратура и суды стабильно выходят за его рамки, что наносит большой вред публичным интересам.

За последнее время Генпрокуратура и ФАС подали в суды множество исков с целью изъятия частных активов в госсобственность и это касается не только крупных активов и олигархов. С каждым месяцем подобных исков становится все больше, налицо очевидная расширяющаяся тенденция. В России любое здоровое начинание имеет опасность превратиться в кампанейщину, поэтому так важно держаться в рамках правового поля и строго соблюдать действующее законодательство.

Отдельный болезненный вопрос, о судьбе залоговых прав на изымаемое имущество. Прекращается ли право залога (прекращается ли залог) в случае применения меры, предусмотренной п. 2 ст. 235 ГК. Имеется судебная практика, в соответствии с которой залог прекращается (ООО «Магnum» об обращении в доход государства здания ТЦ «Подсолнух» в г. Хабаровске), с формулировкой - владелец не наказывается, а утрачивает право собственности на имущество, поскольку в ходе судебного разбирательства выясняется отсутствие у лица законных оснований для его возникновения. Не следствие прекращения залога полагается не наличие закона, в силу которого залог прекращается, а отсутствие закона, в силу которого залог сохраняется. Практика аннулирования банковских залогов при изъятии имущества должностных лиц повлечет обвал кредитного рынка, а вслед за ним и гражданского оборота в целом²⁶.

Есть так же курьезная практика решений по подобным делам. Так, к примеру, Генеральная прокуратура заявила иск в Арбитражный суд Санкт-Петербурга с требованием изъять в пользу государства ООО «ХайдельбергЦемент Рус», АО «Сырцевая компания», «Сланцевый цементный завод «Цесла», ОАО «Гурово-Бетон» материнская компания — группа HeidelbergCement, затем отказалась от требований, указав, о возможности защиты интересов государства иными правовыми способами²⁷. Что имеет в виду Генеральная прокуратура, под иными правовыми способами, в каком законе они прописаны и что для этого сделал миллиардер Людвиг Меркле, другие предприниматели и юридическое сообщество хотели бы знать.

Несоответствие по многим критериям действующему законодательству судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход РФ имущества, в соответствии с законодательством о противодействии коррупции, как нам видится состоит не столько в корыстных деяниях, сколько в неправильном осуществлении государ-

21 См. Определение КС РФ от 6 июня 2017 г. № 1163-О.

22 См. Постановление КС РФ от 9 января 2019 г. № 1-П.

23 Решение Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород от 25.11.2019 г. № 2-9507/2019.

24 См. Консультант Плюс Статья: Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества,

полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11.

25 См Сайт, система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/726111-6>.

26 См. Консультант Плюс Статья: Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11.

27 См. Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области Дело от 15.09.2023 г. № А56-74979/2023.

ственной службы, злоупотребление правом, или неумение его применять.

Отдельный болезненный вопрос изъяли, что дальше.

Прокуратура отчитывается об огромных суммах, перешедших в доход государства. Как заявил Генеральный прокурор РФ, в 2021г. сумма изъятого у коррупционеров имущества, ценностей составила более 54 млрд. руб., выявлено свыше 250 тысяч коррупционных правонарушений²⁸. Но изъято это не деньги, а заводы, плантации чая, фабрики, мясокомбинаты, порты и т. п., требующие постоянного квалифицированного управления. Абсолютно точно отметил помощник Президента России по экономическим вопросам Максим Орешкин, оценив иски прокуратуры об изъятии частных активов: «государство в лице чиновников — не очень хороший собственник, управление из Москвы заводами в регионах к хорошим результатам не приводит, руководить должны заинтересованные в прибыли люди на местах»²⁹. Но если отобрать у одних людей на местах, и передать другим, руками Генеральной прокуратуры, под эгидой борьбы с коррупцией, с учетом большого количества нарушений закона, возможна отмена решений и вероятность движения по кругу с ухудшающейся производительностью.

Всё-таки гораздо лучше соблюдать закон, даже если это Генеральная прокуратура?

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 4.07.2022 № 22-П.
2. Мильчакова О. В. Стандарты доказывания факта незаконного установления контроля иностранного инвестора над стратегическим хозяйственным обществом // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 2.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.report/zakon-ili-proizvol-genprokuratura-zabiraet-zemli-u-sobstvennikov-na-chernomorskom-poberezhe/>
5. Новые Известия. «Хуже, чем в 90-ые. В Сочи суды продолжают изымать у собственников участки с домами». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2023-02-28/huzhe-chem-v-90-ye-v-sochi-sudy-prodolzhayut-izymat-u-sobstvennikov-uchastki-s-domami-398978>.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.
7. См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/realty/1938156-deprivatizacia/>.
8. Подробнее на РБК: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/09/2023/6503a0e9a7947552625175b?from=copy>.
9. Подробнее на РБК: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/09/2023/6503a0e9a7947552625175b?from=copy>.
10. Forbs от 11.09. 2023 Forbs - Глава Минэкономразвития назвал пересмотр итогов приватизации «путем в никуда». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/496235-glava-minekonomrazvitiya-nazval-peresmotr-itogov-privatizacii-putem-v-nikuda>.
11. Президент России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72259>.
12. Определение КС РФ от 25.11.2020 № 2852-0.
13. См.: Постановление КС РФ от 22.06.2010 № 14-П, от 13.07.2010 № 16-П и др.
14. См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 № 9-П, от 14.05.2012 № 11-П; Определение Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 1127-0 и др.
15. См.: Решение Советского районного суда г. Владивостока от 06.03.2020 по делу № 2-292/2020.
16. См.: Определение КС РФ от 19.12.2019 № 3559-0.
17. См.: Определения КС РФ от 8.04.2010 № 456-0-0, от 21.11.2013 № 1756-0, от 20.03.2014 № 534-0, от 29.03.2016 № 516-0, от 29.09.2016 № 2071-0, от 25.10.2016 № 2309-0 и др.
18. Совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 п. 57.
19. «Агростопинг» Коммерсант 02.08.23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6147979>.
20. См.: Решение Лабинского городского суда Краснодарского края от 23.10.2023 № 2-987/2023.
21. См.: Определение КС РФ от 6 июня 2017 г. № 1163-О.
22. Решение Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород от 25.11.2019 г. № 2-9507/2019.
23. См.: Консультант Плюс Статья: Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11.
24. См.: Сайт, система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/726111-6>.
25. См.: Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области Дело от 15.09.2023 г. № А56-74979/2023.
26. См.: Российская газета от 26.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/04/26/krasnov-vozmeshchenie-ushcherba-ot-korruptcii-vpervye-prevysilo-sam-ushcherb.html>.
27. Коммерсант от 12.09.2023 «Орешкин раскритиковал передачу частных активов в регионах под управление чиновникам из Москвы».

²⁸ См Российская газета от 26.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/04/26/krasnov-vozmeshchenie-ushcherba-ot-korruptcii-vpervye-prevysilo-sam-ushcherb.html>.

²⁹ Коммерсант от 12.09.2023, «Орешкин раскритиковал передачу частных активов в регионах под управление чиновникам из Москвы».

АРСЛАНХАНОВА Аминат Ирбайхановна

магистрант 2-го года обучения очной формы, профиль подготовки: «Проблемы гражданского и арбитражного процессуального права» кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТМЕНЫ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЯ РЕШЕНИЯ (ОПРЕДЕЛЕНИЯ) СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Статья посвящена основаниям для отмены судебных постановлений в апелляционной инстанции. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что институт оснований отмены судебных актов слабо разработан в доктрине цивилистического процесса, хотя имеет очень важное практическое значение для защиты прав и свобод человека и гражданина. В этой связи в целях повышения знаний об основаниях отмены судебных актов в апелляционной инстанции, а также для совершенствования правоприменительной практики. (что? Не закончено)

Ключевые слова: гражданско-правовые отношения, гражданский процесс, арбитражный процесс, процессуальное право, суд апелляционной инстанции, апелляционное производство, жалоба.

ARSLANKHANOVA Aminat Irbaihanovna

magister student of the 2nd year of the full-time study, training profile: "Problems of civil and arbitration procedural law" of Civil process sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

GROUNDS FOR REVOCATION OR AMENDMENT OF THE DECISION (RULING) OF THE COURT OF FIRST INSTANCE

The article is devoted to the grounds for the cancellation of court decisions in the appellate instance. The relevance of the research topic is due to the fact that the institution of grounds for the cancellation of judicial acts is poorly developed in the doctrine of the civil process, although it is of very important practical importance for the protection of human and civil rights and freedoms. In this regard, in order to increase knowledge about the grounds for the cancellation of judicial acts in the appellate instance, as well as to improve law enforcement practice.

Keywords: civil law relations, civil procedure, arbitration process, procedural law, court of appeal, appeal proceedings, complaint.

Предоставление гражданам и организациям эффективной судебной защиты невозможно без постоянного совершенствования процессуального законодательства и судебной практики. Основные итоги правоприменительной деятельности отражаются в принимаемых судами решениях по существу рассмотренных дел.

В свою очередь Терехова Л. А. считает, что «рассмотрение дела по существу означает рассмотрение по полным правилам суда первой инстанции, с исследованием всех доказательств, заслушиванием всех лиц» [4].

В части 1 статьи 195 ГПК и в части 4 статьи 15 АПК предусмотрены основные требования к судебным решениям, среди которых на первом месте требование о законном судебном решении (постановлении). В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» дано разъяснение правила о законном решении – решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права.

Положения процессуального законодательства, основные теоретические разработки позволяют констатировать, что основаниями для отмены незаконного судебного решения являются:

- несоблюдение норм процессуального права;
- несоответствие (выводов, умозаключений) нормам материального права, подлежащим применению к спорному правоотношению;
- неправильное применение аналогии закона или аналогии права.

Касательно несоблюдения норм процессуального права следует отметить, что процессуальное законодательство претерпевает изменения, и некоторые совершаемые судом процессуальные действия, которые ещё несколько лет назад являлись основанием для отмены решения, теперь таковыми не являются.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» остается не совсем понятной фраза о «точном соблюдении норм процессуального права». Ведь в части 3 статьи 330 ГПК РФ определено, что «нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения». Процессуальное правило части 3 статьи 330 ГПК РФ означает, в том числе, что судом могут быть допущены ошибки, но если они не являются существенными (критическими), то решение суда нельзя отменять, в интересах тех же сторон, для сохранения той же правовой определенности. Получается, таким образом, что авторы разъяснений, пытаясь повысить ответственность судей указанием на точность, скорее не повышают эту ответственность, а укрепляют осознание участниками процесса допустимости несоответствующих закону действий суда, ведь практически в любом судебном деле можно отыскать хоть какое-нибудь несоблюдение (неточное соблюдение) норм процессуального права, начиная с подготовки к судебному разбирательству и заканчивая составлением судебного решения.

Например, существует правило, обязывающее суды вести протокол – статья 228 ГПК (Обязательность ведения протокола), согласно которой «в ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций ... ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи

(аудиопротоколирование) и составляется протокол в письменной форме».

Между тем, отсутствие в деле протокола в письменной форме, в случае отсутствия аудио- или видеозаписи судебного заседания, в любом случае является основанием для отмены решения суда. Думается, что отсутствие в деле протокола в письменной форме, даже при наличии аудиопротокола, вряд ли можно отнести к точному соблюдению норм процессуального права.

При этом протокол, составленный при выполнении судебного поручения, должен отражать все существенные обстоятельства, которые поручено выяснить суду, и содержать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы; в протоколе должны быть отражены и другие имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, установленные при выполнении поручения. Суд апелляционной инстанции может оказаться в затруднительном положении при установлении оснований для отмены решения, если в основном судебном заседании велось аудиопротоколирование, а при выполнении судебного поручения никакой протокол не составлялся.

Любопытно, что в арбитражном процессе безусловным основанием для отмены решения является «отсутствие в деле протокола судебного заседания ... в случае отсутствия аудиозаписи судебного заседания» (ст. 270 АПК). Что же делать в этом случае судье апелляционного арбитражного суда при пересмотре решения, если при отсутствии протокола есть только видеозапись судебного заседания? Представляется, что в данном случае решение не подлежит отмене, если видеозапись полноценно отражает состоявшее судебное заседание в первой инстанции.

Расширение круга оснований для отмены – обусловлено появлением новых технологий и технических средств контроля. Увеличивается количество споров, связанных с обжалованием постановлений должностных лиц, вынесенных на основании данных, полученных при помощи дорожных камер фото и видеофиксации. И не всегда судам удается принимать правосудные решения, защищая права граждан, незаконно привлеченных к административной ответственности¹.

Думается, что противоречие судебного постановления акту более высокой судебной инстанции, принятому до этого, также может рассматриваться как основание для отмены или изменения судебного постановления, хотя бы как обстоятельство, свидетельствующее о нарушении принципа единства судебной практики.

Невыполнение судами общей юрисдикции и арбитражными судами требования законного судебного решения проявляется по-разному. Несоблюдение норм процессуального права и неправильное применение норм материального права дополняются неиспользованием, в тех случаях, где это нужно, аналогии закона или аналогии права.

Особое значение имеют разъяснения Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, и выносимые по конкретным делам акты высшей судебной инстанции. Принятие судебного решения с учётом правовой позиции, выработанной Верховным Судом РФ,

также позволяет снизить вероятность принятия незаконного решения [5].

Анализ соблюдения судами законности, оснований для отмены или изменения судебных решений позволяет отметить, что перечень рассматриваемых оснований не является исчерпывающим, сами основания могут существенно отличаться друг от друга по форме и содержанию, а также подразделяться на виды по критерию существенности.

Судебная практика показывает, что судами проверочной инстанции чаще вскрываются неправильное применение норм материального права и неправильная реализация норм процессуального права. В ряде случаев, при отмене судебного решения указывается, что судом, решение которого отменено, не были учтены разъяснения Верховного Суда РФ.

Выполнение судами всех правил процедуры является залогом принятия законных решений и, таким образом, гарантией обеспечения принципа законности гражданского и арбитражного процесса.

Соблюдение принципа законности в отдельно взятом гражданском деле будет способствовать и сохранению законности как режима общественной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Гнетова Д. В., Трофимов, Я. В. Сравнительный анализ апелляционного производства в гражданском и арбитражном процессах // Юридический факт. – 2019. – № 79.
2. Дерябина А. С. Сравнение института апелляционного производства в арбитражном и гражданском процессуальных кодексах // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 15 (27).
3. Жилка Э. В. Сравнение апелляционного производства в гражданском и арбитражном процессах // Евразийский союз ученых. Серия: Экономические и юридические науки. – 2022. – № 5 (98).
4. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – Москва: Волтерс Клувер, 2017. – С. 197.
5. Лебедь К. А. Основания для отмены незаконных судебных решений // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10. № 3. – С. 144.

¹ ВС признал недействительными квитанции из ГИБДД без электронной подписи // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/04/16/voditeliu-otmenishtraf-iz-za-otsutstviiialektronnoj-podpisi-inspektora.html> (дата обращения: 07.04.2023).

ПЕСТОВА Ксения Алексеевна

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА*

В ходе работы автор рассматривает трансформацию принципа гласности на протяжении трех периодов истории России. В результате проведенного анализа удалось выявить тенденции двоякого рода. С одной стороны, с течением времени, в том числе с учетом внедрения элементов электронного правосудия, принцип гласности подвергается ограничениям и конкретизации. С другой стороны, появляются дополнительные гарантии реализации принципа публичности процесса. Автор приходит к выводу о необходимости проведения дальнейших исследований с целью обеспечения установления разумного баланса между защитой личных прав граждан и соблюдением принципа гласности гражданского процесса.

Ключевые слова: гласность, публичность процесса, принципы гражданского процесса, трансформация гласности, цифровизация.

PESTOVA Kseniya Alexeevna

postgraduate student of the Institute of Law of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

THE HISTORY OF THE TRANSFORMATION OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY OF THE CIVIL PROCESS**

In the study, the author examines the transformation of the principle of publicity over three periods of Russian history. As a result of the analysis, it was possible to identify trends of two kinds. On the one hand, over time, including taking into account the introduction of elements of electronic justice, the principle of publicity is subject to limitations and concretization. On the other hand, there are additional guarantees for the implementation of the principle of publicity of the process. The author comes to the conclusion that further research is necessary in order to ensure a reasonable balance between the protection of personal rights of citizens and compliance with the principle of publicity of civil proceedings.

Keywords: publicity, publicity of the process, principles of civil procedure, transformation of publicity, digitalization.

Гласность, более чем какие-либо другие средства контроля, поднимает нравственный уровень судебного мира, развивает в нем чувство законности, достоинства и приличия, усиливая в то же время доверие к нему общества [15, с. 207]. Концепция информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы, одобренная Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.¹ (далее – Концепция), закрепляет обеспечение доступа граждан к правосудию и достижение его максимальной открытости и прозрачности в качестве основных направлений дальнейшего развития судебной системы.

В свою очередь, принятие Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»², формирование разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации об условиях обеспечения гласности и открытости судопроизводства³, а также многократное использование в ст. 10 ГПК РФ⁴ бланкетных норм, отсылающих к положениям

нормативных актов, содержащих перечень сведений ограниченного доступа, свидетельствует не только о важности рассматриваемого принципа в гражданском судопроизводстве, но и о постепенной трансформации и расширении его содержания в современном мире с учетом внедрения электронных технологий.

В науке гражданского процесса гласность понимают в двояком смысле: как публичность процесса и как гласность по отношению к тяжущимся [10, с. 155]. В то время как гласность в тесном смысле слова «имеет безусловное значение и не терпит никаких изъятий» [2, с. 415], гласность общая «не подлежит осуществлению во всех случаях» [4, с. 97] и должна быть ограничена.

В ходе работы в силу необходимости обеспечения соблюдения баланса интересов и недопущения нарушения прав человека рассмотрим реализацию принципа гласности исключительно в аспекте публичности процесса. Проследим трансформацию гласности на протяжении трех периодов истории (в период судебной реформы 1864 года, в советский период, в современную эпоху цифровизации), обращая внимание на ключевые проявления принципа, к которым относятся право публики присутствовать на судебном процессе, публичное объявление и публикация судебного решения.

Особенности реализации принципа гласности в эпоху судебной реформы 1864 года.

Несмотря на появление самостоятельного законодательного закрепления принципа гласности гражданского процесса лишь с принятием Судебных уставов 1864 года, первоначальные аспекты проявления принципа были свойственны еще праву древнерусского государства [9, с. 68]. Постепенное развитие общественных отношений способствовало все более подробной конкретизации и закреплению в законодательстве отдельных проявлений принципа гласности. Однако

* Научный руководитель: д. ю. н., профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Русакова Е. П.

** Scientific supervisor: Ph.D. in Law, professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia Rusakova E. P.

1 Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // СПС «ГАРАНТ».

2 Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. – 2012. – № 292.

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

введение при Петре Первом канцелярской тайны не позволило России в дальнейшем обеспечить плавное развитие рассматриваемого принципа.

Халатное отношение судебных инстанций к делу, недоверие законодателя к судьям и судам привело к развитию крайней формы письменности процесса с целью обеспечения проверки принятых решений вышестоящими инстанциями. Как отмечал И. В. Гассен, «вообще, весь суд, все правосудие сосредотачивалось в канцеляриях, и все многочисленные узлы его сплетались в лице всесильного секретаря» [3, с. 15].

После проведенной реформы 1864 года в Уставе гражданского судопроизводства⁵ (далее – УГС) был закреплен принцип гласности (публичности, открытости суда). Согласно ст. ст. 324–327 УГС доклад дела и словесное состязание тяжущихся происходит в открытом заседании суда. Исключения гласности допускаются в определенных законом случаях, к которым относятся: предосудительность публичного рассмотрения дела для религии, общественного порядка или нравственности; просьба обеих сторон о рассмотрении дела за закрытыми дверями и признание ее заслуживающей уважения. К последним случаям, как отмечает М. А. Окс, относятся дела, когда гласное разбирательство во вред сторонам могло содержать торговые или промышленные секреты [11, с. 22].

Решение вопроса о допустимости ограничения публичности процесса принадлежало только суду. Закон не предусматривал способов обжалования таких постановлений, которые немедленно приводились в исполнение.

В отличие от аналогичной нормы Устава Уголовного Судопроизводства⁶ (далее – УУС), закрепляющей ограничения принципа гласности и содержащей конкретный перечень дел, допускающих проведение закрытых судебных заседаний, статьи УГС предоставляет судам широкие пределы усмотрения при решении вопроса о «закрытии дверей».

Несмотря на даваемый Г. А. Джаншиевым комментарий относительно возможного излишне расширительного толкования редакции ст. 620 УУС мы считаем его уместным, в том числе и применительно к гражданскому судопроизводству. Так, Г. А. Джаншиев отмечает, что «под старую редакцию ст. 620 могли не подойти некоторые дела, которые желательно было бы не оглашать, но тем не менее эта редакция была предпочтительнее. Пусть лучше одно, два скандальных дела огласятся в силу ст. 620, чем десятки, сотни дел будут лишены света гласности, в силу усмотрения, не всегда разумного и нередко следующего сторонним мотивам» [5, с. 207].

В дальнейшем в попытках конкретизации принципа перечень ограничений реализации гласности был расширен делами о содержании внебрачных детей (п. 1 ст. 325.1 УГС), о привилегиях на изобретения, которые не подлежат опубликованию (п. 2 ст. 325.1 УГС), о восстановлении совместного жительства супругов, о содержании мужем отдельно живущей жены, о взаимных правах и обязанностях родителей в отношении детей (ст. 1345.7 УГС), об узаконении детей (ст. 1460.5 УГС). Кроме того, исключительно в закрытых судебных заседаниях рассматривались дела о взыскании убытков, причиненных действиями должностных лиц (ст. 1334 УГС).

Решение в пользу ограничения допустимости публичного разбирательства перечислением конкретных случаев было, действительно, обоснованным и разумным. Гласность – дело совершенно новое, которое не имеет корней в прошлом России. И в тех случаях, когда ни один европейский судья не

нашел бы допустимым ограничение реализации принципа гласности, российский – признал необходимым удаление публики, с чем общество охотно бы согласилось [5, с. 207].

Для недопущения злоупотребления судом правом рассматривать дело в закрытом заседании постановление о производстве дела при закрытых дверях должно быть сделано в открытом заседании суда.

Оглашение решения при открытых дверях, однако, в рассматриваемый период не оказывало на слушателей «почти никакого воспитательного влияния» [15, с. 361], поскольку под сущностью решения понимали исключительно резолютивную часть. Мотивировочная часть не оглашалась, таким образом, указания на соображения суда, которыми он руководствовался при разрешении спора, оставались недоступны обществу.

И. Е. Энгельман объяснял такую практику формальным следованием букве закона и совершенным равнодушием к внутреннему смыслу соответствующей нормы, положения которой взяты из французского устава [15, с. 362]. При оглашении резолюции назначался день для озвучивания решения в окончательной форме (с мотивами принятого решения), которое должно было быть изготовлено в течение двух недель.

Таким образом, Судебные уставы 1864 года впервые законодательно закрепляют гласность (публичность) гражданского процесса. Первоначально в науке гражданского процесса гласность абсолютизируют в ущерб личным правам человека так, что небольшое количество имеющихся ограничений подлежат применению по собственному усмотрению суда «по особому свойству дела» либо при одновременном согласии обеих сторон о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании. С течением времени перечень ограничений конкретизируется, однако возможность расширительного толкования остается.

Судебные решения оглашаются при открытых дверях, однако воспитательного воздействия на публику они не оказывают, поскольку оглашается лишь резолютивная часть.

Что касается публикации многообразия судебных решений, то единого источника нет, однако СМИ предоставлено право свободной публикации отчетов о судебных заседаниях.

Принцип гласности в советский период.

«В период слома буржуазного законодательства» [7, с. 13] Декрет о суде № 2 от 15 февраля 1918 года⁷ установил, что судопроизводство происходит по правилам судебных уставов 1864 года в части, не отмененной декретами Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров, и не противоречащей сознанию трудящихся классов. Принцип гласности не был затронут принятыми советской властью декретами о суде. Таким образом, перечисленные ранее ограничения принципа гласности гражданского процесса существовали вплоть до принятия ГПК РСФСР 1923 г.⁸

Согласно положениям ст. 94 ГПК РСФСР 1923 г. разбирательство дела происходило публично и устно. Положения ст. 95 также предусматривали ограничения принципа гласности, если публичность рассмотрения дела может быть нежелательной с точки зрения охраны публичного интереса, а также связи обстоятельств дела с интимной жизнью сторон. Суд по своему усмотрению или по просьбе сторон постановляет рассматривать дело или отдельные его части при закры-

5 Устав гражданского судопроизводства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/354467> (дата обращения: 06.02.2024).

6 Устав уголовного судопроизводства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lsaq683s6m873984304> (дата обращения: 06.02.2024).

7 Декрет о суде № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude2.htm (дата обращения: 07.02.2024).

8 Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://governmentussr.su/zakonodatelstvo-sssr/kodeksy/grazhdanskiy-protsessualnyy-kodeks-rsfsr-1923g/> (дата обращения: 07.02.2024).

тых дверях. Однако, само понятие публичного (общественно) интереса «не имеет четкого и однозначного определения ни в законодательстве, ни в научных источниках» [13, с. 19].

С принятием Конституции СССР 1936 г.⁹ принцип гласности находит отражение в ст. 111 и тем самым приобретает статус конституционного¹⁰.

Интересным представляется момент оглашения решения в суде. Согласно системному толкованию положений гл. 18 ГПК РСФСР 1923 г. публичному оглашению подлежала не только его резолютивная часть, но и мотивировочная с изложением оснований и законов, которыми суд руководствовался. Указанный подход не был свойственен дореволюционному законодательству. Как отмечает А. Ф. Клейнман, воспитательная функция суда должна способствовать пониманию, как необходимо выполнять обязанности по отношению к государству, другим гражданам, семье [7, с. 78]. «Судебное разбирательство должно быть проведено так, чтобы ... не только стороны, но и все присутствующие в судебном заседании поняли, почему так, а не иначе, решил суд, поняли, что именно только так, а не иначе, должно было быть разрешено данное дело» [7, с. 78].

Принципу гласности судебного разбирательства в ГПК РСФСР 1964 г.¹¹ посвящена ст. 9, согласно которой разбирательство дел во всех судах открытое. Перечень исключений включает случаи противоречия открытого процесса интересам охраны государственной тайны и разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц, а также обеспечения тайны усыновления (с 01.08.1980 г.)¹².

При разбирательстве дела в закрытом судебном заседании присутствовали лица, участвующие в деле, и их представители, представители общественных организаций и коллективов трудящихся, а в необходимых случаях также свидетели, эксперты и переводчики. В зал судебного заседания не допускались граждане моложе шестнадцати лет, если они не являлись лицами, участвующими в деле, или свидетелями. Решения судов во всех случаях провозглашались публично.

Аналогичные положения содержались в ст. 11 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 1 мая 1962 г.¹³ Кроме того, добавлены положения (с 09.10.1979 г.)¹⁴, касающиеся охраны тайны переписки и телеграфных сообщений, содержание которых может быть оглашено в открытом судебном заседании лишь с согласия лиц, между которыми переписка и телеграфные сообщения происходили.

Тексты судебных актов официальному опубликованию не подлежали. Как отмечает Е. Б. Абросимова, представление о необходимости существования свободного доступа ко всем судебным актам не является господствующим ни среди представителей судейского корпуса, ни среди научного сообщества. Однако определенные возможности существуют [1,

с. 136]. В частности, к ним относятся обобщения или обзоры судебной практики в форме постановлений пленумом ВС РФ и ВАС РФ.

Таким образом, мы видим плавное развитие принципа гласности гражданского процесса в советском государстве. Как справедливо отмечает Н. А. Чечина, последовательная реализация принципа гласности на всех стадиях процессуальной деятельности оказывает максимальное правовое воздействие на граждан в целях их воспитания [14, с. 541].

Однако нельзя забывать о необходимых ограничениях рассматриваемого принципа, ограничения постепенно расширяются, конкретизируются с целью недопущения их расширительного толкования и распространения требований гласности во всех случаях, когда ее осуществление являлось бы совершенно нецелесообразным [4, с. 97].

В отличие от дореволюционного законодательства в советский период воспитательной функции суда уделено особое внимание, в связи с чем оглашению подлежала, в том числе и мотивировочная часть, позволяющая публике понять, каким образом суд пришел к изложенному в решении результату.

Официального источника опубликования судебных решений также нет.

Гласность гражданского процесса в период цифровизации общества.

Современный ГПК РФ 2002 г. закрепляет принцип гласности в ст. 10. Норма является бланкетной, отсылает ко множеству нормативных актов, устанавливающих перечень существующих в Российской Федерации сведений ограниченного доступа.

Согласно ст. 10 ГПК РФ дела, по которым возможно проведение разбирательства в закрытом судебном заседании, можно разделить на две категории. Во-первых, те, которые содержат сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения), или данные, публичное оглашение которых запрещено в силу прямого указания закона (ст. 182 ГПК РФ). По указанной категории дел судебное разбирательство проходит в закрытом формате вне зависимости от ходатайства лиц, участвующих в деле, и удовлетворения требования судом. Во-вторых, те дела, которые содержат коммерческую или иную охраняемую законом тайну, затрагивают частную жизнь граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина.

Действительно, перечень ограничений приобретает достаточно конкретный вид, что сводит к минимуму необоснованные ограничения.

В науке отмечают, что при проведении судебного заседания в формате видеоконференц-связи и веб-конференции, можно столкнуться с несоблюдением принципов диспозитивности, состязательности, равноправия сторон, однако изложенный перечень не является исчерпывающим [12, с. 107-108]. Так, возможность участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ) не позволяет говорить о соблюдении гласности проводимого в таком виде судебного заседания, поскольку в законодательстве не закреплен механизм доступа граждан к таким судебным заседаниям, что может приводить к ряду злоупотреблений со стороны суда. Особенно рассматриваемый вопрос был актуален в период пандемии COVID-19, когда доступ всех желающих в залы судебных заседаний был ограничен, а возможность онлайн-участия для слушателей не предусмотрена [6, с. 83].

Спорным остается вопрос о допустимости предоставления доступа в зал судебного заседания лицу, не участвующему в деле, но желающему реализовать основополагающий

9 Конституция СССР 1936 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 07.02.2024).

10 Согласно Конституции СССР 1936 г. «разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту».

11 Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г. – № 24. – Ст. 407.

12 Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 августа 1980 г. «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1980 г. – № 32. – Ст. 987.

13 Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961 г. – № 50. – Ст. 526.

14 Указ Президиума ВС СССР от 9 октября 1979 г. № 886-X «О внесении изменений и дополнений в законодательство Союза ССР о гражданском судопроизводстве» // Ведомости Верховного Совета СССР от 1979 г. – № 42. – Ст. 697.

принцип судопроизводства – гласность¹⁵. Ст. 155.2 ГПК РФ закрепляет такую возможность исключительно для участников процесса, механизм предоставления такого права иным субъектам не предусмотрен. Указанное, на наш взгляд, является недостатком, поскольку не позволяет установить дополнительную гарантию реализации принципа гласности гражданского процесса.

Интересным является вопрос о публичном оглашении судебного решения. В целях защиты интересов несовершеннолетних публичное оглашение судебного решения, затрагивающего права и законные интересы таких лиц, публичному объявлению не подлежит (ч. 8 ст. 10 ГПК РФ). Что касается мотивировочной части, то, несмотря на изготовление решения в окончательной форме не в день оглашения резолютивной, суд устно разъясняет содержание вынесенного решения при его объявлении (ст. 193 ГПК РФ).

Впервые в российском законодательстве закреплена обязанность судов по размещению судебных решений в открытом доступе в сети «Интернет»¹⁶. В связи с этим в науке высказывают опасения относительно перечня сведений, подлежащих и не подлежащих исключению из публикуемых в сети «Интернет» судебных решений¹⁷. Так, отмечают, что удаление персональных данных из судебных актов приводит к искажению их содержания, утрате информативности и, в итоге, к потере смысла опубликования [8, с. 127]. В свою очередь, не все поддерживают изложенную выше позицию и считают необходимым исключение из судебного акта любых персональных данных в интересах защиты права на частную жизнь¹⁸.

Таким образом, с одной стороны, внедрение информационных технологий обеспечивает дополнительные гарантии реализации принципа гласности гражданского процесса (например, обязанность судов по опубликованию практически всех судебных решений в открытом доступе в сети «Интернет»), с другой стороны, создает ограничения, например, при проведении судебных заседаний с использованием веб-конференции при отсутствии законодательно закрепленного механизма предоставления доступа всем слушателям, а также приводит к возникновению новых проблем, касающихся необходимости достижения баланса между принципом гласности и недопущением нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

В ходе работы мы проанализировали трансформацию принципа гласности гражданского процесса на протяжении достаточно длительного периода истории и пришли к следующим выводам.

1. Возможность граждан присутствовать в судебном заседании как одно из проявлений принципа гласности (публичности процесса) претерпевала изменения в анализируемые периоды истории. В основном изменения касаются ограничений рассматриваемого права, в частности оснований для закрытия судебного заседания. В отличие от перво-

начально отраженных в законодательстве категорий дел, в связи с рассмотрением которых допускалось «закрытие дверей», современное регулирование предусматривает более конкретное регулирование. Однако внедрение элементов цифрового правосудия (например, ВКС, веб-конференции) при отсутствии надлежащим образом закрепленного механизма предоставления гражданам дополнительных гарантий реализации принципа гласности и сохранения базовых, свидетельствует о негативной тенденции в сторону ограничения принципа.

2. Несмотря на то, что публичное оглашение судебного решения было характерно для всех рассматриваемых периодов, необходимость обоснования судом сделанных выводов в открытом заседании перед публикой появилась лишь в советский период как воспитательная мера.

3. Публикация судебных решений в открытом доступе – важнейший шаг развития принципа гласности. Однако возникает проблема необходимости установления баланса между реализацией самого принципа и защитой персональных данных участников процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Абросимова Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. – Москва: Ин-т права и публич. Политики, 2002. – 144 с.
2. Васильевский Е. В. Курс гражданского процесса. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.
3. Гессен И. В. Судебная реформа. – Санкт-Петербург: Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905. – 267 с.
4. Гойхбарг А. Г. Курс гражданского процесса. – Москва, Ленинград: Гос. изд-во, 1928. – 320 с.
5. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Ист.-юрид. этюды. – Москва: тип. М. П. Щепкина, 1891. – 364 с.
6. Казиханова С. С. Веб-конференция как современная модель взаимодействия суда и участников процесса: недостатки правового регулирования и перспективы использования // Вестник университета им. Кутуфина (МГЮА). – 2023. – № 10. – С. 79-87.
7. Клейнман А. Ф. Гражданский процесс. – Москва: Юриздат, 1940. – 120 с.
8. Магомедова К. К. Проблема транспарентности в цивилистической процессуальной науке и практике: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2019. – 276 с.
9. Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года: Соч., напис. для получения степ. магистра гражд. права исправляющим должност. адъюнкт проф., канд. прав М. Михайловым. – Санкт-Петербург тип. К. Крайя, 1848. – 134 с.
10. Нефедьев Е. А. Учебник гражданского судопроизводства. – М., 1908.
11. Окс М. А. О публичности или гласности суда // Тр. Одес. юрид. о-ва. – 1891. – Т. 4. – С. 19-44.
12. Русакова Е. П., Зайцев В. В. Цифровизация через принципы судопроизводства (в гражданском и арбитражном процессе) // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18. № 4. – С. 105-109.
13. Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 19-25.
14. Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – 656 с.
15. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. – 632 с.

15 Онлайн-зритель в судебном заседании: разные подходы судов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/onlayn-zritel-v-sudebnom-zasedanii-raznye-podkhody-sudov/?ysclid=lsosies521580842971> (дата обращения: 07.02.2024).

16 Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6217.

17 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г. «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71684972/?ysclid=lsc221iv67754428172> (дата обращения: 07.02.2024).

18 Более подробно см. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. – Москва: Статут, 2019. – 510 с.

РЯЗАНЦЕВ Михаил Юрьевич

аспирант Московского финансово-юридического университета

СОВМЕСТИМОСТЬ АРБИТРАЖНЫХ СОГЛАШЕНИЙ ПО АРБИТРАЖНОМУ РЕГЛАМЕНТУ ICC

В статье исследуется подход Арбитражного регламента Международной Торговой Палаты (ICC) к определению понятия «совместимые арбитражные оговорки». Совместимость арбитражных соглашений определяет допустимость рассмотрения в одном производстве споров из нескольких контрактов. По Арбитражному регламенту ICC оценку совместимости арбитражных оговорок производит Суд ICC. Понимание того, какие арбитражные оговорки совместимы, может иметь существенное процессуальное значение для дела. Исследуемые в статье вопросы позволят участникам гражданского оборота принять тактическое решение об инициировании отдельных или объединенного арбитражного разбирательства.

Ключевые слова: арбитраж, объединение дел в одно производство, параллельные слушания, совместимые арбитражные оговорки.

RYAZANTSEV Mikhail Yurjevich

postgraduate student of the Moscow University of Finance and Law

COMPATIBILITY OF ARBITRATION AGREEMENTS UNDER THE ICC ARBITRATION RULES

The article examines the approach of the Arbitration Rules of the International Chamber of Commerce (ICC) to the definition of compatible arbitration agreements. Compatibility of arbitration agreements determines the possibility of consideration of disputes from several contracts in one proceeding. Under the ICC Arbitration Rules, the compatibility of arbitration clauses is assessed by the ICC Court. Understanding which arbitration clauses are compatible can have a significant procedural impact on the case. The article will allow the parties to decide whether to initiate separate or consolidated arbitration proceedings.

Keywords: arbitration, consolidation, compatible arbitration agreements.

Введение.

Международный арбитраж является краеугольным камнем современной глобализированной экономики, предлагая альтернативный механизм разрешения споров. Однако, наряду с ростом значимости, арбитраж сталкивается с присутствующими ему сложностями, связанными с многосторонними спорами и сопутствующими проблемами. Именно в этих условиях изучение консолидации и присоединения становится ключевой областью для эффективного управления международным арбитражем.

В арбитражных спорах редко участвуют только две стороны; скорее, они охватывают сложные сети юридических и физических лиц, каждое из которых имеет свои интересы и требования. Повсеместное распространение многосторонних споров обусловило острую потребность в механизмах, способных эффективно решать эти сложные задачи. Эта потребность выходит за рамки процессуального удобства, она затрагивает саму суть справедливости, равноправия и целостности арбитражного процесса. В этом и заключается важность объединения дел, поскольку они позволяют арбитрам разбираться в тонкостях многосторонних споров, обеспечивая надлежащее рассмотрение всех соответствующих вопросов и сторон.

Исследование проблемных вопросов, связанных с объединением дел в международном арбитраже, занимает важное место в современной юридической науке. Одним из таких вопросов является понятие термина «совместимые арбитражные соглашения». Настоящая статья рассматривает совместимость арбитражных соглашений применительно к Арбитражному регламенту ICC¹.

Правила Консолидации по Арбитражному регламенту ICC.

На основании статьи 10 Арбитражного регламента ICC «Суд ICC может по просьбе стороны объединить два или более арбитражных разбирательства, рассматриваемых в соответствии с Регламентом, в одно арбитражное разбирательство, если:

- а) стороны согласились на объединение; или
- б) все требования в арбитражных разбирательствах заявлены в рамках одного и того же арбитражного соглашения или соглашений; или
- в) требования в арбитражных разбирательствах не заявлены в рамках одного и того же арбитражного соглашения или соглашений, но арбитражные разбирательства проводятся между одними и теми же сторонами, споры в арбитражных разбирательствах возникают в связи с одним и тем же правоотношением, и Суд ICC признает арбитражные соглашения совместимыми»².

Гари Борн отмечает, что статья 10 Арбитражного регламента наделяет Суд ICC, а не арбитров, полномочиями выносить решение о консолидации (независимо от того, когда подается запрос). Это в свою очередь расширяет полномочия Суда ICC по сравнению с Регламентом ICC в прежней редакции, который разрешал консолидацию только до получения Приказа о процедуре [1, с. 2796].

Статья 10 Арбитражного регламента ICC предусматривает, что арбитражные разбирательства объединяются в арбитраж, который начался первым, если нет иной договоренности. С практической точки зрения это делает консолидацию проблематичной в случаях, когда стороны назначили разных арбитров в отдельных арбитражах: это приводит к тому, что арбитражный состав первого арбитража навязыва-

¹ Арбитражный регламент ICC от 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/>

² [sites/3/2020/12/icc-2021-arbitration-rules-2014-mediation-rules-english-version.pdf](https://www.iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2020/12/icc-2021-arbitration-rules-2014-mediation-rules-english-version.pdf).

² Арбитражный регламент ICC, ст. 10.

ется сторонам во всех последующих арбитражах. Это делает маловероятным, что консолидация будет (или может быть) назначена в делах с участием разных сторон (некоторые из которых не участвовали в выборе первого арбитражного состава). Арбитражный регламент ICC также не предусматривает полномочий для Суда ICC отменять назначения арбитров, которые уже были утверждены, что делает невозможным консолидацию дел, в которых уже были назначены различные арбитры [1, с. 2797].

Таким образом, статья 10 Арбитражного регламента ICC рассматривает три возможных сценария для объединения арбитражных дел в одно производство, один из которых предусматривает подачу требования по нескольким арбитражным соглашениям. Например: арбитраж 1 проводится между сторонами А и В с требованиями по арбитражному соглашению SPA, а арбитраж 2 - между теми же сторонами с требованиями по арбитражному соглашению между теми же сторонами с требованиями по арбитражному соглашению SNA. В этом сценарии консолидация может быть возможна, если споры в арбитражах вытекают из одного и того же правоотношения и суд сочтет эти арбитражные соглашения совместимыми [2, с. 5].

Совместимые арбитражные соглашения.

Суд ICC должен быть *prima facie* уверен, что несколько арбитражных соглашений совместимы друг с другом. Разумеется, каждое арбитражное соглашение должно быть соглашением об арбитраже в соответствии с Арбитражным регламентом ICC. Требование совместимости не означает, что арбитражные соглашения должны быть идентичными. Достаточно, чтобы они были совместимы друг с другом по существу. Например, если в одном арбитражном соглашении местом проведения арбитража указан Париж, а в другом - Нью-Йорк, или в одном арбитражном соглашении предусмотрены три арбитра, а в другом - один арбитр, то эти оговорки явно несовместимы (если только эти различия не устранены последующим соглашением сторон) [3, с. 81].

Совместимость арбитражных соглашений зачастую неочевидна. Если одно арбитражное соглашение предусматривает Париж в качестве места арбитража, или в другом ничего не говорится о месте арбитража, или одно предусматривает трех арбитров, а в другом ничего не говорится о количестве арбитров, то не обязательно существует несовместимость. В таких случаях при определении места арбитража в соответствии со статьей 18(1) Арбитражного регламента ICC или установлении числа арбитров в соответствии со статьей 12(1) Арбитражного регламента ICC можно устранить потенциальную несовместимость. Однако Суд ICC проявляет осторожность и сдержанность при принятии таких мер [3, с. 81].

Несовместимость может касаться также процессуальных вопросов. Например, если арбитражные соглашения предусматривают ведение разбирательства на разных языках. Другие примеры процессуальных несоответствий между арбитражными соглашениями включают ограничения по срокам (например, для подачи представлений или вынесения решений), положения о распределении арбитражных расходов, а также дополнительные или специальные полномочия, предоставленные арбитрам [3, с. 81].

Однако применение различного материального права к существу спора не рассматривается как несовместимость, поскольку арбитры не обязаны применять одно и то же материальное право ко всем требованиям, предъявляемым в арбитраже, а могут применять один закон к требованиям,

предъявляемым в соответствии с одним арбитражным соглашением, и другой закон к требованиям, предъявляемым в соответствии с другим [3, с. 81].

Несоответствия между арбитражными соглашениями всегда могут быть устранены последующими соглашениями между сторонами. Участие всех сторон в арбитражном разбирательстве и их согласие относительно того, как должно проходить арбитражное разбирательство, как правило, устраняет несоответствия любого рода между арбитражными соглашениями.

Дискреция Суда ICC.

Согласно статье 10 Арбитражного регламента ICC, Суд ICC по своему усмотрению может удовлетворить или отклонить просьбу о консолидации, если соблюдены требования подпунктов (a), (b) или (c) статьи 10 Арбитражного регламента ICC. Эта свобода усмотрения отражена в использовании термина «может» в начале статьи 10. При осуществлении своего усмотрения Суд может принять во внимание любые обстоятельства, которые он сочтет относящимися к делу, включая то, был ли один или несколько арбитров утверждены или назначены в более чем одном из арбитражных разбирательств, и если да, то были ли утверждены или назначены одни и те же или разные арбитры [3, с. 114].

После объединения ранее отдельные арбитражные разбирательства станут единым арбитражным разбирательством, решение по которому будет принимать единый состав арбитров, поэтому, если арбитры были утверждены в нескольких арбитражных разбирательствах и если эти арбитры являются разными лицами, Суд ICC не сможет объединить арбитражные разбирательства, поскольку невозможно сформировать единый арбитражный состав, если только разные арбитры не уйдут в отставку или не будут отстранены судом по просьбе сторон [3, с. 114].

Наконец, если Суд ICC принимает решение не объединять арбитражные разбирательства, он, тем не менее, может назначить один и тот же состав арбитров для рассмотрения обоих дел параллельно [3, с. 115].

Заключение.

По своей природе международные споры могут быть гораздо более сложными, чем внутренние. В международном арбитраже встречаются стороны с разным образованием, языками и культурами ведения бизнеса. В таких ситуациях обеспечение справедливости и равных условий может представлять значительные трудности. В связи с этим арбитражные процедуры развиваются с учетом этих сложностей, а объединение дел является важнейшим инструментом при рассмотрении споров. Крайне важным для объединения дел является совместимость арбитражных соглашений. Данная статья предоставляет участника споров более комплексное понимание данного термина.

Пристатейный библиографический список

1. Born GB, International Commercial Arbitration (3rd edn, Kluwer 2021).
2. International Chamber of Commerce, Note to Parties and Arbitral Tribunals on the Conduct of the Arbitration Under the ICC Rules of Arbitration (2021).
3. Mazza F and others, The Secretariat's Guide to ICC Arbitration (ICC, Paris 2012).

КУДРЯВЦЕВА Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права, сотрудник Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ЦАРЕВА Екатерина Дмитриевна

магистрант направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция», направленность подготовки «Правовое обеспечение и защита бизнеса» Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ОСОБЕННОСТИ ОСПАРИВАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА СУПРУГОВ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Статья посвящена изучению института брачного договора в процедуре банкротства гражданина. Одним из основных вопросов, исследуемых в данной статье, является оспаривание брачного договора как сделки. Признание договора недействительным может привести к изменению его условий или полной отмене. В процедуре банкротства важно соблюдать баланс интересов должника, кредиторов и третьих лиц. Заключение брачного договора имущественные права кредиторов могут часто нарушаться, поскольку в большинстве случаев прослеживается недобросовестное поведение должника. Путем изучения судебных решений авторы приходят к выводу, что в большинстве случаев договоры, заключенные в преддверии банкротства, могут быть оспорены.

Ключевые слова: раздел имущества между супругами, законный режим имущественных отношений между супругами, соглашение о разделе имущества супругов, неплатежеспособность, оспаривание сделок, активы в рамках конкурсного процесса.

KUDRYAVTSEVA Larisa Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of International private and business law sub-faculty employee of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

TSAREVA Ekaterina Dmitrievna

magister student of the direction of training 40.04.01 "Jurisprudence", focus of training "Legal support and business protection" of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

FEATURES OF CHALLENGING THE MARRIAGE CONTRACT OF THE SPOUSES IN THE BANKRUPTCY PROCEDURE

The article is devoted to the study of the institution of a marriage contract in the bankruptcy procedure of a citizen. One of the main issues explored in this article is the challenge of a prenuptial agreement as a transaction. Recognition of the agreement as invalid may lead to a change in its terms or complete cancellation. In bankruptcy proceedings, it is important to balance the interests of the debtor, creditors and third parties. By concluding a prenuptial agreement, the property rights of creditors can often be violated, since in most cases the debtor's unscrupulous behavior can be traced. By studying court decisions, the authors come to the conclusion that in most cases contracts concluded before the bankruptcy process can be challenged.

Keywords: division of property between spouses, the legal regime of property relations between spouses, agreement on the division of property of spouses, insolvency, contesting transactions, assets in the framework of the competitive process.

На общее имущество супругов, приобретенное в браке, обращено взыскание в процедуре банкротства. Вырученные с реализации общего имущества супругов денежные средства распределяются между кредиторами должника с выделением доли, принадлежащей супругу. При этом доли признаются равными, если соглашением или договором не установлено иное.

Существует несколько правовых режимов имущества супругов – законный и договорный. Согласно ст. 33 Семейного кодекса РФ, законный режим имущества супругов – это режим их совместной собственности. Если брачным договором не установлено иное, действует законный режим имущества.

Нормы о брачном договоре содержат гл. 8 Семейного кодекса. Под брачным договором следует понимать соглашение лиц, вступающих в брак или соглашение, которое определяет имущественные права и обязанности супругов в браке или в случае его расторжения [1]. Брачный договор мо-

жет быть заключен до государственной регистрации брака, но его юридическая сила возникает именно с момента регистрации брака. Кроме того, согласно положениям статьи 42 Семейного кодекса РФ брачный договор регулирует только имущественные права супругов, а личные неимущественные отношения не могут быть включены в договор.

При заключении брачного договора обязательным условием, является удостоверение договора у нотариуса. Без этого брачный договор признается ничтожной сделкой и юридически значимых последствий не имеет.

С 2015 года в законодательстве о банкротстве появилась возможность инициировать процедуру банкротства физическим лицам, которые не могут самостоятельно исполнять свои денежные обязательства перед кредиторами. Соответственно, в процедуре банкротства применяются все возможные меры по максимально возможному удовлетворению требований кредиторов. Для этого, назначенный в процеду-

Кудрявцева Л. В.

Царева Е. Д.

ре банкротства, финансовый управляющий должника формирует конкурсную массу, состоящую из ликвидного имущества, подлежащего реализации [2]. При недостаточности или отсутствии личного имущества должника – банкрота, взыскание подлежит на долю в совместно нажитом имуществе супругов.

В случае, когда законный режим имущества супругов изменен брачным договором, финансовый управляющий, и кредиторы должника проверяют действительность заключенного брачного договора на предмет оспаривания.

Брачный договор, как безвозмездная сделка, не должен нарушать баланс прав и интересов кредиторов и третьих лиц, которыми являются супруг должника и несовершеннолетние дети должника. К заключенным должниками брачным договорам применяются правила об оспаривании сделок, при этом такое оспаривание обладает определенной спецификой.

В научной литературе брачные договоры приравниваются к гражданско-правовым сделкам, поэтому оспаривание подобных договоров возможно на основании тех же принципов, которые применяются к оспариванию других сделок.

Важным моментом является распределение бремени доказывания на лицо, которое ставит под сомнение добросовестность и законность участников сделки. Для того, чтобы доказать недействительность сделки необходимо доказать следующие обстоятельства:

- причинение сделкой имущественного вреда кредиторам;
- целью заключения сделки являлось причинение имущественного вреда кредиторам;
- одна из сторон или обе стороны сделки знали или могли знать о том, что данная сделка принесет имущественный вред кредиторам [3].

Обратимся к конкретным примерам из судебной практики оспаривания брачных договоров.

По делу А09-754/2020 финансовый управляющий должника, признанного несостоятельным (банкротом), обратился в Арбитражный суд Брянской области с заявлением о признании недействительным брачного договора, заключенного 18.05.2018 г., и применении последствий недействительности оспариваемой сделки в виде восстановления законного режима имущества супругов с возвращением в конкурсную массу должника земельного участка.¹

Определением АС Брянской области заявление финансового управляющего удовлетворено. Суд мотивировала признание брачного договора недействительным, тем, что в результате его заключения произошло уменьшение стоимости имущества должника, которое делает невозможным удовлетворение за счет совместно нажитого имущества должника требований его кредиторов по обязательствам. Кроме того, суд установил, что данный брачный договор заключен с заинтересованным лицом, в условиях неплатежеспособности и недостаточности имущества должника. Поэтому его заключение привело к уменьшению стоимости имущества должника и нарушению законных интересов кредиторов.

В данном примере из судебной практики, можно заметить, что факт удовлетворения требований финансового управляющего по оспариванию брачного договора исходит из того, что данный договор был заключен в период подозрительности (в течение трех лет) до момента обращения с заявлением в суд о признании банкротом. На момент заключения брачного договора у должника уже имелась просроченная задолженность перед кредиторами. Поэтому должник, заключая данный договор, действовал недобросовестно с целью причинить вред имущественным правам кредиторов

путем вывода ликвидного имущества из состава конкурсной массы.

Приведем пример из судебной практики, в котором отказано в оспаривании брачного договора.

Финансовый управляющий по делу А41-34116/2020 обратился в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании брачного договора, заключенного между супругами 26.02.2014 г. недействительной сделкой.² Согласно брачному соглашению, жилой дом и земельный участок стали принадлежать одному из супругов в качестве личной собственности.

Определением АС Московской области в удовлетворении требований финансового управляющего отказано, поскольку отступление от законного режима имущества супругов само по себе не доказывает факт злоупотребления правом при заключении брачного договора. Кроме того, брачный договор заключен за периодом подозрительности. На момент его заключения у должника отсутствовали неисполненные денежные обязательства. Соответственно должник действовал добросовестно без цели причинения имущественного вреда кредиторам. Кроме того, судом установлено, что жилой дом и земельный участок, составляющие предмет брачного договора, являются единственным пригодным имуществом для проживания должника и членов его семьи и защищены исполнительским иммунитетом.

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что брачный договор обычно оспаривается в судебном процессе, если положения договора были заключены с намерением уклониться от обязанности исполнения обязательств по долгам перед кредиторами. Важными факторами, которые суд учитывает при принятии решения об оспаривании договора, являются момент заключения договора, наличие факторов, свидетельствующих о злоупотреблении правом, а также обстоятельства, подтверждающие целенаправленное причинение имущественного ущерба кредиторам или угрозу его причинения.

Однако следует отметить, что каждое дело рассматривается в суде исходя из конкретных обстоятельств и фактов, от которых и зависит решение суда. Поэтому важно анализировать актуальную судебную практику и заранее оценивать возможные риски, прежде чем заключать брачный договор.

Пристатейный библиографический список

1. Шереметьева Н. В. К вопросу обращения взыскания на имущество супругов, правовой режим которого установлен брачным договором, в спорах о банкротстве // Арбитражный и гражданский процесс – 2023. – № 1. – С. 44-48.
2. Кудрявцева Л. В, Царева Е. Д. Правовые аспекты реализации имущества супругов при банкротстве // Право и практика. – 2023. – № 4. – С. 204-208.
3. Гусев А. О. О некоторых вопросах оспаривания в делах о банкротстве брачных договоров // Арбитражные споры – 2021. – № 4. – С. 1-15.

1 Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2022 № 310-ЭС21-4462(3) по делу № А09-754/2020 // СПС Консультант Плюс.

2 Определение Верховного Суда РФ от 26.04.2022 № 305-ЭС21-25654(2) по делу № А41-34116/2020 // СПС Консультант Плюс.

АНОХИН Никита Евгеньевич

аспирант кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

К ВОПРОСАМ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ РАЗВЕДКИ

В статье рассматривается проблема определения правового статуса подразделения финансовой разведки, как одного из органов в системе органов государственной власти. Особый акцент сделан на раскрытие следующих аспектов правового статуса: определение роли, которую подразделение финансовой разведки будет играть в реализации защиты национальной безопасности государства и формирование на основе этого механизма финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, а также подробной классификации подразделений финансовой разведки по типам и влияние того или иного типа на правовой статус.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, система финансового мониторинга, ПОД/ФТ/ФРОМУ, подразделение финансовой разведки, модели организации органов государственной власти, автономность органов государственной власти.

ANOKHIN Nikita Evgenjevich

postgraduate student of Administrative and financial law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

TO QUESTIONS ON THE LEGAL STATUS OF A FINANCIAL INTELLIGENCE UNIT

The article considers the problem of determining the legal status of the financial intelligence unit as one of the bodies in the system of state authorities. Special emphasis is placed on revealing the following aspects of the legal status: defining the role that the financial intelligence unit will play in implementing the protection of national security and forming a mechanism of financial monitoring in the field of AML/CFT/FPWMD based on this, as well as detailed classification of financial intelligence units by types and the influence of each type on the legal status.

Keywords: financial monitoring, financial monitoring system, AML/CFT/FPWMD, financial intelligence unit, models of organization of state authorities, autonomy of state authorities.

Сфера регулирования системы финансового мониторинга, которая включает в себя преступления в сфере легализации преступных доходов, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения (далее – ПОД/ФТ/ФРОМУ), известна правовому сообществу сравнительно недавно, а именно начиная со второй половины 20-го века. За более полувековую историю развития механизмов правового регулирования финансового мониторинга удалось достичь впечатляющих результатов по выявлению, пресечению и расследованию преступлений такой направленности. В основе любой системы финансового мониторинга лежит соответствующее законодательство. Данное законодательство, определяет правовой механизм противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения; определяет органы, организации и лиц, участвующих в системе, их права, обязанности и функции. Следующим элементом данной системы являются субъекты финансового мониторинга – уполномоченные органы и организации, осуществляющие функции в данной сфере. По нашему мнению, вне зависимости от классификации можно выделить три вида субъектов финансового мониторинга – уполномоченный орган, надзорные органы и агенты. Создание и выделение в самостоятельную структуру уполномоченного органа, так же именуемого подразделением финансовой разведки (далее – ПФР) стало именно тем прогрессом в реформировании системы финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, которое стало решающим элементом борьбы с организованной преступностью, коррупцией и финансированием терроризма и поддержания целостности финансовых рынков.

По нашему мнению, одним из прототипов формирования ПФР является создание Внешней разведки Германии (Bundesnachrichtendienst, BND) в 1956 году во время Холодной войны. BND активно занималась сбором разведывательной информации о финансовых операциях и перемещении средств в государствах-членах Варшавского договора. В 1970-х годах, в особенности после терактов в Мюнхене в 1972 году,

некоторые страны создали специальные отделы или подразделения, которые занимались отслеживанием и преследованием финансирования международного терроризма. Примером такого подразделения является французская Финансовая разведка (Traitement du Renseignement et Action contre les Circuits FINANciers clandestins (TRACFIN), созданная в 1984 году, которая в настоящее время является одной из ведущих организаций в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Великобритания имеет Службу финансовой разведки (Financial Intelligence Unit (FIU), основанную в 1993 году. В Канаде финансовая разведка осуществляется Канадским центром финансовых операций и анализа (Financial Transactions and Reports Analysis Centre of Canada (FINTRAC), созданным в 2000 году. Германия учредила Центр финансовых расследований и анализа (Financial Intelligence Unit (FIU-Germany), который начал свою деятельность в 2002 году. В этот список также, можно включить: Финансовую разведку Италии (L'Unita di informazione finanziaria per l'Italia (UIF); Центр финансовой разведки Австралии (Australian Transaction Reports and Analysis Centre (AUSTRAC); Федеральную службу по финансовому мониторингу Российской Федерации (Росфинмониторинг), Государственной административной инспекции Китая (State Administration for Market Regulation) и многие другие. В США же было создано Бюро финансовой разведки (FinCEN) и Национальный центр по борьбе с финансированием терроризма (NTC) для координации действий и обмена информацией между различными правоохранительными и финансовыми органами. Начиная с 1990-х годов количество ПФР значительно увеличилось, и к 2004 году группа «Эгмонт» (основана в 1995 году и является неофициальная международная ассоциация ПФР), насчитывала уже 94 члена. В 2023 году число членов достигло более 170. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в 2003 году приняла пересмотренный набор рекомендаций, в котором были включены прямые рекомендации относительно создания и функционирования ПФР. Согласно этим рекомендациям, каждая страна должна создать ПФР или аналогичное ей подразделение, которое будет

иметь надлежащие юридические полномочия и ресурсы для эффективной борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Рекомендации включают следующие основные принципы и функции, которыми должны руководствоваться ПФР при осуществлении своей деятельности:

Во-первых, Сотрудничество и обмен информацией: ПФР должны активно сотрудничать с другими национальными и международными органами, а также обмениваться информацией для выявления и пресечения финансовых преступлений;

Во-вторых, Анализ и расследование: ПФР должны осуществлять анализ финансовой информации и проводить расследования для выявления незаконной деятельности, отмывания денег и финансирования террористических организаций;

В-третьих, Мониторинг финансовых транзакций: ПФР должны следить за финансовыми транзакциями и сделками, особенно теми, которые могут быть связаны с финансовыми преступлениями или терроризмом;

В-четвертых, Установление стандартов и тренинг: ПФР должны разрабатывать и внедрять стандарты и методы работы, а также обучать своих сотрудников для эффективной борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма;

В-пятых, Обязанность отчетности: ПФР должны представлять регулярные отчеты о своей деятельности и результатам анализа финансовой информации вышестоящим органам и другим заинтересованным структурам [7].

При обозначении правового статуса ПФР и анализируя вышеуказанные рекомендации группы «Эгмонт» возникает вопрос: «Что же такое ПФР?» В своем самом простом виде ПФР — это орган, который получает информацию о подозрительных операциях от финансовых учреждений и других структур и лиц. Он анализирует эту информацию и передает подготовленные сообщения местным правоохранительным органам и зарубежным ПФР с целью борьбы с отмыванием денег или финансированием терроризма. Согласно предложению группы «Эгмонт» определению: «ПФР — это орган, выполняющий функции национального центра для получения и анализа сообщений о подозрительных операциях и другой информации, касающейся отмывания денег, связанных с этим основных преступлений и финансирования терроризма, а также для распространения результатов этого анализа. Данный орган, должен иметь возможность получать дополнительную информацию от отчитывающихся субъектов и своевременный доступ к финансовой, административной и правоохранительной информации, необходимой ей для надлежащего выполнения своих функций [1].» По нашему мнению, ПФР — это специализированный государственный орган, осуществляющий сбор информации о рисках осуществления финансовых операций, связанных с преступной деятельностью, а также проводящий обработку и анализ этой информации с целью выявления, и пресечения преступных деяний, таких как отмывание денег, финансирование терроризма и коррупция. Пресечение преступных деяний осуществляется при помощи сотрудничества с правоохранительными органами и государственными структурами, уполномоченными осуществлять комплекс заградительных и профилактических мер, направленных на борьбу с преступлениями. Основной задачей такого органа является проведение совместных с другими органами и структурами мероприятий по контролю за целостностью национальной безопасности государства по линии финансовой безопасности и пресечения преступности в финансовом секторе государства.

Следующий вопрос, на который следует ответить при определении правового статуса ПФР является: «Зачем создается ПФР?» Факт создания ПФР свидетельствует о решимости властей страны повысить приоритетность борьбы с финансовыми правонарушениями, преступлениями террористической направленности и улучшить международное сотрудничество с другими странами в этой области. Если ПФР успешно функционирует, то оно может сделать значительный вклад в противодействие таким преступлениям на национальном и международном уровне. В процессе создания ПФР власти могут учитывать призывы к реформированию национальной

системы финансового мониторинга от представителей международного сообщества, однако решения о функциях ПФР и методах его деятельности должны опираться на политические цели страны в области борьбы с преступностью, а также на доступные ресурсы и приоритеты национальной безопасности. При возложении обязанностей на ПФР также необходимо учитывать обязанности существующих национальных органов, занимающихся борьбой с финансовой преступностью, включая правоохранительные и надзорные органы, а также директивные государственные органы. Кроме того, создание ПФР предполагает использование государством бюджетных средств. Для обеспечения эффективного управления государством необходимо определить цели, которые преследует создание ПФР, и предоставить ему достаточные ресурсы для успешного выполнения этих целей. Важно не обременять ПФР широким кругом обязанностей, которые оно не сможет выполнить с учетом выделенных для него ресурсов. В некоторых случаях другие организации, обладающие ресурсами и опытом, могут быть способны выполнить определенные функции по осуществлению финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ. Следует стремиться к дублированию функций, а в случае неизбежности необходимо создать механизмы координации для минимизации конфликтов и достижения максимального сотрудничества между соответствующими организациями. Для обеспечения эффективности работы ПФР обязательно необходима государственная поддержка. Эта поддержка должна гарантировать принятие закона о создании ПФР, а также обеспечивать регулярное выделение достаточного бюджетного финансирования для достижения поставленных перед ним целей. Изучение круга проблем, связанных с формированием механизма финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ в аспекте создания ПФР, а также определение роли, которую ПФР будет играть в реализации защиты национальной безопасности страны, позволяет выделить перечень элементов нужных для создания работоспособного ПФР. По нашему мнению, к этим элементам можно отнести:

Во-первых, Основные цели, которые ПФР будет осуществлять;

Во-вторых, Полномочия и функции, необходимые для достижения этих целей;

В-третьих, Дополнительные функции, какие еще должен выполнять ПФР, помимо основных (например, надзор за сообщениями от агентов финансового мониторинга или блокирование нежелательных финансовых операций);

В-четвертых, Обеспечение операционной самостоятельности или же подотчетности ПФР другими органам государственной власти;

В-пятых, Основные требования к представлению информации об операциях (включая информацию о подозрительных операциях, операциях с наличными средствами и пересечениях границ);

В-шестых, Общие характеристики ПФР (такие как бюджетные расходы или количество сотрудников, которые будут работать с ожидаемым объемом входящей информации и дополнительные обязанности, возлагаемые на ПФР);

В-седьмых, Роль ПФР в контексте других национальных органов и организаций, а также взаимодействие и обмен информацией с ПФР других стран;

В-восьмых, Место ПФР в структуре административных органов, уровень автономии и подотчетности, а также меры, обеспечивающие оценку его эффективности.

Кроме этого, при создании ПФР нельзя игнорировать проведение мероприятий по консультированию с представителями частного сектора (Например, к данному сектору можно отнести следующих субъектов: кредитные организации, профессиональных участников рынка ценных бумаг, страховые организации, лизинговые организации, кредитные потребительские кооперативы, а также лиц, осуществляющих определенные виды деятельности: оказание юридических и бухгалтерских услуг, нотариусов, адвокатов, риелторов и других [2]). По нашему мнению, это нужно сделать по следующим причинам:

Во-первых, государство имеет возможность создать доверие к новообразованному ПФР через консультации с представителями частного сектора, которые будут обязаны выступать агентами финансового мониторинга (информировать

его о сомнительных операциях и своевременно подавать документацию для анализа и постановки на учет);

Во-вторых, такие консультации должны способствовать пониманию новых правовых обязанностей, возлагаемых на представителей частного сектора;

В-третьих, консультации могут быть полезны представителям частного сектора для комплексного планирования будущих обязанностей, а также самому ПФР для разработки требований к сообщениям о финансовых операциях, сбору и оформлению документации, которые можно своевременно исполнить;

В-четвертых, для субъектов, представляющих сообщения, предварительные консультации будут позволять им сформировать представление о своих будущих обязательствах, ответственность за их невыполнение и учесть необходимость разработки алгоритма для их выполнения.

Если же говорить про преимущества проведения консультаций для государства, то они будут заключаться, по нашему мнению, в том, что проведение предварительных консультаций с частным сектором на раннем этапе позволит государству подчеркнуть преимущества новой системы для финансовых и других учреждений, которые должны будут предоставлять информацию о финансовых операциях в ПФР. Преимущества заключаются в том, что создание ПФР и внедрение системы механизма финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ позволит снизить риски мошенничества, отмывания денег и других финансовых преступлений, совершаемых зачастую через учреждения частного сектора. Кроме того, в процессе консультаций можно подчеркнуть, что система будет основана на международных стандартах, что обеспечит защиту финансовой и экономической безопасности страны.

После определения целей создания ПФР следует решить вопрос с выбором модели организации ПФР. В течение нескольких лет страны создавали подразделения ПФР с основной целью борьбы с отмыванием денег. Обычно эти подразделения выполняют три основные функции, которые входят в определение ПФР. Однако административные механизмы, используемые для выполнения этих функций, различаются. По нашему мнению, эти различия связаны со спецификой конъюнктуры правового и политического устройства каждой страны и тем, что в начале 1990-х годов, когда были созданы первые подобные органы, не существовало общей модели ПФР, которая была бы признана международным стандартом. Например, в некоторых странах особое внимание уделялось роли ПФР в качестве дополнительного инструмента правоохранительных организаций для борьбы с отмыванием денег и другими финансовыми преступлениями (Кипр, Люксембург, Словакия). Это привело к созданию ПФР в составе органов, осуществляющих следственную или надзорную деятельность. Другие страны указывали на необходимость наличия «буфера» между финансовыми учреждениями и правоохранительными органами, поэтому эти страны создавали ПФР, как обособленный орган от данных структур (Россия, Канада, Чешская Республика). Группа «Эгмонт» выделяет четыре модели организации ПФР: судебную, правоохранительную, административную и смешанную [1]. Большинство отечественных и зарубежных ученых в своих работах придерживаются этой классификации. Например, Пол Аллан Скотт выделяет следующую классификацию по типам ПФР: «Широкое разнообразие механизмов организации ПФР можно представить в рамках четырех общих категорий: ПФР административного типа, ПФР правоохранительного типа, ПФР судебного или прокурорского типа и «смешанный», или «гибридный» тип ПФР [3].

Раскроем правовой аспект организации каждого из типов ПФР подробнее:

Административный тип ПФР. Обычно ПФР административного типа входят в состав административного органа или ведомства, которое не является частью правоохранительной или судебной системы, или функционируют под его контролем. Иногда они выступают как отдельное ведомство, чья деятельность подлежит надзору со стороны определенного министерства или административного органа («автономные»), либо функционируют в ведомстве, на которое такой надзор не распространяется («независимые»). Основой функционирования такого типа ПФР является создание админи-

стративно-правового «буфера» между финансовым сектором (а также структурами и специалистами, ответственными за предоставление информации, как агенты финансового мониторинга) и правоохранительными органами, которые занимаются расследованием и привлечением к ответственности за финансовые преступления. По нашему мнению, реализация административно-правового «буфера» между финансовым сектором и правоохранительными органами нужна в том случае, когда у финансовых учреждений возникают спорные ситуации, когда они сталкиваются с подозрительными операциями или необычным характером поведения среди клиентов при осуществлении своей финансово-хозяйственной деятельности, но не имеют доказательств того, что такие операции связаны с преступной деятельностью или что клиент, участвующий в них, является участником преступной схемы. Поэтому они предпочитают не информировать правоохранительные органы о выявленных фактах, потому что опасаются, что их аналитическое заключение и предположение о возможной противоправной деятельности может стать необоснованным обвинением по нормам уголовного права, основанным на неправильном толковании фактов с точки зрения уголовного законодательства. Таким образом, если ПФР является административного типа, то оно будет выступать «буфером» при передаче ей информации от представителей финансового сектора для дальнейшей аналитики и передаче в правоохранительный орган. Представители финансового сектора снимают с себя ответственность за неверное предположение о возможной противоправной деятельности, а правоохранительный орган получает подтвержденный факт об осуществлении противоправной деятельности от ПФР для дальнейшего расследования и судебного преследования. На практике, чаще всего ПФР административного типа функционируют в составе министерства финансов, центрального банка или регулирующего органа. Однако существуют примеры независимости от других государственных структур (Например, например, Группа обработки финансовой информации (CTIF/CFI) в Бельгии, находящийся под управлением Министерства Финансов и Министерства Юстиции Королевства Бельгии, в состав управления которого включены ряд ведущих экономических экспертов государства [4]). Когда принимается решение о создании ПФР вне ведения правоохранительной системы (в том числе и административного типа), также законодательно закрепляется функциональное назначение ПФР, которое чаще всего сводится только к получению, анализу и передаче подозрительных операций и других сообщений, а не проводить расследование или выступать в роли обвинителя. Также, на полномочия ПФР по раскрытию информации, содержащейся в операционных сообщениях, законодательно накладываются ограничения, чтобы сохранить их конфиденциальность. Кроме этого, на ПФР такого типа может налагаться или не налагаться ответственность, предусмотренная законодательством, за соблюдения нормативных актов или же нарушение сроков, процедур обработки и предоставления информации. Если выделять преимущества и недостатки данного типа ПФР, то, по нашему мнению, к основному преимуществу можно отнести, что ПФР играет роль посредника между финансовыми секторами, которые обязаны предоставлять информацию, и правоохранительными органами. Это позволяет избежать прямых институциональных связей между этими представителями финансового сектора и правоохранительными органами, но при этом обеспечивает передачу подтвержденной информации о противоправной деятельности в правоохранительные органы. Таким образом, агенты финансового мониторинга чаще раскрывают информацию, если им известно, что ее передача будет дополнительно анализироваться ПФР. Если же говорить о недостатках такого типа, то к ним можно отнести следующее: несамостоятельность ПФР, как органа государственной власти. При том типе устройства ПФР в большей степени подвержены прямому контролю со стороны надзорных и вышестоящих в иерархии государственных органов (исключением являются ПФР, которые обладают полной независимостью). Также, ПФР не будет обладать нужным количеством инструментов для сбора вещественных доказательств, которым пользуются правоохранительные и судебные органы. Кроме этого, не являясь частью правоохранительной системы, взаимодействие ПФР

и правоохранительного органа будет порождать задержку при применении мер уголовного процессуального законодательства, таких, например, как ограничения свободы подозреваемого на основании подтвержденных фактов противоправной деятельности исходящей из анализа информации о подозрительных финансовых операциях.

Правоохранительный тип ПФР. В ряде стран (к ним можно отнести Германию, Ирландию, Исландию, Швецию и Эстонию, смещение акцента при формировании системы финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ в сторону сплоченной работы правоохранительных органов и работы ПФР привело к ее интеграции в структуру правоохранительных органов, так как это было самым удобным способом создать учреждение с полномочиями правоохранительных органов, без необходимости создания с нуля новой организации и как следствие разработки новых административно-правовых основ. В отношении выполнения задач по осуществлению задач системы финансового мониторинга ПФР будет тесно сотрудничать с другими правоохранительными подразделениями, например, с отделом по борьбе с финансовыми преступлениями и коррупцией, и будет воспользоваться предоставленными ими знаниями, опытом и информационными ресурсами. В свою очередь, информация, полученная ПФР, станет более доступной для правоохранительных органов и может использоваться в любом уголовном расследовании. Обмен информацией, также может осуществляться через использование существующих национальных и международных сетей для обмена информацией о трансграничной преступности. ПФР, функционирующий как правоохранительный орган или его часть, обычно обладает полномочиями, которые присущи правоохранительным органам. Для него не требуются получать процессуального разрешения для специальных полномочий по осуществлению оперативнорозыскной деятельности и следственной деятельности в соответствии с законодательством. Это обеспечивает своевременное и эффективное осуществление правоохранительных полномочий про необходимости. Если выделять преимущества и недостатки данного типа ПФР, то, по нашему мнению, к основному преимуществу можно отнести возможность при вопросе о создании ПФР использования существующий государственный институт и обход необходимости создавать новое ведомство; использование финансовой информации, полученной в ходе осуществления работы системы финансового мониторинга в целях правоохранительной деятельности; более оперативная реакция со стороны правоохранительных органов на преступления в финансовом секторе; возможность обмена информацией о трансграничной финансовой преступности с использованием развитых международных сетей обмена, например таких как Интерпол. Если же говорить о недостатках такого типа, то к ним можно отнести следующее: правоохранительные органы могут не обладать достаточным уровнем компетенции при проведении анализа фактов о противоправных действиях в финансовой сфере, что может затруднить взаимодействие и диалог с представителями финансового сектора; для доступа к полным данным финансовых организаций (за исключением тех операций, о которых имелись сведения) требуются, как правило процессуальное разрешение или же заведение уголовного дела; агенты финансового мониторинга могут отказывать в передаче данные правоохранительным органам, ссылаясь на то, что предоставленная информация может быть использована для осуществления деятельности, которую можно будет квалифицировать ,как превышение должностных полномочий представителем правоохранительного органа или же для осуществления расследования по делам, связанным с преступлениями, которые не будут относиться к деяниям, которые не являются объектом выявления системой финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ.

ПФР судебного или прокурорского типа. Такого рода ПФР создаются в рамках ветви государственной власти, которая чаще всего находится под контролем прокуратуры или же судебной власти. Примеры таких организаций можно встретить в странах с правовой традицией континентальной Европы, где государственные обвинители являются частью судебной системы и имеют полномочия, которые распространяются также на следственные органы. Благодаря этому они могут руководить уголовными расследованиями и осу-

ществлять надзор за ними. При реализации системы финансового мониторинга с привлечением ПФР такого типа сообщения о подозрительной финансовой активности обычно передаются в прокуратуру, которая, проводя дополнительные мероприятия по оценке и анализу входящей информации в выделенном внутри ее структуры ПФР может подтвердить или опровергнуть подозрения об осуществлении противоправной деятельности. Если же подозрения подтверждаются, то в таких ситуациях, имеет место быть применение исполнения судебных полномочий (включая арест средств, блокировку счетов, проведение допросов, задержание подозреваемых и проведение обысков). ПФР судебного и прокурорского типа могут быть эффективными в странах, где законы о банковской тайне настолько строги, что сотрудничество с финансовыми учреждениями требует прямого взаимодействия с органами суда или прокуратуры. По нашему мнению, выбор прокуратуры в качестве организации, в рамках которой будет сформирована ПФР, не исключает возможности создания отдельной службы, специализирующейся на финансовых расследованиях в рамках самостоятельного органа или же входящей в состав правоохранительного органа. Кроме того, нельзя игнорировать факт, что в финансовом секторе существует стабильное доверие к судебной системе, основанному на принципе независимости, которое наблюдается во многих европейских странах. Говоря про преимущества и недостатки такого типа ПФР, стоит заметить, что, по нашему мнению, главным преимуществом такого типа ПФР является то, что информация, предоставляемая агентами финансового мониторинга, передается непосредственно в орган, входящий в состав судебной системы, что обеспечивает более высокую степень независимости от вмешательства от различных заинтересованных структур и лиц. Кроме этого, к преимуществам можно отнести незамедлительное применение процессуальных механизмов по итогам анализа финансовой информации. Если же говорить про недостатки, то они схожи с вышеуказанными в статье недостатками ПФР правоохранительного типа.

ПФР «гибридного» типа. Этот тип ПФР включает разные комбинации административно-организационных схем, о которых написано выше. Такой гибридный орган пытается использовать преимущества всех элементов организации одновременно. Некоторые ПФР сочетают характеристики административного и правоохранительного типов, в то время как другие могут иметь как полномочия таможенных органов, так и правоохранительных. В некоторых странах это произошло в результате объединения двух разных ведомств, которые занимались борьбой с отмыванием денег и прочими финансовыми преступлениями. Следует отметить, что в некоторых ПФР, включенных в категорию подразделений административного типа, работают сотрудники разных регулирующих и правоохранительных органов, продолжая выполнять функции своего первоначального места службы. Примерами странами с ПФР «гибридного» типа являются Дания, Норвегия, Остров Гернси и Остров Джерси.

Исходя из анализа различных типов ПФР возникает вопрос о месте ПФР в структуре органов государственной власти. Одни ПФР создаются как самостоятельные органы, которые не относятся к какой-либо ранее существовавшему органу государственной власти, тогда как другие создаются как части уже существующих министерств или ведомств. ПФР, которое не входит в состав уже существующей государственной структуры, скорее всего, будет иметь больше независимости в своей деятельности по сравнению с подразделением в составе министерства. Более того, ПФР, включенный в состав независимого государственного ведомства, например, Центрального банка, вероятно, будет более независимым от правительства в сравнении с ПФР, входящим в состав министерства. Однако, даже ПФР, созданные в рамках уже существующей государственной структуры, обладают различным уровнем автономии. Некоторые ПФР создаются как отделы министерства или управления. Например, в Чешской Республике (Finanční analytický útvar (FAU – CR) – Финансовое аналитическое подразделение) полномочия ПФР переданы министерству финансов и осуществляются одним из его отделов [8]. В других странах ПФР входят в состав министерства, но обладают большей степенью автономии. В США Финансовый разведывательный центр (Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN) изначально был создан

как агентство министерства финансов США, а после событий 11 сентября 2001 года был реорганизован в бюро, получив более высокий и независимый статус в рамках этого министерства [9]. Даже в случае, если ПФР входит в состав министерства или управления, уровень его автономии может быть определен специальными положениями действующего законодательства относительно введения документооборота или же назначения, снятия с должности руководителя ПФР.

Рассмотрим данный вопрос и вопрос про типы ПФР на примере ПФР Российской Федерации – Росфинмониторинга. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июня 2004 года № 307 Росфинмониторинг является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по ПОД/ФТ/ФРОМУ, а также в разработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию и координации деятельности в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти [5]. Анализ норм Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу позволяет выделить следующие основные функции этого органа (Положение о Федеральной службе по финансовому мониторингу, постановления Правительства РФ от 27.10.2007 № 708): нормотворческая; информационно-аналитическая и методологическая; контрольно-надзорная; административная; координирующая; превентивная; правоохранительная и функция международного сотрудничества. Росфинмониторинг наделен специальной компетенцией, осуществляющей функции контроля и надзора в области ПОД/ФТ/ФРОМУ и выполняющей задачу обеспечения финансовой безопасности государства. Это орган исполнительной власти, действующий от имени государства и наделенный властными полномочиями, выполняющий задачи и функции в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ с помощью присущих ему форм и методов деятельности. Росфинмониторинг не входит в систему правоохранительных органов государства, не является субъектом оперативно-розыскной деятельности и, соответственно, обладает иными полномочиями, чем они, ограничиваясь использованием контрольно-финансовых методов ведения своей деятельности. Это самостоятельный орган исполнительной власти с ярко выраженными контрольными функциями, являющийся центральным связующим звеном в системе ПОД/ФТ/ФРОМУ. Руководство деятельностью Федеральной службы по финансовому мониторингу осуществляет Президент Российской Федерации. Надзорную деятельность за Росфинмониторингом осуществляет Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Таким образом, по нашему мнению, Росфинмониторинг является примером ПФР административного типа с надзорными функциями, чья деятельность подлежит надзору со стороны органов прокуратуры и аппарата президента Российской Федерации, что делает его органом государственной власти с высокой степенью автономии.

В заключении можно сказать, что ПФР — это специализированный государственный орган, осуществляющий сбор информации о рисках осуществления финансовых операций, связанных с преступной деятельностью, а также проводящий обработку и анализ этой информации с целью выявления, и пресечения преступных деяний, таких как отмывание денег, финансирование терроризма и коррупция. Пресечение преступных деяний осуществляется при помощи сотрудничества с правоохранительными органами и государственными структурами, уполномоченными осуществлять комплекс заградительных и профилактических мер, направленных на борьбу с преступлениями. Основной задачей такого органа является проведение совместных с другими органами и структурами мероприятий по контролю за целостностью национальной безопасностью государства по линии финансовой безопасности и предотвращения преступности в финансовом секторе государства. ПФР делятся на четыре типа: ПФР административный тип, правоохранительный тип, судебного или прокурорского типа и «смешанный», или «гибридный» тип. В зависимости от типа одни ПФР создаются как самостоятельные органы, которые не относятся к какой-либо ранее существовавшему органу государственной власти, тогда как другие создаются как части уже существующих министерств или ведомств. Тип ПФР в первую очередь влияет на уровень самостоятельности и объем функционала и полномочий. На формирование правового статуса подразделения финансо-

вой разведки влияют многие факторы. По нашему мнению, при создании или реорганизации ПФР нужно руководствоваться рядом аспектов: нужно выявить основные цели и задачи, которые будет осуществлять ПФР; нужно определиться с выбором типа ПФР для беспрепятственной реализации функций, уполномоченного органа в системе финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ; определившись с типом ПФР нужно регламентировать полномочия и функции, необходимые для достижения целей, поставленных перед руководством ПФР; выстроить систему контроля за работой ПФР, разработать алгоритм оценки эффективности осуществляемых функций, а также нельзя игнорировать предложений и советов от представителей частного финансового сектора (агентов финансового мониторинга).

Пристатейный библиографический список

1. Financial Intelligence Units (Egmont Group). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://egmontgroup.org/en/content/financial-intelligence-units-fius> (дата обращения: 21.12.2023).
2. Контроль в современной России: вопросы теории и практика правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2013 – 312 с.
3. P. A. Schott, 2003, Reference Guide to Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism (Washington: World Bank and International Monetary Fund). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/b135c8cf-9533-5612-bf7a-1ee82859525c/content> (дата обращения: 21.12.2023).
4. «Группа обработки финансовой информации» (CTIF) – Финансовая разведка Бельгии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ctif-cfi.be (дата обращения: 21.12.2023).
5. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу» от 23 июня 2004 года (Утратило силу с 25 сентября 2012 года на основании постановления Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2012 года № 915). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901900961> (дата обращения: 21.10.2023).
6. Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу» от 27 октября 2007 года (Утратило силу с 25 сентября 2012 года на основании постановления Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2012 года № 915). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902068686> (дата обращения: 21.12.2023).
7. 40 рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег - Financial Action Task Force, FATF). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901934985> (дата обращения: 21.12.23).
8. Act No 61 Coll. of February 15, 1996, on Selected Measures against Legitimization of Proceeds from Criminal Activities and on the Amendment of Related Legislation, Article 17, paragraph (2) (Закон No 61 Свода от 15 февраля 1996 года об отдельных мерах по предотвращению легализации доходов от преступной деятельности и о внесении изменений и дополнений в соответствующие законодательные акты, статья 7, пункт (2); Законодательство Чешской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Czech_Republic/CZ_Act_on_Measures_against_the_Legalisation_of_the_proceeds_of_crime.pdf (дата обращения: 21.12.2023).
9. FinCEN Strategic Plan for the fiscal years 2003–2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hsd1.org/c/abstract/?docid=5303> (дата обращения: 21.12.2023).

ФАРИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются теоретические и правовые основы финансовой деятельности субъектов финансовых правоотношений. В исследовании проанализированы содержание, формы и специфика финансовой деятельности на основе ее дифференциации на публичную и частную. Обосновывается прямая взаимосвязь финансово-правового статуса субъектов общественных отношений, который выражается в совокупности прав, обязанностей, полномочий, и содержания финансовой деятельности ими осуществляемой. Установлено, что публичная финансовая деятельность, осуществляемая государством и муниципальными образованиями, представлена более объемной системой форм, обусловленных наличием властных полномочий у соответствующих субъектов правоотношений. Частная же финансовая деятельность, как правило, остается за пределами научного интереса в рамках исследований юридической направленности. Между тем, констатируется важное значение частной финансовой деятельности в условиях рыночной экономики, развития предпринимательства, обеспечения двусторонней связи государства и населения.

Ключевые слова: финансовое право, налоговое право, финансовая система, финансовая деятельность, публичная финансовая деятельность, частная финансовая деятельность, финансовые правоотношения, финансово-правовой статус.

FARIKOVA Ekaterina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the North Caucasian branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

FINANCIAL ACTIVITY AS A WAY TO REALIZE THE FINANCIAL-LEGAL STATUS OF SUBJECTS

The article discusses the theoretical and legal foundations of the financial activities of subjects of financial legal relations. The study analyzes the content, forms and specifics of financial activity based on its differentiation into public and private. The article substantiates the direct relationship between the financial and legal status of subjects of public relations, which is expressed in a set of rights, duties, powers, and the content and forms of their financial activities. Public financial activities carried out by the state and municipalities are represented by a more voluminous system of forms due to the presence of powers of the relevant subjects of legal relations. Private financial activity, as a rule, remains outside the scope of scientific interest in the framework of legal research. Meanwhile, the importance of private financial activity in a market economy, the development of entrepreneurship, and ensuring two-way communication between the state and the population is stated.

Keywords: financial law, tax law, financial system, financial activity, public financial activity, private financial activity, financial legal relations, financial-legal status.

Фарикова Е. А.

Финансовая сфера является важнейшим элементом как экономической, так и правовой системы государства. Финансовое право регулирует общественные отношения в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований, регулирует полномочия, права, обязанности и ответственность множества субъектов финансовых правоотношений.

Научный и практический интерес к тематике, связанной с финансовой деятельностью, обусловлен современными проблемами функционирования финансовой системы, в первую очередь, бюджетной и налоговой. Экономика нашей страны в настоящее время находится в кризисном состоянии, обусловленном сложной внешнеполитической ситуацией. Экономические санкции в отношении Российской Федерации, а также резкое увеличение государственных расходов на обеспечение внешнеполитических задач привели к ощутимым негативным последствиям. В первую очередь необходимо отметить, что в 2022 г. доходы федерального бюджета составили 27824392,9 млн рублей, расходы – 31118915,4 млн рублей. Таким образом, дефицит федерального бюджета за 2022 г. составил 3294522,5 млн рублей, или 2,1% ВВП [1]. Кроме того, мировая экономика продолжает восстанавливаться после пандемии COVID-19, что так-

же оказывает негативное воздействие на сферу публичных финансов в России.

Таким образом, в современных экономических условиях возникает потребность в более глубоком изучении финансовой деятельности как способе реализации финансово-правового статуса субъектов общественных отношений.

Следует начать с того, что понятие «финансовая деятельность» является междисциплинарной категорией, находящейся на стыке экономики и права. Однако в первую очередь понятие финансовой деятельности имеет правовое содержание, поскольку она всегда осуществляется в определенной правовой форме. Правовое регулирование финансовой системы страны является неотъемлемой частью и необходимостью для современной экономики и правовой системы, поскольку только посредством установления правовых норм возможно реальное упорядочение общественных отношений в сфере аккумуляции, распределения и использования финансовых ресурсов.

Как правило, в юридической литературе финансовая деятельность рассматривается как публичная, т.е. как деятельность государства и муниципальных образований по аккумуляции, распределению и использованию финансов. Это обусловлено публичным характером финансового пра-

ва и ведущей ролью публичной финансовой деятельности в регулировании общественных и экономических процессов, в обеспечении жизнедеятельности общества. Как справедливо отмечается в науке, финансовая деятельность государства в полной мере предопределяет экономический климат в стране, эффективность денежного оборота, поддержание оптимальных стоимостных пропорций общественного производства и решение общезначимых задач финансово-экономической политики [8].

Публичная финансовая деятельность осуществляется государством и муниципальными образованиями, что является основанием для выделения двух ее подвидов. Под финансовой деятельностью государства понимается система действий государства в лице государственных органов общей и специальной компетенции, которая урегулирована нормами права и направлена на реализацию функций государства в финансовой сфере [7]. Учитывая федеративный характер государственно-территориального устройства нашей страны, некоторые ученые отдельно рассматривают также финансовую деятельность субъектов Российской Федерации [6]. В свою очередь, финансовая деятельность муниципальных образований осуществляется органами местного самоуправления в пределах их компетенции, а в определенных случаях осуществляется непосредственно населением соответствующей территории [4].

Между тем, финансовая деятельность может быть не только публичной, но и частной. По справедливому замечанию Э. Д. Соколовой, частная финансовая деятельность подразумевает финансовую деятельность хозяйствующих субъектов, функционирующих на праве частной собственности [5].

Например, субъектами налоговых правоотношений выступают самозанятые граждане, для которых предусмотрен специальный режим налогообложения «Налог на профессиональный доход», имеющий льготный характер в сравнении с применимыми к сфере оказания услуг режимами налогообложения (упрощенная система налогообложения, режим патента и т.д.) и обладающий рядом преимуществ для налогоплательщика [3]. Таким образом, самозанятые граждане непосредственно участвуют в аккумулировании финансовых ресурсов страны посредством уплаты налога на профессиональный доход, но при этом являются частными субъектами финансовых правоотношений.

Финансово-правовой статус субъектов общественных отношений имеет ключевое, определяющее значение для формы и содержания осуществляемой ими финансовой деятельности. Так, финансовая деятельность государства представлена следующими формами:

1) правотворческой (органы государственной власти, преимущественно законодательной, создают, изменяют и прекращают действие норм права, регулирующих финансовые правоотношения);

2) управленческой (органы государственной власти, преимущественно исполнительной, реализуют финансово-правовые нормы, приводят их в исполнение в соответствии с определенными административными процедурами);

3) правоохранительной (органы государственной власти, преимущественно исполнительной и судебной, занимаются выявлением финансовых правонарушений, привлечением нарушителей к юридической ответственности);

4) контрольной (органы государственной власти, преимущественно исполнительной, контролируют соблюдение субъектами финансовых правоотношений норм финансового законодательства посредством проведения контрольно-надзорных мероприятий).

Как видно, многие формы финансовой деятельности государства обусловлены наличием у ее субъектов властных полномочий, что кардинально отличает публичную финансовую деятельность от частной. Между тем, следует отметить, что в некоторых случаях формы публичной и частной финансовой деятельности совпадают. Так, финансовый контроль может осуществляться как органами публичной власти, так и негосударственными структурами. В последнем случае контрольная деятельность представлена внутривладельческим,

аудиторским контролем, а также контролем со стороны коммерческих банков [2].

Отметим, что частной финансовой деятельности в юридической литературе уделяется гораздо меньше внимания, чем публичной. Думается, в условиях развитой рыночной экономики, предполагающей поддержку предпринимательства, обеспечение конкуренции, стимулирование предпринимательской деятельности, частная финансовая деятельность обретает особое значение. Невозможно отрицать, что финансовая деятельность государства все же имеет ключевое значение в системе финансовой деятельности вообще, однако в сравнении с предыдущими историческими этапами развития российской экономики и правовой системы частная финансовая деятельность сегодня заслуживает куда больше внимания, чем ей уделяется в современной юридической науке.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что финансовая деятельность является способом реализации финансово-правового статуса субъектов общественных отношений в том смысле, что объем прав, обязанностей и полномочий в финансовой сфере определяет содержание и формы осуществления финансовой деятельности. Поэтому публичная финансовая деятельность кардинально отличается от частной, ведь субъекты публичной финансовой деятельности наделены властными полномочиями, позволяющими реализовывать правотворческую, управленческую, правоохранительную и контрольную функции. Частная финансовая деятельность, которая осуществляется непубличными субъектами финансовых правоотношений, характеризуется гораздо менее широким содержанием финансовой деятельности, который лишь в некоторых случаях соотносится с формами финансовой деятельности государства.

Пристатейный библиографический список

1. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2022 год. – М.: Министерство финансов РФ, 2023. – С. 16.
2. Комарова Л. В., Фарикова Е. А. Место института финансового контроля в системе российского права // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2 (165). – С. 241.
3. Комарова Л. В., Фарикова Е. А. Правовой статус самозанятых граждан как субъектов налоговых правоотношений // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 35.
4. Соколова Э. Д. О соотношении понятий: финансовая, финансовая система, финансовая деятельность // Избранные труды научно-педагогических работников Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации: сб. науч. ст. – М.: Издательство Прометей, 2019. – С. 171.
5. Соколова Э. Д. Теоретические аспекты правового регулирования финансовой деятельности государства и муниципальных образований: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2008. – С. 14.
6. Спицына В. А. Конституционно-правовые основы финансовой деятельности субъекта Российской Федерации: на примере Астраханской области: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010. – С. 8.
7. Фарикова Е. А. Понятие и правовые формы финансовой деятельности государства // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 5 (180). – С. 259.
8. Федотушкина Е. К. О понятии и сущности финансовой деятельности в Российской Федерации // Актуальные проблемы права, экономики и управления: сб. науч. ст. – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 317.

ХАРИН Александр Константинович

аспирант кафедры финансового права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

О ПРАВОВЫХ ФАКТОРАХ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ БОРЬБЕ ПРОТИВ ГИБРИДНЫХ НАЛОГОВЫХ СХЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья посвящена анализу основных факторов правового характера, препятствующих использованию институтов Налогового кодекса Российской Федерации для противодействия гибридным схемам снижения налоговой нагрузки. Автором доказывается уязвимость российской налоговой системы к гибридным налоговым схемам, коренная причина которой заложена в самом правовом подходе Российской Федерации к границам налогового суверенитета и к категории налогового правонарушения. В статье также предлагаются возможные направления совершенствования российского налогового законодательства, способные существенно снизить риск использования гибридных налоговых схем в целях умышленной минимизации налогового бремени.

Ключевые слова: гибридные схемы снижения налоговой нагрузки, гибридные структуры, СИДН, соглашения об избежании двойного налогообложения, MLI, BEPS, международное налогообложение, международное налоговое право, SAAR, специальные антиуклонительные правила, однократность международного налогообложения, налоговое правонарушение.

KHARIN Alexander Konstantinovich

postgraduate student of Financial law sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

ON THE LEGAL FACTORS HINDERING TO COUNTER HYBRID MISMATCH ARRANGEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the analysis of the main legal factors preventing the use of the institutions of the Tax Code of the Russian Federation to counter hybrid mismatch arrangements. The author proves the vulnerability of the Russian tax system to hybrid mismatch arrangements, the primary cause of which lies straightly in the legal approach of the Russian Federation to the boundaries of tax sovereignty and to the category of tax offence. The article also suggests possible ways of improving the Russian tax legislation that can significantly reduce the risk of intentional use of hybrid mismatch arrangements aimed at minimizing the tax burden.

Keywords: hybrid mismatch arrangements, hybrid structured arrangements, DTT, double taxation treaties, MLI, BEPS, international taxation, international tax law, SAAR, special anti-tax avoidance rules, single international taxation, tax offense.

Гибридные схемы снижения налоговой нагрузки (далее – гибридные налоговые схемы), приводящие к недообложению доходов (прибыли) от международных экономических операций за счёт использования конфликтов налоговой квалификации элементов подоходного налогообложения между странами резидентства контрагентов, признаются рядом государств вредоносным фактором международного налогообложения. Рядом зарубежных стран уже введены институты налогового законодательства, направленные против «размывания налоговой базы» (англ. *base erosion*) гибридными налоговыми схемами.

Иллюстрацией гибридных налоговых схем может послужить следующий пример:

Налоговый резидент Страны А (Компания А) производит выплату в пользу налогового резидента Страны Б (Компании Б) дохода по т.н. «гибридному финансовому инструменту» – финансовому инструменту, заключающего в себе свойства как долгового, так и долевого инвестирования (такими признаками обладают, например, структурные ноты и некоторые виды цифровых финансовых активов). По законодательству Страны А инструмент квалифицируется как долговой, по законодательству Страны Б – как долевым, а нормы действующего между странами соглашения об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) не позволяют устранить конфликт квалификации. В результате несогласованности налоговоправового регулирования вид выплачиваемого дохода квалифицируется в Стране А как процент, а в Стране Б – как дивиденд.

Режимы налогообложения процентов и дивидендов принципиально отличаются в большинстве налоговых си-

стем. Доходы в виде процентов, как правило, облагаются по общим налоговым ставкам, а расходы на них могут уменьшать налоговую базу лица, выплачивающего доход. К доходам же в виде дивидендов часто применяется пониженное налогообложение, в то время как расходы на выплату дивидендов из налоговой базы лица, выплачивающего дивиденды, не вычитаются. При этом по правилам классических СИДН и проценты, и дивиденды облагаются налогом в стране резидентства налогоплательщика, в то время как их налогообложение в стране источника ограничено.

В результате расходы в связи с выплатой процентов уменьшают налоговую базу Компании А по налогу на прибыль организаций (или иному аналогичному налогу), в то время как доход Компании Б облагается в нулевом или уменьшенном размере, поскольку квалифицируется как дивиденд в Стране Б, являющейся страной резидентства получателя дохода. Иными словами, уменьшение размера налоговой базы у одного участника операции не сопровождается корреспондирующим увеличением у другого её участника ввиду несогласованности налоговых систем данных стран друг с другом.

Как видно из данного примера, размывание налоговой базы происходит за счёт срабатывания распределительных норм СИДН, в отсутствие которых доход был бы попросту обложен Страной А у источника выплаты, и конфликта квалификации бы не возникло. Вместе с тем даже в отсутствие действующих СИДН между странами резидентства плательщика и получателя дохода (прибыли) сохраняется риск действия гибридных налоговых схем: контрагенты, желая добиться низкой налоговой нагрузки при выплате дохода

зарубежному лицу, могут произвести выплату через промежуточного контрагента, страна резидентства которого имеет действующие СИДН со странами А и Б.

Данный пример может быть перенесён и в российские налоговоправовые реалии.

Находясь в позиции Компании А, российский налогоплательщик (организация) имеет право на вычет расходов из налоговой базы при их соответствии критериям экономической оправданности и документальной подтверждённости (п. 1 ст. 252 НК РФ). Иные характеристики расходов (в т.ч. целесообразность, эффективность и рациональность их несения¹), как и потенциальная возможность возникновения конфликта правовой квалификации, не обуславливают возможность применения вычета расхода из налоговой базы. Среди расходов, не подлежащих вычету из налоговой базы по налогу на прибыль (ст. 270 НК РФ) проценты в пользу нерезидентов также не значатся.

Находясь же в позиции Компании Б и являясь лицом, имеющим фактическое право на доход, российский налогоплательщик (организация) может пользоваться освобождением дивидендов от налогообложения на основании п. 50.1 ст. 251 НК РФ².

Таким образом, даже такой простой пример иллюстрирует уязвимость налоговой системы Российской Федерации к гибридным налоговым схемам.

На первый взгляд, случаи намеренного использования подобных способов выплаты дохода иностранному контрагенту в целях снижения налоговой нагрузки призвана нейтрализовать «доктрина деловой цели», интегрированная в российское налоговое законодательство (пп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ). Когда набор фактических обстоятельств свидетельствует о том, что основная цель использования гибридной налоговой схемы при совершении экономической операции состоит в снижении налогового бремени, такие обстоятельства образуют способ совершения правонарушения в области налогового законодательства, т.е. объективную сторону правонарушения, а сама цель становится компонентом его субъективной стороны. Последующая неуплата налога образует деяние, а ущерб казне – общественно вредное последствие.

Такая последовательность установления элементов состава правонарушения свойственна деяниям в форме злоупотребления правами налогоплательщика: сами экономические операции, приводящие к гибридным несоответствиям, как правило, не являются запрещёнными, однако образуют состав правонарушения в случае доказывания компетентным органом противоправности цели совершения таких операций.

Казалось бы, в таком случае при установленной цели снижения налогового бремени пп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ должна становиться логическим звеном для привлечения налогоплательщика к административной ответственности за нарушение норм налогового законодательства на основании п. 1 или п. 3 ст. 122 НК РФ³.

Вместе с тем в российской судебной и административной практике едва ли можно найти случаи привлечения к ответственности за недоимки, причинённые использованием гибридных налоговых схем. Причинами этому служат не только факторы налогового администрирования, обуславли-

вающие технически тяжёлую выявляемость таких схем, но и ряд правовых факторов, препятствующих квалификации случаев использования гибридных налоговых схем в качестве способа совершения правонарушения и привлечению налогоплательщика к ответственности.

Остановимся именно на второй группе факторов и рассмотрим более подробно сложности, связанные с установлением содержания элементов состава правонарушения.

Первая сложность заключается в вопросе о том, что выступает объектом правовой защиты. На первый взгляд, как и в других случаях, связанных с уклонением от налогообложения, объектом правовой защиты выступает порядок правильности уплаты в казну налогов от совершения международных операций.

Между тем для каждой отдельной страны, чьи организации вовлечены в совершение операции, правильность уплаты налогов как раз-таки соблюдается: все лица надлежащим образом отражают финансовый результат операции при определении налоговых баз в соответствии с законодательствами своих налоговых суверенов. Снижение налоговой нагрузки возникает лишь в совокупности, по результатам реализации налогового суверенитета всеми странами.

Как следствие, вывод об ущербе бюджетной системе от совершения операции не может быть однозначно сделан в отношении одного из лиц, либо в отношении одной из бюджетных систем, но оказывается верен вывод о нанесении совокупностью лиц ущерба совокупности бюджетных систем государств, чьи лица задействованы в гибридной схеме.

В случае признания таких действий неправомерными возникает вопрос об объекте правовой защиты, который отражает, чем именно обусловлена неприемлемость неполучения государством суммы налога, на который оно изначально не претендует.

Представляется, что в данном случае объектом правовой защиты выступает порядок функционирования финансовой системы, а именно совокупность таких его компонентов, как порядок пополнения публичных денежных фондов и порядок функционирования системы ратифицированных СИДН, являющихся частью правовой системы страны и призванных обеспечить налоговую нейтральность трансграничного движения капитала, при этом не используя для уклонения от налогообложения, что следует в ряде случаев из преамбул самих СИДН. Порядок функционирования системы СИДН отражает, в чём именно для государства выражается неприемлемость уменьшения совокупного размера налоговых баз участников международной сделки, включая базу его налогоплательщика, однако в целях правовой защиты национальных интересов технически его нарушение приравнивается к нарушению законодательно установленного порядка пополнения публичных денежных фондов. Лишь при таком содержании объекта правовой защиты противодействие способам размывания налоговой базы гибридными схемами способно приобретать легитимность.

Вместе с тем возникает вторая сложность – в установлении признака противоправного деяния в действиях налогоплательщика. Дело в том, что нарушения в области исчисления налога изначально не существует, и возникает оно в результате «дораспределения» государством своей налоговой юрисдикции на недостающий налог, и лишь постольку, поскольку не достигается определённый уровень совокупной налоговой нагрузки участников экономической операции. Возникновение налоговой обязанности в «недостающей» части обусловлено лишь действиями других государств, причём не только на правотворческой, но и на правоприменительной стадии.

Государства, как правило, определяют ущерб бюджету лишь в масштабах налоговой базы, существующей в своей стране, но не в масштабах совокупности налоговых баз. Для «притяжения» недостающей суммы, существующей в обще-

1 См., например, п. 33 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019); п. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016).

2 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2024).

3 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2024).

мировом масштабе, государству требуется предварительно обеспечить определённую налогообложения, закрепив правила «дообложения» налогом такой суммы, а в идеале также скоординировать правила «дообложения» с другими странами, претендующими на него. В отсутствие закрепления такой воли законодателя невозможно доказать существование налоговой обязанности именно перед данной страной и, как следствие, объективную сторону правонарушения.

Следует сказать, что из действующих норм НК РФ такая воля отчётливо не прослеживается. Как уже сказано выше, в российской налоговой системе ни возможность вычета расходов из налоговой базы по налогу на прибыль (ст. 252, 270 НК РФ), ни налоговые изъятия из налоговой базы (ст. 251 НК РФ), ни применение пониженных налоговых ставок от операции (ст. 284 – 284.10 НК РФ) не ставятся в зависимость от совокупной налоговой нагрузки российского налогоплательщика и его иностранных контрагентов.

В то же время всё-таки существует случай, когда вопрос совокупной налоговой нагрузки контрагентов принимается во внимание в российском налогообложении. Речь идёт об институте симметричных корректировок по правилам ст. 105.18 НК РФ, при котором налогоплательщик при корректировке налоговой базы контрагентом по контролируемой сделке вправе симметрично скорректировать размер своей налоговой базы, в результате чего совокупный размер налоговых баз оказывается неизменным. Данный подход был выработан Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в деле ОАО «Нефтегазовая компания «РуссНефть»⁴ ещё до введения данной статьи НК РФ и нашёл своё отражение в т.н. «законе сохранения налога в группе компаний», исходя из которого возникновение дохода у одного контрагента по внутригрупповой сделке свидетельствует о соответствующем расходе у другого [13, с. 125-127]. Вместе с тем, применение вышеуказанного института весьма узко: он институт нацелен в первую очередь на сохранение экономического основания налога в случае корректировки налоговой базы от операций по сделкам между взаимозависимыми лицами, а не на сохранение минимального уровня международного налогообложения.

В этой связи усматривается, что уменьшение совокупной налоговой обязанности в результате проведения сделок через гибридный механизм само по себе в текущих российских правовых реалиях правонарушением не является, поскольку из законодательства РФ воля на защиту совокупного размера

налоговых баз участников международных операций, как и на их «дообложение», не усматривается. В то же время правонарушением являются случаи целенаправленного создания гибридных схем для искажения экономического смысла операции и снижения налоговой обязанности: в этом случае операции подлежат переквалификации в соответствии с их действительным экономическим смыслом, а налог – доначислению по правилам п. 1, 2 ст. 54.1 НК РФ⁵.

На этом фоне возникает третья сложность – в установлении вины налогоплательщика. Как известно, вина в общеправовом смысле характеризуется как психическое отношение лица к совершаемому деянию, а форма вины определяется, исходя из наличия интеллектуальной и содержания волевой составляющей, отражающих осознание противоправности действий и желание наступления общественно вредных последствий [14, с. 6-12].

Цель как элемент субъективной стороны состава правонарушения отражает волевою составляющую действий налогоплательщика (для организации – её руководящих должностных лиц). Когда основная цель использования гибридных механизмов заключается в создании условий для неуплаты или неполной уплаты налога, единственной возможной формой вины является прямой умысел⁶, при котором лицо осознаёт противоправность своих действий и желает наступление их вредных последствий (п. 2 ст. 110 НК РФ).

Возможность возникновения неосторожной формы вины при этом весьма спорна.

С одной стороны, в российском налоговом законодательстве неосторожность как форма вины определяется не фактом осознания противоправности деяния или вредного характера последствий, а обязанностью и возможностью их осознавать (п. 3 ст. 110 НК РФ) – за игнорирование фактической интеллектуальной составляющей вины налогоплательщика некоторые исследователи разумно критикуют данную норму, отмечая чрезмерную широту категории и открытие доступа к объективному вменению [15]. В этой связи, на первый взгляд, в круг виновных лиц могут попадать контрагенты участников гибридной налоговой схемы, занизившие налоговую базу в результате непроявления должной осмотрительности при совершении операций с ними.

4 Постановление Президиума ВАС РФ от 28.10.2008 № 6272/08 по делу № А40-77926/06, от 28.10.2008 № 6273/08 по делу № А40-2592/07, от 10.03.2009 № 9024/08 по делу № А40-5083/07, от 10.03.2009 № 9821/08 по делу № А40-40440/07.

5 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2024).

6 Согласно письму ФНС РФ от 13.07.2017 №ЕД-4-2/13650@ об умысле налогоплательщика на совершение правонарушения в области налогового законодательства, как правило, свидетельствует отсутствие элементов случайности происходящего.

С другой стороны, для неосторожной формы вины возможность и обязанность лица осознавать противоправность деяния и вредность последствий всё же должна откуда-то следовать⁷. В случае же с гибридными налоговыми схемами имитационные признаки прикрываемой сделки остаются полностью невидимыми вследствие отсутствия доступа к данным: о структуре правоотношений зарубежного контрагента с другими лицами, об отражении операции на налоговых базах контрагента и иных лиц по всему миру, о налоговой правовой квалификации операции налоговыми органами за рубежом. При таких условиях следование стандарту должной осмотрительности становится непосильным для налогоплательщика, и вменение неуплаты или неполной уплаты налога в таких случаях в текущих российских законодательных реалиях усматривается несправедливым.

Несмотря на вышеуказанные сложности в установлении состава правонарушения в форме неуплаты или неполной уплаты налога, в организационном плане гибридные налоговые схемы всё же бесспорно способны выступать способом уклонения от налогообложения. Мотив организации таких схем, как правило, заключается в снижении совокупной налоговой нагрузки при международных расчётах между взаимозависимыми лицами и в создании отрицательного налогового результата при трансграничном перемещении капитала. Понимание противоправности целей использования таких схем вынуждает налоговые органы изыскивать доступные средства борьбы с ними.

Так, например, К. А. Тасалов в качестве практически единственного примера нейтрализации гибридных налоговых схем в Российской Федерации приводит [12, с. 127] решение Арбитражного суда г. Москвы от 22.11.2019 по делу А40-118135/19 (ООО «Агроаспект»), в рамках которого заявителем оспаривались налоговые доначисления в отношении доходов, выплаченных российской организацией по многоступенчатой внутригрупповой сделке в пользу нидерландской материнской компании в форме процентов по «договору займа» и «договору кредитной линии». Уплачиваемые проценты принимались при этом к вычету из налоговой базы «заёмщиков» по каждому соответствующему звену сделки. Российский налоговый орган установил, что с люксембургской компанией, выполняющей роль одного из промежуточных звеньев в рамках данной операции, люксембургским налоговым органом было заключено соглашение о ценообразовании («рулинг»), согласно которому выплачиваемая сумма подлежит квалификации как «дивиденд» и освобождается от налогообложения. Содержание указанного «рулинга», оформленного за рубежом, российский налоговый орган использовал в качестве основного доказательства вины налогоплательщика в искажении действительного экономического смысла операций и, переqualифицировав «проценты» в «дивиденды», произвёл доначисления в сумме недоимки от излишне учтённых расходов.

Иными словами, не обладая достаточным законодательным инструментарием для дообложения доходов, выплачиваемых под видом «процентов», российский налоговый орган оказался вынужден пойти по довольно зыбкому пути переqualификации и доказывать, что доход был «дивидендом» с самого первого звена выплаты. Ему удалось «зацепиться» за содержание данного «рулинга», которое в совокупности с факторами взаимозависимости, синхронности денежных переводов и других обстоятельств смогли в итоге перевесить

чашу весов в пользу вывода об ином экономическом смысле сделки.

В то же время в чистом виде вывод о том, что доход является «дивидендом» лишь на основании его квалификации в соглашении о ценообразовании, заключённом одним из промежуточных контрагентов, выглядит совершенно недоказанным: характер выплаты мог существенно видоизменяться по мере совершения дальнейших сделок (в т.ч. перераспределяться по времени и суммам выплаты), а сам налогоплательщик мог не только не знать о «рулинге» зарубежного контролирующего лица, но также получить, например, разъяснения компетентных российских налоговых или финансовых органов о квалификации дохода, которые могли бы вступить в прямую конкуренцию с содержанием «рулинга» и обладали бы большей респектабельностью в Российской Федерации.

Вывод.

Обозначенные выше недостатки российских антиуклонительных правил НК РФ, а также судебное дело ООО «Агроаспект» наглядно иллюстрируют потребность в совершенствовании норм НК РФ в целях обеспечения их пригодности для противодействия гибридным налоговым схемам, путём: 1) введения норм, позволяющих производить «дообложение» доходов от международных экономических операций при размывании налоговой базы; 2) введения специальных условий вычета расходов на выплату дохода в пользу нерезидентов из налоговой базы по налогу на прибыль организаций; 3) возложения на налогоплательщика бремени доказывания отсутствия конфликта квалификации дохода в качестве условия применения налоговых льгот и освобождений по налогу на прибыль.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.10.2008 № 6272/08 по делу № А40-77926/06 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2024).
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.10.2008 № 6273/08 по делу № А40-2592/07 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2024).
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.03.2009 № 9024/08 по делу № А40-5083/07 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2024).
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.03.2009 № 9821/08 по делу № А40-40440/07 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.02.2024).
5. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 22.11.2019 по делу А40-118135/19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/97387c7a-98a6-4414-a251-d29929f1568a> (дата обращения: 26.02.2024).
6. Тасалов К. А. Правовое регулирование противодействия избежанию уплаты налога на прибыль организаций в Российской Федерации и Европейском Союзе: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2022. 172 с.
7. Зарипов В. М. Блеск и нищета симметричной корректировки // Вестник Финансового университета. 2012. № 5. С. 125-127.
8. Зрелов А. Обстоятельства, исключющие вину лица в совершении налогового правонарушения // Налоговый вестник. 2014. № 6. С. 6-12.
9. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. К вопросу о субъективной стороне налоговых правонарушений // Налоги и налогообложение. 2017. № 2. С. 7-19.

⁷ На недопустимость формального подхода к применению критерия должной осмотрительности обращается внимание и в письме ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ «О применении норм Федерального закона от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»».

ГУРЬЯНОВ Алексей Владимирович

магистрант Самарского государственного экономического университета

ПЕТРОГРАДСКАЯ Альбина Александровна

кандидат юридических наук доцент Самарского государственного экономического университета

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЛОГОВОЕ ПРАВО

В статье рассматривается влияние цифровых технологий на налоговое право, эта тема становится всё более актуальна в условиях глобализации и цифровизации. Автор анализирует положительные и отрицательные аспекты этого влияния, указывая на увеличение эффективности налоговых систем и уменьшение коррупции благодаря автоматизации процессов. Однако, использование цифровых технологий также вызывает проблемы, связанные с обеспечением безопасности и конфиденциальности данных, необходимостью адаптации законодательства и неравным доступом к технологиям. Важным вызовом также является риск злоупотребления технологиями со стороны налоговых органов, который требует соблюдения баланса между интересами государства и правами граждан.

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, налоговое право, цифровые технологии, электронные транзакции, искусственный интеллект, большие данные, документооборот, безопасность данных.

GURYANOV Alexey Vladimirovich

magister student of the Samara State University of Economics

PETROGRADSKAYA Albina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Samara State University of Economics

THE PROS AND CONS OF INTRODUCING DIGITAL TECHNOLOGIES INTO TAX LAW

The article examines the impact of digital technologies on tax law, this topic is becoming increasingly relevant in the context of globalization and digitalization. The author analyzes the positive and negative aspects of this influence, pointing to an increase in the efficiency of tax systems and a decrease in corruption due to the automation of processes. However, the use of digital technologies also causes problems related to data security and confidentiality, the need to adapt legislation and unequal access to technology. An important challenge is also the risk of abuse of technology by tax authorities, which requires a balance between the interests of the state and the rights of citizens.

Keywords: digitalization, globalization, tax law, digital technologies, electronic transactions, artificial intelligence, big data, document management, data security.

Введение

В этой статье нам бы хотелось рассмотреть какие положительные, и отрицательные аспекты появляются в налоговом праве при внедрение цифровых технологий. Нас этот вопрос заинтересовал по очень простой причине, согласно (ст. 57 Конституции Российской Федерации) [11, с. 13] и (ст. 23 НК РФ) [12, с. 20], каждый гражданин обязан платить законно установленный налог и сбор, в соответствующем размере.

Казалось бы, всё хорошо получилось, но началась эпоха цифровизации, повлёкшая за собой эпоху глобализации, которая в свою очередь, изменила всё и вся в налоговом праве. Иными словами, цифровые технологии в последнее время всё глубже и глубже проникают в жизнь общества, естественно они влияют на нормы и правила, установленные в нём. И то, что работало десять, двадцать лет назад сейчас уже неактуально, наоборот появилось большое количество новых проблем, с которыми наша бюрократическая машина раньше не сталкивалась.

Стоит очертить круг положительных сторон, которые бросаются в глаза, использование цифровых технологий позволяет значительно увеличить эффективность налоговых систем, уменьшить коррупцию, так как увеличивается автоматизация процесса, к которому человек вообще теряет доступ. Так же происходит процесс оптимизации налогового администрирования, эту область регулируют различные статьи и законы НК РФ.

Так же стоит сказать и о минусах данной системы, использование цифровых технологий приводит к появлению

различных новых задач и уязвимостей в системе, думаю, эта статья будет актуальной.

Основные понятия и тенденции

Для начала стоит определиться с тем, что понимается под термином цифровые технологии в контексте налогового права, это – аппаратные и программные средства, которые используются для переработки, хранения и отправки данных налогоплательщиков. Они применяются в сфере налогового права для того, чтобы упростить работу как тем, кто платит налоги, так и тем кто их взимает.

Цифровые технологии позволяют значительно увеличить степень автоматизации всего процесса уплаты налогов, что ведёт к оптимизации и ускорению всего процесса.

Так как Россия, к сожалению, страна – догоняющего типа развития, то стоит взглянуть на более передовые государства в данном аспекте, чтобы понять с какими трудностями предстоит столкнуться и как превентивно их решить. К примеру, в нашей стране очень активно развивается система «одного окна», она используется, чтобы подать налоговую декларацию. Эта программа позволяет подавать все документы в электронном виде без вашего непосредственного присутствия в налоговой инспекции.

Рассмотрим ещё один пример, наш более густонаселённый сосед – Китай, там уже достаточно продолжительный срок успешно функционирует система автоматического начисления налога на добавочную стоимость (НДС). Осуществляется это на основе данных, которые система собирает о ваших покупках, продажах различных товаров и услуг.

Преимущества

Теперь более подробно поговорим о преимуществах, которые даруют цифровые технологии налоговому праву. Использование современных технологий имеет ряд преимуществ перед традиционными способами осуществления налоговой деятельности.

Во-первых, технологии позволяют значительно повысить продуктивность, а как следствие и результативность сбора налога. Причина достаточно проста и кроется в автоматизации процессов, которые раньше совершались людьми. Следовательно, исполненная машиной работа имеет значительно меньшую вероятность ошибки.

Во-вторых, уменьшение ошибок ведёт к увеличению точности и контроля за уплатой налогов. Стоит признать, что это полезно не только нашему государству, но и самому налогоплательщику.

В-третьих, использование цифровых технологий значительно снижает возможность дачи взяток уполномоченным лицам. Причина всё в той же автоматизации, которая исключает, в большинстве случаев, непосредственный контакт между налоговыми органами и налогоплательщиком.

Кроме всего выше перечисленного, цифровые технологии совершенствуют процесс налогового управления. Ускоряют взаимодействие и обмен данными между налоговыми органами и налогоплательщиком, следствием этого является ускорение процесса обработки налоговых деклараций.

Цифровые технологии так же включают в себя применение искусственного интеллекта и систем анализа больших данных. Эти системы могут использоваться налоговыми органами, чтобы произвести прогнозирование и анализ возможных налоговых поступлений [1, с. 85]. Использование систем обработки больших данных, даёт возможность с большой точностью предсказывать направление развития тенденций и закономерностей. Это, в свою очередь, может быть использовано для адаптации налоговых ставок к современным реалиям, устанавливается обратная связь.

Недостатки и вызовы

Использование цифровых технологий несёт с собой не только огромное количество позитивных сторон, но и достаточно обильное количество новых проблем и задач. Их и предстоит решать в будущем, что бы налоговое право могло быть жизнеспособным, а вместе с ним и наше государство.

Во-первых, все мы живём в реальном, а не идеальном мире, тут случаются ошибки, микросхемы, провода и т.д. изнашиваются, не говоря уже о банальной человеческом факторе, что может привести к системной ошибке, к большому или малому сбою. А это приведёт к нарушению работы налоговой системы и точно не добавит положительных эмоций обычным налогоплательщикам.

Во-вторых, с развитием цифровых технологий и их распространением, появилось очень большая опасность кражи персональных данных и налоговой тайны. Естественно есть сдерживающие факторы помимо ст. 137 УК РФ, действия лица, «укравшего» персональные данные, подлежат квалификации по ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. При использовании в целях получения персональных данных вредоносных компьютерных программ подлежит вменению также ст. 273 УК РФ [13, с. 230]. Но кто не пойман тот не вор, в данном случае это просторечное выражение очень точно описывает ситуацию с киберпреступниками.

В-третьих, использование современных технологий позволяет скрыть значительную часть своих доходов и расходов.

Заключение

Можно сделать следующий вывод, использование цифровых технологий имеет неоспоримые преимущества перед устаревшей системой, хотя старшее поколение и относится к ней предвзято. Современные технологии увеличивают качество взаимодействия между налоговыми службами и налогоплательщиком, уменьшает риск коррупции. Но вместе с

тем, если быть неаккуратным, то есть большая угроза вашим персональным данным.

Пристатейный библиографический список

1. Майбуров И. А. Налоги в цифровой экономике. Теория и методология: монография для магистрантов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. - 279 с.
2. Алиев Б. Х., Мусаева Х. М. Налоги и налоговая система Российской Федерации: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика». - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. - 439 с. — ISBN 978-5-238-02491-2. — Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1028670> (дата обращения: 19.09.2020).
3. Альбеков А. У., Вазарханов И. С., Кузнецов Н. Г. Налоговая система: учебник. - М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. — 583 с. + Доп. Материалы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/981404> (дата обращения: 19.09.2020).
4. Алеников А. С., Мамонова И. В. Цифровизация процессов в сфере налогообложения как инструмент повышения качества функционирования налоговой системы России // Вестник Академии знаний. - 2019. - № 34 (5). - С. 312-315.
5. Чтчан В. В., Черноусова К. С. Совершенствование системы налогообложения в условиях цифровизации // Экономические науки. - С. 159-162.
6. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 20.09.2020).
7. Парадеева И. Н., Кислова Е. Г. Развитие цифровизации налогового администрирования как элемент реформирования налоговой системы России // Вестник МГЭИ. -2019. - № 4. - С. 125-130.
8. Digitalisation of tax: international perspectives (2019 edition). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icaew.com/-/media/corporate/files/technical/digital-tax.ashx?la=en>.
9. State Taxation Administration of The People's Republic of China. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinatax.gov.cn/eng/n2367721/c2390193/content.html>.
10. Бубнова Ю. Б., Бубнов В. А. Криптовалюты и их влияние на национальную налоговую систему // Бизнес. Образование. Право. - 2018. - № 4 (45). - С. 40-45.
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. - 2020. - № 11.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. - № 31.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-278-280

АРЦЫТОВ Николай Андреевич

магистр Национального исследовательского университета Информационных технологий, механики и оптики (ИТМО), г. Санкт-Петербург

АБРАМОВ Кирилл Дмитриевич

магистр Национального исследовательского университета Информационных технологий, механики и оптики (ИТМО), г. Санкт-Петербург

КОТ Марина Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ESG-ПОВЕСТКА КАК АКТУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Мировые тренды развития продолжают усиливать влияние направленности общественности на области охраны окружающей среды и бережного обращения с ресурсами. Это направление выражено в ESG-концепции, предусматривающей заботу об экологической стабилизации (E-фактор, Environmental), социальную ответственность (S-фактор, Social) и эффективное управление (G-фактор, Governance). Следование данному тренду для крупного и среднего бизнеса на сегодняшний момент перешло из разряда дани моде в категорию необходимости по причине внедрения международных требований к ведению хозяйственной деятельности, предоставления нефинансовой отчетности, формирования соответствующих рейтингов. В статье рассматриваются возможности влияния данной повестки на концепцию корпоративной культуры российского бизнеса, возможности ее влияния на современное предпринимательство, а также преимущества использования такого подхода в бизнес среде.

Ключевые слова: корпоративная культура, предпринимательская деятельность, стратегия развития корпоративной культуры, ESG-повестка, социальная ответственность бизнеса.

ARTSYTOV Nikolay Andreevich

master student of the National Research University of Information Technology, Mechanics and Optics (ITMO), St. Petersburg

ABRAMOV Kirill Dmitrievich

master student of the National Research University of Information Technology, Mechanics and Optics (ITMO), St. Petersburg

KOT Marina Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Samara State University of Economics

ESG AGENDA AS AN ACTUAL STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF THE CORPORATE CULTURE OF THE ORGANIZATION

Global development trends continue to strengthen the influence of the public's focus on the areas of environmental protection and careful use of resources. This direction is expressed in the ESG concept, which provides for environmental stabilization (E-factor, Environmental), social responsibility (S-factor, Social) and effective management (G-factor, Governance). Following this trend for large and medium-sized businesses today has moved from the category of a tribute to fashion into the category of necessity due to the introduction of international requirements for doing business, the provision of non-financial reporting, and the formation of appropriate ratings. The article discusses the possibilities of this agenda's influence on the concept of the corporate culture of Russian business, the possibility of its influence on modern entrepreneurship, as well as the advantages of using this approach in the business environment.

Keywords: corporate culture, entrepreneurial activity, corporate culture development strategy, ESG agenda, business social responsibility.

ESG-повестка сформировалась на основе развития в 1970-х годах кодексов корпоративной социальной ответственности. Данные кодексы представляли собой добровольные инициативы корпораций по добровольному достижению значимых для общества целей, что выходило за пределы устоявшегося мнения о необходимости максимизации прибыли, росте акционерной стоимости и расширении занимаемой доли рынка.

Первооснова роли кодексов корпоративной социальной ответственности сосредоточена в защите и поддержке членов общества, что выражалось в признании большим бизнесом 1950-1960 гг. своей причастности за благополучие населения. Законодательным тому подкреплением стало утверждение Верховным судом Нью-Джерси права бизнеса выделять гранты некоммерческим организациям финансовой поддержки с учетом отсутствия выгоды,

выраженной в получении финансового выигрыша в перспективе.

В последующем развитии кодексов корпоративной социальной ответственности с 1980-х годов происходит смещение роли с социальной на экологическую составляющую. В данный период отмечается первое взаимопроникновение между подходами рассматриваемых кодексов и устойчивого развития. Концепция устойчивого развития в своей сущности содержала сбалансированный гармоничный подход к развитию трех аспектов, представленных экологической, социальной и управленческой составляющими.

Окончательному взаимопроникновению кодексов корпоративной социальной ответственности и концепции устойчивого развития способствовало обсуждению их взаимной роли в качестве развития человечества. Данный подход был представлен в докладе «Наше общее будущее» в 1987

г. Комиссией ООН по окружающей среде и развитию [1]. Представленный доклад определяет наиболее популярное определение роли ESG-повестки, выраженной развитием сегодняшнего общества без лишения будущих поколений в удовлетворении своих потребностей [2].

Современная политическая и экономическая нестабильность в мировом масштабе также способствует переориентированию бизнеса на социальную и управленческую составляющие ESG-повестки. Повышение актуальности ESG-повестки обусловлено усилением мировых тенденций в части климатических изменений, возрастанием разрыва между уровнем благосостояния членов общества, а также появлением новых вызовов современного мира (пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, политической нестабильности) и переходом экономик стран в эпоху масштабной цифровизации. Влияние данных условий функционирования для государств и бизнеса поставили на первый план в ESG повестке направление корпоративного управления в целях достижения устойчивого развития [3].

В то же самое время, сформированная концепция ESG-повестки не является единственной для достижения устойчивого развития. Как было отмечено ранее, первооснова осознанного отношения к социальному аспекту функционирования бизнеса сосредоточена в программах корпоративной социальной ответственности. Тем не менее, взаимопроникновение и взаимодополнение концепции ESG-повестки и программ корпоративной социальной ответственности не привели к их полному слиянию. Главное отличие двух категорий состоит в том, что ESG-повестка имеет более масштабный охват вопросов в рамках решения задач по устойчивому развитию, а также является более практико-ориентированной и носит трансформационный характер [4].

В общем понимании ESG-трансформация выражена направленностью на комплексный подход в рамках корпоративного развития к решению вопросов соблюдения принципов прозрачности управления (Governance), социальных (Social) и экологических (Environmental) [5].

В рамках корпоративной составляющей ESG-фактора рассматривается корпоративное управление и деловая этика. Адаптация корпоративного управления и деловой этики формирует качественно новые результаты по направлению прозрачности управления, функционирования управленческого персонала, поддержки гендерного равенства в составе высшего менеджмента, формирования и направления корпоративной отчетности (финансовой и нефинансовой), а также прозрачности начислений премий.

При реализации корпоративной составляющей ESG-повестки бизнес придерживается таких принципов, как соблюдение прав акционеров при распределении сгенерированной прибыли, избежание мошенничества и коррупции, нарушение налогового законодательства (использование серых налоговых схем), прозрачность корпоративных методов и моделей, исключение дискриминации по гендерному и прочим признакам при приеме на работу и в процессе осуществления профессиональной деятельности [4].

Для достижения положительного эффекта от реализации корпоративной составляющей ESG-повестки разрабатывается и внедряется корпоративная культура, которая по своей сути выполняет функцию инструмента транслирования и внедрения ESG-ценностей [5].

Корпоративная культура в рамках ESG-трансформации придерживается формирования принципов здоровой атмосферы в коллективе, человекоориентированному подходу и соблюдению баланса между временем на работу и жизнь (work-lifebalance) [6]. Внедрение данного подхода наиболее актуально для современности по причине того, что для поколения Z приоритетно при выборе работодателя видеть вклад бизнеса в решение общих социальных проблем и стратегию, направленную на устойчивое развитие. Также значительный вклад в переориентации бизнеса в сторону внедрения корпоративной культуры в рамках ESG-трансформации отводится развернувшейся пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, которая вскрыла проблемы социальной незащищенности сотрудников бизнеса.

При разработке корпоративной культуры в рамках ESG-трансформации, прежде всего, встает вопрос о необходимости соотношения приоритетов бизнеса с ESG-повесткой. В процессе пересмотра приоритетов делается ставка на соединение ценностей заботы о будущих поколениях и генерируемой прибыли, при которых уравнивают доходы и расходы, и их распределение между нуждами бизнеса и ESG-повестку.

Для реализации подхода по формированию корпоративной культуры в рамках ESG-трансформации создаются отделы или департаменты комплаенс. Целью данных структурных единиц выступает регулирование вопросов соответствия внутренних и внешних требований, предотвращение регуляторных рисков, контроль и выявление несоблюдения данных требований, вынесение предложений по трансформации существующего уклада управления [6].

Таким образом, в условиях мировой турбулентности событий следование составляющим ESG-повестки, в частности внедрение корпоративной культуры в рамках ESG-трансформации, позволяет бизнесу формировать жизнеспособные стратегии устойчивого развития.

Формирование корпоративной культуры организации в рамках ESG-трансформации является для бизнеса новым явлением, потому что при планировании ее внедрения необходимо проводить процедуру адаптации. Рассмотрим алгоритм структурирования и обозначения принципов формирования корпоративной культуры организации в рамках ESG-трансформации [6].

На первом этапе проводится анализ бизнеса (организации) на предмет, как устроен процесс функционирования с определением ключевых параметров. Также исследуются сформированные цели и задачи ведения деятельности, направления развития. Необходимо отметить, что основная цель ведения бизнеса, выраженная генерированием прибыли в интересах акционеров, в данном подходе не может быть единственной. Для повышения качества разработки цели и задач бизнеса в процессе адаптации к ESG-повестке возможно привлечение сторонних экспертных организаций, которые помогут разработать и будут осуществлять консультации на первых этапах внедрения, что также повышает прозрачность ведения бизнеса и привлечение в последующем инвесторов и партнеров.

В соответствии с получаемыми результатами определяется приоритетность внедрения и исполнения составляющих ESG-повестки (экологическая, социальная, управленческая). На данном этапе разрабатывается набор нефинансовых по-

казателей, по которому в последующем будет проводиться анализ [4].

Далее проводится определение и фиксация приоритетности принципов функционирования бизнеса в рамках устойчивого развития, к которым могут относиться принципы:

- экологической ответственности в рамках реализации товаров, работ и услуг потребителям;
- приоритетности выстраивания долгосрочных отношений на занимаемом сегменте рынка с потребителями, заказчиками, государством, поставщиками и обществом в целом;
- социальной ответственности перед персоналом бизнеса и общества в целом в части предоставления социальных гарантий и оказания социальной помощи, возможно участие в благотворительных мероприятиях;
- соблюдения прав человека, снятие барьеров культурных, гендерных, расовых при функционировании;
- соблюдения неприкосновенности частной жизни, повышения уровня экономической безопасности по сохранению персональных данных сотрудников;
- ведения бизнеса через открытую экономическую модель, при которой сохраняется условие здоровой конкуренции [5].

Представленные принципы формирования корпоративной культуры организации в рамках ESG-трансформации являются обобщенными и для каждой конкретной организации могут адаптироваться под специфику ведения хозяйственной деятельности. В данном процессе важным фактором является приоритетность расстановки принципов, помещая наиболее актуальные в начало списка, тем самым, делая на них акцент [4].

На следующем этапе сформированные принципы разделяются по составляющим ESG-повестки (экологическая, социальная, управленческая) и определяется вес каждого принципа в общем подходе. Важно понимать, что в данном подходе не будут фигурировать цифровые значения, а только процентное выражение от общего итога реализации принципов. При этом, наиболее корректным предоставлением информации об исполнении данных принципов будет перечисление разработанных мероприятий в каждом из них. В большей части данные мероприятия будут созвучны с Целями устойчивого развития ООН.

Вариативность предоставления данных зависит от специфики ведения бизнеса. Так, например, для нефтедобывающих организаций преобладающими будут выступать составляющие E-фактора, так как добыча полезных ископаемых напрямую влияет на окружающую среду. В свою очередь, предприятия банковской сферы в приоритет ставят составляющие G-фактора по причине размещения основных производственных процессов в социальной сфере [6].

Также на данном этапе проводится выявление и анализ рисков бизнеса и сферы его функционирования на предмет определения мероприятий по их дальнейшему устранению, возможно через внедрение ESG-повестки.

Следующий этап формирования корпоративной культуры организации в рамках ESG-трансформации составляет определение центров ответственности за исполнение разработанных мероприятий. При этом необходимо учитывать, что возложить исполнение всех мероприятий на одно подразделение нецелесообразно. Необходимо корректно раз-

делить полномочия между всеми участниками ведения хозяйственной деятельности, что будет способствовать также вовлеченности персонала в данную проблематику.

Сформированный план корпоративной культуры организации в рамках ESG-трансформации следует реализовывать на принципах публичности и открытости. Данный подход привлекает общественность к исполнению прописанных мероприятий, инвесторов, дает возможность независимым агентствам проводить анализ и выставлять ESG-рейтинги бизнесу.

Пристатейный библиографический список

1. ICMA Harmonised Framework for Impact Reporting. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icmagroup.org/assets/documents/Sustainable-finance/2021-updates/Handbook-Harmonised-Framework-for-Impact-Reporting-June-2021-100621.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).
2. World Conservation Strategy: Living Resource Conservation for Sustainable Development. 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/wcs-004.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Жукова Е. В. Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. № 6. С. 68-82.
4. ESG-трансформация как вектор устойчивого развития: В трех томах. Том 2 / Под общ. ред. К. Е. Турбиной и И. Ю. Юргенса. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 650 с.
5. ESG: три буквы, которые меняют мир [Текст]: докл. К XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 2022.
6. Одинцова Т. М. Проблемные аспекты стратегирования устойчивого развития регионов в условиях санкций и ограничений // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2021. № 1 (40). С. 232-245.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-281-283

ДАВУДОВА Саида Ямудиновна

доцент кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

РАГИМХАНОВА Камилла Тагировна

старший преподаватель кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с электронным документооборотом в высших учебных заведениях. Авторы дают общую характеристику электронного документооборота, после чего раскрывают особенности его использования в практике ВУЗов. Особое внимание уделяется практическим и правовым пробелам, связанным с фактическим использованием и нормативной регламентацией особенностей и порядка реализации электронного документооборота в ВУЗах. С учетом выявленных практических трудностей и правовых проблем в рамках указанного вопроса, предлагаются пути разрешения практических трудностей и направления совершенствования действующего законодательства с учетом имеющихся правовых пробелов. Представляется, что сформулированные выводы и предложения могут быть использованы в научных, правоприменительных и законотворческих целях.

Ключевые слова: электронный документооборот, СЭД, вузы, образовательные учреждения, электронная подпись, правовая основа.

DAVUDOVA Saida Yamudinovna

associate professor of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

RAGIMHANOVA Kamilla Tagirovna

lecturer of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ELECTRONIC DOCUMENT FLOW IN HIGH SCHOOL: LEGAL REGULATION

The article is devoted to consideration of issues related to electronic document management in higher educational institutions. The authors give a general description of electronic document management, after which they reveal the features of its use in the practice of universities. Particular attention is paid to practical and legal gaps associated with the actual use and regulatory regulation of the features and procedure for implementing electronic document management in universities. Taking into account the identified practical difficulties and legal problems within the framework of this issue, ways to resolve practical difficulties and directions for improving the current legislation taking into account existing legal gaps are proposed. It seems that the formulated conclusions and proposals can be used for scientific, law enforcement and legislative purposes.

Keywords: electronic document management, electronic document management system, universities, educational institutions, electronic signature, legal basis.

В условиях современной цифровой реальности актуализируется вопрос о переходе на электронный документооборот во всех организациях. Не является исключением и сфера высшего образования, в котором использование электронного взаимодействия между студентами и преподавателями, образовательными учреждениями между собой является особенно актуальным. Вместе с тем, данный аспект в нынешнее время не лишен проблем, которые достаточно ярко демонстрируются как на практике (при непосредственном использовании ВУЗами электронного документооборота), так и в рамках правового регулирования. В данной связи в рамках настоящего исследования представляется достаточно востребованным в исследовании вопрос об особенностях и коллизиях реализации электронного документооборота в ВУЗе.

Переходя непосредственно к рассмотрению практической и правовой стороны настоящего анализа, следует определиться с терминологической основой, а именно обозначить, что представляет из себя «электронный документооборот». Данный вопрос среди ученых является достаточно дискуссионным, поскольку на законодательном уровне однозначного ответа в указанном аспекте фактически не имеется.

Диспозитивность законодательного подхода в разрешении данного вопроса, на наш взгляд, объясняется тем, что не все

ВУЗы обладают достаточной технической оснащенностью, квалифицированными кадрами (преподавательским составом), финансовой возможностью для использования электронного документооборота. В данной связи возникают объективные препятствия для реализации такого важного направления, как переход от бумажно-бюрократических процедур к электронному взаимодействию (электронному документообороту) в образовательных организациях. Более того, в связи с различными антироссийскими санкциями стали недоступны в России и определенные программы, которые также позволяли проводить цифровизацию образовательного процесса. Например, среди таковых можно назвать Microsoft Office.

Правовую основу электронного документооборота в вузах составляют положения следующих нормативно-правовых актов:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации;
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»;
3. О придании юридической силы электронным документам в образовательных учреждениях в том числе заговорили в связи с принятием Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

В России действует общая гражданско-правовая норма, устанавливающая то, что использование при совершении сделок электронно-цифровой подписи допускается в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон (п. 2 ст. 160 ГК РФ). В силу п. 2 ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путем электронной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору [1].

Под электронным документооборотом понимают «использование различной производственной, образовательной, законодательной, научной и организационной информации в электронном виде с целью оптимизации деятельности той или иной сферы человека» [2].

Важно отметить, что переход на электронный документооборот в ВУЗе на сегодняшний день является добровольным, что следует из ч. 8 ст. 28 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а именно законодатель устанавливает, что «образовательная организация вправе применять в своей деятельности электронный документооборот, который предусматривает создание, подписание, использование и хранение документов, связанных с деятельностью образовательной организации, в электронном виде без дублирования на бумажном носителе, если иное не установлено настоящим Федеральным законом. Решение о введении электронного документооборота и порядок его осуществления утверждаются образовательной организацией по согласованию с ее учредителем».

Диспозитивность законодательного подхода в разрешении данного вопроса, на наш взгляд, объясняется тем, что не все ВУЗы обладают достаточной технической оснащённостью, квалифицированными кадрами (преподавательским составом), финансовой возможностью для использования электронного документооборота. В данной связи возникают объективные препятствия для реализации такого важного направления, как переход от бумажно-бюрократических процедур к электронному взаимодействию (электронному документообороту) в образовательных организациях. Более того, в связи с различными антироссийскими санкциями стали недоступны в России и определенные программы, которые также позволяли проводить цифровизацию образовательного процесса. Например, среди таковых можно назвать Microsoft Office.

Переход на электронный документооборот имеет ряд следующих преимуществ.

1) Удобство использования электронных документов особенно явно прослеживается в процессе образования. На сегодняшний день большинство зарубежных ВУЗов практикуют электронный формат обмена информацией между преподавателями и студентами. Так, лекции проводятся в режиме «онлайн», создаются тестовые задания, которые также решаются студентами в дистанционном формате. Именно поэтому в 2020-2022 года начался активный процесс внедрения, например, различных электронных образовательных ресурсов (ЭБС «Лань», «Юрайт», «Znanium», «IBooks» и ЭБС издательского дома «Гребенниковъ», а также электронную библиотеку «IPRbookshop» («Smart»)), информационных систем (система информационного взаимодействия на базе ELMS Moodle, комплексная автоматизированная система управления вузом (КАС), портфолио студентов (личный кабинет), видео-конференции с прямыми и обратными каналами, корпоративная служба электронной почты, Microsoft Teams).

Как следствие, в образовательном компоненте ВУЗов сформированы следующие элементы: внедрение дистанци-

онного обучения – за счёт реализации возможностей корпоративной Moodle, платформы Microsoft Teams и других ресурсов; быстрый доступ к информационной базе – за счёт широкого доступа к ЭБС, использования личных кабинетов и других возможностей.

В технологическом компоненте сформированы следующие элементы: открытая ЭИОС работа канала как в локальной, так и в глобальной сети; поддержание на должном уровне материально-технического обеспечения. Не сформирован или недостаточно сформирован такой элемент, как просвещение по вопросам, связанным с безопасным Интернетом [3].

2) Экономия ресурсов. Использование электронного документооборота позволяет снизить расходы на бумагу, файлы, папки и другие канцелярские принадлежности. Так, например, если говорить о приемной компании, то перевод офлайн приема заявлений на поступление в ВУЗ на онлайн-прием позволит исключить расходы на организацию приемной комиссии. Получится убрать расходы и на физическое хранение данных (личные дела), поскольку в таком случае все данные будут храниться в электронном виде, а именно в облачном онлайн-сервере.

3) Повышается качество образования. Основной вектор государственной политики на сегодняшний день направлен на улучшение качества образования [4]. В данной связи в научной среде справедливо указывается, что «загруженность профессорско-преподавательского состава является слабым местом бизнес-модели вуза. Именно эта проблема должна быть решена при совершенствовании системы документооборота» [5].

Соответственно, внедрение электронного документооборота позволит повысить качество образования, поскольку преподавателям будет снижена нагрузка в аспекте постоянного заполнения бумажной документации. В электронном формате данный процесс будет автоматизирован.

Кроме того, реализация сферы внедрения электронного документооборота в образовательный процесс осуществлена не в полной мере. Так, выявленная проблема результативности процесса внедрения и применения тех или иных ИКТ в деятельности конкретных образовательных организаций, проявляющая себя в необеспеченности процесса цифровой трансформации достаточными организационно-правовыми основаниями на локальном уровне, несформированностью процесса внедрения и применения ИКТ деятельностью по созданию оптимальных условий для развития цифровых навыков педагогов, активной реализации мероприятий по безопасности в Интернете, а также наличием специализированной структуры по мониторингу образовательного процесса, нуждается в решении, так как в ином случае не может быть удовлетворён общественно-государственный запрос на построение цифрового социально-экономического пространства.

С целью решения проблемы несформированности такого элемента образовательного компонента процесса внедрения и применения ИКТ в деятельности образовательной организации, как мониторинг образовательного процесса и его результатов, в идеальном варианте следует создать специализированное подразделение – отдел мониторинга, статистики и качества образования.

С технической стороны следует говорить и о необходимости внедрения искусственного интеллекта в реализации электронного документооборота в ВУЗе. В свою очередь, это позволит наиболее оперативно обрабатывать электронные

документы (например, входящую и исходящую корреспонденцию и др.), упростить процессы эксплуатации систем электронного документооборота.

Трудности, связанные с квалифицированностью кадров (преподавателей), следует разрешать путем учреждения программ по обучению, переобучению, повышению квалификации сотрудников образовательных организаций с учетом внедрения электронного документооборота в деятельность ВУЗов.

Таким образом, внедрение электронного документооборота в вузы может значительно упростить и ускорить процессы работы с документами, повысить эффективность управления документооборотом и обеспечить более высокую степень защиты конфиденциальной информации. Для успешного внедрения необходимо выполнить следующие шаги:

1. Анализ существующего документооборота

2. Выбор системы электронного документооборота, которая наилучшим образом соответствует потребностям вуза и позволяет решить выявленные проблемы.

3. После выбора системы необходимо обучить пользователей ее использованию.

4. Внедрение системы, которое может включать в себя установку и настройку программного обеспечения, настройку прав доступа, создание шаблонов документов и т.д.

5. После внедрения системы необходимо осуществлять ее мониторинг и поддержку, с целью выявления и решения возникших проблем, обновления программного обеспечения и т.д. [6].

Помимо практических проблем важно разрешать и проблемы правового характера.

1) Систематизировано урегулировать особенности электронного документооборота в высшей школе путем принятия самостоятельного ведомственного нормативного правового акта Министерством науки и высшего образования Российской Федерации – «Об организации электронного документооборота в высших учебных заведениях».

2) Понятие «электронного документооборота» применительно к образовательной деятельности следует уточнить в рамках действующего законодательства, а именно необходимо указать, что понимается под электронным документооборотом в сфере высшего образования, а также, что именно в него входит (какие действия, передача информации возможны в реализации в электронном формате). Такие дополнения следует внести в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Частично данные аспекты (о содержании электронного документооборота) могут быть использованы из Постановления Правительства РФ от 16.11.2020 № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда», которым урегулирована ГИС.

Таким образом, на сегодняшний день использование электронного документооборота в ВУЗах имеет определенные практические трудности, а также проблемы, вытекающие из недостаточного правового регулирования данного вопроса. В данной связи в рамках настоящего исследования нами были предложены пути преодоления имеющихся технических трудностей, способы разрешения проблем в квалификации преподавательского состава, а также направления совершенствования нормативной регламентации реализации электронного документооборота в ВУЗах. Представляется, что сформулированные выводы в рамках настоящего исследования позволят повысить эффективность процесса цифровизации, автоматизации образовательного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Абдусаламов Р. А. Правовое регулирование использования информационных технологий в сфере высшего образования в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 2 (102). – С. 34-41. – DOI 10.17803/2311-5998.2023.102.2.034-041. – EDN DHCZJV.
2. Данилов О. Е. О проблемах цифровой трансформации вузов / О. Е. Данилов // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 15 августа 2022 года. – Москва: Печатный цех, 2022. – С. 89-93.
3. Изотова В. Ф. Формирование профессиональной компетентности в сфере технологий электронного управления // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29-30 сентября 2016 г.) / под ред. Е. В. Вавилина. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. – С. 177-178.
4. Козлов Е. Ю. Роль электронного документооборота в образовательном процессе // STUDENTS RESEARCH FORUM 2022: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 июня 2022 года. – Петрозаводск, 2022. – С. 102-106.
5. Орлов С., Кристальный Б. Роль государства в развитии информационного общества // Информационные ресурсы России. – 2018. – № 2. – С. 6-11.
6. Чернов В. Н., Чернова Т. М. О необходимости развития компетенций применения систем электронного документооборота у студентов, обучающихся по направлениям подготовки высшего образования - бакалавриата // Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы: Доклады и материалы XVI Международной научной конференции – Москва, 2020. – С. 605-609.

КАРАКОВ Владислав Андреевич

студент магистерской программы Института государства и права Тюменского государственного университета

МОРОЗ Наркиза Абриковна

кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА И КАДАСТРОВЫХ СИСТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В работе рассматривается актуальная проблематика, связанная с организацией и функционированием кадастровых систем, а также правовыми аспектами владения, использования и оборота недвижимого имущества. В контексте исследования особое внимание уделяется как отечественным нормативно-правовым актам, так и международным нормам и стандартам, регулирующим данную сферу.

Ключевые слова: недвижимое имущество, недвижимость, земельное право, гражданское право, кадастровый учет, сравнительно-правовой анализ, право недвижимости.

KARAKOV Vladislav Andreevich

master's degree student of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

MOROZ Narkiza Abrikovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor, associate professor of the Center for Foreign Languages and Communication Technologies of the Tyumen State University

LEGAL REGULATION OF REAL ESTATE AND CADASTRAL SYSTEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD: COMPARATIVE ANALYSIS

This work presents a comparative analysis of the legal regulation of real estate and cadastral systems in the Russian Federation and abroad. It examines current issues related to the organization and functioning of cadastral systems, as well as the legal aspects of ownership, use and circulation of real estate. Special attention is paid to both domestic regulations and international norms and standards governing this area.

Keywords: real estate, real property, land law, civil law, cadastral registration, comparative analysis, real estate law.

The aim of this work is to analyze and compare foreign legal systems and concepts that regulate real estate and cadastral systems. The goal is to identify the most suitable elements to be adopted by the domestic legal system.

Due to the gradual development and rapid modernization of legal regulations surrounding real estate and the improvement of Russian legislation in the area of cadastral registration, it is necessary to study the legal experience of foreign jurisdictions in this field. In today's rapidly changing world, the development of economic potential requires the synthesis of qualitative elements of a given area. Therefore, it is important to consider positive experiences in ensuring the regulation of real estate law and cadastral registration.

Special attention should be paid to the definition of the concept of «real estate» and its structural component. According to Russian legislation, real estate includes land, land plots, subsoil plots, and everything that is firmly attached to the land, i.e. objects that cannot be moved without disproportionate damage to their purpose, including buildings, structures, and unfinished constructions. This definition is closely linked to the Latin legal expression «Superficies Solo Cedit». The designation of a single property. However, this approach is not universally used in all legal systems. For example, in the Anglo-Saxon legal family, particularly in the US legal system, there is an approach in which two types of real estate appear: «real property» and

«personal property»; the second type has a legal connection not with the location of the object but with the holder of the real rights, i.e. such property can be «taken». We shall return to a detailed description of the provisions of Anglo-Saxon law in the field of real property later [1, p. 295-298].

In contrast to the presented approach, the classical approach for many countries is the approach set forth in the Napoleonic Civil Code. This legal approach has been adopted by the German Civil Code, which clearly states that an object that has no connection with land cannot be considered as real estate. The only thing that has not yet been accepted not only by German legislation, but also by Russian legislation, is the idea that property rights and claims in rem are also an integral part of the concept of real estate according to the Napoleonic Civil Code.

The Civil Code of the Russian Federation has a restrictive interpretation and description of real estate, which can lead to legal conflicts and practical difficulties. For instance, can a modular house be recognized as real estate? It has a temporary connection with the land, which does not correspond to the key principle of real estate law «Superficies Solo Cedit». In fact, there are several approaches to defining an object as real estate. Firstly, the presence of a strong connection with the land. Secondly, state registration of the object. Thirdly, a strong connection with the land + registration. After characterizing

the real estate property, we will discuss the topic of a strong connection with the land and state registration of the object in more detail.

It is important to emphasize a distinctive feature of Napoleon's Civil Code that our legislator should consider. This text discusses property rights to real estate, including usufruct, development rights, superficies, and other rights, as well as claims aimed at protecting real estate. These elements combine to form a complete civil legal structure known as «Real Estate».

The reform of civil legislation, which lasted for about 10 years, did not make significant adjustments or additions to the development of property law in Russia. The reform had the potential to increase the economic potential of the state. Currently, the right of development is still in the process of formation in Russian civil legislation, resulting in a lack of a unified approach to the formation of this institution in domestic civil law. As part of the reform of civil legislation, the initial plan was to adopt the classical concept of development rights from Roman law. This meant that the developer would acquire the right of ownership and use of the land and buildings for a long-term period ranging from 50 to 199 years. This right differed significantly from a lease, where the developer only acquires ownership of the constructed property. While Roman law served as the basis, there are notable distinctions in the development of Russian private law. For instance, the project proposes retaining ownership rights for the original copyright holder and establishing ownership rights for the constructed real estate object for the developer. The proposed version of the concept includes a distinctive point regarding the term of ownership, which ranges from 30 to 100 years. This is an unusual circumstance for such an institution, as it is typically perpetual. The establishment of deadlines could give rise to a previously unknown legal institution - urgent property rights [2, p. 90-94].

In the German Civil Code, a building erected on someone else's land is not classified as a right of development (superficies). This is because the building is considered an independent object of private law and is the subject of obligatory transactions. As noted by many researchers, including Leontyeva E.A., the right of development in Germany grants ownership of the structure erected on someone else's land plot, regardless of the time of the emergence of the right of development in relation to the development object.

This text compares the approaches of the Roman-Germanic legal concept, specifically the influence of the Roman model of property-legal regulation on the legislation of Germany and Russia. Additionally, it explores the contrasting approach of the Anglo-Saxon legal system. The regulation of property law and the legal regulation of the real estate sector in English law require special attention in the comparative analysis of the system of property law [3, p. 179-191].

The concept of property law in England is distinct in that it is based on a legal title that determines the legal position of the authorized person in relation to the property (estate or title). This concept originated during the feudal era in England when a bond (free landowner) was granted title to a plot of land and any buildings on it. However, if one person wished to transfer ownership of a plot to another person, then such a legal structure would resemble a lease rather than a right of ownership. Therefore, the term of such a lease could be 999

years. This information is based on the work of Hogg James Edward [4, p.773].

This approach has practical significance as it allows for the determination of future copyright holders of a building or land plot through the use of a title (future interests). For instance, the owner can transfer the right of ownership under certain conditions, upon which the right passes to a third party or returns to the original owner.

The following feature is unusual for the legal consciousness of a Russian lawyer: the absence of opposition between property law and obligation law. The only practical difference lies in the degree of binding effect by third parties. This is a minor digression from the main topic of real estate.

The main acts regulating real estate in the UK are the Law of Property Act, 1925; Land Registration Act, 2002; and Commonhold and Leasehold Reform Act, 2002. Real estate under English law is freehold land, meaning it is a freehold estate. It is important to note the historical roots of English law and its special connection to real estate. Real estate encompasses objects traditionally associated with the concept of real property in legal theory, including buildings, their components, minerals, and any natural or artificial attachments. While land is clearly classified as real estate, the status of premises remains a topic of interest. In the UK, premises are not considered real estate according to a specific legal model. However, the municipality maintains a special record of such objects, similar to the cadastral record, for the purpose of managing the social sphere and protecting the rights of tenants, particularly those from low-income backgrounds. It is important to note that the Land Registration Act 2002 systematized the rights to real estate. The Land Registration Act 2002 distinguishes several types of rights, including property (freehold), leasehold (leases for a period of more than 7 years), mortgage (deposit), easement, and profits (usufruct)¹.

From real estate, we move on to an analysis of the legal characteristics of cadastral systems in foreign countries. This will highlight the specific features of such systems.

Europe and the post-Soviet space have a long history of developing cadastral systems and real estate accounting. The Napoleonic legislation and real estate accounting system have influenced many cadastral systems in European countries. As a result, there are countries with the Napoleonic cadastral system, such as France, Spain, Italy, Greece, and northern-South Europe. The remaining systems are divided into three types based on their historical experience and geographical location. These include countries with the German system, such as Germany, Switzerland, and Austria. The Scandinavian system includes Denmark, Sweden, and Norway, while the English-speaking system includes Great Britain, the USA, Canada, and British Commonwealth countries.

When analyzing the comparative characteristics of cadastral systems, it is important to first identify the key elements of each system. For instance, the Napoleonic cadastral system has a separation and close interaction between the land cadaster and the real estate register. The land cadaster collects information necessary for tax purposes, which is grouped by land plots. In Germany, cadastral registration is divided into

1 Land Registration Act 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/9/contents> (date of the application: 07.02.2024).

three levels: topographic-geodetic, cadastral, and registration records. Additionally, there is a property register similar to the Russian real estate register. The text describes the differences between cadastral registration systems in various countries. It explains that the UK does not have a cadastral registration system, but instead has Her Majesty's Land Registry, which contains legal records of all property sales and leases going back more than 25 years. The register guarantees ownership, but not the boundaries of the property [5, p.107-114].

In Scandinavian countries, there is an active program to introduce digital technologies into the cadastral registration system. For example, in Norway, Denmark, and Sweden, digital cartography is used, including space sensing equipment. This system emphasizes a multi-purpose cadaster with a centralized property register. Property registers, similar to the German style, are overseen by central government offices, similar to the domestic Rosreestr.

The legal connection between Russian legislation and German legislation is notably closer than with other national legal systems. This is evident in both the cadastral registration regulation and the legal regulation of the real estate sector. It is worth noting that there was an attempt to reform property law. The reform project clearly shows the influence of German legal thought, particularly in the regulation of development rights.

To identify the most appropriate legal concept in the field of real estate and cadastral registration, it is necessary to compare Western legal regulation with domestic regulations. For instance, by examining development law, one can determine which elements should be adopted from German law to ensure optimality and appropriateness. When discussing the right to development, it is important to note that it is necessary in situations where the land is already being used for construction and subsequent operation of various objects. It is noteworthy that the right to development is equivalent to the right of ownership, which expands the range of property rights. However, it is important to note that the right to develop land for economic purposes primarily benefits private entities, as not all individuals or enterprises can afford to purchase land for construction. Therefore, business loans for real estate purchases are becoming less common.

An important aspect of both the separate legal registration system and the general concept of German law is the unique nature of land management at the local level. The most effective management solution is to delegate authority to the local level. Germany is divided into 16 states, and land accounting and registration are carried out in a three-level order. At the federal level, there is the Supreme Geodetic and Cadastral Authority. At the regional level, there are administrative divisions of the federal states, and at the regional and local level, there are geodesic and cadastral agencies. To improve the real estate register, the Russian legislator should introduce organizations subordinate to Rosreestr at the regional and local level. These organizations should constantly update and maintain the register, similar to German cadastral agencies [6, p. 686-696].

In conclusion, the development of modern legal ideas in the field of real estate and cadastral registration is entering a new era, where elements of different legal systems are being synthesized. It is possible that we will see a unified concept for cadastral systems and international rules for defining real estate in the future.

Пристатейный библиографический список

1. Носач С. С. Гражданско-правовой режим недвижимого имущества в России и за рубежом: компаративный анализ // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 9 (225). - С. 295-298.
2. Османов О. А. Право застройки как вещное право: проблемы правового регулирования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2021. - Выпуск 40. № 4. - С. 90-94.
3. Семякина А. В. Вещные права на земельные участки в РФ и Великобритании: догматический подход против прагматизма // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 7 (128). - С. 179-191.
4. Хогг Дж. Э. Регистрация права собственности на землю по всей империи. Трактат о праве, касающемся гарантии права собственности на землю путем регистрации и сделок с зарегистрированной землей в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Англии, Ирландии, Вест-Индии, Малайе и т.д.: продолжение «Австралийской системы Торренса». - Торонто: Карсуэлл, 1920. - С. 773.
5. Ключниченко В. Н., Лебедев Н. Д., Каверин Н. В. Анализ зарубежных и российских кадастровых систем // Интерэкспо Гео-Сибирь. - 2019. - Вып. 3. № 2. - С. 107-114.
6. Соколов В. В., Кузьминова К. А. Сравнение моделей ведения государственного кадастра недвижимости Российской Федерации и земельного кадастра Германии // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2022. - № 1. - С. 686-696.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-287-288

АБАНИНА Елена Николаевна

доктор юридических наук, заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

В статье рассматриваются правовые условия развития Концепции устойчивого развития лесного хозяйства в России. Обращено внимание на формирование механизма контроля процесса достижения целей устойчивого развития и возможности оценки перспектив их достижения. Показано на примере документов, утверждающих критерии и индикаторы устойчивого развития (механизм контроля), важность учета всех составляющих устойчивого развития: экономической, экологической и социальной. Обосновывается необходимость дополнения перечня индикаторов индикаторами и критериями, отвечающими за социальные факторы устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, лесное хозяйство, критерии и индикаторы развития.

ABANINA Elena Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor of Land and environmental law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

LEGAL CONDITIONS FOR THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF FORESTRY IN RUSSIA

The article discusses the legal conditions for the development of the Concept of Sustainable Development of Forestry in Russia. Attention is drawn to the formation of a mechanism for monitoring the process of achieving sustainable development goals and the possibility of assessing the prospects for their achievement. The importance of taking into account all components of sustainable development: economic, environmental and social is shown using the example of documents approving the criteria and indicators of sustainable development (control mechanism). The need to supplement the list of indicators with indicators and criteria responsible for social factors of sustainable development is substantiated.

Key words: sustainable development, forestry, development criteria and indicators.

Абанина Е. Н.

Правовое регулирование в области устойчивого развития охватывает все природные объекты и комплексы, однако именно устойчивое развитие лесного хозяйства имеет приоритетное значение в связи со значимостью лесов России не только в национальном, но и в общепланетарном значении.

Российское лесное законодательство восприняло идеи устойчивого развития. Однако для достижения целей устойчивого развития недостаточно разработанных концептуальных и программных документов, в которых выражается намерение соблюдать принципы устойчивого развития и стремление по достижению целей устойчивого развития. Очевидно, что для оценки процесса достижений целей устойчивого развития и возможности оценки перспектив их достижения необходим специальный «механизм контроля», которым выступают критерии и индикаторы устойчивого развития в сфере лесного хозяйства.

Критерии – стратегические направления практической деятельности для осуществления принятых принципов. Критерии сохранения и устойчивого управления лесами реализуются на уровне практического ведения лесного хозяйства и могут контролироваться по соответствующим индикаторам устойчивого управления лесами. Каждый критерий может быть оценен по совокупности характеризующих его индикаторов.

Индикаторы – количественные и описательные характеристики критериев устойчивого управления лесами. Совокупность индикаторов позволяет оценить направление изменений в управлении лесами, соответствующих конкретному критерию.

Последовательное отслеживание индикаторов с течением времени показывает тенденции в изменении управления лесами для достижения целей устойчивого развития.

Сам индикаторный подход представляет собой оценку деятельности (процесса) по результатам сравнения фактических показателей деятельности с индикаторами и критериями. Первой наиболее комплексной разработкой в этой сфере стала система индикаторов устойчивого развития, предложенная Комиссией по устойчивому развитию ООН (1996). Она «включает порядка 134 показателя и создана на основе подхода – «устойчивое развитие - социо-экономическая модель, направленная на сохранение мира на всей планете,

разумное удовлетворение потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни поколений, бережном использовании ресурсов планеты и сохранение природных богатств». Следовательно, развитие, чтобы быть устойчивым, должно учитывать социальные и экономические, а также экологические факторы» [1].

Выражая согласие с мнением Г. В. Выпхановой, что «теоретическая неразработанность и правовая неурегулированность вопросов устойчивого развития, в том числе связанные с индикаторами, вызывают сложности при определении таких показателей при переходе к устойчивому развитию» [1], что связано, в том числе, и с отсутствием единого подхода к определению устойчивого развития, вместе с тем отметим, что именно лесное законодательство, в отличие от других природоресурсных отраслей, характеризуется наличием таких индикаторов и показателей.

В целях реализации в системе лесного хозяйства Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, были введены в действие Критерии и индикаторы устойчивого управления лесами Российской Федерации с 9 февраля 1998 года для дополнительного анализа деятельности государственных органов управления лесным хозяйством в субъектах Российской Федерации на соответствие принципам устойчивого управления лесами, рекомендуемым мировым сообществом.

Приказом Рослесхоза было утверждено 6 критериев устойчивого управления лесами: поддержание и сохранение продуктивной способности лесов, поддержание приемлемого санитарного состояния и жизнеспособности лесов, сохранение и поддержание защитных функций лесов, сохранение и поддержание биологического разнообразия лесов и их вклада в глобальный углеродный цикл, поддержание социально-экономических функций лесов, инструменты лесной политики для сохранения устойчивого управления лесами (каждый из критериев включает от 4 до 9 индикаторов)¹.

1 Приказ Рослесхоза от 05 февраля 1998 г. № 21 «Об утверждении Критериев и индикаторов устойчивого управления лесами Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Критерии и индикаторы самим Приказом объявлены в качестве механизма контроля и воздействия на систему устойчивого управления. Однако, как верно отмечают Т. Ю. Оленина и Ю. И. Шуплецова, «во-первых, критерии включают в себя не все необходимые показатели, во-вторых, они уже устарели», и, самое главное, «несмотря на имеющуюся нормативную базу, принятые критерии и индикаторы не стали основой для лесной политики государства» [2], [3]. Поддерживая критику ученых в отношении первых принятых критериев и индикаторов для системы лесного хозяйства России, дополнительно отметим, что на тот период и уровень развития лесного хозяйства, индикаторы для оценки критериев были подобраны с учетом возможности использования существующих информационных потоков по лесному хозяйству. Каждый критерий мог характеризовать страну в целом, природно-экономический регион (группу субъектов Федерации) и каждый субъект Российской Федерации. В число индикаторов включены и такие, статистическая информация по которым в настоящее время на национальном (государственном) уровне не велось, но ее получение будет иметь большое значение в будущем.

Интересно, что концептуально российские индикаторы соответствуют семи тематическим элементам УУЛ, принятым в 2007 году Форумом ООН по лесам: Объем лесных ресурсов, Лесное разнообразие, Здоровье и жизнеспособность леса, Продуктивная функция лесных ресурсов, Защитные функции лесных ресурсов, Социально-экономические функции, Правовые, политические и институциональные рамки.

Организация Объединенных Наций описывает устойчивое управление лесами как: «динамичную и меняющуюся концепцию, направленную на сохранение и повышение экономической, социальной и экологической ценности всех типов лесов для пользы нынешних и будущих поколений»².

Исходя из приведенного и воспринятого национальными законодательствами определения, критерии и индикаторы устойчивости должны отражать экономическую, экологическую и социальную устойчивость лесного хозяйства.

Экономическая составляющая устойчивости лесного хозяйства выражается в превышении годового прироста лесов над уровнем вырубки древесины, а также в получении доходов от лесной отрасли при производстве продукции из древесины и альтернативных лесных услуг.

Экологическая составляющая устойчивости лесного хозяйства выражается в сохранении не столько в продуктивности лесов, сколько в их разнообразии, поддержании защитных функций и жизнеспособности, поддержании существования зависимых от леса видов растений и животных.

Социальная составляющая устойчивости лесного хозяйства выражается в обеспечении участия общественности в принятии решений, в поддержке местных знаний, традиций и опыта малочисленных народов.

Так как упомянутый приказ с утвержденными критериями и индикаторами отвечает не всем требованиям по учету составляющих устойчивого развития, а цель координации действий в системе лесного хозяйства для выполнения задачи государства по обеспечению устойчивого развития всех видов лесов с целью удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколений людей осталась, в современных стратегических и программных документах утверждены расширенные показатели, выполняющие роль индикаторов.

В современной Стратегии развития лесного комплекса РФ на период до 2030 года³ выделено 11 ключевых показателей развития лесного комплекса. Однако перечисленные выше показатели не отражают в полной мере все цели (составляющие устойчивости): 6 – экологические, 5 – экономические, 0 – социальные.

В действующей в настоящее время Государственной программе Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» предусмотрено 39 показателей по всей программе, включая подпрограммы⁴. При разработке целевых показателей (индикаторов) учтены требования к характеристике каждого показателя

(адекватность, точность, объективность, достоверность, однозначность, экономичность, сопоставимость, своевременность и регулярность). Вместе с тем, в программе отсутствуют индикаторы, позволяющие проследить соблюдение социальной устойчивости лесного хозяйства, в то время как экономические и экологические критерии устойчивости представлены в полном объеме, являются выполнимыми и измеримыми, что позволяет в долгосрочной перспективе оценить прогресс по переходу к устойчивому лесному хозяйству.

Поэтому говорить об «устойчивом лесном хозяйстве» можно только в случае, если в критериях и индикаторах учитываются не только экономические и экологические, но и социальные факторы использования лесов (в противном случае вместо устойчивого развития мы говорим о рациональном природопользовании).

В числе таких социальных факторов устойчивого лесопользования можно предложить: степень вовлеченности лесных ресурсов региона в социальные формы лесопользования, состояние дел в сфере охраны труда работников лесной отрасли; эффективность борьбы с бедностью (уровень жизни населения) в лесопромышленных регионах и т.д.

К критериям и индикаторам устойчивого развития могут быть отнесены:

- защита прав местного населения при принятии решений, реализация которых может оказать воздействие на леса при их использовании, охране, защите, воспроизводстве (индикаторы: количество решений, в принятии которых участвовало местное население; количество опросов с целью учета мнения населения при принятии решений по предоставлению в пользование лесных участков, граничащих с населенным пунктом и используемым местным населением традиционно для рекреационных целей, заготовки пищевых лесных ресурсов, сбора лекарственных растений);

- защита прав коренных малочисленных народов и их исконной среды обитания и их традиционного образа жизни (доля площади лесов, предоставленных коренным малочисленным народам для осуществления их традиционной хозяйственной деятельности, связанной с лесопользованием; занятость в общинах коренных малочисленных народов, связанных с лесопользованием);

- занятость местного населения в лесном хозяйстве (число лиц, занятых в лесном хозяйстве, классифицируемые по гендерному признаку, возрасту, образованию и характеру выполняемой работы; доход местного населения, занятого в лесном хозяйстве).

Таким образом, несмотря на недостаточность и устаревший характер существующих критериев и индикаторов устойчивого развития, в целом, их утверждение означает принятие Россией обязательств по их соблюдению для оценки уровня устойчивого развития, так как критерии и индикаторы являются механизмом контроля и воздействия на систему устойчивого управления лесами. Полагаем, что данные критерии и индикаторы требуют дальнейшего развития путем включения в них социальных индикаторов устойчивого развития, что позволит перейти от стратегии обеспечения рационального использования лесов, ориентирующейся только на поиск баланса между экологическими и экономическими интересами, к реализации концепции устойчивого развития в сфере лесопользования.

Пристатейный библиографический список

1. Выпханова Г. В. Правовые проблемы обеспечения устойчивого развития России и ее регионов // Экологическое право. – 2005. – № 5. – С. 7-10.
2. Оленина Т. Ю. Правовые аспекты устойчивого управления лесами // Российская юстиция. – 2016. – № 1. – С. 25-28.
3. Шуплецова Ю. И. Устойчивое управление лесами (Монреальский процесс) // Международно-правовое и национальное регулирование экологической сферы общества: Сборник статей / Сост. Ю. С. Шемшученко, С. А. Боголюбов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2011. – С. 248-258.

2 Управление природными лесами. Сайт ФАО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/forestry/sfm/85084/en/> (дата обращения: 06.12.2023).

3 Распоряжение Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.02.2021.

4 Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 318 (ред. от 18.10.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» //

ХАЙРЕДИНОВ Вадим Александрович

преподаватель кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются тенденции развития института юридической ответственности за экологические правонарушения с учетом целей устойчивого развития. Автором проведена классификация административных правонарушений по последствиям (учитывалась угроза нарушения прав и законных интересов настоящих или будущих поколений). В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости ужесточения ответственности за экологические правонарушения, влекущие ухудшение состояния природных объектов с учетом требований устойчивого развития.

Ключевые слова: юридическая ответственность, экологическая ответственность, экологические правонарушения, устойчивое развитие.

KNAYREDINOV Vadim Alexandrovich

lecturer of Land and environmental law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF LEGAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL OFFENSES IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article examines trends in the development of the institution of legal liability for environmental offenses, taking into account the goals of sustainable development. The author classified administrative offenses by consequences (the threat of violation of the rights and legitimate interests of present or future generations was taken into account). As a result of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to tighten liability for environmental offenses that lead to the deterioration of the condition of natural objects, taking into account the requirements of sustainable development.

Keywords: legal liability, environmental liability, environmental offenses, sustainable development.

Хайрединов В. А.

В соответствии с Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, закрепляющими основные механизмы реализации экологической политики, «усиление ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды и обеспечение неотвратимости наказания за экологические преступления и иные правонарушения»¹ признано одним из основных таких механизмов.

Институт юридической ответственности за экологические правонарушения достаточно сложен. Так, Петров В. В. отмечал, что «юридическая ответственность в области охраны окружающей среды представляет собой взаимодействие двух видов правоотношений. Первый образуется между органом, осуществляющим природопользование и охрану объектов природы и лицом нарушившим законодательство по факту образовавшегося состава правонарушения. Содержание этого вида отношения выражает обязанность нарушителя нести неблагоприятные последствия за совершенные нарушения и право природоохранительного органа на привлечение этого нарушителя к предусмотренной законом ответственности. Второй вид устанавливается между нарушителем и органом государства по поводу применения установленных законом санкций за совершение нарушений. Если первый вид отношений регулируется нормами той отрасли законодательства, которое нарушается им (т.е. природоохранительного законодательства), то второй – теми отраслями, в которых установлены санкции за данное нарушение» [1, с. 190]. Именно установление взаимосвязи норм природоохранительного,

экологического, уголовного, административного и гражданского законодательства зачастую вызывает вопросы у правоприменителей при применении мер ответственности за совершение экологических правонарушений. Принципы, идеи и концептуальные положения, принятые за догму в экологическом праве и законодательстве не всегда находят отражение в нормах соответствующих отраслей права и законодательства, применяемых при привлечении к ответственности за совершение экологических правонарушений.

Так, одной из главных концепций, которая положена в основу развития современного экологического права, да и в целом в основу развития всех правоотношений является Концепция устойчивого развития. Сама концепция образовалась в результате соединения трех составляющих: экономического, экологического, социального развития. Сбалансированное развитие экологии, экономики и социальной сферы предопределяет пути развития всех сфер общественной жизни. В связи с тем, что в результате реализации Концепции устойчивого развития должны быть соблюдены интересы не только настоящего поколения, но и будущего, представляется, что тенденции развития института юридической ответственности за экологические правонарушения в условиях устойчивого развития должны быть связаны с тем, чтобы, в конечном счете, минимизировать ущерб, который может быть причинен будущим поколениям.

Среди всех видов юридической ответственности за экологические правонарушения наиболее часто применяется административная ответственность. Анализ статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)² позволяет все правонарушения класси-

1 Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Президентом РФ 30.04.2012. Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

фицировать по группам в зависимости от того, чьи права и интересы нарушаются, и кому причиняется или потенциально может быть причинен вред.

1 группа – правонарушения, посягающие на права и законные интересы настоящего поколения, не влекущие нарушение прав и законных интересов будущих поколений, например, несоблюдение условия обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе (ст. 8.12.1. КоАП РФ). Выразим согласие с позицией А. П. Зрелова в том, что «правонарушение влечет существенную угрозу охраняемым общественным отношениям в части реализации прав граждан на свободный неограниченный доступ к береговой полосе и водным объектам общего пользования с установленным в отношении их режимом общего пользования, и по этой причине совершение подобных деяний не может быть определено как малозначительное» [2]. Действительно, указанное правонарушение посягает на публичное право – право каждого гражданина на доступ к водным объектам общего пользования и бесплатное использование их для личных и бытовых нужд, если иное не предусмотрено Водным кодексом РФ, другими федеральными законами, установленное в ст. 6 Водного кодекса РФ³. И вместе с тем, говоря о правах и потребностях будущих поколений, можем предположить, что указанное правонарушение не наносит им вред. При совершении такого правонарушения не причиняется вред окружающей среде: не загрязняется водный объект, не истощаются водные ресурсы. Соответственно, будущие поколения при устранении нарушений и обеспечении доступа к водному объекту не несут риска в неудовлетворении своих потребностей в использовании природных объектов.

2 группа – правонарушения, посягающие на права и законные интересы настоящего поколения, влекущие нарушение прав и законных интересов будущих поколений. Например, нарушение правил охраны водных объектов (ст. 8.13. КоАП РФ). Указанное правонарушение может выражаться в нарушении водоохранного режима на водосборах водных объектов, которое может повлечь загрязнение указанных объектов или другие вредные явления (ч. 1), в невыполнении или несвоевременном выполнении обязанностей по приведению водных объектов, их водоохраных зон и прибрежных защитных полос в состояние, пригодное для пользования (ч. 2), в загрязнении ледников, снежников или ледяного покрова водных объектов либо загрязнении водных объектов, содержащих природные лечебные ресурсы или отнесенных к особо охраняемым водным объектам (ч. 5). На наш взгляд, это правонарушение, предусмотренное ч. 5 ст. 8.13. КоАП РФ, в сравнении с предыдущим составом (ст. 8.12.1. КоАП РФ), влечет угрозу охраняемым общественным интересам на порядок выше, прежде всего потому, что водные объекты, содержащие природные лечебные ресурсы или относящиеся к особо охраняемым объектам, являются особо охраняемыми, и такое загрязнение обладает большей общественной опасностью по сравнению с загрязнением, например, других водных объектов [3]. Учеными, занимающимися проблемами охраны водных объектов доказано, что загрязнение вод приводит к тяжелым последствиям, включая вред здоровью и жизни человека. Более того, практически невозможно вернуть водный объект в первоначальное состояние, которое было до загрязнения. Поэтому загрязнение водных объектов, как одно из проявлений водной проблемы находится в центре внимания Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, а повышение качества воды в загрязненных водных объектах и восстановление водных экосистем поставлены на первое место в числе задач, реализация которых необходима для достижения целей Стратегии [4]. Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что указанное правонарушение не только причиняет вред окружающей среде в настоящем времени и нарушает права и законные интересы граждан, в том числе на благо-

приятную окружающую среду, но и ставит под угрозу возможности и права будущих поколений на использование чистых водных объектов и водных ресурсов.

При этом санкции, установленные законодательством, за совершение правонарушений, указанных выше, не позволяют нам говорить об очевидном различии этих правонарушений по признаку создания угрозы нарушения прав и законных интересов будущих поколений. За совершение правонарушения, предусмотренного ст. 8.12.1. КоАП РФ (несоблюдение условия обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе) предусмотрено наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц – от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. За совершение правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 8.13. КоАП РФ (загрязнение ледников, снежников или ледяного покрова водных объектов либо загрязнение водных объектов, содержащих природные лечебные ресурсы или отнесенных к особо охраняемым водным объектам) – наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц – от пятидесяти тысяч до восьмидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей. Сравнительный анализ санкций показывает, что за правонарушение первой группы установлены более строгие санкции, то есть, несоблюдение права на доступ к водному объекту граждан, проживающих в настоящее время законодателем с точки зрения строгости законодательства оценено выше, нежели права будущих поколений на чистые водные объекты, что, на наш взгляд, не соответствует общему духу Концепции устойчивого развития.

В связи с изложенным, полагаем, одной из главных тенденций развития института юридической ответственности за экологические правонарушения в условиях устойчивого развития, должно стать ужесточение ответственности за экологические правонарушения, влекущие ухудшение состояния природных объектов, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на правах будущих поколений на удовлетворение своих потребностей, связанных с использованием таких природных объектов и ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Петров В. В. Правовая охрана природы. – М.: Моск. ун-т, 1980.
2. Зрелов А. П. Современные особенности привлечения к ответственности за несоблюдение условия обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 11. – С. 69-73.
3. Качина Н. В. Загрязнение вод (статья 250 УК РФ): проблемы правоприменения и пути правового решения // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 8. – С. 64-68.
4. Зверева А. И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами: монография / Под ред. Ю. В. Грачевой. – Москва: Проспект, 2019. – 200 с.

3 Водный кодекс Российской Федерации от 03 июня 2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

АМИРОВА Диляра Кафилевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, майор полиции

НАБИЕВ Валерий Валерьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, майор полиции

УМАТКУЛОВА Регина Радиковна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

ЗИМИН Никита Владимирович

старший специалист группы профессиональной подготовки ОРЛС МВД России по г. Нефтеюганску, старший лейтенант полиции

КОНЦЕПЦИИ И ТЕОРИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «НЕУДАВШЕЕСЯ СОУЧАСТИЕ» В ПРЕСТУПЛЕНИИ

В настоящей статье рассмотрены ключевые характеристики, учет которых необходим для полной и правильной квалификации преступления при эксцессе исполнителя. Авторы рассматривают различные концепции ответственности соучастников в совершении преступления (акцессорная теория, теория самостоятельной ответственности соучастников). Авторы приходят к выводу о том, что для правильной квалификации содеянного, необходимо обеспечить единообразное толкование и применение норм статей Общей части УК РФ о соучастии, что возможно путем усовершенствования и дополнения рассматриваемых норм.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя, соучастие в преступлении, сложное соучастие, акцессорная теория, теория самостоятельной ответственности, преступление, квалификация преступления.

AMIROVA Dilyara Kafilevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

NABIEV Valeriy Valerjevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

UMATKULOVA Regina Radikovna

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ZIMIN Nikita Vladimirovich

senior specialist of the professional training group of the MIA of Russia in Nefteyugansk, senior lieutenant of police

CONCEPTS AND THEORIES OF RESPONSIBILITY FOR “FAILED COMPLICITY” IN A CRIME

This article examines the key characteristics, the consideration of which is necessary for the complete and correct qualification of a crime in the case of an excess of the perpetrator. The authors consider various concepts of responsibility of accomplices in the commission of a crime (accessory theory, theory of independent responsibility of accomplices). The authors conclude that, in order to correctly qualify what they have done, it is necessary to ensure a uniform interpretation and application of the norms of the articles of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation on complicity, which is possible by improving and supplementing the norms under consideration.

Keywords: excess of the perpetrator, complicity in the crime, complex complicity, accessory theory, theory of independent responsibility, crime, qualification of the crime.

Эксцесс исполнителя в уголовном законодательстве Российской Федерации подразумевает обособленную ответственность исполнителя за фактически совершенное преступление, выходящее за пределы оговоренного соучастниками умысла. Эксцесс влияет на оценку юридической квалификации преступного деяния и последующее назначение наказания. Суд при рассмотрении уголовного дела обязан учитывать обстоятельства, мотивы и степень вины соучастников для принятия обоснованного решения. Вместе с тем суд обязан учитывать обстоятельства, влияющие на действия исполнителя, в результате которых был совершен эксцесс. В частности, учитывается, был ли эксцесс исполнителя вызван активными действиями других соучастников.

Институт эксцесса в доктрине уголовного права вытекает из базы института соучастия, ввиду чего, прежде чем приступить к более подробному анализу эксцесса, необходимо рассмотреть некоторые концепции и идеи, связанные с соучастием в совершении преступления.

Теоретическое обоснование вопросов квалификации соучастия нашло свое отражение в исследованиях таких авторов, как: Гюлбанкян А. А., Кленова Т. В., Мнацаканян Д. Л., Пудовочкин Ю. Е., Шарапов Р. Д., Ситникова А. И. и др.

Как справедливо отмечают Кленова Т. В., Мнацаканян Д. Л., на сегодняшний день имеются проблемы в квалификации преступных деяний ввиду того, что «как у теоретиков, так и у практиков не сложилось единого подхода к пониманию исходных понятий соучастия, группы и соисполнительства в преступлении» [2].

Один из подходов определяет соисполнителей как лиц, действующих сообща и совершивших общее преступление. Другой подход может рассматривать соисполнителей как лиц, выполнивших различные роли в совершении преступления, но все же являющихся соучастниками.

В теории уголовного права выделяют несколько концепций природы соучастия. В первую очередь к таковым относится акцессорная теория, разработанная представителями классической школы уголовного права. Следует так

же отметить, что большинство исследователей выступают в поддержку рассматриваемой теории, нежели теории самостоятельной ответственности соучастников.

Акцессорная теория соучастия впервые нашла свое отражение в уголовном законодательстве Франции (1791 г.), после чего отражена в законодательстве Германии, и многих других стран, в том числе и в российском уголовном законе [5]. Основной идеей акцессорной теории является солидарная ответственность всех участников преступления.

Акцессорная (от латинского «дополнительный», «несамостоятельный») теория соучастия подразумевает отсутствие самостоятельной ответственности участников преступления при сложном соучастии, т.е. при совершении преступления с участием организатора, подстрекателя и пособника. Ответственность соучастников при этом напрямую зависит от преступления, совершенного исполнителем. Как отмечает Шарапов Р. Д.: «Соучастники принимают участие в «чужом» преступлении, главным виновником которого является исполнитель, поэтому преступная деятельность организатора, подстрекателя и пособника имеет не самостоятельное, а лишь дополнительное, подчиненное значение по отношению к преступной деятельности исполнителя» [6].

Следующей концепцией ответственности соучастников в совершении преступления является теории самостоятельной ответственности соучастников. Рассматриваемая теория напротив, подразумевает самостоятельную оценку действий соучастников преступления, обособленную от действий исполнителя. «Каждый соучастник, в чем бы ни выразалось его участие в сообща совершенном преступлении, подлежит уголовной ответственности на том основании, что он сам, действуя виновно, посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения, его личная деятельность в силу этого приобретает общественно опасный характер, а умышленное участие в совершении преступления выступает как лично им, соучастником, совершенное деяние. Каждый субъект, действует ли он один или совместно с другими лицами, совершая преступление, тем самым создает основание своей уголовной ответственности» [6].

Ответственность соучастников преступления, при совершении которого исполнитель вышел за оговоренные рамки, предусматривается статьей 36 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно рассматриваемой норме закона за эксцесс исполнителя иные соучастники ответственности не несут, вместе с тем, согласно ч. 5 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации, если исполнитель совершил покушение на преступление, то и остальные соучастники несут уголовную ответственность за соучастие в покушении на преступление. Т.е. ответственность организатора, подстрекателя, пособника напрямую зависят от действий исполнителя, в чем мы видим акцессорные начала ответственности соучастников [1].

Возвращаясь к проблеме отсутствия единого понимания соучастия, группы и соисполнительства, отметим, что совместное участие двух и более лиц в совершении преступления возможно в различных вариациях. При совершении преступления совместно несколькими участниками имеют в виду такую общность преступников, которую объединяет одно преступное деяние, как центральное звено, вокруг которого разворачиваются действия лиц, имеющих к нему отношение.

Своеобразие соучастия как разновидности стечения преступников базируется на представлении о тех лицах, которые сознательно создают событие преступления, являющиеся его производительной силой и источником. Другие лица — имеющие ту или иную связь с преступлением, но не являющиеся его движущей силой, периферия преступления, — составляют самостоятельную группу (так называемых прикосновенных лиц) [3].

Как отмечает Пудовочкин Ю. Е. «Отечественный закон, равно как и российская наука, также не проводят институциональных различий между соисполнительством и соучастием, признавая соисполнительство одним из проявлений соучастия» [4].

На наш взгляд, квалификация преступлений может считаться правильной, если соответствует принципу дифферен-

циации уголовной ответственности соучастников. При вынесении решения суд должен оценивать действия участников по таким критериям и признакам, как:

1. Соотношение и оценка фактических действий каждого лица и их мотивов.
2. Наличие сговора между участниками преступления.
3. Анализ последствий преступления и их связь с действиями отдельных участников.
4. Учет психического состояния и личностных характеристик каждого участника, их роль и влияние на совершение преступления.
5. Определение степени влияния каждого участника на соучастников и их активность в процессе совершения преступления.

Дифференцированный подход позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства каждого участника преступления при определении их ответственности и назначении наказания. Такой подход предполагает, что подлежит учету эксцесс, направленный как на понижение, так и на повышение общественной опасности деяния. Таким образом, если умысел исполнителя трансформировался на совершение кражи вместо разбоя, деяние исполнителя должно квалифицироваться как совершение кражи. Исходя из того, что умысел другого соучастника, например, подстрекателя, направлен на совершение более тяжкого преступления - разбоя, ему должно вменяться подстрекательство к разбою [2].

Таким образом, для точной и правильной квалификации преступления при эксцессе исполнителя, необходимо обеспечить не только единообразное толкование и применение норм Общей части УК РФ о соучастии, но и выработать единую концепцию понимания правовых норма отражающих ответственность за совершение преступлений при «неудавшемся соучастии».

Пристатейный библиографический список

1. Гюлбанкян А. А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2023. - № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnye-voprosy-kvalifikatsii-ekstsessa-ispolnitelya-prestupleniya> (дата обращения: 11.02.2024).
2. Кленова Т. В., Мнацаканян Д. Л. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Юридический вестник Самарского университета. - 2019. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ponimaniya-ekstsessa-souchastnika> (дата обращения: 09.02.2024).
3. Плотников А. И. Соучастие в системе преступлений, характеризующихся стечением преступников // Lex Russica. - 2016. - № 5 (114). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-sisteme-prestupleniy-harakterizuyuschih-syacheniem-prestupnikov> (дата обращения: 09.02.2024).
4. Пудовочкин Ю. Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. - 2018. - № 8 (260). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-souchastiya-opyt-teoreticheskoy-razrabotki-i-normativnogo-zakrepleniya> (дата обращения: 09.02.2024).
5. Ситникова А. И. Законодательно-текстологическое моделирование института соучастия в преступлении // Lex Russica. - 2016. - № 2 (111). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelno-tekstologicheskoe-modelirovanie-instituta-souchastiya-v-prestuplenii> (дата обращения: 09.02.2024).
6. Шарапов Р. Д. Соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие» // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2018. - № 1 (43). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-neokonchennom-prestuplenii-i-neudavsheesya-souchastie> (дата обращения: 09.02.2024).

ВАНЯШИН Илья Сергеевич,

преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

ПАВЛОВ Даниил Викторович

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В статье рассмотрены отдельные аспекты незаконного перемещения огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему)*, которое по своему содержанию составляет сложный вид преступной деятельности. Проведен анализ законодательства, относящегося к незаконному обороту огнестрельного оружия, предложено авторское определение термина «перемещение», раскрыто его содержание. Предложено внести изменения в диспозицию статьи 222 УК РФ посредством введения термина «перемещение».

Ключевые слова: огнестрельное оружие, ответственность, перемещение, транспортировка, подследственность.

VANYASHIN Ilya Sergeevich

lecturer of Fire and physical training sub-faculty of the Volgodonk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

PAVLOV Daniil Viktorovich

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LEGAL ASPECTS OF ILLEGAL MOVEMENT OF FIREARMS

The article discusses certain aspects of the illegal movement of firearms, their main parts, ammunition (with the exception of civilian smooth-bore long-barreled weapons, their main parts and cartridges for them, limited-kill firearms, their main parts and cartridges for them), which in its content constitutes a complex type of criminal activity. An analysis of the legislation related to the illicit trafficking of firearms is carried out, the author's definition of the term "movement" is proposed, and its content is disclosed. It is proposed to amend the disposition of Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation by introducing the term "movement".

Key words: firearms, responsibility, movement, transportation, jurisdiction.

Незаконное перемещение огнестрельного оружия составляет сложный вид преступной деятельности. В теории и практике незаконный оборот огнестрельного оружия составляют уголовно-наказуемые общественно-опасные действия. При этом следует отметить, что позиции ученых не объединены однозначным толкованием данного понятия. Одни ученые уверены, что рассматриваемая группа преступлений не ограничивается посягательствами в сфере общественной безопасности и включает в себя:

- преступления в сфере установленного порядка несения военной службы (военные преступления) - например, ст. 338 ч. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации¹;
- преступления в сфере общественной безопасности и общественного порядка – например, ст. 226.1 УК;
- против мира и безопасности человечества - например, ст. 335 УК и др., которые, имея другую основную цель, тем не менее, косвенно обеспечивают уголовно-правовое регулирование в сфере незаконного оборота оружия [1].

Другие ученые утверждают, что к «незаконному (уголовному) обороту оружия» относятся только преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 222-226 УК [2]. Отдельные авторы, исследуя этот вопрос, сосредотачивают внимание не на деяниях, составляющих состав преступления, а на предмете посягательства [3].

Порядок оборота оружия в контексте уголовно-правового, административно-правового и гражданско-правового режима исследовал выдающийся ученый, писатель, автор множества книг и монографий Д. А. Корецкий [4, с. 24-54], который предложил рассматривать указанный аспект в отдельной теории «криминальной армалогии», под чем пони-

мал комплексное междисциплинарное учение об оружии, его правовой режим, его использование в криминальных целях и с целью борьбы с преступностью, ее влияние на обычаи в обществе, на групповую и индивидуальную психологию населения, на законопослушное и противоправное поведение отдельных граждан и социальных групп [4, с. 15].

В нашем исследовании мы считаем целесообразным ввести на законодательном уровне в диспозицию статьи 222 УК термин «перемещение», который на наш взгляд более широк, чем «транспортировка» или «перевозка», ведь последний характеризуется необходимостью наличия транспортных средств (автомобиля, самолета, поезда, морского судна и др.) и конкретно определенных путей доставки (железные дороги, дорог и автомагистралей, которые соединяют населенные пункты, путей воздушного пространства, морских и речных путей), в то время как перемещение может происходить и без наличия указанных (например, лично при себе; путем использования специально оборудованных тоннелей; с использованием устройств, механизмов и технических средств передвижения вне зоны разрешенных путей передвижения, например воздушные шары, дистанционно управляемые летающие аппараты (беспилотники) и плавающие средства или механизмы; путем перемещения через государственную границу; с использованием специально обученных для перемещения огнестрельного оружия животных и др.).

К данному умозаключению мы пришли поскольку на наш взгляд наблюдается неоднозначная законодательная регламентация и законотворческая практика использования юридической терминологии, которая в конце концов вливает не только на квалификацию деяний, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, но и на наличие ответственности за такие деяния. Обобщающим для всех видов действий по изменению местонахождения огнестрельного

* Далее – огнестрельного оружия.

¹ Далее – УК.

оружия является термин «перемещение», который непременно является составной частью оборота огнестрельного оружия.

Практика деятельности оперативных и следственных правоохранительных подразделений органов показывает, что отсутствие законодательного закрепления уголовного ответственности за незаконное перемещение огнестрельного оружия позволяет лицам, занимающиеся его незаконным оборотом, избегать наказания. Чаще всего лицо, задерживаемое работниками правоохранительных органов во время «незаконного перемещения» огнестрельного оружия в пределах территории страны объясняет, что оно доставляет или перемещает его для добровольной сдачи органам власти. Естественно, применимо к статье 222 УК такое перемещение трактуется и вменяется лицу как незаконное ношение огнестрельного оружия. Но представим ситуацию, когда лицо перемещало огнестрельное оружие при помощи специально обученной собаки и оружие было прикреплено к ней посредством специальных приспособлений, а человек лишь шел рядом, не показывая своей связи с животным. В такой ситуации естественно термин «перемещение» в диспозиции статьи несомненно облегчил бы жизнь правоохранителям в процессе доказывания, который становится все сложнее и потому, что мнения прокуроров и сотрудников правоохранительных органов при трактовке добровольной выдачи и границ ее начала и окончания неоднозначны. Поэтому, учитывая такое объяснение лица и при отсутствии других доказательств причастности к незаконному обороту огнестрельного оружия или преступлениям, связанным с его использованием, согласно примечанию к ст. 222 УК такое лицо освобождается от уголовной ответственности. Таким образом, возникают трудности в выявлении преступных действий указанных лиц.

Учитывая изложенное с целью выявления преступления и неотвратимости наказания процесс реализации оперативно-розыскной информации и задержание преступников вынужденно переносится на более поздний момент совершения противоправных деяний, за которые не предусматривается освобождение от уголовной ответственности (например на время передачи или сбыта без предусмотренного законом разрешения огнестрельного оружия третьим лицам, либо на время приготовления или покушения на совершение преступления с использованием огнестрельного оружия и т.п.). На наш взгляд, не может быть признано удовлетворительным такое положение вещей, поскольку, с одной стороны, правоохранители, медля с моментом задержания преступника, ставят под угрозу жизнь и здоровье граждан, которым может быть нанесен ущерб (преднамеренно или по неосторожности), с другой стороны – ускоряя свои действия, правоохранители часто упускают возможность привлечения преступников к уголовной ответственности.

В толковых словарях современного русского языка под ношением (действием по значению «носить») понимается «движение в один прием и в одном направлении, а носить – движение, повторяющееся и совершающееся в разное время, в разных направлениях»², тогда как под перемещением понимается изменение местонахождения чего-либо; перенос из одного места в другое³.

В связи с этим «незаконное перемещение огнестрельного оружия», на наш взгляд, является более широким термином, чем его незаконное ношение, передача, перевозка, пересылка, транзит, транспортировка, доставка и другие однородные.

При этом следует отметить, что перемещение огнестрельного оружия с территории государства, на территорию государства или через территорию государства можно назвать специальным видом перемещения, о чем свидетельствует отдельная норма УК (ст. 226.1), которой установлена уголовная ответственность за указанные деяния. Кроме этого, об исключительности (исключительности) таких видов перемещения огнестрельного оружия свидетельствует и ч. 2 ст. 151 УПК РФ, согласно которой предварительное следствие по статье 226.1 УК, осуществляют следственные органы федеральной службы безопасности. В то же время, предварительное расследование незаконного перемещения огнестрельного оружия по территории государства осуществляют следственные органы полиции и органы дознания.

Исследуя понятие незаконного перемещения огнестрельного оружия, следует отметить, что под «незаконными» мы понимаем деяния лиц, осуществляющиеся без соответствующего разрешения государства, независимо от конструктивной особенности устройства, которое в дальнейшем (после проведения экспертизы) будет признано огнестрельным оружием.

Таким образом, мы приходим к выводам, что сегодня возникла правовая и практическая необходимость введения в законодательство термина «незаконное перемещение» огнестрельного оружия и более детального трактовки понятия «добровольная выдача». Необходимо привести в примечаниях к ст. 222 УК конкретные формулировки. Нами предлагается изложить часть 1 Примечания к ст. 222 УК в следующей редакции: «Лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье. Не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в настоящей статье, а также в статьях 222.1, 222.2, 223 и 223.1 настоящего Кодекса, их изъятие при: 1.1 Задержании лица, 1.2 При обращении сотрудников полиции к лицу, если очевидно, что лицо видело сотрудников полиции в поле зрения и это побудило его обратиться к ним с заявлением о добровольной сдаче, 1.3. При проверке документов у лица, в ходе которой или еще до ее начала лицо обратилось к сотрудникам с заявлением о добровольной сдаче оружия, если очевидно, что лицо видело сотрудников полиции в поле зрения что и побудило его обратиться к ним, 1.4 При проведении оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий по их обнаружению и изъятию».

Пристатейный библиографический список

1. Фельде Г. Е. Причины и условия возникновения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации // Наука, техника и образование. - 2016. - № 5 (23).
2. Робак В. А. Гонимое незаконное оборота оружия и классификация преступлений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2021. - № 3-1.
3. Кудашов В. Н. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ // Проблемы экономики и юридической практики. - 2006. - № 3-4.
4. Корецкий Д. А. Криминальная армалогия. - М.: АСТ: Астрель, 2010. - 446 с.

2 Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znachenie-slova.ru/носить> (дата обращения: 31.01.2024).

3 Толковый словарь Ожогова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/155830> (дата обращения: 31.01.2024).

ГАНИЕВА Ирада Аллахвердиевна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ВИДЫ И СПОСОБЫ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Последние несколько десятилетий характеризуются тем, что достижения научно-технического прогресса стали неотъемлемой частью жизни практически каждого гражданина. С появлением и развитием информационных технологий совершенствуются виды и способы преступной деятельности. Одним из них стало мошенничество, совершенное дистанционным способом. Появление термина «дистанционное мошенничество» обусловлено тем, что преступник и жертва не контактируют между собой и могут находиться на больших расстояниях друг от друга. В статье рассмотрены виды и способы мошенничеств, совершенных дистанционным способом.

Ключевые слова: мошенничество, «дистанционное» мошенничество, киберпреступность, преступление, информационные технологии.

GANIEVA Irada Allahverdievna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TYPES AND METHODS OF FRAUD COMMITTED REMOTELY

The last few decades have been characterized by the fact that the achievements of scientific and technological progress have become an integral part of the life of almost every citizen. With the advent and development of information technologies, the types and methods of criminal activity are being improved. One of them was fraud committed remotely. The appearance of the term «remote fraud» is due to the fact that the perpetrator and the victim do not contact each other and may be at great distances from each other. The article discusses the types and methods of fraud committed remotely.

Keywords: fraud, «remote» fraud, cybercrime, crime, information technology.

Ганиева И. А.

Особую актуальность в современном мире приобрели проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершенных дистанционным способом. Пандемия коронавируса привела к еще большему увеличению объема скама и случаев онлайн-мошенничества. Значительная часть преступлений так и остается нераскрытой либо в связи с отсутствием сообщений о преступлениях со стороны потерпевших, либо в силу конспиративных возможностей злоумышленников. Проблемной стороной вопроса является также и то, что часть деяний в силу малозначительности ущерба квалифицируется как правонарушение.

В последние годы предпринимаются активные меры по ужесточению уголовной политики за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В уголовное законодательство вносятся соответствующие поправки. Так, статья 158 Уголовного кодекса РФ была дополнена пунктом «г», устанавливающим ответственность за кражу. Статья 159.3 УК РФ теперь звучит как «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». По данной статье и по статье 159.6 УК РФ изменено значение крупного размера, теперь он снижен до двухсот пятидесяти тысяч рублей. Особо крупный размер в свою очередь также был снижен до одного миллиона рублей.

При совершении большинства преступлений с использованием информационных технологий злоумышленники не вступают в прямой контакт с потерпевшими, что затрудняет их раскрытие. Еще одной существенной чертой данного рода преступных деяний является то, что полученные мошенническим способом денежные средства практически моментально перемещаются на любые расстояния, в том числе и за границу. Обозначенные обстоятельства обусловили применение к рассматриваемым преступлениям термина «дистанционное мошенничество».

«Дистанционное» мошенничество – вид мошенничества, при котором злоумышленники используют электронные

средства связи (интернет, телефон) для обмана потенциальных жертв. Ключевой особенностью является то, что данные преступные деяния совершаются удаленно. Преступники не только изобретают новые способы обмана граждан, но и совершенствуют уже существующие.

Механизм совершения «дистанционного» мошенничества достаточно прост. Злоумышленник, не вступая в визуальный контакт с жертвой, через телефон или Интернет вводит ее в заблуждение с целью похищения денежных средств. В одних случаях жертва самостоятельно переводит требуемую сумму на якобы безопасный счет, принадлежащий преступнику. В других – потерпевшие сообщают свои личные данные, номер карты, CVV-код, что позволяет получить доступ к денежным средствам.

Интересным является то, что первый случай «дистанционного мошенничества» был обнаружен в стенах учреждений уголовно-исполнительной системы, им занимались лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы.

В настоящее время в стенах пенитенциарных учреждений данный вид мошенничества приобрел широкие масштабы. Резонансным стал случай, произошедший в московском СИЗО «Матросская тишина» где был обнаружен мошеннический call-центр. В ходе обыска обнаружено множество сотовых телефонов, сим-карт, наушников, роутеров и микрофонов [3, с. 421]. Основными путями попадания мобильных телефонов, сим-карт и прочей техники к осужденным являются передачи через родственников, перебрасывания через ограждения либо с помощью квадрокоптеров, передача завербованными либо коррумпированными сотрудниками исправительных учреждений.

Существует множество способов дистанционного мошенничества, некоторые из которых включают:

1. Фишинг – это метод мошенничества, при котором злоумышленники отправляют электронные письма или создают веб-сайты, которые выглядят как настоящие, чтобы получить личную информацию и пароли от жертв.

2. Смс-мошенничество – это метод, при котором злоумышленники отправляют фальшивые Смс-сообщения с просьбой предоставить личные данные или совершить оплату.

3. Мошенничество с помощью социальных сетей – это метод, при котором злоумышленники создают фальшивые профили в социальных сетях, чтобы обмануть жертв.

4. Мошенничество с помощью телефонных звонков – это метод, при котором злоумышленники звонят жертвам и предлагают выгодные услуги или товары, чтобы получить их личные данные и средства.

5. Мошенничество с использованием вредоносных программ – это метод, при котором злоумышленники отправляют вредоносные программы на компьютеры жертв, чтобы получить доступ к их личной информации и банковским реквизитам.

6. Мошенничество с помощью онлайн-аукционов – это метод, при котором злоумышленники создают фальшивые аукционные сайты, чтобы обмануть жертв и получить их деньги.

7. Мошенничество с помощью онлайн-игр – это метод, при котором злоумышленники создают фальшивые игровые сайты, чтобы обмануть жертв и получить их деньги и личную информацию.

Рассмотрим некоторые способы мошенничества, совершенные дистанционным способом, более подробно.

Одним из наиболее распространенных способов «дистанционного» мошенничества является фишинг. Его основной целью является получение доступа к банковской карте и для ее достижения используют рассылки от имени банка, копии веб-сайтов.

Мошенничества, связанные с использованием сайтов-двойников, достаточно часто совершаются с использованием сайтов объявлений в Интернете о купле-продаже имущества («Циан», «Авито», «Юла»). Безусловно данные сервисы принимают меры безопасности для защиты своих клиентов. Так, например, сайт «Авито» предоставляет возможность совершения звонков и отправки сообщений. Помимо этого, «Авито» предоставляет услугу доставки товара и продавец получает деньги только после того, как покупатель подтвердит факт получения товара с заявленными характеристиками. Сервис «Юла» для безопасности клиентов ввел возможность совершения видеозвонков и прямую связь через приложение.

Однако преступный мир продолжает развиваться, и мошенники разрабатывают новые способы обмана граждан. Например, при совершении покупки через «Авито» продавец предлагает выслать платежный документ и отправляет покупателю ссылку на оплату товара. Перейдя по ссылке, жертва вводит свои данные, а после одобрения платежной операции продавец блокирует его и пропадает. Заподозрив факт обмана обычному гражданину может быть непросто поскольку мошенник использует фишинговый сайт, который визуально не отличается от «Авито».

Также используя объявления о продаже товаров, мошенники под предлогом покупки, чтобы вызвать у жертвы интерес, предлагают перевести предоплату и просят сообщить номер карты куда необходимо отправить деньги. После чего на мобильный телефон продавца приходят смс-сообщения с паролем, который необходим сообщить для подтверждения отправки денежных средств.

Стоит отметить, что преступники для реализации своих противоправных намерений используют не только онлайн-платформы, но и сайты официальных ведомств, Госуслуги, страницы в социальных сетях [6, с. 78].

Достаточно распространёнными являются взломы страниц социальных сетей и отправка сообщений от имени пользователя с просьбой помочь в трудной жизненной ситуации и перевести деньги.

В период пандемии коронавируса и введения режима самоизоляции активно стали использоваться дистанционные способы обучения и работы. Большую популярность получило мошенничество с использованием приложения видеоконференцсвязи Zoom. Данный сервис позволяет одно-

временно подключить к беседе около сотни участников, что очень удобно для проведения совещаний и осуществления образовательной деятельности. Сервис предоставляет возможность одновременно использовать экран и создавать чаты, прикрепляя различные вложения и работая с облачными сервисами Google Disc и Dropbox.

Злоумышленники создают внешне схожие с Zoom фишинговые сайты. При регистрации в приложении приходит ссылка, по которой необходимо пройти чтобы участвовать в видеоконференцсвязи. Тем самым пользователь устанавливает себе на устройство вредоносные файлы, за которыми скрывается приложение PUA InstallCore, устанавливающее дополнительное вредоносное программное обеспечение.

Мошеннические действия совершались и с использованием оригинального сайта Zoom. От имени сервиса преступники осуществляли рассылку сообщений о выплате компенсаций, связанных с распространением коронавируса, для получения которой необходимо пройти по ссылке. При регистрации в приложении необходимо заполнить «имя» и «фамилию», вместо которых злоумышленники указывали фразу: «Вам положена компенсация в связи с COVID-19» с ссылкой на мошеннический сайт. Новый пользователь Zoom может пригласить до десяти новых клиентов путем указания их почтовых адресов. Соответственно на те адреса, которые вводят преступники от сервиса с официального сайта, приходит уведомление, что гарантирует как доставку писем до адресатов, так и то, что часть из них перейдет по ссылке и попадет на мошеннический веб-сайт [1].

Следующий способ «дистанционного» мошенничества известен достаточно давно и заключается в том, что злоумышленник совершает телефонный звонок якобы от сотрудника банка и получает необходимую информацию от жертвы для снятия денежных средств.

В последние годы в связи с тем, что многие наслышаны о таком способе хищения денег, преступники немного видоизменили его. Звонки поступают от «сотрудника» службы безопасности, который сообщает потенциальной жертве о поступившем от него запросе на списание денежных средств. Для завоевания доверия преступник называет личные данные потерпевшего, номера банковских карт и иную информацию, после чего просит перевести имеющиеся денежные средства на страховой счет банка-партнера. При этом если ранее мошенники требовали максимально быстро сообщить ПИН-код карты, то сейчас для того, чтобы расположить к себе, они ведут себя достаточно спокойно и ненавязчиво [5, с. 111].

Кроме того, гражданам стали поступать звонки от якобы службы безопасности известных банков с информацией о том, что в отношении данной кредитной организации возбуждено уголовное дело. Используя различные приемы повышения уровня доверия и психологического давления, мошенники употребляют в разговоре названия официальных организаций, государственных структур, услышав которые потерпевший приходит во взволнованное состояние. Злоумышленник указывает на необходимость перевода денежных средств со счета банка, находящегося под угрозой, в более безопасные банки для сохранения денежных средств.

Для получения информации о банковских картах злоумышленники используют различные предлоги: уведомления о различных выплатах от государства, возможность получения компенсаций за товары или услуги, необходимость разблокировки карты и т.п. Зачастую преступники активно манипулируют информацией, полученной с экранов телевизоров и из средств массовой информации. Жертва действительно слышала о положенных выплатах или компенсациях, что позволяет преступнику без труда ввести ее в заблуждение и войти в доверие.

Некоторые противоправные деяния совершаются с использованием преступниками средств сотовой связи и путем непосредственного контакта с жертвой. Злоумышленник, представляясь сотрудником правоохранительных органов сообщает гражданину, что его близкий родственник попал в трудную ситуацию или ему грозит уголовное преследование, то есть всячески запугивает потерпевшего. После чего требуют перевести определенную сумму денег в качестве взятки

для благополучного разрешения возникшей ситуации. Либо злоумышленник представляется медицинским работником и сообщает жертве, что с ее родственником произошел несчастный случай, требующий срочного оперативного вмешательства.

Зачастую при совершении таких преступлений мошенники выбирают в качестве жертвы граждан престарелого возраста либо родителей несовершеннолетних детей, мигрантов.

Еще одним достаточно интересным способом мошенничества является проверка iPhone через Apple ID во время продажи. iPhone считается одним из безопасных смартфонов, который защищает личные данные своих пользователей. Однако даже здесь мошенники нашли лазейку для осуществления преступного замысла. Злоумышленник откликается на объявление о продаже смартфона, связывается с продавцом с намерением приобрести его. Затем сообщает, что у него возникли проблемы с Apple ID. Жертву просят войти со своего телефона в учетную запись покупателя и проверить все ли в порядке. После входа в Apple ID мошенника телефон блокируется и издает громкие звуки, а от жертвы требуют перевести определенную сумму для разблокировки смартфона.

На сегодняшний день существует множество способов «дистанционных» мошенничеств. Рассмотренные способы не являются исчерпывающими поскольку злоумышленники постоянно прорабатывают новые пути обмана граждан.

Все обозначенные способы мошенничества, совершенные дистанционным способом, можно разделить на следующие виды:

- мошенничества, совершаемые только при помощи сети Интернет;
- мошенничества, совершаемые при помощи сети Интернет и средств телефонной связи;
- мошенничества, совершаемые с использованием средств сотовой связи и непосредственного контакта с жертвой [2, с. 219].

«Дистанционные» мошенничества зачастую имеют признаки планирования, тщательной подготовки и распределения ролей. В связи с этим существующие способы «дистанционных» мошенничества могут быть классифицированы на такие виды:

- полноструктурные (подготовка, совершение и сокрытие преступлений);
- менее квалифицированные или усеченные первого типа (совершение и сокрытие преступлений);
- менее квалифицированные, или усеченные второго типа (подготовка и совершение преступлений);
- неквалифицированные, или упрощенные (совершение преступлений).

Полагаем, что «дистанционные» мошенничества чаще совершаются полиструктурными способами, для которых характерно осуществление полного цикла действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений.

В рамках подготовки злоумышленники изучают терминологию, собирают данные о жертвах, подбирают предлог, который поможет расположить к себе, выбирают манеру разговора, интонацию. При подготовке к совершению мошенничества, совершенных дистанционным способом, преступники изучают психологию с целью получения навыков по завоеванию доверия жертвы, введению ее в заблуждение. Кроме того, мошенники получают узконаправленные навыки, например, в банковской сфере.

По признаку связи с профессиональной деятельностью «дистанционные» мошенничества подразделяются на связанные с профессиональной деятельностью и не связанные с ней. Соответственно рассматриваемые преступления могут быть совершены как обычными гражданами, так и лицами, которые обладают специальными знаниями. Например, специалистами в области IT-технологий, в сфере информационной безопасности, профессиональными психологами с опытом работы.

Поскольку «дистанционные» мошенничества отчасти предполагают необходимость обладания определенными знаниями и навыками, то нередко они совершаются группой

лиц с распределением ролей. Одни прорабатывают психологическую тактику общения с жертвой, другие выполняют технические функции, создают фишинговые веб-сайты и т.д.

Для совершения преступных деяний злоумышленники приобретают сим-карты, мобильные телефоны, открывают банковские счета, на которые в дальнейшем переводятся денежные средства потерпевших, создают сайты, вносят изменения в уже действующие оригинальные сайты, взламывают страницы социальных сетей.

С целью сокрытия преступной деятельности мошенниками также используются различные приемы и средства: блокируются сим-карты, с которых происходила рассылка смс-сообщений и осуществлялись звонки жертвам, удаляются веб-сайты, обналичиваются денежные средства и закрываются банковские счета, используемые для перевода денежных средств [4, с. 170].

Таким образом, изучение видов и способов «дистанционных» мошенничества имеет большое практическое значение, поскольку знание структуры, содержания и особенностей поведения преступника позволяет определить направление предварительного следствия, содержание приемов и средств раскрытия преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Кибер-мошенники наживаются на популярности сервиса видеоконференций Zoom. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2394389> (дата обращения: 23.03.2023).
2. Кудрявцев Р. В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 218-221.
3. Морозова Е. Р. Виды дистанционного мошенничества, особенности их квалификации // Актуальные проблемы предварительного расследования: Сборник научных статей международных научно-практических конференций, Санкт-Петербург, 20 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 420-427.
4. Сычева А. В. Некоторые способы совершения «дистанционного» мошенничества // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 4 (55). – С. 167-173.
5. Сычева А. В. К вопросу об актуальных способах совершения «дистанционного» мошенничества // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: Сборник научных статей, Могилев, 30 апреля 2021 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2021. – С. 110-113.
6. Яковлева Л. В. Современные способы совершения дистанционного мошенничества // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 4 (54). – С. 77-80.

ЕФРЕМОВА Ольга Сергеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В научной статье рассматриваются некоторые современные тенденции преступности в сфере информационных технологий, а также компьютерной информации. Проанализированы официальные статистические данные по указанным видам преступности за последние три года. На основе проведенного анализа статистических данных выявлены качественные и количественные показатели изучаемого вида преступности. Рассмотрены научные подходы ученых-криминологов к понятиям «киберпреступность» и «кибертерроризм». Раскрыта классификация мер предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Изучено содержание наиболее эффективных и современных предупредительных мер. Проведен анализ содержания ряда нормативных правовых актов в сфере предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также полномочий некоторых государственных органов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: преступность, компьютерные преступления, интернет, киберпреступность, кибертерроризм, предупреждение, меры.

EFREMOVA Olga Sergeevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the St. Petersburg University of the FPS of Russia

ON SOME CURRENT TRENDS IN CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND THEIR PREVENTION

The scientific article examines some current trends in crime in the field of information technology, as well as computer information. The official statistical data on these types of crime over the past three years have been analyzed. Based on the analysis of statistical data, qualitative and quantitative indicators of the type of crime under study have been identified. The scientific approaches of criminologists are considered to the concepts of «cybercrime» and «cyberterrorism». The classification of measures to prevent crimes committed using information and telecommunication technologies is disclosed. The content of the most effective and modern preventive measures has been studied. The analysis of the content of a number of normative legal acts in the field of preventing crimes committed using information and telecommunication technologies, as well as the powers of some state bodies in this area, is carried out.

Keywords: crime, computer crimes, Internet, cybercrime, cyberterrorism, prevention, measures.

Ефремова О. С.

Стремительное развитие информационных технологий влечет за собой не только положительные, но и негативные тенденции. В криминологической литературе отмечается, что развитие информационно-телекоммуникационных технологий является одной из причин все большего распространения так называемых компьютерных преступлений [4, с. 370].

Повышенная общественная опасность анализируемого вида преступлений выражается в создании и реализации угрозы безопасности информации и в том числе конфиденциального характера, объектам государственной критической инфраструктуры, финансовым средствам и личной жизни граждан.

Согласно официальным статистическим данным МВД России за период с января по ноябрь 2023 года на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 804 800 преступлений, из которых 614 782 совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, то есть 34 % от всех совершенных в 2023 году преступлений.

Таким образом, каждое третье зарегистрированное преступление за отчетный период относится к исследуемому виду преступности, что, несомненно, актуализирует необходимость поиска мер по его предупреждению и научной проработки указанного вопроса.

Удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в

общем объеме преступности за 2021-2023 (январь-ноябрь) представлен в таблице 1.

Указанные цифры официальной статистики позволяют нам выявить и отметить ряд тенденций в сфере изучаемого вида преступности. Во-первых, об увеличении количества зарегистрированных преступлений данного вида в 2023 году на 30,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 года. Во-вторых, об увеличении удельного веса преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в общем количестве зарегистрированных преступлений с показателя каждое четвертое совершенное преступление до показателя каждое третье совершенное преступление.

Рассматривая качественные характеристики преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий необходимо отметить, что:

большинство из них совершается с использованием сети «Интернет» – 77,6 % от общего количества совершенных преступлений;

половина из всех совершенных преступлений рассматриваемого вида являются тяжкими и особо тяжкими – 50,9 %;

ежегодно возрастает количество совершенных преступлений указанного вида с использованием пластиковых (расчетных) карт – 19,9 % в общем количестве совершенных преступлений (рост за отчетный период на 5,1 %);

Таблица 1. Удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в общем объеме преступности за 2021-2023 (январь-ноябрь)

Отчетный период	2021	2022	2023
Всего зарегистрировано преступлений	1 853 100	1 823 300	1 804 800
Преступлений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий	494 126	470 143	614 782
Процентное соотношение от общего числа совершенных преступлений	26,7	25,8 %	34 %

отмечается значительное увеличение преступлений рассматриваемого вида с использованием средств мобильной связи – 44,8 % из всех совершенных преступлений изучаемого вида (44,9 % прирост в отчетном периоде).

В научной криминологической литературе преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, охватываются понятиями «компьютерное преступление», «киберпреступление», «кибертерроризм», «технотронная преступность» [2, с. 28].

Авторами в целях научной проработки данного вопроса и исследования указанного вида преступности формулируются дефиниции вышеуказанных понятий, раскрываются особенности преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, их причины и условия, личность преступника, а также предлагается комплекс мер по их предупреждению.

По мнению А. И. Фоменко, А. А. Арзуманяна, Е. В. Собакаревой современная киберпреступность является международной угрозой требующей соответствующей реакции государственных органов. В сфере киберпреступности в последнее время увеличивается количество таких явлений как треш-стримы и киберсталкинг [7, с. 142].

Данное умозаключение относится и к другому упомянутому нами термину «кибертерроризм». Проваткина В. Е. и Квасникова Т. В. отмечая повышенную общественную опасность кибертерроризма указывают, что данное преступление направлено на сайты государственных органов, системы государственных предприятий, в том числе оборонно-промышленного комплекса, взлом баз данных, в том числе содержащих конфиденциальную и секретную информацию. Тем самым главными целями кибертерроризма выступают дестабилизация деятельности отдельного государства, а также нанесение как можно большего ущерба всем сферам жизнедеятельности [5, с. 228].

В сфере предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (киберпреступлений), по нашему мнению, важен комплексный подход, включающий в себя три основные составляющие: пресечение, предотвращение и профилактики.

Важное место в указанном процессе отводится разработке и реализуемой государственной политике в указанной области общественных отношений, а также своевременному реагированию государственных органов на изменяющуюся обстановку в сфере киберпреступности.

Шхагапсоев З. Л. отмечает ключевую роль органов внутренних дел в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий (ИТ-преступлений). Автор говорит о необходимости разработки на государственном уровне специальной программы, предусматривающей систематическое информирование населения о правилах работы с цифровыми устройствами [8, с. 132].

В структуре МВД РФ функции по предупреждению преступлений рассматриваемого вида возлагаются на Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России).

В сфере предупреждения преступлений изучаемого вида УБК МВД осуществляется апробация в оперативно-служебной деятельности новых технологий, аппаратных и программных средств, методик и разработок.

В связи с тем, что, по нашему мнению, тенденция на увеличение преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, может сохраниться, киберпреступники быстро и эффективно адаптируются к развитию и обновлению современных высоких технологий в предупреждении преступлений изучаемого вида необходима выработка современных мер и в том числе использование современных программных и аппаратных средств.

Одно из ведущих мест в указанном направлении, по нашему мнению, должно отводиться Федеральной службе по техническому и экспортному контролю (далее – ФСТЭК). ФСТЭК является органом государственной власти, который занимается регулированием отношений в области технической защиты информации. ФСТЭК разработан ряд документов, способных оказать общее профилактическое воздействие в сфере предупреждения изучаемого вида преступности. Среди них можно упомянуть Приказ ФСТЭК от 25 декабря 2017 г. № 239 «Об утверждении требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и ряд других аналогичных документов указанного ведомства.

В сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, важное место отведено реализации ряда стратегических и директивных документов и нормативных правовых актов.

К их числу можно отнести Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

Указанные нормативные документы направлены на общую профилактику преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Среди ряда эффективных и действенных мер противодействия изучаемому виду преступности, по нашему мнению, особо следует заострить внимание на следующих:

1) создание и функционирование кибердружин (народных дружин);

2) лицензирование деятельности физических и юридических лиц в высокотехнологичных сферах [3, с. 20];

3) наличие в штатной структуре организаций высококвалифицированных специалистов в сфере ИТ (специалисты по технической защите информации, специалисты в сфере информационной безопасности), которые осуществляют деятельность посредством специализированных защищенных каналов связи и оказывают поддержку в предотвращении, профилактике, раскрытии и расследовании киберпреступлений [1, с. 374].

Тутузбаев Г. А. в сфере предупреждения преступлений изучаемого вида предлагает установить тесную связь и взаимодействие в рассматриваемой сфере правоохранительных органов, государственных, общественных и коммерческих структур [6, с. 170].

Таким образом, проведенный в статье анализ современных тенденций преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий позволил нам сделать вывод о высокой актуальности их предупреждения. В сфере предупреждения указанных видов преступлений необходимы комплексный подход, своевременная выработка и реализации новых и современных предупредительных мер, участие государственных органов в выработке эффективной политики противодействия киберпреступлениям и кибертерроризму.

Пристатейный библиографический список

1. Абаев Н. Б. Новые тенденции в противодействии кибертерроризму // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 374-375.
2. Балашов А. А. Виды киберпреступлений и их опасность. В сборнике: Информационные технологии как основа эффективного инновационного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2024. – С. 28-31.
3. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: автореферат дис. ... доктора юридических наук. – Москва, 2022. – 73 с.
4. Киселев А. С., Горбунова К. А. Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 370-378. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-370-378>.
5. Проваткина В. Е., Квасникова Т. В. Современные тенденции в противодействии кибертерроризму // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 7-2 (82). – С. 226-230.
6. Тутузбаев Г. А. Преступления в сфере информационных технологий и сфере компьютерной информации // Охрана, безопасность, связь. – 2023. – № 8-2. – С. 150-179.
7. Фоменко А. И., Арзуманян А. А., Собакарева Е. В. Об использовании зарубежного опыта противодействия киберпреступности в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 1 (164). – С. 141-143.
8. Шхагапсоев З. Л. К вопросу о роли органов внутренних дел в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий (ИТ-преступлений) // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 131-134.

ЗОРИНА Елена Андреевна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева

ШАРАПОВ Роман Дмитриевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры управления следственной деятельностью (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

ВАХМИСТРОВА Светлана Ивановна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ ЗА СЧЕТ ПОВЫШЕНИЯ КРУПНОГО РАЗМЕРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОЦЕНКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

По своему содержанию статья представляет собой критический анализ подготовительных материалов для обоснования инициативы по внесению изменений в действующее уголовное законодательство в части повышения порогового значения крупного ущерба, необходимого для квалификации преступления по статье 168 УК РФ. Авторы на основе имеющихся материалов предварительного рассмотрения инициативы и собственных исследований оценивают возможные подвижки в законодательстве, порождаемые рассматриваемой инициативой. В результате формируются достаточные основания для рационально выстроенного и эмпирически подтверждаемого вывода о необходимости дополнительных исследований для принятия адекватного законодательного решения.

Ключевые слова: крупный размер причиненного ущерба, добровольное страхование имущества, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности, декриминализация, преступления против собственности, квалифицирующие признаки.

ZORINA Elena Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Labor law sub-faculty of the Hero of the Russian Federation Army General E. N. Zinichev St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

SHARAPOV Roman Dmitrievich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law, criminology and penal enforcement law sub-faculty of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, professor of Investigative management (Higher Academic courses) sub-faculty of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

VAKHMISTROVA Svetlana Ivanovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of Labor law sub-faculty of the Hero of the Russian Federation Army General E. N. Zinichev St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

DECRIMINALIZATION OF THE DESTRUCTION OR DAMAGE OF PROPERTY DUE TO NEGLIGENCE BY INCREASING THE LARGE SIZE OF THE CRIME: ASSESSMENT OF THE LEGISLATIVE INITIATIVE

In terms of its content, the article is a critical analysis of the preparatory materials to substantiate the initiative to amend the current criminal legislation in terms of raising the threshold for major damage necessary to qualify a crime under Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors, based on the available materials of the preliminary review of the initiative and their own research, assess possible legislative developments generated by the initiative in question. As a result, sufficient grounds are formed for a rationally constructed and empirically supported conclusion about the need for additional research to make an adequate legislative decision.

Keywords: large amount of damage caused, voluntary insurance of property, destruction or damage of property by negligence, decriminalization, crimes against property, qualifying signs.

Зорина Е. А.

Шарапов Р. Д.

Вахмистрова С. И.

В июне 2022 года на 25-м Петербургском международном экономическом форуме (далее – ПМЭФ) Президент Российской Федерации обратил внимание на необходимость приведения действующего законодательства в соответствие с жизненными реалиями, что предопределяет целый комплекс практических мер. В их числе необходимость повышения «параметров определения крупного и особо крупного ущерба» как признаков составов экономических преступле-

ний в связи с инфляционными процессами¹. В июне 2023 года в рамках ПМЭФ-2023 указание Президента Российской Федерации было внесено в перечень поручений по итогам фору-

1 Выступление Президента РФ В. В. Путина на пленарном заседании ПМЭФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 01.02.2024).

ма. Правительству РФ совместно с Верховным Судом РФ, Генеральной прокуратурой РФ, Следственным комитетом РФ и МВД России предложено в срок до 1 октября 2023 года обеспечить внесение соответствующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации².

В этой связи рядом федеральных государственных органов прорабатывается соответствующая инициатива об изменении порогового значения суммы крупного и особо крупного размера причиненного ущерба как признаков составов преступлений в сфере экономики.

В числе таких инициатив прорабатывается возможность внесения изменения в пункт 4 примечания к статье 158 УК РФ в части, касающейся порогового значения денежной суммы, определяющей крупный размер, в том числе для целей квалификации преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), до 500 000 рублей.

Статья 168 УК РФ размещена законодателем в главе 21 (Преступления против собственности) и по конструкции представляет собой материальный состав, т.е. уголовная ответственность возможна лишь в случае наступления общественно опасных последствий, предусмотренных составом преступления и являющихся обязательным признаком. Таким последствием является причинение ущерба в крупном размере, значение которого определяется в пункте 4 примечания к ст. 158 УК РФ и является единым для всех статей главы 21 (за исключением частей шестой и седьмой статьи 159, статей 159.1 и 159.5), в том числе для ст. 168 УК РФ.

Установлены законом³ действующие минимальные значения крупного (свыше 250 000 рублей) и особо крупного размеров (свыше 1 000 000 рублей) как квалифицирующих (криминообразующих) признаков составов преступлений против собственности, в том числе состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ.

Приемлемость инициативы о повышении порогового значения крупного размера ущерба, причиненного преступлением против собственности, определяется современной оценкой степени общественной опасности такого преступления. При этом ключевыми критериями оценки законодателем общественной опасности деяния являются социальная ценность охраняемого блага, размер социального дискомфорта, возникающего вследствие совершенного деяния, и общественное мнение, выражающее уровень толерантности или нетерпимости к тем или иным поступкам людей [5], [7], [13].

В доктринальных источниках обоснованно отмечается, что размерные признаки преступлений, выполняющие роль критериев для разграничения преступлений и других правонарушений или дифференциации уголовной ответственности за преступления, следует корректировать прежде всего в связи с происходящими в экономике инфляционными процессами [3], [11]. Как указывает П.А. Скобляков, отсутствие своевременной коррекции таких критериев могут привести к ужесточению уголовно-правовой политики, расширить круг уголовно наказуемых деяний, т.е. «будет происходить ужесточение уголовной ответственности за деяния, которые прежде не обладали квалифицирующими признаками, но в результате инфляции их приобрели» [9]. При этом нужно учитывать, что инфляция обесценивает деньги и приводит к повышению цен на товары и услуги (работы), что в условиях отсутствия роста реальных доходов населения, его обеднения повышает субъективную ценность имущества, в том числе денег.

Применительно к обсуждаемому вопросу указанные критерии оценки общественной опасности преступлений могут быть определены динамикой ряда социально-экономических показателей в целом по стране, прежде всего таких как индекс потребительских цен, минимальный размер

оплаты труда, средний размер заработной платы, пенсии, взятых в сравнении 2003 года и 2023-2024 годов.

Согласно инфляционным показателям в Российской Федерации, опубликованным на сайте Росстата, индекс потребительских цен за сравниваемые периоды возрос в 3,5 раза⁴. Минимальный размер оплаты труда к концу 2003 года составлял 600 рублей в месяц⁵, с 1 января 2024 года - в сумме 19 242 рубля в месяц⁶ (рост более чем в 32 раза). Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 2003 году составляла 5 499 рублей, в 2022 году - 65 338 рублей (рост в 11,8 раза). Средний размер назначаемых пенсий составлял в 2003 году 1 637,0 рублей, в 2023 году - 19 322,2 рубля (рост в 11,8 раза)⁷.

Таким образом, значения роста приведенных социально-экономических показателей, оказывающих влияние в массовом сознании на уровень восприятия населением ответственности стоимости имущества, необходимого для жизнедеятельности (стоимости жизни), дают основания для вывода о повышении социально-психологического порога оценки общественной опасности имущественного преступления в зависимости от стоимости похищенного, уничтоженного или поврежденного имущества, что подтверждает приемлемость обсуждаемой инициативы.

Вместе с тем следует иметь в виду, что с учетом конституционной, экономической, общественной и личной значимости собственности, эстетического, социально-статусного значения вещей и имущественных прав, их предназначения и использования в целях удовлетворения личных имущественных и неимущественных потребностей⁸ действительная степень общественной опасности преступления против собственности определяется не только фактической стоимостью похищенного, уничтоженного или поврежденного имущества. Посягательство на некоторые виды чужого имущества с учетом его особой значимости для потерпевшего может обладать повышенной степенью общественной опасности, несмотря на то, что стоимость такого имущества не превышает 500 000 рублей (а порой и 250 000 рублей). Например, отменным обстоятельством продиктовано включение в ч. 4 ст. 159 УК РФ особо квалифицирующего признака - мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение.

Применительно к ст. 168 УК РФ отмечаются ситуации, когда утрата вследствие пожара жилого дома, лишает потерпевшего единственного жилья, а виновный не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как сумма утраченного имущества не превышает 250 тыс. руб., что для сельских населенных пунктов не редкость [1].

При этом, в юридическом сообществе высказывается мнение, что решение проблемы в этом случае может лежать в гражданско-правовой плоскости. Так, в качестве наглядного примера эффективности такой меры можно использовать

- 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 01.02.2024).
- 5 Федеральный закон от 01.10.2003 № 127-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда».
- 6 Федеральный закон от 27.11.2023 № 548-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и признании утратившими силу статей 2 и 3 Федерального закона «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и о приостановлении действия ее отдельных положений».
- 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 01.02.2024).
- 8 Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12012023-n-2-p/> (дата обращения: 01.02.2024).

2 «Перечень поручений по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума» (утв. Президентом РФ 16.08.2023 № Пр-1619) // СПС «Консультант Плюс».

3 ФЗ РФ от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

практику возмещения ущерба, причиненного дорожно-транспортным правонарушением. Независимо от стоимости уничтоженного или поврежденного имущества (а стоимость автомобиля, пострадавшего в ДТП может составлять несколько миллионов рублей), уголовная ответственность для виновного лица по общепринятому мнению не наступает [4], [8], [12]. Само деяние предусматривает только административное наказание по соответствующим статьям гл. 12 КоАП РФ. Имущественный же ущерб в этом случае возмещается в порядке, установленном действующим законодательством⁹, а спорные вопросы урегулируются посредством гражданского судопроизводства. Действенность такого способа возмещения причиненного имущественного ущерба подтверждается данными Российского союза автостраховщиков. Так, в 2019 году было выплачено по ОСАГО 150,2 млрд рублей, в 2020 – 135,8 млрд рублей, в 2021 – 153 млрд рублей, в 2022 – 157,3 млрд рублей. Кроме того, судебные выплаты составили в 2019 – 25,9 млрд рублей, 2020 – 11,6 млрд рублей, в 2021 – 8,157 млрд рублей, в 2022 – 7,7 млрд рублей соответственно¹⁰.

В этой связи в научной литературе обоснованно высказывается позиция, что в ряде случаев целесообразно исключить некоторые, характеризующие имущественный вред обязательные признаки отдельных составов преступления, как это было сделано законодателем в отношении ч.1 ст. 264 УК РФ [2], [6], [10]. Тем более, что в настоящее время услуга добровольного страхования жилого помещения от чрезвычайных ситуаций (пожара¹¹, затопления и иных) широко предлагается на страховом рынке, а методика расчета суммы ущерба, подлежащего возмещению при наступлении страхового случая регламентирована Постановлением Правительства РФ¹². Кроме того, в 2018 году в федеральное законодательство была включена норма, устанавливающая полномочия органов государственной власти субъектов РФ в части разработки, утверждения и реализации программ организации возмещения ущерба, причиненного расположенным на территориях субъектов РФ жилым помещениям граждан, с использованием механизма добровольного страхования¹³.

Между тем, изменение порогового значения крупного размера причиненного ущерба может существенно изменить правоприменительную практику в части привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против собственности. Представляется необходимым учитывать следующие уголовно-правовые последствия такого шага законодателя:

– изменение юридической оценки хищений (кроме разбоя) и взыскательства чужого имущества стоимостью свыше

250 000 рублей, но не свыше 500 000 рублей, при отсутствии других квалифицирующих признаков, как преступлений небольшой или средней тяжести. Если такое хищение повлекло причинение значительного ущерба гражданину, то в случаях, предусмотренных уголовным законом, содеянное будет расцениваться как преступление средней тяжести (п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159³, ч. 2 ст. 159⁵, ч. 2 ст. 159⁶, ч. 2 ст. 160 УК РФ);

– декриминализация причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, превышающего 250 000 рублей, но не свыше 500 000 рублей (ст. 165 УК РФ) с переводом данного деяния в разряд административных правонарушений (ст. 7.27.1 КоАП РФ);

– декриминализация уничтожения или повреждения имущества по неосторожности, если стоимость такого имущества не превышает 500 000 рублей (ст. 168 УК РФ).

Исходя из того, что средняя сумма материального ущерба по возбуждаемым органами дознания государственного пожарного надзора ФПС уголовным делам по ст. 168 УК РФ составляет, как правило, более 500 000 рублей, количество регистрируемых по ст. 168 УК РФ преступлений, совершенных в размере свыше 250 000 рублей, но не более 500 000 рублей, является незначительным. Учитывая небольшое количество лиц, в отношении которых постановлен обвинительный приговор по ст. 168 УК РФ (в 2019 году – 129 чел., 2020 г. – 141 чел., 2021 г. – 143 чел., 2022 г. – 155 чел., за первую половину 2023 г. – 76 чел.¹⁴), существенного изменения правоприменительной практики внесение в закон предлагаемых изменений не повлечет. Поэтому декриминализация уничтожения или повреждения имущества по неосторожности в размере, не превышающем 500 000 рублей, в совокупности с сохраняющимися свое действие механизмами гражданско-правовой защиты интересов собственников и иных владельцев имущества не окажет негативного влияния на уровень правовой охраны собственности в Российской Федерации.

Обсуждаемая инициатива не противоречит правовым позициям Конституционного Суда РФ, отказывающего в принятии к рассмотрению жалоб граждан, оспаривающих конституционность соответствующих положений УК РФ на том основании, что установленные в 2003 году критерии определения крупного и особо крупного размеров преступлений против собственности не отражают произошедшие за последние 20 лет изменения уровня доходов населения и общих экономических показателей, включая инфляцию. Конституционный Суд РФ, с одной стороны, указал, что определение критериев крупного и особо крупного размеров преступлений против собственности относится к дискреционным полномочиям федерального законодателя, который при корректировке положений пункта 4 примечаний к статье 158 УК РФ в 2018 году¹⁵, сохраняя ранее установленные общие критерии крупного и особо крупного размеров для преступлений против собственности, учитывал современные социально-экономические отношения и не вышел за рамки своих полномочий. С другой стороны, Конституционный Суд РФ обязал федерального законодателя привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями, несоответствие которым приводит к деформации необходимой защиты конституционно значимых ценностей¹⁶.

В настоящее время разработаны несколько законопроектов, предполагающих внесение изменений в пороговые значения крупного и особо крупного размера причиненного ущерба преступлениями в сфере экономики. Так, в августе 2022 года Минюстом РФ разработан проект закона, предполагающий, в частности, повышение пороговых значений значительного, крупного и особо крупного размера ущерба, причиненного мошенничеством, сопряженным с предна-

9 См., например: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»; Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»; Указание Банка России от 20.11.2015 № 3854-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования».

10 Годовой отчет РСА за 2022 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://autoins.ru/upload/reports/AReport_RAMI_2022.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

11 По данным ВСК в 2022 году выплаты страхового возмещения утраты имущества от пожара составили 8% от общего числа страховых случаев по добровольному страхованию жилого помещения от чрезвычайных ситуаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spb.cian.ru/novosti-strahovschiki-rasskazali-skolko-platjat-postradavshim-ot-zatoplenij-i-pozharov-331678> (дата обращения: 01.02.2024).

12 Постановление Правительства РФ от 12.04.2019 № 433 «Об определении страховых сумм по риску утраты (гибели) жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации по договорам страхования жилых помещений, заключенным в рамках программ организации возмещения ущерба, причиненного расположенным на территориях субъектов Российской Федерации жилым помещениям граждан, с использованием механизма добровольного страхования».

13 Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ст. 11.1).

14 Данные с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ (дата обращения: 01.02.2024).

15 Федеральный закон от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

16 Определения Конституционного Суда РФ от 28.02.2023 № 436-О, от 26.02.2021 № 352-О.

меренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (примечания к ст. 159 УК РФ), до 25 тыс. рублей, 4,5 млн рублей и 18 млн рублей соответственно. Данный законопроект предполагает также существенно повысить сумму денежного выражения причиненного вреда для ряда статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности (ст. 169, 170, 171.1 и др.). В настоящее время документ размещен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов¹⁷ для общественного обсуждения.

В апреле 2023 года группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», целью которого является уточнение размера ущерба и размера преступной деятельности (в том числе дохода), позволяющих квалифицировать преступление в сфере экономической деятельности, как совершенное в крупном или особо крупном размере¹⁸. В пояснительной записке к указанному проекту обосновывается необходимость индексации размера ущерба в связи с ростом инфляции за последние 10-12 лет «в целях реализации принципов соразмерности и справедливости уголовного наказания»¹⁹. Этот законопроект 30 мая 2023 года был принят в первом чтении, однако его текст потребовал внесения существенных корректив. В частности, в экспертных заключениях, полученных на данный законопроект от Правительства РФ и Правого управления Государственной Думы, указывается на необходимость системного подхода к изменению пороговых значений крупного и особо крупного размера ущерба, учитывая все статьи, устанавливающие ответственность за преступления в сфере экономики. В настоящее время принято решение доработать законопроект с учетом высказанных замечаний.

При выборе способов реализации обсуждаемой законодательной инициативы также нужно иметь в виду то, что в случае изменения минимальной суммы крупного размера преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, путем корректировки пункта 4 примечания к ст. 158 УК РФ, в котором размерные признаки определены применительно ко всем статьям главы 21 УК РФ, соответствующее изменение будет относиться ко всем этим статьям. Кроме того, потребуется соразмерное повышение минимального значения особо крупного размера, иначе не будет обеспечена справедливая дифференциация уголовной ответственности за счет пропорциональности значений стоимости имущества, определяющего размер преступления. Подобные изменения будут иметь обратную силу (ст. 10 УК РФ) и повлекут смягчение ответственности или освобождение от уголовной ответственности лиц уже признанных виновными в совершении вышеуказанных преступлений.

Большая часть преступлений, ответственность за которые предусмотрена главой 21 УК РФ, подследственны следователям органов внутренних дел. В этой связи, представляется целесообразным провести совместный анализ возможных последствий увеличения порогового значения крупного размера причиненного ущерба до 500 000 рублей для статей главы 21 УК РФ.

Таким образом, если в ходе совместно проведенного экономико-правового анализа будет признано, что корректировка крупного размера, как признака преступлений про-

тив собственности, в масштабе всех статей главы 21 УК РФ не требуется, то возможен другой вариант реализации указанного законодательного изменения - путем дополнения статьи 168 УК РФ примечанием, в котором бы крупный размер преступления определялся только применительно к указанной статье.

Пристатейный библиографический список

1. Бабушкин М. Ю., Немченко С. Б., Шеншин В. М. Об усилении уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности // Российский следователь. – 2021. – № 8. – С. 43-47.
2. Елисеев С. А., Черноусова А. В. Спорные вопросы квалификации причинения имущественного ущерба по ст. 168 УК РФ // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 1 (80). – С. 84-89.
3. Есаков Г. А. Размерные признаки в уголовном законе // Закон. – 2020. – № 6. – С. 108-121.
4. Кравченко Р. М., Романюк В. И. Преступное нарушение специальных правил: квалификация «дополнительных» последствий // Уголовное право. – 2020. – № 2. – С. 44-49.
5. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М.: Наука, 1982.
6. Петров С. А. К вопросу об установлении уголовной ответственности пассажира и пешехода за причинение крупного ущерба // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 3 (171) – С. 123-126.
7. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2019.
8. Самойлюк Н. В., Кернаджук И. В. Проблемы квалификации причинения имущественного ущерба по неосторожности // Российский судья. – 2019. – № 1. – С. 11-15.
9. Скобликов П. А. Мелкие кражи – крупные заблуждения: концептуальное заявление депутата и его анализ // Закон. – 2015. – № 12. – С. 113-120.
10. Таланов Н. А., Зорина Е. А., Вахмистрова С. И., Кожевникова Н. А. К вопросу об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 7 (108). – С. 68-74.
11. Трунцевский Ю. В., Осипов И. В. Законодательное закрепление количественных параметров стоимостных критериев преступлений в сфере экономической деятельности: закономерности и методика подсчета // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 122-148.
12. Хромов Е. В. Идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 168, 264 УК РФ // Российский следователь. – 2020. – № 11. – С. 37-40.
13. Шарапов Р. Д. Понятие преступления: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Криминалистика. – 2022. – № 1 (38). – С. 27-34.

17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=130229> (дата обращения: 01.02.2024).

18 Законопроект № 327269-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части увеличения порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба для целей квалификации преступлений в сфере экономической деятельности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8> (дата обращения: 01.02.2024).

19 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8> (дата обращения: 01.02.2024).

ОСАДЧАЯ Наталья Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Данная статья посвящена изучению нормы, устанавливающей уголовную ответственность за незаконные действия по возврату кредиторских задолженностей физических лиц. Автор обосновывает необходимость введения статьи 72.4 в УК РФ, рассматривает особенности состава этого преступления, в том числе проводя сравнительный анализ со смежными уголовно-правовыми нормами. Автор предлагает своё видение дальнейшего совершенствования анализируемой нормы уголовного кодекса.

Ключевые слова: задолженность, взыскание, коллекторы, угрозы, применение насилия.

OSADCHAYA Natalya Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

Осадчая Н. Г.

ILLEGAL ACTIVITY FOR THE REPAYMENT OF OVERDUE DEBTS OF INDIVIDUALS: LEGAL ANALYSIS

This article is devoted to the study of the norm establishing criminal liability for illegal actions to repay accounts payable to individuals. The author substantiates the need to introduce Article 72.4 into the Criminal Code of the Russian Federation, examines the specifics of the composition of this crime, including conducting a comparative analysis with related criminal law norms. The author offers his vision of further improvement of the analyzed norm of the Criminal Code.

Keywords: debt, collection, collectors, threats, use of violence.

Проблема закредитованности российского населения и перманентный рост невозвращенных в срок долгов бросает вызов экономической стабильности нашего государства. По данным ФССП, обнародованным в СМИ, объем долгов россиян по кредитам превысил 25 трлн рублей. Большая часть этой суммы приходится на ипотеку — 15 трлн. Настораживает, что объем долга продолжает расти. Отдельная категория должников — клиенты микрофинансовых компаний. В прошлом году их услугами пользовались 17 млн россиян, прирост к 2021 году составил 3,1 млн. С января по сентябрь 2023 года Федеральная служба судебных приставов рассмотрела 21,1 млн исполнительных производств о взыскании задолженности с россиян в пользу банков. Это на 22 % больше год к году. Общая сумма долгов физических лиц выросла на 200 млрд руб., до 2,9 трлн руб.

На этой почве уже давно вырос и расцвел бизнес по взысканию долгов, который иногда превращается в выбивание. Коллекторские агентства выкупили долги клиентов на 47,2 млрд руб. за девять месяцев 2023 года. в III квартале 2023 года банки продали коллекторам 97,1 % объема всех задолженностей россиян [1].

Деятельность коллекторов регулируется Федеральным законом «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовых организациях» от 03.07.2016 (ред. от 04.08. 2023 г.) № 230-ФЗ [2]. В данном документе перечислены разрешенные законом способы истребования возврата долга у физических лиц, например, телефонный звонок в установленное время или отправка смс. Однако, когда правомерные способы воздействия на должников не приносят желаемого результата, не редки случаи, когда коллекторы переходят черту допустимого. О наиболее вопиющих случаях их поведения нередко сообщают средства массовой информации.

Так в 2019 году в Твери из-за долга в 1200 рублей коллекторы буквально преследовали мужчину: по телефону угрожали изнасиловать жену и отрубить ноги ребенку. Все закончилось визитом коллектора, который ворвался в квартиру и угрожал женщине. В итоге было возбуждено уголовное дело

по статье 139 УК РФ «Проникновение в жилище» (преступление небольшой тяжести).

В Петербурге пожилую клиентку микрофинансовой организации запугивали фотографиями ее дочери с прифотошопленными могильными венками. В Свердловской области коллекторы заблокировали звонками телефон больницы. Как оказалось, сотрудница взяла заем «до зарплаты» и просрочила выплату. Были случаи, когда должники сводили счеты с жизнью из-за домогательств коллекторов [3]. До июля 2023 года за допущенные в отношении должников нарушения для коллекторов была установлена только административная ответственность (ст. 14.57 КоАП РФ). Очевидно, что в случае угроз жизни и здоровью должников, тем более причинении им физического и имущественного ущерба, необходимы более соразмерные меры взыскания, а именно привлечение к уголовной ответственности. Преступные действия коллекторов суды квалифицировали по различным статьям Уголовного кодекса: ст. 119 («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), ст. 128.1 («Клевета»), ст. 137 («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), ст. 139 («Нарушение неприкосновенности жилища»), ст. 163 («Вымогательство»), ст. 167 («Умышленное уничтожение или повреждение имущества»), ст. 330 («Самоуправство»), статьям, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести. Принятие статьи 172.4 В УК РФ позволило положить конец разному в судебной практике, более полно описать преступные действия при взыскании долгов граждан, а также усилить уголовную ответственность за них.

Мы согласны с Л. В. Цой, что поскольку анализируемая норма размещена в главе 23 УК РФ, «родовым объектом рассматриваемого преступления является совокупность общественных отношений в сфере экономики. Видовым объектом ... совокупность общественных отношений в сфере экономической деятельности, а непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения в сфере осуществления законной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» [4, с. 52]. Вместе с тем законодатель предусмотрел и ряд дополнительных альтернативных объектов этого преступления: жизнь, здоровье,

собственность, честь и достоинство человека. В случае уничтожения или повреждения собственности появляется предмет преступления – имущество. Потерпевшими в данном составе являются лица, просрочившие выплату задолженности, и их близкие.

Объективная сторона рассматриваемого преступления представляет собой сложную конструкцию, состоящую согласно части первой ст. 172.4 из действия, представляющего собой требование возвращения просроченной кредиторской задолженности, во-первых. Во-вторых, требования должны подкрепляться альтернативными угрозами, которые могут и быть высказаны все одновременно. Это угрозы жизни лица, его здоровью, а также имуществу. Предусмотрен также шантаж, то есть угроза распространения сведений, порочащих честь и достоинство потерпевших. Это преступление средней тяжести, так как наказывается до пяти лет лишения свободы. Но если угрозы будут приведены в действие, то в случае применения насилия, не опасного для жизни и здоровья либо уничтожения и повреждения имущества, преступление квалифицируется по ч. 2 ст. 172.4 УК РФ как тяжкое и наказуется уже до семи лет лишения свободы, а при применении насилия опасного для жизни и здоровья согласно ч. 3 ст. 172.4 наказание в виде лишения свободы составит от пяти до десяти лет. В санкциях также предусмотрены и альтернативные наказания в виде штрафа и лишения права заниматься определенной деятельностью. К другим квалифицирующим признакам этого деяния относятся соучастие (ч. 2 – группа лиц по предварительному сговору, ч. 3 – организованная группа). Также хотелось бы остановить внимание на таких квалифицирующих признаках, как крупный и особо крупный размер (ч. 2 и ч. 3 анализируемой статьи соответственно). Грамматическое толкование выражения «незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц в крупном размере» представляется, на наш взгляд, затруднительным. Полагаем, что речь не идет о размере задолженности, поскольку он не может влиять на общественную опасность данного преступления. Что означает деятельность в крупном размере. Применение всех угроз сразу? Логичнее предположить, что законодатель имеет в виду причинение крупного ущерба должнику, при этом вред может быть физическим, имущественным и моральным (возможно повлекшим и имущественные потери впоследствии). Возможно, законодатель имеет в виду только имущественный вред, тогда его можно определить в соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ. В связи со сказанным и во избежание затруднений и ошибок в толковании правоприменителями предлагаем, в п.г.) ч. 2 ст. 172.4 слова «в крупном размере» заменить на «повлекшее причинение крупного ущерба», а п.в.) ч. 3 ст. 172.4 УК РФ изложить в редакции: «повлекшее причинение особо крупного ущерба или иные тяжкие последствия». К таковым последствиям может быть отнесено самоубийство потерпевшего, совершение им преступления в целях возвращения долга и т.д.

Надо признать, что принятие закона № 230-ФЗ значительно снизило число правонарушений взыскателей долгов с применением насилия или угрозой его применения. Сейчас самым негативным поведением коллекторов является смс-преследование и преследование в соцсетях. Кроме обычных угроз в личных сообщениях должникам, они также могут отправлять сообщениями всем, кто состоит в друзьях у должников в тех или иных соцсетях. В том числе, известны случаи, когда они рассылали чересчур оскорбительные сообщения, непристойные фото и картинки и т.п. По нашему мнению, публичный характер таких действий повышает общественную опасность преступления. Поэтому предлагаем ввести в ч.2 ст.172.4 УК РФ квалифицирующий признак п. д) «совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»»

Субъективной стороной незаконных действий по возврату просроченных задолженностей является прямая умысел. Корыстной цели в этом составе мы не усматриваем, поскольку речь идет не об изъятии имущества, находящегося в собственности потерпевшего, а о возвращении средств заемщика.

Субъектами ст. 172.4 УК РФ являются:

1. лица, действующие от имени организации-кредитора или в ее интересах, – например, работники кредитной организации;
2. лица, которым переданы права кредитора по договору уступки права, либо те, кто действует от имени или в интересах этих лиц, – например, работники коллекторских

агентств и лица, которые купили просроченную задолженность у последних.

Следует отметить, что статья 172.4 УК РФ является бланкетной и отсылает правоприменителя к уже упомянутому нами Федеральному закону № 230-ФЗ, который не распространяется:

- 1) на граждан, который самостоятельно пытаются истребовать с физического лица возвращения данных ему собственных денежных средств в размере, не превышающем 50 тыс. руб.;
- 2) на деятельность по возврату просроченной задолженности, осуществляемую в отношении индивидуальных предпринимателей, по денежным обязательствам, которые возникли в результате осуществления ими предпринимательской деятельности;
- 3) на взыскание просроченной задолженности физического лица по коммунальным платежам;
- 4) на действия по возврату задолженностей по выплате госпошлин за разбирательство в судах, выплат в рамках исполнительного производства, адвокатской, нотариальной деятельности, делам о банкротстве, бюро кредитных историй и уголовно-процессуальным законодательством, и некоторые другие, перечисленные в законе. Таким образом, граждане, осуществляющие такую деятельность, не являются субъектами преступления, предусмотренными статьей 172.4 УК РФ.

По нашему мнению, ответственность таких лиц должна наступать по ст. 330 УК РФ «Самоуправство», которая соотносится со статьей 172.4 как общая и специальная норма.

Как отмечалось в исследованиях, по объективной стороне статья 172.4 УК РФ весьма схожа с вымогательством, ответственность за которое предусмотрена в ст. 163 УК РФ [5]. Эти составы являются смежными, отличие их проходит по основному объекту преступления и его предмету. Особенность предмета ст. 172.4 в том, что предъявляются требования не в отношении имущества, которое находится в собственности потерпевшего, как при вымогательстве, а в отношении денежных средств, принадлежащих кредитору. Отличия видятся нам и в субъективной стороне этих преступлений. Коллектор имеет право требовать возврата долга кредитору и получать за это вознаграждение, вот только действует незаконными способами, желая его ускорить. Вымогатель же никакими правами на завладение имуществом потерпевшего и распоряжение им не имеет. Поэтому корыстный мотив есть только у вымогателя. Кроме того, субъектом вымогательства может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 14 лет, а субъектом незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц является специальный субъект с 16-летнего возраста.

Пристатейный библиографический список

1. Ведомости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/10/31/1003400-banki-prodalkollektoram-rekordnii-obem-dolgov-grazhdan> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 03.07.2016 № 230-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2004_97/.
3. Новые известия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2023-07-14/kollektorys-menili-taktiku-posle-poyavleniya-nakazaniya-za-ugrozy-i-nasilie-k-dolzhnikam-413447> (дата обращения: 09.02.2024).
4. Цой А. В. Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. - 2023. - № 2 (23). - С. 51-53.
5. Есаков Г. Изменения уголовного права в первой половине 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yandex.ru/video/preview/14736635671060657828> (дата обращения: 20.02.2024).

НЕКРАСОВ Александр Петрович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России

КРАСКОВСКИЙ Ян Эдуардович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Пензенского государственного университета

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ

В исследовательской статье авторским коллективом рассматриваются проблемные вопросы пребывания трудовых мигрантов в основном из стран средней Азии на территории России. Изучены подробно и освещаются вопросы их труда, знания русского языка, истории России, а также совершение ими преступлений таких как грабежи, разбои, убийства, изнасилования, незаконный оборот наркотических средств и др. Изучена достаточно подробно концепция, регулирующая основы их жизнедеятельности и снижения социального напряжения во взаимоотношениях внутри нашего общества. На основе изложенного исследовательского печатного материала и глубокого анализа их пребывания в России, авторы имеют свою собственную точку зрения по идеологии и концептуальные предложения по поводу накопившихся проблем и разрешения национальных интересов в социуме.

Ключевые слова: трудовые мигранты, преступления, национальная культура, знание русского языка, литературы, предупреждение преступлений, государственная концепция по их быту, поведение, идеология, миграционный поток, знание законодательства, депортация, уголовная ответственность.

NEKRASOV Alexander Petrovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

KRASKOVSKIY Yan Eduardovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Penza State University

LEGAL ASSESSMENT AND PROBLEMS OF SOCIALIZATION IN RUSSIA OF MIGRANT WORKERS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES

In the research article, the author's team examines the problematic issues of the stay of migrant workers, mainly from Central Asian countries, on the territory of Russia. The issues of their work, knowledge of the Russian language, the history of Russia, as well as the commission of crimes on their part such as robberies, murders, rapes, etc. are considered in detail and highlighted. The proposed concept proposed by the leaders of our state regarding the reduction of social tension against migrant workers in our society is considered in sufficient detail. Based on the presented research printed material and an in-depth analysis of their stay in Russia, the authors have their own ideas and suggestions regarding the resolution of national interests in society.

Keywords: migrant workers, crimes, national culture, knowledge of the Russian language, literature, crime prevention, state concept of their way of life, behavior, migration flow, knowledge of legislation, deportation, criminal liability.

Всеобъемлющей проблемой в современной России на сегодняшний день, является миграционные потоки рабочей силы из стран Азии во многих сферах жизнедеятельности нашего общества. Это прибывшие и прибывающие гастарбайтеры из Таджикистана, Узбекистана, Киргизстана, которые по разрез нужны нашей промышленности для строительства производственных объектов на всей территории Российской Федерации. В основном в Россию пребывают квалифицированные и не квалифицированные рабочие, имеющие опыт в строительстве народно-хозяйственных комплексов для удовлетворения работодателей и населения во всех сферах развития и жизнедеятельности страны. Сегодня, трудовых мигрантов в России требуется огромное количество, только по не официальным данным их требуется, со слов вице-преьера М. Ш. Хуснуллина, в строительной сфере порядка 10-12 млн человек от Владивостока до Калининграда на объектах стратегического назначения. По мнению М. Ш. Хуснуллина, мигрант лучше работает, но получает зарплату на 30 % процентов меньше, чем русский рабочий. Такое заявление он сделал в ходе заседания в Госдуме, отвечая на прямые вопросы депутатов 16 февраля 2022 г. В 2023 году в страну на заработки приехали по неподтвержденным данным 3,5 миллиона человек, но это цифра может варьироваться в сторону увеличения, поскольку никто не знает, а сколько их нелегально прибыло в Россию на работу, официально сказать никто не сможет. Часть их наплыва в нашу страну бесконтрольно, во-первых,

открыты границы в рамках стран СНГ, во-вторых, возникшие по времени коррупционные отношения между строительными фирмами и правоохранительными органами помогают им беспрепятственно проникать на территорию России, где как такового социального и правового контроля за их пребыванием на нашей земле не существует. Их выявляют в предостаточно количестве в основном в период проведения ОВД оперативных рейдов, где они часто проводятся в больших городах во время плановых и не плановых мероприятий. Однако и эта трудовая армия не может решить проблем российских компаний, поскольку кадровый голод в России только нарастает и дефицит трудовых резервов по-прежнему как проблема сохраняется. К 2030 году львиная доля трудящихся только увеличится и по прогнозам специалистов обществу потребуется еще больше людей в полтора, а то и два раза. Россия, в условиях санкций только набирает производственные обороты во всех сферах глобальных отношениях и имеет довольно большие перспективы на международном уровне в необозримом будущем, вот для чего необходимо привлекать в производственные и строительные отношения мигрантов, как более дешевую рабочую силу. Для того, чтобы развиваться обществу, необходимо совершенствовать нашу глобальную экономику не только на ее нынешнем уровне, но и на перспективу, вот почему к существующим миллионам должны прибавляться и прибавляться мигранты из других стран. Это главный вопрос, и он ставится во главу угла на политиче-

ском уровне руководства государства. Таковы мировые тенденции по миграционной политике. В связи с проведением СВО кто-то покинул Россию, уехал из нее, масса людей ушла добровольно на фронт и, таким образом экономикой страны несомненно была нарушена, а для восстановления ее баланса необходимо привлечь новую рабочую силу и, как следствие этого, совокупный базис, т. е. производство недосчиталось по неофициальным данным в совокупности 1,5 миллиона человек. Страницы истории помнят бомбежки странами НАТО Ирака, Сирии, Югославии, Палестины, разрушенные города, убийства миллионов мирных жителей, всем известно из медиа-систем, что только в одном государстве Ирак от бомб погибло более одного миллиона мирных людей. В историческую веку вошла весна 2011 года, где войска стран НАТО вторглись на территорию Ливии, был свергнут с престола руководитель этого государства М. Кадафи. Он проводил самостоятельную политику, пытаясь сделать Ливию как можно более независимой от Запада и как результат, это очень не понравилось американским политикам, Ливия была разбомблена и разрушена, а в самом государстве началась гражданская война, которая породила бедность и нищету, общество было разделено по идеологии и по вражеским баррикадам, в результате чего, огромная часть населения этого государства мигрировала в основном в Германию, Францию, Польшу и другие Европейские страны. Вот это первый глобальный миграционный поток в страны Европы как дешевая трудовая сила, используемая Европейскими государствами на различных строительных объектах. Между тем, проводимая миграционная политика и имеющая в этом направлении определенный опыт ФРГ, является одним из лидеров по количеству, принявших за 2012 – 2016 года мигрантов. Германское государство активно разрабатывала на тот период времени социальные проекты, призванные обеспечить интеграцию беженцев в демократическое общество. Социальные службы уделяли большое внимание по обучению языку, для которых, были мгновенно организованы интенсивные курсы. Для справки, в среднем же беженцам давали от 600 до 900 часов по знаниям немецкого языка бесплатно, и это вполне достаточно для его освоения за девять месяцев. Освоенные денежные средства государством, вложенные в миграционную политику, полностью оправдали себя во всех сферах, сюда входило знание культуры Германии, идеологическое общение, ознакомление с национальными литературными произведениями, религия, знания в правовой сфере. В итоге все это дало резкое снижение преступности по видам и категориям. Проводимые профориентационные, психологические работы с мигрантами, а также консультации по выбору профессии, дали свои ощутимые результаты, социальные службы активно помогали им в трудоустройстве, а терапевтическая психологическая помощь занималась устранением последствий стрессовых состояний у людей, что тоже благотворно сказалось на состоянии общества в снижении криминала.

Вместе с Европейским сообществом и странами со стареющим населением, к которым, помимо Европы относятся такие государства как государства Ближнего Востока, Азии и Китая, относится и Россия. Ей, по политическим прогнозам, с дешевой рабочей силой могут помочь пока только гипотетически такие страны как Индия, Китай, Вьетнам, Северная Корея, страны Африки, с которыми ведутся пока международные переговоры. Ведь, например, не так давно на Волжском автомобильном заводе работали вьетнамцы, аналогично и на Камазе, так может быть возродиться такая практика. Как следует из медиа-систем, вопросы на политическом уровне в России время от времени поднимаются и просчитываются по поводу трудовой миграции, как положительные стороны, так и отрицательные, но вопрос не за горами, когда хлынет их поток для экономического, социального и политического роста и стабильности нашего государства. В качестве примера можно назвать Индию, где в последние 25 лет она стала основным поставщиком рабочей силы на Ближний Восток и это, очевидно, возьмите Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию, Кувейт и Катар, везде и повсюду работают индийцы. Современные жилые постройки, культурно-социальные объекты, различные многоэтажные офисы, спортивная инфраструктура, гостиницы, возведены руками строителей из Индии. Трудовая миграция из Индии стала неотъемлемой частью глобальной экономики арабского мира и это факт.

Индийская миграция широко шагнула по всему свету, только в прошлом 2023 г. Тайвань согласился принять 100 тысяч индусов для развития страны, это старшее государство мира и держится обособлено от Китая, а в отношении других государств занимает более консервативную политику. Уже известно, что Индия заключила соглашения о поставке рабочей силы с 13 странами мира. Зарплаты индусам предлагают выше среднероссийских. В Италии индийские мигранты получают около 1500 евро в месяц, а в Израиле им платят по 2 тысячи евро, это говорит о высоком профессиональном уровне приезжающих. Финансовый же вопрос для нашего государства остается пока открытым и в политических кругах он достаточно активно обсуждается.

Ну а что же у нас в России, есть ли у нас проблемы с потоками трудовой миграции? Обратим внимание на их поведение, все ли они законопослушные, все ли стремятся к изучению русского языка и к познанию нашей истории, религии, идеологии. Как известно, по прошествию многих лет в России, отношение к трудовым мигрантам изменилось, оно стало не самым дружелюбным после ряда совершенных тяжких и особо тяжких преступлений. В отдельных регионах, если не в большинстве, дело дошло до того что, представители субъектов РФ под воздействием возмущенной справедливой общественности ввели запрет на ряд профессий для выходцев из Средней Азии, например, быть водителем такси или быть водителем общественного транспорта, быть медицинским работником или работать в каких-либо контролирующих органах и др. А этому есть несомненно причины, вот лишь некоторые: знанием русского языка на должном уровне не владеют, некоторые вообще его не знают, историю нашего государства учить не хотят, познание административного и уголовного кодекса РФ сведены к нолю, стремление познать наши национальные институты отвергают, все разговоры только на своем родном языке и жажда как можно больше заработать денег и отправить их домой.

Один из авторов статьи специально общался с ними довольно-таки длительный период времени для познания их нравов и убедился в том, что у всех без исключения нет желания познать русский мир, нашу историю, религию, литературу, русский язык, наши обычаи, традиции и ритуалы, ведь для них должно быть это очень интересно, т.к. наша культура отчасти переплетается с культурой Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана, по многим жанрам. Общие понятия культуры, идеологии, литературы, истории, отражают наиболее существенные свойства мира искусства, художественного или литературного произведения и многое, многое другое. Представители трудовой миграции из Азии даже не знают, как приготовить свои национальные блюда, например плов, лагман, шурпу, а это ведь их традиционная национальная кухня. Из их разговоров на русском языке можно сделать умозаключение, что кроме финансов они больше ничего перед собой не видят, это наводит на мысль и впечатляет: неужели там действительно уж такая бедность, что с трудом верится в их рассказы. А может это и в действительности правда. Изучая наши цены в социальных магазинах, они сравнивают их со своими отечественными, и все в один голос утверждают, что все очень дорого. Их питание зачастую основано на так называемом «Доширак», чай – национальный напиток, помогающий вспомнить им свою родину и культуру, где за чашкой чая они ведут душевные разговоры о своей родине, о национальных традициях. Не забывают они и про водку, которую пьют по чем зря, случалось, что дела доходили и до драк, что кстати для них не редкость, а может помериться силами у них в своих национальных традициях?

Так за 2023 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства было всего совершено 38936 тыс. преступлений, что в целом на 3 % меньше чем в 2022 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ 32508 тыс. преступлений, что на 3,3 % меньше чем в 2022 г. [1]. Это небольшой процент к снижению преступлений, но все-таки есть и здесь несомненная заслуга правоохранительных органов в лице органов полиции, особенно после проведения массовых рейдов. На наш взгляд, побуждают совершить преступления мигрантов следующие причины: это низкий уровень их образования, культуры, нежелание адаптироваться к сложным финансовым условиям, незнание русского языка, русской истории и др.

20 декабря 2023 г. патриарх Кирилл на прошедшем епархиальном собрании Москвы заявил, что ситуация с мигрантами, которые не владеют русским языком и не уважают российскую культуру, стала хуже за последний год и если тенденция закрепится, то есть риск «потерять себя, потерять Россию», заявил патриарх Московский и всея Руси. Далее Патриарх акцентировал внимание на комплекс проблем, связанных с последствиями прибытия в нашу страну многочисленных этнокультурных мигрантов, не предпринимая усилий, – и не желающих таковые предпринимать – для интеграции в наше общество или хотя бы для того, чтобы научиться уважительному отношению к религиозным и культурным обычаям нашей страны и, как было им же подмечено, что ситуация ухудшилась в сравнении с прошлым годом, – сказал патриарх Кирилл [2].

На основе вышеназванных фактов и высказываний Патриарха Кирилла, субъективно следует прийти к аргументированным выводам, что миграционно-правовая политика в России требует системного, экономического, социокультурного и правового подхода на государственном уровне, подкрепленная миграционной концепцией, которая помогла бы облегчить жизнь в пребывающей стране, а для этого государству необходимо создать специальные структуры, в виде полноценных некоррупцированных учебных центров, ориентированных на конкретные нужды государства. Насколько нам известно, эти мероприятия достаточно затратны для федерального бюджета, зато на выходе общество получило бы более законопослушных граждан из числа трудовых мигрантов, а ориентированная политика государства сполна оправдала бы себя.

Президент РФ Владимир Путин 4 декабря 2023 г. на встрече с членами Совета по правам человека, также коснулся ситуации с трудовыми иностранными ресурсами, согласившись с некоторыми выступающими членами, где подчеркнул, что мигрантами должен соблюдаться этнокультурный баланс в нашем государстве, нашей стране нужны трудовые ресурсы, которые отвечают интересам российской экономики, иначе это означает, что эти люди должны быть подготовлены с языковой точки зрения к нашей культуре, должны знать российские традиции и уважать законы [3].

Следует согласиться с мнением Президента о том, что в нашей стране надо полностью менять миграционную политику. Мигрант должен приезжать для конкретной задачи, он должен работать под конкретного работодателя. Он должен работать по принципу: приехал, отработал, закончил контракт, уехал. Такой результат по нашему убеждению был бы вполне оправдан.

На наш взгляд необходимо выработать единый механизм по поводу пересечения границы РФ, как только трудовой мигрант пересек границу РФ, он тут же должен быть занесен в компьютерную базу вместе с работодателем или рекрутинговыми агентствами, выступающими посредниками на рынке труда и ответственность за мигрантов должны нести исключительно они. Для полноценной жизни иностранных граждан в России должен появиться специальный орган, который решал бы вопросы миграционной политики комплексно, а это блок социальных вопросов: жилье, медицинское обеспечение, подготовка детей мигрантов к обучению в школах.

Дети мигрантов прежде, чем пойти в русскую школу, обязаны знать русский язык и, это аксиома, поэтому нужны подготовительные классы. Главная наша задача общества – это подготовка воспитанных, сознательных, грамотных, высокообразованных граждан на потребностей нужд общества. По нашему убеждению, люди, приезжающие в Россию работать, не должны претендовать на получение гражданства, потому что их цель – заработать финансы.

Особо важным вопросом миграционной политики сегодня в России, является недопущение межкультурных, международных конфликтов, что бывает нередко в нашем обществе. Междоусобица побуждает их совершать тяжкие и особо-тяжкие преступления, часто встречающиеся в общественных местах и не только в кафе, но и на улицах, рынках, площадях.

В современной России действительно и это уже отрицать никто не будет, потребность на рынке труда трудовых мигрантов очень велика: и в строительстве, и в аграрном

секторе, и в ЖКХ, и в других отраслях развития нашей экономике. По наметившимся планам развития народно-хозяйственного плана нашей страны, в условиях санкций, трудовая миграция – это ключ к экономике и с этим никто спорить не будет. По некоторым данным из телевидения и средств массовой информации, в ближайшей перспективе в Российскую Федерацию необходимо завести 12-14 млн. иностранного трудового населения для решения стратегических проблем развития нашей экономики. Но здесь возникает вполне оправданный вопрос, какими средствами и какими ведомствами и кто их будет контролировать, ведь если называть вещи своими именами, то общество захлебнется в потоках такой преступности как убийства, насилие, изнасилование, незаконный оборот наркотических средств, сбыт оружия, призывы к активизации экстремистской деятельности, оправдание нацизма и др. ОВД, органы ФСБ, СК, где по сей день имеется хронический дефицит кадров, вряд ли справится с прогнозируемым валом преступности, что делать и как быть? Выход только один, расширение штатов силовых структур, дактилоскопия, ДНК, жесткий контроль по фактам употребления алкогольной и наркотической продукции, вплоть до депортации, расширение сети оперативной работы среди них, проведение предупредительных мер, путем проведения с ними общих и индивидуальных бесед, другие карательные меры в виде привлечение их к административной и уголовной ответственности.

Сегодня, мигранты, приезжающие в Россию, выдворяются при первом нарушении закона. Нам известны такие случаи, когда подобная когорта, находясь вне регистрации занималась осуществлением экстремистской деятельности, возрождением нацизма, сбытом наркотических средств, совершением других тяжких и особо тяжких преступлений.

Мигрантов, которые, приезжают к нам сюда и не планируют регистрироваться, а хотят пожить не так уж и мало. Если посмотреть статистику, 50 % мигрантов не платят за патенты, а это значит, что если нарушают закон один раз, то до свидания, без всякого права вернуться в Россию. Для сравнения, то же самое происходит и в других странах Европы.

Официальный представитель Министерства внутренних дел Ирина Волк заявила, что в ходе операции «Нелегал-2023» из России выдворили около 15 тысяч мигрантов по итогам 2023, за 2022 г ими совершено 40,2 тысяч преступлений: плюс 10,3 % по отношению к периоду прошлого года аналогичному», - сказал Зубов на заседании Госдумы.

В общем количестве преступлений, по его словам, это 3,9 %. В то же время он отметил, что, Россия не может «изолировать себя» от иностранцев, поскольку нуждается в них.

Наконец то, на политическом и экономическом уровне наше правительство, признало, что Россия – это страна, нуждающаяся в мигрантах и, никуда мы от них даже на ближайшие десятилетия не денемся, если хотим развивать и строить новую Россию и с этим следует согласиться несмотря на то, что миграция из стран Азии, дополнительно породило коррупцию в коммерческих структурах. Так, например, уже в этом году сотрудники полиции поймали преподавателей, оказывающие за мзду помощь в прохождении тестов по русскому языку. Такие криминальные услуги предоставляли сотрудники коммерческого центра тестирования мигрантов, где за взятки они выдавали сертификаты о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства. Производилось это все на достаточно простом уровне: письменные тесты заполняли работники центра, а для устной части они применяли подкаски с транскрипцией и таким образом мигранты получали все необходимые документы, разрешающие на временное проживание или видов на жительство. Также следствием было установлено, что за полтора года работы злоумышленники (экзаменаторы) по-содержавали легализации не менее 3,6 тысяч мигрантов, а оборот незаконной деятельности составил свыше 24 миллионов рублей.

Возбуждено уголовное дело об организации незаконной миграции (часть 2 статьи 322.1 УК РФ) [4].

Согласно данным МВД, с которыми ознакомились «Известия», в 2022 году мигранты совершили 40,2 тыс. преступлений, что на 10,3 % выше показателя 2021 года. Большинство

злоумышленников (32,9 тыс.) оказались из стран СНГ. На данный момент в колониях находятся 26 тыс. иностранцев [5].

По национальным признакам, преступления в большей степени совершают приезжие из азиатских стран среднего возраста, не работающими и не имеющими постоянного источника дохода, которые в основной своей массе не имеют профессионального образования, зачастую практически не владеют русским языком.

В Федерации мигрантов России отметили, что чаще всего мигранты попадают на фиктивной постановке на учет по прибытию в Россию и подделку документов.

Для сравнения, по данным МВД, за первые два месяца 2023 года уже зафиксировано 6872 случая нелегальной регистрации — в два раза больше, нежели за аналогичный период 2022 года. За первые шесть месяцев 2023 г. все прибывшие мигранты в Россию, совершили более 22 тысяч преступлений, что на 6,3 процента больше, чем за аналогичный период прошлого года, а за первое полугодие 2023 года в статистических материалах Министерства внутренних дел РФ, иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ совершено 22,4 тысячи преступлений [1]. В то же время наметилась благоприятная тенденция по снижению количества преступлений, так, например, совершение иностранными гражданами и лицами без гражданства, в 2023 году по сравнению с 2022 годом сократилось на 3 %. Пусть это не такой большой процент, но в целом, как и прогнозировался с криминологической точки зрения, роста преступности со стороны иностранных граждан нет. На это повлияло определенное сокращение гастарбайтеров и, становление большего количества законопослушных граждан с их стороны. Здесь, следовало бы отметить всю систему МВД России, которая активно занималась и занимается по сей день вопросами преступности в среде мигрантов. В последнее время участились случаи выявления незаконной миграции и фиктивной регистрации гастарбайтеров на территории РФ, такие деяния носят преступный характер и подлежат уголовному наказанию.

Растущая статистика и динамика отражает уголовные дела именно по статьям за «левою» регистрацией, а это как известно элементы коррупционной деятельности. Наказание по ним не связанные с лишением свободы, а чаще штраф в уголовно-правовом порядке. Выявлять фиктивную постановку на учет при помощи информационно-цифровых технологий не сложно.

Так организация незаконной миграции является преступным деянием и носит как правило организованный преступный бизнес для определенных лиц. За организацию незаконного въезда в Россию иностранных граждан или лиц без гражданства, установлена уголовная ответственность 322.1, а также ст.322.2, и ст. 322.3 УК РФ [4]. Вся эта группа преступлений как правило совершается одновременно. Сотрудникам правоохранительным органом, очевиден факт, что законодатель, в целях поддержания правопорядка в УК РФ вводит все новые и новые спец. нормы, направленные на установление ответственности за организацию незаконной миграции, в том числе за предотвращение фиктивной регистрации, где год от года статистика по таким преступлениям только растет. Бесконтрольная фиктивная регистрация на территории России тому подтверждение, где приезжие оформляются в так называемых резиновых квартирах, в которых одновременно может быть прописано до сотни человек. Как показала оперативная работа, такие нарушения выявляются участковыми уполномоченными без особого труда.

25 октября 2023 г., депутаты Государственной Думы направили Председателю СК А. И. Бастрыкину письмо, в котором было сказано, что направленные ранее его консультативные замечания по делам миграции, актуальны, и учтены, в связи с этим в России решается вопрос о создании института Уполномоченного по контролю за миграцией при Президенте РФ, в обязанности которого, будут входить функции по проведению ряда мероприятий, направленных именно на предупреждение правонарушений, трудовыми мигрантами и будут обрабатываться вопросы эффективного взаимодействия между органами госвласти России и национальными диаспорами. Кроме того, в круг компетенции этого института будут входить вопросы контроля трудовой деятельности мигрантов, их быт и, их безусловное перемещения че-

рез границу РФ. Наконец то будет введен тотальный надзор и контроль за оборотом рабочих и гостевых виз со стороны государства, введение платы за обучение в школах и детских садах иностранных граждан, а также введение обязательства рабочих мигрантов иметь официальное приглашение работодателя для пересечения границы РФ или получение рабочей визы.

Есть предположения, что на работодателя, нанимающего на работу лиц, из числа трудовых мигрантов, будут возлагаться обязанности, например, внесение на расчетный счет денежных средств на депозиты, на случай принудительного выдворения такого работника, обеспечение его переезда на территорию РФ с места прибытия, организация обучения, проживания, медобслуживания мигранта. Вот такие новшества и положения будут введены в необозримом будущем в нашем социуме. Кроме этого, в виде исключения предлагается запретить найм на работу мигрантов в школы, детские сады и такси, правда, такие правила уже существуют в большинстве субъектов РФ, но все-таки они будут узаконены. К этому положению ряд депутатов Государственной думы предлагают ужесточить наказания за нарушение миграционного законодательства вплоть до направления их на СВО, но только в отношении тех лиц, которые имеют гражданство России.

Транзакции мигрантов нашими финансовыми органами отслеживаются и объективно показали, что практически все мигранты имеют стабильный заработанный доход, поэтому многие готовы платить за предоставление незаконных услуг по фиктивной регистрации по месту жительства и постановке на учет. Кроме того, одной из основной формой незаконных услуг для мигрантов является помощь в пересечении границы, где на территории России время от времени появляются фирмы однодневки по оформлению приглашений на работы, установить местонахождение мигрантов и фиктивного работодателя, выступавшего принимающей стороной не так-то просто.

Подводя итог к проведенному исследованию пребывания трудовых мигрантов на территории государства Российского необходимо акцентировать внимание всех органов государственной власти и государственного управления;

расширить штат сотрудников полиции за регистрацией мигрантов, с осуществлением контроля и надзора за их бытом, а также их трудовой деятельностью, в пределах перемещения территории РФ;

ужесточить контроль за сдачей экзаменов и тестов по русскому языку и истории России со стороны государственных органов и органов государственного управления;

организовать для них учебные курсы по изучению национальной культуры Российской Федерации;

продолжать политику депортации за административные и уголовные правонарушения за пределы России за счет работодателя;

ужесточить требования к получению ими гражданство России;

осуществлять совместный контроль за их деятельностью на уровне представителей землячества и дипломатических работников, представляющие национальные интересы тех или иных государств;

в странах, отправляющих трудовых мигрантов на территорию РФ, необходимо организовать первоначальные курсы по ознакомлению культуры России, знания русского языка, истории нашего государства.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: мвд.рф.
2. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании града Москвы 20 декабря 2023 г. Москва, РИА Новости, интервью Патриарха Кирилла.
3. Встреча Владимира Путина с членами СПЧ 4 декабря 2023 г. - М., Кремль. (стенограмма).
4. Уголовный Кодекс РФ. - М.: Изд. СПАРК, 2023. - Ст. 322.1 УК РФ.
5. Газета «Известия» 13 апреля 2023 г.

ПИРОВА Рена Низамиевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства, г. Махачкала

Пирова Р. Н.

КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В данной статье содержится анализ поведения безнадзорных и беспризорных лиц, а также несовершеннолетних, попавших под действия комиссии по делам несовершеннолетних и защиты их прав. Так же, рассматриваются проблемы реализации деятельности самой комиссии и их решения. Проблема заключается в наличии противоречий между важностью самой комиссии по делам несовершеннолетних и наличием нерешенных организационных вопросов, таких как социальные, нормативно-правовые, которые напрямую мешают осуществлению задач, поставленных перед комиссией. Решение данных проблем и улучшение законодательной основы самой комиссии привели бы к налаженной и более грамотной правовой деятельности, что в свою очередь могло бы стать гарантом для несовершеннолетних, что их права и интересы будут надлежащим образом защищены.

Ключевые слова: несовершеннолетние, комиссия, КДНиЗП, беспризорники, правонарушение, дети, подростки.

PIROVA Rena Nizamievna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Criminal law and state legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy, Makhachkala

COMMISSION ON JUVENILE AFFAIRS

This article contains an analysis of the behavior of neglected and homeless persons, as well as minors who have fallen under the actions of the Commission on juvenile Affairs and protection of their rights. Also, the problems of the implementation of the activities of the commission itself and their solutions are considered. The problem lies in the existence of contradictions between the importance of the commission on juvenile affairs itself and the presence of unresolved organizational issues, such as social, regulatory and legal, which directly interfere with the implementation of the tasks assigned to the commission. Solving these problems and improving the legislative basis of the commission itself would lead to streamlined and more competent legal activities, which in turn could become a guarantee for minors that their rights and interests will be properly protected.

Keywords: minors, commission, CDNiZP, homeless, offense, children, teenagers.

Дети определяют будущее государства, ведь являются создателями нового, они формируют строй в обществе и дальнейшее процветание государства. По этим причинам в Конституции Российской Федерации в части 1 статьи 38 прописано, что семья, материнство и детство находится под защитой государства, но детская преступность все еще остается одной из проблем государства.

Острой проблемой, связанной с детской преступностью, является большое количество беспризорных и безнадзорных детей. Давайте обратимся к статистике, предоставленной в общем доступе на сайте МВД, выявленных случаев на 2010 год было более 100.000, когда как на 2020-2022 год их более 60.000 [1]. Несмотря на уменьшение случаев, данное число все еще является значительным для государства. Если проследить по регионам, то явными лидерами становятся - Тыва, Марий Эл, Псковская область, Хабаровский край: 6-8 человек на 1000 жителей младше 16 лет. В целом получается, что чем выше уровень жизни в регионе, тем меньше там беспризорных детей.

Детская преступность – это преступность будущего. Судебный департамент предоставил статистику, так за 2021 год осудили 14 855 несовершеннолетних. В последние годы России снижается как детская, так и взрослая преступность. За последние 14 лет количество детей на скамье подсудимых снизилось на 82,4 %: в 2007 году осудили 84 124 несовершеннолетних [2].

Самыми распространенными преступлениями среди несовершеннолетних является кража, следующим идут угоны и на третьем месте грабежи. За последние годы выявилось, что несовершеннолетних стали чаще привлекать к ответственности за изготовление и распространением детской порнографии, 30,4 % от всех преступлений, а также вымогательство 14,2 %.

Давайте обратимся к работе Камбиевой Мадины М., в которой приводятся причины правонарушений несовершен-

нолетних, на которых влияют социальные факторы, разделены на две группы: макросоциальные и микросоциальные [3]. К первым относятся:

1. Низкий уровень жизни (детям и подросткам из неблагополучных семей приходится совершать правонарушения, чтобы выжить и прокормить семью);
2. Недостаток развития досуговой системы;
3. Недостаток учебно-воспитательной работы учебных заведений;
4. Недостаток в организации трудоустройства несовершеннолетних.

Микросоциальным фактором она выделяет лишь одно – отрицательное влияние семьи. А ведь одной из причин такого поведения детей является неблагополучие в семье. В неполных или конфликтных семьях, а также где родители подвержены влиянию запрещенных веществ или алкогольных напитков, вероятность того, что ребенок уйдет на улицу, гораздо выше.

Так, например, благотворительный фонд Тимченко исследовал причины социального сиротства. Выявилось, что 40,4 % родителей таких детей лишены прав из-за злоупотребления алкоголем, 24,5 % - из-за того, что уклонялись от воспитания за детьми, 14,1 % - имели материальные трудности. Если ребенка не на что содержать, семья может отказаться от него добровольно.

Особую роль в этом вопросе отводится комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее - КДНиЗП). Деятельность комиссии по делам несовершеннолетних охватывает широкий диапазон задач, которые обеспечивают защиту прав подростка на различных этапах жизни.

В некоторых случаях профилактические меры имеют направленность ограничения прав самих родителей, или иных лиц, исполняющих их обязанности. Данные меры направлены на улучшение окружающей среды, в которой соответственно

и воспитывается ребенок, так как это может оказать хороший эффект профилактики для предотвращения новых правонарушений.

Обратим внимание на то, что согласно статистическим данным, увеличивается число преступлений в отношении и самих несовершеннолетних. Так, например, если в 2015 году было возбуждено 18 370 уголовных дел, то в 2020 году - 22 004. Преступления могут быть разными, от насильственных действий сексуального характера, как и применения самого насилия над ребенком. Чаще всего дети страдают от преступных посягательств своих родственников.

Так, на сайте проекта «Нет, это нормально», 21 октября 2021г, была опубликована статья под названием «Насилие над детьми в фактах и цифрах» [5]. В данной статье приводится статистика семейного насилия в Российской Федерации, с которой сталкивается каждый второй человек. Так мы можем увидеть, что:

- в России ежегодно насилию в семье подвергаются два миллиона детей в возрасте до 14 лет, это около 60 процентов всех детей в стране;
- 77 процентов детей, пострадавших от насилия, стали жертвами своих родителей, 11 процентов пострадали от родственников и только 10 процентов – от посторонних людей;
- в бедных семьях уровень насилия составляет более 60 процентов.

Как говорилось ранее, насилие над детьми, в разном его проявлении, характерно в основном для менее обеспеченных слоев общества.

Сама же комиссия обеспечивает защиту прав несовершеннолетних, что как раз таки и проявляется в обеспечение нормальной жизнедеятельности и помощи в решение проблем связанных с защитой от посягательств не добросовестно исполняющих своих обязательств родителей, совместно с органом опеки и попечительства.

На сегодняшний день перед КДНиЗП стоит много задач, которые связаны напрямую с их функционированием, от понимания и решения которых, в целом, зависит качество, продуктивность и эффективность их деятельности.

Сама же комиссия содержит в себе две противоположные функции: защита прав и законных интересов, и предупреждение (пресечение) безнадзорности, беспризорности, правонарушений несовершеннолетних.

Первая функция выделяется в защите и восстановление прав и законных интересов несовершеннолетних. Проявляется она в защите от всех форм дискриминации, физического, психического, сексуального насилия, оскорблений, грубого обращения, а также эксплуатации труда. Данная функция так же находит отражение в устранение причин и условий беспризорного, безнадзорного поведения.

Вторая же функция предполагает участие комиссии в разработке и реализации целевых программ, направленных на профилактику безнадзорности и правонарушений, так же участвует в реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних, употребляющих наркотические и психотропные вещества.

Согласно пункту 6 Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, задачами комиссии являются:

- Выявление и устранение причин и условий, способствующих проявлению антиобщественных действий несовершеннолетних;
- Обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- Оказание социально-педагогической помощи, реабилитации несовершеннолетних, подвергнутых наркотической и психотропной зависимости, а также оказавшихся в опасном положении за свет других факторов.
- Выявление, пресечение и предотвращение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или иных действий противоправного характера.
- Обеспечение эффективного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики.

В этом контексте можно обратиться к европейскому опыту комиссии по делам несовершеннолетних. Так, например, британское законодательство в сфере правонарушений несовершеннолетних строится на предположение, что большинство правонарушений имеют ситуационный характер и совершаются в результате определенного стечения обстоятельств. Таким образом, наиболее эффективным

методом борьбы является своевременное устранение факторов внешней среды, а также создания условий, при наличии которых совершать правонарушение будет сложнее и невыгодно.

Недочетами этой ситуационной профилактики будет то, что правонарушитель отказывается от совершения определенного правонарушения в определенном месте или из-за проблем, вставших на его пути, но он не откажется от идеи реализовать свой план подобном правонарушении. Данный метод не рассчитан на ликвидацию самих причин совершения правонарушений и такого поведения у подростков, а только предусматривает ликвидацию возможностей. Первоначально, стоило подчеркнуть, что Российская Федерация улучшает законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних граждан, выделяя данное направление как одно из важнейших. В свою очередь в РФ существует механизм защиты прав несовершеннолетних, представляющий собой совокупность органов государственной власти, общественных организаций, целью которых является защита и восстановление нарушенных прав несовершеннолетних, частью которого и является комиссия по делам несовершеннолетних и защита их прав. Сама же деятельность КДНиЗП регламентируется согласно положению № 120-ФЗ «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в которой и закреплены основные положения касаясь образования и проводимой деятельности. Хотя государство и проводит меры по улучшению методов регуляции и защите права несовершеннолетних, можно заметить несколько проблем в деятельности, как самой комиссии, так и других органов. Разберем проблемы, с которыми сталкивается именно КДНиЗП при выполнении своей деятельности, к которым относятся:

– Проблема исследования. Данная проблема заключается в наличии противоречий между важностью самой комиссии по делам не совершеннолетних и наличием нерешенных организационных вопросов, таких как социальные, нормативно-правовые, которые на прямую мешают осуществлению задач, поставленных перед комиссией.

– Проблема не определенной структуры и состава комиссии. Решение данной проблемы привело бы к повышению эффективности работы данного органа, позволило бы привлечь специалистов в области юриспруденции, психологии и педагогики [4].

– Проблема неточной формировки противоправного воспитания, что тоже является проблемой деятельности комиссии, ведь без закрепленного определение и понимания данного вопроса, не всегда можно вовремя оказать помощь детям.

В заключение хотели бы добавить, что решение данных проблем и улучшение законодательной основы самой комиссии, привели бы к налаженной и более грамотной правовой деятельности, что в свою очередь могло бы стать гарантом для несовершеннолетних, что их права и интересы будут надлежащим образом защищены.

Пристатейный библиографический список

1. Число беспризорных и безнадзорных детей в России // Статистика МВД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/36186> (дата обращения: 14.02.2024).
2. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы и 2008-2021 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.02.2024).
3. Камбиева М. М. «Факты, влияющие на формирование противоправного поведения подростков». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/authors/15189/> (дата обращения: 16.02.2024).
4. Беженцев А. А. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в профилактике правонарушений несовершеннолетних, перспективы модернизации административной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2017.
5. «Нет, это нормально» // статья «Насилие над детьми в фактах и цифрах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://n-e-n.ru/violencefacts/> (дата обращения: 17.02.2024).

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

ДВОРЖИЦКАЯ Марина Андреевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

МАЛАНЬИН Александр Анатольевич

студент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

САВЕЛЬЕВА Дарья Евгеньевна

студент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

Писаревская Е. А.

Дворжицкая М. А.

ТРЕШ-СТРИМИНГ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследованы вопросы уголовно-правового регулирования такого явления, как треш-стриминг. Выявлены законодательные и правоприменительные проблемы, которые не позволяют сегодня должным образом оценить преступления, совершаемые в онлайн-трансляциях и публично демонстрирующие насилие. Поддерживается введение обстоятельства,отягчающего наказания в ст. 63 УК РФ, а также такого квалифицирующего признака в отдельные составы преступлений против личности, как «совершение преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».

Ключевые слова: треш-стрим, интернет, насилие, жестокость.

Маланьин А. А.

Савельева Д. Е.

PISAREVSKAYA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-West branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

DVORZHITSKAYA Marina Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the North-West branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

MALANJIN Alexander Anatoljevich

student of Criminal law sub-faculty of the North-West branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

SAVELJEVA Darya Evgenievna

student of Criminal law sub-faculty of the North-West branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

TRASH STREAMING: PROBLEMS OF CRIMINAL LAW REGULATION

The article examines the issues of criminal law regulation of such a phenomenon as trash streaming. Legislative and law enforcement problems have been identified that do not allow today to properly assess crimes committed in online broadcasts and publicly demonstrating violence. It supports the introduction of an aggravating circumstance in Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation and a qualifying feature in certain types of crimes against the person, such as «committing a crime with a public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet)».

Keywords: trash stream, Internet, violence, cruelty.

В период развития информационных технологий большую роль в жизни людей играет сеть «Интернет». Сегодня особую популярность в интернет-пространстве приобрели социальные сети, видеохостинги и системы мгновенного обмена сообщениями и файлами различных форматов. Ис-

пользование подобных средств обмена и передачи информации предоставляет населению, с одной стороны, безграничные возможности для приобретения новой и актуальной информации, развития, расширения социально значимых связей, общения с людьми из различных точек мира, орга-

низации конференций, обмена информацией, самореализации путем публикации разнообразного контента, а также заработка денежных средств. Однако, с другой стороны, несет в себе очевидные угрозы и риски. В частности, изобилие разнообразных сведений, порой поверхностных и недостоверных, формирует у пользователей необъективные представления об окружающей действительности, увеличивает время препровождения в интернете, что впоследствии приводит к снижению навыков очного коммуницирования с людьми, формированию интернет-зависимости и девиантному отклонению личности от привычных правил поведения в обществе. В этом контексте до сих пор видится актуальным утверждение в части сравнения виртуальной реальности с зазеркалем, которое затягивает в себя все, что с ним пересекается, в котором «человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многомысленно, аннигилирует и человек: ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия» [1, с. 120].

Одной из форм проявления девиантного поведения в интернете является такое современное явление, как треш-стриминг. Вначале необходимо выяснить, что представляет собой данное понятие и какова его общественная опасность. Итак, слово «trash» в переводе с английского языка имеет значения «халтура, ерунда, вздор»¹, термин «stream» – «поток, течение, направление»². При этом на страницах сети «Интернет» можно найти использование слова «треш» при описании жанра кино, в котором транслируется насилие и вызывается страх, описании каких-либо событий, вызывающих удивление и отвращение, называемых «треш-контент» и т.д. Треш-стриминг следует отличать от понятия треш-контент, где слово «content» в переводе с английского означает «содержимое»³ информационное наполнение ресурса, к которому относится содержание сайтов в виде статей, видео, новостей, постов в авторских каналах. Сам по себе треш-контент не является новым явлением для нашего общества, берет начало с момента появления средств массовой информации, когда появилась возможность быстрого и общедоступного распространения информации среди населения. Однако данное явление активно распространяется с момента появления интернета. За последние годы треш-контент популяризируется в форме онлайн-трансляций и представляется аудитории в форме треш-стриминга. Иными словами, треш-стриминг является формой выражения треш-контента в режиме реального времени. Сами стримы, как способ взаимодействия организатора трансляции со зрителями, появились в период возникновения глобальной сети «Интернет» и создания для этого специальных онлайн-платформ.

В российском законодательстве не закреплен исследуемый термин, что затрудняет правовую оценку данного явления. Треш-стриминг сегодня представляет собой отдельное направление прямых трансляций на онлайн-платформах потокового вещания видео с использованием негативного контента. Контент-анализ публикаций в средствах массовой информации позволил сделать вывод, что в ходе подобных трансляций происходит взаимодействие трех групп участников: 1) «организаторов», которые в онлайн режиме публично

выполняют различные задания, совершая издевательства над другими людьми, унижая их человеческое достоинство, причиняя вред их здоровью, и даже лишая жизни последних; 2) «жертв», которые, как правило, добровольно за вознаграждение терпят подобного рода издевательства над собой; 3) «смотрителей», выступающих аудиторией, которой подобный контент адресован, которая спонсирует и поощряет организаторов, так называемыми «донатами». В целом, многие из подобных деяний, совершаемые треш-стримерами (организаторами стримов) подпадают под признаки самостоятельных деяний, за которые в российском законодательстве предусмотрена административная или уголовная ответственность.

Интересно, что изначально «стримы» или прямые эфиры организовывались для предоставления в массы нейтрального или позитивного контента в виде прохождения компьютерных игр, просмотра и обсуждения фильмов и сериалов, общения с аудиторией и т.д. Со временем подобный контент становился привычным и перестал вызывать у аудитории повышенный спрос, что привело стримеров к поиску новых идей для заработка. Далее на стримах проводились онлайн-трансляции, в которых транслировались путешествия по миру, демонтировались творческие способности (пение, игра на музыкальных инструментах), кулинарные способности, осуществлялось обучение игре на музыкальных инструментах и т.д. Многие трансляции подобных стримеров набирали большое количество одобрений в форме «лайков», давали возможность заработать деньги, благодаря донатам (денежным пожертвованиям), направляемых в поддержку стримеров и их каналов. Большой популярностью по числу просмотров пользовались также трансляции, которые содержали «шоковый» контент, сопровождающийся «пранками», издевательствами над людьми, животными, применением насилия к людям и животным, насмешками и т.д. Такие трансляции вызвали широкий общественный резонанс, при этом исследование числа просмотров, лайков и комментариев к ним показало, что отношение общества было разным: одни осуждали такой контент и выступали против него, другие – поощряли, поддерживали режиссеров одобрительными комментариями, донатами и советами, третьи – молчаливо просматривали эти стримы, воздерживаясь от комментариев. В связи с тем, что у части публики был спрос на подобного рода контент, стримеры, стремясь к популярности и обогащению таким способом, стали организовывать демонстративные «треш-стримы», приглашая на них различных гостей и совершая в прямом эфире в отношении них за деньги различные противоправные действия. Причем лица, в отношении которых совершались насильственные действия на таких стримах, были согласны терпеть издевательства и унижения за денежное вознаграждение. Треш-стримы, в свою очередь, стали пользоваться популярностью среди аудитории, которая порождает и спонсировала их существование. Насилие, оскорбление, унижение, истязание, порча чужого имущества выступали в качестве форм проявления противоправных действий, совершаемых на треш-стримах.

Аккумулируя вышесказанное, можно заключить, что «треш-стриминг» следует рассматривать в качестве отдельного направления прямых трансляций на онлайн-платформах потокового вещания видео с использованием негативного контента, в ходе которого за это денежное вознаграждение в виде «донатов» от заинтересованной стороны совершаются деяния в отношении других участников стримов, подпадающие под признаки противоправных посягательств, предусмотренных административным и уголовным законодательством Российской Федерации.

Статистические данные о числе проводимых треш-стриминговых трансляций и противоправных деяний, совершаемых в результате их проведения, отсутствуют. О масштабе проблемы делается вывод из данных в средствах массовой

1 Большой англо-русский и русско-английский словарь // Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/807223/trash (дата обращения: 23.01.2024).

2 Большой англо-русский и русско-английский словарь // Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/773449/stream (дата обращения: 23.01.2024).

3 Большой англо-русский и русско-английский словарь // Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/494228/content (дата обращения: 23.01.2024).

информации, содержащих сведения о циничных и жестоких фактах проведения подобных стримов. Контент-анализ новостных ресурсов свидетельствует о том, что такие трансляции, сопряженные с насилием, порчей чужого имущества и другими действиями, носящими общественно опасный характер, распространены по всему миру, они представляют на сегодняшний день не единичные факты. Особые опасения вызывает то, что большую часть времени в интернете проводит сегодня молодое поколение, которое воспринимает такого рода контент, как приемлемый.

Популярность «треш-стримов» является актуальной общемировой проблемой. Так, в 2021 году четверо подростков из США транслировали убийство 15-летней девочки в прямом эфире в социальных сетях⁴. Популяризация «треш-стримов» на территории этого государства породила дискуссии о необходимости модернизации законодательства и установлении уголовной ответственности за подобные деяния, совершаемые на онлайн-трансляциях.

В 2020 году гражданин Республики Беларусь, известный под псевдонимом Mellstroy, проводя очередной «треш-стрим» на мероприятии в «Москва-Сити» избил девушку, в результате чего был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ⁵.

В том же году на одном из видеохостингов блогер, известный как Reeflay, во время онлайн стрима издевался над своей знакомой, а именно заливал ее лицо перцовым баллончиком, наносил удары, всячески унижал и выставил девушку на улицу в нижнем белье. В результате, проведя несколько часов на холоде, потерпевшая скончалась. Указанный блогер был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ⁶.

В 2024 году российский блогер опубликовал в запрещенной на территории Российской Федерации социальной сети видеоролик, в котором бросал снег в своего маленького двухмесячного ребенка. Подобные действия вызвали широкий общественный резонанс. По данному факту было возбуждено уголовное дело, по которому продолжают следственные действия⁷.

Отметим, что в нашем законодательстве сегодня имеется широкий арсенал средств противодействия подобного рода деяниям. В основном документе нашей страны – Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) декларировано, что достоинство личности охраняется государством, и ничто не может являться основанием для его умаления. Никто и ни при каких условиях не может быть подвержен пыткам, насилию, иному унижающему жестокому, унижающему человеческое достоинство обращению (ст. 21). Основные направления противодействия угрозам национальной безопасности в условиях интенсивного развития информационных технологий приводятся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. В частности, в этом документе стратегического планирова-

ния указывается на необходимость создания определенных условий, направленных на эффективное предупреждение, выявление и пресечение различных преступлений и правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Сегодня приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, они были утверждены Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809. В настоящее время действует Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ, в котором регулируются общественные отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. Действует также Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно ст. 15.1-1 которого регламентированы меры по удалению информации, выраженной в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, и по ограничению к доступу к таким ресурсам. При этом на практике складывается ситуация, что транслируемый в онлайн-стримах треш-контент, прежде чем он блокируется модератором, уже становится просмотренным миллионами людей. Кроме того, возвращаясь к законодательству, подчеркнем, что большинство деяний, совершаемых треш-стримерами, подпадает под составы административных правонарушений (например, ст. ст. 5.61, 6.1.1. КоАП РФ и т.д.) или преступлений (ст. ст. 105, 110-112, 115-117, 119 УК РФ и т.д.).

Несмотря на имеющуюся правовую базу, подобные деяния продолжают совершаться. Это связано в большей мере с тем, что у аудитории имеется спрос на такой контент, а как известно, спрос порождает предложение, причем аудитория не только поддерживает это явление, но и сама же его создает, поскольку без нее такие трансляции не имели бы шанса на существование. Как отмечалось председателем Комитета Государственной Думы Российской Федерации по молодежной политике, государством в настоящее время проводится работа по борьбе с таким деструктивным контентом, но число инструментов для такой борьбы существенно ограничено, поскольку «бюрократия отнимает время, аморальные, деструктивные эфиры успевают просмотреть миллионы людей»⁸. В связи с этим для некоторых блогеров, цинично преследующих цель наживы, издеваясь публично над другими людьми, треш-стриминговые трансляции стали неплохим заработком. В научных кругах и законодательстве высказываются различные идеи, как бороться с этим явлением, и какие меры следует предпринять. Обобщение законодательных инициатив и научных трудов позволило выявить следующие предложения по противодействию треш-стримингу: 1) введение административной ответственности за подобного рода деяния; 2) введение самостоятельных составов в УК РФ, предусматривающих ответственность за организацию, склонение и пособничество треш-стримингу (в ч. 3 ст. 282 УК РФ или в Главе 25 УК РФ); 3) введение квалифицирующих признаков в некоторые составы преступлений против личности; 4) введение обстоятельства, отягчающего наказания «совершение деяния в онлайн трансляции»; 5) блокировка треш-стримингов; 6) введение запрета на популяризацию сервисов для обхода блокировок доступа к противоправному контенту; 7) приравнивание интернета к общественному пространству, чтобы нормы поведения в интернете были такими же, как в любом общественном месте.

8 Комитет по молодежной политике обсудили инициативу об ужесточении ответственности за треш-стриминг // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/56778/> (дата обращения: 23.01.2024).

4 Girls live-stream themselves stabbing teen at Walmart, bragging about the killing // Dailydot. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailydot.com/irl/girls-fatally-stab-teen-walmart-live-stream> (дата обращения: 21.01.2024).

5 Суд приговорил блогера Mellstroy к полугоду исправительных работ // РИА Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210709/sud-1740616935.html> (дата обращения: 21.01.2024).

6 «Блогера приговорили к шести годам из-за смерти девушки во время стрима» // РБК Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/society/27/04/2021/6088418a9a794712ab28c1c1> (дата обращения: 21.01.2024).

7 Александр Бастрыкин поручил завести дело против блогера, бросившего в снег ребенка // РБК Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/659d10a79a7947c7f9d484d2> (дата обращения: 23.01.2024).

Интересна позиция общества по данному вопросу. По результатам опроса российских граждан, проведённого ВЦИОМ в 2021 году, за блокировку треш-стримов выступило большинство пользователей интернета – 87 %, против – 9 %. При этом данное явление известно обществу, так о треш-стриминге знает почти каждый второй опрошенный респондент (49 %), не знают – 51 %. 42 % опрошенных, просматривающих треш-стримы, – это молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. С необходимостью ужесточения уголовной ответственности за организацию и демонстрацию треш-стримов согласилось 74 %, за участие – 33 %, уголовная ответственность не требуется за подобные деяния – 6 %⁹. Таким образом, очевидно, что большинство членов общества не поддерживают подобного рода явление, считают его безнравственным и требующим привлечения к уголовной ответственности. Иными словами, в данном случае ужесточение ответственности за треш-стриминг оправдано с точки зрения общественной морали.

Возросшая популярность треш-стримов незамедлительно повлекла за собой реакцию со стороны законодательных и исполнительных органов власти в нашей стране. На сегодняшний день выдвигалось несколько подходов к решению данной проблемы. Рассмотрим предлагаемые инициативы. Так, 21 января 2021 года председателем Временной комиссии Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ было проведено первое заседание рабочей группы по подготовке законодательных предложений по противодействию треш-стримам¹⁰. По итогам данного мероприятия предлагалось включить ч. 3 в ст. 282 УК РФ, устанавливающую ответственность за совершение противоправных действий, направленных на унижение человеческого достоинства с применением насилия или угрозы его применения, физических издевательств, оскорблений и различных иных форм хулиганского поведения, умаляющего достоинство личности, совершённые публично с использованием сети «Интернет» в режиме реального времени или видеозаписи с целью получения материальной (наращивание популярности) выгоды. Наказание за данное деяние предлагалось ввести в виде штрафа от трёхсот до шестисот тысяч рублей, принудительных работ от двух до пяти лет или же лишения свободы на срок от трёх до шести лет. Более того, высказывалась необходимость установить способы блокировки треш-стримов и ограничить доступ к финансированию таких трансляций. Внедрение данных поправок в действующее законодательство, по мнению юристов, являлось бы одним из механизмов борьбы с проведением треш-стримов и иными формами сетевой агрессии [2, с. 139]. Однако данные предложения в части дополнения частью 3 ст. 282 УК РФ не нашли своей реализации, что видится вполне оправданным. В действиях треш-стримеров, как правило, отсутствует экстремистские мотивы, они проводят трансляции не на почве ненависти или вражды к какой-либо группе, а побуждают их к действию корыстные и хулиганские мотивы, эти лица преследуют цель наживы, унижая других людей, гонятся за популярностью, беспричинно совершая насилие над другими лицами.

Высказывалась и другая законодательная инициатива по противодействию «треш-стримингу». В частности, предлагалось предусмотреть высокие штрафы, чтобы «отбить» желание повторно выходить в эфир с целью издевательств или унижений, а в случае отсутствия должной реакции, лишать свободы нарушителей¹¹. Так, в 2023 году на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации был внесен на рассмотрение пакет законопроектов, предлагающих ввести административную¹² и уголовную ответственность¹³ за треш-стриминг. Изменения в УК РФ направлены на включение отягчающего наказания обстоятельства – совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), а также аналогичного квалифицирующего признака в отдельные составы преступлений, которые часто совершаются в онлайн демонстрациях, (в ч.2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 127.2 УК РФ). Законопроект предусматривает назначение не только основных, но и дополнительных видов наказаний за совершение подобных деяний, в том числе права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что смогло бы, по мнению авторов законопроекта, «отбить» желание у организаторов «треш-стримов» проводить такие онлайн-трансляции вновь. В настоящее время данный проект находится на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации в первом чтении.

Законодатель пошел по пути введения соответствующего квалифицирующего признака и обстоятельства, отягчающего наказание. Очевидно, что распространение треш-стриминга требовало определенной реакции со стороны государства, поскольку такие трансляции стали распространенными, резонансными, развращающе действовали на общество.

С одной стороны, такой вариант регулирования является более обоснованным, чем введение самостоятельного состава преступления. Треш-стриминг является общественно опасным не сам по себе, а в связи с совершаемым преступлением. Такой циничный способ публичной демонстрации совершаемого насильственного преступления обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку при нем страдают не только жизнь и здоровье, которые подвергаются преступному воздействию в онлайн трансляциях, но и дополнительный объект – общественная нравственность неопределенного круга лиц, особенно молодой аудитории, которая является активным наблюдателем интернет-трансляций. В настоящее время в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов, осложненной геополитической обстановки, непрекращающихся попыток лиц, действующих в интересах других государств дестабилизировать обстановку в стране и расколоть наше общество, требуется принятие решительных мер по защите нравственных ценностей. Комментируемое законодательное решение полностью согласуется с положе-

9 ВЦИОМ представляет данные опроса россиян, посвященного «треш-стримам» // Сайт Акционерного общества «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tresh-strimy-v-internete-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 21.01.2024).

10 Изменения в законодательство позволят исключить треш-стримы из сферы Интернет-деятельности // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/123958/> (дата обращения: 11.02.2024).

11 Комитет по молодежной политике обсудили инициативу об ужесточении ответственности за треш-стриминг // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/56778/> (дата обращения: 23.01.2024).

12 Законопроект № 506241-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506241-8> (дата обращения: 11.02.2024).

13 Законопроект № 506240-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 11.02.2024).

ниями Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В действующем уголовном законодательстве также уже имеются необходимые механизмы для оценки действий лиц, подстрекающих или способствующих к совершению таких преступлений. Речь идет об институте соучастия, который правоприменители не должны игнорировать при оценке треш-стриминга, а, наоборот, использовать весь его потенциал.

С другой стороны, комментируемая законодательная инициатива не лишена недостатков. Законодателем не учтено, что потерпевшие от преступлений зачастую становятся жертвами добровольно, терпя унижения и издевательства за материальное вознаграждение. Например, уголовное дело, возбуждаемое по ст. 116 УК РФ, является уголовным делом частного-публичного обвинения и требует наличия заявления потерпевшего или его законного представителя. Учитывая, что треш-стриминговые трансляции проводятся, как правило, с добровольного согласия потерпевшего, который более того, получает за это материальное вознаграждение, вряд ли следует ожидать того, что от него поступит заявление о преступлении. Следовательно, включение данного квалифицирующего признака «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях» применительно к ст. 116 УК РФ автоматически становится бессмысленным, поскольку при отсутствии заявления потерпевшего не будет осуществляться уголовное преследование за исключением случаев, при которых лицо в силу зависимости или беспомощности не может защищать свои права и законные интересы.

Треш-стриминг – это явление, в котором сочетаются признаки отдельных составов преступлений и публичной их демонстрации в сети «Интернет», иначе говоря, это явление является неизбежным следствием развития информационных технологий и складывающейся нравственной деградации общества. Безусловно, уголовно-правовые средства обладают мощным предупредительным потенциалом, однако, наказание не всегда является эффективным средством решения проблемы. Как было установлено выше, большая часть общества поддерживает введение уголовной ответственности за треш-стриминг, однако, другая часть населения с удовольствием такие трансляции просматривает, поддерживает и даже указывает на преступления, которые организатору стрима следует выполнить, финансирует подобные деяния путем зачисления донатов. Отследить и выявить таких подстрекателей, благодаря которым треш-стримы и существуют, достаточно сложно, поскольку эти лица используют различные сервисы, позволяющие обеспечить безопасное соединение между устройством и удаленным VPN-сервером, шифруя данные просмотра веб-страниц и скрывая IP-адрес. Также требует аргументации предложение о блокировке таких трансляций. Как правило, перед тем как подобный контент блокируется, он становится доступным широкому кругу лиц. В этой связи требуется блокировка таких трансляций в режиме реального времени, что требует круглосуточной модерации, однако в настоящий момент подобные алгоритмы не выработаны. В то же время полная блокировка подобного контента не исключает того, что участники и спонсоры этих мероприятий найдут способ, как обойти запреты и перейти в «даркнет».

Подводя итог, хочется отметить, что возросшая популярность и дерзость треш-стримов требует всестороннего и незамедлительного комплексного правового регулирования. У государства сегодня уже имеется нормативная база и арсенал мер по противодействию данному явлению. Однако в современных реалиях требуют совершенствования, как сами эти меры, так и практика их применения. Поддерживая законодательную инициативу о введении соответствующих квалифицирующих признаков и обстоятельства, отягчающе-

го наказания, и, надеясь, что этот закон будет принят, считаем необходимым закрепить понятие «треш-стриминга» в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В понятии треш-стриминга следует закрепить основные признаки данного явления, к которым можно отнести: место совершения преступления – онлайн-платформы, на которых допускается проведение прямых эфиров, корыстные мотивы, направленные на получение денежных средств от зрителей, а также противоправные деяния, совершаемые треш-стримерами и сопряженные с насилием, издевательством или иными действиями, унижающими человеческое достоинство. Кроме того, требуется установить на законодательном уровне алгоритмы, регулирующие проведение и блокировку треш-стримов, разработать механизмы, блокирующие шифрование данных просмотра веб-страниц и скрывание IP-адресов, и позволяющие отслеживать спонсоров треш-стримов, что помогло бы выявлять подстрекателей и пособников совершения подобных преступлений. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» требуется разъяснить правоприменителю, что действия лиц, склонивших ведущего такого стрима к совершению преступления путем подкупа надлежит квалифицировать, как подстрекательство к совершению преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Действия лица, советующего или дающего указание в онлайн-трансляции, как совершить преступление, надлежит квалифицировать как пособничество в совершении преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, Культура, 1992. – 414 с.
2. Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 137-143.

СОКОЛОВА Татьяна Сергеевна

доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

ИМАЕВА Юлия Борисовна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Стремительное развитие нашего общества, направленное на улучшение качества жизни, затронуло все возможные направления, в том числе и информационно-коммуникационное. С каждым днем мы сводим решение повседневных вопросов к минимуму, обращаясь к сети Интернет. Вместе с тем, указанные действия предполагают размещение своих личных данных в открытую сеть Интернет. Однако, вместе с развитием общества развиваются и преступники. Так, появляются новые способы совершения преступлений, которые постоянно совершенствуются, что зачастую не позволяет правоохранным органам своевременно среагировать. Несмотря на то, что в действующее законодательство на постоянной основе вносятся изменения и дополнения, позволяющие облегчить работу правоохранительных органов в борьбе с мошенничествами, остается множество неразрешенных вопросов. Так в данной статье рассматриваются ряд проблемных вопросов, возникающих в правоприменительной практике при взаимодействии следственных подразделений с органами дознания при расследовании мошенничеств, совершенных самым распространенным в наше время способом, а именно с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: преступление, мошенничество, информационно-коммуникационные технологии, следователь, орган дознания, постановление, взаимодействие.

SOKOLOVA Tatyana Sergeevna

associate professor of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ИМАЕВА Yuliya Borisovna

Ph.D. in Law, Head of sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

CURRENT ISSUES OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATIVE UNITS AND INVESTIGATIVE BODIES DURING INVESTIGATIONS OF FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

The rapid development of our society aimed at improving the quality of life has affected all possible areas, including information and communication. Every day we reduce the solution of everyday issues to a minimum by accessing the Internet. At the same time, these actions involve posting your personal data on the open Internet. However, along with the development of society, criminals are also developing. Thus, new ways of committing crimes are emerging, which are constantly being improved, which often does not allow law enforcement agencies to react in a timely manner. Despite the fact that changes and additions are being made to the current legislation on an ongoing basis to facilitate the work of law enforcement agencies in the fight against fraud, there are many unresolved issues. Thus, this article examines a number of problematic issues that arise in law enforcement practice in the interaction of investigative units with bodies of inquiry in the investigation of frauds committed in the most common way in our time, namely using information and communication technologies.

Keywords: crime, fraud, information and communication technologies, investigator, inquiry agency, resolution.

В настоящее время информационные технологии являются неотъемлемой частью жизни общества. Только в январе 2021 года количество людей, пользующихся сетью Интернет, во всем мире увеличилось на 316 миллионов (7,3 %) по сравнению с тем же периодом прошлого года. В настоящее время пользователями сети Интернет в мире являются 59,5 % жителей планеты. Вместе с тем вспышка пандемии коронавируса оставила след в виде увеличения пользователей сети Интернет [1]. Указанные изменения в части повсеместного использования информационными технологиями отразились и на структуре преступности. Данный фактор подтверждается отчетами о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникационной и компьютерной информации. Так, согласно сведениям Главного информационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГИАЦ МВД России) в январе–декабре 2023 года зарегистрировано 678,5 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 0,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [3].

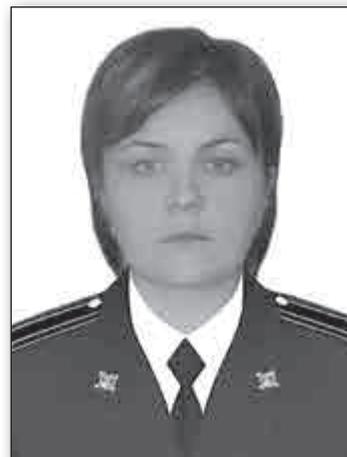
Расследование преступлений анализируемой категории зависит в первую очередь от совместной работы следственных

органов с органом дознания. В данной статье мы остановимся на организации взаимодействия при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Формы взаимодействия следователя, как субъекта уголовно-процессуальной деятельности в расследовании мошенничеств с использованием сети Интернет, существенно не отличаются от общеуголовных преступлений. Не останавливаясь на ведомственных приказах, акцентируем внимание на формах взаимодействия, регламентируемые уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - УПК РФ).

В соответствии с УПК РФ при расследовании и раскрытии преступлений следователь использует процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия. Выбор конкретной формы взаимодействия, прежде всего, зависит от нескольких факторов как сложившаяся ситуация, наличие информации, добытой в течение дежурных суток, в некоторых случаях характеристики подозреваемых и сроком расследования.

Следователь и сотрудники оперативных подразделений осуществляют свою деятельность независимо друг от друга, однако при решении совместных задач, вырабатывают согласован-

Соколова Т. С.

Имаева Ю. Б.

ный план проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, который утверждается начальником соответствующего территориального органа.

Взаимодействия следователя и оперативных сотрудников проявляется на двух относительно самостоятельных этапах:

на этапе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по поиску подозреваемого лица;

на этапе реализации оперативных сведений, полученных в ходе документирования;

Выполнение поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и ч. 3 ст. 7, п. 2 ст. 14 Закон об ОРД) основывается на письменном задании с формулировкой ясных задач, выполнение которых требует применения оперативно-розыскных средств и методов).

В настоящее время также имеется ряд алгоритмов по взаимодействию сотрудников правоохранительных органов при раскрытии и расследовании уголовных дел по мошенничествам и хищениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Указанные алгоритмы разрабатываются ГСУ МВД России совместно с сотрудниками уголовного розыска исходя из специфики совершаемых преступлений в отдельных регионах России.

Анализ имеющихся алгоритмов показал, что основными действиями оперативного сотрудника, направленными на раскрытие преступлений анализируемой категории со стороны следователя, являются:

1. Принятие мер к установлению принадлежности абонентских номеров, в том числе SIP-телефонии, используемых злоумышленником при совершении преступления, в частности получение том числе предварительной информации о принадлежности абонентского номера к номерной емкости оператора телефонной связи, путем проверки по сервисным сайтам (<http://kodtelefona.ru>, smsc.ru, МГТС, сервисы Росвязи и другие).

2. Принятие мер к установлению реквизитов и наименования банка, который является эмитентом банковской карты преступника, куда потерпевший перевел денежные средства (по первым 6 цифрам на интернет ресурсах, например на сайте www.binlist.net, www.bincodes.com или bindb.com/bin-database.html).

3. Принятие мер к установлению на сайте «2ip.ru», информации об IP-адресе либо домене (название сайта), с использованием которого осуществлялись преступные действия, а также организации, зарегистрировавшую доменное имя и оказывающую услуги хостинга сайту.

Со стороны сотрудников оперативных подразделений проводятся следующие мероприятия:

1. Подготовка обобщенной справки по результатам проведенных оперативно-розыскных мероприятий, с отражением полученной информации, в том числе и о мероприятиях, связанных с проверкой на причастность к совершению преступления владельцев абонентских номеров и банковских карт.

2. Оказание содействия следователю при направлении запросов о получении информации в различные организации, не требующие получения судебных решений («Авито», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Майл.ру»).

3. Проверка полученных, в ходе оперативно-розыскных мероприятий сведения об абонентских номерах, счетах, банковских картах, сайтах по ИБД-Ф с целью установления совпадений, при наличии совпадений связывается с территориальными отделами полиции УОМВД России, которыми внесена информация, для получения дополнительных данных, о чем докладывает рапортом на имя начальника ОВД в течение 3 суток с возможностью соединения уголовных дел в одно производство. Полученные сведения необходимо незамедлительно также передает следователю для планирования отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

4. Осуществление по поручению следователя поиска предметов, документов и иных носителей информации, которые могут быть признаны вещественными доказательствами или иметь значение по уголовному делу.

5. Оказание содействия следователю при производстве следственных действий (обыске, выемке, наложении ареста на имущество, доставлении и обработке лиц, причастных к совершению преступления, очевидцев его совершения и другие), осуществление оперативного сопровождения до окончания расследования уголовного дела, оказание необходимой помощи, в том числе подготовке запросов и истребовании на них ответов.

При поступлении поручений следователей из других территориальных ОВД субъектов РФ обеспечивает полное качественное их исполнение в установленные сроки, а также полученные результаты (абонентские номера, номера счетов и бан-

ковских карт, которые использовали преступники) проверяет совпадение по ИБД-Ф.

Как нами указывалось ранее, алгоритмы работы по некоторым пунктам разрабатываются применительно к конкретному субъекту.

Также хотелось отметить, что для получения наиболее полной информации по расследуемому уголовному делу, необходимо получение информации от специалистов и экспертов в какой-либо сфере. Следователь, как процессуальное лицо, не обладает достаточными знаниями в криминалистической технике и навыков ее применения, естественных и технических науках, в связи с чем взаимодействует с экспертами и специалистами в различных областях. Основным результатом взаимодействия следователя с экспертными подразделениями является проведение различного рода экспертиз. Статья 196 УПК РФ предусматривает случаи обязательного назначения судебных экспертиз в уголовном процессе. Вместе с тем обстоятельства, которые необходимо установить при расследовании мошенничеств в указанный обязательный перечень не входит. Экспертиза по данному виду преступлений назначается для установления обстоятельств дела, когда при помощи других средств доказывание невозможно, а имеющиеся доказательства являются неполными или имеют противоречия. Однако по мнению В. В. Агафонова и А. Г. Филлипова: «если при рассмотрении дела, есть возможность использования помощи специалистов такая возможность должна быть реализована» [4].

Процесс взаимодействия следователя с экспертом начинается еще на этапе подготовки следователем постановления о назначении экспертизы, в котором указывается: экспертное учреждение, которое будет проводить исследование, предмет экспертизы, конкретные основания и объекты.

В соответствии с УПК РФ заключения эксперта, а также показания эксперта являются доказательствами по уголовному делу. В данном случае можно сделать вывод, что взаимодействие следователя с экспертами, специалистами является необходимым условием в процессе успешного расследования преступлений анализируемой категории.

Следует также подчеркнуть, что, например, качество предоставляемой информации в рамках работы оперативных сотрудников по исполнению поручений следователя УПК РФ никак не регламентировано, и предоставление не полной информации, а также неудовлетворительной работы по поручению может повлечь за собой увеличение количества нераскрытых преступлений. Имеется также ряд проблемных вопросов, которые не позволяют оперативным сотрудникам своевременно и качественно исполнять поручения, к которым можно отнести большое количество совершаемых преступлений, недостаточная штатная численность оперативных сотрудников, появление новых способов совершения преступлений.

Сегодня с целью совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо обратить внимание на повышение технической грамотности и создание технической базы сотрудников правоохранительных органов. Также общеизвестно, что указанные преступления зачастую имеют межрегиональный характер, в связи с чем налаживание взаимодействия по обмену информацией правоохранительных органов по субъектам Российской Федерации можно отнести к ключевому моменту, способствующему раскрытию.

Пристатейный библиографический список

1. Интересная статистика: смартфоны, сети, Интернет // AndroidInsider. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://androidinsider.ru> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ): Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; текст с изм. и доп. 24 февраля 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2023).
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.02.2024).
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.rf/reports/item/34307225> (дата обращения: 08.02.2024).
5. Агафонов В. В. Филлипов А. Г. Криминалистика: концепт лекций. – М., 2018. – С. 56.

СУЛЕЙМАНОВ Самалуди Камалдинович

аспирант 4 курса Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗРЕЛИЩНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ КОНКУРСОВ

В данном исследовании рассматриваются и анализируются вопросы предупреждения преступности в сфере коммерческих конкурсов. С ростом популярности и привлекательности таких конкурсов возрастает и риск совершения различных правонарушений, в том числе мошенничества, коррупции, взяточничества и других преступлений. В данной статье рассматриваются основные причины преступлений в этом секторе, а также анализируются существующие механизмы и методы их предотвращения. Особое внимание уделяется разработке законодательных и нормативных мер по предупреждению и сдерживанию преступного поведения, а также совершенствованию механизмов наказания и преследования преступлений.

Ключевые слова: зрелищные коммерческие конкурсы, профилактика преступлений, подкуп, уголовное законодательство.

SULEYMANOV Samaludi Kamaldinovich

postgraduate student of the 4th course of the Rostov State University of Economics (RINE)

CRIME PREVENTION IN THE FIELD OF ENTERTAINMENT COMMERCIAL COMPETITIONS

This study examines and analyzes crime prevention issues in the field of commercial competitions. With the growing popularity and attractiveness of such competitions, the risk of committing various offenses, including fraud, corruption, bribery and other crimes, also increases. This article examines the main causes and producers of crimes in this sector, and also analyzes existing mechanisms and methods for their prevention. Particular attention is paid to the development of legislative and regulatory measures to prevent and deter criminal behavior, as well as to improve mechanisms for punishing and prosecuting crimes.

Keywords: spectacular commercial competitions, crime prevention, bribery, criminal legislation.

Одна из главных задач законодательства – регулировать сложные взаимодействия между социальными субъектами во имя развития. Прежде всего, оно должно создавать позитивные социальные явления и предотвращать негативные. Это требует разработки и практического применения комплексной правовой системы. Однако очевидно, что необходимая эффективность регулирования не всегда может быть достигнута.

Низкая эффективность регулирования обусловлена нарушениями, несоответствиями и ошибками в процессе принятия и реализации правовых актов. Проблемы также возникают из-за несоответствия законов и элементов юридико-технической системы. Все эти факторы накладываются друг на друга, увеличивают сложность нормативных актов и снижают их эффективность.

Как подчеркивает В. Ф. Яковлев, важно обеспечить взаимодействие и регулирование между различными секторами правовой системы. Только в этом случае правовая система будет по-настоящему эффективной и успешной [1].

Соглашаясь с вышеизложенными идеями, следует отметить, что реализация нормативных актов определяется согласованностью их элементов. Только в этом случае может быть обеспечена эффективность и функционирование правового механизма.

При наличии несогласованности целостность системы ставится под угрозу. Таким образом, эффективные, содержательные и правильно построенные нормы схожи с научными выводами профессора Керимова [2]. Иными словами, профессор Керимов отвергает использование юридических методов в процессе создания правовых норм, что в условиях быстрого накопления правовых норм создает предпосылки для возникновения конфликтов как внутри одного правового поля, так и между различными правовыми полями [2].

В 2002 году, обращаясь к Федеральному собранию, президент России Владимир Путин отметил, что в правовых текстах часто встречаются противоречивые определения одного и того же понятия, а нормативные акты многократно изме-

няются до их официального опубликования. Поэтому вполне понятно и логично, что ученые уделяют особое внимание проблеме стандартизации [3].

Одной из основных задач нормотворчества является унификация и гармонизация различных областей законодательства. В данном исследовании выделены некоторые наиболее важные требования. Это устранение противоречивых норм по схожим общественным отношениям, интеграция нормативных актов, создание единой нормы в целом, сокращение объема и упрощение формы правовых актов, улучшение их применимости.

Иными словами, необходимо объединить различные нормативные акты в единую систему для достижения согласованности между нормами, касающимися сходных отношений в обществе, а также для достижения единообразия и последовательности в правовом регулировании. Также важно сократить объем нормативно-правовых актов и упростить их форму, чтобы их было легче понять и применить на практике. Все эти меры направлены на обеспечение стабильности и эффективного функционирования правовой системы.

Организация и проведение культурных мероприятий, привлекающих широкую аудиторию и основанных на соревновании между участниками, – популярная форма развлечений, отвечающая социальному запросу. Интерес масс позволяет организаторам получать прибыль и успешно развивать подобные мероприятия. Согласно старой редакции статьи 184 Уголовного кодекса Российской Федерации, это считалось разновидностью коммерческой конкуренции и отнеслось к профессиональной конкуренции.

Многие ученые поддерживают аналогичную точку зрения и выступают против идеи профессионального спорта. Понимание профессионального спорта как экономической сферы нашло отражение в законодательстве. В частности, отнесением между сферами экономической деятельности посвящена статья 184 Уголовного кодекса РФ, которая входит в главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно современному подходу, существует комплексное регулирование профессионального спорта в гармонии с нормами экономической деятельности и прибыли, которые объединены в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это обусловлено влиянием различных нормативных правовых актов в различных правовых сферах, которые гарантируют надлежащий уровень регулирования в данной области.

Федеральным законом от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» внесены изменения в данную часть Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно этому Федеральному закону, профессиональный спорт рассматривается не как организационная деятельность, а как деятельность профессиональных спортсменов, участвующих в спортивных соревнованиях, и подготовительная деятельность в качестве работников. Таким образом, в профессиональном спорте основное внимание уделяется деятельности спортсменов, а не предпринимательским элементам.

В профессиональном спорте на первый план выходят рабочие отношения между клубом (командой) и работодателем, а не предпринимательские цели. Такой подход направлен на создание качественных правовых условий для спортсменов и их работодателей.

Глава 541 Трудового кодекса Российской Федерации регулирует отношения между работниками и работодателями в целях обеспечения равенства и защиты интересов обеих сторон. В законе дается определение профессионального спорта, особое внимание уделяется профессиональному спорту и его основному процессу - труду.

Вопрос производственных отношений играет важную роль при анализе рассматриваемых в данном контексте правонарушений. Согласно статье 184 Уголовного кодекса Российской Федерации, взяточничество в сфере профессиональной спортивной деятельности затрагивает не только экономические интересы предпринимателя, но и интересы, связанные с трудовыми отношениями и оказываемыми услугами. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности включения статьи 184 в Уголовный кодекс Российской Федерации в редакции 2013 года.

Перевод статьи 184 из главы 22 в главу 23 также вызывает некоторые вопросы. Важно отметить, что данные поправки были внесены предыдущими исследователями. Однако изменения, внесенные в статью 184 Федерального закона, усилили противоречивость, объединив в одной норме разные составы правонарушений.

Новое противоречие усугубляется унификацией правонарушений с разными объектами посягательства в соответствии с Федеральным законом от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Под термином «официальные спортивные соревнования» понимаются спортивные соревнования, включенные в планы муниципального, регионального, государственного и межрегионального уровня. Основными целями таких соревнований являются развитие и популяризация спорта, выявление лучших спортсменов, выполнение социальной и воспитательной функций спорта.

Однако организация коммерческих соревнований несовместима с этими целями, так как основана на получении прибыли от проведения соревнований. Поэтому перенос статьи 184 Уголовного кодекса Российской Федерации в главу 23 Уголовного кодекса Российской Федерации не является правильным решением.

Поэтому, принимая во внимание основные принципы и задачи спорта и физической культуры, необходимо рассмотреть вопрос о выделении данных преступлений в отдельную статью. Это позволит обеспечить более четкое и сбалансированное правовое регулирование в данной сфере.

Статья 184 Уголовного кодекса Российской Федерации должна быть изменена с учетом требований юридической методологии. Данная статья разделена на две части, каждая из которых регулирует отдельные составы преступлений в сфере спортивной деятельности. В одной из них речь идет о преступлениях, связанных с получением взятки при проведении официальных спортивных соревнований, в другой - о преступлениях, связанных с получением коммерческих спортивных соревнований. Такое разделение соответствует характеру и целям спорта, о котором идет речь.

Одно из коррупционных преступлений связано с получением взятки за влияние на результаты официальных спортивных соревнований, а другое следует квалифицировать по статье 184 Уголовного кодекса Российской Федерации. Глава 23 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает наказание за дачу взятки за влияние на результаты зрительских соревнований. Напротив, глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации регулирует получение взятки за влияние на результаты зрительских соревнований, поэтому важно перенести этот вид взяточничества в ту же главу.

Уголовный кодекс Российской Федерации представляет собой модель запрета определенного поведения человека. Для того чтобы понять, является ли поведение правильным и соответствует ли оно существующим нормам, необходимо разъяснить правила и определить возможные варианты поведения. Это позволяет устранить аллегории и установить границы, которые юридически регулируют поведение людей.

Однако существуют противоречия и различные толкования определений и отраслей права, которые в некоторых случаях делают применение закона невозможным. Люди должны следовать правилам поведения, которые являются важной частью правовой системы. Однако иногда между определениями и толкованиями отраслей права возникают различия, что затрудняет применение закона.

Поэтому важно продолжать совершенствовать правовую систему и устранять несоответствия и двусмысленности, чтобы обеспечить эффективное правоприменение и защитить общество от коррупции.

Пристатейный библиографический список

1. Яковлев В. Ф. О системном применении права (выступление в Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. ВАС РФ. - 2017. - № 3. - С. 420
2. Керимов Д. А. Законодательные технологии. Научно-методическое и учебное пособие. - М., 2018. - С. 310.
3. Послание Президента Российской Федерации от 18.04.2002 г. б/н. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36351>.

ТИНГАЕВА Ирина Владимировна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

ФАЙРУШИНА Римма Дамировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Для повышения эффективности расследования уголовного дела на стадии предварительного расследования непременно стоит ввести в практику предварительного расследования технические средства фиксации, при помощи которых можно восполнить недостатки человеческого восприятия, сохранения, воспроизведения, переработки и передачи поступающей в ходе производства следственных действий информации. Для оптимизации и высоких результатов, в деятельности правоохранительных органов, необходимо применять новейшие технические средства и компьютерные технологии. И только при новом подходе к рассматриваемым обстоятельствам, можно надеяться на высокую точность и полноту доказательственной базы материалов предварительного расследования.

Ключевые слова: следственные действия, технические средства, расследование уголовных дел, бумажный носитель, информация, электронные доказательства.

TINGAEVA Irina Vladimirovna

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

FAYRUSHINA Rimma Damirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

ON IMPROVING THE CONDUCT OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES, USING TECHNICAL MEANS

To increase the effectiveness of the investigation of a criminal case at the stage of preliminary investigation, it is certainly worth introducing into the practice of preliminary investigation technical means of fixation, with which you can make up for the shortcomings of human perception, preservation, reproduction, processing and transmission of information received during the course of investigative actions. In order to optimize and achieve high results, it is necessary to use the latest technical means and computer technologies in the activities of law enforcement agencies. And only with a new approach to the circumstances under consideration, one can hope for high accuracy and completeness of the evidence base of the preliminary investigation materials.

Keywords: investigative actions, technical means, investigation of criminal cases, paper media, information, electronic evidence.

В современном мире существует множество проблем, связанных с правосудием. Одной из таких проблем является – неэффективность проведения следственных действий. В большинстве случаев следователь теряет много времени на сбор и анализ доказательств и это затрудняет процесс правосудия. XXI век – это век технологий и благодаря им можно повысить уровень эффективности следственных действий.

Одним из способов улучшения следственных действий является использование компьютерных технологий и новейших технических средств. Так, можно сказать о том, что общество привыкло к тому, что уголовное дело представляет собой бумажный носитель информации, но следует подумать о том, можно ли представить уголовное дело в электронном носителе? И как изменится процесс доказывания при расследовании уголовного дела в электронном формате?

Изначально можно сказать о том, что это действительно будет носить эффективный характер, поскольку при расследовании уголовных дел полностью будет исключен такой факт, как «волокита» по уголовному делу. Сроки расследования уголовного дела у следователя, дознавателя ограничены, и в большинстве случаев затрачивается огромное количество времени на ожидание ответа на определенный запрос или копии материалов с различных источников. При направлении запросов на получение какой-либо значимой информации, в определенную базу данных, сроки по получению такой информации, значительно сокращаются. И не придется затрачивать значительное количество времени на получение нужной информации.

Также одним из способов оптимизации следственных действий является использование компьютерных технологий. Здесь мы можем говорить о том, что современные системы могут быстрее и наиболее точно собрать, и проанализировать информацию о человеке, нежели сам человек. В сети интернет можно получить любую информацию на гражданина, однако порой эту информацию мошенники используют в своих целях. Но при создании единой электронной базы, доступной только правоохранительным органам, прокуратуре, судам, можно грамотно использовать имеющуюся информацию при расследовании уголовных дел, составлении административных протоколов, при вынесении судебных решений. Так, следователь, имея всего лишь персональные данные: фамилию, имя, отчество и город проживания, может без задержек и ограничений по времени получить интересующую его всю информацию на гражданина. Еще можно использовать средства видеонаблюдения для регистрации происходящих событий. Современные системы видеонаблюдения высококачественно записывают видео или аудио, и делают это удаленно, обеспечивая доступ к этим записям.

В части 3 статьи 170 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, говорится о том, что следственное действие может производиться без участия понятых, если оно производится в труднодоступной местности, если речь идет о безопасности для жизни и здоровья человека. В этом случае следователь составляет соответствующую запись в протоколе и заменяет понятых на технические средства, к примеру, такие как: видеокамера, фотоаппарат, а также «дрон». Это тоже может быть эффективно для расследования преступлений, особен-

но если это труднодоступные места, либо, когда необходимо произвести осмотр места происшествия в другом городе. При этом возможно использовать «дрон», который сможет фиксировать информацию в самых разных опасных и труднодоступных местах. И главной задачей при применении подобного технического устройства – правильное процессуальное оформление протокола.

В настоящее время необходимо создать специальные технические средства, подобие «дрона», для правоохранительных органов, оснащенные камерами, датчиками, которые смогут автоматически распознать местность, человека, сгенерировать его персональные данные и определить точную геолокацию, зафиксировать все мельчайшие детали.

Рассмотрим ситуацию, с которой следователям часто приходится сталкиваться. При производстве некоторых следственных действий, например, при личном обыске необходимо участие в следственном действии понятых, но не каждый человек готов тратить свое время на то, чтобы посидеть в правоохранительном органе. Медлить с данным процессом тоже нельзя, т.к. могут быть упущены следы преступления, по которым возможно раскрыть преступление по «горячим следам». В законе не предусматривается ответственность за отказ понятых от участия в следственном действии. Так, у следователя возникает проблема, как привлечь лиц, чтоб те посидели в производстве следственного действия. Поэтому, если бы при проведении осмотра места происшествия, необходима была бы только видеозапись, тогда должностным лицам, ведущим расследование, не пришлось бы затрачивать свое время на поиски понятых. Хотя иногда бывает, что при расследовании уголовного дела, понятые оказываются единственными и очень важными свидетелями.

Многие ученые выдвигают предложения перейти на цифровизацию при расследовании уголовных дел, но, к сожалению, такого объема оснащения техническими средствами правоохранительных органов, нет. При всем имеющемся разнообразии технических средств, к большому сожалению, следователям, дознавателям приходится по старинке заполнять от руки какой-либо протокол при проведении следственных действий. К сожалению, это отнимает много времени, и приводит к волоките сроков расследования уголовных дел. Но при этом, мы понимаем, что одновременно оснастить абсолютно всех должностных лиц правоохранительных органов техническими средствами, отвечающими современным требованиям, невозможно.

Надеемся, что в скором времени можно будет использовать «виртуальную реальность», с помощью которой можно создать копию мест происшествия в виртуальном пространстве. В таком случае можно будет произвести осмотр мест происшествия без фактического посещения места происшествия. Однако сложно представить, что подобные действия могут быть проведены без контроля со стороны человека.

Многие ученые рассматривают искусственный интеллект, как будущее нашей планеты. Что ж, такая система может поспособствовать и правоохранительным органам, тем самым сможет обработать большой объем данных, полученных в ходе предварительного следствия. Искусственный интеллект будет включать в себя алгоритм машинного обучения для анализа фотографий, видеозаписей и других электронных доказательств.

Несмотря на все плюсы, перечисленные выше, полностью переходить с материальных носителей на электронные, достаточно, рискованно, так как сейчас развиваются преступления, связанные с мошенничеством в сети «Интернет» и взломом многих государственных и негосударственных порталов с информацией. Пока не будет обеспечена полностью защита информации от преступных посягательств, то бумажный носитель останется самым защищенным способом сохранения информации.

Производить осмотр места происшествия с помощью технических средств остается проблематичным, т.к. камера не всегда сможет передать мелкие детали, которые способен заметить глаз человека. Также видеокamera не передает запахи, которые может почувствовать человек при осмотре места происшествия. Таким образом, человеческие органы чувств

могут распознать и заметить намного больше деталей, нежели технические средства.

Для повышения эффективности расследования уголовного дела на стадии предварительного расследования, необходимо в практику по предварительному расследованию ввести технические средства фиксации, при помощи которых можно восполнить недостатки человеческого восприятия, сохранения, воспроизведения, переработки и передачи поступающей в ходе производства следственных действий информации. В таком случае достигается высокая точность и полнота доказательственной базы материалов в пространственных и временных соотношениях, а также возрастает тактическая возможность производства следственных действий. Многие ученые уверены, что необходимо отменить протоколы и другие бумажные носители информации и использовать только записи, которые будут зафиксированы в технических средствах. Так, Смирнов А. В. предлагает приоритетно пользоваться техническими средствами, а письменные протоколы использовать только в тех случаях, если по какой-то причине не будут работать технические средства или для более точного отражения хода и результатов следственных действий. И это в свою очередь облегчит деятельность по предварительному расследованию. Однако это возможно при полном переходе на электронное уголовное судопроизводство.

К примеру, мы перешли на электронное уголовное судопроизводство, и у нас есть электронный носитель, на нем загружена программа, которая будет согласно алгоритму формировать уголовное дело, отслеживать движение уголовного дела с момента его возбуждения до момента вынесения и исполнения приговора. Эта программа должна быть доступной в использовании, иметь все образцовые бланки, которые уже при введении первоначальной информации, будут заполнены и указаны в определенных графах. Это позволит значительно сократить время на составление процессуальных бланков. А также данная программа должна быть адаптирована к уже существующим общедоступным базовым системам как МВД, так и ФСИН, прокуратура, суд и т.д. Не стоит забывать и о том, что если данная программа будет иметь доступ к другим базовым системам, где имеются персональные данные участников уголовного судопроизводства, то программа и специальные технические устройства должны быть сертифицированы. И с учетом всех предъявляемых требований уголовно-процессуального закона к содержащимся в нем источникам уголовно-процессуальной информации, позволить проводить исследование и оценку этого сведения в судебном разбирательстве.

Появление новых технических средств, свидетельствует о происходящем техническом прогрессе, и он должен касаться не только органов предварительного расследования, но и всей системы МВД в целом, так как применение этих средств значительно оптимизируют, упрощают, делают более эффективной деятельность правоохранительных органов. Разумеется, апробирование и модернизация любых процессов влечет за собой определенные проблемы и трудности, для решения которых необходимо детально изучить основные направления происходящих изменений. Ни один механизм не будет эффективно работать до тех пор, пока он не будет апробирован на практике.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. С. Учебник по уголовному процессу: следственные действия – 2-е изд. – М., 2022. – С. 88.
2. Кругликов А. П. Учебник по уголовному процессу: следственные действия в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации – 3-е изд. – М., 2022. – С. 107.
3. Рабцевич О. И. Учебник по уголовному процессу: Уголовное судопроизводство: теория и практика – 3-е изд. – М., 2022. – С. 214.
4. Смирнов А. В. Учебник по уголовному процессу: следственные действия в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации – 3-е изд. – М., 2022. – С. 107.
5. Чкальницкий В. В. Учебник по уголовному процессу: следственные действия – 4-е изд. – М., 2022. – С. 251.

ШАДРИНА Елена Сергеевна

следователь следственного отдела по Ленинскому району города Киров следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области, аспирант 1 курса Факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 200.4 УК РФ

Автором статьи рассматриваются проблемные вопросы определения уголовно-правового статуса некоторых категорий субъектов преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ: контрактного управляющего, работников контрактной службы, членов комиссии по осуществлению закупок. Приводятся различные точки зрения российских исследователей касаясь определения уголовно-правового статуса указанных лиц. Рассматриваются некоторые функции контрактной службы и членов комиссии по осуществлению закупок. Анализируются положения уголовного и административного законодательства, а также законодательства о контрактной системе в сфере закупок, применительно к понятию должностного лица. Выявлены недостатки ст. 200.4 УК РФ, в части ее противоречия положениям ранее принятых законов. Обосновывается необходимость дачи разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения ст. 200.4 УК РФ.

Ключевые слова: государственные закупки, злоупотребления, ст. 200.4 УК РФ, субъект преступления, контрактный управляющий, контрактная служба, комиссия по осуществлению закупок.

SHADRINA Elena Sergeevna

investigator of the investigative department for the Leninsky district of the town of Kirov of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kirov region, postgraduate student of the 1st course of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee

PROBLEMS OF DETERMINING THE CRIMINAL LEGAL STATUS OF CERTAIN CATEGORIES OF SUBJECTS OF CRIME UNDER ARTICLE 200.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author of the article considers problematic issues of determining the criminal legal status of certain categories of subjects of crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: contract manager, contract service employees, members of the procurement commission. Various points of view of Russian researchers regarding the definition of the criminal legal status of these persons are given. Some functions of the contract service and members of the procurement commission are considered. The provisions of criminal and administrative legislation, including legislation on the contract system in the field of procurement, are analyzed in relation to the concept of an official. The shortcomings of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation are revealed, in terms of its contradiction with the provisions of previously adopted laws. The necessity of giving an explanation to the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: public procurement, abuse, Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, the subject of the crime, contract manager, contract service, procurement commission.

Шадрина Е. С.

Проблема противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд была и остается одной из актуальных проблем современного уголовного права. Высокая общественная опасность нарушений, совершаемых в сфере публичных закупок, обусловила необходимость введения нового состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ¹. Проблема злоупотреблений в сфере государственных закупок часто является серьезной проблемой. Для борьбы с этими злоупотреблениями могут быть предприняты следующие шаги: 1. Улучшение законодательства: внедрение строгих норм и механизмов контроля, чтобы предотвратить злоупотребления. 2. Усиление контроля и надзора: создание независимых органов, которые будут отслеживать процессы государственных закупок и проверять их на предмет возможных нарушений. 3. Повышение прозрачности: публикация информации о закупках, раскрытие контрактов и стимулирование общественного контроля. 4. Обучение и повышение квалификации сотрудников, занимающихся государственными закупками, чтобы они были более осведомлены о правилах и процедурах.

Цель настоящего исследования состоит в рассмотрении практических и теоретических проблем определения уголовно-правового статуса некоторых категорий субъектов преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ. Достижение указанной цели потребовало решения следующих задач: анализа признаков специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ; анализа уголовно-правового статуса некоторых категорий

субъектов преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ. В качестве методов исследования избраны общенаучные и частно-научные методы познания, в том числе: методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также формально-юридический метод.

Статья 200.4 УК РФ относится к преступлению, связанному с незаконным обогащением, а именно «Приобретение иностранных валют, ценных бумаг или другого имущества в особо крупном размере». В соответствии со статьей 200.4 УК РФ, субъектом данного преступления является лицо, которое приобретает иностранные валюты, ценные бумаги или другое имущество в особо крупном размере незаконным путем.

Следует отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации является сложным документом, и для более подробной информации по данной статье необходимо обращаться к профессиональным юристам или адвокатам, специализирующимся в уголовном праве.

Исходя из текста примечания к ст. 285 УК РФ можно сделать вывод, что данное определение «должностного лица» приводится непосредственно для статей главы 30 УК РФ, тем не менее правоприменители используют данное определение и при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ. Но даже в случае возможного применения дефиниции ст. 285 УК РФ на практике бывает очень затруднительно определить, кто из числа таких лиц, как, например, контрактный управляющий, работник контрактной службы, член комиссии по осуществлению закупок является должностным лицом, а кто таковым не является. В связи с чем возникает множество проблем при квалификации преступлений по ст. 200.4 УК РФ, поскольку данная уголовно-правовая норма к должностным лицам не применяется, при этом деяния должностных лиц в рассматриваемой сфере долж-

1 Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2569.

ны квалифицироваться по другим статьям УК РФ (в том числе по ст. ст. 285, 285.4, 286 УК РФ).

В примечании ст. 2.4 КоАП РФ приводится другое определение «должностного лица» отличное от определения «должностного лица», содержащегося в примечаниях ст. 285 УК РФ. Так, в примечании ст. 2.4 КоАП РФ указано, что члены комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, контрактные управляющие и работники контрактной службы при совершении ими административных правонарушений, предусмотренных рядом статей КоАП РФ, несут административную ответственность именно как должностные лица [5, с. 28]. Так, например, Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Марий Эл за совершение административного правонарушения в сфере закупок для государственных или муниципальных нужд контрактный управляющий был привлечен к административной ответственности по ч. 1.4 ст. 7.30 КоАП РФ как должностное лицо². В тоже время, например, Интинским городским судом республики Коми за совершение преступления в данной сфере контрактный управляющий был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 200.4 УК РФ, как лицо, которое не является должностным лицом и лицом, выполняющим управленческие функции³.

Надо сказать, что ст. 200.4 УК РФ противоречит не только примечанию ст. 2.4 КоАП РФ, но и положениям Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон № 44-ФЗ). Так, исходя из буквального толкования п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ к должностным лицам заказчика относятся: руководитель заказчика, член комиссии по осуществлению закупок, руководитель контрактной службы заказчика, контрактный управляющий. В силу ст. 38 Закона № 44-ФЗ контрактный управляющий является должностным лицом, ответственным за осуществление закупки или нескольких закупок, включая исполнение каждого контракта. Иными словами, законодатель относит к числу субъектов ст. 200.4 УК РФ, «не являющихся должностными лицами», лиц, которые в соответствии с положениями Закона № 44-ФЗ «являются должностными лицами», что порождает возникновение различных спорных вопросов в части правоприменения данной уголовно-правовой нормы.

Одним из таких спорных вопросов является вопрос об определении уголовно-правового статуса такого субъекта преступления как контрактный управляющий. По мнению Ш. М. Шурпаева, функции контрактного управляющего имеют организационный и технический характер, но не организационно-распорядительный [7, с. 62], в связи с чем Ш. М. Шурпаев приходит к выводу, что контрактный управляющий должностным лицом не является [7, с. 65]. Иного мнения придерживается М. М. Исачева, которая полагает, что «в компетенции контрактного управляющего находится принятие юридически значимых решений, относящихся к административно-хозяйственным или организационно-распорядительным полномочиям» [4, с. 138]. Также по мнению В. И. Гладких, «трудно представить, что контрактный управляющий ничем не управляет» [2, с. 53]. Данную точку зрения полностью поддерживает И. А. Любый, который предлагает исключить контрактного управляющего из диспозиции ст. 200.4 УК РФ и рассматривать его как должностное лицо, поскольку понятие «контрактный управляющий», которое дается в ст. 38 Закона № 44-ФЗ полностью противоречит диспозиции ст. 200.4 УК РФ [5, с. 29].

Не менее спорным вопросом является вопрос об определении уголовно-правового статуса таких субъектов преступления как работники контрактной службы и члены комиссии по осуществлению закупок.

На основании ст. 38 Закона № 44-ФЗ заказчики, совокупный годовой объем закупок которых превышает сто миллионов рублей, создают контрактные службы, которые действуют в соответствии с положением (регламентом), разработанным и утвержденным на основании Типового положения (регламента) о контрактной службе⁴ (далее – Типовое положение (регламент)),

согласно которому структура и штатная численность контрактной службы определяется руководителем Заказчика. Контрактная служба может создаваться как с образованием отдельного структурного подразделения, так и без образования отдельного структурного подразделения. В случае если в организации не создается отдельное структурное подразделение, функции и полномочия контрактной службы возлагаются на работников Заказчика, состав которых утверждается Заказчиком. Контрактную службу возглавляет руководитель, который распределяет функции и полномочия между работниками контрактной службы. При этом на практике нередко встречаются случаи, когда помимо руководителя контрактной службы назначается его заместитель, который исполняет обязанности руководителя в его отсутствие либо по его поручению.

В соответствии со ст. 39 Закона № 44-ФЗ для определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), за исключением осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), заказчик создает комиссию по осуществлению закупок. Заказчик определяет порядок ее работы, формирует ее состав, назначает председателя. При этом аналогично контрактной службе нередко встречаются ситуации, когда помимо председателя комиссии назначается ее заместитель, который в случае временного отсутствия председателя исполняет его обязанности.

По мнению И. А. Любого, работники контрактной службы, члены комиссии по осуществлению закупок не являются должностными лицами в уголовно-правовом понимании данного термина, в то время как руководители контрактных служб и председатели комиссий по осуществлению закупок обладают рядом организационно-распорядительных полномочий, в связи с чем должны быть отнесены к должностным лицам [5, с. 29]. Схожей точки зрения придерживается В. И. Гладких, который считает, что руководители контрактной службы, председатели комиссий по осуществлению закупок обладают определенными управленческими функциями судя по возложенным на них функциональным обязанностям [2, с. 53].

Иной позиции придерживается Ш. М. Шурпаев, который полагает, что функциональные обязанности контрактной службы и ее руководителя в сфере закупок имеют организационный, но не организационно-распорядительный характер, поскольку не связаны с принятием юридически значимых решений, влекущих правовые последствия. В свою очередь каждый из членов комиссии по осуществлению закупок обладает организационно-распорядительными полномочиями, поскольку они имеют юридическое значение и влекут определенные юридические последствия [7, с. 61, 63].

По мнению М. А. Филатовой, председатель комиссии по осуществлению закупок, как правило, выполняет функции должностного лица, то есть принимает решения, влекущее правовые последствия, поэтому вероятнее всего будет нести ответственность по статьям главы 30 УК РФ, хотя прямо и не исключается из числа субъектов ст. 200.4 УК РФ [6, с. 42]. Аналогичным образом по мнению М. А. Филатовой, ст. 200.4 УК РФ, может применяться к контрактным управляющим, но только тогда, когда они нарушают законодательство о закупках при выполнении иных, не входящих в число административно-хозяйственных и организационно-распорядительных функций, и это влечет наступление имущественного ущерба. В свою очередь рядовые члены комиссии будут нести ответственность в зависимости от того, какие функции они выполняли, совершая преступное деяние [6, с. 40]. Указанная позиция М. А. Филатовой, заслуживает особое внимания, поскольку при определении уголовно-правового статуса субъектов преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, на наш взгляд, определяющее значение имеет не то, как именно называется должность конкретного лица, совершившего преступное деяние, а то какие именно функции оно осуществляло при его совершении, поскольку «не только должность придает лицу статус должностного, но и содержание функций им осуществляемых» [7, с. 62]. Нельзя не согласиться с мнением Я. Н. Ермолович, который считает, что наличие управленческих функций, а также функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций устанавливается не исходя из названия занимаемой должности, а в ходе расследования уголовного дела на основе анализа правового статуса лица, наличия у него соответствующих полномочий по занимаемой должности [3]. Так, например, при анализе функций контрактного управляющего, а равно контрактной службы в целом, можно условно определить, что контрактному управляющему, руководителю контрактной службы, а также ее работникам присущи различные функции, в том числе органи-

2 Постановление о наложении штрафа по делу об административном правонарушении № 012/04/7.30-56/2023 от 02.02.2023. Федеральная антимонопольная служба. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/to/mariyskoe-ufas-rossii/079b8541-1767-4c7e-8b87-1babo69cd385/> (дата обращения 01.12.2023).

3 Новость от 25.02.2021. Сайт Интинского городского суда республики Коми. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://intasud.komi.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=142 (дата обращения 01.12.2023).

4 Приказ Минфина России от 31 июля 2020 г. № 158н «Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе» //

Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.10.2020.

зационно-распорядительные, организационные, а также функции технического характера.

К функциям технического характера, на наш взгляд, можно отнести такие функции контрактной службы, как, например, размещение в единой информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС) плана-графика и внесенных в него изменений, или, например, размещение в ЕИС отчета об объеме закупок у субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций. Следует отметить, что функции технического характера, в силу своей специфики не порождают каких-либо юридически значимых последствий, а это значит, что при их осуществлении с нарушением законодательства о государственных закупках, лицо, совершившее преступное деяние, будет привлекаться к уголовной ответственности как лицо, не являющееся должностным лицом.

К организационно-распорядительным функциям контрактной службы, на наш взгляд, можно отнести такую функцию как, например, определение и обоснование цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем). Поскольку определение и обоснование цены контракта осуществляется, в том числе на основании запроса ценовой информации от различных поставщиков. По результатам определения и обоснования цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, наступают такие юридически значимые последствия, как заключение контракта с конкретным лицом, предложившим наиболее низкую цену. Так, например, при определении цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, под видом соблюдения требований ст. 22 Закона № 44-ФЗ в рамках применением метода сопоставимых рыночных цен, происходит створ работников контрактной службы и поставщика, в соответствии с которым как правило, заказчику направляются сразу несколько коммерческих предложений от аффилированных лиц, которые могут располагаться по разным адресам, быть зарегистрированы на разных лиц, но фактически принадлежать одному и тому же потенциальному поставщику, либо иметь к нему непосредственное отношение. При совершении подобного рода преступлений исследование рынка цен на закупаемый товар, работу или услугу фактически не производится, в адрес иных поставщиков запросы о предоставлении ценовой информации, как правило, не направляются, так как уже изначально определено с кем именно будет заключен данный контракт. Подобные действия со стороны работников контрактной службы влекут за собой увеличение цены заключаемого контракта, а соответственно и финансовых расходов, которые наше государство могло бы и должно было избежать, поскольку цена контракта в таких случаях чаще всего является заведомо завышенной.

Анализируя функциональные обязанности контрактной службы и ее руководителя в сфере закупок следует учитывать, что полномочия работников контрактных служб различных организаций и даже полномочия работников одной контрактной службы могут существенно различаться, поскольку конкретный порядок определения лиц, входящих в состав контрактной службы, и распределения между ними соответствующих полномочий законом не регламентирован, этот вопрос регулируется внутри организации на основе локальных нормативных правовых актов. Так, например, на практике полномочия работников контрактной службы определяются непосредственно в положении (регламенте) о контрактной службе конкретной организации или в отдельном распорядительном акте (например, в приказе), в котором содержатся сведения о конкретных работника, входящих в состав контрактной службы с указанием фамилии, имени и отчества каждого лица, занимаемой должности, а также определенный перечень обязанностей, связанных с работой в контрактной службе, который должен выполнять каждый из перечисленных лиц.

Функциональные обязанности членов комиссии по осуществлению закупок и ее председателя помимо Закона № 44-ФЗ также регулируются на основе локальных нормативных правовых актов, издаваемых внутри конкретных организаций. Состав членов комиссии по осуществлению закупок и порядок ее работы, как правило, утверждается приказом, в котором подробно отражаются все функции комиссии, а также полномочия ее членов, председателя, его заместителя (если таковой имеется) и секретаря. Аналогично контрактной службе членам комиссии по осуществлению закупок присущи различные функции, в том числе организационно-распорядительные, организационные, а также функции технического характера.

К организационно-распорядительным функциям членов комиссии по осуществлению закупок, на наш взгляд, можно отнести такие функции как рассмотрение первых и вторых частей заявок на участие в закупке и принятие решения о признании их

соответствующими извещению или об их отклонении. На наш взгляд, осуществление данных функций влечет за собой такие юридически значимые последствия как заключения контракта с победителем. Так, например, при рассмотрении первых частей заявок на участие в электронном аукционе у членов комиссии по осуществлению закупок есть право отклонить заявку того или иного участника. После отклонения заявки участника электронного аукциона, чья заявка была отклонена, принять участия в торгах уже не сможет. После проведения торгов члены комиссии по осуществлению закупок осуществляют рассмотрение вторых частей заявок, на момент их рассмотрения уже известен победитель торгов, при этом исходя из информации, содержащейся во вторых частях заявок, членам комиссии по осуществлению закупок становится известно, кто именно является участником данного аукциона. Таким образом, победа в торгах еще не означает, что контакт будет заключен непосредственно с победителем торгов, поскольку победитель аукциона определяется после рассмотрения вторых частей заявок. При этом на практике при осуществлении данных функций со стороны работников заказчика нередко происходят различного рода злоупотребления, такие как, например, «необоснованное отклонение заявок добросовестных поставщиков» или, например, «допуск к участию в закупочной деятельности фирм-однодневок, в случае победы отказывающихся от заключения контракта в пользу организации, с которой был створ» [1, с. 28].

Проведенное исследование показало, что ст. 200.4 УК РФ несовершенна и требует доработки, а выявленные дефекты нуждаются в скорейшем устранении. Поскольку диспозиция указанной статьи противоречит не только примечанию ст. 2.4 КоАП РФ, но и положениям Закона № 44-ФЗ, что порождает множество дискуссионных вопросов в области правоприменения ст. 200.4 УК РФ, а также негативным образом влияет на судебную практику. При этом, следует отметить, тот факт, что анализируемая ст. 200.4 УК РФ, по сути является бланкетной, в связи с чем большую часть понятийного аппарата заимствует из положений отраслевого законодательства, которое состоит из Закона № 44-ФЗ и других федеральных законов, регулирующих отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд. В связи с чем, на наш взгляд, наличие любых противоречий между УК РФ и отраслевым законодательством в данном случае является недопустимым.

В целях обеспечения единства практики применения в научной литературе неоднократно отмечалось о необходимости дачи разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения ст. 200.4 УК РФ. На наш взгляд, это могло бы в какой-то степени помочь в разрешении возникающих спорных вопросов в части определения уголовно-правового статуса субъектов данного преступления. Однако кардинальное решение проблем возможно лишь путем устранения имеющихся противоречий в действующем законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамкин А. Д. Общественная опасность как основной фактор криминализации злоупотреблений в сфере государственных закупок // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2019. - № 2 (44). - С. 27-31.
2. Гладких В. И. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ): теоретический анализ // Российская юстиция. - 2019. - № 3. - С. 51-54.
3. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления государственных закупок // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. - 2019. - № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Исаичева М. М. О дифференциации уголовной ответственности представителей заказчика в Уголовном кодексе Российской Федерации // Закон и право. - 2019. - № 9. - С. 137-139.
5. Любый И. А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ // Российская юстиция. - 2020. - № 2. - С. 27-29.
6. Филатова М. А. Проблемы толкования признаков злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2022. - № 3. - С. 28-50.
7. Шурпаев Ш. М. Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2022. - № 4. - С. 51-70.

ЯБЛОНСКИЙ Константин Анатольевич,

старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

ЧЕНЧИКОВСКИЙ Александр Дмитриевич,

старший преподаватель кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ ОРУЖИЯ

Личностные характеристики преступника наиболее полно проявляются при совершении конкретного преступления, при этом прослеживаются криминологические особенности поведения. В криминологии личность преступника рассматривается как категория, возникающая только после совершения лицом конкретного преступления, и определяется как совокупность социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон. Структура личности преступника, осуществляющего незаконный оборот оружия, сложна и динамична, она включает в себя широкий спектр внутренних позиций личности в различных сферах (интересы, навыки, умение обращаться с оружием - качественная характеристика личности преступника).

Ключевые слова: структура, личность, криминологические характеристики, оружие, боеприпасы, оборот.

YABLONSKIY Konstantin Anatoljevich

senior lecturer of Fire and physical training sub-faculty of the Volgodonk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

CHENCHIKOVSKIY Alexander Dmitrievich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

CHARACTERISTICS OF PERSONS INVOLVED IN ILLEGAL ARMS TRAFFICKING

The personal characteristics of the criminal are most fully manifested when committing a specific crime, while criminological characteristics of behavior are traced. In criminology, the personality of a criminal is considered as a category that arises only after a person has committed a specific crime, and is defined as a set of socially significant properties, characteristics, connections and relationships that characterize a person who is guilty of violating the criminal law. The personality structure of a criminal involved in illegal weapons trafficking is complex and dynamic; it includes a wide range of internal personality positions in various areas (interests, skills, ability to handle weapons - a qualitative characteristic of the criminal's personality).

Keywords: structure, personality, criminological characteristics, weapons, ammunition, turnover.

Личность преступника является широким понятием и охватывает сложный комплекс характеризующих его признаков, в том числе его нравственный и духовный мир, взаимодействие с социальными и индивидуальными жизненными условиями, которые в определенной степени повлияли на совершение преступления. Общие теоретические познания о личности преступника, начиная с научных исследований Чезаре Ломброзо, дали возможность сформировать следующие их категории: 1) врожденные преступники, 2) преступники по страсти, 3) случайные преступники, 4) душевнобольные преступники [1, с. 140].

На наш взгляд, следует согласиться с М. Т. Ведерниковым, который в своих трудах писал, что в разработке криминалистической характеристики личности преступника довольно трудно выделить информацию, имеющую чисто криминалистическое значение, поскольку личность — это единственное целостное явление в своем роде, все стороны которого взаимосвязаны и взаимообусловлены [2, с. 76]. Это объясняет межнаучную взаимосвязь правовых наук, поскольку криминалистика черпает данные о личности преступника главным образом из криминологии, уголовного права, психологии, физиологии и в обратном порядке передает смежным отраслям знаний свои научные рекомендации, что отражают специфику некоторых сторон личности преступника в механизме совершения преступления и способе следообразования [3, с. 69].

Следует отметить, что в структуре криминалистической характеристики преступлений, направленной на систематизацию весомой для расследования информации об определенной группе преступлений, полученной на основании анализа материалов уголовных дел, данные о личности преступника имеют не только криминалистический характер.

Правоведы используют эти знания для решения вопросов квалификации преступлений, криминологи — для решения проблем их профилактики, а криминалисты — для организации процесса раскрытия и расследования преступлений.

Современные авторы при исследовании личности преступника, совершающего отдельные виды преступлений, исходят преимущественно из возрастных, социально-демографических, морально-психологических и других подобных особенностей, что характеризуют то или иное лицо [4, с. 29-33]. Личность преступника имеет определенные данные демографического характера, некоторые нравственные качества и психологические особенности. Всю информацию о нем целесообразно разделять на индивидуализующую, как то биографические данные, данные относительно материального состояния, состояния здоровья, психологических особенностей и такую, что характеризует личность в общественно-производственном, общественно-политическом, общественно-бытовом аспекте.

На основании вышеперечисленного считаем, что данные о личности преступника, совершившего незаконный оборот огнестрельного оружия, состоят из следующих свойств: физические, социально-демографические, моральные, психологические. В контексте определения структуры следственной ситуации находят отражение все наиболее значимые обстоятельства расследуемого преступления, в том числе данные о навыках совершившего преступника преступление.

Рассматривая криминалистическую характеристику незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ, выделим три основных типа лиц, совершающих исследуемые деяния: «случайный» тип, «ситуационный» и «злостный». Тип «случайного» преступника характеризуется отсутствием антисоциальной направ-

ленности своих действий, совершением преступлений, как правило, под влиянием случайно возникших и независимых от него факторов, например, в силу незнания правовых норм, в силу стечения трудных жизненных обстоятельств. Тип «ситуационного» преступника понимается как промежуточный между первым и типом «злостного» преступника. Основные черты этого типа: при наличии определенных факторов (например, предложения изготовить, перевезти и т.п. уголовные предметы за вознаграждение, покинуть боевой пост и т.д.) лицо совершает соответствующее преступление. Представителям типа «злостного» преступника, как правило, присуще осознанное и целенаправленное совершение преступлений с целью прямого или опосредованного получения преступных доходов при совершении незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Часто эти лица являются членами организованных преступных формирований, основой преступной деятельности которых является указанные преступления.

Исследуя криминологическую характеристику лиц, совершающих преступления против общественной безопасности, предметами которых являются любые формы оружия, можно раскрыть личность преступника через критерий ее социальной направленности, исходя при этом из соотношения отрицательной и положительной направленности. Лица, которые совершают преступления против общественной безопасности, предметами которых является оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства наделены определенными характерными признаками, объясняемыми спецификой навыков, умений, комплекса интересов и других существенных и устойчивых свойств, которые были сформированы под влиянием отрицательных элементов социальной среды. Современная судебно-следственная практика дает возможность утверждать, что преступность в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия приобретает отдельные, индивидуализированные характеристики лиц, совершающих указанные преступные деяния.

Исследуя личность преступника, совершающего незаконный оборот огнестрельного оружия, следует констатировать, что подавляющее большинство из них, порядка 86% – мужчины¹. Такая статистика объясняется тем, что мы исследовали широкий спектр деяний, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (грабеж, разбой, незаконные приобретение, хранение, ношение, перевозка огнестрельного оружия и т.д.).

Касаемо возрастных критериев следует отметить, что возраст преступников в значительной степени определяет избрание способов незаконного оборота огнестрельного оружия. Преступники возрастной категории от 25 до 45 лет более осведомлены о современных методах совершения указанных преступлений, в связи с чем способы совершения являются более дерзкими, скрытыми и изысканными с использованием к примеру ниш и двойного дна в транспортном средстве, которое часто оборудуется дополнительными амортизационными системами (дополнительные пружины, рессоры), не разрешающие по внешнему виду определить чрезмерную перегруженность транспортного средства и т.д. Кроме этого, указанная категория лиц, как правило, не злоупотребляет спиртными напитками и наркотическими средствами и в определенной степени дисциплинирована. Следовательно, можно наблюдать, что преступления, связанным с незаконным оборотом оружия, присуща и определенная степень организованности. Заметим, что организованные преступные группировки² в своем составе могут иметь как взрослых, да и несовершеннолетних ее участников.

Наиболее часто все члены ОПГ осведомлены о преступной деятельности группы, исключениями являются случаи, когда ОПГ используют курьера, который не осведомлен о планах и членах всей ОПГ, реже курьер не знает о содержимом груза. Обычно члены ОПГ совершают незаконное пере-

мещение огнестрельного оружия неоднократно различными способами, основывающимися на значительном уголовном опыте. В случае разоблачения группы ее участники договариваются о содержании показаний, которые не будут разоблачать друг друга, или вообще освободить от криминальной ответственности.

Типичная структура ОПГ, занимающейся незаконным оборотом оружия, имеет следующий обобщенный вид 1) лидер (организатор); 2) лица, специализирующиеся на «приобретении» огнестрельного оружия, например способом хищения (разбой, грабеж), покупки на военизированных складах, в других ОПГ или в горячих точках; 3) лица, непосредственно перемещающие огнестрельное оружие (курьеры – непосредственные исполнители, соисполнители) к месту тайника или продажи (передачи); 4) лица, осуществляющие подготовку к совершению преступления (приобретение или изготовление поддельных документов, определение путей и способов возможного перемещения огнестрельного оружия), подготовку транспортных средств к перевозке и т.п.; 5) лица, осуществляющие сбыт огнестрельного оружия или обеспечивающие его хранение либо укрывательство тех, кто совершает незаконное перемещение оружия.

Среди основных мотивов совершения преступления выделяют следующие два: 1) совершение в дальнейшем иного преступления; 2) по корыстным мотивам (обменять, продать). Наличие у себя оружия преступники обычно объясняют таким «самооправданием»: 1) для самообороны 2) для получения выгоды; 3) для охоты; 4) для совершения другого преступления.

Обобщая вышеизложенное и выделив признаки, составляющие систему, по которой может осуществляться описание личности преступника как элемента видового криминалистического характера, обозначим следующие: физические и биологические, социальные и демографические, отдельные нравственные качества и психологические особенности, определенные знания и навыки и опыт. Касаемо незаконного оборота оружия это в основном мужчины, в возрасте от 25 до 40 лет, психически вменяемые, нередко входящие в состав организованных преступных групп.

Пристатейный библиографический список

1. Ломброзо Ч. Преступление. – СПб.: Изд-во Н. К. Мартынова, 1900. – 140 с.
2. Ведерников Н. Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. – М.: Всесоюз. ин-т по изучен. причин и разраб. мэр предупреждения преступности, 1985. – С. 76-79.
3. Яблоков Н. П. Предмет методики расследования преступлений. Актуальные проблемы советской криминалистики. – М., 1980. – 104 с.
4. Мишин А. В. Расследование поджогов личного имущества граждан. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 128 с.
5. Тесленко Э. С. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования незаконного оборота боеприпасов и взрывчатых веществ периода Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... на соискание учен. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность». – Краснодар, 2011. – 22 с.

1 Сайт статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 01.02.2024).

2 Далее – ОПГ

ЛАРИОНОВ Павел Алексеевич

LL.M (Criminal Law), University of Illinois Urbana-Champaign, магистр уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

СТАДИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УК РФ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ

В статье предпринята попытка проанализировать результаты и способы толкования уголовного закона с позиций их доктринального восприятия и проблем, связанных с их разграничением и иерархией. Сделан вывод о недопустимости доктрины супремасизма и самодостаточности, а равно «повышенной результативности» буквального толкования в отношении всех иных интерпретационных результатов. Взаимосвязь буквального и иных результатов толкования может выражаться лишь алгоритмически, но не иерархически. Отсюда, экстраординарные результаты толкования подлежат применению всякий раз, когда буквальное толкование является неудовлетворительным. Руководствуясь целями толкования сформулированы условия включения интерпретации в судебный акт. Пользуясь терминологией Ф.К. фон Савиньи, выработана категория «удовлетворительности» интерпретации в двух аспектах – юридическом и фактическом. Проверка соответствия интерпретации двум обозначенным условиям названа обязательным элементом любого интерпретационного процесса. С учетом указанных разъяснений сформулированы четыре стадии интерпретационного процесса (две обязательные и две факультативные), а также правила его применения. Актуальность темы обуславливается данными судебной статистики, указывающими на неэффективность и бессистемность правоприменителей в вопросах уголовно-правовой интерпретации. Учитывая цель минимизации количества судебных актов с неправильным применением уголовного закона, которые традиционно составляют более 50 % от числа отмененных, настоящее исследование носит ярко выраженный практический характер.

Ключевые слова: толкование, интерпретационный процесс, способы толкования, виды толкования, результат толкования, удовлетворительность закона.

LARIONOV Pavel Alexeevich

LL.M (Criminal Law), University of Illinois Urbana-Champaign, master of law of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

STAGES OF CRIMINAL LAW INTERPRETATION: JUDICIAL ALGORITHM

The study at hand aims at analyzing methods and results of legal interpretation in their theoretical and practical perception, systematic interrelation, and hierarchy. The conclusion is made about the inadmissibility of the doctrine of supremacism and self-sufficiency of literal meaning, as well as its "increased effectiveness" in relation to all other interpretative results. The relationship between literal and other meanings can be expressed only algorithmically, but not hierarchically. Hence, extraordinary interpretation results are subject to application whenever the literal interpretation is unsatisfactory. Guided by the goals of interpretation as a daily courts' routine, the conditions for including a specific interpretation in a judicial act are formulated. To this end, using the terminology of F.K. von Savigny, the category of "satisfactory" interpretation was constructed in two cumulative aspects - legal and factual. Verification of the interpretation's compliance with this category is mandatory for each interpretative process. Considering these clarifications, four stages of the interpretative process (two mandatory and two optional), as well as the rules for its application, are formulated. The relevance of the topic is determined by the data of judicial statistics, indicating the inefficiency and unsystematic nature of courts' criminal law interpretation. Given the goal of minimizing the number of judicial acts with improper application of the criminal law, which traditionally account for more than 50 % of the number of reversed, this study has a practical character.

Keywords: interpretation, interpretative process, methods of interpretation, types of interpretation, results of interpretation, quality of law.

Введение

Интерпретационный процесс как ежедневная правоприменительная рутина крайне важна в современной судебной практике для обеспечения законности на всех этапах производства по уголовному делу. Тем не менее, сам интерпретационный процесс исчерпывающей разработки в отечественном и зарубежном праве не получил – доктринальные источники, восходящие истоками еще к Ф.К. фон Савиньи, рассуждают о толковании подлежащего применению закона, не систематизируя интерпретацию через сопоставление различных ее элементов между собой. Отсюда, при безусловно усвоенных положениях, к примеру, о способах толкования (грамматическое, логическое, историческое и т.д.) или о его результатах (буквальное, ограничительное и расширительное), правоприменитель не имеет четкой последовательности их применения, алгоритма, который бы исключал всякие судебные ошибки. В то же время существование подобного алгоритма в отечественной правовой системе не

просто желательно, но необходимо в силу ряда конституционных положений, в совокупности формулирующих аналог американской due process clause, а также публично-правовой идеи законности.

Алгоритмический приоритет буквального толкования

В стремлении придать интерпретационному процессу определенную алгоритмичность, представляется, что первоочередными из способов интерпретации, конечно, должны являться грамматический и логический как строго транслирующие объективированное выражение воли законодателя (в виде филологического или формульного представления), то есть ведущие к буквальной интерпретации.

Отсюда, на буквальное толкование распространяется презумпция адекватности законодательной воле – правоприменитель в ходе осуществления государственно-властных полномочий по толкованию норм права должен в первую

Ларионов П. А.

очередь ориентироваться на буквальное значение терминов, выражений и конструкций, закрепленных в толкуемом акте. Это обуславливает первоочередность буквальной интерпретации как первой и обязательной стадии интерпретационного процесса.

В то же время, несмотря на кажущуюся простоту определения буквального толкования, в тематической юридической доктрине и практике до сих пор существует ряд спорных моментов относительно его определения и «удовлетворительности» или «ясности».

Одной из коллизий теории и практики буквального толкования являются правила толкования договора, закрепленные в ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации. Указанная норма устанавливает непреложный принцип буквального толкования условий договора, гласящий, что договоры должны толковаться исходя из «буквального смысла содержащихся в нем слов и выражений». Под ним разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации понимают «общепринятое употребление любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно». Далее в анализируемой норме указано, что «в случае неясности» буквального толкования, его содержание «устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом». В этом видится двуликость буквального толкования в его цивилистическом восприятии – с одной стороны оно, как это отмечает высшая судебная инстанция, должно быть понятно «каждому разумному и добросовестному участнику гражданского оборота», а с другой стороны, в нем может содержаться определенная «неясность».

В приведенном примере видится подмена понятий «неясность» и «неудовлетворительность» результата буквального толкования, ведь абсурдным видится ситуация, когда буквальное прочтение слов и выражений является «неясным». Подобное бы свидетельствовало альтернативно о неполноте лингвистического арсенала законодателя или неэффективности анализа правоприменителя, причем оба указанных варианта находятся за рамками рассматриваемых в настоящем исследовании проблем. Пытаясь исправить допущенную Верховным Судом Российской Федерации подмену понятий, процитированные разъяснения приобретает больший смысл – в первую очередь правоприменителю надлежит толковать условия договора буквально (исходя из общепринятого значения терминов и выражений), а в случае, если такое толкование не решает поставленную перед судом конкретную проблему, применению подлежат различные способы толкования (как прямо упомянутые в норме, так и не названные в ст. 431 ГК РФ). Забегая вперед, теоретическая конструкция «неудовлетворительности», выходящая далеко за пределы отраслевых цивилистических правил восприятия норм права (как договорного, так и парламентского), является центральным элементом или, если угодно, тестом, который правоприменителю следует использовать при решении вопроса о переходе от одного способа и, соответственно, результата толкования к другому.

Однако перед переходом к анализу обозначенного «теста на удовлетворительность», необходимо в первую очередь проанализировать сущность буквального толкования для уяснения его значения в правоприменительной деятельности. В теоретических воззрениях на буквальное толкование также встречаются спорные его дефиниции. Например, по мнению Абдулаева М. И., «буквальное толкование точно соответствует тексту нормы, поскольку смысл правового предписания не вызывает разночтений. Буквальное толкование является наиболее распространенным и самым результативным в правовой практике, так как оно не порождает споров и разногласий» [1, с. 256]. Разделяя приведенное определение на части, можно согласиться с тем, что буквальное толкование есть *sensus literalis*, то есть отражение текста правовой нормы. Оно представляет собой понимание юридического текста с учетом равенства формы и содержания, причем форма здесь – словесное воплощение нормы, конкретные слова и выражения, которые наделяются определенным законодательным смыслом. Исходя из посылки, что форма есть слова, а толкование слов вообще – дело лексики и грамматики, неко-

торые ученые называют грамматическое толкование «самым естественным» [10, с. 1167].

В то же время, никакой критики не выдерживает второй из процитированных доводов, утверждающий, что буквальное толкование предписаний не вызывает разночтений и является «самым результативным в правовой практике». Сознательно удаляясь от обоснованности подобных оценочных суждений, важно заметить, что такой подход лучше всего демонстрирует сложившийся в правоприменительной практике и умах множества ученых супремасизм и самодостаточность буквального толкования в отношениях с иными видами, которые с такой позиции воспринимаются девиациями (по общему правилу, негативными). Умышленно превознося буквальное толкование над иными видами, правоприменители, повторимся, как будто снимают с себя ответственность за выносимые ими решения, отдавая их справедливость на откуп законодателю, именно росчерк пера которого якобы стал причиной незаконного осуждения, либо отказа в предоставлении судебной защиты уголовно-правовыми средствами. Буквальное толкование в этой части может не просто не помогать в решении поставленной задачи, а скорее становится препятствием на пути правосудия.

Парируя процитированному автору, мы являемся убежденными сторонниками возможности, а иногда и необходимости использования иных видов толкования (как ограничительного, так и расширительного), когда это не противоречит самой сути уголовно-правовых отношений. Пример тому содержится в ставших классическими разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепленных в постановлении от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В п. 5 указанного интерпретационного акта высшая судебная инстанция расширительно толкует используемый в тексте ст. 131, 132 УК РФ термин «беспомощное состояние», наделяя его, в сравнении с аналогичным из п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в толковании п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»), более широким набором признаков, в том числе, состоянием алкогольного, токсического или наркотического опьянения. Тема синхронности толкования указанных терминов в уголовно-правовой материи не является центральной в настоящем исследовании, тем не менее использование при этом «небуквального» толкования в конкретном случае является гораздо более «бесспорным», нежели чем буквальное. Отсюда тезис Абдулаева М. И. об априорной «результативности» последнего вызывает сомнения.

Возвращаясь к построению правоприменительного алгоритма, представляется, что буквальное толкование как результат интерпретации, должно быть достижимо с использованием конкретных методов. Таковыми бесспорно выступают грамматический и логический, которые с лингвистической и формальной точностью воспроизводят государственноречевою посыл законодателя. Таким образом логическое и грамматическое толкования являются «приоритетными» в отношении всех иных способов. Юридическое обоснование подобного вывода крайне просто – в его основе лежит принцип разделения властей и компетентностный подход к анализу правоприменительной деятельности. Из приведенной череды умозаключений легко сформулировать один из главных результатов настоящего исследования – первый этап интерпретационного процесса включает в себя применение судом логического и грамматического методов с целью получения буквального результата толкования.

В то же время, как уже отмечалось, гораздо важнее для целей настоящего исследования, чтобы буквальное толкование не имело абсолютного превосходства над иными результатами толкования, так же как грамматический и логический способы не имеют верховенства над всеми остальными его методами. Если буквальный результат интерпретации является «неудовлетворительным» для решения конкретной правоприменительной ситуации, суд не должен отказываться от поиска иных вариантов толкования посредством имеющегося юридического инструментария. Иерархия в этой части

представляет собой не доминирование одного вида толкования над другим, а алгоритм, последовательность действий с бинарным результатом. Проанализируем указанный довод подробнее.

На этапе ознакомления с правовой нормой, подлежащей применению в конкретном деле, правоприменитель должен, как уже было сказано, проанализировать текст с позиции грамматики и формальной логики с целью уяснения буквального смысла исследуемой нормы. Однако, как мы ранее подтвердили в заочном споре с Абдуллаевым М. И., буквальное толкование не всегда «самое результативное». Проверка такой результативности должна представлять собой самостоятельную и обязательную стадию интерпретационного процесса. В частности, правоприменителю после установления буквального смысла нормы, очевидно, необходимо принять решение, соотносится ли полученный интерпретационный результат цели разрешения конкретного дела. Анализируемая судом в таком случае категория есть не что иное как ранее упомянутая нами «удовлетворительность» интерпретации. В случае такой неудовлетворительности, которая, в частности, может представлять собой «недосказанность» или, наоборот, «смысловую избыточность» нормы права, суд вправе обратиться к иным способам толкования. Иерархия их, повторимся, представляет собой лишь последовательность действий суда, градацию результатов толкования на используемое «по умолчанию» буквальное толкование и экстраординарные вариации – расширительное и ограничительное. Алгоритмический приоритет буквального толкования в уголовном праве подтверждается в том числе общепризнанностью в мировой доктрине принципа жесткого толкования уголовно-правовых предписаний (*principle of strict construction in criminal law*) [7, с. 117; 8, с. 1601].

Приведенная позиция имеет в том числе историческое обоснование. Как отмечает П. Гудрич, ретроспективно анализируя развитие экзегетики, в системе общего права XIII века, «толкование начинали с *interpretatio declarativa* (*significatio*, то есть буквального (лексического) толкования), и лишь в случае безрезультативности первого, с большой осторожностью прибегали к *comprehensio legis* (выяснению действительного смысла и охвата нормы (*mens legis*))» [9, с. 345]. Указанный процесс осуществлялся с помощью древнеримских формул – *lex magis dixit quam voluit* и *legis minus dixit quam voluit*.

Проверка удовлетворительности толкования

Из приведенных рассуждений, исчерпывающе подкрепленных доктринальными позициями, с очевидностью усматривается вторая стадия интерпретационного процесса – проверка полученного буквального результата толкования на «удовлетворительность». Указанная категория – далеко не нова в юридической науке – еще Аристотель, описывая период правления афинского архонта Солона, сетовал, что «законы не были написаны просто и ясно, неизбежно возникло много споров и решать все дела приходилось суду» [3, с. 210]. Из выявленных Аристотелем проблем афинской правовой системы очевидно, что буквальное толкование издревле могло не в полной мере отвечать запросам разрешения конкретного дела, ввиду чего судьям приходилось прибегать к иным интерпретационным вариациям. Свойство «сложности» и «неясности» законов гораздо позднее и более системно анализировал Ф. К. фон Савиньи, предлагавшим признавать такие законодательные акты «неудовлетворительными», а цель расширительной или ограничительной интерпретации – средством «приведения в соответствие выражения с истинной мыслью закона» [4, с. 391].

Пользуясь формулировками Ф.К. фон Савиньи в несколько ином ключе, чем предлагал немецкий философ, результаты интерпретации для их практического применения подлежат «тесту на удовлетворительность». При этом, очевидно, что для разрешения любой практической ситуации указанная «удовлетворительность» интерпретации должна рассматриваться судом как минимум в двух аспектах. Первый из них – юридический – обуславливает соответствие полученного результата толкования его контекстному нормативному комплексу. В частности, уголовно-правовое толкование не

может *de facto* представлять собой аналогию закона, не может противоречить общей части уголовного закона, а также ряд других контекстных ограничений, которые обязательны к соблюдению при практической реализации правовых предписаний. По своей правовой природе, описанное действие по проверке «юридической удовлетворительности» толкования есть не что иное как использование систематического метода интерпретации в широком контексте – сопоставление интерпретации со всем правовым комплексом, связанным с нормой, а не только с ее ближайшим контекстом (например, внутри одной отрасли или института права).

Однако лишь юридической удовлетворительности результата толкования, очевидно, недостаточно для целей правоприменения. Легко, к примеру, представить ситуацию, когда суд в результате соотнесения полученного результата толкования с контекстными ограничениями приходит к выводу, что он им не противоречит, но и не охватывает конкретную правоприменительную ситуацию, переданную суду на разрешение. В этой связи проверке подлежит и «фактическая удовлетворительность» интерпретации как способность ее разрешить поставленную перед судом правоприменительную задачу.

Выявленный двухступенчатый тест – содержательное наполнение второй стадии интерпретационного процесса, которая, исходя из требований законности, обоснованности и правильного применения уголовного закона, обязательна в каждом судебном деле.

Факультативные стадии толкования

Двигаясь последовательно по интерпретационному процессу, заметим, что как юридическая, так и фактическая неудовлетворительность влечет необходимость перехода к последующим стадиям толкования. Как уже отмечалось, неприменимость буквальной интерпретации не означает окончание правоприменительной деятельности по конкретному делу, равно как и не предопределяет судьбу иных результатов толкования. Всякий раз найдя буквальную интерпретацию неудовлетворительной суд обязан проанализировать все возможные смыслы нормы, достигаемые посредством всего интерпретационного инструментария, а не только грамматического, логического и систематического методов.

Исходя из предыдущего умозаключения, третьей стадией интерпретационного процесса выступает обращение к расширительному и ограничительному толкованию. В юридической доктрине к последним на уровне формулировок сложилось необоснованное негативное отношение. Например, С. В. Суркова определяет расширительное толкование как «несоответствие текстового выражения нормы и ее смысла, когда действительное содержание нормы оказывается шире буквальной ее формулы, иными словами, норме права придается более широкий смысл, чем это вытекает из ее словесного выражения» [5]. В отечественной доктрине для определения указанных терминов часто используются слова «несоответствие», «недостаток», «нехватка» и т.д. Воздерживаясь от включения субъективного восприятия в определение данных понятий, видится уместным продемонстрировать их содержание на примере законов Аристотелевской логики, адаптировав их целям настоящего исследования. Оба вида небуквального толкования с точки зрения формальной логики могут быть представлены формулами «*Ac > At*» или «*Ac < At*», то есть А смысловое больше/меньше А текстуального.

В сравнении отечественного и зарубежного определенных, гораздо более приглядным видится мнение итальянской юридической доктрины, где ограничительное и расширительное толкование рассматривается не как девиация от самодостаточного буквального, а как вариации действительного смысла и содержания идеальной нормы права [7, с. 135]. Отсюда же корреспондирующие латинские выражения: *lex magis dixit quam voluit* (закон сказал больше, чем хотел сказать) и *legis minus dixit quam voluit* (закон сказал меньше, чем хотел сказать). Европейская доктрина в лице Д. Каналле и Дж. Тузета представила свое формульное видение расширительного толкования в следующем логическом выражении:

С не подпадает под действие N1 в толковании Р с помощью I1.

Однако, С подпадает под действие N2 в толковании Р с помощью I2.

Здесь С (ситуация, случай, обстоятельство), которое необходимо разрешить с использованием юридической аргументации, N1, N2 – нормы права, полученные в результате толкования Р – конкретного законоположения с помощью I1, I2 – определенных видов толкования (буквального (в европейской доктрине – текстуального), ограничительного или расширительного).

В приведенной логической структуре интересны несколько вещей. Во-первых, европейская правовая доктрина, в отличие от ранее приведенной отечественной, не ставит буквальное толкование во главу угла, превращая последнее в единственно верный вид интерпретации. Для итальянской правовой системы результаты буквального, расширительного и ограничительного толкования существуют параллельно (как это продемонстрировано указанием на N1 и N2 как результаты толкования одного и того же текста разными способами). Вопрос суда в такой парадигме заключается, повторимся, в оценке адекватности применения конкретного результата толкования и надлежащем его юридическом обосновании. Это же подчеркивают и указанные авторы, говоря, что случаи применения расширительного толкования всегда должны обосновываться судом, само по себе оно не может быть средством доказывания необходимости использования иного смысла нормы. Критерий юридической обоснованности, отсюда, должен распространяться на все части вынесенного решения – он конституирует обязанность судов соблюдать в практической деятельности требование «высококачественной правовой аргументации» [6, с. 166].

Во-вторых, что более важно для современных отечественных реалий, норма права «идеальная» разводится с нормой права «реальной». Отсюда, авторами как бы предполагается несовершенство юридического текста и необходимость его наполнения исходя из обстоятельств конкретного дела. Отдавая себе полный отчет о различиях в правовых системах, тем не менее видится обоснованным и не противоречащим основам российского правопорядка использовать существующее и в отечественной доктрине представление о несоответствии содержания идеальной и реальной норм при решении вопроса о возможности расширения или ограничения содержания конкретного законоположения (с приоритетом, конечно же, буквального их значения, пока не доказано иное) [2]. С учетом выявленного смысла категорий расширительной и ограничительной интерпретации, на третьей стадии процесса толкования предполагается использование всего остального интеллектуального инструментария (исторического, телеологического, эволютивного и иных методов). Впоследствии же, как отмечено выше, полученное такими методами толкование должно вновь «тестироваться» на удовлетворительность как необходимое условие имплементации его в судебный акт.

Выводы

С опорой на все предыдущие рассуждения представляется верным систематизировать и представить стадии интерпретационного процесса.

Первая стадия характеризуется уяснением содержания нормы с использованием лишь логического и грамматического способов для получения буквального результата.

Вторая стадия заключается в проверке удовлетворительности полученной буквальной интерпретации на предмет ее удовлетворительности для разрешения конкретного кейса. Такая проверка должна включать в себя не только проверку охвата нормой конкретных правоотношений (фактическая удовлетворительность), но и проверку на соответствие полученного результата интерпретации нормам с большей юридической силой и правовой системе в целом (удовлетворительность юридическая). Отсутствие хотя бы одной из категорий «удовлетворительности» означает автоматически, что полученный результат толкования не может быть при-

менен при разрешении дела, что влечет необходимость перехода к следующим стадиям.

Третья стадия включает использование экстраординарных способов интерпретации – исторического, телеологического и иных с целью получения расширительного или ограничительного результатов.

Четвертая стадия вновь обязывает правоприменителя вновь проверить полученный на третьей стадии результат на его «удовлетворительность». В случае удовлетворительности результата конкретная интерпретационная вариация подлежит имплементации в правоприменительный акт. В случае, если результат расширительного или ограничительного толкования не удовлетворяет цели разрешения конкретного дела или сопоставлению с иными правовыми актами, правоприменителю надлежит констатировать наличие пробела в правовом регулировании. Выявленный пробел, при наличии определенных условий, может быть преодолен с учетом аналогии закона или аналогии права, за исключением случаев, когда аналогия в конкретном правовом механизме (например, уголовно-правовом) запрещена. В таком случае отсутствие соответствующей нормы означает невозможность привлечения лица к уголовной ответственности ввиду отсутствия нормативно установленного уголовного запрета.

Как отмечено выше, первые две стадии интерпретационного процесса являются обязательными и должны иметь место в каждом акте правоприменения. Третья и четвертая стадии являются факультативными и применяются лишь в случае неудовлетворительности результата первых двух стадий. Однако общее правило, применимое ко всему интерпретационному процессу звучит следующим образом: любой результат интерпретации перед включением в судебный акт должен проходить проверку на фактическую и юридическую удовлетворительность.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулаев М. И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Магистр-Пресс, 2004. – 410 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. – Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1981. – 360 с.
3. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-е издание. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 254 с.
4. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. I. Пер. с нем. Г. Жигулина / Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2011. – 510 с.
5. Суркова С. В. Расширительное толкование норм права // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 08.02.2024).
6. Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. – Copenhagen: Brill Publishers, 2020. – P. 166.
7. Canale D., Tuzet G. Analogical Reasoning and Extensive Interpretation // ARSP: Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. – 2017. – Vol. 103. № 1. – P. 117-135.
8. Cover R.M. Violence and the Word // Yale Law Journal. – 1986. – Vol. 95. № 8. – P. 1601-1629.
9. Goodrich P. Historical Aspects of Legal Interpretation // Indiana Law Journal. – 1986. – Vol. 61. № 315. – P. 345.
10. Henning P. J. Foreword: Statutory Interpretation and the Federalization of Criminal Law // The Journal of Criminal Law and Criminology. – 1996. – Vol. 86. № 4. – P. 1167-1199.

ВАСИЛЬЕВА Дарья Владимировна

ассистент кафедры иностранного права и сравнительного правоведения Юридического института Сибирского федерального университета, Красноярск

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА

В статье исследуется актуальность фиктивного банкротства в настоящее время. Трудность применения ст. 197 УК РФ вызвана некорректной формулировкой самого деяния. Динамичное изменение норм о несостоятельности (банкротстве), расширение предмета банкротного права, не повлекло совершенствование уголовного законодательства в сфере криминальных банкротств. Способ совершения фиктивного банкротства – публичное объявление о несостоятельности, после совершенствования законодательства о банкротстве в 2002 года стал неактуален, в связи с чем ст. 197 УК РФ не выполняет своей функции. В статье исследуются пути решения сложившейся проблемы.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), фиктивное банкротство, объект фиктивного банкротства, объективная сторона фиктивного банкротства, совершенствование уголовного законодательства.

Васильева Д. В.

VASILJEVA Darya Vladimirovna

assistant of Foreign law and comparative law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk

PROBLEMS OF DETERMINING OBJECTIVE SIGNS OF FICTITIOUS BANKRUPTCY

The article examines the relevance of fictitious bankruptcy today. The problem of applying Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation is caused by the incorrect phrasing of the action. There is no improvement of criminal legislation in the area of criminal bankruptcies despite the dynamic change in the bankruptcy law, the expansion of the subject of bankruptcy law. The method of committing a fictitious bankruptcy is a public declaration of insolvency, which became irrelevant after the improvement of bankruptcy legislation in 2002. That is why Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation does not work. The article explores ways to solve the current problem.

Keywords: bankruptcy, fictitious bankruptcy, the object of fictitious bankruptcy, actus reus of fictitious bankruptcy, improvement of criminal legislation.

Банкротство в настоящее время является распространенной процедурой, направленной на прекращение отношений между должником и кредитором. Для неплатежеспособного должника единственно верным решением, исключающим усугубление финансового положения, является обращение в арбитражный суд с заявлением о признании себя банкротом.

К сожалению, в правоприменительной практике нередки случаи, когда недобросовестные субъекты умышленно инициируют процедуру банкротства с целью сохранить свое имущество, ввести в заблуждение кредиторов для получения отсрочки, рассрочки или скидки с причитающихся им платежей, иными словами, с целью собственного обогащения. Такие деяния, причиняющие ущерб не только субъектам, участвующим в процедуре банкротства, но и государству в целом, квалифицируются по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В то же время применение нормы уголовного права о фиктивном банкротстве (ст. 197 УК РФ) может вызывать проблемы из-за сложности конструкции состава этого преступления. Подтверждением сказанного служат статистические данные о числе осужденных. Так, за 2021-2022 года по данной статье УК РФ не было осуждено ни одного человека [11]. Маловероятно, что такие показатели связаны с отсутствием фактов совершения деяний, охватываемых рассматриваемой нормой. Статистика демонстрирует проблему применения законодательства. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что исследование состава преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ, представляется необходимым для правоприменительной деятельности.

Сложность при анализе состава ст. 197 УК РФ представляет определение объекта фиктивного банкротства. Включение данного вида преступления в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» позволяет

сделать вывод о том, что видовым объектом будут выступать общественные отношения, связанные с экономической деятельностью. Так, например, Н. А. Лопашенко считает, что объектом в такой группе преступлений являются конкретные экономические отношения, основанные на принципах осуществления экономической деятельности, подвергающиеся изменениям в результате преступного посягательства [4, с. 127]. Однако из-за отсутствия определения экономической деятельности в законодательстве, понятие видового объекта предлагается толковать расширительно. В исследовании В. Е. Батюковой под видовым объектом понимается установленный законодателем порядок осуществления предпринимательской, финансовой и иной экономической деятельности по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, собственности физических или юридических лиц [1, с. 92]. Такое толкование не позволяет дать конкретное, четкое определение видового объекта фиктивного банкротства, т.к. охватывается слишком широкий спектр общественных отношений.

Вопрос о непосредственном объекте преступления в ст. 197 УК РФ также является дискуссионным. По мнению одних ученых, при фиктивном банкротстве нарушается порядок осуществления предпринимательской деятельности, обеспечивающий добросовестное выполнение юридических обязательств должниками и кредиторами [8, с. 145], [2, с. 41]. Другие считают, что объектом этого преступления выступают интересы кредиторов и иных лиц [9, с. 135], [5, с. 28]. Представляется обоснованным, что решение данного вопроса будет зависеть от рассмотрения банкротства как частного-правового или как публично-правового явления. При первом варианте объектом совершенного преступления, действительно, могут выступать интересы частных лиц (например, кредиторов). Желание отсрочить уплату долгов, свести их к минимуму

негативным образом отражается на лицах, имеющих право требования к должнику. С другой же стороны, вред наносится не только частным лицам, но и государству в целом. В результате подрыва нормального гражданского оборота страдает рынок, экономика страны. Однозначно исключить в банкротстве как частно-правовое начало, так и публично-правовое не представляется возможным. Однако фиктивное банкротство предусмотрено статьей УК РФ. Исходя из природы уголовного права, которое относится к публично-правовым отраслям, фиктивное банкротство в большей степени выступает в качестве публично-правового явления.

Кроме этого, приведенные определения объекта затрагивают все преступления в сфере банкротства (ст. ст. 195, 196, 197 УК РФ). Нарушение интересов кредиторов и порядка осуществления предпринимательской деятельности происходит также и при неправомерных действиях при банкротстве, и в преднамеренном банкротстве. В доктрине уголовного права основной непосредственный объект направлен на разграничение внешне схожих преступлений [10, с. 97] и должен отличаться для каждого состава преступления. Представляется необходимым сузить объект рассматриваемого преступления.

Таким образом, под непосредственным объектом преступления в ст. 197 УК РФ следует понимать установленный порядок объявления должника банкротом и порядок выявления фиктивной неспособности лица удовлетворить требования кредиторов.

Не меньше вопросов вызывает и анализ объективной стороны фиктивного банкротства. Она выражается в действиях по заведомо ложному публичному объявлению о несостоятельности юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя. В методических рекомендациях ФССП России указано, что заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности — это совершенное в публичном месте (например, в средствах массовой информации, в арбитражном суде) сообщение (устное, письменное) о своем банкротстве, которое не соответствует действительности, так как лицо на самом деле является платежеспособным и обладает возможностью в полном объеме удовлетворить требования кредиторов¹.

Данное разъяснение не смогло объяснить, каким образом воплощается в жизнь публичное объявление о несостоятельности в настоящее время. Конструкция официального объявления о несостоятельности была актуальна для Закона РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». В действующей редакции Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» такая форма признания лица банкротом отсутствует. Для признания лица банкротом необходимо вынесенное арбитражным судом соответствующее решение. Без такого решения любое заявление лица, тем более устное, значения не имеет.

Обратившись в арбитражный суд с заявлением (тем самым публично объявив о несостоятельности) и ложно указав о наличии признаков банкротства, лицо получит отказ. В таком случае исполнить объективную сторону фиктивного банкротства невозможно [3, с. 33], о чем говорят и другие ученые [6, с. 68].

Судебная практика рассматривает объективную сторону фиктивного банкротства исходя из других критериев. Так, Менделеевский районный суд Республики Татарстан указал, что Мирибян А. А. обратился в Арбитражный суд Республики Татарстан с заявлением о признании платежеспособного ОАО «Универсал Плюс» несостоятельным (банкротом), предоставив фиктивные документы о сумме требований кредиторов в размере 2 280 592 рубля, о неплатежеспособности ОАО «Универсал Плюс», тем самым заведомо ложно публично объявил ОАО «Универсал - Плюс» несостоятельным банкротом. Стоимость имущества ОАО «Универсал Плюс» составляла 23 294 484 руб., то есть общество являлось плате-

жеспособной организацией, что позволяет сделать вывод о том, что в действиях Мирибяна А. А. имеются признаки фиктивного банкротства².

Согласно позиции суда, публичное объявление о несостоятельности произошло в момент, когда гражданин обратился в Арбитражный суд с заявлением о несостоятельности, предоставив фиктивные, ложные сведения. В таком случае формулировка «публичное объявление о несостоятельности» не является корректной. Объявление лица банкротом — прерогатива арбитражного суда. Сам же должник может только заявить (обратиться с заявлением в арбитражный суд) о несостоятельности.

Таким образом, наличие в ст. 197 УК РФ «объявления о несостоятельности» в качестве одного из признаков объективной стороны фиктивного банкротства вызывает немало вопросов. Такая формулировка сводит на нет практический смысл рассматриваемого преступления. Первый путь разрешения сложившейся ситуации был предложен еще в 2005 году А. Г. Ненайденко — исключить ст. 197 из УК РФ, т.к. под сомнение ставится сама возможность исполнить субъектом объективную сторону преступления [7, с. 12]. Такое предложение кажется слишком радикальным. Для начала следует изменить формулировку ст. 197 УК РФ применительно к действующему порядку осуществления процедуры банкротства. Возврат к прошлой конструкции официального объявления должника — юридического лица о банкротстве невозможен в связи со стремительным развитием предпринимательской деятельности. Стоит задуматься о включении в диспозицию ст. 197 УК РФ действий по подачи заведомо ложного заявления о несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Пристатейный библиографический список

1. Батюкова В. Е. К вопросу о признаках лиц, совершающих преступления в предпринимательской сфере // Современное право. — 2023. — № 1. — С. 92-96.
2. Карпович О. Г. Об ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство // Юрист. — 2002. — № 5. — С. 41-45.
3. Лопатина Т. М. Соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых начал в регулировании отношений, связанных с несостоятельностью: на примере фиктивного банкротства // Российская юстиция. — 2017. — № 4. — С. 31-33.
4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). — М.: Волтерс Клувер, 2006.
5. Ляскало А. Н. Ущерб в банкротных преступлениях // Уголовное право. — 2023. — № 9. — С. 27-40.
6. Михалев И. Ю. О фиктивном банкротстве // Уголовное право. — 2006. — № 5. — С. 65-69.
7. Ненайденко А. Г. Преднамеренное и фиктивное банкротства: актуальные проблемы уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
8. Русанов Г. А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. — М.: Проспект, 2011.
9. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009.
10. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. А. Н. Тарбагаева. — М.: Проспект, 2016.
11. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 02.01.2024).

¹ Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.01.2024).

² Приговор Менделеевского районного суда Республики Татарстан от 19.02.2018 по делу № 1-1/2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/HCQzDutckmbt> (дата обращения: 09.01.2024).

ЕЛОВИКОВА Юлия Сергеевна

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена комплексному исследованию эволюции преступлений против личности в российском уголовном праве дореволюционного периода. Выделяются и описываются особенности преступлений против личности в период образования и становления единого древнерусского государства Киевская Русь (IX-XII в.), в период феодальной раздробленности (XII в. – XIV вв.), образования и развития Московского централизованного государства (XV-XVII вв.), Российской империи (XVIII – начало XX). Обосновывается положение о том, что существующая в настоящем уголовном праве система преступлений против личности возникла не случайно, она сложилась под влиянием разнообразных исторических факторов: социальных, экономических, политических и т.д., а также оценкой прав личности в системе общественных отношений.

Исследование на данную тему актуально. Ретроспективный анализ дает наиболее полное представление о становлении и формировании института преступлений против личности. Позволяет понять, откуда берёт начало развитие законодательства о преступлениях против личности, какое влияние оно оказало на дальнейшее формирование и совершенствование законодательства.

Вопросы эволюции преступлений против личности подробно освещены в работах Звизжовой О. Ю., Демина И. Н., Филимоновой Е. Э. Новизна настоящей работы состоит в изучении вопроса эволюции института преступлений против личности под влиянием разнообразных исторических факторов.

Цель исследования показать начало становления и формирования института преступлений против личности, выявить факторы, обуславливающие закономерности развития таких преступлений в российском уголовном праве дореволюционного периода.

Объектом исследования является система преступлений против личности на основании источников российского уголовного права дореволюционного периода. При исследовании автором использованы исторический, сравнительный, логический методы исследования.

Ключевые слова: преступление, наказание, права и свободы человека, объект уголовно-правовой охраны, дореволюционный период.

ELOVIKOVA Yuliya Sergeevna

postgraduate student of Criminal law disciplines sub-faculty of the I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

THE EVOLUTION OF CRIMES AGAINST THE PERSON IN RUSSIAN CRIMINAL LAW OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

The article is devoted to a comprehensive study of the evolution of crimes against the person in the Russian criminal law of the pre-revolutionary period. The peculiarities of crimes against the person in the period of formation and establishment of the united ancient Russian state Kievian Rus (IX-XII centuries), in the period of feudal fragmentation (XII century - XIV centuries), formation and development of the Moscow centralized state (XV-XVII centuries), the Russian Empire (XVIII - early XX) are singled out and described. The article substantiates the position that the system of crimes against the person existing in the present criminal law did not arise by chance, it was formed under the influence of various historical factors: social, economic, political, etc., as well as the assessment of the rights of the individual in the system of social relations.

The issues of evolution of crimes against the person are covered in detail in the works of Zvizzhova O. Y., Demin I. N., Filimonova E. E. The novelty of this work consists in studying the issue of evolution of the institute of crimes against the person under the influence of various historical factors.

The purpose of the study is to show the beginning of the establishment and formation of the institute of crimes against the person, to identify the factors causing the regularities of the development of such crimes in the Russian criminal law of the pre-revolutionary period.

The object of the study is the system of crimes against the person based on the sources of Russian criminal law of the pre-revolutionary period. In the research, the author used historical, comparative, and logical research methods.

Keywords: crime, punishment, human rights and freedoms, object of criminal legal protection, pre-revolutionary period.

Для наиболее полного анализа видов преступлений против личности в уголовном праве дореволюционного периода предложена этапизация, основанная на нормах источников права конкретного исторического периода.

1. Право Древнего мира.

Совершенствование орудий труда, увеличение производительности привело к смене родоплеменного строя древних славян на соседскую общину. Все члены племени находились в одинаковом положении. Отсутствовала частная собственность, классы. Основная цель племен защита от внешних вра-

гов и поиск средств к существованию способствовало усилению роли и власти старейшин племени.

Первым устным источником права догосударственной Руси, в котором содержались нормы, охраняющие интересы личности, был **Закон Русский (до X в.)** - свод устных норм обычного права.

Так, И. В. Петров [1, с. 227], М. Б. Свердлов [2, с. 6] полагают, что нормы Закона Русского об убийстве, причинении телесных повреждений, оскорблении, о повреждении глаза, носа были использованы в дальнейшем при составлении русско-византийских договоров и Русской Правды. Доказательством этому

служит тот факт, что в русско-византийских договорах 907 г., 911 г., 944 г. упоминается термин «по закону Рускому».

Среди преступлений против личности в этот период также можно выделить убийство, физическое насилие, членовредительство [3, с. 173].

Решение племени или совета общины являлось приговором. В качестве наказания за преступные деяния применялись: осмеяние, [3, с. там же] изгнание преступника из племени, сажание на кол, утопление, сожжение, закапывание живьем в землю и т.д.

Во времена язычества отношения регулировались нормами обычного права, в основе которого лежали сложившиеся традиции и религиозные обычаи древних славян. Многие из таких обычаев представляли собой общественно-опасные деяния, но не считались преступными и не наказывались со стороны общества.

В летописном своде **Повесть временных лет (XII в.)** монах-летописец Киево-Печерского монастыря Нестор (авторство оспоримо) так описывает жизнь древних славян: «А Древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски: убиваху друг друга, ядыху в ся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица... Си же творяху обычая Кривичи и прочий погани, не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон» [4, с. 12].

Фраза «убиваху друг друга» по мнению Р. Л. Хачатурова [5], Б. А. Рыбакова [6, с. 86] означает кровную месть. Вместе с тем, представляется наиболее правильной точка зрения Э. В. Георгиевского, что данная фраза означает не только кровную месть, но и любое другое убийство [7, с. 78].

Во фразе «умыкиваху у воды девица», т.е. (умыкание) девиц видится такое противоправное деяние, как похищение человека. Похищение было как с согласия девушки, так и без [8, с. 5].

У древних славян было распространено детоубийство, матери предоставлялось право убить свою новорожденную дочь, если семья была слишком большой [9, с. 30]. Младенцев также лишали жизни принося в жертву при проведении различных ритуалов. При строительстве городов в основание здания клали живого ребенка [10, с. 30]. Кидали жребий «на отрока» перед военными походами или после удачных боевых действий. Подростка, на которого падал жребий, приносили в жертву богу войны [11, с. 129].

Взрослые дети имели право умертвить своих родителей «тягостных для семейства и бесполезных согражданам» [12, с. 129]. Стариков вывозили на санях и, привязав к лубку, спускали в глубокий овраг; вводили в лес; опускали в яму, топили [13].

Также не запрещалось со стороны общества самоубийство. Женщины после смерти своих мужей или живьем закапывались в землю добровольно сжигались на кострах с их трупами [14, с. 49].

И. П. Русанова и Б. А. Тимошук считают, что у восточных славян существовали человеческие жертвоприношения [15, с. 126]. Славяне полагали, что смерть при жертвоприношении способствовала благополучию и продолжению жизни [15, с. 129]. О человеческих жертвоприношениях пишет и Б. А. Рыбаков, указывая, что они приносились в целях борьбы с неурожаем и голодом [6, с. 300], известно также жертвоприношение пленных врагов [6, с. 221]. Стоит заметить, что вопрос о человеческом жертвоприношении у славян дискуссионный. Некоторые ученые отвергают данный факт [16, с. 54].

Достаточно распространен был каннибализм. Древние славяне верили, что все качества мужественного воина, прославившего род, перейдут к потомкам, участвующим в его ритуальном съедении. Воинов утопленников съедали, веруя в то, что он может защитить от болезней, засухи, наводнений [13].

2. Уголовное право Древней Руси.

Со второй половины IX в. - по XII в. происходит образование и становление единого древнерусского государства

восточных славян в форме раннефеодальной монархии – Киевская Русь. Имущественное расслоение внутри славянских племен привело к появлению родоплеменной знати. Во главе государства стоял Великий князь, опирающийся на дружину и совет старейшин. На местах управляли наместники князя. Власть князя ограничена вечем, советом. Большинство населения составляли крестьяне, полузависимые (смерды, закупы, рядовичи) и зависимые (холопы, челядь).

После принятия христианства в 988 г. (крещения Руси) языческие обряды и обычаи стали себя изживать.

Нормы, охраняющие интересы личности в этот период можно обнаружить в **русско-византийских договорах 911 г.** при князе Олеге, **945 г.** (также датируют 944 г.) при князе Игоре, **971 г.** при князе Святославе. Указанные источники права были включены в Повесть временных лет [17].

Единого термина для обозначения преступления в Древней Руси ещё не существовало. Преступление в русско-византийских договорах понималось как «проказ», «стрешение», «злое дело».

Видов преступления против личности было мало:

- убийство (ст. 4-5 договора 911 г., ст. 13 договора 944 г.),
- убийство человека с потерпевшей крушение ладьи (ст. 8 договора 911 г.),
- нанесение телесных повреждений в результате удара мечом, копьем или др. оружием (ст. 5 договора 911 г., ст. 14 договора 944 г.),
- кража человека (челяди), т.е. похищении (ст. 12 договора 911 г., ст. 3 и 4 договора 944 г.).

В качестве наказания за нанесение телесных повреждений устанавливались денежные взыскания. За убийство предусматривалась кровная месть (право мстить за обиду). При этом зажиточный человек мог откупиться от наказания в виде смерти принадлежащим ему имуществом (ст. 4 договора 911 г., ст. 13 договора 944 г.).

Наказание носит частный характер. Для лиц, принадлежащих к разным сословиям, за одни и те же преступные деяния устанавливались неравные наказания.

Преступления против жизни и здоровья также были законодательно урегулированы в **Русской Правде (XI в.)** [18]. Известно три редакции Русской Правды: краткая (составленная Ярославом Мудрым), пространная (в которую Владимир Мономах добавил новые нормы), сокращённая (связывается с реформой Ивана III, систематизацией права).

В Русской Правде термин преступление по-прежнему отсутствует. Преступление определялось как «обида» - нанесение физического, материального ущерба или морального вреда. Существует мнение, что в древнерусском праве убийства также именовались разбоем [19, с. 178]. Преступление не отграничивалось от гражданско-правового проступка.

В систему преступлений против личности входило:

- убийство (ст. 88 Пространной Правды),
- нанесение телесных повреждений (ст. 4 Краткой Правды), (ст.ст. 23-30, 65, 67, 68 Пространной Правды),
- похищение человека (холопа) (ст. 29 Краткой редакции) и челяди (ст. 38 Пространной Правды). Челядь приравнивалась к скоту, похищение челяди от похищения скота отличалось только тем, что челядь мог говорить,
- угроза убийством или причинением вреда здоровью (замах меча),
- утрата личной свободы, человек становился холопом при продаже при свидетелях, при женитьбе на рабе (ст. 110 Русской Правды).

Появляются первые нормы о защите чести и достоинства. Выделяется состав оскорбления действием (ст. 67 Пространной Правды). Оскорбительным считаются толчки к себе или от себя, потеря зуба после ударов по лицу, вырывание волос из бороды или усов, замах мечом, бадагом, др. унизительным предметом, нанесение холопом удара свободному человеку. Однако положений о словесных оскорблениях в Русской Правде не было.

Перечень описанных составов позволяет сделать вывод, что институт преступлений против личности, сформировавшийся в Древней Руси, защищал уже больше личных прав человека.

По форме вины преступления совершались по неосторожности или виновно (ст.ст. 6, 7 Пространной Правды). Совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения считалось смягчающим вину обстоятельством (ст. 62 Пространной Правды).

Виды наказаний по Русской Правде:

1) кровная месть (ст. 1 краткой Русской Правды) применялась за убийство. Мстить могли только ближайшие родственники убитого. Если родственников не было и мстить было не кому, с убицы в пользу родственников взыскивалась вира (штраф) [20, с. 109]. Институт кровной мести был отменен сыновьями Ярослава в начале второй половины XI в., кровная месть была заменена на денежные выкупы.

2) вира (штраф) - применялась за убийство и уплачивалась князю. Размер виры зависел от социального положения убитого (одинарная вира, двойная вира, полувира). За похищение (кражу) холопа устанавливался штраф в два раза больше, чем за убитого холопа. Денежные штрафы также были предусмотрены за побои, оскорбления, телесные повреждения.

3) поток и разграбление – назначалось за убийство в разбое (ст. 7 Пространной Правды, конокрадство (ст. 35 Пространной Правды), поджог (ст. 83 Пространной Правды). В юридической науке нет единого мнения относительно содержания данного вида наказания. По мнению Ю. П. Титова, у виновника конфисковалось имущество (разграбление), и он выгонялся вместе с семьей из общины (поток) [21, с. 74-75]. Проценко Ю. Л. считает, что поток и разграбление – это как продажа виновного вместе с семьей в рабство, так и конфискация имущества [22, с. 50].

4) продажа – штраф в пользу князя за совершенные преступления (кроме убийства).

5) урок – денежное возмещение потерпевшему.

6) головничество - денежное взыскание с убицы в пользу семьи убитого. Сумма взыскания определялась родственниками убитого. Если у виновного не было средств для возмещения материального ущерба, он отдавался потерпевшему до «искупа», пока не заработает личным трудом всю сумму ущерба.

Упоминания о смертной казни в Русской Правде отсутствуют. Вместе с тем, наказание в виде смертной казни применялось на практике (сожжение по обвинению в волшебстве, людоедстве, поджоге, чародействе, намерению отравить) [23, с. 33].

Русская Правда предусматривала не только ответственность физического лица, но и коллективную ответственность. Община отвечала за убийство на ее территории, если община отказывалась выдать преступника (ст. 77 Пространной Правды) или преступник был не известен (ст. 19 Пространной Правды). В этом случае, все члены общины выплачивали князю дикую виру.

Государство не признавало равенства прав всех граждан и защищало только отдельные категории лиц. Объектами преступлений были жизнь и здоровье свободных людей. Холопы и смерды оценивались как вещь феодала, поэтому их убийство рассматривалось как порча имущества.

3. Уголовное право в период феодальной раздробленности.

В период с XII по XIV вв. происходит распад единого Древнерусского государства. На Руси образуются самостоятельные независимые княжества с разнообразными формами политического устройства от феодальной монархии с сильной властью князя до феодальной республики со слабой властью князя и сильными позициями совета бояр и вече.

Значимым источником права этого периода является **Устав князя Ярослава о церковных судах** [24]. Одни ученые

относят составление текста Устава к XII веку (Павлов А. С.), другие к XI веку (Шапов Я. Н.).

По Уставу в систему преступлений против личности входят: похищение женщины (ст. 2), изнасилование (ст. 3), в том числе групповое (ст. 7), многожество, многоженство, прелюбодеяние, половые отношения между кровными родственниками (ст.ст. 8, 9, 13, 15, 16, 22 – 25), детоубийство (ст. 6) и др. За указанные преступления предусматривался штраф.

Устав выделял преступления против чести и достоинства «личная обида», т.е. оскорбление. В отличие от предыдущих памятников права в Уставе впервые была уголовно-правовая оценка оскорбления, охватывающая обе формы оскорбления: действием (побои, драки, пострижение бороды, волос) и словесно (ст. 30-31). Оскорбление словом выделяется только в одном случае название чужой замужней женщины распутной (ст. 22). При этом наказание назначается только если оскорбленной является женщина из высшего сословия.

Уставом была установлена ответственность за «умычку» девиц (ст. 2), т.е. похищение девушки без её согласия с целью вступления в брак.

В Уставе впервые на законодательном уровне упоминается такое деяние, как доведение до самоубийства (ст. 29). К ответственности привлекались родители девушки, покончившей жизнь самоубийством вследствие принуждения и насильственной выдачи замуж.

Наказание по Уставу за преступления также носило словесный характер, в зависимости от положения потерпевшего.

В дальнейшем в **Двинской уставной грамоте (1398 г.)** [25] оценка оскорбления как действием, так и словесно, получила расширительное толкование «А кто кого излает боярина, или до крови ударит, или на нем синевы будут, и наместники судят ему по его отечеству безщестие» «такое ж и слузе».

Ответственность за словесное оскорбление также дифференцировалась в зависимости от объекта посягательства, его сословной принадлежности.

В Двинской уставной грамоте впервые получила законодательное закрепление как вид наказания смертная казнь, которая применялась к убийцам через отсечение головы (повешение) за кражу, совершенную в третий раз «...а тата впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя; а уличат втретье, ино повесити...» (ст. 5) [23, с. 35]. Также Двинская уставная грамота установив смертную казнь за третью кражу, упоминает клеймение преступника: «а тата всякого пятнати», т.е. членовредительские наказания.

Ряд положений уголовного права этого периода содержится в **Псковской судной грамоте (1397 г.)** [26].

В отличие от Русской Правды, в Псковской судной грамоте к преступлениям относятся не только деяния, посягающие на права человека, но и посягающие на права государства. Как и ранее, специального термина для обозначения преступления не используется.

Псковская судная грамота к преступлениям против жизни и здоровья относит убийство («головшина») (ст. 96), побои (ст.ст. 20, 27, 80), оскорбление действием «повреждением (в том числе и пострижением) волос на голове или бороде» (ст. 11).

Появились новые виды преступлений против личности: отцеубийство и братоубийство (ст. 97).

За указанные выше деяния Псковская судная грамота устанавливала такое наказание, как штраф. Из системы наказаний были исключены вира, урок. Примечательно, что в ст. 21, 27, 28, 36, 37, 107, 117 и 119 Псковской судной грамоты упоминается наказание «подем», т.е. полевой поединок. Данный вид наказания присуждали в делах об избияниях, сопровождавшихся грабежом.

4. Уголовное право периода образования и развития Московского централизованного государства.

В XV–XVII вв. происходит объединение разрозненных русских земель, образование и развитие единого Русско-

го централизованного государства (Московское княжество стало правопреемником Киевской Руси) и сословно-представительной монархии. В этот период устанавливается единоличная власть Великого князя как самодержавного правителя (позже титул князя был изменен Иваном IV на царя в январе 1547 г.). Власть князя ограничивалась Боярской думой (совещательный орган при князе). Укрепляется сословная иерархия. Ограничивается холопство.

К источникам права этого периода относят **Судебник 1497 г.** [27], первый кодифицированный акт, составленный Иваном III.

В Судебнике 1497 г. дефиниции преступного также не существовало. В отличие от Русской Правды, Судебник определяет преступление не только как нанесение ущерба. В Судебнике преступление именуется «**лихое дело**», также встречаются термины «разбойные дела», «душегубные дела». Под преступлением считаются всякие действия, угрожающие государству или господствующему классу и поэтому запрещенные законом, т.е. был внесен элемент общественной опасности.

В систему преступлений против личности по Судебнику 1497 г. входили: убийство (душегубство), оскорбление (действием и словом), ябедничество (злостная клевета). Последнее не было известно Русской Правде и Псковской судной грамоте.

Выделялось простое убийство и квалифицированное - убийство крестьянином своего хозяина «государское убийство» (ст. 9).

Квалифицированное убийство наказывалось смертной казнью, простое наказывалось уплатой в пользу князя штрафа и наказание на усмотрение суда. Если виновный ранее подвергался наказанию был «ведомым лихим человеком» (рецидивист), то он тоже наказывался смертной казнью.

В Судебнике 1497 г. также говорилось о похищении людей «головная татьба». Е. И. Кольчева под «головными татями» рассматривала кражу холопов, Рожнов А. А. похищение свободного человека для продажи в рабство [28, с. 40], Рогов В. А. кражу людей для любых целей.

В Судебнике 1497 г. отсутствуют такие деяния, как нанесение побоев, ран, увечий. Следует согласиться с мнением Е. Э. Филимоновой, что такие деяния, возможно, продолжали регулироваться Русской Правдой [29, с. 231].

Происходит ужесточение системы наказания. Система штрафов стала вытесняться другими видами наказания, среди которых выделяются:

- смертная казнь, которая устанавливалась за похищение людей, убийство своего господина;
- впервые в Судебнике 1497 г. введена «торговая казнь» - публичное битье кнутом на торговой площади, которая сопровождалась «сдиранием кожи и мяса» (устанавливалась за простую татьбу, матерную брань);
- денежные взыскания - уголовный штраф (назначался за преступления против чести);
- продажа - денежный штраф в пользу князя (за оскорбление словом или действием);
- возмещение убытков с виновного в пользу потерпевшего или его родственников и назначалось одновременно с «продажей»;
- судебный поединок «подем» (за оскорбление, убийство).

К источникам права этого периода относят **Судебник Ивана IV (Грозного) 1550 г.** [30] который все также не содержит понятия преступления, трактуя его как «лихое дело».

В систему преступлений против личности по Судебнику 1550 г. входило: убийство квалифицированное (государское убийство, т.е. убийство крестьянином своего владельца), простое убийство, оскорбление словом или клевета, оскорбление действием.

Оскорбление в Судебнике 1550 г. также обозначалось как «бесчестье» (оскорбление действием) и «лай» (словесное оскорбление).

Нанесение побоев в Судебнике 1550 г. связывалось с нанесением оскорбления (ст. 26) (по Русской Правде причинение телесных повреждений и оскорбление действием различались).

В системе наказаний выделялась смертная казнь (за государственное убийство), появляется тюремное заключение, нормы, связанные с лишением свободы «кинути в тюрьму» (ст. 4, 34, 54); «отсылати в тюрьму» (ст. 13). Строительство первой каменной тюрьмы относится именно ко времени правления Ивана Грозного. Она появилась на территории Чебоксарского кремля вместе с Государевым двором. В качестве вида наказания также упоминается отрешение от должности, штраф, опала и наказание «что государь укажет». Продолжают применяться телесные наказания - торговая казнь.

Назначение наказания за оскорбление зависело от признаков потерпевшего, его сословного положения, получаемого дохода, возраста и даже пола.

К источникам права этого периода также относят **Соборное уложение 1649 г.** [31], принятое Алексеем Михайловичем Романовым.

Это был первый нормативный акт, в котором преступления были расположены в определенной последовательности, в виде системы, в основу которой был положен такой критерий, как объект уголовно-правовой охраны.

Уложение 1649 г. также трактует преступление как «злое дело мысли», преступление понималось как «лихое дело», «непослушание царской воле, нарушение предписаний».

Соборное уложение 1649 г. наиболее полно раскрыло категорию преступлений против личности, включая в эту систему: убийство, нанесение телесных повреждений (увечья), побои, оскорбление, изнасилование.

Убийство делилось на простое и квалифицированное. Квалифицированным считались: убийство детьми своих родителей, лица, которому виновный обязан своим содержанием, убийство родственников, женой мужа, незаконнорожденных детей, убийство своего господина, лиц, охраняющих императора или члена императорской фамилии, священнослужителя.

Впервые в качестве квалифицированного убийства предусмотрено отравление. Наказание в этом случае назначалось по принципу талиона: обвиняемого в отравлении заставляли выпивать яд.

Убийства «совершенные грешным делом», т.е. случайные наказанию не подлежали.

В системе преступлений против свободы личности Уложение 1649 г. предусматривало похищение женщины и младенцев. За совершение этого преступления предусматривалась смертная казнь, в т.ч. и тем, кто оказал содействие преступникам [32, с. 1].

В Уложении большое внимание было уделено преступлениям против чести и достоинства (73 состава).

В Соборном уложении 1649 г. впервые в истории было дано определение цели наказания: «чтобы, глядя на то, другим неповадно было». Применялись такие виды наказаний, как:

- смертная казнь, она делилась на квалифицированную (сожжение, заливание горла металлом, закапывание живьем в землю) и простую (отсечение головы, повешение). Смертная казнь устанавливалась за изнасилование женщины «ратными» людьми, умышленное убийство, мужеубийство, убийство слуги своего господина, убийство родителей, убийство сестёр и незаконнорожденных детей. За убийство мужа жена живьем закапывалась в землю. Преступления совершенные «насилством, скопом и заговором» рассматривались как отягчающие обстоятельства и также наказывались смертью. К отягчающим обстоятельствам также относилось убийство на государевом дворе, церкви.

– телесные наказания, которые делились на два вида: болезненные (путем сечения кнутом) и членовредительские (урезание конечности тела, ушей, губ, носа, выкалывания глаз, отсечение руки, ноги, вырывание ноздрей). Уложение 1649 г. различало четыре вида кнутаования: 1) простое; 2) нещадное; 3) публичное на торгу, при многих людях, в проводку или на козле; 4) завершившееся ссылкой.

– лишение свободы (тюремное заключение). Например, за убийство родителями своих детей, виновный сажался в тюрьму на год.

Для системы наказаний этого времени были характерны: ужесточение ответственности; сословный характер; неопределенность в установлении наказания (в приговоре вместо вида наказания могло быть указано «как государь укажет» или «по вине»); множественность наказаний за одно и то же преступление.

5. Уголовное право в период становления и расцвета Российской империи.

В XVIII – конец XIX в. для Российской империи начинается период существования абсолютной монархии, при которой вся полнота власти (законодательной, исполнительной, судебной) принадлежит царю. Установлен тотальный контроль за общественной и личной жизнью. Упрощается сословная структура общества. В 1711 г. узаконивается крепостничество.

К источникам права этого времени относят **Артикул Воинский 1715 г.** [33, с. 1], утвержденный Петром I.

В Артикуле впервые были сформулированы такие термины как «преступление», «преступитель и преступник». Преступление определялось как «вражеские и предосудительные против персоны его величества или его войска, а также государства, людей или интереса государственного деяния». Одновременно с этим понятием использовался термин «злодейство», под которым понималось разбой, церковный мятеж, «слова, противные на Государя и его фамилию», смертоубийство.

К преступлениям против личности относились: причинение вреда здоровью, **преступления против чести** (гл. 18), **убийство простое и квалифицированное** (гл. 19), **преступления против семьи, половые преступления** (изнасилование, мужеложство, скотоложство, двоебрачие, кровосмешение) (гл. 20), преступления против свободы личности, похищение и торговля людьми (арт. 187).

К квалифицированным видам убийства относились: убийство по найму, убийство матери и отца, младенца, отравление.

Впервые в гл. 19 Артикула предусматривается ответственность за самоубийство и покушение на самоубийство. Наказание, в этом случае, обращалось на труп. Палач публично волочил тело самоубийцы по улицам для закапывания «в бесчестное место» (арт. 164).

Появляется новый состав - клевета устная или письменная.

Наказание этого времени отличалось суровостью, широко применением пыток, публичной смертной казнью, оставлением тел на местах казней, глумлением над трупами. Индивидуализация назначения наказания отсутствовала. К ответственности вместе с преступником могли быть привлечены и родственники.

Виды наказаний по Артикулу 1715 г.: телесные наказания; ссылка в поселения или на галеры; тюремное заключение; лишение чести; штраф в пользу потерпевшего и государства; смертная казнь (предусматривалась в 122 случаях).

Телесные наказания делились на членовредительские (отсечение пальцев, рук, вырывание ноздрей, ушей, отрезание языка) и болезненные (битье шпицрутенами, кнутом, розгами, «кошками»).

Смертная казнь подразделялась на простую (повешение, отсечение головы, расстрел) и квалифицированную

(поочередное отсекание щипцами конечностей тела, колебание, четвертование, закапывание в землю, залитие горла металлом, повешение за ребро на железном крюке и т.д.).

После введения в 1753 г. [34], 1754 г. [35] императрицей Елизаветой Петровной моратория на **смертную казнь**, высшим наказанием становится **вечная каторга**.

Во второй половине XVIII в. начинает меняться характер телесных наказаний. Жалованная грамота дворянству от 1785 г. (Екатерины II) [36] постановляла, что телесное наказание не распространялось на «благородного», т.е. дворянство. Впоследствии изъятие было распространено на купцов первых двух гильдий и именитых граждан, а в 1796 г. – на священнослужителей.

В 1832 г. Николай I утвердил **Свод законов Российской империи** (8 книг, 16 томов) [37], который вступил в силу с 1 января 1835 г. В Свод законов вошла книга VIII «Законы уголовные. Том XV. Свод законов уголовных».

Была предпринята попытка систематизации уголовного права. Впервые были выделены общая часть (первый раздел книги I том XV «О существе преступлений и разных родов казней и наказаний») и особенная часть.

Свод различал преступление и проступок исходя из тяжести наказания (в отличие от Уложения 1649 г., где критерием отличия был объект посягательства). Под преступлением понимается деяние, запрещенное под страхом наказания (ст. 1).

После преступлений против веры и государства, были закреплены преступления против личности, предусмотренные: **разделом VI «О преступлении против безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц»**; **разделом VIII «О наказаниях за преступления против прав семейственного состояния»**; **разделом IX «О наказаниях за противозаконное удовлетворение плотских страстей»**; **разделом XI «О наказаниях за лживые пошутки»**.

Следующим значимым актом, регламентирующим уголовную ответственность за преступления против личности, является **Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.** [38]. Уложение вошло в Свод законов, появилось в трех редакциях (1857, 1866, 1885 гг.), состояло из 2224 статей, объединенных в 12 разделах.

Уложение 1845 г. является первым кодифицированным, нормативно-правовым актом, имеющим общую (первый раздел) и особенную части (остальные разделы). Уложение содержало как нормы, касающиеся общих вопросов уголовного права (понятие преступления, наказания и др.), так и регламентирующие ответственность за совершение преступлений.

Разделы уложения дифференцированы в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны.

В Уложении 1845 г. впервые формально было закреплено понятие «преступление», в отличие от предыдущего законодательства, которое не знало понятия «преступление». Уложение также разделяло такие понятия, как «преступление» и «проступок».

Под преступлением понималось «**Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц**» (ст. 1). Выделяется признак противоправности и опасности деяния.

Проступок определяется как «**нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы**» (ст. 2).

Разграничение проступка и преступления осуществлялось по объекту посягательства (а не по тяжести наказания, как ранее) а также по значимости и ущербу, который мог быть нанесен объекту.

Уложения 1845 г. существенно расширило круг интересов личности, охраняемых уголовным законом. Нормы о

преступлениях против личности были закреплены в разделе X Уложения «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц».

В систему притуплений против личности по Уложению 1845 г. входили: убийство, самоубийство, причинение вреда здоровью.

Уложение выделяло простые, квалифицированные и привилегированные убийства. Квалифицированные (ст.ст. 1449-1453): отцеубийство; убийство родственников; господина; беременной женщины; общеопасным способом; отравление; для облегчения совершения иного преступления; в соучастии и др. Привилегированные (ст.ст. 1455, 1465, 1467, 1469): убийство в запальчивости и раздражении; в драке; де-тоубийство.

Предусматривалась ответственность за неосторожное лишение жизни (ст. 1468).

В главе 2 «О самоубийстве» раздела X Уложения было предусмотрено самоубийство и покушение на самоубийство, в т.ч. когда самоубийство последовало после жестокого обращения со стороны родителей (ст.ст. 1472-1476).

В главе 3 «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» раздела X Уложения предусматривалась ответственность за нанесение телесных повреждений (ст.ст. 1477-1496).

Впервые в отдельную группу преступлений были выделены деяния, ставящие в опасность жизнь или здоровье человека. В главе 5 «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказание помощи погибающему», предусмотрена ответственность за оставление детей родителями или лицами, обязанными иметь о них попечение; оставление проводником сопровождаемого; неоказание помощи любым посторонним лицом; неоказание помощи больному специальным субъектом.

В главе 6 отделения первого «О преступлениях против чести и целомудрия женщин» предусматривалась ответственность за деяния против половой свободы и неприкосновенности (ст.ст. 1523-1532). Появилось разделение потерпевших в зависимости от возраста за «растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста», а также за «изнасилование лица женского пола, имеющего более четырнадцати лет от роду».

Преступления против личной свободы в Уложении делились на: похищение женщины (ст. 1530), продажу в рабство и торг невольниками.

Преступления против личности встречаются и в других разделах Уложения. В разделе II «О преступлениях против веры» установлена ответственность за преступления против здоровья священнослужителей.

В разделе XI «О преступлениях против прав семейственных» предусмотрена ответственность за похищение женщин; нанесение ран, увечий мужем и женой; детей за преступления против родителей.

Система наказаний, закреплённых Уложением, включала в себя: каторжные работы (за простое убийство, изнасилование), лишение состояния (прекращались права собственности, супружеские и родительские права); ссылка на поселение; смертная казнь, телесные наказания плетью, которые определялись по семи степеням (кнут был отменен); клеймение (отменено только в 1863 г.); арест; заключение в тюрьму, ссылка в Сибирь.

Прослеживается дифференциация наказаний на уголовные и исправительные, на главные и дополнительные. Наказание назначалось в зависимости от степени причиненного вреда.

Использование членовредительских наказаний уходит на второй план. Предпочтение отдается такому виду наказания, как лишение свободы (виновный вынужден нести не только имущественное, но и личностное наказание путем изоляции). Главными Целями наказания являлись устрашение, возмездие.

Тем не менее, наказания продолжают носить сословно-родовой характер и зависят от тех или иных сословных привилегий.

В связи с обострением классово-борьбы, ростом крестьянских выступлений, в 1861 г. Александр II отменяет крепостное право.

Заключительным и последним нормативно-правовым актом дореволюционной России можно назвать **Уголовное уложение 1903 г.** [39], утвержденное императором Николаем II.

Уложение 1903 г. состояло из 37 глав включавших 687 статей. В главе 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» содержались нормы о преступлении и наказании, действии уголовного закона во времени, формах вины, субъекте преступления и других институтах. Главы со 2-ой по 37-ю описывали составы преступлений и санкции за их совершение.

Под преступлением в Уложении 1903 г. понималось деяние «воспрещённое во время его совершения законом под страхом наказания».

В отличие от Уложения 1845 г., Уложение 1903 г. классифицировало все преступления в зависимости от тяжести наказаний на три категории: тяжкие преступления, преступления и проступки.

Уложение 1903 г. устанавливало ответственность за достаточно широкий круг посягательств против личности, к числу которых можно отнести положения главы 19 «О преступных деяниях против дел семейственных» (ст. 408-426), главы 22 «О лишении жизни» (ст. 453-466), главы 23 «О телесном повреждении и насилии над личностью» (ст. 467-480), главы 24 «О поединках» (ст. 481-488), главы 25 «Об оставлении в опасности» (ст. 489-497), главы 26 «О преступных деяниях против личной свободы» (ст. 498-512), главы 27 «О непотребстве» (ст. 513-529), главы 28 «Об оскорблении» (530-540).

Глава 19 предусматривала составы: понуждение к вступлению в брак посредством насилия или угрозы убийством (ст. 408), вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать значения своих действий и руководить ими (ст. 409), вступление в брак посредством обмана (ст. 410), брак с родственниками (ст. 411), двоеженство (ст. 412), брак с лицом, не достигшим брачного возраста (ст. 414) жестокое обращение с детьми со стороны опекунов и родителей (ст. 420).

Впервые в главе 22 основной состав - простое убийство (ст. 453) ставилось на первое место, далее следовали нормы о квалифицированном убийстве и убийствах со смягчающими обстоятельствами. Отдельно выделялось убийство родителей (ст. 454), родственника, священнослужителя, должностного лица, способом опасным для жизни, мучительным способом (ст. 455), главы иностранного государства (ст. 456), за приготовление к убийству или участие в сообществе для учинения убийства (ст. 457), убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст. 458), при превышении пределов необходимой обороны (ст. 459), из сострадания (ст. 460), убийство матерью незаконно рожденного ребенка (ст. 461), доставление средства к самоубийству (ст. 462), подговор к самоубийству (ст. 463), неосторожное причинение смерти (ст. 464), умерщвление матерью своего плода (ст. 465), умерщвление плода беременной женщины (ст. 466).

В главе 23 телесные повреждения подразделялись на виды: опасное для жизни (ст. 467), не опасное для жизни (ст. 468), легкое телесное повреждение (ст. 469).

Глава 24 предусматривала ответственность за вызов и прибытие на поединок, даже если поединка не последовало (ст. 481), за причинение тяжкого телесного повреждения при поединке (ст. 482), если наступившее самоубийство было поставлено в зависимость от жребия лиц, заключивших такое соглашение (ст. 488).

Впервые в Уложении 1903 г. в главе 25 была предусмотрена ответственность за оставление в опасности лицами, «обязанными по закону или по принятой на себя обязан-

ности» иметь попечение о лице, лишенным возможности самосохранения в силу возраста, беспомощного состояния, а также за оставление без помощи лицом, «не обремененным такими обязанностями, но поставившего потерпевшего в опасные для него условия». К беспомощному состоянию относились: малолетство, дряхлость, телесные недостатки, бессознательное состояние, иное беспомощное состояние.

Составы преступлений против свободы личности (26 глава) включали: продажа в рабство или торговля рабами (ст. 501), похищение, сокрытие, подмена чужого ребенка (ст. 502, 503, 504), похищение женщины (ст. 506), принуждение к отказу от своего права или к преступлению (ст. 507-509), угроза лишения жизни или свободы (ст. 510). Насильственный способ совершения преступного деяния был исключен законодателем из объективных признаков, противоправным считалось любое деяние, препятствующее к физическому перемещению человека. Были выделены также квалифицирующие признаки динных преступных деяний.

В главе 27 были сформированы составы, посягающие на половую свободу или неприкосновенность, а также нормальное психическое и нравственное развитие несовершеннолетних. Можно выделить две группы преступлений: а) связанные с удовлетворением сексуальных потребностей виновным: любово-страстные действия в том числе с несовершеннолетним (ст. 513-514); любодеяние (ст. 517, 520-523), мужеложство (ст. 516) и б) несвязанные: кровосмешение (ст. 518-519) сводничество для непотребства (ст. 524), потворство в непотребстве несовершеннолетнего со стороны родителей, опекунов, попечителей (ст. 525), притоносодержание (ст. 526-529).

В главе 28 Уложения первые систематизируются посягательства на духовные ценности личности. Преступления против чести и достоинства подразделялись на два вида: на оскорбительное обращение (ст. 530) и на опозорение (ст. 531). Под оскорблением понималась «личная обида» действием или словом, позорящими обиженного или члена его семьи, хотя бы умершего. Под опозорением понималось разглашение третьим лицам позорящих лицо обстоятельств. Впервые была предусмотрена ответственность за деяния, посягающие на деловую репутацию юридических лиц.

Таким образом, в Уложении 1903 г. по сравнению с Уложением 1845 г., был уже сформирован более широкий круг преступных деяний, посягающих на интересы личности.

По Уложению 1903 г. предусматривались следующие виды наказаний (ст. 2): смертная казнь, ссылка, каторга, заключение в крепости или в исправительный дом, заключение в тюрьму; арест; денежная пеня.

В Уложении также упоминаются дополнительные виды наказания: лишение права после отбытия наказания заниматься определенными видами деятельности, занимать определенные должности (ст. 22), при осуждении к заключению в тюрьме лишение прав состояния дворян, лиц духовного звания, почетных граждан (ст. 27), при осуждении к каторге, прекращение супружеских прав и родительской власти.

Виды наказаний были расположены от более строгого к менее строгому. Наказание назначалось в зависимости от тяжести совершенного деяния.

Уложение 1903 г. так и не было в полном объеме введено в действие. Нормативно-правовым актом, устанавливающим преступность и наказуемость деяний, до 1918 г. оставалось Уложение 1845 г.

Подводя итог исследованию, следует сделать ряд выводов:

Институт преступлений против личности прошел длительный путь в своем развитии.

Основные права и свободы человека не всегда были самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны со стороны государства. В различные исторические периоды развития общества появлялись новые составы преступлений

против личности, происходила криминализация и декриминализация преступных деяний.

Наиболее древними общественно-опасными деяниями в системе преступлений против личности являлись деяния, посягающие на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность. Именно они являлись в первую очередь объектом уголовно-правовой охраны.

Исторически первыми письменными нормами, охраняющими интересы личности, стали уголовно-правовые запреты встречающиеся в древнерусских памятниках права (IX в. - по XII): русско-византийские договоры, Русская Правда, Уставные и судные грамоты и другие.

Личность начинает рассматриваться как объект уголовно-правовой охраны, начинают формироваться уголовно-правовые термины для описания преступных деяний (убийство - «головшина», похищение человека с целью его последующей продажи в холопство - «головная татьба», убийство крестьянином своего владельца - «государское убийство»).

Преступления против личности не считались опасными для общества, а видов преступления против личности было крайне мало.

Право носило сословный характер и защищало только свободных людей.

Наказание носило индивидуальный характер и назначалось в зависимости от знатности рода потерпевшего.

Основной целью наказания в Древней Руси было возмездие, удовлетворение чувства мести. Лицо, совершившее преступление против личности, подвергалось частной мести со стороны потерпевшего или имущественному наказанию, что свидетельствует о взглядах на преступление как на имущественный вред, за которое полагается материальное возмещение.

Процесс образования Русского централизованного государства (XV-XVII вв.) сопровождался ростом феодальной эксплуатации крестьянства и усилением классовой борьбы. Господствующий класс нуждался в охране феодальной собственности и своей личности.

В связи с этим, данной сфере со стороны государства уделяется больше внимания. Появляются новые виды преступлений против личности. Происходит ужесточение системы наказания. Меняются принципы назначения наказания, главной целью которого становится устрашение.

К середине XIX века преступления против личности уже были систематизированы в зависимости от конкретных интересов, против которых направлено посягательство.

Происходит понимание преступления как общественно-опасного, запрещенного деяния, причинившего вред конкретному лицу.

Наказание утрачивает частный характер и приобретает публично-правовой. Виновный вынужден нести не только имущественное, но и личностное наказание. В системе наказаний начинают формироваться нормы права, предполагающие изоляцию человека от общества, связанные с ограничением прав и свобод человека.

В целом, на протяжении всего дореволюционного периода, преступления против личности ставились законодателем после государственных преступлений, преступлений против церкви, порядка управления и т.д. Это говорит о том, что в системе ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране, они играли второстепенную роль. Интересы личности, их права и свободы не были на первом месте.

Процесс развития системы преступлений против личности неразрывно связан с социальными, экономическими, политическими и другими процессами, происходящими в обществе в тот или иной период времени, а также с ролью и оценкой прав личности в системе общественных отношений.

Криминализация и декриминализация преступных деяний против личности зависит от особенностей того обще-

ственно-политического строя, сохранение которого требуется обеспечить государству с помощью уголовно-правовых запретов, а также от появления новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой охране.

Пристатейный библиографический список

- Петров И. В. Государство и право Древней Руси. СПб., 2003. С. 412.
- Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 176.
- Шепталин А. А. Генезис и эволюция института наказания в первобытном обществе // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1-4). № 2. С. 169-189.
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Санкт-Петербург: Императорской археографической комиссии, 1910. 274 с.
- Хачатуров Р. Л. Отказ от смертной казни в праве древней Руси // Смертная казнь: за и против / Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 381.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. Москва: 1987. 805 с.
- Георгиевский Э. В. Общая уголовно-правовая характеристика древнерусского язычества // Сибирский юридический вестник. 2007. № 2 (37). С. 75-83.
- Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. 206 с.
- Гернет М. М. Детоубийство в русском праве // «Аеегрехизлые, смертныи»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов и богословов XIX — начала XX в.: в 3 кн. Кн. 1 / Подгот. Н. Л. Пушкаревой и Л. В. Бессмертных. М., 2004. 290 с.
- Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск, 2000. С. 567 с.
- Шахунова Е. Ф., Козлов М. Н. Человеческие жертвоприношения в системе древнерусских воинских традиций // Сборник материалов IV международного научного форума, 75-летию Крымской наступательной операции 1944 года и 5-летию воссоединения Севастополя и Крыма с Россией. отв. ред. А. П. Кабаченко. 2019. Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет», 2019.
- Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 4: Этнография и правведение. СПб., 1904. С. 73.
- Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003.
- Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 444.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога, 2007.
- Грушевський М. С. Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1991. Т. 1. 648 с.
- Повесть временных лет // Азбука веры. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otchnik/Nestor_Letopisets/povest-vremennyh-let/. – Дата доступа: 12.01.2024.
- Русская правда // Азбука веры. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otchnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusitotom-4/13/. – Дата доступа: 13.01.2024.
- Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI-XII вв. (по данным Русской Правды) / Армавирский государственный педагогический университет. 2011. 178 с.
- Девятовская С. В. Историко-правовой анализ регламентации физического или психического принуждения в российском уголовном законодательстве // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 3 (70). С. 109-113.
- История государства и права СССР. Ч. 1. / Под ред. Ю. П. Титова. М.: Юрид. лит., 1988. 544 с.
- Проценко Ю. А. Древнерусское государство и право: Лекция. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. 60 с.
- Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань: Типография императорского университета, 1892. 103 с.
- Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. XI-XIII вв. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13620> (дата обращения: 13.01.2024).
- Двинская уставная грамота 1397 года // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13622> (дата обращения: 14.01.2024).
- Василев И. И. Псковская судная грамота (1397-1467): Подлинная и в пер. на совр. язык с примеч. по установлению переводного текста / Сост. И. И. Василев и Н. В. Кирпичников. Псков: Изд. Псков. Археолог. о-ва (Тип. Губ. Правления), 1896. VII, [3], 76 с.
- Судебник 1497 года // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13622> (дата обращения: 14.01.2024).
- Рожнов А. А. Кража (Тяжба) по Судебнику 1497 г. // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 40
- Филимонова Е. Э. Преступления против личности: от Древней Руси до Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 230-235.
- Судебник 1497 года // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13628> (дата обращения: 14.01.2024).
- Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского университета, 1961.
- Абдулаева И. А., Лоба В. Е. История права и государства // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 1. С. 18-24.
- Артикул воинский 26 апреля 1715 г. // Исторический факультет МГУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 13.01.2024).
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIII. 1749-1753 гг.
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIV. 1754-1757 гг.
- Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13628> (дата обращения: 10.01.2024).
- Полное собрание законов Российской империи // Российская национальная библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 13.01.2024).
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 14.01.2024).
- Анисимова В. П. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: 1903.

КОРПЕЕВ Ата Гельдыевич

ассистент кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ (ТЕХНОЛОГИЙ), И В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРКМЕНИСТАНЕ

В статье анализируется динамика и уровень роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), и в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и Туркменистане за последние три года. Согласно сложившейся практике, названные преступления имеют высокую тенденцию к росту и модернизации способов совершения, что по своей сути является вызовом для правоохранительных органов Российской Федерации и Туркменистана. Релевантность использования цифровых технологий при совершении названных преступлений заключается в высоком уровне латентности, т.е., иными словами, совершить имущественное преступление в виде кражи электронных денежных средств, используя при этом цифровое устройство, либо внедрить в информационную систему вирусную программу с целью незаконного получения информации, содержащейся на электронных носителях, имеет под собой возможность остаться инкогнито. В связи с этим за последние три года мы видим, что динамика таких преступлений в Российской Федерации значительно растет. В Туркменистане складывается иная ситуация чем в Российской Федерации в связи с тем, что отсутствует официальная статистическая информация правоохранительных органов о динамике таких преступлений, статистическую информацию можно отследить через иные неофициальные источники. Исходя из этого автором делается вывод, что последующие плановые 3 года динамика темпов роста таких преступлений сохраниться как в Российской Федерации, так и в Туркменистане.

Ключевые слова: динамика преступлений, цифровизация, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, компьютерная информация, имущественные преступления, вредоносные программы, информационная безопасность.

KORPEEV Ata Geldievich

assistant of Theory and history of state and law and international law sub-faculty of the S. P. Korolev Samara National Research University

THE STATE AND DYNAMICS OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS (TECHNOLOGIES) AND IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND TURKMENISTAN

The article analyzes the dynamics and level of growth of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies) and in the field of computer information in the Russian Federation and Turkmenistan over the past three years. According to established practice, these crimes have a high tendency to grow and modernize the methods of commission, which in its essence is a challenge for law enforcement agencies of the Russian Federation and Turkmenistan. The relevance of the use of digital technologies in the commission of these crimes lies in the high level of latency, i.e. in other words, to commit a property crime in the form of theft of electronic money using a digital device, or to introduce a virus program into an information system for the purpose of illegally obtaining information contained on electronic media, has the opportunity to remain incognito. In this regard, over the past three years we have seen that the dynamics of such crimes in the Russian Federation is growing significantly: in 2021 the number of such crimes was 517,700, then in 2023 there are already 614,782, i.e. the increase is 0.8 % over two years, more than 70 % of acts are property crimes. In Turkmenistan, the situation is different than in the Russian Federation due to the fact that there is no official statistical information from law enforcement agencies on the dynamics of such crimes, statistical information can be tracked through Kaspersky Lab, according to this statistical information in the Asian region, Turkmenistan ranks 6th in terms of detected threats per day with a share of 2.96 % and 2nd place in terms of detected threats for each month with a share of 4.20 %, the bulk of unlawful encroachment occurs on the websites of government agencies, enterprises, banks from outside using virus programs. Based on this, the author concludes that for the next planned 3 years, the dynamics of the growth rate of such crimes will continue both in the Russian Federation and in Turkmenistan. However, in the criminal legal and criminological sense, it is necessary to optimize the activities of law enforcement agencies through the modernization of information space protection systems and the creation of a single regional center for combating these crimes in order to coordinate the activities of interested government bodies.

Keywords: crime dynamics, digitalization, crimes in the field of information and telecommunication technologies, computer information, property crimes, malware, information security.

В начале 21 века никто из ученых, политиков, простых обывателей не мог предсказать, что новой проблемой для человека, общества станет стремительное развитие информационно-вычислительной техники. Динамичное развитие цифровых технологий в условиях цифровизации экономики приводит к тому, что информационные технологии становятся средствами для совершения преступлений, например, против собственности, в экономической сфере, против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Основной проблемой совершения данных преступлений является их дистанционный способ совершения, при котором отсутствует физический контакт между преступником и потерпевшим, а также и соучастниками преступного деяния. Замысел, организация и совершение преступления может происходить с любой точки мира, где имеется сеть «Интернет». В связи с этим ежегодно мы слышим из уст глав государств Российской Федерации и Туркменистана обеспокоенность по бесконтрольному росту IT-преступлений.

Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий является на сегодняшний день ключевой проблемой, являющейся угрозой не только для человека, но и для целого государства. В связи с этим в Российской Федерации разработана Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 05.12.2016 № 646¹, а Туркменистане разработан и утвержден Закон о кибербезопасности от 07.09.2019², целью которых является совершенствованием мер противодействия названным преступлениям. Развитие информационных технологий привело к созданию так называемого «Информационного оружия» [1, с. 5]. Многие специалисты считают, что новое оружие, базирующееся на самых передовых технологиях, вскоре станет более опасным, чем ядерное [5, с. 9].

Подсчитать реальный ущерб от данных преступлений довольно сложно, но на практике, если переводить в денежный эквивалент, то потерпевшим в 40 % случаях причиняется ущерб в среднем в размере 20 тысяч рублей, в России общий ущерб достигает порядка 3 миллиардов рублей, однако в Туркменистане такой процент подсчитать сложно в связи с закрытой аналитической и статистической информацией.

Специфика деяний в сфере цифровых технологий обусловлена использованием при их совершении различных достижений мировой науки и техники, а также обязательным овладением высокого уровня специальных познаний и различного рода инструментов, которые с учетом повышенной латентности затрудняют, во-первых, их выявление, а во-вторых, фиксацию. Рост преступлений растет пропорционально числу пользователей сети интернет. По данным Организации Объединённых Наций в 2023 году число пользователей интернет-ресурсами составило 4,5 миллиардов человек. В Российской Федерации интернетом пользуются 100 миллионов человек ежедневно – это 60 % от общего числа населения страны, а в Туркменистане около 2,5 миллионов человек – это около 50 % от общего числа населения страны.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2021 году в Российской Федерации зарегистрировано 517 700 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Больше половины зарегистрированных дел относятся к тяжким и особо тяжким категориям – это примерно 288 тыс. преступлений, около 67 % преступлений, совершается с использованием сети «Интернет» - это около 350 тыс. преступлений и около половины преступлений 42 %, совершенные, с использованием средств мобильной связи – это около 217 тыс. Почти 80 % всех преступлений было совершено имущественных преступлений, кражи или мошенничества около 406 тыс. преступлений. Каждое десятое преступление совершается с целью незаконного сбыта наркотических средств – это почти 52 тыс. преступлений.

За аналогичный период 2022 года Министерства внутренних дел Российской Федерации было зарегистрировано порядка 522 100 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. По сравнению с тем же периодом 2021 года в 2022 году прирост преступлений составил 0,8 %. Также, как и в 2021 году в 2022 зарегистрировано больше половины преступлений, а именно 52,1 % – это около 273 тыс., относящимся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, с использованием сети «Интернет» совершено порядка 73 % это 381 тыс. преступлений, прирост составил порядка 8 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, с использованием мобильной связи совершено около 41 % – это 213 тыс. преступлений. Большая часть преступлений 72 % – это 372 тыс. совершается путем кражи и мошенничества. Каждое восьмое преступление, связанно с незаконным производством, сбытом и пересылкой наркотических средств – около 63 тыс.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2023 год всего было зарегистрировано 614 782 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, прирост преступлений по сравнению за аналогичный период 2022 года составил 92 682.

Из них тяжких и особо тяжких 312 849 тысяч. Из этого расчета совершенных с использованием: – расчетных пластиковых карт 122 191 тыс.; - компьютерной техники 31 766 тыс.; – программных средств 10 724 тыс.; - фиктивных электронных платежей 1 595 тыс.; – сети «Интернет» 477 265 тыс.; – средств мобильной связи 275 382 тыс.

В том числе кража ст. 158 УК РФ (мошенничество ст. 159, 159³, 159⁶ УК РФ) 109 210 тыс. из них: – мошенничество ст. 159 УК РФ 321 362 тыс.; – мошенничества с использованием электронных средств платежей ст. 159³ УК РФ 2 949 тыс.; – мошенничество в сфере компьютерной информации ст. 159⁶ УК РФ 324; – незаконные организация и проведение азартных игр ст. 171² УК РФ 549.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма ст. 205² УК РФ 515. Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества ст. 228¹ УК РФ 74 510 тыс. Изготовление порнографических материалов ст. 242, 242¹, 242² УК РФ 2 964 тыс. Преступления в сфере компьютерной информации глава 28 УК РФ 29 961 тыс., в том числе: неправомерный доступ к компьютерной информации ст. 272 УК РФ 29 677; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ ст. 274 УК РФ 171.

Из всего массива зарегистрированных преступлений всего на сегодняшний день раскрыто 157 545 тыс. преступлений. По 148 068 тыс. преступлений уголовные дела с обвинительными заключениями направлены в суд. Остается нераскрытыми 407 416 тыс. преступлений. Процент выявленных лиц, совершивших преступления составляет 11,3 %, что равно 96 855 тысяч лиц.

Как мы можем увидеть большинство преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, являются тяжкими и особо тяжкими 312 849 тыс. – это половина от общего числа совершенных преступлений за 2023 год. Такая же ситуация была по итогам 2022 года и 2021 года. Такая ситуация не может радовать, в действительности – это является серьезной проблемой для правоприменителя и правоохранительных органов. К тому же показана низкая раскрываемость преступлений и низкое число выявленных лиц, совершивших преступления, что также является главным доминантом в уголовно-правовой политике Российской Федерации. В уголовно-правовом смысле это означает, что тысячи потерпевших остаются в условиях отсутствующей справедливости по отношению к причинённому им ущербу.

Доминирующие позиции из всех совершенных преступлений занимают имущественные преступления, что является, по нашему мнению, ожидаемым фактором, так как основным фактором, побуждающих лицо совершать такие преступления являются денежные средства, ценные бумаги, цифровая валюта.

Министерство внутренних дел Российской Федерации также проводит аналитическую и статистическую работу в субъектах Российской Федерации по следующим показателям: Субъекты Российской Федерации с высокими темпами роста зарегистрированных преступлений: Ненецкий Автономный округ – 154, 8 %; Новгородская область – 75, 7 %; Калининградская область – 67,5 %; г. Севастополь – 59,5 %; Липецкая область – 58,2 %; Сахалинская область – 56,2 %; Республика Башкортостан – 55, 8 %; Республика Калмыкия – 55 %; Республика Ингушетия – 52,9 %; Новосибирская область – 52,3 %. В 2021 году первое место по высоким темпам роста преступлений занимала Чеченская Республика 135 %, в 2022 году Республика Северная Осетия 47 %. Субъекты Российской Федерации с минимальными темпами роста зарегистрированных преступлений: Чеченская Республика – 17,4 %; Республика Дагестан – 7,5 %; Республика Тыва – -5,5 %; Московская область – 8,9 %; Ленинградская область – 9,5 %; Тверская область – 11,6 %; Калужская область – 13 %; Камчат-

1 Доктрина об информационной безопасности Российской Федерации от 05.12.2016 № 646. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html (дата обращения: 22.01.2024)

2 Закон о кибербезопасности Туркменистана от 07.09.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turkmenportal.com/blog/21542/v-turkmenistane-podgotovlen-proekt-zakona-o-kiberbezopasnosti> (дата обращения: 22.01.2024).

ский край – 15,2 %; Республика Карелия – 15,6 %; Республика Адыгея – 16,6 %. За аналогичный период 2021 низкие темпы роста зафиксированы в Еврейской автономной области – 24 %, в 2022 году в Ненецком автономном округе – 28 %. Субъекты Российской Федерации с высоким удельным весом: Ямало-Ненецкий АО – 50,4 %; Республика Марий Эл – 46,5 %; Москва – 46,1 %; Республика Татарстан – 43,8 %; Чувашская Республика – 43,5 %; Ханты-Мансийский АО – 43,3 %; Республика Мордовия – 42,7 %; Омская область – 40,4 %; Республика Коми – 40,3 %; Костромская область – 40,3 %.

Раскрываемость преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: самый большой показатель по раскрываемости имеет Республика Ингушетия – 65,8 %, самый низкий показатель имеет Республика Бурятия – 20,5 %. За аналогичный период 2021 года высокий показатель был зафиксирован в Псковской области – 49 %, за 2022 год в Республике Дагестан – 49 %.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или в сфере компьютерной информации имеют 25 % долю от всех преступлений, совершаемых в Российской Федерации. При этом нужно учесть, что официальная статистика не учитывает мелкие преступления, связанные со взломом аккаунтов социальных сетей, электронных почт и т.д. С внесением мелких преступлений в официальную статистику увеличил бы число преступлений, а также иных статистических показателей в разы. Анализ состояния названной преступности в России показывает, что она стала одним из основных дестабилизирующих факторов общественного развития [6].

Что касается Туркменистана, то на официальных сайтах Министерства внутренних дел Туркменистана отсутствуют статистические данные о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или в сфере компьютерной информации. Вся информация, касаемая аналитических и статистических материалов по данным преступлениям скрыта. Согласно данным Международного союза электросвязи ООН Туркменистан, занимает 152 второе место в мире по кибербезопасности в мире, Россия в свою очередь занимает 8 место в рейтинге стран³.

Также согласно статистическим данным Лаборатории Касперского, в азиатском регионе Туркменистан занимает 6 место по обнаруженным угрозам за сутки с долей 2,96 % и 2 место по обнаруженным угрозам за каждый месяц с долей 4,20 %⁴. Основная масса преступлений совершается извне с помощью так называемых программ-вымогателей иными словами это вредоносные программы, которые изменяют данные на различных устройствах жертвы, таким образом, что он теряет контроль над использованием информации, находящейся на различных цифровых устройствах.

В то же время основную массу всех преступлений, совершаемых в Туркменистане, можно разделить на 2 основные группы: Преступления, связанные с атаками банковской системы и всех лиц, которых обслуживает банк. В данном случае злоумышленники извне атакуют систему различными вирусами для того, чтобы «заразить» техническое устройство (мобильный телефон, компьютер). Распространённость данной группы преступлений имеет широкие масштабы, около 75 % процентов от общего объема приходится на них. Преступления, связанные с проникновением в системы финансовых государственных учреждений для кражи ценной информации, в том числе электронных денежных средств, которыми распоряжается данное учреждение. В любом случае основная доля совершаемых преступлений приходится на имущественные преступления – это в первую очередь кражи чужого имущества, мошенничество (60 % преступлений от общей массы).

Активная законодательная инициатива в Туркменистане в первую очередь связана с ростом вмешательства в работу информационной системы Туркменистана, статистика, приведенная выше подтверждает данную высокую инициативность. Помимо уголовно-правового регулирования

общественных отношений, связанных с противоправным использованием информационных технологий, а также компьютерной информации в 2019 году в Туркменистане подписан вышеупомянутый Закон о кибербезопасности⁵, который предусматривает защиту всех коммуникационных систем любой формы собственности, а также действует Закон Туркменистана «Об информации и ее защите» от 3.05.2014 года № 72V⁶.

В целях более эффективной борьбы с названной преступностью мировое сообщество вынуждено объединять свои усилия, идти по пути максимального сближения своих национальных законодательств [7, с. 155]. Правовое поле безопасности в цифровой сфере является очень широким и имеет статус транснациональной, в связи с факторами различного местоположения преступника и его цели. На основе данного статуса на сегодняшний день вопросы информационно-технологической безопасности объединяют Российскую Федерацию и Туркменистан и в региональном правовом поле. Активная работа и постоянное вынесение данного вопроса в повестку дня Содружества Независимых Государств говорит о важности вопросов в данной сфере для стран по линии регионального урегулирования деятельности в данной сфере. Одним из таких примеров является Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, подписанное в г. Душанбе 28.09.2018 (далее – соглашение). Данное соглашение является законодательной базой в противодействии преступлениям в сфере информационных технологий и предусматривающей сотрудничество в целях обеспечения предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий.

Говоря об этой актуальной группе преступлений, можно отметить, что динамика и прогрессия их с каждым годом активно растет как Российской Федерации, так и в Туркменистане, суммарная доля данных преступлений от общего числа преступлений составляет 25 %, это говорит о том, что угроза динамичного подъема остается в силе на долгие годы. Нужно понимать, что в Российской Федерации и Туркменистане процесс цифровизации различных сфер жизни активно набирает обороты, в связи с этим перед злоумышленниками открывается множество возможностей для воплощения своих замыслов.

Пристатейный библиографический список

1. Бражников С. Д. Преступления в сфере компьютерной информации: Учебно-метод. разработка по спецкурсу / Сост. С. Д. Бражников; Яросл. гос. ун-т. - Ярославль, 2000. - 54 с.
2. Доктрина об информационной безопасности Российской Федерации от 05.12.2016 № 646. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz/documents/2016/12/06/doktrinaifbezobzobnost-site-dok.html> (дата обращения: 22.01.2024).
3. Закон Туркменистана «Об информации и ее защите» от 3.05.2014 года № 72V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34731231 (дата обращения: 23.01.2024).
4. Закон о кибербезопасности Туркменистана от 07.09.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turkmenportal.com/blog/21542/v-turkmenistane-podgotovlen-proekt-zakona-o-kiberbezobzobnosti> (дата обращения: 22.01.2024).
5. Завадский И. И. Информационная война – что это такое? // Конфидент. - 1996. - № 4. - С. 13-15.
6. Крылов В. В. Расследование преступлений в сфере информации. - М., 1998. - С. 165.
7. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. - М., 1998. - С. 151-155.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/cybersecurity-index> (дата обращения: 23.01.2024).

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://statistics.securelist.com/ru/ransomware/month> (дата обращения: 23.01.2024).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turkmenportal.com/blog/21542/v-turkmenistane-podgotovlen-proekt-zakona-o-kiberbezobzobnosti> (дата обращения: 23.01.2024).

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34731231 (дата обращения: 23.01.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-345-347

ЛИБЕНЗОН Евгений Леонидович

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, научный сотрудник, юрист второго класса Университета прокуратуры Российской Федерации

Либензон Е. Л.

ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО КОНФИСКАЦИИ АВТОМАШИН КАК ОРУДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ КОНТРАБАНДЕ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

В статье исследуется актуальность вопроса нормативного контекста преступности в сфере контрабанды при помощи транспортных средств и ее связь с наличием процессуальных факторов, влияющих на определение возможности конфискации транспортных средств как орудий преступления при контрабанде [3].

«В статье приводится практика судов Забайкальского края, раскрывается потребность в законодательном разрешении спорных вопросов» [3] признания автомашин орудиями преступления при совершении контрабанды с их использованием, внесено предложение о необходимости внесения изменений в ст. 104¹ УК РФ и дачи дополнительных разъяснений Верховным Судом РФ по правилам применения статьи 104¹ УК РФ, внесено предложение о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации меры ответственности как обязательной конфискации транспортных средств, как орудий преступления при контрабанде.

Актуальными являются сведения о незаконном обороте товаров и ресурсов, определенных Перечнем для целей ст. 226.1 УК РФ, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923 при помощи транспортных средств.

Целью исследования является изучение пробелов в области конфискации орудий преступления для снижения уровня контрабанды товаров и ресурсов.

Данное исследование будет проведено с использованием сравнительного подхода, изучения законодательства, связанного с конфискацией автомобилей как орудий преступления, в ряде стран, включая Россию, Китай, США и страны-члены Европейского союза.

Результаты: данное исследование раскрывает существующие пробелы в законодательстве, связанные с конфискацией транспортных средств как орудий преступления, используемых для свершения контрабанды.

Выводы: учитывая научную и практическую значимость, в исследовании рассматриваются основные причины возврата транспортных средств, используемых для свершения контрабанды, методы профилактики контрабанды с использованием транспортных средств. Повышенная степень общественной опасности, с точки зрения криминалистической характеристики деяния, рассматривается судебной практикой Забайкальского края, с учетом особенностей приграничного положения данного региона с КНР.

Ключевые слова: таможенная граница, вещественные доказательства, оборудование, стратегически важные товары и ресурсы, биологические ресурсы, конфискация, транспортное средство, контрабанда, культурные ценности, тайники, орудия преступления, средства совершения преступления.

LIBENZON Evgeniy Leonidovich

postgraduate student of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia, researcher, second-class lawyer of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

GAPS IN LEGISLATION ON THE CONFISCATION OF CARS AS AN INSTRUMENT OF CRIME IN SMUGGLING (BASED ON THE EXAMPLE OF JUDICIAL PRACTICE IN THE TRANS-BAIKAL TERRITORY)

This article addresses the relevance of the normative context of the crime of smuggling via the use of vehicles and its link to the procedural factors that influence the determination of the possibility for confiscating vehicles as instruments of crime in smuggling cases. It presents the judicial practices in Zabaikalsky Krai, highlighting the necessity for legislative solutions to the contentious issue of recognizing vehicles as instruments of crime in smuggling offenses. The article suggests amendments to Article 104¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and recommends additional clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation on the application of Article 104¹. It advocates for the introduction of mandatory vehicle confiscation measures in the Criminal Code of the Russian Federation as a penalty for smuggling.

The article also discusses the illegal trade of goods and resources listed in the Government of the Russian Federation's Decree № 923, dated September 13, 2012, for the purposes of Article 226.1 of the Criminal Code, involving the use of vehicles.

The aim of this study is to explore the legislative shortcomings in the confiscation of instruments of crime to mitigate the smuggling of goods and resources.

This research employs a comparative approach to review the legislation concerning the confiscation of vehicles as instruments of crime across several countries, including Russia, China, the United States, and member states of the European Union.

Results: The study reveals existing legislative gaps in the confiscation of automobiles used in smuggling as instruments of crime.

Conclusions: Considering the scientific and practical significance, this study examines the primary reasons for the return of vehicles implicated in smuggling, prevention methods against smuggling utilizing vehicles, and the heightened public danger associated with the criminalistic characterization of such acts. The judicial practices in Zabaikalsky Krai are scrutinized, taking into account the region's unique border position with the People's Republic of China (PRC).

Keywords: customs border, evidence, equipment, strategically important goods and resources, biological resources, confiscation, vehicle, smuggling, cultural values, caches, instruments of crime, means of crime.

Последнее время из России в КНР возросла контрабанда товаров и ресурсов, определенных Перечнем для целей ст. 226.1 УК РФ, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 923 от 13 сентября 2012 г., о чем указано Р. А. Забавко [2] и Н. Ю. Приходько [5].

Контрабанда из России в Китай привела к росту на территории РФ браконьерства, безжалостному и незаконному способу добычи биологических и природных ресурсов, в том числе уничтожение лесных насаждений.

«Учитывая колоссальное количество незаконно заготовленной древесины только на территории Читинского района Забайкальского края по материалам уголовных дел одного суда, говорит о масштабах уничтожения лесных насаждений в Российской Федерации в целом» [4].

«Основной причиной совершения преступлений в сфере лесопользования по-прежнему остается высокий спрос на качественную древесину, в том числе в соседнем с Забайкальем Китае» [1]. «Преступная деятельность в сфере лесопользования приводит к различному роду негативных последствий, таким как: сокращение биоресурсов, вынужденная миграция диких животных, увеличение лесных пожаров, осушение водных объектов» [1].

Истребляются виды биоресурсов, внесенных в Красную книгу МСОП (Международный союз охраны природы), указанных в «Перечне стратегически важных товаров и ресурсов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13.09.2012 № 923» «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации».

Цена килограмма медвежьих лап достигает 8 000 юаней. Доставляемые контрабандным способом в КНР лапы, желчь медведя и другие дериваты, отнесенные жителями поднебесной к целебным веществам, широко применяются в медицинской сфере Китая, что не получило широкого распространения в российской медицинской отрасли. При этом в Китае лапы медведя являются традиционным деликатесом. Средняя цена порции жареной лапы медведя в ресторанах превышает одну тысячу долларов. Спрос на лапы вместе с ценой резко возрастает накануне китайского Нового года.

В России на черном рынке 1 кг рогов сайгака оценивается в 20 000 руб. Однако на китайском рынке цена рогов сайгака за 1 кг достигает пяти тысяч долларов, как сообщает РиаНовости «Контрабанда рогов сайгака из России в Азию приняла угрожающий масштаб»¹, поскольку дериваты востребованы в медицинской сфере в Юго-Восточной Азии, контрабанда дериватов направлена в Китай.

В Забайкальском крае дела по контрабанде большей частью рассматриваются Забайкальским районным судом, поскольку территория Забайкальского района Забайкальского края граничит с КНР и там же расположены международные автомобильный и железнодорожный пункты пропуска из России в Китай (МАПП Забайкальск и ЖДПП Забайкальск), относящиеся к крупнейшим пунктам пропуска в России. Данные пункты пропуска созданы на основании межправительственной договоренности «О создании зоны приграничной торговли с упрощенным режимом пересечения границы гражданами РФ и КНР».

Исходя из информации, сложившейся по практике ст. 226.1 УК РФ Забайкальского районного суда Забайкальского края, и выделяя особенность возможности пересечения границы из РФ в КНР через МАПП Забайкальск посредством транспортных средств, следует выделить основной способ совершения контрабанды с использованием транспортного средства. В связи с чем, одним из основных орудий преступления, используемых при контрабанде товаров и ресурсов, являются транспортные средства, используемые контрабандистами, однако в законе существуют недоработки по конфискации транспортных средств как орудий преступления, используемых при контрабанде.

Во многих странах закон позволяет конфисковать имущество, которое используется или получено в результате преступной деятельности, в том числе транспортные средства, используемые для контрабанды товаров².

Изучая практику судов Забайкальского края, отмечается, что суды практически по всем делам возвращают транспортные средства, используемые при совершении контрабанды.

В контексте упомянутых проблем уголовно-правового применения конфискации орудий преступления при совершении контрабанды, следует обратиться к исследованиям ученых и примерам судебной практики.

Так, Забайкальским районным судом Забайкальского края в 2022 г. рассмотрено уголовное дело по ч. 5 ст. 191, ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, виновное лицо совершило контрабанду слитков золота на сумму 151 269 286,90 руб., на транспортные средства виновного был наложен арест, конфискация транспортных средств судом не применялась.

В рассмотренном Забайкальским районным судом в 2020 г. деле о контрабанде частей особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и охраняемых международными договорами РФ, виновное лицо при осуществлении контрабанды использовал транспортное средство с тайником, в котором скрыл рога сайгака. Данное транспортное средство было возвращено собственнику, поскольку в соответствии со ст. 104.1 УК РФ принадлежало не обвиняемому, несмотря на то, что транспортное средство было оборудовано тайником во внутренней части бензобака.

Тем же судом в 2021 г. лицо признано виновным и осуждено за совершение контрабанды, в ходе совершения которой использовал свой автомобиль с прицепом, в конструктивной полости которого перевозил золото, общей массой 4577,94 грамма, содержащих химически чистое золото, массой 4010,80 грамм, стоимостью 17 071 208 рублей 14 копеек, и в ходе таможенного контроля в прицепе автомобиля виновного лица обнаружены свертки с драгоценным металлом. Из приговора суда следует, что с автомашины с прицепом, принадлежащих на праве собственности осужденному, снят арест, суд не конфисковал автомашину с прицепом, принадлежащие виновному лицу, при помощи которых совершено преступление.

Аналогичным образом в 2021 году тем же судом принято решение по делу виновного, осужденного по ч. 5 ст. 191, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, и другого лица по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ.

1 Школьный А. Контрабанда рогов сайгака из России в Азию приняла угрожающий масштаб // РиаНовости. – Новость 17.01.2020.

2 Совет Европы. «Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма», 16.05.2005 г.

Автомобили виновных, оставлены под арестом до уплаты назначенного судом штрафа, конфискации не подвергались.

В 2021 году тем же судом в отношении лица, признанного виновным по ч. 4 ст. 191, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, транспортное средство возвращено осужденному для дальнейшего использования по своему усмотрению.

Как видно из приведённой практики Забайкальского края транспортные средства, при помощи которых совершалась объективная сторона преступления, возвращаются судами их владельцам.

Указанные примеры судебной практики подчеркивают проблему законодательства по конфискации транспортных средств, используемых при совершении контрабанды, что является серьезной проблемой, которая может иметь значительные последствия для экономики и безопасности России.

Часть 1 статьи 104.1 УК РФ с 25.07.2022 дополнена пунктом «д», согласно которому конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьями 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ. При осуждении виновного по вышеперечисленным статьям автомобиль, принадлежащий обвиняемому, подлежит конфискации, то есть принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства. С учетом продемонстрированных примеров, транспортные средства, используемые виновными лицами, возвращены и не конфискованы.

Полагаю, что законодателю необходимо рассмотреть вопрос о дополнении п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ введение меры ответственности как «конфискации транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьями 200.1, 200.2, 226.1, 229.1, 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ».

Внесенные поправки значительно сократят количество преступлений, совершаемых в области контрабанды.

Высказанные в работе суждения также продиктованы положениями Конституции Российской Федерации [3], гарантирующей право охраны частной собственности, закрепленное ч. 3 ст. 35, согласно которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Приведенная практика Забайкальского края наглядно проиллюстрировала, когда суд первой инстанции объективно установил, что осужденные при совершении контрабанды использовали принадлежащие им автомобили, однако принимали решение об оставлении данных транспортных средств по принадлежности у их собственников.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости улучшения положения виновных лиц, при осуждении которых судом не принято решение по конфискации принадлежащих виновным лицам автомобилей.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Е. В. Незаконная рубка лесных насаждений // Закон и практика. – 2021. – № 1 (74). – С. 43. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://files.sudrf.ru/2435/user/ZiP1_74_2021_sayt.pdf (дата обращения: 04.12.2023).
2. Забавко Р. А. Контрабанда древесины: сложные вопросы предмета преступления // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI международной научно-практич. конф. – Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского ин-та МВД РФ, 2016. – С. 60-64.
3. Либензон Е. Л. Проблемы определения территориальной подсудности по делам о контрабанде // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. № 2 (147). – С. 160-170. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.160-170. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://msal.ru/upload/medialibrary/7a4/z6rgayuhwec80bvq2vk3avdwbfrx1rl.pdf>.
4. Либензон Е. Л., Клебанов Л. Р. Пробелы следствия в противодействии контрабанде // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. XI Международная научно-практическая конференция. ИТ «Ариал». – Симферополь. 27-28 апреля 2023. – С. 163-167.
5. Приходько Н. Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2015. – С. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://a.mvd.ru/upload/site120/folder_page/007/308/373/avtoreferat_prihodko.pdf.

МУСТАФАЗАДЕ Ровшан Шахин оглы

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 236 УК РФ

В данной статье раскрываются актуальные вопросы и правовые проблемы, связанные с особенностями субъективной стороны нарушения санитарно-эпидемиологических правил. Автором приводятся различные мнения из доктрины уголовного права. Подчеркивается их неоднозначность и неясность. Показано, что в судебной практике нет единой позиции. Особое внимание уделено разъяснениям вышестоящих судов Российской Федерации. Также в работе представлены статические сведения о применении ст. 236 УК РФ. Кроме того, в работе затронуты иные вопросы, связанные с данной темой.

Ключевые слова: нарушение санитарно-эпидемиологических правил; субъективная сторона.

MUSTAFAZADE Rovshan Shakhin ogly

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 236 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article reveals current issues and legal problems to the peculiarities of the subjective side of violations of sanitary and epidemiological rules. The author provides various opinions from the doctrine of criminal law. Their ambiguity and uncertainty are emphasized. It is shown that there is no single position in judicial practice. Special attention is paid to the explanations of the higher courts of the Russian Federation. The paper also provides static information on the application of Article 236 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, this paper addresses other issues related to this topic.

Keywords: violation of sanitary and epidemiological rules; mental element.

Мустафазаде Р. Ш.

Характеризуя субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, можно столкнуться с различными интерпретациями диспозиции указанной нормы. На сегодняшний день в доктрине отсутствует единая позиция, что вызвано, как нам представляется, не только сложностью конструкции ч. 1 ст. 236 УК РФ, сколько неоднозначностью ч. 2 ст. 24 УК РФ, формулировка которой породила споры как в научной среде [1, с. 23], [7, с. 37], так и в судебно-следственной практике.

При изучении данной проблемы, мы обнаружили, как минимум, три разных варианта толкования, но, на наш взгляд, из указанного в ч. 2 ст. 24 УК РФ должно следовать следующее: к уголовной ответственности привлекается лицо за совершение деяния по неосторожности лишь в случаях, когда в норме Особенной части сделана соответствующая оговорка.

Данной позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая, что при отсутствии указания на совершение деяния по неосторожности, предполагается, что преступление может быть совершено только с умыслом¹.

Однако Д. А. Кокотова справедливо замечает, что на практике применения норма толкуется и иначе [3, с. 90]. Бо-

лее того, в одном из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации даже перечисляются обстоятельства, с учетом которых при отсутствии конкретизации формы вины преступление может быть совершено умышленно либо по неосторожности: «...если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны...»².

Переходя к анализу субъективной стороны нарушения санитарно-эпидемиологических правил, вынуждены констатировать даже не дуализм, а целый плюрализм мнений в контексте отмеченной проблемы. Между тем, остается открытым вопрос: само нарушение какую форму вины предполагает?

Ю. С. Норвартян полагает, что нарушение санитарно-эпидемиологических правил может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Свою позицию он аргументирует материалами судебной практики [6, с. 114–115]. Так, при схожести фактических обстоятельств субъективная сторона преступлений Майским районным судом Кабардино-Балкарской Республики в 2018 году и Прибайкальским районным судом Республики Бурятия в 2019 году описаны по-разному: с умыслом и по неосторожности, соответственно.

1 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2011 № 3-П/2011 «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 УК РФ в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других». П. 3.3 // Российская газета. - 2011.

2 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации т 18.10.2012 N 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». П. 4 // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, декабрь, 2012.

Таблица 1.

Год	Статья УК РФ и количество осужденных	Год	Статья УК РФ и количество осужденных
2019	ч. 1 ст. 236 – 6. ч. 2 ст. 236 – 0.	2021	ч. 1 ст. 236 – 15. ч. 2 ст. 236 – 4. ч. 3 ст. 236 – 0.
2020	ч. 1 ст. 236 – 16. ч. 2 ст. 236 – 0. ч. 3 ст. 236 – 0.	2022	ч. 1 ст. 236 – 19. ч. 2 ст. 236 – 0. ч. 3 ст. 236 – 0.

Другой точки зрения придерживается О. В. Карягина. По ее мнению, отсутствие неосторожной формы вины в диспозиции ч. 1 ст. 236 УК РФ прямо указывает на то, что такое нарушение возможно исключительно умышленно, лишь с разницей в видах: прямо или косвенно [2, с. 51].

В научной литературе также встречается и мнение, что нарушение санитарно-эпидемиологических правил возможно только с неосторожной формой вины, так как при наличии умысла на причинение последствий, указанных в ст. 236 УК РФ, ответственность должна наступать по статьям о преступлении против личности [5, с. 485].

Сложность интерпретации и неоднозначность восприятия указанной нормы даже вынудила, как можно подумать, авторов одного из комментариев к УК РФ опустить момент, связанный с решением вопроса о субъективной стороне нарушения санитарно-эпидемиологических правил, таким образом проигнорировав ее при комментировании диспозиции [4, с. 239].

Однако не перестает быть актуальной и острой описываемая нами проблема, ведь от ответа зависит факт привлечения лица к уголовной ответственности, что требует наличия всех четырех элементов состава преступления, самым сложным из которых и является субъективная сторона. Не углубляясь в процедуру доказывания в работе судебно-следственных органов, должны все же прийти к общему знаменателю в отношении определения границ.

Следует сразу подчеркнуть, что ст. 236 УК РФ не относится к числу «мертвых норм», напротив, с 2019 года на фоне сложной эпидемиологической обстановки последних лет в России наблюдается увеличение числа осужденных по указанной норме, что отображено в таблице, составленной согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации³. (См. табл. 1.)

Наконец, главный вопрос в свете данной работы заключается в том, подлежит ли уголовной ответственности лицо, не знавшее и не подозревавшее по объективным причинам о заболевании, носителем которого оно стало?

Исходя из выше проведенного анализа проблемы, сложно себе представить однозначный ответ, если только не придерживаться конкретной позиции. Выражая свое мнение, считаем, что он должен быть отрицательным, так как исходной точкой является вариант толкования ч. 2 ст. 24 УК РФ, который мы указали ранее. Обратная же логика, как нам кажется, в таком случае делает нецелесообразным и вообще неразумным разделение законодателем ст.ст. 111 и 118 УК РФ согласно их форме вины.

И хотя судебная практика богата материалами обвинительного характера в отношении лиц, по неосторожности нарушивших санитарно-эпидемиологические правила, не следует замыкаться и основываться исключительно на ней, так как в правовом поле существуют и судебные ошибки.

Подытоживая, вряд ли нам получится выразить такую позицию, с которой бы одинаково согласились доктрина и практика, но тем не менее необходимо в очередной раз указать на ту проблему, вызванную неясностью изложения законодателем и порождающую плюрализм судебно-следственный.

Пристатейный библиографический список

1. Звечаровский И. Э., Иванов А. Л. Влияние неопределенности ст. 24 УК РФ на квалификацию преступлений (на примере ст. 263.1 УК РФ) // Уголовное право. - 2014. - № 6. - С. 23 (22-24) @@ Яни П. С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешенные проблемы правоприменения // Законность. - 2020. - № 6. - С. 32-37.
2. Карягина О. В. Особенности уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях угрозы распространения коронавируса в РФ: анализ новаций // Вестник Таганрогского института управления и экономики. - 2020. - № 1. - С. 49-52.
3. Кокотова Д. А. О необходимости и возможных вариантах изменения правил определения форм вины // Lex Russia. - 2021. - Том 74. № 5 (174). - С. 82-107.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. А. Есакова. - М.: Проспект, 2021. - 816 с.
5. Курс уголовного права в пяти томах. Том 4. Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. - М.: Зерцало, 2002. - 672 с.
6. Норвартян Ю. С. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил: вопросы криминализации и законодательной регламентации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2021. - № 8. - С. 110-117.
7. Яни П. С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешенные проблемы правоприменения // Законность. - 2020. - № 6. - С. 32-37.

³ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2019 г.; 12 месяцев 2020 г.; 12 месяцев 2021 г.; за 12 месяцев 2022 г., подготовлен Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

АБДРАШИТОВ Вагип мнирович

доктор юридических наук, профессор кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета

КАХХОРОВ Давлатали Гаффорович

старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ОБВИНЕНИЯ

В данной статье анализируются проблемы, касающиеся правовой регламентации процессуальной модели взаимоотношений следователя и надзирающего прокурора в рамках такого этапа как предъявление обвинения. Исследуется ряд норм уголовно-процессуального законодательства разных периодов России, регламентировавших надзорную деятельность прокурора, включая роль следователя на этапе окончания предварительного следствия. В работе представлен сравнительно-правовой анализ института предъявления обвинения в США и Франции. Сформулированы предложения по изменению норм действующего уголовно-процессуального законодательства России. Предложенные авторами новеллы способны поспособствовать процессу устранения противоречий внутри норм УПК РФ, которые регламентируют полномочия и статус прокурора на этапе предъявления обвинения.

Ключевые слова: досудебное производство, надзорная деятельность прокурора, предварительное следствие, предъявление обвинения, прокурор, следователь.

ABDRASHITOV Vagip Mnirovich

Ph.D. in Law, professor of Philosophy and theory of law sub-faculty of the Volgograd State University

КАКХХОРОВ Davlatali Gafforovich

senior lecturer of Procedural law and criminalistics sub-faculty of the Volgograd State University

THE PROCEDURAL MODEL OF INTERACTION BETWEEN THE PROSECUTOR AND THE INVESTIGATOR AT THE PRESENTATION OF CHARGES

This article analyzes the problems related to the legal regulation of the procedural model of the relationship between the investigator and the supervising prosecutor within the framework of such a stage as the filing of charges. A number of norms of criminal procedural legislation of different periods of Russia that regulated the supervisory activities of the prosecutor, including the role of the investigator at the stage of completing the preliminary investigation, are examined. The work presents a comparative legal analysis of the institution of bringing charges in the USA and France.

Proposals have been formulated to change the norms of the current criminal procedural legislation of Russia. The novelties proposed by the authors can contribute to the process of eliminating contradictions within the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulate the powers and status of the prosecutor at the stage of filing charges.

Keywords: pre-trial proceedings, supervisory activities of the prosecutor, preliminary investigation, bringing charges, prosecutor, investigator.

Абдрашитов В. М.

Каххоров Д. Г.

Проблемы процессуального взаимодействия представителей прокуратуры, следователя и его руководства на различных этапах и стадиях продолжают поражать своей актуальностью и новизной. Неоднократное радикальное реформирование деятельности прокурора в досудебном производстве свидетельствует о том, что законодатель все ещё пытается найти оптимальный баланс между двумя правоохранительными структурами.

В теории уголовного процесса и практике прокурорской деятельности вопрос о надзорной деятельности прокурора на этапе предъявления обвинения является дискуссионным. В частности, профессор Л. В. Головкин, указывая на отдельные проблемы несовместимости полномочий следователя по возбуждению уголовного дела, включая также и само привлечение субъекта как обвиняемого, лишним раз подчеркивает наличие противоречий в процессуальных функциях следователя, просматривающихся в ряде законодательств

континентальной системы, тем самым, способствуя развитию, так называемого обвинительного уклона [2].

Отсутствие конкретной законодательной регламентации деятельности прокурора на этапе предъявления обвинения, приводит к существенным нарушениям законных интересов подозреваемого и обвиняемого. Описываемая ситуация предполагает позитивное развитие, способствующее возможной оптимизации процессуальных компетенций представителей надзорного органа и полномочий прокурора. Подчеркнем особо, что надзорные полномочия прокурора на этапе предъявления обвинения на разных исторических этапах развития России определялись по-разному.

В соответствии с ст.ст. 281-282 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., судебный следователь не мог отказаться от исполнения указаний прокурора, касающихся собирания доказательств и исследования обстоятельств дела [5]. Уголовно-процессуальные кодексы советского периода, в свою

очередь, несмотря на коренное преобразование и глубокую переработку большинства институтов, все же сохранили определенную традиционность и преемственность во взаимоотношениях следователя и прокурора.

Согласно УПК РСФСР 1922 г. прокурор обладал обширными правовыми возможностями в рамках предварительного следствия, имея в своем арсенале возможность указывать следователю направление следствия и необходимые дополнения в нем, регламентированные конкретно в ст. 121 [3]. К этому стоит дополнить, что более поздняя республиканская версия уголовно-процессуального закона, увидевшая свет в 1923 году, обладала близким по содержанию положением.

В советский период, как становится очевидно, благодаря проведенному исследованию, отсутствовала детальная законодательная регламентация взаимоотношений упомянутых в названии статьи субъектов процессуальной деятельности. Несмотря на это, в компетенцию прокурора входило право на отмену всех необоснованных и незаконных постановлений следователей. Согласно ст.ст. 211-212 еще более поздней версии республиканского уголовно-процессуального закона, вступившего в силу 60-м году прошлого века, прокурор обладал целым рядом полномочий, включая право на обязательные указания о производстве предварительного следствия, об избрании, изменении или отмене в отношении подозреваемого и обвиняемого меры пресечения, о привлечении в качестве обвиняемого, о направлении дела и производстве отдельных следственных действий и т.д. [6]. Практически аналогичные полномочия прокурора в отношении следователя унаследовал и новый УПК РФ.

При этом, ни в одной из ранних версий советских уголовно-процессуальных кодексов не содержалось четких положений о порядке распределения обязанностей по оформлению совместного функционирования следователя и надзирающего за его деятельностью органа, как на первоначальном этапе возбуждения уголовного дела, так и в период окончательно оформленного предъявления государственного обвинения. К этому стоит добавить, что предыдущие модели уголовно-процессуальных законов обошли стороной вопрос регламентации последовательности отправления копий постановления о привлечении в качестве обвиняемого представителям надзорного органа, его сроках и правовых последствиях. Обращает на себя внимание и то, что действующий уголовно-процессуальный закон также не справился с решением данной задачи.

Что касается зарубежной регламентации института предъявления обвинения, то можно остановиться на двух ярких примерах различных правовых систем [1]. В США, представляющих англо-американскую правовую систему, подозреваемый приобретает процессуальный статус обвиняемого только в том случае, когда в рамках предварительного судебного слушания ему будет предъявлено обвинение, оформленное надлежащим способом. Именно на этой стадии уголовного процесса, прокурор, выступающий в роли обвинителя, демонстрирует все известные к этому времени обстоятельства и факты, доподлинно доказывающие виновность лица, которому предъявлено обвинение.

В уголовном судопроизводстве Франции, представляющей романо-германскую правовую семью, данный вопрос решается несколько по-другому. Разрешение описываемой проблемы осуществляется согласно статьи 80.1 французского уголовно-процессуального закона. Судья следствия уполномочен привлекать к судебному рассмотрению вопроса о виновности только такое лицо, в отношении которого у

представителей правоохранительной системы имеются серьезные, неоспоримые, согласованные друг с другом и неопровержимые по своему качеству доказательства, достоверно и доподлинно заверяющие в совершении противоправных уголовно-наказуемых действий или бездействий. Указанное осуществляется непосредственно по усмотрению следственного судьи, но только в момент производства предварительного следствия, и требует наличия достаточной доказательственной базы.

В совокупности с недостаточной правовой регламентацией ч. 9 ст. 172 УПК РФ, это создает предпосылки для незаконного ограничения в правах, с последующим признанием обвиняемым, что может лишь отсрочить разногласия прокурора и следователя до утверждения обвинительного заключения, способствуя увеличению процессуальных издержек.

Стоит отметить, что нет более важного момента для обеспечения прав, свобод и законных интересов лица, чем время его привлечения как обвиняемого. Именно в этот период у него возникают возможности и полномочия для своей защиты, а с другой стороны, правоохранительная система может применить к нему соответствующие содеянному им, меры процессуального принуждения. Собственно, по этой причине, надзорная деятельность прокурора на указанном этапе имеет особую правовую актуальность и процессуальную значимость.

Согласно ч. 9 ст. 172 УПК РФ, прокурора ставят в известность о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого. Копия постановления – это именно та форма, в которой чаще всего осуществляется постановка прокурора в известность. На практике, копия упомянутого документа посылается после предъявления обвинения. В этот период представитель надзорного органа пока еще не может ни отменить, ни изменить содержание обвинения. Указанная ситуация нередко приводит к частым ущемлениям и конкретным нарушениям прав и свобод обвиняемого субъекта.

К сожалению, в настоящее время современная модель уголовно-процессуального закона России не позволяет представителю надзорной деятельности самостоятельно и независимо от других субъектов процессуальной деятельности отменять акты о привлечении в качестве обвиняемого. Главный закон уголовно-процессуально деятельности конкретно регламентирует чьи постановления и когда представитель надзорного органа может отменить, в случае их вынесения вне положений, предписанных законом (п. 5.1 ч. 2 ст. 37). В указанном положении постановление о привлечении в качестве обвиняемого не упомянуто.

Следует отметить, что генеральная линия осуществления процессуально значимых действий по расследованию уголовного дела намечается изначально. На практике это происходит чаще всего при разрешении вопроса о привлечении в качестве обвиняемого. Однако в реальной жизни уголовных дел усматривается, что прокурор реализует свои надзорные функции в полном объеме на этапе утверждения обвинительного заключения, что не позволяет ему ни устранять нарушения, сделанные следователем, ни отстаивать права и свободы лица, привлекаемого к ответственности обвиняемого. В этой связи, видится вполне оправданным направление копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого до момента предъявления обвинения по уголовному делу.

Представляется, что целесообразно будет направлять прокурору копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого субъектом расследования еще до момента фак-

тического предъявления обвинения. Есть несколько аргументов, почему это надо делать именно так.

Во-первых, это позволит защищать права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, на самой ранней стадии.

Во-вторых, существенно сократит уголовно-процессуальные издержки.

В-третьих, пресечет гипотетическую предрасположенность следователя к обвинительному уклону, т.к. надзорная деятельность прокурора на практике существенно отличается от ведомственного контроля.

В связи с этим, следовательно, необходимо детально проработать процедуру получения прокурором копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Так, нам видится, что вполне корректным будет, если прокурор по получении копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого не более чем через двое суток с момента такого принятия, будет обязан процессуальным законом уведомить руководителя территориального следственного органа мотивированным согласием на предъявление обвинения.

В тех случаях, когда первый по объективным причинам не может согласиться с формулировкой или объемом обвинения, он выносит постановление об отмене такого постановления. Указанное постановление может быть обжаловано следователем с согласия его руководителя вышестоящему прокурору.

Авторы приходят к выводу, что такой правовой алгоритм действий создаст не только реальные условия для защиты прав и свобод человека, достоверного и объективного доказывания виновности, но и повысит градус ответственности прокуроров за принимаемые ими решения в отношении органов предварительного следствия.

Таким образом, в результате анализа целого ряда норм, действующего УПК РФ авторами, предлагается:

Изложить п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в редакции: «истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом»;

Представить п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ в редакции: «обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном частью четвертой статьи 221 настоящего Кодекса, решение прокурора об отмене постановлений о возбуждении уголовного дела, об отмене постановления о привлечении в качестве обвиняемого, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков»;

Сформулировать ч. 9 ст. 172 УПК РФ в редакции: «Копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого направляется прокурору не позднее, чем за 48 часов до момента фактического предъявления обвинения»;

Дополнить ч. 10 ст. 172 УПК РФ, изложив в редакции: «Прокурор в срок не более 48 часов с момента получения копии постановления, направляет следователю, руководителю следственного органа свое согласие или отказ на предъявление обвинения».

Как нам видится, еще более детально проработанный порядок взаимодействия представителей надзирающего органа и следствия, включая непосредственно руководителя

территориального следственного органа, может быть регламентирован ведомственными актами самих взаимодействующих структур.

При таких обстоятельствах, справедливо отмечено Д. А. Сычевым, что в данном случае необъяснима логика законодателя, предоставившего прокурору полномочия по отмене постановления о возбуждении уголовного дела (некорректная квалификация преступного деяния), и одновременно, лишившего его такого права в аспекте постановления о привлечении в качестве обвиняемого, вместе с тем, закрепив за ним такой процессуальный инструмент в виде требования об устранении нарушений в рамках положений п. 3 ч. 2 ст. 37 уголовно-процессуального закона [4]. Безусловно, стоит надеяться только на то, что на все вопросы сможет ответить только быстро развивающаяся правоприменительная практика.

Пристатейный библиографический список

1. Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств: монография / К. Ф. Гуценко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало-М, 2002. – 528 с.
2. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.
3. Постановление ВЦИК от 25.05. 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе». // СУ РСФСР, 1922, № 20-21, ст. 230. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=docbase=ESUn=4006#0> (Дата обращения 14.02.2024).
4. Сычев Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 318 с.
5. Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 14.02.2024).
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения 14.02.2024).

ГОННОВ Роман Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В работе проводится исследование значения оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой органами внутренних дел и её соотношение с уголовно-процессуальным законом. Особое внимание уделено вопросам понимания результатов оперативно-розыскной деятельности и возможности их использования не только для подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, но и в процессе доказывания по уголовным делам. В работе проведено исследование вопросов поиска, обнаружения, фиксации, оценки и возможностям использования сведений, полученных оперативно-розыскным путём. Изучением данного направления выявлены пробелы современного законодательства регулирующие оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельности, рассмотрены примеры практики и судебные решения, сделаны выводы и внесены предложения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, доказательства, документирование, полиция.

GONNOV Roman Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Operational-search activities and special equipment sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE ROLE AND IMPORTANCE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES CARRIED OUT BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The work studies the significance of operational-search activities carried out by the internal affairs bodies and its relationship with the criminal procedure law. Particular attention is paid to issues of understanding the results of operational-search activities and the possibility of their use not only for the preparation and conduct of operational-search measures and investigative actions, but also in the process of proving criminal cases. The work conducted a study of the search, detection, fixation, assessment and possibilities of using information obtained promptly. The study of this area revealed the gaps in modern legislation regulating operational-search and criminal-procedural activities, examples of practice and court decisions were considered, conclusions were made and proposals were made.

Keywords: operational-search activity, criminal process, evidence, documentation, police.

Роль и значение доказательств и процесса доказывания по уголовным делам сложно переоценить. Ведь только поставив в основу всей правоохранительной деятельности эти два понятия, возможно, достичь целей уголовного судопроизводства, оставаясь в рамках правового поля. Процесс доказывания всецело зависит от юридически грамотного, тактически верного планирования и практического осуществления процесса поиска, обнаружения, фиксации, изъятия, оценки следов преступления, как материальных, так и идеальных, и последующего использования полученных сведений в уголовном процессе. Основная масса преступлений носит неочевидный характер ввиду того, что лицо его замышляющее, подготавливающее, совершающее и совершившее, не желая нести наказание за содеянное, предпринимает всё возможное для уничтожения любых следов, которые в последующем могут быть использованы стороной обвинения в процессе доказывания.

С учётом вышеизложенного становится очевидным, что установить все обстоятельства интересующего расследование события в рамках уголовно-процессуального поля весьма затруднительно, а порой и невозможно. Именно для решения данной проблемы осуществляется оперативно-розыскная деятельность, результаты которой в последующем и будут полноценно использованы в процессе доказывания. Современное законодательство в целом, и в частности касающееся рассматриваемого направления деятельности, изобилует пробелами, которые порой негативно влияют на решение стоящих перед правоохранителями задач. Особенно это проявляется в вопросах соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Согласно ст. 85 УПК РФ процесс доказывания включает в себя сбор, проверку и оценку тех или иных сведений с целью установления целого ряда обстоятельств, перечисленных в ст. 73 уголовно-про-

цессуального закона. Далее в ст. 74 закреплён перечень доказательств с последующим указанием строго определённого порядка их получения. Данные, полученные оперативно-розыскным путём, здесь не упоминаются, при этом присутствует целый ряд ограничений и запретов на использование результатов такой деятельности в ст. 75, ст. 89 УПК РФ.

При этом не вызывает сомнения тот факт, что оперативно-розыскная деятельность имеет решающее значение при раскрытии неочевидных преступлений, особенно в тех случаях, когда достичь желаемого результата уголовно-процессуальными мерами не представляется возможным. Сведения, полученные в результате проведённых оперативно-розыскных мероприятий, согласно ст. 11 ФЗ «Об ОРД» могут быть использованы прежде всего для решения задач закреплённых в ст. 2 данного закона, то есть направлены на создание доказательственной базы полностью соответствующей строгим требованиям уголовно-процессуального законодательства и должны отражать в себе информацию, имеющую непосредственное отношение к обстоятельствам, которые необходимо установить в рамках расследуемого уголовного дела.

Кроме того, необходимо осознавать, что отдельно взятые данные, полученные в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, без должного процессуального оформления доказательствами признаны никогда не будут. Исходя из данного положения закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в статье 11 говорится всего лишь о возможности использования таких результатов в процессе доказывания в рамках проводимого расследования интересующего события¹. Однако в противоречие с данными положениями вступает статья 89 уголовно-процессуального кодекса,

1 Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности».

которая содержит в себе запрет использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу, в том случае если они не отвечают предъявляемым уголовно-процессуальным кодексом требованиям².

Это требование уголовно-процессуального кодекса соответствует правовым позициям, закрепленным в определениях Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. по жалобе гр. К. О. Барковского³ и от 6 марта 2001 г. по жалобе гр. А. В. Потапова⁴. В соответствии с которыми согласно части 2 статьи 50 Конституции РФ говорится о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального законодательства. С учётом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что доказательства, полученные таким образом, не будут иметь юридической силы и соответственно могут использоваться в процессе доказывания для установления истины в целом и изобличения виновного в совершении преступления лица, в частности.

Подводя итоги рассматриваемой проблемы можно сделать вывод о том, что и уголовно-процессуальный кодекс, и федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и решения Конституционного Суда Российской Федерации в принципе допускают саму возможность участия результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу, но при этом использование их в качестве доказательств в значительной степени признают ограничено. В соответствии с положениями статьи 86 уголовно-процессуального кодекса сбор доказательств вправе осуществлять достаточно широкий круг лиц. Это участники уголовного процесса и со стороны обвинения в лице дознавателя, следователя, прокурора, суда, потерпевшего, гражданского истца и так далее, и со стороны защиты в лице подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика, защитника и прочих. Однако, проводить оперативно-розыскные мероприятия, наделены правом исключительно сотрудники оперативных подразделений, в том числе негласным путём.

В целом сбор доказательств представляет собой целенаправленную деятельность по поиску обнаружению, фиксации, изъятию, обеспечению сохранности полученных доказательств, их оценки и использованию. При этом не стоит забывать о строгом соблюдении всех алгоритмов действий, предписанных уголовным законодательством. С учётом того, что данное исследование в большей степени посвящено доказательствам, получаемым с помощью проведения оперативно-розыскной деятельности, то необходимо помнить, что оперативно-розыскные мероприятия, в части нас интересующей, могут проводиться либо по инициативе уполномоченных на то оперативных сотрудников; либо по поручению следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящихся в их производстве; а также по запросам других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность⁵.

Как известно раскрытие преступления сложный и продолжительный процесс, основанный на целом ряде принципов. Например, принцип научности подразумевает под собой использование современных достижений во всех областях науки и техники. Одной из первостепенных наук по

значимости на помощь приходит логика, в частности, в вопросах применения её методов: дедуктивном и индуктивном. На сегодняшний день именно они поставлены в основу концепции раскрытия преступления в виде двух способов. Первый способ — это движение от преступления к преступнику, второй от преступника к преступлению.

В обоих случаях сбор доказательств направлен на установление носителя значимой для расследования сведений о лицах, событиях, предметах и так далее. Зачастую обнаружить такой источник, возможно только применяя методы оперативно-розыскной деятельности, содержание которых составляет государственную тайну и не подлежит разглашению. Как уже говорилось ранее, большинство преступлений совершаются в условиях неочевидности, соответственно установить лицо, его совершившее, возможно только оперативным путём. Особого внимания здесь заслуживают преступления, имеющие латентный характер, где первоочередной задачей становится выявление потерпевших, которым преступлением причинён вред.

Не вызывает сомнения тот факт, что успех любого мероприятия в первую очередь зависит от степени подготовленности к его проведению. Не является исключением и деятельность, направленная на решения задач уголовного судопроизводства. Как известно любое действие включает в себя три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Зачастую именно на подготовительном этапе закладывается достижение желаемого результата. Ведь именно здесь осуществляется сбор, систематизация, анализ, оценка информации и затем проводится прогнозирование возможностей её использования.

Очевидно, что, например, обладание сведениями о личности объекта, в части касающейся его роли в конкретном событии, личному отношению к произошедшему, психотипу данного человека, его интеллектуальном уровне, наличии криминального прошлого и тому подобное в значительной степени положительно может повлиять на достижение желаемого результата. Всё это может быть использовано для планирования и организации оперативно-розыскного мероприятия в части, касающейся места, времени его проведения, видов задействованной криминалистической техники, тактики построения очередности вопросов и преподносимых фактов, уже зафиксированных и приобретших статус доказательств и так далее.

Следующим этапом после обнаружения источника сведений идёт сбор доказательств. В ходе данного этапа осуществляется сбор сведений от установленных ранее источников информации. Документирование такого сбора производится в соответствии с положениями уголовно-процессуального путём проведения следственных и иных процессуальных действий. Полученная ранее оперативно-розыскная информация может быть использована для обоснования законности уже следственных действий, а также для выбора наиболее эффективной тактики их проведения, в целом влиять на методику расследуемого преступления.

Подводя итоги проведённого исследования, отметим, что, результаты оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания могут являться предпосылкой проведения процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, быть использованы для обоснования проведения и выступать условиями их проведения, а также представляться в качестве доказательств при соответствии условиям, предписанным уголовно-процессуальным кодексом.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019).

3 Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2001 г. № 58-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС Гарант.

4 Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2001 г. № 58-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС Гарант.

5 Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности».

КВАСНИЦА Сергей Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры предварительного расследования Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

БИРЮКОВ Святослав Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права и криминалистики института права Волгоградского государственного университета

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Анализ теории уголовно-процессуального права и современного уголовно-процессуального законодательства дает основание предполагать о наличии тенденции снижения роли института привлечения в качестве обвиняемого в контексте реализации одного из важнейших принципов отечественного уголовно-процессуального законодательства - обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. В данной статье рассмотрены вопросы современного толкования в теории уголовно-процессуального права и правоприменительной практики понятия, сущности и содержания института привлечения лица в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: обвиняемый, привлечение в качестве обвиняемого, обвинение, уголовно-процессуальное законодательство.

KVASNITSA Sergey Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

BIRYUKOV Svyatoslav Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Procedural law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Volgograd State University

THE CONCEPT, ESSENCE AND CONTENT OF INVOLVING A PERSON AS AN ACCUSED

An analysis of the theory of criminal procedure law and modern criminal procedure legislation suggests that there is a tendency to reduce the role of the institution of involvement as an accused in the context of the implementation of one of the most important principles of domestic criminal procedure legislation - ensuring the rights of the individual in criminal proceedings. This article examines the issues of modern interpretation in the theory of criminal procedure law and law enforcement practice of the concept, essence and content of the institution of bringing a person as an accused.

Keywords: accused, involvement as an accused, prosecution, criminal procedure legislation.

В современной теории уголовно-процессуального права до настоящего времени существует плюрализм мнений по поводу определения дефиниции привлечения лица в качестве обвиняемого.

Так, одни ученые-процессуалисты понимают под привлечением в качестве обвиняемого сложное процессуальное действие субъекта расследования, производимое в результате наличия в материалах уголовного дела достаточной совокупности доказательств, указывающих на причастность лица к расследуемому преступному деянию. В этой связи, авторами данной точки зрения указанное процессуальное действие по своему содержанию подразделяют на два элемента: сами действия субъекта расследования и наличие к тому оснований [1].

Соглашаясь в целом с рассматриваемой точкой зрения, заметим, что она не раскрывает сущности данного процессуального действия.

Говоря о понятии и сущности привлечения лица в качестве обвиняемого большинство ученых основывают свои тезисы на позиции М. С. Строговича заключающейся в том, что решение субъекта расследования о привлечении в качестве обвиняемого и его последующие действия, реализующие данное решение должны основываться на собранных в ходе расследования доказательствах причастности лица к совершенному преступлению [2, с. 179]; сущность же рассматриваемого процессуального действия заключается в выдвижении в отношении данного лица обвинения [3].

Представляется, что недостатком таких точек зрения является их неспособность объяснить все аспекты правового характера, которые возникают в результате придания лицу статуса обвиняемого.

Однако этим не оканчивается многообразие точек зрения на рассматриваемый нами вопрос. Так, существует точка зрения, согласно которой привлечение лица в качестве обвиняемого представляется как своего рода итоговый этап досудебных стадий уголовного процесса, представляющий собой определенную законом совокупность взаимосвязанных процессуальных действий субъекта расследования направленных на принятие законного и обоснованного решения о привлечении конкретного лица к уголовной ответственности на основании собранных по делу достаточных доказательств его виновности в его совершении [4, с. 29].

Авторы следующей точки зрения, при определении понятия и сущности рассматриваемого процессуального действия несколько сместили акцент и предлагают понимать привлечение лица в качестве обвиняемого как своеобразный результат расследования, выражающийся в качественной трансформации обвинения в ходе предварительного расследования. В этой связи сущность привлечения в качестве обвиняемого видится ее авторам в том, что это момент формирования «первоначального» обвинения: от констатации наличия в событии признаков преступления до утверждения о виновности в его совершении конкретного лица [5, с. 68].

Сущность привлечения в качестве обвиняемого, по мнению следующей группы ученых, состоит в приобретении лицом, виновном в расследуемом преступлении, статуса обвиняемого после властно-правового решения субъекта расследования, однако оно на момент вынесения решения о привлечении в качестве обвиняемого не признано государством виновным.

С учетом изложенного, с нашей точки зрения, представляется наиболее правильной определение привлечения лица

в качестве обвиняемого как выдвижение обвинения лицу от субъекта расследования – уполномоченного представителя государственной власти на основе доказанности факта совершения этим лицом уголовно наказуемого деяния. В данном случае выдвижение обвинения выступает сущностью данного процессуального действия; в этом заключается его миссия на досудебных стадиях. Оно становится центром данной стадии, на этапе привлечения в качестве обвиняемого лица, в отношении которого выдвигается обвинение предъявляется так называемый уголовный иск от лица государства, а подозреваемый в совершении преступления приобретает новый правовой статус, обеспечивающий расширение его процессуальных прав, включая право на защиту.

Теория уголовно-процессуального права содержит точку зрения, согласно которой привлечение в качестве обвиняемого состоит из двух актов: принятие соответствующего процессуального решения и его оформление в виде правоприменительного акта, регламентированного законодательством. Ознакомление лица с данным постановлением, разъяснение его сущности, а также вновь обретенного процессуального статуса лицу, его последующий допрос не входят в структуру уголовно-правового института привлечения в качестве обвиняемого, что основано на понимании указанных процессуальных действий, как опосредованных решением о привлечении лица в качестве обвиняемого и вынесении соответствующего документа. К тому же момент их осуществления различается с временем вынесения процессуального решения о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Однако указанная позиция нам представляется несколько упрощенной, не учитывающей реалий правоприменительной практики. И здесь мы солидарны с точкой зрения ученых, рассматривающих факт привлечения лица в качестве обвиняемого в широком смысле, как сложное процессуальное действие, как их совокупность или уголовно-процессуальный институт. Но и в этой группе ученых-процессуалистов нет единства мнений по структуре данного института.

М. С. Строгович считал, что привлечение лица в качестве обвиняемого включает вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, предъявления его обвиняемому с разъяснением последнему сущности обвинения [6, с. 86].

С. А. Шейфер, соглашаясь с М. С. Строговичем добавляет в его структуру разъяснение лицу субъектом расследования особенностей процессуального статуса обвиняемого.

С. П. Ефимичев же, в свою очередь добавляет в указанную структуру еще и допрос обвиняемого, что, с нашей точки зрения, представляется вполне логичным завершением данного процесса [7, с. 16]. Соглашаясь с позицией последнего, хотелось бы подчеркнуть, что сущность привлечения в качестве обвиняемого находит свое выражение в следующем: определяется лицо, в отношении которого будет осуществляться дальнейшее производство по делу, а также определяются конкретные противоправные действия, которые оно совершило; выдвижение обвинения меняет процессуальный статус лица на статус обвиняемого, что предоставляет ему максимальную возможность защиты; в отношении лица возможно применение мер процессуального принуждения, которые могут способствовать его надлежащему поведению, а также созданию более благоприятных условий для расследования.

Вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого без его предъявления лицу, а также выяснения и закреплении его позиции по данному вопросу нельзя признать выдвижением обвинения, ведь обвинение выдвигается в случае, когда выполнены все требования главы 23 УПК РФ, а именно вынесено процессуальное решение следователя, дознавателя, еще на тот момент подозреваемый уведомлен о дне предъявления обвинения, ему разъяснены его права, которыми он может воспользоваться, включая право на дачу показаний либо отказ от дачи показаний, на отвод следователя и иные права, предусмотренные ст. 47, ст. 50 УПК РФ и иными уголовно-процессуальными нормами, проведен допрос обвиняемого. С одной стороны, с помощью данных процессуальных действий обвиняемый реализует права, предусмотренные УПК РФ, а с другой стороны, следователь, дознаватель через проведение допроса обвиняемого форми-

рует на основе показаний доказательства, которые ложатся в основу обвинительного заключения.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем целесообразным скорректировать название главы 23 Уголовно-процессуального кодекса оставив его в следующей редакции: «Привлечение в качестве обвиняемого».

Так как привлечение в качестве обвиняемого можно рассматривать как совокупность процессуальных действий должностного лица, ведущего расследование, то можно сделать вывод, что за данными действиями стоит процессуальное решение, то есть исследуемый термин в теории уголовного процесса рассматривается в качестве процессуального решения, принимаемого на стадии предварительного следствия.

Действующий УПК РФ в ст. 5 определяет процессуальное решение как «решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленным настоящим кодексом».

Процессуальное решение субъекта расследования – это «правовой акт, в котором следователь в пределах своей компетенции, в установленном уголовно-процессуальном законе порядке выражает в виде государственно-властного веления выводы о выполнении (или невыполнении) конкретных процессуальных действий, что обусловлено необходимостью достижения задач уголовного судопроизводства и требованиями закона применительно к сложившейся практической ситуации» [8, с. 34]. Соглашаясь в целом с данным утверждением, хотелось бы отметить, что выражения «в пределах своей компетенции» и «в установленном законом порядке» выступают в качестве условий, не признаков определяющих сущность рассматриваемого процессуального действия.

Так, имея достаточное количество доказательств, собранных в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий, следователю необходимо принять решение о том, в отношении какого лица ему необходимо выдвигать обвинение, на каком основании и по какому составу преступления, поэтому в главе 23 УПК РФ предусмотрены нормы, которые обязывают следователя при обвинении лица разъяснить последнему сущность предъявляемого обвинения.

Таким образом, привлечение в качестве обвиняемого – это процессуальное решение субъекта расследования (следователя либо дознавателя), смысл которого заключается в выдвижении обвинения в виде постановления, предъявлении данного обвинения лицу, разъяснении обвиняемому сущности выдвинутого обвинения и его процессуального статуса, определяющее дальнейший ход уголовного судопроизводства, обеспечивающее принцип состязательности и право обвиняемого на защиту.

Пристатейный библиографический список

1. Францифоров Ю. В. Понятие и процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого // Российский судья. - 2021. - № 5.
2. Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. - М., 1979.
3. Сердечная Р. Г. Привлечение в качестве обвиняемого и осуществление принципов уголовного процесса: Дис. ... канд.юрид.наук. - Волгоград, 1999.
4. Орлова А. А. Процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого. / Уголовный процесс. Сборник учебных пособий. Вып. 2. - М., 2018.
5. Харчикова В. Ш. Формирование обвинения в уголовном процессе России: Дис. ... канд. юрид. наук. - Кемерово, 2019.
6. Строгович М. С. Курс уголовного процесса. Т. 2. - М., 1970.
7. Ефимичев С. П. Предварительное расследование и его роль в реализации уголовной ответственности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1987.
8. Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя: правовые и организационные проблемы. - Киев: Высшая школа, 1984.

МИЛИКОВА Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета

ЯКОВЛЕВА Любовь Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

О ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНОЕ ДЕЛО» И СИСТЕМНОСТИ ЕГО МАТЕРИАЛОВ

В правовых актах, в научной литературе и на практике в вопросах, касающихся регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, повсеместно используется термин «уголовное дело». Привычное понятие не имеет законодательно закрепленного определения. Нет единства мнений и в научной среде. В данной статье предпринята попытка дать определение понятию «уголовное дело» через представление его элементов в качестве единой системы. Авторы приходят к выводу, что в самом общем виде, уголовное дело представляет собой систему процессуальных актов и документов досудебного и судебного уголовного судопроизводства, действий и решений участников уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное дело, система, уголовно-процессуальный акт, процессуальные документы, уголовно-процессуальная форма.

MILIKOVA Anna Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Volgograd State University

YAKOVLEVA Lyubov Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Forensic science sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

ON APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF A CRIMINAL CASE AND THE CONSISTENCY OF ITS MATERIALS

In legal acts, in scientific literature and in practice, the term "criminal case" is widely used in matters related to the regulation of criminal procedural legal relations. The familiar term does not have a legally fixed definition. There is no consensus in the scientific community either. This article attempts to define the concept of "criminal case" by presenting its elements as a single system. The authors conclude that in the most general form, a criminal case is system of procedural acts and documents of pre-trial and judicial criminal proceedings, actions and decisions of participants in the criminal process.

Keywords: criminal case, system, criminal procedure act, procedural documents, criminal procedure form.

Уголовный процесс представляет собой череду процессуальных действий и решений, которые оформляются при помощи официальных документов, составляемых специально уполномоченными на то должностными лицами правоохранительных органов. Документальное оформление является неотъемлемой частью уголовного процесса, и правильное оформление процессуальных документов, в частности уголовно-процессуальных актов, позволяет реализовывать назначение уголовного судопроизводства, а именно защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Все документы, которые, так или иначе, имеют отношение к расследуемому преступлению, и составляются в ходе уголовного процесса по конкретному уголовному делу, систематизируются и обобщаются в единый комплекс – уголовное дело. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует определение термина «уголовное дело», что, несомненно, можно считать недостатком ввиду того, что он повсеместно используется как в науке, так и на практике. К тому же существуют разные, порой абсолютно противоположные, мнения к его пониманию, несмотря на кажущуюся простоту и очевидность рассматриваемого вопроса.

В большом юридическом словаре «уголовное дело» определяется как возбужденное в установленном законом порядке

дело в каждом случае обнаружения признаков преступления [1, с. 766.]. Данное определение никак не раскрывает термин «дело», называя дело делом.

Если обратиться к толковому словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, то трактовка термина «дело» в нем отождествляется со следующими понятиями - работа, занятие, деятельность, событие, судебное разбирательство, процесс и собрание документов, относящихся к какому-нибудь факту или лицу и т.д. [6, с. 159.]. Наиболее подходящим, очевидно, является «собрание или совокупность документов», которые образуют «дело».

В науке уголовного процесса к определению понятия «уголовное дело» существуют разные подходы, О. В. Волянская выделила три значения понятия «уголовное дело»: 1) юридическое производство; 2) жизненный случай; 3) совокупность документов [2, с. 13].

Среди современных исследований, например, по мнению С. В. Супруна, Р. Ганболда, уголовное дело можно рассматривать с двух позиций: в качестве деятельности органов предварительного расследования, прокурора и суда, а также как совокупность процессуальных документов, которые были собраны в ходе досудебного и судебного производства [9, с. 140]. Подобные подходы наиболее часто обсуждаются учеными в науке уголовного процесса.

Кажется, что наиболее понятным является подход, определяющий уголовное дело в качестве совокупности докумен-

Миликowa A. B.

Яковлева Л. А.

тов. Но, например, О. В. Мичурина отмечает, что, предположим, при передаче уголовного дела по подследственности или в случае направления его прокурору или в суд, передаются не просто материалы в наглядно-образной форме, а сама процессуальная деятельность, включающая при этом совокупность полномочий [5, с. 157].

С данным утверждением следует согласиться - уголовное дело никак нельзя назвать простым множеством документов. Конечно, это не простое правовое явление, которое является статичным, воспринимаемым в отсутствие динамики, оно претерпевает изменения и напрямую взаимосвязано как с действиями и решениями уполномоченных на их производство лиц, так и других участников уголовного процесса. Внешне представляющее собой комплекс процессуальных документов и, возможно, имеющихся по делу доказательств, они напрямую взаимосвязаны с действиями и решениями участников уголовного процесса.

Подтверждением тому факту, что уголовное дело все же не представляет собой простую совокупность документов, имеющих отношение к расследуемому преступлению, служит и связь с доказательственным правом и учением об уголовно-процессуальной форме. Например, С. Б. Россинский считает, что собирание доказательств может осуществляться с помощью двух автономных процессуальных механизмов: формирования или приобщения доказательств к материалам уголовного дела [7, с. 99]. Автором справедливо отмечено, что следует исключать простое присоединение или добавление документов к уже имеющимся в деле ввиду того, что это сложный процесс придания им особого юридического состояния - облечения в процессуальную форму.

Важным при формировании материалов уголовного дела является вопрос о недопустимости доказательств в процессе предварительного расследования. Интерес представляют результаты опроса, проведенного М. Э. Каац среди следователей и дознавателей ОВД касательно принятия решения о недопустимости того или иного доказательства. Как оказалось, это редкое явление, потому что сами сотрудники не заинтересованы в исключении собранных ими доказательств. Поступающие ходатайства об исключении доказательств им рассматривать не приходилось, как правило, они изучаются в рамках прокурорского надзора или судебного контроля [4, с. 101]. Данная информация говорит об отсутствии необходимого контроля и критической оценки имеющихся в деле процессуальных документов со стороны лиц, ведущих расследование.

Подробно изучила вопросы, касающиеся понятия уголовного дела, И. Н. Гимазетдинова, она считает, под уголовным делом понимается организационно-правовая категория для обозначения хода и результатов уголовного судопроизводства путем объединения различных форм их внешнего выражения (документы, вещи, электронные носители и т.д.) в систематизированный комплекс, основанный на совокупности документов на бумажном носителе [3, с. 48]. Определенные небесспорно, но согласимся с автором, что уголовное дело представляет собой комплекс, прежде всего, процессуальных документов, в том числе актов, но является ли рассматриваемая категория «уголовное дело» системой всех тех элементов, которые в ней содержатся, учитывая, что в определенном он указан в качестве систематизированного комплекса? Конечно, вопрос о системности нуждается в детальном изучении, но данное свойство, несомненно, присуще уголовному делу ввиду того, что оно объединяет в себе отдельные элементы, образуя единую целостную систему.

В толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой термин «система» определяется в нескольких значениях: как определенный порядок в расположении и связи действий; как форма организации чего-нибудь; как нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей [6, с. 719].

В науке об управлении система определяется как комплекс взаимосвязанных составных элементов, образующих определенную целостность. Целостность – свойство системы проявлять себя во взаимодействии с внешней средой как единое целое [8, с. 45]. Несомненно, данные свойства применимы к уголовному делу с учетом особенностей уголовно-процессуальных правоотношений. Учитывая приведенные суждения, можно утверждать, что уголовное дело представляет собой систему процессуальных документов, действий и решений участников уголовного процесса.

В рамках данной статьи ограничимся определением, как представляется, в самом общем виде, уголовное дело – это си-

стема процессуальных актов и документов досудебного и судебного уголовного судопроизводства, действий и решений участников уголовного процесса.

Подводя итог рассмотрению заявленной темы, отметим, что уголовное дело, в первую очередь, представляет собой совокупность процессуальных документов. Это ответ, лежащий на поверхности, но данная категория является сложной и неоднозначной, включающей в себя вопросы об уголовно-процессуальной форме, теории доказательств, системности и многие другие. Видится необходимым дальнейшее подробное исследование вопросов о системности, взаимосвязях между содержащимися в уголовном деле документами. Обращение ученых к проблемам документальной формы представления результатов уголовного судопроизводства видится положительным и необходимым ввиду того, что именно благодаря уголовно-процессуальной форме возможна реализация назначения уголовного судопроизводства. Отсутствие необходимой теоретической базы, несовершенство законодательного регулирования в вопросах документального оформления материалов уголовного дела, нововведения, внедряемые в рамках цифровизации судопроизводства как в судебных, так и на досудебных стадиях уголовного процесса свидетельствуют о потребности в осуществлении комплексного исследования вопросов о процессуальной форме представления систематизированных результатов уголовного судопроизводства в целях развития правовой доктрины, совершенствования уголовно-процессуального законодательства и оптимизации правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.
2. Вольнская О. В. Некоторые подходы к формулированию понятия «прекращение уголовного дела» // Юрист. – 2017. – № 3. – С. 13-16.
3. Гимазетдинова И. Н. Уголовное дело как комплексная документальная форма представления результатов уголовного судопроизводства: специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2023. – 235 с.
4. Каац М. Э. Проблемные моменты процедуры признания доказательств недопустимыми в процессе предварительного расследования // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 24 сентября 2020 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 100-105. – EDN ХУТСТК.
5. Мичурина О. В. О содержании понятия уголовного дела и перспективах модернизации его формы // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 24 сентября 2020 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 155-160. – EDN YVTZFI.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
7. Россинский С. Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. № 3. – С. 91-103. – DOI 10.18287/2542-047X-2020-6-3-91-103. – EDN LPBVKP.
8. Саак А. Э., Тюшняков В. Н. Разработка управленческого решения: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2007. – 272 с.
9. Супрун С. В., Ганболд Р. Предварительное расследование России и Монголии: актуальные проблемы определения содержания понятий «дознанное дело», «уголовное дело», «уголовное преследование», «прекращение уголовного дела» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 137-145. – DOI 10.35750/2071-8284-2019-4-137-145. – EDN BDAGCA.

ПОЛИКАРПОВА Ольга Сергеевна

старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

ОБОСНОВАННОСТЬ ПОДОЗРЕНИЯ И ЕГО ВОЗРАСТАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ВВЕДЕНИЯ В СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ДОПУСТИМОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ

В статье аргументируется значимость обоснованности подозрения в преступлении для установления допустимости введения лица в процессуальный статус подозреваемого и последующего персонализированного уголовного преследования, а равно перспективность применения такой дефиниции для развития процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве в целях не только подтверждения подозрения, но повышения степени его обоснованности, что следует признать необходимым условием оправданности как уголовного преследования личности до завершения досудебного производства по делу, так и применения в ее отношении меры уголовно-процессуального принуждения без предъявления обвинения. Разъяснена логичность применения уведомления о подозрении для оформления решения правомочного должностного лица органа предварительного расследования с целью подтверждения первоначального подозрения с учетом совокупности доказательств по делу, свидетельствующих о возрастании степени его обоснованности.

Ключевые слова: уголовное преследование, обоснованность подозрения, подозреваемый, уведомление о подозрении.

POLIKARPOVA Olga Sergeevna

senior lecturer of Administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

THE VALIDITY OF SUSPICION AND ITS INCREASE AS A CONDITION FOR ENTERING INTO THE STATUS OF A SUSPECT AND THE ADMISSIBILITY OF CRIMINAL PROSECUTION BEFORE THE COMPLETION OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE CASE

The article argues the importance of the validity of suspicion of a crime in order to establish the admissibility of introducing a person into the procedural status of a suspect and subsequent personalized criminal prosecution, as well as the prospects of using such a definition for the development of the procedural status of a suspect in Russian criminal proceedings in order not only to confirm suspicion, but to increase the degree of its validity, which should be recognized as a necessary condition for justification as criminal prosecution identity until the completion of the pre-trial proceedings in the case, and the application of a measure of criminal procedural coercion against her without charge. The logic of applying the notification of suspicion to formalize the decision of a competent official of the preliminary investigation body in order to confirm the initial suspicion, taking into account the totality of evidence in the case, indicating an increase in the degree of its validity, is explained.

Keywords: criminal prosecution, validity of suspicion, suspect, notification of suspicion.

В российском уголовном судопроизводстве продолжительность уголовного преследования лица, обоснованно введенного в процессуальный статус подозреваемого в связи с подозрением в причастности к преступлению, состоит в зависимости от основания возникновения указанного процессуального статуса, что на первый взгляд вполне логично. Однако, к числу наиболее логичных из перечня предусмотренных ч. 1 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) оснований следует отнести уведомление о подозрении в совершении преступления, поскольку применение данного основания может быть реализовано с момента установления подлежащей преследованию личности при расследовании преступления, даже по уголовному делу, не очевидному на момент его возбуждения, обеспечивая тем самым возможность осуществлять в ходе досудебного производства по делу уголовное преследование лица, причастность которого к преступлению расследованием доказывается, сохраняя за ним при условии обоснованности подозрения статус подозреваемого, без выдвижения обвинительного тезиса в форме постановления о привлечении в качестве обвиняемого, который, как нам представляется, должен процесс расследования преступления завершать. Вот только применение такого основания допустимо исключительно при расследовании преступления в форме дознания. И то, с ограничением в виде установленного положениями ст. 224 УПК РФ требования о предъявлении обвинения в пределах закрепленного в ч. 1 ст. 100 УПК РФ процессуального срока в связи с применением предусмотренной ст. 108 УПК РФ меры пресечения.

Иные, предусмотренные ч. 1 ст. 46 УПК РФ основания, допустимые к применению для всех форм предварительного расследования, создают в результате их применения определенные сложности для правоприменителей и не оправданное, по нашему мнению, умаление значения процессуальной фигуры подозреваемого. Указанное аргументируется нами, во-первых, противоречивостью положений УПК РФ в части ряда оснований, порождающих появление в уголовном процессе подозреваемого ввиду взаимозависимости момента возникновения указанного процессуального статуса с применением в качестве оснований к тому п.п. 2, 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, то есть процессуального задержания, либо меры пресечения, которые, однако, допустимы к применению в отношении конкретной личности в статус подозреваемого заблаговременно введенной, что логично следует из всех норм, составляющих главу 12 УПК РФ, а равно из положений ст.ст. 97, 99, 100 УПК РФ, при этом положения последней из указанных норм допускают применение меры пресечения в отношении подозреваемого лишь в исключительных случаях, что порождает вывод об абсурдности применения процессуального задержания или меры пресечения в качестве основания возникновения процессуального статуса подозреваемого. А, во-вторых, обязательным введением подозреваемого, в условиях необходимости продолжения его уголовного преследования, в процессуальный статус обвиняемого в ограниченный положениями ст. 100 УПК РФ процессуальный срок в силу взаимозависимости с институтом мер уголовно-процессуального принуждения, избранными в качестве оснований введения личности в статус подозреваемого, что в ряде

случаев приводит предъявлению формального обвинения, от чего предостерегает правоприменителей С. Б. Россинский [7]. Исключение из необходимости предъявления обвинения в срок, не превышающий установленный положениями ст. 100 УПК РФ, составляет лишь возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. Вот только возможность установить подлежащую уголовному преследованию личность до возбуждения дела не часто в правоприменительной практике достигается.

Представляется нам, что первостепенность возникновения подозрения над процессуальным оформлением задержания или применения меры уголовно-процессуального пресечения очевидна. Однако их исключением из числа оснований возникновения процессуального статуса проблему не разрешить. Прежде всего в связи с тем, что возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, выступающего основанием возникновения статуса подозреваемого, не может быть реализовано в каждом случае в силу установленной ст. 12 Федерального закона «О полиции»¹ обязанности полиции принимать все сообщения о происшествиях и проводить проверку с целью установления признаков преступления или иного правонарушения, вне зависимости от наличия сведений о лице, противоправное деяние совершившем, или отсутствия таковых. А применению для всех форм расследования преступления уведомления о подозрении в совершении преступления препятствует установление законодательно допустимых к этому границ, обусловленных взаимосвязью с положениями ст. 223.1 УПК РФ.

Изложенное повышает убежденность в высоком значении подозрения, основанном на более или менее достоверных информационных данных или зафиксированных фактах, что должно рассматриваться в качестве ориентира для допустимости начала персонифицированного уголовного преследования. Соответственно, именно наличие подозрения может породить возникновение статуса подозреваемого, в виду чего, выражаем уверенность в том, что применение мер уголовно-процессуального принуждения должно выступать последствием возникновения процессуального статуса подозреваемого при условии наличия мотива для применения задержания или оснований для избрания меры пресечения, соответствия тем самым цели их применения, сущность которой отражена в обоснованных рассуждениях Л. И. Лавдаченко [3].

Научным сообществом уделяется достаточно внимания дискуссии о сущности и значении подозрения в уголовном судопроизводстве [4], [8], [10], однако, с момента становления модели советского уголовного процесса², до настоящего времени меры уголовно-процессуального принуждения в виде процессуального задержания и мер пресечения, даже в условиях вышеобозначенного противоречия, продолжают оставаться основаниями возникновения процессуального статуса подозреваемого.

Развивая идею придания подозрению приоритетного значения, выразим уверенность в том, что оно должно быть обоснованным, конкретным и, как нам представляется, укладываться в определенные рамки, позволяющие констатировать его обоснованность, то есть отвечать одному или нескольким критериями подозрения, перечень которых выработан нами в ходе диссертационного исследования³. При этом обоснованность подозрения должна формировать основу принимаемого процессуального решения, не только влекущего за собой возникновение процессуального статуса подозреваемого и закрепление за конкретной личностью определенно-

го перечня процессуальных прав и обязанностей на период персонифицированного уголовного преследования, в частности, в качестве такого решения нами предлагается вынесение постановления о начале уголовного преследования, форму которого следует разработать для реализации возможности применения в перспективе, но и выступающего условием допустимости персонифицированного преследования, превышающего по длительности срок, установленный положениями ст. 100 УПК РФ. Поскольку то, что следует признать достаточным для начала уголовного преследования вынесением одноименного процессуального решения, влекущего введение лица в анализируемый процессуальный статус, не может отвечать требованиям достаточности, определяемым положениями ч. 1 ст. 88 УПК РФ, необходимым для обеспечения продолжительного уголовного преследования, пусть даже ограниченного процессуальным сроком расследования преступления, поскольку такой срок в зависимости от обстоятельств совершения преступления и условий, указывающих на необходимость его процессуального продления, динамичен.

Таким образом, в свете развития института подозрения в российском уголовном судопроизводстве, ориентированного на повышение значимости процессуальной фигуры подозреваемого вплоть до вытеснения из досудебного производства института предъявления обвинения, а, как следствие, оправданное исключение необходимости введения конкретной, подвергнутой уголовному преследованию личности в статус обвиняемого, существенным видится возрастание степени обоснованного подозрения в ходе производства по уголовному делу для достижения к моменту его завершения и признания совокупности доказательств, устанавливающих подлежащие доказыванию обстоятельства, достаточными для рассмотрения уголовного дела судом по существу. Способ достижения предположенного видится в следующем. В ходе досудебного производства по уголовному делу правоприменителем, из числа следователей/дознателей, исходя из подследственности подлежащего расследованию общественно опасного деяния, может быть выстроена логичная, последовательная цепочка доказательств, повышающих степень обоснованности подозрения в отношении подозреваемого как процессуальной фигуры, необходимых для аргументации перед должностными лицами, обеспечивающими ведомственный контроль и прокурорский надзор, а равно перед следственным судьей, предлагаемому научным сообществом, в том числе и нами [1], [5], [6] на перспективу к введению в модель российского уголовного судопроизводства в качестве самостоятельного института, допустимости продления срока примененной меры уголовно-процессуального пресечения, как из числа разрешенных к избранию следователем/дознателем, так и избираемых по ходатайству последних, исходя из оправданности и необходимости продолжения уголовного преследования свыше установленного ч. 1 ст. 162 УПК РФ процессуального срока, а равно минимального, без учета возможности продления, установленного ч. 3 ст. 223 УПК РФ срока дознания. Недоумение общественности в части утверждения о даче разрешения на продление срока применения меры пресечения, избираемой в соответствие с полномочиями следователя/дознателя сразу снимем соответствующей аргументацией. Безусловно, положения действующего УПК РФ такого требования перед правоприменителем не выдвигают, но в перспективе развития процессуального статуса подозреваемого до основного носителя функции защиты в ходе досудебного производства по уголовному делу, что может быть достигнуто упразднением института предъявления обвинения и иных препятствий, скрывающихся в положениях УПК РФ, коррелирующих основания возникновения процессуального статуса подозреваемого с мерами уголовно-процессуального принуждения, расширение полномочий должностных лиц, обеспечивающих ведомственный контроль, прокурорский надзор, включая рассмотрение вопроса о допустимости продолжения уголовного преследования и применения меры пресечения при каждом продлении процессуального срока, представ-

1 О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (с изм. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 14 февраля. – № 7. – Ст. 900.

2 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый III Сессией ВЦИК 25 мая 1922 года. – Пермь: Звезда, 1922. – 128 с.

3 Автором рукописи осуществляется диссертационное исследование на тему «Развитие процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки (юридические науки)».

ляется необходимым, ввиду чего, предлагается нами в качестве идеи перспективного развития института подозрения.

Кроме того, аналогичная необходимость аргументации позиции органов предварительного расследования о повышении степени обоснованности подозрения в отношении подвергнутого преследованию лица, значима и для рассмотрения ходатайства о применении меры пресечения/продлении срока ее применения из числа предусмотренных главой 13 УПК РФ, для избрания которых процессуальных полномочий следователя/дознателя не достаточно, но уже с учетом полномочий в части применения мер пресечения, отнесенных к числу существенно ограничивающих конституционные права личности, возлагаемых на следственного судью, что предлагается на перспективу научным сообществом, в частности М. Ю. Барщевским, Т. Г. Морщаковой [2].

Идея, обуславливающая необходимость возрастания степени обоснованного подозрения в ходе досудебного производства, уже высказывалась научным сообществом, но с точки зрения процесса доказывания и в основу аргументации суждений закладывалось исследование континентальной модели уголовного судопроизводства [9]. Сегодня, в условиях повышения значимости гарантий обеспечения конституционных прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство в связи с его уголовным преследованием, суждения автора рукописи приобретают еще большую актуальность.

Изложенное, в свете предлагаемых преобразований, позволит не умаляя конституционные гарантии личности обеспечить допустимость длительного уголовного преследования лица, обоснованно подвергнутого таковому, а равно допустимость существенного ограничения его конституционных прав и свобод в целях правовой защиты публичного интереса, сущность которого хоть и разъяснена Верховным Судом РФ применительно к положениям Гражданского кодекса РФ⁴, но его содержание оправдано и для уголовно-процессуальной деятельности⁵, что, в частности, достаточно подробно аргументируется А. Н. Чураковым [11].

Таким образом, перспективность совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства с возложением на правоприменителя, из числа правомочных осуществлять предварительное расследование, обязанности обосновывать необходимость и законность продолжения уголовного преследования свыше процессуального срока, которым может быть ограничен начальный этап расследования преступления, считаем уместно говорить о сроке, не превышающем 10 суток с начала персоналифицированного уголовного преследования, представляется нам очевидной. При этом, считаем, указанное может быть достигнуто предъявлением уведомления о подозрении в совершении преступления, состоящем в утверждении, возросшем по степени обоснованности ввиду подкрепления полученными в ходе расследования преступления доказательствами о наличии в действиях (бездействии) подвергнутого персоналифицированному уголовному преследованию лица обстоятельств, составляющих объективную и субъективную стороны преступления, а на завершающем этапе досудебного производства составлением обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), в которых, с учетом формы расследования преступления, должна находить свое отражение четкая и последовательная взаимосвязь обоснованности подозрения с доказательствами по уголовному делу, позволяющими признать подвергнутого уголовному преследованию лицо обвиняемым по результатам утверждения итогового процессуального документа прокурором ви-

ду признания последним сформированного обвинительного тезиса соответствующим правилам оценки доказательств по уголовному делу, что повлечет дальнейшее движение уголовного дела на судебные стадии уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева С. И. Институт следственных судей: перспектива правового регулирования // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы: ООО «Издательство «Статус», 2016. – С. 369-376.
2. Барщевский М. Ю., Морщакова Т. Г. Как избавиться от обвинительного уклона в судах // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 213 (6189). – 24.09.2013 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/24/sud.html>.
3. Лавдаренко Л. И. Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
4. Морозова О. С. Процессуальная природа подозрения в уголовном судопроизводстве // Криминалист. – 2022. – № 4 (41). – С. 87-91.
5. Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // Официальный сайт Международной Ассоциации Содействия Правосудию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iaaj.net/node/1718>.
6. Поликарпова О. С. Институт следственных судей как предпосылка развития института подозрения в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2022. – С. 265-268.
7. Россинский С. Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4 (95). – С. 121-128.
8. Семенцов В. А. Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 101-108.
9. Смирнов А. В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. – 2021. – № 12 (204). – С. 86-94.
10. Сопнева Е. В. Возможные виды подозрения в уголовном процессе // Проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе: Сборник материалов межведомственного научно-практического круглого стола, Ставрополь, 20 мая 2016 года / Под ред. А. Д. Аветисян. – Ставрополь: ООО «СЕКВОИЯ», 2016. – С. 89-97.
11. Чураков А. Н. Публичный интерес: методологические основы формирования правовой категории // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2020. – № 2. Том 1. – С. 80-89.

4 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2015 г. – № 8.

5 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2015 г. – № 8.

ПОПЕНКОВ Антон Валерьевич

старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, подполковник полиции

НУЙКИН Сергей Юрьевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, капитан полиции

ДОБРИНСКИЙ Владимир Анатольевич

доцент кафедры огневой подготовки Учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, полковник полиции

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ПРИНЯТИЮ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРИЗНАКАМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 314.1 УК РФ

В статье авторы проводят анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся установления обстоятельств, подлежащих выяснению при принятии решения о возбуждении уголовного дела по уклонению лица от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений. Описывается актуальная проблематика и пути решения вопросов, связанных с принятием дознавателем решений о возбуждении уголовных дел данной категории. Приводится алгоритм практического применения положений действующего законодательства с учетом правоприменительной практики по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, связанному с нарушением административного надзора.

Ключевые слова: административный надзор, дознаватель, обстоятельства, следственные действия, место жительства, место пребывания, деятельность дознавателя.

POPENKOV Anton Valerjevich

senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

NUIKIN Sergey Yurjevich

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, captain of police

DOBRINSKIY Vladimir Anatoljevich

associate professor of Fire training sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, colonel of police

THE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR TO COLLECT AND ESTABLISH THE CIRCUMSTANCES CONDUCTIVE TO MAKING A DECISION ON THE INITIATION OF A CRIMINAL CASE ON THE GROUNDS OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 314.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article, the authors analyze the criminal and criminal procedural legislation, in terms of establishing the circumstances to be clarified when making a decision to initiate a criminal case for evading administrative supervision or repeated non-compliance with restrictions or restrictions established by the court in accordance with federal law. The current problems and ways of solving issues related to the decision-making by the investigator on the initiation of criminal cases of this category are described. The algorithm of practical application of the provisions of the current legislation is given, taking into account law enforcement practice to establish the circumstances to be proved in a criminal case related to a violation of administrative supervision.

Keywords: administration supervision, investigator, circumstances, investigative actions, place of residence, place of stay, activity of the investigator.

Рассматривая признаки состава преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, следует отметить, что в настоящее время дознаватели органов внутренних дел сталкиваются с наиболее актуальными проблемными вопросами сбора доказательств по указанной категории преступлений. Проводя анализ характерных вопросов, возникающих при принятии решения о возбуждении уголовных дел указанной категории, следует обратить внимание на одну из часто встречающихся ситуаций, когда при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно в случае, если местонахождение поднадзорного лица не установлено, и, как следствие, от него не получено объяснение о причинах и обстоятельствах, по которым оно не прибыло или самоволь-

но оставило место жительства, необходимо установить цель уклонение от административного надзора. Стоит отметить, что выяснение указанных обстоятельств должно осуществляться непосредственно путем установления всей совокупности доказательств, которые должным образом проверены и оценены в ходе проверки сообщения о преступлении¹.

Дознаватель в ходе проверки в каждом конкретном случае должен установить, были ли неявка или самовольное оставление места жительства связаны уклонением от

¹ П. 9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Российская газета». – 2016. – 1 июня. – № 117.

административного надзора, а не крайней необходимостью (отсутствием в связи с необходимостью получения медицинских и иных услуг; сопровождением близкого родственника для оказания медицинской или другой неотложной помощи, невозможностью находиться по месту пребывания (проживания) в связи с неблагоприятными условиями и т.д.). Фактами, подтверждающими данные обстоятельства, будут: объяснение самого поднадзорного, родственников, соседей, лиц, проживающих совместно с поднадзорным, очевидцев, медицинских и социальных работников и т.д. В случае отсутствия указанных сведений принятие решения о возбуждении уголовного дела дознавателем является преждевременным.

В дополнение указанной ситуации следует отметить факт неверной оценки дознавателем нарушения правил соблюдения административного надзора и последующем преждевременном принятии решения о возбуждении уголовного дела. В целях недопущения подобных ситуаций и принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела необходима совокупность доказательств объективно проверенных и оценённых в надлежащем законодательном порядке.

В указанных доказательствах в обязательном порядке отражается информация о том, что после освобождения из мест лишения свободы поднадзорный в установленный законом трехдневный срок в отдел внутренних дел по территории заявленного им места жительства не пришел, на учет не встал, в связи с чем сотрудниками полиции принято решение о его задержании по месту указанного при освобождении пребывания и доставлении в органы внутренних дел [1, с. 28].

Следует отметить, что при таких обстоятельствах необходимо обратить внимание на диспозицию ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, где уголовно наказуемым деянием признается неприбытие поднадзорного лица к избранному им месту жительства или пребывания из мест отбывания наказания в установленный администрацией исправительного учреждения срок, и данное обстоятельство следует считать неисполнением обязанностей, указанных в выданном поднадзорному исправительным учреждением предписании, прибыть к избранному им месту жительства или пребывания в определенный срок и явиться для постановки на учет в орган внутренних дел в трехдневный срок со дня прибытия.

В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное 04.08.2015 Отделом дознания ОП № 1 УМВД России по г. Владивостоку, по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, без получения объяснения поднадзорного лица, в отношении С. возбуждено уголовное дело. 31.12.2016 данное уголовное дело прекращено в связи с отсутствием состава преступления, так как в ходе расследования установлено, что С. отсутствовал по месту жительства по уважительным причинам (находился на рабочем месте в АО ХК «Дальморепродукт» в должности матроса 2 класса) [2].

Другой ситуацией является ненадлежащее исполнение должностным лицом органов внутренних дел, на которых возложены полномочия по осуществлению административного надзора, своих обязанностей (сотрудники подразделений по охране общественного порядка: участковые уполномоченные полиции, инспектора по осуществлению административного надзора), а также контроля со стороны начальника территориального органа².

Так, в частности, возникают ситуации, когда должностным лицом органов внутренних дел поднадзорному не разъясняются обязанности и возложенные на него ограничения, а также порядок смены места жительства и уведомления о невозможности прибытия по графику в территориальный орган внутренних дел. Одновременно с этим должностными лицами не проводятся проверки поведения поднадзорного в быту по месту жительства. Таким образом, необходимо в каждом конкретном случае устанавливать прямой умысел и специальную цель самовольного оставления места жительства – уклонение от административного надзора, что будет подтверждаться объяснением поднадзорного лица, родственников, совместно проживающих с поднадзорным лиц, знакомых, соседей и др.

В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в УМВД России по Кировскому району г. Санкт-Петербурга в 2018 году, когда было принято решение о прекращении на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ в отношении С., который самовольно покинул место жительства в Кировском районе г. Санкт-Петербурга и переехал жить к своей матери по месту своей постоянной регистрации в Красногвардейском районе г. Санкт-Петербурга. В ходе расследования установлено, что в деле об административном надзоре имелась информация о месте регистрации С., однако документально не подтверждено и достоверно не установлено, осуществлялся ли в течение 11 месяцев с момента переезда С. к матери выход сотрудников полиции по адресу места регистрации С.

Объяснение от матери поднадзорного по факту непроживания её сына по заявленному им месту жительства получено не было. В то время как из показаний самого С. и его матери следует, что причиной его переезда послужила тяжёлая болезнь его матери (инсульт, сахарный диабет) и необходимость ухода за ней. Неуведомление о своем переезде инспектора по административному надзору³ С. объясняет тем, что по телефону позвонил участковому уполномоченному (фамилии его не помнит), сообщил о своем переезде и посчитал, что при необходимости ему позвонят на сотовый телефон и вызовут на прием [3].

Отдельно следует отметить протокол осмотра места происшествия, который по результатам изучения обвинительных актов и постановлений является в некоторых случаях эффективным средством доказывания непроживания поднадзорного лица по избранному месту жительства, а также самовольного его оставления. В данном случае составляется протокол осмотр места происшествия – жилого помещения, в котором должен проживать поднадзорный. Одновременно данное следственное действие позволяет установить реальную возможность проживания поднадзорного лица по адресу, отсутствие условий, препятствующих проживанию (наличие водоснабжения, отопления и т. п.).

В качестве примера можно привести материалы уголовного дела, возбужденного ОД ОМВД России «Омутнинский» Кировской области в 2018 году. В ходе осмотра места происшествия было установлено, что в жилом доме имеются кухонные столы, спальные места, диван, холодильник,

вано в Минюсте России 19.08.2011 № 21672) // Российская газета. – 2011. – 26 августа. – № 189.

2 Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 (в ред. от 24.10.2023) «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (Зарегистриро-

3 Ч. 1 ст. 11 Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

электричество, отопительная печь, а рядом с домом имеется баня. Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии в доме условий для проживания в нем. Вместе с тем изучение обвинительных актов и постановлений, приговоров свидетельствует о том, что в ряде случаев при проведении осмотра места происшествия акцент делался не на жилищно-бытовые условия помещения и наличие в нем личных вещей поднадзорного лица, свидетельствующих о его проживании в нем, а на самом поднадзорном лице в момент осмотра в этом жилом помещении, тогда как, по сути, его присутствие или отсутствие в адресе не устанавливает факт проживания в нем [4].

Следует отметить, что осмотр места происшествия, в частности жилого помещения, по делам об уклонении от административного надзора проводится в первую очередь в целях установления возможности проживания в жилом помещении, одновременно могут устанавливаться следы пребывания по данному адресу самого поднадзорного лица (личные документы, вещи поднадзорного, его спальное место, приобретенные им вещи, предметы домашнего обихода, продукты питания и т. д.). Однако делать вывод о проживании или непроживании по адресу в рамках осмотра места происшествия неправильно. Пояснения жильцов дома, квартиры о проживании поднадзорного лица в адресе будут признаваться доказательствами, когда они получены в форме, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством, а именно: в протоколе допроса лица в качестве свидетеля, с разъяснением его прав и обязанностей, предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний

Таким образом, недостатки, имеющиеся в реализации административного надзора уполномоченными лицами, а также фактические обстоятельства его осуществления не позволяют опровергнуть последующие показания поднадзорных лиц, а напротив, будут свидетельствовать в пользу подозреваемых. Следует отметить, что позиция Верховного суда РФ сформирована так, что на цель уклонения могут указывать только действующие обстоятельства, выражающие цель поднадзорного противодействовать исполнению контроля либо избежать контроля со стороны правоохранительных органов за соблюдением установленных в его отношении судом административных ограничений, а также за выполнением обусловленных этими ограничениями обязанностей.

Так, в некоторых субъектах Российской Федерации в ходе расследования уголовных дел приобщение документов, содержащихся в контрольно-наблюдательном деле поднадзорного в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела, осуществляется после производства выемки самого дела об административном надзоре и контрольно-наблюдательного дела и их осмотра. После чего указанные дела под сохранную расписку возвращаются уполномоченным лицам в подразделения по осуществлению административного надзора территориального органа по месту осуществления административного надзора.

В процессуальном плане (с тактической точки зрения) вышеуказанный подход представляется наиболее верным, поскольку самостоятельное изучение дознавателем дела об административном надзоре и контрольно-наблюдательного дела позволит в совокупности определить объем осуществляемого в отношении лица надзора, разъяснении его прав и обязанностей, последствий нарушения правил, неисполнения возложенных на него судом ограничений, а также оценить, какие из документов, содержащихся в деле об адми-

нистративном надзоре и контрольно-наблюдательном деле, имеют значение для уголовного дела.

Так, в рамках возбужденного уголовного дела осуществляется выемка дела об административном надзоре, его осмотр, в ходе которого производится копирование вышеуказанных документов с их приложением к протоколу осмотра, после чего выносятся постановления о признании и приобщении к материалам уголовного дела вещественных доказательств, в котором в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 81 УПК РФ указывается, что вещественное доказательство – дело об административном надзоре – передано на хранение инспектору по осуществлению административного надзора, осуществляющему надзор за подозреваемым.

Анализ результатов вышеприведенного комплекса мероприятий, направлен на выработку вывода о наличии или отсутствии признаков криминального деяния, являющегося предметом исследования в рамках настоящей научно-исследовательской работы. В зависимости от полученных результатов лицом, производящим предварительную проверку, принимается решение о направлении материалов для законодательно установленной регистрации в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях территориального органа МВД России. В дальнейшем указанные материальные субстраты составят основу проверочного материала в рамках ст. 144 УПК РФ. По результатам предварительной проверки по сообщению о преступлении, предусмотренном ст. 314.1 УК РФ, принимается процессуальное решение о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Пристатейный библиографический список

1. Петрова О. В. Методика расследования уклонения от административного надзора лица, освобождённого из мест лишения свободы: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.02.12. – М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, 2022. – 28 с.
2. Материалы уголовного дела № 85132, находящееся в ОД ОП № 1 УМВД России по г. Владивостоку.
3. Материалы уголовного дела № 11701400005719189, находящееся в УМВД России по Кировскому району г. Санкт-Петербурга.
4. Уголовное дело № 11701330014, находящееся в ОД МО МВД России «Омутнинский» Кировской области.

ШАПОВАЛОВА Татьяна Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

ПРИМЕНЕНИЕ КОГНИТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Данная статья посвящена анализу метода активации памяти – когнитивное интервью. В данной статье рассмотрены результаты исследований, доказывающих преимущество методики когнитивного интервью перед допросом под гипнозом. Приводится положительный пример использования когнитивного интервью в раскрытии преступления. Автор сравнивает методы гипноза и когнитивного интервью между собой.

Ключевые слова: память, гипноз, допрос, когнитивная психология, криминалистика, когнитивное интервью, свидетели-очевидцы, потерпевший.

SHAPOVALOVA Tatyana Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

THE USE OF COGNITIVE INTERVIEW IN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article is devoted to the analysis of the method of memory activation – cognitive interview.

This article examines the results of research proving the advantage of the cognitive interview technique over interrogation under hypnosis. A positive example of the use of cognitive interview in solving a crime is given. The author compares the methods of hypnosis and cognitive interview with each other.

Keywords: memory, hypnosis, interrogation, cognitive psychology, criminology, cognitive interview, eyewitness witnesses, victim.

Шановалова Т. И.

Главная цель расследования любого преступления – это установление истины. В ходе предварительного расследования или судебного разбирательства важно выяснить достоверно все обстоятельства, учесть все нюансы произошедшего события. Сделать это можно при помощи допроса потерпевшего, свидетеля-очевидца. Однако не всегда и далеко не все люди могут вспомнить те обстоятельства, свидетелями которых они были. Причиной такого явления могут быть: стресс от пережитого, состояние подавленности у потерпевшего, перевозбужденное состояние очевидцев. В такой ситуации необходимо помочь допрашиваемым лицам вспомнить подробности определенных событий, которые могут иметь важное значение для расследования.

Образцов Виктор Александрович и Богомолова Сапфо Николаевна в своей книге «Криминалистическая психология» отмечают то, что возможности человеческой памяти безграничны. Ученые называют память «живым магнитофоном». В ее «архивах» хранится все, что воспринимает человек с момента своего рождения.

Некоторые люди могут демонстрировать феноменальную память, запоминая все подряд, что видит и слышат, и описывать в мельчайших подробностях все то, что произошло с ними когда-то. Однако у основной массы человеческих индивидов возникают трудности с запоминанием и воспроизведением информации. В нужных случаях, особенно тогда, когда в этом имеется острая необходимость, можно, а подчас и жизненно важно прибегнуть к помощи когнитивной психологии [1, с. 175].

В ходе самого процесса припоминания определенных событий, произошедшего часть из событий, может легко воспроизводиться, а другая часть, хоть и частично, может быть утрачена. Однако любое увиденное и пережитое человеком событие оставляет свой след в его памяти и вспомнить их можно при помощи различных методов активизации памяти.

В обыденной жизни для того, чтобы вспомнить давно забытое часто используют метод гипноза. В ряде стран гипноз стал официально применяться в борьбе с преступностью, давая неплохие результаты.

В своей работе «Гипноз как научное и психическое состояние» Маев В. К. и Данченко С. А. дают определение гипнозу «Гипноз – это временное состояние сознания, характеризующееся сужением его объема и резкой фокусировкой на содержащих внушения, что связано с изменением функции индивидуального контроля и самосознания» [2]. То есть гипноз по сути – это один из методов психоанализа, где исследу-

ются травматические воспоминания пациента, которые и стали причиной психического расстройства.

При этом в российской юриспруденции до настоящего времени гипноз законодательно не признается как метод официального получения информации.

Российские ученые-правоведы, занимающиеся проблемами применения гипноза в уголовном судопроизводстве, разделились на две непримиримые группы.

Одна группа ратует за более активное применение гипноза при расследовании преступлений и приводит для этого вполне обоснованные доводы, а главный довод – это достижение цели уголовного судопроизводства: установление виновных и привлечение их к уголовной ответственности.

Вторая группа выступает категорически против применения данного метода и приводит не менее значимые доводы, но в основном то, что лицо, находящееся под гипнозом, фактически лишается своего свободного волеопределения.

В настоящее время можно констатировать, что в России возможность применения гипноза в следственных действиях носит пока только теоретический характер.

Тогда как же поступать в ситуациях, когда потерпевший или свидетель очень хотели бы рассказать что-либо о преступлении, но в силу наступившей у них травматической амнезии, которая может быть не только соматического, но и психического характера, не может вспомнить детали события.

Не так давно во многих российских СМИ прошла новость о том, что в г. Канске Красноярского края было раскрыто убийство, совершенное 17 лет назад. Ряд журналистов в своих статьях указывали на то, что раскрытию преступления помогло применение метода гипноза в ходе допроса свидетеля. Однако это не соответствует действительности. Действительно специалистом был применен психологический метод активизации памяти, но это не гипноз.

Заместитель руководителя СО по Канскому району СУ СК РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия Игорь Пискун пояснил, что именно благодаря необычному методу следователи активизировали память одной из местных жительниц.

«Специалист-психолог пытался докопаться до истины, чтобы человек вспомнил и описал тех лиц, которых она видела. Второй специалист-художник, исходя из полученной информации, рисовал портрет, то есть фоторобот».

Психолог, работавший по уголовному делу в г. Канске, рассказал: «Бывают такие вещи, как точка входа. Мы начинаем разбирать поэтапно какие-то вещи, связанные с этим днем, с этим событием, более детально. Причем начинаем от

событий, которые непосредственно не касаются преступлений. Издалека раскрываем воспоминания» [3].

В психологии существуют и другие методы, помимо гипноза, которые позволяют активизировать память человека. Не менее значимые результаты можно получить в ходе проведения когнитивного интервью специалистом-психологом.

В ходе применения этого метода человека погружают в расслабленное состояние, которое не является гипнотическим сном, и помогают ему увидеть то, что он считал забытым.

Само название метода – «когнитивное интервью» говорит о том, что в нем используются методы двух наук – когнитивной психологии и криминалистики. Криминалистика, а особенно ее раздел криминалистическая тактика, исследует наиболее эффективные методы допроса, а когнитивная психология изучает познавательные процессы, которые формируются в человеческом сознании. Если правильно использовать данный метод, то в совокупности с уже давно разработанными традиционными приемами допроса, метод когнитивного интервью всегда дает положительный результат.

Когнитивное интервью – это метод получения достоверной, исчерпывающей личностной (субъективной) информации от потерпевших и свидетелей преступления о признаках внешности, поведении преступника (преступников) и обстоятельствах содеянного им (ими) на основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии [1, с. 175].

Для активации памяти специалист-психолог применяет специальные психологические приемы допроса, используемые в бесконфликтных ситуациях:

- смежность;
- сходность;
- контрастность;
- разобщение;
- перифраза;
- наглядность.

Человек запоминает какое-то событие по принципу ассоциаций, то есть в его памяти образуются смежные ассоциации между образами предметов и явлений в том порядке, в каком они воспринимались. Чтобы помочь вспомнить образ предмета или явления следователь может показать допрашиваемому обстановку места происшествия, что помогает вспомнить последнему ранее произошедшее событие.

Прием сходности используется тогда, когда имеется потребность в восстановлении в памяти допрашиваемого забытых представлений, мыслей и чувств, имеющих значение для уголовного дела. Для этого допрашиваемому предъявляются сходные объекты или понятия, не относящиеся к уголовному делу, и способные вызвать представление о ранее произошедшем событии.

Сущность приема контрастности выражается в сравнении противоположных объектов.

Прием разобщения построен на разделении связей в памяти допрашиваемого, образовавшихся при его восприятии, а также прием направлен на выявление отдельных признаков и свойств объекта, который ранее воспринимал допрашиваемый.

Метод перифразы основывается на том, что допрашиваемый может воспроизводить сведения выражениями, которые лицо не использует в своей жизни или которые были подсказаны ему другими лицами. Для проверки таких показаний допрашивающий может попросить допрашиваемого повторить выражения, перефразируя их.

При приеме наглядности допрашиваемый, затрудняющийся выразить словами свойства и признаки объекта, ранее воспринимающегося, может изобразить на бумаге тот элемент, который не может описать словами. При таком приеме также могут использовать шкалу цветов, рисунки и модели.

Анализ практики применения когнитивного интервью в раскрытии преступлений говорит о том, что он более эффективен в ходе допроса свидетелей и потерпевших.

Нередко в ходе допроса допрашиваемый испытывает внутреннее волнение, в результате которого не может четко и связно описать разыскиваемое лицо. Такое состояние волнения может быть связано с окружающей обстановкой, боязнью сказать что-то лишнее и тому подобное.

Таким образом, цель допроса с использованием метода когнитивного интервью состоит в том, чтобы при помощи определенных тактических приёмов активизировать память

допрашиваемого лица и помочь ему вспомнить важные для уголовного дела факты, обстоятельства, моменты [1, с. 176].

Хабалев Валерий Дмитриевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московской государственной юридической академии (МГЮА) имени О. Е. Кутафина уже много лет уделяет исследованию методов активизации памяти.

Специалист-психолог, участвуя в подготовке к допросу, содействует в диагностике психологического состояния допрашиваемого, в определении его эмоционально-волевых установок, а также прогнозирует возможное поведение допрашиваемого с целью установления психологического контакта лица со следователем в ходе допроса. Для активации памяти специалист-психолог применяет различные психологические приемы допроса, используемые в зависимости от ситуации.

Специалист-психолог, используя различные психотехники активизации процессов памяти, помогает допрашиваемому вспомнить то, что казалось ему забытым. Для активизации процессов припоминания используются приемы потенцирования ассоциативных связей (по смежности, сходству и контрасту), которые позволяют восстановить в памяти искомую информацию.

Для того чтобы допрашиваемый вспомнил забытое необходимо не только хорошая память. Для проведения когнитивного интервью особенно важно чтобы допрашиваемый понял инструкции, которые ему дает специалист-психолог и находил необходимую информацию в глубинах своей памяти.

Следователю важно не только помнить, но и понимать, что потерпевший или очевидец преступления только что пережил некий шок и прибывает в глубоком стрессе. Он при всем своем желании не может эффективно извлечь информацию из своей памяти, хотя эта информация, несомненно, там имеется. Психологи в таких случаях рекомендуют немного подождать, пока потерпевший или свидетель-очевидец не успокоится и не придёт в себя.

Как правило, человек, в отношении которого только что было совершено преступление, чувствует страх. Страх – это естественная, сильная человеческая эмоция. Он включает универсальный биохимический отклик, а также высокий индивидуальный эмоциональный отклик. Помимо физических симптомов страха, люди могут испытывать такие психологические симптомы, как подавленность, расстройство, чувство потери контроля или чувство надвигающейся смерти. Следователь может помочь ему избавиться от этого чувства, убедив допрашиваемого, что в подобных ситуациях страх – вполне нормальная реакция.

То какой метод необходимо использовать, чтобы помочь допрашиваемому вспомнить необходимую информацию, следователь при помощи специалиста-психолога каждый раз решает в зависимости от следственной ситуации с учетом всех характеристик допрашиваемого.

В чем же отличие когнитивного интервью от сеанса гипноза?

Во-первых, интервью проводит психолог, а сеанс гипноза должен проводить психиатр. При этом только психолог в уголовном процессе упоминается как специалист, который может принимать участие в производстве следственных действий.

Во-вторых, как мы уже знаем, гипноз характеризуется измененным функционированием нормального сознания человека в необычных для него условиях, то есть человек не контролирует себя в это время. Если же мы говорим о методах когнитивного интервью, то это методы активизации памяти и процессов припоминания, которые стимулируют допрашиваемых лиц к восстановлению в их памяти деталей произошедшего события, при этом они находятся в неизменном сознании.

Пристатейный библиографический список

1. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. - М.: Издательство: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. - 448 с.
2. Маев В. К., Данченко С. А. Гипноз как научное и психическое состояние. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2023/article/2018034597/comments>.
3. Метод активации памяти помог раскрыть убийство 20-летней давности 02-02-2024 ren.tv.

ВИННИЧЕНКО Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

ГРИНЧЕНКО Сергей Викторович

старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЧЕСКИХ ЗАМКОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Замки являются одним из наиболее часто изымаемых объектов в ходе осмотров мест краж с проникновением. Предварительное исследование замков в ходе осмотра места происшествия позволяет следователю выдвинуть версии о событии преступления, способах его совершения. Результаты предварительного исследования замков позволяют также получить розыскную информацию для раскрытия и расследования преступления по «горячим следам». В статье рассматриваются способы взлома навесных замков, описываются следы орудий, примененных для взлома хранилища. Указываются следы, которые несут информацию об инсценировке взлома. Рассмотрены особенности предварительного исследования замков непосредственно на месте преступления. Обращается внимание на объекты, которые могут быть использованы специалистами-трасологами для отождествления орудия взлома. Дается оценка выявляемым признакам, образующимся при криминальном вскрытии замков.

Ключевые слова: механизм взлома, орудия взлома, отжим двери, отождествление, микрорельеф, идентификация, навесной замок.

VINNICHENKO Alexander Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of the Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

GRINCHENKO Sergey Viktorovich

senior lecturer of Fundamentals of forensic science sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

FEATURES OF INSPECTION AND PRELIMINARY EXAMINATION OF MECHANICAL LOCKS AT THE SCENE

Locks are one of the most frequently seized objects during inspections of burglary sites. A preliminary examination of the locks during the inspection of the scene allows the investigator to put forward versions about the event of the crime, the methods of its commission. The results of the preliminary study of the locks also allow us to obtain investigative information for the disclosure and investigation of the crime in the "hot pursuit". This article discusses the methods of breaking padlocks, describes the traces of tools used to break into the vault. The traces that carry information about the staged hacking are indicated. The features of the preliminary investigation of locks directly at the crime scene are considered. Attention is drawn to objects that can be used by traceologists to identify the hacking tool. The assessment of the detectable signs formed during the criminal opening of locks is given.

Keywords: burglary mechanism, burglary tools, door release, identification, microrelief, identification, padlock.

При осмотре места происшествия по делам, связанным со взломом либо несанкционированным открыванием замков требуется выявить и зафиксировать следы, оставленные преступником, и собрать информацию, необходимую для разработки следственных версий о расследуемом событии и личности преступника. Для участия в осмотре целесообразно привлекать специалиста-трасолога.

Тщательный и квалифицированный осмотр места происшествия позволяет обнаружить и зафиксировать следы, характеризующие механизм взлома, использованные инструменты и орудия, навыки преступника и даже некоторые обстоятельства [1, с. 65].

Следы орудий, примененных для взлома хранилища, как правило, множественные, различной интенсивности и, в зависимости от конструкции запирающих устройств и профессиональных навыков взломщика, знания им конструкции запоров, могут располагаться не только на деталях замка, но

и на двери, дверной коробке, приспособлениях, на которые навешен замок [2, с. 84]. Эти следы могут быть образованы различными частями орудия взлома.

Так, орудия, использованные в качестве рычага для отжима двери либо ригеля замка, на двери образуют следы в виде вмятин от рабочей части орудия, постоянно перемещающихся от наружной стороны двери к ее внутренней стороне, с расщепами древесины, а на дверной коробке, в зоне упора рычага – вмятины от боковой поверхности рычага, без его смещения. Если следы от рабочей части рычага накладываются один на другой и вследствие этого оказываются непригодными для последующего отождествления орудия взлома, то отпечатки боковой поверхности орудия в большинстве случаев достаточно полно отображают его микрорельеф и могут быть использованы для его идентификации [3, с. 8].

Осматривая место взлома, в первую очередь следует убедиться, что в данном случае не было инсценировки («си-

Винниченко А. С.

Гринченко С. В.

муляции»). Об инсценировке взлома может свидетельствовать ряд «негативных обстоятельств» – отсутствие тех следов, которые обязательно должны быть оставлены при данном способе взлома. Например, если на двери, взломанной якобы путем отжима, следы орудия находятся только на торце двери, а на соответствующих участках дверной коробки такие следы отсутствуют, это указывает на то, что дверь в момент образования следов была открыта. Отсутствие опилок на полу под дверью при перепиливании дужки навесного замка указывает на то, что замок при перепиливании дужки не был навешен на петли двери.

Полезную информацию об инсценировке взлома может дать установление направления и последовательности образования следов на преграде. Например, если следы распила или сверления двери произведены с внутренней стороны помещения, это свидетельствует об инсценировке взлома. Нередко характерными признаками инсценировки взлома являются наличие «лишних» следов: например, расположение следов постороннего предмета на тех участках двери или замка, которые доступны только при открытом их положении; множественность следов, в том числе на деталях, не связанных с запирающим объектом. При этом необходимо учитывать, что множественные следы малой интенсивности могут остаться на преграде в тех случаях, когда взлом произведен подростком либо женщиной. В то же время минимальное количество следов орудий взлома на преграде, которое привело к преодолению преграды, в большинстве случаев указывает на то, что взломщик хорошо знаком с конструкцией преграды и обладает профессиональными навыками по их преодолению. Если же часть следов нанесены снаружи, а часть изнутри, нельзя исключить, что взломщик, находясь с наружной стороны, действовал с внутренней стороны помещения. Например, сначала была разбита форточка, через нее внутрь помещения с наружной стороны помещен топор, которым была отжата рама.

Если версия об инсценировке взлома не нашла подтверждения в процессе осмотра и предварительного исследования следов, следует продолжить работу по выявлению и фиксации имеющихся следов. На месте происшествия необходимо выявить не только следы непосредственного воздействия орудий взлома, но и такие «сопутствующие» объекты, как щепки, отломы древесины и металла, опилки, стружки и т.п. Следует иметь в виду, что среди таких объектов могут находиться отделившиеся от орудий взлома обломки, зубья пилы, отслоения краски и т.п. [4, с. 285] В дальнейшем эти объекты могут быть использованы для отождествления орудия взлома по отделившимся от него частям.

Важно не только обнаружить указанные выше объекты, но и зафиксировать их местоположение относительно взломанной преграды.

Независимо от способа взлома либо отпираания замка при осмотре места происшествия на замке и на окружающих его предметах необходимо попытаться выявить следы рук преступника.

В процессе осмотра должны быть зафиксированы (в протоколе, на схеме и фотоснимках): конструкция двери и запирающих устройств, выявленные следы (их форма, размеры, взаимное расположение). Следы орудий взлома предпочтительно изымать вместе с частью предмета, на котором они находятся. Копии следов (снимки, отпечатки и т.п.) можно получать лишь в тех случаях, когда в натуре следы изъять невозможно. Перед копированием следов их следует сфотографировать с увеличением либо в натуральную величину, по правилам масштабной съемки, при различных условиях и углах освещения (рассеянное, направленное).

На схеме к протоколу осмотра должно быть отмечено взаимное расположение следов относительно друг друга и элементов запирающих устройств.

В тех случаях, когда следы взлома на месте происшествия отсутствуют, но имеются признаки пребывания посторонних лиц в помещении, следует основное внимание сосредоточить на анализе состояния запирающих устройств (замков и запоров окон, люков, дверей).

В таких случаях при осмотре у лиц, обнаруживших следы проникновения в помещение, необходимо выяснить, какие действия произвели они до прибытия следователя (открывали замки, проверили их работу, производили уборку либо ремонт и т.п.).

Затем необходимо выяснить, в каком положении находятся замки (открыт, закрыт, открыт на один оборот ключа и т.п.), имеются ли на замках и на двери следы отжима ригеля. Осматриваются также замочные скважины замков и цилиндрических механизмов с целью выявления на них следов воздействия посторонними предметами. Выявленные следы воздействия посторонних предметов фиксируются в протоколе осмотра, фотографируются и изымаются (либо копируются).

Какие-либо эксперименты с замками, в том числе с использованием ключей-оригиналов, недопустимы [5, с. 177], т.к. они могут привести к уничтожению или повреждению следов, оставленных посторонними предметами на деталях механизма замка. Замки изымаются целиком. Вместе с замками должны быть изъяты как все ключи-оригиналы, входящие в комплект замка, так и ключи-дубликаты и ключи от других замков, которыми систематически пользовались для открывания исследуемого замка.

При необходимости последующего исследования врезных и накладных замков подлежат изъятию лицевая и запорная планка, корпус замка и цилиндрический механизм.

Изъятые объекты должны быть упакованы таким способом, который исключает их утрату и повреждения имеющихся следов при хранении и транспортировке [6, с. 88].

Полагаем, что данные рекомендации помогут специалистам-трасологам провести тщательный и квалифицированный осмотр места происшествия, позволят обнаружить и зафиксировать следы, характеризующие механизм взлома, использованные инструменты и орудия, навыки преступника и обстоятельства происшествия и, в дальнейшем, изобличить преступника.

Пристатейный библиографический список

1. Кондаков А. В., Донцов Д. Ю. Экспертное исследование замков механических: учебное пособие. – Волгоград, 2018. – 103 с.
2. Поташник С. И. Криминалистическая экспертиза замков. – М., 1969. – 252 с.
3. Герасимов А. М., Капитонов В. Е., Мартынов В. В. [и др.]. Криминалистическое исследование следов взлома металлических хранилищ: учебное пособие. – М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991. – 72 с.
4. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник / И. В. Латышов, Д. Ю. Донцов, Е. В. Китаев [и др.]; под ред. И. В. Латышова. – Трасология и трасологическая экспертиза: учебник / И. В. Кантор (отв. редактор), В. А. Ярмак, Н. Ю. Жигалов, П. П. Смольяков (отв. секретарь). – М.: ВА ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 376 с.
5. Следы на месте происшествия: Краткий справочник / Под ред. И. П. Карлина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. – 104 с.
6. Замки механические. Справочное пособие для экспертов-криминалистов, специалистов сервисных служб и испытателей / Е. Н. Поздняков, И. С. Никитин, В. Н. Скрипкин [и др.]; под ред. Ю. М. Дильдина. – М., 2011. – 208 с.

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

ВЗРЫВНЫЕ УСТРОЙСТВА КАК ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЗРЫВОТЕХНИКЕ

В статье анализируются вопросы расследования происшествий, связанных со взрывами. Исследование и разработка новых методов обнаружения и защиты от взрывных устройств имеет критическое значение для обеспечения общественной безопасности. При организации и планировании расследования криминальных взрывов необходимо учитывать вид взрывных устройств, их характеристики и потенциальные последствия. Поэтому особое внимание уделяется классификации взрывных устройств. Кроме того, рассматриваются современные боеприпасы, такие как боеприпасы типа «ударное ядро» и кассетные боеприпасы, которые составляют значительную часть боекомплектов современной авиации и артиллерии и широко применяются во всех конфликтах последних десятилетий.

Ключевые слова: взрыв, боеприпасы, взрывное устройство, криминалистическая взрывотехника, место происшествия, объект экспертизы, взрывотехническая экспертиза.

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

Долгушина Л. В.

EXPLOSIVE DEVICES AS RESEARCH OBJECTS IN FORENSIC EXPLOSIVE ENGINEERING

The article analyzes the investigation of incidents related to explosions. Research and development of new methods for detecting and protecting against explosive devices is critical to ensuring public safety. When organizing and planning the investigation of criminal explosions, it is necessary to take into account the type of explosive devices, their characteristics and potential consequences. The article pays special attention to the classification of explosive devices. In addition, modern ammunition is considered, such as "strike core" ammunition and cluster ammunition, which make up a significant part of the ammunition of modern aviation and artillery and are widely used in all conflicts of recent decades.

Keywords: explosion, ammunition, explosive device, forensic explosive engineering, scene, object of expertise, explosive technical expertise.

Криминалистическая взрывотехника – одно из направлений деятельности криминалистического оружейоведения, которое изучает закономерности конструирования взрывных устройств, их технические данные, закономерности взрыва и образования его следов, а также разрабатывает приемы и средства сбора и исследования этих объектов для установления обстоятельств расследуемых событий [1].

Специфическими объектами исследования в криминалистической взрывотехнике являются разнообразные по своей природе следы. С одной стороны, это следы, отображающие действия и процессы, связанные незаконным оборотом взрывных устройств и взрывчатых веществ, с другой – следы, как результат подготовки и производства взрыва. В качестве важной характеристики взрывного устройства следует упомянуть тот факт, что оно является техническим.

Взрывным устройством называют систему материально-технической категории, которая отличается однородностью, в составе которой представлен заряд, состоящий из химического вещества взрывчатой категории, который объединен в конструкции со средством для взрывания. Такая система применяется для того, чтобы совершать взрыв в преступных целях, который имеет достаточно значительное действие поражающего характера.

Классификация устройств взрывной категории является подразделением всех моделей и типов на классы, для этого используется назначение, метод производства, мощность. Среди максимально подробных следует упомянуть классификацию, которая предлагается И. Д. Моторным [2], [3]. Он разделяет все устройства взрывной категории в соответствии со следующими признаками:

- по методу изготовления: промышленные, кустарные и самодельные;
- по назначению. Предназначенные для боевых действий, для взрывных работ гражданской категории, для осуществления имитационно-пиротехнических, учебных, а также других действий вспомогательного характера, для целей диверсионно-террористического характера;
- по мощности. Меньше 50 г, от 50 до 1000 г, от 1 до 10 кг, от 10 до 100 кг, превышающие 100 кг;
- в соответствии с конструкцией. Одно изделие, один бытовой предмет, система предметов разного рода;

- в соответствии с возможностью и методом обезвреживания или уничтожения. Бывают обезвреживаемыми и необезвреживаемыми;

- в соответствии с уровнем подготовленности. В положении для транспортировки, разобранные, на боевом взводе;

- в соответствии с типом механизма приведения в действие. Огневые, химические, электрические, механические, смешанные, управляемые в радио-режиме;

- в соответствии с временем срабатывания. Бывают мгновенными, короткозамедленными, замедленными, комбинированными.

Недостаток классификации, которая предлагается И. Д. Моторным – это отсутствие отражения в ней способа поражающего действия на окружающие объекты, особенностей конструкции, метода управления, которые являются достаточно важными. Боеприпасов взрывного действия здесь также нет.

Исследование значительного количества классификаций, практики судов, параметров, которыми отличаются боеприпасы взрывного действия, а также проведенные исследования, дали возможность сформировать классификацию взрывных устройств:

1. В соответствии с методом выпуска существуют промышленные, кустарные, самодельные и переделанные устройства.

Взрывными устройствами промышленной категории называют те, которые выпущены на особых производствах по технической документации, они обладают значительным уровнем обработки, у них есть маркировка.

Взрывные устройства переделанного типа являются устройствами, выполненные на производстве, которые были реконструированы самостоятельно. Результатом становится изменение ряда элементов устройства, поэтому оно получает новое свойство или назначение.

2. В соответствии с назначением, устройства для взрыва бывают военными и хозяйственными.

Они могут быть классифицированы таким образом:

- Основное назначение – применяются для поражения людей, а также объектов. Это ручные гранаты, выстрелы, предназначенные для гранатометов, снаряды артиллерийской категории, а также мины, авиационные бомбы, инженерные боевые припасы.

– Специальное назначение – благодаря им осуществляется выполнение боевой задачи.

– Вспомогательное назначение – применяются для того, чтобы осуществлять учебную и боевую подготовку войск, а также проведение испытаний на полигонах военной техники.

3. В соответствии с мощностью, можно выделить устройства, обладающие средней, малой, большой и незначительной мощностью. Здесь речь идет о зарядах, массах которого для большой мощности составляет 250 г в тротиловом эквиваленте, для средней от 100 до 250, для малой от 50 до 100, для незначительной – до 50 г.

В соответствии с конструктивными особенностями взрывные устройства подлежат классификации на безоболочные, в составе которых имеется заряд взрывчатого вещества, а также средства взрыва, находящиеся в общей конструкции, с оболочкой и добавочными элементами, которые разлетаются при взрыве и приводят к формированию осколков для поражения. Оболочка может создаваться из металла, других материалов. Она содержит в себе заряд, а также взрыватель, в некоторых случаях обладает боевой функцией, распадаясь на осколки.

4. В соответствии с методом формирования элементов поражающего. Устройства бывают изготовленными с применением готовых элементов поражающей категории, которые являются дробью, картечью, шариками от подшипников, а также другими изделиями, располагаемыми на поверхности взрывчатого вещества или внутри его массы.

5. В соответствии с формой заряда, классификация осуществляется по отношению к устройствам самодельного изготовления.

6. В соответствии с методом действия на объекты вокруг. Бывают фугасные, осколочные, осколочно-фугасные, кумулятивные устройства и боеприпасы типа «ударное ядро».

Действие поражающего типа – это взрыв, разрушение предметов, которые расположены вокруг, а также нанесении людям, которые находятся в данной области телесных повреждений разного уровня силы. При этом имеет место фугасное или осколочное действие. Поражение в первом случае осуществляется посредством ударной волны и действия продуктов, полученных от взрыва, во втором – посредством влияния разрушающихся частей устройства и предметов, которые находятся близко.

Кумулятивное действие – это поражение объектов при помощи мгновенного сосредоточенного влияния кумулятивной струи на высокой скорости, которая получается, когда кумулятивная воронка сдавливается взрывом.

Кумулятивные снаряды, характеризующиеся сравнительно простотой в создании и функционировании, превосходят по бронепробитости при использовании в оружии с относительно низкими начальными скоростями выстрела. Их ключевым преимуществом является именно эта эффективность.

Боеприпасы типа «ударное ядро» или так называемые снаряды, формирующиеся в результате взрыва, представляют собой кинетическое оружие, которое уникально сочетает способность проникновения кумулятивной струи с добавлением кинетического воздействия самого снаряда.

В момент детонации кумулятивного взрывного устройства с металлической поверхностью происходит взрыв, формируется нечто весьма уникальное: компактный металлический объект, который по своей форме похож на пест. Это явление известно как создание ударного ядра. Интересно, что характеристики такого ядра, включая его вес и силу, во многом определяются конфигурацией металлической оболочки, из которой оно образовалось.

7. В соответствии с зоной поражающего действия на объекты вокруг, существуют круговые устройства, направленные устройства, сферические устройства.

Влияние любого устройства взрывного типа подлежит исследованию посредством зоны поражения. Это направленное рассредоточение продуктов, которые получаются в рамках взрыва, ударной волны, осколков, которые могут разлетаться под разными углами в вертикальном и горизонтальном направлении в зависимости от особенностей конструкции устройства.

8. В соответствии с расположением относительно объектов, которые будут взрываться, устройства бывают внутренними и наружными. Первые располагаются внутри объектов, которые требуется взорвать, а вторые находятся на наружных поверхностях объектов или около них.

9. В соответствии со способом маскировки устройства могут быть замаскированными или незамаскированными.

10. В соответствии с методикой управления, устройства могут быть управляемые, взрыв в данном случае производится в соответствии с командой, подлежащей передаче посредством проводов или сигнала на радио, а также неуправляемые, кото-

рые срабатывают, когда на них влияет объект поражения – на их чувствительный элемент. Также возможна ситуация, что срабатывание происходит после того, как завершается определенное время, необходимое для замедления.

11. В соответствии со способом приведения в действие. Могут быть контактными, срабатывание которых происходит, если имеет место соприкосновение с объектом, который требуется поразить, неконтактными, которые активизируются посредством радиосигнала, часового механизма или факторов физического характера, комбинированными, срабатывание которых осуществляется, если имеет место контактирование с преградой, в противном случае – при истечении определенного времени.

12. В соответствии с особенностями взрывчатого вещества существуют устройства с обычными, ядерными, химическими, биологическими веществами.

13. В соответствии с возможностью удалить взрыватель, устройства могут обладать извлекаемым взрывателем и неизвлекаемым взрывателем.

14. В соответствии с возможностью обезвреживания устройства бывают обезвреживаемыми и необезвреживаемыми. Во второй категории устройств находится механизм неизвлекаемости, который предназначен для того, чтобы устройство взрывалось, если будет сделана попытка обезвредить его.

Для криминалистических целей могут использоваться и иные классификации в соответствии с другими характеристиками.

На сегодняшний день, в арсенале современных военных конфликтов значительное место занимают такие виды боеприпасов, как кассетные. Эти боеприпасы уникальны тем, что представляют собой оболочку, внутри которой находится множество мелких снарядов – от десятков до нескольких сотен. Они могут быть запущены как с земли, так и из воздуха, и разработаны специально для поражения широких территорий.

Помимо этого, стоит упомянуть об использовании нестандартных боеприпасов, в том числе самодельных, которые были активно задействованы в борьбе против сил США, участвующих в операциях на Ближнем и Среднем Востоке. Эти боеприпасы, отличаясь особой мощью и способностью пробивать броню, представляли значительную угрозу для американской военной техники, особенно уязвимы они были для атак на наиболее незащищенные места.

Существуют различные типы боеприпасов, которые классифицируются на основе их способности к управлению и метода разрывания. Например, некоторые из них могут самостоятельно следовать к цели, в то время как другие просто падают по принципу гравитации. Помимо этого, их можно задействовать с разнообразной военной техникой – начиная от воздушных средств и заканчивая ракетными комплексами различного действия и артиллерийскими установками.

Большая часть взрывных устройств обладает оболочкой или корпусом, которые предназначены для:

- создания замкнутого объема для того, чтобы создать взрыв;
- обеспечения действия осколочного и поражающего типа;
- придания формы заряду вещества взрывчатого типа;
- соединения частей взрывного устройства;
- защиты веществ взрывчатого типа от внешнего влияния;
- маскировки;
- совершенствования процесса транспортировки и фиксации, установки на месте, где происходит взрыв.

У взрывного устройства может быть одновременно несколько оболочек, у каждой из них может быть собственная одна или несколько функций.

Роль взрывного устройства в рамках совершения преступления может быть различной. Это объясняет также значительное разнообразие следов материального и идеального характера.

Залогом успешного экспертного исследования является тщательное собирание и сохранение с участием соответствующих специалистов всех возможных следов применения взрывных устройств и соблюдение всех необходимых правил обращения с такого рода следами.

Пристатейный библиографический список

1. Криминалистическое оружиеведение: учебное пособие / Е. Б. Мельников, А. В. Репин, Л. В. Долгушина [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. – 88 с.
2. Моторный И. Д. Взрывные устройства и их криминалистический осмотр. – 1997. – С. 8-17.
3. Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом. – М.: Шумилова И. И., 1999. – 199 с.

КАБАКОВА Екатерина Сергеевна

преподаватель кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ЛИТВИНОВ Роман Викторович

преподаватель кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

Расследование преступлений с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ является сложным и трудоемким процессом, требующим высокой квалификации следователей, дознавателей, специалистов и экспертов. Важным элементом расследования является обнаружение и изъятие таких устройств или веществ с минимальным риском для субъектов компетентных правоохранительных органов. В статье проведен анализ особенностей расследования таких преступлений, а также применения физических методов исследования.

Ключевые слова: взрывные устройства, взрывчатые вещества, расследование преступлений, преступления с использованием взрывчатых устройств, методы расследования, эксперт, криминалист, особенности расследования преступлений.

КАВАКОВА Ekaterina Sergeevna

lecturer of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

LITVINOV Roman Viktorovich

lecturer of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES INVOLVING EXPLOSIVE DEVICES AND EXPLOSIVES

The investigation of crimes involving explosive devices and explosives is a complex and time-consuming process that requires highly qualified investigators, interrogators and experts. An important element of the investigation is the seizure of such devices or substances with minimal risk to the subjects of competent law enforcement agencies. The article analyzes the features of both the investigation of such crimes, as well as the use of physical research methods.

Keywords: explosive devices, explosives, investigation of crimes, crimes using explosive devices, investigation methods, expert, criminologist, features of crime investigation.

Кабакова Е. С.

Литвинов Р. В.

По официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, количество преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных или имитирующих их устройств, в 2022 году выросло на 29,7 %. За период с января по октябрь было зафиксировано около 5 тысяч таких преступлений. Максимальное количество преступлений, связанных с использованием взрывчатки, составило 283 случая – это самый высокий уровень за последние шесть лет [1].

Согласно сообщениям МВД России, в 2023 году число преступлений с оружием и взрывчаткой в январе выросло на 50 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В рейтинге регионов, имеющих наибольший темп прироста, лидером стала Белгородская область.

Наибольший прирост преступлений с использованием огнестрельного и газового оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств в январе 2023 года был зафиксирован в Белгородской области, а на втором и третьем местах расположились Брянская и Курская области. Также вошли Москва и Бурятия. Увеличение числа преступлений с использованием оружия и взрывчатки в Белгородской, Брянской и Курской областях связано с преступными обстрелами со стороны Вооруженных Сил Украины [2].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что актуальность преступлений, связанных с использованием взрывных устройств и веществ является в настоящее время неоспорима.

С каждым годом число подобных преступлений растет, а их последствия становятся все более разрушительными и смертельными. Такие преступления представляют серьезную угрозу для общественной безопасности и требуют немедленного и эффективного реагирования со стороны правоохранительных органов.

Расследование преступлений с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ представляет собой сложный и трудоемкий процесс деятельности в правоохранительных органах. Одной из основных причин актуальности данного вида преступлений является низкая стоимость и доступность в изготовлении самодельных взрывных устройств, а также колоссальный урон от одного устройства. Взрывчатые вещества и устройства могут быть изготовлены из простых и доступных материалов. Это создает опасность не только для отдельных лиц, но и для групп лиц, одновременно находящихся в общественных местах, транспортных средствах и критической инфраструктуре.

Важным аспектом расследования является также анализ места преступления. Специалисты взрывотехнической экспертизы и следователи должны кропотливо изучать следы взрывов, производить обнаружение микрофрагментов взрывного устройства и находить причинно-следственные связи между взрывами и их опасными последствиями.

Также важным этапом расследования является выявление потенциальных подозреваемых. Сотрудники МВД РФ за-

нимаются анализом информации о возможных террористических группах, преступных сообществах и отдельных лицах, проявляющих интерес к взрывчатым веществам. Профессиональная интуиция и глубокое понимание психологии преступников помогают правоохранительным органам обнаружить и задержать подозреваемых, предотвратив тем самым совершение преступления против общества и государства.

Неотъемлемым аспектом успешного расследования преступлений с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ является тесное сотрудничество между правоохранительными органами, специалистами и экспертами в области криминалистики и взрывотехники.

На первом этапе расследования преступлений, необходимо в кратчайшие сроки собрать первичную информацию о произошедшем инциденте. Особенно важно установить точную дату, время и место происшествия, лиц, причастных к совершению преступления, а также выяснить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, очевидцев и свидетелей, вещественные доказательства. Это позволит определить следующие шаги расследования и выбрать наиболее эффективные методы анализа.

Специалисты, специализирующиеся на взрывных устройствах, проводят тщательные обследования места преступления, используя специализированное оборудование и соответствующие методы. Они ищут следы взрывных веществ, подозрительные предметы или компоненты, а также анализируют возможные следы взаимодействия с взрывными устройствами [3].

Во время расследования криминальных взрывов всегда возникает потребность в проведении разнообразных экспертиз, в частности – в области взрывотехники. Поскольку взрывотехническая экспертиза имеет огромное значение не только для более точного выявления имеющихся обстоятельств дела, но и для обнаружения новых фактов, а также для принятия и осуществления обоснованных процессуальных решений. С помощью данной экспертизы устанавливается принадлежность исследуемых веществ или изделий к взрывчатым материалам или взрывным устройствам, их возможность нанести вред, а также прослеживается уровень специальных знаний и профессиональных навыков изготовителя взрывного устройства или вещества. Только благодаря проведению взрывотехнической экспертизы можно получить достоверную информацию.

Взрывотехническая экспертиза способна решать множество задач, связанных с идентификацией, классификацией, диагностикой и анализом взрывных устройств и взрывчатых веществ. В общем виде эти задачи могут быть представлены следующим образом.

Идентификационные задачи направлены на установление конкретной идентичности исследуемого объекта и определение его принадлежности к определенной группе или роду. К таким задачам можно отнести следующее:

– Определение единого целого из отдельных фрагментов или элементов взрывотехнического устройства.

– Выявление общего (единого) источника происхождения двух или более объемов взрывчатого вещества, требующих сравнения.

– Определение вида исследуемого взрывчатого вещества или взрывотехнического устройства, произведенного промышленным способом.

– Определение общей принадлежности двух или более взрывотехнических устройств к одной группе.

– Установление связи между обнаруженными следами на исследуемых объектах, предметах вещной обстановки и месте происшествия со следами взрыва.

Классификационные задачи включают определение принадлежности неизвестных веществ, изделий и следов к определенному классу объектов взрывотехнической экспертизы.

Диагностические задачи экспертизы направлены на определение факта взрыва, его природы и технической причины, определение центра взрыва, конструкции отдельных элементов и взрывного устройства в целом, принципа его работы, оценку массы взрывчатого вещества, определение разрушающего радиуса действия взрыва, а также выявление наличия или отсутствия у изготовителя взрывчатого вещества и взрывных устройств специальных знаний в области взрывотехники, химии и технологии взрывчатых веществ [4].

Эксперты активно применяют физические методы исследования, такие как исследование следов пальцев рук, сравнительный анализ образцов ДНК и баллистика. Они собирают

улики на месте происшествия, проводят экспертизу элементов и сравнивают их с базами данных. Это позволяет установить личности подозреваемых, связи между различными событиями и предоставить доказательства в суде.

Физические методы исследования играют неоспоримо важную роль в расследовании преступлений, связанных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ. Эти методы, основанные на принципах физики и химии, способны предоставить ценную информацию для выявления обстоятельств происшедшего и идентификации преступников.

Одним из наиболее используемых методов является физико-химический анализ взрывчатых веществ. Путем проведения лабораторных исследований эксперты обнаруживают и анализируют химический состав веществ, используемых во взрывных устройствах. Это позволяет установить маркирующие вещества, которые могут быть связаны с определенными группировками или отдельными лицами, а также определить происхождение исследуемых веществ.

Для эффективного расследования преступлений с применением взрывных устройств также применяются методы физического исследования самого взрывного устройства. Физические следы на взрывных устройствах могут дать ценную информацию об их конструкции, способа изготовления и, как следствие, о возможных подозреваемых. Путем оценки внутренних и внешних повреждений, а также следов силы взрыва, специалисты могут определить возможные источники и способы изготовления взрывных устройств.

Более того, физические методы исследования также включают в себя анализ следов взрывов. Специалисты могут изучать физические характеристики взрыва, такие как график развития взрывной волны, радиус поражения и другие параметры, чтобы определить тип и мощность взрывного устройства. Это позволяет судебным экспертам делать выводы о характеристиках взрывчатого вещества и способе его активации, что в свою очередь может привести к возможным подозреваемым [5].

В итоге, методы расследования преступлений, связанных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, включают сбор информации, проведение взрывотехнической и судебно-химической экспертиз, работу взрывотехников и криминалистов. Эти методы играют ключевую роль в установлении фактов, задержании преступников и обеспечении общественной безопасности. Знание и использование современных методов расследования являются неотъемлемыми для эффективной борьбы с преступностью и поддержания законности.

Таким образом, использование физических методов исследования при расследовании преступлений с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ является неотъемлемой частью современной криминалистики. Они предоставляют ценные данные для выявления и пресечения преступной деятельности в этой сфере, а также способствуют более эффективной работе правоохранительных органов и судебных экспертов.

Пристатейный библиографический список

1. Число преступлений с использованием оружия в России выросло почти на 30 %. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5681005> (дата обращения: 31.01.24).
2. В РФ в январе на 50 % выросло количество преступлений с оружием и взрывчаткой (tass.ru). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obscheshtvo/17194813?ysclid=ls1a3y89oe725122541> (дата обращения: 31.01.24).
3. Коткин П. Н. Расследование чрезвычайных происшествий, связанных со взрывами, пожарами и выведением из строя транспортных средств: монография. – М., 2004. (дата обращения: 31.01.24).
4. Шавлюкевич Г. А., Климович С. В. О взрывотехнических и взрывотехнологических экспертизах // Судебная экспертиза Беларуси. – 2016. – № 2 (3). – С. 18-20 (дата обращения: 31.01.24).
5. Бастрыкин А. И. Криминалистика. Современные методы криминалистического исследования: учебное пособие. – СПб.: ООО «Ольга», 2003. (дата обращения: 31.01.24).

КАДИЕВ Гамид Ризванович

магистрант 2 года очной формы обучения Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

СЕФИКУРБАНОВ Казимагомед Сефикурбанович

кандидат юридических наук, доцент, кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ОБЫСК И ВЫЕМКА КАК СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

В данной научной статье рассматривается значимость и особенности проведения обыска и выемки как важных следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации. Автор анализирует законодательные нормы, касающиеся проведения обыска и выемки, а также судебную практику и прецеденты, связанные с данными процессуальными мероприятиями. Особое внимание уделяется правам и обязанностям сторон в ходе обыска и выемки, а также их роли в обеспечении законности и объективности расследования преступлений. В статье также анализируются возможные проблемы и недочеты в применении этих следственных действий, а также предлагаются пути их оптимизации с целью обеспечения соблюдения конституционных прав граждан и обеспечения эффективности уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Ключевые слова: обыск, выемка, уголовный процесс, законодательство, права сторон, судебная практика, конституционные права.

KADIEV Hamid Rizvanovich

magister student of the 2nd year of full-time study of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

SEFIKURBANOV Kazimagomed Sefikurbanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

SEARCH AND SEIZURE AS INVESTIGATIVE ACTIONS

This scientific article examines the importance and features of conducting a search and seizure as important investigative actions in the criminal process of the Russian Federation. The author analyzes the legislative norms concerning the conduct of search and seizure, as well as judicial practice and precedents related to these procedural measures. Special attention is paid to the rights and obligations of the parties during the search and seizure, as well as their role in ensuring the legality and objectivity of the investigation of crimes. The article also analyzes possible problems and shortcomings in the application of these investigative actions, as well as suggests ways to optimize them in order to ensure respect for the constitutional rights of citizens and ensure the effectiveness of criminal proceedings in the Russian Federation.

Keywords: search, seizure, criminal procedure, legislation, rights of the parties, judicial practice, constitutional rights.

Обыск и выемка являются одними из основных следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации, применяемых с целью обеспечения полноты, объективности и законности расследования преступлений. Эти действия предоставляют правоохранительным органам возможность получения доказательств и собрания информации, необходимой для выяснения обстоятельств дела.

Обыск и выемка регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) и осуществляются в соответствии с установленными процедурными правилами. Проведение данных следственных действий требует наличия у суда постановления об их проведении, за исключением случаев, предусмотренных законом, когда обыск и выемка могут быть проведены и без судебного решения [1, с. 80].

Обыск представляет собой осмотр помещений, транспортных средств, а также иных мест, где могут храниться материальные доказательства преступления или предметы, имеющие значение для дела. В ходе обыска следователи и сотрудники правоохранительных органов имеют право осматривать, изымать и изучать предметы, а также запрашивать

необходимую информацию у лиц, находящихся на месте проведения обыска [2, с. 131].

Своим принудительным характером и необходимостью в рамках закона ограничивать личные свободы граждан, включая свободу личной жизни и неприкосновенность жилища, обыск отличается от других следственных мероприятий, таких как осмотр. Это обусловлено тем, что основания для проведения обыска (как фактические, так и правовые) и процедуры его проведения обеспечиваются дополнительными гарантиями прав и законных интересов личности. Многие тактические методы обыска, связанные с применением допустимого принуждения, регулируются уголовно-процессуальным законом [5, с. 120].

Изобразительно выражаясь, если при проведении осмотра (особенно, при осмотре места происшествия, который является следственной мерой, наиболее близкой к обыску в помещении) следователь «приглашает» лиц, обнаруживших возможно преступное событие, то на обыск следователь не только не «приглашает», но и не ожидает и, во всяком случае, не надеется его проведения. Обыск инициируется самим следователем, чаще всего внезапно для обыскиваемых лиц, и обязательно сопряжен с реальным или потенциальным ис-

Кадиев Г. Р.

Сефикурбанов К. С.

пользованием принуждения как по отношению к обыскиваемым лицам, так и к другим лицам (например, случайным свидетелям или лицам, находившимся по делам службы на месте проведения обыска) [5, с. 121].

Для наглядности приведем условный пример. Если следователь получает информацию о том, что в определенном лесном участке спрятан предмет, имеющий значение для дела (например, топор, использованный в преступлении), то для его обнаружения следует провести осмотр, поскольку действия по поиску и изъятию этого предмета не затрагивают права любого лица в принципе. Однако, если есть основания полагать, что тот же топор спрятан на садовом участке определенного человека (будь то подозреваемый, его родственник или кто-то совершенно незнакомый преступнику), то для его обнаружения и изъятия потребуется обыск, так как в этом случае следователь вынужден проникнуть на частную территорию и произвести розыск и изъятие искомого предмета, что ограничивает право человека на неприкосновенность его частной собственности и личной жизни [5, с. 121].

Целями обыска являются: а) обнаружение и изъятие предметов или документов, имеющих значение непосредственно для расследуемого преступления (включая орудия и следы преступления, предметы и ценности, полученные в результате его совершения); б) обнаружение ценностей, других предметов или документов, наличие которых может указать на совершение других преступлений помимо того, которое исследуется и вызвало проведение обыска; в) обнаружение предметов, хранение или ношение которых является само по себе преступлением (например, огнестрельного оружия, наркотиков без соответствующих разрешений); г) обнаружение предметов и документов, запрещенных к свободному обращению (ядов, радиоактивных или ядовитых веществ и так далее); д) поиск разыскиваемых лиц; е) обнаружение трупов.

Выемка представляет собой изъятие материальных доказательств преступления, таких как документы, предметы, а также образцы веществ и т.д., с целью их последующего исследования и использования в уголовном процессе. Выемка может осуществляться как в рамках проведения обыска, так и отдельно от него.

Подход выемки в гносеологическом и процессуальном контексте может быть воспринят как вариация процедуры обыска. Суть его заключается в изъятии тех же объектов, что и при обыске, но с ключевым различием. При выемке следователь уже осведомлен о конкретных предметах и документах, которые должны быть изъятые, и точно знает их местоположение (в то время как обыск, скорее, предвосхищает это). Важно отметить, что закон явно указывает на процедурный характер выемки (согласно п. 2 ст. 183 УПК РФ), что подразумевает применение всех процессуальных тактик и рекомендаций, предусмотренных законом для обыска. Кроме того, возможность принудительной выемки, описанная в п. 5 той же статьи УПК РФ, в значительной степени сведет на нет тактические различия между выемкой и обыском [5, с. 121].

Для подтверждения наличия фактического основания для выемки требуется достоверная информация о том, где именно находится определенный предмет. Однако возникает вопрос: что означает «точно известно, где находится предмет»? Точно это означает, что нет необходимости его искать. Таким образом, местоположение ковра считается установленным, если известно, что он лежит на полу в определенной комнате; но не считается установленным местоположение кольца, если неизвестно, в каком кармане куртки оно находится, и так далее [5, с. 121].

Существует несколько видов обыска в зависимости от места осуществления: а) обыск в помещении, таком как в доме, квартире, офисе, магазине, включая служебные помещения и подсобки. б) обыск в другом месте, например, на садовом участке, в автомобиле, подвале или другом месте, не являющемся обычным помещением. в) личный обыск - проводится непосредственно с лицом [5, с. 122].

Обыск может быть первоначальным (первичным) или повторным. Повторный обыск проводится в случае сомнений в полноте или тщательности первоначального обыска, а также если поступают новые данные о местонахождении искомого предмета. Он также может быть выполнен с учетом психологических особенностей подозреваемых и характера предметов при расследовании определенных преступлений.

Практика расследования показывает, что при делах о должностных хищениях, начатых на основе официальных данных (например, документальной проверки, статьи в газете и т.д.), возможность проведения обыска у лица, совершившего хищение, часто очевидна. Такое лицо обычно заранее готовится к обыску, скрывая похищенное имущество у родственников, знакомых или соучастников преступления. Поэтому повторный обыск часто позволяет обнаружить и изъять украденные предметы [3, с. 215].

Обыск может быть единичным, когда проводится у одного лица или в одном месте, и групповым, когда охватывает одновременно несколько лиц или помещений. Групповой обыск предполагает проведение обыска у всех или нескольких лиц, имеющих отношение к преступлению, одновременно в различных помещениях или местах, при наличии соответствующих оснований для каждого случая [4, с. 100].

Проведение обыска и выемки регулируется статьями 182-184 УПК РФ. Однако, стоит отметить, что обыск — это мероприятие, которое имеет сильный предварительный характер. Часто следователь не уверен на 100 % в наличии искомого объектов в месте обыска, что отличает его от выемки. Обыск всегда связан с ограничением прав личности, принуждением и стрессом для тех, у кого его проводят, включая даже тех, кто не причастен к расследуемому преступлению [5, с. 122].

Основания для проведения обыска следует понимать, как фактические данные, полученные из процессуальных источников (доказательств) или из непроцессуальных источников (например, результатов оперативной работы). Именно эти данные, содержащиеся в материалах уголовного дела или оперативного донесения, должны быть представлены суду для принятия решения о санкционировании обыска или его проведении без санкции согласно статье 165 УПК РФ. Если обыск будет признан судом незаконным, все полученные в ходе него доказательства будут признаны недопустимыми [5, с. 122].

Проведение обыска и выемки сопровождается строгим соблюдением законодательства и уважением прав и законных интересов граждан. Лица, подвергающиеся обыску или выемке, имеют определенные права, включая право на присутствие представителя защиты, право на ознакомление с материалами, изъятые в ходе следственных действий, и право на обжалование действий следователя или сотрудников правоохранительных органов.

Эффективное проведение обыска и выемки играет важную роль в обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью, позволяя выявить и зафиксировать материальные доказательства преступлений и обеспечить их использование в судебном процессе для наказания виновных лиц. Однако важно помнить, что данные следственные действия должны осуществляться исключительно в рамках закона и с уважением к правам человека.

Пристатейный библиографический список

1. Задворный Д. А. Обыск и выемка в уголовном судопроизводстве // Матрица научного познания. – 2019. – № 10. – С. 80-84.
2. Луценко О. А., Дригола Э. В. Личный обыск как следственное действие и личный досмотр как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении: сравнительная характеристика // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 10 (125). – С. 131-134.
3. Мальцева А. Ю. Актуальные вопросы производства обыска и выемки // Право как искусство добра и справедливости: сборник научных трудов 3-й Всероссийской научной конференции памяти д.ю.н., профессора О. Г. Лариной, Курск, 10 ноября 2022 года / Юго-Западный государственный университет; Союз криминалистов и криминологов; МПЮА имени О. Е. Кутафина. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 215-218.
4. Марисов А. А., Половетский О. И., Арчаков М. З. основания производства обыска // Моя профессиональная карьера. – 2022. – Т. 1. № 37. – С. 100-106.
5. Фомичев С. М. Обыск и выемка как следственные действия // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 82-4. – С. 120-123.

ЛОНЩАКОВА Анжелла Рашитовна

кандидат юридических наук, доцент, Академия управления МВД России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье обосновано мнение о том, что одной из основных задач криминалистической науки является криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений. Однако анализ статистических данных о состоянии преступности и эмпирического материала свидетельствует о недостаточной роли криминалистики в обеспечении предупреждения преступлений. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений в условиях цифровой трансформации общества возможно, в значительной степени, на основе разработки концептуальных основ, базирующихся на теоретических предпосылках формирования и на исследовании, разрешении методологических проблем её теории. Теоретические и методологические основы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений анализируются в диалектическом единстве.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, предупреждение преступлений, теоретические предпосылки, методологические проблемы, цифровая трансформация, диалектическое единство.

LONSHCHAKOVA Angella Rashitovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Academy of Management of the MIA of Russia

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CRIMINALISTIC CRIME PREVENTION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

The article substantiates the opinion that one of the main tasks of forensic science is the criminalistic provision of crime prevention. However, the analysis of statistical data on the state of crime and empirical material indicates the insufficient role of criminology in ensuring crime prevention. Criminalistic provision of crime prevention in the context of the digital transformation of society is possible, to a large extent, on the basis of the development of conceptual foundations based on the theoretical prerequisites for the formation and on the research, resolution of methodological problems of theory. The theoretical and methodological foundations of criminalistic crime prevention are analyzed in dialectical unity.

Keywords: forensic support, crime prevention, theoretical background, methodological problems, digital transformation, dialectical unity.

Как свидетельствуют статистические данные о состоянии преступности¹, анализ эмпирического материала², качественная и эффективная система предупреждения преступлений в России находится в стадии формирования в структуре оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, экспертной, судебной деятельности.

С учётом сказанного, представляется целесообразным рассмотреть отдельные значимые аспекты становления и развития концепции криминалистического обеспечения предупреждения преступлений предварить рассмотрением

дефиниций «предупреждение», «профилактика», «обеспечение».

Термин «предупреждение» (от позднелат. *praeventio* – опережаю, разъясняю, предохраняю, предотвращаю) связывается с такими понятиями, как «извещение», «предостережение», «предотвращение», «сообщение в целях предотвращения». Так, толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет:

– «предупреждение» как: 1) извещение, предупреждающее о чем-нибудь; 2) предостережение; 3) предотвращение [13, с. 572];

– «профилактику» как совокупность предупредительных мероприятий, направленных на нормальное функционирование [13, с. 615];

– «обеспечение» как: 1) снабжение чем-нибудь в нужном количестве; 2) предоставление необходимых ресурсов [13, с. 418].

Далее остановимся тезисно только на отдельных наиболее значимых особенностях.

1. Становление и развитие концепции криминалистического обеспечения предупреждения преступлений реализовано в идеях. Такие идеи в теории криминалистического обеспечения предупреждения преступлений исторически объединены в две большие группы: уголовная политика в реализации раскрытия, расследования преступлений и наказании преступников; обеспечение предупреждения преступных посягательств, безопасности граждан.

Развитие предмета криминалистики послужило включением в предмет криминалистики, наряду с раскрытием и расследованием, предупреждение, предотвращение преступлений. На основе расширения (уточнения) предмета

1 Статистические данные: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года: Министерство внутренних дел Российской Федерации: ФКУ «Главный информационно-аналитический Центр». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф> (дата обращения: 26.02.2024).

2 В ходе исследования собирается и интерпретируется обширный эмпирический материал: изучено более 780 архивных дел оперативного учёта и уголовных дел, рассмотренных районными и городскими судами г. Москвы, Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской областей в 1998–2023 годах, возбуждённых по ст. ст. 105, 110, 110.1, 110.2, 111, 113, 115, 116, 117, 119, 131, 132, 134, 137, 157, 158, 159, 161, 164.1, 205.1, 205.2, 207, 213, 228, 238, 282, 282.2, 293, 316, 318 Уголовного Кодекса Российской Федерации, материалы психофизиологических исследований и судебных экспертиз, по специально разработанным анкетам опрошено более трёхсот лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и расследующих преступления, экспертов-криминалистов, адвокатов, судей, психологов, психиатров, адвокатов, осуждённых, отбывающих наказание в ФГУ ИК–13 ФСИН РФ по Республике Башкортостан. Проведено интервьюирование сотрудников и руководителей оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы России.

криминалистики учёные криминалисты предложили разработать криминалистические средства, методы, специальные мероприятия профилактики, предупреждения, предотвращения преступлений:

– А. И. Винберг (1950, 1967), В. П. Колмаков (1961, 1977), С. П. Митричев (1961 – 1973), В. Ф. Зудин (1962), Г. Ф. Горский (1965), Г. Г. Зуйков (1967), А. Н. Васильев (1976), В. Г. Танасевич (1976), Р. С. Белкин (1970, 1997) [4], [6], [8], [11] – впервые в предмете криминалистики сформулировали задачу об изыскании криминалистических способов предотвращения (предупреждения) преступлений, обосновали роль криминалистики в предупреждении (предотвращении) преступлений, анализируя развитие предмета криминалистики, определили место криминалистической профилактики в структуре общей теории криминалистики;

– Н. П. Яблоков (1985, 2016), И. И. Иванов (2004), М. Ш. Махтаев (2001, 2016) [9], [17] – основное внимание уделено проблемным аспектам реализации криминалистической превенции;

– И. Я. Фридман (1974), И. А. Алиев (1991), Т. В. Аверьянова (1991, 2009), Е. Р. Россинская (2011), Ю. В. Гаврилин (2009) [1], [2], [7], [15], [18] – определили роль криминалистических экспертных учреждений в профилактике преступлений;

– Л. Л. Каневский, И. М. Лузгин, Г. М. Миньковский (1982) [10, с. 61] – разработали систему предупреждения преступлений несовершеннолетних по материалам расследования и др.

В своей совокупности анализ теоретических положений криминалистической превенции через призму исторического, системного, категориального, информационно-динамического и др. подходов позволили получить целостное восприятие изучаемой предметной области и разработать категориальный аппарат и концептуальные теоретические положения.

2. Под методологией в широком смысле этого слова понимают совокупность познавательных приёмов, идей, методов, теоретических представлений о познании действительности³.

Методологическую основу криминалистического обеспечения предупреждения преступлений составляет комплекс научных подходов и методов, основанных на таких философских категориях (терминах) как «онтология»⁴,

3 Как справедливо отметил И. М. Лузгин «специфика криминалистических методов познания состоит в том, что они разрабатываются для розыскной, экспертной, следственной, прокурорской, судебной, адвокатской практики в целях собирания и оценки доказательств (криминалистически значимой информации); эти методы направлены на предупреждение, профилактику, предотвращение преступлений, разрабатываются с учётом специфики объекта познания – события, содержащего признаки преступления (правонарушения), условий и цели познавательной деятельности; при этом одна часть криминалистических методов обеспечивает установление, изучение и оценку предметов, веществ, материально фиксированных следов преступления, другая – получение и оценку показаний; различия в этих методах обусловлены существующими различиями формами отражения действительности; в криминалистике эти методы разграничиваются как технические и тактические; такое разграничение необходимо потому, что оно позволяет дифференцированно разрабатывать и использовать методы познания; криминалистические методы представляют собой разработанную в полном соответствии с требованиями диалектической методологии, уголовно-процессуального и уголовного права взаимосвязанную систему научно обоснованных приёмов, правил и рекомендаций по обнаружению, исследованию, использованию и оценки доказательств, применяемых целях установления истины по уголовному делу». Более подробно об этом: [12, с. 100-101.]

4 Исследование, обоснование в целях построения методологической конструкции онтологических принципов и категорий.

«гносеология»⁵, «логика»⁶, «этика», «эстетика», которые являются базовыми в отражении отношения мышления к бытию и в их соединении в целостной системе для целей выявления криминалистически значимых закономерностей. Познание значимых закономерностей осуществляется с позиции системного⁷ [3, с. 132], категориального⁸, информационно-динамического подходов⁹ и других. Методология системного, категориального, информационно-динамического исследования базируется на гносеологической онтологии, рассматривающей мир как совокупность целостных материальных¹⁰ и идеальных систем, которые находясь во взаимодействии, взаимно изменяют и дополняют друг друга.

Суммируя изложенное, отмечаем, что основой исследования явились научные труды по философии¹¹, уголовному праву, административному праву, уголовно-процессуальному праву, криминологии, криминалистике, судебной экспертологии, оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскной психологии, судебной психологии, судебной психиатрии, специальной технике органов внутренних дел, математике, физике, информатике. Соответственно, в методологическую основу выявления факторов, определяющих особенности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, положен междисциплинарный подход.

Ведущими методами эмпирического получения знаний являются сравнительно-правовой и социологический (в том числе анкетирование) методы. С целью систематизации эмпирического материала на теоретическом уровне применяется обобщение.

Методологическая функция криминалистического обеспечения предупреждения преступлений строится на основе совокупной методологической базы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений. Методологическая функция базируется на диалектической философии¹²

5 Исследование, обоснование в целях построения методологической конструкции гносеологических принципов и категорий.

6 Исследование, обоснование в целях построения методологической конструкции логических принципов и категорий.

7 Системный подход позволяет получить целостное восприятие изучаемой предметной области и разработать категориальный аппарат и концептуальные теоретические положения.

8 «Категории – особые познавательные единицы, маркирующие реальность таким образом, что это позволяет использовать категории для организации мышления». Аспекты категориального подхода: номинативный, схемотехнический, функциональный, имитационный. Более подробно об этом: [5, с. 64-66].

9 Развитию теории послужила идея о придании информации онтологического статуса. Аспекты информационно-динамического подхода: структурный, функциональный, имитационный. Более подробно об этом: [5, с. 66-68].

10 Различные субстратные концепции материи (проматерии): атомистическая (Демокрит), эфирная (Аристотель, Декарт), вещественная (Гольбах), квантово-полевая (Планк) и др. составляют основу онтологических представлений о материи, позволяют развёртываться в теорию о материи как объективной реальности, реализуя субстратный и атрибутивный характер. Онтологическое представление о материи осуществляется через её познание (описание и объяснение).

11 По онтологии, гносеологии, антропологии, аксиологии.

12 Справедливости ради, следует упомянуть критические суждения учёных-философов о гегелевской диалектике: А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, И. Гербарта, А. Тренделенбурга, Я. Фриза: А. Шопенгауэр о гегелевской диалектике и её последствиях: «одна полярная звезда, в направлении которой прямо, не отклоняясь ни влево, ни вправо, держит руль простая, голая, неприбыльная, лишённая друзей и часто преследуемая истина»; С. Кьеркегор, рассматривая гегельянство с религиозных позиций, пояснял следующее «притязая взирать на все мирское глазами Творца, всеведущий Гегель забыл самую малость – человека и его экзистенциальную реальность; правду несёт то, кто беден, унижен и не ропщет, осыпаясь проклятиями и злословием, тот, кого травили за хлеб насущный, с кем обращались как с изгоем; для рода

(в том числе, на методах диалектической логики¹³), общенаучных методах, частнонаучных методах и таких категориях, как: сущность, явление, взаимодействие, связь, причинность, системность, развитие, закономерность, наблюдение, описание, выявление и фиксирование техническими средствами, моделирование, систематизация, классификация полученных результатов, анализ, синтез, обобщение, аналогия, индукция, дедукция, оценка, дидактика, социологические, статистические, математические, поисковые, нормативные и другие методы, базирующихся и преломляющиеся на криминалистических знаниях, умениях, навыках исследовательской деятельности.

Одним из наиболее перспективных в исследуемом аспекте видится квалифицированное наблюдение в целях знакового моделирования в решении задач выявления и документирования криминалистически значимой информации с использованием программного обеспечения, например, программно-алгоритмических (программно-аналитических) комплексов на основе искусственного интеллекта, реализованных на основе большой языковой модели [16]. Программно-алгоритмический комплекс представляет собой учебное пособие на основе искусственного интеллекта и раскрывает тактические особенности производства следственного осмотра на примере базовых криминалистических стандартов работы на месте происшествия.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, важно отметить, что формирование концептуальной основы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений возможно, в значительной степени, на основе разработки концептуальных основ, базирующихся на теоретических предпосылках формирования и на исследовании, разрешении методологических проблем теории.

человеческого характерно, что индивид сотворён по образу и подобию Божию, а значит, он выше рода»; И. Герbart, противопоставляя гегельянству как системе свою систему реализма, пояснял следующее: «мышление, комбинируя понятия, формирует суждения, а сочетая суждения и выводы из них другие, создаёт доказательство; цель достижима путём разработки понятий, анализа фундаментальных понятий, которые структурируют наш опыт реальности; у метафизики нет другой цели, как сделать понятными понятия, рождающиеся в опыте; сомнение – исходный момент философии; потрясение сомнением отделяет случайное от необходимого, от данного мы идём к мысленно искомому; наиболее важная часть философии – логика, именно логика заставляет вычесть все психологическое, указывая, что значимы лишь формы возможного соединения мыслимого, то, что мыслимое допускает по своему качеству; понятия не столь реальны, как реальные предметы; понятия суть мыслимое сущее, объективным образом устанавливающее такие отношения, как оппозиция, вывод, противоречие; разумеется, для науки недостаточно одной логики, но без логики нет науки вообще»; А. Тренделенбург: «Гегель намеревался вывести диалектику реального из диалектики чистого мышления, но это абсурдно. Логика не в состоянии избрести или породить реальность; если мы говорим о реальности, то необходимо апеллировать к опыту»; Я. Фриз противопоставил идеализму психологический эмпиризм, поясняя свои выводы: «у философии нет другой базы, кроме опыта; когда мы понимаем философию таким образом, т.е. как психологию, то воздушные замки идеализма рушатся; никто не быть унижен, в силу закона равенства достоинства личности». Более подробно об этом: [14, с. 137-163].

13 Соблюдение законов тождества, противоречия, исключённого третьего, достаточного основания – является обеспечением правдивости мышления по форме, методом познания не является.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2009. – 480 с.
2. Алиев И. А. Проблемы экспертной профилактики. – Баку, 1991. – 311 с.
3. Ахлибининский Б. В., Краинская Э. Б., Сичивица О. Б., Штофф В. А. Понятие «система» и его методологическое значение. В тематическом сборнике: Методологические аспекты материалистической диалектики. – Ленинград: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1974. – С. 132.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. – М.: Юрист, 1997. – 408 с.
5. Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 227 с.
6. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертиза (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз): учебное пособие. – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1979. – 184 с.
7. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2009. – 404 с.
8. Зудин В. Ф. Социальная профилактика преступлений: криминологические и криминалистические проблемы. – Саратов, 1983. – 188 с.
9. Иванов И. И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив): дис. ... доктора юридических наук. – М., 2004. – 418 с.
10. Каневский Л. Л., Лузгин И. М., Миньковский Г. М. Организации и методика расследования дел о преступлениях несовершеннолетних: учебное пособие. – М., 1982. – 68 с.
11. Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя. – М., 1977. – 112 с.
12. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. – М.: Юрид. лит., 1973. – 216 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «АЗЪ», 1995. – С. 572.
14. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 880 с.
15. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, Зинин А. М. / Под ред. Е. Р. Россинской. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 384 с.
16. Лонцакова А. Р., Лонцаков А. А. Программа для ЭВМ «AUTOPROTOCOL». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ № 2024614431 от 26.02.2024.
17. Махтаев М. Ш., Яблоков Н. П. Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы. – М., 2016. – 288 с.
18. Фридман И. Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения отдельных видов преступлений: дис. ... доктора юрид. наук. – М., 1973. – 408 с.

МУСТАФИНА Гульнара Мажитовна

доцент кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, 450103

О ПРЕДЕЛАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОКАЗАНИЙ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ

В данной статье рассматриваются особенности допроса в качестве свидетеля по уголовному делу оперативного сотрудника и иных должностных лиц правоохранительного органа в рамках предварительного расследования или в ходе судебного заседания. При проведении исследования проведен анализ судебно-следственной практики и позиции Верховного Суда Российской Федерации. Определены пределы использования в качестве доказательств по уголовному делу показаний оперативных сотрудников.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, противодействие преступности, оперативно-розыскные мероприятия, уголовное судопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, допрос оперативного сотрудника и иных должностных лиц правоохранительного органа, допрос свидетеля, оперативный сотрудник, пределы использования доказательств.

MUSTAFINA Gulnara Mazhitovna

associate professor of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ON THE LIMITS OF USING THE TESTIMONY OF OPERATIONAL STAFF AS EVIDENCE

This article discusses the specifics of interrogation as a witness in a criminal case of an operational officer and other officials of a law enforcement agency within the framework of a preliminary investigation or during a court hearing. During the research, the analysis of judicial and investigative practice and the position of the Supreme Court of the Russian Federation was carried out. The limits of using the testimony of operational personnel as evidence in a criminal case have been determined.

Keywords: human and civil rights and freedoms, crime prevention, operational investigative measures, criminal proceedings, operational investigative activities, interrogation of operational law enforcement officials, interrogation of a witness, an operational officer, limits of the use of evidence.

Проведение доследственной проверки и принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела является отправной точкой для расследования уголовных дел. Без принятия решения о возбуждении уголовного дела невозможно достичь реализации задач уголовного судопроизводства [1].

Собирание доказательств при проведении первоначальной проверки, формировании уголовного дела и его рассмотрении является важной стадией, которая закладывает фундамент для принятия окончательного судебного решения. Основная функция по раскрытию преступлений ложится непосредственно на оперативные подразделения правоохранительного органа. Правильность же документирования в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства – является прерогативой следователей и дознавателей конкретного правоохранительного органа.

От качества собирания доказательств напрямую зависит достижение целей и задач уголовного судопроизводства. Каждая сторона уголовного судопроизводства (сторона обвинения и сторона защиты) пытается отстоять выработанную позицию всеми способами. Так, на первоначальной стадии сбора материала проверки все субъекты правоохранительного органа направлены в установлении объективной истины и пытаются максимально собрать доказательства в целях принятия законного решения. Однако, после допроса лица в качестве подозреваемого и избрания меры пресечения роль правоохранительного органа резко меняется. Основная задача правоохранительного органа – сохранить тенденцию по привлечению лица к ответственности. Отклонение от ранее заявленного подозрения или обвинения со стороны правоохранительных органов влечет за собой реабилитацию, а как следствие привлечение должностных лиц к ответственности: дисциплинарной, административной, гражданско-

правовой и даже уголовной. Отсутствие законодательного регулирования возможности прекращения дальнейшего разбирательства позволило бы правоохранительным органам продолжать устанавливать объективную истину по делу. Также с авторской точки зрения предлагается включить в нормы уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства требование об установлении объективной истины по делу вместо имеющейся системы состязательности сторон.

Сторона защиты аналогично пытается создать дополнительные доказательства невиновности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Самыми простыми и доступными способами создания новых обстоятельств по уголовному делу для обеих сторон уголовного судопроизводства являются показания очевидцев, в том числе допрос в качестве свидетелей самих должностных лиц правоохранительных органов.

При осуществлении предварительного расследования по уголовным делам и судебном их рассмотрении должностные лица очень часто вызываются в органы предварительного расследования, либо в суд для дачи показаний в качестве свидетеля. При этом многие правоприменители из числа судей, следователей, дознавателей в целях увеличения объема доказательственной базы считают своим долгом допросить в качестве свидетелей должностных лиц, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия.

Кроме того, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела представляется оперативным сотрудником рапорт. Однако, с точки зрения уголовного процесса – рапорт может послужить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, но, с авторской точки зрения, не является доказательством в рамках рассматриваемого уголовного дела. Хотя многие процессуалисты могут с данным суждени-

ем не согласиться и продолжают включать в набор доказательственной базы рапорт оперативного сотрудника [3].

Многие исследователи методики по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров и новых потенциально-опасных веществ отмечают необходимость допроса должностных лиц, участвовавших в оперативно-розыскных мероприятиях при уличении лиц в противоправном поведении. Однако, допрос данных лиц возможен лишь в определенных границах (пределах). Превышение пределов допроса может привести к признанию всего следственного действия недопустимым доказательством.

В рамках научной статьи предлагается рассмотреть пределы допроса в качестве свидетеля с точки зрения Верховного Суда Российской Федерации. Так, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2021 года показания в качестве свидетеля следователей, дознавателей и лиц, осуществляющих оперативное сопровождение по уголовному делу допустимо. Однако ограничительным аспектом выступает невозможность допроса должностного лица правоохранительного органа об информации, которая стала известна последним в ходе получения объяснения от причастного к правонарушению или преступлению лица или стало известно от иных лиц в ходе построения доверительной беседы или проведения иных оперативно-розыскных мероприятий [2].

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что осуществлять допрос должностных лиц правоохранительных органов возможно по существу проводимых ими процессуальных или оперативно-розыскных мероприятий, но недопустимо использовать в качестве доказательств сведения, ставшие им известными в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий [5].

Кроме того, результаты оперативно-розыскных мероприятий также не являются доказательствами в рамках возбужденного уголовного дела, а служат лишь источником сведений.

Следователю, дознавателю, либо суду в рамках собирания доказательств необходимо использовать данные доказательства, провести процессуальные действия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации для того, чтобы добыть доказательства на основании предложенных оперативными сотрудниками источников (результатов оперативно-розыскной деятельности).

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о наличии конкретных критериев для оценки доказательств, в соответствии с которыми к недопустимым относятся показания подозреваемого или обвиняемого, данные без защитника и не подтвержденные в последующем в суде; показания потерпевшего или свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

С авторской точки зрения представляется необходимым внести изменения в статью 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в следующей редакции: «недопустимо использование в качестве доказательств сведений, услышанных допрашиваемым лицом, но не подтвержденные иным способом, кроме как словами участников уголовного судопроизводства».

Отсутствие вышеописанного положения о недопустимости использования в качестве доказательства по уголовному делу показаний потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [4].

К сожалению, в судебно-следственной практике встречаются случаи оговора несколькими лицами одного участника уголовного судопроизводства в силу наличия единого мотива. В целях обоснования необходимости внесения данных

изменений в статью 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предлагается смоделированная ситуация, на базе имевшегося в производстве территориального органа МВД России уголовного дела.

Гражданин А. и гражданин Б. осуществили покупку одного производственного станка, оформив документально два станка. Гражданин А. и гражданин Б. данный станок поставили на баланс своего предприятия за разными инвентарными номерами, предварительно позаботившись об уничтожении индивидуализирующих признаков станка.

Согласно показаниям рабочих, осуществлявших трудовую деятельность на предприятии гражданина А. и гражданина Б., занимавших общее помещение был один станок. Согласно показаниям рабочих, осуществлявших трудовую деятельность у гражданина Б. было два станка. В рамках очных ставок все свидетели настаивали на своих показаниях.

Таким образом, следствием не установлено количество станков находившихся в общем для гражданина А. и гражданина Б. предприятии, но каждая сторона получила возможность ссылаться на показания свидетелей, как доказательства. Такие факты свидетельствуют о возможности искажения действительной и объективной информации с помощью показаний свидетелей.

Исходя из вышеизложенной ситуации, следует сделать вывод, что показания свидетелей должны иметь доказательственное значение лишь в том случае, когда имеется возможность подтвердить сведения с помощью конкретных обстоятельств, фактов. Количество свидетелей, дающих одинаковые показания не могут свидетельствовать об объективности сведений, которые ими сообщаются.

Пристатейный библиографический список

1. Нугаева Э. Д., Имаева Ю. Б., Мурсалимов А. Т., Мустафина Г. М. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: учебное пособие. - Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2022. - 256 с. – Текст: непосредственный.
2. Жилкин М. Г. К вопросу о моменте окончания преступления // Сибирский юридический вестник. - 2022. - № 4 (99). - С. 63-74.
3. Иванов П. И., Кустов А. М. Особенности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. - 2018. - № 2 (46). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-v-dokazyvanii-rezultatov-operativno-razysknoy-deyatelnosti-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 18.01.2024).
4. Мурашкин И. Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности // Научный Вестник Омской академии МВД России. - 2018. - № 1 (68). - С. 25-29.
5. О чем можно допрашивать следователей и полицейских в суде: Позиция Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/29884/.

ПОПОВ Владимир Анатольевич

кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая статья раскрывает содержание цели и задач поисково-познавательной деятельности следователя на стадии предварительного расследования. Одной из актуальных задач криминалистики выступает повышение эффективности поисково-познавательной деятельности следователя при раскрытии и расследовании уголовного дела. На стадии предварительного расследования следователь в основном решает поисково-познавательные задачи по установлению события преступления и лица, его совершившего. После установления и привлечения лица в качестве обвиняемого, следователь собирает доказательства для подтверждения тех фактов, которые были установлены на первоначальном этапе расследования. В ходе осуществления поисково-познавательной деятельности следователь устанавливает фактические данные, имеющие доказательственное значение, и, наоборот, в процессе доказывания зачастую возникает необходимость в осуществлении поисково-познавательных мероприятий.

Ключевые слова: криминалистическая методика, поисково-познавательные процессы, следовая картина преступления, механизм совершения преступления, расследование уголовного дела.

POPOV Vladimir Anatoljevich

Ph.D. in Law, Head of Criminology sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SEARCH AND COGNITIVE ACTIVITY OF THE INVESTIGATOR AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

This article reveals the content of the purpose and objectives of the investigator's search and cognitive activity at the stage of preliminary investigation. One of the urgent tasks of criminology is to increase the effectiveness of the investigator's search and cognitive activity in the disclosure and investigation of a criminal case. At the stage of the preliminary investigation, the investigator mainly solves the search and cognitive tasks of establishing the event of the crime and the person who committed it. After the identification and involvement of a person as an accused, the investigator collects evidence to confirm the facts that were established at the initial stage of the investigation. In the course of carrying out search and cognitive activities, the investigator establishes factual data of evidentiary value, and, conversely, in the process of proving, it often becomes necessary to carry out search and cognitive activities.

Keywords: criminalistic methodology, search and cognitive processes, the trace pattern of the crime, the mechanism of the crime, the investigation of a criminal case.

Криминалистическая методика — раздел криминалистики, которая разрабатывает научно обоснованные и подтвержденные практикой рекомендации как раскрыть преступление и расследовать уголовное дело по данному факту. В рамках криминалистической методики реализуются, в свою очередь, положения криминалистической техники и тактики. Для того, чтобы расследовать уголовное дело, следователь должен владеть (знать, уметь) методикой расследования отдельного вида преступления. Полагать, что следователь сможет расследовать конкретное уголовное дело, не прибегая к методике расследования (общей или частной) преступления, лишено какого-либо основания. Без специальных знаний, которыми вооружает методика следователя, раскрыть преступление, расследовать уголовное дело не представляется возможным. Каждая методика расследования отдельного вида преступления в своей структуре содержит два обязательных элемента: объект и предмет познания. Объектом изучения выступают материальные и идеальные следы преступления, которые необходимо обнаружить и зафиксировать, чтобы установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Иерархия существующих криминалистических методик: общая, групповая, частная, специальная, должны строиться с учетом специализации профессиональных знаний следователя. Например, расследование преступлений в виртуальной сфере и расследование краж личного имущества предполагают различный уровень и плоскость профессиональных знаний следователя. Предметом общей методики выступают объективные закономерности совершения преступления. Положения общей методики являясь теоретической основой формирования частных и групповых методик. Все частные методики построены на основе обобщения и анализа сложившейся следственной практики по расследованию отдельных видов или групп преступлений. Частные методики способствуют повышению раскрываемости отдельных видов преступлений (особенно для начинающих следователей). Ценность криминалистической

методики заключается в способности выявлять (необходимы новые источники информации) и применять криминалистическую информацию для расследования уголовного дела [1, с. 14].

Изучение следов преступления для общей и частной методики расследования объясняется тем, что все известные криминалистике виды следов преступления в том или ином варианте содержат информацию о совершенном (готовящемся) преступлении, о механизме совершения преступления. На основе типовых следов, присущих совершению определенной группы (вида) преступлений, разрабатываются рекомендации, тактические приемы, частные методики расследования. И напротив, зная механизм совершения преступления, следователь может сделать умозаключение о том, какие типичные следы и где на месте происшествия они могут быть обнаружены. Следовательно, обнаружение нетипичных для данного вида преступления следов может свидетельствовать о новом способе совершения преступления или об инсценировке преступления.

Создаваемая методика расследования отдельных видов (вида) преступления ориентирована на познание прошлого, картины происшедшего события. Как мы уже отмечали, следы преступления содержат информацию о совершенном деянии, а на основании достаточного объема полученной информации можно реконструировать картину происшедшего события [2, с. 79]. Зная картину происшедшего события, можно установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, что является конечной целью методики расследования преступления. Отсюда можно сделать вывод, что объект и предмет преступления находятся во взаимосвязи (корреспондируются) с объектом и предметом криминалистической методики расследования. Например, при совершении кражи объектом преступления выступают отношения собственности, а предметом преступления является конкретная вещь, имущество. Для криминалистической методики расследования краж объектом методики выступает следовая картина преступления и обусловленные конкретным

преступлением поисково-познавательные процессы, а предметом — выступает механизм совершения преступления. Поисково-познавательные процессы есть не что иное, как организация деятельности следователя по раскрытию преступления и расследованию уголовного дела на первоначальном и последующем этапе. На начальном этапе расследования следователь обладает минимальным объемом информации о преступлении, необходимо в активной форме предпринять сбор информации для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Процесс доказывания в этом случае осуществляется последовательно, от одного обстоятельства к следующему. В рамках уголовного дела познавательная деятельность следователя о совершенном преступлении официально реализуется через производство следственных действий, в результате которых добывается необходимая информация о совершенном преступлении [3, с. 125]. Поисково-познавательные процессы характерны для обнаружения, изучения и использования следов преступления, которые предусмотрены в частных методиках расследования преступлений. Поисково-познавательная деятельность следователя включает три основных элемента действий: поиск и изучение следов преступления; проверка и оценка собранной информации; использование полученной информации в качестве доказательств по уголовному делу и принятие организационных и процессуальных решений в рамках уголовного дела.

Целью поисково-познавательной деятельности следователя является раскрытие преступления, расследование уголовного дела. Достигается эта цель доказыванием обстоятельств, входящих в предмет доказывания, которая формируется из промежуточных доказательств, в сумме промежуточные доказательства позволяют прийти к конечной цели доказывания. Достижение промежуточной или конечной цели расследования влияет на состояние расследования уголовного дела. Между тем, по каждому виду преступления имеются типично повторяемая группа следов, из которых извлекается определенный объем информации необходимый для достижения целей расследования. При этом следовая картина преступления не всегда бывает очевидной, неочевидность следовой картины восполняется выдвижением версий, установлением причинно-следственных связей, проведением различного рода экспертиз.

Поисково-познавательный процесс, выполняемый следователем, зависит от сложившейся следственной ситуации, т.е. от условий, в которых осуществляется расследование по уголовному делу. Расследование уголовного дела всегда будет иметь отличие от тех рекомендаций, которые содержит частная методика, задача следователя приспособить тактические рекомендации, содержащиеся в методике, к конкретной следственной ситуации. Конкретная следственная ситуация может характеризоваться ограниченным числом решений и относительно известными направлениями расследования. Но процесс расследования уголовного дела однотипный, повторяемый, поэтому следственные ситуации, возникающие в ходе расследования, зачастую тоже носят повторяемый характер [4, с. 108]. Отсюда назначение каждой методики состоит в том, чтобы по оставленной следовой картине преступления обеспечить раскрытие преступления.

Содержание поисково-познавательного процесса зависит от объема информации, собранного на первоначальном этапе расследования, по окончании которого определяется стратегия дальнейшего хода расследования по уголовному делу. Успех расследования уголовного дела о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, также будет определяться от полноты следовой картины, собранной на месте происшествия. Для обеспечения полноты следовой картины на месте происшествия назначаются необходимые криминалистические экспертизы. Следовая картина есть источник исходной информации для решения процессуальных и оперативно-розыскных задач, от поисково-познавательного процесса, выполняемого следователем, будет зависеть результативность расследования уголовного дела. Следовая картина происшедшего преступления предоставляет следователю информацию о приготовлении к преступлению, месте, времени, способе совершения деяния, сведения о личности виновного, приемах сокрытия общественно-опасного деяния, т.е. выступает источником криминалистической и процессуальной информации. Объем первоначальной информации позволяет следователю продолжить поисково-познавательный процесс в правильном направлении, установить связи между фактическими обстоятельствами деяния.

Общенаучные, криминалистические и экспертные методы, реализуемые в поисково-познавательной деятельности следователя, позволяют на первоначальном этапе расследования получить дополнительную информацию об обстоятельствах совершенного преступления. На последующем этапе расследования

следователь применяет различные методики, техники для возможного установления лица, совершившего преступление [5, с. 170]. Следовая картина преступления выступает самостоятельным объектом исследования, которая позволяет получить дополнительный источник информации и доказательств в рамках уголовного дела. Для изучения следовой картины преступления необходимо собрать все виды материальных и идеальных следов, изучить обстановку совершения преступления, материалы уголовного дела, установить причинно-следственные связи между перечисленными элементами и собрать воедино всю полученную информацию для анализа и последующего принятия решения по уголовному делу. Изучение следователем разрозненных элементов следовой картины преступления не может дать необходимую информацию для установления причинно-следственных связей, реконструкции картины происшедшего события, требуется системное изучение всех элементов следовой картины, как объекта исследования. Фактическая следственная ситуация дает только фрагментарные данные о происшедшем событии, от следователя требуется, используя поисково-познавательные процессы, системное изучение следовой картины и умение получить дополнительный источник информации. Если условно разделить поисково-познавательную деятельность следователя на две составляющие, то можем получить следующие знания: познавательный аспект позволяет следователю получить информацию о преступлении, понять механизм совершения преступления, способ совершения деяния; поисковый аспект направлен на получение дополнительной информации из имеющихся источников, установить причинно-следственную связь между элементами следовой картины [6, с. 198]. Поисково-познавательная деятельность следователя характеризуется динамичностью и повторяемостью. Повторяемость познавательной деятельности связано с предметом доказывания, т.е. по каждому уголовному делу следователь должен устанавливать одни и те же обстоятельства, которые входят в предмет доказывания. Динамичность поисково-познавательной деятельности складывается из-за дефицита объема первоначальной информации по делу с правовым требованием установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. По завершению поисково-познавательного процесса следователь приступает к формулированию промежуточных выводов и применению полученной информации, на основе промежуточных выводов получают новые знания. Именно в начале расследования, учитывая первичные данные, следователь формирует перечень задач, а также определяет эффективные способы их решения, т.е. комплекс мероприятий по планированию, управлению, конструированию и проверке версий, а также подготовительных и организационных мероприятий. Первоначальный этап расследования характеризуется информационной неопределенностью и недостаточностью, поэтому будущее и настоящее методики расследования имеет тенденцию к построению типовых программ расследования [7, с. 80]. Программа расследования поможет следователю предвидеть результат данного направления расследования и принять решение по производству определенной группы следственных и оперативно-розыскных действий.

Пристатейный библиографический список

1. Дикун А. И. Криминалистический анализ следовой картины расследуемого события с признаками преступления. Автореф. дис. ... к.ю.н. - М., 2005. - С. 14.
2. Пристанков В. Д. Событие преступления как объект криминалистического познания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2018. - № 9 (1). - С. 79.
3. Красненко Ю. В. Криминалистическая деятельность в решении поисково-познавательных задач при расследовании преступлений // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 6 (174). - С. 125.
4. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. - М., 2012. - С. 108.
5. Зюзина И. В. Выявление следовой картины преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Закон и право. - 2020. - № 7. - С. 170.
6. Горбенко Т. В. К вопросу об определении поисково-познавательных следственных действий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2021. - Т. 7 (73). № 2. - С. 198.
7. Корма В. Д. Некоторые проблемы методики расследования преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2018. - № 3. - С. 80.

СЕДОВ Дмитрий Владимирович

кандидат технических наук, доцент кафедры контрольно-надзорной деятельности Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

РАЗМЕР ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДТП, ПРОИСХОДЯЩИЕ НА РЕМОНТИРУЕМЫХ УЧАСТКАХ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Высокая интенсивность эксплуатации автомобильных дорог, значительные нагрузки и негативные климатические условия приводят к разрушению дорожного покрытия. В несколько раз быстрее разрушаются дороги, построенные с нарушением технологии. Все это влияет на уровень безопасности дорожного движения: около 21 % ДТП в России происходит из-за неудовлетворительных дорожных условий. В связи с этим ежегодно увеличивается объем ремонтных работ, но и ремонтируемые участки при наличии нарушений требований безопасности сами становятся очагами аварийности. В таких случаях, ответственность за ДТП лежит на дорожно-ремонтной службе и водителе. Однако в экспертной практике не применяются методы, позволяющие с технической точки зрения определить размер имущественной ответственности указанных сторон. В результате судебные решения характеризуются высокой степенью неопределенности. Разработка таких экспертных методов является достаточно актуальной задачей.

Ключевые слова: автомобильная дорога, дорожные работы, дорожно-транспортное происшествие, дорожные условия, дорожно-ремонтная служба, водитель, теория риска, имущественная ответственность, пропорции для возмещения ущерба.

SEDOV Dmitry Vladimirovich,

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Control and supervisory activities sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

THE AMOUNT OF PROPERTY LIABILITY FOR ACCIDENTS OCCURRING IN THE AREAS BEING REPAIRED: THE PROBLEM OF DETERMINING AND SOLVING THE WAY

High intensity of road operation, significant loads and negative climatic conditions lead to the destruction of the road surface. Roads built in violation of technology are destroyed several times faster. All this affects the level of road safety: about 21 % of road accidents in Russia occur due to unsatisfactory road conditions. In this regard, the volume of repair work increases every year, but the repaired areas, in the presence of violations of safety requirements, themselves become hotbeds of accidents. In such cases, responsibility for the accident lies with the road repair service and the driver. However, in expert practice, methods are not used that allow, from a technical point of view, to determine the amount of property liability of these parties. As a result, court decisions are characterized by a high degree of uncertainty. The development of such expert methods is a fairly urgent task.

Keywords: highway, road work, road accident, road conditions, road repair service, driver, theory of risk, property liability, proportions for damages.

Как показывает статистика, в настоящее время количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) в России снижается [1]. Однако во многих городах дороги нуждаются в ремонте: из-за неудовлетворительных дорожных условий происходит каждая пятая авария. Анализ данных о ДТП в 2022 г. в России [1] показал, что неудовлетворительное состояние дорог зафиксировано в 30,5 % случаев от общего количества ДТП. В 2023 г. протяженность дорог в России составляла более 1,5 млн. км, и 50 % из них не соответствовало требованиям к транспортно-эксплуатационному состоянию. Темпы строительства и ремонта дорог в России остаются ниже, чем в развитых странах. Например, в Китае дороги строятся в 75-

90 раз интенсивнее [2]. По мнению специалистов, для приведения всех федеральных дорог к нормативному состоянию необходимо финансирование в объеме не менее половины дорожного фонда [3].

Вместе с тем, нередко и сам дорожный ремонт становится причиной возникновения ДТП. Согласно статистическим данным из общего числа аварий в 2022 г. (126 705 ДТП) по вине дорожно-ремонтных организаций произошло 4,1 % ДТП, при этом количество подобных аварий увеличивается. Это может быть связано как с повышением темпов дорожного ремонта, так и с ростом числа обращений пострадавших водителей в силу повышения их юридической грамотности.

Седов Д. В.

Долгушина Л. В.

Но главная причина роста ДТП на ремонтируемых участках заключается в халатности должностных лиц дорожно-ремонтных организаций.

Практика показывает, что в сфере дорожного строительства и обслуживания существуют серьезные проблемы, связанные с несоответствием основных стандартов безопасности. Ключевыми проблемами являются пренебрежение установкой необходимой сигнализации и ограждений на ремонтируемых участках. Нередко дорожные службы игнорируют требования к временным знакам и разметке, что может привести к повышенной аварийности. Заметен рост количества дорожных указателей и знаков, не соответствующих установленным стандартам. Это не только создает путаницу среди водителей, но и увеличивает риск возникновения ДТП. Дополнительно обостряют ситуацию недостатки в законодательной базе, которые недооценивают важность высоких требований к обучению и сертификации дорожных рабочих.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в возникновении ДТП, которое произошло на ремонтируемом участке дороги из-за нарушения соответствующих технических норм, а значит, и в причиненном имущественном ущербе, существует также и доля ответственности водителя. Крайне важной задачей является объективное определение этой доли, которая должна быть пропорциональной вкладу каждой стороны участника в возникновение аварии. Однако в настоящее же время «измерение» этой доли представляет серьезную проблему.

Проиллюстрировать существование данной проблемы можно на следующих типичных примерах судебных разбирательств.

Первое судебное разбирательство связано с ДТП, которое произошло в Ямало-Ненецком автономном округе [4]. В ходе инцидента, автомашина, движущаяся в пределах разрешенной скорости, столкнулась с трудностями на дороге, включая каменные преграды и, в последствии, с ямой в асфальте, что вызвало значительный ущерб транспортному средству и его выход из строя. Водитель указывал на отсутствие каких-либо знаков, предупреждающих о дорожных работах, и акцентировал, что после столкновения с препятствием его машина была выброшена на участок с разрушенным покрытием. Однако представитель службы, ответственной за поддержку дорог в надлежащем состоянии, отметил, что дорога нуждалась в срочном ремонте, который выходит за рамки стандартных обязанностей службы, и подчеркнул, что водитель не принял во внимание существующие дорожные знаки, что противоречит официальным требованиям ПДД РФ. В ходе судебного разбирательства было установлено, что в деле отсутствует заключение о несоответствии дорожного покрытия нормативным требованиям; повреждение дорожного покрытия находилось на стороне встречного движения; на участке дороги с двух сторон были расположены предупреждающие знаки 1.16 «Неровная дорога»; камень, на который наехал истец, суду представлен не был. Суд указал на наличие предупреждающих знаков, а также на то, что истец не выполнил требования п. 10.1 ПДД РФ, обязывающего избирать скорость, обеспечивающую возможность контроля над движением. Суд пришел к выводу, что ДТП произошло вследствие наезда на яму, расположенную на встреч-

ной полосе, и у истца имелась возможность предотвратить ДТП, продолжив движение по своей полосе. Судом установлен факт ненадлежащего содержания участка дороги вследствие наличия ямы, однако заметил, что этот факт не находится в причинно-следственной связи с причинением ущерба. В связи с этим в иске согласно ст. 1083 ГК РФ было отказано. То есть 100 % ответственности за ДТП было возложено на водителя.

Второе судебное разбирательство связано с ДТП, которое произошло в Смоленской области [5] из-за попадания в легковой автомобиль камней из-под колес встречного грузового автомобиля. Были получены повреждения лобового стекла, капота, бампера, двух зеркал заднего вида. Грузовой автомобиль не остановился и уехал, а водитель легкового автомобиля предъявил претензии рабочим, производящим ремонт дороги по поводу отсутствия необходимых предупреждающих знаков. Рабочие претензию проигнорировали, сотрудники ГИБДД отказались составлять протокол в отношении дорожно-ремонтной организации. Истцом была подана жалоба начальнику УВД Смоленской области с просьбой провести служебную проверку и привлечь к административной ответственности дорожную организацию. В процессе расследования подтверждение нашли доказательства ненадлежащего выполнения работ по содержанию дорог: несвоевременно удаленный щебень оставался на дорожном покрытии. В отношении сотрудников дорожной полиции были предприняты дисциплинарные действия, а дорожный мастер столкнулся с необходимостью ответить перед законом согласно статье 12 за допущенные нарушения. В отсутствие предупредительных знаков, по версии компании, занимающейся дорожными работами, не было оснований для подачи иска, так как по их мнению, нарушения в дорожном движении не наблюдались - сотрудники ГИБДД не зафиксировали проблем. Дополнительно, к моменту проезда истца, дорожные работы уже не велись и соответствующие ограждения были демонтированы. Ответственность за происшествие, по утверждению дорожно-ремонтной службы, лежит либо на истце из-за возможного превышения скорости, либо на водителе грузовика. Суд пришел к выводу, что материальный вред причинен в виду несоблюдения работниками дорожно-ремонтной службы правил проведения ремонта дорог и требований по обеспечению безопасности. Поэтому 100 % ответственности за причиненный материальный ущерб должно лежать на дорожно-ремонтной организации.

Третье судебное разбирательство касалось ДТП, которое произошло в Курганской области [6] на дороге Шадринск – Миасское. Легковой автомобиль наехал на выпиленную дорожно-ремонтной службой яму, вокруг которой был рассыпан щебень. Автомобиль выбросило на полосу встречного движения, где он столкнулся со встречным транспортным средством. Автомобиль истца получил механические повреждения. В ходе судебного разбирательства установлено, что на проезжей части имелась выпиленная яма, превышающая допустимые размеры. Аварийная ситуация произошла в результате того, что ответственное за дорожные работы лицо не обеспечило должной организации движения во время ремонта. Ошибки в установке дорожных знаков – отсутствие знака 4.2.2, указывающего на необходимость объезда, неправильное размещение знаков

2.6 и 2.7, которые регулируют преимущества движения, а также неустановление надлежащих ограждений и несоответствие расположений знаков расстоянию до места работ - привели к тому, что водители были введены в заблуждение. Это запутало участников дорожного движения, в том числе истца, который, полагая, что обладает правом преимущественного проезда, оказался не готов к внезапному появлению на дороге ямы, окруженной щебнем, и из-за этого не снизил скорость. В решении суда отмечены проступки, связанные с несоблюдением установленных стандартов безопасности со стороны компании, проводившей дорожные работы. Кроме того, вина была признана и за водителем, который не только превысил скорость, но и не учел текущее состояние дорог и погоду. В связи с этим иск был удовлетворен частично: 40 % ответственности за ДТП возложено на дорожно-ремонтную службу и 60 % – на водителя.

Как видно из представленных судебных разбирательств, законодательство позволяет пострадавшим водителям требовать возмещения ущерба, причиненного в результате несоблюдения требований со стороны дорожно-ремонтных организаций. Данное право водителей закреплено в п. 2 статьи 28 Федерального закона РФ от 08.11.2007 № 257-ФЗ [7]. Вместе с тем, определение размера ответственности сторон определяется судом достаточно грубо. Так, в первом рассмотренном примере суд возложил на дорожную службу 0 % ответственности, на водителя – 100 %. Во втором примере на водителя было возложено 100 % ответственности, на дорожную службу 0 %. В третьем разбирательстве суд постановил 60 % ответственности нести водителю, 40 % – дорожной службе. Иными словами, определение размера ответственности производится в суде без проведения расчетного обоснования вклада каждой из сторон в возникновение ДТП с технической точки зрения. В результате судебные решения носят приблизительный характер и часто обжалуются, особенно в случаях причинения крупного материального ущерба, когда неточность при определении размера ответственности имеет значительный денежный эквивалент.

Применяемые на практике экспертные методы позволяют с технической точки зрения определить наличие у водителя возможности предотвратить ДТП, но не позволяют определить размер этой возможности. Таким образом, с их помощью не удается установить вклад конкретного участника ДТП в возникновение аварии и не помогают суду более точно установить размер его имущественной ответственности. Решению данного вопроса может способствовать использование математического аппарата теории риска ДТП профессора В. В. Столярова, которая дает возможность рассчитать вклад в вероятность возникновения ДТП водителя или конкретной дорожной службы [8]. Вклад в вероятность возникновения ДТП можно рассматривать как параметр для обоснования размера имущественной ответственности. Заметим, что использование данного подхода в рамках уголовного судопроизводства в настоящее время невозможно [9], но представляет актуальность при рассмотрении гражданских дел, что повысит объективность и эффективность судебных разбирательств и благотворным образом отразится на состоянии российских дорог в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. - М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. - 150 с.
2. Строительство дорог в России и Китае. // Spydell. Livejournal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spydell.livejournal.com/639400.html/> (дата обращения: 21.09.2023).
3. Дороги в России: местным дорогам быть, если губернатор и мэр договорятся // RCMM. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rcmm.ru/dorozhnoe-stroitelstvo/40174-dorogi-v-rossii-mestnym-dorogam-byt-esli-gubernator-i-mer-dogovoryatsya.html> (дата обращения: 21.09.2023).
4. Решение Надымского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.11.2010 по делу № 2-2029/2010 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.06.2023).
5. Решение Промышленного районного суда г. Смоленска от 16.12.2011 по делу № 2-2865/2011 Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/pNf3kpnDQQQL/> (дата обращения: 21.06.2023).
6. Решение Катайского районного суда Курганской области от 02.03.2011 по делу № 2-5/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.06.2023).
7. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (последняя редакция). Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ // Российская газета, № 254, 14.11.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения: 21.09.2023).
8. Столяров В. В. Теория риска в судебно-технической экспертизе дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов (+ABS): монография. - Саратов, 2010. - 340 с.
9. Сирохин А. И. Анализ основных подходов к изучению неосторожной формы вины и ее видов в уголовном праве России // Вестник ВСИ МВД России. - 2004. - №1. - С. 63-74.

КЛЮЕВА Юлия Алексеевна

адъюнкт Факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ КАК ФОРМА КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРЕДМЕТА ПОЗНАНИЯ

В статье рассматривается понятийный аппарат судебной экспертизы психоактивных веществ с учетом положений нормативных актов, регулирующих оборот наркотических средств и психотропных веществ, обозначена система психоактивных веществ, являющихся объектами судебной экспертизы. Приведено сравнение ведомственных приказов трех правоохранительных органов, касающихся проведения судебных экспертиз, в том числе наркотических средств и психотропных веществ. Предложено новое название вида судебной экспертизы, в рамках которой проводится исследование психоактивных веществ.

Ключевые слова: понятийный аппарат судебной экспертизы, психоактивные вещества, объекты судебной экспертизы наркотических средств и психотропных веществ, ведомственные приказы.

Клюева Ю. А.

KLYUEVA Yuliya Alexeevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-pedagogical Personnel of the Academy of Management of the MIA of Russia

EXPANSION OF THE CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS OF FORENSIC EXAMINATION OF PSYCHOACTIVE SUBSTANCES AS A FORM OF CONCRETIZATION OF THE SUBJECT OF COGNITION

The article examines the conceptual apparatus of forensic examination of psychoactive substances, taking into account the provisions of normative acts regulating the turnover of narcotic drugs and psychotropic substances, and identifies the system of psychoactive substances that are objects of forensic examination. The comparison of departmental orders of three law enforcement agencies concerning the conduct of forensic examinations, including narcotic drugs and psychotropic substances, is given. A new name for the type of forensic examination is proposed, within the framework of which the study of psychoactive substances is carried out.

Keywords: conceptual apparatus of forensic examination, psychoactive substances, objects of forensic examination of narcotic drugs and psychotropic substances, departmental orders.

Понятийный аппарат юриспруденции является неотъемлемой частью как правовой науки, так и правоприменительной практики. Однозначное использование и применение юридической терминологии является необходимым и для развития научно-теоретических исследований, и для успешной правоприменительной деятельности и принятия объективных, законных и своевременных решений, не подвергающихся сомнению какой-либо из сторон судопроизводства.

А. С. Пиголкин в своей работе «Юридическая терминология и пути ее совершенствования» все юридические термины поделил на дефинированные в законе и не дефинированные [1]. Довольно часто используемые в юридической науке термины не закреплены на законодательном уровне (например, «диспозиция юридической нормы»). Необходимо отметить, что многие термины, используемые на практике, также не имеют своих дефиниций (например, термин «психоактивное вещество» используется в уголовном законе России, не имея соответствующей дефиниции и официального закрепления). Рассматривая классификацию терминов по юридическому закреплению, отметим, что нормативно закреплённые понятия можно разделить на закреплённые в федеральных законах и иных нормативных актах (например, понятие «аналоги наркотических средств и психотропных веществ» закреплёно в Федеральном законе от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ¹, а равнозначное ему понятие «производные нар-

котических средств и психотропных веществ» - в Постановлении Правительства от 30 июня 1998 г. № 681²). Это деление необходимо отметить ввиду того, что определения из первой группы обязательны к применению в том значении, в котором они дефинированы, понятия из второй группы не могут противоречить понятиям из первой, так как федеральные законы обладают высшей юридической силой по отношению к подзаконным нормативным актам.

В настоящее время нормы законов и подзаконных актов часто противоречат друг другу. Даже среди терминов, встречающихся внутри равных по юридической силе нормативных актов, а также внутри одного нормативного акта наблюдаются противоречия, которые приводят к ошибкам в применении норм права и дают возможность отдельным субъектам правоотношений затягивать принятия правовых решений и оспаривать уже принятые, в том числе приговоры судов [2, 3]. Например, Список I Перечня наркотических средств и психотропных веществ (далее НСПВ), утвержденного Постановлением Правительства России от 30 июня 1998 года № 681, обозначен как «Список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации)». В то же время в Постанов-

1 О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон РФ от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 12.01.1998, № 2. – Ст. 219.

2 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. №681 // Собрание законодательства РФ от 06.07.1998, № 27. – Ст. 3198.

лении Правительства от 02.06.2022 года № 1007³ деятельность по обороту НСПВ, в том числе входящих в упомянутый Список I, обозначена, как подлежащая лицензированию. Так как перед нами возникает по юридической силе нормативные документы, возникает вопрос – запрещен все-таки оборот НСПВ Списка I или нет. В качестве другого примера можно рассмотреть статьи 205 и 282 УПК РФ, которые имеют одинаковое название: «Допрос эксперта». Отличает их, кроме месторасположения в структуре кодекса, содержание: в статье 205 УПК РФ эксперт допрашивается в целях «разъяснения данного им заключения», а в статье 282 – для «разъяснения или дополнения данного им заключения». Если же мы обратимся к статье 207 рассматриваемого нормативного правового акта, то обнаружим что недостаточна полнота заключения эксперта (именно она вызывает необходимость дополнения данного экспертом заключения) является основанием для назначения дополнительной экспертизы. Поэтому неясно для чего в статье 282 УПК РФ говорится о «дополнении заключения», ведь в этом случае, в соответствии со ст. 207 УПК РФ, необходимо назначать дополнительную экспертизу. Снова налицо неточности, порождающие неоднозначное толкование норм и способствующие затягиванию судебного производства. В данном случае возникает вопрос относятся ли положения статьи 207 УПК РФ к заключению эксперта, если в ходе судебного производства возникают сомнения в его достаточной ясности или полноте.

Нельзя не отметить, что на современном этапе развития науки и техники происходит как развитие новых видов экспертиз, так и появление новых объектов исследования в рамках «старых» видов. В связи с этим периодически необходимо приводить действующие нормативные акты в соответствие с современным многообразием существующих сегодня объектов материального мира, исследование которых проводится в рамках «старых» видов судебных экспертиз.

Например, при более детальном рассмотрении системы и классификации психоактивных веществ (далее ПАВ), как объектов судебной экспертизы, становится очевидным, что к ним относятся вещества, оборот которых запрещен уголовным законом (например, НСПВ, входящие в Список I Перечня наркотических средств и психотропных веществ⁴), ограничен (например, вещества Списка II Перечня НСПВ), а также вещества, которые имеют высокий потенциал к использованию в рекреационных целях, но оборот которых пока нормативно не запрещен и не ограничен. Необходимо отметить, что нормы уголовного закона России, предусматривающие ответственность за незаконный оборот НСПВ и их прекурсоров, являются бланкетными, так как в них не отражено какие именно действия будут считаться незаконными. Для этого требуется обратиться к Федеральному закону Российской Федерации от 04.05.2011 № 99-ФЗ⁵ и Постановлению Правительства РФ от 02 июня 2022 г. № 1007⁶, регулирующему законный оборот вышеуказанных объектов. Однако вначале необходимо выяснить – является ли изъятое вещество наркотическим средством или психотропным веществом. С

этой целью целесообразно изучить Федеральный закон Российской Федерации от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ⁷, в котором даются определения понятий «наркотические средства» и «психотропные вещества», и Постановление Правительства от 30.06.1998 № 681⁸, которым утвержден Перечень НСПВ и дефинирован термин «производные НСПВ». Однако, даже изучение этих нормативных актов не даст достаточного объема информации чтобы решить можно ли применить норму уголовного закона России в конкретном случае, так как для разграничения преступления и административного правонарушения необходимо изучить Постановление Правительства от 01.10.2012 г. № 1002⁹, которым утверждены размеры НСПВ. Таким образом, чтобы применить норму УК РФ, предусматривающую ответственность на незаконный оборот НСПВ, сначала необходимо изучить ряд других федеральных законов и подзаконных нормативных актов.

После изучения системы ПАВ, оборот которых регулируется государством, становится очевидно, что объектами судебной экспертизы психоактивных веществ в соответствии с современным законодательством сегодня являются:

- наркотические средства и психотропные вещества;
- прекурсоры НСПВ;
- соли, сложные и простые эфиры, изомеры НСПВ;
- аналоги НСПВ;
- производные НСПВ;
- одурманивающие вещества;
- сильнодействующие и ядовитые вещества;
- отравляющие вещества;
- новые потенциально опасные ПАВ.

Объектами судебной экспертизы ПАВ, кроме перечисленных, являются категории веществ, которые невозможно отнести ни к одной из указанных групп. К ним, например, относятся, синтезируемые в виде самостоятельных продуктов метаболиты психоактивных веществ (например, метаболит наркотического средства тилидин) и так называемые «пролекарства» – неактивные соединения, которыми они остаются до тех пор, пока не попадут в организм человека. Такой механизм действия веществ известен в медицине с начала XX века. Сейчас его активно применяют для разработки новых лекарственных препаратов, и не только. Эти вещества представляют весьма высокую опасность в связи с тем, что в процессе метаболизма, протекающего в организме человека, они трансформируются в психоактивные соединения, оказывающие соответствующее действие уже изнутри, то есть начинают «работать» в результате их превращения в организме. В качестве примера можно привести вещество Авизафон (Avizafone), относящееся к новому типу соединений уникальной структуры, которое недавно стало появляться на рынке рекреационной продукции. Оно является «пролекарством» психотропного вещества, оборот которого в России ограничен¹⁰.

7 О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон РФ от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 12.01.1998, № 2. – Ст. 219.

8 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 // Собрание законодательства РФ от 06.07.1998, №27. – Ст. 3198.

9 Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление правительства от 01.10.2012 г. № 1002 // Собрание законодательства РФ от 08 октября 2012, № 41. – Ст. 5624.

10 Автор статьи не называет этот препарат в целях недопущения его незаконной рекламы.

3 О лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений: Постановление Правительства РФ от 02 июня 2022 г. № 1007 // Собрание законодательства РФ от 06.06.2022, № 23, ст. 3833.

4 Утвержден Постановлением Правительства от 30 июня 1998 г. № 681.

5 О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 04.05.2011 №99-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 09.05.2011, № 19. – Ст. 2716.

6 О лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений: Постановление Правительства РФ от 02 июня 2022 г. № 1007 // Собрание законодательства РФ от 06.06.2022, № 23. – Ст. 3833.

При рассмотрении приказов трех ведомств – МВД России, ФСБ России и Минюста России, утверждающих Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях этих ведомств, можно заметить, что только в ФСБ России в рамках материологической экспертизы помимо исследования НСПВ, сильнодействующих, ядовитых и отравляющих веществ (в ведомствах МВД России и Минюста России согласно их внутренним приказам исследование отравляющих веществ не производится) присутствует задача диагностики, веществ неуставленной природы и состава, а также определение их свойств и характеристик¹¹. В Перечне родов (видов) судебных экспертиз (далее СЭ), производимых в органах внутренних дел МВД России, утвержденных Приказом МВД России от 29 июня 2005 года № 511¹², в рамках рода судебной экспертизы «Экспертиза материалов, веществ и изделий (физико-химическая)» находится вид судебной экспертизы «Исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ». В Перечне родов (видов) судебных экспертиз, утвержденных Приказом Минюста России от 20 апреля 2023 года № 72, род судебной экспертизы, именуемый «Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий», включает в себя вид СЭ «Исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ»¹³.

Название вида судебной экспертизы, проводимой в системах МВД России и Минюста России, не отражает всего разнообразия исследуемых объектов в рамках обозначенного исследования – оно не содержит указание на возможность исследования таких актуальных сегодня веществ, как аналогов НСПВ (ответственность за незаконные действия с ними предусмотрена статьями 228, 228.1, 229.1, 230 и 232 УК РФ), производных НСПВ (ни в одной статье УК РФ нет о них упоминания, также как нет указания на данную категорию веществ в Федеральном законе от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ¹⁴), новых потенциально опасных ПАВ (ответственность за незаконный оборот предусмотрена статьей 234.1 УК РФ), а также веществ, которые нельзя отнести ни к одной из вышеуказанных категорий.

Название рода судебной экспертизы материалов, веществ и изделий в приказе Минюста России содержит термин «криминалистическая», по поводу которого применительно к указанному роду судебных экспертиз ученые до сих пор не пришли к единому мнению – одни считают его применение обоснованным, другие – недопустимым [4, 5, 6]. Нельзя не согласиться с мнением ученого-криминалиста Р.С. Белкина, что указанный род судебной экспертизы нельзя отнести к классу криминалистических, так как в структуре «специальных знаний, которыми должен обладать осуществляющий эту экспертизу специалист ... отсутствуют специфически криминалистические познания или в лучшем случае они представлены лишь познаниями в области теории криминалистической идентификации» [7].

11 Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности [Текст]: Приказ от 23 июня 2011 года ФСБ России № 277.

12 Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [Текст]: Приказ от 29 июня 2005 года Министерства внутренних дел Российской Федерации № 511.

13 Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [Текст]: Приказ от 20 апреля 2023 года Министерства юстиции РФ № 72.

14 О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон РФ от 08 января 1998 г. №3-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 12.01.1998, № 2. – Ст. 219.

Кроме того, психоактивные вещества могут исследоваться в рамках разных видов СЭ, начиная от физико-химической и заканчивая трасологической (в части исследования технологических процессов их изготовления), поэтому считаем необходимым обозначить в соответствующих нормативно-правовых актах единое название вида судебной экспертизы следующим образом: «Физико-химическое исследование психоактивных веществ, их прекурсоров и дериватов¹⁵», в задачи которой будет входить исследование психоактивных веществ (как включенных в соответствующие списки и перечни, так и не включенных в них (например, производных и аналогов НСПВ)), а также солей, сложных и простых эфиров, изомеров НСПВ, одурманивающих веществ и новых химических соединений, которые либо являются синтезируемыми в виде самостоятельных продуктов метаболитами запрещенных ПАВ (или ограниченных в обороте), либо не проявляют своих психоактивных свойств до попадания в организм человека.

Пристатейный библиографический список

1. Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки. Ученые записки ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1971, Вып. 24. – С. 18-34.
2. Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Сидоренко В. А. О необходимости разработки основных положений и понятийно-терминологического аппарата формирующейся отрасли научно-практического знания «Псевдо-правомерный оборот потенциально опасных материалов, веществ и изделий. Генезис, признаки, превенция» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 181-186.
3. Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Ковалев А. В. Судебная экспертиза как инструмент выявления гибридных средств массового поражения людей // Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы». – Москва, 2019. – С. 64-69.
4. Шляхов А. Р. Классификация судебной экспертизы // Сб. науч. тр. ВНИИСЗ «Общее учение о методах судебной экспертизы». – Вып. 28. – М., 1977. – С. 16.
5. Россинская Е. Р. Классификация судебных экспертиз в русле стандартизации судебно-экспертной деятельности / Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности» (Москва, 21 января 2016 г.). – М.: Проспект, 2016. – С. 234-239.
6. Дьяконова О. Г., Иванова Е. В. Классификация судебных экспертиз: экспертологический подход // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. № 2. – С. 75-82.
7. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. – Москва: Юрист, 1997. – 463 с.

15 Дериват – это предмет, возникающий на основе другого; производное от чего-нибудь первичного. Нитробензол есть дериват бензола – «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940) – электронная версия. Указанный термин используется в таможенном и природоохранительном законодательстве Российской Федерации для обозначения производных растительного и животного мира, к ним, например, относят кровь, мочу, мускус, желчь, различные железы, панты, а также сувениры и предметы бытового назначения, изготовленные из частей животных, медикаменты и парфюмерию животного и растительного происхождения и др.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРКОСИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

В статье на основе совокупности данных официальной статистики и результатов социологических опросов, проводимых в Красноярском крае в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации в РФ, рассмотрены особенности современной наркоситуации с учетом реалий трансформации общества. Исследованы некоторые факторы, определяющие расширение сферы незаконного оборота наркотиков в такие периоды общественного развития. Акцентируется внимание на активизации кооптации наркораспространителями новых наркопотребителей среди мужчин взрослого возраста и в социальных группах населения, которые оценивают свое материальное положение, как малообеспеченное.

Ключевые слова: наркоситуация, наркотизация, наркомания, мониторинг наркоситуации, причины наркопотребления, антинаркотическая профилактика.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

SOME FEATURES OF THE DRUG SITUATION IN MODERN CONDITIONS (ON THE EXAMPLE OF THE KRASNOYARSK TERRITORY)

Based on the totality of official statistics and the results of sociological surveys conducted in the Krasnoyarsk Territory during the annual monitoring of the drug situation in the Russian Federation, the article examines the features of the modern drug situation, taking into account the realities of the transformation of society. Some factors determining the expansion of drug trafficking in such periods of social development are investigated. Attention is focused on the intensification of drug distributors' co-optation of new drug users among adult men and in social groups of the population who assess their financial situation as low-income.

Keywords: drug situation, anesthesia, drug addiction, monitoring of drug situation, causes of drug use, anti-drug prevention.

Ступина С. А.

Трансформация общества является результатом управленческого отклонения общества. Она приводит к изменениям в общественной жизни. Эти изменения могут определять прогрессивное развитие общества в случае, когда они соответствуют основным определениям социальной системы либо, напротив, при несоответствии, – регрессивное [1, с. 30].

В целом проявившаяся на фоне специальной военной операции консолидации российского общества, укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, это все, безусловно определяет прогрессивное и суверенное развитие нашего общества.

Вместе с тем, для всестороннего обеспечения безопасности, нельзя игнорировать и те асоциальные явления, которые могут привести к регрессу.

В условиях геополитических изменений, формирования многополярного мира, когда все внимание спецслужб каждого государства сфокусировано на внешнеполитических задачах обеспечения национальной безопасности, как никогда активизировались транснациональные преступные группировки, особенно те, которые «специализируются» на незаконном обороте оружия и наркотиков.

В целом, феномен распространения наркотиков имеет свои особенности и зачастую неразрывно связан с военными конфликтами. Рассмотрим несколько ключевых причин и факторов, которые способствуют этому процессу.

Во-первых, во время военных действий нарушается нормальная жизнедеятельность общества. Власть и структуры

контроля в большей мере переориентируются на обеспечение внешней безопасности.

Во-вторых, в период военных действий наркобизнес становится одним из наиболее привлекательных способов заработка для отдельных групп населения территорий, на которых происходит такой конфликт.

Третьим фактором является специфическая роль вооруженных группировок в этом процессе. Во многих случаях сложно различить международные террористические организации и наркокартели, так как они тесно сотрудничают для достижения своих целей. Наркобизнес становится финансовым источником для террористов, обеспечивая им средства для формирования, снабжения и проведения военных операций. Это создает замкнутый круг, в котором наркотика и военные действия поддерживают друг друга.

Воздействие военных действий на распространение наркотиков не ограничивается только зоной конфликта. Наркотика часто переправляются через границы соседних стран, проникая в другие регионы, где они могут привести к новым проблемам и генерировать преступность.

В целом, военные действия служат благоприятной почвой для распространения наркотиков. Они создают условия отсутствия контроля, разрушают общественные структуры и экономическую устойчивость, а также стимулируют связи между наркобизнесом и вооруженными группировками. Понимание и принятие этой проблемы является необходимым шагом для эффективной борьбы с наркотиками в конфликтных зонах и за ее пределами.

По данным МВД РФ в России в 2023 г. удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных возрос с 27,3 % в январе – декабре 2022 года до 30,3 %.

В целом в 2023 г. выявлено 191,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 7,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

По сравнению с 2022 г. на 13,8 % возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также возрос их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 62,4 % в 2022 г. до 66,1 % в 2023 г.

Больше половины преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, (50,6 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (342,6 тыс.; +25,9 %). Почти каждое восьмое такое преступление (12,0 %) совершается с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 81,5 тыс. (+31,0 %).

В условиях специальной военной операции, проводимой Россией, нельзя игнорировать ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков, поскольку использование последних в ряде случаев выступает способом вовлечения отдельных групп населения в противоправные действия против национальной безопасности, подрывает демографическую ситуацию, которой в настоящее время уделяется особое внимание, а также может привести к корреляционному детерминированию в будущем ряда других преступных посягательств.

Именно из-за объема проблемы необходимо провести анализ особенностей сложившейся наркоситуации в обществе.

Одним из эффективных инструментов установления указанных индикаторов выступает проводимый в России ежегодный мониторинг наркоситуации по утвержденной протоколом заседания Государственного антинаркотического комитета от 26.06.2021 г. № 48 (ред. от 26.12.2022) Методике и порядке осуществления мониторинга, а также критериям оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах в соответствии с требованиями Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485.

Особое внимание в рамках такого мониторинга следует отводить социологическому опросу, который отражает мнение населения региона, в том числе охватывает и мнение тех респондентов, которые имели или имеют опыт употребления наркотиков в немедицинских целях.

Приведем некоторые актуальные для формирования профилактических мероприятий антинаркотической направленности тенденции, установленные нами при анализе опроса населения в Красноярском крае в 2023 г. в отношении наркоситуации в этом регионе.

Отметим, что было установлено, что более чем за десять лет (период с 2013 г. по 2023 г.) на 2,5 % увеличилось количество лиц среди опрошенных, кому поступали предложения об употреблении наркотиков в немедицинских целях.

Из опрошенных респондентов мужского пола почти каждому третьему поступало предложение пробы наркотиков в немедицинских целях (28,4 %), что на 3,6 % больше, чем по итогам 2022 г. [3].

Указанное следует рассматривать во взаимосвязи с отдельными демографическими показателями в России.

По данным Росстата за последние десять лет удельный вес мужчин и женщин не изменился и в 2023 г. составляет соответственно 46 % и 54 % (мужчин было на 1 % больше в период с 1989 по 2003 гг.).

При этом, на начало 2023 года в России на 1 тыс. мужчин приходилась 1151 женщина – это чуть больше, чем в прошлом году: 1150 женщин. По данным ведомства, за десять лет показатель сократился: в 2013 году на 1 тыс. мужчин приходилось 1160 женщин.

Уточняется, что среди более молодого населения разница в соотношении мужчин и женщин другая. Так, в возрасте до 30 лет на 1 тыс. мужчин в среднем приходится 948 женщин.

Начиная с категории от 50 до 54 лет количество женщин преобладает над количеством мужчин выше среднероссийского показателя – 1124 на 1 тыс.

Особенно заметна разница в категории 70+: 2157 женщин на 1 тыс. мужчин.

В 2023 г. среди городского населения наблюдается большее число женщин на 1 тыс. мужчин, чем на селе – 1180 и 1068 соответственно.

В Красноярском крае на 1 января 2023 г. население составляло 2845545, среди которых мужчин – 1321284 (46,4 %), женщин – 1524261 (53,6 %), т.е. соотношение по признаку пола аналогично тому, которое фиксируется на федеральном уровне.

На 2 % по сравнению с 2022 г. [3] снизилось количество опрошенных женщин, которые утвердительно ответили на вопрос о предложении пробы наркотиков (18,7 %), что явно положительно по отношению к предыдущему году, но, вместе с тем, остается тревожным показателем, поскольку, к примеру, по итогам 2013 г. доля опрошенных женщин, которым когда-либо поступало предложение пробы наркотиков, составляла 15,0 %.

Следует учесть и то, что на 0,6 % выросло количество женщин, уклонившихся от ответа. Это в противовес тому, что среди респондентов мужского пола наоборот уменьшилось на 1 % число не ответивших на вопрос о поступивших предложениях пробы наркотиков.

Тревожные тенденции фиксируются при анализе ответа по анализируемому вопросу в зависимости от возраста опрошенных.

Так, по итогам 2023 г. наиболее часто предложения поступали лицам в возрасте от 26 до 40 лет (практически каждому третьему). Причем наиболее подверженной группой для кооптации наркораспространителей являлись лица от 31 до 35 лет (34,3 %). В 2022 г. чаще, чем другие выбирали ответ «да» респонденты, входящие в возрастную группу от 41 года до 50 лет.

Если проводить анализ данных 2023 г. во взаимосвязи с тем, что чаще предлагают пробу наркотиков мужчинам, то тот факт, что наибольшее внимание со стороны наркораспространителей обращено к мужчинам, находящимся в активном возрасте, нельзя игнорировать, особенно с учетом проведения Россией специальной военной операции.

Важно помнить, что враг, понимая, что невозможно одержать победу над Россией на поле боя, предпринимает различные меры по дестабилизации российского общества изнутри.

Как итог отметим, что по результатам опроса в 2023 г. положительно то, что достаточно существенно (на 7 %) снизилось количество опрошенных подростков, кому поступало предложение пробы наркотиков, а отрицательно, что увели-

чилось количество мужчин в возрасте от 26 до 40 лет, которые согласно их ответам попадали в сферу внимания нарко-распространителей.

Следует обратить пристальное внимание на полученные результаты социологического опроса по итогам 2023 г. с учетом современных формирующихся современных условий, в том числе и геополитического характера.

Как и в предыдущем году чаще всего предлагали наркотики впервые либо лицам с низким материальным достатком, которые чаще других отмечают варианты ответов «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится занимать в долг». Однако доля таких ответивших в 2023 г. увеличилась и составила 32,7 % против 26,3 % в 2022 г. [3].

В 2023 г. практически каждый третий респондент, который положительно ответил на вопрос о поступлении ему предложения пробы наркотиков в немедицинских целях, затруднился определить свое материальное положение (32,5 %; в 2022 г. таких было 31 % [3]).

Соответственно видно, что наркораспространители пытаются расширить рынки сбыта, активизируя деятельность среди лиц, которые свое материальное положение оценивают как малообеспеченность, что, также требует пристального внимания, в свете возможности активизации асоциальных настроений среди такой категории населения.

При оценке результатов ответов респондентов на вопрос: «Пробовали ли Вы наркотические вещества?» – было установлено, что положительно на данный вопрос в 2023 г. ответили 4,4 % респондентов, что на 0,7 % больше, чем в 2022 г. и на 1,7 % чем в 2021 г. По итогам 2013 г. в Красноярском крае таких опрошенных было 3,8 % (+0,1 % уклонившихся от ответа) [2].

Соответственно начинает проследиваться негативная тенденция к увеличению количества лиц с опытом наркопотребления.

Соответственно произошло увеличение на 0,7 % как количества респондентов, которым поступало предложение о пробе наркотиков, так и лиц, которые имеют опыт такой пробы.

Анализ ответов респондентов, имеющих опыт наркопотребления, по материальному достатку показал, что наибольшую группу составляют респонденты, испытывающие трудности в обеспеченности самым необходимым «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится занимать в долг» (7,8 %).

В 2023 г. среди тех, кто употреблял наркотики в течение последних 12 месяцев мужчин 27,8 %, а женщин 9,1 %.

Во взаимосвязи с вышеизложенными результатами вновь обращает внимание факт активизации немедицинского употребления наркотиков среди мужчин в возрасте свыше 21 года.

Системный анализ всех ответов на вопрос о причинах востребованности и употребления респондентами конкретных наркотиков показал, что в 2023 г. в отличие от 2022 г. [3] стали занимать больший удельный вес такие варианты ответов, как: «Легче достать» (7,1 %) и «Легче изготовить» (3,6 %), что должно стать объектом пристального внимания в первую очередь правоохранительных органов, поскольку это косвенно может определять распространенность недорогих по стоимости наркотиков и их прекурсоров в регионе, а также факты получения лицами информации о способах изготовления наркотиков.

Таким образом, анализ результатов опроса населения в Красноярском крае в 2023 г. в рамках ежегодного мони-

торинга наркоситуации свидетельствует, что пристальное внимание следует уделять активизации кооптации нарко-распространителями новых наркопотребителей среди мужчин в возрасте от 26 до 40 лет и в социальных группах населения, которые оценивают свое материальное положение, как малообеспеченное.

Пристатейный библиографический список

1. Григоренко Д. Е. Трансформация общества и его неуправляемость // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 3 (20). – С. 30-35.
2. Невирко Д. Д., Тепляшин П. В., Ступина С. А. Особенности наркоситуации в субъектах Сибирского федерального округа и основные направления антинаркотической профилактической деятельности в современных условиях (по результатам социологических исследований) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2014. – № 4 (17). – С. 96-105.
3. Состояние наркоситуации в Красноярском крае по результатам социологических исследований в формате ежегодного мониторинга в 2022 году / Шинкевич В. Е., Бен Е. Н., Молоков В. В., Мамай Е. А., Калининченко Я. Н., Ступина С. А. Отчет о НИР. Министерство внутренних дел РФ, 2023.

ТАИЛОВА Айша Габировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

АСХАБАРОВА Мадина Элдархановна

студент 4 курса дневного отделения, направления «юриспруденция» (бакалавриат) Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

АБАКАРОВА Бика Гаджишамхаловна

преподаватель 1 категории Юридического колледжа при Северо-Кавказском институте Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала, Отделения Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯТРОГЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ЕЁ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Ятрогенные преступления являются социально опасными, так как вред причиняется лицом, относящимся к сфере медицинских услуг. В статье анализируются проблемы, связанные с ятрогенной преступностью, даётся анализ статистики, анализируются причины, порождающие данную преступность, дана характеристика личности ятрогенного преступника. Криминологическая характеристика ятрогенных преступлений, по сути, является анализом и изучением преступлений, которые возникают в результате деятельности медицинских работников, в том числе врачей, медсестер и другого персонала здравоохранения.

Необходимым условием успешного предупреждения непреднамеренных преступлений со стороны медицинских работников является создание устойчивой нормативно-правовой базы, включающей комплекс многоуровневых источников, регулирующих деятельность различных субъектов по предупреждению непреднамеренных преступлений, на основе общепризнанных международных и национальных принципов и положений, направленных на эффективную защиту здоровья человека.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, причины преступности, ответственность медицинских работников, личность преступника, направления профилактики.

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Izberbash

ASKHABAROVA Madina Eldarkhanovna

student of the 4th course full-time department, the direction of "jurisprudence" (bachelor's degree) of the Dagestan State University, branch in Izberbash

ABAKAROVA Bika Gadzhishamkhalovna

lecturer of the 1st category of the Law College of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) branch in Makhachkala, the Department of Specialized Education of the Dagestan State University, branch in Izberbash

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF IATROGENIC CRIME AND THE MAIN DIRECTIONS FOR ITS PREVENTION

Iatrogenic crimes are socially dangerous, as the harm is caused by a person belonging to the sphere of medical services. The article analyzes the problems related to iatrogenic crime, gives the analysis of statistics, analyzes the reasons generating this crime, gives the characteristic of the personality of iatrogenic criminal. Criminological characterization of iatrogenic crimes, in fact, is the analysis and study of crimes that arise as a result of the activities of health care workers, including doctors, nurses and other health care personnel.

A necessary condition for the successful prevention of unintentional crimes by health workers is the creation of a sustainable legal framework, including a set of multi-level sources regulating the activities of various actors to prevent unintentional crimes, based on universally recognized international and national principles and provisions aimed at the effective protection of human health.

Keywords: iatrogenic crimes, causes of criminality, responsibility of medical workers, personality of the offender, directions of prevention.

Ятрогенные преступления - это преступления, которые порождены деятельностью врачей, медицинских работников или других лиц, связанных с медицинским процессом. Ятрогенные преступления являются социально опасными, так как вред причиняется лицом, относящимся к сфере медицинских услуг.

В литературе подчеркивается, что, рассматривая криминологическую характеристику преступности, «важно обратить внимание на необходимость дополнения теоретических характеристик мониторингом их динамики в процессе практической деятельности, для чего требуется реализация прикладных умений и навыков» [3, с. 36-41].

Криминологическая характеристика ятрогенных преступлений, по сути, является анализом и изучением пре-

ступлений, которые возникают в результате деятельности медицинских работников, в том числе врачей, медсестер и другого персонала здравоохранения. Термин «ятрогенные преступления» происходит от греческого слова «ятро» (врач) и обозначает преступления, совершаемые врачами или другими медицинскими работниками.

Ятрогенные преступления могут иметь различные формы и проявления. Они могут включать в себя мошенничество, коррупцию, незаконную продажу лекарств и наркотиков, подделку медицинских документов, неправомерное использование медицинской информации, фальсификацию результатов лабораторных исследований, неправомерное назначение лечения и многие другие преступные действия в сфере медицины.

Важно отметить, что ятрогенные преступления имеют серьезные социальные последствия. Они могут приводить к ухудшению здоровья и даже смерти пациентов, а также подрывать доверие и проблемы в медицинской системе. Поскольку врачи и другой медицинский персонал имеют доступ к конфиденциальной информации о пациентах, ятрогенные преступления также могут нарушать права на приватность и безопасность личных данных.

Для справедливого рассмотрения ятрогенных преступлений важно учитывать контекст, в котором они возникают. Врачи и другой медицинский персонал часто сталкиваются с высоким уровнем стресса и давления, с которым связана их профессия. Это может быть одной из причин, почему некоторые медицинские работники совершают преступления – неправомерно назначают лекарства, получают взятки и т.д.

Однако, независимо от причин, ятрогенные преступления не должны оставаться безнаказанными. Необходимо разработать и внедрить меры, направленные на предотвращение и пресечение таких преступлений, а также на обеспечение справедливого судебного расследования и наказания виновных лиц.

По данным статистики всего за 2021 год в СК России поступило 6248 заявлений от граждан о врачебных преступлениях (в 2020 году – 5452 заявления), по 2095 из них принято решение о возбуждении уголовных дел (в 2020 – 1639 дел). В суд при этом с обвинительным заключением передано только 176 дел. В сравнении в 20018 году поступило 6623 заявлений (в 2019 году 6168 заявлений) до суда дошло за 2018 год 2129 (в 2019 году – 2168 дел). Данных об оправдательных приговорах нет.

Большинство врачебных дефектов допускается в городских медицинских учреждениях (73 %), реже – в расположенных в сельской местности (27 %). Из них 94 % относятся к бюджетным учреждениям, остальные – к коммерческим [4].

Причины, ведущие к возникновению ятрогенных преступлений, могут быть следующими:

Недостаточные знания и навыки медицинского персонала. Врачи и медицинские работники могут не обладать достаточными знаниями и навыками для корректного проведения лечения или диагностики. Это может привести к серьезным осложнениям для пациентов или даже к смертельному исходу.

Ошибки в лечении и диагностике. Врачи и медицинские работники иногда могут ошибиться при постановке диагноза или при выборе методов лечения. Это может привести к неправильной терапии или процедурам, которые могут быть вредными или опасными для пациентов.

Намеренные действия медицинского персонала. Несмотря на то, что большинство медицинских работников работают на благо пациентов и следуют профессиональным этическим нормам, некоторые могут совершать преступления намеренно. Например, они могут получать взятки от пациентов или присваивать деньги, предназначенные для медицинского оборудования и лекарств.

Недостаточный контроль и наказание. В некоторых случаях, медицинские организации или государственные органы могут не осуществлять достаточный контроль за действиями медицинского персонала. Это может позволить им совершать преступления безнаказанно или наказание может быть недостаточно строгим, чтобы предотвратить повторные случаи.

Недостаточная образованность пациентов. Иногда пациенты могут стать жертвами ятрогенных преступлений из-за своей недостаточной образованности и незнания своих прав. Они могут доверять медицинскому персоналу без должной критики или не знать, что имеют право на качественное и безопасное лечение.

Все эти причины могут привести к возникновению ятрогенных преступлений, которые могут нанести серьезный вред пациентам и подрывать доверие к медицинской системе в целом.

Причиной допущения врачебных дефектов в 60 % случаев являются различные заболевания, а также травмы, беременность и роды (по 13 %). Иногда у потерпевших (14 % фактов) имеются сопутствующие к основному заболеванию либо они злоупотребляют алкоголем (7 %) [2, с. 181].

В части поведения потерпевших пациентов, важно отметить, что иногда до медицинского вмешательства они занимаются самолечением, не сообщают о наличии проблем,

имеют вредные привычки, однако это не исключает преступность совершенного в отношении их деяния.

Личность медицинских работников, совершивших преступление по неосторожности, может быть разнообразной. Она зависит от конкретных обстоятельств, мотивов и состояния сознания преступника.

Во-первых, среди таких медицинских работников могут быть как профессионалы с безупречной репутацией и долгим стажем работы, так и новички, которые превысили свои компетенции из-за неопытности или некорректного обучения.

Во-вторых, личность медицинского работника, совершившего преступление по неосторожности, может включать в себя такие черты, как независимость, рискованность, субъективность и недостаток внимания к деталям. Некоторые преступления могут быть связаны с пренебрежением профессиональными стандартами, недостатком этики или давлением на результаты.

В-третьих, медицинские работники могут совершать преступления по неосторожности как по неумению, так и по нехотению соблюдать правила и процедуры безопасности. Это может быть связано с их эмоциональным состоянием, усталостью, стрессом или неадекватным реагированием на определенные ситуации.

Однако важно отметить, что не все медицинские ошибки, включая ошибки по неосторожности, являются преступлениями. Многие ошибки могут быть результатом непредвиденных обстоятельств, сложности в диагностике или неизбежностью ошибок в медицине. В таких случаях личность медицинского работника не является фактором, влияющим на его профессиональные действия.

Большинство правонарушителей на момент совершения преступления состояли в браке, имели постоянное место жительства, устойчивые социальные связи. Часто мотивы так и остаются невыявленными. В то же время более половины медицинских работников, в отношении которых был вынесен обвинительный приговор, совершили преступления с явно корыстными побуждениями. Большинство преступлений совершается единолично [1, с. 136-140]. Группой лиц подобные преступления, как правило, не совершаются.

Характеристика медицинских работников, совершивших преступление в сфере здравоохранения, которую мы получили в ходе исследования, позволила определить особенности, присущие этим субъектам, что является важным профилактическим ресурсом для правового воздействия на личность преступника, то есть медицинского работника.

Особое внимание следует уделить жертвам преступного посяательства.

Жертвы ятрогенных преступлений могут быть различными и включать:

Пациентов, которые получают неправильное или ненадлежащее лечение от медицинских работников. Это может привести к физическому или психическому увечью, ухудшению состояния здоровья или даже смерти.

Людей, которым назначают или предлагают ненужные, или опасные медицинские процедуры или лекарства. Их можно принуждать к неправильному лечению или обманывать в отношении необходимости определенных процедур.

Пациентов, которые становятся жертвами сексуального или физического насилия со стороны медицинских работников. Это может включать насильственные сексуальные контакты, издевательства, запугивания или надругательство.

Людей, которые подвергаются экспериментам или исследованиям без их согласия, либо без достаточной информации о возможных рисках и пользе.

Близких родственников пациентов, которым неправильно сообщают информацию о здоровье и лечении их близкого человека, либо которые не получают должной поддержки и доступа к информации.

Это лишь некоторые примеры жертв ятрогенных преступлений. Все эти действия наносят ущерб не только физическому и психическому здоровью пациентов, но и доверию к медицинской системе в целом.

Ятрогенные преступления характеризуются высокой латентностью. Латентность ятрогенных преступлений означает, что они могут длительное время оставаться незамеченными или не распознанными.

Особенности выявления ятрогенных преступлений связаны с тем, что они часто маскируются под медицинские

ошибки или негативные результаты лечения. Это может усложнять процесс определения, были ли эти действия или пропуски намеренными и сознательными или являются просто результатом неаккуратности или неопытности врача.

Для выявления ятрогенных преступлений могут применяться различные методы и способы. Одним из них является анализ медицинской документации и истории болезни пациента, в которой могут быть указаны неявные или противоречивые данные, указывающие на возможное совершение преступления. Также могут использоваться судебно-медицинские экспертизы и анализ результатов лечения.

Однако выявление латентности ятрогенных преступлений может быть сложным из-за наличия медицинского конфиденциальности и отсутствия жалоб со стороны пациентов или их страха обратиться за помощью. Также медицинские работники имеют высокий уровень доверия и авторитета, что может препятствовать обнаружению их преступных действий.

Для успешного выявления и пресечения латентности ятрогенных преступлений необходимо разработать эффективную систему контроля и надзора за медицинскими работниками, а также обеспечить доступ пациентов к правовой защите и возможность подачи жалоб. Критически важно также способствовать повышению профессиональной этики и ответственности медицинских работников.

Необходимым условием успешного предупреждения непреднамеренных преступлений со стороны медицинских работников является создание устойчивой нормативно-правовой базы, включающей комплекс многоуровневых источников, регулирующих деятельность различных субъектов по предупреждению непреднамеренных преступлений, на основе общепризнанных международных и национальных принципов и положений, направленных на эффективную защиту здоровья человека.

Любые действия по предупреждению данного вида преступлений в современных условиях должны основываться на тщательном и всестороннем изучении и анализе их социальных причин. Поскольку преступления, совершаемые нерадивыми медицинскими работниками, обусловлены особенностями и факторами на разных уровнях.

К сожалению, проблемы комплектования, подготовки и переподготовки кадров учреждений, рассматривающих уголовные дела данного вида, а также повышения квалификации их сотрудников остаются актуальными.

Международный опыт в области противодействия ятрогенным преступлениям - это накопленный опыт стран и организаций по борьбе с медицинскими ошибками, злоупотреблением властью в медицине и прочими ситуациями, где пациенты получают вредные или некачественные медицинские услуги.

Один из примеров успешного международного опыта - это подход, разработанный Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для противодействия ятрогенным преступлениям. В рамках этого подхода страны-члены ОЭСР обязались разработать национальные стратегии и политики для предупреждения, выявления и урегулирования ятрогенных преступлений. Они создали системы отчетности и мониторинга, чтобы определить масштаб проблемы и разработать соответствующие меры по снижению риска для пациентов.

Другим примером международного опыта является создание специальных комиссий и агентств по рассмотрению жалоб пациентов на медицинские ошибки. Например, в США работает Комиссия по контролю над лекарственными средствами и продуктами питания (FDA), которая рассматривает жалобы на небезопасные или некачественные медицинские продукты и принимает соответствующие меры, чтобы предотвратить их повторение.

Также стоит отметить работу некоммерческих организаций, таких как Пациентский Совет Великобритании, которые помогают пациентам защищать свои права и предоставляют им информацию о медицинских ошибках и способах борьбы с ними.

Международный опыт показывает, что эффективное противодействие ятрогенным преступлениям требует сотрудничества медицинского сообщества, государственных органов и пациентов. Необходимыми компонентами успешной стратегии являются создание систем отчетности

и мониторинга, обучение медицинского персонала, а также обеспечение доступа пациентов к сведениям, касающимся методики их лечения.

Таким образом основные меры по противодействию ятрогенным преступлениям могут быть сведены к следующим направлениям:

Обучение и переподготовка медицинского персонала: Одной из основных мер по борьбе с ятрогенными преступлениями является высококачественное образование и подготовка медицинского персонала. Это включает учебные программы, которые обучают этике и нормам поведения в медицинской сфере, а также знаниям о законах и правах пациентов.

Содействие прозрачности и открытости: Важно, чтобы медицинские учреждения были прозрачными и открытыми в своей работе. Это означает установление системы ответственности, где информация о медицинских ошибках и преступлениях может быть увидена и рассмотрена независимыми инстанциями. Это также включает установление открытых процедур внутри самого учреждения, где пострадавшие лица могут получать всю необходимую информацию, касающуюся методики их лечения.

Разработка норм и протоколов безопасности методики лечения является важной мерой для предотвращения ятрогенных преступлений. Это может включать контроль доступа к медицинским учреждениям независимых экспертов, адекватное обеспечение безопасности пациентов и персонала, а также системы контроля и аутентификации для предотвращения несанкционированного доступа и манипуляции с медицинской информацией.

Одной из важных мер по противодействию ятрогенным преступлениям является оценка противоправных действий виновных и должное их наказание. Это включает проведение независимых расследований случаев ятрогенных преступлений, а также судебного преследования тех, кто виновен в совершении преступления.

Важно развивать медицинское право, которое сейчас очень слабо преподаётся в специализированных ВУЗах. Необходимо проводить систематическую работу по профилактике и образованию пациентов, чтобы они могли защитить себя и свои права. Информация такого характера должна систематически освещаться в СМИ.

Давно назрела необходимость в создании специализированных социальных служб, которые будут оказывать должную помощь лицам, пострадавшим от ятрогенных преступлений, особо нуждающимся в оказании квалифицированных юридических услуг, в первую очередь инвалидам и иным лицам с ограниченными возможностями.

Пристатейный библиографический список

1. Бимбинов А. А. Медицинские преступления: понятие и состояние // Юрид. вестник Дагестан. гос. ун-та. 2019. Т. 28. № 4. С. 136-140.
2. Богомолова К. И., Касаев И. Х. К вопросу о совершенствовании деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению ятрогенных преступлений // Вестник СГЮА. 2020. № 1 (132). С. 181.
3. Кудаков А. В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 13.
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.апн-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.01.2024).

ВАЛИАХМЕТОВ Руслан Расулевич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

УЛЬРИХ Сергей Александрович

кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

САМИКОВ Альберт Забирович

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов – кинологов МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Представленная статья посвящена вопросам, касающимся обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов при применении огнестрельного оружия. Авторами предприняты попытки исследования наиболее проблемных аспектов, препятствующих созданию наиболее благоприятных условий и обстоятельств, способствующих обеспечению личной безопасности, состоящей из двух наиболее аспектуальных компонентов: физическая и психологическая подготовленность сотрудника полиции. Кроме того, были предложены наиболее эффективные формы развития совершенствования применения огнестрельного оружия и качественные типы образовательного процесса, позволявшие овладеть, выработать у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации теоретические знания, практические умения и навыки.

Ключевые слова: личная безопасность, сотрудник ОВД, огнестрельное оружие, физический и психологический аспект, «навскидку», «дуэльная стрельба», «слоу-методы», «экспресс-методы».

VALIAKHMETOV Ruslan Rasulevich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ULRICH Sergey Alexandrovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor, Deputy Head of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SAMIKOV Albert Zabirovich

lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for Training Cynologists of the MIA of Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF AN INTERNAL AFFAIRS OFFICER WHEN USING FIREARMS

The presented article is devoted to issues related to ensuring the personal safety of law enforcement officers when using firearms. The authors have made attempts to study the most problematic aspects that prevent the creation of the most favorable conditions and circumstances conducive to ensuring personal safety, consisting of two most important components: physical and psychological preparedness of a police officer. In addition, the most effective forms of development and improvement of the use of firearms and qualitative types of the educational process were proposed, which allowed employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation to master and develop theoretical knowledge and practical skills.

Keywords: personal safety, police officer, firearms, physical and psychological aspect, "offhand", "duel shooting", "slow methods", "express methods".

Деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД России) обуславливается весьма повышенной опасностью и напряженностью, ставшими следствием возникновения различных национальных волнений и внешнеполитических обстоятельств, представляющих реальную угрозу для общественной безопасности и общественного порядка страны. Профессионально-служебная деятельность сотрудника полиции включает в себя наряду с решением наиболее стратегических приоритетных задач также обеспечение жизни, здоровья граждан и личной безопасности. Неукоснительный рост смертности сотрудников правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей свидетельствует о весьма актуальном уровне темы исследования.

Современные условия и обстоятельства, породившие количественные изменения общественных отношений, обуславливаются качественными переменами, связанными с развитием негативного отношения к исполнительной власти, а также увеличением случаев вооруженного нападения на правоохранительные органы, что указывает на высокую актуальность и значимость обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД России.

Одним из распространённых методов обеспечения личной безопасности является применение огнестрельного оружия, складывающегося из двух аспектов: обеспечения физической и психологической безопасности [1]. Итак, физическая безопасность формируется посредством овладения теоретических знаний применения огнестрельного оружия, получения практических умений и отработка прикладных навыков непосредственно на первоначальных этапах образовательного процесса по служебно-профессиональной подготовке.

По выявленным в ходе исследования Н. Н. Пономаревым данным, применение огнестрельного оружия в ходе оказания непосредственного угрожающего жизни и здоровью огнестрельного сопротивления сотруднику правоохранительных органов огневой контакт осуществляется скоротечно и, как правило, на коротких расстояниях [3]. Разумеется, данные обстоятельства требуют от сотрудника полиции быстрого применения огнестрельного оружия. Соглашаясь с выдвинутой гипотезой, К. Н. Горюн пишет, что в целях решения профессионально-служебных задач, связанных с быстрой работой с огнестрельным оружием, сотруднику полиции следует овладеть техникой скорострельной стрельбы, так называемой «навскидку» [2].

Особенностью данного метода является применение огнестрельного оружия без предварительной подготовки, а также комплекс мероприятий по быстрому извлечению оружия из кобуры, принятия изготовления и др. Кроме того, данный метод вырабатывает у сотрудников полиции мышечной памяти, позволяющей произвести выстрел без использования прицельного приспособления.

По мнению Л. Н. Ненашева и В. Н. Шапочанского, возникновение критической ситуации, требующей от сотрудника полиции быстрых, оперативных и скоординированных действий, препятствует, как правило, реализации привычных действий, связанных с извлечением оружия, занятием соответствующего удобного положения, отработкой ударно-спускового механизма и др. Сотрудник полиции в данных условиях не смотрит на оружие, поскольку его взгляд сконцентрирован на правонарушителе и сопутствующих обстоятельствах, что, разумеется, указывает на важность умения при осуществлении стрельбы «навскидку» направлять свой взгляд не на прицельное приспособление, а на непосредственно цель [5].

Следует, что данный метод является весьма актуальным, часто применяемым в практической деятельности сотрудника полиции, поскольку позволяет занимать выигрышное положение при столкновении с вооруженным злоумышленником, который ввиду отсутствия высокого уровня прикладных умений и навыков обращения с оружием затрачивает значительно больше времени.

Развитие физических возможностей, морально-волевых качеств, а также повышенного уровня способностей применения огнестрельного оружия зависит от первоначальной профессиональной подготовки, целью которой является формирование фундаментальных основ (знаний), а также совершенствование приобретенных умений и навыков обращения с огнестрельным оружием. По мнению некоторых авторов, наиболее эффективным методом профессионального овладения огнестрельным оружием является соревновательная форма проведения практических занятий, где обучающиеся стремятся поразить мишень быстрее своего противника посредством применения метода «навскидку» – «дуэльная стрельба». Данная форма проведения практического занятия позволит не только отточить стрелковые умения сотрудника полиции, но и также сформировать стабильное эмоциональное состояние его как при выстреле, так и при возникновении критических ситуаций, связанных с необходимостью быстрой, точной и без принципиальной работы с оружием. Своевременное овладение перечисленными выше навыками стрельбы из огнестрельного оружия позволит сотруднику полиции в случае необходимости занять ведущее положение при столкновении с вооруженным преступником, что повысит потенциал сохранения в безопасности своей жизни и здоровья.

Следующим аспектом обеспечения личной безопасности является психологический. Актуальность данного вопроса заключается в том, что во многих научных исследованиях нередко ребром ставится вопрос психологической готовности сотрудника полиции применять огнестрельное оружие, поскольку психоэмоциональное состояние человека в данный момент в большой степени влияет на способность его обеспечить личную безопасность. По некоторым наблюдениям авторами и контролирующими органами, зачастую сотрудниками полиции, отлично и хорошо прошедшие итоговые испытания по огневой подготовки, в условиях реальной угрозы прибегают к менее решительным и уверенным действиям, мнительному поведению, что свидетельствует о низком уровне психоэмоциональной устойчивости при реальном применении огнестрельного оружия. Безусловно, условия, подталкивающие сотрудника полиции на применение огнестрельного оружия, кроме того вносит существенные изменения в его сознание, обуславливающиеся снижением эффективности восприятия складывающейся ситуации и уменьшении концентрации, замедлению двигательных движений, реакции, а также дезорганизованностью и дезориентированностью. Все это, как правило, неэффективно сказывается обеспечении личной безопасности сотрудника правоохранительных органов.

В обеспечении личной безопасности значимую роль играют психологические факторы, ведь лучше преодолеть страх, чем решать его последствия. Ввиду этого крайне важно сотруднику полиции обладать некоторыми знаниями, методами, способами психологической саморегуляции.

На первоначальном этапе критической ситуации сотруднику полиции важно сконцентрироваться на непосредственно уже возникших обстоятельствах, исключить из сознания «ненужные переживания и тревогу», поскольку не следует допустить переход от ощущений к эмоциям, которым свойственно стимулировать организм нецелесообразной мышечной активностью.

Так, принято выделять некоторые классификации саморегуляции. М. А. Чуносков и М. А. Таранин предлагают дифференцировать саморегуляцию на «слоу» и «экспресс» методы. Слоу-методы представляют собой совокупность способов, которые при координации своего психологического состояния затрачивают продолжительное время. Экспресс-методы – есть методы, которые на реализацию саморегуляции затрачивают значительно меньше времени, ввиду чего в экстремальных обстоятельствах обуславливаются весьма повышенной актуальностью [4]. Элементарными экспресс-методами являются разнообразные дыхательные методики, ориентированные на смене фокуса внимания с критической ситуации на непосредственно дыхание, тем самым дать мозгу «психологически разгрузиться» и предпринять соответствующие меры к решению служебных задач, включающих в себя также сохранение собственной жизни.

Таким образом, обеспечение личной безопасности сотрудника полиции, включая применение огнестрельного оружия, обуславливается рядом немаловажных аспектов: физические и психологические. Физический компонент применения огнестрельного оружия при обеспечении личной безопасности позволяет скоординировать свои действия таким образом, чтобы оказаться в более лучшем положении по сравнению с преступником. От правильно, быстро и точного владения огнестрельным оружием зависит выигрыш времени и, соответственно, принятие наиболее эффективных и результативных действий. Психологическая подготовленность позволяет абстрагироваться от психотравмирующей, эмоциональной ситуации, которая, безусловно, неблагоприятно влияет сознание сотрудника полиции.

Пристатейный библиографический список

1. Ахияров Р. А., Кошевец Г. В. Обеспечение личной безопасности сотрудника органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 364-365. – EDN ZCITRR.
2. Горюнов К. Н. Стрельба «навскидку» как комплекс действий с оружием, обеспечивающий личную безопасность сотрудника полиции при возникновении огневого контакта // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности : Сборник научных статей Материалы межвузовской научно-практической конференции, Иркутск, 27 января 2017 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 28-32. – EDN YGHJGH.
3. Пономарев Н. Н. Закрепление навыков стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия у курсантов, обучающихся по специализации «Деятельность специальных подразделений ОВД» // Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 28 апреля 2015 года / Краснодарский университет МВД России. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 254-258. – EDN VMWTGT.
4. Чуносков М. А., Таранин М. А. Психологическая саморегуляция как условие успешного выполнения сотрудником органов внутренних дел оперативно-служебных задач // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58-3. – С. 371-373. – EDN YSTYZZ.
5. Ненашев Л. Н., Шапочанский В.Н. Обучение прицеливанию при скоростной стрельбе из пистолета // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. № 8 (24). – С. 461-464. – EDN YLZCNF.

ГАБДРАШИТОВА Карина Ирэковна

преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЛАЗАРЕВИЧ Максим Викторович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Омской академии МВД России

КУЧУМОВ Дмитрий Вячеславович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Уральского юридического института МВД России

БОРМОТОВ Игорь Владимирович

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К СОТРУДНИКАМ ОВД, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЗАЩИТУ, НА ПРИМЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ДРУГИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Применение разнообразных средств и методов, которые направлены на улучшение физического развития сотрудника, позволяют подготовиться к самым неожиданным практическим ситуациям, в которых требуется решительность и отвага для борьбы с преступностью. Поэтому, чтобы успешно выполнять служебные обязанности, а также поручения в ходе выполнения специальных служебных операций, будущий работник ОВД должен обладать высоким уровнем физических качеств, таких как гибкость, сила, ловкость, быстрота и выносливость.

Сотрудники правоохранительных органов, выступают главным субъектом в обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности, им необходимо непрерывно совершенствовать свои навыки и умения в области самообороны и защиты граждан, от угрозы жизни и здоровья.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, физическая подготовка, физические качества, боевые приемы борьбы, физические качества, государственная защита, рукопашный бой.

GABDRASHITOVA Karina Irekovna

lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LAZAREVICH Maxim Viktorovich

senior of Physical training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

KUCHUMOV Dmitriy Vyacheslavovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

BORMOTOV Igor Vladimirovich

senior lecturer of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MODELING OF INDIVIDUAL REQUIREMENTS FOR EMPLOYEES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS WHO CARRY OUT STATE PROTECTION, USING THE EXAMPLE OF PHYSICAL TRAINING OF OTHER SPECIAL UNITS

The use of a variety of tools and methods aimed at improving the physical development of an employee allows you to prepare for the most unexpected practical situations in which determination and courage are required to fight crime. Therefore, in order to successfully perform official duties, as well as assignments during the performance of special official operations, a future DIA employee must have a high level of physical qualities such as flexibility, strength, dexterity, speed and endurance.

Law enforcement officers are the main subject in ensuring the protection of public order and public safety, they need to continuously improve their skills and abilities in the field of self-defense and protection of citizens from threats to life and health.

Keywords: professional training, physical training, physical qualities, combat fighting techniques, physical qualities, state protection, hand-to-hand combat.

Сотрудники государственной защиты, обеспечивают такие меры безопасности как: личную охрану, охрану жилища и имущества, переселение на другое место жительства и т.д. Данные меры закреплены в Федеральном законе от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1].

Вышеперечисленные меры, позволяют нам утверждать, что для эффективного выполнения возложенных на данную структуру ОВД определенных задач, требуется применение основ физической деятельности, как на общем уровне, так и на специальном. При рассмотрении нормативно-правовых актов подразделений, на которых возложена обязанность обеспечения мер безопасности, мы выяснили, что у специ-

ализированных структур отсутствуют законодательные акты с требованиями к уровню физической подготовки для осуществления физической защиты лиц.

Проблема физической защиты лиц, которым требуется государственная защита, не раскрыта в настоящее время. При привлечении сотрудников Росгвардии (ОМОН, СОБР) возникают проблемы при обеспечении данными подразделениями мер безопасности. Это возникает из-за отсутствия норм, которые бы объясняли правила и требования к лицам, которые могут осуществлять государственную защиту с применением физической силы на профессиональном уровне. Актуальной проблемой, так же является численность сотрудников, которые осуществляют физическую защиту. Это

объясняется нехваткой кадров подразделений ОГЗ, в области применения физической защиты.

Изучив ст. 3 ФЗ от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», где перечислены органы, обеспечивающие государственную защиту, мы видим, что численность данных подразделений, на которых возложена данная обязанность, крайне мала. Сотрудники некоторых подразделений не владеют навыками и умениями для осуществления профессиональной охраны лиц. При этом нужно отметить, что в обязанности других подразделений не входит осуществление физической защиты, однако данные подразделения перечислены в ст. 3 соответствующего закона.

Органы, обеспечивающие государственную защиту в соответствии со ст. 3 ФЗ от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» не имеют нормативно-правовых актов в виде Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации. Органы таможенной службы, ФСБ, ФСИН выдвигают требования по физической подготовке к гражданам, поступающим на военную службу. К данным требованиям прилагаются инструкции, где указаны нормативы и сумма баллов за их выполнение.

Следовательно, возникает проблема в отсутствии определенных нормативных требованиях к сотрудникам осуществляющих государственную защиту, тем самым подвергая опасности лиц, по отношению к которым, будут применены меры безопасности.

В ходе изучения требований нормативов, разных структурных подразделений, мы пришли к выводу о том, что, исходя из специфического характера и условий оперативно-служебной (оперативно-боевой) деятельности сотрудников, целесообразно выделить четыре группы задач физической подготовки органов обеспечивающих государственную защиту.

К первой группе относятся такие физические качества, которые требуют постоянного совершенствования физических качеств: быстроты, выносливости, силы и ловкости.

Во вторую группу выделены задачи для поддержания и укрепления здоровья, общего психологического и физического состояния сотрудника. Выработка иммунитета к стрессоустойчивости и утомляемости [2].

К третьей группе задач отнесены задачи воспитания волевых качеств: смелости и решительности, самообладания и выдержки, настойчивости, упорства и др.

Все перечисленные задачи при составлении отдельного нормативного акта будут характеризоваться как общие. Однако решение этих общих задач не может полностью обеспечить физическую готовность сотрудников государственной защиты. Это связано со спецификой выполнения служебных задач, а также трудности применения физической силы в отношении психически больных лиц, существенными особенностями их деятельности. Поэтому четвертая группа задач направлена на специфическую физическую активность, которая возникает при создании экстремальной обстановки с применением огнестрельного оружия и специальных средств [3]. Такими являются:

1. Ускоренное передвижение по пересечённой местности, в том числе и в горах, в пешем порядке и на лыжах (марш броски);
2. Преодоление разных препятствий;
3. Ведение рукопашной схватки с вооружённым противником и силового задержания;
4. Использования спецсредств;
5. Нахождения в статическом положении длительные промежутки времени без ощутимого снижения уровня функциональной готовности к внезапным быстрым действиям;
6. Применение горных сооружений и скалолазания;

7. Преодоления различных водных преград и плавания в обмундировании с оружием, также такие качества как, устойчивость к укачиванию, кислородному голоданию и т.д.

С целью определения содержания специальной профессионально-прикладной физической подготовки органов, обеспечивающих государственную защиту важно проанализировать особенности их служебной деятельности. Например, деятельность сотрудников таможенных органов протекает на фоне больших психических и физических нагрузок.

Она требует высокого уровня профессиональной подготовленности, высоких морально-волевых качеств и физических способностей. Такие требования обусловлены реализацией профессиональных обязанностей, в экстремальных условиях, предполагающих угрозу здоровью и здоровья гражданам.

Парамонов А. В. и Унгуштаев О. П. отмечают, что особенностью физической подготовки сотрудников ОВД государственной защиты, является психологическая готовность к успешному выполнению оперативно-служебных задач. Применение навыков и умений в передвижении по сильнопересеченной местности при преследовании нарушителей государственной границы, умелое применение оружия, приемов рукопашного боя и специальных средств, при их задержании и пресечении других противоправных действий, является высоким показателем уровня физической подготовки [4].

Принцип приоритетности физической подготовки предполагает, чтобы первоочередное внимание уделялось развитию и совершенствованию тех качеств, знаний, навыков и умений пограничников, которые имеют наибольшее практическое значение для эффективных профессиональных действий в современных условиях. Они вырабатываются в процессе специальной профессионально-прикладной физической подготовки. Поэтому данная подготовка должна занимать основную часть всего образовательного процесса по физической культуре.

При разработке требований и описания отдельных приемов для сотрудников государственной защиты, важно учитывать уровень общей физической подготовки. Например, при преследовании нарушителя – специальная или скоростная выносливость; при его задержании - приемов рукопашного боя и силового задержания; при осуществлении засадных действий - выносливость к длительному статистическому воздействию, при транспортировке вертолетом - устойчивость к укачиванию.

Курсанты и слушатели должны осознать и усвоить, что физическая подготовка является неотъемлемой частью, выбранной ими профессии.

В настоящее время можно заметить рост правонарушителей, преступников, которые чаще совершают противоправные деяния группами, образуя преступный коллектив или сообщество. Утверждение и разработка правил подводит нас к тому, что мы обязаны не только внести изменения в применении боевых приемов борьбы, но и в теоретическом методическом материале. Таким образом, мы можем предложить следующие темы, на основе которых, может быть составлена Инструкция или Наставление для лиц, обеспечивающих государственную защиту:

- 1) Анатомо-физиологические и основы физического воспитания;
- 2) Основы здорового образа жизни, роль физической культуры в обеспечении здоровья.
- 3) Основы методики самостоятельных занятий, самоконтроль в процессе занятий по физической подготовке.

Для того, чтобы предотвратить противоправные действия лица, который совершает физическое воздействие на гражданина, сотрудник государственной защиты может применять навыки рукопашного боя в своей профессиональной деятельности.

Рукопашный бой, как эффективное средство в применении практической деятельности специализированных структур играет важную роль, так как именно этот вид спорта помогает в быстрой адаптации сотрудника к экстремальной обстановке, где требуется ловкость и координация. Поэтому, при разработке нормативно-правового акта для специализированных структур, которые могут осуществлять физическую государственную защиту, важно учесть применение элементов рукопашного боя, как необходимое средство при ведении ближайшего боя с противником. Правильное и точное применение комбинаций приемов единоборств, бросков, ударов, захватов и загибов, позволяет сотруднику физической защиты иметь физическое преобладание над противником. Внедрения в образовательный процесс курсантов и слушателей, а также практических работников дополнительных занятий по рукопашному бою, позволит сотрудникам сформировать навыки и умения для самозащиты, задержания и обезвреживания лиц, которые посягают на личную безопасность граждан.

В ходе проведения нами анализа научно-литературных и правовых источников, мы выяснили, что такая дефиниция как «боевой прием борьбы» отсутствует. Следовательно, мы можем полагать, что определения «прием рукопашного боя» и «боевой прием борьбы» являются схожими в практической деятельности, и тем самым являются синонимами. Так как при физическом воздействии, сотрудник физической защиты вступает с преступником в рукопашную схватку.

Однако, при составлении требований и правил к уровню физической подготовке специальных структур по обеспечению государственной защиты, важно учитывать направления рукопашного боя. Направленность рукопашной схватки, будет напрямую зависеть от сложившейся обстановки и опыта применения данных приемов в практической деятельности. Рассмотрим данные направления подробнее:

1. Армейский – вид боя, который не имеет каких-либо запретов или ограничений. Это является особенностью данного направления, так как он разрешен по приказу министра обороны для эффективного ведения боевых действий для целенаправленного уничтожения противника. Как правило, сотрудникам государственной защиты приходится применять данный вид боя в чрезвычайных ситуациях, где количество противников превосходит численность сотрудников ОВД, или в случаях, где возникают попытки террористических и экстремистских действий.

2. Спортивный – регламентирован нормами соревновательного процесса, с целью достижения спортивного результата. Применяется сотрудниками при подготовке к соревнованиям по разным видам единоборств. В практической деятельности, это может быть применимо к сотрудникам специализированных подразделений, которые продолжают спортивную карьеру или совершенствуют свои спортивные навыки для достижения спортивного разряда.

3. Полицейский – тесно связан с физической подготовкой всех сотрудников ОВД. Занимает главное место в практической подготовке сотрудника, и имеет общие черты как с армейский рукопашным боем, так и спортивным.

Так же, среди образовательных организаций МВД России ежегодно проходят чемпионаты по рукопашному бою и боксу. Тем самым, значимость данных видов спорта при физической подготовке сотрудников повышается. Следовательно, наблюдается противоречивость в применении отдельных элементов как борьбы, так и рукопашного боя, так как в практической деятельности больше применимы навыки рукопашного боя, чем боевых приемов борьбы. Однако в процессе обучения дисциплины «Физической подготовки» курсанты и слушатели вынуждены заучивать элементы боевой подготовки в соответствии с действующим Наставлением, при этом не всегда, имея возможность самостоятельно моделировать ситуации, в которых ассистент будет подражать действиям

потенциального преступника. С нашей точки зрения, существует возможность внесения изменений в действующее Наставление, путем введения отдельного раздела «Рукопашный бой» для подразделений обеспечивающих государственную защиту, либо путем проявления законодательной инициативы, разработать проект нового нормативно-правового акта с учетом всех вышеуказанных элементов.

Так же, сотрудники государственной защиты могут проявлять инициативу в ходе выполнения служебных задач. Например, при нападении на противника для уничтожения сил и средств. Особенностью данных действий является применения принципов скрытности, внезапности, и как правило, проводится по заранее подготовленному плану.

В современном мире, из-за повышенной криминогенной обстановки, применение элементов рукопашного боя может возникать при создании следующих ситуаций:

- для уничтожения организованных групп противника совершающие действия террористической направленности;
- для индивидуальной защиты консульств, посольств и специальных учреждений при возникновении международных конфликтов;
- для задержания вооруженных преступников, а также лиц, которые посягают на жизнь и здоровье других граждан путем взятия их в заложники.

Таким образом, при разработке требований к физической подготовке сотрудников, обеспечивающих государственную защиту граждан, важно учитывать практические ситуации, в которых всегда применяется физическая сила или один из элементов физической деятельности. Все основополагающие факторы, для создания нормативно-правового акта с требованиями, к уровню физической подготовки для органов, обеспечивающих государственную защиту.

Пристатейный библиографический список

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Справочная правовая система «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12136633/> (дата обращения: 20.02.2024). – Текст: электронный.
2. Бабин А. В., Мингулов И. Р. Особенности формирования силовых способностей у сотрудников ОВД РФ в процессе их физической подготовки // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник научных статей, Орёл, 23 июня 2022 года. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2022. – С. 30-33. – EDN OKKFHP.
3. Иванов А. И., Мавропуло О. С., Тациан А. А. [и др.] Изучение характера нападений на сотрудников ОВД при исполнении служебных обязанностей как основа модернизации физической подготовки курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 4 (218). – С. 130-134. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.04.p130-135. – EDN EQRRUF.
4. Хорольский В. В., Надтока С. В., Колояго П. В., Бабин А. В. Деятельность сотрудников полиции в период специальных административно-правовых режимов // Обзор педагогических исследований. – 2023. – Т. 5. № 2. – С. 33-36. – EDN DYKCLK.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ШАБАЕВ Вадим Владимирович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ТОРГЕРСЕН Александр Сергеевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЕДЕНИИ БОЯ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

Ведение стрелкового боя в городских условиях представляет собой тактически сложную операцию, выполняемую сотрудниками правоохранительных органов в городской среде, часто в условиях плотной застройки и присутствия гражданского населения. Это может включать в себя различные тактики, адаптированные для работы в городской среде, чтобы обеспечить личную и общественную безопасность и выполнение задач. В данной статье авторы приводят общие указания по обеспечению личной безопасности сотрудников полиции при ведении стрелкового боя.

Ключевые слова: сотрудники полиции, стрелковый бой, городские условия, личная безопасность.

GUSEYNOV Amirjan Akhmedovich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SHABAEV Vadim Vladimirovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

TORGERSEN Alexander Sergeevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

METHODOLOGICAL GUIDELINES FOR ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF POLICE OFFICERS DURING COMBAT IN URBAN CONDITIONS

Conducting small arms combat in urban environments is a tactically complex operation performed by law enforcement officers in an urban environment, often in conditions of dense buildings and the presence of civilians. This may include various tactics adapted to work in an urban environment to ensure safety and task completion. In this article, authors will provide general instructions on ensuring the personal safety of police officers during small arms combat.

Keywords: police officers, shooting combat, urban conditions, personal safety.

В городских условиях сотрудники полиции могут столкнуться с различными случаями ведения стрелкового боя, например, инцидент с активной стрельбой, преследование и задержание подозреваемых либо опасных преступников, операции по освобождению заложников, проникновение в здание при выполнении обыска или ареста преступника, террористическая атака, обеспечение безопасности граждан на публичных мероприятиях при возникновении угрозы и потребности ведения стрелкового боя. Это лишь некоторые из возможных ситуаций, но каждая из них требует хорошей подготовки, профессиональной реакции и учета обстоятельств для обеспечения безопасности всех участников.

Ведение стрелкового боя в городской среде требует от сотрудников полиции или других специальных подразделений реализации особых навыков и стратегий [1], [4]. Так, необходимо постоянно учитывать наличие гражданских лиц в зоне проведения операции, чтобы избежать случайных жертв среди них. Специальных тактических приемов и координации действий требует и необходимость проведения операции по очистке зданий или помещений. Сотрудники полиции также должны уметь эффективно контролировать и обеспечивать безопасность определенной территории в городских условиях, чтобы предотвратить распространение угрозы населению. Ведение стрелкового боя в городских условиях требует хорошей командной работы, синхронизации

действий и обмена информацией между участниками операции. Сотрудники полиции должны уметь использовать окружающую среду для создания укрытий и осуществления тактических маневров. При ведении стрелкового боя также важно минимизировать возможный ущерб для объектов инфраструктуры и гражданского населения.

Отметим, что критически важным тактическим ходом является устранение граждан из зоны возможного боевого действия, которое должно проводиться с максимальной осторожностью и с соблюдением прав и безопасности граждан. Для этого с применением громкоговорителей или других средств оповещения следует предупреждать гражданское население о необходимости покинуть определенную территорию из-за возможной опасности стрелкового боя. По возможности организовать эвакуацию граждан из зоны возможного боевого действия. Следует установить блокпосты и временно перекрыть доступ к опасной зоне для предотвращения проникновения в нее гражданского населения. При необходимости взаимодействовать с общественностью через коммуникационные каналы для обеспечения своевременного и точного информирования о рисках и предстоящих действиях и установить сотрудничество с местными органами власти. Приведенные действия должны сопровождаться четкими инструкциями для гражданского населения, а также должны быть выполнены с учетом прав и интересов всех за-

тронутых лиц. Кроме того, после завершения операции как можно быстрее необходимо обеспечить возвращение граждан в их дома и восстановление обычного режима жизни.

Далее приведем общие рекомендации по обеспечению личной безопасности при ведении стрелкового боя в городских условиях, так как конкретные действия зависят от множества факторов, таких как ситуация, конкретные условия боя, численное превосходство и доступность укрытий. Одним из главных условий является то, что члены группы должны строго следовать плану действий, основанному на анализе ситуации и возможных угроз, чтобы минимизировать риски.

Особое внимание следует уделять разведке и наблюдению за окружающей местностью, чтобы избежать внезапных засад и быть готовыми к действиям противника. Необходимо выбирать маршруты движения, обеспечивающие наилучшую защиту и возможность внезапных атак по противнику [3].

Сотрудникам полиции, соответствующим образом экипированным (шлем, бронежилет, наколенники, налокотники, защитные очки и др.), в городской местности всегда нужно стараться оставаться за укрытием и использовать его для защиты от выстрелов. Также минимизировать риск быть обнаруженным противником и обеспечить преимущество при ведении боя поможет маскировка.

Из-за тесных улиц и зданий подвижность ограничивается, поэтому следует быть осмотрительными, сконцентрированными, готовыми к внезапным атакам со всех сторон, готовым к бою на близкой дистанции. Здесь проявляется степень отработанности навыков стрельбы на короткие и средние дистанции, а также стрельбы из-за укрытий, от которых зависит эффективность ведения боя в городских условиях [2], [5]. Отметим, что в рассматриваемых обстоятельствах действенным средством для вытеснения противника из укрытий или создания возможности для атаки становятся гранаты.

Важно постоянно поддерживать связь с членами группы, быть информированными о ситуации вокруг, работать согласованно и передвигаться вместе с целью эффективно ведения огня, взаимной поддержки и защиты. Если задействовано несколько групп, то они должны обеспечивать взаимную поддержку огнем, чтобы отвлечь и подавить противника, добиваясь преимуществ при продвижении по городской местности. Укажем, что обязательно следует продумать план эвакуации для раненых членов группы из зоны боя для скорейшего обеспечения их медицинской помощью. Навыки оказания первой помощи могут спасти жизни коллег.

При планировании и проведении операции необходимо контролировать ключевые точки доступа, например, перекрестки и въезды в здания, использовать окружающую среду для скрытности и обмана противника, создавая ложные цели или используя укрытия для внезапных атак, учитывать факторы, которые могут снизить видимость в городской местности (дым, туман, здания), наличие препятствий, таких как баррикады, автомобили и другие объекты, и воспользоваться ими как укрытиями или для создания препятствий для противника, взаимодействовать с местным населением с целью получения ценной информации о потенциальных угрозах.

Следует отметить, что для отработки готовности сотрудников полиции к действиям в боевых условиях необходима регулярная тренировка тактики ведения боя в городских условиях и знание особенностей местности.

В вопросе обеспечения личной безопасности особое место занимает психологическая подготовка, так как необходимость ведения боя в городских условиях является, без

сомнения, стрессовой ситуацией. Приведем методы психологической саморегуляции, позволяющие сотрудникам полиции управлять своими эмоциями, поддерживать ясность ума и принимать обдуманные решения во время стрелкового боя. Сохранить спокойствие и снизить уровень напряжения во время боя поможет регулярное и глубокое дыхание. Действенно и повторение позитивных утверждений о своих навыках и способностях перед боем. Уменьшить тревогу может знание четких целей для каждого этапа боя и сосредоточение на достижении этих целей. Визуализация успешного завершения операции или выполнения задачи может помочь членам группы укрепить уверенность и подготовиться к успешному исходу. Важной является поддержка и взаимодействие с членами группы, что способствует общему контролю над ситуацией и уменьшению индивидуального стресса.

Подводя итог, укажем, что ведение стрелкового боя в городских условиях представляет собой комплексный процесс, который требует специальной подготовки и учета особенностей окружающей среды для обеспечения безопасности всех участников и достижения поставленных целей. Приведенные нами общие рекомендации позволят обеспечить личную безопасность при ведении боя в городских условиях. Но нужно всегда понимать, что каждая ситуация уникальна. В целом, важно, чтобы сотрудники полиции были хорошо обучены, имели доступ к соответствующему снаряжению и оружию и следовали установленным требованиям, запланированным тактическим действиям.

Пристатейный библиографический список

1. Вшивцев С. Особенности действий в городских условиях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2011/01/14/536> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Гусейнов А. А. О значении психологической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к применению огнестрельного оружия / А. А. Гусейнов, В. И. Давлетов // Актуальные проблемы теории и практики специальной подготовки в органах внутренних дел: Сборник научных статей. Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 06 октября 2021 года. - Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. - С. 98-100. - EDN EZNTPY.
3. Гусейнов А. А., Журавлев А. С. Учет опасных мест при разработке запасных маршрутов передвижения защищаемого лица при реализации меры безопасности «личная охрана» // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 6 (157). - С. 410-411. - EDN EEEELC.
4. Копылов В. В., Семенов Ю. Н., Демидов В. Н., Ближний стрелковый бой - инновация в профессиональном обучении сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2021. - № 4. - С. 209-213. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-4-209-213> (дата обращения: 15.12.2023).
5. Павлов И. М. Тактика действий сотрудника полиции при огневом контакте на близкой дистанции // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 4 (94). - С. 116-118. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/1/2015/4/28.html> (дата обращения: 15.12.2023).

ДАМИНОВ Айнур Айдарович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ШОХИН Владимир Евгеньевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

ПОДКОВКА Светлана Валерьевна

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов – кинологов МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К СТРЕЛЬБЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

В данной статье рассмотрены психологические барьеры, с которыми сталкиваются обучающиеся при подготовке к стрельбе на занятиях по огневой подготовке, проанализированы основные психологические аспекты, влияющие на эффективность обучения и достижения результатов в стрелковой подготовке. Особое внимание уделяется факторам, вызывающим психологические барьеры, таким как стресс, тревожность, апатия и др. Делается акцент на необходимость выполнения специальных тренировок, снижающих эмоциональную напряженность курсантов.

Ключевые слова: огневая подготовка, служба в ОВД, психологические барьеры, эмоциональная напряженность.

DAMINOV Ainur Aidarovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SHOKHIN Vladimir Evgenjevich

senior lecturer of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PODKOVKA Svetlana Valerjevna

lecturer of the Cycle of Professional Service and Physical Training of the Ufa School for Training Dog Handlers of the MIA of Russia

PSYCHOLOGICAL BARRIERS WHEN PREPARING TO SHOOT DURING FIRE TRAINING CLASSES

This article examines the psychological barriers that cadets encounter when preparing for shooting during fire training classes, and analyzes the main psychological aspects that influence the effectiveness of training and achievement of results in shooting training. Particular attention is paid to factors that cause psychological barriers, such as stress, anxiety, apathy, etc. Emphasis is placed on the need to perform special training that reduces the emotional tension of cadets.

Keywords: fire training, service in the police department, psychological barriers, emotional tension.

В системе МВД, в том числе для сотрудников органов внутренних дел, является важным развитие психологической и эмоциональной устойчивости в стрессовых ситуациях. При профессиональной подготовке сотрудников необходимо, в первую очередь, сделать акцент на их психологической подготовке, чтобы при воздействии на них стрессовых, раздражающих или пугающих факторов, он оставался в «трезвом» уме и смог бы сохранить хладнокровие. Несомненно, высокий уровень психологической подготовленности сотрудника, увеличивают его служебные навыки.

Моральная подготовка в ситуациях, когда необходимо применение огнестрельного оружия – комплекс некоторых свойств психики, с помощью которых лицо при определенных неблагоприятных ситуациях способно к качественному и умелому владению оружием.

Для достижения положительных результатов при стрельбе в сложных психологических условиях необходимы определенные знания, умения и навыки. Нужно обратить внимание что огневая подготовка сотрудника содержит определенные закономерности психических процессов, которыми обладает каждый человек, они определяют их навыки, скорость реакции и поведение при тех или иных обстоятельствах.

База огневой подготовки на ее первоначальном этапе является морально-психологическое воспитание сотрудника. Данная категория состоит из совокупности мероприятий

необходимых для формирования у сотрудника ОВД, определенных стойких морально-волевых качеств, влияющих на эффективность и скорость выполнения задач, стоящих перед данным сотрудником.

Для рассматриваемого этапа обучения характерны следующие задачи:

1. Воспитание способности абстрагирование от шумовых и световых возбудителей нервной системы.
2. Перебарывание фобии при работе с огнестрельным оружием.
3. Приспособление к шуму, производимому при выстреле.
4. Одоление тревоги на огневой позиции.
5. Перебарывание фобии отдачи оружия.

Непосредственно во время обучения на месте работы с холостым оружием без производства выстрела сотрудники сдержанно владеют оружием и с уверенностью применяют свои знания на огневой подготовке. А когда они пребывают на огневом рубеже проявляется зажатость, а также нерешительность в производимых действиях, такое поведение вызвано обычной реакцией организма и психики лица в экстренных ситуациях, на воздействие, сопряженное вместе с угрозой, а также неизвестностью. Подобная чувственная непостоянность затрудняет и задерживает использование существующих способностей, ставит человека в ступор, всё вышеперечисленное и является психологиче-

скими барьерами, мешающими качественно осуществлять стрельбу.

В таких случаях человек находится в пребывании возбужденности, тревоги, беспокойства или же вероятно в апатии.

Под возбуждением следует понимать такую реакцию организма, которая возникает в стрессовых ситуациях. Чтобы понять процесс протекания такого состояния необходимо иметь определенные познания. С точки зрения анатомии, при возбуждении происходит выброс адреналина, увеличение проходимости крови через сосуды, и за счет этого сила и частота биения сердца возрастают. Это приводит к увеличенному кровотоку, который обеспечивает мышцы кислородом и питательными веществами, вследствие чего скорость реакции реакция человека улучшается.

Тревога и беспокойство – это отрицательное эмоциональное состояние, которое возникает в ответ на воспринимаемую угрозу.

Апатия – это состояние общего отсутствия интереса, эмоциональной реакции или мотивации к деятельности. Такое состояние может возникать как следствие различных факторов, включая перевозбуждение, перетренированность.

Чтобы сотрудник смог качественно выполнять стрельбы, он должен быть эмоционально стабилен, а для этого необходимо закалять нервную систему, правильно мотивировать сотрудника, устранять нервные нагрузки, которые препятствуют обучению.

Рассмотрим в чем же выражается эмоциональное напряжение:

- Рассеивание внимания;
- Снижение реакции;
- Увеличение потоотделения;
- Несогласованность движений;
- Увеличение колебаний оружия;
- Учащение сердцебиения;
- Неправильная фокусировка зрения.

Во время занятий сотрудник приобретает определенный опыт, его техническая и эмоциональная подготовка улучшается, что впоследствии способствует снижению его эмоционального напряжения.

Для закаливания нервной системы необходимо формировать такие качества, как:

- Навык абстрагирования от посторонних вещей, мешающих сосредоточению
- Правильное дыхание
- Сосредоточение внимания на задании и качественном его выполнении.

Для успешного освоения тактики стрельбы и для стабилизации психического состояния сотрудника, снятия напряжения, рекомендуется выполнять следующее:

1. Групповая стрельба (для устранения боязни звуков выстрела).
2. Стрельба после физической нагрузки, после бега, приседаний или отжиманий (для того, чтобы снять напряжение и по возможности устранить колебания при выстреле).
3. Создание экстремальных ситуаций (для эмоциональной стабильности).
4. Получение базовых навыков идеомоторной и аутогенной тренировки.

Идеомоторная подготовка представляет собой инновационный метод тренировки, основанный на воздействии мыслей и воображения на улучшение физической подготовки курсантов. Данный метод предполагает использование

психологических техник для улучшения координации движений, повышения концентрации внимания и достижения оптимального психоэмоционального состояния во время выполнения профессиональных задач. Такая подготовка не заменяет реальную работу с оружием, но позволяет представить выполнение упражнений и помогает определить ошибки при осуществлении стрельб.

Аутогенная тренировка – это эффективный метод саморегуляции, основанный на использовании самовнушения для достижения физической и психологической релаксации. При данном методе курсант может осознанно управлять своим организмом, а также психическими состояниями.

Главная задача при обучении – это преодоление страха, для этого необходимо: производить самовоспитание, быть уверенным в своих возможностях, уметь абстрагироваться в экстремальных ситуациях от различных раздражителей, создавать стрессовые ситуации для закаливания. Для качественного выполнения упражнений необходимо уметь быстро переключать внимание, избавляться от лишних мыслей, также нужно научиться не воспринимать внешние раздражители, они не должны мешать стрельбе. Посторонние мысли стимулируют лишнюю мышечную активность. Помимо этого, эмоции заставляют выполнять мозг ненужную работу, что затрудняет процесс мышления, а при стрельбе важно мыслить быстро.

Многие ученые, преподаватели, самый лучший стрелок нередко задумывались над вопросом, почему при выполнении контрольных стрельб сложнее выполнить упражнение, хотя при выполнении учебных упражнений это не составляет труда. В различных научных исследованиях приводились данные, что существуют различные стресс-факторы, влияющие на психологическое состояние стрелка. Однозначно, что наличие негативных внешних (шум, погодные условия, освещение), так и внутренних раздражителей (эмоции, ожидание выстрела) могут ухудшить работоспособность стрелка.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что психоэмоциональная подготовка играет важную роль в формировании профессиональных навыков и улучшении результативности стрельбы у курсантов. Значительное влияние оказывают тренировки, которые помогают управлять стрессом, повысить концентрацию внимания и развить психологическую устойчивость в условиях боевой подготовки. Эмоциональная напряженность у курсантов снижается, если освободить из головы лишние мысли, это нарабатывается с помощью рассмотренных нами специальных упражнений.

Пристатейный библиографический список

1. Зарубина А. С. Психологическая подготовка стрелка. - Барнаул, 2020. - С. 89.
2. Кудрявцева Р. А., Бельцев В. В. Психологическая подготовка стрелка. В сборнике. - Краснодар, 2014. - С. 116.
3. Каримов А. А. О готовности сотрудника полиции к применению огнестрельного оружия. - Казань, 2017. - С. 137.

ЗАБОЛОТНЫХ Александр Александрович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ИМАНГАЖИНОВ Досболат Токтубаевич

начальник цикла – преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России

НИКЕРОВ Дмитрий Иванович

старший преподаватель кафедры физической и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России

СТАНДАРТНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕЗУЛЬТАТЫ СТРЕЛКОВЫХ УПРАЖНЕНИЙ НА ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В данной статье рассмотрены наиболее распространенные проблемы обучающихся в образовательных организациях МВД России, связанных с огневой подготовкой. Также приведены примеры устранения недостатков, возникающих при обучении. Раскрыты вопросы о необходимости приобретения навыков и умений огневой подготовки, а также применения их в практической деятельности. Авторы статьи справедливо отмечают, что основным методом оценки факторов влияющих на результаты стрелковых упражнений на огневой у обучающихся в образовательных организациях МВД России, которые из года в год являются типовыми, необходимо наладить алгоритм действий по решению данной проблемы, что облегчит процесс обучения и даст более высокие результаты. Авторами глубоко проанализированы недостатки тех методов, которые используются в современном образовательном процессе и предложены альтернативные методы.

Ключевые слова: огневая подготовка, подготовка сотрудников полиции, интерактивные средства обучения, профессиональная подготовка, образовательные организации, МВД России, курсанты, слушатели.

ZABOLOTNYKH Alexander Alexandrovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMANGAZHINOV Dosbolat Toktubaevich

head of the cycle – lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

NIKEROV Dmitriy Ivanovich

senior lecturer of Physical and tactical special training sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

STANDARD FACTORS INFLUENCING THE RESULTS OF SHOOTING EXERCISES IN FIRE TRAINING FOR STUDENTS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article discusses the most common problems of students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia related to fire training. There are also examples of eliminating shortcomings that arise during training. The issues of the need to acquire skills and abilities of fire training, as well as their application in practice, are disclosed. The authors of the article rightly point out that the main method of assessing the factors influencing the results of shooting exercises on fire in students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which are typical from year to year, it is necessary to establish an algorithm of actions to solve this problem, which will facilitate the learning process and give better results. The authors have deeply analyzed the disadvantages of those methods that are used in the modern educational process and proposed alternative methods.

Keywords: fire training, police training, interactive learning tools, vocational training, educational organizations, the Ministry of Internal Affairs of Russia, cadets, trainees.

На первоначальном этапе обучения курсанты и слушатели изучают теоретическую часть, в которую входят изучение мер безопасности, тактико-технических характеристики огнестрельного оружия, формирование навыков действия по подаваемым руководителем стрельб командам, а также нормативы, а затем проводится зачет на допуск к стрельбе, после которого обучаемые приступают к практической части обучения [1]. Требования к профессиональным качествам стрелка - силе, быстроте, выносливости - сравнительно невелики. Все его действия определены, многократно отретегированы, в значительной степени освоены. Однако постоянные практические занятия по огневой подготовке, в которых обучаемые из раза в раз выполняют стандартные действия для произведения выстрела, такие как извлечение пистолета из кобуры, досылание патрона в патронник, принятие изготовления для стрельбы, прицеливание и стрельба остается одним из сложнейших видов боевой подготовки.

Всё потому, что прослеживается связь, ряда факторов, оказывающих влияние на работу стрелка, таких как излишнее напряжение, длительная концентрация взгляда, концентрация нервной системы и мышц, что в совокупности влияет на точность попадания, также присутствует такой фактор как боязнь выстрела и попытка погасить отдачу, тем самым пистолет опускается вниз до момента произведения выстрела, что непосредственно негативно влияет на точность.

Выполняя упражнение из раза в раз в состоянии психоэмоционального напряжения, никак не улучшая свои ре-

зультаты, обучаемый зачастую начинает сомневаться в своих силах и разочаровываться в обучении. Все негативные факторы, приводящие к неэффективному результату во время стрелковых тренировок у обучающихся, в дальнейшей служебной деятельности будут сказываться на выполнении служебно-боевых задач, что приведет к состоянию повышенного стресса, а также может негативно сказаться на выполнении задачи и даже на сохранении жизни сотрудника. Поэтому важнейшей задачей при обучении курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России является обучение точному и стабильному попаданию в цель при выполнении упражнений стрельб. Научить сосредоточиться, сконцентрироваться на предстоящем выстреле, использовать свои физические и психо-эмоциональные качества, а также практических советов преподавателя.

Одним из способов достижения высокой результативности обучающихся является индивидуальный подход преподавателя к курсанту или слушателю. Необходимо провести беседу, в которой установить, что конкретно беспокоит при выполнении стрельб, является это нервным напряжением, возможно страх выстрела, также одним из факторов может являться попытка обучающегося досрочно увидеть свой результат и посмотреть на мишень между выстрелами, что негативно сказывается на фокусировки взгляда, увеличивает время на выполнении упражнения и ухудшает результат.

Следует выделить следующие этапы повышения эффективности обучающегося для улучшения показателей:

1. Проведение индивидуальных бесед во время самостоятельной подготовки, выявление отклонений в каждом конкретном случае. Разъяснение простых истин, таких как страх выстрела, это выдуманная человеком страх, так как направление полета пули во время выполнения упражнений всегда в безопасном направлении, что не навредит обучающемуся.

2. Наблюдение за обучающимися, выявление ошибок во время выполнения стрелковых упражнений. Очень часто ошибки находятся на поверхности, их видно невооруженным глазом, после чего строится индивидуальная линия обучения человека, в которой проводится работа над конкретными ошибками.

Работа в холостую является важнейшим фактором при проведении подготовки к стрельбе, она позволяет тренировать мышечную память, внимание человека не рассеивается на стандартных действиях, что позволяет сконцентрироваться на работе над выстрелом [2].

3. Тренировка на стрелковых тренажерах таких как «Скат» позволяют показать наглядно имеющиеся ошибки у обучающихся, улучшить навыки работы с прицельными приспособлениями, работой с плавным спуском спускового крючка, тем самым при работе с боевым оружием, данные навыки помогают улучшить результат.

Одним из немаловажных факторов при проведении занятий по огневой подготовке является установление психологического контакта с обучающимся, полностью исключить давление на человека, а в случаях если у обучающегося имеются сомнения в себе и своих навыках, в обязательном порядке стремиться повысить дух обучающегося, высказывать слова поддержки, после которых у человека появляется мотивация для улучшения оценки, следовательно для улучшения навыков.

Спортивное состязание как отдельный вид обучения огневой подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России является эффективным и имеет место быть в образовательной деятельности, как пример создания отдельных нестандартных ситуаций, требующих дополнительных факторов концентрации [3]. По задумке во время проведения практических занятий по огневой подготовке преподаватель придумывает различного рода усложнения уже имеющихся в Приказе от 23 ноября 2017 г. № 880 «Об утверждении наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации», такие как деление на команды по различным принципам, а также усложнения в виде снаряжения магазина на исходном рубеже, пробежка до огневого рубежа, выполнение легких физических упражнений перед выполнением упражнений стрельб [4]. Данный эффект очень положительно влияет на навыки участников данных состязаний, так как имеется фактор спортивного состязания, в котором уходит нервное напряжение, человек находится на пути к цели, а целью может являться как принести команде баллы, так и не получить результат ниже, чем у других. Опыт проведения таких соревнований на занятиях по огневой подготовке показывает то, что обучаемые имеющие стабильные плохие результаты оказываются лидерами, занимают первые места, что положительно влияет на психологическое состояние обучаемого, после проведения данного рода состязаний обучаемый показывает стабильно хорошие результаты при выполнении упражнений стрельб.

Очередным фактором, влияющим на повышение эффективности стрельбы, может являться смена преподавателя. По ряду различных факторов имеет место быть практика закрепления преподавателей за другими учебными взводами, при которой отсутствует напряжение между обучающимся и преподавателем и результаты работы курсантов и слушателей так же улучшаются.

Опрос курсантов показывает, что причиной нервного напряжения, которое не дает сосредоточиться на правильном выполнении выстрела, являются следующие факторы:

1. Множество ошибок связанных с выполнением мер безопасности приводят к неудовлетворительной оценке, что негативно сказывается на концентрации обучающегося на действиях до выстрела, а не на выполнении выстрела. Путем устранения данных ошибок является работа в холостую, оттачивание навыков до автоматизма.

2. Боязнь ошибиться при выполнении действий по командам, что также влечет к неудовлетворительной оценке. Многие обучающиеся по тем или иным причинам, особен-

но на ранних этапах обучения допускают ошибки при стандартных действиях по командам, тем самым нарушают требования безопасности. Чтобы исключить данные ошибки, необходимо перед выполнением стрелковых упражнений проводить данную работу с учебным оружием, чтобы в памяти у обучающихся имелись освеженные навыки.

3. Слабое понимание физических процессов, что приводит к попыткам погасить отдачу оружия. После объяснения человеку, что в соответствии с тактико-техническими характеристиками пистолета Макарова начальная скорость полета пули – 315 метров в секунду, а дальность до мишени равна 10-25 метрам, то после нажатия на спусковой крючок не проходит даже одной секунды, как пуля оказывается в мишени, а попытки погасить как правило проявляются до производства выстрела, тем самым обучающийся сам придает направление полета пули ниже чем мишень.

4. Также фактором напряжения является результат общей успеваемости обучающегося. Большая работа при подготовке к другим дисциплинам, излишнее нервное напряжение, стресс, общая утомленность организма, а также страх получения неудовлетворительной оценки на занятии по огневой подготовке.

Всё вышеперечисленное является стандартными ошибками у обучающихся при выполнении стрельб, с которыми преподавательскому составу нужно работать на ранних этапах, заинтересовывать курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России как можно больше времени уделять тренировкам с учебным оружием в спокойной обстановке во время выделенное для самостоятельной подготовки, не стесняться в обращении за помощью к другим преподавателям преподающим огневую подготовку, собирать группы обучающихся имеющих стабильно низкие результаты для работы на стрелковых тренажерах, наработать базу доведения до автоматизма стандартных действий которые выполняются при выполнении различных упражнений стрельб. Важнейшим фактором является приобретение навыков на ранних этапах обучения, практика показывает, что зачастую обучающиеся, имеющие стабильно хорошие результаты при выполнении стрельб на ранних этапах, навыки совершенствуются и данные люди не имеют проблем на занятиях по огневой подготовке, за исключением редких случаев, когда результаты ухудшаются.

Пристатейный библиографический список

1. Муртазин А. И. Специфика преподавания огневой, физической и тактико-специальной подготовки у обучающихся в образовательных организациях МВД России // Актуальные вопросы совершенствования огневой и физической подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России: сборник материалов Всероссийской конференции, Уфа, 17 июня 2021 года. – Уфимский ЮИ МВД России: Уфимский ЮИ МВД России, 2021. – С. 86-88. – EDN ATCOYH.
2. Даминов А. А. Внутреннее психологическое состояние при стрельбе из пистолета Макарова курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // VIII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России» 2021.
3. Заболотных А. А. Некоторые вопросы совершенствования занятий по огневой подготовке в органах внутренних дел Российской Федерации // Актуальные вопросы совершенствования огневой, физической и тактико-специальной подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 16 июня 2022 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022.
4. Приказ МВД России 23.11.2017 г. № 880 «Об утверждении Наставления по огневой подготовке в органах внутренних дел Российской Федерации».

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ШАБАЕВ Вадим Владимирович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

БАЙКАЛОВ Владислав Александрович

преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России

МЕТОДИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ТАКТИКЕ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ АТАКИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Анализ современных статей, отображающих результаты изысканий в различных областях науки и техники, указывает на то, что тема разработки и применения беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА, или дрон) занимает многих исследователей. По мнению авторов, важное место среди рассматриваемых проблем должна занимать тема безопасности. В случае атаки с использованием БПЛА сотруднику полиции важно принять надлежащие меры для защиты себя и окружающих. В данной статье приведен методический материал, содержащий определенные рекомендации по тактике действий при такой атаке.

Ключевые слова: сотрудник полиции, беспилотный летательный аппарат, атака, безопасность, тактика действий.

GUSEYNOV Amirjan Akhmedovich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SHABAEV Vadim Vladimirovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

BAYKALOV Vladislav Alexandrovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

METHODOLOGICAL MATERIAL FOR TEACHING TACTICS OF POLICE OFFICERS IN THE CONDITIONS OF ATTACK BY UNMANNED AERIAL VEHICLES

An analysis of modern articles reflecting the results of research in various fields of science and technology indicates that the topic of the development and application of unmanned aerial vehicles (hereinafter referred to as UAVs or drones) occupies many researchers. According to the author, the topic of security should occupy an important place among the issues under consideration. In the event of an attack using a UAV, it is important for a police officer to take appropriate measures to protect himself and others. This article provides methodological material containing certain recommendations on tactics in such an attack.

Keywords: police officer, unmanned aerial vehicle, attack, security, tactics of action.

Авторы научных статей, размещенных в отечественных электронных библиотеках в 2020-2023 годах, подчеркивают преобладающую роль БПЛА для проведения наблюдений, в управлении дорожным движением, для визуального контроля охраняемых объектов, патрулирования периметра охраны, обследования территории на которой произошла чрезвычайная ситуация, патрулирования территории при массовых беспорядках, в военной операции, в промышленности, сельском хозяйстве и др. [1], [3], [4]. Однако широкий спектр применения указанных аппаратов отмечается не только полезностью, но и несет потенциальную опасность. Так, БПЛА активно используются в военных целях как для наблюдения, рекогносцировки и разведки, так и для боевой поддержки. Усилия специалистов направлены, с одной стороны, на совершенствование возможностей и надежности своих БПЛА и снижение затрат на их производство, с другой – на выработку путей противостояния вражеским БПЛА [5].

Рассматриваемые летательные аппараты в нынешнее время доступны всем заинтересованным лицам, что ведет порой к отрицательным последствиям. Например, нередки случаи, когда при неправильном использовании аппарат внезапно теряет управление и, упав на землю, становится угрозой безопасности окружающих.

БПЛА представляют угрозу для воздушного движения, особенно вблизи аэропортов. Несоблюдение правил ограничения полетов и проникновение БПЛА в ограниченные зоны может привести к его столкновению с другими воздушными

судами, к созданию аварийной ситуации, требующей экстренного реагирования.

БПЛА, оснащенные камерами, системами связи и управления, применяются для осуществления противоправных действий, как, например, незаконный сбор информации или нарушение неприкосновенности частной жизни людей (шпионаж), транспортировка запрещенных предметов или нарушение безопасности критической инфраструктуры. Злонамеренные манипуляции БПЛА совершаются при различного рода атаках или террористических актах. Угрозители также пытаются превратить БПЛА в объект кибератак и хакерских вторжений [1], [2].

В образовательных организациях МВД России на практических занятиях по тактико-специальной подготовке, личной безопасности необходимо развивать у обучающихся и отрабатывать определенные навыки действия сотрудников полиции в условиях атаки БПЛА. Во-первых, сотрудники полиции должны немедленно искать укрытие от атаки БПЛА. Это может быть здание, автомобиль или другое закрытое пространство, которое обеспечивает защиту от физического воздействия БПЛА. Если сотрудник находится в здании, ему нужно попробовать найти комнату, которая защищена от обстрела, например, подвал или бункер, если на открытом воздухе, то искать такое укрытие, как канава, яма или окоп.

Важно заранее знать места, где располагаются ближайшие укрытия. Если сотрудник находится на территории с регулярными обстрелами или атаками дронов, он должен

заранее изучить карту и найти ближайшие укрытия. Если находится в зоне активных боевых действий, стараться двигаться по крытым местам и избегать открытых пространств.

Во-вторых, важно оценить окружающую местность и идентифицировать потенциально опасные зоны, которые могут представлять угрозу атаки БПЛА. Это позволит сотрудникам полиции принять соответствующие меры предосторожности и выбрать наиболее безопасные позиции.

Если нет возможности найти укрытие в закрытом пространстве, сотрудники полиции должны использовать прикрытие для защиты от физического воздействия БПЛА. Это может быть стена, автомобиль, дерево или другой объект, который может предоставить защиту от возможных попаданий.

Далее сотрудники полиции должны немедленно связаться с дежурной частью, чтобы сообщить о ситуации и запросить поддержку. Координация действий с другими сотрудниками полиции поможет в эффективном реагировании на атаку и обеспечит лучшую безопасность.

Также сотрудники полиции должны быть оснащены соответствующими средствами защиты (шлемы, бронежилеты и др.), чтобы минимизировать возможные травмы от атаки БПЛА.

Необходимо отметить и то, что во время атаки рассматриваемых аппаратов сотрудники полиции должны постоянно оценивать ситуацию и анализировать изменения в тактике или поведении аппарата. Это позволит им принимать соответствующие меры и адаптироваться к обстановке.

Предотвращению атак БПЛА способствует использование противодроновых систем. Согласно приказу МВД России от 16.11.2023 № 865 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативных розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения» уполномоченные сотрудники полиции могут использовать специализированные противодроновые системы, которые способны подавить или преобразовать сигналы дистанционного управления дронов, воздействовать на пульты управления, повредить или уничтожить автоматизированное средство. На практических занятиях обучающимся необходимо не только тщательно изучить работу подобных систем, но иметь доступ к современной технике и оборудованию и отработать навыки их применения.

К тому же сотрудники полиции должны изучать различные типы БПЛА, их характеристики, возможности и тактику их использования, а также постоянно следить за актуальной информацией, быть в курсе новых тенденций в развитии тактики использования БПЛА. Это поможет разработать стратегии и тактики для эффективного реагирования на атаку.

Сотрудники правоохранительных органов должны быть обучены разведке и мониторингу БПЛА, чтобы определить его местоположение, направление полета и возможные цели. Это поможет адекватно реагировать и предотвращать возможные атаки.

Актуальна на сегодняшний день и проблема тактической подготовки сотрудников полиции по противодействию возможным кибератакам или вторжениям через БПЛА. Необходимо обучить мерам защиты сетей, систем связи и данных, чтобы предотвратить возможное вторжение и утечку конфиденциальной информации.

Важно также обеспечить психологическую поддержку людям, которые могут столкнуться с тревожными ситуациями, связанными с атакой БПЛА. Сформированные и развитые способности психологической регуляции позволят сотрудникам оказать нуждающимся необходимую поддержку и помощь в управлении эмоциями и стрессом.

Большое значение имеет и отработка приведенных тактик на практических занятиях в вузе в учебных ситуациях, приближенных к реальным. Данное обуславливает развитие навыков быстрой реакции, тактики и координации действий в условиях атаки.

Необходимо довести до обучающихся, что сотрудникам полиции, прежде всего участковым уполномоченным полиции следует вести работу с общественностью: осуществлять информационные кампании и обучающие программы, чтобы повысить осведомленность граждан о возможных угрозах, связанных с БПЛА, и обучить гражданское население правильно реагировать и сообщать о подозрительных действиях.

Считаем, что сотрудникам полиции необходимо уметь варьировать свои действия в зависимости от конкретных обстоятельств. Самое главное в условиях внезапных атак беспилотных летальных аппаратов – это сохранить спокойствие и быстро принять необходимые меры.

Пристатейный библиографический список

1. Вечерникова Д. В., Марина А. А. Актуальные вопросы, связанные с применением беспилотных воздушных судов в правоохранительной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-svyazannye-s-primeneniem-bespilotnyh-vozdushnyh-sudov-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 05.12.2023).
2. Гусейнов А. А., Карелкин Е. Н., Шабаев В. В. К вопросу о тактических действиях по борьбе с киберпреступлениями // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2 (165). – С. 272-273. – EDN BEGKKV.
3. Семенова К. С. Оценка состояния подземных инженерных сооружений мелиоративной системы с помощью карт влажности, полученных на основе данных дистанционного зондирования земли беспилотным летательным аппаратом DJI PHANTOM 4 MULTISPECTRA // Природообустройство. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sostoyaniya-podzemnyh-inzhenernykh-sooruzheniy-meliorativnoy-sistemy-s-pomoschyu-kart-vlazhnosti-poluchennyh-na-osnove> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Тарасов Я. О. Квадрокоптеры: проектирование, конструирование и испытания // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvadrokoptery-proektirovanie-konstruirovanie-i-ispytaniya> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Хаминский Я. М. Международный опыт противодействия атакам боевых беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) // Advances in law studies. – 2023. – Том 11. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/67850/view> (дата обращения: 01.12.2023).
- 6.

НИКИТИН Александр Игоревич

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

АРХИПОВ Евгений Владимирович

старший преподаватель Барнаульского юридического института МВД России

ПЕСТЕРЕВ Николай Николаевич

старший преподаватель Барнаульского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИЯХ В ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Статья посвящена некоторым проблемам огневой подготовки в учебных учреждениях системы МВД России. В статье рассматривается необходимость повышения качества и эффективности обучения огневой подготовке. Также необходимо увеличивать на занятиях по огневой подготовке использование стрелковых тренажеров, которые обеспечивают повышение эффективности обучения, сокращают сроки обучения, а также обеспечивают безопасность. Использование на занятиях по огневой подготовке стрелковых тренажеров повышают эффективность обучения.

Ключевые слова: огневая подготовка, обучение, стрелковые тренажеры, электронный компьютерный тренажер «Скэтт», лазерный стрелковый тир «Рубин», навыки стрельбы, обеспечение безопасности, мышечная память, результативность стрельбы.

NIKITIN Alexander Igorevich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ARKHIPOV Evgeniy Vladimirovich

senior lecturer of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PESTEREV Nikolay Nikolaevich

senior lecturer of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF INNOVATIONS IN THE FIRE TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

The article is devoted to some problems of firearms training in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. The article discusses the need to improve the quality and efficiency of firearms training. It is also vital to increase the use of shooting simulators in firearms training classes, which increases training efficiency, reduces training time, and also ensures safety. The use of shooting simulators during fire training classes increases the effectiveness of training.

Keywords: firearms training, training, shooting simulators, electronic computer simulator "Scatt", laser shooting range "Rubin", shooting skills, safety, muscle memory, shooting performance.

Образовательный процесс в настоящее время модернизируется и уже с трудом можно представить его без каких-либо нововведений и инноваций, данная ситуация относится и к такой дисциплине как огневая подготовка.

Современная система образования МВД России повышает требования к умениям и навыкам стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия. Данные требования растут с каждым годом, что связано с криминогенной обстановкой в мире и государстве. Так, одной из главных задач выступает повышение качества и эффективности обучения огневой подготовке.

Одним из важных направлений в подготовке будущих сотрудников считается использование на занятиях по огневой подготовке стрелковых тренажеров, которые обеспечивают повышение эффективности обучения, сокращают сроки обучения, а также обеспечивают безопасность. Также данные тренажеры позволяют избежать ошибки при обращении с оружием и ведения стрельбы.

Нововведения исследуются и не всегда являются результативными и полезными. Так, не каждое новшество может гарантировать формирование устойчивых и сформированных навыков стрельбы.

Успешность подготовки сотрудника зависит только от осмысления применения, а инновационные средства являются лишь вспомогательным предметом в подготовке.

В силу того, что для обучения стрельбе используется оружие с патронами, количество часов по практике ограничено, не все обучающиеся могут в течение этого времени освоить технику эффективной стрельбы. Для того чтобы сде-

лать обучение более эффективным необходимо внедрять технические тренажеры для обучения стрельбе [1, с. 102].

Однако, если в учебных заведениях новшества применяются для обучения, то в подразделениях в настоящее время они отсутствуют или их не хватает, что отмечается руководителями на основании низких результатов в стрельбе подчиненных.

Так, одним из немногих используемых в практике инноваций является «Скэтт», электронный компьютерный тренажер для отработки стрельбы по неподвижным целям.

Особенностями данного тренажера являются:

1) достижение высоких результатов при отработке техники стрельбы регулярными тренировками для закрепления мышечной памяти техники выстрела;

2) зависимость результата от морально-психологического состояния и именно данный тренажер позволяет контролировать его. Регулярные тренировки на данном тренажере вырабатывают такие качества как выносливость, силу, реакцию мышечной системы на произведенный выстрел и устойчивость реакции на внешние раздражители. С использованием данного тренажера у обучающегося вырабатывается привычка и он не задумывается об отдаче выстрела, в результате чего улучшается стрельба и сокращается число ошибок;

3) точная и правильная подготовка удержания оружия в руках согласно условиям выполнения стрельбы, а также спуска курка с боевого взвода и прицеливания;

4) формирование концентрации внимания на прицельном приспособлении, удержания оружия, усилия нажатия, развивается наблюдательность, меткость, выдержка, настой-

чивость, воспитывается способность контролировать свои действия в процессе выстрела, тренируется внутренняя собранность.

Основным преимуществом данного тренажера является то обстоятельство, что при его использовании значительно увеличивается объем поступающей к стрелку объективной информации о технике выполненного выстрела, поэтому он применим на всех этапах формирования техники меткого выстрела. Формирование у курсантов и слушателей умения грамотно анализировать полученную информацию и использовать ее для совершенствования или самосовершенствования уровня огневой подготовленности полностью соответствует современным требованиям образовательного процесса в вузе и делает его важным средством обучения в условиях компетентного подхода [2, с. 40].

Следующим эффективным тренажером можно признать «Рубин»-лазерный стрелковый тир, с помощью которого проводится первоначальная огневая подготовка. Данный тренажер позволяет отрабатывать и совершенствовать навыки техники прицеливания и плавного нажатия на спуск, удержания оружия в руках, правильной постановки стойки, а также отработки навыков упражнений стрельбы с перемещением.

Необходимо выделить преимущества данного тренажера:

- 1) отработка навыков стрельбы как в статичном положении, так и в динамичном;
- 2) проецируемые мишени, также их множественность;
- 3) отработка скоростной стрельбы из разных положений, с различных дистанций;
- 4) возможность моделирования различных ситуаций.

Отметим, что данный тренажер исключает осуществление непроизвольных выстрелов при перемещении, передвижении, кувырках и поворотах. Также, позволяет одновременно обучаться 6 людям, что способствует отработки ситуаций, когда задействованы несколько человек. Групповое обучение позволяет не только отработать навыки стрельбы, но и обучить сотрудников работать слаженно, оценивать правильно обстановку для того, чтобы исключить наступление несчастных случаев [3, с. 94].

Можно сделать вывод о том, что данный тренажер позволяет отрабатывать различные навыки согласно установленным требованиям безопасности, а также организовывать групповую работу, чтобы быть готовым к различным практическим ситуациям и избежать ошибок.

Не стоит забывать, чтобы достичь высоких результатов в освоении дисциплины с применением данных тренажеров необходимо:

- регулярные занятия с использованием данных тренажеров;
- ответственное отношение обучающегося и желание обучаться;
- четкое и грамотное руководство преподавателей и стимулирование деятельности обучающегося, учитывая индивидуальность каждого и используя персональные методы и средства. Педагогические методы могут повысить интерес обучающихся к учебному материалу, способствовать лучшему усвоению информации, развитию самостоятельности, ответственности и социальных навыков;
- самостоятельная работа.

Однако для достижения высоких результатов необходимо учитывать множество факторов, таких как правильная подготовка стрелка, выбор правильного оружия и боеприпасов, а также техника стрельбы и определение точных координат цели. Кроме того, уверенность стрелка в своих способностях и контроль за своими эмоциями также играют важную роль в формировании навыка успешной стрельбы. В целом, для достижения поставленной цели необходима упорная работа и постоянное совершенствование навыков.

Опыт показывает, что главным критерием развития навыка успешной стрельбы из боевого оружия является безопасное попадание в цель, которое достигается надежной подготовкой к стрельбе, а основой для которого является удобство стрельбы и максимальная защита от встречного

огня. Однако для достижения результата попадания пули в цель ключевым является только выполнение выстрела, которое осуществляется в соответствии с техническими приемами и методами управления огнем. Таким образом, мы видим, что в процессе обучения должен формироваться такой комплекс навыков, который доводится до уровня автоматизма для дальнейшего практического применения. Поэтому чем шире диапазон приобретенных навыков, тем легче и быстрее стрелок найдет оптимальное решение в той или иной ситуации и тем выше вероятность попадания в любую цель [4, с. 43].

Другим направлением современных технологий необходимо выделить использование мультимедийных приложений, которые позволяют обучающимся получить полное представление о том, как работает конкретное оружие, какие у него особенности и как им правильно пользоваться.

Так, считаем необходимым помимо устоявшихся методов и способов обучения огневой подготовки, комбинировано использовать современные технологии вспомогательно, при необходимости их использования. Однако не стоит воспринимать новшества как панацею, так как эффективность использования зависит также от человеческих факторов и дает положительные результаты в совокупности.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что данные технологии и новшества позволяют создавать более эффективные программы обучения, а также повышают безопасность и экономическую эффективность процесса обучения. Системы виртуальной реальности и симуляторы позволяют существенно сократить затраты на боеприпасы и уменьшить риск. Однако необходимо помнить о том, что использование на занятиях по огневой подготовке стрелковых тренажеров, которые обеспечивают повышение эффективности обучения, сокращают сроки обучения, а также обеспечивают безопасность.

Пристатейный библиографический список

1. Першин А. Т., Большакова В. А., Гусевская К. С. Использование стрелковых тренажеров «Рубин» в профессиональной подготовке сотрудников полиции // Символ науки. - 2021. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-strelkovykh-trenazherov-rubin-v-professionalnoy-podgotovke-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Пенькова И. В. Осипов О. О., Меньщиков М. П. Использование стрелкового компьютерного тренажера «СКАТТ» на занятиях по огневой подготовке // Инновационные методы и образовательные технологии подготовки сотрудников органов внутренних дел: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26 сентября 2018 года. - Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. - С. 38-44. - EDN VWJJCQ.
3. Гончаров С. В., Дидык Б. В. Современные стрелковые тренажеры и их комплексное применение в процессе огневой подготовки курсантов военных ВУЗов // Мир образования - образование в мире. - 2016. - № 3 (63). - С. 193-198.
4. Булавин Д. А., Посохов А. В., Сурмило С. В. Применение современных технологий в обучении стрельбе из боевого оружия. В сборнике: актуальные вопросы совершенствования физической культуры и спорта. Статьи Межвузовской научно-практической конференции. - Санкт-Петербург, 2021. - С. 40-45.

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург

АФНАСКИН Павел Владимирович

преподаватель кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

АЛЕКСЕЕВ Артем Михайлович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ МВД РОССИИ

Статья посвящена вопросам применения огнестрельного оружия в органах внутренних дел Российской Федерации, а также авторами предложено последовательное решение указанных проблем. Также отмечается роль сотрудника полиции, который является одним из ключевых средств обеспечения безопасности, то есть состояния защищенности от внешних и внутренних угроз, непосредственно на территории Российской Федерации. Общий объем их полномочий и законность их действий в совокупности составляет гарантию внутреннего суверенитета нашего государства.

Ключевые слова: сотрудник полиции, табельное оружие, кобура, основания применения огнестрельного оружия, пистолет Макарова, безопасность.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

AFANASKIN Pavel Vladimirovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

ALEXEEV Artyom Vladimirovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article is devoted to the use of firearms in the internal affairs bodies of the Russian Federation, and the authors propose a consistent solution to these problems. The role of a police officer is also noted, which is one of the key means of ensuring security, that is, the state of protection from external and internal threats, directly on the territory of the Russian Federation. The total scope of their powers and the legality of their actions together constitute a guarantee of the internal sovereignty of our State.

Keywords: police officer, service weapon, holster, grounds for the use of firearms, Makarov pistol, safety.

Любое государство является достаточно сложно устроенной системой, обладающей характерными признаками, к которым можно отнести:

- определенная политическая форма организации общества;

- конкретная территория;
- наличие аппарата управления и принуждения;
- суверенитет.

Безусловно, важным фактором для населения является безопасность нахождения в определенном государстве, и эта безопасность может обеспечиваться на нескольких уровнях:

- внешний (суверенитет, то есть независимость от других государств как в политическом, так и в военном планах, которая обеспечивается Министерством обороны РФ)

- внутренний (защита населения от преступных посягательств внутри государства, когда угроза зачастую возникает от сограждан).

Очевидным является тот факт, что безопасность внутри государства обеспечивает Министерство внутренних дел РФ. На данный орган возложено значительное количество полномочий по абсолютно разным направлениям, каждое из которых регламентируется конкретным нормативным правовым актом.

Основным таким актом является Федеральный закон № 3 от 07.02.2011 года «О полиции», который закрепляет полномочия сотрудника полиции. Так, сотрудник полиции имеет право при наличии определенных оснований применить достаточно спорное и опасное средство в виде огнестрельного оружия. В данном аспекте считаю необходимым провести сравнение основ применения оружия в России и других странах.

Для начала стоит отметить, что в России сотрудник полиции при поиске оснований применения оружия обращается только к вышеуказанному закону. Тогда как в США порядок применения оружия зафиксирован в нескольких документах. Безусловно, это связано с отличием в романо-германской и англо-саксонской системах права.

Следующей отличительной чертой является количество оснований. Так, в России сотрудник полиции опирается на строго закрепленные основания в статье 23 ФЗ № 3 «О полиции», отступление от которых запрещено, причем перечень данных оснований является исчерпывающим [3]. Что касается США, то там основание одно, но он является достаточно размытым. Там сотрудник полиции может применить оружие в том случае, если ему или другому лицу присутствует угроза жизни или здоровью [1].

Исходя из вышеизложенных сопоставлений, можно выявить одну из проблем, являющуюся с давних времен достаточно дискуссионным вопросом: «Стоит ли сотрудникам полиции России расширить перечень полномочий на применение огнестрельного оружия?». Решение данного вопроса зависит от множества факторов, которые мы сможем рассмотреть позже.

Важно отметить, что попытки внесения изменений в данной сфере относительно недавно были предприняты МВД России, которое направило законопроект в Совет Федерации. Данный законопроект включал в себя:

- расширение полномочий на личный досмотр граждан, в частности, при оцеплении территории при проведении массового мероприятия;
- наделение правом вскрытия транспортного средства, и в отдельных случаях даже в отсутствии владельца;

• расширение полномочий на применение огнестрельного оружия [5].

Из представленного перечня, анализируя внесенные изменения в законодательство РФ, можно сделать вывод, что свое отражение получили все пункты, кроме огнестрельного оружия. И на это есть свои причины. Так, уполномоченный по правам человека РФ Татьяна Москалькова указала на необходимость конкретизации «иных действий», которые могут являться основанием применения огнестрельного оружия. В данной ситуации мы вынуждены согласиться с представленным мнением, так как на принятие такого решения влияют следующие факторы:

- психологический (готовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия);
- физиологический (готовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия с максимальной точностью);
- моральный (уверенность в том, что сотрудник полиции с учетом расширения полномочий не станет злоупотреблять ими в своих интересах).

На наш взгляд перед тем, как пытаться расширить полномочия в данной сфере, стоит пересмотреть вопрос набора новых сотрудников. В последние годы был зафиксирован рост некомплекта в системе МВД России, в частности, министр МВД Владимир Колокольцев указал, что в 2022 году уволилось на 34% больше следователей, чем в 2021. [2] На это есть свои причины, к которым можно отнести:

- слабые социальные льготы и гарантии сотрудников полиции;
- недостаточные заработные платы;
- чрезмерная или неравномерная нагрузка ввиду нехватки рабочей единицы почти в каждом подразделении и так далее.

В связи с некомплектом в настоящее время МВД России вынуждено прибегать к набору на работу не совсем квалифицированных сотрудников, причем наибольший процент таких случаев выпадает на подразделения дорожно-патрульной службы, патрульно-постовой службы, участковых уполномоченных полиции и уголовного розыска, которые являются теми, кто наиболее часто вынуждены применять огнестрельное оружие. Это может подтвердить статистика, приведенная по состоянию на 2014 – 2018 годы. Из общего числа зафиксированных фактов применения огнестрельного оружия (157 раз) подразделения дорожно-патрульной службы применили огнестрельное оружие 77 раз, патрульно-постовой службы – 24, участковых уполномоченных полиции – 24, уголовного розыска – 21. Поэтому возникает риск неправомерного применения оружия, так как эти сотрудники, особенно патрульно-постовой службы, на наш взгляд проходят недостаточную подготовку как в правовом, так и в тактическом аспектах [6].

С учетом вышеизложенного считаем возможным решение представленного дискуссионного вопроса с помощью последовательного решения следующих задач:

- улучшить материальное и социальное обеспечение сотрудников полиции;
- решить вопрос комплектности подразделений МВД России;
- организовать прием на работу максимально квалифицированных сотрудников;
- внести законодательные изменения, расширяющие полномочия сотрудников полиции по применению огнестрельного оружия.

Таким образом, при условии поэтапного решения вышеуказанных задач может возрасти уверенность в том, что расширение полномочий в данной сфере не приведет к нарушению закона со стороны сотрудников полиции.

На современном этапе развития законодательства кроме проблемы наличия обширных оснований применения огнестрельного оружия возникает проблема с тактикой его применения. Она заключается в том, что сотрудники полиции зачастую обеспечиваются недостаточно модернизированными под современные реалии принадлежностями к пистолету Макарова, в частности кобурой классического вида.

Процедура выдачи табельного огнестрельного оружия и принадлежностей для его хранения и ношения предусмотрена приложением к приказу МВД России от 17 ноября 1999 года № 938 «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи табельного боевого ручного стрелкового оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации на постоянное хра-

нение и ношение». Данная инструкция предусматривает не только выдачу самого оружия, но и принадлежности, например, для ношения, в виде кобуры, причем она не указывает на то, какого именно вида они должны быть [4]. Поэтому на практике сотрудники полиции обеспечиваются не самой качественной и удобной в использовании кобурой. В связи с этим сотрудникам полиции приходится тратить большее количество времени для приведения табельного оружия в готовность к стрельбе, что в свою очередь может привести к угрозе негативных последствий либо самим последствиям.

Наглядным примером наличия данной проблемы может служить ситуация, которая сложилась относительно недавно в Пролетарском районном суде Ростова – на – Дону, где обвиняемый в особо тяжких преступлениях, изготовив заточку, напал на сотрудника конвоя. Анализируя видеоматериалы, которые попали в средства массовой информации, мы пришли к выводу, что в процессе борьбы у сотрудника полиции возникла возможность в течение 3-4 секунд извлечь табельное оружие для его применения, но кожаная кобура закрытого типа с неудобной застежкой не позволила сделать это. В результате сотрудник полиции получил тяжелые ранения, из-за которых попал в больницу [7].

Исходя из вышеизложенного мы пришли к выводу, что решением данной проблемы может являться конкретизация в вышеуказанном приказе МВД России вида кобуры, желательного открытого типа, которой должны обеспечиваться сотрудники полиции для ношения табельного оружия в процессе осуществления своих служебных обязанностей.

В заключении данной работы стоит отметить, что в настоящее время в Российской Федерации имеются проблемы в сфере применения огнестрельного оружия и с учетом международной обстановки, а также потенциального экономического неблагополучия значительного числа населения можно спрогнозировать потенциальный рост преступности, для борьбы с которой, в частности, сотрудникам полиции понадобится применить табельное оружие. Исходя из этого, становится понятным, что решение данных проблем должно стать одним из ключевых направлений работы законодательных органов Российской Федерации, а также деятельности МВД России в нормотворческой сфере, как это уже произошло по примеру с полномочиями сотрудников полиции на вскрытие транспортного средства.

Пристатейный библиографический список

1. Аблаев Р. Р., Аблаев А. Р. Правомочия сотрудников полиции России по применению огнестрельного оружия в сравнении с правомочиями сотрудников полиции США и Великобритании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. С. 106-108.
2. В МВД наблюдается некомплект полицейских в ключевых подразделениях // Информационное агентство «ТАСС»: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru> (дата обращения: 20.01.2024).
3. О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2024).
4. Об утверждении Инструкции о порядке выдачи табельного боевого ручного стрелкового оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации на постоянное хранение и ношение: Приказ МВД РФ от 17 ноября 1999 г. № 938. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 20.01.2024).
5. Полицейским хотят разрешить стрелять на поражение при угрозе нападения // Сетевое издание РИА Новости: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru> (дата обращения: 20.01.2024).
6. Пырчев С. В. Анализ практики применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел как основа для модернизации законодательства // Труды Академии управления МВД России. 2021. С. 74-86.
7. СК возбудил уголовное дело после нападения подследственного в Ростове-на-Дону // Сетевое издание РИА Новости: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

ПЕТРОВ Павел Сергеевич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЧЕРНЕЙКИН Павел Петрович

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России

АРХИПОВ Сергей Николаевич

доцент кафедры огневой подготовки Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРАКТИЧЕСКИМ НАВЫКАМ ОБРАЩЕНИЯ С ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ. МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРИМЕНЯТЬ ТАБЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

В статье рассмотрены основные направления совершенствования огневой подготовки сотрудников полиции в нынешних условиях. Законодательством закреплена правоохранительная функция полиции, которая предусматривает обеспечение законности и правопорядка на территории страны сотрудниками полиции, несущими службу по охране общественного порядка. Таким образом нередко обеспечивая законность при несении службы, сотрудник полиции применяет физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. Эффективность и своевременность, это главные критерии оценки уровня подготовленности полицейского, по которым можно оценивать его работу.

Ключевые слова: огневая подготовка, борьба с преступностью, меры безопасности, правоохранительная деятельность, обеспечение правопорядка, служебная деятельность.

PETROV Pavel Sergeevich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

CHERNEYKIN Pavel Petrovich

lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for the Training of the Dog Handlers of the MIA of Russia

ARKHIPOV Sergey Nikolaevich

associate professor of Fire training sub-faculty of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

PROBLEMS OF TRAINING EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN PRACTICAL SKILLS IN HANDLING FIREARMS. METHODOLOGY FOR DEVELOPING EMPLOYEE READINESS TO USE SERVICE WEAPONS

The article discusses the main directions for improving fire training of police officers in the current conditions. The practical activities of police officers involve their use of firearms, special means and physical force for the purposes and on the grounds provided for by the legislation of the Russian Federation. The law enshrines the law enforcement function of the police, which provides for ensuring law and order in the country by police officers serving to protect public order. Thus, often ensuring the legality of duty, a police officer uses physical force, special means and firearms. Efficiency and timeliness are the main criteria for assessing the level of preparedness of a police officer, by which his work can be assessed.

Keywords: fire training, crime control, security measures, law enforcement, law enforcement, official activities.

Огневая подготовка является одной из наиболее важных составляющих аспектов в подготовке сотрудников полиции в современных реалиях. Актуальность данного вида подготовки обусловлена на сегодняшний день совокупностью различного рода факторов, главный из которых, это несение службы в особых условиях, которое подразумевает под собой возрастающий риск того, что сотруднику придется в любой момент своей служебной деятельности столкнуться с вооруженной преступностью.

Дисциплина «Огневая подготовка» по своей природе направлена на формирование устойчивых навыков применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в своей практической деятельности, а также умения своевременного реагирования на изменяющуюся окружающую обстановку, оценку правомерности своих действий. Не остаются в стороне и навыки умелого обращения, бережного содержания, хранения огнестрельного оружия.

Что касается правомерного применения огнестрельного оружия сотрудником полиции, то здесь возникают трудности. Во-первых, не существует универсального правила, кото-

рым можно было бы руководствоваться в любой ситуации, складывающейся в практической деятельности. Во-вторых, сотрудники полиции, несущие службу по охране общественного порядка, не всегда на достаточном уровне владеют теоретическими знаниями и практическими навыками, необходимыми для правомерного применения огнестрельного оружия. Ведь в силу физиологических особенностей человек не может круглосуточно находиться в «проактивном» состоянии, когда его концентрация, собранность и внимание позволяли бы абсолютно грамотно оценивать ситуацию [1, с. 288]. На практике ситуации, связанные с применением огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы могут произойти в любой момент. Будь то передвижение в пешем порядке, на автомобиле или сопровождение преступника. Немаловажной составляющей, способствующей лучшей готовности сотрудника полиции к несению службы является инструктаж по мерам безопасности, проверка готовности форменного обмундирования к несению службы, опрос теоретических знаний заступающего лица на службу на предмет знания им положений главы 5 ФЗ № 3 «О поли-

ции», согласно которому сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие в следующих случаях:

1) в целях защиты граждан или себя от такого рода посягательства, которое относится к группе посягательств, сопряжённых с насилием, являющимся опасным для жизни и здоровья человека;

2) при попытке завладения огнестрельным оружием, транспортным средством, принадлежащим сотрудникам полиции, а также специальной и боевой техникой, которые состоят на вооружении (обеспечении) полиции для пресечения данных действий;

3) для освобождения заложников;

4) при задержании лица, застигнутого при совершении деяния, которое содержит в себе признаки преступления против жизни, здоровья или собственности.

5) в случаях вооружённого или группового нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан в целях его отражения;

6) в случаях совершения побега из мест содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений либо совершении побега из-под конвоя лиц, которые задержаны по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена такая мера пресечения как заключение под стражу либо лиц, осуждённых к лишению свободы для пресечения таких действий, а также для того, чтобы не допустить насильственного освобождения указанных выше лиц.

Сотрудник полиции также имеет право применять огнестрельное оружие в состоянии крайней необходимости для достижения таких целей как:

1) остановка транспортного средства, путём его повреждения, в случае если управляющее им лицо отказывается выполнять неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая при этом угрозу жизни и здоровью граждан и (или) сотрудника полиции;

2) обезвреживание животного, которое создаёт непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан и (или) сотруднику полиции;

3) разрушение запирающих устройств, элементов и конструкций, создающих препятствие для проникновения в жилые и иные помещения;

4) производство предупредительного выстрела, подача сигнала тревоги или вызов помощи, путём производства выстрела вверх либо в ином безопасном направлении;

5) пресечение сопротивления, которое оказывается сотруднику полиции;

6) задержание лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться;

7) высвобождение людей, зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и земельных участков, которые были захвачены и удерживаются насильно;

8) пресечение массовых беспорядков и иных противоправных действий, которые нарушают движение транспорта, работу организаций и средств связи.

Нельзя также забывать и про знание основных положений приказа МВД России, утверждающего наставление по организации огневой подготовки [3, с. 277], ведь вопросы профилактики гибели и ранений сотрудников полиции, связанные с неумелым обращением с оружием и боеприпасами, никогда не потеряют свою актуальность.

Необходимо упомянуть о том, что для успешного выполнения обязанностей, возложенных на правоохранительные органы, сотрудникам полиции важно обучаться не только профессиональным навыкам, но и проходить психологическую подготовку при обучении. Также сотрудникам полиции необходимо ежегодно проходить проверку для выявления их готовности и умения применять табельное и огнестрельное оружие в условиях, являющихся максимально приближенными к реальным конфликтным ситуациям.

Не для кого не секрет, что полицейские работники должны быть и психологами, и юристами и специалистами в разных областях. Обучение стрельбе – основной род деятельности преподавателей «огневики» обязательно должен постоянно развиваться и совершенствоваться, ведь время не стоит на месте и остановка в развитии одного направления деятельности, может привести к серьезным последствиям в другой сфере деятельности полиции. Преподаватель по стрельбе на сегодняшний день для грамотного преподавания своей дисциплины должен уметь не только стрелять и учить правильно удерживать пистолет в руке, но и комплексно оказывать психоэмоциональную поддержку «стрелку-новичку». Практический опыт преподавания огневой подготовки показывает, что на начальном этапе подготовки любому «стрелку-новичку» крайне необходима первоначальная подготовка, которая должна выражаться в углубленном изучении тактико-технических характеристик стрелкового оружия, проблемах, возникающих при стрельбе из этого оружия. Ведь стрельба из огнестрельного оружия сопряжена с выделением пороховых газов, которые засоряют механизмы и части самого оружия. Знание мер безопасности – это еще один важный аспект. Случись непредвиденное обстоятельство, как «стрелок-новичок» может совершить опасное для окружающих действие за что, впоследствии понесет ответственность. Более того, могут пострадать люди, которые оказались рядом. С учетом всего вышесказанного следует руководствоваться приказами министерства, регламентирующими порядок организации и проведения занятий по огневой подготовке.

Пристатейный библиографический список

1. Музафин Р. Р. Актуальные вопросы развития огневой подготовки в органах внутренних дел // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1 (104). – С. 288-289. – EDN XXRKOR.
2. Петров П. С. Проблемные аспекты совершенствования огневой подготовки сотрудников госструктур // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека): сборник материалов Международной конференции, Уфа, 08 декабря 2022 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 277-281. – EDN DEPNTJ.

СОБОЛЕВ Андрей Георгиевич

начальник кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург

ДАВЛЕТОВ Вадим Илдарович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ИМАНГАЖИНОВ Досбалат Токтаубаевич

начальник цикла – преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов – кинологов МВД России

О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы информационной безопасности. Обеспечение информационной безопасности является основным направлением деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Значимость данного вопроса объясняется тем, что посредством ряда обстоятельств, например связанных с активными хакерскими атаками, а также халатными действиями самих сотрудников правоохранительных органов и иными причинами, подвергается опасности как профессиональная репутация, так и личная безопасность и безопасность близких родственников сотрудника полиции. В рамках данной статьи рассмотрены наиболее актуальные аспекты обеспечения информационной безопасности сотрудника ОВД, включающие в себя распространенные причины информационных атак, условия и обстоятельства, создающие угрозы безопасности, а также наиболее оптимальные пути решений заявленной проблемы.

Ключевые слова: профессиональная и личная безопасность, информационная безопасность, сотрудники ОВД, правоохранительные органы, вызовы и угрозы, хакерские атаки.

SOBOLEV Andrey Georgievich

Head of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

DAVLETOV Vadim Ildarovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMANGAZHINOV Dosbalat Toktaubaevich

Head of the cycle – lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for the Training of Cynologists of the MIA of Russia

ON THE PROBLEMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

This article discusses some information security issues. Ensuring information security is the main activity of employees of the internal affairs bodies (hereinafter referred to as the Department of Internal Affairs). The significance of this issue is explained by the fact that due to a number of circumstances, for example, related to active hacker attacks, as well as negligent actions of law enforcement officers themselves and other reasons, both the professional reputation and personal safety and the safety of close relatives of a police officer are at risk. Within the framework of this article, the most relevant aspects of ensuring the information security of an internal affairs officer are considered, including common causes of information attacks, conditions and circumstances that create security threats, as well as the most optimal solutions to the stated problem.

Keywords: professional and personal security, information security, police officers, law enforcement agencies, challenges and threats, hacker attacks.

Функционирование современных общественных отношений, быстрые темпы технико-технологического прогресса, информационной развитости, а также стремительного роста потребностей социума нередко становятся причинами возникновения новых угроз и вызовов для безопасности государства. Безопасность государства включает в себя не только обеспечение охраны и защиты государственных границ, но и законных интересов всех граждан страны, в том числе органов государственной власти, которые находятся под постоянной угрозой, ввиду выполнения ими оперативно-служебных задач.

Результатом инновационного прогресса стало широкое развитие средств коммуникационных технологий, охранно-обеспечительный механизм которых не всегда функционирует в полной мере. В данном случае речь идет об обеспечении безопасности непосредственно информации, в частности, касающейся сотрудников правоохранительных органов, которая представляет зачастую существенный интерес для злоумышленников. В связи с этим одной из приоритетных задач сотрудников полиции является защита информационных

ресурсов как личного, так и служебного характера от потенциальных нападений.

Личная безопасность представляет собой совокупность обеспечительных мер, таких как: правовая, защитная, тактическая и психологическая, аккумулированное воздействие которых направлено на защиту личности сотрудника полиции, его жизни, здоровья, психологического состояния от внешних и внутренних агрессоров. Непосредственно личная безопасность, обуславливающаяся нравственной задачей деятельности сотрудников полиции, включает в себя наряду с иными элементами право на защиту информации и предоставление достоверной и актуальной информации в случае возникновения необходимости.

Поскольку сотрудники полиции является государственным инструментом регулирования общественными отношениями, то, безусловно, они постоянно представляют большой интерес для гражданского общества, а также криминального мира. Нередки случаи, когда посредством проведения хакерских атак на различные кредитные организации, в открытом доступном информационном пространстве

находились сведения о личности сотрудников правоохранительных органов, местах их проживания и пр. Так, в 2019 году в открытых источниках информации «всплыла» база данных о клиентах Альфа-Банка, включающая в себя сведения о сотрудниках МВД и ФСБ. Несмотря на развитие и разработку наиболее эффективных методов борьбы с хакерскими атаками, приводящими к утечке информации, к сожалению, все же имеют место быть некоторые проблемы, требующие немедленного реагирования.

Обеспечение личной безопасности правоохранительных органов базируется на нормативно-правовых актах, призванных регулировать вопросы, касающиеся обеспечения в том числе информационной безопасности. Так, основными нормативными актами являются: Федеральный закон «О безопасности», «О государственной тайне», «О полиции», «Об информации» и др.

Как правило, определяя направление обеспечения информационной безопасности, выделяют два правовых аспекта, составляющих данную систему: получение достоверной, актуальной информации, обеспечение должной защиты личных и профессиональных сведений о сотруднике правоохранительных органов.

Также принято выделять меры, активно развивающиеся и действующие в настоящее время, применяемых в целях оптимизации процесса обеспечения информационной безопасности сотрудника полиции [1]:

1. Разработка приоритетных направлений научно-технической политики государства;
2. Создание механизмов защиты и охраны ресурсов от несанкционированного доступа к базам данных;
3. Модернизация материально-технической базы;
4. Организация информационной безопасности на межведомственном уровне и др.

В рамках данной статьи мы непосредственно подробно рассмотрим наиболее волнующие вопросы, связанные с обеспечением защиты личных и профессиональных сведений о сотруднике ОВД.

Принято считать, что первостепенная угроза для распространения личных и профессиональных данных о сотруднике правоохранительных органов представляется в виде средств массовой информации (далее – СМИ). При передаче СМИ тех или иных сведений крайне важно обращать пристальное внимание на тщательный отбор информации, а именно на количество сведений и их содержание. Кроме того, создание межорганизационных связей между органами исполнительной власти и средствами массовой информации также играет особую роль, поскольку позволяет избежать несанкционированное распространение информации, способной, во-первых, оклеветать, оскорбить сотрудника полиции, а, во-вторых, дискредитировать деятельность в целом правоохранительных органов.

По результатам проведенного исследования независимыми экспертами были выявлены наиболее распространенные угрозы, представляющие опасность для сотрудников ОВД. Следует обозначить следующие [2]:

1. Умышленное хищение данных из информационных систем правоохранительных органов;
2. Подключение различных вредоносных программ к персональным компьютерам, иными словами, заражение вирусами программных обеспечений по типу «Троян» и др.;
3. Массовое распространение спама, представляющих собой ссылку, при переходе по которой персональный компьютер заражается вредоносным программным обеспечением;
4. Халатное отношение сотрудников полиции к вопросам, касающимся обеспечения информационной безопасности;
5. Преступная деятельность в отношении персональной или профессиональной информации;

6. Мошенническая деятельность.

В целях противодействия данным действиям ведется активная деятельность по пресечению и ликвидации возможных каналов утечки персональных и профессиональных данных, где под утечкой понимается несанкционированный выход сведений в открытое общественное пространство, пользование которым является доступным.

Безусловно, утечка информации является наиболее опасной хакерской атакой, результатом которой может стать потеря профессионального авторитета, создание потенциальной угрозы для жизни и здоровья как самого сотрудника полиции, так и его членов семьи. Утечку информации невозможно связывать исключительно с внешними угрозами, причинами распространения информации может также стать собственная невнимательность сотрудника полиции и халатное отношение к выполняемой служебной деятельности.

В целях противодействия распространению сведений о правоохранительных органах выработано множество средств и методов, а также система обеспечения технической защиты персональных данных сотрудника полиции, главной целью которой является защита и охрана от несанкционированного доступа к данным как личного характера, так и профессионального. Ведется строгий регистрационный учет, проверка электронных носителей, электронных баз, а также устанавливается криптографическая защита данных. Кроме того, периодически обеспечивается проведение контрольных мероприятий, направленных на обнаружение посторонних вторжений, а также проводится анализ уровня защищенности профессиональных сведений [3].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что на сегодняшний день в целях противодействия угрозам и вывозам, представляющим опасность для информационной безопасности сотрудников полиции, включенная в систему личной безопасности, ведется активная политика по нескольким направлениям. Имея весьма положительные результаты, все же существуют случаи несанкционированного распространения данных о правоохранительных органах как персонифицированного характера, так и профессионального. Безусловно, данные атаки являются следствием многих причин: низкий уровень защищенности, непроведение систематического контроля за обеспечения информационной безопасности, халатность и безответственность сотрудников полиции и др.

Разумеется, полностью искоренить данную проблему не представляется возможным, ввиду быстрых темпов технического прогресса, но обеспечить должный уровень защищенности и правосознания сотрудников ОВД возможно, поэтому в настоящее время данное направление является одним из приоритетных.

Пристатейный библиографический список

1. Завгородний Е. Н. Развитие системы обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел // StudNet. - 2021. - № 7. - С. 811-821.
2. Бакулин В. М. О некоторых аспектах обеспечения информационной безопасности сотрудниками органов внутренних дел // Научный портал МВД России. - 2018. - № 1. - С. 121-126.
3. Кобелева Н. А. Современные информационные технологии в правоохранительной деятельности // Молодой ученый. - 2022. - № 18. - С. 279-283.

МУЗАФИН Руслан Раянович

заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ВЫШТИКАЛЮК Владимир Федорович

доцент кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

НИКИФОРОВ Павел Васильевич

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ МВД РОССИИ

В статье раскрываются основные требования, предъявляемые к гражданину для поступления на службу в органы внутренних дел. Прежде всего это медицинские показатели человека, его физические качества, также у кандидата должен быть высокий уровень интеллекта, гибкость мыслительных процессов, творческое мышление, наблюдательность, умение прогнозировать, развитая интуиция и хорошая память, способность брать ответственность за судьбу другого человека.

Ключевые слова: общественный порядок, психологическая устойчивость, личные качества, правоохранительная деятельность, сотрудник полиции, закон, огнестрельное оружие.

MUZAFIN Ruslan Rayanovich

Deputy Head of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

VYSHTIKALYUK Vladimir Fedorovich

associate professor of Fire training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

NIKIFOROV Pavel Vasiljevich

senior lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul law Institute of the MIA of Russia

PROFESSIONAL QUALITIES OF A POLICE OFFICER OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article reveals the basic requirements for a citizen to enter the service of the internal affairs bodies. First of all, these are the medical indicators of a person, his physical qualities, and the candidate must also have a high level of intelligence, flexibility of thought processes, creative thinking, observation, the ability to predict, developed intuition and good memory. The ability to take responsibility for the fate of another person.

Keywords: public order, psychological stability, personal qualities, law enforcement, police officer, law, firearms.

Каждый человек хочет жить в мирной обстановке, в безопасной стране, для того чтобы ставить себе цели и реализовывать их. На это влияет не только личные качества человека, но и его семья, и общество в целом. Некоторые люди своими поступками посягают на общественный порядок, которые несут угрозу здоровью и жизни окружающим людям.

Для пресечения и предотвращения таких действия государство создало такой орган как полиция. Полиция – это совокупность федеральных исполнительных органов и служб, целью которых является охраной правопорядка и спокойствия граждан.

Правовой статус полиции регламентирован Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 года, Федеральным законом от 30.11.2011 «342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел».

В соответствии со статьей 1 ФЗ «О полиции» полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

Изучив задачи полиции, можно сделать вывод, что это сложная, ответственная, опасная и требующая хорошую физическую подготовку и теоретическое знание законодательства. На сотрудников полиции возложена большая от-

ветственность по обеспечению безопасности. Для реализации своих служебных обязанностей сотрудники полиции иногда ставят свою жизнь под угрозу, жертвуя собой и своим здоровьем мужественно сражаются с преступниками, стараясь не допустить новых преступлений и предотвратить начатые.

Для того чтобы стать сотрудником полиции необходимо пройти военно-врачебную комиссию, пройти курс обучения и обладать профессиональными качествами. Разберем, какой же должен быть сотрудник полиции?

Качества сотрудника можно классифицировать на несколько категорий.

Во-первых, это этические требования. Чтобы их не нарушить, необходимо изучить Приказ МВД России от 26 июня 2020 года № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». Этот нормативный документ поможет понять, как должен вести себя сотрудник полиции при контакте с гражданами. Рассмотрим основные положения.

Этические требования к сотруднику:

- рассматривать защиту жизни здоровья, прав, чести, личного достоинства и законных интересов граждан как высшую нравственную цель его служебной деятельности;
- признавать приоритет государственных и служебных интересов над личными, быть готовым к выполнению слу-

жебных обязанностей в особых условиях, перемещению в интересах службы;

– быть мужественным и решительным перед лицом опасности при пресечении правонарушителей, защите граждан;

– вести себя достойно и вежливо, вызывая доверие и уважение граждан к органам внутренних дел, готовность оказывать им содействие.

Во-вторых, профессиональные качества, к которым относится:

– профессиональные знания: теоретическое знание законов, нормативных актов и иных документов, регламентирующих служебную деятельность, знание своих полномочий, обязанностей и прав;

– профессиональные умения и навыки: включают в себя знание сотрудника боевых приемов для самообороны и удержания правонарушителя, высокий уровень интеллекта, гибкость мыслительных процессов, творческое мышление, наблюдательность, умение прогнозировать, развитая интуиция и хорошая память.

В-третьих, это деловые качества:

– организованность;

– ответственность и исполнительность;

– инициатива и самостоятельность решений и действий;

– результативность действий.

В научной статье Османов М. М. «К вопросу о личностных качествах сотрудников полиции» говорит о том, что В. Е. Петров затрагивает профессионально-значимые качества руководящего состава ОВД. Он отмечает следующие качества: владение новейшим психодиагностическим инструментарием, «нравственно-ценностные и эмоционально-волевые качества являются и частью профессионального портрета рядовых сотрудников ОВД [1].

Для того, чтобы соответствовать всем критериям необходимо изначально воспитывать в себе необходимые качества в характере, развиваться и достигать своих целей. Не все качества присущи человеку изначально. Их формирование и развитие - длительный и напряженный процесс, но это является необходимым условием профессионального становления сотрудника органов внутренних дел. Отсутствие или недостаточное развитие этих качеств личности сотрудника препятствует нормальному осуществлению им своих функциональных обязанностей, порождают ошибки в его деятельности, вызывают процессы профессиональной дезадаптации и профессиональной деформации личности. В этой связи большое значение приобретает профессионально-психологическая подготовка сотрудников, одно из предназначений которой - формирование у сотрудников данных качеств [2].

Однако, в течение работы в органах внутренних дел у многих сотрудников происходит профессиональная деформация. Профессиональная деформация – это процесс, в результате которого у человека появляются новые качества, а именно происходят изменения в его характере и поведении, отрицательно влияющие на выполнение служебной деятельности. Это явление можно наблюдать не только в органах внутренних дел, но и на любой другой работе. И так, рассмотрим, как же она проявляется и на что влияет.

Причины деформации различны:

– особенности рабочей деятельности, а именно связь сотрудника с криминальной средой. Одна из основных задач полиции выявлять преступников, а это прямой контакт с людьми, у которых в приоритеты нормы, противоречивые обществу и законы, иные ценности и идеалы. Из-за общения с такой категорией людей, в речи сотрудника могут появляться какие-либо фразы, характерные для тюремного и преступного мира;

– также к специфике деятельности относится доступ к государственной тайне. Здесь могут появиться непонимания и конфликты с близкими людьми, так как не все понимают какую ответственность может понести сотрудник из-за ее разглашения;

– ненормированный рабочий день, что приводит к усталости и эмоциональному выгоранию;

– постоянный контроль со стороны руководства и обязанность выполнять приказы вышестоящих лиц;

– переживание за людей, которые пострадали в результате противоправных действий преступника. Зачастую сотрудник может принимать какие-либо ситуации близко к сердцу и испытывать жалость, сочувствие людям. Ведь необходимо всегда оставаться с холодным рассудком, так как это влияет на психологическое состояние [3].

Проявление профессиональной деформации заключается в следующем:

– появление стремления руководителя к подавлению другого человека, если он не ограничивает свои полномочия;

– нетерпимость к иному мнению, исчезает умение видеть свои ошибки;

– негативные изменения личностных качеств, человек может стать более грубым, жестоким, ожесточенным, властным;

– изменение в речи, появление нецензурной брани и слов, характерных для населения с низким уровнем культурного развития.

Есть мероприятия, направленные на профилактику деформации, которые необходимо соблюдать, чтобы не допускать ее появления и дальнейшего развития. Так как качества, которые появляются, в результате этого процесса, негативно влияют на деятельность сотрудника [4].

Некоторые навыки можно приобрести только в процессе служебной деятельности, но следует стремиться как можно быстрее вникнуть в рабочую деятельность. Для того чтобы не допустить каких-либо несчастных случаев. Для стимуляции развития этих качеств, можно изучить специфики правоохранительной деятельности.

Специфика заключается в следующем:

– деятельность правоохранительных органов является разновидностью государственной службы и порядок ее прохождения законодательно закреплён, то есть действия сотрудников, их внешний вид, поведение должно соответствовать закону, что говорит о принципе законности;

– сотрудники имеют право на применение различных средств для воздействия на человека как при пресечении совершения противоправного действия, так и для профилактики их, например, такие как предупреждения, замечание, применение специальных средств, физической силы и огнестрельного оружия и именно от правомерности применения и точности стрельбы зависит жизнь не

только самого сотрудника полиции, но и других граждан. Поэтому практическим занятиям уделяется приоритетное внимание при изучении курсантами и слушателями образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее МВД России) такой дисциплины как «Огневая подготовка» [5];

– правоохранительная деятельность основана на принципах гуманизма, уважения прав человека и гражданина, гласности, публичности, неприкосновенности жилища и тайны переписки, справедливости, демократизма, равенства граждан перед законом;

– сотрудники наделены обширными властными полномочиями – в интересах дела сотрудникам предоставлено право в необходимых случаях вторгаться в личную жизнь людей, выяснять скрытые обстоятельства, входить в жилище граждан, ограничивать в необходимых случаях свободу отдельных граждан и даже лишать её. Применение сотрудником своих полномочий определяется высокой степенью ответственности, разумностью и правомерностью действий; характеризуется особой напряженностью. Умение разумно, законно пользоваться предоставленной властью – одно из важнейших профессиональных требований к сотрудникам ОВД;

– дефицит времени и наличие перегрузок в работе – оперативность и быстрота входят в число основных принципов профессиональной деятельности полицейского. Чем дальше преступник находится на свободе, тем больше у него возможностей для того, чтобы уйти от ответственности, уничтожить следы своей преступной деятельности, скрыться от следствия. Промедление ведет к неудаче.

С другой стороны, дефицит времени проявляется в необходимости соблюдения процессуальных и других сроков, которые отводятся на расследование уголовного дела, рассмотрение заявлений граждан и пр. Сотрудник постоянно находится из-за этого в напряженном состоянии;

– служебная деятельность связана с допуском к государственной тайне;

– также данная деятельность характеризуется экстремальностью – необходимость преодоления опасных ситуаций, устранение препятствий, которые специально создаются на пути сотрудника, вызывают различные эмоциональные реакции, требуют постоянного волевого напряжения и активной умственной деятельности. В условиях активного противоборства возникает необходимость постоянной сложной интеллектуальной работы, зашифровки своих целей, маскировки действительных социальных ролей, угрозой жизни и здоровью самих сотрудников, их психологическому состоянию.

Таким образом, можно сказать, что работа в ОВД является очень серьезной и ответственной, поэтому необходимо быть физически и психологически подготовленным человеком, для того чтобы успешно выполнять свои профессиональные обязанности.

Пристатейный библиографический список

1. Научная статья «К вопросу о личностных качествах сотрудников полиции» М. М. Османов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lichnostnyh-kachestvah-sotrudnikov-politsii/viewer> (Дата обращения: 12.12.2023).
2. Профессиональная подготовка полицейских: Учебник в 2 частях / В. А. Галицков, О. А. Зеленина, А. В. Коркин [и др.]. Том Часть 2. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Департамент государственной службы и кадров МВД России, 2017. – 472 с. – EDN URSUII.
3. Муртазин А. И. Морально-психологическая подготовка военнослужащих // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1 (104). – С. 344-345. – EDN XXRKWJ.
4. Профессиональная подготовка полицейских : Учебник в 4 частях для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / Р. В. Карамельский, В. Ю. Батулин, Д. А. Новохатский [и др.]. Том Часть 2. – Москва: Департамент государственной службы и кадров МВД России, 2020. – 360 с. – EDN TLAQMJ.
5. Музафин Р. Р., Никифоров П. В., Тен Н. А. Практико-ориентированный подход на занятиях по огневой подготовке // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 410-411. – EDN AKQAME.

ЯКУШЕВ Алексей Вадимович

преподаватель кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

КУЗЬМИЧЕВ Юрий Владимирович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ВИНОКУРОВ Виталий Николаевич

старший преподаватель кафедры техносферной безопасности Государственного аграрного университета Северного Зауралья, г. Тюмень

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ КАЛЬКУЛЯТОРОВ В ПОДГОТОВКЕ ВНЕШТАТНЫХ СНАЙПЕРСКИХ ГРУПП

В статье представлены результаты исследования, целью которого стало теоретическое обоснование эффективности предлагаемой технологии применения баллистических калькуляторов в подготовке внештатных снайперских групп МВД России. Представлен вариант модернизации традиционных методов и дидактических средств обучения, слабо коррелируемых с практикой применения инновационных информационных систем, способных устранить образовавшийся пробел в методико-педагогических аспектах обучения сотрудников внештатных снайперских групп. Выдвинутое предположение требует эмпирической проверки, однако уже на настоящем этапе исследования становится очевидной возможность применения результатов исследования в практике организации педагогического процесса с целью достижения и сохранения высокого уровня подготовленности сотрудников, слагаемыми которой являются профессиональные знания и снайперские навыки, в совокупности позволяющие решать задачи в разнообразных условиях сложившейся оперативной обстановки.

Ключевые слова: внештатные снайперские группы, профессиональные навыки, огневая подготовка, баллистические калькуляторы.

YAKUSHEV Alexey Vadimovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

KUZMICHEV Yuriy Vladimirovich

lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

VINOKUROV Vitaliy Nikolaevich

senior lecturer of Technosphere safety sub-faculty of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, Tyumen

USE OF BALLISTIC CALCULATORS IN TRAINING FREE SNIPER TEAM

The article presents the results of a study, the purpose of which was to theoretically substantiate the effectiveness of the proposed technology for using ballistic calculators in the training of freelance sniper teams of the Russian Ministry of Internal Affairs. An option is presented for modernizing traditional methods and didactic teaching aids, which are poorly correlated with the practice of using innovative information systems that can fill the gap in the methodological and pedagogical aspects of training employees of freelance sniper groups. The proposed assumption requires empirical verification, however, already at the present stage of the study, it becomes obvious that the research results can be applied in the practice of organizing the pedagogical process in order to achieve and maintain a high level of staff preparedness, the components of which are professional knowledge and sniper skills, which together allow solving problems in a variety of conditions the current operational situation.

Keywords: freelance sniper groups, professional skills, fire training, ballistic calculators.

Предпосылками для создания внештатных снайперских групп¹, по мнению большинства специалистов в области правоохранительной и научной деятельности, следует считать рост противоправной активности граждан, носящей террористический и экстремистский характер. В сложившейся ситуации актуализируются задачи, возложенные на данное внештатное подразделение, среди которых наиболее значимыми следует считать: отражение посягательств, сопряженных с опасностью для жизни или здоровья; пресечение террористической деятельности; отражение нападения на органы, организации и учреждения МВД России. Подготовка сотрудников, осуществляемая на основании заявок территориальных органов на базах образовательных организаций

в соответствии с примерной основной программой профессионального обучения, производится для достижения и сохранения высокого уровня их подготовленности, слагаемыми которого являются профессиональные знания и снайперские навыки, в совокупности позволяющие решать задачи в различных условиях сложившейся оперативной обстановки [1, с. 92].

Теоретическое осмысление проблемы исследования.

Применение современных видов стрелкового оружия позволяет сотрудникам внештатных снайперских групп достичь высоких показателей в результативности поражения цели на дальней и сверхдальней дистанции, преимущества которой заключаются в сложности фиксации противником снайперской позиции и возможности ее своевременной смены производящим выстрелы [2, с. 115]. Однако общепри-

¹ О внештатных снайперских группах органов внутренних дел Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 6 июля 2021 г. № 516. – Документ опубликован не был.

Рисунок 1. Результаты сопоставления традиционной и авторской технологии обучения снайперов внештатных групп с использованием баллистических калькуляторов

знанным фактом остается снижение кучности боя, что обусловлено воздействием множественности внешних факторов, оказывающих влияние на скорость и траекторию движения пули, что, в свою очередь, определяет необходимость учета сопровождающих параметров. Соответствующий расчет становится возможным благодаря применению ряда доступных программных средств – информационных систем, получивших название «баллистические калькуляторы» (одни из самых известных, например, «Стрелок», «Баллистический калькулятор Борисова»), использование которых выстроено на концепции представления расчетной точки (цели) в качестве материальной, игнорируя область распределения результативных выстрелов [3, с. 11].

На современном этапе образовательной практики подготовки внештатных снайперских групп выявлен ряд проблем, заключающихся в применении традиционных методов и дидактических средств обучения, слабо коррелируемых с практикой применения инновационных информационных систем, тем самым образуя пробел в методико-педагогических аспектах обучения [4, с. 223]. По мнению авторов настоящей статьи, названная проблема вполне решаема при использовании в подготовке внештатных снайперских групп метода программированного обучения (с включением компьютерных дидактических средств), т. е. современных систем средств педагогической коммуникации, организованной в границах конкретных организационных форм, представленных технологией обучения.

Результаты исследования.

В ходе разработки технологии, с опорой на накопленный информационный массив знаний в контексте затрагиваемых вопросов настоящего исследования, авторами был сформирован алгоритм ее проектирования, представленный в виде системно осваиваемых этапов: анализ компетентностной основы профессиональной деятельности с установлением содержания обучающего и контрольного материала; отбор организационных форм и подготовка средств обучения (баллистических калькуляторов); создание учебно-методической базы с разработкой сопровождающих процесс обучения материалов; разработка технологии обучения во взаимосвязи всех компонентов; апробация в ходе решения огневых задач и, в случае необходимости, коррекция технологии обучения. Технология обучения объединяет в себе ряд компонентов, в совокупности образующих структурно-функциональный каркас педагогического воздействия при подготовке внештатных снайперских групп с использованием баллистических калькуляторов: требования по овладению сотрудниками конкретных навыков; формы, режим, методики, педагогические приемы и технические средства обучения; психофизиологические и психомоторные способности обучаемых и квалификационный уровень преподавательского состава.

Технология обучения, объединяющая в себе совокупность вышеназванных компонентов, позволяет констатировать ее функциональные способности, соответствующие педагогической системе (проектирующей, конструктивной,

коммуникативной, организаторской, гностической, информационной и профессионально-формирующей), одновременно демонстрируя ряд различий с технологией, традиционно применяемой в образовательных организациях МВД России (см. рис. 1).

В ходе обучения реализация предложенной технологии обучения предусматривает активные взаимодействия в системе «преподаватель (инструктор) – информационная система (баллистический калькулятор) – сотрудник внештатной снайперской группы», в пространстве которой преподавателем устанавливается комбинация условий стрельбы, а сотрудником производится расчет числовых значений (расстояние до места цели, боковое отклонение, вызванное эффектом деривации, температурные показатели окружающей среды, скорость и время полета пули) в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Таким образом, баллистические калькуляторы предоставляют многоаспектную информацию, анализ которой позволяет продемонстрировать влияние на проведение точного выстрела, например, учета деривационных отклонений в зависимости расстояния до места цели, производить оперативный расчет угла, заключенного между линией прицеливания горизонтом оружия, называемого углом места цели, учитывать при расчете скорость ветра (попутного, встречного либо бокового), а также показатели отрицательной температуры воздуха при положительной температуре порохового заряда патрона [5, с. 159]. Все осуществляемые вычисления, включая вышеперечисленные аспекты, полагаем, должны использоваться в обучении сотрудников внештатных снайперских групп с соблюдением основных положений функционального подхода.

Заключение.

В рамках темы настоящего исследования, думается, стоит акцентировать внимание на эффективности применения баллистических калькуляторов для актуализации личностных качеств, составляющих неотъемлемый компонент подготовки снайперов. Кратко представленная технология организации подготовки сотрудников внештатных снайперских групп позволяет выдвинуть предположение о влиянии производимых в ходе обучения действий и методологического их обоснования, совмещенного с необходимыми вычислениями, на интеллектуальное развитие личности. Основываясь на результатах ранее осуществленных исследований, можно также выдвинуть предположение о воздействии через интеллектуальную сферу на мотивы и волю (эмоционально-мотивационный компонент) обучающихся.

Совокупность результатов, полученных в результате применения в образовательном процессе предложенной технологии обучения снайперов внештатных групп с использованием баллистических калькуляторов, взаимосвязанной с практикой освоения профессионально значимых навыков, способствует формированию профессиональных компетенций специалиста. Кроме того, применение технологии обеспечивает благоприятные условия для достижения высокого уровня индивидуальной подготовки сотрудников без утраты значимости навыков коллективных действий.

Пристатейный библиографический список

1. Гилев А. М., Корноухов М. Е. Подготовка снайпера. Отбор кандидатов в снайперские группы // Актуальные проблемы совершенствования навыков обращения с автоматом (карабином) у сотрудников правоохранительных органов: сборник материалов международного научно-практического семинара, проводимого в рамках XII ежегодного турнира им. М. Т. Калашникова по стрельбе из автомата (карабина) / Под общ. ред. С. М. Смолева (г. Рязань, Академия ФСИН России, 27 сентября 2018 г.). – Рязань: Академия управления и права ФСИН России, 2018. – С. 89-94.
2. Боклашов В. Н., Шпагин Ю. Б., Боклашов Н. М. Оценка степени рисков бойцов антитеррористического подразделения в условиях противодействия стрелков и снайперов террористических групп // Молодежь. Образование. Наука. – 2020. – № 1 (15). – С. 114-119.
3. Гагарин К. Е., Тумаков Н. Н., Гужвенко Е. И. Применение электронных тренировочных устройств в системе подготовки снайперов // Наука и образование XXI века: материалы X международной научно-практической конференции / Под ред. А. Г. Ширяева, А. Д. Кувшиновой (Современный технический университет, г. Рязань, 28 октября 2016 г.). – Рязань: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Современный технический университет», 2016. – С. 10-12.
4. Гужов Е. А., Ляшенко В. Н. Проблемы подготовки снайперов в подразделениях ОВД МВД России // Научно-методические проблемы подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел: сборник материалов VI межвузовской научно-практической конференции / Под общ. ред. Л. И. Тимошенко, С. Н. Кашина (Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, 5 апреля 2013 г.). – Ставрополь: Изд-во «Графа», 2013. – С. 219-223.
5. Левшин Р. Б. Некоторые вопросы полевой подготовки снайпера // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов: сборник научных трудов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2019. – С. 157-163.

АНИСИМОВ Сергей Леонидович

кандидат технических наук, доцент кафедры физики и радиоэлектроники Воронежского института МВД России

СИТНИКОВ Кирилл Алексеевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ»

Стремительное развитие научно-технического прогресса влечет за собой не только позитивные сдвиги в производстве, духовной жизни и т.д., но и некоторые негативные последствия. К числу последних относится и распространение преступности в сфере высоких технологий. Однако несмотря на это в современной юридической науке и практике до сих пор не выработано единого подхода к определению понятия «преступления в сфере высоких технологий». В статье анализируется содержание указанной категории, а также ее соотношение с «киберпреступностью», «компьютерными преступлениями», «преступлениями в сфере компьютерной информации». В качестве источниковой основы выступают как труды отечественных ученых, так и нормативные правовые акты, относящиеся к деятельности МВД России, а также ряд источников международного права. Выводы авторов визуализируются при помощи кругов Эйлера.

Ключевые слова: преступления в сфере высоких технологий, компьютерные преступления, киберпреступность, борьба с преступностью, Интерпол.

ANISIMOV Sergey Leonidovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Physics and radioelectronics sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

SITNIKOV Kirill Alexeevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory of state and law sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF «CRIMES IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGY»

The rapid development of scientific and technological progress entails not only positive changes in production, spiritual life, etc. but also some negative consequences. The latter include the spread of high-tech crime. However, despite this, modern legal science and practice have not yet developed a unified approach to defining the concept of «crimes in the field of high technology». The article analyzes the content of this category, as well as its relationship with «cybercrime», «computer crimes», «crimes in the field of computer information». The source basis is the works of Russian scientists, as well as normative legal acts related to the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as a number of sources of international law. The authors' conclusions are visualized using Euler circles.

Keywords: crimes in the field of high technology, computer crimes, cybercrime, fighting crime, Interpol.

Анисимов С. Л.

Ситников К. А.

В качестве одной из наиболее отчетливо прослеживаемых тенденций, характерных для современного этапа существования мирового сообщества, выступает стремительное развитие научно-технического прогресса. Именно информационные телекоммуникационные технологии, согласно Окинавской хартии глобального информационного общества, на данный момент являются системообразующим фактором, обуславливающим характеристику формирующегося в XXI веке общества. Их «революционное» воздействие касается всех сфер жизни людей: личных отношений, обучения, работы, государственной деятельности и т.д. Они же стимулируют дальнейшую позитивную трансформацию мирового общества¹.

Однако научно-технический прогресс детерминировал и ряд негативных последствий, в том числе социального характера [1]. Среди них – появление новой разновидности противоправных деяний, связанных с применением высоких технологий [2].

Так, согласно официальной статистике за 2023 год зарегистрировано 677 тысяч уголовно-наказуемых деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что почти на треть больше по сравнению с 2022 годом².

Несмотря на очевидную актуальность проблемы противодействия такого рода преступлениям, современная нормативная правовая база, а также труды ученых отличаются терминологической разнородностью в рассматриваемой сфере [3]. Так, наиболее распространенными терминами являются: «киберпреступность», «компьютерные преступления», «преступления в сфере компьютерной информации», «преступления в сфере высоких технологий» [1, с. 151].

С целью предпринять попытку по решению сложившейся проблемы проведем, в первую очередь, разграничение между

1 Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 52.

2 Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.02.2024).

понятиями «компьютерные преступления» и «преступления в сфере компьютерной информации» [2, с. 32-45].

Анализ работ отечественных ученых позволяет говорить о нескольких точках зрения по отношению к первому из них. Некоторые исследователи полагают, что подобных специфических в юридическом смысле деяний не существует вовсе. Объясняется это тем, что преступления не принято разделять в зависимости от того, какой вид технических средств применялся злоумышленником. Другие же убеждены, что указанная категория – один из элементов еще более крупной – информационных преступлений [4]. Согласно третьей точке зрения указанный термин нельзя использовать строго в уголовно-правовом значении. Вместе с тем он может быть полезен при криминологической характеристике преступника или совершенного деяния [5], [6].

Можно встретить работы, в которых понятие «компьютерные преступления» употребляются в качестве синонимичного «преступлениям в сфере компьютерной информации». В иных случаях оно применяется в отношении деяний, совершаемых в информационно-телекоммуникационной сфере (или информационные преступления). Кроме того «компьютерными» называют и преступления, которые могут совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети, против компьютерной системы или сети (киберпреступления) [2, с. 32-45], [7, с. 6].

В свою очередь, мы согласны с позицией Н. Н. Коротких и М. Д. Останина, согласно которой категория компьютерных преступлений шире по сравнению с преступлениями в сфере компьютерной информации [6].

Обусловлено это, в первую очередь тем, что первая категория деяний посягает не только на компьютерную информацию, но и на все остальные общественные отношения, связанные с применением соответствующих средств вычислительной техники. Исходя уже из этого получается, что первое из названных понятий включает в себя второе.

В рамках компьютерной преступности компьютер может выступать как в качестве предмета преступления, так и его средства. Однако перечисленные случаи не требуют специфического наименования и могут квалифицироваться по «традиционным» составам (ст.ст. 158, 159, 160 УК РФ и т.д.). В этой связи Н. Н. Коротких и М. Д. Останин указывают, что «единственные компьютерные преступления, которые выделяются в отдельную категорию, и есть преступления в сфере компьютерной информации» [6] (главой 28 УК РФ)³.

Схожий подход можно наблюдать в Соглашении Шанхайской организации сотрудничества, где в приложении 1 дается определение «информационной преступности», под которой согласно документу следует понимать «использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в противоправных целях»⁴.

Аналогичную терминологию можно встретить и в главе 30 («Преступления против информационной безопасности») раздела 12 Модельного уголовного кодекса государств СНГ⁵.

3 К ним относятся: ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей», ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», ст. 274.2 «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования». См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4 Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2023).

5 Модельный уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2023).

Не удивительно, что встречается изучаемый термин и в Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Согласно данному документу преступление в сфере компьютерной информации – это «уголовно наказуемое деяние, предметом посягательства которого является компьютерная информация». При этом, к компьютерной информации названный документ относит информацию, находящуюся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающуюся по каналам связи⁶.

Однако, по всей видимости категория «преступлений в сфере компьютерной информации» признается в качестве недостаточной на международно-правовом уровне на постсоветском пространстве. Подтверждается данный тезис принятым 28 сентября 2018 года в г. Душанбе Соглашением, направленным на противодействие «преступлениям в сфере информационных технологий»⁷.

Несколько труднее представляется дистинкция между понятиями «компьютерное преступление» и «киберпреступность»⁸.

Одно из первых определений на международно-правовом уровне второго из них было дано в 2000 году в рамках Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию [8]. К указанной категории преступлений по итогам проведенной работы было решено отнести все преступные деяния, «которые могут совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети. В принципе, оно охватывает любое преступление, которое может совершаться в электронной среде» [9, с. 19–20]⁹. То есть, первоначально под киберпреступностью подразумевались деяния, совершаемые в киберпространстве.

Примечательно, что в рабочих документах Конгресса можно встретить и термин «компьютерная преступность»¹⁰. Но постепенно он начал уходить на второй план. На последовавшем в 2005 году аналогичном Конгрессе ООН было предложено «по-иному сформулировать эту концептуальную модель, рассматривая преступления, связанные с использованием компьютеров, как запрещаемое законом и/или судебной практикой поведение, которое:

- направлено собственно на компьютерную сферу и коммуникационные технологии;
- включает использование цифровых технологий в процессе совершения правонарушения;
- включает использование компьютера как инструмента в процессе совершения иных преступлений, и, соответственно,

6 Модельный уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2023).

7 О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий: федеральный закон от 01.07.2021 № 237-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5065.

8 Международное сотрудничество в рамках Интерпола по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий: учебно-методическое пособие / А. В. Кинос, В. А. Колесников, К. А. Ситников [и др.]. – Воронеж, 2023. – С. 32-45.

9 Crime related to computer networks – Background paper for the workshop on crimes related to the computer network A/CONF.187/10 // United Nations Office on Drugs and Crime. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress//Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

10 Report of the Tenth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders A/CONF.187/15 // United Nations Office on Drugs and Crime. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/030_ACONF.187.15_Report_of_the_Tenth_United_Nations_Congress_on_the_Prevention_of_Crime_and_the_Treatment_of_Offenders_R.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

Рисунок 1.

компьютер выступает при этом как источник электронных процессуальных доказательств» [9, с. 19-20].

В Будапештской конвенции о киберпреступности от 2001 года не содержится определения базового термина, однако его подразделы 1-4 в совокупности с Первым дополнительным протоколом дают возможность выявить группы деяний, относящихся к киберпреступности. К первой из них относятся преступления, посягающие на компьютерных данные или системы (их конфиденциальность, целостность и доступность). Ко второй – правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств. В третью включаются деяния, связанные с содержанием компьютерных данных. Четвертая группа консолидирует правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав. К заключительной, пятой группе относятся акты расистского и ксенофобного характера, совершаемые с помощью компьютерных систем.

Примечательно, что в переводе документа, предоставленном Правовым управлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ термин «киберпреступность» ошибочно заменяется на «преступность в сфере компьютерной информации»¹¹.

Ошибочен и неофициальный перевод Конвенции, размещенный на официальном сайте Совета Европы, где уже вводится термин «компьютерная преступность»¹². Именно термин «киберпреступность» употребляется в деятельности Интерпола¹³.

11 Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.02.2024).

12 Конвенция о компьютерных преступлениях ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // Council of Europe. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 10.02.2024).

13 Cybercrime // Interpol. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 10.02.2024).

В связи со всем вышесказанным, наиболее удачным и применимым в современных отечественных условиях, на наш взгляд, является понятие «преступления в сфере высоких технологий».

Солидарен с нашей позицией и А. И. Фоменко, указывающий на необходимость введения подобной самостоятельной уголовно-правовой категории не только на национальном, но и международном правовом уровнях [10].

Вместе с тем в отношении рассматриваемого термина на данный момент в отечественной науке можно встретить массу противоречивых мнений.

Связано это, с одной стороны, с неоднозначным восприятием в обществе самой сферы высоких технологий (с точки зрения того, какие объекты в нее входят). С другой же стороны, это обусловлено стремительным научно-техническим развитием (появление сравнительно недавно блокчейна, искусственного интеллекта и т.д.), стремительного внедрения компьютерной техники и компьютерной информации в повседневную жизнь [11]. Сам термин «высокие технологии» по утверждению С. П. Кушниренко характеризуется своим стихийным научным формированием. Данное мнение представляется весьма справедливым с учетом вышесказанного.

Изучение отечественной юридической литературы позволяет говорить о различных подходах к определению «преступлений в сфере высоких технологий».

Н. Р. Шевко отмечает собирательный характер рассматриваемого понятия. По мнению автора, оно употребляется в тех случаях, когда речь идет о совершении «традиционных» для уголовного права деяний, сопряженных, однако, с применением информационных технологий. К подобным составам он относит 146, 159.3, 159.6 и 187 статьи УК РФ [12].

Можно встретить работы, в которых преступления в сфере высоких технологий приравниваются к деяниям, совершаемым с использованием телекоммуникационных сетей (в том числе Интернет) [2, с. 35-40].

Так, Д. К. Чирков и А. Д. Саркисян понимают под ними новые виды и способы совершения преступлений, возникшие в результате широкого распространения сети информационно-

телекоммуникационных сетей [13]. Л. А. Доровских [14] и А. А. Комаров [15] также не разграничивают основную часть рассматриваемых нами категорий.

Вместе с тем, термин «преступления в сфере высоких технологий» уже активно используется в международных соглашениях МВД России на протяжении сравнительно длительного периода. Так, сотрудничество по борьбе с указанной категорией преступности осуществляется между МВД России и Следственным комитетом Республики Беларусь в соответствии с соглашением, заключенным в г. Полоцк в 2018 году¹⁴. Значительное ранее, в 2001 году взаимодействие в предупреждении, выявлении, пресечении и раскрытии «преступлений в сфере высоких технологий, включая компьютерные преступления» было формально закреплено соглашением с Министерством общественного порядка Греческой Республики¹⁵.

Примечательно, что рассматриваемый термин можно встретить и в ведомственной нормативной правовой базе, в том числе, связанной с функционированием в системе МВД России НЦБ Интерпола¹⁶.

Вывести примерное определение «преступлений в сфере высоких технологий» можно вывести и из положений приказа МВД России от 31.03.2010 № 256: «компьютерные преступления, телефонное пиратство, мошенничество с помощью кредитных карт и банкоматов и другие виды преступлений в сфере высоких технологий»¹⁷.

Таким образом, на наш взгляд, преступления в сфере высоких технологий – обобщающее понятие совокупности уголовно-наказуемых деяний, совершенных с использованием (или в отношении) современных сложных технологий, относящихся к наукоемким отраслям производства или обслуживания [16, с. 18].

Закрепление подобного термина подразумевает его широкое понимание, которое не ограничивается конкретным способом совершения преступления или конкретным техническим средством (как, например, в случае с «компьютерным» преступлением). Данный аспект представляется принципиально важным в условиях стремительного развития высоких технологий в современном обществе [16, с. 18].

Различными могут быть и подходы к классификации исследуемой категории преступлений. Ввиду обобщающего характера данного понятия в определенной степени справедливо выделять разновидности преступлений в сфере высоких технологий по аналогии с киберпреступлениями по Будапештской конвенции или решению Конгресса ООН 2005 г. С другой стороны, основание для классификации закладывает уже приведенное нами выше положение приказа МВД России от 31.03.2010 № 256.

Таким образом, исходя из положений данного нормативного правового акта, а также изложенного нами ранее, полагаем возможным представить соотношение терминов «компьютерные преступления», «преступления в сфере компьютерной информации», «преступления в сфере высоких технологий» в виде следующего рисунка.

Объясняется это, в первую очередь тем, что не каждое компьютерное преступление посягает на информацию (как индивидуальное или общественное благо), а высокие технологии, в свою очередь, не исчерпываются компьютерными.

Пристатейный библиографический список

1. Мазуров В. А. Преступность в сфере высоких технологий: понятие, общая характеристика, тенденции // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300-1. – С. 151-154.
2. Международное сотрудничество в рамках Интерпола по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий: учебно-методическое пособие / А. В. Кирнос, В. А. Колесников, К. А. Ситников [и др.]. – Воронеж, 2023. – 80 с.
3. Никеров Д. М., Хохлова О. М. Преступления в сфере высоких технологий в современной России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 82-93.
4. Копылов В. А. Информационное право: вопросы теории и практики. – М.: Юрист, 2003. – С. 612–614.
5. Ляпунов Ю. И., Максимов В. М. Ответственность за компьютерные преступления // Законность. – 1997. – № 1. – С. 8-15.
6. Коротких Н. Н., Останин М. Д. К вопросу о соотношении понятий «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление» // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 69-77.
7. Попов А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. – СПб., 2018. – 67 с.
8. Бутусова Л. И. К вопросу о киберпреступности в международном праве // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 48-52.
9. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология: учебное пособие. – Москва, 2021. – 244 с.
10. Фоменко А. И. К вопросу об уголовно-правовой охране сферы высоких технологий как необходимого условия стабильного регионального развития // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2015. – № 1–5. – С. 217-222.
11. Аносов А. В. Использование технологии блокчейн в процессе формирования и учета криминологической информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т. 9. № 2. – С. 111-115.
12. Шевко Н. Р. Особенности раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и пути их решения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2016. Т. 1. – № 1 (1). – С. 13-16.
13. Чирков Д. К., Саркисян А. Д. Преступность в сфере высоких технологий: тенденции и перспективы // Национальная безопасность. – 2013. – № 1 (24). – С. 25-32.
14. Доровских Л. А. Преступления в сфере высоких технологий // Киберпреступность. – 2016. – № 4 (28). – С. 240-243.
15. Комаров А. А. О критериях общественной опасности, преступлений в сфере высоких технологий // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. статей IX междунар. науч.-практич. конф. – Пенза, 2017. – С. 243-245.
16. Аносов А. В., Кашапова Е. С. Понятие преступлений в сфере высоких технологий // Академическая мысль. – 2018. – № 4 (5). – С. 15-19.

14 Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Следственным комитетом Республики Беларусь (Полоцк, 18 сентября 2018 года) // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 10.02.2024).

15 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Греческой Республики о сотрудничестве Министерства внутренних дел Российской Федерации и Министерства общественного порядка Греческой Республики в области борьбы с преступностью (Афины, 6 декабря 2001 года) // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 10.02.2024).

16 Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: приказ МВД России № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 г. (в ред. от 22.09.2009 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 47.

17 Об утверждении Положения о системе научно-технической информации Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31.03.2010 № 256 (в ред. от 18.03.2021) // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 10.02.2024).

МУРТАЗИН Артур Ильгамович

заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЗАЙЦЕВ Андрей Геннадьевич

преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Барнаульского юридического института МВД России, г. Иркутск

КОВАЛЁВ Тимур Витальевич

преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России

ЗАЩИТА КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вследствие повсеместного использования новых информационных технологий появилась необходимость в более тщательном контроле за обеспечением информационной безопасности критических информационных инфраструктур, так как они являются основой обеспечения жизнедеятельности общества и государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, критическая информационная инфраструктура, информационная безопасность, киберинцидент.

MURTAZIN Artur Ilgamovich

Deputy Head of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ZAYTSEV Andrey Gennadjevich

lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

KOVALEV Timur Vitaljevich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

PROTECTION OF CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Due to the widespread use of new information technologies, there is a need for more careful control over the information security of critical information infrastructures, since they are the basis for ensuring the vital activity of society and the state.

Keywords: national security, critical information infrastructure, information security, cyber incident.

С каждым днем технологии все прочнее входят в нашу жизнь, становятся неотъемлемой ее частью. Плавность этого процесса позволяет нам не замечать, как происходит цифровизация окружающего мира, как многое из того, что вчера присутствовало в нашей жизни непосредственно, сегодня уже осуществляется с помощью машин и алгоритмов. Возможно, это и приводит к тому, что люди не готовы защищать себя в информационной среде, не просвещены в вопросах информационной безопасности и редко задумываются о последствиях своих действий в информационном пространстве.

Привлекать внимание стоит уделить значимым объектам критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ), которые являются фундаментом безопасности современного общества, то есть обеспечивают функционирование в самых необходимых сферах с точки зрения жизнеспособности и жизнеобеспечения граждан (здравоохранение, наука, транспорт, связь, энергетика и т.д.). Причинение КИИ ущерба может привести к разрушающим и необратимым последствиям для их безопасности, а исходя из того, что КИИ выступает связующим звеном между другими областями национальной инфраструктуры, это неизбежно приведет к негативным для них последствиям. К попадающим под данную категорию субъектам, по очевидным причинам, направлено более пристальное внимание и установлены более жесткие требования по обеспечению безопасности, однако остается открытым вопрос, насколько в современных условиях владельцы данных объектов и госучреждения к ним относящиеся готовы к усилению информационной безопасности в соответствии с постоянно повышающимися требованиями.

Несмотря на относительную правовую регламентированность информационной безопасности объектов КИИ различными федеральными законами и подзаконными актами

(указы Президента России, постановления Правительства России, приказы ФСТЭК России) инцидентов, связанных с утечкой данных и приостановлением деятельности различных предприятий, происходит все больше. Отчасти это связано с некорректным исполнением своих обязанностей субъектами КИИ или их безответственным отношением к собственной безопасности. По мнению Трунцевского Ю. В. главной причиной инцидентов информационной безопасности является отсутствие необходимого уровня защиты баз данных КИИ и недостаточный уровень организации безопасности в частных и общественных сетях [1].

Ежегодно увеличивается количество атак на критическую информационную инфраструктуру. Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ» исследовал вопрос кибератак и опубликовал свои результаты. Только за первые два квартала 2021 года количество атак на КИИ увеличилось на 150 % по сравнению с 2020 годом. К сожалению, как показывает статистика объекты КИИ, а именно промышленные предприятия и медицинские организации, а также важные государственные структуры наиболее часто подвергаются нападениям преступников [2].

Так, например, например, в феврале 2021 года произошла кибератака на городскую систему очистки воды в американском городе Олдсмар. Злоумышленник проник в систему очистки воды через приложение удаленного доступа и изменил концентрацию щелочи (гидроксида натрия) в питьевой воде в 100 раз, что опасно для жизни человека и может привести к серьезным последствиям. Жертвами могли оказаться 15 тысяч граждан, проживающих в городе, однако работник станции вовремя заметил изменения и понизил уровень щелочи до нормального. Сложно сказать какие цели мог преследовать преступник, однако последствия от его действий могли быть плачевными [3].

В мае того же года произошла атака на Национальную службу здравоохранения в Ирландии. Несмотря на серьезный ущерб службам здравоохранения и социальной помощи страны, правительство отказалось выплачивать выкуп злоумышленникам и начало самостоятельное восстановление системы и дешифровку данных, в частности службы экстренной помощи страны продолжали работать в штатном режиме [4]. Тем не менее, угроза, которую представляют для критических инфраструктур киберинциденты сложно недооценивать, в связи с чем необходимо разрабатывать эффективную политику по защите указанных инфраструктур.

Поскольку киберпространство развивается со стремительной скоростью, движимой частными компаниями, при обеспечении информационной безопасности необходимо быстро адаптироваться, чтобы иметь возможность понимать динамику цифровой трансформации. Ключевой областью, с которой сегодня сталкиваются разработчики национальной политики в области кибербезопасности, является защита сетей информационно-телекоммуникационных технологий, которые поддерживают предоставление критически важных услуг. Но им также необходимо развивать потенциал реагирования на инциденты на национальном уровне, который включает критически важные организации частного и государственного секторов, а также развивать расследование киберпреступлений и преследование их в судебном порядке. Эти области политики образуют базовый треугольник:

1. национальная кибернетическая система, способная защищать критически важные службы; борьба с киберпреступностью;

2. обеспечение реагирования на инциденты.

Для эффективного обеспечения безопасности критических информационных инфраструктур необходимо найти модель того, как организовать эти элементы в функционирующую и хорошо скоординированную национальную кибернетическую систему. Хотя все упомянутые области политики одинаково важны для национальной киберустойчивости, не всегда очевидно, где в разных странах находится центр реагирования на киберинцидент. Борьба с киберпреступностью обычно подчиняется министерству внутренних дел и судебной системе, которые вместе с правоохранительными органами возглавляют эту область политики. Из-за сквозного характера реагирования на киберинциденты страны нашли очень разные решения относительно того, где разместить эти возможности в рамках своего институционального ландшафта. В европейских странах национальный сертификат может принадлежать различным учреждениям, таким как регулирующий орган сектора телекоммуникаций, агентство информационных технологий, разведывательная организация, министерство внутренних дел, оборонная структура или кабинет министров. Некоторые страны создали специальное национальное кибер агентство, которое действует в качестве координационного центра для реагирования на чрезвычайные киберинциденты.

Способность бороться с киберпреступностью является вторым, не менее важным компонентом национальной киберполитики. Это предполагает определенный уровень законодательства для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих киберпреступления, а также способность собирать электронные доказательства и расследовать преступления в области высоких технологий. Основные задачи включают подготовку сотрудников полиции в качестве первых лиц, реагирующих на киберпреступность, принимая во внимание, что и традиционные преступления все чаще связаны с электронными доказательствами. Странам следует также обучать судей, прокуроров, следователей и другой судебный персонал инструментам борьбы с киберпреступностью. Все эти мероприятия зачастую являются дорогостоящими мероприятиями, требующими вложений как со стороны государства, так и со стороны частных предприятий (обучение основам информационной безопасности собственного персонала и обновление технического оборудования и программного обеспечения).

Очень важным элементом является отработка того, как реагировать на крупные кибератаки, в том числе включение

кибернетических аспектов в национальные учения по управлению кризисными ситуациями. Идеальный сценарий учений, направленных на отражение кибератак, будет охватывать как технические, так и стратегические аспекты принятия решений, в дополнение к инструктажам, которые проводятся в лабораториях только среди технического персонала. Хорошо проведенные учения позволят подготовить планы действий в чрезвычайных ситуациях и оценить готовность национальных критических информационных инфраструктур. Учения также проинформируют политиков о том, куда следует направить дополнительные инвестиции, например, на приобретение альтернативных средств связи.

Также необходимо включать кибернетические аспекты в планирование политики обороны и безопасности. Силы обороны страны должны быть в состоянии защитить себя и действовать в условиях кибератак; у них должны быть специализированные структуры реагирования на инциденты для смягчения последствий кибератак.

Стоит обратить внимание, что подготовка и просвещение в области кибербезопасности — это важная и при этом обширная область, которая включает в себя подготовку персонала ИТ-службы безопасности, а также информирование широкой общественности и руководителей о киберугрозах. Нехватка специалистов по ИТ-безопасности уже является критической, и многие правительства разрабатывают сложные механизмы для удержания наиболее талантливых сотрудников в области кибербезопасности в своей стране. Хорошим началом было бы включение элементов компьютерной безопасности и защиты информации во все учебные программы по ИТ параллельно с увеличением инвестиций на специализированное обучение по ИТ-безопасности и защите сетей. Финансирование прикладных и теоретических исследований в области компьютерных наук должно быть приоритетом, и следует поощрять междисциплинарные киберисследования для подготовки следующего поколения лиц, принимающих решения, и аналитиков.

Пристатейный библиографический список

1. Трунцевский Ю. В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // Журнал российского права. - 2019. - № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevernomernoe-vozdeystvie-na-kriticheskuyu-informatsionnyu-infrastrukturu-ugolovnaya-otvetstvennost-ee-vladelcev-i-ekspluatantov> (дата обращения: 18.09.2023).
2. Дуварова С. А. К. Проблемы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // E-Scio. - 2022. - № 7 (70). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-nepravomernogo-vozdeystviya-na-kriticheskuyu-informatsionnyu-infrastrukturu-rossijskoy-federatsii> (дата обращения: 18.09.2023).
3. Тайди Д. Хакер пытался отравить водопровод во Флориде. Жертвами могли стать 15 тыс. человек // BBC News 09.02.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-55996116> (дата обращения: 18.09.2023).
4. Трефилов В. Хакеры потребовали у ирландской медслужбы 20 миллионов долларов // РИА Новости 19.05.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210519/khaker-1733001501.html> (дата обращения: 18.09.2023).

ПОЗИЙ Виктория Станиславовна

кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России, г. Симферополь

ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМ НОВЫЙ ЗАКОН «О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»? (ЧАСТЬ 1)

В 2001 году был принят федеральный закон, регламентирующий государственную судебно-экспертную деятельность – Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Судебная и следственная практика сталкивается с множеством трудностей, связанных с производством судебных экспертиз. В статье осуществлена попытка систематизировать проблемы и недостатки упомянутого выше закона, регламентирующего деятельность судебно-экспертных учреждений, обеспечивающих производство экспертиз, и которые необходимо учесть для принятия нового закона «О судебно-экспертной деятельности».

Ключевые слова: федеральный закон, судебно-экспертная деятельность, эксперт, государственная и негосударственная экспертная деятельность, методика исследования.

Позий В. С.

POZIY Viktoriya Stanislavovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

WHY IS A NEW LAW «ON FORENSIC ACTIVITIES» NEEDED? (PART 1)

In 2001, a federal law was adopted regulating state forensic activity - Federal Law dated May 31, 2001 No. 73-FZ «On state forensic activity in the Russian Federation». Judicial and investigative practice faces many difficulties associated with the production of forensic examinations. The article makes an attempt to systematize the problems and shortcomings of the law mentioned above, which regulates the activities of forensic institutions providing examinations, and which must be taken into account for the adoption of a new law «On Forensic Expert Activities».

Keywords: federal law, forensic activity, expert, state and non-state expert activity, research methodology.

Одним из доказательств в Российской Федерации по уголовным, гражданским делам и другим делам, связанным с правонарушающими, является заключение эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74, ст. 80, 204 УПК РФ; ст. 55, 86 ГПК РФ и пр.). Следует отметить, что ни одно из перечисленных источников доказательств не вызвало и не вызывает столько споров относительно возможности и правомерности привлечения лиц, которые обладают специальными знаниями, их компетентности, методик исследования, обеспечения прав участников процесса и др. Исторически возникло много вопросов, кто, где и как может быть уполномочен предоставить такой документ. Более ста лет назад стали появляться кабинеты судебной экспертизы, затем институты научно-судебных экспертиз. Экспертные учреждения формировались и развивались в различных ведомствах и министерствах.

Однако, такое разнообразие экспертиз, ведомств требовало определенной систематизации в определении правовой основы, принципов организации, основных направлений судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. В 2001 году был представлен первый федеральный закон, регламентирующий государственную судебно-экспертную деятельность – Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» – (далее ФЗ № 73 «О ГСЭД»). Само название закона указывает на одно из конкретных направлений экспертной деятельности – государственную деятельность. Однако, как указано в ст. 41 ФЗ № 73 «О ГСЭД», в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации «судебная экспертиза может производиться как в государственных, так и вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами», на которых распространяется определенный перечень статей этого же закона.

По прошествии более 12 лет было выявлено множество проблем и недостатков при производстве экспертиз, не решенных ФЗ № 73 «О ГСЭД», и которые можно объединить в следующие группы.

1. Отсутствие единых стандартных методик исследования в рамках одной экспертизы. Исторически так сложилось, что эксперты одной специальности применяют разные методики. Если последние научно обоснованы и прошли процедуру утверждения, то эксперт имеет право выбрать по своему усмотрению ту, которая, по его мнению, наиболее целесообразна. Однако, судам и органам предварительного расследования преступлений приходится сталкиваться с ситуациями, когда экспертные заключения содержат противоположные выводы по результатам исследования одних и тех же объектов. Это связано не только с оценкой результатов конкретным экспертом, а и применением разных методик. Это очень большая и многоуровневая проблема. Так, не все эксперты имеют доступ и возможность применить более современные методики в виду отсутствия технической, финансовой возможности, а иногда и вовсе не владеют новой методикой. Наверное, должностным лицам, назначающим экспертизу, следовало бы иметь это в виду. Но возникает вопрос, кто может дать независимую оценку научной обоснованности применения той или иной методики. Законом этот вопрос не урегулирован [1].

Как следствие, необходима стандартизация методик экспертных исследований, определение возможности разработок и условий их внедрения. Как считают эксперты, «методики экспертиз до их использования на практике необходимо подвергать обязательной проверке на научную обоснованность, безопасность и эффективность в специальном государственном учреждении, к задачам которого следует отнести их разработку, апробацию, внедрение, утверждение и контроль за использованием» [1]. Этому может способствовать создание научных подразделений в структуре судебно-экспертных организаций и введение должностей научных работников в их штатные расписания, что предусматривается ст. 21 Поправок к проекту федерального закона «О судебно-экспертной деятельности» [2].

2. Отсутствие унификации терминов и определений, названий судебных экспертиз. Судам и предварительному следствию при назначении фактически одного и того же вида судебной экспертизы в постановлении (определении) необходимо указывать названия экспертиз в соответствии с приказами Минюста и

МВД РФ. Например, в приложении № 1 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 20 апреля 2023 года № 72 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» имеется «Техническая экспертиза документов» (исследование реквизитов документов; исследование материалов документов), а в приложении № 2 к приказу МВД России от 29.06.2005 № 511 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» такая же экспертиза называется «Технико-криминалистическая экспертиза документов» (исследование документов и их реквизитов, технических средств, использованных для их изготовления) [3], [4]. Наверное, следовало бы привести в соответствие тексты указанных выше приказов.

3. Ф3 № 73 «О ГСЭД» не обеспечивает равенство экспертов государственных и негосударственных экспертных учреждений, а также иных лиц, обладающих специальными знаниями. Об этом говорит даже название закона с указанием на государственную судебно-экспертную деятельность. Закон совсем не отражает права и обязанности привлеченных по инициативе следствия или суда экспертов, в чьи обязанности не входит производство экспертиз (научные сотрудники, преподаватели вузов и др.).

4. Статья 13 Ф3 № 73 «О ГСЭД». Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту, содержит норму, указывающую на то, что «должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы». Отметим, что в соответствии с требованием ч. 1 ст. 13 Ф3 № 73 «О ГСЭД» должность эксперта может занимать гражданин с высшим образованием и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности [5]. Поскольку закон принимался в 2001 году, в экспертных учреждениях системы МВД работало много экспертов, окончивших среднюю специальную школу милиции по экспертной специальности. Эта особенность была учтена в Ф3 № 73 «О ГСЭД», для экспертов МВД было сделано исключение. Однако, следует отметить, что это противоречит требованиям к должности «эксперт» согласно «Квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и других служащих» (утв. Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37), где сказано, что эксперты разных категорий должны иметь высшее профессиональное образование. Даже если такие сотрудники были в штате экспертных подразделений МВД, то они могли бы продолжить обучение и получить высшее образование. Обеспечение таких условий должно быть возложено на руководителей соответствующих подразделений. Видимо, имеет смысл пересмотреть редакцию этой нормы.

5. Возникают вопросы по поводу необходимости указания в тексте закона сроков проведения экспертизы, кто их устанавливает и по каким критериям. Так, в ст. 14 Ф3 № 73 сказано, что руководитель государственного судебно-экспертного учреждения обязан «обеспечить контроль за соблюдением сроков производства судебных экспертиз с учетом дат, установленных судами при назначении судебных экспертиз, полнотой и качеством проведенных исследований, не нарушая принцип независимости эксперта». Можно согласиться с тем, что в постановлении (определении) суда могут быть указаны сроки проведения экспертизы, однако экспертизы назначаются и при осуществлении предварительного расследования. Так, более корректной представляется формулировка, что руководитель судебно-экспертного учреждения «определяет сроки производства судебной экспертизы с учетом сроков, установленных органом (лицом), назначившим судебную экспертизу» [6].

6. В законе отсутствует процедура подготовки и критерии оценивания уровня компетентности экспертов, работающих вне государственных экспертных учреждений.

7. Много споров и предложений возникает по поводу необходимости создания единого реестра государственных экспертов. Необходимо определить условия, требования, перечень сведений об экспертах с обеспечением их прав.

8. Остаются вопросы по поводу оплаты работы экспертов в случае выполнения экспертизы даже если сторона, на которую судом возложена обязанность по оплате расходов, связанных с производством судебной экспертизы, отказывается осуществить оплату назначенной экспертизы до ее проведения (ст. 16 Ф3 № 73 «О ГСЭД») [5]. Таким образом, эксперт обязан выполнить экспертизу, не имея никаких гарантий, что ее оплата будет осуществлена. Необходимо прописать процедуру, гарантирующую получение такой оплаты.

9. В статье 39 «Информационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных учреждений» Ф3 № 73 «О ГСЭД» нет указаний на создание, условия хранения, порядок уничтожения различных информационных массивов в виде банков данных, коллекций, справочных данных и пр., без которых иногда невозможно производство экспертиз. Следует прописать в законе, в каких учреждениях, в каком виде все должно храниться; кто и на каких основаниях может иметь доступ к этим массивам.

10. Много споров ведется относительно обеспечения на практике независимости экспертов, работающих в государственных ведомственных экспертных учреждениях, от руководства, осуществляющего расследование преступлений. Звучат предложения по поводу выведения данных экспертных подразделений из подчинения ведомствам.

Таким образом, нами рассмотрен лишь ряд проблем и недостатков ныне действующего Ф3 № 73 «О ГСЭД». Представители судебной системы, адвокатских сообществ, экспертных организаций, юристы еще 10 лет назад способствовали подготовке проекта нового Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности», который был принят в первом чтении в ноябре 2013 года Государственной Думой. Однако вопрос принятия нового закона пока остается открытым. За это время многое изменилось, были внесены Поправки в проект нового закона, которые также требуют подробного изучения.

Пристатейный библиографический список

1. Недостатки в организации деятельности судебных экспертов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/nedostatki-v-organizatsii-deyatelnosti-sudebnykh-ekspertov/> (дата обращения: 17.02.2024).
2. Поправки к проекту федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», внесенному Правительством Российской Федерации, принятому Государственной Думой в первом чтении 20 ноября 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://srosvet.ru/press/news/221123/> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приложение № 1 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 20 апреля 2023 года № 72 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1301402797> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приложение № 2 к приказу МВД России от 29.06.2005 № 511 (с действующей редакцией) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/171f22ad9900f6b9d88242eab4a97f23c815fb19/ (дата обращения: 19.02.2024).
5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 19.02.2024).
6. Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2023 г. № 404. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/408323575/#block_1000 (дата обращения: 19.02.2024).
7. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12136633/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 19.02.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-429-430

ЧЕРНОЗЁМОВА Яна Вадимовна

аспирант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДЕМИДОВ Владимир Павлович

кандидат философских наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ В КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены основные направления деятельности Российской Федерации в рамках обеспечения национальной безопасности по противодействию международному терроризму. Проанализирована система правовых актов, регулирующих обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации, правовые основы противодействия Российской Федерации международному терроризму, исследуются понятия национальной безопасности и международного терроризма.

Ключевые слова: противодействие терроризму, национальная безопасность, международный терроризм, угроза национальной безопасности.

CHERNOZEMOVA Yana Vadimovna

postgraduate student of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

DEMIDOV Vladimir Pavlovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE MAIN DIRECTIONS OF COUNTERING INTERNATIONAL TERRORISM IN THE CONCEPT OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the main directions of activity of the Russian Federation within the framework of ensuring national security in countering international terrorism. The system of legal acts regulating the provision of national security in the Russian Federation, the legal basis for the Russian Federation's counteraction to international terrorism are analyzed, and the concepts of national security and international terrorism are explored.

Keywords: countering terrorism, national security, international terrorism, threat to national security.

В последнее время международное сообщество испытывает всевозрастающий натиск международного терроризма в различных его проявлениях. Террористические акты представляют все большую угрозу безопасности личности, общества, государства и требуют более эффективного порядка нормативно-правового регулирования. Развитие правоотношений в данной области носит длительный характер, с учетом опыта многих стран и с разной степенью успешности, в связи с чем необходимость законодательной инициативы крайне необходима как в теории, так и на практике.

По некоторым данным, термин «терроризм» впервые был использован Максимилианом Робеспьером — лидером Якобинского клуба во время Французской революции — для описания их собственных действий, заявив, что «Террор — это не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное». Проблема заключается в существовании в настоящее время во всем мире пары сотен различных определений терроризма, выведенных либо в результате международных и местных попыток принять универсальное определение, либо в соответствии с уже действующими национальными законами государств [1].

Для того чтобы определить какую угрозу несет в себе терроризм, необходимо определиться с понятием и содержанием термина «национальная безопасность», на которую, прежде всего, оказывает негативное влияние террористические посяательства. Понятие «национальная безопасность» впервые было законодательно закреплено в ныне утратившем силу федеральном законе 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации» [2]. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» на данный период времени является основным нормативно-правовым актом содержащий основные положения и направления деятельности по обеспечению национальной безопасности в

Российской Федерации [3]. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определено понятие национальной безопасности, исходя из которого национальная безопасность объединяет как оборону страны, так и государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности.

Одной из основных угроз защищенности субъектов национальной безопасности является террористическая деятельность. В подтверждение данного факта, исходя из приведенных выше определений, можно сделать вывод, что террористическая деятельность в любом своем проявлении несет за собой угрозу для состояния защищенности субъектов национальной безопасности, в подтверждение чего в базовом документе стратегического планирования, определяющем национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, в п. 44 одним из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности закреплено совершенствование правового регулирования предупреждения терроризма. В п. 47 предусмотрено создание механизмов по предотвращению негативного информационного влияния со стороны экстремистских и террористических организаций на общество для повышения защищенности граждан [4].

Негативное информационное влияние указанных организаций усугубляется сокрытием в современных условиях достоверной информации от гражданского общества. Предоставление недостоверной и ложной информации являются обычным явлением и представляют собой реальную угрозу национальной безопасности. И именно государство должно осуществлять обеспечение права граждан на информацию, поскольку через это право реализуется весь спектр всех ос-

новополагающих прав и свобод человека и гражданина, декларируемых нормами международного и национального права.

16 ноября 2013 года главой государства был утвержден основополагающий документ стратегического планирования, развивающий принципы системной антитеррористической политики – Концепция общественной безопасности в Российской Федерации – в тексте которого государственная политика в сфере национальной безопасности рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений, поэтому основные усилия по противодействию терроризму и обеспечению национальной безопасности направлены на решение сформулированных в ней, а также в рассматриваемой выше Стратегии, задач [5].

Основными угрозами, посягающими на общественную безопасность, которая представляет вид национальной безопасности, были озвучены чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, коррупция, незаконная миграция, высокий уровень преступности и, очевидно, данный список возглавляет терроризм и экстремизм. Данная концепция оценивает угрозу террористических актов на территории Российской Федерации на высоком уровне, масштабы последствий совершенных террористических актов, территориальное расширение террористической деятельности, а также активную деятельность международных террористических организаций на территории России, которые привлекают лиц, состоящих в экстремистских организациях, и оказывают им финансовую помощь и иную помощь, в том числе по обеспечению вооружения.

Целью данной концепции является регулирование взаимодействия органов власти с оперативными штабами и антитеррористическими комиссиями при совершении террористических актов. Совершение террористических актов, носит непредсказуемый характер и вносит дезорганизацию в действиях властных структур разного уровня.

Для эффективной деятельности, направленной на борьбу с террористической угрозой необходимо, по мнению А. Ю. Пиджакова, четкое понимание происходящего субъектами антитеррористической деятельности, внятное разделение полномочий между органами власти, своевременное осуществление ими действий, практически доведенных до автоматизма и ответственности государственных структур [7].

В рассматриваемой концепции приоритетными являются меры по профилактике терроризма с участием в данном процессе гражданского общества совместно с органами власти. В целях организации и координации деятельности по противодействию терроризму, осуществляемой федеральными, региональными и местными органами власти, а также антитеррористическими комиссиями и региональными оперативными штабами, оперативными штабами в морских районах (бассейнах) был создан Национальный антитеррористический комитет (НАК) – коллегиальный орган, состоящий из 23 участников, в том числе министров внутренних, иностранных дел, юстиции транспорта и т.д. [8]

8 августа 2023 года председатель НАКа А. В. Бортников провел очередное заседание национального антитеррористического комитета с участием генерального прокурора Российской Федерации и представителей органов исполнительной власти. В ходе своего доклада председатель НАК огласил выстроенную систему мер по защите, а также озвучены успешные результаты работы комитета, в том числе связанные с формированием системы защиты сети «интернет», препятствующей размещению материалов террористического и экстремистского характера. Анализ деятельности НАК позволяет сделать вывод о том, что в борьбе с терроризмом наряду с реализацией силовых мер особое внимание также уделяется и профилактическим мерам.

Национальная безопасность представляет собой один из наиболее значимых объектов террористической деятельности, но до сих пор в законодательстве Российской Федерации отсутствует закрепление дефинитивных норм в данной области, в связи с чем предлагается разработка нового федерального закона, всесторонне регламентирующего как понятие национальной безопасности, так и механизм его правового регулирования [9].

Одним из препятствий в борьбе с терроризмом является коллизия разработанных государствами в национальном законодательстве дефиниций для международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом. На основании чего, на

международном уровне необходимо ввести понятие «международный терроризм» и придать ему юридически обязательную силу международным договором универсального характера, как один из возможных вариантов – путем принятия давно уже обсуждаемой в мировом сообществе Всеобщей конвенции, посвященной борьбе с этим явлением, учитывая положения тринадцати ранее принятых секторных конвенций.

Чтобы миновать политику двойных стандартов и преодолеть противоречия в правовой оценке юридических актов при определении террористических угроз, целесообразно прилагать все усилия для унификации национальных законодательств заинтересованных государств в области противодействия международному терроризму в целях сближения правового регулирования разных стран по содержанию и юридической форме.

В связи с этим в качестве основной проблемы противодействия терроризму можно выделить обеспечение правовой защиты граждан от террористических посягательств, при одновременном соблюдении прав и свобод личности, гарантированных международными конвенциями. Для уничтожения терроризма, помимо формирования стабильных демократических политических систем, требуется выработка высокой политической и правовой культуры в обществе, четкое установление правовых санкций за деяния террористической направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Кулешов Р. В. Типичные следственные ситуации по делам о преступлениях в сфере экстремистской и террористической деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 4 (16). – С. 46-53.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2006. – № 31 (часть I). – Ст.3448.
3. О безопасности: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Российская газета. – № 295. – 29.12.2010.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
5. Пиджаков А. Ю., Байрамов Ш. Политическое насилие и международный терроризм: Монография. – LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2011. – 308 с.
6. Пиджаков А. Ю. Правовое регулирование борьбы с терроризмом в России в начале XXI века. – СПб.: изд-во СПбГПУ, 2010. – С. 320-326.
7. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685).
8. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму (вместе с Положением о Национальном антитеррористическом комитете): указ Президента Российской Федерации от 26.12.2015 № 664 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.12.2015. – № 52 (часть I). – Ст. 7591.
9. Волчечкая Т. С., Осипова Е. В., Авакьян М. В., Викторов А. А. Синергия цифровых технологий и графического моделирования в криминалистическом противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 431. – С. 215-222.
10. Кочои С. М. Противодействие терроризму: политика и право // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2018. – № 1. – С. 110-114.

ДЖАМАЛОВ Джабраил Магомедвалиевич

магистрант 2-го года обучения заочной формы кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ДЖАМАЛОВА Рашияханум Измутдиновна

магистрант 2-го года обучения заочной формы кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Актуальность для темы данной работы обусловлена тем, что проявление экстремизма является неотъемлемым атрибутом социальных процессов и преследует все человечество на протяжении всей его многовековой истории. На современном этапе развития общества, характеризующемся глобализацией, формированием огромного информационного пространства и появлением мощных деструктивных технологий, экстремизм становится проблемой, требующей уголовно-правовых последствий.

Современное российское общество переживает трансформацию ценностей, связанную с модернизацией социальной жизни. Процесс глобализации в экономической, политической и культурной сферах имеет такие последствия, как вовлечение людей из разных стран в миграционные потоки различного характера и уровня, усложнение структурных связей внутри отдельных обществ и сообществ в целом. Все эти факторы в той или иной степени стимулируют напряженность в межэтнических отношениях и сопровождаются межэтническими конфликтами. Цель работы: определить роль и значение экстремизма в обществе.

Ключевые слова: экстремизм, уголовное преследование, экстремистская деятельность, субъекты.

JAMALOV Dzhabrail Magomedvalievich

magister student of the 2nd year of correspondence studies of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

JAMALOVA Rashiyakhanum Izmutdinovna

magister student of the 2nd year of correspondence studies of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

EXTREMISM AND EXTREMIST ACTIVITIES

The relevance for the topic of this work is due to the fact that the manifestation of extremism is an integral attribute of social processes and has haunted all of humanity throughout its centuries-old history. At the present stage of development of society, characterized by globalization, the formation of a huge information space and the emergence of powerful destructive technologies, extremism is becoming a problem requiring criminal consequences.

Modern Russian society is undergoing a transformation of values associated with the modernization of social life. The process of globalization in the economic, political and cultural spheres has such consequences as the involvement of people from different countries in migration flows of various types and levels, the complication of structural ties within individual societies and communities as a whole. All these factors, to one degree or another, stimulate tension in interethnic relations and are accompanied by interethnic conflicts. The purpose of the work is to determine the role and significance of extremism in society.

Keywords: extremism, criminal prosecution, extremist activity, subjects.

На современном этапе развития общества ситуация в сфере противодействия экстремизму является достаточно серьезной. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, значительная часть респондентов воспринимает угрозу распространения экстремизма в России как серьезную [2]. В настоящее время экстремистские настроения растут среди различных групп населения, проживающих в разных странах мира.

Крушение идеологической парадигмы бывшего Советского Союза не устранило большинство социально-экономических противоречий в обществе. Более того, он способствовал росту таких опасных явлений, как сепаратизм, национализм, экстремизм и его крайняя форма - терроризм. Экстремизм (от латинского *extremus* – «крайний») представляется наиболее опасным из этих явлений, поскольку он «пересекается» с сепаратизмом, национализмом и фундаментализмом, придавая этим явлениям крайние формы возникновения и формируя

реальную угрозу личной, общественной и национальной безопасности.

В XXI веке экстремизм развивается эволюционно, усиливая свое влияние в большинстве сфер жизни человеческого общества, подрывая стабильность нашего нынешнего существования и уверенность в завтрашнем дне. Именно поэтому назрела острая необходимость в уточнении природы экстремизма и разработке понятийно-терминологического аппарата, который позволит определить исторические, социологические, политические, психологические, информационные, силовые и другие аспекты противодействия этому опасному явлению.

Феномен экстремизма насчитывает не одно столетие и затрагивает большинство сфер человеческой жизни. Экстремизм стал известен человечеству, когда власть над другими стала приносить определенные материальные блага и превратилась в объект желания отдельных людей, групп, движений и организаций.

Экстремизм не остановили ни моральные барьеры, ни традиции, ни общепринятые правила поведения, ни интересы других людей. Цель оправдывала средства, и жаждущие власти субъекты без колебаний использовали в своей деятельности самые жестокие и экстремальные средства, включая запугивание, открытое насилие и убийства. Экстремизм проявлялся в разные исторические периоды, в разных государствах и при любых, казалось бы, благоприятных социальных условиях.

В основе экстремизма лежит стремление либо к разрушению существующих систем государственно-правовых и общественных отношений, либо к их сохранению в неизменном виде. Например, великое римское государство столкнулось с экстремизмом в I веке, когда в Иудее появилась фракция сикариев (в переводе с иврита - кинжал или короткий меч), которая начала свою деятельность с убийства представителей иудейской знати, сотрудничавших с Римом. Некоторое время это государство было беспомощно перед негодяями. В Средние века представители асошафинов, секты ислама, убивали префектов и халифов. В Иране, Афганистане и других странах могущественные исмаилиты расправлялись с представителями мусульманской суннитской знати, используя совершенные методы физического устранения неудобных фигур.

Анализируя объективные и субъективные аспекты этого корпуса, в научной литературе выделяют следующие признаки экстремизма:

1. неприятие инакомыслия и нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, вероисповедных или иных);

2. попытка идеологического обоснования применения насилия не только против активных оппонентов, но и против всех, кто не разделяет убеждений экстремистов;

3. апелляции к известным идеологическим и религиозным учениям и претензии на их «истинное» толкование или «углубление» при фактическом отрицании многих фундаментальных положений этих учений;

4. доминирующее использование эмоционального воздействия в процессе пропаганды экстремистской идеологии, апелляция к эмоциям и предрассудкам людей, а не к их разуму;

5. создание харизматического образа лидеров экстремистских движений, стремление представить их непогрешимыми, а все их приказы - не подлежащими обсуждению.

Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует «свободу мысли и слова каждому. Не допускаются пропаганда и разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них».

Пункт 44 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» гласит: «Иностранные и отечественные подрывные силы пытаются использовать объективные социально-экономические трудности в Российской Федерации для стимулирования негативных общественных процессов, обострения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, манипулирования информационной сферой. Они стремятся использовать их в своих интересах. Не прекращается разведывательная и иная деятельность иностранных спецслужб и организаций, в том числе с исполь-

зованием подконтрольных им российских государственных органов и физических лиц. Международные террористические и экстремистские организации активизируют пропагандистскую работу, вербуют российских граждан, создают базы на территории России, пытаются вовлечь российскую молодежь в противоправную деятельность. Из всего этого можно сделать вывод, что существуют внешние силы, которые используют экстремистские организации для подрыва стабильной и благоприятной ситуации в Российской Федерации в своих целях [1].

Коснемся экстремизма с точки зрения международного права. С точки зрения современного международного права, все формы экстремизма как антиправового деяния одинаково опасны, поскольку способны нанести вред и представляют угрозу международному миру и безопасности, и все государства должны в равной степени стремиться противостоять этому злу. Поэтому очевидна необходимость актуализации международно-правового сотрудничества государств по противодействию экстремизму как угрозе международной, коллективной и национальной безопасности.

Наиболее опасный возраст для развития экстремизма - от 14 до 22 лет. Молодежь характеризуется нестабильностью нервных процессов и отчужденностью. Готовность к забастовкам и погромам повышается из-за низкой материальной обеспеченности молодых людей, что приводит к их участию в оплачиваемых акциях протеста как средству заработка¹.

Пристатейный библиографический список

1. Данилюк А. Л. Профилактика экстремизма в молодежной среде. – Текст: непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 21-24.
2. Фридинский С. Н. Понятие экстремизма и основные направления борьбы с ним. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 3. – С. 59-61.

¹ Данилюк А.Л. Профилактика экстремизма в молодежной среде / А.Л. Данилюк. – Текст: непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 21–24.

АМЕЛИЧКИН Артем Валерьевич

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности и педагогики Орловского государственного института культуры

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Автор исследования рассматривает патриотическое воспитание подрастающего поколения в учреждениях культуры. Совместное проведение досуга и общение, происходящее в учреждениях культуры в рамках реализации музыкальных культурно-досуговых программ, представляют собой уникальную среду, позволяющую оптимизировать процесс патриотического воспитания детей, подростков и молодежи. Изучен опыт реализации музыкального проекта «Ни шагу назад. История подвига», посвященного подвигу Советского воина в годы Великой Отечественной войны, а также подвигу современной Российской Армии и Флота, описан его педагогический потенциал в современном процессе патриотического воспитания подрастающего поколения. Доказана социально-культурная значимость применения музыкальных культурно-досуговых программ в патриотическом воспитании детей, подростков и молодежи в условиях учреждения культуры.

Ключевые слова: музыкальная культурно-досуговая программа, музыкальный проект, патриотическое воспитание, досуг, социально-культурная деятельность.

AMELICHKIN Artem Valerjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Social and cultural activities and pedagogy sub-faculty of the Orel State Institute of Culture

Амеличкин А. В.

PATRIOTIC EDUCATION OF THE YOUNG GENERATION IN CULTURAL INSTITUTIONS

The author of the study examines the patriotic education of the younger generation in cultural institutions. Joint leisure activities and communication that take place in cultural institutions as part of the implementation of musical cultural and leisure programs represent a unique environment that allows optimizing the process of patriotic education of children, adolescents and young people. The experience of implementing the musical project "Not a step back. The History of a Feat", dedicated to the feat of the Soviet warrior during the Great Patriotic War, as well as the feat of the modern Russian Army and Navy, describes its pedagogical potential in the modern process of patriotic education of the younger generation. The socio-cultural significance of the use of musical cultural and leisure programs in the patriotic education of children, adolescents and young people at cultural institutions has been proven.

Keywords: musical cultural and leisure program, musical project, patriotic education, leisure, socio-cultural activities.

В сложные моменты для нашей страны, когда на защиту рубежей встали российские доблестные воины, патриотизм стал той опорой, вокруг которой объединились социально активные представители нашего общества. Чувство патриотизма и гражданственности не возникает у человека само по себе, оно формируется в результате целенаправленного и длительного педагогического воздействия на человека с детства. Поэтому мы считаем необходимым, проводить активную работу патриотической направленности в учреждениях культуры. Проблема исследования вытекает из противоречия между потребностью общества в воспитании у подрастающего поколения патриотизма, гражданственности и отсутствием в практической деятельности учреждений культуры механизмов педагогического воздействия средствами музыкальных проектов.

Патриотическое воспитание рассматривают такие ученые как: А. А. Айвазян, Л. И. Аманбаева, С. С. Алексеев, А. А. Артемов, М. М. Бабаяев, А. В. Беляева, Р. С. Байниязов, А. В. Беляев, Л. Н. Боголюбов, В. А. Будаговский, Е. Е. Вяземский, Б. С. Гершунский, В. В. Гладких, А. Я. Камалетдинов, Н. В. Космачев, Т. В. Николаева, С. П. Поляков, А. В. Русецкий, В. В. Рябов, Н. А. Савотин и другие.

В научном анализе теории и практики социально-культурной деятельности автор исследования опирался на научные труды: Г. А. Аванесова, М. А. Ариарского, И. И. Воронина, Е. И. Григорьевой, А. Д. Жаркова, А. А. Коновича, А. С. Каргина, Ю. Д. Красильникова, Ю. А. Стрельцова, В. Я. Суртаева, Е. В. Тараторина, В. В. Чижикова, В. М. Чижикова, Н. Н. Ярошенко.

В современных социально-культурных условиях идея патриотизма является центральной и ключевой. Именно вокруг этой идеи должна сформироваться позиция современных детей и подростков, которая обеспечит способность и готовность молодых людей к активным действиям во благо Родины. Патриотическое воспитание – одно из важных направлений работы педагогов-организаторов учреждения культуры. Исследователь Т. В. Николаева в подтверждение этого отмечает, что «воспитание человека, готового встать на защиту своей Родины, желающего служить в армии, любящего свой родной край, – задача трудная,

но выполнимая, если каждый будет заинтересован и конечным результатом, и процессом работы» [9, с. 141]. Воспитание личности в целом немислимо без патриотического воспитания и является его составной частью. Патриотическое воспитание необходимо рассматривать во взаимосвязи с трудовым, нравственным, эстетическим, военно-патриотическим и физическим воспитанием. Процесс патриотического воспитания должен иметь четкую цель и проходить в комплексе с воспитательным и образовательным процессом. Он готовит подрастающее поколение к жизни, взаимодействию, труду и полноценному функционированию личности в обществе, к участию в социальной жизни государства.

Значимой сферой реализации социально-культурной деятельности является музыка. Исследователи Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников констатируют, что «она занимает одно из главных мест в подростковой, молодежной субкультурах. Преобладающее число форм молодежного досуга прямо или косвенно связано с восприятием музыки, удовлетворением музыкально-развлекательных потребностей» [5, с. 117]. В данном контексте, безусловно, значим педагогический потенциал музыкальных проектов, направленный на патриотическое воспитание. Современные учреждения культуры успешно осваивают новые виды деятельности. Среди них создание и реализация проектов и программ социально-культурной направленности. Проектная деятельность учреждений культуры представляет собой планомерное осуществление мероприятий, объединенных общностью идей и целей и направленных на решение определенных проблем [1], [2], [4].

Тема патриотического воспитания является сегодня важным элементом государственной политики, как на федеральном, так и на региональном уровнях. В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно акцентировал внимание на основополагающих смыслах патриотизма и патриотического воспитания для обеспечения благоприятного развития нашего государства и общества [3]. Во все века героизм, мужество воинов России, мощь и слава русского народа были неотъемлемой частью величия Российского государства. Легендарной славой овеяны великие собы-

тия русской военной истории. Любовь к Родине, к своему Отечеству является одной из основных российских ценностей. Россия гордится славными сынами, которые отстаивали независимость Родины испокон веков.

Патриотическое воспитание подрастающего поколения в учреждениях культуры нами будет рассмотрено на примере музыкального проекта «Ни шагу назад. История подвига», посвященного подвигу Советского воина в годы Великой Отечественной войны (далее ВОВ), а также подвигу современной Российской Армии и Флота.

Цель проекта: воспитание любви подрастающего поколения к исторической родине, а значит – патриотических чувств и в целом – формирование ценностной системы, обеспечивающей становление гражданственности и патриотизма.

Тема: о мужестве защитников Отечества в тяжелые для России времена.

Целевая аудитория: жители Брянской области.

Идея: Достойным защитником Отечества может стать только тот, чье сердце наполнено мужеством, любовью и верой.

Педагогическая цель: возбудить потребность в воспитании мужества в сердцах современного подрастающего поколения.

Конфликт: между долгом служить своей Родине и порицанием проходить воинский путь.

Авторы проекта:

Валентин Фирсов – поэт, композитор, певец. Автор идеи, музыки и слов данного проекта.

Бекренева Людмила Анатольевна – директор МБУК «ГДК Советского района», художественный руководитель Народной вокальной студии эстрадной песни «Созвучие», Почетный работник образования Российской Федерации.

Участники проекта:

1. Городской духовой оркестр г. Брянска (художественный руководитель и главный дирижер М. Н. Стурин). Особое положение в репертуаре занимают произведения, традиционные для духовой музыки. Это старинные марши, вальсы, польки, увертюры и пьесы так называемой «парковой» музыки. Такие программы не только воссоздают атмосферу старинной традиции, столь очаровывающей публику, но и служат великому делу воспитания и развития музыкального вкуса у самого широкого круга слушателей, всегда с благодарностью принимающих такие концерты и награждающих их самыми горячими аплодисментами.

2. Народная вокальная студия эстрадной песни «Созвучие» (художественный руководитель Л. А. Бекренева).

3. Русский народный хор (художественный руководитель Л. В. Тимошенко). Цель деятельности коллектива – пропаганда народного творчества, сохранение и развитие традиций хорового песенного искусства. Русский народный хор – постоянный и активный участник праздничных мероприятий городского и районного уровней. Сегодня репертуар хора насчитывает более 100 произведений самых разных музыкальных жанров. В основном это русские народные и современные лирические песни, популярные песни советских времен. Тематика песен разнообразна: многоликая любовь; красота природы и история родного края; героизм ветеранов Великой Отечественной войны; доблесть и бесстрашие строителей БАМа; православные праздники; человеческие отношения; сила характера русского человека и щедрость его души и т.д. Особое место в репертуаре составляют патриотические песни, посвященные родному краю.

4. Ансамбль народной песни «Раздолина» (художественный руководитель Л. В. Тимошенко). В его репертуар входят русские народные песни, фольклорные, патриотические, лирические, как с музыкальным сопровождением, так и а капелла. Ансамбль исполняет следующие песни патриотической направленности: «День победы» Д. Тухманова, «Дороги» А. Новикова, «Неизвестный солдат», «Малая земля» А. Пахмутовой.

5. Сергей Матвеев (уроженец пос. Дубровка, Брянской области) – поэт, композитор, автор-исполнитель в жанре русский шансон. В 1985 году написал первую песню и исполнил ее на выпускном вечере старшеклассников в школе. Это можно считать началом творческой деятельности. В дальнейшем были записаны альбомы: «Невыдуманный сюжет» (2005 г.), «Перемирие с душой» (2007 г.), «Зарекусь» (2009 г.), «Ночной мираж» (2011 г.), «Где любовь живет» (2013 г.), «Вот так» (2015 г.).

6. Ансамбль спортивного бального танца «Романтик» (художественный руководитель Ю. Карагодина). Актуальность программы связана с современными требованиями воспитания всестороннего развития ребенка с опорой на духовно-нравственное, гражданско-патриотическое воспитание, его интеллектуальное и физическое совершенствование,

формирование общей культуры. Обращение к народным традициям, концертные выступления, посвященные памятным датам календаря, влияют на формирование гражданской позиции и духовности [70].

Музыкальный проект «Ни шагу назад. История подвига» реализуется при поддержке: МБУК «ГДК Советского района», Управления культуры Брянской городской администрации, Городского духового оркестра, Комитета по делам молодежи, семьи, материнства и детства Брянской городской администрации, Управления образования Брянской городской администрации, Телерадиокомпания «Брянская губерния».

Музыкальный проект «Ни шагу назад. История подвига» с большим аншлагом прошел в следующих учреждениях культуры Брянской области: МБУК «ГДК Советского района» г. Брянска, МБУ ДК г. Клинцы, ЦКиД «Современник» г. Клинцы, МБУК «ГДК им. Д. Н. Медведева» г. Брянска, МБУК КДЦ им. А. П. Меньякина пос. Локоть Брасовского района [8].

Воспитывать чувство патриотизма, любви к Родине, к своему краю, знать и уважать историю страны, готовность к защите ее рубежей – это важнейшая актуальная тема сегодняшних дней. О героическом подвиге нашего народа в годы Великой Отечественной войны, о самопожертвовании во имя жизни рассказывает музыкальный авторский проект Валентина Фирсова «История подвига. Ни шагу назад». Музыкальный проект посвящен подвигу воинов в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также доблестному служению Родине солдат и офицеров армии и флота современной России. Данным проектом, его авторы и участники хотят укрепить гордость и уважение к современной Российской Армии и Флоту, к подвигу и доблести, проявленной в наши дни Российским воином [7].

Таким образом, «Ни шагу назад. История подвига» – музыкальный проект, посвященный патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Проект имеет важное социально-культурное значение, т.к. средствами музыкального искусства способствует формированию культурных, эстетических, духовно-нравственных ценностей участников и слушателей концертов, их гражданскому и патриотическому воспитанию и поддержке национального самосознания. Творческая оригинальность концертной части проекта заключается в знакомстве широкой аудитории с героическими событиями истории Российского государства сквозь призму истории музыкального наследия русского воинства.

Пристатейный библиографический список

1. Амеличкин А. В. Развитие организационно-управленческих способностей студенческой молодежи в рамках внеаудиторной деятельности // Образование и культурное пространство. - 2021. - № 1. - С. 7-13.
2. Амеличкин А. В., Усов А. В. Показ фильмов как средство патриотического воспитания // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 5 (180). - С. 421-423.
3. Владимир Путин «О патриотизме». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/27877> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Воронин И. И. Воспитательный потенциал музыкально-развлекательных программ как особого типа культурно-досуговых программ в учреждениях культуры // Образование и общество. - 2019. - № 2 (115). - С. 68-71.
5. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность: Учебник. - М.: МГУКИ, 2004. - 272 с.
6. Маркова Л. В., Шамина Л. В. Режиссура народной песни: методическое пособие. - М.: ВНИИЦ НТ и КИП, 1984. - 73 с.
7. МБУК «ГДК Советского района»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gdk32.ru/> (дата обращения: 05.02.2024).
8. «Ни шагу назад. История подвига»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--80aaakhqd3bd3duc.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.02.2024).
9. Николоаева Т. В. Гражданско-патриотическое воспитание как приоритетное направление системы воспитания // Качество профессионального образования: новые перспективы: материалы Межрегиональной научно-практической онлайн-конференции. - Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. - С. 141-148.

ГЛУБОКИЙ Владимир Анатольевич

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России, полковник полиции

ХАКИМОВ Эрик Ришатович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

МАРЧЕНКО Константин Сергеевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, майор полиции

БОЛОБАН Максим Леонидович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, капитан полиции

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВУЗОВ МВД РОССИИ

В настоящей статье рассмотрено различие интерактивных, пассивных и активных методов обучения в вузах системы МВД России. Авторы отмечают, что, несмотря на весомые преимущества, на сегодняшний день существует несколько потенциальных сложностей, с которыми могут столкнуться педагоги при применении интерактивных методов обучения. Отдельное внимание авторы уделяют особенностям применения метода деловой (ролевой) игры, кейс-метода, технологий виртуальной реальности и т.д. Авторы отмечают, что при применении интерактивных методов в образовательном процессе, решаются такие задачи, как: развитие общих умений и навыков, приобретение знаний, развитие коммуникативной компетентности, а также воспитательные задачи.

Ключевые слова: интерактивные методы, методы обучения, интерактивные технологии, обучение в вузе, метод деловой игры.

GLUBOKIY Vladimir Anatoljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Fire training sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

KHAKIMOV Erik Rishatovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

MARCHENKO Konstantin Sergeevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

BOLOBAN Maxim Leonidovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

THE USE OF INTERACTIVE TEACHING METHODS IN THE TRAINING OF CADETS AND STUDENTS OF UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article examines the difference between interactive, passive and active teaching methods in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The authors note that despite the significant advantages, today there are several potential difficulties that teachers may face when using interactive teaching methods. The authors pay special attention to the peculiarities of using the business (role-playing) game method, the case method, virtual reality technologies, etc. The authors note that when using interactive methods in the educational process, tasks such as: the development of general skills, the acquisition of knowledge, the development of communicative competence, as well as educational tasks are solved.

Keywords: interactive methods, teaching methods, interactive technologies, university education, business game method.

Стремительное развитие информационных технологий, обуславливает необходимость поиска новых технологий обучения, отвечающих современным реалиям. Интерактивные методы обучения являются эффективным инструментом развития множества различных навыков: от коммуникативных, до организационных. Использование ролевых игр, симуляций, групповые дискуссии позволяют будущим сотрудникам полиции формировать навыки в контролируемой среде. Такие методы также способствуют развитию эмпатии, умения разрешения конфликтов, принятия решений в условиях дефицита времени, быстро реагировать в экстремальной ситуации. В целом, интерактивные методы обучения помогают сотрудникам полиции приобрести и улучшить навыки коммуникации, которые критически важны для успешного выполнения профессиональных обязанностей.

Прежде чем приступить к более подробному изучению интерактивных методов следует отметить такие методы, как пассивный и активный.

Пассивный метод представляет собой «форму взаимодействия учащихся и преподавателя, в которой преподаватель является основным действующим лицом и управляющим ходом урока, а учащиеся выступают в роли пассивных слушателей, подчиненных директивам учителя. Связь преподавателя с учащимися в пассивных уроках осуществляется посредством опросов на уроке, самостоятельных, контрольных работ, тестов и т.д.» [2].

Активное обучение напротив, заключается в «создании педагогом условий, в которых учащийся сам будет открывать, приобретать и конструировать знания. Это является принципиальным отличием целей активного обучения от целей традиционной системы образования» [5].

Интерактивный метод, в отличие от активного и пассивного методов представляет собой особую форму взаимодействия, при котором «все обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания и совместного действия, в процессе которого каждый вносит свой индивидуальный вклад в виде идей, эмоций, действий. В результате происходит активный обмен знаниями, идеями, способами деятельности» [7].

На сегодняшний день существует множество различных подходов к пониманию термина «интерактивные методы» и «интерактивные технологии», однако большинство авторов отмечают, что интерактивные технологии начали приобретать популярность сравнительно недавно.

Согласно мнению ряда авторов, применение интерактивных методов обучения значительно повышает уровень усвоения знаний обучающимися. Как отмечено сторонником компетентностного подхода Т. Г. Мухтиной «высокий процент усвоения материала достигается, прежде всего, за счет одновременного или последовательного применения одновременно с традиционными методами интерактивных методов обучения, которые позволяют сформировать в процессе обучения в вузе составляющие элементы соответствующих компетенций, такие как знать, уметь, владеть» [1].

Возможности применения интерактивных технологий в вузах системы МВД России весьма широки. «Для будущих юристов особенно актуальны деловые игры в виде имитации судебных процессов. Выступая в качестве судьи, защитника, прокурора студенты наглядно видят свою будущую профессию и имеют возможность выбрать свою специализацию. Именно их эмоциональное отношение к профессии определяет, кем они станут в будущем, и в каком направлении им стоит развиваться» [3].

С помощью кейс-методов студенты-юристы легко осваивают теоретический материал, разбирают различные гипотетические ситуации, соотносят реальную жизнь с выдуманной проблемой. Это позволяет им применять аналитические и системные методы в решении проблем, вносит в обучение элемент загадочности, тем самым усиливая их интерес к изучаемой дисциплине [5, с. 72]. Создание ситуаций, в которых будущие сотрудники полиции смогут применить полученные знания и приобрести практический опыт, способствует более глубокому усвоению учебного материала.

Другие интерактивные методы обучения, такие как использование технологий виртуальной реальности, создание иммерсивной тренировочной среды, оборудование полигонов также могут быть полезны для развития профессиональных компетенций у сотрудников полиции.

Интерактивные методы возможно применять в сочетании с использованием информационно-коммуникационных технологий. Использование интерактивных онлайн-курсов и вебинаров также может дать будущим сотрудникам полиции возможность изучать учебный материал в удобное для них время. Интерактивные курсы могут включать в себя задания, тесты и обратную связь, способствуя активной вовлеченности курсантов и слушателей в процесс обучения.

Однако, несмотря на столь весомые преимущества, на сегодняшний день существует несколько потенциальных сложностей, с которыми могут столкнуться педагоги при применении интерактивных методов обучения в вузах системы МВД России:

1. Отсутствие необходимого технического оснащения. Некоторые интерактивные методы, такие как использование технологий виртуальной реальности или создание иммер-

сивных тренировочных сред, полигонов, могут требовать значительных инвестиций в оборудование.

2. Проведение занятий в интерактивной форме подразумевает тщательную подготовку необходимых материалов, создание всех необходимых условий для проведения занятия. При проведении практических упражнений и ролевых игр, особенно в отношении сотрудников полиции, важно обеспечить максимальную реалистичность сценариев, что может потребовать дополнительных ресурсов и подготовки.

Несмотря на сложности, внедрение интерактивных методов в процесс обучения сотрудников полиции может помочь обеспечить более эффективное формирование умений, знаний и навыков.

При внедрении интерактивных методов обучения в образовательный процесс, важно учитывать индивидуальные особенности обучающихся. Некоторые курсанты и слушатели лучше воспринимают информацию если она представлена в более традиционной форме, в то время как другие могут лучше усваивать информацию через более свободные формы взаимодействия и дискуссий.

Таким образом, использование разнообразных интерактивных методов обучения позволяет создать более гибкую и адаптивную систему обучения коммуникационным навыкам для сотрудников полиции, учитывая их потребности, особенности профессиональной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учеб. пособие / Сост. Т. Г. Мухина. - Н. Новгород: ННГАСУ, 2013.
2. Егшатаян М. И., Титова Е. Р. Интерактивные методы обучения // Евразийский научный журнал. - 2022. - № 6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-3> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Карачаев А. Р. Интерактивные методы правового обучения // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. - № 70-1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-pravovogo-obucheniya> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Корабоев М. Х., Бегимкулов Т. К., Муминов Х. А., Турдимуратов Б. К., Бегамова Н. Интерактивные методы обучения // Евразийский научный журнал. - 2018. - № 6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-2> (дата обращения: 19.02.2024).
5. Попова С. А., Баглаева Е. М. Использование интерактивных методик обучения бакалавров дисциплинам уголовно-правового цикла в Нижегородской Правовой Академии // Вестник Нижегородской правовой академии. - 2017. - № 13. - С. 70-74.
6. Фозилова М. А. Интерактивные методы обучения в вузе // Экономика и социум. - 2022. - № 9 (100). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-v-vuze> (дата обращения: 19.02.2024).

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье произведён анализ основных аспектов духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних осуждённых во время учебной деятельности на территории исправительного учреждения. Обращено внимание на широкие возможности интеграции религиозного образования в общий учебный процесс. Также рассмотрены особенности применения такого метода обучения, как групповые тренинги, которые оказывают положительное влияние на духовно-нравственное воспитание осуждённых.

Ключевые слова: осуждённый, мораль, духовные качества, религия, учебный процесс.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

ASPECTS OF THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES AMONG JUVENILE CONVICTS IN THE PROCESS OF EDUCATIONAL ACTIVITY

This article analyzes the main aspects of the spiritual and moral education of juvenile convicts during educational activities on the territory of a correctional institution. Attention is drawn to the wide possibilities of integrating religious education into the general educational process on the territory of correctional institutions. The peculiarities of using such a method of education as group trainings, which have a positive effect on the spiritual and moral education of convicts, were also considered.

Keywords: convict, morality, spiritual qualities, religion, educational process.

Подростки, совершающие преступления и попадающие в исправительные учреждения для отбывания наказания, находятся в усложнённых условиях воспитания. Эта усложнённость обусловлена тем, что подростки, не завершив свою социализацию в нормальных условиях в полной мере, меняют привычную среду. Среда исправительных учреждений более требовательна к подросткам, так как в случае осуждения последних, ставится одна единая цель – исправление преступника. Эта цель не предусматривает развития положительных качеств подростка в том понимании, которое подразумевается в гражданской среде. Гражданская среда поощряет индивидуализм, творчество и самовыражение каждого. Воспитательные условия в учреждениях уголовно-исполнительной системы направлены больше на формирование у подростка чувства общественной ответственности и коллективизма, а также привычки оценивать последствия своих действий заблаговременно. Очевидно, что осуждённый за совершение преступления подросток имеет сниженный уровень социальной ответственности и духовно-нравственные ценности, не соответствующие общепринятым понятиям морали. Поэтому перед сотрудниками УИС стоят важные задачи – перевоспитать осуждённого, закрепить в духовно-нравственной модели положительные качества, которые будут способствовать его ресоциализации. Основным инструментом перевоспитания осуждённого на территории исправительного учреждения является учебная деятельность. Далее мы остановимся на аспектах того, как в ходе образовательной деятельности возможно привитие правильных духовно-нравственных ценностей несовершеннолетним осуждённым.

Подросток, который попадает в места отбывания наказаний, зачастую имеет разного рода проблемы образовательного характера. Многие характеризуются острым недостатком знаний и их необходимо дополнительно обучать, другая часть может иметь общее школьное образование, но ещё не получила профессиональные навыки и т.д. Таким осуждённым необходимо дополнительное образование,

предоставление которого – прямая обязанность государства. Для решения вопросов образования в воспитательных колониях организуется единый учебно-воспитательный процесс, который регламентирован ст. 141 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и является обязательным к исполнению. Воспитательная работа, учебный процесс и подготовка к трудовой деятельности подростков являются комплексной деятельностью по ресоциализации осуждённых и подготовке их к выходу на свободу [4, с. 83].

Образовательный процесс является прекрасной возможностью для перевоспитания подростков. Именно в ходе его реализации воспитатели могут решить проблемы, связанные с духовно-нравственными показателями осуждённых. Эти показатели очень важны, так как непосредственно влияют на множество других факторов, которые могут обусловить особенности коммуникации с конкретным человеком. Духовно-нравственные ценности определяют интересы осуждённого, его характер, методы общения, желание меняться и уступать, взаимодействовать и сотрудничать. Корректируя ценности подростка, воспитатель корректирует его личность в целом [5, с. 68].

Прекрасным инструментом духовно-нравственного перевоспитания осуждённых является взаимодействие со священнослужителями. Несмотря на то, что Российская Федерация является светским государством и навязывание религии в государственных учреждениях является недопустимым, мы рассмотрим этот вопрос с другой стороны. Религия, фактически, является прекрасным моральным руководством для жизни. Религиозные правила проверены временем и проповедуют добрые намерения. «Не убей, не укради, почитай отца и мать своих, не лжесвидетельствуй» – это лишь часть из основных нарративов, которые имеются в религиозных догмах. В России роль религии сильна, однако нельзя отрицать, что интерес к церкви со стороны молодёжи значительно снизился. Учитывая нынешние тенденции в гражданском обществе, возможна попытка повысить интерес к изучению

религии у несовершеннолетних осужденных. Ожидается, что обучение религии может стать полноценной частью учебно-воспитательного процесса в исправительных колониях и укрепить в осужденных их положительные моральные качества и приумножить их [3, с. 219].

Тем не менее, нельзя забывать о том, что религия не может навязываться никому из граждан РФ (в том числе и тем, кто осужден). Этот запрет напрямую связан со статьёй 28 Конституции Российской Федерации, в которой указано, что каждому гарантируется свобода вероисповедания. Поэтому те осужденные, которые не желают изучать религию, не должны подвергаться принудительному навязыванию таких занятий. Следовательно, возникает необходимость в составлении отдельных программ воспитания духовно-нравственных ценностей для всех осужденных. Стоит признать, что в этом направлении ведётся активная работа воспитателей в исправительных колониях. Коррекция духовно-нравственных ценностей осужденных является одним из важных направлений работы воспитателей [2, с. 88].

Большинство программ перевоспитания осужденных подростков действительно являются эффективными. Обусловлено это тем, что подростки не являются сформированными личностями. Они, будучи в несовершеннолетнем возрасте, имеют лишь приобретённый набор качеств, ценностей и мировоззренческих взглядов, который характеризует их на данный момент. С дальнейшим взрослением большинство из имеющихся установок меняется или усугубляется (всё зависит от жизненной ситуации, в которой находится подросток). Поэтому коррекция духовно-нравственных ценностей подростка – это вполне осуществимая задача.

Болдырева О. Е., Бугакова Т. М. и Полосина Ю. А. предлагают свою собственную программу коррекции духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных. Данные авторы полагают, что одним из наиболее перспективных средств такой коррекции является социально-психологический тренинг. Это связано с тем, что в ходе тренинговой работы изменяются установки на девиантное поведение, повышается самооценка, формируются навыки принятия решения, стимулируются процессы самоопределения и развития ценностей. Также в ходе тренинга формируется способность ставить цели, отстаивать свои интересы и изменять себя и окружающей ситуации. Тренинговая работа способствует развитию ценностно-смысловой сферы подростков, вступивших в конфликт с законом, а именно, формированию представлений об общечеловеческих ценностях, определению ценностей и их влиянию на построение жизненных планов и перспектив.

В коррекционно-развивающей работе используются лекции, беседы, дискуссии, тестирование, психологические упражнения, анализы различных ситуаций. Следует отметить, что такие занятия строятся на принципе недирективного межличностного взаимодействия психолога и подростка и направлены на активацию внутренних ресурсов развития его личности. На первом этапе проводится психодиагностика для определения склонностей подростков, а также изучение ценностных и смысловых ориентаций. На втором этапе проводится непосредственно тренинговая работа, которая направлена на развитие ценностно-смысловой сферы подростков, вступивших в конфликт с законом. На третьем этапе выполняется повторная диагностика ценностных и смысловых ориентаций подростков. Анализ результатов занятий демонстрирует положительную динамику изменений и эффективность реабилитационного процесса. Подростки, прошедшие курс занятий с педагогом-психологом, реже совершают повторные правонарушения. У несовершеннолетних повышается способность к саморегуляции, целеполаганию, самопознанию, снижается уровень тревожности. В процессе коррекции личностных особенностей происходит включение несовершеннолетних в позитивную деятельность и общение. К концу реализации указанной программы было заметно, что многие подростки начинают задумываться о своём поведении, переосмысливают свои поступки [1, с. 73].

Проанализировав исследование Болдыревой О. Е., Бугаковой Т. М. и Полосиной Ю. А., мы можем согласиться с

тем, что метод групповых тренингов действительно является одним из наиболее эффективных способов перевоспитания несовершеннолетних осужденных. Эффективность метода подтверждается тем, что в группе проще меняться. Подростки, налаживая друг с другом контакт, под контролем воспитателей приобретают новые нормы поведения, которые не были характерными для них, но являются общепринятыми. При помощи тренингов возможно избавление от маргинальных качеств каждого из осужденных и привитие тех качеств, которые помогут ему в дальнейшей жизни в гражданском обществе – они будут способствовать налаживанию социальных контактов, карьерному росту, построению семьи и т.д. [7, с. 427].

Проведённое исследование указывает на то, что современный учебный процесс в исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников активно развивается и способствует налаживанию взаимодействия с представителями различных общественных институтов. Можно сделать вывод, что эффективным способом духовно-нравственного перевоспитания подростков может стать религиозное воспитание, которое представляет из себя моральное руководство для большого количества граждан. В случае, если осужденный не изъявляет желания изучать религию, возможно создание различных воспитательных программ, интегрированных в учебный процесс. Так, было установлено, что одним из наиболее эффективных способов воспитательного воздействия во время учебного процесса является проведение групповых тренингов. Групповые тренинги позволяют под контролем воспитателя формировать в несовершеннолетних новые качества и ценности, которых им не доставало до совершения преступления. Пройдя курсы таких тренингов, подросток после освобождения из исправительного учреждения будет иметь необходимый набор духовно-нравственных качеств, необходимые ему для построения нормальной жизни, в которой не будет места криминальному поведению.

Пристатейный библиографический список

1. Болдырева О. Е., Бугакова Т. М. Социально-психологическая коррекция нравственных ценностей подростков, вступивших в конфликт с законом // Вызовы новой реальности в образовании и науке. – 2020. – С. 71.
2. Зорина Н. С. Формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 01–02 июня 2023 года. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. – С. 87–88.
3. Иерей А. и др. Воспитательные возможности духовно-нравственного просвещения несовершеннолетних осужденных // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. – 2020. – С. 218–223.
4. Кузнецова И. А. Учебно-воспитательный процесс как основа формирования нравственной устойчивости несовершеннолетних осужденных // Пенитенциарная социально-психологическая работа: проблемы и перспективы. – 2019. – С. 82–87.
5. Майстренко Г. А. Нравственное воспитание как одно из направлений воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных // Право и практика. – 2017. – № 3. – С. 68–72.
6. Царькова Е. Г., Зорина Н. С. Детерминанты преступности несовершеннолетних и особенности личности несовершеннолетнего преступника // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11 (186). – С. 427–428.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-439-442

КУРАПИНА Екатерина Валерьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и педагогики, декан Факультета социально-культурной деятельности Орловского государственного института культуры

СОЛОУХИНА Евгения Владиславовна

начальник отдела поддержки молодежных проектов и инициатив БУОО «Орловский областной центр молодежи «Полет»», преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и педагогики Орловского государственного института культуры

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются перспективы реализации волонтерского потенциала Орловской области. Авторами отмечаются общие черты понятия «волонтерство», а также ключевые характеристики волонтерской деятельности. Дается описание Дорожной карты «Стандарт поддержки волонтерства в Орловской области» – как наиболее эффективной формы развития волонтерской деятельности. – Авторы анализируют проблемы, возникающие на пути реализации развития волонтерского движения в Орловской области. Приводят результаты и выводы исследования, проведенного среди жителей Орловской области, зарегистрированных на портале «Добро.ру». В статье подробно представлена разработанная авторами программа «Волонтеры культуры» и основные мероприятия, реализованные в рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура».

Ключевые слова: гражданское общество, социальная активность, волонтеры, волонтерское движение, дорожная карта, программа «Волонтеры культуры».

KURAPINA Ekaterina Valerjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Socio-Cultural activities and pedagogy sub-faculty, Dean of the Faculty of Socio-Cultural Activities of the Oryol State Institute of Culture

SOLOUKHINA Evgeniya Vladislavovna

Head of the Department of Support for Youth Projects and Initiatives of the «Oryol Regional Youth Center Polet», lecturer of Socio-cultural activities and pedagogy sub-faculty of the Oryol State Institute of Culture

REALIZATION OF THE VOLUNTEER POTENTIAL OF THE OREL REGION: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article discusses the prospects for realizing the volunteer potential of the Oryol region. The authors note the general features of the concept of «volunteering», as well as the key characteristics of volunteer activity. The description of the Roadmap «The standard of support for volunteerism in the Orel region» is given as the most effective form of development of volunteer activity. The authors analyze the problems that arise in the way of implementing the development of the volunteer movement in the Orel region. The results and conclusions of a study conducted among residents of the Orel region registered on the portal are presented. The article presents in detail the program «Cultural Volunteers» developed by the authors and the main activities implemented within the framework of the federal project «Creative People» of the national project «Culture».

Keywords: civil society, social activity, volunteers, volunteer movement, roadmap, Cultural Volunteers program.

Наиважнейшим признаком развития гражданского общества является создание государством условий для роста социальной активности молодежи. Появление большого числа добровольческих формирований сегодня дает возможность рассматривать их как реальную социальную силу, имеющую все основные черты синергетической системы. «В данной системе субъектами деятельности являются: с одной стороны, организаторы процесса; с другой – активные участники проекта» [1, с. 216].

Волонтерство является распространенным социальным феноменом, привлекающим внимание исследователей разных областей знаний. Существует множество подходов к определению понятия «волонтерство». Общими чертами данных подходов являются добровольность, безвозмездность, ориентация на решение социальных проблем. Волонтерство выполняет важные социальные функции, как на уровне общества, так и на уровне личности, способствует формированию гражданского обще-

ства, реализации гуманистических ценностей, личностно-му росту волонтеров.

Международными экспертами по вопросам волонтерства и социального развития были выделены ключевые характеристики волонтерской деятельности: она должна быть некоммерческой, добровольной согласно личной воле индивида и приносить пользу не только самому волонтеру, но и другим лицам или обществу в целом [2].

«Волонтерство выражается в разных формах гражданского участия, осуществляющихся добровольно на благо конкретной категории граждан, нуждающихся в помощи, с целью улучшения условий их жизнедеятельности без расчета на денежное вознаграждение» [4, с. 304].

Исходя из идей М. Хайдеггера, можно утверждать, что волонтерство как социальная практика обладает «раскрывающим» характером, то есть оно способно формировать и воспроизводить идентичность волонтера. Эта идентичность в значительной степени формируется через участие в обще-

Курапина Е. В.

Солоухина Е. В.

ственных организациях и движениях, и она имеет важное значение для волонтеров, так как помогает им почувствовать свою принадлежность к этим организациям. Присоединяясь к ним, волонтеры принимают цели, достижения и масштабы деятельности организации и начинают идентифицировать их как свои собственные [1].

Одной из форм по развитию и поддержке волонтерства является Дорожная карта. В регионах России сейчас активно ведётся работа по разработке Дорожной карты по развитию добровольчества в регионе.

В Орловской области в 2021 году создан Совет по развитию добровольческой деятельности и поддержки НКО, в который входят представители всех общественных волонтерских объединений.

С марта 2023 года членами Совета разрабатывается дорожная карта развития добровольческой деятельности – «Стандарт поддержки волонтерства в Орловской области».

В Орловской области регулярно проводятся программы подготовки по приоритетным направлениям поддержки добровольческой деятельности, а также поддержаны программы подготовки, осуществляемые организаторами добровольческой деятельности в регионе.

Но на данный момент существуют и проблемы такие как.

1. В регионе не выделены в отдельное направление поддержки проекты СО НКО, направленные на вовлечение граждан в добровольческую деятельность, поддержку деятельности добровольческих объединений, популяризацию добровольчества и благотворительности, информирование общества о деятельности в сфере добровольчества и благотворительности. В регионе есть система поддержки НКО – это субсидии Правительства Орловской области на развитие творческих, научных, добровольческих проектов. Но нет отдельного конкурса для волонтерских организаций.

2. Недостаточное количество мероприятий, направленных на популяризацию добровольчества, в том числе презентации, лекции на базе добровольческих центров и организаций, фестивали, выставки и форумы. В регионе проходят Школы волонтеров отдельных волонтерских объединений и всего лишь один Форум «Доброволец», который объединяет все волонтерские объединения.

3. Отсутствие общей системы поощрения волонтеров от регионального к федеральному уровню. На данный момент в регионе проводится два региональных конкурса среди участников добровольческой деятельности, разрабатывается положение о Знаке «Почетный доброволец Орловской области». Если на региональном уровне данный вопрос начал меняться в позитивную сторону, то поощрение федеральными наградами волонтеров сейчас практически не происходит.

Наряду с данными вопросами, существует проблема привлечения к волонтерской деятельности молодежи от 16 лет до 18 лет и создания заинтересованности педагогических работников в участии их воспитанников в социальных акциях. Данная проблема является одной из самых основных, так как именно со школы идет привлечение детей к добровольчеству, в более старшем возрасте молодежь труднее привлечь к волонтерству, если они раньше не принимали участие в данном виде полезной деятельности.

В рамках разработки дорожной карты нами было проведено 2 исследования. Первое – «Оценка состояния развития добровольческого движения в Орловской области» и второе – «Выявление мнения учителей и других педагогических работников о волонтерстве среди обучающихся». Второе исследование является целевым, т.к. направлено именно на потенциальных участников волонтерского движения в сфере культуры.

В исследованиях приняли участие жители Орловской области, зарегистрированные на портале «Добро.ру» в возрасте до 14 до 35 лет в количестве 3789 человек.

По итогам исследования нами были сделаны следующие выводы:

– принимали участие в добровольческих (волонтерских) акциях 81,2 % опрошенных. Женский пол чаще принимает участие в добровольческих мероприятиях (59,28 %);

– 26,7 % являлись организаторами добровольческих мероприятий. Среди опрошенных, участвовавших в волонтерской деятельности 73,3 % респондентов не выступали сами организаторами добровольческих мероприятий. Такое распределение вполне оправдано, поскольку на одного организатора приходится примерно три участника мероприятий. В зависимости от уровня образования, чаще всего организаторами добровольческих мероприятий выступают волонтеры, имеющие высшее образование уровня бакалавриат (28,1 %) и уровня магистратура и специалитет (27,27 %);

– во всех образовательных организациях молодежь участвует в добровольческой деятельности в той или иной форме;

– среди внутренних инфраструктурных барьеров для развития добровольческой деятельности существующих в их образовательной организации 46,7 % педагогов назвали барьеры, возникающие при взаимодействии структурных подразделений учреждений;

– 42,3 % опрошенных педагогов видят барьеры в ресурсной обеспеченности для развития волонтерской деятельности в их образовательной организации в отсутствии спонсорской помощи;

– по мнению 35,7 % опрошенных педагогов отметили, что преодолеть барьеры в развитии добровольческой деятельности в их школе (лицее, гимназии и др.) помогли бы программы, направленные на обучение организации волонтерства в образовательной организации;

– педагоги и учащиеся отметили, что в качестве практик добровольчества, которые они хотели бы развивать в образовательной организации, выступают благотворительные ярмарки и концерты. Так считают 60,8 % опрошенных респондентов;

– большинство опрошенных педагогов хотели бы принять участие в социально-значимом проекте по вовлечению своих воспитанников в волонтерскую деятельность;

– 76,26 % молодежи принимали участие в добровольческой (волонтерской) деятельности, мероприятиях.

– большинство опрошенных респондентов сказали, что в их образовательной организации есть волонтерский отряд, объединение;

– около 50 % опрошенных респондентов считают, что в качестве нематериального поощрения, которое, могло бы простимулировать их к занятию волонтерской деятельностью, выступает возможность посещать культурные и спортивные мероприятия;

– около 50 % опрошенных респондентов считает, что наиболее привлекательной формой волонтерской деятельности для них является организация и проведение мероприятий.

По итогам данного исследования можно отметить, что культурное и событийное волонтерство привлекает внимание молодежи.

Помимо дорожной карты развития добровольчества есть чек-лист реализации молодежной политики в регионах, где так же рассматриваются проблемы организации волонтерской деятельности. По чек-листу в Орловской области должен быть реализован в полной мере следующий показатель – создание коворкинг-центров «Добро. Центров» в вузах и ссузах, открытых в рамках социальной франшизы «Добро. Центров» (Действующие коворкинг-центры «Добро. Центров», занимающиеся развитием социальных и гражданских инициатив в рамках федеральной франшизы). На данный момент не создано ни одного подобного центра.

Следовательно, если новый разработанный стандарт развития волонтерской деятельности как эффективного средства формирования гражданской позиции молодежи будет поддержан Правительством Орловской области, будут устранены проблемы, с которыми сталкиваются руководители и участники волонтерских объединений, волонтерская деятельность в нашем регионе сможет развиваться в новом ключе, в более профессиональном направлении. Статус «Доброволец – Волонтер» не будет означать бесплатную силу, массовку, а приобретет право голоса и реальную государственную поддержку.

На территории Орловской области функционирует порядка 250 волонтерских и добровольческих объединений. Это общественные региональные организации, студенческие и школьные отряды, добровольческие свободные объединения. Такие организации как: Волонтеры Победы Орловской области, Волонтеры – медики, Всероссийский студенческий корпус спасателей, Центр поиска пропавших людей, Красный крест, Волонтеры культуры и многие другие выполняют свои определенные цели и задачи, но при этом активно сотрудничают друг с другом.

Региональное общественное движение Всероссийского общественного движения «Волонтеры культуры» является самым молодым движением не только в регионе, но и в России.

В рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» разработана программа «Волонтеры культуры», которая направлена на обеспечение поддержки добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации, включая деятельность по сохранению исторического облика малых городов.

РО ВОД «Волонтеры культуры» в Орловской области официально стали вести свою деятельность с 2020 г. На данный момент это самое динамично развивающееся движение в регионе с программой развития и творческой школой. Возраст участников Движения от 13 лет до 51 года.

Работа Движения осуществляется в рамках устава Всероссийского общественного движения «Волонтеры культуры» и региональной программы развития Движения «Развитие добровольчества в сфере культуры в Орловской области». На сайте «Добро.ру. Волонтеры культуры» зарегистрировано 2890 человек, все добровольцы имеют электронные волонтерские книжки. Годовой план работы Движения составлен с учетом федеральных мероприятий. Основные федеральные мероприятия – акции «Декламируй» и «Он же памятник!».

Проект «Он же памятник!». В рамках проведения акции «Всероссийский день заботы о памятниках истории и культуры», направленной на популяризацию бережного отношения к историческому и культурному наследию путем проведения массовых субботников на территориях объектов культурного наследия с предварительной экскурсией или лекцией, Всероссийское общественное движение добровольцев в сфере культуры «Волонтеры культуры» проводит специальный проект «Он же памятник!». Задача спецпроекта «Он же памятник!» – сохранить культурное наследие России, а также привлечь внимание к его реставрации и использованию по назначению, популяризировать охрану памятников и привлечь новую аудиторию к волонтерству в сфере охраны памятников истории и культуры. Руководитель регионального отделения привлекает блогеров региона, которые самостоятельно выбирают и снимают короткие видео (рилсы) про памятники истории и культуры в их городе или области.

Акция «Декламируй». Ежегодно Всероссийское общественное движение «Волонтеры культуры» совместно с Ассоциацией волонтерских центров проводит акцию, приуроченную ко Дню русского языка, который отмечается по всей России 6 июня, в день рождения поэта А. С. Пушкина Акция проходит в различных форматах: «Культурный квиз» – интеллектуально-развлекательная игра, которая состоит из нескольких раундов о культурном наследии народов России; Специальный проект «Кулинарные пристрастия писателей и поэтов» – этот формат предполагает изучение информации о гастрономических пристрастиях любимых авторов и запись видеоролика с процессом приготовления блюда; Специальный проект «Зачем твой дивный карандаш?» (цитата из стихотворения А. С. Пушкина, посвященное возлюбленной А. А. Олениной, не ответившей ему взаимной симпатией), необходимо проиллюстрировать сюжеты из произведений А.С. Пушкина и снять видеоролик с художественным процессом, озвучить его в виде декламации строк из стихотворений, поэм и сказок автора, а после поделиться в социальных сетях.

В годовой региональный план мероприятий входят следующие проекты и мероприятия:

– *Интеллектуальная игра «#МЫВМЕСТЕ»*. Игра специально разработана для гражданско-патриотического молодежного форума и является ежегодной площадкой форума. Игра направлена на популяризацию знаний о волонтерских организациях, которые функционируют на территории Орловской области.

– *День учителя Орловского муниципального округа*. В мероприятии принимают участие руководители сферы образования, директора, педагоги Орловского муниципального округа. Вручаются Правительственные и Региональные награды.

– *Проект «Этно-лето»*. Третий год в регионе успешно реализуется данный проект в сфере культуры. В 2023 году акцент был сделан на гастрономическую составляющую. На протяжении полугода команда проекта старалась показать всю красоту народных традиций, погружая участников проекта в песенный фольклор, народные танцы и знакомство с локальными традициями народной кухни Орловской области.

– *Благотворительный забег #ПОБЕРЕГУ*. Второй год волонтеры культуры являются со-организаторами забега. Благодаря проекту в Парке Победы появилась детская инклюзивная игровая площадка. В 2022 году волонтерский корпус начинал 60 волонтеров, в 2023 г. – 137 человек.

– *Концертные программы «Вызываем вдохновение»*. Концерты, посвященные Дню города, которые организованы Волонтерами культуры. Участники Движения сами режиссируют концерты, пишут сценарии, ведут данное мероприятие. С 3 по 5 августа проходит 5 – 6 концертов на различных открытых площадках города Орла (парки и скверы).

– *Концертная программа «День России в Детском парке»*.

– *Международный фольклорный праздник «Троицкие хоры в орловском Полесье»*. Второй год Волонтеры культуры являются партнерами данного мероприятия. Участники проводят мастер-классы, работают на сцене, ведут тематические площадки, занимаются навигацией.

– *День Защиты детей*. Ежегодное календарное мероприятие, которое проходит в форме квестов, квизов, концертных программ и т.д.

– *Ярмарка молодежных инициатив*. На данном мероприятии Волонтеры участвуют в интерактивной выставке и проводят концерт – открытие ярмарки.

– *Ежегодная региональная премия «Большое дело»*. Премия для волонтерских объединений и физических лиц, которые вносят большой вклад в добровольческую деятельность на территории Орловской области.

Также реализуются мероприятия, которые идут вне плана работы Движения. Например, Молодежный региональный медиа-форум, Бал студии исторического танца «Дворянское гнездо», проект «Время читать», фестиваль «Читающая улица», Форум «Мода на русское», футбольные матчи ФК «Орёл», Всероссийский фестиваль «Русское лето», Фестиваль «Тургеневский бережок», открытие тематических выставок, съемки фильмов, «Велодень», концертные программы и т.д.

Одним из важных факторов развития волонтерской организации является наличие социальных партнеров и партнерских мероприятий. С каждым из партнеров заключается договор о сотрудничестве, в котором обговариваются способы и методы взаимодействия и совместной работы. На данный момент у волонтеров культуры 216 социальных партнеров с которыми заключены договора о сотрудничестве.

Программа рекрутинга кандидатов в волонтеры направлена на выявления одаренных и талантливых молодых людей и построение их индивидуальных траекторий развития через участие в волонтерской деятельности. Кроме того, данная программа направлена на повышение качества отбора волонтеров, привлекаемых к организации различных культурно-деловых мероприятий, проводимых на территории Орловской области и, как следствие, повышение общего уровня организации данных мероприятий.

По итогам проведения собеседования рекрутер не только получает информацию об уровне сформированности общекультурных компетенций рекрутируемого, но и на основании специальной методики формирует рекомендации по дальнейшему саморазвитию и самообразованию рекрутиру-

емого. Кроме того, формируются рекомендации по типам мероприятий и видам функциональной деятельности, в которых рекрутируемый может проявить свои качества лично-сти наилучшим образом. Таким образом, данная программа позволяет выстроить индивидуальную траекторию развития личности будущего волонтера.

Волонтеры культуры Орловской области реализуют образовательные программы, направленные как на развитие общих компетенций волонтеров и управленческого состава, так и специальных программ, направленных на подготовку добровольцев к участию в конкретных мероприятиях, проводимых на территории региона. В данном направлении реализуется проекты Школа волонтеров культуры «АРТ-ЛИДЕР» и Школа «Наставники.2.0», которые направлены на повышение качества подготовки волонтеров. Они имеют модульный принцип построения и благодаря этому добровольцу, принимающий участие в данной программе, может самостоятельно или с помощью наставника выстраивать свою индивидуальную траекторию развития через волонтерскую деятельность.

Основная цель программ – осознанность деятельности каждого добровольца. Эта цель красной нитью проходит через создание и реализацию обучения для волонтеров, тим-лидеров, менеджеров, рекрутеров, администраторов.

Организаторами регулярно используются разнообразные формы нематериальной мотивации волонтеров, такие как:

- мероприятия Движения выставляются в процессную и проектную деятельность, они суммируются и оформляются в балльно-рейтинговую систему. Баллы начисляются за участие в проектах, за все мероприятия, в которых участник принимает участие от организатора до волонтера;

- возможность участия в профильных конкурсах с сопровождением руководителя Движения на всех этапах конкурса;

- награждение лучших волонтеров благодарственными письмами, благодарностями и грамотами Губернатора Орловской области, Правительства Орловской области, администрации города Орла и т.д.;

- публикации в СМИ о проектах с упоминанием лучших волонтеров;

- помощь, рекомендации при поиске работы;

- стажировки и участие в международных мероприятиях и форумах в составе делегации от Орловской области;

- благодарственные письма от партнеров;

- учет баллов за добровольческую деятельность: 2 балла при поступлении в университеты и институты России.

- почетные грамоты, благодарственные письма, почетные знаки от Волонтеров культуры Орловской области.

В Орловской области, впервые на региональном уровне руководителем была создана дополнительная система разделения работы по направлениям: культурная экология; патриотическое направление; детские мероприятия; спортивное направление; сотрудничество с общественными организациями и объединениями.

Волонтеры культуры Орловской области – это около 20 % (участники разных вокальных и театральных студий, хореографы, фотографы и так далее). А остальные 80 % – это волонтеры, которые не имеют отношения к культуре, но они высоко мотивированы приносить пользу обществу. В основной Совет регионального движения входят работники культуры с теоретическими и практическими знаниями и навыками.

По каждому из пунктов программы региональный руководитель ежегодно отчитывается в федеральном отчете «Мониторинг развития движения в регионах». На съезде Волонтеров культуры выбирают 10 самых активных регионов, которые получают возможность федеральной поддержки.

Деятельность РО ВОД «Волонтеры культуры Орловской области» строится на плане развития самого движения, который создается на базе федерального плана с дополнениями. Каждый регион сам решает, какие дополнительные направления работы включать в их карту развития. Так же, благодаря тому, что руководитель Движения принимает активное участие в разработке Дорожной карты развития доброволь-

чества в Орловской области и является практиком, все предложения апробируются на Волонтерах культуры.

В 2023 году на встрече с Губернатором Орловской области А. Е. Клычковым Волонтерами культуры было выдвинуто предложение о проведении Ежегодного конкурса «Доброволец года», т.к. данный формат не только будет мотивировать участников на более активную работу в волонтерских движениях, но и сможет популяризовать волонтерскую деятельность еще больше среди различных возрастных групп. Творческой группой представителей различных волонтерских объединений был подготовлен проект положения о конкурсе и направлен на утверждение в Правительство Орловской области. Волонтеры, которые сами являлись разработчиками положения принимают активное участие в подаче заявок на конкурс. Непосредственное участие в данном процессе даёт возможность избежать непонимания и непринятия конкурсов, которые исходят из различных органов администрации.

Таким образом, реализация волонтерского потенциала Орловской области представляет собой сложный многоступенчатый процесс, который зависит от многих факторов (нематериальная мотивация, наличие социальных партнеров и партнерских мероприятий, реализация программы рекрутинга и т.д.), влияющих на эффективность решения проблем, сопутствующих данному процессу. Включение в общую деятельность по разработке Дорожной карты и различных проектов дает возможность поднять значимость каждого волонтера в отдельности и всего движения в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Курапина Е. В. Инновационные технологии социально-культурной деятельности как средство формирования социальной активности молодежи: синергетический подход // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 10 (114). – С. 216-221.
2. Малес Л. В. Концептуализация социокультурного анализа в социологическом исследовании культуры общества (постановка проблемы). Электронная библиотека Гражданское общество в России. – С. 28-32. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Malec.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).
3. Певная М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Ин-т гос. управления и предпринимательства. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2016. – 434 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37792/1/978-5-7996-1677-9_2016.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
4. Тараторин Е. В. Специфика организации волонтерской деятельности студенческой молодежи вуза культуры // Самарский научный вестник. – 2023. – Т. 12. № 1. – С. 303-309.

ПОПОВА Анастасия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

САВУШКИН Владислав Владимирович

кандидат юридических наук, начальник Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерала-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

МИХАЙЛОВ Николай Викторович

старший преподаватель кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются эмоционально-волевые качества человека, которым в зарубежной и отечественной психологии придается большое значение, учитывая то, что именно в этой сфере развиваются такие важные качества личности, как чуткость к другим людям, их переживаниям, собственное эмоциональное самоощущение, которое отражает целостное отношение человека к миру. Обращается внимание, что эмоции являются отражением психики, проходящими в виде осознания жизненной сущности и обстоятельности.

Ключевые слова: эмоционально-волевые качества, эмоции, личность.

POPOVA Anastasiya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Human resources and personnel management in the internal affairs bodies sub-faculty of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

SAVUSHKIN Vladislav Vladimirovich

Ph.D. in Law, Head of the Lieutenant General of Militia A. N. Sergeev International Interdepartmental Training Center for Employees of Operational Units of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

MIKHAYLOV Nikolay Viktorovich

senior lecturer of Personnel support and personnel management in the internal affairs bodies sub-faculty of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

THE ROLE OF EMOTIONAL AND VOLITIONAL QUALITIES IN PERSONALITY DEVELOPMENT

The article examines the emotional and volitional qualities of a person, which are given great importance in foreign and domestic psychology, given that it is in this area that such important personality qualities as sensitivity to other people, their experiences, and one's own emotional self-perception, which reflects a person's holistic attitude to the world, develop.

Attention is drawn to the fact that emotions are a reflection of the psyche, passing in the form of awareness of the essence of life and circumstances.

Keywords: emotional and volitional qualities, emotions, personality.

На основе анализа различных психологических источников можно определить, что эмоционально-волевые качества – это свойства человека, характеризующие содержание, качество и динамику его эмоций и чувств, в том числе способов их регуляции [3, с. 200].

Современные ученые рассматривают понятие «эмоции» как возбуждение, волнение, как целостный психический процесс с акцентом на выявлении личностного отношения к действительности.

В данной области научного исследования существуют различные подходы. Так, по определению Д. Я. Райгородского, эмоциональные проявления являются целостным классом явлений, который охватывает и примитивные желания, и сложные формы эмоциональной жизни человека [11].

Они осуществляют активацию, мотивацию и аффективную оценку действительности, организуя целостные формы поведения, которые решают простые и сложные адаптационные задачи [1].

Основу эмоционально-волевых качеств составляют непосредственно эмоции, чувства, потребности. На сегодняшний день пока нет четкого определения понятия «эмоциональная сфера личности». В психологии продолжают развиваться теоретические и экспериментальные исследования эмоций, воли и эмоционально-волевой сферы [2].

Огромный интерес для нас представляют исследования В. А. Иванникова, который занимался проблемами волевой регуляции, например, в его докторской диссертации «Психологические механизмы волевой регуляции» отмечается, что «как и другие высшие психические функции (далее - ВПФ), воля является системно построенной, в его работе задействованы эмоции и мотивация, мышление и воображение, внимание и память. Воля так же, как другие ВПФ, оказывается социальной по происхождению и осознанной по способу функционирования» [5].

В результате важнейшим показателем успешности и в конечном счете психологического комфорта выступает умение регулировать эмоциональную сферу усилием воли.

Воля характеризуется в качестве осознанной самостоятельной регуляции субъектом своего поведения, реализующейся в наступлении намеренной активности в целях решения поставленных задач, выступающих для лица значимыми и необходимыми; возможность субъекта самостоятельно реализовывать детерминацию, регуляцию и мобилизацию [7].

При рассуждениях о воле, зачастую идет речь о двух элементах, формирующих ее, а именно: волевые качества и волевое действие.

Любое действие осуществляется в совокупности с наличием волевых усилий в целях борьбы с препятствиями вну-

три личности или в окружающей среде. Действие реализуется в целях осуществления поставленной задачи (психическая модель ожидаемого итога от конкретного действия или всей деятельности). Форма и этапы действий формируются на основе цели деятельности. Форма и этапы процессов формируются на основе точных условий.

Операция выступает в качестве одного из структурных элементов действия. Ориентировочная база действия характеризуется в виде системы ожиданий субъекта о задаче, пути ее реализации, а также требуемых для того инструментов. Волевое поведение определено планом действий внутри субъекта; субъект осознанно избирает задачу, инструменты ее реализации при учете условий внешней среды. Отдельная операция во всей структуре действия устанавливается в соответствии с обстоятельствами, знаниями, способностями и умениями личности. Умением является навык человека, позволяющий ему реализовывать конкретные действия, при наличии положительного итога [8].

Навык является автоматической системой действий субъекта, которые он реализует при отсутствии осознанного контроля, но с высокой точностью и быстротой движений, а также с известным ему итогом. Нужды, мотив, цель, являясь структурными элементами навыками, работают слаженно, методы реализации навыка происходят на основе стереотипа. Осознанная регуляция действия выражается в структуре волевых состояний психики [10].

Волевое поведение позволяет человеку изменять окружающую действительность по своему замыслу (С. Л. Рубинштейн [13], Л. С. Выготский [4], А. А. Реан [12] и др.). Волевое действие всегда осознанно, т.е. связано с работой сознания.

Одно из проявлений волевого действия – это саморегуляция и самодетерминация познавательных процессов и собственной деятельности.

Л. С. Выготский считал грубой ошибкой считать, что интеллектуальная и чувственная сферы не связаны друг с другом [4].

С. Л. Рубинштейн отмечал, что эмоции и интеллект находятся во взаимосвязи; мышление влияет на силу, продолжительность и глубину переживаний, а чувства определяют направленность мышления [13].

Е. П. Ильин указывает, что «эмоции – это психофизиологический феномен, поэтому о возникновении переживания человека можно судить как по самоотчету человека о переживаемом им состоянии, так и по характеру изменения вегетативных показателей (частоте сердечных сокращений, артериальному давлению, частоте дыхания и т.д.) и психомоторики: мимике, пантомимике (позе), двигательным реакциям, голосу» [6, с. 20].

Таким образом, эмоциональные процессы включены в сложный комплекс жизненно важных функций, регулирующих как психическое, так и физиологическое состояние человека. Следовательно, изучение эмоций в отрыве от всей совокупности психофизиологических явлений, их поведенческих проявлений задача сложная, практически невыполнимая.

А. Н. Леонтьев, говоря об эмоциональных процессах, отмечает: «Без эмоциональная жизнь, по сути, невозможна. Первоначально эмоциональные процессы и, соответственно эмоциональные состояния, не отделяются от познавательных процессов и, соответственно от порождаемых этими процессами ощущений, образов, – словом, картины объективного мира» [9, с. 61].

«Эмоции – особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами. Эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путём отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [3, с. 203].

По С. Л. Рубинштейну «Эмоции рождаются в действии из соотношения действия с побуждениями, потребностями, интересами, его вызывающими, и развиваются по ходу действия в зависимости от существа стоящей перед индивидом задачи и его отношения к ней. Поэтому в каждом действии заключены так же хоть бы зачатки эмоциональности» [13, с. 168].

Поэтому, с какими бы объектами и явлениями человек ни взаимодействовал в своей жизни, ко всему возникает какое-либо отношение. В зависимости от степени важности и роли этих объектов и явлений для текущей жизненной ситуации, могут возникать удовольствие или неудовольствие, любопытство, интерес, или отвращение, а возможно и безразличие.

Гораздо сложнее обстоит вопрос с формированием отношений к различным жизненным фактам, более сложным по своему содержанию, многообразно составляющих свойств и элементов. Эволюционно закрепившись на биологическом уровне, эмоциональные ощущения и состояния участвуют в поддержании процессов жизнедеятельности в оптимальных границах. Эмоции предупреждают человека об угрожающем, разрушающем свойстве каких-либо факторов среды, событий, явлений, выступая тем самым регулятором функционального состояния организма и деятельности.

Таким образом, существуют разнообразные точки зрения касательно взаимосвязи эмоциональной и волевой регуляций, однако нельзя отрицать их тесную взаимосвязь, объединяющую в эмоционально-волевых проявлениях. Разделение эмоциональных и волевых проявлений регуляции возможно с теоретической стороны, но в реальности, целесообразно рассматривать эмоционально-волевою регуляцию как единый механизм.

Пристатейный библиографический список

1. Аникеева Н. В., Паршутин И. А. Исследование волевой сферы личности курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов // Психология и право. – 2018 (8). – № 4. – С. 142-154. DOI: 10.17759/psylaw.2018080413.
2. Барабанов Д. Д. Развитие волевой регуляции студентов: дис. ... канд. психол. наук. – М.: Московск. гос. ун-т, 2015. – 188 с.
3. Бергфельд А. Ю., Вакурова А. Н. Психологическая структура эмоции в контексте проблемы восприятия эмоций // Психология XXI века. Тезисы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов / Под ред. В. Б. Чеснокова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 200-205.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений. – М.: Педагогика, 1984. – 350 с.
5. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: МГУ, 1991. – 142 с.
6. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. – СПб., 2005. – 412 с.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
8. Касаткина Д. А. Эмпирическое исследование волевых качеств и направленности личности // Акмеология. – 2012. – № 4 (44). – С. 82-86.
9. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 18-37.
10. Плахотникова И. В. Взаимосвязь волевых качеств и проявлений саморегуляции произвольной активности // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – № 3. – С. 63-68 @@ Реан А. А. К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 1995. – Вып. 3. – № 20. – С. 14-22.
11. Сидорова М. В. Соотношение законности и дисциплины в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (13). – С. 199-208.
12. Схемы и таблицы по психологии и педагогике (учебно-методическое пособие) / Сост.: И. Н. Афонина, Л. С. Барсукова, Т. Н. Соколова. – М.: Владос, 2018. – 98 с.

ФИЛИМОНОВ Родион Николаевич

начальник кафедры физической подготовки и спорта Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

КУБЕЕВ Алибек Жанабаевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЯКУШЕВ Эдуард Вадимович

доцент кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ ДВИГАТЕЛЬНЫХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Профессиональная подготовленность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации состоит из ряда элементов, где наряду с психологической, огневой, правовой и служебной подготовкой, также включается и физическая. Физическая подготовка является неотъемлемым элементом профессионального развития сотрудника полиции, складывающийся из служебно-прикладных умений и навыков, а также физических качеств человеческого организма. Физическая подготовка ориентирована на развитие как общей физической подготовки сотрудника полиции, так специальной, главным направлением которой является боевое совершенствование.

Представленная статья посвящена исследованию взаимосвязи различных видов физической подготовки в образовательных учреждениях системы МВД России, которые непосредственно формируют профессионально-важные двигательные способности сотрудника правоохранительных органов. Кроме того, автором предприняты попытки рассмотрения отдельных этапов и механизмов освоения и развития умений и навыков.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, физическая подготовка, двигательные умения и навыки, обучающийся, образовательная организация, система МВД России, правоохранительные органы.

FILIMONOV Rodion Nikolaevich

Head of Physical training and sports sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KUBEEV Alibek Zhanabaevich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

YAKUSHEV Eduard Vadimovich

associate professor of Physical training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY IMPORTANT MOTOR SKILLS OF CADETS AND STUDENTS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The professional training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation consists of a number of elements, where, along with psychological, fire, legal and service training, physical training is also included. Physical training is an integral element of the professional development of a police officer, consisting of service and applied skills, as well as physical qualities of the human body. Physical training is focused on the development of both the general physical training of a police officer and a special one, the main focus of which is combat improvement.

The presented article is devoted to the study of the relationship between various types of physical training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which directly form the professionally important motor abilities of a law enforcement officer. In addition, the author attempts to consider individual stages and mechanisms of mastering and developing skills.

Keywords: professional training, physical training, motor skills, student, educational organization, the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, law enforcement agencies.

Серьезные требования, предъявляемые к профессиональной подготовленности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД России), обуславливаются высокой вероятностью при выполнении служебно-боевых задач возникновения обстоятельств, представляющих опасность для жизни и здоровья сотрудника правоохранительных органов [1]. Нередко встречаемая необходимость применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в ходе выполнения поставленных задач свидетельствует о важности наличия профессиональных компетентностей, складывающихся в рамках физической подготовки. Исходя из проведенного исследования статистических данных, следует, что уровень физической подготовки сотрудников полиции в настоящее время находится недостаточно высоко, что объясняется ежегодными боевыми потерями, а также получением ранений при исполнении служебных обязанностей. Безусловно, уровень физической подготовки правоохранительных органов напрямую зависит от овладе-

ния и совершенствования ими техники выполнения боевых приемов, включающих в себя основы рукопашного боя [2].

Приобретение, а также развитие и совершенствование соответствующих умений и навыков осуществляется на протяжении всего служебного времени. Считается заблуждением, что в случае достижения определенного уровня мастерства применения боевых приемов, сотрудник полиции уверенно и самостоятельно в состоянии отражать нападение и противодействовать противоправной деятельности. Однако результат и успех выполняемых служебно-оперативных задач зависит не от освоения теоретических знаний, прикладных умений и навыков, а от систематизации, непрерывности и вариативности образовательного процесса по физической подготовке, в том числе продолжающимся после окончания обучения в ведомственных образовательных организациях системы МВД России.

Достижение высоких показателей компетентности по физической подготовке невозможно добиться исключительно

но на развитии умений и навыков одного направления. В данном случае эффективным методом обучения по физической подготовке является комплексная работа, ориентированная на совершенствование прикладной физической двигательной и психологической подготовке. Принято считать, что двигательная подготовка консолидирует в себе развитие качественных показателей и прикладных умений и навыков боевого совершенствования. Указывая на взаимообусловленность и взаимосвязанность данных элементов, важно отметить, что низкий уровень общего развития организма сотрудника полиции, формирующегося посредством скоростно-силового воздействия, ориентированного, выносливого и т.д., напрямую влияет на технику выполнения боевых приемов, от развитости которых зависит успешность и безопасность выполняемых служебных обязанностей. Зачастую преподаватели из множества всевозможных методов и способов, применяемых в образовательном процессе, выбирают те, которые, по их мнению, позволяют наиболее детально проработать определенную группу мышц [3].

Выбранный метод учебно-тренировочного процесса, безусловно, является необходимым и важным, однако, говоря непосредственно о прикладной физической подготовке, направленной на формирование специальных умений и навыков сотрудника полиции, то следует отдавать предпочтение более комплексному подходу, консолидирующему развитие и подготовку как общих физических упражнений, так и специальных умений и навыков, определяющих специфику служебно-боевых задач. Данный подход позволяет добиться высокого уровня физической подготовленности сотрудника правоохранительных органов в том случае, если будут, во-первых, отвечать биомеханическим параметрам внешней и внутренней структуре двигательных действий, во-вторых, в условиях схожих с реальными обстоятельствами, имитацией ситуаций.

Желаемым результатом в данном случае является овладение техническими навыками выполнения упражнения, которых возможно добиться посредством формирования у обучающихся умений анализировать действия, запоминать ощущения при правильном выполнении упражнений, а также давать объективную оценку своей деятельности.

Рассмотрим более подробно технику выполнения боевые приемы, составляющих основу раздела рукопашного боя, как предмет образовательного процесса. Принято считать, что физическая подготовка составляет базу для формирования важных двигательных действий сотрудника полиции, ввиду чего данное направление профессионального развития обуславливают как приоритетная задача. Успешность и эффективность выполнения представленной задачи влияет на вероятность достижения общих задач физической подготовки. Под предметом образования понимается непосредственно техника выполнения боевых приемов, представляющие собой способ выполнения двигательного действия, посредством которой наиболее эффективно решаются двигательные задачи.

При организации учебно-тренировочного процесса по физической подготовке определяются цели и задачи. В общем, назначением физической подготовки является воспитание и поддержание физической развитости сотрудника полиции, а также формирование готовности к выполнению служебно-боевых задач. Непосредственно в рамках обучения сотрудника правоохранительных органов боевым приемам борьбы решаются следующие задачи [4]:

1. Формирование представлений и освоение знаний о технике и тактике боевого совершенства;
2. Развитие психомоторных функций человеческого организма: быстрота, сила, выносливость, гибкость, что составляет базис навыков применения боевых приемов борьбы;
3. Совершенствование боевых умений, составляющих двигательную конституцию приема.

Считается, что процесс обучения двигательными навыками и умениями абстрактно можно дифференцировать на три основных этапа.

1. Первый подразумевающий под собой поиск важных ведущих координаций, а также разучивание основных при-

емов борьбы. Считается, что окончание первого этапа наступает с моментом, когда обучающийся самостоятельно целостно воспроизводит приемы;

2. Второй, целью которого является совершенствование уровня развитости двигательных навыков в стандартных условиях. Посредством систематического и многократного повторения усвоенного материала обучающийся стремится к доведению приемов борьбы до автоматизма. Как правило, организация данного этапа обеспечивается в учебно-тренировочных комплексах, не требующих имитации реальных условий;

3. Третий преследует цель формирования умений рационального применения двигательных навыков в конкретных сложившихся ситуациях и условиях. Заключительный этап ориентирован на формирование профессиональных умений и навыков у обучающихся посредством моделирования ситуаций. Представленный подход преследует цель не только развития координированности и ориентированности в критической ситуации, но и также стремиться к формированию психологической устойчивости сотрудника правоохранительных органов.

Некоторые авторы высказываются, что процесс обучения в целом состоит из двух этапов. Возможно это, по их мнению, тогда, когда обучающийся уже обладал базовыми, техническими основами двигательных навыков боевых приемов: подставки, сбивы, удары и т.д., которые фактически вытесняли этап поиска новых двигательных навыков. Тем не менее, по нашему мнению, данная позиция также имеет место быть, поскольку уровень физической подготовки поступающих курсантов на службу в ОВД России дифференцированный.

Таким образом, физическая подготовка представляет собой основу профессионального воспитания сотрудника правоохранительных органов. Физическая подготовка ориентирована на развитие как качественных характеристик сотрудника полиции, позволяющих ему беспрепятственно справляться с высокой интенсивностью и сложностью служебной деятельности, так и специальных прикладных умений и навыков, подразумевающих под собой боевой раздел. Развитие боевого раздела представляет собой процесс формирования профессионально важных двигательных навыков сотрудника правоохранительных органов, позволяющих беспрепятственно, эффективно и качественно выполнять возложенные служебно-боевые задачи.

Пристатейный библиографический список

1. Изучение характера нападений на сотрудников ОВД при исполнении служебных обязанностей как основа модернизации физической подготовки курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России / А. И. Иванов, О. С. Мавропуло, А. А. Тащиян [и др.] // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 4 (218). – С. 130-134. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.04.p130-135. – EDN EQRRUF.
2. Витютнев Е. Е. Прикладная физическая и двигательная подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России - будущих сотрудников специальных подразделений полиции на специализированном этапе профессионального обучения: дис. ... канд. пед. наук. – Краснодар, 2015.
3. Бабин А. В., Лукьянов А. Б. Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел и пути их решения // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 473-475. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47195114>. (дата обращения: 23.08.2022).
4. Кодзоков А. Х. Частота использования боевых приемов борьбы в практике применения мер принуждения к правонарушителям // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России». – Ростов н/Д, 2016. – С. 79-84.

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ДУДКИН Юрий Андреевич

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции, Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, подполковник полиции

ХАМИТОВ Айнур Расимович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

УЛАНОВ Никита Дмитриевич

преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, старший лейтенант полиции

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВУЗОВ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

В настоящей статье произведен анализ термина «геймификация», приведены подходы различных авторов к определению рассматриваемого термина. На основе анализа эмпирической литературы авторы выделяют основные критерии внедрения геймификации в образовательный процесс вуза системы МВД, а также выявляют основные элементы мотивации участников в процессе игры. Авторы отмечают наличие как положительных, так и отрицательных сторон внедрения геймификации в образовательный процесс вуза.

Ключевые слова: игровые технологии, геймификация, образовательный процесс, интерактивные методы обучения.

KHOROLSKIY Vladimir Vitaljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

DUDKIN Yuriy Andreevich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Administrative law and administrative activities of the police sub-faculty of the Moscow regional branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KHAMITOV Ainur Rasimovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

ULANOV Nikita Dmitrievich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

THE USE OF A GAME APPROACH IN THE TRAINING OF CADETS AND STUDENTS OF UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article analyzes the term "gamification", presents the approaches of various authors to the definition of the term in question. Based on the analysis of empirical literature, the authors identify the main criteria for the introduction of gamification into the educational process of the University of the Ministry of Internal Affairs, as well as identify the main elements of motivation of participants in the game process. The authors note the presence of both positive and negative sides of the introduction of gamification into the educational process of the university.

Keywords: gaming technologies, gamification, educational process, interactive teaching methods.

«Игра — высшая форма исследования» — утверждение Альберта Эйнштейна остаётся чрезвычайно актуальным. Сегодня, в эпоху поиска новой образовательной парадигмы педагоги все чаще применяют в своей практике интерактивные методы обучения, содержащие элементы геймификации. Обучение посредством игры приобретает все большую актуальность, так как позволяют решить сразу несколько задач в процессе обучения, одной из которых является повышение уровня мотивации обучающихся к освоению новых знаний.

Задания, представленные в игровой форме, способствуют повышению творческой активности курсантов и слушателей, а также предоставляют возможность проявить себя на пике возможностей, превращая обучение в увлекательный процесс.

При рассмотрении вопроса о происхождении термина «геймификация» авторы расходятся во мнениях. Так, Я. Н. Поддубная отмечает, что «впервые термин «геймификация» был употреблен в 1980 г. доктором по искусственному интеллекту Р. Бартлом. Под геймификацией ученый понимал

использование игровых элементов для совместной деятельности пользователей» [4]. Другие авторы считают, что понятие геймификации введено в научный оборот американским программистом Ником Пеллингом в 2002 г. [5].

При этом большинство авторов, рассматривающих феномен геймификации в образовании, сходятся во мнении о том, что чаще всего данный термин применяется в трех областях: информационный менеджмент, обучение и маркетинг. «В каждой из этих областей, исходя из выбранного базового определения, геймификация рассматривается либо как инструмент, т. е. набор игровых механик в неигровом контексте, либо как процесс дизайна информационных систем» [3].

Геймификация заключается во внедрении игровых форм в неигровой контекст. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим внедрение геймификации в образовательный процесс вузов системы МВД России.

На сегодняшний день разработка учебных программ опирается на технологии, которые выступают движущей силой обучения. Применение цифровых инструментов по-

зволяет достичь более высоких результатов от обучающихся. Применение игровых технологий в процессе обучения повышает интерес к определенным учебным дисциплинам, и, как следствие, повышается уровень когнитивных способностей. Как справедливо отмечают авторы: «В классических образовательных моделях учащиеся могут сильно демотивироваться, если они не справляются с заданием или не достигают желаемой оценки» [2]. Игровое обучение напротив, мотивирует обучающихся начать с начала и попытаться выполнить задание снова, с учетом предыдущих ошибок и неудач.

Положительные стороны геймификации образовательного процесса видят и такие авторы как А. З. Алексеева, Г. С. Соломина, Р. Р. Аетдинова, которые считают, что: «Цифровые возможности таковы, что геймификация и эдьютеймент как метод и инструмент обучения становятся более интересными, продуктивными с точки зрения образовательного эффекта. Основная причина повышенного внимания к данным технологиям связана с новыми возможностями изменять классические формы обучения, делать их лёгкими, получить полезную информацию, одновременно получая удовольствие» [1].

На основе анализа эмпирической литературы позволим себе выделить критерии внедрения геймификации в образовательный процесс вуза системы МВД:

1. Регламентированные правила. Прежде чем внедрять игровые технологии преподаватель должен четко обозначить правила игры, при этом правила должны быть предельно понятны обучающимся.

2. Этапы развития. Сложность должна постепенно повышаться, но игра должна оставаться доступной.

3. Коммуникация. В игре должна быть предоставлена возможность взаимодействия с другими участниками.

4. Динамика развития. Развиваться должны не только участники игры, но и сама игра, т.е. в игре должны появляться новые элементы, поддерживающие постоянный интерес.

Для того, чтобы данная технология работала, необходимо чтобы игра предусматривала элементы мотивации игроков, такие как:

– Поощрение. Если обучающийся знает, что при совершении правильных действий, правильное решения задания будет вознагражден, то мотивация у него значительно выше. В качестве вознаграждения может выступать положительная оценка, отсутствие дополнительных заданий и т.п.

– Эффект состязательности. Создание атмосферы конкуренции, соперничества и рейтингов позволяет увеличить мотивацию обучающихся.

– Достижение. Участник игры должен почувствовать свою значимость. Самые распространённые инструменты, которые обычно используют как в маркетинге, так и в системе образования — бейджи, уровни, бонусы, статусы.

– Рефлексия. Обучающиеся, особенно те, что принимали наиболее активное участие, работая на пике своих возможностей, всегда хотят получить реакцию на свои действия. Если обучающийся выполнил задание, то необходимо сделать так, чтобы он сразу увидел результат. Результатом тоже могут быть бонусы, статусы, место в рейтинге. Главное, чтобы игрок почувствовал, что был оценен по достоинству благодаря своей хорошей работе.

В образовательной системе МВД России применение игровых технологий часто применяется при освоении таких учебных дисциплин как: Криминалистика, огневая подготовка, тактико-специальная подготовка, и т.д.

Несмотря на столь высокий интерес к игровым технологиям, и столь большое количество положительных отзывов о внедрении геймификации в образовательный процесс, применение игровых технологий имеет и негативные стороны. В первую очередь это множество отвлекающих факторов, которые могут перевести первоначальную цель – получение знаний, на второй план. Сторонником данной позиции является Чагин С.С., который отмечает, что: «В последнее время появилась некоторая обеспокоенность тем, что большинство преподавателей начинают использовать игры или цифровые игровые элементы в качестве альтернативы обучению. Но, прежде чем применять геймификацию в учебном процессе,

педагогу необходимо осознать, что передача знаний не ограничивается лишь работой технологий. И хотя использование цифровых игровых технологий в образовательном процессе признается эффективным способом повышения результативности обучения, однако для администрации образовательных организаций самой большой проблемой остается, как ни парадоксально, мотивирование педагогического корпуса к использованию на своих занятиях чего-либо кроме MS PowerPoint» [6].

Проанализировав процесс внедрения игровых технологий в образовательную среду вуза, можно резюмировать о том, что, на сегодняшний день данный процесс протекает медленно. Существуют и объективно тормозящие данный процесс явления, которые так же необходимо учитывать и устранять. Однако внедрять инновации авторитарными методами невозможно и недопустимо. Внедрение инновационных технологий в образовательный процесс во многом зависит от присутствия профессионального мастерства, творческого подхода педагога, от его владения техническими средствами и технологиями игрового моделирования, коммуникативной компетентности, заинтересованности и мотивации в использовании игровых технологий в обучении. Закономерным выводом будет являться необходимость обучать педагогов высшей школы знаниям, умениям и навыкам применения игровых технологий в образовательном процессе.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева А. З., Соломонова Г. С., Аетдинова Р. Р. Геймификация в образовании // Педагогика. Психология. Философия. - 2021. - № 4 (24). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obrazovanii-3> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Емалетдинова Г. Э., Цилицкий В. С., Шершукова Н. В., Калимуллин Д., Виноградова И.В. Геймификация как метод обучения: особенности и возможности // Московский экономический журнал. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-metod-obucheniya-osobennosti-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Муравская С. А., Смирнова М. М. Геймификация: подходы к определению и основные направления исследований в менеджменте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. - 2019. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-podhody-k-opredeleniyu-i-osnovnye-napravleniya-issledovaniy-v-menedzhmente> (дата обращения: 29.01.2024).
4. Поддубная Я. Н., Котов К. С., Слукина А. А. Парадигма развития гейминга в образовательной системе вуза: история и перспективы // Международный научно-исследовательский журнал. - 2021. - № 9 (111). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/9-111-2021-september/paradigma-razvitiya-gejminga-v-obrazovatelnoj-sisteme-vuza-istoriya-i-perspektivy> (дата обращения: 30.01.2024). - doi: 10.23670/IRJ.2021.9.111.083.
5. Цирулева Л. Д., Щербакова Н. Е. Геймификация в обучении: сущность, содержание, пути реализации технологии // Вестник ПензГУ. - 2023. - № 3 (43). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obucheniisuschnost-soderzhanie-puti-realizatsii-tehnologii> (дата обращения: 30.01.2024).
6. Чагин С. С. Геймификация профессионального образования: стоит ли игра свеч? // Профессиональное образование и рынок труда. - 2021. - № 1 (44). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-professionalnogo-obrazovaniya-stoit-li-igra-svech> (дата обращения: 29.01.2024).

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

В данной статье произведён обзор принципов и методов педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных. Выделены основные и специфические принципы педагогического воздействия, а также дана их краткая характеристика. В качестве перечисленных методов педагогического воздействия рассмотрены методы убеждения, принуждения и приучения. Отдельное внимание уделено условиям, обеспечивающим ключевое воздействие на несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: осужденный, педагог, воспитанник, воздействие, исправление, перевоспитание.

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the penitentiary System of the Center for the Study of Problems of management and organization of the execution of sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

DETERMINANTS OF JUVENILE DELINQUENCY AND PERSONALITY CHARACTERISTICS OF A JUVENILE OFFENDER

This article provides an overview of the principles and methods of pedagogical influence on juvenile convicts. The main and specific principles of pedagogical influence were named, as well as their brief description was given. Among the listed methods of pedagogical influence are methods of persuasion, coercion and training. Attention is drawn to the conditions that will ensure the quality of the impact on juvenile convicts.

Keywords: convict, teacher, pupil, impact, correction, re-education.

От каждого педагога или воспитателя, который привлекается к работе с несовершеннолетними, требуется высокий профессионализм, самоотверженность и огромный запас физических и моральных сил. Обусловлено это тем, что с детьми и подростками далеко не всегда просто найти общий язык. К сожалению, далеко не все дети являются хорошими воспитанниками и предпочитают вступать с педагогом в конфронтацию при решении различных вопросов. Это может быть выражено в нежелании освоения учебного материала или в простой агрессии в сторону педагога. В любом случае главной задачей педагога (воспитателя) становится убеждение ребёнка в конструктивной точке зрения и проведение мероприятий по актуализации его интереса к педагогическому процессу [5].

Иными словами, педагог сталкивается с ситуацией, когда необходимо усилить педагогическое воздействие на подростка. В рамках данной статьи рассматривается довольно специфическая тема, связанная с обзором принципов и методов педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных. Специфичность темы обусловлена особыми условиями, в которых находится осужденный, и его статусом, приобретённым после совершения преступления. Учет вопросов, связанных с данной тематикой, является важным для дальнейшего успешного развития педагогической деятельности в воспитательных колониях. Результаты данного исследования могут быть использованы при проведении дальнейших научных исследований в данном направлении.

Необходимо отметить, что к вопросу педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных специалисты обращаются уже на протяжении нескольких десятков лет. В ходе данной статьи использовались работы таких исследователей, как Гачаева М. Л., Ефименко А. А., Пошвина Е. В., Мазалева Л. В., Маслова В. В. и Тищенко Ю. Ю.

В педагогике как науке за всё время её существования сформировалось множество принципов, учет которых важен при работе с несовершеннолетними осужденными. Эти принципы представляют собой основополагающие правила, которые должны соблюдаться педагогом для более эффективного и быстрого достижения целей воспитания. Изучением принципов воспитательного воздействия на осужденных занимался А. А. Ефименко. Исследователь делит такие принципы на два типа: основные и специфические. К основным принципам педагогического воздействия отнесены:

- уважение и требование;
- искренность и открытость;
- принципиальность;
- забота и внимание, знание;
- упражнение;
- закалка;
- труд;
- коллектив;
- семья: первое детство, количество любви и мера суровости;
- детская радость, игра;
- наказание и награда [2, с. 236].

Вышеперечисленные принципы являются основными, так как они, фактически, уже являются классическими для любого работника сферы образования – будь это учитель в общеобразовательном учебном заведении или педагог в воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных.

Далее А. А. Ефименко определил и специфические принципы воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных. Эти принципы уже учитывают особенности обстановки, в которой находятся подростки, и их правовой и социальный статус. Перечисли и кратко опишем специфические принципы:

1. Рациональное применение мер принуждения. Осужденные находятся на территории воспитательной колонии не по своей собственной воле. Это может повлечь за собой сопротивление со стороны осужденного, что усложнит воспитательный процесс. В таком случае каждый воспитатель имеет право применять различные меры принуждения, которые предусмотрены действующим законодательством. Главное – обеспечить рациональность применения таких мер, то есть избирать только те меры, которые по строгости своей соразмерны с ненадлежащим поведением осужденного;

2. Соединение наказания с исправительным воздействием. Данный принцип заключается в том, что каждому воспитателю при работе с несовершеннолетним осужденным необходимо согласовывать свою стратегию и цель наказания – перевоспитание осужденного. Это означает, что наказание, которое получил несовершеннолетний, должно получить образовательный характер. Это может быть обеспечено его перевоспитанием, в ходе которого будет осуществляться формирование уважительного отношения к закону, окружающим и самому себе, эмоциональное взросление.

3. Индивидуализация воспитательной работы. Данный принцип заключается в том, что воспитательное воздействие педагога должно основываться на личностных качествах осужденного. Необходимо учитывать особенности темперамента, располагать информацией относительно обстоятельств того, как несовершеннолетний попал в воспитательную колонию и т.д. [2, с. 236]

На вышеперечисленных принципах педагогического воздействия основаны методы, которые применяются в работе с несовершеннолетними осужденными. В контексте рассмотрения данной темы целесообразно обратиться к статье В. В. Маслова, который подробно описывал те методы, которые активно используются в работе с несовершеннолетними преступниками. Охарактеризуем основные из них.

Первый метод – метод убеждения, является одним из фундаментальных в педагогической науке. Так как воспитатель работает с несовершеннолетними, которые совершили преступление, ему важно иметь силу убеждения, которая позволит изменить поведение воспитанников и направить их на путь исправления. Без применения данного метода становится затруднительным какое-либо видоизменение отношения осужденных к своей жизни. В рамках данного метода воспитатель может воспользоваться следующими инструментами: разъяснение, объяснение, доказательство и опровержение. Метод убеждения демонстрирует высокую эффективность, поскольку обеспечивает возможность взаимодействия педагога с воспитанниками при помощи слов, а не наказания. Данный метод создаёт предпосылки для диалога между воспитателем и осужденным, что крайне ценно при решении вопросов поиска стратегий дальнейшего взаимодействия.

Важным методом педагогического воздействия является метод принуждения. Принуждение представляет собой совокупность принудительных способов воздействия и властных полномочий, с помощью которых сотрудники колонии и коллектив осужденных побуждают личность к определённым действиям и конкретным положительным поступкам, а также пресекают проявление отрицательных действий, качеств личности и привычек. Принуждение применяется к тем лицам, которые не внимают доводам разума, нарушают требования режима. Принуждение как метод не преследует цель оскорбления и унижения личности осужденного. Оно призвано обеспечить выполнение осужденными требований режима и создаёт условия для применения других методов воспитательного воздействия.

Основным инструментом, который применяется в методике принуждения, является наказание. Наказание в рассматриваемом контексте может быть связано с некоторыми ограничениями условий пребывания осужденного на территории исправительного учреждения. Например, воспитатель может поставить воспитаннику дополнительные образовательные задачи, решение которых важно для развития личностных качеств осужденного. Важнейшим условием при применении наказания является недопущение наказания с целью оскорбления или унижения осужденного, поскольку такие наказания дадут обратный эффект и разрушат коммуникационные связи подростка с воспитателем. Как следствие, поведение несовершеннолетнего может выйти из-под контроля и к нарушителю придётся применять более жёсткие меры воздействия.

Ещё одним эффективным методом педагогического воздействия является метод приучения. Данный метод направлен на формирование у осужденных конструктивных привычек и поведенческих особенностей. При помощи данного метода можно добиться полного исправления осужденного, но эффективность его использования зависит исключительно от профессионализма и авторитета педагога. Основными инструментами, которые применяются в рамках данного метода, можно назвать требование, поручение и упражнение. Эффективное применение данных инструментов служит достижению главной цели воспитательного воздействия – исправлению несовершеннолетнего осужденного [3, с. 112].

Следование принципам и использование методов педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных действительно способно оказать ключевое влияние на перевоспитание последних, но от педагогического сообщества сегодня требуется сохранение повышенного внимания к необходимости постоянного совершенствования и повышения эффективности методов работы с подростками. В индивидуальной воспитательной работе большое значение имеет организация качественной координации действий воспитателей, учителей, мастеров производства, родителей и других лиц, имеющих отношение к исправлению несовершеннолетних осужденных. Такая координация осуществляется прежде всего при повседневном постоянном анализе результатов воспитательных воздействий, обмене мнениями педагогов по основным вопросам жизни и деятельности воспитанников. Воспитательная работа становится наиболее успешной только в том случае, если правильно и профессионально подобраны воспитатели, а также психологи и различные специалисты, оказывающие помощь несовершеннолетним осужденным [1, с. 120].

Процесс перевоспитания несовершеннолетних осужденных – важное направление деятельности широкого круга специалистов, которые в совместной работе корректируют поведение детей и в результате возвращают в социум полноправных и не маргинальных членов общества. Эффективность работы персонала воспитательной колонии зависит от профессионализма её сотрудников, её материального обеспечения. Работа современного воспитателя основывается на множестве принципов и методов, которые формулировались специалистами в сфере педагогики в течение многих лет. Нынешняя задача воспитателей – разрабатывать новые методики педагогического воздействия на несовершеннолетних, которые учитывают индивидуальные особенности последних и позволяют осуществлять постоянный мониторинг педагогической активности и прогресса.

Пристатейный библиографический список

1. Гачава М. А., Мазалева Л. В., Тищенко Ю. Ю. К вопросу о повышении эффективности индивидуальной воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 7 (223). – С. 118-120.
2. Ефименко А. А. Основные принципы воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными // *Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: Материалы Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения профессора Александра Львовича Ременсона - юриста, ученого-пенитенциариста, педагога, основателя Томской школы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права*. – 2023. – С. 235-241.
3. Маслов В. В. Принципы и методы педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных // *Вестник Самарского юридического института*. – 2010. – № 2. – С. 108-112.
4. Пошвина Е. В. Воспитательная работа и общественное воздействие на несовершеннолетних заключенных // *Инновации. Наука. Образование*. – 2022. – № 53. – С. 329-333.
5. Павлова Л. В. О необходимости формирования ценностных ориентаций у несовершеннолетних осужденных как средства профилактики правонарушающего поведения // *Организационно-правовые аспекты деятельности правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*, Москва, 21 октября 2022 года. – Москва: ФКУ НИИ, 2022. – С. 259-262.

РОМАНОВСКАЯ Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье раскрываются психологические особенности рассмотрения уголовного дела в суде, связанные с психической деятельностью всех участников судебного процесса. Судья, прокурор, адвокат, находясь постоянно в центре внимания, вынуждены демонстрировать такие качества как: профессионализм, честность, принципиальность, профессиональную этику, гуманность, поскольку их деятельность напрямую связана с осуществлением особых властных полномочий, с правом и обязанностью применять законную власть от имени государства.

Ключевые слова: познавательная деятельность, конструктивная деятельность, коммуникативная деятельность, воспитательная деятельность, судебный процесс, судья.

ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

Романовская И. В.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF JUDICIAL ACTIVITY IN THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES

The article reveals the psychological features of the consideration of a criminal case in court related to the mental activity of all participants in the trial. A judge, prosecutor, lawyer, being constantly in the spotlight, are forced to demonstrate such qualities as professionalism, honesty, integrity, professional ethics, humanity, since their activities are directly related to the exercise of special powers, with the right and obligation to use legitimate authority on behalf of the state.

Keywords: cognitive activity, constructive activity, communicative activity, educational activity, judicial process, judge.

Прежде чем перейти к рассмотрению психологических особенностей судебной деятельности при рассмотрении уголовных дел, необходимо обозначить основные виды профессиональной деятельности, выявленные в работе юристов. К ним можно отнести: социальную, проявляющуюся в особых властных полномочиях; познавательную, отражающую сбор и анализ информации, необходимой для решения профессиональных задач; конструктивную, которая реализуется вынесением справедливого законного приговора подсудимому; коммуникативную – без которой невозможно профессиональное общение в процессе чего устанавливается истина по делу; организаторскую, создающую условия реализации профессиональных функций; заверительную, обеспечивающую приведение добытой в ходе судебного процесса информации в специальные формы – процессуальные акты [1, с. 152-157].

Следует заметить, что в каждом из перечисленных видов юридической деятельности реализуются личностные качества участников судебного процесса, отражается их профессиональная направленность. Остановимся на тех, которые наиболее ярко демонстрируют психологические процессы, задействованные в решении задач по установлению истины при рассмотрении уголовных дел в суде.

Главным видом судебной деятельности является конструктивный. Его сущность заключается в принятии справедливых решений в ситуациях возникновения спорных вопросов при вынесении приговора. Однако, конструктивная деятельность в судебном процессе возможна лишь после реализации познавательной. Иными словами, вынесение справедливого законного приговора возможно только после анализа и оценки информации, собранной на этапе предварительного расследования.

Остановимся подробнее на рассмотрении познавательной и конструктивной деятельности в суде с позиции их психологических особенностей.

Спецификой познавательной деятельности в рамках судебного процесса является то, что на основании материа-

лов предварительного расследования суд получает готовую модель события преступления, подлежащую подробному исследованию. В материалах уголовного дела, представленного для рассмотрения судом, присутствует основная версия события преступления, однако, она воспринимается судом как вероятная истина, которая в процессе судебного разбирательства подлежит тщательной проверке и глубокому исследованию. Суд вправе затребовать документы, не рассмотренные в рамках предварительного расследования, вызвать на допрос новых свидетелей, специалистов.

Рассмотрим подробнее в чем проявляются особенности познавательной деятельности в судебном процессе.

Начнем с того, что для суда крайне важно изучить материалы уголовного дела во всех деталях и обстоятельствах, с целью их оценки. Объем изучаемой судом информации значительно меньше объема информации, изученной и проанализированной в ходе предварительного расследования. Дело в том, что в процессе расследования преступления накапливается много сведений, часть из которых становятся сопутствующими, не имеющими значения для установления истины. Психологическая особенность познания судом фактов, связанных с событием преступления, заключается в опосредованности их восприятия через призму восприятия следователем. Усложняет данный процесс и временная отдаленность от момента совершения преступления до момента рассмотрения уголовного дела судом. Так же нельзя не упомянуть об ограниченности сроков восприятия, изучения и анализа материалов, представленных суду. Указанные психологические особенности познавательной деятельности требуют от суда развитого логического мышления и хорошего воображения.

Еще следует заметить, что процесс познания в суде включает возможность выдвижения дополнительных версий на основании появления новых фактов, которые возможно в силу каких-либо обстоятельств не рассматривались следователем. В случае возникновения сомнения по поводу версии,

выдвинутой в ходе предварительного расследования, суд обязан удостовериться в ее надежности. В противном случае это может привести к судебной ошибке. Наряду с этим, познавательная деятельность в суде связана с сопоставлением события преступления и нормы уголовного закона. Суду необходимо удостовериться в том, что следователь верно квалифицировал преступление. Для этого необходимо изучить не только доказательства, но и источники их получения.

Самым сложным в познавательной деятельности суда является изучение личностей: подсудимого, потерпевших, свидетелей, других лиц. К сожалению, часто в процессе судебного разбирательства люди ведут себя неестественно: пытаются показать себя с лучшей стороны; надеются ввести суд в заблуждение; меняют показания, данные в ходе предварительного расследования; ведут себя неадекватно. Указанная особенность требует от суда проницательности, глубоких познаний психологии личности, особенностей поведения в условиях стресса.

Рассматривая психологические особенности познавательной деятельности в суде, нельзя не остановиться на различных внешних факторах, оказывающих негативное влияние на участников процесса. Начнем с общественного мнения, которое имеет особенное значение в случае рассмотрения резонансного уголовного дела. Крайне опасными являются ситуации, когда общественное мнение формировалось на основе ошибочной информации. Судьям следует осторожно относиться к любым сведениям извне и не поддаваться на провокации. Известный юрист А. Кони (1844-1927) подчеркивал: «Судья должен быть выше этого в осуществлении своей высокой задачи, основанной не на временных и преходящих впечатлениях, а на вечных и неизменных основах правосудия» [2]. Еще один внешний фактор, оказывающий негативное воздействие на ход судебного заседания – это поведение лиц, находящихся в зале. Ранее упоминалось о том, что отдельные участники процесса могут вести себя непредсказуемо в силу различных обстоятельств, однако если судебное заседание открыто, то к ним могут присоединяться слушатели, провоцирующие различные конфликтные ситуации. В этом случае судье придется отвлекаться на восстановление рабочей атмосферы, что в свою очередь отвлекает его от процесса познания.

Вернемся к рассмотрению особенностей конструктивной деятельности суда, которая связана с выработкой решений по возникающим спорным вопросам и вынесением приговора, состоящую из ряда последовательно реализованных действий.

Как правило в основе принятого судьей решения по уголовному делу лежит его личное убеждение, которое опирается на: результат познания, описанный нами выше; профессиональный и жизненный опыт; чувственное восприятие фактов, связанных с событием преступления, базирующихся на профессиональные знания. С точки зрения психологии, для формирования убеждения судье необходимо, чтобы его сомнения трансформировались в убежденность. Это происходит под влиянием анализа материалов уголовного дела, общения с участниками судебного процесса, поведения подсудимого. Отсюда следует, что профессиональное правосознание судьи, его моральные убеждения опираются на результаты исследования собранных в период предварительного следствия доказательства и его индивидуальную позицию. На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что конструктивная деятельность суда будет эффективной только если те, кто ее осуществляют, понимают исключительную ответственность за принятые решения и их последствия, имеют высокий уровень правосознания и морали.

Следующим, не менее важным, видом судебной деятельности является коммуникативный, напрямую демонстрирующий профессиональное общение между всеми участниками судебного процесса. Психологической особенностью профессионального общения является то, что оно чаще всего проходит в условиях конфликтной ситуации. К сожалению, далеко не у всех лиц, задействованных в судебном разбирательстве, интересы совпадают с целями и задачами в установлении истины по факту преступления. Для нейтрализации

подобных негативных условий, влекущих за собой развитие конфликтов, существует целый спектр психологических приемов, дающих суду возможность законно преодолевать, возникающие препятствия. Основной задачей суда в подобных случаях является трансформация всех лиц, задействованных в судебном расследовании, в группу с единой психологической направленностью. Это в свою очередь позволит в полной мере осуществить познавательную и конструктивную деятельность суда.

Ещё одним значимым видом судебной деятельности является воспитательный, который воплощает все вышеперечисленные, реализуемые в процессе познания, коммуникации, принятии справедливых решений. Воспитательная деятельность суда отражает не только исправление и перевоспитание преступников. Она решает задачу воспитания всего общества в духе верховенства права, соблюдения норм морали, нравственности. Решение данной задачи невозможно без объективного, глубокого рассмотрения и анализа всех без исключения обстоятельств уголовного дела. При этом важно соблюдать требования норм закона на всех стадиях судебного процесса. Важно отметить, что особое воспитательное воздействие оказывает момент объявления приговора. Наказание, назначенное судом подсудимому, должно быть законным и справедливым, то есть оно должно в полной мере соответствовать не только норме закона, но и учитывать обстоятельства совершения преступления, мотивы лица его совершившего, его личностные характеристики. При этом приговор должен быть сформулирован четко и ясно, конкретно и доходчиво, он должен быть понятен для всех, кто находится в зале суда. Что же касается подсудимых, то реализация воспитательной деятельности суда не заканчивается оглашением приговора. Она продолжается на протяжении всего срока отбытия наказания. А в дальнейшем должна отрабатываться в период ресоциализации лиц, вышедших из мест заключения. К сожалению, с этим возникает целый спектр проблем, вызванных как субъективными, так и объективными факторами, что в свою очередь является отдельной темой исследования. Наконец, для воспитательного воздействия на всех участников судебного процесса, важное значение имеет соблюдение этических норм в отправлении правосудия.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что психологические особенности судебной деятельности при рассмотрении уголовных дел основываются на знаниях общепсихологических (восприятие, представление, мышление, воображение, память и др.) и социально-психологических (взаимопонимание, авторитетность личности, коллегиальность принятия решения, конформизм и т.п.) характеристик всех участников судебного процесса и взаимоотношений между ними. Психологический анализ судебной деятельности дает возможность выявить самые сложные ее формы и разработать рекомендации, направленные на повышение эффективности правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Ипатов А. В. Юридическая психология: учебное пособие. – Санкт-Петербург: РГГМУ, 2022. – 172 с.
2. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики). Воспроизведено по изданию: А. Ф. Кони. Избранные произведения. – М., Госюриздат, 1956.

ХАТУАЕВ Марат Отарович

старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ЛИТВИНЕНКО Александр Александрович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, младший лейтенант полиции

ЯРЫЙ Максим Игоревич

преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, лейтенант полиции

ВАФИН Вадим Вазирович

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, подполковник полиции

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В настоящей статье представлен анализ некоторых аспектов профессионального общения сотрудников полиции. Авторы отмечают, что коммуникативная компетентность зависит от различных факторов, включая наличие широкого словарного запаса, знания правил ведения беседы, понимание культурных особенностей в общении, навыки эмпатии, умение воспринимать и понимать точку зрения других людей, а также умение выражать собственные мысли и чувства, навыки активного слушания, умение использовать навыки невербальной коммуникации. Авторы считают, что формирование навыков эффективной коммуникации у сотрудников полиции должно осуществляться поэтапно, а также предлагают конкретные методы формирования коммуникативной компетентности сотрудников полиции.

Ключевые слова: сотрудники полиции, профессиональное общение, общение, коммуникация, коммуникативная сторона общения.

KNATUAEV Marat Otarovich

senior lecturer of Administrative affairs sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

LITVINENKO Alexander Alexandrovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, junior lieutenant of police

YARIY Maxim Igorevich

lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant of police

VAFIN Vadim Vazirovich

lecturer of the Cynology Cycle of the Ufa School for the Training of Cynologists of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PROFESSIONAL COMMUNICATION OF POLICE OFFICERS

This article presents an analysis of some aspects of professional communication between police officers. The authors note that communicative competence depends on various factors, including the availability of a wide vocabulary, knowledge of the rules of conversation, understanding of cultural characteristics in communication, empathy skills, the ability to perceive and understand the point of view of other people, as well as the ability to express their own thoughts and feelings, active listening skills, the ability to use non-verbal communication skills. The authors believe that the formation of effective communication skills among police officers should be carried out in stages, as well as offer specific methods for the formation of communicative competence of police officers.

Keywords: police officers, professional communication, communication, communication, the communicative side of communication.

Деятельность сотрудников полиции относится к категории «человек-человек», т.е. сотрудники полиции постоянно входят во взаимодействие с заявителями, лицами совершившими противоправные деяния и коллегами. От того насколько хорошо у стража порядка развиты навыки коммуникации в значительной степени зависит конечный результат акта общения.

Особенности профессионального общения сотрудников полиции находились в поле научного внимания множества авторов. В частности, особенности развития коммуникативных навыков у сотрудников органов внутренних дел рассматривались в трудах: Т. Б. Назаровой, Л. Ю. Нежкиной, Н. С. Фонталовой, Г. И. Уразаевой, О. В. Власовой и др.

Т. Б. Назарова предлагает следующее толкование термина «общение»: «Это осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью» [3].

Х. И. Лийметс предлагает понимать под термином «общение» обмен ценностями — эмоциональными, интеллектуальными, духовными, социальными (общепризнанными, специфическими для различных номинальных и реальных групп, а также индивидуальными), который происходит в форме диалога [1], [2].

Коммуникативная компетентность зависит от различных факторов, включая наличие широкого словарного запаса, знания правил ведения беседы, понимание культурных особенностей в общении, навыки эмпатии, умение воспринимать и понимать точку зрения других людей, а также умение выражать собственные мысли и чувства, навыки активного слушания, умение использовать навыки невербальной коммуникации. Особенно следует отметить умение передачи информации посредством невербального общения. По мнению различных авторов, путем мимики, жестов, и иных невербальных средств общения человек передает до 80 % информации.

Согласно исследованиям: «В основе трудностей коммуникации могут лежать следующие причины, указанные ре-

спондентами: деструктивная направленность человека (60 %); недостаточная этнокультурная осведомленность сотрудника полиции (40 %); коммуникативные барьеры (40 %); религиозные противоречия (40 %); низкая правовая культура (30 %); стереотипы, которые мешают эффективной коммуникации (30 %); малый жизненный и профессиональный опыт сотрудника (10 %); нетерпимость сотрудника ОВД (5 %)» [5].

Все перечисленные факторы могут влиять на коммуникативную компетентность, определяя способность человека эффективно общаться и взаимодействовать с другими.

Профессиональное общение сотрудников полиции включает в себя несколько ключевых аспектов:

1. Общение в трудовом коллективе. Эффективное общение с коллегами играет важную роль в обеспечении координации действий, обмене информацией и поддержке в рамках службы. Как справедливо отмечают Нежкина Л. Ю., Фонталова Н. С. «Эффективно выстроенные профессиональные взаимоотношения с коллегами позволяют проще справляться с решением оперативно-служебных задач и профессиональных вопросов, т.к. товарищи по служебной деятельности и руководство могут дать ценные советы и рекомендации на случай возникновения сложных, противоречивых и экстремальных ситуаций, оказать психологическую поддержку» [3].

2. Общение с обществом. В задачи сотрудников полиции входит организация взаимодействия с гражданами, представителями других служб и организаций. Важно уметь проявлять эмпатию, ясно и доступно разъясняться, а также уметь убеждать и разрешать конфликты.

3. Профессиональная этика. Коммуникация в профессиональной среде полиции требует соблюдения определенных норм и правил этики, особенно при выполнении служебных обязанностей и взаимодействии с гражданами. Основные этические требования к сотрудникам полиции закреплены Приказом МВД России от 26.06.2020 N 460 (ред. от 02.05.2023) «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

4. Управление конфликтами. Навыки управления конфликтными ситуациями являются важной частью профессиональной коммуникации сотрудников полиции. Большинство авторов считает, что для сотрудника полиции важно не только профессионально и грамотно общаться с людьми, но и уметь осуществлять психологическое воздействие на них. Психологическое воздействие выражается в умении «склонять их к своей точке зрения, убеждать, стимулировать, давать правдивую информацию и пр.» [5].

Уразаева Г. И., Власова О. В. понимают под психологическим воздействием в процессе общения умение осуществлять воздействие, которое приводит к «значимым изменениям в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера по общению (прежде всего, изменение его намерений, установок, целей, потребностей, мнений и др.). Достижение этой цели сотрудником в процессе профессионального общения зависит от социально-психологических установок самого сотрудника в коммуникации» [6].

Все представленные аспекты важны для обеспечения профессионального и эффективного общения сотрудников полиции как внутри службы, так и в контакте с обществом.

Формирование навыков эффективной коммуникации у сотрудников полиции должно осуществляться поэтапно. При этом сам процесс формирования коммуникативных навыков и обучение профессиональному общению предусматривает включение в специфику деятельности правоохранительных органов посредством обучающей среды созданной в образовательной организации системы МВД России [4]. В качестве эффективных методов формирования коммуникативных навыков мы видим производство коммуникативных тренингов, встреч с практическими работниками, проведе-

ние практикумов по психологии общения, семинаров, деловых игр, брейн-рингов и т.д.

Таким образом, развитие коммуникативных навыков у сотрудников полиции необходимо не только для передачи информации, но и для эффективного управления конфликтными ситуациями, установлению доверительных отношений с обществом, свидетелями и жертвами преступлений, снижению социальной напряженности. Хорошая коммуникация может помочь сотрудникам полиции получить ценную информацию от свидетелей и потенциальных подозреваемых. Формирование навыков коммуникации является важным аспектом профессиональной подготовки сотрудников полиции, позволяющим им лучше выполнять свои обязанности и взаимодействовать с обществом.

Пристатейный библиографический список

1. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. - Воронеж, 2009. - 178 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Rechevoe_vozdejstvie/0snovi_rechevogo_vozdeistviya2013.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20105290>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxzbnv>.
2. Лейметс Х. И. О понятии «общение» // Социальная педагогика. - 2016. - № 1-2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyatii-obschenie> (дата обращения: 18.02.2024).
3. Назарова Т. Б. Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации к новым соотношениям // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-vidov-obscheniya-ot-traditsionnyh-linij-differentsiatsii-k-novym-sootnosheniyam> (дата обращения: 12.02.2024).
4. Нежкина Л. Ю., Фонталова Н. С. Профессиональное общение сотрудников органов внутренних дел // Baikal Research Journal. - 2020. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-obschenie-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 19.02.2024).
5. Родин В. Ф., Балашова В. А. Общение в деятельности сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 8. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschenie-v-deyatelnosti-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 12.02.2024).
6. Уразаева Г. И., Власова О. В. Социально-психологические установки в профессиональном общении сотрудников полиции // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2014. - № 3 (17). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-ustanovki-v-professionalnom-obschenii-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 12.02.2024).

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ХАМИТОВ Айнур Расимович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

КОЛБЫШЕВ Павел Романович

преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России

ШАРАФУТДИНОВ Ильшат Сабитович

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

МЕТОДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ЦЕНТРАХ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ПРИ МВД

В настоящей статье произведен анализ причин преступности несовершеннолетних. Авторы рассматривают различные направления деятельности работы Центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при МВД, а также отмечают, что деятельность сотрудников ЦВСНП многообразна и требует постоянного совершенствования профессиональных качеств, знаний оперативной обстановки, умения правильно применять те или иные методы педагогического и психологического воздействия на несовершеннолетнего.

Ключевые слова: девиантное поведение, преступность несовершеннолетних, профилактика преступности, отклоняющееся поведение, сотрудник полиции.

KHOROLSKIY Vladimir Vitaljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

KHAMITOV Ainur Rasimovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

KOLBYSHEV Pavel Romanovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

SHARAFUTDINOV Ilishat Sabitovich

lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for Training Cynologists of the MIA of Russia, major of police

METHODS OF EDUCATIONAL WORK USED IN TEMPORARY DETENTION CENTERS FOR JUVENILE OFFENDERS AT THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

This article analyzes the causes of juvenile delinquency. The authors consider various areas of activity of the Temporary Detention Centers for juvenile Offenders at the Ministry of Internal Affairs, and also note that the activities of the staff of the Central State Penitentiary Service are diverse and require constant improvement of professional qualities, knowledge of the operational situation, the ability to correctly apply certain methods of pedagogical and psychological influence on a minor.

Keywords: deviant behavior, juvenile delinquency, crime prevention, deviant behavior, police officer.

Актуальность исследования проблемы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, помещенных в Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее по тексту – Центр, ЦВСНП) определяется необходимостью обеспечения комплексного подхода, выражающегося во взаимодействии сотрудников Центра, родителей, законных представителей несовершеннолетних правонарушителей, а также образовательных организаций.

Актуальность решения проблемы профилактической работы в ЦВСНП определяется объективно существующими противоречиями:

– на социально-педагогическом уровне – между потребностью общества в обеспечении безопасности и правопорядка и большим количеством преступлений, совершаемых несовершеннолетними;

– на научно-теоретическом уровне – между существующими методами профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и необходимостью поиска новых методов воздействия на несовершеннолетних с учетом современных реалий.

Методологической основой исследования выступили идеи и концепции таких авторов, как: Е. А. Байер, З. Фрейд, Е. В. Змановская, В. Д. Менделевич, Ю. А. Клейберг, Э. Дюркгейм, Гуров Д. В., Беляева Л. И., Евдокимов А. В.

Прежде чем приступить к описанию деятельности ЦВСНП по профилактике преступности несовершеннолетних, опишем те причины, что могли побудить ребенка к совершению противоправного поступка. Условием классификации девиантного

поведения могут быть причины совершения противоправных деяний:

1. Биологические причины заключаются в наличии у несовершеннолетнего физиологических или анатомических особенностей организма, являющиеся препятствием для его социальной адаптации. Как правило подобные нежелательные особенности передаются по наследству. Примерами подобных несовершенств является отставание в умственном развитии, различные физические дефекты восприятия (слуха, нарушения нервной системы, дефекты речи, непривлекательность внешности и т.п.)

2. Экономические и социальные причины включают кризис семьи, достигнутый в результате безработицы, отсутствия возможности получения достойного заработка легальным путем, безработицу, социальное неравенство возникающее как следствие нестабильности российского общества, усилившуюся в условиях экономического кризиса.

3. Морально-этические причины проявляются, в отсутствии должного отношения общества к совершению преступлений несовершеннолетними делинквентами, нейтральное отношение к противоправным деяниям и отсутствием морально-нравственных принципов у ряда отдельных индивидов, разрушения ценностей, падении нравов. Пропаганда в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационных сетях правового нигилизма и правового инфантилизма.

4. Социально-педагогические причины. Ведущую роль в формировании поведения несовершеннолетнего занимает семья, школа и неформальные группы сверстников. Если окруже-

ние несовершеннолетнего будет антисоциальное и девиантное, то и на правосознании несовершеннолетнего оно скажется.

5. Возрастные кризисы идентичности, и запрета на застревания в определенной фазе развития личности обуславливают наличие социально психологических причин формирования девиантного поведения.

При рассмотрении причин формирования преступного поведения у подростков необходимо особое внимание уделить акцентуациям характера как крайним вариантам проявления нормы. Речь идет о негативных чертах характера, которые преобладают чрезмерно. Группы повышенного риска, как правило, составляют именно такие дети. Помимо мер воспитательного характера, к таким детям необходимо применять меры социально-медицинской реабилитации.

Исходя из вышеизложенного, к психологическим и социальным причинам формирования устойчивого противоправного поведения, мы относим: невозможность несовершеннолетнего достичь необходимых целей легальным путем; отсутствие навыков межличностных коммуникации, либо их нарушение; несоциализированность, что выражается в остром восприятии социальных ограничений; вовлечение взрослыми в преступную среду несовершеннолетнего, где несовершеннолетний подражает негативному примеру взрослого, участие в противоправных действиях со сверстниками, демонстрирующими пренебрежение к обществу и закону и др.

Таким образом, можно утверждать, что проявление девиантного поведения у несовершеннолетних имеет свои особенности, что непосредственно влияет на выбор модели поведения сотрудников полиции при работе с указанной категорией граждан. Для осуществления эффективной профилактики противоправного поведения среди несовершеннолетних сотрудник полиции должен знать, как в сознании ребенка формируется идея совершения противоправного поведения. Какие факторы влияют на несовершеннолетнего, когда он становится потенциальным преступником. Сотрудник полиции должен различать уровни сформированности противоправного поведения у несовершеннолетнего, чтобы определить наиболее эффективный метод профилактического воздействия. Соответственно, основные качества, которые необходимо развивать сотруднику полиции, чтобы осуществлять профилактическую работу с рассматриваемой категорией граждан, можно разделить на: коммуникативные, интеллектуальные, волевые.

В деятельности сотрудников ЦВСНП выделяется два основных направления профилактической работы: социальная реабилитация и индивидуальная профилактическая работа.

Социальная реабилитация представляет собой сложный и целенаправленный процесс, задачей которого является восстановление статуса несовершеннолетнего в социуме, организация его социальных. Иногда катализатором такого нарушения является причинение тяжкого вреда здоровью, сопряженное с устойчивым расстройством функционирования организма, а также резкое негативное изменение статуса в обществе.

Индивидуальная профилактическая работа - деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий.

Социальная работа выражается во взаимодействии субъектов и объектов профилактики.

Несмотря на то, что сотрудник ЦВСНП не является специалистом по социальной работе, он реализует многие функции присущие роли социального работника.

Для того, чтобы осуществлять вторичную профилактику преступности несовершеннолетних, сотрудники ЦВСНП стараются своевременно выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению, производя следующие мероприятия:

1. Производят оценку и анализ текущего состояния количества и качества совершаемых несовершеннолетними противоправных действий. В случае необходимости производят информирование различных органов о состоянии преступности несовершеннолетних.

2. Выявляют причины и условия совершения преступлений отдельными несовершеннолетними, информируют органы исполнительной власти и органы местного самоуправления об обнаруженных причинах и условиях.

3. Проводят рейды и операции, направленные на выявление несовершеннолетних группы риска.

4. Выявляют несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства.

5. Оказывают содействие различным органам и учреждениям, в частности образовательным, где занимаются пропагандой и распространением правовой информации.

6. Выявляют несовершеннолетних, находящихся в трудном жизненном положении и оставшихся без попечения родителей [1].

Осуществляя профилактику правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, сотрудники ЦВСНП работают рука об руку с комиссией по делам несовершеннолетних, взаимодействуют с судами общей юрисдикции и органами прокуратуры, школами и иными образовательными организациями.

Во время беседы с несовершеннолетним сотрудник ЦВСНП должен обладать навыком выбора наиболее эффективного к конкретному случаю метода педагогического воздействия. Наиболее часто применяемые методы в работе инспекторов — это методы убеждения, поощрения и наказания.

Метод убеждения – основной метод воспитательного воздействия на подростка. С помощью этого метода сотрудник ЦВСНП воздействует на формирование сознания несовершеннолетнего, оперативно решает воспитательные задачи. Метод убеждения заключается в разъяснении всех последствий, что могут ждать несовершеннолетнего, в результате совершенного им деяния, поэтому этот метод чаще применяется при проведении профилактических бесед. При этом, при проведении профилактических бесед инспектор может чередовать как положительные, так и отрицательные примеры, в зависимости от конкретной ситуации [2].

В своей работе сотрудник ЦВСНП, так же, использует и метод поощрения. Метод поощрения действует положительно и эффективно, если во время профилактической беседы несовершеннолетний, которого поощрили, получает положительные выводы, разрешить проблемную ситуацию, что ему удалось сделать вместе с сотрудником. Желание быть правопослушным возникает у несовершеннолетнего тогда, когда в беседе между сотрудником ЦВСНП и подростком сформирован положительный настрой и чувство удовлетворенности самим собой и собственными результатами. При этом, основная задача сотрудника ЦВСНП, применяя метод поощрения, добиться того, чтобы несовершеннолетний стремился разрешать ситуацию в положительном ключе, без нарушения закона, самостоятельно.

Часто применяемым является, так же, метод наказания. Основой наказания является стремление достигнуть того, чтобы несовершеннолетний почувствовал раскаяние за совершение общественно опасных деяний, и был способен к самокритике и самоанализу собственного поведения. Метод наказания не заключается лишь в применении приемов морального порицания и осуждения действий несовершеннолетнего. Цель применения указанного метода заключается в ресоциализации несовершеннолетнего и формирование у последнего мотивации для совершения правомерных поступков.

Работа сотрудников ЦВСНП многообразна и требует постоянного совершенствования профессиональных качеств, знаний оперативной обстановки, умения правильно применять те или иные методы педагогического и психологического воздействия на несовершеннолетнего. А это означает, что сотрудники ЦВСНП должны своевременно повышать квалификацию, для совершенствования педагогических знаний, умений и навыков.

Содержаться несовершеннолетние в указанном центре могут не более тридцати суток. В исключительных случаях это время может быть продлено на основании постановления судьи на срок до пятнадцати суток.

Пристатейный библиографический список

1. Иванцов С. В., Соломатина Е. А., Страунинг Ю. А. [и др.]. Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними: Курс лекций. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2017. – 244 с. – ISBN 978-5-9694-0412-0. – EDN XVWQLZ.
2. Рамкулов Р. Ф., Худобородов А. Л. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: педагогические аспекты воспитательной работы с подростками // Вестник ЮУрГПУ. -2016. - № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-podrazdeleniy-po-delam-nesovershennoletnih-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-pedagogicheskie-aspekty> (дата обращения: 25.01.2024).

МИНАКОВ Павел Анатольевич

кандидат политических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РОССИИ

В статье представлено авторское понимание особенностей социокультурной преемственности в России. Отмечается, что на протяжении истории российское общество внутренне, в структуре мировоззрения, изменялось очень мало, все новшества в организации общественной жизни, идущие извне, адаптировались к существующей традиции и носили в большей степени лишь внешний характер, слабо затрагивая сложившиеся ценностные установки.

Ключевые слова: социокультурная преемственность, символы, ценности, трансформация, изменения, российское общество, консолидация.

MINAKOV Pavel Anatoljevich

Ph.D. in political sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technological University

ON SOME FEATURES OF SOCIO-CULTURAL CONTINUITY IN RUSSIA

The article presents the author's understanding of the peculiarities of socio-cultural continuity in Russia. It is noted that throughout history, Russian society has changed very little internally, in the structure of the worldview, all innovations in the organization of public life coming from outside have adapted to the already established tradition and were mostly only external in nature, weakly affecting the established values.

Keywords: socio-cultural continuity, symbols, values, transformation, changes, Russian society, consolidation.

В России сложились специфические особенности социокультурной преемственности, которые следует рассматривать в рамках определённого этапа политико-правовой трансформации российского общества. По мнению И. И. Глебовой, особенности российской социокультурной преемственности легче понять, если её сравнить с европейской. Учёный отмечает, что европейская культура сформировала такой «алгоритм движения во времени, который предполагает, что одна... социокультурная форма исторически вырастает из другой» [1, с. 324]. В европейской культуре действует механизм саморегулирования и саморазвития, ориентирующий на постоянный поиск обновляемой формулы синтеза фундаментальных принципов и потребностей времени. Такой пересмотр не нарушает общего алгоритма, в России же всё, по мнению И. И. Глебовой, происходит наоборот.

Анализируя исторические эпохи, предшествующие современной, И. И. Глебова выделяет в качестве особенности жизни российского общества сложившиеся специфические формы противостояния нового и старого. В России, возникающая исторически, новая социокультурная форма противостояла старой. Описывая революционные изменения, происходившие в начале и окончании XX века в России, учёный обращает внимание на то, что радикальный демонтаж старого, принял характер катастрофы. И. И. Глебова отмечает, что в результате такого демонтажа прежние социокультурные формы, сложившиеся в царской и советской империях, перестали существовать. Радикальные изменения привели к нарушению естественной преемственности. Учёный пишет: «Разрушается живое (не отжившее, а потенциально жизнеспособное) прошлое, вызревшее в нём творческое начало. Иной жизненный строй создаётся как «новообразованный» – во всех смыслах этого слова» [1, с. 324]. Наглядными примерами разрушения преемственности стал европейский вектор развития России, заложенный в большей степени Петром I (разрыв с эпохой «Святая Русь») и дальнейшие попытки модернизации страны (разрыв с монархической традицией в феврале 1917 года). Однако такие радикальные изменения вызывают определённую реакцию общества. А. С. Ахиезер считал, что сталинизм «можно понять, как террористический ответ общества на потоки новизны, обрушившиеся на него в XX веке» [2, с. 554]. К. Б. Валиулин и Р. К. Зарипова, полагают, что свойственный «для страны традиционализм» [5, с. 247] способствовал победе большевиков. Период преоб-

разований как правило кратковременен, после него Россия возвращается «в привычные, традиционные для неё условия развития» [5, с. 247]. По мнению Н. А. Бердяева, большевизм оказался «наиболее верным русским традициям, и русским исканиям, но и русским методам управления и властвования насилием» [4, с. 93].

И. И. Глебова также подчёркивает, что социокультурная преемственность в российском обществе проявляется прежде всего в реакции на возникающие в нём новшества. Она пишет: «Делая очередную попытку жить по новым принципам, он (социум – от автора) не позволяет разрушить свои «глубинные ценности», пытается приспособить новизну к традиции – по типу поглощения, растворения (что есть иная форма насильственного «навязывания», внедрения новизны)» [1, с. 238]. В возникшем «новообразовании» продолжают сохраняться и «действовать социогенетическая программа, обеспечивающая непрерывность и определяющая логику социокультурной трансляции и «трансмутации»» [1, с. 324-325]. Признавая тем самым, что в российском обществе, несмотря на возникающие в истории социокультурные «разрывы», в той или иной степени воспроизводится наследие прошлого и сохраняется социокультурная преемственность, но при этом постоянно осуществляется выбор способов преемственности [1, с. 325].

Наглядным примером может служить – ценность веры, являющейся важнейшим элементом ценностного ядра российского общества. Данная ценность реализовывалась в разных внешних формах. В досоветский период истории ценность веры прежде всего была реализована в религиозной форме, при этом введение христианства на Руси, а позднее и раскол русской Православной церкви в XVII веке, сопровождалось попытками искоренения прежних внешних форм религиозных веры. Советская власть предприняла меры по отстранению граждан от религии, ставшей при прежнем царском режиме обязанностью, взамен навязывая идеологические и морально-нравственные установки и пытаясь монополизировать всю духовную жизнь общества. Однако такие изменения большей частью граждан нового государства, получившего название СССР, воспринимались в определённой степени как новая форма веры, подкреплённая аппаратом принуждения. В современном глобальном мире предметом «веры» становятся технологии, предоставляющие возможность получения доходов.

Следует отметить, что причиной внутреннего неприятия некоторыми людьми внешне навязываемых им форм жизни в обществе, является их несогласие признавать претензии определённых заинтересованных субъектов на монопольное владение истиной. История показывает, что последние зачастую придавали трактуемой ими по-своему «истине» инструментальный характер, прежде всего используя её в целях усиления влияния на общество и управления им, посредством воздействия на сознание людей. Это в последствии приводило к возникновению идеологических «крайностей» во взглядах на общественно-политическую жизнь. В современной России наличие этих «крайностей» нашло своё отражение в своеобразной борьбе либеральных и консервативных ценностных установок. Среди предметов споров, ведущихся между лицами придерживающихся данных установок, следует назвать такие вопросы как: взаимодействие гражданского общества и государства, многообразие взглядов на решение общественных проблем, роль личности в обществе, значимость культуры как духовной скрепы российского общества, значение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и т.д.

А. С. Ахиезер подчёркивал цикличность развития российского общества и связывал её со склонностью к крайностям. Он писал, что российское общество – это «общество, постоянно ищущее себя, периодически себя находящее и вновь теряющее, следуя сложной системе переходов от одной крайности к другой» [2, с. 677]. Учёный также отмечал: «Лежащая в основе каждого глобального периода некоторая исходная социокультурная клеточка всегда оказывалась лишь одним из полюсов, одной из реальных возможностей, которая периодически переходила в свою противоположность» [2, с. 676]. Данной точки зрения придерживается и И. И. Глебова, приводя оригинальную трактовку ритма русской истории чередования в ней – Смуты и Порядка [1, с. 170].

В современной России то, что теоретически считается несовместимым на практике объединяется и может выглядеть вполне органично. Такое совмещение стало возможным благодаря деятельности верховной власти, стремящейся целенаправленно и системно консолидировать современное российское общество. Важнейшим элементом, способствующим данному процессу, являются меры по сохранению социокультурной преемственности.

В процессе консолидации общества важное значение приобретают символы. В России развернут процесс по формированию символов и ценностных ориентаций, способствующих объединению общества. Так, ещё П. Сорокин подчёркивал, что наличие общих ценностей является необходимым фактором интеграции общества. Учёный писал, что «движущей силой социального единства и социальных конфликтов являются факторы духовной жизни общества – моральное единство людей или разложение общей системы ценностей» [3, с. 252].

Для преодоления представлений о дискретности прошлого России проводится активная деятельность по наделянию смыслами происходивших в прошлом событий, прежде всего того, что было в период советской истории, в том числе безусловное признание таких достижений как Победа в Великой отечественной войне, полет Ю. А. Гагарина и ряда других. Символические образы государственного величия, порядка и преемственности прошлого и настоящего заполнили социокультурное пространство современного российского общества. Так, например, символом преемственности стало торжественное поднятие флагов Российской империи, СССР и Государственного флага Российской Федерации в Санкт-Петербурге в парке, посвященном 300-летию северной столицы, находящимся рядом с «Лахта-центром». Хотя в направлении консолидации российского общества сделано в последнее время немало, вместе с тем, проблема по-прежнему актуальна.

Процессы социокультурной преемственности связаны и с другими особенностями российской общественной жизни. Следует выделить следующие моменты.

Первый момент – в России сложилось во многом избирательное восприятие того, что имело место в её истории и культуре. Прошлое могут полностью отрицать, не замечать или наоборот «гипертрофированно» восхвалять отдельные

события и достижения, зачастую забывая об объективности. Вместе с тем каждое поколение от своих предков получает определенное культурное наследие, пользуется им, так как считает нужным для себя, в тех условиях и обстоятельствах, в которых оно оказалось, а потом оставляет своим потомкам наследие, для того чтобы уже они пытались по-своему осознать прошлое и могли из чего-то исходить в своих устремлениях.

Второй момент проявляется в сложившихся взаимосвязях личности и общества. Сущность человека и его место в мироздании занимали умы русских философов в период с XVIII до XX веков. Однако эти поиски велись главным образом в особенностях моральных качеств личности. Вместе с тем, такие вопросы как: что влияет на человека, побуждая его быть тем или иным; почему в нем иногда отсутствует мораль; что влечёт его на совершение недостойных поступков, обсуждались нечасто. В то же время, сложившиеся общественные отношения, которые застают человека при рождении, заставляют его «встраиваться» в них, формируют его разум и чувства. Социальные институты, имеющие определяющее значение для человека, такие как государство, собственность и др., а также сложившиеся формы общественного сознания (мораль, политика, право и др.) в российском обществе зачастую противопоставлялись личностному «я». Данные институты и формы общественного сознания в поздний советский период и в 90-е гг. XX века, по сути, были дискредитированы и в дальнейшем, в ходе их трансформации, предпринималась прямо противоположная попытка активного внедрения в сознание личности и общества идей индивидуализма, что в настоящее время подвергается критике. В современной России идёт поиск оптимального сочетания индивидуального и коллективного начала в личности.

Третий момент, который влияет на социокультурные процессы, обнаруживается в особенностях российского общественного сознания, прежде всего в период трансформации общества. Предполагается, что в большой степени оно иллюзорно и податливо к различным подражаниям и влияниям. Однако, следует отметить, при заимствованиях и копировании часто оригинал интерпретировался и изменялся в такой степени, что результат мало напоминал первоисточник. При этом в российском обществе присутствовало желание всё взятое извне сделать самобытным и отличным от оригинала.

Таким образом, выделенные тенденции говорят о том, что на самом деле российское общество внутренне, в структуре мировоззрения изменяется очень мало, все новшества в организации общественной жизни, идущие извне, подстраивались к уже сложившейся традиции и носили в большей степени внешний характер. Речь следует вести не о разрушении культурного наследия прошлого, периодически происходившего в истории России, а его трансформации. Первоначально рамки трансформации задавались идеологическими установками верховной власти, но в дальнейшем происходил процесс адаптации к данным установкам и привнесение в них смыслов, олицетворяющих запросы большинства российского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. – М.: Наука, 2006. – 332 с.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) - Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.
3. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии – М.: Наука, 1994. – 560 с.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМКА-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
5. Валиулин К. Б., Зарипова Р. К. История России (IX – XX вв.). – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2007. – 452 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-459-461

КАРЕВ Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета

КОРЧАГИНА Анастасия Павловна

студент Самарского государственного экономического университета

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЕ ВЫБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья описывает процесс выборов в России как представитель демократического института, подчеркивая важность честности, прозрачности и легитимности выборов. Она также рассматривает принципы выборов, участие граждан за пределами страны, работу избирательных комиссий и правовое регулирование, которые направлены на обеспечение свободы, честности и справедливости выборов. Статья подчеркивает, что изменения в системах, регулирующих выборы, способствуют эффективности и справедливости выборов и обеспечивают активное участие граждан в формировании власти на различных уровнях.

Ключевые слова: выборы, голосование, избирательные комиссии, независимость, легитимность.

KAREV Dmitriy Alexandrovich

Ph.D., associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty of the Samara State University of Economics

KORCHAGINA Anastasiya Pavlovna

student of the Samara State University of Economics

LEGAL SUPPORT FOR THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article describes the election process in Russia as a representative of a democratic institution, emphasizing the importance of honesty, transparency and legitimacy of elections. It also examines the principles of elections, the participation of citizens outside the country, the work of election commissions and legal regulation aimed at ensuring the freedom, honesty and fairness of elections. The article emphasizes that changes in the systems governing elections contribute to the efficiency and fairness of elections and ensure the active participation of citizens in the formation of power at various levels.

Keywords: elections, voting, election commissions, independence, legitimacy.

В России выборы – представитель демократического института, с помощью которых физические лица выражают волю и участвуют в жизни своей страны. Так как Россия – это государство демократическое, отдельное внимание в стране уделяется честности, прозрачности и легитимности выборов, а также гарантиям предоставления людям прав на естественное выражение политической воли.

Один из процессов, касающихся выборов, заключается в улучшении и изменении избирательной системы. За последние годы в законодательстве было много изменений, касающихся обеспечения прозрачности выборов, их справедливости и эффективности.

Можно выделить несколько принципов при проведении выборов:

- равное для всех право выбирать;
- равное для всех право быть избранным (конечно, при условии, что кандидат соответствует всем критериям);
- прямое голосование;
- тайное голосование, при котором, в отличие от прямого, обеспечена конфиденциальность избирателей;
- свобода при формировании политических партий, являющихся представителями различных политических направлений.

Участие граждан в выборах и референдумах – это то добровольное действие, на которое никакие структурные, властные и законодательные органы не способны повлиять. То есть человека нельзя заставить голосовать и ему нельзя препятствовать в голосовании.

Так как голосование – это то право, которое есть у всех граждан страны, те граждане, которые проживают за пределами страны, могут проголосовать на территории консульств. В таком случае задача консульств – сделать все возможное для того, чтобы граждане РФ за пределами РФ проголосовали.

Работа избирательных комиссий как при подготовке выборов, так и при их проведении базируется на таких критериях, как гласность и открытость. Во время работы таких

комиссий запрещены любые типы вмешательств со стороны власти, компаний, должностных и физических лиц.

Работа избирательных комиссий базируется на 2 федеральных законах: ФЗ «О выборах Президента РФ»; ФЗ «О выборах депутатов Госдумы Федерального Собрания РФ».

Правовое регулирование выборов на разных этапах – это целая система действий, определяющих порядок и условия проведения выборов. Базой такой системы составляют нормы Конституции, законы, подзаконные акты, постановления и статьи, оперяющие процесс выборов и правила их проведения.

Основные цели правового регулирования выборов и их организации заключаются в следующем:

- обеспечение и гарантии того, чтобы проводимые выборы были свободными, честными и справедливыми;
- защита тех избирательных прав, которыми наделены физические лица на период выборов;
- обеспечение таких параметров выборов, как их прозрачность и их законность;
- контроль за тем, чтобы выборы были обеспечены соответствующими демократическими принципами и были политически стабильными.

Системы и структуры правового регулирования выборов на протяжении всей своей деятельности улучшались и дополнялись новыми статьями, и появлялись они в связи с изменениями в политической и социальной сферах государства.

Все эти изменения систем, регулирующих выборы, позволяют добиться нужной эффективности и справедливости выборов. Также эти изменения гарантируют то, что физические лица будут принимать участие в выборах, тем самым формируя представителей власти на разных уровнях.

На территории РФ есть такая система, посредством которой происходит регулирование и организация выборов.

Такая система не только формирует рамки, но и создает механизмы, необходимые для того, чтобы проводить избира-

тельные процессы, нацеленные на обеспечение законности, справедливости и прозрачности выборов.

Цель этой системы заключается в поддержании принципов демократии при выборах, а также в участии активных граждан при формировании власти на различных уровнях.

Рассматривая правовое регулирование выборов (их проведения и организации в РФ) необходимо отметить несколько моментов:

1. В систему включены те положения, которые напрямую связаны с финансированием выборов и выборных компаний. То есть в рамках системы происходит определение и контроль источников финансирования всех партий, кандидатов и иных участников выборов. Важность такого контроля заключается в том, чтобы предотвратить влияние денежных средств на процесс выборов, а также в том, чтобы у всех участников выборов были равные права.

2. В системе есть такие механизмы, которые обеспечивают особенности выборов – это их свобода и их доступность. То есть в системе регулирования выборов есть такие меры, с помощью которых обеспечивается гражданское право голосовать (при этом к таким гражданам относятся следующие категории: граждане с ограниченными возможностями; представители уязвимых групп; вынужденно перемещенные лица).

3. Наличие механизмов, с помощью которых можно информировать избирателей. Такой механизм предусматривает проведение различных информационных кампаний, публикацию данных о партиях и кандидатах, участвующих в выборах, доступность информации и т.д.

Эти и иные аспекты в сумме создают такую систему правового регулирования, посредством которой обеспечение проведения прозрачных, свободных и полностью справедливых выборов в РФ. Также такие аспекты обеспечивают защиту имеющихся у граждан избирательных прав и устойчивость существующих в РФ демократических институтов.

В избирательном процессе в РФ есть разные субъекты, так или иначе принимающие участие в проведении и организации выборов. Стоит поговорить о них отдельно.

ЦИК, или Центральная избирательная комиссия. ЦИК – это высший исполнительный орган в избирательной комиссии.

Главные функции ЦИК заключаются в проведении выборов на уровне государства, разработке правовых и нормативных актов на том же уровне, установление общей для всех методологии выборов, их проведения и организации. Контроль за тем, чтобы были соблюдены нормы избирательного законодательства в разрешении спорных вопросов.

Что же касается избирательных комиссий (Избирком), работающих в пределах субъектов РФ, то к ним относятся те органы, которые несут ответственность за проведение и организацию выборов в территориальных пределах субъектов РФ.

Такие органы также действуют согласно нормам законодательства РФ, а также согласно действующим нормативным актам субъекта.

Среди главных функций избирательных комиссий в пределах субъектов РФ можно выделить следующие функции:

1. Как организация, так и подготовка выборов. Избиркомы в этом плане осуществляют проведение и подготовку выборов, куда также входит разработка кампаний, утверждение избирательных участков, контроль соблюдения правил во время выборов.

2. Регистрация партий и кандидатов. Избиркомы принимают заявления о регистрации кандидатов, занимаются регистрацией партий.

3. Контроль за финансированием. Как и отмечалось раньше, задача Избиркомов и ЦИК контролируют деятельность партий и кандидатов, при этом обеспечивая соблюдение норм законодательства в сфере финансирования кампаний при выборах.

4. Разрешение любых споров. Избиркомы изучают любые образования и жалобы, так или иначе касающиеся нарушения избирательных правил. Также избиркомы принимают все те решения, которые необходимо принять для разрешения споров в ходе выборов.

5. Информационная работы. Избиркомы занимаются информационной работой по всем вопросам, касающимся выборов, за счет чего также обеспечивается не только объективность, но и доступность информации для участников и избирателей.

Как полномочия, так и структура избиркомов субъектов РФ могут сильно отличаться в зависимости от регионов, однако общая цель избиркомов основана на обеспечении прозрачных и полностью честных выборов в пределах каждого субъекта РФ.

Следующий важный орган – это ТИК (или территориальные избирательные комиссии).

ТИК – это те органы, которые несут ответственность за проведение и организацию выборов в пределах субъекта РФ (то есть в данном случае региона).

Среди основных функций ТИК можно выделить установление участков, формирование списка избирателей, регистрация кандидатов, подсчет результатов голосования вместе с их объявлением, а также иные процессы, которые так или иначе связаны с выборами.

Избирательные комиссии в пределах муниципальных образований. Действия таких комиссий направлены на то, чтобы проводить и организовывать выборы в пределах муниципальных образований (село, район, город).

Такие комиссии занимаются регистрацией кандидатов, формированием списков избирателей. Также они занимаются организацией самого голосования, подсчетом голосов, объявлением результатов и т.д.

Избирательные участки – это те места, в пределах которых граждане осуществляют право голоса. Устанавливаются избирательные участки в пределах каждого отдельно взятого избирательного округа, при этом обеспечивая доступность и удобство голосования для своих избирателей. У каждого участка есть номер, набор избирателей.

Члены избирательной комиссии, имеющие право решающего голоса. Избирательная комиссия является тем независимым органом, который играет одну из важных ролей в выборах, как и в обеспечении их демократических процессов и принципов.

Члены избиркома – это важный элемент структуры, ведь именно члены избиркома напрямую участвуют в процессах и вопросах, касающихся выборов. Правда, не все граждане могут становиться такими членами.

Вот несколько ограничений, при наличии которых человек не может стать членом избиркома с правом решающего голоса:

1. Граждане, которым не исполнилось 18 лет. Согласно нормам законодательства, те лица, которым еще не исполнилось 18 лет, не могут быть членами избиркома из-за отсутствия достаточной юридической дееспособности.

2. Граждане с уголовным прошлым. Все те лица, у которых есть судимость, в особенности если эта судимость связана с избирательными процессами, не имеют права быть членами избиркома. Данное правило защищает безупречность и непредвзятость выборов.

3. Представители или члены политических партий. Упомянутый ранее принцип непредвзятости и нейтральности выборов исключает из состава членов избиркомов тех лиц, которые как-либо связаны с политическими партиями, а также тех лиц, которые как-либо выразили приверженность тем или иным политическим силам.

4. Члены родственных. Ограничения на членство в избиркомке также распространяется и на близких родственников политиков и кандидатов (конфликт интересов).

Как полномочия, так и права членов избиркомов с правом решающего голоса включают в себя следующие моменты:

1. Обеспечение принципа равноправия на этапе принятия решения. Это значит, что у всех членов избиркома есть одинаковые свободы и права при выражении своей позиции, а также при принятии тех или иных решений в ходе обсуждения.

2. Голосование по различным вопросам. У каждого члена избиркома есть возможность принимать те или иные решения по всем вопросам, которые могут повлиять на результаты выборов. Речь идет о вопросах, касающихся утверждения

дения списков, распределения участков, проверки подлинности голосов и т.д.

3. Защита прав избирателей. У должностных лиц с правом решающего голоса есть обязанность, направленная на обеспечение как свобод граждан, так и прав граждан, принимающих участие в выборах. Сюда входит поддержка законности выборов, предотвращение влияния на выборы и т.д.

4. Работа с другими участниками комиссии. Любые решения, принимаемое участниками комиссии (с правом решающего голоса и без него) могут повлиять как на результаты выборов, так и на доверие избирателей.

Член комиссии с правом решающего голоса – важный элемент самой сути демократического процесса выборов.

Роль такого лица заключается в том, чтобы выборы были прозрачными и честными, а также в том, чтобы в ходе выборов любого избиратель мог выразить собственную волю.

Учитывая важность такой должности, стоит выделить те гарантии и возможности, которые у нее есть:

1. Независимость от каких-либо влияний, как партийных, так и политических.
2. Наличие высокой квалификации и широких знаний избирательного процесса.
3. Адекватная оценка и анализ практических всех аспектов, так или иначе касающихся выборов.
4. Профессионализм, гарантирующий правильность решений и справедливость каждого выбора.
5. Прозрачность и открытость деятельности для обществу и граждан, принимающих участие в выборах.
6. Проведение публичных заседаний.
7. Наличие доступа к информации о продвижении выборов и их результатах.
8. Возможность и право обжаловать принимаемые решения.
9. Прозрачность действий и самого процесса выборов, позволяющая настроить доверие со стороны избирателей и исключить из процесса выборов какие-либо скрытые махинации.
10. Наличие и соблюдение высоких этических стандартов, а также моральных принципов, куда входит отказ от подкупа и личной выгоды, соблюдение равенства и справедливости перед действующим законодательством.

Но стоит выделить и те обстоятельства, при которых члена избиркома с правом решающего голоса могут освободить от исполнения им обязанностей:

1. Конфликт интересов.
2. Конфликт интересов с другими членами избиркома, если в случае такого конфликта есть вероятность влияния на независимость и объективность действий члена избиркома.
3. Любые конфликты интересов, при которых риску подвергаются основные принципы выборов (открытость, честность, непредвзятость).
4. Наличие неотложных обязанностей или личных обстоятельств, так или иначе препятствующих исполнению функций в комиссии.
5. Попытки получения взятки.
6. Попытки как-либо повлиять на конечные результаты выборов в пользу того или иного кандидата.
7. Значительные проблемы со здоровьем или теми физическими ограничениями, из-за которых человек не в состоянии выполнять свои прямые обязанности.

Кандидаты. Кандидаты – это такие участники выборов, которые сами себя (или через соответствующие поддерживающие их структуры) выдвигаются для занятия должности или же для представления интересов некоторой группы избиратели.

Кандидаты, в силу своих особенностей, прав, обязанностей и полномочий, могут быть представителями политических партий, а также общественных организаций. Также кандидаты могут быть выдвинуты как независимые, то есть сами по себе.

В целом у всех субъектов, отмеченных выше, есть свои важные роли при проведении выборов. Все эти субъекты так или иначе взаимодействуют друг с другом, следует законодательным нормам и работают так, чтобы не нарушать справедливость и прозрачность процесса выборов.

Одно из главных назначений избирательной комиссии в РФ заключается в обеспечении прав граждан на выборы с

реализацией их участия в политической деятельности государства.

Избиркомы должны принимать обращения граждан, а также предоставлять ответы в сроки, установленные законодательством (чаще всего это срок от 5 до 10 дней до дня наступления выборов). В том случае, если в обращении есть данные о нарушении прав граждан (имеются я виду избирательные права), тогда избиркомы могут обратиться к исполнительным и правоохранительным органам для того, чтобы провести проверку и пресечь нарушение избирательного законодательства.

Остается нерешенным вопрос о месте участковых комиссий в системе публичного управления. Эта проблема была отмечена учеными и практиками, но до сих пор не получила законодательного решения.

Избирательные комиссии самостоятельно принимают решения в рамках своих полномочий, что подтверждается принципом их независимости от органов государственной власти и местного самоуправления. Принятые ими решения обязательны для исполнения. Однако неопределенность статуса некоторых избирательных комиссий подрывает принцип их независимости и, в некоторых случаях, делает его формальным, когда на них оказывается давление со стороны исполнительных органов государственной власти, правоохранительных органов и местных администраций.

Субъекты Российской Федерации, с учетом региональных особенностей, разрабатывают свое законодательство, регулирующее деятельность и статус избирательных комиссий. Например, в Иркутской области принят Закон об Избирательной комиссии Иркутской области и Закон о территориальных избирательных комиссиях Иркутской области, которые устанавливают порядок деятельности и правовой статус соответствующих комиссий. Однако наблюдается дублирование федеральных законов в региональном избирательном законодательстве, особенно в сфере избирательных правоотношений.

Из анализа видно, что деятельность избирательных комиссий различного уровня включает: законодательную инициативу, информирование избирателей, рассмотрение обращений о нарушении избирательных прав, взаимодействие с политическими партиями и средствами массовой информации, организацию выборов и референдумов, использование государственной автоматизированной системы «Выборы», повышение правовой культуры участников избирательного процесса, контроль за соблюдением избирательных прав, регистрацию избирателей и участников референдума.

В свете ключевой роли, которую играют избирательные комиссии в организации и проведении выборов на территории РФ, необходимо законодательно решить вопросы неопределенности их статуса и полномочий, а также систематически работать над усовершенствованием федерального и регионального избирательного законодательства. Наибольшему развитию избирательного законодательства будет способствовать разработка и принятие новых законодательных актов, посвященных регулированию отдельных элементов избирательных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. - 2018. - 9 окт.
2. Лебедев В. А. Конституционное развитие России // Lex Russica. - 2018. - № 11. - С. 16-22.
3. Шаблинский И. Г. Механизм сдержек и противовесов в российской конституционной // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2013. - № 1. - С. 34-42.
4. Куликова Ю. А. Ограничение нахождения президента у власти определенным сроком и количеством сроков пребывания в должности в рамках становления и развития института президентства в Российской Федерации и государствах — членах Содружества независимых государств // Вестник РГГУ. Серия «Экономика, управление, право». - 2013. - № 1. - С. 53-61.
5. Шахрай С. М. Выборы Президента // Историк. - 2018. - № 3. - С. 68-75.

ЯЛОВЕНКО Татьяна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России

ПОЛЯКОВ Вячеслав Александрович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России

РЯБОВ Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ

В статье авторами рассмотрены вопросы содержания юридической обязанности. Приведены признаки и классификация юридических обязанностей. Автор привел основные юридические обязанности в зависимости от отрасли права: конституционного, семейного, гражданского и сделал вывод о том, что содержание юридической обязанности составляют акты поведения участника правоотношений, обязательность которых закрепляется в нормативно-правовом акте, договоре и т.д. и выражена в активных действиях или воздержании от определенных действий. Общим для всех отраслей права, предусматривающих те или иные юридические обязанности, является установление определенного должного поведения, механизма реализации конкретной обязанности и ответственности за ее невыполнение.

Ключевые слова: правоотношение, долг, обязанность, принуждение, право, обязательство, долженствование, юридический факт, ответственность.

YALOVENKO Tatyana Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Theory and history of law and state sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

POLYAKOV Vyacheslav Alexandrovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

RYABOV Sergey Ivanovich

Ph.D. in historical sciences, professor of Philosophy sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE LEGAL OBLIGATION

In the article, the authors consider the issues of the content of the legal obligation. The signs and classification of legal obligations are given. The author cited the main legal obligations depending on the branch of law: constitutional, family, civil and concluded that the content of the legal obligation consists of acts of conduct of a participant in legal relations, the obligation of which is fixed in a normative legal act, contract, etc. and is expressed in active actions or abstinence from certain actions. Common to all branches of law providing for certain legal obligations is the establishment of a certain proper behavior, a mechanism for the implementation of a specific obligation and responsibility for its non-fulfillment.

Keywords: legal relationship, duty, obligation, coercion, right, obligation, obligation, legal fact, responsibility.

Вопрос о содержании юридической обязанности является актуальным и недостаточно хорошо исследованным. Как правило, большинство исследователей внимание уделяют именно правам человека, не заостряя внимание на обязанностях. Права человека связаны с определенными обязанностями по их уважению и защите. Способность человека пользоваться своими правами зависит от уважения этих прав другими людьми. Это означает, что права человека предполагают ответственность и обязанности по отношению к другим людям и обществу.

А. Ю. Кузубова, определяет обязанность как «все должное, то есть то, что требуется исполнять или соблюдать, тогда как долг является объективно необходимым требованием общественной морали. И. Кант указывал в качестве критериев дифференциации морального долга и правовой обязанности мотив и отношение к возможности применения принуждения. Соблюдение категорического императива (долга) он относил к сфере морали – это был результат свободного выбора. Тогда как мотивация юридических поступков, согласно учению И. Канта, неважна, они совершаются в контексте потенциала государственного принуждения» [5, с. 23].

Выявление общих признаков юридической обязанности как элемента правоотношения даст возможность сформировать ее содержание:

- юридическая обязанность участников правовых отношений характеризуется конкретной нормой права, выступает как мера должного поведения;
- юридическую обязанность может реализовать субъект конкретных правоотношений, обладающий правосубъектностью;
- мера должного поведения осуществляется с целью удовлетворения не только интересов уполномоченного лица, но и удовлетворения государственно-публичных, общественных и других интересов;
- является элементом содержания правоотношений, существует только в конкретных правоотношениях как реальное действие субъектов;
- реализация юридической обязанности гарантируется возможностью применения государственного принуждения;
- в пределах правоотношений юридическая обязанность конкретизируется, приобретая признаки реально действующего явления, в частности: определяется его носитель; объ-

ект влияния; интересы обеспечения; уполномоченный субъект; уточняются содержание и пределы должного поведения и т.д. Юридическая обязанность не может существовать вне субъективного юридического права, которое также выступает обязательным элементом содержания правоотношений;

– невыполнение юридической обязанности является юридическим фактом для возникновения правоохранительных отношений с целью реализации мер юридической ответственности в отношении правонарушителя, при наличии в его деянии состава правонарушения.

В общем понимании «содержание» – это внутреннее наполнение, совокупность признаков, наполнение элементами. Юридическая обязанность, по мнению Т. А. Солодовниченко, «включает в себя следующие элементы:

1) долженствование в виде совершения определенных действий;

2) долженствование в виде воздержания от совершения определенных действий;

3) долженствование в виде претерпевания негативных юридических последствий, в том числе мер государственно-принудительного воздействия, лицами, не реализовавшими надлежащим образом возложенные на них юридические обязанности» [6, с. 62].

В настоящее время существуют различные классификации юридических обязанностей, в зависимости от критерия, положенного в основу:

– в зависимости от носителя: обязанности юридических лиц; обязанности физических лиц; обязанности государства (государственных органов); обязанности органов местного самоуправления;

– по источникам закрепления: общие; специальные (индивидуальные);

– по содержанию: простые; сложные;

– по характеру действий: активные действия обязанного лица, то есть активные субъективные обязанности; пассивные действия обязанного лица. Как замечает С. О. Завьялов, «активный характер обязанностей подразумевает необходимость совершать положительные действия, в то время как пассивный характер обязанности подразумевает воздержание от совершения определенных действий или бездействия» [4, с. 168].

– по кругу обязанных лиц: абсолютные; относительные;

– по основаниям выполнения: обязанности, возникающие из норм права; обязанности, возникающие по решению суда;

– по форме исполнения: обязанности, выполняемые в денежной форме; обязанности, выполняемые в натуральной форме; обязанности, выполняемые в смешанной форме; обязанности, выполнение которых завершается результатом выполненных работ; обязанности, выполнение которых завершается предоставлением услуг;

– по принадлежности исполнения: надлежаще исполненные обязанности; ненадлежаще исполненные обязанности (в том числе частично исполненные); неисполненные обязанности;

– в зависимости от способа возложения обязанности: обязанности, которые принимаются лицом добровольно (на основании договора); обязанности, возлагаемые принудительно;

– по способу выполнения обязанности: добровольно исполняемые и принудительно исполняемые обязанности;

– в зависимости от сферы возникновения обязанности: семейные правоотношения, жилищные правоотношения, корпоративные правоотношения, наследственные правоотношения, обязательственные правоотношения и т.д.

Юридические обязанности в зависимости от отрасли права могут быть различными. Так, в ст. 15 Конституции РФ [1] закреплена обязанность соблюдения Конституции РФ и законов.

Основные обязанности конкретизируются в зависимости от вида государственной службы. Например, для сотрудников ОВД обязанности определены в ст. 12 ФЗ «О службе в ОВД» [3]. Так, сотрудник ОВД обязан: знать, соблюдать, обеспечивать исполнение Конституции РФ, законодательства РФ в сфере внутренних дел, проходить регулярные проверки знания законодательства. Сотрудник ОВД должен знать Конституцию, административное и административно-процессуальное право, уголовное право и т.д., уметь анализировать ситуации, требующие применения нормативных правовых норм, квалифицировать административные правонарушения, подведомственные ОВД, иметь способность и готовность их применять в своей профессиональной правоохранительной деятельности и др.

В Конституции РФ в ст. 59 закреплена обязанность гражданина защищать Отечество. Защита Отечества является долгом и обязанностью каждого гражданина. Устанавливая определенную юридическую обязанность, законодатель преследует различные цели – обеспечить безопасность и порядок в обществе, защитить права граждан и т.д.

Военная служба является одной из главных служб для страны, поскольку от эффективности ее функционирования зависит безопасность каждого жителя РФ. Сохранение мира, стабильности, государственной и территориальной целостности Российской Федерации невозможно осуществить без самоотверженного труда военнослужащих, обеспечивающих необходимый уровень защищенности от угроз.

Цель призыва состоит в обеспечении достаточного количества кадров национальной обороны и безопасности. На военную службу возложены серьезные задачи по защите страны от рисков, а на военнослужащих возложен высокий уровень ответственности в период прохождения военной службы. Для реализации обязанности защитить Родину, приняты нормативно-правовые акты, регулирующие и конкретизирующие воинские обязанности, а также обязанности должностных лиц, государственных органов и организаций, которые должны обеспечить реализацию обязанности гражданина воинской обязанности и другие положения, определяющие порядок поступления на военную службу, ответственность и т.д. Каждый гражданин, впервые зачисленный на военную службу обязан принять присягу, после ее принятия военнослужащий приобретает полный объем своих прав и обязанностей.

Поскольку военнослужащий – это специальный субъект права, он обладает специальными субъективными правами и юридическими обязанностями, закрепленными в специальных нормах права, определяющих его правовой статус. Правовой статус военнослужащего – законодательно закрепленная совокупность прав, обязанностей, ответственности, в целях исполнения ими военной службы. Российская Федерация, принимая на себя обязательства по обеспечению прав и свобод военнослужащих, в свою очередь, для военнослужащих устанавливает обязанности и юридическую ответственность за их невыполнение.

При этом, как верно замечает Т. А. Солодовниченко, «в публичных правоотношениях юридической обязанности может корреспондировать не только субъективное юридическое право, но и другая юридическая обязанность», речь идет о «столкновении «столкновение» юридических обязанностей. В правоотношениях, в которых, с одной стороны, лицо, не наделенное властными полномочиями, исполняет возложенные на него публично-правовые обязанности, а, с другой стороны, орган (должностное лицо) публичной власти тоже реализует юридические обязанности. Так, «ответственные за военно-учетную работу должностные лица (работники) организаций, ответственные за военно-учетную работу должностные лица органов местного самоуправления обязаны оповещать граждан о вызовах (повестках) военных комиссариатов или иных органов, осуществляющих воинский учет, а гражд-

дане, которых они оповещают, обязаны являться по этим вызовам [6, с. 76].

В семейном праве предусмотрена обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей (ст. 80 СК РФ) [2] и обязанность совершеннолетних детей по содержанию родителей (ст. 87 СК РФ). Выплата алиментов является разновидностью предоставления содержания, осуществляемым по соглашению сторон либо на основании закона, то есть установленный в судебном порядке. Алиментное обязательство предполагает конкретизацию прав и обязанностей. Обязанность содержать своих детей либо родителей связано с тем, что в силу возраста как несовершеннолетним детям, так и нетрудоспособным родителям требуется забота, денежное содержание. Так, при уходе из семьи одного из супруга, забота и воспитание детей ложится на другого супруга, что вызывает трудности, в том числе финансового характера. В свою очередь, нетрудоспособным, нуждающимся родителям также нужна забота и уход, лекарственные препараты и т.д.

Для возникновения алиментного обязательства требуется наличие следующего юридического состава: наличие родственной связи – происхождение детей или усыновление, нуждаемость получателя алиментов, имущественное положение субъекта алиментного правоотношения, позволяющее ему исполнять обязательство по предоставлению содержания, наличие вступившего в законную силу судебного акта или нотариально удостоверенного соглашения, устанавливающего размер, условия и порядок выплат алиментов и т.д.

Права детей и родителей как получателей алиментов обеспечиваются мерами юридической ответственности. Изучение судебной практики показало, что чаще всего привлекаются к ответственности за неисполнение данной обязанности в отношении детей.

Следует выделить и основные проблемы правового регулирования алиментных обязательств родителей и детей: незащищенность обязанного лица в случае добровольного исполнения обязанности по содержанию лица, претендующего на получение алиментов; отсутствие законодательно установленного минимального размера алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей, отсутствие реального правового механизма выявления истинных доходов должника, уклоняющегося от уплаты алиментов, а также отсутствие механизмов контроля целевого использования алиментов, излишняя мягкость уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за уклонение от уплаты алиментов.

В гражданском праве, в некоторых правоотношениях, возникновение обязанностей может предшествовать возникновению гражданских прав или их установление может быть прямым следствием возникновения права. Например, собственник, имеющий долю в квартире, не может ее продать, пока не выполнит определенные обязанности: продавец доли в праве общей долевой собственности обязан уведомить других собственников о своем намерении, предложить им выкупить долю, указав цену и другие условия. После выполнения данной обязанности, получив отказ от преимущественного права покупки доли, либо согласие на ее покупку, собственник доли получает право на продажу своей доли.

С приобретенным имуществом возникают и другие обязанности: содержать собственность в надлежащем состоянии, платить налоги; в случае перепланировки получить соответствующее разрешение и т.д.

Гражданское право играет важную роль в регулировании договорных отношений, устанавливая общие принципы и нормы, руководствуясь которыми стороны могут заключать и исполнять различные соглашения. Основные принципы гражданского права, такие как: свобода договора, добросовестность, равноправие сторон, направлены на обеспечение справедливости и стабильности правоотношений. Субъективная гражданская обязанность в договорном обязательстве

является индикатором правомерности действий обязанных субъектов, позволяющим определить:

- а) в каких случаях договорное обязательство прекращается путем его надлежащего выполнения;
- б) в каких случаях договорное обязательство подлежит расторжению;
- в) в каких вариантах сторона договорного обязательства может отказаться от договора в одностороннем порядке;
- г) в каких случаях отказ от исполнения приведет к не заключению договора.

Следует отметить, что гражданско-правовая ответственность наступает при нарушении обязанности, установленной законом либо подзаконным актом, и предполагает возмещение причиненного ущерба.

Таким образом, содержание юридической обязанности составляют акты поведения участника правоотношений, обязательность которых закреплена на уровне нормативного правового акта, договора, односторонней сделки и т.д., имеющих четко определенные ими пределы, воплощаемые в активных действиях или воздержании от определенных действий, направленных на наиболее полное удовлетворение законных требований управомоченного лица по исполнению обязанности.

Общим для всех отраслей права, предусматривающих те или иные юридические обязанности, является установление определенного должного поведения, механизма реализации конкретной обязанности и ответственности за ее невыполнение.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм. от 01.07.2020) // СЗ РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 851.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.95 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 05.12.2011. № 49 (часть 1). Ст. 7020.
4. Кузубова А. Ю. Юридическая категория «обязанности» в политико-правовых доктринах русского консерватизма и Европейского либерализма XIX века // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 4 (146). – С. 22-25.
5. Солодовниченко Т. А. Субъективные права и обязанности в частном и публичном праве: монография. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 111 с.
6. Завьялов С. О. Юридическая обязанность – элемент правовых отношения: содержание, формы, признаки // E-Scio. – 2020. – № 5 (44). – С. 165-175.

ВЭЙ Аньюй

магистрант Факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена изучению содержания и сущности государственного управления. Рассматривается важность данного процесса в функционировании государства, его цели и основные принципы. Автор обращает внимание на различные подходы к определению государственного управления и его основные составляющие. Особое внимание уделяется методам исследования государственного управления, таким как анализ нормативных документов, сравнительный анализ систем управления различных стран, экспертные оценки и другие методики. Исследование направлено на выявление ключевых аспектов государственного управления и его влияния на общественную жизнь.

Ключевые слова: государственное управление, методы государственного управления, экономические отношения, публичная политика.

WEI Anyu

magister student of the Faculty of Public Administration of the M. V. Lomonosov Moscow State University

CONTENT AND ESSENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

The article is devoted to the study of the content and essence of public administration. The importance of this process in the functioning of the state, its goals and basic principles are considered. The author draws attention to various approaches to defining public administration and its main components. Particular attention is paid to methods of researching public administration, such as analysis of regulatory documents, comparative analysis of management systems in different countries, expert assessments and other techniques. The study is aimed at identifying key aspects of public administration and its impact on public life.

Keywords: public administration, methods of public administration, economic relations, public policy.

Начиная с 70-х годов прошлого века, такие экономические теории, как теория общественного выбора и новая институциональная экономика, стали теоретической основой нового государственного управления, которая обеспечивает соответствующую идеологическую и теоретическую базу для критики традиционного государственного управления, а также обеспечивает методологическую основу для проектирования рыночной модели государственного управления и принятия государственных решений.

Новая методология государственного управления базируется на неолиберальной экономике и по сравнению с расплывчатой теоретической базой традиционного государственного управления, экономическая наука представляет собой точную, эмпирическую и детерминированную методологию, основанную на анализе поведенческих мотиваций людей, открывая тем самым новую перспективу маркетинга, либерализации и конкурентоспособности экономической направленности исследований в области государственного управления. Это имеет первоочередное значение для обогащения и совершенствования теории государственного управления, и, что немаловажно, новаторство этой методологии также сыграло положительную роль в практике реформы государственного управления.

Теоретически новая методология государственного управления выходит за рамки теоретического видения и сферы традиционного государственного управления.

Теоретическая основа традиционного государственного управления, начиная с теории Вебера и теории дихотомии между политикой и администрацией Вильсона и Гудноу, не вышла за пределы теоретической области политической науки. Теоретическая основа нового метода государственного управления прорывается за дисциплинарные рамки традиционного государственного управления и берет за свою теоретическую основу современную западную экономику и бизнес-администрирование, так что внимание общественных организаций к рыночной стоимости вытесняет внимание традиционных бюрократических организаций к эффективности и создает новую перспективу исследований государственного управления.

Наиболее влиятельной теорией в экономических исследованиях является теория общественного выбора, которая использует логику и методы современной экономической науки для анализа поведенческих характеристик политических индивидов, связанных с народом в реальной жизни, а также поведенческих характеристик правительства и различных политических групп, производных от него, с предположением о рациональном экономическом человеке, максимизации полезности, обмене и анализе спроса и предложения.

Сфера охвата и направленность исследований были расширены и расширены до разработки и реализации государственной политики. Этот исследовательский метод теории общественного выбора обеспечивает важную исследовательскую перспективу и пространство для мышления для государственного управления, а также имеет новаторскую ценность в теории. Согласно Бьюкенену, «общественный выбор – это политическая точка зрения, которая возникает в результате широкого применения инструментов и методов экономистов к коллективному или рыночному принятию решений и «то другой взгляд на политические системы» [1].

На практике новый подход к государственному управлению сыграл положительную роль в повышении эффективности управления. В 70-е годы XX века, когда государственное управление западных стран в целом столкнулось с кризисом эффективности, доверия и управления, экономическая наука была применена к изучению государственного управления с ее зрелой дисциплинарной базой и уникальной методологией, и постепенно завоевала доминирующее положение, обеспечив рыночно-ориентированную направленность реформы государственного управления.

Ученый в области менеджмента Оуэн М. Э. Хьюз провел глубокий анализ взаимосвязи между новой методологией государственного управления и теоретическими основами экономики и полагал, что новое рыночное государственное управление находится под глубоким влиянием нового развития экономической теории, начиная с 70-х годов 20 века, а утверждение рыночной стоимости в неоклассической экономике изменило государственную бюрократию [2]. Экономика была интегрирована в новое государственное управление,

заменив традиционные представления о государственном управлении, которые были приняты верхушкой бюрократии.

На практике, по сравнению с традиционными методами управления, новый метод управления, ориентированный на стимулирование государственного управления, также демонстрирует уникальные преимущества.

Традиционная бюрократическая система, ориентированная на регулирование, которая делает акцент на строгом соблюдении правил и норм, и бюрократическая система иерархической умеренности в форме абсолютного командования и повиновения, не только подавляет энтузиазм и творческий потенциал государственных служащих, но и наносит ущерб реализации общественных интересов, что приводит к поведению государственных служащих, которые действуют в соответствии с правилами и положениями, придерживаются старых правил и не ищут ни заслуг, ни недостатков. Из-за того, что в традиционной бюрократии нет стимулов, слепое регулирование делает людей не восторженными и трудолюбивыми, и результат может быть только неэффективным, а феномен уклончивости серьезен.

Как говорит Питерс: «Главная проблема традиционной бюрократии заключается в том, что она не обеспечивает достаточных стимулов для поощрения своих членов к эффективному выполнению своей работы» [3].

Исходя из предположения о «рациональном экономическом человеке», новый подход к государственному управлению перешел от бюрократической модели, ориентированной на регулирование, к новой модели государственного управления, ориентированной на поощрение конкуренции и акцент на стимулах. В то же время новый метод государственного управления пропагандирует систему оплаты труда, основанную на результатах, и внедряет оценку эффективности и управление эффективностью деятельности организации, основанную на результатах, особенно путем разработки поощрительных контрактов и других средств эффективного стимулирования энтузиазма, инициативы и творчества индивидов, что в определенной степени эффективно разрешает дилемму ограничения традиционной модели государственного управления, предусматривающей ограничение человеческой субъективности, с тем чтобы максимизировать потенциал людей и разумно координировать взаимосвязь между личными и организационными интересами. Кроме того, практическое применение теории транзакционных издержек новой институциональной экономики, являющейся теоретической основой нового метода государственного управления, также является хорошим воплощением механизма стимулирования.

Согласно ракурсу транзакционных издержек, государственный сектор не является единственным поставщиком государственных услуг, и некоторые общественные организации также могут стать поставщиками государственных услуг. При этом в форме предоставления государственных услуг может быть принят метод договорного лизинга или контрактного аутсорсинга. Таким образом, когда государственный сектор предоставляет государственные услуги, он должен повышать качество и эффективность государственных услуг, ориентируясь на клиентов и конкурируя с другими поставщиками государственных услуг.

По сути, новый подход к государственному управлению заключается во внедрении рыночных механизмов в государственный сектор, а также в повышении качества и эффективности государственных услуг за счет новых стимулов за счет введения транзакционных издержек и стимулов в государственные услуги.

Кроме того, в государственных организациях посредством разработки поощрительных контрактов, внедрения оценки служебной деятельности и управления служебной деятельностью на основе результатов деятельности, а также принятия системы оплаты труда по результатам деятельности можно эффективно стимулировать индивидуальный энтузиазм, инициативу и творчество, использовать личный потенциал и в определенной степени реализовать совместимость личных интересов и интересов организации.

Уместно отметить, что по сравнению с традиционным государственным управлением, новая методология государственного управления, исходя из предположения о человеческой природе «рационального экономического человека», которая признает разумные интересы индивидов, выступает за стимулирование государственных служащих и общественных организаций с помощью рыночного механизма и механизма конкуренции для повышения качества и эффективности государственных услуг и завершает трансформацию методов государственного управления от бюрократической нормативной ориентации управления, придающей значение организационной рациональности, к стимулирующей ориентации управления рыночно-ориентированной конкуренции, которая в свою очередь придает значение индивидуальной рациональности [4].

Подводя итог, можно сказать, что теоретическая методология нового государственного управления как новая теоретическая парадигма играет двойственную роль в историческом процессе развития государственного управления и в практике нового государственного управления.

С одной стороны, она прорывается сквозь оковы традиционных теорий государственного управления, берет за свою теоретическую основу неолиберальную экономику, теорию общественного выбора, теорию транзакционных издержек и теорию управления промышленными и торговыми предприятиями, берет за представление индивидуалистический метод рационального мышления «рационального экономического человека» и берет за основу конкурентный метод управления рыночной экономикой, формируя ориентированный на результат метод управления эффективностью, ориентированный на клиента, и систему методов стратегического управления, ориентированную на внешний рынок.

Применение этих методов управления на практике расширило рамки исследований и тематику государственного управления, обогатило методы государственного управления, оптимизировало структуру дисциплины, усовершенствовало теоретическую базу и практический режим, повысило эффективность государственного управления, сыграло важную роль в практике современного западного государственного управления.

С другой стороны, поскольку методология новой теории государственного управления ограничена теоретическими базами экономической науки и принимает за логическую отправную точку понятие «рациональный экономический человек», с введением рыночного механизма и стремлением к эффективности в качестве цели, она неизбежно повторит ошибку инструментальной рациональности и будет рассматривать государственное управление только как инструмент достижения цели эффективности, что приведет к отсутствию публичного характера и ценности государственного управления, что вызвало критику со стороны теоретической и практической областей. Тем не менее, как новая парадигма управления, методология новой теории государственного управления по-прежнему имеет необходимость своего существования на определенном этапе общественного развития.

Пристатейный библиографический список

1. Рзаев А. Г. Государственная служба: организационно-правовые аспекты. – Баку: Элм, 2020. – 560 с.
2. Атаманчук Г. В. Управление в жизнедеятельности людей. – М.: РАГС, 2022. – 400 с.
3. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). 2-е изд. – М.: Политиздат, 2019. – 392 с.
4. Парин В. В., Баевский Р. М. Введение в медицинскую кибернетику. – М.: Медицина, 2023. – 145 с.

БРЕДИХИН Антон Викторович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

ДЗЮБАН Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии

ПАНИН Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Академии права и управления ФСИН России

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ «НОВЫХ ВОЙН»

В данной статье рассматривается роль международных террористических организаций как самостоятельных акторов в системе «новых», гибридных войн. В глобальном мире происходит трансформация устоявшихся участников международных процессов. Классический формат войны уходит за линию истории. Информационный, гуманитарный, социально-экономический «фронт» занимает все большее значение. В таких условиях терроризм изменяет свою сущность, становясь активным механизмом в рамках организации государственных переворотов, «цветных революций» и «новых войн». Он же теряет свою централизованность, приобретая черты сетевой транснациональной структуры.

Ключевые слова: гибридные войны, «новые войны», терроризм.

BREDIKHIN Anton Viktorovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of History sub-faculty of the K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University)

DZYUBAN Valeriy Valerjevich

Ph.D. in historical sciences, Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, professor of Humanitarian disciplines sub-faculty of the Russian Customs Academy

PANIN Yuriy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

TERRORIST ORGANIZATIONS IN THE STRUCTURE OF THE “NEW WARS”

This article examines the role of international terrorist organizations as independent actors in the system of “new” hybrid wars. The global world is undergoing a transformation of established participants in international processes. The classic format of the war goes beyond the line of history. The informational, humanitarian, socio-economic “front” is becoming increasingly important. In such conditions, terrorism changes its essence, becoming an active mechanism within the framework of organizing coups d’etat, “color revolutions” and “new wars”. It also loses its centralization, acquiring the features of a transnational network structure.

Keywords: hybrid wars, “new wars”, terrorism.

Террористические группировки в последнее время стали активно включаться в ведение информационных войн и пропагандистских практик, реализуя тем самым «информационный терроризм». В частности, тактика позиционирования террористических организаций в информационно-медийном пространстве в последнее время претерпела ряд изменений. В начале XXI в. лидеры террористических группировок были известны только рядовым участникам, они пропагандировали себя как организации с устойчивым составом и как образования с определенной географической привязкой [4]. Но со временем эти границы размылись. На данный момент складывается образ стихийного и безлидерного движения («халифатчики»), формирование террористических единиц идет «вне территории», «вне устойчивой членской базы».

Интересно, что еще несколько лет назад террористические организации не использовали современные достижения информационно-цифрового общества в качестве метода борьбы. К примеру, участники движения «Талибан» обходились без мобильной связи и сети Интернет, изредка обращались к услугам мирового интернета представители группировки «Аль-Каида» (обращение по интернету Усамы бен

Ладена в адрес США и стран Запада с угрозами совершения терактов).

Конечно, достижения технического прогресса со временем вошли в жизнедеятельность террористических организаций. И сейчас «информационный терроризм» является одним из основных способов работы этих структур. В частности, со времени начала Сирийских событий (2015 г.) террористическая организация ИГИЛ, запрещенная в России, стала активно использовать потенциал и ресурсы Интернета, а также проявлять активность в социальных сетях. Именно посредством лживой информации террористы стали формировать у отдельных лиц и социальных групп чувства страха и неверия в собственные силы. К примеру, в мае 2014 г. террористическая группировка ИГИЛ распространила во всемирной сети документальный фильм «Звон мечей», где были представлены многочисленные сцены боев вооруженных отрядов террористов с правительственными войсками Сирии и Ирака, кровавые расправы с мирным населением и семьями военнослужащих. В сентябре того же года мировому обществу был представлен не менее ужасающий фильм «Пламя войны» [2].

Технологии планирования сценариев терактов направлены на достижение максимального информационно-психологического эффекта от их проведения и базируются на хорошем знании социальной психологии и массовых коммуникаций. В современных реалиях ввиду общедоступности мобильных телефонов и сети Интернет сделать это очень просто.

К тому же способ мобилизации участников террористических организаций стал отказываться от географических границ и все больше обращаться к виртуальной реальности [4]. В частности, особое распространение в последнее время получили виртуальные вербовки молодежи через социальные сети [5]. Ум и сознание молодого поколения очень просто затуманить и трансформировать. К примеру, террористические группировки представляют себя как «бойцов сопротивления», «борцов за свободу» и др. Описывая террористические операции и акты, они прибегают к терминам «сопротивление», «вооруженная борьба». Информационные материалы сопровождаются «доказательствами» в виде цитат из Корана, вырванных из контекста и предлагающих безальтернативную трактовку высказанных тезисов. Используют многократное повторение одной и той же идеи одновременно на различных ресурсах [2].

Тем самым, именно эти искаженные представления, массовые устрашения и пропаганда терроризма не только формируют современные радикальные единицы, но и определяют успех их деятельности. Психологический и моральный аспект в «гибридных войнах» на данный момент признается главным инструментом для подавления общества.

Цели государств-заказчиков просты и понятны – добиться желаемого результата, подавить волю противника любой ценой. Но какие же мотивы побуждают террористические организации вступать в деловые отношения с западными организациями? Какие причины приводят к успеху такого жестокого партнерства?

В первую очередь, стоит отметить именно идейно-религиозные причины участия террористических организаций в «гибридных войнах». Радикальные движения выдвигают конкретные религиозные лозунги и политические задачи. Если, к примеру, в начале XXI в. исламистскими террористическими структурами все сводилось к призывам о построении халифата в определенных географических границах, то в современных реалиях в информационных ресурсах мы наблюдаем воззвание к присоединению к некому «всемирному» движению, состоянию, действию. Цель невозможно достичь, но нужно быть «на пути к ней», в «состоянии борьбы» с неправильным цивилизационным мироустройством [4].

Однако на смену фанатично-религиозных воззрений вышло стремление к обогащению, получению финансового вознаграждения. Действительно, в современном партнерстве организаторов «гибридных войн» и террористических группировок движущей силой является материальное обогащение. Терроризм становится выгодной сферой бизнеса и обладает неограниченными возможностями. К примеру, террористические структуры осваивают наркоторговлю (афганский наркотрафик), нелегальный оборот оружия, контрабанду нефтеторговли и др. и ведут себя как «настоящие боги маркетинга» [4]. «Гибридная война» превращается в новый вид «хищнической экономики» [3].

Тем самым, террористическая деятельность в процессе ведения «гибридных войн» зиждется на двух основных постулатах: религии и деньгах. Насилие во всех его проявлениях (реальных и виртуальных) приносит террористам деньги, а «гибридные войны» – способ их получения. Длительное участие террористических группировок в таких конфликтах обеспечивает непрерывный поток финансовых средств.

Таким образом, роль террористических организаций в «гибридных войнах» можно считать ведущей, основополагающей. Формирование и изменение контекста мировых

процессов и расстановки сил и применение инновационных средств ведения военных конфликтов позволяет назвать терроризм одним из главных инструментов «гибридной войны». В настоящее время терроризм является эффективной и экономической версией противоборства. Затраты у государств на такой метод борьбы минимальны, а результаты максимально успешны [3]. Полярность мироустройства меняется на глазах, сознание гражданского общества формируется не только путем проведения террористических актов, но и в информационно-медийном поле путем запугивания и устрашения, что позволяет государствам-организаторам подчинять себе целые страны. К тому же ввиду размытых временных рамок «гибридные войны» могут вполне стать бесконечными, а значит, спрос на террористические услуги будет расти и преумножаться.

Руками террористов глобалисты занимаются переустройством мира, запугивая и устрашая население, и используя для этого новые инновационные технологии. Из «гибридных войн» строят новую экономику, которая выгодна практически только глобалистам и террористическим группировкам. Однако результаты такого партнерства могут быть непредсказуемыми и неисправными, ведь сдерживать террористические организации практически невозможно. Их мотивацией становятся не только идейно-религиозные взгляды, но и финансовые вознаграждения. Они высокооснащены и бесконтрольны. Могут ли государства, инициировавшие «гибридные конфликты» взять ответственность за террористические действия? Смогут ли сдержать немислимый поток информационного и силового давления? Это зависит от изначальных целей. Пока есть спрос на услуги террористических группировок, «гибридные войны» будут продолжаться в новых формах и реалиях.

В связи с чем, террористические организации, пройдя ряд трансформаций от «старцы горы» до транснациональных объединений, стали актуальным вызовом теории «новых войн», способствующих еще большему изменению устоявшегося понятия ведения военных действий.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихин А. В., Закопырин В. Н. К вопросу о нормативно-правовом регулировании частных военных компаний в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 10 (185). - С. 310-311.
2. Каримова Г. Х., Иржанов Р. С. Информационные технологии террористических организаций // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. - 2020. - № 3. - С. 51-56.
3. Почта Ю. М. Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2021. - № 4. - С. 734-746.
4. Рудаков А. В., Устинкин С. В. Трансформированная идентичность как ресурс международного терроризма и элемент стратегии «Гибридной войны» // Власть. - 2016. - № 12. - С. 103-108.
5. Чураков Д. О. Противодействие России терроризму в зонах гибридных конфликтов рубежа XX-XXI вв.: этапы, анализ, исторические уроки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. - 2022. - № 3. - С. 118-135.

КАЗАКОВА Наталья Владимировна

кандидат технических наук, доцент кафедры транспортных и технических систем Тюменского индустриального университета

БОГДАНОВА Юлия Зуфаровна

кандидат филологических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья

САДЫКОВА Хадия Нургалиевна

кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассматривается актуальная проблема современности: вопросы самоидентификации, идентификации со своей семьей, друзьями, малой родиной, страной, представителями определенной национальности и др. Приводятся некоторые результаты онлайн-опроса, проведенного среди тюменской молодежи, обучающейся в колледжах и вузах, по методике, разработанной Шайхлисламовым Р. Б., д. социол. н., профессором кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий.

Ключевые слова: студенческая молодежь, идентификация, самоидентификация, семья, друзья, традиции, ценности.

KAZAKOVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Transport and technical systems sub-faculty of the Tyumen Industrial University

BOGDANOVA Yuliya Zufarovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of the Northern Trans-Ural State Agricultural University

SADYKOVA Khadiya Nurgalievna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of the Tyumen Industrial University

STUDENT YOUTH: IN THE MODERN WORLD

The article examines a pressing problem of our time: issues of self-identification, identification with one's family, friends, small homeland, country, representatives of a certain nationality, etc. Some results of an online survey conducted among Tyumen youth studying in colleges and universities are presented using a methodology developed Shaykhlislamov R. B., Ph.D. in sociological sciences, professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology.

Keywords: student youth, identification, self-identification, family, friends, traditions, values.

Актуальность темы исследования.

В ноябре прошлого года на Международном форуме объединенных культур, проходившем в Санкт-Петербурге, Президент, говоря об использовании заимствованных иностранных слов россиянами, выразил свое сожаление. Путин В. В. высказался, что не следует стесняться брать самое лучшее с Востока, Запада, Севера и Юга. Но при этом остерег, что никогда нельзя забывать своих собственных корней, опираться на традиции, благодаря чему добиваться максимального результата для себя самих [2].

О незыблемости традиций и ценностей русского народа России В. В. Путин заявил на заседании Всемирного русского народного собора (ВРНС) [3] и в ежегодном обращении к Федеральному собранию 28 февраля текущего года.

Методы.

Для изучения идентичностей молодых россиян в возрасте от 16 до 21 года осенью 2023 г. сотрудниками кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий был проведен онлайн-опрос студентов Якутии, Бурятии, Удмуртии, Волгоградской, Тюменской и Архангельской областей, Башкортостана в возрасте от 16 до 21 года. Опрос проводился по методике, разработанной Шайхлисламовым Р.Б., д. социол. н., профессором указанной кафедры. Опросом в Тюменской области руководила д. социол. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета Хайруллина Н. Г. В опросе приняли участие студенты всех тюменских вузов, а также учащиеся колледжа ТИУ и Исетского отделения Ялуторовского аграрного колледжа (п. Коммунар). Опрос студентов вузов проведен при непосредственном участии авторов данной статьи.

Объектом исследования выступает молодежь в возрасте от 16 до 21 года, проживающая на юге Тюменской области.

Предмет исследования – идентичность современной молодежи.

Выборочная совокупность составила 496 человек. В целях исследования интерес представляли две возрастные категории: от 16 до 18 лет и от 19 до 21 года. Отметим, что большинство опрошенных (467 человек) проживают в Тюмени, 29 человек – сельские жители. В опросе приняло участие 43 % девушек и 57 % юношей.

Обсуждение.

На протяжении многих десятилетий ученые активно обсуждают и ведут дискуссии о таких дефинициях как «социокультурная идентичность», «самоидентификация», «идентичность» и «идентификация», поэтому зачастую происходит смешение или путаница указанных понятий. Наша задача не состоит в теоретическом анализе указанных определений, а в представлении результатов проведенного эмпирического исследования по проблеме молодежной идентификации в целом. Мы полагаем, что данные понятия неразрывно связаны между собой, поскольку, по нашему мнению, самоидентификация, к примеру, позволяет индивиду сопоставить «себя с собой» и сформировать представления о себе как о личности. Когда индивид осознает свою принадлежность к определенной социальной группе или общности, он оценивает себя в категории «Мы» и «Они». Идентификация, указывает И. А. Акимова, выступает механизмом психологической защиты индивида от внешней, зачастую неблагоприятной, среды и позволяет ему развиваться [1]. По нашему мнению, идентификация и социализация тесно связаны и зависят от влияния социальной среды, происходящих изменений в се-

Таблица 1. Соотнесение респондентов к одному из типов современного человека в зависимости от места жительства, в %

Значение	Место проживания		Всего
	город	село	
Скорее, к первому типу	36,8	41,4	37,1
Скорее, ко второму типу	27,4	20,7	27,0
Затрудняюсь ответить, еще не разобрался в этом	35,8	37,9	35,9
Всего	100	100	100

Таблица 2. Распределение ответов о принадлежности к своей семье в зависимости от места жительства, в %

Значение	Место проживания		Всего
	город	село	
абсолютное значение, без них нет «Я»	35,3	31,0	35,1
большее значение, чем «Я»	23,3	31,0	23,8
какое-то значение, но главное – «Я»	4,9	0,0	4,6
не думал, не знаю	12,8	13,8	12,9
не имеет значения, это формальность	1,1	3,4	1,2
такое же значение, что «Я»	22,5	20,7	22,4
Всего	100	100	100

мье, в учреждениях образования, экономике и государстве в целом. Происходящие преобразования подталкивают подростка или молодого человека к поиску новых форм адаптации к измененной социальной среде.

В данной статье рассмотрим один из блоков анкеты, связанный с идентичностью молодежи. Анализ начнем с представления ответов на вопрос-сравнение. Ученые полагают, что множество «Я» современного человека может выглядеть по-разному. У первых различные «Я» органично связаны с друг другом, обязательно предполагают друг друга. У вторых различные «Я» могут быть относительно независимыми друг от друга. Респондентам предлагалось отнести себя к одному из двух типов современного человека.

В табл. 1 представлены ответы на данный вопрос в зависимости от места жительства.

Как видим, чуть более трети участников опроса в целом (37,1 %) отнесли себя к первому типу современного человека, у которого множество «Я» органично связаны с друг другом, а каждый четвертый отнес себя ко второму типу, у которых различные «Я» относительно независимы друг от друга. Отметим, что сельская молодежь чаще себя относит к первому типу, а городская ко второму типу. Вызывает тревогу ответы чуть более трети респондентов, которые затруднились ответить на данный вопрос-сравнение или еще не разобрались в этом. По нашему мнению, этой категории молодежи характеризуется неопределенностью в целом и им свойственен «уход в себя». Многие социологи фиксируют в своих исследованиях рост числа молодежи, которые не могут сформулировать свое отношение к различным процессам. Например, по мнению Н. Г. Хайруллиной от 20 до 25 % сельской молодежи испытывают затруднения при ответе на вопросы, связанные с общероссийской идентичностью [4], [5].

Помимо нашего «Я», как было отмечено выше, каждый может сказать о себе и «Мы». Это самые разные группы людей, с которыми каждый человек так или иначе связан. В целях исследования респондентам предлагалось определить свою принадлежность с такими группами людей как моя семья, мои друзья, мое поколение, мои родственники, жители моего города, села, жители Тюменской области, люди моей национальности, российский народ, все человечество. Представим распределение ответов о принадлежности к своей семье (табл. 2).

Треть участников опроса указали на абсолютную идентификацию себя со своей семьей, без семьи ответили они, нет меня. Отметим, что городская молодежь в своих ответах чаще указывает на ее абсолютную значимость, а сельская молодежь признается чаще, что семья имеет большее значение, чем они сами. Одновременно около четверти участников опроса поставили знак равенства между собственным «Я» и

семье. Чуть более десяти процентов опрошенных (12,9 %) отметили, что не задумывались об этом.

Анализ ответов по различным критериям не выявил существенных тенденций. Исходя из ответов, городская и сельская молодежь также себя идентифицирует со своими родственниками и россиянами. При этом абсолютная идентификация с российским народом более значима для городской молодежи, а сельская молодежь чаще выбирает вариант ответа, что российский народ имеет большее значение, чем «Я» (10,3 и 6,4 % соответственно).

Заключение.

Проведенный анализ показал, что главными критериями идентификации студенческой молодежи, проживающей в тюменском регионе, является друзья, родственники и российский народ. Более подробный анализ будет представлен в следующих статьях.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. - 1986. - № 1. - С. 94, 98.
2. Путин заявил, что традиции и ценности России не подлежат «выкорчевке». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.m24.ru/news/vlast/28112023/643918> (дата обращения: 16.02.2024).
3. Путин призвал брать лучшее из разных стран, но опираться на традиции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1607048/2023-11-17/putin-prizval-brat-luchshee-iz-raznykh-stran-no-opiratsia-na-tradicii> (дата обращения: 16.02.2024).
4. Хайруллина Н. Г. Общероссийская гражданская идентичность: результаты опроса тюменской молодежи / В книге: Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах. - Тюмень, 2022. - С. 18-174.
5. Хайруллина Н. Г. Общероссийская гражданская идентичность: результаты опроса тюменской молодежи / В сборнике: Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ (СНГ-2021). Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Отв. редакторы О. М. Барбаков, Ю. А. Зобнин. - Тюмень, 2022. - С. 409-414.

БРЕДИХИН Антон Викторович

кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

БОГАТЫРЕВА Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

ЗАКОПЫРИН Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАТУСА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

В данной статье рассматривается вопрос определения в научной среде термина и статуса частных военных компаний. ЧВК приобретают все большее распространение в современном мире, участвуют не только в межгосударственных конфликтах, но и отстаивают интересы крупных международных компаний. Особую актуальность данная тема приобрела в связи с проведением Специальной военной операции и участия ряда ЧВК и добровольческих объединений, в том числе казачьих, в ней, отсутствии единого терминологического подхода у отечественных и зарубежных исследователей. Авторами предпринимается попытка дать свое определение ЧВК.

Ключевые слова: казаки, корпорации, наемничество, частные военные компании.

BREDIKHIN Anton Viktorovich

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of the M. V. Lomonosov Moscow State University

BOGATYREVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of History sub-faculty of the K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University)

ZAKOPYRIN Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

ON DETERMINING THE STATUS OF PRIVATE MILITARY COMPANIES

This article discusses the issue of defining the term and status of private military companies in the scientific community. PMCs are becoming more widespread in the modern world, they participate not only in interstate conflicts, but also defend the interests of large international companies. This topic has become particularly relevant in connection with the conduct of a Special military operation and the participation of a number of PMCs and volunteer associations, including Cossack ones, in it, and the lack of a unified terminological approach among domestic and foreign researchers. The authors attempt to give their own definition of PMCs.

Keywords: Cossacks, corporations, mercenaries, private military companies.

Трансформация формата войн повлекла за собой легализацию статуса их участников, изменение их «статуса-кво». Риск начала третьей мировой войны, начиная с 1945 г., выступает одним из основных факторов сдерживания в различных межнациональных и межрелигиозных конфликтах, противостоянии СССР и США, а теперь России и коллективного Запада. Центры мирового влияния стремятся нивелировать свое официальное присутствие в локальных войнах, проходящих не на их территории, в связи с чем приобретает все большее распространение фактор частных военных компаний (ЧВК), предоставляющих специализированные военные услуги, реализующие поставленные государством-нанимателем задачи, осуществляющих иные, предусмотренные предварительными договоренностями функции.

Государства частично делегируют часть своих полномочий в военной сфере специализированным организациям, порой не имеющим соответствующего статуса или неурегулированным с точки зрения нормативно-правовых актов.

Заказчиком деятельности ЧВК могут выступать и транснациональные компании и иные акторы международных отношений, что способствует «размытию» их статуса. Основными регионами распространения ЧВК выступили Ближний Восток, Латинская Америка и Африка.

В мире не существует четкого определения понятия ЧВК. Согласно одному из определений, «ЧВК – это зарегистрированная частная высокодоходная коммерческая структура, укомплектованная высококлассными техническими специалистами, контролируемая государством и работающая в интересах государства и в этом ее коренное отличие от классических отрядов наемников и террористов» [6]. Согласно определению, приводимому в справке Министерства ино-

Бредихин А. В.

Богатырева О. В.

Закопырин В. Н.

странных дел Российской Федерации, ЧВК «представляют собой коммерческие структуры, укомплектованные высококлассными специалистами и предлагающие услуги военного характера» [7].

В другом определении ЧВК представлена как «высокоорганизованная структура, основная задача которой – обеспечение боевых действий (логистика, сбор и уничтожение неразорвавшихся боеприпасов и мин, вывоз с поля боя и ремонт подбитой техники, питание для военнослужащих, тыловое обеспечение, охрана воинских объектов и складов, тюрем). ЧВК создаются и используются в интересах государства» [1].

Имеет место и более детальный подход, который трактует ЧВК как «коммерческие организации, созданные для извлечения прибыли путем оказания на основе договоров услуг военного и околвоенного характера, действующие преимущественно за пределами страны происхождения, сотрудники которых не являются государственными служащими» [2]. А И. П. Коновалов и О. В. Валецкий определяют, что «ЧВК – это официальные военные бизнес-структуры» [5].

По мнению Д. Типлинга, ЧВК – это «корпорации гражданских служащих, осуществляющих на основе заключенного с государством договора военные услуги, сопровождение и поддержку как внутри страны, так и за ее пределами» [8]. Наглядным примером применения ЧВК внутри страны выступает Турция, привлекавшая ЧВК SADAT для подавления протестов. Его руководитель Аднан Танрыверди определяет важным условием разработку турецкими властями законодательства, которое бы устанавливало контроль государства над будущими ЧВК.

В частности, в Китае все ЧВК подчинены Министерству обороны страны. Соответственно, они являются не «частными», а своего рода государственными структурами, и выступают инструментом внешней политики государства. Контроль государства над ЧВК присутствует и в США, если они получают работу на сумму более пяти миллионов долларов, они должны перейти под контроль Государственного департамента США.

Вопрос взаимодействия государства и ЧВК остается открытым в Великобритании, где изначально рассматривали возможность проработки правовых рамок для зарубежной деятельности ЧВК, в итоге было признано целесообразным и «наиболее эффективным с точки зрения продвижения высоких стандартов» установление для отрасли т.н. практики «добровольного саморегулирования» при минимальной роли государства.

Из зарубежного исторического опыта к ЧВК можно отнести конкистадоров Латинской Америки, получивших от испанских королей особые права, опыт британской, голландской, французской Ост-Индских компаний. К этой же категории относится народное ополчение Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, а также казачья дружина Ермака, состоящая на службе у купцов Строгановых. Позднее запорожские казаки в 1593-1594 гг. выступили в качестве наемников папского посланника Александра Комуловича и посла императора Священной Римской империи австрийского короля Рудольфа II Габсбурга Эриха Лясоты, участвуя в количестве 20 тысяч человек в походе на Молдавию, участвовали в тридцатилетней войне на различных фронтах Европы.

В связи с чем можно констатировать отсутствие единого подхода к определению статуса у ЧВК среди западных ученых, а также в Российской Федерации, о чем, указывалось ранее в [4]. На настоящий момент, несмотря на неоднократ-

ное внесение законодорческих инициатив, в Российской Федерации частная военная деятельность не разрешена, в то время как частная охранная деятельность законодательно урегулирована (Закон РФ от 11.03.1992 N 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»). Вместе с тем нельзя отрицать существование ЧВК Wagner, Редут и иных, их роль при проведении СВО, других вооруженных конфликтов.

Надо признать, что ЧВК это реальность сегодняшнего дня, которая требует своего осмысления и закрепления, в т.ч. и на уровне национального законодательства. В качестве определения сущности ЧВК, предлагаем следующее определение, - под частными военными компаниями предлагается понимать не запрещенные национальным законодательством негосударственные организации, оказывающие на возмездной договорной основе военные услуги за пределами государственной границы государства, в котором они зарегистрированы.

Пристатейный библиографический список

1. Аликин А. ЧВК — это очень эффективный инструмент влияния. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusplt.ru/society/voennie-chastniki-8795.html> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Алухтин Ю. С. Частные военные компании: новая цель политической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2009. - № 2 (17). - С. 104-107.
3. Бредихин А. В. Военная служба казаков в системе безопасности Юга России (на примере Ростовской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. № 5. – С. 234-243.
4. Бредихин А. В., Закопырин В. Н. К вопросу о нормативно-правовом регулировании частных военных компаний в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 10 (185). - С. 310-311.
5. Веселов Ю. А. История и роль ЧВК в современной мировой политике // Мировая политика. - 2021. - № 3. - С. 19-40.
6. Курылев К. П., Мартыненко Е. В., Пархитко Н. П., Станис Д. В. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. // Вестник международных организаций. - 2017. - Т. 12. № 4. - С. 130-149.
7. О частных военных компаниях в США // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1896217/ (дата обращения: 1.10.2023).
8. Tipling D. The Military Extraterritorial Jurisdiction Act and Its Implications for Private Military Companies // Bepress Legal Series. - 2006. - 33 p.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-473-475

ГВОЗДЬ Алина Александровна

студент 2 курса кафедры менеджмента Иркутского национального исследовательского технического университета

БЕРЕЖНЫХ Мария Валерьевна

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента Иркутского национального исследовательского технического университета

ЛИДЕРСТВО КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

В представленной работе проанализированы практические и теоретические аспекты относительно современной концепции лидерства. Статья обсуждает основные характеристики лидерства, такие как вдохновение, мотивация, умение принимать решения, эмоциональный интеллект, коммуникационные навыки и умение работать в команде. Особое внимание уделяется влиянию лидерства на корпоративную культуру, мотивацию сотрудников, развитие бизнеса и достижение стратегических целей. В частности, рассмотрены основные качества современного руководителя и лидера. Также обсуждаются различные подходы к развитию лидерских навыков, как индивидуально, так и в рамках корпоративных программ обучения. В завершении статьи проведен анализ наметившихся тенденций в анализируемом вопросе.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, менеджмент, лидер, руководитель, эффективность.

GVOZD Alina Alexandrovna

student of the 2nd course of Management sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

BEREZHNYKH Mariya Valerjevna

Ph.D. in economical sciences, Head of Management sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

LEADERSHIP AS A KEY ELEMENT OF THE COMPETENCE OF A MODERN LEADER

The presented work analyzes the practical and theoretical aspects of the modern concept of leadership. The article discusses the main characteristics of leadership, such as inspiration, motivation, decision-making ability, emotional intelligence, communication skills and the ability to work in a team. Special attention is paid to the influence of leadership on corporate culture, employee motivation, business development and achievement of strategic goals. In particular, the main qualities of a modern manager and leader are considered. Various approaches to the development of leadership skills are also discussed, both individually and within the framework of corporate training programs. At the end of the article, the analysis of emerging trends in the analyzed issue is carried out.

Keywords: human resources, management, leader, manager, efficiency.

Актуальность исследуемого вопроса базируется на том, что современные руководители обеспечивают вдохновение и мотивацию для достижения целей с помощью лидерских качеств. Они помогают создать видение и сплотить людей вокруг общего дела. Менеджеры обладают необходимыми навыками и знаниями для принятия обоснованных решений и эффективного решения проблем.

Понятия «лидер» и «руководитель» имеют различное значение. Лидер – это человек, которому последуют добровольно из-за его личных качеств и способности вдохновлять других. Именно поэтому, лидерство тесно связано с эмоциональным воздействием на окружающих. Руководитель, в свою очередь, это тот человек, который обладает формальной властью над группой людей в рамках организационной структуры. Лидер и руководитель могут переключаться в реальности и сочетаться в одном лице, часто различают их качества, хотя оба играют ключевую роль в управлении и обеспечении успеха коллектива или организации. Объединение лидерских качеств с професси-

ональными навыками менеджмента позволяет руководителям эффективно управлять коллективом, достигать поставленных целей и создавать здоровую и продуктивную рабочую среду [4].

Теории лидерства объясняют, как и почему определенные люди становятся лидерами. Они сосредоточены на чертах и поведении, которые люди могут использовать для повышения своих лидерских способностей. Согласно сложившейся практике, основными качествами руководителя, которые, по словам лидеров, жизненно важны для хорошего лидерства и руководства являются:

1. Строгая этика и высокие моральные стандарты;
2. Отличные навыки самоорганизации;
3. Продуктивность и ориентированность на результат;
4. Нацеленность на карьерный рост;
5. Умение выстраивать отношения и создавать команду [3].

Исследования показывают, что эти качества считаются наиболее важными для лидеров во всем мире. А теории лидерства помогают объяснить, как лидеры используют и раз-

Гвоздь А. А.

Бережных М. В.

вивают эти качества. В последнее время теории лидерства стали более формализованными, что упрощает их понимание, обсуждение и анализ [5].

Стоит акцентировать внимание на том, что в классических исследованиях об управлении организацией, рассматривают несколько теорий лидерства для менеджеров, а именно:

1. Теория непредвиденных обстоятельств лидерства.
2. Трансформационная теория лидерства.
3. Теория транзакционного лидерства.
4. Теория лидерства великого человека.
5. Поведенческая теория лидерства [1].

Несмотря на разнообразие теорий лидерства, их объединяет стремление к пониманию природы лидерства, его влияния на организации и людей, а также к выявлению ключевых качеств и навыков, которыми должен обладать лидер. Целый ряд теорий имеют общие цели и задачи, такие как выработка рекомендаций по развитию лидеров, понимание и определение роли лидера в организации.

Для эффективного руководства необходим значительный перечень качеств, и может потребоваться некоторое время, чтобы сформировать и развить эти качества внутри себя. Работа над своими лидерскими качествами может помочь индивиду достичь своей цели, изменить себя к лучшему и окружающий мир. Чтобы стать успешным руководителем, лидеры должны:

1. Обладать самосознанием: лидер должен обладать удивительным чувством самосознания. Это включает в себя понимание того, кто вы есть, какова ваша цель и что для вас важнее всего.

2. Создание благоприятной среды. Это среда, в которой можно делиться идеями, не опасаясь порицания, и при необходимости давать положительные отзывы.

3. Демонстрация видения: лидер демонстрирует больше, чем просто быстрое мышление и решение проблем. Они ставят цели на будущее и стремятся к их достижению.

4. Коммуницировать: важно понимать, как эффективно разговаривать с другими. Лидер должен знать, как донести свои цели и идеи таким образом, чтобы это было понятно окружающим.

5. Слушать: лидеры всегда могут слушать и учиться у окружающих их людей. Они взаимодействуют со своими сотрудниками, наставниками и клиентами, активно слушая то, что они говорят.

6. Принимать решения: успешный руководитель знает, как принимать решения и идти на риск, когда это уместно.

7. Направлять других. Руководитель делает больше, чем просто принимает разумные решения и создает стратегические планы [6].

Следовательно, исходя из исследуемых качеств, наиболее значимыми, по нашему мнению, являются:

1. Настойчивость;
2. Самоконтроль;
3. Принятие решений;
4. Делегирование;
5. Упорство.

Настойчивость определяется как продолжение действия, несмотря на противодействие или трудности. Это отказ сдаваться, даже когда ситуация или задачи сложны. Все лидеры должны обладать настойчивостью как качеством. Будет много, много раз, когда задачи или ситуации будут сложными. Если лидер не сдастся он продвигается вперед, это продемонстрирует силу и решимость.

Руководитель должен иметь самообладание. Самоконтроль гарантирует выполнение задач, даже если они нежелательны или неинтересны. Без использования самоконтроля это может привести к прокрастинации и другим неудачам. Если руководитель тренирует свой самоконтроль, он как правило, устанавливает таймер, чтобы ограничить время, затрачиваемое на задачи, нести ответственность за свои действия и быть готовым к препятствиям. Как бы нам ни нравилось думать, что все всегда идет гладко, люди должны понимать, что данный исход нереален и вряд ли произойдет.

Руководители всегда будут иметь решения, которые должны быть приняты в их руках. Возможность принять решение, которое лучше всего подходит для этой компании или сотрудников, имеет жизненно важное значение. Если человеку трудно принимать решения, важно дать себе дедлайн, в течение которого необходимо принять окончательное решение. Также можно попробовать написать список плюсов и минусов, чтобы взвесить свое решение по ним. Третий вариант — узнать мнение окружающих людей. Запрашивая мнения других, важно помнить об их позициях и интересах.

Таким образом, руководитель — это тот, кто управляет предприятием и достигает целей предприятия. Понятие лидерство и руководство взаимосвязаны, ведь руководитель часто является лидером. Лидерство заключается в обнаружении подходящей возможности в нужное время, разработке продукта, услуги или решения, преобразовании их в бизнес-предложение и использовании возможностей. Для этого требуется хорошее сочетание функциональных знаний, деловой хватки, творческого мышления и некоторых других профессиональных навыков. Быть дальновидным часто считают «обязательным» качеством лидера, но в мире, который развивается каждую секунду, сложно очень точно предсказать будущее. И это одна из самых больших проблем, если не страх многих руководителей.

Нами были выделены ключевые аспекты кадровой политики ряда предприятий ТЭК, которые направлены на формирование и развитие качеств современных лидеров.

В современном мире предприятия топливно-энергетического комплекса играют ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности государства. Однако, помимо технических задач и экономических вопросов, существенное значение имеет также правильное управление человеческими ресурсами на этих предприятиях. Роль кадрового потенциала в эффективном функционировании таких предприятий становится все более важной, поэтому внимание к управлению человеческими ресурсами стратегически важно для устойчивого развития отрасли.

Например, компания ПАО «Газпром» выделяет внимание коллективу как ключевому фактору в организации, активно разрабатывая программы мотивации, обучения и развития для повышения эффективности работы [7]. Подобно этому, ПАО «Роснефть» осуществляет тренинги для руководителей и сотрудников для улучшения коммуникативных навыков и развития профессиональных компетенций, например, «Лидер будущего» и программы для молодых специалистов. Такие методы содействуют укреплению командного духа и развитию лидерских качеств [8]. В свою очередь, компания ПАО «Лукойл» отличается открытостью в общении между персоналом и управленческим составом, что обеспечивается личными встречами с генеральным директором и созданием благоприятной обстановки для обмена мнениями. Такие подходы способствуют двустороннему рассмотрению проблем и обмену идеями, что благоприятно

сказывается на достижении целей [9]. ПАО «Юнипро» ставит акцент на социальное партнерство, ценности компании и отсутствие дискриминации, что способствует формированию поддерживающей обстановки для развития лидерских качеств [10]. Компания ПАО «Форвард Энерго» также отмечается укреплением взаимоуважения, ответственности и последовательности в действиях среди своих работников, что способствует развитию лидерских качеств и помогает сотрудникам расти в карьере [11]. ПАО «ЭЛ5-Энерго» держит в центре внимания потенциал и талант каждого сотрудника, постоянно уделяя внимание поддержанию темпов профессионального развития кадров. В компании внедрена программа развития лидерства, которая охватывает сотрудников разных уровней [12]. Компания ПАО «РусГидро» регулярно организует программы, направленные на укрепление единства среди сотрудников и расширение их профессиональных компетенций. Важно отметить, что компания активно привлекает молодежь — это стратегически важный шаг в управлении человеческими ресурсами, поскольку наличие молодых и перспективных сотрудников способствует долгосрочному успеху предприятия [13]. АО «Квадра» прилагает усилия для поддержания социальной стабильности в трудовом коллективе, создавая благоприятную атмосферу, способствующую комфорту каждого сотрудника. Одним из уникальных аспектов компании является проведение спортивных мероприятий, включая корпоративные Спартакиады [14]. АО «ИнерРАО» в свою очередь придерживается политики поощрения активности и долгосрочного профессионального роста своих работников, активно развивая институт социального партнерства [15]. Сотрудники компании ПАО «Т Плюс» глубоко убеждены в том, что истинный успех достигается благодаря слаженной работе команды. Каждый участник коллектива ставит интересы команды выше своих собственных, что является неотъемлемой частью эффективного лидерства и успешного сотрудничества [16]. Анализ этих аспектов поможет более глубоко понять, как предприятия топливно-энергетического комплекса управляют своими человеческими ресурсами, выявить успешные практики, сдать проблемные моменты и предложить рекомендации для дальнейшего совершенствования управления персоналом в этой отрасли.

Таким образом, чтобы стать эффективным руководителем и лидером своей команды, нужно подняться над влиянием эго и открыть для себя, что значит стать человеком в самом полном смысле этого слова: человеком, который положительно связан с другими, кто чувствует себя частью единой системы и, тем самым, кто должен посвятить себя на благо других, вдохновлять и мотивировать людей на успех.

Пристатейный библиографический список

1. Радюк О. М., Басинская И. В., Нехвядович И. Г. Основные факторы эффективности в поведенческих теориях лидерства // *Лидерство и менеджмент*. – 2017. – Том 4. № 2. – С. 99-107.
2. Фэйворс Д. *Лидер новой эпохи*. – Москва: Амрита-Русь, 2021. – 464 с.
3. Щигрев В. А. *Лидер и его основные качества* // *Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации*. – 2019. – № 16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lider-i-ego-osnovnye-kachestva> (дата обращения: 01.03.2024).

4. «Лидер и руководитель: отличия в их деятельности и навыках». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aspro.cloud/pm/docs/leader-and-director/>
5. «Кто такие лидеры». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://huntflow.ru/blog/what-is-leadership/>
6. «Как стать успешным руководителем: советы и стратегии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://getcompass.ru/blog/posts/kak-stat-rukovoditelem>.
7. «Отчет о социальной деятельности Группы Газпром за 2022 год». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/f/posts/56/691615/gazprom-sustainability-report-ru-2022.pdf>.
8. «Отчет в области устойчивого развития Группы «Роснефть» за 2022 год». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/Rosneft_CSR2022_RUS.pdf.
9. «Отчет об устойчивом развитии Группы «Лукойл» за 2022 год». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/633069.pdf>.
10. «Развитие корпоративной культуры Группы «ЮниПро». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unipro.energy/sustainable_development/social/staff/culture/
11. «Устойчивое развитие ПАО «Форвард Энерго». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.frwd.energy/o-nas/ustoychivoe-razvitiie>.
12. «Устойчивое развитие Группы «ЭЛ5-Энерго». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.el5-energo.ru/sustainability/our-people/>.
13. «Годовой отчет ПАО «РусГидро» (включая информацию об устойчивом развитии) за 2021 год». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://storage.yandexcloud.net/storage.rushydro.ru/iblock/dd6/14bqndzq9f64khr3j2m1nxfohabizm99/Godovoj-otchet-2021.pdf>.
14. «Кадровая политика АО «Квадра». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.quadra.ru/o-kompanii/kadrovaya-politika/#bg3>.
15. «Устойчивое развитие АО «ИнерРАО». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://irao-generation.ru/ustoychivoe-razvitiie/>.
16. «Ценности ПАО «Т Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tplusgroup.ru/contrast/company/about/values/>.

ГРЕКОВ Игорь Евгеньевич

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ТИНЯКОВА Виктория Ивановна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления проектом Государственного университета управления, г. Москва

«СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РАЗВИТИЯ» РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

В данной статье авторами осуществлён анализ понятия «сбалансированность развития» применительно к региональному уровню исследования. В результате установлено, что сбалансированное развитие, предполагает заданное соотношение между определенными факторами, при этом перечень данных факторов может заметно различаться; заключено, что сбалансированное региональное развитие является частью более широкого понятия - устойчивого развития.

Ключевые слова: регион, региональная социально-экономическая система, сбалансированность развития регионов, устойчивость развития регионов, дифференциация развития регионов.

GREKOV Igor Evgenjevich

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

ТАКМАКОВА Elena Valerjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

TINYAKOVA Victoria Ivanovna

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Project management sub-faculty of the State University of Management, Moscow

«BALANCED DEVELOPMENT» OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS: APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT

In this article, the authors analyzed the concept of «balanced development» in relation to the regional level of research. As a result, it was found that balanced development presupposes a given ratio between certain factors, while the list of these factors may vary markedly; it was concluded that balanced regional development is part of a broader concept - sustainable development.

Keywords: region, regional socio-economic system, balanced development of regions, sustainability of regional development, differentiation of regional development.

Обеспечение сбалансированного развития - одна из целей управления развитием региональной социально-экономической системы. Трансформация экономической системы, произошедшая в Российской Федерации в 90-х годах 20 века, способствовала усилению дифференциации экономического развития регионов страны. Результативность осуществления региональной политики, как «системы целей и задач органов государственной власти по управлению по политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации» [1], определяется обеспечением «оптимального развития субъектов Российской Федерации и решением территориальных проблем межрегионального и общегосударственного характера» [2].

Региональная социально-экономическая система, как динамическая система, изменяется во времени, испытывая влияние различных внешних и внутренних факторов. Такое изменение зачастую определяют как развитие; отметим, что сущность категории «развитие» не определена окончательно и нередко используется как синоним категорий «движение», «трансформация».

По мнению И. С. Грудиной, при установлении подходов к изучению региональных экономических систем следует принимать во внимание, что «развитие регионов неоднородно и обладает различным потенциалом устойчивости и энтропии». Энтропийность как свойство региональных социально-экономических систем показывает углубление нелинейности их развития [3].

Дифференциация регионального развития в Российской Федерации обусловлена такими группами факторов как:

- 1) природно-климатическое разнообразие территорий;
- 2) историко-культурные различия развития территорий;
- 3) многообразие национально-этнических групп;
- 4) производственная специализация территорий.

Значительные диспропорции в развитии регионов страны приводят к необходимости установления и анализа факторов, приводящих к дифференциации уровней развития регионов страны. В исследованиях разных авторов встречаются такие основные факторы: финансовый потенциал, трудовой потенциал, степень инновационности производственных систем, внешнеэкономический потенциал [4], [5], [6]. Проблема дифференциации регионального пространства как возможного источника социально-политического напряжения, нашла свое отражение в работах В. Н. Лексина и А. Н. Швецова [7].

В дальнейшем, исследователи региональной экономики пришли к выводу, что следует различать понятие «неравномерность», как объективной характеристики экономической системы, и понятие «асимметричность», которая выступает как результат влияния комплекса факторов (внешних, внутренних), и ведущей к нарушению пропорций регионального развития [8].

В качестве одного из инструментов для уменьшения диспропорций в региональном развитии в 2005-2007 гг. рядом российских специалистов предлагалось применять межбюджетные трансферты, то есть считалось, что, увеличивая или уменьшая финансовые потоки, можно изменять структуру

регионального производства и потребления [9], [10], [11], [12], [13].

Разработке системы взаимодействия «центр-периферия» посвящены теории регионального роста. Модель «центр - периферия» Д. Фридмана [14] позволяет заключить, что в развитии региональных экономик превалирующее значение принадлежит пространственному распространению инноваций (так называемая «диффузия инноваций») от центра к периферии. Механизм развития периферийных территорий на базе «диффузии нововведений» был разработан в исследованиях Э. Мэнсфилда, Дж. Фридмана, Т. Хегерстранда, М. Хирооки [15], [16], [17], [18], [19].

Важнейший фактор уровня развития региональной социально-экономической системы – расстояние между центром и периферией. Характер усвоения инноваций во многом определяется числом и содержанием контактов между инновационно-активной средой и периферийными территориями, то есть близость расположения, отсутствие границ (социальных, культурных, религиозных, политических) позволяет сделать вывод об уровне восприимчивости экономики территории к инновациям.

Указанный подход к экономическому выравниванию – «центр-периферия», предполагающий определение и развитие центров роста, а также установление перспективных направлений специализации территорий, сохраняет превалирующее место по настоящее время, как в теоретических воззрениях российских ученых, занимающихся проблемами территориального выравнивания, так и в практической деятельности органов государственного управления (что находит свое отражение в региональных стратегиях социально-экономического развития).

Отметим, что параллельно с разработкой проблем выравнивания асимметрии регионального развития, сформировалась и активно развивается концепция устойчивого развития социально-экономических систем, согласно которой устойчивое развитие предполагает положительные изменения, обеспечивающие сохранение структурной и функциональной целостности при улучшении качества характеристик системы в целом и ее отдельных элементов. Однако нам представляется, что цикличность, присущая развитию социально-экономических систем, не дает возможность обеспечить постоянные позитивные изменения.

Одной из характеристик устойчивого развития является сбалансированность, предполагающая достижение баланса между результатами деятельности человека и сохранением воспроизводственного потенциала биосферы.

Сбалансированное развитие территориальных образований разного уровня активно исследуется отечественными учеными; однако нередко термин «сбалансированное развитие» употребляется как синоним «устойчивого развития», это ведет к подмене внутреннего содержания данных категорий. Так, например, А. В. Кривов считает, что устойчивое развитие это «комплексное, сбалансированное развитие трех составляющих – экономической, социальной и экологической» [20].

В разработке понятия «сбалансированное развитие» можно выделить три основных аспекта: экономический; социальный, экологический. Доминантным, начиная с конца 80-х гг. 20 века, в обществе и научных кругах является экологический аспект сбалансированного развития. Вместе с тем, изучение экономического и социального аспектов представляется нам не менее актуальным.

Мы присоединяемся к позиции специалистов, полагающих, что сбалансированное региональное развитие есть один из элементов обеспечения устойчивого развития. Сбалансированное развитие региональной социально-экономической системы есть развитие, оптимизирующее пропорции между элементами данной системы, в частности, между:

- 1) потребностями в ресурсах, финансовыми ресурсами для их покупки и наличием ресурсов;
- 2) возможностями финансового обеспечения воспроизводства и результативностью функционирования социально-экономической системы;
- 3) потенциалом системы и целями развития;
- 4) структурой производства и задачами развития социально-экономической системы;
- 5) экономическими, социальными, экологическими потребностями;
- 6) производством и потреблением отдельных видов товаров и услуг.

Таким образом, на основе анализа понятия «сбалансированное развитие» применительно к региональному уровню

исследования установлено, что: сбалансированное развитие рассматривается как синоним устойчивого развития (что приводит к подмене понятий); предполагает заданное соотношение между определенными факторами, при этом перечень данных факторов может заметно различаться; рассматривается как некая целевая установка, к достижению которой следует стремиться. Мы полагаем, что сбалансированное региональное развитие является частью более широкого понятия – устойчивого развития.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 23. – Ст. 2756.
2. Штульберг Б. М., Введенский В. Г. Региональная политика России. Теоретические основы, задачи и методы реализации. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – 206 с.
3. Грудина С. И. Теория развития энтропии региональных социально-экономических систем // Казанский экономический вестник. – 2021. – № 3. – С. 24-28.
4. Кагарманова А. И. Механизм управления конкурентоспособностью региона // Науковедение. – 2015. – Т. 7. № 3 – С. 1-12.
5. Лавровский Б. А. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. – 2003. – № 4. – С. 524-537.
6. Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е. Факторы экономического роста в регионах РФ. – М.: ИЭПП, 2005. – 278 с.
7. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Общероссийские реформы и территориальное развитие // Российский экономический журнал. – 1999. – № 4. – С. 54-66.
8. Дружинин А. Г., Шепелева В. А. Асимметрия городского развития как феномен и проблемная ситуация региональной экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6. № 1. Ч. 3. – С. 157-161.
9. Валитова Л. А. Межбюджетные трансферты и экономические стимулы региональных властей // Экономическая наука современной России. – 2005. – № 2. – С. 39-55.
10. Джурбина Е. М. Межбюджетные трансферты в контексте асимметричного развития экономики Ставропольского края // Экономика и производство. – 2007. – № 1. – С. 53-56.
11. Дружинин А. Г., Джурбина Е. М. Региональная парадигма экономического развития: фактор межбюджетных трансфертов. – Ростов н/Д: РГУ, 2005. – 112 с.
12. Придачук М. П. Межбюджетные трансферты: экономический смысл и цели распределения // Финансы и кредит. – 2006. – № 10. – С. 13-15.
13. Чернова О. А. Проблема сбалансированности внутрирегионального развития в исследованиях центр-периферийных взаимодействий // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 1. – С. 4-17.
14. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. – MIT Press, 1966. – 279 p.
15. Мэнсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1970. – 240 с.
16. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. – MIT Press, 1966. – 279 p.
17. Hagerstrand T. Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Information // Papers and Proceedings of Regional Science Association. – 1966. – P. 27-42.
18. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. – Chicago: University of Chicago Press, 1968. – 334 p.
19. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth: A Nonlinear Perspective. – Cheltenham, UK – Northampton, MA: Edward Elgar, 2006. – 448 p.
20. Кривов А. В. Эколого-хозяйственный баланс и устойчивое развитие локальной территории: на примере Торбеевского района Республики Мордовия: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.36. – Саранск, 2009. – 191 с.

КЛУНКО Наталья Сергеевна

доктор экономических наук, DBA США, профессор кафедры философии Департамента подготовки научных и научно-педагогических кадров Российского нового университета, г. Москва

СВИРИДОВ Андрей Сергеевич

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Российского нового университета, г. Москва

ЮРОВА Ирина Александровна

аспирант кафедры информационных систем в экономике и управлении Института информационных систем и инженерно-компьютерных технологий Российского нового университета, г. Москва

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛИТИКИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Целью данной статьи является разработка научно-методических основ формирования региональной промышленной политики. Задачами данной статьи является осмысление сущности и задач региональной промышленной политики; исследование ее специфических целей; определение основных направлений структурной перестройки регионального промышленного комплекса; обоснование концептуальных положений региональной промышленной политики. Актуальность данной темы связана с тем, что стремление органов государственной власти к созданию конкурентоспособного промышленного комплекса, способного в условиях сложной военно-политической ситуации решать задачи социально-экономического развития общества и утверждение России как высокотехнологичного государства, реализуется через региональную промышленную политику, которая базируется на реформировании системы управления региональной промышленностью. Определено, что в настоящее время возникает необходимость целостной и взвешенной разработки Концепции региональной промышленной политики, в рамках которой следует определить цели и приоритеты в данной сфере, основные направления структурных преобразований и механизмы их реализации.

Сделан вывод, что современная региональная промышленная политика должна определять контуры регионального регулирования экономики, при этом данная политика должна сохранять свою социальную направленность и ориентироваться на качественное и эффективное использование человеческого капитала, обеспечивающего реализацию целей и задач развития региональной промышленности.

Ключевые слова: промышленность, региональная политика, цели, концепция, подходы, эффективность, реструктуризация.

KLUNKO Natalya Sergeevna

Ph.D. in economical sciences, DBA USA, professor of Philosophy sub-faculty of the Department of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Russian New University, Moscow

SVIRIDOV Andrey Sergeevich

Ph.D. in economical sciences, professor of Management sub-faculty of the Russian New University, Moscow

YUROVA Irina Alexandrovna

postgraduate student of Information systems in economics and management sub-faculty of the Institute of Information Systems and Engineering and Computer Technology of the Russian New University, Moscow

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT POLICY IN THE REGION

The purpose of this article is to develop the scientific and methodological foundations of regional industrial policy formation. The tasks of this article are to understand the essence and tasks of regional industrial policy; study of its specific goals; determination of the main directions of structural restructuring of the regional industrial complex; substantiation of conceptual provisions of regional industrial policy. The relevance of this topic is due to the fact that the aspiration of the state authorities to create a competitive industrial complex capable of solving the tasks of social and economic development of society and the establishment of Russia as a high-tech state in the conditions of a complex military and political situation is realized through regional industrial policy, which is based on reform systems of management of regional industry. It was determined that at the present time there is a need for a comprehensive and balanced development of the Concept of regional industrial policy, within the framework of which the goals and priorities in this area, the main directions of structural transformations and the mechanisms of their implementation should be defined.

It is concluded that the modern regional industrial policy should determine the contours of regional regulation of the economy, while this policy should retain its social orientation and focus on the high-quality and effective use of human capital, which ensures the implementation of the goals and objectives of regional industry development.

Keywords: industry, regional policy, goals, concept, approaches, efficiency, restructuring.

Введение

Промышленный рост России определяется как законами рынка, так и объективными условиями его регулирования, где ведущую роль играет государство. Стремление органов государственной власти к созданию конкурентоспособного

промышленного комплекса, способного в условиях сложной военно-политической ситуации решать задачи социально-экономического развития общества и России как высокотехнологичного государства реализуется через региональную промышленную политику, базирующуюся на реформирова-

нии системы управления региональной промышленностью, преодолении диспропорций в промышленном производстве, создании благоприятных условий для экономического развития для субъектов предпринимательской деятельности различных форм собственности, полном и эффективном использовании имеющегося научного потенциала и дальнейшего его развития для повышения конкурентоспособности промышленного производства и продукции [12].

Развитие промышленности органически связано с территориальной трансформацией производительных сил. Поэтому взвешенная промышленно-инновационная политика регионов является одной из важных предпосылок обеспечения экономической стабильности России.

В этом плане высокой оценки заслуживают труды таких современных отечественных ученых-регионалистов, как М. Л. Быкова [2], С. Г. Вагин [3], Т. В. Кушнарченко [6], Л. В. Пирогова [9], О. Е. Рассанова, А. В. Лаврентьев, А. С. Федорова [9], А. А. Шацкий [9], М. Б. Щепакин [14], [15] и других. Обобщение научных подходов данных авторов позволяет констатировать, что региональная промышленная политика базируется на таких ключевых началах: она является составной частью государственной промышленной политики и основывается на ее правовой основе; формирование и реализация ее осуществляется с учетом особенностей региона; разработка и реализация этой политики осуществляется администрацией при содействии органов местного самоуправления, ассоциаций, объединений промышленников и предпринимателей.

В то же время современная ситуация, переход российской промышленности на внутреннее самодостаточное развитие с опорой на активную региональную политику, заставляют вновь возвращаться к проблематике формирования региональной промышленной политики.

Исходя из сказанного, целью данной статьи является разработка научно-методических основ формирования региональной промышленной политики.

Задачами данной статьи является осмысление сущности и задач региональной промышленной политики; исследование ее специфичных целей; определение основных направлений структурной перестройки регионального промышленного комплекса; обоснование концептуальных положений региональной промышленной политики.

Методология. Для решения поставленных задач в работе мы ориентировались на структурно-логический подход, позволяющий рассматривать региональную промышленную политику как совокупность отдельных элементов, которые формируют условия для эффективного функционирования системы, определяя общую эффективность промышленного развития региона.

Научная новизна данной работы состоит в том, что в статье структурированы элементы процесса целеполагания в структуре региональной промышленной политики; выделены ее структурные элементы.

Результаты.

Развитие промышленного комплекса региона представляет собой целенаправленный процесс. Цели этого процесса достигаются путём реализации региональной промышленной политики. Цели являются обязательным и непременным атрибутом любой политики. Анализ научной литературы [1], [4], [14] позволяет определить закономерности, которые определяют процессы целеполагания в промышленном комплексе региона, имея в виду взаимосвязь между целями социально-экономического развития территории

и целями промышленной политики, когда последний тип носит вторичный, подчиненный характер по отношению к стратегическим целям регионального социально-экономического развития.

Данную закономерность следует рассматривать как теоретическую базу формирования целей региональной промышленной политики, выделившей в процессе целеполагания прогнозируемые (в качественном и количественном виде) результаты развития промышленного комплекса региона, ожидаемые в конкретные промежутки времени, рассмотрев, в чем состоит специфика целей региональной промышленной политики. По нашему мнению, «региональность» таких целей вытекает из рассмотренной выше закономерности целеполагания, которые свидетельствуют, что цели развития промышленного комплекса региона вторичны по отношению к целям комплексного регионального социально-экономического развития. В этой связи нами предложена принципиальная схема формирования целей региональной промышленной политики (рис. 1).

Как следует из рассмотренной выше принципиальной схемы целеполагания (рис. 1), сущность которой состоит в единстве управления комплексным социально-экономическим развитием и его научно-инновационной сферой, цели региональной промышленной политики и цели социально-экономического развития региона должны быть связаны между собой, о чем шла речь выше. При этом отметим, что эти цели могут носить как оперативный (краткосрочный, тактический), так и стратегический характер, что означает необходимость выявления не только существующих, но и прогнозируемых комплексного социально-экономического развития региона, выявление среди них проблем, которые непосредственно относятся к развитию регионального промышленного комплекса.

Среди этих проблем мы, опираясь на работы таких ученых как М. Л. Быкова [2], С. Г. Вагин [3], Т. В. Кушнарченко [6], А. А. Шацкий [13] и др., можем сказать, что данный комплекс проблем является универсальным для всех регионов России: сохранение более ценных частей накопленного научно-технического потенциала и внедрение его для развития индустрии региона; развитие и внедрение конкурентных преимуществ региональной индустрии и последовательное преодоление её слабых сторон; преодоление деформаций в отраслевой, внутриотраслевой и производственной структуре, проявляющиеся в техническом и технологическом отставании отечественного производства насыщения внутреннего рынка продукцией, выпускаемой региональной промышленностью, в соответствии с потребностями рынка и структурного спроса; создание собственной ниши на мировом рынке для экспорта промышленной продукции, производимой в регионе; формирование оптимального соотношения темпов роста заработной платы и производительности труда, а также внедрение мер, направленных на повышение производительности труда в региональном масштабе.

При этом в процессе формирования региональной промышленной политики следует учитывать следующие важные аспекты функционирования промышленного комплекса региона: стратегическим направлением региональной промышленной политики является поддержка местных стабильно работающих предприятий; региональная промышленная политика формируется как функция обеспечения стратегических потребностей предприятий региона, и является составной частью государственной промышленной политики; совокупность инвестиционных программ компаний региона

Рисунок 1. Процесс целеполагания в структуре региональной промышленной политики (составлено по данным [11])

описывает формирование всех иных качеств промышленной политики и является базовым элементом инновационного регионального развития; существующая промышленная политика в целом и региональная, в частности, должна быть ориентирована на увеличение показателя дохода на душу населения и как следствие на формирование спроса и обеспечение финансово-экономических целей и задач развития промышленных предприятий региона; критерием выбора местных предприятий для поддержки является высокая эффективность производства, а инструментом поддержки является компенсация побочных эффектов, создание условий для активного развития базовых предприятий региональной промышленности [11].

Создание такого комплекса, как выражение промышленной региональной политики, требует тщательной оценки промышленного потенциала предприятия различных форм собственности, определения для каждого из них стратегических приоритетов развития, конечным итогом чего становится разработка программы развития региональной промышленности, являющейся базовым элементом региональной промышленной политики (рис. 2).

При этом, разрабатывая региональную промышленную политику, следует ориентироваться на то, что структура экономики региона, его ядра – промышленного комплекса, является носителем определенных качеств, которые позволяют региону реализовывать ту или иную совокупность функций и в то же время выступают факторами поддержки развития региона в целом.

В современных условиях ведения хозяйства действующая структура регионального промышленного комплекса часто вступает в противоречие с задачами перспективного комплексного социально-экономического развития. Разрешение этого противоречия заключается в формировании

регионом новой структуры экономики, позволяющей эффективно решать широкий спектр проблем социально-экономического развития. Итак, речь идет о разработке концепции структурной перестройки экономики региона, которая является документом более высокого уровня, чем программа развития промышленности.

Анализ научной литературы [5], [7], [8], [15] позволяет говорить о том, что под структурой регионального промышленного комплекса понимаем совокупность отраслей промышленности и технологически связанных с ними отраслей, размещенных на территории региона, характеризующегося составом и содержанием, пропорциями и связями всех видов деятельности, осуществляемого в рамках этой совокупности отраслей.

Соответственно суть региональной промышленной политики (структурной перестройки промышленного комплекса региона) заключается в целенаправленном изменении состава и содержания его частей, существующих пропорций и связей между ними для повышения эффективности его функционирования, улучшения на этой основе эффективности региональной промышленности и создания условий для социального развития территорий. Таким чином региональная промышленная политика реструктуризации определяет целесообразные сдвиги в номенклатуре отраслей, их специализации, в структуре и условиях производства во вспомогательных и обслуживающих отраслях, а результатом реализации данной концепции являются изменения в составе и содержании составляющих регионального промышленного комплекса, изменения пропорций между его компонентами. Данный результат сам по себе является сложно достижимым не только в связи с необходимостью значительных инвестиций и решения целого спектра сложных проблем организационного характера, но и в связи с тем,

Рисунок 2. Структурные элементы формирования региональной промышленной политики Пирогова Лика Владимировна

что цели реструктуризации и достигнутый результат могут по-разному восприниматься руководством региона и руководством предприятий [11].

Разрешение указанного противоречия обуславливает необходимость в рамках региональной промышленной политики определения механизмов поддержки структурных преобразований на уровне отдельных промышленных предприятий.

Таким образом, возникает необходимость целостной и взвешенной разработки Концепции региональной промышленной политики, в рамках которой следует определить цели и приоритеты в данной сфере, основные направления структурных преобразований и механизмы их реализации, в частности, формы и методы государственной поддержки тех предприятий и организаций, которые в процессе реструктуризации утратят свои позиции, а, возможно, и прекратят существование. В этой связи основной заботой органов региональной власти является решение задачи трудоустройства работников, создания условий для того, чтобы реструктуризация не стала причиной роста безработицы и социальной напряженности в регионе.

Решение этих задач связано с финансовой поддержкой временно безработных, их активное привлечение к процессам переобучения, получения новой квалификации, профессии, востребованной в регионе.

В процессе формирования Концепции региональной промышленной политики к ведущим принципам следует отнести целенаправленность, системность, комплексность, эффективность, консенсус интересов.

Соблюдение принципа целенаправленности означает, что формированию и реализации региональной промышленной политики должен предшествовать этап целеполагания, суть которого заключается в выборе и обосновании системы взаимообусловленных целей развития промышленности в системе региональных экономических связей.

Принцип комплексности означает необходимость учета при разработке и осуществлении структурных преобразований в промышленном комплексе региона совокупности экономических, социальных, экологических, градостроительных и политических факторов развития.

Соблюдение принципа эффективности означает, в частности, что реализация региональной промышленной политики должна осуществляться наиболее эффективным с экономической точки зрения способом. Другая составляющая общей эффективности преобразований в промышленном комплексе – социальная эффективность. Речь идет о минимизации социальных расходов, связанных с реализацией запланированных преобразований, которые ни в коем случае не должны снижать качество жизни населения или усиливать социальную напряженность.

Принцип консенсуса интересов означает необходимость выявления и удовлетворения интересов хозяйствующих субъектов и управления, которые являются участниками экономических отношений при разработке и реализации политики преобразований в промышленном комплексе.

Ориентация на данные принципы является базовым условием успеха создания и реализации преобразований в сфере региональной политики, обеспечивая социально-эко-

номическое развитие региона, повышение эффективности региональной промышленности и обеспечения социальной устойчивости и социального мира в регионе.

Выводы.

Таким образом, в настоящее время эффективная и тщательно проработанная региональная промышленная политика является базовым условием эффективного развития региональной промышленности, тем фактором, который определяет, в конечном итоге, эффективность функционирования национальной промышленности, которая должна сегодня обеспечивать не только социально-экономический эффект, но и способствовать выпуску высокоэффективной продукции оборонного назначения. При этом современная промышленная политика России должна обеспечить решение важнейших социальных задач государственного развития, способствуя повышению уровня жизни населения России. В этих условиях, безусловно, проблемы, которые подняты в данной статье являются актуальными.

Современная региональная промышленная политика должна определять контуры регионального регулирования экономики в части поддержки промышленности и стимулирования инвестиционной активности, а также служить основным инструментом достижения целей экономической политики региона и отвечать приоритетам макроэкономической государственной политики. При этом данная политика должна сохранять свою социальную направленность и ориентироваться на качественное и эффективное использование человеческого капитала, обеспечивающего реализацию целей и задач развития региональной промышленности.

В этой связи дальнейшее исследование будет направлено на изучение возможностей управления человеческим капиталом в условиях реструктуризации региональной промышленности.

Пристатейный библиографический список

1. Бобрышев И. С., Ведерникова А. В. Воронин В. В., Ерина Н.В. Механизмы прогнозирования и стратегического целеполагания социально-экономического развития Российской Федерации // Мир новой экономики. – 2020. – № 1. – С. 88-100.
2. Быкова М. Л. Особенности развития обрабатывающей промышленности в современных условиях: региональный аспект // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 1. – С. 38-43.
3. Вагин С. Г. Современное состояние российской промышленности в регионах и перспектива ее развития // Регион: системы, экономика, управление. – 2022. – № 4. – С. 10-15.
4. Владиславлева Т. Б., Керов В. А. Государственная региональная политика: преодоление трудностей выработки и реализации // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2020. – № 2. – С. 77-96.
5. Ибрагимов Р. С. Приоритетные направления реструктуризации промышленности России в условиях глобальных вызовов // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – № 3. – С. 626-629.
6. Кушнаренко Т. В. Движущая роль региональной промышленности в обеспечении резильентности экономик территорий с разными укладами // Есте-

7. Мысаченко В. И., Сафронов С. С. Необходимость реструктуризации промышленных предприятий и ее содержание // Вестник Национального института бизнеса. – 2022. – № 3. – С. 43-52.
8. Мяснянкина О. В., Казьмин А. А. Реиндустриализация старопромышленных регионов ЦФО // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 4. – С. 61-68.
9. Пирогова Л. В. Содержание региональной промышленной политики в контексте стратегического управления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2020. – № 3. – С. 70-77.
10. Рассанова О. Е., Лаврентьев А. В., Федорова А. С. Актуальные аспекты формирования и реализации региональной промышленной политики // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 2. – С. 67-72.
11. Региональная экономика и развитие территорий / Под ред. Л. П. Совершаевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – № 1 (16). – 252 с.
12. Тренды регионального развития - 2023 / Под. ред. акад. РАН В. В. Окрепилова, д.э.н., проф. А. Д. Шматко. – СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023. – 54 с.
13. Шацкий А. А. Региональное развитие промышленности в российской федерации в условиях санкций и ограничений // Управление. – 2023. – № 2. – С. 170-178.
14. Щепакин М. Б. Реструктуризационный «зонтик» как инструмент управления инновационными изменениями в модернизируемой экономике // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – № 1. – С. 27-51.
15. Щепакин М. Б. Управление структурной модернизацией промышленности в региональной экономике в условиях ее инновационного развития // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – № 2. – С. 411-435.

КУЧУКОВА Нафиса Махмутовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности Уфимского государственного нефтяного технического университета

МИРСАЯПОВ Эдуард Альбертович

магистрант по направлению «Стратегическое управление экономической безопасностью» Уфимского государственного нефтяного технического университета

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ КОНТРОЛЯ РАСЧЕТОВ С КОНТРАГЕНТАМИ, АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ И АДАПТАЦИЯ К РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Процесс адаптации международных стандартов контроля расчетов с контрагентами является сложным и многогранным заданием, требующим системных усилий и согласованных мер, однако он приносит пользу не только отдельным компаниям, но и всей экономике страны, обеспечивая более высокий уровень прозрачности, надежности и конкурентоспособности на мировой арене. Однако Россия сейчас сталкивается со многими трудностями и проблемами при принятии международных стандартов. Различия между международными и российскими стандартами бухгалтерского учета, необходимость обучения сотрудников, а также адаптации информационных систем и правовая неопределенность затрудняют путь к успешной адаптации.

Ключевые слова: международные стандарты, адаптация, контроль расчетов, российские компании, обучение персонала, прозрачность финансов.

KUCHUKOVA Nafisa Makhmutovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Economic security sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

MIRSAYAPOV Eduard Albertovich

magister student in the direction «Strategic Management of Economic Security» of the Ufa State Petroleum Technical University

INTERNATIONAL STANDARDS FOR CONTROL OF SETTLEMENTS WITH CONTRACTORS, RELEVANCE OF APPLICATION AND ADAPTATION TO RUSSIAN PRACTICE

The process of adapting international standards for control of settlements with counterparties is a complex and multifaceted task that requires systemic efforts and coordinated measures, but it benefits not only individual companies, but also the entire economy of the country, providing a higher level of transparency, reliability and competitiveness on the world stage. However, Russia is now facing many difficulties and problems in adopting international standards. Differences between international and Russian accounting standards, the need for employee training, as well as adaptation of information systems and legal uncertainty complicate the path to successful adaptation.

Keywords: international standards, adaptation, control of payments, Russian companies, personnel training, financial transparency.

На современном этапе развития глобализации мировой экономики, в которой международные финансовые потоки играют ключевую роль, важность соблюдения международных стандартов в области контроля расчетов с контрагентами становится все более важной. Эти стандарты разработаны международными организациями, такими как Международный совет по финансовой отчетности (IASB) и Международная целевая группа по борьбе с отмыванием денег (FATF), для обеспечения прозрачности, эффективности и безопасности финансовых транзакций на международном уровне.

Для Российской Федерации как активного участника глобальной экономики особенно важна адаптация к вопросам международных стандартов в сфере финансовых расчетов. Это не только способствует укреплению международных экономических отношений, но и является важным шагом в интеграции в мировую финансовую систему [4, с. 20].

МСФО, разработанные Международным советом по финансовой отчетности, представляют собой набор стандартов, которые определяют, как должна быть организована финансовая отчетность компании, чтобы обеспечить прозрачность, сопоставимость и надежность. Эти стандарты важны для инвесторов и кредиторов, поскольку они дают четкое представление о финансовом положении компании, включая ее обязательства перед контрагентами. МСФО устанавливают принципы бухгалтерского учета и отчетности, в том числе связанные с расчетами с контрагентами, которые помогают снизить риск финансовых несоответствий и потенциального мошенничества.

С другой стороны, стандарты ФАТФ сосредоточены на правилах и мерах по предотвращению отмывания денег и финансирования терроризма. Эти стандарты оказывают существенное влияние на способы расчетов компаний с организациями-контрагентами, особенно в международном контексте. ФАТФ разработала ряд рекомендаций, направленных на выявление, оценку и принятие мер по минимизации рисков, связанных с незаконными финансовыми операциями. Эти рекомендации включают необходимость проведения тщательной проверки контрагентов,

мониторинга финансовых операций и ведения соответствующих записей и отчетов.

Оба набора стандартов играют ключевую роль в формировании глобальной финансовой системы, обеспечивая единообразие и последовательность в финансовом учете и контроле за расчетами. Для российского бизнеса, стремящегося интегрироваться в международную торговлю, понимание и применение этих стандартов является необходимым условием обеспечения эффективного участия в международной торговой и инвестиционной деятельности. Однако процесс адаптации и внедрения международных стандартов требует не только изменения процедур и практики компании, но и особенностей российской нормативно-правовой среды [2, с. 166].

При анализе возможной интеграции норм необходимо учитывать проблемы, которые могут возникнуть в ходе адаптации.

Первый важный вопрос – это разница между международными стандартами, такими как МСФО, и российскими стандартами бухгалтерского учета. Эти различия отражаются на методах оценки активов и обязательств, раскрытии информации о финансовом положении компании, методах ведения бухгалтерского учета и отчетности. Например, МСФО предполагают более гибкий и принципиальный подход к учету, тогда как российская система традиционно носила более формальный характер и ориентирована на соблюдение конкретных стандартов.

Вторая задача связана с необходимостью повышения квалификации и выработки профессионального суждения у бухгалтеров и финансовых менеджеров. Применение международных стандартов требует от экспертов не только понимания новых правил и методов бухгалтерского учета, но и умения анализировать и интерпретировать финансовую информацию в соответствии с международными стандартами. Это предполагает значительные инвестиции в обучение и развитие сотрудников.

Третий вопрос – адаптация информационных систем и технологий предприятия к требованиям Международных стандартов финансовой отчетности. Многие российские компании используют устаревшие или специализированные программы и

процедуры бухгалтерского учета, не соответствующие международным стандартам. Обновление и модернизация таких систем требует значительных финансовых и временных ресурсов [1, с. 39].

Кроме того, существуют проблемы правовой и нормативной неопределенности. Хотя российское законодательство постепенно приводится в соответствие с международными стандартами, нормативная база по-прежнему содержит множество несоответствий и пробелов, что создает правовую неопределенность для компаний, стремящихся полностью соответствовать международным требованиям.

Исходя из этого, рассмотрим основные шаги по адаптации международных стандартов контроля расчетов с контрагентами:

Первым шагом к улучшению процесса адаптации является систематическое и всестороннее обучение. Важно, чтобы как руководители, так и сотрудники понимали ключевые аспекты международных стандартов, таких как МСФО и стандарты ФАТФ. Это предполагает не только изучение теоретических основ, но и практическое применение этих знаний в реальных условиях работы. Программы обучения должны быть многоуровневыми и охватывать все аспекты стандартов и их применения в конкретном контексте деятельности компании.

Второе предложение предполагает разработку и внедрение внутренней политики и процедур комплаенса, соответствующих международным стандартам. Это включает в себя пересмотр существующей учетной политики, совершенствование процессов финансового учета и контроля, а также адаптацию правил компании к новым требованиям. Важным аспектом является обеспечение прозрачности и этических стандартов во всех финансовых операциях.

Третья рекомендация предполагает улучшение организационной структуры. Для эффективного внедрения международных стандартов структура управления компании должна способствовать гибкому и эффективному принятию решений. Это может включать создание специальных подразделений или рабочих групп, ответственных за мониторинг и реализацию процесса адаптации, а также обучение и поддержку сотрудников.

Наконец, следует уделить внимание важности постоянного мониторинга и оценки процессов адаптации. Регулярный анализ успехов и проблем, с которыми сталкивается организация в процессе внедрения международных стандартов, поможет своевременно корректировать стратегии и совершенствовать методы работы. Данные меры способствуют не только успешной адаптации к международным стандартам, но и общему развитию и конкурентоспособности российских предприятий на международном уровне [3, с. 81].

Международные стандарты, такие как МСФО и стандарты ФАТФ, направлены на обеспечение прозрачности, эффективности и безопасности финансовых операций на международном уровне. Соблюдение этих стандартов становится необходимым для российских компаний, стремящихся интегрироваться в мировой бизнес.

В настоящее время успешно работает Закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который был создан на основе рекомендаций ФАТФ в 2001 году. Все юридические лица, особенно банки, лизинговые компании и ломбарды, работающие с денежными средствами, обязаны раскрывать информацию о бенефициарах и своей деятельности должны соблюдать законодательство России, не допуская образования незаконных доходов, а также не участвовать в схемах легализации в качестве фирм-посредников [5, с. 6].

Однако Россия сейчас сталкивается со многими трудностями и проблемами при принятии международных стандартов [6, с. 332]. Различия между международными и российскими стандартами бухгалтерского учета, необходимость обучения сотрудников, а также адаптации информационных систем и правовая неопределенность затрудняют путь к успешной адаптации. На сегодняшний день тенденции развития современного бизнеса диктуют необходимость сокращения циклов и увеличения оборачиваемости, как инструмента достижения целей организации с точки зрения эффективности в периоде операционной деятельности, а также «выживания» в агрессивной бизнес-среде.

Одним из инструментов сокращения финансового цикла является оптимизация расчетов с контрагентами, в котором можно выделить два основных механизма:

1. Оптимизация структуры расчетов с контрагентами в целях обеспечения ликвидности с сокращением сроков оборачиваемости дебиторской задолженности и увеличения кредиторской через заключение договоров с поставщиками на условиях отсрочки и покупателями с условием (в порядке приоритетности) авансовой оплаты/ оплаты по факту / минимальной отсрочкой платежа.

2. Контроль соблюдения платежной дисциплины и прозрачность бизнеса как один из важных аспектов организации контроля расчетов с контрагентами в системе внутрикорпоративного обеспечения экономической безопасности:

Основным фактором в соблюдении платежной дисциплины с поставщиками и покупателями является постоянный анализ договорных обязательств. При этом, на предприятии может быть организована система мер по повышению оборачиваемости дебиторской задолженности покупателей, например, путем заключения дополнительных соглашений либо расширения основного договора пунктом, учитывающим штрафные санкции за нарушение сроков оплаты поставок. Допустимы так же обращения в суды с исками как меры по стимулированию и ускорению погашения просроченной в соответствии с заключенным договором дебиторской задолженности [7, с. 9]. Существование данных мер регулирования состояния задолженности покупателей необходимо для предприятия, так как от сроков оборачиваемости дебиторской задолженности зависит платежеспособность самого предприятия. Чем выше оборачиваемость дебиторской задолженности (ниже период оборачиваемости задолженности в денежные средства), тем выше оборачиваемость кредиторской задолженности, тем быстрее предприятие погасит свои долги перед поставщиками без риска привлечения дополнительного финансирования.

Исходя из вышеизложенного, основной показатель повышения эффективности системы контроля расчетов с контрагентами за состоянием расчетов – снижение потерь, связанных с возникновением просроченных, сомнительных и безнадежных долгов.

Задачей контроля, обеспечивающей контроль расчетов с контрагентами, также является минимизация характерных рисков:

- отсутствие точных данных о контрагентах, возможность их участия в схемах легализации в качестве фирм-посредников;
- закупки у ненадежного поставщика и через цепочку посредников;
- несанкционированные закупки, оплата несуществующих обязательств;
- конфликт интересов сотрудников участвующих в закупках;
- принятие к учету счетов поставщиков по фактически отсутствующим поставкам;
- несвоевременная оплата материально-технических ресурсов, приводящая к срыву производственных проектов;
- совершение сделок с неплатежеспособными покупателями;
- искажение бухгалтерской отчетности в части сомнительной и безнадежной дебиторской задолженности.

Основным показателем качества работы контроля расчетов с контрагентами будет составление отчетов по проверке контрагентов в соответствии с рекомендациями российского законодательства и международной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Бригада Д. А. Международные стандарты финансовой отчетности: проблемы и перспективы внедрения в России // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 2. – С. 37-40.
2. Кривоносова А. Е. Международные стандарты финансовой отчетности: проблемы и перспективы внедрения в России // Вестник Академии знаний. – 2017. – № 2. – С. 163-168.
3. Смагина М. Н. Международные стандарты финансовой отчетности в Российской Федерации: этапы становления и проблемы внедрения // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. – 2021. – № 22. – С. 74-83.
4. Хасанов М. М. Внедрение МСФО (международных стандартов финансовой отчетности) в России // Московский экономический журнал. – 2019. – № 3. – С. 19-22.
5. Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
6. Шайбакова Э. Р., Гилязова А. И., Бутков Д. А., Давыдов Д. В. Экономическая безопасность и инерция экономического ответа на санкционное давление западных стран // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10. – С. 331-332.
7. Ишмухаметова И. Н., Алексеев А. Д., Шония Л. О. Правовые вопросы обеспечения информационной безопасности // Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства, регионов, предприятий. Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 6-9.

КОМИССАРОВА Евгения Романовна

магистрант Российской государственной академии интеллектуальной собственности

ТИНЯКОВА Виктория Ивановна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления проектом Государственного университета управления

ИНСТРУМЕНТЫ ЦИФРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УПРАВЛЕНИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНИЗАЦИЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Статья посвящена проблематике создания и использования инструментов цифрового менеджмента, которая рассматривается в качестве основополагающего фактора развития цифровой экосистемы современных компаний. Обосновываются преимущества использования инструментов цифрового менеджмента в проектной деятельности организаций строительной отрасли. Особое внимание уделяется вопросам интеграции инструментов цифрового менеджмента в управление проектной деятельностью в рамках единого цифрового пространства организаций строительной отрасли.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой менеджмент, проект, строительная отрасль, инструменты, управление.

KOMISSAROVA Evgeniya Romanovna

magister student of the Russian State Academy of Intellectual Property

TINYAKOVA Viktoriya Ivanovna

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Project management sub-faculty of the State University of Management

DIGITAL MANAGEMENT TOOLS IN THE MANAGEMENT OF PROJECT ACTIVITIES OF ORGANIZATIONS IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

The article is devoted to the problems of creating and using digital management tools, which is considered as a fundamental factor in the development of the digital ecosystem of modern companies. The advantages of using digital management tools in the project activities of organizations in the construction industry are substantiated. Particular attention is paid to the integration of digital management tools into the management of project activities within the framework of a single digital space for organizations in the construction industry.

Keywords: digitalization, digital management, project, construction industry, tools, management.

Эффективное использование цифровых инструментов в управленческой деятельности позволяет вывести компанию на новый уровень технологических возможностей, повышая ее деловую активность, автоматизируя рабочую среду, сокращая сроки реализации проектов и повышая скорость реагирования на изменения внешней и внутренней среды. Суть понятий «менеджмент», «управление проектом» «цифровизация» в достаточной степени раскрыта в различного рода источниках, поэтому цифровой менеджмент («менеджмент 4.0», «менеджмент цифровой экономики», «менеджмент с использованием цифровых технологий» [7], [8]) можно определить как процессный подход в управлении проектной деятельностью, основанный на использовании цифровых технологий (Big Data, облачные вычисления, интернет вещей, когнитивные технологии, виртуальная и дополненная реальность), инструментов и методологии в планировании, организации, контроле и координации в рамках определенных проектных задач. Целью цифрового менеджмента проектов является повышение эффективности и результативности проектной деятельности, автоматизации рутинных задач, а оптимизация бизнес-процессов в проектной среде посредством использования цифровых ресурсов. В более широкой трактовке цифровой менеджмент предполагает переход на новый формат управления, коммуникации и координации процессов в компании, основанный на выстраивании ее цифровой инфраструктуры. Инструменты цифрового менеджмента – технологии, к которым относят программные и аппаратные средства, облачные сервисы, системы и платформы для управления проектами, учета, коммуникаций и другими аспектами деятельности в организации. На важность внедре-

ния этих инструментов указывает Национальная программа «Цифровая экономика РФ», причем основной акцент сделан на автоматизацию и оптимизацию производственных процессов.

Проведенный в [6] анализ показал, что «предприятия стремятся перевести индустриальные процессы и внешние коммуникации в цифровую форму». Строительные компании также активно внедряют цифровые решения, стремясь достичь «цифровой зрелости» в соответствии с национальной стратегией цифровой трансформации строительной отрасли. Приоритетные проекты, определяющие этот процесс, перечислены в распоряжении Правительства РФ № 3883-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства РФ до 2030 года». Цифровое взаимодействие сможет обеспечить учет, хранение и анализ крупного массива информации, который должен быть структурирован в единой цифровой среде для каждого звена, участвующего в реализации ключевых бизнес-процессов.

Сегодня отечественный PropTech объединяет ИТ технологии для планирования, организации и контроля строительных работ, предоставления жилищно-коммунальных сервисов, управления недвижимостью [10]. При этом компании отмечают следующие положительные эффекты от «цифры» [1]: улучшенная коммуникация (обмен информацией в режиме реального времени; участники проекта получают одновременный доступ к чертежам, планам, спецификациям); автоматический контроль за соблюдением нормативных требований (автоматическая проверка соответствия проек-

ных решений строительным нормам; упрощение создания отчетов о соблюдении нормативов); бюджетирование (формирование более точного бюджета строительного проекта; мониторинг затрат в режиме реального времени; предсказание будущих издержек на основе текущих данных; упрощение создания отчета о финансовом состоянии проекта); безопасность на стройплощадке (более точная оценка потенциальных рисков на каждом этапе строительного процесса); сокращение сроков реализации (повышение производительности) [1].

По оценке [5] цифровизация строительной отрасли в Москве позволила снизить стоимость строительства на 10 %, а согласно исследованиям, проведенным Ineight [2], сокращение себестоимости реализации проекта благодаря использованию цифровых технологий может составлять 20 % от первоначальной сметы. Руководящий состав все больше осознает необходимость использования инструментов цифрового менеджмента в выстраивании бизнес-процессов между всеми участниками строительных проектов. В результате возникает потребность в переходе и адаптации проектных команд к новым форматам планирования, управления и координации, который преимущественно основан на цифровизации всех процессов в организации. В этой связи актуализируется проблема нехватки «цифровых талантов» [9]. Создание и успешная интеграция цифровых инструментов являются приоритетным вызовом для разработчиков программных и платформенных решений в строительных компаниях.

Актуальная проблематика интеграции инструментов цифрового менеджмента в управление проектной деятельностью в рамках единого цифрового пространства организаций строительной отрасли включает в себя:

1) Внешнюю и внутреннюю интеграцию. Вопрос, на который необходимо найти ответ перед началом любого проекта, заключается в том, как объединить внешнюю и внутреннюю среду проекта в единое целое для более гибкого и быстрого реагирования на стремительно меняющиеся условия окружающей среды. К внешним стейкхолдерам проекта необходимо отнести инвестора, заказчика, потребителя, к внутренним – руководителя компании, куратора проекта, руководителя проекта, аналитика. Объединение и эффективное взаимодействие всех групп и уровней заинтересованных сторон является ключевым фактором успеха в управлении проектной деятельностью. Грамотно выстроенная стратегия анализа взаимодействия нацелена на поиск оптимального равновесия между централизацией и децентрализацией властных функций. Это важно для оперативного реагирования на изменения во внешней среде, налаживания производственных связей между звеньями и структурами управления на всех уровнях, а также для сокращения количества уровней в организационной структуре и повышения оперативности и эффективности принимаемых решений.

2) Межуровневую интеграцию проектов. Основная цель – обеспечение гармоничного взаимодействия на всех этапах жизненного цикла проекта, начиная от зарождения идеи и заканчивая ликвидацией объекта. Вертикальное взаимодействие позволяет определить роль каждого элемента в иерархической структуре коммуникационных связей (руководитель компании – заместитель генерального директора – руководитель проекта – аналитик). Горизонтальные взаимодействия в управлении инфраструктурой проявляются в равноправном партнерстве при решении проектных задач (руководитель проекта – проектировщик – архитектор – дизайнер). Важно обеспечить эффективный поток инфор-

мации между различными этапами проработки проекта, контрольными подразделениями, уровнями утверждения. Необходимо предоставить возможность сотрудникам взаимодействовать с одной и той же информацией в различных форматах, конфигурациях и уровнях сложности, объединяя все это сотрудничество в едином цифровом пространстве.

3) Дифференцированную интеграцию проектов. Под дифференциацией в проектной деятельности понимают разрозненность этапов, процессов, целей, функций и задач всех уровней заинтересованных сторон, участвующих в реализации проекта. Персонал, который функционирует на уровне планирования, организации, координации и персонал, который уже реализует свои рабочие процессы на этапе строительных работ, действуют не только в разных структурных подразделениях, но и имеют различные цели и задачи, в том числе, предпочитают разные способы конфигурации информации.

4) Техническую интеграцию проектов. Несовместимость цифровых инструментов и технологий на разных уровнях проработки, анализа, контроля и утверждения проекта. Различные проекты и уровни управления могут использовать разные инструменты цифрового менеджмента, которые не всегда могут быть совместимы друг с другом. Это может затруднять интеграцию и обмен данными на различных этапах утверждения проектной проработки, что приводит к отставанию сроков в утверждении проектной документации. В связи с этим проект никогда не равен производственному процессу, в котором все отлажено и которым можно структурированно управлять, предвидя точное завершение процесса.

5) Адаптацию сотрудников в использовании новых инструментов и технологий в проектной среде организации. Не стоит думать, что сотрудники с первого раза смогут усвоить, запомнить и применить ранее приобретенные навыки работы с подобными платформами и в дальнейшем использовать их на постоянной основе. Предоставление обучения и постоянная поддержка становятся неотъемлемыми и важными компонентами цифровой миграции.

6) Цифровая интеграция проекта – планомерное внедрение цифровых технологий и инструментов для повышения скорости передачи, обработки, утверждения информации на всех этапах ведения проектной документации и на всех уровнях проектного согласования. Цифровая интеграция включает использование программных средств, технологий информационного моделирования, платформенных и облачных решений, что упрощает все этапы совместной работы в области проектных изысканий.

К настоящему моменту времени разработаны следующие цифровые платформенные решения, которые помогут устранить весь спектр указанных выше интеграционных проблем в проектной деятельности строительных компаний:

1. Платформа Larix – уникальный многофункциональный инструмент, разработанный для контроля и эффективного управления проектами на каждом этапе строительства [4]. Она обеспечивает использование передовых методов информационного моделирования (BIM) для успешного управления процессами строительства. С помощью Larix можно осуществлять проверку моделей, проведение оценки стоимости, организацию тендерных процедур, а также полный контроль и закрытие всех выполненных работ.

2. PLAN-R – уникальная платформа, которая открывает возможность оперативно создавать структуру проектов предприятия с учетом многоуровневой иерархии и акку-

ратно отслеживать все показатели каждого проекта [3]. Это достигается благодаря высокоэффективной системе аналитики, встроенной в платформу PLAN-R. С помощью интерфейса управления и анализа в виде дерева проектов, можно максимально эффективно контролировать и анализировать прогресс каждого проекта. Платформа обеспечивает: мониторинг ключевых параметров на всех этапах реализации проекта в режиме-онлайн; управление документами на основе сводной сметной аналитики, содержащей список затрат проекта, полученных на основе объемов работ проекта, требуемых ресурсов и цен, структурированный по статьям; автоматизацию всех этапов разработки, включая создание проектной и рабочей документации на основе технологий информационного моделирования; сбор и аналитика фактически выполненных повседневных задач в режиме-онлайн, интеграцию с мобильными приложениями на смартфоне руководителей проекта с возможностью привязки функции фотофиксации проекта на основе повседневных данных; оповещение по выполненным этапам, также контроль по всем параметрам реализации проекта (поручения, запросы, задачи).

Разработчики платформенных решений для планомерной интеграции цифровых технологий в проектную деятельность строительных компаний ставят перед собой следующие задачи: объединение всех модулей проектного управления в единую цифровую систему, что обеспечит их согласованность и эффективное взаимодействие на всех этапах реализации бизнес-процессов; каждый блок управленческой деятельности обладает собственными уникальными портфелем инструментов, но при этом их взаимодействие основано на функционировании в едином цифровом пространстве; высокая скорость реагирования и адаптации операционной системы в платформенной среде: программное обеспечение, языки программирования, аппаратная система, необходимость учета WEB-решений, мобильные решения; целостная и достоверная информационная картина портфеля проектов, постоянный мониторинг текущих и запланированных операций по выполнению проектных задач. Инструменты цифрового менеджмента привнесли в управлении проектом деятельностью концептуально новые методики, подходы и преимущества в выстраивании цифровой бизнес-среды проектных организаций строительной индустрии. Цифровизация повышает результативность проектов в более быстром, адаптивном и эффективном формате взаимодействия между всеми стейкхолдерами управления проектной деятельностью.

Пристатейный библиографический список

1. 5 преимуществ цифровизации в строительстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital-build.ru/5-preimushhestv-czifrovizaczii-v-stroitelstve/> (дата обращения: 25.01.2023).
2. Global capital projects outlook, 2021: Optimism and Digitization. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ineight.com/wp-content/uploads/2021/07/20210630_BRC_AnnualSurvey_FULL_US_v21.7-FINAL.pdf (дата обращения: 25.01.2023).
3. Plan-R. Система управления строительством Larix. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plan-r.bim-info.ru/#closepopup> (дата обращения: 25.01.2024).

4. Айбим. Система управления строительством Larix. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bim-info.ru/larix/> (дата обращения: 25.01.2023).
5. Бочкарев: Цифровизация строек в Москве снижает стоимость строительства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://reality.ria.ru/20230717/tsifrovizatsiya-1884576977.html> (дата обращения: 18.01.2024).
6. Донцова О. И., Скотникова А. А. Инструменты цифровой интеграции в промышленности // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13. № 3. – С. 1415-1426.
7. Калязина Е. Г. Цифровой менеджмент в управлении проектами // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15. № 12. – С. 4747-4766.
8. Калязина Е. Г., Плешакова Е. Ю., Цветков А. Н. Проектный менеджмент: трактовки, особенности и векторы развития // Теория и практика общественного развития. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/8/economics/kalyazina-pleshakova-tsvetkov.pdf (дата обращения: 18.01.2024).
9. Ларионов В. Г., Баринаева Е. П., Шереметьева Е. Н. Цифровой менеджмент: образование и таланты // Инновации в менеджменте. – 2020. – № 2. – С. 56-63.
10. Применение искусственного интеллекта в приоритетных отраслях экономики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/images/c/cd/Patentnyj_landshaft.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

МАКАР Светлана Владимировна

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры физической и социально-экономической географии Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, г. Саранск

АКТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ УСТОЙЧИВОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: МАЛОНАРУШЕННЫЕ ЛЕСНЫЕ ТЕРРИТОРИИ*

Актуальность статьи обусловлена потребностью в контексте внешних и внутренних вызовов для России формирования источников устойчивого пространственного развития, которое представляется как многокомпонентный процесс, результат которого может быть зафиксирован в формате пространственной организации на конкретный момент времени. Представлен авторский взгляд на современное содержание категории «устойчивое пространственное развитие». Выделены наиболее перспективные, отвечающие критерию «устойчивость», пространственные структуры – малонарушенные лесные территории, представлен анализ и тренды в состоянии данных территорий в России. Малонарушенные лесные территории позиционируются автором в качестве значимого компонента устойчивого пространственного развития России с точки зрения выполнения ими ряда функций: сохранения биоразнообразия, углеродопоглощения, адаптации к климатическим изменениям. Важность отдельных компонент данного процесса отвечает долговременным приоритетам страны, интересам настоящих и будущих поколений. Отмечены количественные особенности локализации малонарушенных лесных территорий, факторы сокращения их площади, актуальные проблемы их сохранения. Цель работы состоит в выделении научно обоснованных и перспективных компонент для устойчивого развития национального пространства.

Ключевые слова: пространственное развитие, устойчивые пространственные структуры, пространственный анализ, управление развитием макрорегионов России.

MAKAR Svetlana Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, chief researcher of the Institute of Regional Economics and Inter-Budgetary Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation; professor of Physical and socio-economic geography sub-faculty of the N. P. Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk

CURRENT COMPONENTS OF SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT IN RUSSIA: INTACT FOREST TERRITORIES

The relevance of the article is due to the need, in the context of external and internal challenges for Russia, to form sources of sustainable spatial development, which is presented as a multicomponent process, the result of which can be recorded in the format of spatial organization at a specific point in time. The author's view on the modern content of the category "sustainable spatial development" is presented. The most promising spatial structures that meet the criterion of "sustainability" are identified – intact forest territories; an analysis and trends in the state of these territories in Russia are presented. Intact forest areas are positioned by the author as a significant component of sustainable spatial development of Russia in terms of their performance of a number of functions: biodiversity conservation, carbon absorption, adaptation to climate change. The importance of individual components of this process meets the country's long-term priorities and the interests of present and future generations. Quantitative features of the localization of intact forest areas, factors for reducing their area, and current problems of their conservation are noted. The purpose of the work is to highlight scientifically based and promising components for the sustainable development of the national space.

Keywords: spatial development, sustainable spatial structures, spatial analysis, management of the development of macroregions of Russia.

На современном этапе в контексте внешних и внутренних вызовов сохранение особо ценных и охраняемых земель рассматривается как фундаментальная основа устойчивого национального пространственного развития. Наряду с аспектами, которые были акцентированы отечественными исследователями пространственного развития во втором десятилетии 21 века для страны в целом, для отдельных видов деятельности и регионов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8] в настоящем особую актуальность приобрели геополитический и климатический векторы [9, 10, 11].

С точки зрения автора, по-прежнему сохраняет актуальность обоснование содержания самой категории «устойчивое пространственное развитие». Попытки обоснования устойчивого пространственного развития как долговременного

интегрированного и синергетического процесса были представлены в трудах последнего десятилетия [12, 13]. В целях обоснования категории устойчивого пространственного развития автором в более ранних трудах выделен ряд категорий – стратегическое развитие, устойчивое развитие и пространство [14, 16] и пространственное развитие [16].

Как полагает автор, устойчивое пространственное развитие страны следует трактовать как направляемые изменения в её пространственной организации, исходя из актуализации форм реструктурирования национального пространства, адекватности сложившегося пространственного каркаса страны потребностям и возможностям связывания отдельных элементов в интегральное пространство в интересах настоящего и будущего поколений. В данном контексте малонарушенные лесные территории (МЛТ) представляют собой компонент природного субпространства нашей страны, который обеспечивает сохранение биоразнообразия, углеродопоглощения (средозащитную) и адаптационную функцию к климатическим изменениям. В территориальной проекции

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

они представляют собой «естественную ландшафтную мозаику нетронутых экосистем» [17] (в том числе нелесных) в пределах лесной зоны России

По сути, под малонарушенными лесными территориями специалистами понимаются целостные природные территории, расположенные в пределах лесной зоны. Данные природные территории характеризуются площадью более 50 тыс. га, не имеют внутри постоянных поселений, действующих транспортных коммуникаций и не затронуты современной интенсивной хозяйственной деятельностью. Представленная трактовка исследуемого понятия (малонарушенные лесные территории) принадлежит российским специалистам, оно зафиксировано в Постановлении Правительства Республики Коми от 9 марта 2022 г. № 114 «Об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий республиканского значения». Отмеченный размер и особенности внутренней структуры МЛТ обеспечивают их главную (принципиальную на сегодняшний день) функцию: «обеспечение устойчивого существования жизнеспособных популяций крупных животных» [17] (в т.ч. хищных).

При анализе масштабов и особенностей размещения МЛТ используются преимущественно относительные показатели. В частности, используется показатель доли территорий, которые эксперты относят малонарушенным лесным территориям, от общей площади территории расположенной к югу от северной границы лесной зоны. Макрорегиональный аспект показывает концентрацию малонарушенных лесных территорий в азиатской части страны – Ангаро-Енисейский макрорегион отмечается наибольшим вкладом в МЛТ, поскольку около 40% территории к югу от северной границы лесной зоны относится к малонарушенным лесным территориям. Дальневосточный макрорегион находится на втором месте – соответственно более трети его территории к югу от северной границы лесной зоны относится к малонарушенным лесным территориям, на третьем месте – Урало-Сибирский макрорегион.

В аспекте регионального уровня (субъектов федерации) следует заметить, что для большинства регионов России такая категория как малонарушенные лесные территории не характерна. Таким образом, размещение данной компоненты пространственного развития отличается поляризацией. Наибольшие площади малонарушенных лесных территорий - сосредоточены в пяти регионах РФ и составляют в совокупности около половины всех малонарушенных лесных территорий. В Дальневосточном макрорегионе это Республика Саха (Якутия) и Эвенкийский авт.округ, в Ангаро-Енисейском макрорегионе - Красноярский край и Иркутская область, Урало-Сибирском макрорегионе - Ханты-Мансийский авт.округ.

Характерный относительный показатель для анализа устойчивого пространственного развития региона – доля площади МЛТ от общей площади территории региона. По наибольшему значению данного специалисты выделяют семь регионов, в которых МЛТ занимают более половины. Рейтинг возглавляет представитель Европейской части России (Северный макрорегион) - Ненецкий авт.округ (100%), затем следуют два представителя Дальневосточного макрорегиона - Корякский авт.округ (88%) и Камчатская область (85%). Далее в рейтинге представлены составляющие Западной Сибири: Республика Алтай (63%) – Южно-Сибирский макрорегион и Ямало-Ненецкий авт.округ (62%) – Уральско-Сибирский макрорегион. Замыкают «семёрку» составляющие Ангаро-Енисейского макрорегиона – Красноярский край - Эвенкийский авт.округ (61%) и Республика Тыва (57%). Десять и более процентов от площади земель, расположенных к югу от северной границы лесной зоны занимают малонарушенные лесные территории в 29 субъектах федерации, на которые в совокупности

приходится 98% всех МЛТ России. Площадь МЛТ в России по данным 1999-2001 гг., составляла около 290 млн га (26% территории к югу от северной границы лесной зоны). Большая часть малонарушенных лесных территорий представлена редкостойными и горными лесами, более 80% малонарушенных лесных территорий – это бореальные леса или тайга» [18]. В числе наиболее современных макро-региональных исследований (2018 г.) в отношении малонарушенных лесных территорий отметим методические подходы к их зонированию в Сибирском федеральном округе [19].

В историческом процессе современного природопользования площадь МЛТ в России, которые рассматриваются специалистами как эталоны дикой природы, под влиянием хозяйственной деятельности, сокращается. Основными факторами трансформации и фрагментации лесов, расположенных в *основной зоне* расселения населения, к которым относятся Европейская часть России, а также южные регионы Сибири и Дальнего Востока, выступают лесозаготовительная промышленность – лесозаготовки в промышленных масштабах, которые, как правило, сопровождаются лесными пожарами. К сведению лесов приводит расширение площадей сельхозугодий и строительство дорожной инфраструктуры. Во второй группе макрорегионов, а точнее на периферии основной зоны расселения населения, малонарушенные лесные территории тоже сокращаются, но по несколько иным причинам. На севере Урало-Сибирского, Ангаро-Енисейского и Дальневосточного макрорегионов фрагментация естественных лесных экосистем произошла в процессе ведения добычи полезных ископаемых и сопровождающих эту деятельность антропогенных лесных пожаров. Таким образом, Ангаро-Енисейский макрорегион в наименьшей степени испытал и испытывает влияние современного природопользования.

Полное исчезновение малонарушенных лесных территорий в результате хозяйственной деятельности эксперты констатируют во многих регионах-субъектах федерации. Данная ситуация касается регионов, которые расположены в основной полосе (зоне) расселения населения, где ведется интенсивная многопрофильная хозяйственная деятельность: Европейская часть России, Урало-Сибирский, Южно-Сибирский, южная часть Ангаро-Енисейского и Дальневосточного макрорегионов. Остатки малонарушенных лесов – это их небольшие массивы, которые уже не могут обеспечить сохранить собственную устойчивость и тем более реализацию всех лесных функций [20].

Сохранение малонарушенных лесных территорий рассматривается специалистами как фундаментальное условие долгосрочного развития страны. Инструментом для этого является включение их в границы особо охраняемых природных территорий. Однако в настоящее время только одна двадцатая малонарушенных лесных территорий находится в пределах федеральных особо охраняемых природных территорий – государственных природных заповедников, заказников, национальных парков и памятников природы. В государственных природных заповедниках охраняется немногим более трех процентов малонарушенных лесных территорий. Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии понимания и признания значимости малонарушенных лесных территорий и особо охраняемых природных территорий. Согласно российскому опыту природоохранной практики создание сети особо охраняемых территорий традиционно отстает, что не соответствует современным потребностям хозяйственной практики и стратегии национального развития.

Законодательное закрепление статуса малонарушенных лесных территорий в качестве особо охраняемых территорий позволило бы более строго относиться к их использованию и сохранению как фундаментальной основы пространственно-го развития России.

Пристатейный библиографический список

1. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН 2009-2011 годы / В. А. Авксентьев, Е. М. Авраимова, Н. Е. Антонова [и др.]. – Москва: «Медиа-Пресс», 2013. – 664 с. – ISBN 978-5-901003-40-4. – EDN SBVVUX.
2. Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней: инновационно-синергетический подход. – Москва: УРСС, 2002. – 272 с. – ISBN 5-354-00117-X. – EDN ZEAXZR.
3. Щитинский В. От предвыборной политической платформы президента России к устойчивому пространственному развитию страны // Городское управление. – 2012. – № 11 (196). – С. 2-6. – EDN QZEEND.
4. Климова О. С., Таланова Е. А. Преодоление пространственной поляризации как фактор обеспечения устойчивого развития региона // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 1. – С. 370-372. – EDN PNFJNT.
5. Старовойтов М. К. Устойчивое пространственное развитие России - важнейшее условие национальной безопасности страны // Стратегическое развитие АПК и сельских территорий РФ в современных международных условиях: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., Волгоград, 03-05 февраля 2015 года / Главный редактор А. С. Овчинников. Том 4. – Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2015. – С. 57-61. – EDN WGJWFF.
6. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. № 4. – С. 85-106. – DOI 10.14530/se.2019.4.085-106. – EDN WFVGVX.
7. Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. № 3. – С. 631-643. – DOI 10.17059/2019-3-1. – EDN VVWMFC.
8. Минакир П. А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18. № 3. – С. 7-16. – DOI 10.14530/se.2022.3.007-016. – EDN IGSRBS.
9. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории: Монография. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 416 с. – ISBN 978-5-392-37913-2. – EDN LPRMMM.
10. Орлов С. Л., Строев П. В. Новая реальность и новый путь для России // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 2 (82). – С. 64-66. – EDN YIXJWR.
11. Порфирьев Б. Н., Терентьев Н. Е., Зинченко Ю. В. Планирование адаптации к изменениям климата: мировой опыт и возможности для устойчивого социально-экономического развития России // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 2 (197). – С. 154-168. – DOI 10.47711/0868-6351-197-154-168. – EDN FTEIFZ.
12. Трубина В. С. Устойчивое пространственное развитие региональной хозяйственной системы: теоретические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2009. – № 1 (14). – С. 57-62. – EDN KYFOGZ.
13. Фролов А. Е., Ананичев К. К. О принципах устойчивого пространственного развития // Промышленное и гражданское строительство. – 2011. – № 7-1. – С. 12-15. – EDN NXOUMH.
14. Макаре С. В. Анализ пространства в экономической науке: развитие концептуальных подходов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 17-25. – EDN OWXXKR.
15. Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: Материалы международной научной конференции в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов, Барнаул, 12-19 сентября 2018 года / Отв. ред. Н. И. Быков. Том 2. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2018. – С. 43-46. – ISBN 978-5-91556-424-3. – EDN UXDFWZ.
16. Социально-экономическое развитие в эпоху глобальных перемен. Том 2. – Москва-Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – С. 365-373. – ISBN 978-5-7609-1540-5. – EDN WQKHZZ.
17. Аксенов Д. А., Добрынин Д. В., Юдубинин М. и др. Атлас малонарушенных лесных территорий России. – М.: Изд-во МСОЭС, 2003. – 187 с.
18. Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России: Посвящается памяти Н. Ф. Глазовского (1946-2005) / Н. Ф. Глазовский, Г. В. Сдасюк, А. Ф. Мандыч [и др.]; Институт географии РАН, Программа Отделения наук о Земле РАН «Природные и социально-экономические изменения окружающей среды», Всемирный фонд дикой природы (WWF). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 448 с. – (Устойчивое развитие: проблемы и перспективы; Выпуск 3). – ISBN 5-87317-322-2. – EDN VWZQQJ.
19. Методические подходы и рекомендации по зонированию малонарушенных лесных территорий в Сибирском федеральном округе / Н. В. Трофимова, В. А. Сипкин, А. В. Брюханов [и др.]; Под редакцией К. Н. Кобякова. – Красноярск: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018. – 64 с. – ISBN 978-5-6041286-0-2. – EDN SDBLXU.
20. Макаре С. В. Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России: Монография. – Москва: Экономика, 2012. – С. 72-87. – ISBN 978-5-282-03214-7. – EDN QVEFZD.

МАРЧЕНКОВА Лилия Михайловна

кандидат экономических наук, доцент, доцент Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел

КОЗЛОВА Елена Игоревна

кандидат технических наук, доцент, доцент Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел

СКВОРЦОВА Наталия Александровна

кандидат экономических наук, доцент Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье рассматриваются вопросы государственного регулирования коммерческой деятельности предприятий. Процесс государственного регулирования коммерческой деятельности предприятий включает немало проблем, которые оказывают отрицательное воздействие на качество товаров и услуг, потребляемых физическими и юридическими лицами. Обоснована необходимость в качественном правовом регулировании коммерческой деятельности, с учетом двухуровневого регулирования и необходимости согласования законодательства субъектов и законодательства РФ.

Ключевые слова: коммерческая деятельность, предприятия, государственное регулирование, специальные налоговые режимы.

MARCHENKOVA Liliya Mikhailovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economics and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel

KOZLOVA Elena Igorevna

Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economics and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel

SKVORTSOVA Nataliya Alexandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

THE MAIN ASPECTS OF STATE REGULATION OF COMMERCIAL ACTIVITIES OF ENTERPRISES

The article deals with the issues of state regulation of commercial activities of enterprises. The process of state regulation of commercial activities of enterprises includes many problems that have a negative impact on the quality of goods and services consumed by individuals and legal entities. The need for high-quality legal regulation of commercial activities is justified, taking into account two-level regulation and the need to harmonize the legislation of the subjects and the legislation of the Russian Federation.

Keywords: commercial activity, enterprises, state regulation, special tax regimes.

В современных условиях немаловажную роль играет государственное регулирование коммерческой деятельности предприятий. Государственное регулирование коммерческой деятельности предприятий направлено на обеспечение справедливости и законности в экономике, в том числе оно способствует выполнению социальных и экологических целей, а также защите прав потребителей.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что государственное регулирование коммерческой деятельности помогает защитить права потребителей, гарантируя

безопасность, качество и честность коммерческих сделок, регулирование способствует созданию равных условий для предприятий, предотвращая монополизацию и недобросовестную конкуренцию, также государственное регулирование помогает стабилизировать экономику, предотвращая резкие колебания цен и обеспечивая предсказуемость для предприятий и потребителей. Коммерческая деятельность занимает значительную часть экономической жизни страны и влияет на благосостояние граждан, поэтому государственные

Марченкова Л. М.

Козлова Е. И.

Скворцова Н. А.

Рисунок 1. Принципы системы государственного регулирования коммерческой деятельности

органы должны следить за тем, чтобы коммерческая деятельность не нарушала законодательство и не приводила к негативным социальным последствиям. Регулирование коммерческой деятельности способствует повышению качества продукции и услуг, защите прав потребителей и предотвращению мошенничества.

Значительную роль в вопросе государственного регулирования коммерческой деятельности, сыграли работы ведущих ученых, таких как Л. В. Андреева, Д. Г. Алексеева, В. Г. Андреев, В. Ю. Буров, В. С. Белых, Е. П. Губин, Е. В. Ершова, П. Г. Лахно, М. Ю. Тихомиров. Тем не менее, по-прежнему, существует необходимость в дальнейшем исследовании данной проблемы, уточнении методов и способов регулирования коммерческой деятельности предприятия.

Обратимся к понятию коммерческой деятельности. Коммерческая деятельность представляет собой форму товарно-денежных отношений, которые способны принести предпринимателю доход в виде прибыли. Такая деятельность регулируется государством, в том числе посредством создания правовой базы для осуществления коммерческой деятельности на территории Российской Федерации хозяйствующими субъектами [7, с. 114].

Государство, различные общественные организации, законодательные органы власти в системе регулирования коммерческой деятельности являются субъектами регулирования коммерческой деятельности предприятия.

Непосредственным объектом в такой системе регулирования являются экономико-организационные и управленческие отношения, возникающие в сфере предпринимательства.

Основными целями государственного регулирования коммерческой деятельности являются [8, с. 88]:

- развитие товарного рынка;
- формирование полноценной системы обслуживания потребностей населения (потребителей);
- развитие системы рыночных отношений и предотвращение монополизации в области коммерции;
- наложение на предприятия определенных социальных обязательств;
- установление стандартов и предоставление стимулов для внедрения новых технологий;
- помощь предприятиям в соответствии с международными стандартами и облегчения торговли с другими странами;

– установление мер предосторожности и контроль рисков для предотвращения финансовых крахов и экологических катастроф;

– иные цели.

Основная задача государственного регулирования и воздействия на рынок сводится к обеспечению баланса между свободой предпринимательства и защитой общественных интересов.

На рисунке 1 отражены основные принципы системы государственного регулирования коммерческой деятельности [7, с. 205].

Принципы, представленные на рисунке 1, представляют собой не исчерпывающий перечень. Все принципы в совокупности отражают сущность системы государственного регулирования коммерческой деятельности.

Принцип динамичности предполагает, что изменение государственной политики в области коммерческой деятельности должно находить отражение и в самой политике и ее видоизменении.

Принцип системности указывает на то, что все принимаемые меры по регулированию коммерческой деятельности должны быть применены комплексно.

При помощи системы государственного регулирования в сфере коммерческой деятельности государство посредством нормативных актов устанавливает предел осуществления хозяйствующими субъектами своей деятельности и изымает в пользу государства часть дохода от коммерческой деятельности в виде применения различных систем налогообложения.

На рисунке 2 представлены основные методы государственного регулирования коммерческой деятельности предприятий, использование которых должно приводить к упорядочиванию на рынке деятельности его участников [8, с. 210].

Из рисунка 2 мы видим, что методы государственного регулирования коммерческой деятельности, их можно разделить на две группы: прямые (административные) и косвенные.

Прямые (административные) методы – средства непосредственного властного воздействия на поведение субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность. К их числу относятся:

- государственный контроль (надзор) за деятельностью предпринимателей;

Рисунок 2. Методы государственного регулирования коммерческой деятельности предприятий

– государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
 – налогообложение;
 – лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности;
 – выдача предписаний антимонопольным органом и т. д.

Косвенные методы – экономические средства воздействия на предпринимательские отношения с помощью создания условий, влияющих на мотивацию поведения хозяйствующих субъектов. К ним относятся:

- прогнозирование и планирование;
- предоставление налоговых льгот;
- льготное кредитование;
- государственный (муниципальный) заказ и др.

Каждый из методов регулирования призван выполнять свои цели и задачи, но в совокупности такие методы регулирования должны способствовать созданию эффективной системы торговли на рынке.

Механизм государственного регулирования коммерческой деятельности может быть осуществлен и с помощью организационно-административных методов регулирования. Административное регулирование реализуется посредством прямого воздействия руководителей на подчиненных, вышестоящих структур управления на нижестоящие с целью достижения результатов хозяйственной деятельности.

Регулирование любой области правоотношений в государстве построено на системе нормативно-правовых актов, призванных регламентировать порядок организации и ведения, развития таких отношений. Безусловно, что касается это и сферы коммерческой деятельности.

Государственные организационные структуры, участвующие в регулировании коммерческой деятельности:

а) Исполнительная власть:

- Министерство экономического развития – разрабатывает и реализует государственную экономическую политику, включая регулирование коммерческой деятельности;
- Министерство финансов – осуществляет налоговое регулирование и налоговый надзор;
- Министерство промышленности и торговли – регламентирует деятельность в сфере промышленности и торговли;
- Министерство сельского хозяйства – осуществляет регулирование агропромышленного комплекса;
- Министерство здравоохранения – регулирует фармацевтический рынок и медицинские услуги;

– Министерство природных ресурсов и экологии – занимается вопросами регулирования природопользования и охраны окружающей среды;

– Антимонопольная служба – осуществляет борьбу с монополизацией рынка;

– Налоговая служба осуществляет налоговый надзор, администрирование налогов;

– Таможенная служба включает таможенное регулирование и борьбу с контрабандой.

б) Законодательная власть:

– Государственная дума – принятие законов, регулирующих коммерческую деятельность.

в) Судебная власть:

– Суды общей юрисдикции – рассмотрение споров, связанных с коммерческой деятельностью;

– Арбитражные суды – рассмотрение экономических споров.

г) Прочие государственные организации:

– Центральный банк – регулирует денежно-кредитную политику;

– Росстандарт – стандартизация и метрологический надзор;

– Роспотребнадзор – надзор за защитой прав потребителей, санитарно-эпидемиологический надзор;

– Роструд-надзор за соблюдением трудового законодательства.

Эти организации взаимодействуют друг с другом и с другими заинтересованными сторонами для обеспечения эффективного государственного регулирования коммерческой деятельности.

Таким образом, основными формами по государственному регулированию коммерческой деятельности на территории России, можно назвать:

– принятие законов и нормативных актов, устанавливающих правила и стандарты для коммерческой деятельности;

– издание постановлений, распоряжений и других административных актов, уточняющих и дополняющих законодательство;

– использование экономических инструментов, таких как налоги, субсидии и ценовое регулирование, для влияния на поведение предприятий;

– разрешение споров, связанных с коммерческой деятельностью и обеспечение соблюдения законов и нормативных актов.

Нормативные документы, регулирующие организацию и ведение коммерческой деятельности, имеют большую иерархию. На рисунке 3 представлена иерархия нормативно-

Рисунок 3. Иерархия нормативно-правовых актов, призванных регулировать коммерческую деятельность в Российской Федерации

правовых актов, призванных регулировать коммерческую деятельность в Российской Федерации.

Российское коммерческое законодательство в настоящее время развивается в следующих направлениях:

1. Происходит упрощение и устранение избыточных требований и барьеров для ведения бизнеса.

2. Осуществляется внедрение цифровых технологий в процессы регулирования и контроля.

3. Осуществляется усиление контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц, участвующих в регулировании коммерческой деятельности.

4. Создаются механизмы защиты прав и законных интересов предпринимателей от необоснованных действий государственных органов.

5. Ужесточаются санкции за нарушения законодательства о коммерческой деятельности.

Законодательство продолжает развиваться, учитывая меняющиеся потребности бизнеса и экономические условия.

Таким образом, для эффективного функционирования осуществления предприятиями коммерческой деятельности необходимо дальнейшее развитие и совершенствование законодательной и нормативной базы, регулирующей их деятельность и учитывающей специфику малого и среднего предпринимательства.

Пристатейный библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 (ГК РФ) от 30.11.1994 №51-ФЗ с изменениями и дополнениями. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 19.07.2000 № 118-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/
4. Бочаров В. В. Организация коммерческой деятельности. – СПб.: Питер, 2019. – 408 с.
5. Иванов Г. Г. Организация торговли (торговой деятельности): учебник. – Москва: КноРус, 2018. – (СПО). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.book.ru/book/924195>.
6. Памбухчианц О. В. Организация коммерческой деятельности: учебник. – 5-е изд., перераб. – Москва: Дашков и К°, 2021. – 266 с.: табл. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=621684>.
7. Попондопуло В. Ф., Баринов А. М., Бушев А. Ю. Коммерческое (предпринимательское) право. Учебник. В 2-х томах. Том 1 / Под ред. Попондопуло В. Ф. – М.: Проспект, 2020. – 608 с.
8. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Е. Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. – М.: Юстицинформ, 2019. – 600 с.

НИКИТИН Сергей Александрович

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления проектом Государственного университета управления, г. Москва

КОРЕВА Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ПРИНЦИПЫ И ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

В статье авторами представлен перечень принципов обеспечения устойчивого регионального развития и осуществлена их характеристика; дано описание разнообразных подходов к классификации факторов, направленных на поддержание устойчивости развития регионов страны; проанализированы и систематизированы методы измерения устойчивости регионального развития; сделано заключение о сущности устойчивого и сбалансированного регионального развития.

Ключевые слова: регион, региональное развитие, устойчивое региональное развитие, факторы устойчивого развития, принципы устойчивого развития.

NIKITIN Sergey Alexandrovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Project management sub-faculty of the State University of Management, Moscow

KOREVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

PRINCIPLES AND FACTORS OF ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONS

In the article, the authors present a list of principles for ensuring sustainable regional development and characterize them; describe various approaches to classifying factors aimed at maintaining the sustainability of the country's regions; analyze and systematize methods for measuring the sustainability of regional development; conclude on the essence of sustainable and balanced regional development.

Keywords: region, regional development, sustainable regional development, factors of sustainable development, principles of sustainable development.

Региональное развитие связано с комбинацией проблем территориального и отраслевого развития. Принципы достижения устойчивости регионального развития систематизированы в таблице 1.

Согласно мнению ряда ученых (А. Г. Гранберг [1], Т. В. Ускова[2]), переход к устойчивому и сбалансированному развитию в РФ должен быть осуществлен именно на региональном уровне, что определяется следующими соображениями:

Таблица 1. Принципы обеспечения устойчивого регионального развития (составлено авторами)

Принцип	Характеристика принципа
системности	Элементы комплекса находятся во взаимосвязи и взаимодействии.
вариативности	Изменчивость условий функционирования предполагает непрерывное корректирование основных свойств комплекса.
структурных изменений	Изменения структуры - способ адаптации комплекса к изменяющимся условиям функционирования.
концентрации	При определенном уровне концентрации ресурсов существуют «точки роста», которые увеличивают темпы развития комплекса.
эффективности	Результат функционирования комплекса должен превосходить издержки на развитие.
соответствия целей	Цели развития комплекса должны соответствовать потенциалу его развития.
гармонизации	Минимизация противоречий между региональными социально-экономическими комплексами.
баланса интересов	Цели развития регионального социально-экономического комплекса должны быть обусловлены компромиссом между интересами субъектов комплекса; каждый субъект должен удовлетворить свои потребности.
баланса ресурсов	Ресурсные пропорции комплекса должны поддерживать максимальный уровень эффективности комбинации ресурсов, используемых в производстве.
баланса финансов	Финансовые возможности регионального социально-экономического комплекса должны быть адекватны ее потребностям в финансовых ресурсах.
оптимальности структуры	Структура регионального социально-экономического комплекса должна обеспечивать максимальный уровень эффективности применения ресурсного потенциала.

1) регионы являются устойчивыми территориальными образованиями, населенные социумами с определенными этническими и культурными характеристиками;

2) регионы имеют существенно различающиеся условия функционирования - природно-климатические, ресурсные, демографические, социально-экономические.

Устойчивое развитие региона достигается при комплексном обеспечении взаимодействия следующих компонентов: материальной, финансовой, информационной, институциональной, человеческого капитала; природных условий [3]. То есть устойчивость развития обеспечивается комплексом факторов. Существует целый ряд авторских классификаций указанных факторов.

Так, А. М. Хамидулина предлагает классификацию, согласно которой выделяются мотивационный, инновационный, политический, управленческий, нормативно-правовой, культурно-ценностный блоки факторов [4]. И. Н. Воронцова к указанным блокам добавляет финансово-экономический блок [5]. Л. Г. Мельник к факторам, обуславливающим устойчивое и сбалансированное региональное развитие, относит природные и антропогенные факторы [6].

В ходе осуществления управления развитием регионов в СССР первостепенное значение имели цели национальной политики, а региональные особенности учитывались не в полной мере. В результате, к настоящему времени отмечаются существенные структурные и секторальные диспропорции; за отдельными регионами закрепилась узкая специализация; имеется целый ряд моногородов при том, что следует стремиться к диверсификации региональных экономик, что позволяет минимизировать риск получения убытков. Движение от узкой специализации к диверсификации - комплексная задача, предполагающая установление пропорций сбалансированного развития отдельного региона.

Усиление дисбаланса регионального развития привело к росту внимания к вопросу создания перечня индикаторов, позволяющих оценить степень дифференциации, асимметрии, дисбаланса формированию дисбаланса, поляризации, неравномерности развития регионов страны [7], [8], [9].

Для измерения дисбалансов в региональном развитии возможно применение таких методов как: статистические (показатели вариации), анализа конвергенции, многомерная классификация (кластерный анализ, факторный анализ, дискриминантный анализ, метод аддитивной сверки).

В целом, все существующие варианты измерения устойчивости и сбалансированности развития регионов (и неустойчивости, и дисбаланса, как противоположных состояний) существует два ключевых подхода:

1) согласно первому - формируется система индикаторов, каждый из которых характеризует отдельную сторону регионального развития;

2) второй подход связан с разработкой интегрального показателя, отражающего уровень устойчивости и сбалансированности развития региона.

Можно заключить, что методики расчета интегральных показателей уровня устойчивости и сбалансированности развития регионов не подкреплены соответствующей статистической базой, что ведет к использованию экспертных оценок, приближенным расчетам, что влияет на качество получаемых результатов.

Устойчивое и сбалансированное региональное развитие есть развитие, оптимизирующее пропорции между элементами данной системы, в частности, между: потребностями в ресурсах, финансовыми ресурсами для их покупки и наличием ресурсов; возможностями финансового обеспечения воспро-

изводства и результативностью функционирования региональной социально-экономической системы; потенциалом системы и целями развития; структурой производства и задачами развития социально-экономической системы; экономическими, социальными, экологическими потребностями; производством и потреблением отдельных видов товаров и услуг.

Таким образом, к принципам достижения устойчивости регионального развития следует отнести следующие принципы: системности, вариативности, структурных изменений, концентрации, эффективности, соответствия целей, гармонизации, баланса интересов, ресурсов, финансов, оптимальности структуры. Для осуществления оценки устойчивости и сбалансированности развития регионов страны существует два ключевых подхода: формирование системы показателей, каждый из которых характеризует определенный аспект развития территории; создание интегрального показателя, который отражает степень устойчивости и сбалансированности развития региона (методики расчета интегральных показателей не подкреплены соответствующей статистической базой, что ведет к применению экспертных оценок, приближенным расчетам, что влияет на качество таких индикаторов).

Пристатейный библиографический список

1. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 495 с.
2. Ускова Т. В. Теория и методология управления устойчивым социально-экономическим развитием: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. – Вологда, 2010. – 410 с.
3. Мельник Л. Г., Дегтярева И. Б., Бурлакова И. М. Управление социально-экономическим потенциалом устойчивого сбалансированного развития региона // Инновационная Россия: опыт регионального развития: сборник научных трудов. – Курск: Курский государственный технический университет, 2009.
4. Хамидулина А. М. Институциональное обеспечение сбалансированного развития муниципальных образований в регионе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/pdf/2012/2/318.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Воронцова И. Н. Организационные условия сбалансированного развития региона: средства и методы формирования и совершенствования: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. – Воронеж, 2014. – С. 26.
6. Мельник Л. Г., Дегтярева И. Б., Бурлакова И. М. Управление социально-экономическим потенциалом устойчивого сбалансированного развития региона // Инновационная Россия: опыт регионального развития: сборник научных трудов. – Курск: Курский государственный технический университет, 2009.
7. Аврамчикова Н. Т. Теория поляризованного развития пространства и механизмы ее применения в переходной экономике региона. – Красноярск: СибГАУ, 2007. – 140 с.
8. Баранов С. В., Скуфьина Т. С. Анализ межрегиональной дифференциации и построение рейтингов субъектов Российской Федерации // Вопросы экономики. – 2005. – № 8. – С. 54-75.
9. Латышева М. А. Эконометрическое моделирование неравенства социально-экономического развития регионов РФ: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. – Воронеж, 2010. – 195 с.

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

БЮДЖЕТНЫЕ РИСКИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Государственно-частное партнерство подразумевает взаимовыгодное сотрудничество государства и бизнеса, основанное на объединении ресурсов и распределении между ними рисков, ответственности и результатов. Проекты государственно-частного партнерства являются источником долгосрочных расходных обязательств бюджета. В силу того, что такие обязательства имеют длительный срок, они подвержены дополнительным рискам. Статья посвящена анализу рисков при применении проектов государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: механизм, бюджет, экономика, сотрудничество, частный сектор, государственно-частное партнерство.

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

BUDGETARY RISKS IN THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS

Public-private partnership implies mutually beneficial cooperation between the state and business, based on pooling resources and sharing risks, responsibilities and results between them. Public-private partnership projects are a source of long-term budget spending commitments. Due to the fact that such obligations have a long term, they are subject to additional risks. The article is devoted to the analysis of risks in the application of public-private partnership projects.

Keywords: mechanism, budget, economy, cooperation, private sector, public-private partnership.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Самой непрозрачной, а значит максимально рискованной частью механизма государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) остаются условные обязательства — их объемы и сроки выплат носят вероятностно-сценарный характер (например, компенсации частному партнеру при досрочном расторжении проекта или расходы вследствие форс-мажора). По данным МВФ, ориентировочная стоимость принятых с 1990 года государственным партнером на себя условных бюджетных обязательств по ГЧП-проектам составляет в зависимости от страны от 1,2 % до 2 % национального ВВП [1].

Актуальность исследования обоснована тем, что, являясь относительно новой областью исследований, механизм ГЧП нуждается в постоянном и глубоком изучении в целях расширения параметров исследования и способствования лучшему пониманию его развития и минимизации рисков.

Необходимо отметить, что механизм ГЧП в России стал предметом спора в силу отсутствия реестра забалансовых обязательств бюджетной системы.

Для ГЧП нехарактерно использование только частного финансирования. Также возможно частичное финансирование проектов ГЧП государствами [1], [2]. Снижение объема инвестиций частным предприятиям снижает уровень рисков. Снижаются стимулы частных организаций к созданию опти-

мального соотношения цена-качество и упрощается процесс отказа от проекта в случае возникновения проблем [2].

Основная часть.

Математическое моделирование для оценки будущих доходов и расходов бюджетов по ГЧП-проектам используют, к примеру, в Швеции, Турции и Перу. Перспективным методом контроля Национальный центр ГЧП считает установление ограничений для бюджетов при принятии ими условных обязательств и публикацию сведений о них, включая тексты самих соглашений. К примеру, в Индии совокупный объем условных обязательств должен быть не выше 0,5 % ВВП, в Венгрии все обязательства в ГЧП-проектах должны быть не более 3 % государственных доходов [1], [3].

Среди наиболее эффективных практик учета обязательств по проектам ГЧП эксперты называют:

- применение математических моделей, построенных на исторических данных о реализации проектов;
- прогнозирование объемов и степени риска исполнения условных обязательств;
- применение цифровых платформ для формирования статистической базы.

Существуют несколько причин, по которым государство может принять решение о предоставлении финансирования для проектов ГЧП. К ним относятся:

— избежание чрезмерных премий за риск. Государственный сектор может счесть премию за риск, взимаемую частным сектором за проект, чрезмерной по отношению к фактическим рискам проекта. Так как финансовые рынки лучше оценивают риски, чем государство, то данная концепция применима в новых проектах, а также во время сбоев на финансовом рынке;

— снижение государственного риска. Когда доходы от проекта находятся в зависимости от регулярных платежей со стороны государственного сектора, то риск неисполнения обязательств государства будет оцениваться частной стороной и будет заложен в стоимость проекта. Проекты, в которых надежность государственных платежей попадает под сомнение (предоставление субсидий, авансовых платежей или грантового финансирования), текущие платежи могут способствовать повышению привлекательности проекта для банков, а также снижение стоимости самого проекта;

— повышение доступности или снижение стоимости финансирования. Если рынки капитала недостаточно развиты или есть проблемные вопросы, то доступность долгосрочного финансирования может быть ограниченной. Государство может принять решение о предоставлении финансирования на условиях, которые могли иметь ограничения [4].

Государственный сектор в некоторых странах имеет возможность финансирования на льготных условиях, которое можно использовать как инструмент для снижения стоимости инфраструктурных проектов [5].

Существуют разные способы, с помощью которых государство может внести свой вклад в структуру финансирования ГЧП [6]. Государство может предоставить заем или безвозмездное финансирование непосредственно проектной компании или предоставить государственную гарантию по коммерческому кредиту.

Государственные банки развития или другие финансовые учреждения также могут быть вовлечены в минимизацию рисков по проектам ГЧП:

— предоставление финансирования ГЧП в рамках более широкого портфеля;

— образование государственного банка развития специально для поддержки программы ГЧП;

— государственный сектор может не передавать функцию финансирования проекта ГЧП частному сектору, вместо этого сохраняя за собой текущую ответственность за капитальные затраты.

Государство может предоставлять финансирование ГЧП напрямую в виде займов или авансовых субсидий. Это может иметь решающее значение для жизнеспособности проекта, когда прогнозы доходов показывают, что проект будет финансово не жизнеспособным без государственного финансирования. Капитальные вложения могут снизить затраты государственного сектора на реализацию проекта за счет предоставления финансирования на более выгодных условиях, чем это было бы возможно.

Например, в Соединенных Штатах Америки закон о финансировании транспортной инфраструктуры и инновациях (TIFIA) установил гибкий механизм предоставления Министерством транспорта Соединенных Штатов Америки займов (а также гарантий по займам) непосредственно частным и государственным акционерам проектов по соответствующим требованиям проектов. Кредитная помощь предоставляется на гибких условиях и занимает субординированное положение.

Индийский фонд поддержки жизнеспособности проектов ГЧП использует средства, выделяемые из национального бюджета, для предоставления первоначальных капитальных субсидий для проектов ГЧП [1], [7].

Таким образом, использование гарантий должно быть тщательно продумано и учитывать риски, которыми государство может наилучшим образом управлять [8]. Ненадлежащее использование гарантий может увеличить финансовые риски государства и снизить соотношение цены и качества проектов ГЧП.

Вывод.

При анализе отечественного и зарубежного опыта с целью понимания этапов развития ГЧП и минимизации рисков при их реализации, можно сделать вывод, что наиболее эффективной методикой управления проектами ГЧП будет установление максимального уровня бюджетных обязательств, публикация сведений о них, включая тексты самих соглашений, а также применение математических моделей для прогнозирования расходов государства. Первый шаг к решению проблемы — в рамках концессий — является инициатива от Министерства экономического развития Российской Федерации. В рамках минимизации рисков было предложено создание реестра соглашений на базе информационной системы «Управление» с наделением полномочий Министерства финансов Российской Федерации по оценке обязательств государства в рамках реализации проектов ГЧП.

Пристатейный библиографический список

1. World Bank Asian Development Bank; Inter-American Development Bank. Public-Private Partnerships: Reference Guide, Version, 2014. [Electronic resource]. - Access mode: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/e5eebb0f-1571-5ac0-a3ef-ae4cab61229d> (accessed: 22.02.2024).
2. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Привлечение внебюджетных инвестиций как способ обеспечения экономической безопасности проектов государственно-частного партнерства // Человек: преступление и наказание. - 2022. - Т. 30 (1-4). № 2. - С. 206-215.
3. International Bank for Reconstruction and Development / International Development Association or The World Bank, 2012. [Electronic resource]. - Access mode: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/d4836c84-a44e-58c1-862e-8a51b4887cd7> (accessed: 22.02.2024).
4. Бедняков А. С. Государственно-частное партнерство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО-Университета. - 2022. - Т. 15. № 1. - С. 143-176.
5. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А. Государственно-частное партнерство: теория и практика, 2010. - 287 с.
6. Козин М. Н., Радченко Е. П. К вопросу о развитии проектов государственно-частного партнерства: зарубежный опыт и актуальные тренды обеспечения экономической безопасности // Финансовая экономика. - 2021. - № 4. - С. 252-257. - 0,35 п. л. - в т. ч. авторские - 0,25 п. л.
7. Лисица В. Н. Правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве // Юридическая наука и практика. - 2016. - Т. 12. № 2. - С. 80-89.

СПАССКАЯ Наталия Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

КУЗНЕЦОВА Карина Викторовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и предпринимательства Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ К ИДЕНТИФИКАЦИИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье авторами систематизированы модели, существующие в теории и в российской практике антикризисного управления, используемые для идентификации кризисного состояния хозяйствующих субъектов; выявлены и охарактеризованы преимущества и недостатки указанных моделей; сделано заключение о необходимости комплексного подхода к идентификации кризиса на предприятии.

Ключевые слова: антикризисное управление, финансовое состояние предприятие, банкротство, превентивные механизмы идентификации кризиса.

SPASSKAYA Nataliya Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

KUZNETSOVA Karina Viktorovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Marketing and entrepreneurship sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MAIN PREVENTIVE MECHANISMS FOR IDENTIFYING THE FINANCIAL CONDITION OF AN ENTERPRISE

In the article, the authors systematize the models existing in the theory and in the Russian practice of anti-crisis management used to identify the crisis state of economic entities; identify and characterize the advantages and disadvantages of these models; conclude that an integrated approach to identifying the crisis in the enterprise is necessary.

Keywords: anti-crisis management, financial condition of the enterprise, bankruptcy, preventive crisis identification mechanisms.

В современных условиях хозяйствования с учётом кризисных явлений, нарастающих как в мировой, так и в отечественной экономике, возрастает уровень неопределённости деятельности, а вместе с ним и повышается риск возникновения кризисных явлений в деятельности хозяйствующих субъектов. Для нивелирования отмеченных негативных тенденций необходимо активно применять инструменты, методы и механизмы антикризисного управления. Проведём сравнительный анализ наиболее актуальных в российской теории и практике антикризисного управления моделей, используемых для идентификации кризисного состояния хозяйствующих субъектов.

Модели, основанные на анализе определённого набора коэффициентов, характеризующих состояние финансовой сферы хозяйствующих субъектов, широко применяется в практике современных российских предприятий. Эти модели исследуют показатели ликвидности деятельности кризисных предприятий и динамику коэффициентов их платежеспособности; анализируют показатели устойчивости финансовой деятельности; уровень деловой активности; а также абсолютные значения прибыльности и относительные показатели рентабельности.

Полученные в ходе расчёта числовые значения коэффициентов анализируются специалистами в разрезе как абсолютных, так и относительных значений, по каждому коэффициенту определяется динамика, анализируются существующие тенденции изменения (увеличение или уменьшение), а также осуществляется сопоставление полученных

значений коэффициентов с рекомендованными нормативными значениями.

Оценка показателей платежеспособности предприятия по данным бухгалтерского баланса (форма № 1) и отчёта о финансовых результатах (форма № 2) осуществляется путем вычисления и последующего анализа ликвидности оборотных активов предприятия, которая характеризует период времени, которым располагает организация для превращения их в денежные средства.

Коэффициенты ликвидности, которые используют в теории и практике антикризисного управления и применяются современными специалистами для идентификации состояний возможного или существующего кризиса в деятельности хозяйствующих субъектов, прежде всего, позволяют дать количественную оценку степени проявления факторов негативного воздействия, а вместе с ней и их качественную характеристику. Рассматриваемые показатели ликвидности предприятия позволяют определить перспективы изменения его финансового состояния с точки зрения, прежде всего, краткосрочного анализа. Анализируемые коэффициенты ликвидности в наиболее общем виде отражают возможность коммерческих юридических лиц успешно (своевременно и в полном объеме) погашать, прежде всего, свои краткосрочные обязательства перед контрагентами и кредиторами.

Показатели финансовой устойчивости, которые используют для идентификации кризисного состояния хозяйствующих субъектов, характеризуют финансовое состояние предприятия с позиции перспектив долгосрочного разви-

тия. Финансовая устойчивость хозяйствующего субъекта в данном случае определяется исходя из соотношения величины собственных средств предприятия в составе источников образования имущества и заемных ресурсов, привлекаемых организацией на условиях срочности, платности, целевого характера использования и возвратности. Так же на финансовую устойчивость оказывает влияние соотношение величины основных и оборотных средств организации. Кроме того, в основе финансовой устойчивости лежит достижение предприятием сбалансированности отдельных видов активов и пассивов.

Показатели деловой активности, используемые для оценки финансового состояния хозяйствующих субъектов, характеризуют весь комплекс действий, нацеленный на продвижение предприятия как на рынках готовой продукции (работ, услуг), так и на ресурсных рынках, и прежде всего на рынках труда и капитала. Де-факто в процессе анализа финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов индикаторы деловой активности характеризуют текущую деятельность предприятия в сфере производства и торгового обмена товарами и услугами (коммерции). Как правило, анализ индикаторов деловой активности хозяйствующих субъектов рекомендовано проводить по трём основным каналам: во-первых, необходимо провести оценку уровня выполнения плана, во-вторых, важнейшим индикатором выступает оценивание темпов роста и прироста объемов финансово-хозяйственной деятельности по сравнению с предыдущими периодами и в-третьих, в обязательном порядке анализ дополняется оценкой достигнутого в организации уровня эффективности использования факторов производства (материальных, трудовых и финансовых ресурсов предприятия).

В целом можно заключить, что рассмотренные финансовые коэффициенты показывают какова способность хозяйствующих субъектов получать требуемый уровень прибыли в процессе осуществления своей производственно-хозяйственной деятельности. Данные оценочные коэффициенты позволяют судить об общей эффективности использования активов предприятия, а также капитала, вложенного в дело.

Рассмотрим «модель кризисного поля», автором и разработчиком которой, является профессор И. А. Бланк. В анализируемой модели в основе процедуры идентификации кризиса в деятельности предприятия лежит методика экспресс-диагностики кризисных явлений в финансовой сфере субъекта хозяйствования, предназначение которой состоит в выявлении и оценке первых признаков, свидетельствующих о зарождении кризиса. Кроме того, данная методика позволяет определить возможные масштабы его проявления и определить вероятность и сумму возможного финансового ущерба.

Методика экспресс-диагностики И. А. Бланка, направленная на выявление и оценку кризиса финансового состояния хозяйствующих субъектов, проводится по следующему алгоритму действий [2]:

Этап 1. Установление размеров исследования «кризисного поля». Современные субъекты хозяйствования осуществляют свою деятельность в условиях риска и неопределённости внешней по отношению к предприятию среды. В этой связи любые виды деятельности предприятия (производство, маркетинг, финансы и др.) потенциально несут в себе угрозу возникновения и генерирования кризисных ситуаций. Учитывая множество факторов экзогенного характера, система наблюдения в модели «кризисного поля» И. А. Бланка строится на их ранжировании от наиболее значимых и

важных факторов, способных с максимальной долей вероятности генерировать наступление кризисных явлений к наименее значимым факторам, оказывающим несущественное воздействие на зарождение кризиса. С учётом этого обстоятельства «описываемая система наблюдения за деятельностью хозяйствующих субъектов в модели «кризисного поля» представлена такими показателями, как: чистый денежный поток предприятия; рыночная стоимость предприятия; структура капитала предприятия; состав финансовых обязательств предприятия по срочности погашения; состав активов предприятия; состав текущих затрат предприятия; уровень концентрации финансовых обязательств в зоне повышенного риска» [3].

Этап 2. Развитие концепции индикаторов безопасности, проявление которых благоприятно отражается на финансовом благополучии компании. Система, которая состоит из целого набора подобных индикаторов, строится в разрезе каждого исследуемого объекта наблюдения «кризисного поля».

Этап 3. При помощи стандартных методов проводится детальный и всесторонний анализ отдельных сторон кризисного финансового развития хозяйствующего субъекта. Данный анализ базируется на сопоставлении фактических значений рассматриваемых индикаторов с нормативными с целью выявления возникающих отклонений. Если с течением времени величина отклонений возрастает, то данное обстоятельство свидетельствует о нарастании кризисных явлений в деятельности хозяйствующих субъектов и повышении вероятности наступления финансового кризиса. Пул стандартных методов анализа, которые применяются в процессе диагностики кризиса предприятия, составляют: горизонтальный и вертикальный финансовый анализ; сравнительный финансовый анализ; анализ финансовых рисков; интегральный финансовый анализ, основанный на «Модели Дюпона».

Этап 4. Предварительная оценка вероятности наступления кризисных явлений в сфере финансового состояния исследуемого предприятия. Данное оценивание производится с использованием информации, полученной в процессе анализа различных аспектов, характеризующих кризисное развитие хозяйствующего субъекта, который проводится за несколько периодов, предшествующих наступлению кризисных явлений. В рассматриваемой модели подлежат оценке три финансовых состояния (по степени тяжести последствий его проявления): «легкий финансовый кризис, глубокий финансовый кризис, катастрофический финансовый кризис (финансовая катастрофа)» [6].

К очевидным преимуществам рассмотренной модели следует причислить системный и комплексный подход её автора к диагностике кризисного состояния субъектов хозяйствования на основе оценки его финансового состояния. Отмеченные преимущества модели усиливаются наличием рекомендаций, позволяющих осуществить выбор необходимых инструментов управления, способствующих нивелированию кризисной ситуации.

Вместе с тем, рассмотренная модель обладает и рядом недостатков, среди них – наличие большого количества индикаторов безопасности в количестве сорока двух показателей, что делает процесс принятия решения очень трудоёмким и сложным. Кроме того, некоторые формулировки признаков идентификации финансового состояния предприятия представляются не вполне корректными, а местами даже расплывчатыми, что приводит к тому, что специалист проводящий диагностику и идентификацию с использованием

данной модели прибегает к использованию субъективных решений.

Далее рассмотрим модель, в основе которой заложен расчёт и последующий анализ показателей, характеризующих финансовую сторону деятельности предприятия. При построении модели применяется система балльных оценок. Её автором и разработчиком является профессор ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» Н. А. Никифорова. Как и модель И. А. Бланка, описываемая модель балльных оценок, разработанная профессором Н. А. Никифоровой, также основана на методике экспресс-диагностики кризиса хозяйствующего субъекта в финансовой сфере, однако, несмотря на это, по результатам использования модели и получаемым значениям анализируемых показателей вполне возможно формулировать чёткие и конкретные выводы о финансовом состоянии предприятия.

Отличительной особенностью рассматриваемой модели балльных оценок, разработанной профессором Н. А. Никифоровой, выступает классификация юридических лиц – субъектов хозяйствования по уровню финансового риска. По результатам проведённого экспресс-анализа в зависимости от количества набранных баллов становится возможным отнести предприятие к определённому классу и идентифицировать его финансовое состояние. Начисляемые баллы прямо пропорционально зависят от фактических значений финансовых коэффициентов модели. Анализ проводится по данным бухгалтерской отчётности форма № 1 и форма № 2. Рейтинг каждого показателя определяется при помощи метода экспертных оценок. Если по всем применяемым показателям последовательно провести сложение присвоенных экспертами баллов, то становится возможно определить класс, а вместе с ним и финансовое состояние объекта анализа. Для этой процедуры используют классификационную таблицу.

К очевидным преимуществам рассмотренной модели можно отнести наличие чётких критериев и алгоритма, используемого для оценки кризисного состояния предприятия. Среди недостатков следует указать на то, что модель оперирует всего восемью показателями, которые оценивают всего две стороны финансовой деятельности организации, это ликвидность и платежеспособность, а также финансовая устойчивость. Ряд важнейших показателей, например, прибыли, деловой активности и некоторые другие, в анализе не участвуют, что не вполне корректно. Кроме того, как отмечают некоторые критики данной модели, в пределах границы классов имеются дискретные разрывы, это вызвано тем, что числовые значения диапазонов баллов получены не естественным образом.

Таким образом, управление субъектом хозяйствования на основе реализации эффективных антикризисных моделей, может способствовать достижению положительного эффекта только в случае, когда реализуемая в рамках антикризисного управления программа опирается на анализ причинно-следственных связей, диагностику факторов, способствующих наступлению кризиса и его идентификацию. Из этой предпосылки следует, что теория и практика управления хозяйствующими субъектами в сфере антикризисного менеджмента должна осуществляться управляющей подсистемой предприятия вместе с выявлением причин возникновения и механизмов развёртывания кризиса с учётом взаимосвязи всех элементов системы антикризисного управления. Более того, для принятия более эффективных антикризисных действий и выбора наиболее адекватных методов

и инструментов его предотвращения необходимо обеспечить комплексный подход к идентификации кризиса предприятия, что будет способствовать достижению максимального положительного эффекта.

Пристатейный библиографический список

1. Артеменко В. Г., Беллендир М. В. Финансовый анализ. – М.: ДИС, 2017. – 364 с.
2. Бланк И. А. Антикризисное финансовое управление предприятием. – Киев: Ника-центр: Эльга, 2006 (СПб.: Типография «Наука»). – 663 с.
3. Ермакова Л. В. Механизм диагностики и управления потенциалом интегрированной экономической системы в условиях нестабильности: на примере светотехнического холдинга: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Сам. гос. аэрокосм. ун-т им. С. П. Королева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004178000/rsl01004178879/rsl01004178879.pdf>.
4. Ковалевская Ю. Д. Оценка эффективности управления предприятием с помощью инструментария антикризисного управления // Научный аспект. – 2020. – Т. 3. – № 2. – С. 299-302.
5. Никифорова Н. А. Анализ в антикризисном управлении // Финансовый менеджмент. – 2004. – № 6. – С. 21-39.
6. Риполь-Сарагоси Ф. Б., Герасимова В. Я. Основные положения применения на предприятии методики экспресс- и детального анализа банкротства // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2004. – № 3. – С. 84-92.

СУХОВА Оксана Владимировна

кандидат экономических наук, доцент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Коррупция является актуальной проблемой нашего времени. Конфликт интересов – это ситуация, в которой государственный служащий обязан предпринимать меры, урегулирующие эту ситуацию. Не принятие должных мер государственным служащим несет за собой дисциплинарное взыскание в виде «увольнения по утрате доверия». Причем не имеет значения была ли действительно получена материальная выгода для самого госслужащего либо для аффилированных с ним лиц или таковой не было. Трудовой Кодекс понимает социально-трудовые отношения в нашей стране как социальное партнерство. Такая позиция органов государственной власти как работодателя изначально нарушает принципы социального партнерства.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, социальное партнерство, регламентация трудового и служебного поведения, аффилированные лица, трудовые отношения, урегулирование конфликта интересов, интересы сторон социально-трудовых отношений, доверие, дефицит доверия сторон социально трудовых отношений.

SUKHOVA Oksana Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the V. F. Yakovlev Ural State Law University, Ekaterinburg

CONFLICT OF INTERESTS IN THE STRUCTURE OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN GOVERNMENT BODIES

Corruption is a pressing problem of our time. A conflict of interest is a situation in which a civil servant is obliged to take measures to resolve this situation. Failure to take proper measures by civil servants is subject to disciplinary action in the form of “dismissal due to loss of confidence.” Moreover, it does not matter whether a material benefit was actually received for the civil servant himself or for persons affiliated with him or not. The Labor Code understands social and labor relations in our country as a social partnership. This position of government authorities as an employer initially violates the principles of social partnership.

Keywords: corruption, corrupt behavior, social partnership, regulation of labor and official behavior, affiliated persons, labor relations, resolution of conflicts of interest, interests of the parties to social and labor relations, trust, lack of trust of the parties to social and labor relations.

Вопросы, связанные с коррупционным поведением персонала, не теряют актуальности с древних времен на территории практически всех государств мира. Коррупционному поведению подвержены работники различных отраслей народного хозяйства и это наносит непоправимый социальный ущерб. Однако предметом нашего интереса станет коррупционное поведение работников органов государственной власти. Находясь в трудовых отношениях с госорганами, работник получает в распоряжения должностные полномочия, которые могут выступать как ресурс для извлечения личной выгоды для себя и своей семьи. Намеренное или даже невольное использование должностных полномочий ведет к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц. Для того чтобы избежать любых коррупционных рисков законодатель пошел по пути жесткой регламентации не только взаимоотношений сторон трудового договора, но и служебного поведения внутри организации, чтобы исключить любые возможности вольного или невольного использования должностных полномочий в личных целях. Конфликт интересов (далее КИ) один из возможных вариантов коррупционного поведения госслужащего, который достаточно жестко урегулирован законодательством. Работники госорганов регулярно проходят обучение по вопросам «противодействия коррупции», но при этом количество увольнений «по утрате доверия» хоть и снижается, но остается на сегодняшний день достаточно высоким. Так на конец 2022 года по утрате доверия было уволено 433 чел., а на конец 2021 г. количество случаев составило 582¹. Снижение довольно заметное, на 149 случаев, что составило 25,7%. Однако, если учесть, что работа по профилактике коррупционных правонарушений ведется планомерно и достаточно основательно, мы можем говорить о том, что в системе госуправления есть существенные сбои.

Основная цель статьи – показать место конфликта интересов в структуре социально-трудовых отношений, когда работодателем сотрудника выступает орган государственной власти.

Определение конфликта интересов дано в ст. 10 ФЗ 273 «О противодействии коррупции». Под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)². Сутью этой нормы права является то, что, если сотрудник при выполнении своих должностных обязанностей соприкасается с аффилированными с ним в обычной жизни лицами, то он обязан поставить своего нанимателя в известность и предпринять возможные меры для урегулирования этой ситуации.

Социально-трудовые отношения - объективно существующая взаимосвязь и взаимодействие субъектов этих отношений в процессе труда, нацеленные на регулирование качества трудовой жизни [1], [2]. Социально-трудовые отношения (далее СТО) носят длительный характер.

В России заявлен тип СТО как социальное партнерство (ст. 2 ТК РФ). Обращаясь к определению «трудовых отношений (ТО)»³ стоит отметить основную идею, заложенную в норме права, а именно «ТО - отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя». При этом регулятор (законодатель) ограничивает действия сторон, уточняя, что работодатель обязан предоставить работу «по

1 Госслужба. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gossuzhba.gov.ru/reestr> (дата обращения: 9.01.2023).

2 Ст. 10, 11 ФЗ 273 от 25.12.2008 г.

3 Ст. 15 ТК РФ.

должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретно вида поручаемой работнику работы», а работник обязан «подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка». Таким образом можно сделать вывод, что инициатива ТО все-таки отдается работодателю и именно его коммерческий или социальный интерес в результатах труда наемного сотрудника становится главной движущей силой в инициации ТО.

Интересы работников не комментируется законодателем, предполагается, что интересы второй стороны могут быть разнообразны, например, помимо финансового интереса это может быть карьерный рост, реализация творческого потенциала и социальный потребности, таких как общение, признание, желание быть полезным обществу и т.д. При этом законодатель не вмешивается в системы оплаты труда, стимулирования и мотивации сотрудников, оставляя за собой только регулирование нижней границы заработной платы (МРОТ)⁴.

Цель наемного работника, если рассматривать его в качестве экономически рационального субъекта, — это максимально возможный размер заработной платы в денежной или другой форме, позволяющий наиболее полно удовлетворять его потребности. Преследуя свои интересы, работодатель и наемный работник вступают в партнерские экономические отношения.

Суть противоречий этих экономических субъектов изложил еще А. Смит. Он утверждал, что чем выше заработная плата у работника, тем ниже прибыль работодателя, что, по нашему мнению, является вполне объективным, так как заработная плата по своей сути является издержками и формирует себестоимость продукта. Постольку поскольку, заработная плата и прибыль формируются из одного источника (выручки), то, чем полнее удовлетворяется интерес одной стороны, тем меньше средств остается на удовлетворение интересов другой стороны СТО.

Однако органы государственной власти не занимаются извлечением прибыли, природа их деятельности совершенно отличается от природы деятельности коммерческих организаций. Целями государственного управления в современной России являются: обеспечение внутренней и внешней безопасности страны, развитие и укрепление общественных институтов, обеспечивающих устойчивое и надежное демократическое развитие страны, конституционная защита прав и свобод граждан РФ, общая административно-правовая регуляция.

Результатом непринятия мер по урегулированию КИ интересов является «увольнение по утрате доверия», ст. 59.3 ФЗ 79 «О государственной гражданской службе». В этом случае законодатель не предусматривает рассмотрение ситуации с точки зрения нанесения ущерба обществу, либо использования ресурсов органа госвласти. Доказанное при служебной проверке «не принятия мер» само по себе является условием для увольнения по утрате доверия. В этом случае сторона нанимателя изначально лишает доверия сторону работника, признавая, что вольно или неволью в определенных ситуациях сотрудник примет решение не в пользу организации и ее целям, а в пользу аффилированных с ним лиц.

Таким образом, изначально наниматель исключает добросовестное поведение сторон ситуации КИ, здесь мы можем говорить и о нарушении ст. 49 Конституции, однако расширение этой мысли не является темой нашей статьи. Гораздо интереснее нам видится идея, что на государственной службе между стороной нанимателя и служащим существует «дефицит доверия» изначально. Эту же мысль поддерживает и то, что вся деятельность органов государственной власти достаточно жестко регламентирована. Доверие — качественная характеристика открытых и положительных взаимоотношений между людьми, содержащих уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека⁵. В связи с этим «увольнение по утрате доверия» при нарушении требований к поведению ДЛ в ситуации КИ «можно определить

как «потерю у руководящего звена уверенности в исполнении сотрудником своих обязанностей правомерным образом. Доверие характеризуется как чистое субъективное явление, уверенность в определенном поведении другого лица, его добросовестности». [3] Однако, доверие является неотъемлемым условием функционирования социальных систем и личности, отсутствие которого приводит к деструктивным последствиям [4]. Недоверие в социально-трудовых отношениях порождает высокую зарегламентированность трудовой и служебной дисциплины со стороны работодателя, что напрямую влияет на снижение производительности труда [5]. Одним из проявлений «феномена дефицита доверия» автору видится и агрессивное развитие цифровых технологий в управлении персоналом, в частности, общества в целом, что призвано обеспечить прозрачность личности, для повышения управляемости сотрудников и снижения негативных рисков внутри организации. Впоследствии эта ситуация может привести и к нарушению конституционных прав граждан [6]. При этом среди работников, как одной из сторон социально-трудовых отношений, не сложилась культура увольнения в «связи с утратой доверия к нанимателю», хотя, как нам видится, в ситуации социального партнерства, у сторон должны быть равнозначные возможности выказать недоверие к поведению второй стороны. Зачастую у работника возникают вопросы и к системам оплаты труда в организации, и к распределению премиального фонда, в ситуациях умалчивания действующих принципов распределения организационных благ, вследствие чего у работника естественным образом складывается недоверие к работодателю. Но «ситуация высказывания своего недоверия» никак не регламентирована в действующих нормах права.

Таким образом, ситуация конфликта интересов показывает несовершенство отношений сторон СТО. Здесь нарушаются принципы социального партнерства, где одна сторона в условиях недоверия изначально формирует жесткую властную позицию контроля, при этом игнорируя интересы второй стороны партнерства, потому как, по мнению автора, не всегда исполнение своих должностных обязанностей в отношении аффилированных лиц предполагает извлечение корыстного интереса. В этой ситуации обесценивается профессионализм и добросовестность работника, который прошел оценку своих личных качеств еще на стадии подбора.

Пристатейный библиографический список

1. Талалаева Т. В. Сущность и роль качественного информационного обеспечения как системного элемента для регулирования социально-трудовых отношений // Транспортное дело России. - 2016. - № 3. - С. 131-132.
2. Абузярова Н. А. Коррупционные проявления в трудовых отношениях // Журнал российского права. - 2012. - № 12 (192). - С. 52-60.
3. Зинковский Р. А., Юртаев Д. С. Некоторые аспекты увольнения в связи с утратой доверия государственных служащих и иных категорий, на которые возложена обязанность по соблюдению антикоррупционного законодательства // Вестник науки. - 2023. - № 4 (63). - С. 516-522.
4. Воеводина Е. В., Шихтафизов П. Ш., Штепа С. Е. Методологические принципы деятельностно-феноменологического подхода в изучении социальных механизмов формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях // Социально-политические науки. - 2022. - № 12 (4). - С. 55-62.
5. Антонюк В. П., Иванова Я. С., Кулешов С. М., Морозова А. С. Дефицит доверия в трансформирующихся современных экономических отношениях: устранить или наращивать // Социально-гуманитарные знания. - 2023. - № 9. - С. 19-25.
6. Козлов С. Д., Сухова О. В. Реализация цифровых прав и цифровое гражданство: правовые аспекты. Сборник трудов конференции «Публичная служба: правовой и управленческий аспекты». - С. 110-114.

⁴ Ст. 133 ТК РФ.

⁵ Значение слова. Энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znachenie-slova.ru/доверие> (дата обращения: 10.10.2023).

Ли Гэнь

аспирант Института бизнеса Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

НАДЗОР ЗА ФОНДОВЫМ РЫНКОМ И УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ: МЕХАНИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена изучению актуальных вопросов, связанных с взаимосвязью и взаимовлиянием надзора за фондовым рынком и устойчивости экономики. В качестве методологии исследования использовался механистический анализ. В статье представлена разработанная автором концептуальная модель проведения механистического анализа, также формализованы необходимые для расчетов показатели. В качестве эмпирического материала использовались данные экономики и фондового рынка России.

Ключевые слова: фондовый рынок, регулирование, надзор, экономика.

Li Gen

postgraduate student of the Institute of Business of the Belarusian State University, Republic of Belarus

STOCK MARKET SURVEILLANCE AND ECONOMIC SUSTAINABILITY: THE MECHANISTIC ANALYSIS

The article is devoted to the study of topical issues related to the relationship and mutual influence of stock market regulation and economic sustainability. Mechanistic analysis was used as a research methodology. The article presents the author's conceptual model of mechanistic analysis. In addition, it formalizes the indicators necessary for calculations. The data of economy and stock market of Russia was used as empirical material.

Keywords: stock market, regulation, supervision, economy.

Ли Гэнь

The stock market is an important part of the country's financial sector, which, in addition to market ones, performs a number of specific functions in the economic policy of the state. Acting as an infrastructural element of economic policy, a stable and developed stock market can significantly facilitate the solution of key tasks facing a modern state, namely: ensuring sustainable economic growth and stability by attracting investment resources to the real sector of the economy, as well as facilitating the transformation of savings of the population and enterprises in investment, thereby creating conditions for the integration of the national economy into global value chains.

World practice has convincingly proven the fact that the stock market, like the engine that drives the global economy, provides the direction of growth to achieve economic goals [1]. But there are many obstacles on this path, such as political instability in the form of strikes, economic crises, as well as lack of right decisions, scarcity and asymmetry of information. Therefore, it is clear that the stock market works best if it is effectively supervised and controlled.

In this regard, large-scale modernization of regulation against the backdrop of the global financial crisis of 2007-2008, the Covid-19 pandemic and geopolitical tensions is aimed at strengthening key segments - from over-the-counter derivatives to investment funds and market infrastructure to addressing the shortcomings exposed by the crisis. However, now, even after the historic improvements of recent years, countries still need to continue to work to reduce risks and strengthen crisis-adapted regulatory approaches, and ultimately to reduce fluctuations associated with business cycles through improvement and development of stock market supervision methods [2].

Thus, the relationship between the strength of the economy and the quality of stock market supervision is a complex issue and varies significantly depending on the country and the specific situation. Instability in the stock market has a significant impact on the country's economy, leading to uncertainty, lack of investment and a decrease in economic growth. In this context, the need to conduct comprehensive studies of the relationship between the regulatory mechanisms of the stock market and the stability of the country's economic system is relevant, which predetermined the choice of the topic of this article.

The contradictory role of financial mechanisms in general and the stock market in particular in the processes of reproduction of the modern world economic system and ensuring the sustainability of the economy has become the object of numerous scientific studies. The following authors work in this direction: Mechikova M. N., Chernyavsky Ya. A., Kravtsova N. I., Qin S., Mongush O. N., Ondar Sh. M., Huy Nguyen Anh Pham, Vikash Ramiah and Imad Moosa.

The study of problems of stock market regulation is given attention in the publications of such scientists as: Gukovskaya A. A., Nezamaikin V. N., Osipovskaya A. V., Edward Peter Stringham, Ivan Chen, Xin Yan and Lawrence R. Klein.

Paying tribute to the scientific achievements of these scientists, it should be noted that the results of the research cannot fully satisfy the needs of the theory and practice of stock market development. The nature of the securities market from the standpoint of regulating the processes occurring on it has still not been sufficiently studied, which makes it difficult to determine its place and role in the system of economic relations. Control over the functioning of the stock market, which should contribute to the mobilization, concentration and redistribution of the country's financial resources in order to ensure economic sustainability, also requires scientific understanding and justification.

So, taking into account the above, the purpose of the article is to draw a relationship between stock market supervision and economic sustainability using mechanistic analysis.

Mechanistic analysis is used to identify and evaluate the precise changes in variables that lead to changes in other variables.

Securities market oversight includes regulation of activities of public issuers of securities, secondary markets, asset management products and market intermediaries. Regulation is intended to eliminate information asymmetries between issuers and investors, clients and financial companies, as well as between counterparties to transactions; ensure the uninterrupted functioning of trading and clearing and settlement mechanisms, which will prevent market disruptions and strengthen investor confidence [3]. And this, in turn, is favorable conditions for stimulating economic growth and progress.

The relationship between the quality of stock market functioning and economic stability has both direct and reverse directions. Shocks in the economy negatively affect the stock market, which leads to uncertainty and mistrust on the part of investors, reducing prices for stock market instruments. In turn, ineffective stock market supervision, corruption, weak institutions and imperfect legislation reduce investor confidence, discourage foreign investment and create an uncertain environment that inhibits economic growth [4]. However, it should be recognized that the relationship between stock market regulation and economic sustainability is complex and depends on other macroeconomic factors.

The conceptual model developed by the author to conduct the mechanistic analysis of the relationship between stock market supervision and economic sustainability is presented in Fig. 1.

The econometric research model required to carry out the mechanistic analysis is as follows:

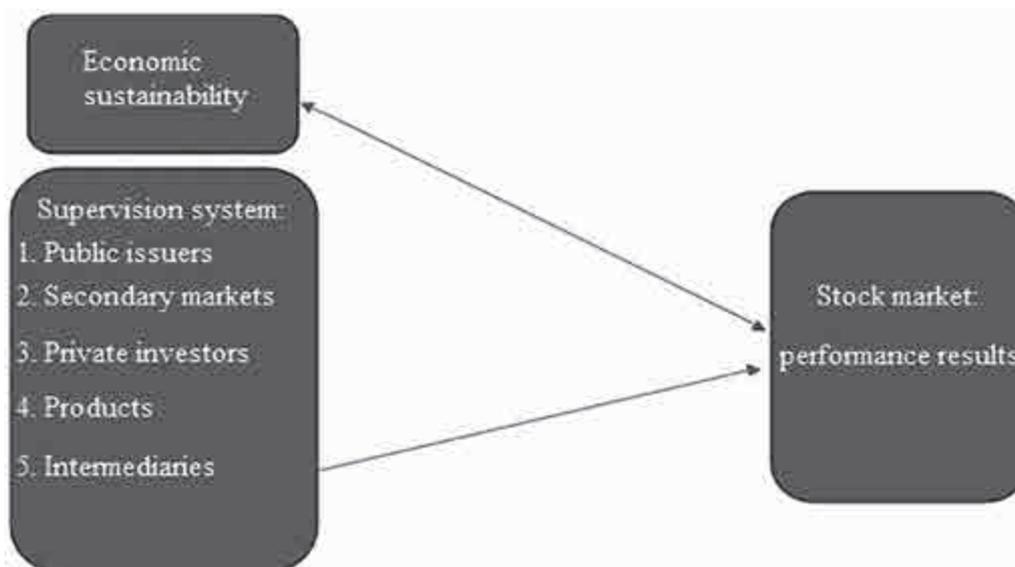

Figure 1. Conceptual model for conducting mechanistic analysis (compiled by the author)

The following indicators were selected for analysis:

1. Economic Stability (ES) – GDP, growth, inflation, productivity, investment, employment and industrial value added.
2. Corruption control (CC) – existence of legislation, work of authorized bodies, court decisions, amount of asset confiscation.
3. Accountability and independence of bodies supervising the stock market (VA) – the presence of powers and the range of methods of control and regulation, interaction with other authorities and the law enforcement system.
4. Government effectiveness (GE) – the ability to develop the legislative framework necessary to regulate the stock market, the presence of political will not to interfere in the activities of supervisory authorities.
5. Legal regulations (RL) – sufficiency and quality of the legal framework, absence of unregulated norms or activities, protection of all stock market participants.
6. Regulatory quality (RQ) – qualifications of the body's employees, implementation of regulations and recommendations of market participants, regular inspections of various market segments and their results, consistency with leading world practice, transparency, openness, compliance with key regulatory principles.
7. Stock market indicators (STK) – capitalization, volume of capital, investment flows, activity of private and institutional investors, presence of free competition and openness.

$$STK_{it} = \alpha_0 + \beta_1 ES_{it} + \beta_2 VA_{it} + \beta_3 CC_{it} + \beta_4 RQ_{it} + \beta_5 RL_{it} + \beta_6 GE_{it} + \varepsilon_{it}$$

It is also very important to check the accuracy of the stock market results that lead to the financial performance of the economy using robust analysis, which is part of mechanistic analysis. Robust analysis is useful for assessing the reliability of data for one type of measure, so it seems appropriate to use GDP as a measure of financial performance that correlates with the stock market performance of any economy.

The robust analysis equation is given below:

$$GDP_{it} = \alpha_0 + \beta_1 ES_{it} + \beta_2 VA_{it} + \beta_3 CC_{it} + \beta_4 RQ_{it} + \beta_5 RL_{it} + \beta_6 GE_{it} + \varepsilon_{it}$$

Further analysis was conducted using ordinary least squares method (OLS), a popular statistical technique used in business analysis to evaluate the relationship between a dependent variable and one or more independent variables [5]. The OLS method is widely used in business analysis to study various relationships and support decision making. Its versatility and ease of use have made this method popular among both researchers and practitioners.

The author also used the generalized method of moments (GMM), which is useful for estimating parameters in econometric and other statistical models. It is particularly effective when working with models that contain endogenous variables and tools to address problems associated with missing data bias and measurement error. GMM is widely used in various fields including economics, finance and social sciences.

So, the experiment and calculations were carried out using data from the Russian economy and the stock market. The research model includes 50 observations for each variable.

The results obtained indicate that corruption control has an average rating of -0.937456 and a standard deviation of 0.13949. Government efficiency has an average rating of -0.619013 and a standard deviation of 0.134657. Likewise, legal regulations have an average rating of 2.6509 and a standard deviation of 0.1542. Accountability and independence of bodies has an average rating of -2.09038 and a standard deviation of 0.550707. Regulatory quality has an average rating of -0.8172 and a standard deviation of 0.115192. Stock market indicators have an average rating of -0.6755 and a standard deviation of 0.123.

Government efficiency is highly significant at 5%, which means that this indicator has a positive impact on the stock market, and also indicates that an increase in government efficiency by 1 unit will lead to economic growth by 0.131749. The R-squared value of the model is 0.499018 and the p-value is 0.055381 which indicates the model validity. In the results obtained for the stock market indicator taken as a proxy for GDP, the control variables have an important positive effect.

Thus, the results of the mechanistic analysis allow us to conclude that high-quality and effective regulation of the stock market is one of the core factors for the sustainability and stability of the country's economic system.

References

1. Borsch L. M., Gerasimova S. V. Assessment of modern opportunities in the development of the stock market // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. 2023. № 2 (63). P. 94-105.
2. Anisimov A. A., Tikhonova O. B. Russian securities market: development features and their impact on the country's economic security // Economic security. 2021. V. 4. № 4. P. 971-990.
3. Gadzhiev N. G., Konovalenko S. A., Mamaeva U. Z. The state of the stock market in the system of ensuring the economic security of the state // Bulletin of the Dagestan State University. Series 3: Social sciences. 2023. V. 38. № 3. P. 7-21.
4. Rodin D. Ya. Problems of state regulation in the stock market // Man. Socium. Society. 2022. № 1. P. 47-52.
5. Chuchulin R. P. Foreign experience in regulating the stock market in the context of economic security // Bulletin of scientific conferences. 2022. № 1-1 (77). P. 113-114.

ВАН Кэ

магистрант экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

АСЯНОВА Светлана Рифовна

кандидат педагогических наук, заведующая пресс-службой Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Цифровая трансформация национальных экономик в значительной степени влияет на состояние рынка труда и общественное благополучие, что требует значительных усилий академического сообщества по разработке новых стандартов и форм организации рынка труда. Объект исследования – глобальная цифровая экономика. Предмет исследования – рынок труда, как элемент цифровой экономики. Цель исследования – рассмотреть ключевые проблемы управления трудовыми ресурсами в условиях цифровизации хозяйствования. В статье представлены две полярных точки зрения на влияние цифровизации на рынок труда: нео-луддитские и техно-утопические. Представлены данные теоретического и эмпирического анализа, который выявил несколько взаимосвязанных проблем цифровизации рынка труда. Для построения эффективного будущего рынка труда, соответствующего эпохе цифровых технологий, выделены несколько ключевых путей цифровой трансформации рынка труда.

Ключевые слова: нео-луддизм, техно-утопия, цифровая платформа, цифровая среда, социальная цифровая экономика.

WANG Ke

magister student of the Faculty of Economics of the M. V. Lomonosov Moscow State University

ASYANOVA Svetlana Rifovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of the Press Service of the Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology

HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN THE DIGITAL ECONOMY

The digital transformation of national economies significantly affects the state of the labor market and public well-being, which requires significant efforts by the academic community to develop new standards and forms of organization of the labor market. The object of research is the global digital economy. The subject of the study is the labor market as an element of the digital economy. The purpose of the study is to consider the key problems of labor resource management in the context of digitalization of business. The article presents two polar points of view on the impact of digitalization on labor markets: neo-Luddite and techno-utopian. Data from theoretical and empirical analysis are presented, which revealed several interrelated problems of digitalization of the labor market. To build an effective future labor market that corresponds to the digital era, several key ways of digital transformation of the labor market have been identified.

Keywords: neo-Luddism, techno-utopia, digital platform, digital environment, social digital economy.

Цифровая экономика представляет собой значительную область нового человеческого опыта в контексте воздействия на рынок труда, при этом, существует дефицит исследований, касающихся влияния изменений в цифровой экономике на секторы занятости мирового рынка труда. Различные мнения по этому вопросу можно разделить на «нео-луддитские» [1] и «техно-утопические» [2]: первые утверждают, что технологии приводят к разрушению рабочих мест, в то время как последние предсказывают исчезновение безработицы благодаря спросу на высокотехнологичную работу. Существует разделение экспертных оценок, поддерживающих обе позиции, но важно теоретически осмыслить обе позиции как уничтожения, так и создания рабочих мест для достоверной оценки масштабирования цифровой экономики в обществе. Несмотря на различия в воздействии на рынок труда в зависимости от сектора и региона, общий тренд указывает на умеренный, но устойчивый рост в большинстве областей человеческой производственной активности, где цифровые инвестиции в навыки человека активны. На практике люди, сталкиваясь с вызовами снижения безработицы и создания технологичных рабочих мест, необходимо стремиться к повышению производительности среди предприятий, учитывая ограничения на расширение штата существующих сотрудников. Важно понимать требования рынка труда к навыкам для разработки образовательной политики и обучения, чтобы эффективно отвечать на запросы работодателей и специалистов, указывающих на дефицит квалифицированных работников.

Основная часть

Современный рынок труда сталкивается с постоянной нехваткой определенных навыков, которые эволюционируют с течением времени и поэтому необходимо непрерывно адаптироваться к меняющимся требованиям, например, от недостатка аппаратных разработчиков до нехватки аналитиков данных. Несмотря на необходимость увеличения числа квалифицированных работников цифровой экономики, рост происходит постепенно, а безработица, особенно среди квалифицированных

работников информационных технологий, остается насущной проблемой. Поэтому в высокотехнологичной среде, где основным признаком является модернизация и автоматизация, важно находить баланс между созданием новых рабочих мест, ростом производительности и обновлением рабочей силы. Исследования показывают наличие разнообразные тенденции на рынке труда: от тех, кто уделяет внимание росту производительности, до тех, кто фокусируется на возможностях технологий и их роли в будущем труда [3]. Разные точки зрения предсказывают как позитивное будущее рынка труда, в том числе спрос на высококвалифицированных работников, так и отмечают замедление роста производительности, несмотря на технологические изменения.

В 2021 году IT for Change при поддержке Фонда Форда провели исследование¹ о воздействии цифровой трансформации на рынок труда с целью понять последствия масштабирования Интернета в обществе и его влияние на трудовые отношения и права работников. Теоретический и эмпирический анализ выявил несколько взаимосвязанных проблем цифровизации рынка труда:

1. реструктуризация глобальных цепочек создания стоимости принесит мало выгод работникам, но сокращает их трудовые права;
2. компании накапливают огромные доходы и власть, в то время как работники становятся незащищенными с нестабильным заработком;
3. быстроразвивающаяся цифровая экономика приводит к увеличению вытеснения людей более взрослого возраста, не обладающих навыками цифровизации с рынка труда;
4. появление цифровых платформ для «подработки» стало ключевым фактором усиления этих изменений.

Цифровая экономика, предлагая гибкие рабочие графики и возможность самостоятельного управления трудовыми процессами, превратила стабильные рабочие места в нестабильные

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ssir.org/articles/entry/building_the_future_of_work_we_want#.

и недооцененные, ухудшая защиту работников, а на общемировом уровне ситуация с «независимыми подрядчиками», работающими для цифровых платформ, стала критической: многие работники стали зарабатывать недостаточно для пропитания из-за высокой неформальной занятости [4].

Платформенная модель, опирающаяся на алгоритмический контроль, перехватила управление над работниками от человека к искусственному интеллекту, что привело к непредсказуемым графикам, высоким требованиям к производительности и необоснованным увольнениям, оставляя работников в безвыходном положении. Наблюдение за работниками в цифровом виде, включая слежку за их действиями даже вне рабочего места, постоянно угрожает их приватности и конфиденциальности личной жизни. Эти тенденции представляют серьезные вызовы как для работников, так и для работодателей - технологические компании несут ответственность за распространение этих практик, которые нарушают традиционные рабочие стандарты и личную конфиденциальность. Следовательно, возникает необходимость внимательного изучения и регулирования этих изменений для обеспечения более справедливых и безопасных условий труда в эпоху цифровой трансформации. Постоянная угроза автоматизации представляет собой существенную проблему для стабильности и жизни работников на мировом рынке труда, так развитие современной цифровой экономики поднимает вопросы об устаревании целей секторов трудового рынка, однако, гораздо более серьезной становится проблема социальной справедливости в контексте разработки и использования технологий, лежащих в основе цифровой трансформации.

Цифровая ориентированность современных технологий влечет за собой приоритетность стремления работодателей к инновациям, эффективности и росту без должного внимания к вопросам социальной справедливости. Технологические гиганты, становясь ключевыми участниками на геэкономической арене, создают новые формы цифрового колониализма, что проявляется как внутри богатых стран, где устойчивое расхождение между обладающими и необладающими ресурсами членами общества растет, так и на мировой арене, где развитые страны применяют эксплуатационные практики по отношению к своим работникам. Подобная сегментация общества и международный цифровой колониализм требуют серьезного внимания со стороны общественных и политических институтов. Они должны стремиться к созданию более сбалансированного и социально ответственного подхода к использованию и развитию технологий в цифровой экономике, учитывая интересы всех заинтересованных сторон и общественное благосостояние в целом.

Современная цифровая экономика, извлекая личные данные граждан, сталкивается с вызовом передачи трудоёмкой работы на аутсорсинг в менее развитые страны и этот процесс создает насущную потребность в новых подходах к организации труда и защите прав работников, так как в этом контексте, технологическая индустрия представляет собой работодателя новой промышленной эпохи, которая, однако, вызывает опасения относительно трудовых стандартов и защиты работников.

Для построения эффективного будущего рынка труда, соответствующего эпохе цифровых технологий, можно выделить несколько ключевых путей цифровой трансформации рынка труда:

1. Установление стандартов достойного труда, когда необходимо разработать новые гарантированные стандарты, включая цифровые права и понимание трудовых данных, что также включает создание прозрачной системы управления и наблюдения за работником на рабочих местах. Работники должны иметь возможность активно участвовать в формировании условий труда.

2. Взаимодействие между компаниями и работниками в котором компании должны внедрять технологии, учитывая их влияние на сотрудников, то есть важно вести диалог и партнерство с целью учитывать интересы всех сторон и обеспечить справедливые условия работы для всей категории работников.

3. Правительства должны создавать регулирующие механизмы и работать над устойчивыми экономическими моделями, обеспечивая защиту прав работников и развитие местной экономики, при этом сами работники могут оказать содействие в поддержке разнообразных инициатив, направленных на развитие новых форм сотрудничества между работниками и технологическими сообществами.

4. Необходимость инвестировать в построение социальной цифровой экономики, где социальная поддержка и обслуживание на уровне сообщества являются приоритетами и проис-

ходит из желания расширить права и возможности человека в сфере платформенной работы. Для достижения этой цели требуются программы обучения, создание специальных пространств для выражения проблем и достижения широких политических изменений. Кроме того, важно уделять внимание новым моделям услуг по уходу и равным возможностям обучения для работников, подверженных риску потери рабочих мест из-за автоматизации. Цель социальной цифровой экономики заключается в обеспечении общественного благополучия всех индивидуумов и улучшении состояния рынка труда национальных экономик.

5. Создание передовых технологий с фокусом на работников, то есть возникает необходимость прислушиваться к работникам, которые имеют ясное понимание проблем и их решений. Те, кто сталкивается с негативными последствиями цифровой трансформации, могут стать ценными источниками знаний при создании будущего рынка труда. Инвестирование в эксперименты и инновации, проводимые работниками, позволит создать более сбалансированные и продуктивные модели труда. Особое внимание следует уделить маргинализированным группам населения, предоставляя им возможность участвовать в формировании мер, направленных на улучшение трудовых условий. Эффективное развитие технологий должно опираться на дизайн рынка труда, ориентированный на потребности и интересы всех работников.

Секторы развития и благотворительности имеют потенциал стать ключевыми участниками рынка труда, осуществляющими инвестиции в формирование новых программ, нацеленных на защиту трудовых прав и создание более социализированной цифровой экономики, способствующей всеобщему развитию как на локальном, так и на глобальном уровнях [5]. Успех цифровой экономики и цифровизации рынка труда не должны зависеть от благотворительности или щедрости работодателя, а от обеспечения активного вклада, участия в трудовых процессах и получения выгод от инноваций, которые зачастую базируются на государственных инвестициях и человеческом капитале. Локальные и национальные сообщества, являющиеся фундаментом создания стоимости, играют ключевую роль в этом процессе.

Заключение

Академическое сообщество играет важную роль в обеспечении обучения и информирования об изменениях в цифровой экономике, включая влияние искусственного интеллекта на мировую экономику и формы современного труда. Исследователи должны принимать активное участие в разработке новых решений, таких как цифровые платформы и содействовать внедрению новых технологических инфраструктур в общественную жизнь. Объединение всех участников, включая работников, компании, правительства и научное сообщество, позволит создать благоприятное и инновационное будущее рынка труда в эпоху цифровых технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Mueller G. Breaking things at work: The Luddites are right about why you hate your job. – Verso Books, 2021.
2. Chandrashekeran S., Sadowski J. Post-Capitalist Techno-Futures: Beyond Instrumental Utopianism //Post-Capitalist Futures: Paradigms, Politics, and Prospects. – Singapore: Springer Singapore, 2022. – С. 107-116.
3. Jepsen M., Drahoukoupil J. The digital economy and its implications for labour. 2. The consequences of digitalisation for the labour market //Transfer: European Review of Labour and Research. – 2017. – Т. 23. № 3. – С. 249-252.
4. Булатов А. Социальные проблемы мировой экономики / А. Булатов, Л. Капица // Мировое и национальное хозяйство. – 2014. – № 1 (28). – С. 4. – EDN TGXPP.
5. Исмагилов И. И., Алсаид Г. Цифровая экономика: компонентный анализ определений понятия // Дискуссия. – 2023. – № 4 (119). – С. 6-16. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-4-119-6-16. – EDN BZUVYG.

ЛИ Цзяхуэй

магистрант Высшей школы современных социальных наук, Менеджмента Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

КУЛИЖСКАЯ Жанна Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент Байкальского государственного университета, г. Иркутск

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИЗНЕС-СТРАТЕГИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В данной статье определяются различные стратегические типы международных бизнес-стратегий, что позволяет менеджерам и предпринимателям лучше понять основные стратегические варианты и их связь с международной эффективностью компаний. Объект исследования – мировая экономика. Предмет исследования – международный бизнес, как системный элемент мировой экономики. Цель исследования провести теоретический анализ стратегических ориентаций и стратегического поведения в рамках геополитической напряженности. Представлены характерные изменения в связи с глобализацией, в связи с изменением производственных, научно-технических и технологических процессов, которые также находятся под воздействием геополитических изменений. Аргументируется, что эффективные бизнес-стратегии международных компаний включают в себя шесть ключевых компонентов: видение, ценности, SWOT-анализ, тактику, распределение ресурсов и измеримые успехи. Также на основании теоретического анализа опыта международных компаний выделены четыре основных типа стратегий международного бизнеса.

Ключевые слова: геополитика, санкции, глобализация, стратегия, экономические изменения, масштаб деятельности.

LI Jiahui

magister student of the Higher School of Modern Social Sciences, Management of the M. V. Lomonosov Moscow State University

KULIZHSKAYA Zhanna Sergeevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Baikal State University, Irkutsk

INTERNATIONAL BUSINESS STRATEGY IN THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMY

This article defines different strategic types of international business strategies, which allows managers and entrepreneurs to better understand the main strategic options and their relationship to the international efficiency of companies. The object of the study is the world economy. Subject of the study - international business as a systemic element of the world economy. The aim of the study is to conduct a theoretical analysis of strategic orientations and strategic behaviour within the framework of geopolitical tensions. Characteristic changes due to globalisation are presented, due to changes in production, scientific, technical and technological processes, which are also influenced by geopolitical changes. It is argued that effective business strategies of international companies include six key components: vision, values, SWOT analysis, tactics, resource allocation and measurable successes. Also on the basis of theoretical analysis of international companies' experience four main types of international business strategies are highlighted.

Keywords: geopolitics, sanctions, globalisation, strategy, economic change, scale of operations.

Введение

Различные эксперты по рискам в своих прогнозах указывают на вероятность наступления негативных последствий и возникновения новых трудностей для бизнеса в связи с геополитической напряженностью, возникающей вследствие политики США и Европейских стран с другими суверенными державами в контексте новой эпохи геополитических динамик. Предыдущие года были отмечены крупными геополитическими событиями негативного характера, что стало серьезными вызовами для деловой бизнес-среды в России. Также наблюдается рост напряжения между США и Китаем, несмотря на их глубокие экономические взаимосвязи, когда компании, привыкшие к мировой торговле без преград, столкнулись с усилением санкций и контроля над экспортом. Применение финансовых рычагов правительств в рамках санкционной политики становится все более распространенным подходом, что имеет непосредственное воздействие на бизнес: «...глобализация и санкции оказывают постоянное влияние друг на друга; хотя цели этих двух переменных диаметрально противоположны: первая стремится к объединению государств, а вторая - к изоляции игроков. С одной стороны, глобализация сделала санкции неэффективными, предоставив попавшим под санкции государствам альтернативных торговых партнеров. С другой стороны, «глобальная деревня» облегчает неизбежное применение санкций, поскольку взаимосвязь и взаимозависимость делают государства уязвимыми...экономические державы стратегически расширяют поддержку государств, попавших под санкции, и как это влияет на эффективность санкций...глобализация сделала воздействие санкций сомнительным и бесполезным» [1].

Основная часть

Геополитическая напряженность и экономические изменения оказывают очевидное влияние на бизнес в целом, в результате качественных изменений в глобальных экономиче-

ских отношениях международный бизнес переживает период значительной трансформации. Производственные, научно-технические и технологические процессы также находятся под воздействием современных изменений:

– Наблюдается резкое увеличение масштабов национального производства с падением импорта.

– Происходит переход к высокотехнологичным методам производства, с активным распространением новых технологий, снижающих препятствия для перемещения товаров, услуг и капитала.

– Внедряется качественно новых средств транспорта и связи, способствующих быстрому распространению товаров, услуг, ресурсов и идей, создавая новую среду информационной экономики.

Современная передача информации позволяет практически мгновенно осуществлять обмен данными поэтому экономические возможности и транзакции быстро распространяются по всему миру, в то время как для физического перемещения товаров и услуг требуется определенное время, передача информации происходит немедленно. Геополитические изменения в мире отражаются на рынке немедленно по всему миру, особенно это актуально для финансовых бирж, валютных и товарных рынков, а также для процессов научных открытий и их применения, в результате этого удаленность партнеров перестает быть преградой для сотрудничества. Интенсивное распространение знаний благодаря научному и интеллектуальному обмену приводит к ускоренному распространению передовых технологий и снижению издержек на транспорт и связь, что способствует интеграции национальных рынков, в то же время санкционные барьеры нарушают логистические цепочки и связи: «В результате ограничений пострадали многие отрасли мировой и отечественной экономики. Из-за изменения логистической системы многие цепочки были нарушены, поставки задержаны, а

производство приостановлено, что привело к уменьшению объема произведенной продукции» [2, с. 33].

Международный бизнес имеет свои собственные характеристики, которые отличны от его национального бизнеса и одной из основных проблем, с которой сталкиваются международные компании, является сложность адаптации к различиям в национальных культурах, которые оказывают влияние на ведение международного бизнеса. Международные бизнес-стратегии определяются сводом правил, которые регулируют коммерческие сделки между субъектами из различных стран преследуя главную цель - максимизации прибыли. Эффективно разработанная бизнес-стратегия международной компании может помочь преодолеть геополитические кризисы, привести бизнес к новому уровню конкурентоспособности, привлечь новых клиентов и увеличить объемы продаж.

Эффективные бизнес-стратегии международных компаний включают в себя шесть ключевых компонентов [3]: видение, ценности, SWOT-анализ, тактику, распределение ресурсов и измеримые успехи. При разработке бизнес-стратегий международные компании начинают с постановки целей, определения, какие результаты им необходимо достичь. Процесс разработки бизнес-стратегии обычно начинается с определения миссии компании, ее целей и ценности, а затем проходит оценка текущей ситуации на рынке, далее SWOT-анализ, который выявляет сильные и слабые стороны бизнеса, возможности и угрозы и происходит формирование конкретного плана достижения поставленных целей. Процесс разработки бизнес-стратегий может осуществляться через делегирование специализированным организациям или внутренними силами компании, в разработке стратегий участвует топ-менеджмент и управляющие зарубежными подразделениями. Анализ опыта международных компаний выделяет четыре основных типа стратегий международного бизнеса [4]: стратегии, ориентированные на экономию масштабов; стратегии, основанные на рациональном подходе к деятельности зарубежных подразделений; стратегии, предоставляющие максимальную автономию зарубежным филиалам для учета национальных особенностей; стратегии, взаимодействующие с процессами глобализации. Данные подходы также применимы при разработке бизнес-стратегий, которые могут быть реализованы на различных уровнях структуры компании, как итог разработка эффективной бизнес-стратегии позволяет международным компаниям успешно выйти на мировой рынок и укрепить свои позиции, опережая конкурентов.

Глобальная стратегия представляет собой подход, широко используемый компаниями, которые видят весь мир как один рынок, в этом случае компании фокусируются на производстве и продаже стандартизированного продукта, который удовлетворяет потребности большинства потребителей по всему миру. Данный подход направлен на создание однородной продукции, способной успешно конкурировать на мировом уровне.

Транснациональные стратегии, в свою очередь, комбинируют преимущества делегирования власти и глобализации операций, что способствует увеличению эффективности международного бизнеса, что позволяет компаниям гибко адаптироваться к различным рынкам и культурам, выстраивая баланс между централизованным управлением и адаптацией к местным условиям.

Глобальные и транснациональные стратегии играют важную роль в современном бизнесе, позволяя компаниям успешно оперировать на международной арене и удовлетворять потребности глобальной аудитории.

В данном контексте для международных компаний тремя источниками получения конкурентных преимуществ в условиях геополитической напряженности можно выделить следующие:

1) оптимизация деятельности через глобализацию, что включает в себя уменьшение издержек за счет размещения структурных подразделений компании в оптимальных для этого странах и получение эффекта масштаба при увеличении объемов производства;

2) гибкость в международной среде, которая предполагает быструю адаптацию к условиям различных стран и распространение лучших практик на всю транснациональную структуру;

3) накопление и передача опыта в глобальном масштабе, включая международное обучение и использование различных подходов к бизнесу в разных странах.

Степень централизации управления прямо влияет на реализацию этих факторов: высокая степень централизации, увеличивающая эффективность всей организации, может уменьшить гибкость в международном контексте, с другой стороны, слишком большая децентрализация, хотя и обеспечивает гибкость, усложняет обмен информацией и опытом ведения биз-

неса между различными подразделениями на разных рынках [5]. Поэтому для международных компаний важно выбирать оптимальную стратегию управления, учитывающую эти факторы.

Существуют четыре основные стратегии ведения международного бизнеса:

- 1) стратегии дублирования модели бизнеса (интернациональная стратегия);
- 2) мультилокальная стратегия;
- 3) глобальная стратегия;
- 4) транснациональная стратегия.

Стратегия дублирования модели бизнеса подразумевает применение на зарубежных рынках той же стратегии, что используется на внутреннем рынке компании, что может быть обусловлено успехом на внутреннем рынке или нехваткой опыта в международном бизнесе.

Мультилокальная стратегия предполагает существование независимых дочерних подразделений, обслуживающих различные рынки, что дает компании возможность адаптировать продукцию, маркетинг и методы производства для удовлетворения потребностей различных групп потребителей.

Правильный выбор стратегии управления важен для успеха международных компаний, т.к. это позволяет оптимально сочетать эффективность, гибкость и передачу опыта в глобальном масштабе.

Глобальная стратегия используется компаниями, которые рассматривают мир как единый рынок, где акцент делается на стандартизированных продуктах (услугах), соответствующих потребностям большинства потребителей по всему миру. Глобальные компании обычно характеризуются централизованным управлением и контролем, а также использованием преимуществ масштабного производства и маркетинга. Такие компании стремятся к расширению производства и продаж продукции, имеют высокоэффективные структуры, объединенные общим маркетингом и рекламой, и едиными производственными процессами. Глобальная стратегия в отличие от стратегии дублирования модели бизнеса (когда компания применяет одну стратегию в разных странах) не подвержена влиянию предпочтений и методов работы внутреннего рынка страны происхождения компании, а глобальная компания предлагает унифицированный продукт для мирового рынка, надеясь на удовлетворение потребностей всех потребителей в разных странах.

Заключение

Транснациональные и глобальные стратегии сочетают преимущества глобализации операций (как в глобальных компаниях) и делегирования полномочий локальным дочерним компаниям (как в мультилокальных компаниях). Для достижения эффективности в условиях геополитической напряженности и гибкости такие компании используют комбинированный подход к централизации и децентрализации, распределяя ответственность между наиболее компетентными подразделениями.

Пристатейный библиографический список

1. Chingono H., Hove M., Danda S. J. Sanctions effectiveness in a globalized world. – 2013.
2. Игнатов Д. А. Нарушение логистических цепочек в современных экономических условиях: причины и последствия // Экономика и инновации: Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2022 года. Том 2. – Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2023. – С. 30-36. – EDN HDGRJR.
3. Tien N. H., Phu P. P., Chi D. T. P. The role of international marketing in international business strategy // International journal of research in marketing management and sales. – 2019. – Т. 1. № 2. – С. 134-138.
4. Hagen B. et al. International strategy and performance – Clustering strategic types of SMEs // International Business Review. – 2012. – Т. 21. № 3. – С. 369-382.
5. Соловова Ю. В. Энергетика и социальная эффективность в контексте функционирования современной экономики // Дискуссия. – 2022. – № 3 (112). – С. 48-56. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-3-112-48-56. – EDN RQVATK.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-510-511

МЭН Лю

магистрант Школы экономики и менеджмента, Мировая экономика, Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОВРОВ Владимир Федорович

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий

РАЗВИТИЕ ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

Тема зелёной экономики и устойчивого развития занимает центральное место в глобальном обсуждении, имея при этом существенное влияние на динамику конкуренции и сотрудничества в сфере геополитики и экономики. Объект исследования – мировая экономика. Предмет исследования – зелёная экономика, как состояние мировой экономики. Цель исследования – выяснить как геополитическая напряжённость повлияла на развитие зелёной экономики во всём мире. В статье сделан вывод, что основное внимание уделяется обеспечению энергетической безопасности в условиях неопределённости в геополитической обстановке, где возобновляемые источники энергии занимают доминирующее положение. Переход к новым источникам энергии становится источником потенциальных конфликтов между клиентами и поставщиками энергии, отношения между которыми отличаются нестабильностью. При этом роль России, как крупнейшего поставщика энергетических ресурсов и других сырьевых ресурсов возросла, как и роль стран, на которые были переориентированы экспортные поставки ресурсов из России.

Ключевые слова: устойчивое развитие, геополитика, энергетические ресурсы, сырьевые ресурсы, зелёный переход.

MENG Liu

magister student of the School of Economics and Management, The global economy, of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KOVROV Vladimir Fedorovich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Sociology and youth work sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

DEVELOPING A GREEN ECONOMY UNDER GEOPOLITICAL TENSIONS

The topic of green economy and sustainable development is central to the global discussion, while having a significant impact on the dynamics of competition and cooperation in geopolitics and economics. The object of the study is the global economy. The subject of the study is the green economy as a state of the world economy. The purpose of the study is to find out how geopolitical tensions have affected the development of green economy around the world. The article concludes that the focus is on energy security in an uncertain geopolitical environment where renewable energy sources are dominant. The transition to new energy sources becomes a source of potential conflicts between customers and energy suppliers, whose relations are characterized by instability. At the same time, the role of Russia as the largest supplier of energy resources and other raw materials has increased, as well as the role of countries to which the export of resources from Russia has been reoriented.

Keywords: sustainable development, geopolitics, energy resources, raw materials, green transition.

Введение

Возможность реализации успешного и эффективно-го перехода к зелёной экономике сегодня прямо зависит от наличия разнообразных, критически важных для всего промышленного сектора мировой экономики - сырьевых материалов: «Интеграция целей устойчивого развития в политику и деятельность международных институтов является крайне значимым для продвижения устойчивого развития в глобальном масштабе, так как международные учреждения должны уделять приоритетное внимание устойчивому развитию, включив его в свою политику, стратегии и операции, включая принципы устойчивого развития в процессы принятия решений и учет экологических, социальных и экономических последствий в их деятельности» [1, с. 85]. На данный момент Китай и Россия играют доминирующую роль в производстве и переработке многих сырьевых материалов, при этом значительное количество запасов находится в странах, не имеющих политических связей с западными экономиками.

Основная часть

Широкомасштабное внедрение чистых технологий, необходимое для полной декарбонизации электроэнергетики, электрификации значительной части конечного потребления энергии и расширения использования низкоуглеродного водорода, требует использования ряда критически важных сырьевых материалов, поставки которых ограничены из-за фактора резкого роста геополитической напряжённости. Подобная ситуация на мировых рынках отрицательно ска-

зывается на достижение целей устойчивого развития ООН¹: «Устойчивое развитие рассматривается с позиции триединства: экологическая система, экономическая система и общественная (социальная) система» [2, с. 41]. При этом цели устойчивого развития и зелёной экономики фактически не выполняются: «Зелёная экономика — это разновидность экономической модели, которая не подразумевает потребление ресурсов Земли для получения финансовой прибыли и с другими целями» [2, с. 1].

Согласно данным Комиссии по энергетическому переходу (2023)², основные материалы для обеспечения целей устойчивого развития включают в себя медь для проводки, редкоземельные элементы для электродвигателей, литий, никель и графит для аккумуляторов, а также кремний для солнечных фотоэлектрических панелей. Объем требуемых материалов значителен, и в настоящее время у этих ресурсов мало альтернатив, при этом западные экономики сталкиваются с ограниченным доступом ко многим из них, что представляет собой сложную задачу уже в нынешние времена, но учитывая растущее геополитическое напряжение и конфликт между Россией и Украиной, становится еще более актуальной.

В настоящее время перспективы газовой энергетики ожидаются позитивные, в сторону роста, как на мировом, так

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/sites/default/files/2023-10/ece_mp.eia_2023_14-ece_mp.eia_sea_14_r.pdf.

и на региональном уровнях, в то время как угольная энергетика прогнозирует увеличение спроса в глобальном масштабе и сокращение, особенно в Европе. Снижение доли угольной энергетике прослеживается по разным причинам: в Северной Америке из-за разработки сланцевого газа, а в Европе в результате нового законодательства, снижающего выбросы в атмосферу, что также связано с постепенным исчерпанием запасов каменного угля в некоторых развитых странах Западной Европы. Прогнозируется, что объем производства электроэнергии из различных источников увеличится, и уголь, согласно прогнозам, снова станет доминирующим видом топлива. В настоящее время уголь составляет около 30 % генерируемой энергии, и к 2030 году его доля может достигнуть примерно 35 % на глобальном уровне³.

Несмотря на широкое освещение в СМИ активности возобновляемых источников энергии, статистические данные о потреблении энергоресурсов в XXI веке указывают на преобладание невозобновляемых источников, таких как нефть, природный газ и уголь. Прогнозы до 2030 года предполагают уменьшение роли нефти в потреблении энергии и временное возобновление доминирования угля и в перспективе 2050 года газ также сохранит свою значимость. Уголь и газ являются наиболее динамично развивающимися источниками энергии в XXI веке. Анализ данных с начала 2000-х годов позволяет выявить процентную динамику изменения потребления различных видов энергоресурсов, обусловленную различными факторами в миллионах тонн эквивалента нефти.

Развивающаяся зеленая политика и инвестиции в возобновляемые источники энергии с ростом геополитической напряженности приводят к ряду неожиданных проблем, которые требуют внимательного анализа. Проблемы зеленой политики и инвестиций в возобновляемые источники энергии в связи с ростом геополитической напряженности можно выделить следующие:

– Увеличение использования «грязной» энергии, когда наблюдается явление, когда некоторые поставщики электроэнергии, чтобы компенсировать расходы на возобновляемые источники энергии, обращаются к наиболее дешевому и, следовательно, загрязненному источнику электроэнергии, например, извлеченной из бурого угля. Даже несмотря на увеличение производства энергии из возобновляемых источников, такой подход приводит к росту выбросов углекислого газа.

– Высокие затраты на энергию, которые обусловлены тем фактом, что технологии возобновляемых источников энергии долгое время останутся дорогостоящими, при этом благодаря масштабным инвестициям в зеленую энергетику цены на электроэнергию входят в число самых высоких в англоязычных странах, что приводит к явлению «энергетической бедности».

– Значительный углеродный след из-за внедрения зеленых технологий, так некоторые зеленые технологии имеют длительный углеродный след по сравнению с грязными технологиями, например, массовое использование аккумуляторов в электромобилях может привести к значительному негативному воздействию на окружающую среду.

– Противоречивые стандарты зеленой повестки, когда в США и ЕС считают энергию, произведенную при совместном сжигании угля и биомассы – «чистой», что приводит к перераспределению древесины из различных регионов мира для удовлетворения спроса на «чистую» энергию, что может стать проблемой в части устойчивого управления лесными ресурсами: *«Многих природоохранных мер можно было бы избежать, если бы были известны точные внешние издержки от деятельности загрязняющих предприятий, так как реализация принципа “загрязнитель платит” возложила бы дополнительные затраты на субъекты, загрязняющие окружающую среду, включила бы экологические издержки в цену»* [4, с. 20], [5, 67].

– Инвестиции в зеленые технологии странами-лидерами по угольной энергетике, что парадоксально, так как большинство инвестиций в возобновляемые источники энергии

направляется странами, которые традиционно являются крупными производителями энергии из угля, создавая тем самым противоречие в стратегии развития энергетического сектора.

Эти проблемы требуют внимательного изучения и разработки сбалансированных подходов к развитию энергетической отрасли с учетом не только экологических и экономических аспектов, но и социальных последствий и долгосрочной устойчивости системы энергоснабжения.

Прекращение экономического роста имеет значительные последствия, превосходящие рамки сохранения окружающей среды, что также влечет за собой серьезные недостатки. Для развитых стран это означает ограниченный доступ к ресурсам для финансирования системы здравоохранения и пенсионных выплат, особенно учитывая быстрое старение населения. Для менее развитых стран отказ от экономического роста влечет гораздо более высокие последствия, так как многие люди оказались бы в состоянии нищеты, а некоторые базовые потребности могли бы остаться неудовлетворенными, что в свою очередь приведет к социальным потрясениям. Развивающиеся страны в течение второго и третьего кварталов 2023 года продолжают наращивать традиционные источники энергии (нефть, газ, уголь) в связи с медленным прогрессом зеленой повестки в более богатых странах и в принятии необходимых мер для обеспечения справедливости в вопросах вакцинации и глобального восстановления через различные многосторонние механизмы, такие как Большая семерка и Большая двадцатка. Действия в области борьбы с изменением климата также привели к ограничению финансовой поддержки и финансового пространства для развивающихся стран в их процессе перехода к более устойчивому климатическому развитию, что дальше снижает уверенность стран в увеличении климатических амбиций.

Заключение

Рост можно сделать «зеленым», даже если для этого нужно быстрое внедрение новых технологий. Ключевым моментом является продолжение исследований и инноваций с использованием человеческого потенциала к открытиям, которое условно не имеет границ. Несмотря на некоторый прогресс в этом направлении, недостаточное сотрудничество в области устойчивого развития и восстановления мировой экономики привело к сохранению напряженности в геополитических отношениях и неравномерности в глобальном экономическом контексте.

Пристатейный библиографический список

1. Ушакова Н. В., Гулиев И. А., Дамирчиев Э. И. Перспективы устойчивого развития в политике международных институтов глобализации // *Дискуссия*. – 2023. – № 3 (118). – С. 82-96. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-3-118-82-96. – EDN AIYMFV.
2. Ткаченко Р. В. «Зелёная» экономика. Опыт разных стран // *Научный электронный журнал Меридиан*. – 2021. – № 9 (62). – С. 174-176. – EDN RBSTAK.
3. Шарафулина Р. Р., Хакимов Р. М., Нурутдинов А. А. Зелёная экономика и устойчивое развитие: обзор настоящего и перспективы в России // *Дискуссия*. – 2021. – № 6 (109). – С. 38-48. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-6-109-38-48. – EDN BNNFLZ.
4. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие и «зелёная» экономика // *Энергия: экономика, техника, экология*. – 2015. – № 8. – С. 16-20. – EDN UJYMTZ.
5. Кретова А. Ю. Управленческий подход к оценке эффективности деятельности предприятия // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. – 2020. – № 1 (255). – С. 65-74. – EDN ZNGXMR.

ХАНЬ Цзяци

магистрант Экономического факультета, (Инновационный менеджмент) Белорусского государственного университета

ПАРСАДАНЯН Сергей Ашотович

кандидат экономических наук, Генеральный директор ООО «Национальный медицинский холдинг» (г. Москва)

ЭКОСИСТЕМЫ ИННОВАЦИЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

На современной стадии общественного развития наблюдается высокий уровень заинтересованности в экосистемных условиях, способствующих развитию инноваций и предпринимательства в условиях развития конкурентной чреды и глобализации на всех уровнях экономических отношений. Объект исследования – экосистема как элемент экономической системы. Предмет исследования – инновации и предпринимательство как содержание экосистемы. В данной статье производится аналитический обзор с целью расширения уровня понимания концепций инновационной и предпринимательской экосистем. Выявлено, что предпринимательская экосистема представляет собой агломерацию акторов, сотрудничающих в границах пространственно ориентированной предпринимательской среды, а также факторов, способствующих стимуляции продуктивного предпринимательства. Структура инновационной экосистемы представляет собой консорциум взаимодействующих акторов, поддерживающих инновационные процессы, сочетающих технологии и инновации, когда генерация добавленной стоимости осуществляется через стимуляцию инноваций, в то время как основное внимание в экосистеме предпринимательства ориентировано на развитие предпринимательской активности. В статье представлено также выделение структуры, компонентов и характеристик как предпринимательской, так и инновационной экосистем.

Ключевые слова: экосистема, инновации, технологии, предпринимательство, система.

HAN Jiaqi

magister student of the Faculty of Economics (Innovative Management) of the Belarusian State University

PARSADANYAN Sergey Ashotovich, PhD

Ph.D. in economical sciences, General Director of National Medical Holding LLC (Moscow)

ECOSYSTEMS OF INNOVATION AND ENTREPRENEURSHIP

At the modern stage of social development there is a high level of interest in ecosystem conditions that promote innovation and entrepreneurship in the development of competitive succession and globalisation at all levels of economic relations. The object of the study is the ecosystem as an element of the economic system. The subject of research - innovation and entrepreneurship as the content of the ecosystem. This article provides an analytical review to expand the level of understanding of the concepts of innovation and entrepreneurial ecosystems. It is revealed that the entrepreneurial ecosystem is an agglomeration of actors cooperating within the boundaries of spatially oriented entrepreneurial environment, as well as factors that contribute to the stimulation of productive entrepreneurship. The structure of the innovation ecosystem is a consortium of interacting actors supporting innovation processes, combining technology and innovation, when the generation of added value is carried out through the stimulation of innovation, while the main focus in the entrepreneurial ecosystem is on the development of entrepreneurial activity. The article also presents an identification of the structure, components and characteristics of both entrepreneurial and innovation ecosystems.

Keywords: ecosystem, innovation, technology, entrepreneurship, system.

Введение

В современных условиях интенсивной конкуренции между участниками экономической системы, которые обеспечивают технологический прогресс, цифровизацию и экспоненциальное расширение знаний в обществе, акцент действий должен быть сосредоточен на предпринимательстве и инновациях и представляется, что предпринимательская и инновационная деятельность представляют собой движущие силы конкурентоспособности и социоэкономического развития в современном обществе. Предпринимательство играет значимую роль в сфере стимулирования инноваций, создания новых рабочих мест, удовлетворения требований потребителей и других экономических атрибутов, одним из которых, имеющих важнейшее значение - способность к инновациям. Во всём мире люди стремятся к разработке инновационных методов извлечения выгоды из идей, запуска новых предприятий и масштабированию своего бизнеса и инноваций рассматриваются как ключевой фактор, способствующий экономическому росту. Испытывая потребность в повышении эффективности деятельности при ограниченных ресурсах, организации функционируют не в изоляции, а в контексте предпринимательской активности в обществе взаимосвязанных сторон, при этом процесс коммерциализации идеи затрагивает разнообразные аспекты человеческой активности, а создание предпринимательских и инновационных экосистем рассматривается как эффективный способ поощрения и поддержки данного процесса. Инновационные и предпринимательские экосистемы представляют собой относительно новую веху, привлекающую все большее внимание со стороны политиков, бизнес-практиков и исследователей. В современном контексте экономического развития высокое значение уделяется экосистемным условиям, содействующим предпринимательским

инновациям и развитию конкурентного предпринимательства. Предпринимательство и инновации тесно связаны, хотя инновационная экосистема и исследования, посвященные предпринимательской экосистеме, в основном развиваются параллельно, несмотря на это, имеется ряд исследований, фокусирующихся на основных типах экосистем, где наблюдается недостаточное теоретическое осмысление проблематики, при этом исследования, анализирующих взаимодействие между инновациями и предпринимательскими экосистемами, пока что сравнительно мало.

Основная часть

Термин «экосистема» (экологическая система) был заимствован из области биологии, где он описывает совокупность живых организмов, взаимодействующих с разнообразными компонентами окружающей среды. Понятие «эко» уводит в своё значение к окружающей среде, тогда как «система» предполагает группировку взаимосвязанных элементов, действующих как единое целое. Проведя аналогию между биологической системой и бизнесом, аналогично поведение организмов в природе, то можно спроецировать аналогию на компании, которые взаимодействуют между собой в специфической бизнес-среде. Исследования об экосистемах обрели значительную популярность в академических кругах, среди бизнес-специалистов, менеджеров и политиков. В последнее десятилетие послужили триггером развития различных областей исследований: бизнес-экосистем, последовавшие за ними инновационные экосистемы, предпринимательские экосистемы, экосистемы знаний и другие [1].

Экосистемы различаются главным образом по участникам и характеру продвигаемого ценностного предложения. В рамках бизнеса и менеджмента концепция «экосистемы»

определяет группу разнообразных, но взаимодополняющих элементов, которые совместно создают продукцию на уровне экосистемы, превышая тем самым индивидуальное производство и деятельность любого единичного участника экосистемы. Имеются четыре общие характеристики, выделяющие экосистемы среди прочих организационных образований: системный результат, гетерогенность участников, сущность взаимозависимости между участниками экосистемы и механизмы согласования [2]. Присутствие лишь одного из аспектов не делает экосистему уникальной, в то время как совокупность всех четырех характеристик представляет собой уникальное свойство экосистемы, а подход системного анализа проблематики не предоставляет полной картины взаимоотношений между вовлеченными сторонами. В отличие от статического видения систем, понимание экосистемы не подразумевает линейного взгляда, оно обладает динамической перспективой и предпринимательство, это сложный процесс, когда каждая экосистема характеризуется уникальным набором участников и взаимодействий, сформировавших ее эволюцию и определивших нынешнее и будущее состояние данной экосистемы.

Концепция предпринимательской экосистемы включает в себя двойной аспект: экосистемный и предпринимательский, связанный с процессом предпринимательской деятельности, определяемым как процесс создания ценности путем объединения уникальной комбинации ресурсов для использования возможности. Со временем предпринимательские экосистемы эволюционировали в ответ на изменяющиеся подходы к предпринимательству, перенес акцент с индивидуального на более обширное социальное и экономическое окружение, где функционируют предприятия [3].

Понятие предпринимательской экосистемы возникло в начале 1990-х годов, отталкиваясь от понятия «бизнес-экосистемы» Мура, «инфраструктуры предпринимательства» Ван де Вена и концепции Спиллинга о местной «предпринимательской системе». Экологический аспект предпринимательских экосистем связан с экономическим ростом, подразумевающим предпринимательский подход к местному экономическому развитию [4]. Предпринимательские экосистемы должны создавать благоприятные условия как для новых бизнес-проектов, так и для быстро развивающихся компаний, поэтому необходимо облегчить возникновение новых предприятий, включая инновационные стартапы, и способствовать их развитию. Предпринимательская экосистема предполагает обновление традиционного экономического взгляда, сосредоточенного на компаниях и рынках, в пользу нового понимания о людях и сетях. Все определения предпринимательства подчеркивают его интеграцию: центральными элементами предпринимательской экосистемы являются участники со всеми их взаимосвязями, а взаимодействие между участниками поддерживает предпринимательскую активность, способствуя венчурному развитию и появлению возможности для сотрудничества и конкуренции [5].

Эффективная предпринимательская экосистема способствует предпринимательской инициативе и, следовательно, созданию ценности, способствуя социальному и экономическому развитию. Необходимо долгосрочное усилие для формирования устойчивой экосистемы, тем не менее большинство исследований проблематики в основном фокусируются на статических аспектах предпринимательских экосистем, в то время как динамическая перспектива обрела актуальность относительно недавно. Развитие предпринимательских экосистем происходит через взаимодействие между участниками и зависит от национальных, международных и культурных факторов, характерных для конкретного географического пространства, то есть предпринимательская экосистема представляет собой сложную систему, эволюционирующую со временем и ее пространственный аспект необходим для комплексного понимания предметной области: экосистемы, хоть и могут быть ограничены географически, воздействуют на различных уровнях - от университетских кампусов до региональных и национальных масштабов промышленных систем.

Внутри инновационной экосистемы находятся различные участники: предприниматели, правительство, академические структуры (включая образовательные и научные организации), промышленность (с ее разнообразными ассоциациями), организации, оказывающие поддержку (специализированные институты, предоставляющие профессиональную помощь), финансовая система (включая финансовые институты, инвесторов, бизнес-ангелов, венчурные компании) и гражданское общество (СМИ и другие). Основные элементы инновационной экосистемы включают человеческий капитал, знания, ин-

фраструктуру, регулирование, идеи, финансы, исследования и разработки, взаимодействие между участниками и культурные аспекты, таким образом, инновационные экосистемы, это совокупности взаимодействующих участников, поддерживающих инновационные процессы и разрабатывающих технологии и инновации, которые используют инфраструктуру и ресурсы для разработки и внедрения более эффективных способов ведения бизнеса.

Основной особенностью экосистемы является то, что компании не только конкурируют, используя собственные ресурсы, но и сотрудничают, обмениваясь информацией, знаниями, сетями, инфраструктурой и поддержкой для создания совместной ценности. Также сотрудничество включает предприятия всех масштабов, от новых стартапов до крупных организаций, а инновации играют особую роль в обеих типах экосистем, стимулируя инновационные процессы и развитие предпринимательства. Важно отметить, что хотя предпринимательство и инновации взаимосвязаны, не все предприниматели занимаются инновациями, и не все инновации связаны с предпринимательскими возможностями. Сходство между предпринимательскими и инновационными экосистемами заключается в участии одних и тех же участников, но их функции и роль могут различаться в каждой из экосистем, но требуемые компоненты, такие как человеческие ресурсы, финансы, инфраструктура и управление, являются необходимыми для обеих экосистем.

Заключение

Концепция экосистемы получила широкое распространение в области инноваций и предпринимательства среди ученых, политиков и практиков: предпринимательские и инновационные экосистемы возникли для понимания различий в росте между разными местностями, объяснения успешного социально-экономического развития в конкретных географических регионах и имеют много общих черт, однако различаются во многих аспектах и их развитие связано с социальной и экономической средой, стимулирующей инновации и предпринимательство. Предпринимательские и инновационные экосистемы являются сложными системами, характеризующимися самоорганизацией, комплексными компонентами, взаимозависимостью между участниками, динамичностью и способностью к адаптации. Обе концепции происходят от идеи экосистемы, что делает их нелинейными и включающими множество факторов и лиц на различных уровнях. Предпринимательская экосистема, это сложная система, сфокусированная на предпринимательстве и содействующая расширению венчурного капитала, что побуждает к созданию ценности для общества. Единой универсальной модели предпринимательской экосистемы не существует, то есть структура предпринимательских экосистем является уникальной и может отличаться в различных географических общностях, однако критическим является их способность обеспечивать системную поддержку предпринимательской деятельности, обеспечивая доступ к рынкам, финансам, человеческому и интеллектуальному капиталу.

Пристатейный библиографический список

1. Zahra S. A., Nambisan S. Entrepreneurship in global innovation ecosystems // *AMS review*. – 2011. – Т. 1. – С. 4-17.
2. Thomas L. D. W., Autio E. Innovation ecosystems // Available at SSRN 3476925. – 2019.
3. Herrera F., Guerrero M., Urbano D. Entrepreneurship and innovation ecosystem's drivers: The role of higher education organizations // *Entrepreneurial, innovative and sustainable ecosystems: Best practices and implications for quality of life*. – 2018. – С. 109-128.
4. De Bernardi P. et al. Innovation and entrepreneurial ecosystems: structure, boundaries, and dynamics // *Innovation in food ecosystems: Entrepreneurship for a sustainable future*. – 2020. – С. 73-104.
5. Кретова А. Ю. Управленческий подход к оценке эффективности деятельности предприятия // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. – 2020. – № 1 (255). – С. 65-74. – EDN ZNGXMR.

ЦЗИ Юаньцзэ

магистрант Школы экономики и менеджмента (Мировая экономика) Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РАВОЧКИН Никита Николаевич

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В. Н. Полецовка

СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ И КИТАЕ И ПУТИ ВЗАИМОВЫГОДНОГО РАЗВИТИЯ ДВУХ СТРАН

Актуальность исследования заключается в том, что Россия и Китай являются двумя крупнейшими мировыми державами и выступают стратегическими партнерами во многих аспектах общественных отношений, при этом сталкиваясь с системными проблемами, вызванными углублением глобализации, которые ограничивают экономический рост национальных экономик. Объект исследования – экономическое пространство России и Китая. Предмет исследования – уровни системных отношений в рамках системного взаимодействия. Цель исследования – представить основания для формирования стимулирования развития малых и средних предприятий в рамках стратегического взаимодействия национальных экономик России и Китая. В статье раскрывается, что между странами активно развивается экономическое взаимодействие. Представлены ключевые направления стратегического взаимодействия: инвестиции, технологическое и инновационное партнерство, научные разработки, Банковские и финансовые услуги, онлайн торговля, в которых компании малого и среднего бизнеса играют ключевую роль. Мелкие и средние предприятия обеспечивают конкурентную среду на рынке сбыта, определяют разработку и внедрение новейших технологий на этапе их формирования, при этом выступают наиболее значимым триггером развития внешнеэкономических связей России и Китая.

Ключевые слова: национальная экономика, мировая экономика, экономическое взаимодействие, малый бизнес, экономические отношения.

JI YUANZE

magister student of the School of Economics and Management (World Economy) of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of History, philosophy and social sciences sub-faculty of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; associate professor of Pedagogical technologies sub-faculty of the V. N. Poletskov Kuzbass State Agricultural University

STIMULATING THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN RUSSIA AND CHINA AND WAYS OF MUTUALLY BENEFICIAL DEVELOPMENT OF THE TWO COUNTRIES

The relevance of the study lies in the fact that Russia and China are two major world powers and act as strategic partners in many aspects of public relations, while facing systemic problems caused by deepening globalization that limit the economic growth of national economies. The object of study is the economic space of Russia and China. The subject of the study is the levels of systemic relations within the framework of systemic interaction. The purpose of the study is to present the basis for creating incentives for the development of small and medium-sized enterprises within the framework of strategic interaction between the national economies of Russia and China. The article reveals that economic interaction is actively developing between countries. The key areas of strategic interaction are presented: investments, technological and innovation partnerships, scientific developments, Banking and financial services, online trading, in which small and medium-sized businesses play a key role. Small and medium-sized enterprises provide a competitive environment in the sales market, determine the development and implementation of new technologies at the stage of their formation, and at the same time act as the most significant trigger for the development of foreign economic relations between Russia and China.

Keywords: national economy, world economy, economic interaction, small business, economic relations.

Введение

Развитие сектора малого и среднего бизнеса выступает необходимым условием формирования и эффективного функционирования экономических систем, а малый и средний бизнес является ключевым элементом национальной экономики, представляя собой системную форму производственных и экономических отношений, при которой предприниматель, действуя в условиях полной экономической самостоятельности и имущественной ответственности становится эффективным управленцем: «Достижение высокого уровня национальной конкурентоспособности невозможно без обеспечения эффективной работы предприятий малого и среднего бизнеса, являющихся одним из массовых секторов экономики во многих странах мира и стимулирующих создание значительного количества рабочих мест» [1, с. 113]. Малый и средний бизнес создает значительное количество новых рабочих мест, формирует рынок новых товаров и услуг, обеспечивая удовлетворение потребительского спроса, удовлетворяет потребности крупных предприятий в ресурсном обеспечении деятельности. Деятельность сектора малого и среднего бизнеса крайне масштабна по ассортименту и номенклатуре товаров и услуг: розничная и оптовая торговля, логистические и транспортные услуги, производство и т.д. Самым распространенным видом деятельности является торговля и посредничество

(более 70 %)¹, большой сектор малого и среднего бизнеса формирует сельское хозяйство и пользование природными ресурсами, что является жизненно важным сектором экономики в рамках любой системы национального хозяйства.

Основная часть

В настоящее время необратим процесс глобализации, который стимулируется в основном благодаря инновационным разработкам в области информационных технологий, коммуникаций и транспорта и который углубляет внешние взаимосвязи в мировой экономике, значительно влияя на выбор местоположения производства компаний. Транснациональные корпорации (ТНК) существенно увеличили свои возможности, действуя на глобальном или международном уровне в области технологий, образования, финансов и управления, что позволило им увеличить доходы и прибыльность и благодаря масштабированию снижает долю малого и среднего бизнеса. В это же время, хотя экспорт по-прежнему играет важную роль в экономическом росте стран,

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mспмо.ru/vse-o-malom-biznese/malyj-biznes-v-cifrah/?ysclid=ls1g48xjq5715248694>.

основные движущие силы экономики в настоящее время связаны с внутренним потреблением, инвестициями и увеличением производительности. Большинство правительств стран, в условиях геополитической напряжённости, все более осознают необходимость экономических изменений в сторону развития сильного внутреннего рынка для обеспечения стабильного экономического роста собственных экономик. Отечественные малые и средние предприятия (МСП) играют ключевую роль в экономическом развитии, особенно в нестабильные времена, когда транснациональные компании уменьшают количество рабочих мест, предприниматели видят большие возможности и решаются создавать свой бизнес на расширяющемся внутреннем рынке, особенно в рамках экономического партнёрства. В то время как в развитых странах доля МСП и количество работающих на них людей намного выше, растущие рынки всё ещё испытывают трудности в создании стимулов для граждан, мотивирующих их открывать собственное дело: «...роль законодательства все же оценивается представителями малого бизнеса таким образом, что федеральные и региональные законы не способствуют развитию бизнеса для одной шестой участников опроса, а местное законодательство мешает развиваться уже одной трети предпринимателей» [2, с. 23].

Малые и средние предприятия составляют до 90 процентов всех компаний в мире и на них трудится от 50 до 60 %² всех трудовых ресурсов, занятых в экономике и в этом контексте экономическое взаимодействие России и Китая приобретает особое значение для стимулирования роста национальной экономики и создания высокоэффективного человеческого капитала. Экономическое пространство в рамках стратегического взаимодействия России и Китая демонстрирует значительный, разносторонний и устойчивый рост, который в большинстве случаев характеризуется сильным и растущим сектором малого и среднего бизнеса. Непрерывная тенденция перемещения транснациональных корпораций из одной страны с низкой заработной платой в другую для снижения производственных издержек может моментально привести к уничтожению десятка тысяч рабочих мест, хотя национальные экономики обеих стран получают краткосрочную выгоду в долгосрочной перспективе развитие МСП является основным триггером успешного стратегического партнёрства.

Развитие МСП в России и Китае способствует передаче знаний, повышению производительности, росту прямых иностранных инвестиций, росту фондов оплаты труда работников сектора. В рамках стратегического партнёрства России и Китая можно выделить несколько основных направлений: стимулировании спроса на продукцию малого и среднего предпринимательства и поощрении развития предпринимательской деятельности в отдельных регионах страны; повышение качества государственного регулирования, совершенствование политики в области налогообложения и таможенных платежей, а также обеспечение доступности финансовых ресурсов; укрепление кадрового потенциала и увеличение производительности труда.

Если рассматривать уровень развития малого и среднего бизнеса в России и Китае, то стоит отметить, что помимо количественных характеристик, китайский сектор малого и среднего бизнеса обладает рядом качественных и структурных особенностей, отличающих его от сектора МСП в России, данные особенности включают [3], [4], [5]:

1. Более высокая динамика развития китайского сектора МСП.
2. Большее влияние китайских МСП на структуру и производственный потенциал национальной экономики.
3. Большая доля сектора малого и среднего предпринимательства в ВВП и в сегменте малого промышленного производства.
4. Различная отраслевая структура сегмента МПП в Китае и России.
5. Большая открытость китайского сектора МСП по сравнению с российским, включая успешную реализацию стратегии экспансии на внешние рынки.
6. Более инновационно ориентированный сектор МСП и малого промышленного производства в Китае.
7. Большая роль китайского МСП в социальной политике страны, особенно в сфере занятости.

Основные экономические интересы России от стимулирования МСП в рамках совместного экономического пространства: доставка потребительских товаров из Китая в рамках импортозамещения, использование китайских рынков для экспорта российских товаров (энергоресурсы, сырье, электроэнергию, определенные виды оборудования), также научное сотрудничество, импорт военно-технической продукции и технологии. Россия заинтересована в получении китайских инвестиций, определенного количества и качества китайской рабочей силы, транспортировке китайских грузов включая межрегиональные и транзитные доставки, и так далее.

Основные экономические интересы Китая от стимулирования МСП в рамках совместного экономического пространства: получение из России различных природных ресурсов, сырья, стройматериалов, водных биоресурсов; энергоресурсов, в частности, нефти, газа и электроэнергии; продажа на российских рынках продовольственных и других потребительских товаров; обеспечение продовольственной безопасности; широкий доступ к иностранной рабочей силе на российском рынке; возможность использования российских морских портов для транзита китайских грузов; доступ к российской военно-технической продукции, наукоемким технологиям, и так далее.

Стимулирование развитие МСП должно включать в себя ряд необходимых стратегических мер, имеющих системный характер:

1. Гибкость налогообложения совместных хозяйств;
2. Таможенный союз и развитие транспортных коридоров;
3. Развитие свободных экономических зон (реализация которых была начата Россией, но столкнулась с системными и административными барьерами);
4. Развитие совместных цифровых площадок онлайн торговли;
5. Развитие цифровых средств платежа и обращения.

Заключение

Особый сектор взаимодействия должен быть сосредоточен в развитии сельского хозяйства на территории России как связанной с внутренней проблемой продовольственной безопасности. Китай и Россия в условиях роста геополитических рисков активно развивают свой сельскохозяйственный сектор, однако потенциал роста далек от удовлетворения собственных потребностей в обеих странах, что обусловлено истощением земель и экспоненциальным ростом населения в Китае, поэтому обеспечение продовольственной безопасности стало приоритетом для обеих страны.

Пристатейный библиографический список

1. Краковецкая И. В., Воробьева Е. С., Вотякова И. В. [и др.] Тенденции развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации в кризисных условиях: вызовы и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. № 1. – С. 113-124. – DOI 10.18334/epp.13.1.117093. – EDN SRESMB.
2. Сухопарова А. В. Малый бизнес глазами предпринимателей: динамика оценки важности проблем в кризисные периоды // Управленческие науки. – 2017. – Т. 7. № 1. – С. 19-25. – EDN YKTCEZ.
3. Дин С. Сравнительный анализ налоговой политики малого и среднего предприятия в Российской Федерации и китайской народной Республике // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3. № 1. – С. 14-18. – EDN NFIQKF.
4. Лубочкина М. И., Цзятун Л. Оценка потенциала сотрудничества России и Китая в сфере малого и среднего предпринимательства // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2021. – № 1 (64). – С. 132-137. – DOI 10.52897/2411-4588-2021-1-132-137. – EDN TZZCBF.
5. Ударцева А. В., Кретова А. Ю. Аудит эффективности использования государственных средств как метод государственного финансового контроля // Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей III Международной научно-практической конференции: в 2 частях, Пенза, 20 ноября 2017 года. Том Часть 1. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 196-199. – EDN ZUAJTV.

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-SME.pdf?ysclid=ls1hi9fs75743889588>.

ЯН Юйцзе

студент Института экономики, управления и прикладной информатики Иркутского государственного аграрного университета

РАЗВИТИЕ НАУКИ В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРИКЛАДНОЙ ИНФОРМАТИКИ: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сельское хозяйство является фундаментом построения национальной экономики, в то же время являясь ключевым фактором национальной безопасности, в связи с этим развитие образования и науки является важнейшим фактором развития сельского хозяйства и роста человеческого капитала. Объект исследования – сельское хозяйство. Предмет исследования - Институт экономики, управления и прикладной информатики в составе ФГБОУ ВО Иркутский ГАУ, как элемента роста человеческого капитала в сельском хозяйстве. Цель исследования, это содержательно рассмотреть историю, состояние, перспективы Института экономики, управления и прикладной информатики. В статье представлена история Института экономики, управления и прикладной информатики на основании трудов отечественных специалистов Иваньо Я. М. и Федуринной Н. И., которые разделяют ретроспективу развития Института экономики, управления и прикладной информатики на четыре периода. Рассматривается настоящее и перспективы развития науки и образования, которые заключаются в подготовке специалистов и будущих учёных в рамках цифрового сельского хозяйства или сельского хозяйства следующего поколения, характеризуется применением передовых технологий, основанных на обработке больших данных.

Ключевые слова: сельское хозяйство, образование, наука, цифровизация, экономическая безопасность, продовольственная безопасность.

YANG Yujie

student of the Institute of Economics, Management and Applied Informatics of the Irkutsk State Agrarian University

DEVELOPMENT OF SCIENCE AT THE INSTITUTE OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND APPLIED INFORMATICS: HISTORY, STATUS, PROSPECTS

Agriculture is the foundation for building the national economy, at the same time being a key factor in national security; therefore, the development of education and science is the most important factor in the development of agriculture and the growth of human capital. The object of research is agriculture. The subject of the research is the Institute of Economics, Management and Applied Informatics as part of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State Agrarian University, as an element of the growth of human capital in agriculture. The purpose of the study is to meaningfully consider the history, state, and prospects of the Institute of Economics, Management and Applied Informatics. The article presents the history of the Institute of Economics, Management and Applied Informatics based on the works of domestic specialists Ivano Ya. M. and Fedurina N. I., who divide the retrospective development of the Institute of Economics, Management and Applied Informatics into four periods. The present and prospects for the development of science and education are considered, which consist in training specialists and future scientists within the framework of digital agriculture or next-generation agriculture, characterized by the use of advanced technologies based on big data processing.

Keywords: agriculture, education, science, digitalization, economic security, food security.

Введение

Сельское хозяйство играет ключевую роль в мировой экономике, являясь важнейшим источником дохода, занятости и продовольственной безопасности для многих стран. Экономическое значение сектора сельского хозяйства подчеркивается значительным вкладом в ВВП, который составляет до 40-50 процентов в основной массе экономик мира также является основным источником экспортных доходов страны и важной составляющей стратегий продовольственной безопасности является деятельность агропромышленного комплекса, предоставляющего как рабочие места, так и продукцию с добавленной стоимостью для экспорта. Сельское хозяйство, будучи основой национальной экономики, становится еще более значимым в условиях увеличивающейся урбанизации, фундаментально обеспечивая продовольственную безопасность, занятость и доходы занятых в данном секторе. В условиях глобализации сельское хозяйство приобретает стратегическое значение, позволяя не только предотвращать голод и обеспечивать устойчивое снабжение населения, но и создавать экономические возможности для развития. С эффективным использованием передовых, цифровых технологий сельского хозяйства страны успешно увеличивают свои экспортные потоки, приобретают иностранную валюту, что в дальнейшем способствует улучшению внутренней экономики и инфраструктуры страны, кроме того, сельское хозяйство является ключевым источником продовольствия и сырья для легкой промышленности, такого как хлопок, шерсть и джут, которое играет важную

роль в обрабатывающей и текстильной промышленности. Учитывая разнообразие экономических отношений и связей в сельском хозяйстве, очевидным становится роль образования и науки в сельском хозяйстве, с подготовкой специалистов с необходимыми компетенциями в предметной области сельского хозяйства, цифровой экономики, экономической безопасности, которую десятилетиями выполняет Институт экономики, управления и прикладной информатики: история, состояние, перспективы.

Основная часть

История развития экономического факультета окутана формированием экономического отделения, начавшего свою деятельность в рамках агрономического факультета. Впоследствии, в 1965 году, решено было создать экономический факультет в Иркутском Сельскохозяйственном Институте (ИСХИ) на базе предшествовавшего экономического отделения. Профессор Казанский Александр Михайлович, ведущий кафедру организации сельскохозяйственного производства более 30 лет, стал организатором и первооткрывателем экономического факультета, это была одна из старейших кафедр в Иркутском ГАУ - кафедра организации сельскохозяйственного производства, была создана в 1947 году, где проводились все экономические дисциплины. Институт экономики, управления и прикладной информатики является структурным подразделением ФГБОУ ВО Иркутского Государственного Аграрного Университета (Иркутский ГАУ), который координирует учебные, научные, воспитательные, ме-

тодические и другие работы в соответствии с направлениями подготовки кадров, обеспечивает подготовку специалистов, бакалавров и магистрантов, позволяя как оторванные от производства, так и работающие студенты. Институт включает в себя 3 кафедры, 2 лаборатории, региональный центр прогнозирования и другие подразделения, связанные с направлениями и специальностями подготовки.

В период 1965-1966 годов из нее выделились четыре новых кафедры, что стало отправной точкой формирования экономического факультета, в 1961 году экономическое отделение в составе агрономического факультета получило своё развитие, предлагая студентам курсы по марксизму-ленинизму, экономике и организации производства. Деятельность экономического факультета ознаменовалась 19 июля 1965 года, когда экономическое отделение было преобразовано в самостоятельный факультет, представляя направления специализации «Экономика и организация сельского хозяйства» и «Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве». В 2014 году экономический факультет был реорганизован в Институт экономики, управления и прикладной информатики (ИЭУПИ) по решению Консилиума Иркутского Государственного Аграрного Университета (ныне - Иркутский ГАУ) [1]. На данный момент, в рамках ИЭУПИ, действуют четыре кафедры: экономики агропромышленного комплекса; менеджмента, предпринимательства и экономической безопасности в агропромышленном комплексе; информатики и математического моделирования; финансов, бухгалтерского учета и анализа. Научные исследования преподавателей факультета глубоко отражают изменения, происходящие в национальной экономике и эти изменения можно условно разделить на несколько периодов, охватывающих десятилетия [1]:

Первый период (1960-1970 гг.)

Первый период развития образования и науки в Институте экономики, управления и прикладной информатики: история, состояние, перспективы приходится на десятилетия, когда сельское хозяйство переживало внедрение новой системы хозяйствования, внедряя восьмью и последующие пятилетки, ставя результатом хозяйствования прибыльность и платежеспособность, покрывая свои производственные расходы и создавая фонды. Экономическая реформа позволила отказаться от системы оплаты труда колхозников по трудодням, и эти изменения отразились в учебных программах, научных трудах и выпускных работах экономического факультета.

Второй период (1970-1980 гг.)

На протяжении второго эпохального периода сельскохозяйственное производство переживает стадию индустриализации и интенсификации. Основные направления интенсификации включают: 1) химизацию земледелия и животноводства; 2) усовершенствование мелиорации и орошения сельскохозяйственных угодий; 3) внедрение комплексной механизации. За это время профессор А. М. Казанский и доценты Е. П. Борвенко и Ю. М. Уваров публикуют серию научных трудов, посвященных развитию науки и организации производства на сельскохозяйственных предприятиях в условиях индустриального развития.

Третий период (1980-1990 гг.)

В период с 1980 по 1990 годы вступает в свою фазу принятие пленумом ЦК КПСС «Продовольственной программы» до 1990 года, где для достижения целей программы, необходимо было внедрить достижения сельскохозяйственной науки и передовой опыт, обеспечить сельское хозяйство надежной и высокопроизводительной техникой, продвигать оптимальные севообороты и реорганизовать управление агропромышленным комплексом. Ученые и преподаватели экономического факультета, такие как Е. П. Борвенко, Ю. М. Уваров, В. С. Витиорец активно публикуют методические рекомендации и труды по улучшению организационной структуры управления в сельскохозяйственных предприятиях и организации коллективного подряда. Их исследования охватывают аспекты экономической эффективности внедрения систем севооборотов.

Четвертый этап (1991-2000 гг.)

С началом 1991 года происходят радикальные экономические реформы в аграрном секторе России, эти реформы являются результатом распада Советского Союза в декабре 1991 года. С 1999 года сельское хозяйство начало показывать признаки роста, наблюдается развитие крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов и данные процессы отражены в научных статьях и методических материалах, созданных преподавателями института.

Настоящее и будущее

Цифровая трансформация, это быстро развивающаяся тенденция в области аграрного сектора, возникает понятие цифрового сельского хозяйства или сельского хозяйства следующего поколения, характеризуется применением передовых технологий, основанных на обработке данных. Эти технологии помогают предприятиям АПК принимать оперативные решения, учитывая специфику каждого участка земли. Среди ключевых инструментов цифрового сельского хозяйства выделяются Интернет вещей (IoT), сенсоры, дроны, робототехника, облачные вычисления, искусственный интеллект (AI), программное обеспечение для поддержки принятия решений (DSS) и блокчейн. Эти технологии применяются для оптимизации процессов в сельском хозяйстве, управления поставками, международной торговли и систем управления. Цифровое сельское хозяйство рассматривается как перспективная область научных исследований в Институте экономики, управления и прикладной информатики: история, состояние, перспективы и образования в целях повышения устойчивости производства пищевых продуктов с целью обеспечить питание нарастающего населения планеты и первые работы в этом направлении были заложены в трудах академика В. П. Булатова [2], [3]. Помимо увеличения производительности, цифровизация может принести пользу окружающей среде и обществу в целом, так как может помочь сберечь ограниченные ресурсы, улучшить безопасность пищевых продуктов через повышение мониторинга и экономической безопасности.

Заключение

Экономическая значимость сельского хозяйства в контексте генерации государственных доходов через налогообложение и пошлины неоспорима высока, так как эти финансовые поступления используются для развития сельских территорий и поддержки сельского населения через субсидии и стимулы. Последние направлены на стимулирование производства и увеличение внутреннего спроса, что является ключевым элементом в развитии сельского хозяйства как важного сектора экономики и обеспечения стабильного экономического роста. При этом существует определенные вызовы, которые заключаются в том, что цифровизация может укрепить существующие экономические модели производства и вызвать негативные последствия относительно вопросов частной собственности, конфиденциальности и суверенитета данных, что повышает роль и значимость качественного образования компетентных специалистов в цифровой экономике и сельском хозяйстве следующего поколения. Несмотря на вызовы, наука и образование является тем барьером, при котором потенциальные выгоды цифровизации сельского хозяйства стимулируют экономический рост, при этом существует необходимость более глубокого анализа того, как цифровые технологии могут поддерживать более широкие цели устойчивого развития, а также как существующие политические стратегии учитывают последствия цифровизации в сельском хозяйстве.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов Я. М., Федурин Н. И. Развитие науки в институте экономики, управления и прикладной информатики: история, состояние, перспективы // Социально-экономические проблемы развития экономики АПК в России и за рубежом: Материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием, посвященной 55-летию со дня образования экономического факультета (ныне Института экономики, управления и прикладной информатики), Иркутск, 19-20 ноября 2020 года. – п. Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского, 2020. – С. 8-16. – EDN IZNYNA.
2. Булатов В. П., Федурин Н. И. Об одном эффективном методе выпуклого программирования // Дискретный анализ и исследование операций. Серия 2. – 2004. – Т. 11. № 1. – С. 51-61. – EDN IARLZD.
3. Булатов В. П., Белых Э. Н., Яськова Э. Н. Эффективные методы решения задач выпуклого программирования, использующие погружение допустимого множества в симплекс // Дискретный анализ и исследование операций. – 2008. – Т. 15. № 3 (81). – С. 3-10. – EDN HXJQA.

АВДОНИН Александр Николаевич

доктор философских наук, доцент, по ВАКУ, профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

Авдонин А. Н.

КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ И РЕЛЯТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ

В статье дана философская критика субъективистских концепций истины: конвенциональной, когерентной, и прагматической; выявлены их неприемлемые следствия; представлено негативное и позитивное основание существования объективной реальности, дополнительные аргументы в защиту корреспондентской концепции истины, дано системное определение истины.

Ключевые слова: релятивистская концепция истины, объективный реализм, герменевтическая асимметрия между прежней и последующей парадигмой, системная истина.

AVDONIN Alexander Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor for HAC, professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

CORRESPONDENT AND RELATIVISTIC CONCEPTS OF TRUTH

The article provides a philosophical critique of the subjectivist concepts of truth: conventional, coherent, and pragmatic; their unacceptable consequences are revealed; the negative and positive basis for the existence of objective reality is presented, additional arguments in defense of the correspondent concept of truth, a systematic definition of truth is given.

Keywords: relativistic concept of truth, objective realism, hermeneutical asymmetry between the previous and subsequent paradigms, systemic truth.

В последнее время в преподавании российской философии, философии и философии науки идет активная пропаганда релятивистской концепции истины. К новой дискуссии о проблеме истины привели: кризис неопозитивистской «стандартной концепции» научного знания (проблема индукции, несводимости эмпирического и теоретического знания друг к другу, теоретической «нагруженности» эмпирического знания, тезис недоопределенности научной теории Дюгема-Куайна); концепции фальсификации К. Поппера и тезис несоизмеримости парадигм Куна-Фейерабенда); распад Советского Союза и кризис господствовавшей в нем философии диалектического материализма, усиленный мощным влиянием западной неопозитивистской, постпозитивистской и постмодернистской философией.

Рассмотрим критику классического (корреспондентского) понятия истины: истина – это соответствие наших знаний о действительности самой этой действительности. «В этом определении явно присутствуют два объекта: 1 Сама действительность; 2 Наши знания о действительности. Причем, главное здесь – сопоставить первое и второе на предмет соответствия, т. е. выяснить, есть это соответствие или его нет. Однако для того, чтобы сопоставить первое и второе на предмет соответствия, нам надо иметь как первое, так и второе, т. е. нам надо иметь: 1 Действительность как таковую, саму по себе, такую, какой она является вне, без, помимо наших представлений, 2 Наши знания о действительности.

Со вторым пунктом все в порядке – наши знания о действительности всегда с нами. Но что делать с первым пунктом? Разве мы имеем действительность саму по себе, разве она дана нам как таковая, разве мы знаем наверняка, какая она на самом деле? Кстати, если бы мы знали это, то вопроса об истине и не возникало бы! Зачем нам сопоставлять действительность с нашими знаниями о ней, если мы и так о ней все знаем? В том-то все и дело, что действительность нам не дана сама по себе, она для нас существует только в виде наших представлений о ней. О действительности самой по себе, вне и без человеческого о ней представлений может знать только Бог. Для человека же действительность – это именно его о ней представления; к самой действительности, к действительности как таковой у него нет прямого доступа...

Иначе и проще говоря, определение истины, по которому она является соответствием наших знаний действительности, предполагает наше изначальное, как бы «заочное» и исчерпывающее знание об этой действительности, которого у нас, конечно же, нет» [2, с. 30].

Начнем с основного пункта критики корреспондентской концепции истины: действительно, реальность дана нам вместе с ощущениями и восприятиями. Рассмотрим вариант, предлагаемый Д. А. Гусевым. Этот вариант опирается на тезис о неразрывной связи наших представлений с реальностью, невозможность отделения наших знаний от реальности и реализации установления их соответствия реальности. Отсюда и следует, по мнению автора, несостоятельность корреспондентского определения истины. Заменить корреспондентское определение истины предлагается другими, неклассическими определениями. А именно, конвенциональным определением истины, по которому истиной является то, о чем договорились ученые. Прагматисты считают истиной то, что служит успеху, благополучию и процветанию нашей собственной практической жизни. Стало быть, то, что противостоит успеху, становится заблуждением. И, наконец, когерентная концепция истины полагает, что истиной является непротиворечивая связь идей. В концепции или теории факты должны быть связаны в единую картину, не вписывающихся фактов не должно оставаться, все должно быть взаимосогласовано, концепция должна быть практически применима, и в этом случае ее вполне можно считать истинной. Одни и те же факты имеют множество истолкований; главное не факты, а их множественные непротиворечивые интерпретации, объяснения [2, с. 31-32].

«Когерентная концепция истины достаточно популярна в современном мире. Она, как вы заметили, имеет точки соприкосновения с другими неклассическими теориями истины – прагматической и конвенциональной. Когерентная концепция не пренебрегает возможностью практического применения идей, их полезностью для человека; также она признает и аксиомы, которые лежат в основе любой теоретической конструкции. Главное же в ней – это, наверное, утверждение, согласно которому на одну и ту же совокупность фактов можно выдвинуть различные, конкурирующие друг с

другом объяснения, ни одно из которых не сможет считаться более правильным, чем другое, т. к. каждое из них одинаково хорошо справляется со своей объяснительной задачей». Такую обобщенную концепцию истины, признающей множественность истин, мы назовем *релятивистской концепцией истины*.

В онтологической основе концепции релятивистской истины лежит принцип Дж. Беркли: существовать, значит быть чувственно воспринимаемым, который, в свою очередь, опирается на солипсизм, прямо отрицающий существование внешнего мира. Существует только и исключительно только мое сознание («Я») и его ощущения. Всякая вещь – комплекс ощущений. Других сознаний нет и быть не может, так как не существует связанных с ними комплексов ощущений. Если солипсизм твердо стоит на своей непротиворечивой позиции, то его логику невозможно опровергнуть. Между прочим, в современной западной философии до сих пор существует *нерешенная* проблема достоверности существования других сознаний [7, с. 141-144]. Можно смело сказать, что проблема существования других сознаний в парадигме субъективистской философии *неразрешима*. Кстати, из нее следует невозможность существования знаний, потому что знания предполагают существование многих субъектов и их сознаний. Так что «выбор» невелик: либо мы не признаем существование внешнего мира самого по себе и тогда не признаем существование других сознаний, либо признаем существование внешнего мира и существование других сознаний. Д. Дидро, говоря образно, сказал о впечатлении от работ Дж. Беркли: сошедшее с ума пианино, вообразившее себя пианистом, ударяющим по собственным клавишам. Но к стыду человеческого разума это учение не так-то легко опровергнуть.

И. Кант считал «скандалом для философии и общечеловеческого разума необожимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования...» [3, с. 28]. Через 190 лет К. Поппер повторил: «... большая часть профессиональных философов, похоже, потеряли контакт с реальностью ... По моему мнению, величайшим скандалом в философии является то, что в то время, как везде вокруг нас гибнет мир природы, – философы продолжают обсуждать, иногда умно, а иногда нет, вопрос о том, существует ли этот мир» [6, с. 40]. Больше того, он был вынужден извиняться за то, что ... интересуется философией (!), потому что представители конкретных и частных наук отрицают субъективистскую философию именно из-за того, что она отрицает существование объективной реальности и ее познаваемость, а именно познание этой реальности является предметом их профессиональной деятельности.

К сожалению, до сих пор жестко действует «барьер» между дисциплинарными парадигмами и сообществами философов и ученых, занятыми решением частных научных проблем. Каждое из сообществ считает себя в пределах своих предметных областей профессионалами, а других исследователей – дилетантами, забывая о том, что границы между дисциплинами и их предметными областями существуют в знаниях, а не в реальности. В реальности же они не только отделяют их друг от друга, но и связывают их друг с другом, более того, предметные области разных дисциплин взаимопроницают друг в друга. Кроме того, в настоящее время мы сталкиваемся с проблемами, для решения которых требуются усилия представителей разных дисциплин, в нашем случае – не только философов, но и ученых.

Другим «барьером» для решения вопроса об объективности знаний является стремление решить его с помощью логического доказательства. Это особенно странно видеть, потому что, с одной стороны, выявлен непосредственный контакт научного знания с внешним миром через ощущения; с другой стороны, – логическая несводимость друг к другу эмпирического и теоретического научного знания [1, с. 80-84]. Но тогда отношение к внешней реальности не должно опираться на достоверный дедуктивный вывод. Поэтому в данной работе мы применяем не строгое логическое доказательство, а более широкое обоснование, включающее в себя со стороны объекта исследования отношение знания к объекту, а со стороны знания – результаты философских и научных исследований.

Конвенциональная, когерентная и прагматическая концепции истины «исходят из принципиально субъективной

точки зрения, которая истолковывает наше знание только как... ментальное состояние... (истинность которого признается, – А. А.) посредством некоторого множества правил принятия веры либо просто через особенности наших субъективных убеждений» [5, с.340]. К. Поппер не только сделал акцент на принципиальной опровержимости научного знания, но и превратил его опровержимость в новую догму, согласно которой любое подтверждение скрывает в себе потенциальное опровержение. Поэтому несмотря на вынесенное в название книги понятие «объективное знание», отношение К. Поппера к объективности знания было двояким: с одной стороны, он признавал, что «почти все, если не все физические, химические или биологические теории подразумевают реализм, в том смысле, что если они истинны, то и реализм должен быть истинным» [6, с. 47]. С другой – считал, что объективный реализм – «подозрительно» неопровержим [6, с. 46].

Да, объективный реализм неопровержим. Неопровержим он потому, что дает постоянное основание частичной опровержимости научного знания, на которой настаивает К. Поппер. Иначе откуда берутся эмпирические факты, противоречащие теориям, если не из той самой объективной реальности, которая всегда «выходит» за пределы любой известной нам ее части и относящейся к ней теории? При этом, эти контрфакты настолько *объективно* сильны, что регулярно «обрушивают» целые теории. В противном случае, они берутся из собственного сознания, но тогда они столь же субъективны, как и наши теории, поэтому не могут их опровергать. Итак, возможность постоянной фальсификации научных знаний опирается на *неопровержимое* существование объективной реальности.

К. Поппер опирается на объективное, по его мнению, определение истины А. Тарского: истина есть соответствие фактам [6, с. 51]. Однако, проблема объективности знания «упирается» в «просвет» между фактом как единством мысли и ощущений, с одной стороны, и фактом как событием объективной реальности, о котором говорит Д. А. Гусев.

Вдумаемся в содержание понятия «объективная реальность». Она есть то, что существует вне и независимо от сознания. Как она может себя проявить, если изнутри сознания к ней нет непосредственного доступа? Только в форме ... расхождения ощущений и реальности, в обнаружении несоответствия их реальности, их «опровержения». Почему? Потому что в структуру «подтверждения» включено сознание в виде своего элемента, ощущения. Поэтому «выйти» к существованию самой по себе объективной реальности изнутри своего сознания с помощью «подтверждения» *невозможно*. Факт данности объективной реальности через «опровержение» ощущений, а не через их «подтверждение» является сенсорным основанием известной асимметрии, преобладания значимости опровержения над подтверждением эмпирических и теоретических знаний при проверке их на истинность. Но у человека, в отличие от животных, отношение к объектам реальности *опосредствовано* другими объектами. Структура отношения человека (S) к объекту (O) имеет общий вид: S-O-O и состоит из двух подструктур: S-O и O-O. Пока мы вместе с Д. А. Гусевым изолированно анализировали только первую подструктуру.

Приведем важные для обсуждаемой нами философской проблемы объективности ощущений и знания мысли А. Н. Леонтьева, высказанные им в процессе решения психологической «проблемы зонда». Универсальный «факт состоит в том, что у хирурга, зондирующего рану, «чувствующим» является конец зонда, которым он нащупывает пулю, – т.е. его ощущения оказываются парадоксально смещенными в мир внешних вещей и локализируются не на границе «зонд-рука», а на границе «зонд-воспринимаемый объект (пуля). То же самое происходит и в любом другом аналогичном случае, например, когда мы воспринимаем шероховатость бумаги кончиком острого пера, ощущаем в темноте дорогу при помощи палки и тому подобное.... (при этом, – А. А.) чувственный психический образ обнаруживает свойство *предметной отнесенности* уже в момент своего становления. Но продолжим анализ отношения «зонд-объект» несколько дальше. Локализация объекта в пространстве выражает его отделенность от субъекта; это – «очерчивание границ» его независимого от субъекта существования. Границы эти обнаруживаются, как только деятельность субъекта вынуждена подчиниться объ-

екту, а это происходит даже в том случае, когда деятельность приводит к его переделке или уничтожению. Замечательная особенность рассматриваемого отношения заключается в том, что эта граница между двумя физическими (объективно реальными, - А. А.) телами: одно из них – окончательность зонда – реализует познавательную, перцептивную деятельность субъекта, другое составляет объект этой деятельности. На границе эти двух материальных вещей и локализируются ощущения, образующие «ткань» субъективного образа...» [4, с. 61-62]. Отнесенность к предмету как объекту была экспериментально исследована в дистантных восприятиях: в процессе создания зрительных образов движение руки заменяется движением глаз, а при создании звуковых образов необходима артикуляционная имитация, для звуковысотного слуха – скрытая активность голосового аппарата [4, с. 62-63, 57-58].

Именно во внешней предметной, практической деятельности устанавливается корреспондентское соответствие ощущений и, далее, знаний объекту познания: «Если при прямом (непосредственном, - А. А.) воздействии «субъект-объект» последний открывает свои свойства лишь в границах, обусловленных составом и степенью тонкости ощущений субъекта, то в процессе взаимодействия, опосредствованного орудием, познание выходит за эти границы. Так при механической обработке предмета из одного материала предметом, сделанным из другого материала, мы подвергаем безошибочному испытанию их относительную твердость в пределах, совершенно недоступных нашим органам кожномышечных ощущений: по воспринимаемой деформации одного из них мы заключаем о большей твердости другого» [4, с. 39]. На объект-объектную подструктуру отношения человека, как субъекта, к объекту опирается функционирование приборов в процессе наблюдения или экспериментальной деятельности при получении эмпирических знаний, соответствующих не данной в ощущениях, реальности

Таким образом, в акте практической деятельности через опровержение-подтверждение научных знаний твердо устанавливается существование объективной реальности и, одновременно, происходит не только частичное опровержение, но и частичное подтверждение прежнего знания. Кстати, Поппер высоко ценил онтоэпистемологическое значение практического аргумента Черчилля против субъективистских утверждений, что ничто не существует помимо того, что мы о нем думаем. Вот он: «Я... решительно утверждаю, что Солнце реально, и что оно горячее – на самом деле горячее, как ад, и что если метафизики в этом сомневаются, то пусть отправятся туда и посмотрят сами» [6, с. 50].

В этом же плане необходимо сказать о мегапрактических фактах и аргументах в защиту концепции корреспондентской истины и материалистической философской концепции: во-первых, надежное существование всей окружающей нас технической реальности; во-вторых, наличие потенциальных глобальных угроз существованию человечества в результате мировой ядерной войны или глобального изменения климата от прогрессирующего загрязнения окружающей природной среды нынешними технологиями. В первом варианте гибель человечества будет скорой, во втором – медленной, но неизбежной, если мы пройдем «точку невозврата».

Важной онтологической предпосылкой нашего познания является то, что мы начинаем его из той малой части объективной реальности (Вселенной), в которой мы появились на свет. И в меру своих способностей, материальных и интеллектуальных сил продвигаемся в глубь и в ширь далеко за пределы входящих в наше сознание ощущений в ходе последовательного познания окружающего нас со всех сторон мира вещей, свойств, отношений и процессов, которые отличаются друг от друга, взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга. Поэтому наши знания, с одной стороны, истинны, а с другой стороны, необходимо включают в себя заблуждения. Следовательно, практика, как критерий истины, есть уходящая в бесконечность последовательность корректирующих друг друга актов проверки наших знаний на их истинность или ложность.

Конечно, расширяя и углубляя сферу истинного знания, мы вынуждены изменять в ходе научных революций их теоретические основания. Этот факт в виде несоизмеримости парадигм привел к антикумулятивистской трактовке разви-

тия научного знания. Но антикумулятивизм противоречит тому, что, переходя от парадигмы классической механики к парадигмам релятивистской и квантово-волновой механики, во-первых, мы переходим от одной области объективной реальности к качественно иным ее областям; во-вторых, продолжаем использовать классическую механику в познавательной и практической деятельности в узких границах ее предметной области. Кроме того, существует «герменевтическая» асимметрия отношений между подтвержденными системами, парадигмами знаний: с позиций прежней парадигмы нельзя понять следующую парадигму (об этом красноречиво говорят ожесточенные дискуссии во время перехода от одной парадигмы к другой), а с позиций следующей парадигмы мы лучше понимаем прежнюю парадигму, чем тогда, когда были в ней.

Переход в сферу развития научного знания позволяет «выйти» на еще один аргумент в защиту корреспондентской истины. Соединим фальсификационную концепцию К. Поппера с парадигмально-революционной концепцией Т. Куна и рассмотрим переход от парадигмы классической механики к парадигме специальной теории относительности. До приграничной зоны предметной области классической механики происходило экспериментальное подтверждение оснований классической механики. После пересечения этой границы и «выхода» в предметную область специальной теории относительности – их опровержение, в частности, - положения о существовании абсолютного пространства и времени.

А теперь обратим назад ход нашей мысли в область знаний классической механики и получим более полное подтверждение ее корреспондентской истинности в границах ее предметной области. Почему существует недостоверность индуктивного логического вывода в науке? Потому что мы находимся внутри предметной области существующей теории, поэтому не знаем ее границ. Но когда мы экспериментально «вышли» за эти границы и создали новую теорию и парадигму, то подтвердили корреспондентскую истинность прежней теории и получаем более достоверное научное знание в пределах прежней теории и парадигмы. Применяя такое же рассуждение к переходам от парадигмы классической механики к парадигмам общей теории относительности, термодинамики и квантово-волновой механики, получим еще более полное подтверждение классической механики.

Подводя итоги, мы ни в коем случае не призываем отказываться от подвергнутых критике субъективистских концепций истины. Конвенциональная концепция истины важна в зоне перехода от одной парадигмы к другой, когда неизвестны основные положения новой парадигмы; когерентная концепция истины действует в пределах научной парадигмы с практически выявленными границами ее предметной области; прагматическая концепция истины положительно «работает» на глобальном уровне, уровне приоритета научных и технических знаний, способствующих сохранению существования человечества в исторически длительном будущем.

Поэтому мы положительно относимся к идее множественности истин, предложенной Д.А. Гусевым, и в развитие ее предлагаем системное определение истины, в котором главная и универсальная, в силу представленных аргументов, корреспондентская истина дополняется частными истинами: конвенциональной, когерентной и прагматической.

Пристатейный библиографический список

1. Гришунин С. И. Философия науки: Основные концепции и проблемы - М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 224 с.
2. Гусев Д. А. Популярная философия. - М.: Прометей, 2019. - 690 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. - М.: Мысль, 1994. - 591 с.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. - 304 с.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания. - М.: Прогресс, 1983. - 606 с.
6. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. - М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 384 с.
7. Современная западная философия. Словарь. - М.: ТОН-Остожье, 2000. - 544 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-521-522

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии, Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

БАКЛАНОВА Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

БРЕДИХИН Сергей Николаевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ЛУКЪЯНОВ Геннадий Иванович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного технического университета

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЗАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО: ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

В работе исследуются взаимосвязь политики и технологий. В обществе происходит сборка системы политических институтов как нормативно закреплённых и постоянно самовоспроизводящихся в социокультурной среде каналов взаимодействия социальных субъектов. Чем сложнее общество, тем сложнее система политических институтов, тем больше необходимость в том, чтобы политические институты функционировали в пределах определенных правил и норм, а разнообразие норм, как и растущее количество политических институтов, приводит к необходимости их формализации, алгоритмизации и технологизации. Процессы технологизации политического входят в резонанс с цифровизацией. Благодаря применению цифровых технологий происходит более активное внедрение политических технологий, а социокультурные практики подвергаются активной экспансии со стороны политических структур и институтов. Технологии стали фактором сборки политического и подвергаются воздействию политических приоритетов и ценностных ориентиров.

Ключевые слова: общество, социокультурные практики, власть, политика, политические институты, технологии, технологизация, цифровизация, искусственный интеллект.

BAKLANOV Igor Spartakovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

BAKLANOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

BREDIKHIN Sergey Nikolaevich

Ph.D. in philological sciences, professor, professor of Theory and practice of translation sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

LUKYANOV Gennadiy Ivanovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Economics and management sub-faculty of the Volga Polytechnic Institute (branch) of the Volgograd State Technical University

TECHNOLOGIZATION OF THE POLITICAL AND POLITICIZATION OF THE TECHNICAL: THE DYNAMICS OF PUBLIC CONSCIOUSNESS AND SOCIOCULTURAL PRACTICES OF THE DIGITAL SOCIETY

This paper examines the relationship between politics and technology. In society, a system of political institutions is being assembled as normatively established and constantly self-reproducing channels of interaction between social actors in the sociocultural environment. The more complex the society, the more complex the system of political institutions, the greater the need for political institutions to function within certain rules and norms, and the diversity of norms, as well as the growing number of political institutions, leads to the need for their formalization, algorithmization and technologization. The processes of technologization of the political resonate with digitalization. Thanks to the use of digital technologies, there is a more active introduction of political technologies, and sociocultural practices are subject to active expansion by political structures and institutions. Technology has become a factor in the assemblage of the political and is influenced by political priorities and value orientations.

Keywords: society, sociocultural practices, power, politics, political institutions, technology, technologization, digitalization, artificial intelligence.

Развитие современных технологий, безусловно, затрагивает все сферы жизнедеятельности общества, в результате чего происходит не только изменение содержания и форм социокультурных практик, но и наблюдается тенденция их шаблонизации, алгоритмизации и технологизации. Происходит это в силу того, что ускорение социальной динамики и рост численности социальных акторов предполагает необходимость поиска вариантов оптимизаций взаимосвязей между ними. Иначе говоря, каналы коммуникации между социальными субъектами и элементами социальной структуры должны быть максимально эффективными. В данном аспекте социальные коммуникации, связанные с процессами управления и координации, не являются исключением. Одной из основных сфер общественной жизни, где процессы управления и координации доминируют, выступает политика. Политическая деятельность в ее чистом виде ориентирована на создание господства, укрепления влияния и поддержание авторитета власти отдельных индивидов или институтов в определенном социокультурном пространстве

и на закреплённой географически физической территории [1]. Для этого происходит сборка систем политических институтов как нормативно и формально закреплённых и постоянно воспроизводящихся (самовоспроизводящихся – что очень значимо и важно!) в социокультурной среде каналов взаимодействия социальных субъектов между собой и с определенными элементами социальной системы. Чем сложнее общество, тем сложнее система политических институтов, тем больше необходимость в том, чтобы политические институты функционировали в пределах определенных правил и норм, а разнообразие правил и норм, как и растущее количество политических институтов, приводит к необходимости их формализации, алгоритмизации и технологизации. Иначе говоря, по мере усложнения системы общества сфера политики и вообще все политическое все больше технологизируются. Политическая деятельность превращается все больше в социальную технологию. Такая метаморфоза в современном обществе сопровождается процессами информатизации и цифровизации социокультурных практик. При

этом процессы технологизации политического (неважно чего - политического действия субъектов или функционирования политических институтов) не просто происходят на фоне создания структур цифровой экономики: они входят в резонанс с процессами цифровизации. Внешняя форма этого резонанса может принимать различные формы – например, образ программы создания электронного правительства. При этом широко используются цифровые платформы и технологии искусственного интеллекта [2]. Но глубинная суть взаимодействия (резонирующего по своему характеру) процессов технологизации политического и цифровизации социокультурных практик проявляется в создании условий для того, чтобы власть (в лице ее субъектов и институтов) создавала условия для максимального охвата социокультурного и географического пространства, чтобы сила, авторитет и влияние распространились как можно шире и глубже. Современной власти уже недостаточно физического – географического пространства. Власть пытается распространить свое господство на сферу виртуальной реальности и личностно-экзистенциальное пространство индивидов. Стремится контролировать мысли и чувства людей на основе идеологии, власть пытается вытеснить религию, что в условиях современного постсекулярного мира весьма проблематично. Поэтому повсюду в мире все шире используются политические технологии для формирования необходимого современным правителям и институтам власти поведения людей и для реализации в рамках социокультурных практик (политических, производственных, правовых, культурных или даже гендерных) определенной властью «повестки». И совсем неважно, какой будет данная «повестка»: правой или левой, либеральной или консервативной, трансгуманистической или традиционалистской, националистической или глобалистско-ориентированной и пр. Содержание не важно, важна структура и форма. Политические цели властителей могут быть совершенно различными, но форма их воплощения и политические технологии, используемые для этого, могут быть совершенно идентичными. Таким образом, в современном обществе благодаря применению цифровых технологий происходит активное внедрение политических технологий, а сами различные социокультурные практики подвергаются возрастающей экспансии со стороны политических структур и институтов, так как власть пытается контролировать всё и вся, даже гражданское общество [4].

Техника, технологии, технологическая и инженерная деятельность не являются в этом плане исключением. Сюжет о важности, о значимости инженера-техника, его политической утилитарной полезности для власти известен со времен Античности. Речь идет о деятельности Архимеда, технический гений которого был использован правителем города Сиракузы в войне с нарождающейся Римской Республикой. Сейчас, как и две тысячи лет назад, власть заинтересована в использовании технологий в военных целях. Но не только в них. Вопрос о био-политике, о загрязнении окружающей среды, о парниковом эффекте и технологиях экстенсивного использования углеводородов стал не просто вопросом экономической эффективности, но и вопросом политическим.

В области энергетики первоначально «зелёные технологии» были экономически невыгоднее, чем применение углеводородов. Но позднее это стало более предпочтительно, с точки зрения экологии. Экологическая повестка (опять повестка!) уже около полувека является основанием для деятельности политических сил, которые называют себя «зелеными». То есть в современном общественном сознании технологии стали фактором сборки политического. Они активно подвергаются воздействию политических приоритетов и ценностных ориентиров. В результате чего можно говорить о том, что происходит процесс политизации технического. Еще большее споров вызывает проблема использования цифровых платформ и технологии искусственного интеллекта [9]. Очевидно, что они несут в себе не только благо, но их применение таит опасности и порождает риски технологического и социокультурного характера [3]. Появляется множество мифов, а как известно, миф является основанием организации не только социального и политического порядка [11], но даже одним из оснований легитимации власти [8]. И уж совсем «страшными», и непонятными становятся технологии генетического исправления природы и сознания человека [7], предложенные адептами трансгуманизма. Они или отвергаются [6], или практически откровенно демонизируются [10], особенно в рамках религиозного сознания. Политическим аспектом также всегда являлась доступность тех-

нологий. В этом плане вопросы о технологических санкциях и импортозамещении также являются политическими, что весьма актуально для современной России, ее технологического развития [5].

Таким образом, мы видим обоюдоострый процесс. С одной стороны, различные формы общественного сознания и различные социокультурные практики под влиянием цифровых технологий все больше технологизируются (и политические практики не являются исключением). С другой стороны, сами технологии стали рассматриваться не только с точки зрения своей утилитарной и функциональной полезности и эффективности, но все больше подвергается процессам политизации. Итак, технологизация политического и политизация технического взаимосвязаны в динамике общественного сознания и социокультурных практиках современного цифрового общества.

Пристатейный библиографический список

1. Амиров Д. Ю., Бакланов И. С. Повседневность, быденное политическое сознание и формирование институтов власти // *Философия права*. - 2009. - № 4 (35). - С. 66-69.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
3. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // *Евразийский юридический журнал*. - 2023. - № 12. - С. 535-536.
4. Бакланов И. С., Хубиев А. О. Структуры гражданского общества в политическом процессе современности // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. - 2012. - № 1. - С. 13-17.
5. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Похилько А. Д. Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. - 2022. - № 1. - С. 179-184.
6. Гречкина Е. Н. Трансгуманизм – мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. - 2015. - № 8. - С. 34-37.
7. Губанова М. А. Когнитивный трансгуманизм как формообразование духовной культуры // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. - 2018. - Т. 1. № 2. - С. 50-60.
8. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // *Социально-гуманитарные знания*. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
9. Еременко М. М., Богатырев С. А., Бакланов И. С. Особенности и риски применения технологий искусственного интеллекта в медиaprостранстве современного общества // *Евразийский юридический журнал*. - 2023. - № 12. - С. 362-363.
10. Лагунов А. А. Постправда для постчеловечества: возможен ли мировоззренческий диалог с трансгуманистами? // *Христианское чтение*. - 2023. - № 4. - С. 127-138.
11. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Erokhin A. M., Ponarina N. N., Akopyan G. A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // *Journal of History Culture and Art Research*. - 2018. - V. 7. № 2. - P. 41-47.

БОНДАРЕНКО Ольга Валентиновна

доктор философских наук, профессор Иркутского государственного аграрного университета имени А. А. Ежовского

ВАСЕНКИН Алексей Вадимович

кандидат философских наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета

ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ПОСТИНФОРМАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена раскрытию философского контекста категории «деятельность» в условиях формирования постинформационного общества. Постинформационное общество рассматривается как современный этап развития глобального социума. В статье отмечаются различные смысловые толкования деятельности. Приводится авторское определение постинформационного общества на основе анализа существующих интерпретаций. Процесс деятельности отражает способ существования человека, методы его самореализации и самоосуществления. Подчеркивается, что деятельность является специфически человеческой формой активности, так как ни одно живое существо в процессе своей деятельности не трансформирует окружающую действительность исходя из собственных мотивов и представлений. Автором приводятся различные историко-философские толкования категории деятельности, включающие как материалистический, так и идеалистический подходы с учётом современных тенденций развития общества.

Ключевые слова: философия, деятельность, общество, постинформационное общество, прогресс, цивилизация, культура, рационализм, эмпиризм, марксизм, диалектика деятельности, субъект, объект, свобода, ответственность.

BONDARENKO Olga Valentinovna,

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy, sociology and history sub-faculty of the A. A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University

VASENKIN Alexey Vadimovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of History and philosophy sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

THE STUDY OF THE ACTIVITY CATEGORY IN A POST-INFORMATION CONTEXT

The article is devoted to the disclosure of the philosophical context of the category of activity in the context of the formation of a post-information society. The post-information society is considered as a modern stage in the development of global society. The article notes various semantic interpretations of the activity. The author's definition of a post-information society is given based on the analysis of existing interpretations. The process of activity reflects a person's way of existence, methods of self-realization and self-fulfillment. It is emphasized that activity is a specifically human form of activity, since no living being in the process of its activity transforms the surrounding reality based on its own motives and ideas. The author provides various historical and philosophical interpretations of the category of activity, including both materialistic and idealistic approaches, taking into account modern trends in the development of society.

Keywords: transhumanism, posthuman, transhuman, technical evolution, scientific and technological progress, scientific and technical activity, scientific and technical revolution, immortalism.

Актуальность исследования деятельности, и её философской интерпретации, находятся вне исторического контекста, поскольку в любой период развития общества, цивилизации, культуры, деятельность детерминировала сущность бытия человека. Изменение исторических эпох, переход общества от одних форм к другим, к примеру, от традиционного к феодальному, от феодального к промышленному, не влияли на актуальность исследовательского контекста в отношении категории деятельности, так как человеческая деятельность является центральным элементом, на котором строится вся социальная система и особенности взаимоотношений в ней. В условиях развития постинформационного общества формируется проблема философского переосмысления особенностей реализации человеческой деятельности, так как изменение структуры общественных отношений, сме-

на исторических форм существования общества, требует изменения взглядов на категории, на которых, фактически, базируется современное общество. Одной из таких категорий и является деятельность. Цель данной статьи заключается в актуализации различных историко-философских взглядов на категорию деятельности с учётом современных тенденций формирования постинформационного общества. В современной научной литературе существует достаточно большое количество работ, посвящённых осмыслению феномена формирования постинформационного общества, но отсутствуют работы, которые были бы посвящены исследованию категории деятельности в данных условиях. Именно на заполнение указанных пустот и направлена данная статья.

В первую очередь, рассмотрим некоторые трактовки того, что называется постинформационным обществом,

Бондаренко О. В.

Васенкин А. В.

чтобы более детально разобраться с данным понятием. Как пишет Г. С. Прохоров-Малясов: «Постинформационное общество – это в первую очередь общество, в котором информация становится задачей «самой-в-себе»: информация и машина с одной стороны и человеческий разум с другой становятся единым целым, при этом распространение информации во все меньшей степени зависит от самого человека и его «деятельностного» участия, так как машины получают технологическую способность «общаться» между собой напрямую» [6, с. 138]. И. И. Веревичев считает, что постинформационное общество – это стадия отрицания современного информационного общества, когда в общественном сознании обозначаются перспективы выживания человечества в эпоху обострения глобальных проблем [2]. Одной из самых серьёзных глобальных проблем для человечества в эпоху формирования постинформационного общества является создание технических и программных систем с искусственным интеллектом. Именно в этом контексте для общества и находится проблема выживания. Как указывает А. И. Ракитов, «самую большую опасность представляют определенные программные продукты, ведущие к созданию мощных систем искусственного интеллекта (ИИ). Различного рода системы ИИ широко используются в научных исследованиях в университетских образовательных программах. Они находят все более широкое применение в инженерно-конструкторских работах, в управлении автоматизированными производственными линиями и т.д. [7, с. 15]. Таким образом, на основании приводимых положений, можно сделать вывод, что грядущее постинформационное общество – это общество, в котором одновременно существуют две интеллектуальные глобальные системы. К первой интеллектуальной глобальной системе можно отнести цивилизацию и культуру, ко второй – все интеллектуальные технические средства и программные продукты, которые будут полностью автономны в принятии решений. Иными словами, в постинформационном обществе сформируется потребность поиска путей сосуществования человека и искусственного интеллекта, в любом его воплощении. Разумеется, в таких условиях не может не возникнуть потребность переосмысления человеческой деятельности, поскольку именно её результаты, в конечном счёте, приведут к появлению интеллектуальных автономных систем, которые могут представлять не только благо, но и угрозу. В связи с чем, далее будет проведено рассмотрение философских подходов к категории деятельности для того, чтобы переосмыслить их с учётом актуальных реалий.

В наиболее широком контексте категория человеческой деятельности может быть определена следующим образом: «Деятельность – это форма активного отношения человека к окружающему миру, содержанием которой является его целесообразное изменение и преобразование» [1, с. 203]. Указанная трактовка раскрывает существенные отличительные признаки деятельности человека по отношению к деятельности других живых существ – изменение и преобразование среды обитания. Психология человека как живого существа отличается деятельной преобразовательной природой. Для всех живых существ, кроме человека, жизнедеятельность предполагает инстинктивное встраивание в окружающую среду посредством заложенных биологических программ существования.

Открывая философский словарь, можно найти следующее определение человеческой деятельности: «Деятельность – это процесс, в ходе которого человек творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы – объектом своей деятельности» [9, с. 153]. Смысловое отличие данного определения от того, что было указано выше только в том, что деятельность здесь рассматривается как система субъект-объектных отношений. Фактически, суть определения человеческой деятельности в философском контексте не отличается от опре-

делений, приводимых в толковых словарях. Важно подчеркнуть, что философский смысл, детерминируя человеческую деятельность через дихотомию «субъект-объект», репрезентирует фундаментальное отличие человека от всех живых существ. Человек позиционирует собственное существование через активное преобразование объективной действительности.

Другой философский смысл человеческой деятельности может быть рассмотрен в социальном ключе: «Деятельность – это метод воспроизводства социальных процессов, самореализации человека, его связи с окружающим миром» [8, с. 236]. Данное определение детерминирует деятельность как способ существования человека через поддержание его основного свойства – взаимодействие с подобными существами, то есть через социальность, присущую любому человеку априори. Благодаря взаимодействию с другими людьми и обществом в целом, человек способен поддерживать себя в деятельном состоянии, то есть осуществлять самореализацию. Таким образом, человеческая деятельность, уже исходя из приводимых определений, может быть рассмотрена, во-первых, как деятельность, в которой происходит взаимодействие социальных субъектов; во-вторых, как деятельность, в результате которой субъект преобразует, трансформирует, видоизменяет объективную реальность; в-третьих, и это немаловажно, в контексте формирования постинформационного общества, деятельность может быть определена как человеческая активность, направленная на создание искусственных интеллектуальных систем, обеспечивающих гармоничное существование человека в условиях меняющейся среды. Далее обратимся к некоторым историко-философским взглядам, рассматривавшим и анализировавшим суть человеческой деятельности.

Картина исторического развития культуры и цивилизации, демонстрирует тот факт, что теория практико-преобразовательной человеческой деятельности захватывает философские исследования, и формирование научных взглядов происходит в рамках материализма, ярким примером которого можно назвать идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс, отталкиваясь от материалистических идей Л. Фейербаха, концентрирует свои исследования на том, что философы должны не объяснять окружающий мир, а стараться влиять на него, преобразовывать. В философии К. Маркса практическая деятельность человека (практика) становится единственным критерием истинности, полезности, реальных, осязаемых результатов: «В том месте, где прекращается спекулятивное мышление, перед лицом реальной жизни, как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей» [5, с. 26]. Материализм К. Маркса умаляет значение созерцательной, разумной деятельности – только практически-полезные результаты могут считаться ориентиром существования и развития человека. Диалектика деятельности, её рационально-эмпирическая составляющая играют особую роль при анализе происходящих изменений. Рождаясь в сознании человека, различные идеи получают свою материальную реализацию, трансформируют окружающую действительность согласно определённым человеческим интересам. Здесь важно учитывать характер идей, принимать во внимание рационалистические аспекты деятельности человека, цели, которые современный социум хочет реализовать.

Обратимся к взглядам отечественных философов. Развитие деятельностного подхода в отечественной философской науке имеет давнюю историю, и берёт своё начало со времён развития марксистской философии, в которой категория деятельности занимала одну из центральных позиций. Этот подход не потерял своей актуальности и в современных условиях, так как позволяет отразить существенные особенности развития постинформационного общества. С системной

точки зрения, категорию деятельности рассмотрел советский философ М. С. Каган. По М. С. Кагану, деятельность – это коммуникация, которая выражает активность субъекта, направленную или на других субъектов, или на материальные (нематериальные) объекты. Источником активности является субъект коммуникации [4, с. 43]. Основываясь на теории К. Маркса и отталкиваясь от его понятия «*aneignung*» (освоение), М. С. Каган определяет деятельность как процесс овладения субъектом объекта. Помимо этого, М. С. Каган пишет о характере человеческой активности как процессе деятельности: «Активность выражается в том или ином способе овладения объектом субъектом или в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другими» [4, с. 46]. По М. С. Кагану, основная функция человеческой деятельности заключается в обеспечении сохранности и непрерывности развития общества как базиса для организации существования людей.

Категория деятельности в отечественной философии рассматривается и как культурный феномен. Культура, в наиболее общем смысле, подразумевает под собой саму деятельность и ее результаты. Культура – и есть деятельность, как описывает ее советский философ Э. Г. Юдин. Теория Э. Г. Юдина актуализирует проблему экспансивности человеческой деятельности. По Э. Г. Юдину, в научном познании категория деятельности является методологически центральной категорией, изучение которой позволяет составить максимально полную картину окружающей действительности. Деятельность, подчеркивает Э. Г. Юдин, является специфически человеческой формой активного отношения к миру, цель которой заключается в сознательном его изменении и преобразовании. «Человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который в согласии со своими собственными законами, но также и в согласии с целями человека, должен получить новую форму и новые свойства, превратиться из внеположенного материала в продукт деятельности и уже в этом своем качестве включиться в социальную жизнь» [10, с. 247]. Исходя из указанных определений деятельности, можно установить, что современные реалии, в которых формируется культура виртуальной реальности и постепенное господство технических устройств, будут только расширяться. Задача человека заключается в возвращении к такому виду деятельности, который ориентирован на сохранность и трансляцию традиционных социальных ценностей, когда техника, виртуальная среда, искусственный интеллект будут не альтернативной сферой существования, а инструментами для поддержания стабильности.

Изучение различных историко-философских взглядов на категорию деятельности позволяет сформулировать следующие выводы в отношении актуализации её исследования в условиях формирования постинформационного общества. Во-первых, в максимально широком философском контексте, деятельность рассматривается как процесс, в котором человек активно трансформирует окружающую действительность, одновременно, изменяя и свою собственную природу. Деятельность является составляющей системы «субъект-объект». В условиях формирования постинформационного общества деятельность человека может быть рассмотрена как составляющая системы «субъект-субъект», где вторым субъектом выступает модель искусственного интеллекта. Во-вторых, природа деятельности диалектична, и к рационалистическому истолкованию добавляется также эмпирический и материалистический контекст. Исходя из эмпирического подхода, главным критерием истинности является практика, практическая деятельность, вещественная реализация материальных результатов. Только в такой своей форме она может быть инструментом преобразования действительности. Но нужно понимать, что крайняя трансформация бытия, которая происходила и происходит в результате становления индустриального, постиндустриального, а теперь

и постинформационного общества, влечёт за собой утрату человека и человечности в их истинном понимании. Если в условиях развития информационного общества в результате преобразовательной человеческой деятельности произошло формирование виртуального бытия, повлекшее за собой выход человека в воображаемые миры, то, что может произойти с действительностью при повсеместном распространении систем искусственного интеллекта, остаётся неясным. В-третьих, на основании взглядов отечественных философов, следует подчеркнуть справедливость мнения о том, что деятельность является одной из методологически центральных философских категорий, исследование и анализ которой позволяет, с одной стороны, получить максимально полную картину меняющейся окружающей действительности, с другой стороны, изучить и понять логику поведения человека в условиях, при которых он активно трансформирует действительность. На основании центральной методологической роли категории деятельности в философии, крайне важно учитывать аспекты её современного развития. В-четвертых, актуальность исследования категории деятельности в условиях формирования постинформационного общества вызвана необходимостью преодоления существующего потребительски-экспансивного и деструктивного характера деятельности в глобальных масштабах в условиях развитых посткапиталистических отношений, иначе, говоря словами Э. Гуссерля: «Выход из «рационалистической бездны» должен произойти только через пересмотр всей жизни и всех жизненных целей, всех порожденных жизнью человечества культурных образований и систем культуры» [3, с. 110]. Следует заново обратиться к традиционным гуманистическим и творческим ориентирам деятельности, направляющим человека по стратегии мирного сосуществования социальных систем в современном мире.

Пристатейный библиографический список

1. Большая советская энциклопедия / Под ред. А. М. Прохорова. – Москва: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 8: Дебитор-Евкалипт. – 591 с.
2. Веревичев И. И. Постинформационное общество: миф или реальность? // Вузовская наука в современных условиях: сборник материалов 54-й научно-технической конференции, Ульяновск, 27 января – 01 2020 года. Том Часть 3. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2020. – С. 30-33.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101-116.
4. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – Москва: Политиздат, 1974. – 328 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – Москва: Гос. изд-во политической литературы, 1956. – 689 с.
6. Прохоров-Малясов Г. С. Постинформационное общество – ключевая ступень социальной трансформации. Прогностический аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Том 11. № 6А. – С. 137-147.
7. Ракитов А. И. Постинформационное общество // Философские науки. – 2016. – № 12. – С. 7-19.
8. Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В. Е. Кемерова. – Москва: Академический проект, 2006. – 822 с.
9. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – Москва: Республика, 2001. – 719 с.
10. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.

ДАНИЛОВ Вячеслав Леонидович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, Факультета истории, теологии и международных отношений Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ В ЗАЩИТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ГОСУДАРСТВОМ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье проводится анализ роли конституции в системе государственного управления и её влияния на защиту религиозных прав граждан. Акцентировано внимание на двойственном характере конституции: она одновременно является действующим укладом общества и государства и высшим законодательным актом, определяющим правовую систему страны. Особое внимание уделяется различным подходам к взаимоотношениям между государством и религиозными группами, включая такие модели как сильный и слабый секуляризм, плюралистическое сотрудничество, формальное признание, слабый и сильный истеблишмент. Сделан вывод о том, что национальные особенности правовой, культурной и духовной сфер влияют на трактовку конституций в разных странах, но не мешают созданию общего понимания конституции как фундаментального закона. В статье также рассматривается российский и зарубежный опыт в контексте защиты религиозных прав граждан, выявлено значение конституционных норм в обеспечении государственно-конфессиональных отношений и правовых гарантий для верующих.

Ключевые слова: конституция, религиозные права, государство, плюрализм, секуляризм, лаицизм, нормативно-правовые акты.

DANILOV Vyacheslav Leonidovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theology, philosophy and cultural studies of the Faculty of History, Theology and International Relations of the F. M. Dostoevsky Omsk State University

THE ROLE OF THE CONSTITUTION IN THE PROTECTION OF RELIGIOUS RIGHTS OF CITIZENS BY THE STATE: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

The article analyses the role of the constitution in the system of state administration and its influence on the protection of religious rights of citizens. Attention is emphasised on the dual nature of the constitution: it is both a functioning pattern of society and the state and the supreme legislative act that determines the legal system of the country. Particular attention is paid to different approaches to the relationship between the state and religious groups, including such models as strong and weak secularism, pluralistic co-operation, formal recognition, weak and strong establishment. It is concluded that national peculiarities of legal, cultural and spiritual spheres influence the interpretation of constitutions in different countries, but do not prevent the creation of a common understanding of the constitution as a fundamental law. The article also considers Russian and foreign experience in the context of protecting religious rights of citizens, revealing the importance of constitutional norms in ensuring state-confessional relations and legal guarantees for believers.

Keywords: constitution, religious rights, state, pluralism, secularism, laicism, normative-legal acts.

Регулирование отношений между государством и религией, между гражданскими и религиозными властями, между светскими и священными кодексами законов исторически было и остается одной из основных функций конституции. Другой важной функцией конституции является обеспечение мира и справедливости между всеми членами общества, даже в обществах, характеризующихся глубокими религиозными разногласиями. Тем не менее, во многих частях мира отношения между государством и религией остаются одним из самых сложных вопросов, которые приходится решать разработчикам конституций.

Вышеприведенные факты свидетельствуют об актуальности настоящей работы, цель которой – проанализировать роль конституции в защите религиозных прав граждан государством.

В первую очередь, представляется необходимым раскрыть содержание термина «конституция». На сегодняшний день понятие «конституция» используется экспертами в области государственного управления в двух контекстах [10]. С одной стороны, подразумевается реально действующий уклад общества и государства, включая принципы взаимодействия индивидов, органов власти и социальных структур, которые каждое государство и общество воплощают в жизнь вне зависимости от наличия формализованного основного законодательного документа. С другой стороны, именно юристы чаще всего рассматривают конституцию как законо-

дательный акт, имеющий наивысший статус и определяющий основы правовой системы государства [4].

Некоторое расхождение между нормами конституции и фактическими отношениями всегда присутствует, например, из-за устаревания конституционных положений. Однако, когда возникает серьезное противоречие между конституционными принципами и реальной обстановкой, касающееся основ государственного и общественного строя, тогда конституция становится лишь формальностью.

Национальные особенности правовой и культурной сфер влияют на трактовку конституций в разных странах, но эти различия не являются препятствием для создания общего определения конституции. В современном понимании, конституция это прежде всего фундаментальный закон государства и общества. С формально-правовой точки зрения, она представляет собой закон или комплекс нормативно-правовых актов, обладающих высшей юридической силой и устанавливающих основополагающие общественные отношения, определяющие конституционный строй страны. Итак, современную конституцию можно характеризовать как ключевой законодательный акт, включающий в себя один или несколько нормативно-правовых актов и других источников права, который имеет наивысшую юридическую силу и устанавливает важнейшие социальные отношения, формирующие конституционный порядок. К этим социальным отношениям

следует отнести, в том числе, государственно-конфессиональные отношения.

Анализ специальной литературы позволяет утверждать, что отношения между государством и одной или несколькими религиозными группами могут строиться по-разному, в зависимости от [Ошибка: источник перекрестной ссылки не найден]:

– степени, в которой государство финансирует, поддерживает или одобряет религию, или признает религиозную основу нации или государственной власти;

– степени, в которой религиозные законы или институты контролируют или влияют на государство.

Хотя классификация всегда приближительна и нет точной стандартной терминологии, основные подходы можно определить следующим образом: сильный секуляризм (лаицизм); слабый секуляризм; плюралистическое сотрудничество; формальное признание; слабый истеблишмент; сильный истеблишмент.

Акцентируем внимание на каждом из них:

– сильный секуляризм [3]. В некоторых конституциях прямо говорится, что государство является светским. Если воспользоваться французским термином, иногда используемым даже в англоязычной литературе для того, чтобы отличить эту модель секуляризма от других, менее жестких форм, то такой секуляризм следует назвать лаицизмом. Архетипом этой формы секуляризма является французская конституция. Еще в 1905 году во Франции был принят «Закон об отделении церкви от государства». Сначала этот принцип был закреплен в статье 2 Конституции Франции 1958 года, затем в 1995 году он был перенесен в статью 1, согласно которой «Франция является неразделимой, светской, демократической, социальной Республикой» [11, с. 383–384].

Следствием этой доктрины является то, что французский секуляризм спокойно относится к запрету на открытое проявление религиозной принадлежности в общественных местах: запрет на ношение головных платков в общественных зданиях и запрет на ношение религиозных знаков отличия в государственных школах. Государственные церемонии – от инаугурации президента до местных сельских праздников под председательством мэра – носят совершенно нерелигиозный характер.

– Слабый секуляризм. Религиозно-государственный нейтралитет означает беспристрастность государства в вопросах религии [8]. Государство не одобряет и не критикует религию. Оно не проводит различий между религиозными ценностями и верованиями. Религия любого рода не может публично поощряться, финансироваться или поддерживаться какими-либо государственными органами.

В результате религиозно-государственный нейтралитет не ограничивает выражение религиозности государственными деятелями – например, в США инаугурация президента обычно сопровождается молитвой, а государственные чиновники обычно приносят присягу на книге религиозного писания, хотя, что очень важно, они делают это по личному выбору или общественному обычаю, а не потому, что их обязывает к этому закон. Что касается американской конституции, то о ней следует сказать следующее. 5 декабря 1791 года в США была принята Первая поправка к Конституции, возмещавшая независимость религиозных учреждений от государственной власти, что рассматривалось основателями нации как запрещение создания официальной государственной религии, аналогично той, которая существовала в Британии.

Полагаем, что слабый секуляризм характерен, в том числе, для Конституции Российской Федерации, так как, с одной стороны, в статье 14 указано, что ни одно из религиозных ве-

рований не может носить обязательный характер. С другой стороны, в части 2 статьи 67.1 упоминается бог: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [1].

– Плюралистическое сотрудничество. Некоторые конституции (например, Германии, Индии, Южной Африки) стремятся защитить религиозный нейтралитет государства не путем отказа от любой религиозной поддержки (как в случае с религиозно-государственным нейтралитетом), а путем содействия равному и недискриминационному отношению к религиям. Это означает, что государство старается идти навстречу религиям и может сотрудничать с религиозными институтами в выполнении их социальных функций.

Согласно статье 137 Основного закона Федеративной Республики Германии, религиозные институты могут выступать в качестве «общественных корпоративных организаций» с признанными правами, включая право получать «церковные налоги» от своих приверженцев [9]. Иными словами, религиозные институты признаны в Германии в качестве политических институтов, вносящих вклад в общее благо: немецкое государство отдает часть своего суверенитета церквям.

– Формальное признание. Конституция может дать формальное или символическое признание той или иной религии в своих учредительных документах. Конституция Ирландии до 1970-х годов признавала «особое положение» католической церкви как «хранительницы веры, исповедуемой подавляющим большинством граждан». Согласно статье 44, она до сих пор «признает, что честь общественного поклонения принадлежит Всемогущему Богу», «почитает Его Имя» и «уважает и чтит религию» [7]. Конституция Греции 1975 года начинается словами: «Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы» [6]. Такое признание отличается от лаицизма и от пассивного секуляризма тем, что государство, а иногда и сама страна ассоциируются с определенной религиозной идентичностью или набором религиозных идентичностей;

– Религиозный истеблишмент. Имеет место, когда государство поддерживает формальную связь с определенной религией, которая «установлена» в смысле поддержки, финансирования, одобрения или покровительства со стороны государства. Например, религия может быть принята в качестве официальной государственной религии, религиозное право может стать источником права. В конституции при этом могут содержаться положения, согласно которым глава государства должен обладать определенной религиозной принадлежностью. Традиционно выделяют два вида:

– слабый истеблишмент. Некоторые конституции устанавливают религию лишь в ограниченной форме, которая может мало отличаться от плюралистического сотрудничества. Например, поддерживаемая государством религия может быть самофинансируемой или самоуправляемой, и она может практически не оказывать прямого влияния на общественные отношения. Согласно статье 2 Конституции Аргентины, федеральное правительство поддерживает католицизм, но другие положения конституции (например, отмена требования о том, что президент должен быть католиком – в поправках 1994 года – и исключение священников из числа государственных служащих) поддерживают разделение религиозных и гражданских властей и ограничивают как контроль государства над религией, так и степень прямого религиозного контроля над государством [5].

– Сильный религиозный истеблишмент. Может включать в себя резервирование определенных высших должно-

стей для членов установленной религии (например, требование, чтобы глава государства был членом этой религии, или резервирование определенных мест в законодательных органах для священнослужителей этой религии). Линии разграничения несколько искусственны и редко бывают четкими на практике, поскольку отношения между государством и религиозными властями могут быть симбиотическими.

Примером сильного религиозного истеблишмента могут быть конституции следующих стран: Афганистана, Бахрейна, Брунея, Ирака, Йемена, Катар, Ливии, Мальдивской Республики, Саудовской Аравии и ряда других исламских государств. Например, конституция Шри-Ланки 1978 года закрепляет за буддизмом роль ведущей религии.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что конституция, представляющая собой ключевой законодательный акт, включающий в состав себя один или совокупность нескольких нормативно-правовых актов и других источников права, имеющий наивысшую юридическую силу и устанавливающий важнейшие социальные отношения, не только формирует конституционный порядок в стране, но и играет существенную роль в защите религиозных прав граждан. В частности, нами были выделены следующие виды государственно-конфессиональных отношений, устанавливаемых с помощью текста конституции: лаицизм, слабый секуляризм, плюралистическое сотрудничество, формальное признание и религиозный истеблишмент (сильный и слабый). Согласно лаицизму, государство признает и защищает право на религиозную свободу в личной и частной жизни, но сохраняет оборонительную позицию по отношению к общественной религиозности, которая часто воспринимается в качестве угрозы, потенциальной или реальной (Франция). Вместо этого государство провозглашает свой собственный гражданский республиканский строй, который, хотя и не навязывается, но активно поощряется через систему школьного образования и гражданские ритуалы. Предполагается, что он не заменяет и не запрещает частные и особые формы религиозного самовыражения, а выходит за их пределы.

При слабом секуляризме государство не одобряет, но и не критикует религию (США, РФ). Оно не проводит различий между религиозными ценностями и верованиями. Религия любого рода не может публично поощряться, финансироваться или поддерживаться какими-либо государственными органами. В рамках плюралистического сотрудничества государство с помощью конституции предоставляет религиозным организациям защищенную, автономную и публичную роль в обществе. Оно признает множественность религиозных групп, существующих бок о бок: государство не отдает предпочтение одной из них и не дискриминирует другие. Оно просто признает, что религии играют важную роль в обществе, и что религиозные институты являются партнерами гражданских властей в достижении общих благ. Формальное признание отличается от плюралистического сотрудничества и слабого секуляризма тем, что такое признание само по себе не дает признанной религии или религиям никаких особых привилегий или квазигосударственных полномочий. Однако значительная часть государственных расходов на социальные нужды, такие как здравоохранение и образование, может осуществляться через религиозные учреждения (Ирландия, Греция). При религиозном истеблишменте конституции в качестве обязательного своего элемента содержат религиозные принципы (Афганистан, Бахрейн, Бруней, Ирак).

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.01.2024).
2. Алеева Э. Ю., Летева Р. Ш. Особенности взаимоотношения политики и религии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2015. – Т. 5. № 12. – С. 1560.
3. Гиряева В. Н. Принципы свободы вероисповедания и отделения церкви от государства в праве Франции. (Обзор) // Правовые исследования во Франции. – 2007. – С. 91-97.
4. Грачев Н. И. Сущность конституции XXI века: опыт постклассической деконструкции // Вестник СГЮА. – 2021. – № 5 (142). – С. 15-28.
5. Конституция Аргентины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=358> (дата обращения: 15.01.2024).
6. Конституция Греции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/greece.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Конституция Ирландии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/ireland.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Кузьменко С. С. Характер светского государства: проблемы секуляризма // В сборнике: Право, общество, государство: проблемы теории и истории. сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции. Российский университет дружбы народов, Юридический институт. – 2016. – С. 254-258.
9. Основной закон Федеративной Республики Германии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
10. Хамгоков А. Л. О вопросах формирования сущности современной конституции // Научные известия. – 2022. – № 28. – С. 338-341.
11. Franzke H.-G. Die Laizität als staatskirchenrechtliches Leitprinzip Frankreichs // Die öffentliche Verwaltung. – В., 2004. – Н. 9. – Р. 383-387.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-529-531

ИЗМАЙЛОВА Джамия Ибрагимовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени М. Туган-Барановского

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК УГРОЗА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА*

В данной статье освещаются потенциальные культурные и социальные последствия гендерной идеологии. Осуществленный анализ позволяет раскрыть эволюцию термина «гендер» и его содержание в социокультурном контексте. Кроме того, исследована история возникновения и развития гендерной идеологии, выявлены ее идеологические корни и культурные последствия. Данные выводы подтверждают неприемлемость идей гендерного мейнстриминга в контексте традиционных человеческих ценностей и норм общественной морали, а также отсутствие перспектив развития гендерной идеологии с точки зрения ее эволюционных аспектов.

Ключевые слова: пол, гендер, гендерная идентичность, гендерная идеология, гендерный мейнстриминг, мораль, права человека.

IZMAILOVA Dzhamilya Ibragimovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy sub-faculty of the M. Tugan-Baranovskiy Donetsk National University of Economics and Trade

GENDER IDEOLOGY AS A THREAT TO THE SPIRITUAL AND MORAL SAFETY OF THE NATION AND STATE

This article highlights the potential cultural and social implications of gender ideology. The analysis carried out makes it possible to reveal the evolution of the term «gender» and its content in the sociocultural context. In addition, the history of the emergence and development of gender ideology has been studied, its ideological roots and cultural consequences have been identified. The conclusions confirm the unacceptability of the ideas of gender mainstreaming in the context of traditional human values and norms of public morality, as well as the lack of prospects for the development of gender ideology from the point of view of its evolutionary aspects.

Keywords: sex, gender, gender identity, gender ideology, gender mainstreaming, morality, human rights.

Измайлова Д. И.

Необходимость исследования гендерных вопросов в современной науке не сводится лишь к аксиологическому аспекту – существуют и другие веские причины. Кроме того, что мы неизбежно сталкиваемся с отклонениями от традиционных мужских и женских образов жизни и наблюдаем постепенное искажение важности семьи и выполнения гендерных ролей в ее рамках, мы также сталкиваемся с недостаточно адекватными представлениями современной молодежи о мужественности и женственности, сформированными под влиянием западных стереотипов. Однако, кроме вышеперечисленных аспектов, одной из наиболее важных, по нашему мнению, является проблема распространения гендерной идеологии, несущая угрозу не только эволюционным перспективам человечества в обозримом будущем, но и духовно-нравственной безопасности нации и государства уже сегодня.

Для более глубокого исследования рассматриваемого явления определим содержание основных понятий.

Изначально термин «гендер» возник и использовался как способ указания различия в грамматическом роде слов [1, с. 65]. В настоящее время термин «гендер» используется для описания различных характеристик, связанных с маскулинностью или фемининностью человека, в него включаются также психологические и социальные аспекты, относящиеся к культуре, в отличие от понятия «пол», которое охватывает только анатомические и физиологические особенности [2, с. 22].

* Данное исследование проведено в рамках реализации финансируемой государственной научно-исследовательской тематики «Экомир и социокультурные проблемы современности: концептуальное пространство экофилософии во взаимодействии фундаментального и прикладного в пространстве общества знаний» (FRRZ-2023-0003) (заключение комиссии РАН №142023/1023030700034-5-6.3.1).

Таким образом, понятия «гендер» и «пол» не являются синонимичными, а тем более тождественными. Некоторые исследователи указывают, что гендер можно определить как социальный конструкт, который оказывает более значимое влияние на человека, нежели его неотъемлемые атрибуты [3, с. 160-165].

Гендерная идентичность представляет собой осознание индивидом своих мужских или женских качеств и позиционирование себя в соответствии с определенным полом [4, с. 37-40].

Традиционная бинарная гендерная система допускает только две формы самоидентификации – мужчину или женщину. Важно отметить, что в соответствии с медицинскими, психологическими и социальными нормами гендерная идентичность обычно соответствует биологическому полу индивида.

Гендерное самоопределение – это осознанный и свободный выбор, который позволяет человеку утвердиться в своей идентичности и выбрать траекторию своего дальнейшего развития в соответствии с собственным полом [5, с. 15]. Таким образом, рассмотрение вопроса о гендерном самоопределении с учетом бинарной концепции биологического пола предполагает два возможных варианта самоопределения: женщина, которая определяет себя как женщину, и мужчина, который определяет себя как мужчину. Если биологический пол не совпадает с гендерной идентичностью (например, женщина, которая идентифицирует себя как мужчина, или мужчина, который идентифицирует себя как женщина), это называется трансгендерной идентичностью. Хотя такие случаи не соответствуют традиционным социальным нормам и обычной системе ценностей, они не рассматриваются как психологическое или психиатрическое расстройство, поскольку они были исключены из списка психических расстройств [6, с. 503-505].

Для обозначения гендерных идентичностей, которые не соответствуют традиционной бинарной системе, в настоящее

время применяется термин «небинарная гендерная идентичность». Он объединяет различные гендерные идентичности, не подчиняющиеся бинарной системе или выходящие за ее пределы. В рамках концепции небинарной гендерной идентичности гендерная идентичность может быть комбинацией мужского и женского гендеров (бигендерность и тригендерность), может изменяться со временем (гендерфлюидность) или полностью отсутствовать (агендерность) [7, с. 211].

Согласно гендерной идеологии, термин «гендер» определяется как набор социальных и культурных стереотипов, от которых стоит отказаться и дать возможность каждому человеку возможность свободного выбора и определения своей гендерной идентичности и сексуальной ориентации, поощряя индивидуальное самовыражение [8, с. 35-48].

Активная реализация принципов гендерной идеологии начала проникать в западную Европу примерно в конце XX – начале XXI века. Такие страны, как Германия, Швеция и Нидерланды стали авангардом в этой области: так в Германии было предложено право выбора третьего пола при заполнении анкеты, а в 2018 году это право было закреплено законом «О третьем поле»; в Швеции начали внедрять нейтральные детские сады, а в 1998 году были внесены изменения в закон об образовании, запрещающие распространение «устаревшего» (традиционного) гендерного стереотипа [9], [10]. Оправданной точкой этого движения можно считать подписание Евросоюзом Амстердамского договора в 1997 году, который и утвердил идеологию гендерного мейнстриминга (Gender Mainstreaming) как официальную идеологию Евросоюза. Понятие гендерного мейнстриминга, по определению Еврокомиссии, означает эффективную стратегию, направленную на достижение гендерного равенства, согласно которому отрицается наличие врожденных различий между мужчинами и женщинами и утверждается, что людям следует определять свою личность не на основе биологического пола, а исходя из их собственных предпочтений. В соответствии с гендерной идеологией, пол следует рассматривать как социальную конструкцию, что подразумевает принятие и уважение любого вида сексуальной ориентации; человек имеет право на самостоятельный и свободный выбор своей гендерной идентичности, а любая попытка к осуждению или противодействию этому выбору является дискриминацией.

В рамках традиционных ценностей гендерный мейнстриминг противоречит нравственным нормам, уважению биологических характеристик и моральным ориентациям, которые играют ключевую роль в нашем определении человечности. Иными словами, гендерная идеология – это целенаправленная политика дегуманизации человечества. Российский учёный П. Д. Тищенко указывает, что любые вмешательства в человеческую природу, включая и деконструкцию человеческой сексуальности, неизбежно приводят к полной утрате человеком своих человеческих начал [11, с. 116]. Трудно не согласиться с мнением Митрополита Волоколамского Илариона, который раскрыл гендерную идеологию, называя ее идеологией обмана и трагедией для современной западной Европы и мира в целом [12]. При этом радует то, что гендерная идеология подвергается резкой критике не только со стороны русской культуры и научных элит, но также со стороны прогрессивных западных социологов, философов, врачей – независимых и здравомыслящих людей, не защищающих какие-либо идеологические, политические или религиозные позиции. Марк Регнерус, доктор социологии и профессор Техасского университета, провел исследование о влиянии однополых отношений родителей на взрослых детей. Значимым результатом стало выяснение того, что дети, выросшие в семьях гомосексуальных пар, сталкиваются с серьезными психологическими и психическими проблемами в сравнении с детьми, воспитываемыми в традиционных парах. Естественно, данное исследование вызвало мощную критику, с требованием не распространять его результаты публично [13, с. 752-770].

В своей статье «Гендерный мейнстриминг – тайная революция», немецкий социолог Г. Куби также подчеркивает опасные последствия гендерной идеологии, отмечая, что их источником является философский релятивизм. Согласно релятивистским постулатам, не существует объективной истины, так как реальность воспринимается субъективно [14]. Таким образом, под предлогом толерантности и гендерного равноправия, активно разрушается половая и полоролевая идентичность, с явной целью разрушить биологические раз-

личия и внедрить новую концепцию социального прогресса, стремясь создать нового человека, лишённого стандартных физических и интеллектуальных особенностей, превышающих пределы «обычной человечности» [11, с. 115].

Историческая предпосылка для возникновения и распространения гендерной идеологии в Европе XIX – XX веков связана с появлением и активным развитием феминизма. В то же время следует отметить, что феминизм того периода фокусировался главным образом на социально-политической сфере, стремясь обеспечить равные права для мужчин и женщин, при этом не затрагивая сексуально-гендерные аспекты. Новые идеи в понимании были внесены Симоной де Бовуар в ее работе «Второй пол», где она расширила понимание термина «пол», включая в него не только биологический, но и социокультурный контекст. В своем труде она заметила, что «человек не рождается женщиной, а становится ею» [15, с. 88].

Впоследствии теоретическую базу гендерной идеологии сформировала и развила профессор философии из Университета Беркли (США, штат Калифорния) доктор Дж. Батлер. Ее исследования были представлены в знаменитой книге «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности». В данном труде Батлер отказывается от идеи о наличии биологического пола и аргументирует, что различия между мужчинами и женщинами носят социокультурный характер и являются результатом социальных конструкций. Идеи, которые легли в основу гендерного мейнстриминга, настаивают на сомнении в существовании женского и мужского начал, отказываясь тем самым признавать их природную сущность. В настоящее время такое утверждение становится главной аксиомой гендерной идеологии, согласно которой пол человека формируется в процессе воспитания и не является неизменным атрибутом с момента рождения. Опровергая указанное утверждение, хотелось бы вспомнить нашу историю Девида Реймера, произошедшую в Канаде в 1970-х годах прошлого века. Рожденный мальчиком, Дэвид утратил в младенчестве половой орган вследствие болезни. Родители последовали советам врачей провести операцию по смене пола, курс гормональной терапии и воспитывали младенца как девочку, в надежде, что в силу возраста ребёнок будет отождествлять себя с новоприобретенной идентичностью. Однако, в юношеском возрасте, Дэвид (теперь Бренд) демонстрировал явные признаки мужского поведения, предпочитая игрушки, игры и одежду, соответствующие его генетической гендерной идентичности. В подростковом возрасте отец раскрыл Дэвиду правду, после чего он предпринял три попытки суицида. В итоге Дэвид принял решение вернуться к своей истинной гендерной идентичности и снова перенес операцию по смене пола и гормональную терапию. Не зная на кажушийся благополучный исход (Дэвид женился и усыновил троих детей), новый образ жизни не помог справиться с его психологическими проблемами, и в возрасте 38 лет Дэвид Реймер покончил с собой. Это один из многих кейсов, которые доказывают, что гендерная социализация детей не в состоянии оказать влияние на формирование их гендерной идентичности.

В контексте всего вышеизложенного, важно отметить два значимых нормативных акта, принятых в Российской Федерации: закон о запрете трансгендерного перехода, вступивший в силу 24 июля 2023 года, и решение Верховного Суда РФ объявляющее МОД ЛГБТ экстремистской организацией, принятое 30 ноября 2023 года.

Относительно первого нормативного акта следует отметить, что несмотря на то, что закон был подвергнут яростной критике со стороны ЛГБТ-активистов, правозащитников и медицинского сообщества, в нём без сомнения заключены положительные нюансы. Очевидно, что принятие этого закона обусловлено стратегией, направленной на сохранение традиционных ценностей, перечисленных в Указе президента РФ от 09.11.2022 г. № 810. Однако, взгляд юристов на этот законопроект сводится к тому, что он нарушает право на жизнь, заложенное как в Конституции РФ, так и в международных документах, а также право на недискриминацию. Международная неправительственная организация Human Rights Watch в свою очередь признала данный закон нарушающим права человека. При этом медики утверждают, что в данном случае законодательство препятствует гарантированию полноценной медицинской помощи лицам с диагнозом «транссексуализм». Здесь ещё раз отметим, что транссексу-

ализм, а также ряд других гендерных дисфорий, были удалены из списка психических расстройств, согласно версии Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем МКБ-10 и включены в список вопросов, связанных с сексуальным здоровьем человека по МКБ-11.

Тут возникает весьма логичный вопрос: если гендерная дисфория считается заболеванием согласно как МКБ-10, так и согласно ее обновленной версии МКБ-11, то почему активисты ЛГБТ-сообщества борются за право свободно проявлять его симптомы, а не стремятся к эффективному лечению?

И здесь важно обратиться к корням гендерной идеологии: если в её основе лежит философский релятивизм, включая этический релятивизм, то при этом отрицается абсолютный характер морали. Иными словами, если отказываться от принципа обязательности моральных норм и позволять их содержанию изменяться в зависимости от различных факторов (социально-политическая ситуация, действующая идеология, культурная революция и т.д.), то нравственные ориентиры начинают размываться или даже исчезать. Отказываясь от всех установленных норм поведения и идеалов морали, приоритетом становится свобода самовыражения, что, в итоге, ведет к постепенному исчезновению духовности. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство активистов ЛГБТ – лишь позы и провокаторы, которые вполне успешно пытаются разрушить традиционные общественные нормы, опираясь на так называемые «права человека». Как указывает Э. Мартин-Иогансон: «Любой распущенности и любой похоти можно найти «моральное» оправдание, если использовать в качестве первоосновы требование права личности. Однако права вторичны в силу того, что любое право изначально призвано быть продолжением нравственных ценностей... Жизненные ценности, на которых веками, тысячелетиями строилось нравственные устои социума, искажаются и рушатся до такой степени, что все с полным основанием считавшееся прежде патологией, болезнью, объявляется и для части общества действительно становится нормой» [8, с. 35-48].

В социокультурном срезе вопрос о признании МОД ЛГБТ экстремистским имеет однозначный ответ: агрессивная пропаганда и демонстративное поведение сексуальных меньшинств не могут быть признаны общественной нормой ни с моральной, ни с законодательной точки зрения, о каких бы «правах человека» и «свободе выбора» не говорили.

В то же время, в нравственном поле лежит вопрос о том, как быть людям, которые уже прошли через трансгендерный переход, или тем, кто однозначно идентифицируют себя как гомосексуалисты либо испытывают гендерную дисфорию и неспособны принять свою генетическую половую идентичность? На данный момент ни медицинская наука, ни этика не дают ответа на поставленные вопросы.

Важно учесть, что решительные запреты только спровоцируют еще большие демонстрации у приверженцев контркультур и эпатажников и при этом затруднят процесс самоидентификации и самопринятия для тех, кто имеет проблемы в этой области.

Современный западный мир стал символом новой свободы – свободы нравов и самовыражения, которая стала главной ценностью. К сожалению, не все осознают, что утверждение таких новых либеральных «ценностей» в массовом сознании является началом антропологической катастрофы.

С точки зрения социальной философии, человечество оказывается в уникальной ситуации синтеза классической и неклассической культур в постнеклассическую. Доминирующим принципом в исследовании всех явлений и процессов человеческой жизни стала «человекообразность», отказ от применения двойных категорий и переход к мультидисциплинарному подходу в исследованиях. В условиях таких культурных трансформаций риск «расчеловечивания» человечества увеличивается в разы. Процесс дегуманизации современного общества несёт угрозу не только безопасности личности, но и нации, и государства в целом, а с учётом эволюционных перспектив необходимо понимать, что под прикрытием принципа толерантности и постулатов гендерной идеологии человечество рискует закончить своё существование в качестве биологического вида.

Пристатейный библиографический список

1. Гендер // Новейший философский словарь / Грицанов А. А. – Мн.: Книжный дом, 2001. – С. 187 с.
2. Клёцина И. С. Гендерная социализация. – СПб.: Алтейя, 2004. – С. 52.
3. Измайлова Д. И. Философское и этическое содержание проблемы гендерного самоопределения // Человек и общество на переломе эпох: поиски стратегий развития: Материалы IX международной научной конференции, Донецк, 21 апреля 2023 года / Отв. редактор Т. Э. Рагозина. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2023. – С. 160-165
4. Исаев Д. Д. Системный подход к проблеме гендерной идентичности // Педиатр. – 2012. – Т. 3. № 4. – С. 37-40.
5. Ломова Т. Е. Стереотипы в гендерных установках современной российской молодёжи: дис. ... канд. культурологии. – М.: Изд-во РГБ, 2005. – С. 15.
6. Измайлова, Д. И. Вопросы гендерного самоопределения в проблемном поле биоэтики: социально-философский аспект // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8 (171). – С. 503-505
7. Genderqueer and Non-Binary Genders (англ.) / Christina Richards, Walter Pierre Bouman, Meg-John Barker (eds.). – London: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 133.
8. Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе: идеология гендерного равенства // Свободная мысль. – 2019. – № 6 (1678). – С. 35-48.
9. Oppenheim, M. Germany introduces third gender. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/germany-intersex-third-gender-identity-passport-lgbt-rights-a8706696.html> (дата обращения: 01.12.2023)
10. Leach, A. It's all about democracy: inside gender neutral schools in Sweden. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/teacher-network/2016/feb/02/swedish-schools-gender-alien-concept> (дата обращения: 01.12.2023).
11. Тищенко, П.Д. Биотехнологическая ре-деконструкция человеческого в человеке и проблема ответственности: казус сексуальности / Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып.3 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Ф. Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 123.
12. Митрополит Волоколамский Иларион: Гендерная политика – это огромная трагедия Европы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/831cb1e7> (дата обращения: 01.12.2023).
13. Regnerus, M. How different are the adult children of parents who have same-sex relationships? // Social Science Research. – Volume 41. Issue 4. – July 2012. – P. 752-770.
14. Kuby, G. Gender Mainstreaming – The Secret Revolution. -<https://www.catholicculture.org/culture/library/view.cfm?recnum=8555> (дата обращения: 01.12.2023).
15. Второй пол [Текст]: / Симона де Бовуар; [перевод с французского Ирины Малаховой, Елены Орловой, Анны Сабашниковой]. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017. – С. 92.

КУЗЬМЕНКО Александр Анатольевич

кандидат биологических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и системы Брянского государственного технического университета

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭРГОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ (ЭРГОДИЗАЙНЕ) СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОГО СОЦИОПРИРОДНОГО РАЗВИТИЯ

Взаимосвязь между эргономикой и проектированием (дизайном) является ключевым элементом в контексте изучения эргоэкологической синергии, а также во многих других областях экспериментального проектирования человеко-машинного взаимодействия, осуществляющегося в условиях окружающей среды (естественной и искусственной). Фактически эргономика и эргодизайн обеспечивают методологический подход к процессам оценки взаимодействия человека с артефактом по средствам использования методов коллективного проектирования. При проектировании систем эргономический подход ориентирован на пользователя, что вносит значительный вклад в образ жизни и инновационное использование элементов системы, позволяя понимать и интерпретировать реальные потребности и ожидания людей в их повседневных действиях и поведении. Однако неучет влияния эргономического проектирования на естественную природную среду в конечном итоге способствует нарастанию трансформационных процессов в биосфере, которая впоследствии оказывает влияние на здоровье и безопасность человека. В рамках данной статьи рассматривается подход к применению эрго-экологического подхода к гармоничности социотехноприродного взаимодействия.

Ключевые слова: феномен эргономики, эрго-экологическое взаимодействие, социально-техногенное развитие мира.

KUZMENKO Alexander Anatoljevich

Ph.D. in biological sciences, associate professor of Computer technologies and systems sub-faculty of the Bryansk State Technical University

SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF ERGO-ECOLOGICAL INTERACTION IN THE CONTEXT OF SOCIOTECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

The relationship between ergonomics and design is a key element in the context of the study of ergo-ecological interaction, as well as in many other areas of experimental design of human-machine interaction in environmental conditions (natural and artificial). In fact, ergonomics and ergodesign provide a methodological approach to the processes of evaluating human interaction with an artifact through the use of collective design methods. When designing systems, an ergonomic approach is user-oriented, which makes a significant contribution to the lifestyle and innovative use of system elements, allowing you to understand and interpret the real needs and expectations of people in their daily actions and behavior. However, without taking into account the impact of ergonomic design on the natural environment in the final contributes to the growth of transformation processes in the biosphere, which subsequently affects human health and safety. This article discusses the approach to the application of the ergo-ecological approach to the harmony of socio-technological interaction.

Keywords: the phenomenon of ergonomics, ergo-ecological interaction, socio-technogenic development of the world.

Введение

В современном мире, характеризующемся стремительными социо-экономическими и научно-технологическими изменениями, происходит заикленность на традиционных подходах к хозяйственной деятельности, при которых главным образом учитываются финансовые особенности, оставляя за рамками внимания сложные взаимосвязи между социумом, экологией и технологиями. Этот узкий подход игнорирует глобальные вызовы и риски, связанные с трансформациями, приводящими к глобальным и стремительным изменениям современного мира. В условиях развития постнеклассической науки с ее акцентом на интеграцию различных дисциплин становится ясной необходимость создания новой методологии исследования, способной учитывать сложные междисциплинарные процессы. Однако, несмотря на это признание, многие исследователи все еще не проникают в суть происходящих трансформаций и не осознают новые риски. Этот узкий подход существенно упрощает как понимание современного производственного процесса на его различных этапах развития, так и анализ потенциально неблагоприятных последствий такого развития.

Действительно, современный мир превратился в сложную систему, в которой социальные, экономические и природные факторы переплетаются, создавая новую реальность. Как отмечает Е. А. Дергачёва, новая реальность не ограничивается просто социально-экономическими или социоприродными особенностями. Она представляет собой

глобальную социотехноприродную систему, которая продолжает формироваться и развиваться [4, с. 15]. Понимание существования этой системы является ключом к разработке эффективных стратегий адаптации человеческой деятельности к изменяющимся условиям окружающей среды, что необходимо для разработки программ устойчивого развития, которые учитывают сложные взаимосвязи между социумом, технологиями и природой [2, 6, 7].

Эпоха промышленной революции, знаменующая собой переход от аграрного общества к индустриальному (конец XVIII – начало XIX вв.), впоследствии переросла в новый этап развития - постиндустриальную эру (с середины XX в.). Этот переход ознаменовался не только изменениями в экономике и технологиях, но и созданием новой социотехноприродной реальности. С нарастанием научно-технического прогресса и развитием технологий, образ жизни человека стал все более зависимым от машин и техники. Города и городские агломерации стали эпицентрами этого техногенного развития, превращаясь в места, где человечество создает и преобразует свой искусственный мир [3 стр. 87]. Именно в эту эпоху научному сообществу приходит осознание необходимости выделения отдельной научной дисциплины, занимающейся вопросами труда и человеко-машинного взаимодействия. Данное новое научное направление получило название эргономика.

Исходя из определения, закрепленного в 2015 году Международной эргономической ассоциацией, эргономика

занимается изучением взаимоотношений между людьми и другими элементами системы, с которыми они взаимодействуют на рабочем месте, и применяет соответствующие теории, принципы, данные и методы для оптимизации производительности системы при максимальном повышении благосостояния человека [14]. Однако мы считаем, что в современном мире эргономика не только ориентирована на улучшение условий труда и повышение производительности системы, но и играет ключевую роль в создании сбалансированной и гармоничной социотехноприродной среды.

Одним из важных направлений в развитии эргономики является её взаимодействие с синергетикой - наукой о сложных системах и их поведении. Как отмечают академики В. П. Зинченко и В. М. Мунипов «Такому развитию (экологической эргономики) содействуют тесные взаимосвязи эргономики с синергетикой, междисциплинарную методологию которой считают предвестником новых наук о сложности XXI века» [5, с. 22]. Методология синергетики изучает сложные системы и их взаимодействие, приобретает особое значение в контексте философского исследования взаимосвязей между эргономикой, проектированием, экологией, устойчивостью, безопасностью и т.д. Эта методология дает возможность пересмотреть привычные подходы, осветить сложности и пересечения различных областей знаний, а также переосмыслить вопросы, стоящие перед современным миром. Синергетика позволяет взглянуть на ситуацию в мире шире и глубже, раскрывая новые горизонты для анализа и понимания междисциплинарных проблем. Она помогает реструктурировать проблемное поле, переформулировать вопросы и выявить скрытые взаимосвязи между различными аспектами реальности.

Парадигма, представленная в контексте устойчивого развития, занимает важное место в современной философии и общественном сознании. В. П. Зинченко и В. М. Мунипов в 2001 году пророчески показали значимость развития эргономики «Россия стоит на пороге всеобъемлющей модернизации, так как сегодня практически все требует коренного преобразования или замены. Массированное перевооружение промышленности невозможно на прежних технократических принципах и требует новой социотехнической парадигмы, составной частью которой являются научный и проектный потенциалы эргономики» [5, с. 7].

В. П. Зинченко и В. М. Мунипов отмечают, что дисциплина эргономика возникла в первую очередь для решения проблем, связанных с взаимоотношениями между людьми и машинами / оборудованием / технологиями (артефактами) которыми они управляют и с которыми взаимодействуют на рабочем месте. Однако за последние три десятилетия многие ученые пытались расширить узкие рамки дисциплины, исследуя способы оптимизации взаимоотношений между людьми, которые влияют на природную среду, и природной средой, которая, в свою очередь, влияет на человека. В данном контексте коэволюционный подход представляет собой важную парадигму, которая может значительно обогатить эргономику, раскрыв её концептуальный потенциал в контексте социально-техногенного развития мира. В. П. Зинченко и В. М. Мунипов отмечают «Несомненно одно — коэволюционный подход органичен эргономике, а потому освоение и творческое развитие его концептуального потенциала применительно к проблемам развития эргономики может иметь фундаментальное значение» [5, с. 22]. Не удивительно, что в последние годы начали разрабатываться различные коэволюционные подходы и концепции эколого-эргономического взаимодействия. Наибольшее развитие среди них получили «экоэргономика» (М. Хенсон и А. Тетчер) [11, 17] и «эргоэкология» (Г. Гарсия-Акоста) [9].

Упомянутые подходы эргоэкологического взаимодействия могут помочь объяснить гармоничные взаимоотношения между человеком и биосферой, способствуя повышению благополучия общества в условиях социотехноприродного взаимодействия. Они являются одними из наиболее инновационных направлений эргономических исследований и одними из важнейших областей сосредоточения внимания при разработке новых подходов, основанных на вовлечении

пользователей в процессы принятия решений в области устойчивости систем и разработки безопасных условия существования для человека и окружающей природной среды. Таким образом можно говорить о том, что развитие направлений и областей экспериментального эргоэкологического проектирования (эргодизайна эколого-эргономических систем) происходит в высшей степени из межпредметного социоприродного взаимодействия, оказывая положительное воздействие на особенности человеко-машинного взаимодействия в условиях естественной природной среды.

Хотя существует много точек соприкосновения между эргономикой, проектированием и устойчивым развитием, которые уже широко рассматриваются и развиваются с точки зрения теоретических и методологических исследований, эргоэкология и экоэргономика выступают новыми инновационными направлениями, объясняющим возможность междисциплинарного подхода между экологией и эргономическим проектированием. Именно в таком более широком контексте эколого-эргономического взаимодействия, в рамках данной работы, мы исследуем феномен эргономики и эргономического проектирования (эргодизайна, выходящий за пределы изучения рабочих среды, и оцениваем их влияния на окружающую природную среду как глобальную систему, в которой происходит жизнедеятельность человека.

Идеи, о социотехноприродной эволюции жизни

Социотехноприродная эволюция представляет собой новую форму развития жизни на нашей планете, которая начала активно проявляться с расцветом техногенных обществ и их последующей глобализацией (о чём неоднократно в своих трудах говорили Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачева) что привело к формированию единой глобальной техногенной цивилизации [3, 4]. Данное понятие впервые было введено в научный оборот Э. С. Демиденко в работе «Ноосферное восхождение земной жизни» сыгравшей ключевую роль в учреждении в 2002 году на базе Брянского государственного технического межпредметной научно-философской школы, деятельность которой посвящена изучению социоприродных и социотехноприродных процессов [4].

Суть социотехноприродной эволюции заключается в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии социума, техносферы и биосферы. Этот процесс охватывает широкий спектр явлений, начиная от социокультурных изменений в обществе и влияния технологического прогресса на природные экосистемы и заканчивая формированием новых этических и философских взглядов на взаимодействие человека с окружающей природной средой. Изучение социотехноприродной эволюции требует применения междисциплинарного подхода, объединяющего знания из различных областей науки и философии. Основная задача таких исследований - понять механизмы и закономерности, лежащие в основе взаимодействия между социумом, технологиями и природой, а также выявить возможные последствия таких взаимодействий для человека и окружающей среды.

Процессы интеграции «социо», «техно» и «био» стали ключевым фактором развития в XX веке, охватывая различные уголки планеты и оказывая воздействие на биосферу и все живые организмы. Отдаленные регионы, казалось бы, далекие от технологических центров, также подверглись влиянию социотехноприродной эволюции, что свидетельствует о ее всеобъемлющем и всеохватывающем воздействии. Это явление оказывает влияние на разные аспекты жизни, превращая привычные биосферные ландшафты в новые, техногенные и постбиосферные. Происходящие трансформации в биосфере подчеркивают глубинные изменения в самых основах взаимодействия человека с окружающей средой.

Первые шаги в направлении социоприродной эволюции делаются на ранних этапах развития человечества. В эпоху собирательного общества активизация человека приводит к частичным изменениям в видовом составе животного мира. Затем, с появлением земледельческого общества, процессы эволюции углубляются. Одомашнивание и окультуривание животных становятся обычными явлениями, меняется ландшафт и состав флоры и фауны. Земледелие приносит

новые методы работы с биологическим веществом, что оказывает существенное влияние на биосферу, а особенно биосферные почвы. Постепенно, вместе с развитием технологий и появлением новых форм организации общества, начинают формироваться и более сложные процессы социоприродной эволюции. Технологии, связанные с земледелием и сельским хозяйством, начинают играть ключевую роль в изменении биосферы и ее организмов. Видоизменение окружающей среды и воздействие на живой мир становятся все более заметными.

В условиях нынешней эпохи социотехноприродной эволюции мы наблюдаем рост воздействия искусственного мира, представленного машинной техникой, производственными технологиями и химическими веществами, созданными с использованием современной науки и техники. В. И. Вернадский в своих работах указывал на наступление этой фазы развития, называя ее ноосферой – сферой разума, где человеческий разум и его творческий потенциал становятся определяющими факторами [1]. Однако с учетом доминирования техносферы, замещающей биосферу, мы можем говорить о наступлении техно-ноосферного этапа, что обозначает переход к новому уровню существования, где технологии и человеческий разум формируют не только общественные структуры, но и влияют на биологические процессы.

Философское осмысление эрго-экологического взаимодействия в условиях социотехноприродной эволюции жизни

Эрго-экологическое взаимодействие, в сущности, представляет собой философский подход к взаимодействию человека с окружающей природной средой в условиях социотехноприродной эволюции жизни. Данный подход включает эргономические вмешательства, направленные на защиту человека и природы, а также создания социально-техногенных систем, которые гармонично интегрируются в окружающую природную среду. Основным принцип эрго-экологического подхода заключается в признании планеты как системы, где воздействие на одну ее часть неизбежно отражается на других [10]. Таким образом, эрго-экологическое взаимодействие направлено на создание двунаправленных взаимоотношений между человеком и природной средой через человеко-машинное взаимодействие способствуя гармоничному развитию и взаимовлиянию всех компонентов глобально социотехноприродной системы («социо», «техно», «био»).

Эргоэкологическое взаимодействие представляет собой философский подход, основанный на взаимосвязи между человеком и природой по средствам социотехнических систем, стремящийся обеспечить гармоничность и благополучие как для человека, так и для естественной природной среды. В этом контексте особо важная роль отводится биосферным ресурсам, которые являются основой поддержания жизни человека. Исходя из сказанного становится понятным, что эргоэкологическое взаимодействие способно привести к особому типу эргономического проектирования, направленного на снижение воздействия на биосферу, что позволит, с одной стороны, предотвратить новые глобальные кризисы, а с другой стороны снизить их (глобальных кризисов) негативное влияние на человеческое благополучие. Интересным примером эргоэкологического проектирования выступают метод биомимикрии основанный на вдохновении природой при создании инновационных и устойчивых систем. Данный подход играет важную роль в понимании того, как человечество может взаимодействовать с природой, черпая вдохновение и уроки из ее биологических систем.

Эколого-эргономическое взаимодействие в контексте глобальных проблем человечества

Учитывая, что сфера применения эргономики ограничивалась взаимоотношениями между людьми и оборудованием на рабочем месте, Н. Морей (1993) подчеркнул потенциал эргономики для решения глобальных проблем человечества (нехватки воды и продовольствия, неэффективного использования энергии, загрязнения окружающей среды и утилизации отходов). Более того, Н. Морей (1995) утверждал, что

роль эргономики «заключается в разработке системы поддержки образа жизни, которая выявляет поведение, необходимое для уменьшения остроты глобальных проблем» [10, с. 1701]. М. Хеландер был более конкретен и заявил, что специалисты по эргономике должны заниматься «глобальными экологическими и социальными проблемами, такими как загрязнение больших городов» [10, с. 334]. Дж. Сауп с соавторами в 2020 году, рассуждая в аналогичном ключе, отметили, что эргономика должна быть сосредоточена на экологических соображениях, которые в последние годы становятся все более важными в различных частях мира [17]. Принимая точку зрения взаимосвязи человека и природы, М. Хэнсон в 2010 году использовал термин «зеленая эргономика» чтобы сосредоточиться на том, как эргономика может помочь снизить воздействие на окружающую среду. Опираясь на работы М. Хэнсона, А. Тэтчер еще раз переосмыслил этот термин как взаимную взаимозависимость человеческих и природных систем, раздвинув традиционные границы эргономики с учетом экологических подходов (экопродуктивности и экoeffективности) [17]. Еще одним выдающимся ученым в области эргономики устойчивого развития выступает К. Ланге-Моралескотая совместно с соавторами в 2014 году предложили включить устойчивое развитие в дисциплину эргономика. Следуя Тэтчер и Йоу, эргономика устойчивого развития должна заниматься не только поддержанием человеческого развития, но и поддержание экосферы, которая поддерживает жизнедеятельность человека [19].

Таким образом, мы наблюдаем возросший интерес к вопросу эргоэкологического взаимодействия в контексте решения глобальных проблем человечества. Безусловно, все предложенные подходы являются инновационными и доказывают развитие эргономики в парадигме постнеклассической научной рациональности. Однако упущением всех представленных работ является узкое понимание естественной природной среды и отсутствие рассмотрения взаимобратного социобиосферного влияния, которое, с одной стороны, способствует трансформационным процессам биосферы, приводя к глобальным проблемам современности, а с другой стороны, оказывает негативное влияние на общество, способствуя его переходу на постбиосферный этап развития.

Многие подходы, которые формировались в последние годы в области эргономики и эргономического проектирования, имеют много общего с подходами и философией, изучающими устойчивость и неустойчивость современного мира. Растущее внимание к подходу «сверхпотребления» можно наблюдать в различных областях проектирования социотехнических систем и их элементов (от архитектурного проектирования до городского и территориального планирования).

Одной из главных особенностей эргономики является способность постоянно расширять сферы своих интересов, охватывая все новые дисциплины. При этом эргономика не исключает и не отрицает ранние междисциплинарные связи. Вместо этого она выстраивает сложные междисциплинарные подходы, способные применять в условиях появления новых вызовов в современном социально-техногенном мире. Эргономика способна охватывать вопросы экологической стабильности с использованием собственного методологического аппарата, направленного на оценку условий взаимодействия между человеком и другими элементами системы. В области проектирования эргоэкология представляет собой инновационный подход, который предоставляет необходимые знания и методологические инструменты для оценки потребностей людей не только на рабочем месте, но и в повседневной жизни. Именно поэтому эргоэкологический подход к проектированию социотехнических систем (в глобальном понимании социально-техногенных) может представлять собой отправную точку процесса проектирования, основанную на экспертных оценках человеческого фактора и его влияния на окружающую среду (как естественную, так и искусственную). Данный подход должен быть основан на структурированных методах проектирования, ориентированных на повышении гармонизации социотехноприродного взаимодействия, а также выступать инструментом оценки целесообразности и эффективности такого взаимодействия.

Что касается роли эргоэкологического проектирования в области устойчивого развития, а также во всех областях его применения, то оно основано на способности разрабатывать инновационные решения и синтезировать их в готовые социотехнические системы, которые должны способствовать осознанию необходимости трансформации общественного сознания «антропотехногенного сверхпотребителя» к общественному сознанию «социоприродного рационалиста», способного сосуществовать в гармонии с окружающей природной средой и техносферой.

Как фактически заявляют Э. Манзини и К. Веццоли «... переход к устойчивому обществу обязательно будет заключаться в социальном развитии обучения, благодаря которому, среди ошибок и противоречий – как всегда происходит в процессах обучения – человеческое общество постепенно научится жить лучше, потребляя меньше и восстанавливая качество своей среды обитания, то есть глобальных и локальных экосистем и контекстов социальной жизни, в которых приходится жить людям». Учёные отмечают что «Проектирование для людей», т.е. проектирование с учетом потребностей, ожиданий (и желаний) людей, которые вступают во взаимоотношения с окружающей средой, а также технологических и социальных систем является общей основой – как теоретической, так и практической – на которой основаны эргономика и экологичность.

Заключение

Уделяя особое внимание экологичному проектированию, эргономичный подход может внести значительный вклад в инновационные технологии способные достичь гармонизации социотехноприродного взаимодействия. Эргоэкологическая взаимодействие открывает новые горизонты для создания среды, которая не только соответствует потребностям человека в комфорте и эффективности, но и способствует устойчивому развитию и гармоничному сосуществованию с окружающей природной средой. Такой симбиоз научных подходов обещает воплотить в жизнь инновационные решения и создать мир, где технические системы служат человеку, а не наоборот, способствуя прогрессу и благополучию всего человечества и биосферы.

Расширение подходов к эргономике Г. Гарсия-Акоста, А. Титером и др. позволили нам взглянуть на данную научную дисциплину с позиции эколога-эргонимической междисциплинарности. Данные новаторские подходы демонстрируют возможность участия эргономики не только в решении задач человеко-машинного взаимодействия. Они показывают возможность участия эргономики в проектировании сложных систем, направленных на снижение негативного воздействия как на человека, так и на окружающую природную среду. Однако авторы недостаточно полно охватывают в своих работах окружающую природную среду. Мы считаем, что расширение подходов к эргонимическому проектированию должно учитывать влияние проектируемых систем и их элементов на биосферу в целом. Именно такой подход позволит нам полноценно рассматривать социотехноприродную систему как расширенный вариант эргонимической системы «человек-техника-среда»

Пристатейный библиографический список

1. Вернадский В. И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.
2. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие // Экологическая энциклопедия: Т. 6. М.: ООО «Издательство «энциклопедия», 2013. 656 с.
3. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Философия социально- техногенного развития мира: статьи, понятия, термины: научное издание. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: БГТУ, 2011. 388 с.;
4. Дергачева Е.А. Техногенное общество, особенности его становления и развития // Аспирантский вестник Поволжья. 2008. № 1-2. С. 13-18.

5. Кузьменко А. А. Концептуальные основы устойчивого и неустойчивого развития жизни на земле в условиях социально-техногенного развития мира // Глобалистика-2020: глобальные проблемы и будущее человечества. Электронный сборник тезисов участников VI Международного научного конгресса. 2020. С. 632.
6. Кузьменко А. А. Социально-философское осмысление значимости применения принципов эргонимического проектирования при изготовлении каменных орудий труда в период собирательного общества // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12 (185). С. 539-342
7. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М.: Иностранная литература, 1959. 432 с.
8. Garcí a-Acosta, G., P. A. Romero, and M. H. Saravia. 1999. «Me'todo de ana'lisis ergoecolo'gico [Ergoecological analysis method].» In V Congreso Latinoamericano de ergonomí a ABERGO. Salvador Bahia: ABERGO
9. Hanson M. (2010). Green ergonomics: embracing the challenges of climate change // The Ergonomist, 480, 12-13.
10. Helander, Martin & Hendrick, Hal & Moray, Neville & Noy, Ian & Wickens, Christopher. (1996). Global Planning for Ergonomics and Human Factors // Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting. 40. 533-535.
11. Lange-Morales, K., Thatcher, A., & García-Acosta, G. (2014). Towards a sustainable world through human factors and ergonomics: it is all about values // Ergonomics, 57 (11), 1603-1615.
12. Manzini E., Vezzoli C. Lo sviluppo di prodotti sostenibili, Maggioli, Rimini 1998, 2004
13. Moray N. (1995). Ergonomics and the global problems of the twenty-first century // Ergonomics, 38(8), 1691-1707.
14. Moray Neville. (1998). Identifying mental models of complex human-machine systems // International Journal of Industrial Ergonomics - INT J IND ERGONOMIC. 22. 294.
15. Nickerson R. S. (1992). What does human factors research have to do with environmental management? // Proceedings of the 36th Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting October, 1992. Pp. 636-639.
16. Richardson M., Thatcher A. (2023). State of science: refitting the human to nature // Ergonomics. 1-15.
17. Sauppe JP, Palaniyappan S, Tobias BJ, Kline JL, Flippo KA, Landen OL, Shvarts D, Batha SH, Bradley PA, Loomis EN, Vazirani NN, Kawaguchi CF, Kot L, Schmidt DW, Day TH, Zylstra AB, Malka E. Demonstration of Scale-Invariant Rayleigh-Taylor Instability Growth in Laser-Driven Cylindrical Implosion Experiments. Phys Rev Lett. 2020 May 8; 124 (18): 185003. doi: 10.1103/PhysRevLett.124.185003. PMID: 32441981.
18. Thatcher, A. (2013). Green ergonomics: definition and scope. Ergonomics, 56 (3), 389-398
19. Thatcher, A., & Yeow, P.H. (2016). Human factors for a sustainable future // Applied Ergonomics, 57, 1-7.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-536-538

МАГАРРАМОВ Магаррам Джабраилович

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН), Махачкала, Россия

КАРАЕВ Исрафил Ибадуллахович

соискатель учёной степени кандидата социологических наук

ПОДДЕРЖАНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛЮДЕЙ НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ – ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

С учётом исторических реалий постсоветской России предпринята попытка социологического анализа феномена воспроизводства людей, опираясь на посылку о ценности и значимости традиционного института российской семьи.

В исследовании предложены рекомендации для обновления и совершенствования экономического уклада людей, их образа жизни, как объективных факторов обеспечения роста народонаселения, а также субъективных условий – двуединое, амбивалентное, консонантное воспитание подрастающего поколения усилиями семьи, институтов образования и воспитания в направлении обеспечения безопасности российского общества и государства.

Ключевые слова: народонаселение, семья, традиционная семья, функции семьи, гендерная политика, образ жизни, сознание, заражение, внушение, подражание, нравственное и правовое воспитание, роль родителей и педагогов в образовании и воспитании молодежи, безопасность общества, государства и др.

MAGARRAMOV Magarram Dzhabrailovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, leading researcher of the Regional Center for Ethnopolitical Studies (CEI) of the Dagestan Federal Research Institute Center (FIC) of the Russian Academy of Sciences (RAS), Makhachkala

KARAEV Israfil Ibadullakhovich

competitor for the academic degree of Ph.D. in sociological science

MAINTAINING THE REPRODUCTION OF PEOPLE BASED ON TRADITIONAL FAMILY VALUES IS THE BASIS FOR THE SECURITY OF RUSSIAN SOCIETY AND THE STATE

Taking into account the historical realities of post-Soviet Russia, an attempt was made to sociologically analyze the phenomenon of human reproduction, based on the premise of the value and significance of the traditional institution of the Russian family.

The study offers recommendations for updating and improving the economic structure of people, their way of life, as objective factors for ensuring population growth, as well as subjective conditions - dual, ambivalent, consonant education of the younger generation through the efforts of the family, educational institutions and upbringing in the direction of ensuring the security of Russian society and states.

Keywords: population, family, traditional family, family functions, gender policy, lifestyle, consciousness, infection, suggestion, imitation, moral and legal education, the role of parents and teachers in the education and upbringing of youth, security of society, state, etc.

Начнем с того, что общество представляет собой совокупность индивидов с их связями и деятельностью, обусловленной этими связями. А государство на всех этапах развития общества есть организация, созданная им для поддержания установленного публичного порядка и реализации норм права, как конкретных форм воплощения морали. В этой связи следует согласиться с тезисом, что и общество, и государство являются аксиологическими факторами, нуждающимися в поддержке теми людьми, которые живут в них, осуществляют свою сознательную деятельность, получают необходимые блага, посредством которых они воспроизводят других членов общества и, таким образом, сосуществуют между собой на основе личной свободы. Картина вырисовывается не плохая, если воспроизводство людей понимать в таком разумном, сознательном ключе. Но если его рассматривать как стихийный процесс, то и до крупной беды недалеко, поскольку вначале постсоветского периода развития российского общества и государства, демографические процессы и конкретное их проявление в форме воспроизводства человека, показали хрупкость и неповоротливость ситуации, приведшей до относительно недавнего периода исторического времени к ежегодному снижению численности населения страны. В этой связи актуальность опредмеченной проблемы обусловлена необходимостью выявить детерминанты, меша-

ющие процессу воспроизводства людей в условиях постсоветской России.

Следует отметить, что обозначенная проблема в указанной постановке не ставилась и не получила своего разрешения в трудах отечественных философов, социологов и политологов. И этим также обусловлена её актуальность, востребованность демографическими реалиями современного российского общества в контексте обеспечения безопасности российского общества и государства.

Предмет исследования связан с общественными отношениями, складывающимися в современном российском обществе по поводу воспроизводства людей, как объективного фактора и субъективных условий, ориентированных на увеличение численности населения, как существенных детерминант, обуславливающих безопасность российского общества и государства.

В качестве методологической матрицы нами использовались диалектические принципы и подходы, законы диалектической и формальной логики, формы правильного мышления, эмпирический инструментарий в консонантном единстве с теоретическими обобщениями и выводами.

Следует отметить, что начало демографического спада в нашей стране относят к так называемым лихим 90-м годам прошлого столетия. А основные причины такого состояния дел были связаны с экономическими, рыночными и при-

ватизационными изменениями, которые проводились либеральными реформаторами из команды бывшего и ныне покойного Президента РФ Б. Н. Ельцина. Как логический и неизбежный результат этих реформ – массовое обнищание народонаселения страны. Почти 40 миллионов россиян оказались за чертой бедности, люди годами не получали заработные платы, пенсии, пособия, компенсационные выплаты и иные законами установленные платежи, резко снизился % возводимого и сдаваемого в эксплуатацию жилья, что, несомненно, негативно отразилось на социальном самочувствии сограждан. Снизилось число заключаемых браков и случаев регистрации рождения детей. А пятьсот тысяч из них оказались социальными сиротами при живых родителях. Стоятельные иностранные граждане под видом усыновления (удочерения) начали массово увозить малолетних сограждан за границу. Это правда. Вот примерное, неполное содержание той демографической картины, которая сложилась в указанный период времени. Оставить эту ситуацию в таком виде было просто недопустимо.

Ситуация принципиально и позитивно начала меняться в конце 90-х годов прошлого столетия с приходом к власти вначале в качестве Председателя Правительства РФ, а затем – Президента РФ В. В. Путина. Образно выражаясь, если девизом команды Б. Н. Ельцина был послыл: «Пора сбрасывать камни!», то лозунгом и руководством к действию для команды В. В. Путина стал лейтмотив: «Пора собирать камни!» И, в самом деле, В. В. Путин покончил с господством в политической системе страны финансовой олигархии – «Семибанкирщины» или иначе ещё их называли «Семибоярщиной». Геополитическая ситуация, связанная с ростом центробежных сил в регионах, также была успешно разрешена. Россия фактически была спасена от очередного развала. Для усиления вертикали власти и ликвидации сепаратистских тенденций в регионах, руководителем государства было изменено административно-территориальное деление, с вкраплением в него системы из семи федеральных округов. Конституции (Уставы) субъектов Российской Федерации было велено привести в соответствии с Конституцией РФ. Что в дальнейшем и было сделано. В качестве самостоятельного и относительно независимого был создан Следственный комитет РФ, который ранее был в ведении Прокуратуры РФ. Был принят кодекс Административного судопроизводства РФ, ликвидирован ВАС (Высший арбитражный суд РФ) с образованием в рамках Верховного суда РФ нового органа – судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, в компетенцию которого включили рассмотрение и разрешение арбитражных дел, которые ранее рассматривались ВАС РФ. В субъектах РФ были созданы органы конституционной юстиции – Конституционные (Уставные) суды субъектов РФ. Субъекты РФ должности Президентов республик в составе РФ стали именовать Главами Республик в составе РФ. Были приняты нормативно-правовые акты, направленные на практическую защиту института семьи, материнства и детства. Увеличены величины получаемых детских пособий, материнского капитала. Снижен банковский процент для ипотечного кредитования молодых семей исходя из соответствующего количества детей. Организовано бесплатное детское питание в начальной школе, все время расширяется сеть ДОО (детских образовательных учреждений), реконструируются старые и возводятся новые школы и др. Эти меры, в своей совокупности, способствуют увеличению деторождаемости, усилению государственного и муниципального патронажа над малолетними и несовершеннолетними детьми, семьями, в рамках которых они получают воспитание и образование. Все это, в конечном итоге, минимизирует степень опасности демографических проблем в стране; воспроизводство населения стало не декларативной, а реальной задачей для институтов власти и

общества, что, в конечном итоге, способствует обеспечению безопасности российского общества и государства.

Экономическая ситуация стала улучшаться. Согласно официальным данным за 2023 год, рост экономики России, её валового внутреннего продукта за указанный период, составил 3,5 %. В то же самое время, например, в Германии и Франции, как наиболее развитых странах Запада, зафиксировано снижение ВВП на 0,5 %. Наша страна вошла в пятёрку развитых стран современного мира, что было констатировано главой нашего государства в конце 2023 года. В том числе учитывая этот прирост экономики, высшей политической властью в стране было принято решение считать 2024 год годом семьи. То есть, все вышеперечисленные меры по патронажу над институтом семьи, проведённые ранее, будут осуществляться и далее, увеличивая экономическую и социальную поддержку семьи, материнства и детства, что, непременно, является одним из главных составляющих процесса воспроизводства народонаселения в нашей стране.

Другой срез общественного бытия, влияющий на процесс воспроизводства народонаселения, связан с образом жизни людей. Скажем сразу и прямо – для российского общества и государства является неприемлемым западная гендерная политика и вытекающий из неё западный образ жизни в проекции отрицания ценности института семьи, материнства и детства. Поскольку там, на Западе, уже практикой жизни является родитель 1 и родитель 2, смена полов, гей-парады, трансвеститство и вся прочая нечисть, которые в своей совокупности разрушают традиционные представления о семье, родителях и детях, семейном воспитании, приличиях во взаимоотношениях между полами и иные нравственные начала, обрамляющие образ жизни людей.

Именно традиционная мораль, веками устоявшиеся нравственные начала, семейные ценности являются теми основными аксиологическими началами, фундаментом, на котором стоит современное славянофильство, духовные архетипы, генерируемые русской православной церковью, исламом, буддизмом, иудаизмом, а также идеологией современного российского образования и воспитания. Одним словом, российская духовная самость является имманентной основой современного образа жизни россиян, основанная на веками формирующейся духовной культуре сосуществования и воспроизводства людей посредством института семьи, традиционного брака и семейно-брачных отношений, регулируемых современным российским семейным законодательством.

Семья в силу одной из компонент общественного бытия выполняет целый ряд функций, сознательный учёт которых в своей практической деятельности работниками институтов воспитания и образования позволит им сознательно управлять общественными процессами – экономическими, социальными, духовно-нравственными, идеологическими, правовыми и некоторыми другими.

В качестве одной из важных функций, выполняемых традиционной российской семьёй следует отметить *аксиологическую*. Вышеупомянутая модель управления обществом и государством есть не что иное, как ретрансляция традиционных семейных ценностей на носителей обыденного уровня общественного сознания, используя силу соответствующих идеологического и научного уровней общественного сознания.

Целью же такой работы является вкрапление соответствующих семейных ценностей в индивидуальное сознание учащихся, студенчества и других представителей молодёжи, которые в своей совокупности образуют ту среду, в рамках которой должна происходить позитивная традиционная семейная социализация подрастающего поколения сограждан. Проще говоря, традиционные семейные ценности, [2] с одной стороны, обретаются молодёжью в самой семье, семейной атмосфере, взаимоотношениях родителей между

собой, родителей и детей, семейных представителей с другими семьями. С другой – они ежедневно вкрапливаются в сознание подрастающего поколения праксиологической ролью, выполняемой учителями, преподавателями и педагогами-наставниками в рамках дошкольных образовательных, общеобразовательных, средне-специальных и высших учебных заведений. Это преобразовательная роль будет весомее и результативнее, когда властно-политические институты общества и государства будут целенаправленно поддерживать основные субъекты, осуществляющие образовательный и воспитательный процесс – педагогов. Речь идёт о необходимости в дальнейшем повышать уровень их заработной платы, ведь они не могут учить детей и параллельно заниматься бизнесом. Необходимо для них строить служебное жильё и только в таких условиях социальное самочувствие указанной категории сограждан станет лучше и результативность их труда весьма позитивной. Именно с этим тесно связан процесс закрепления основных начал чисто российского образа жизни, изжития негативного влияния западных антисемейных веяний, возрастания роли традиционной семьи и позитивного воспроизводства людей. То есть триединство: а) традиционного образа жизни людей в рамках семьи; б) семейного и институционального образования и воспитания; в) материальная поддержка семьи и педагогов, начиная с ДОУ до уровня ВУЗов – вот те ценности, условия, при которых возможно цивилизованное и результативное воспроизводство людей – необходимые и существенные условия обеспечения безопасности общества и государства.

Компенсаторная функция семьи проявляется через совместную жизнь членов семьи в её рамках – родителей и детей, в период их детства, отрочества и юности. Это веками проверенный, гармоничный, жизнеутверждающий, генерирующий традиционные семейные ценности образ жизни в условиях нашей страны находит всенародную поддержку, на это его ориентирует легитимная действующая политическая власть, которая является незыблемым фундаментом воспроизводства человека и гражданина, гарантом обеспечения безопасности российского общества и государства.

Праксиологическая (преобразовательная) функция, выполняемая традиционной семьёй, выражается через психологические механизмы *заражения, внушения и подражания*, протекающие в её рамках. Ведь каждый ребёнок в период своего роста и развития *заражается* поведением своих родителей, их поступки и поведение становятся составной частью его психики и сознания и, потом проявляется непосредственно в поведении.

Внушение же – это процесс, сопровождающий взаимоотношения родителей и детей на протяжении всей их сознательной жизни. При этом внушение выступает одним из инструментов управления родителями сознанием своих детей в направлении совершения ими позитивных, жизнеутверждающих, нравственных, правомерных и общественно приемлемых поступков.

В то же самое время, ребёнок в процессе роста часто стремится почти во всём *подражать* своим родителям, ретранслируя их поступки посредством своих поведенческих актов. Поэтому крайне важно позитивное поведение родителей в рамках семьи, поскольку это оказывает огромное влияние на формирование психики и сознания детей, является той доминантой, которая впоследствии предопределяет сущность и существование полноценного гражданина с позитивным уровнем общей, нравственной и правовой культурой.

Институциональная функция традиционной семьи проистекает из её официального статуса в российском государстве, закреплённого в Конституции РФ, Семейном праве России и, непосредственно, в Семейном кодексе РФ. Согласно указанному статусу семья, материнство и детство находятся под защитой государства. Государство вместе с обществом создаёт необходимые и достаточные условия для гармонич-

ного развития института семьи, материнства и детства. О конкретных шагах государства в этом направлении мы говорили немного ранее в начале этого исследования.

Подытоживая сказанное в рамках этого исследования, следует подчеркнуть, что магистральная линия российского государства на всемерную поддержку традиционного института семьи является жизнеутверждающей, оправданной и проверенной многовековым развитием отечественной истории. Поскольку именно в рамках традиционной семьи возможен динамичный рост народонаселения при условии эффективного развития экономики страны, её хозяйственного механизма, цивилизованного образа жизни людей ради «обеспечения безопасности отечественного общества и государства» [1].

Сознательный учёт властно-политическими институтами важности социального патронажа над традиционной семьёй, учреждениями образования и воспитания – вот те основные детерминанты объективного характера, в своей сути могущие предопределить рост народонаселения в стране, числа граждан с позитивной социализацией, высоким уровнем общей, нравственной, политической и правовой культурой. Именно это тот олимп, на достижение которого сегодня ориентированы усилия указанных институтов и учреждений. Их представителями в повседневной жизни должны учитываться положения о функциях, выполняемых в условиях России традиционной семьёй, включая механизмы заражения, внушения и подражания. Все это в своей совокупности – субъективные детерминанты, которые в купе с объективными, составляют внутреннюю сущность, квинтэссенцию разрешения проблемы роста народонаселения нашей страны с общественно приемлемой позитивной социализацией личности, как надёжные гаранты обеспечения безопасности российского общества и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Абакаров Р. И., Адиев А. З., Джабраилов Ю. Д., Казиев Н. Э., Магомедова М. З., Мусаева А. М. // Этнополитические и конфессиональные процессы на Северном Кавказе в контексте развития общероссийской социокультурной идентичности. – Махачкала, 2021.
2. Магомедова М. З. Диверсификация идентичности в северокавказском социуме: религиозный и этнический уровни. – Махачкала, 2022.

МЕЛЬНИКОВ Владимир Леонидович

кандидат культурологии, докторант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; генеральный директор Санкт-Петербургского центра культурных и научных проектов «АРС»

РУССКАЯ КРИТИКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О ТЕМЕ ВОСТОКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. К. РЕРИХА

Российское искусствоведение уделяет значительное внимание теме Востока в живописи художника-мыслителя Николая Константиновича Рериха. Цель исследования – раскрыть специфику ориентализма в художественных произведениях Н. К. Рериха на материале русской критики конца XIX – начала XX века. В статье описаны критические высказывания о древне-киевском былинном эпосе Н. К. Рериха, воплощённом в эскизе фрески с восточным характером «Как перевелись богатыри на Руси» (1896), в списках наследия художника-мыслителя известного под названием «Вечер богатырства Киевского». Раскрыта критика его полотен, посвящённых языческой древности и передающих восточный характер композиционных приёмов: «Поход Владимира на Корсунь» (1900), представляющее красочную славянскую Русь, и «Заморские гости» (1901–1902), связывающее его содержание с народным искусством. Выделена критическая оценка первозданности северной природы в работе «Древняя жизнь» (1904), отражающей стилистику Востока. Критически проанализирована «индийская» сказка «Девассари Абунту» (1905), в которой Н. К. Рерих по-своему интерпретировал образы Аджанты, взятые с подлинных памятников. Охарактеризованы критические отзывы на восточные мотивы, пронизывающие его сюжеты из славянской и библейской мифологии: картину «Змиевна», в которой отражается конфликт восточных и западных влияний; монументальное живописное полотно «Половецкий стан» (1909), вскрывающее тему восточных кочевников и воплощающее особый колорит Востока. Представлено критическое обсуждение произведений, характеризующих начало паломничества художника-мыслителя на Восток: картины, известной под названием «Кавказ. Ковчег гора. (Гроб гора)» (1913), полотна «Мудрость Ману» (1916). Выявлено, как в художественных произведениях Н. К. Рериха, ориентирующихся на Восток, отражены темы добротворчества, обусловленные «русскостью», и Учителя, представляемой как священное и жизненно конкретное. Так русская художественная критика конца XIX – начала XX века чутко отразила развитие художественного пути художника-мыслителя в сторону Востока.

Ключевые слова: художник-мыслитель, живопись, ориентализм, былинный эпос, языческая древность, природа, «индийская» сказка, мифология, паломничество, добротворчество, Учитель.

MELNIKOV Vladimir Leonidovich

Ph.D. in culture studies, doctoral researcher of the Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University; managing director of Saint Petersburg Centre of Cultural and Scientific Projects "ARS"

RUSSIAN CRITICS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY ABOUT ORIENTALISM IN N. K. ROERICH'S ARTISTIC CREATIVITY

Russian art criticism pays considerable attention to orientalism in the art-thinker Nicholas Roerich's painting. The research aims to specify orientalism in N. K. Roerich's artwork, based on Russian critics of the late XIX – early XX century. The article describes critical views of N. K. Roerich's old Kiev epic tales embodied in the east-oriented fresco sketch «How epic heroes disappeared in old Russia» (1896) titled as «Evening of old Kiev epic heroes» in the lists of the artist-thinker's heritage. There is revealed the critics of his paintings devoted to pagan antiquities and conveying the oriental character of his compositional techniques: «Prince Vladimir's Korsun campaign» (1900) depicting the bright Slavic Russia, and «Foreign guests» (1901–1902) tying its content with folk art. The article highlights the critical appraisal of the northern nature wildness in the work «Ancient life» (1904) reflecting oriental stylistics. The author critically analyses the «Indian» fairytale «Devassari Abuntu» (1905) where N. K. Roerich individually interpreted the image of Buddhist caves in Adjanta found on authentic monuments. There are characterised critical reviews of oriental motives permeating his Slavic and biblical subjects: the picture «Zmieвна» reflecting the conflict of eastern and western influences; the monumental painting «Polovtsian camp» (1909) disclosing the theme of eastern nomads and embodying the specific flavor of the East. The article presents a critical discussion of the artwork depicting the beginning of the artist-thinker's pilgrimage to the East: the painting known as «Caucases. Ark mountain. (Coffin mountain)» (1913), the painting «Manu's wisdom» (1916). N. K. Roerich's east-oriented artwork is known to reflect the themes of bonifying as a result of the Russian-oriented culture, and Master regarded as something holy and down-to-earth. This way the Russian art criticism of the late XIX – early XX century precisely reflected the development of the artist-thinker's east-oriented path.

Keywords: artist-thinker, painting, orientalism, epic tales, pagan antiquity, nature, «Indian» fairytale, mythology, pilgrimage, bonifying, Master.

Введение

Российское искусствоведение в послереволюционный период уделяло и по сей день уделяет значительное внимание теме Востока в живописи художника-мыслителя Николая Константиновича Рериха (1874–1947). Этому посвящены как отдельные сборники (например, «Н. К. Рерих: Жизнь и творчество» [15], «Держава Рериха» [4]), так и труды и выступления А. Д. Алёхина, П. Ф. Беликова, М. В. Давыдовой, Г. Н. Зяятуева, В. П. Князевой, Л. В. Короткиной, П. И. Крылова, Е. П. Маточкина, В. Л. Мельникова, Е. И. Поляковой, С. С. Савоскула, В. М. Сидо-

рова, Б. А. Смирнова-Русецкого, А. П. Соболева, С. И. Тюляева, Л. С. Уразбековой, Л. Р. Цесюлевича, Л. В. Шапошниковой, К. Ф. Юона, Е. П. Яковлевой и др. Н. К. Рерих с ранних лет внимательно следил за исследовательской работой отечественных востоковедов и был со многими из них близко знаком. Как точно заметил крупнейший рериховед XX века Павел Фёдорович Беликов (1911–1982), его симпатии неизменно склонялись к тем новым для Запада научным концепциям, которые утверждали наличие высокой культуры народов Востока и шли вразрез с европоцентристскими теориями прогресса.

Стоит отметить тот факт, что и многие русские собраты по искусству, современные ему художники самых разных направлений и стилей, заостряли своё внимание на ориентализме Н. К. Рериха. Когда известный русский художник Александр Яковлевич Головин (1863–1930) писал «Портрет Николая Рериха» (1907), он говорил: «В глазах пусть будет что-то монгольское, азиатское» [20, с. 123], словно предчувствуя углубляющееся погружение Рериха в необъятный мир Востока. Е. С. Кулакова, автор исследования «Образ Н. К. Рериха в отечественном изобразительном искусстве XX века», отмечает: «Реалистичный портрет Рериха работы А. Я. Головина (1907) носит камерный характер» [17, с. 16]. Действительно, в личности Рериха удивительным образом сочеталось очень личное, подмеченное Головиным, и вселенско-космическое, ассоциируемое самим Рерихом с понятием Беспредельности, что попытался отобразить на «Портрете профессора Н. К. Рериха» (1929) художник из совершенно другого «эстетического лагеря» Давид Давидович Бурлюк (1882–1967).

Именно таким в отзывах русских критиков, в воспоминаниях близких и на портретах русских художников предстаёт перед нами Н. К. Рерих. С первых шагов в искусстве Н. К. Рерих осознал «инвариантность» всего лучшего в культурах Запада и Востока, выразив это осознание в краткой художественной формуле: «Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают» [21, с. 121]. Рерих был убеждён: «Мы можем разрешить бесчисленные проблемы современных смутений лишь осознанием Прекрасного и Высшего. Лишь прекрасный Мост будет достаточно прочен для перехода от берега тьмы на сторону Света» [19, с. 185]. Таким прочным Мостом между Западом и Востоком остаётся для всех людей наследие Н. К. Рериха и его семьи.

Осознание того, как деятели культуры воспринимают тему Востока в художественном творчестве Н. К. Рериха, привело к следующей формулировке *цели исследования*, а именно: раскрыть специфику ориентализма в художественных произведениях Н. К. Рериха на материале русской критики конца XIX – начала XX века. К *задачам исследования* отнесены следующие: описать критические высказывания о древне-киевском былинном эпосе Н. К. Рериха; раскрыть критику его полотен, посвящённых языческим древностям; выделить критическую оценку первозданности северной природы у художника-мыслителя; критически проанализировать «индийскую» сказку Н. К. Рериха; охарактеризовать критические отзывы на его сюжеты из славянской и библейской мифологии; представить критическое обсуждение произведений, характеризующих начало паломничества художника-мыслителя на Восток; выявить, как отражены темы добротворчества и Учителя в художественных произведениях Н. К. Рериха, ориентирующихся на Восток. *Новизна исследования* заключается в историческом представлении критики русскими авторами на художественные произведения Н. К. Рериха.

Древне-киевский былинный эпос

В связи с темой Востока в художественном творчестве Н. К. Рериха первым в отечественной печати появилось сообщение об эскизе фрески «Как перевелись богатыри на Руси» (1896). В списках его художественного наследия это произведение, представляющее собой знаменательный момент, заключающий древне-киевский былинный эпос, целую богатырскую эпоху, фигурирует под названием «Вечер богатырства Киевского». Фигура матёрого богатыря, который чувствует упадок сил и приближающуюся смерть, выходит на эскизе на первый план. Особый характер и настроение создаёт багровая заря, на фоне которой зритель видит воронов и коней.

Неизвестный критик описал историю о том, как богатыри Владимирового периода дожили до первого нашествия Чингисхана в 1223 году. До татар они имели дело с половцами и другими беспокойными, но сравнительно слабыми народами, и постоянные победы над этими врагами должны были вселить в них самоуверенность, дошедшую до самообольщения: «И первые полчища новой и неведомой силы, накатившейся с Востока, наши богатыри не могли не встретить с тою же самонадеянностью, ...» [3]. Критик зафиксиро-

вал важный момент в художественном развитии Н. К. Рериха – признание непреложной мощи Востока. Полотно имеет яркий «восточный» характер, хотя и не передаёт конкретных образов Востока.

Языческие древности

Следующим отметим наблюдение русского писателя Николая Александровича Лейкина (1841–1906) в отношении двух масштабных полотен: «Поход Владимира на Корсунь» (1900) и «Заморские гости» (1901–1902), посвящённых языческой древности: «что это за живопись. ... Византийщина какая-то. ... что-то восточное... ... подражание ... нашим старинным раскрашенным лубочным картинам» [10, с. 2]. Здесь подмечены и восточный характер отдельных приёмов художника в композиции, и родственность средневековому русскому лубку, и византийское величие красок.

Название «Поход Владимира на Корсунь» отмечено в ранних прижизненных каталогах; в более поздних изданиях Государственной Третьяковской галереи к нему добавляется второе название: «Красные паруса». Известный искусствовед Валентина Павловна Князева (1926–2004) писала о том, что художник представлял себе славянскую Русь необычайно красочной, «берендеевской» и мечтал со временем показать её такой на своих полотнах. Уже в более раннем произведении была сделана первая робкая попытка подобного решения [7; 8]. В исследованиях А. М. Лукашова отмечено, что данная картина получила одобрение Фернана Кармона (1845–1924), парижскую мастерскую которого Н. К. Рерих посетил в 1900–1901 годах [11; 12].

Художественное решение картины «Заморские гости» связано с народным искусством, что очевидно по надписи «народная картинка», добавленной к названию. Восприятие художником-мыслителем древней жизни подкрепляется точностью и ясностью сочетания цветовой палитры. Динамический сюжет полотна являет величественное и одновременно полное превратностей движение на Восток, а также торжественный и сосредоточенный молитвенный призыв к «Неведомому Богу». В 1901–1910 годах художник написал несколько авторских вариантов (повторений) «Заморских гостей», находящихся в разных музеях и галереях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее (Москва) и Национальном художественном музее Республики Беларусь (Минск). Карандашный набросок композиции картины хранится в собрании Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Первозданность северной природы

Следующее произведение, на которое мы взглянем через зеркало критики начала XX века, – это «Древняя жизнь» (1904). У некоторых зрителей при созерцании этой композиции возникали ассоциации с японским эстампом [6]. Произведение было выполнено в трёх вариантах, первый из которых принадлежал князю С. А. Щербатову; другой, выполненный пастелью на бумаге, находился в собрании В. П. Шнейдер (ныне в московском частном собрании); третий, называемый А. П. Ивановым (1915) «эскиз» [5], первоначально принадлежал близкому родственнику жены художника С. С. Митусову, затем поступил в Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева в 1975 году из коллекции М. Ф. Глазунова (Ленинград).

По мнению искусствоведа Т. Е. Савицкой, в этом произведении акцентирована первозданность северной природы, а стаффажная фигурка древнего охотника, высматривающего на водном просторе утлый чёлн, ничего существенного не добавляет к общему настроению, рождённому именно звучанием пейзажного мотива [23]. Иначе воспринимали «Древнюю жизнь» современники Н. К. Рериха. Обозреватель «Русских ведомостей» писал о том, что картина «стремится воссоздать ту эпоху, когда люди жили в свайных постройках на озёрах; ... колорит пасмурный, хмурый, серый» [14, с. 3]. Ему вторил известный русский писатель, литературный и театральный критик Сергей Викторович Яблоновский (настоящая фамилия Потресов; 1870–1953): «Если верить г. Рериху, то в древности вся природа ... имели совсем не тот характер и тон, какие имеют теперь; теперь такие тоны вы встретите только на

рисунках, которые ткуются на коврах, и картина действительно напоминает собою превосходный ковёр» [28, с. 2]. Здесь удачная ассоциация с ковром – прямое отнесение к стилистике Востока, который подарил миру само это понятие.

«Индийская» сказка

В московском журнале «Весы» была издана «индийская» сказка «Девассари Абунту» [18], которую Н. К. Рерих сопроводил двумя цветными иллюстрациями, выполненные темперой: «Девассари с птицами» (1905) и «Девассари превращается в камень» (1905). Эти произведения, вдохновлённые росписями пещерных храмов индийской Аджанты, вызвали целый ряд противоречивых откликов со стороны художественных критиков.

Н. К. Рерих, работая над иллюстрациями к «Девассари Абунту», обращался к исследованиям антрополога и этнографа Кароя Уйфалви (1842–1904) [2], который подробно описал подземные храмы в Аджанте. По мнению доктор искусствоведения Е. П. Яковлевой, уже в начале века художник хорошо изучил, и, как следствие, по-своему интерпретировал образы Аджанты [29]. Знакомство с последней, считает Е. П. Яковлева, могло состояться благодаря трудам английского востоковеда Томаса Ватгера (1840–1901) [30]. Другим источником прообраза Девассари Абунту, был древне-индусский рисунок в одной из индийских пещер. На это указывал Н. К. Рерих в письме в редакцию газеты «Русь» от 13 декабря 1906 года: «известны знаменитые фрески индусских храмов, деталь которых ... и дала мне фигуру и сказку о Девассари» [Рерих 1906, с. 4]. Пластическое сходство рериховских иллюстраций к «Девассари Абунту» с фресками из пещеры Аджанты свидетельствует не только о широких познаниях автора в древнем искусстве Индии уже в «русский» период его жизни, но, и это главное, о «духовной» составляющей его искусства, всё больше тяготеющему к восточным сюжетам.

М. Ф. Ходасевич недоумевал: «Рерих ... взял тип древне-индусской женщины из подлинного памятника. ... срисована с индусской фрески ... Я бы сказал ... “сведена”, ... Но ... лицо ... обезображено. ... каждый, ... увидит, что прекрасный, ... “тип” лица индусской женщины “источника” ... варварски искажён, омонголен “создателем”» [Ходасевич 1906, с. 59–60]. На это отвечал один из авторов журнала «Весы», писавший под псевдонимом «Скорпион»: «Откуда же ... он почерпнёт дух того времени, как ни из изучения подлинных памятников?» [24, с. 79]. Тем не менее зафиксирован и положительный отзыв: в 1918 году известный искусствовед Сергей Ростиславович Эрнст (1894–1980) назвал темперу «Девассари с птицами» «нежнейшей» [13].

Сюжеты из славянской и библейской мифологии

Во многих рериховских картинах на сюжеты из славянской и библейской мифологии русские критики часто определяли восточные мотивы. Например, художник и художественный критик Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) передавал свои впечатления от картины «Змиевна» (1906), являющейся авторским прочтением сюжета из древней «Голубиной книги» о Егории, Царевне и Змие. Сравнивая двух титанов русской художественной культуры М. В. Нестерова и Н. К. Рериха критик так описывает конфликт восточных и западных влияний в творчестве последнего: «Первый славянин попал под неотразимое влияние стародревнего народа и его культа, и был момент, когда все понятия спутались, ... Но чем ближе к нам и ниже к югу, ... тем он роднее Византии и Персии: сказки наполняются прихотливым восточным узором, в них чудятся грёзы Ирана и Индии» [26, с. 39–44].

С 1908 года в творчестве Н. К. Рериха с новой силой проявилась тема восточных кочевников. В 1909–1915 годах он создал серию театральных декораций и костюмов для постановки оперы А. П. Бородин «Князь Игорь» в четырёх действиях (пяти картинах) в антрепризе С. П. Дягилева, премьеры которой состоялась 19 мая 1909 года в парижском театре Шатле [29]. Либретто написано А. П. Бородиным на материале русской эпической поэмы XII века «Слово о полку Игореве»; сценическое воплощение получило второе действие – «По-

ловецкие пляски». Современников поражало оформление этой хореографической сцены из одного монументального живописного полотна на основе эскиза Н. К. Рериха «Половецкий стан» (1909). Напряжённо-экстатический и суровый ритм танцев половцев сливался с эпической монументальной живописью Н. К. Рериха, таящей в себе скрытую силу и первозданную мощь. «Половецкие пляски» стали одной из самых целостных постановок русского балета, где музыка, живопись, танец находились в идеальном согласии.

По сообщению Софии Багдасаровой, декорация стала значительно потрёпанной после многолетнего использования, в том числе в турне [1]. Сейчас это гигантское полотно находится в процессе сложнейшей реставрации по специально разработанной для него методике и на особо сложном инженерном оборудовании. В дальнейшем этот единственный в своём роде «Половецкий стан» станет центральным артефактом Дягилевского центра в здании Новой Третьяковки на Крымском Валу в Москве.

Критика восторженно отзывалась о «варварской» живописной стихии Востока, пленившей её в Н. К. Рерихе. Театральный обозреватель Н. Костылев отметил особый колорит темы Востока в этой работе мастера: «Поразительно эффектно ... восточные костюмы, не скучный, классический Восток “халатников” ...» [9, с. 5]. Художественный критик Яков Александрович Тугендхольд (1882–1928) вторил этому наблюдению: «Здесь всё ... полно какого-то глубокого смысла, высокого пафоса, эпической стихийности. ... в том-то и грандиозность “Половецких танцев”, что ... Это – хоровое зрелище, литургия целого племени» [25, с. 69–71].

Начало паломничества на Восток

Впервые встречи с Востоком состоялись в июне 1913 года, когда датируется первая поездка Н. К. Рериха на Кавказ. На эту тему он подготовил литературные сочинения, в том числе написал статью «Индийский путь», которая даёт читателям понять о всех его настоящих и будущих устремлений в Индию.

Из окна комнаты Н. К. Рериха в бывшем кисловодском пансионе С. Н. Ганешина поныне открывается восхитительный вид на Нижний парк, долину реки Ольховки, горы Соновую, Кабан и Седло. Со смотровой площадки на крыше бывшего пансиона и сейчас можно лицезреть настоящий «рериховский» пейзаж на возвышенности, отмеченной на современных картах как гора Кабан (1282 м). Её очертания напоминают и гроб, и ковчег, что отражено в названии картины «Кавказ. Ковчег гора. (Гроб гора)» (1913).

На особое значение полотна «Мудрость Ману» (1916), которая обретаена Н. К. Рерихом у подножия владыки Кавказа – двуглавого Эльбруса, в формировании творческого лица художника обратили русские художественные критики. Они считали, что художник-мыслитель ещё дальше погрузился в мир Востока. «Большой эскиз декоративного панно “Мудрость Ману”, – писал обозреватель «Биржевых ведомостей», – говорит о духовных исканиях мастера, о его интересе к великой культуре Индии» [16, с. 5]. Ему вторил искусствовед, автор одной из первых монографий о творчестве Н. К. Рериха Александр Александрович Ростиславов (1860–1920): «Чрезвычайно гармоничные сочетания зелёного и фиолетового в большой, очень цельной по композиции картине “Мудрость Ману”, где отзвуки Востока так сочетаются с прекрасной разработкой мотива гор» [22]. Автор ещё одной монографии о Н. К. Рерихе С. Р. Эрнст в этом полотне предчувствовал окончание «русского» периода творчества художника-мыслителя и начало нового для него паломничества на Восток: «О новом восхождении духа мастера говорит большой эскиз декоративного панно “Мудрость Ману” 1916 г. – оно как бы указывает путь к великим тайнам и силам Индии ...» [27, с. 105].

Добротворчество и Учитель

Тема Востока получила масштабное развитие в последующий период жизни художника. Все без исключения сюжеты его «восточных» полотен были обусловлены глубокой культурной «русскостью» и продолжали «генетические линии» развития русской культуры. В. П. Князева, посвятившая

свои труды осмыслению этих линий преемственности в творчестве художника, обратила внимание на добротворчество как одну из тем, к которым Н. К. Рерих часто обращался в разные периоды своего творчества. Близки по своей этической проблематике картины «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится» (1914) и «Красные кони» (1925).

Аналогичной «красной» нитью из «русского» периода художника начинается тема Учителя, которая была для Н. К. Рериха и священной, и жизненно конкретной. Таково было отношение к «Учителю жизни» – великому русскому художнику Архипу Ивановичу Куинджи (1941–1910). Неоднократно художник разрабатывал сюжеты, посвящённые русским святым – Прокопию Праведному, Николаю Чудотворцу, Сергию Радонежскому – духовным Учителям русского народа. С середины 1920-х годов начинается работа над серией «Учителя Востока», среди которых выделяются Будда, Зороастр, Конфуций, Лао-Цзы и Магомет. Образ Сергия Радонежского, разрабатываемый им и в Америке, и в Индии, остаётся в этом ряду как нерушимый маяк для будущего, востребованный в художественной культуре современной России.

Заключение

Русская художественная критика конца XIX – начала XX века чутко отреагировала развитие художественного пути художника-мыслителя в сторону Востока, а близкие мастера художники активно перенимали выработанный Н. К. Рерихом синтетический взгляд на искусство и жизнь, исключая европейский европоцентризм и эгоизм. В этой связи необходимо отметить, что разнообразную художественную деятельность мастера нужно рассматривать через призму его научно-философских и эстетических идей о постижении мировой культуры. На протяжении творческого пути у Н. К. Рериха складывались взгляды на связь народов России с народами Востока, что повлияло на выбор тем для его художественных произведений, в которых отражён пройденный им жизненный путь.

Пристатейный библиографический список

1. Багдасарова С. Третьяковка реставрирует гигантскую декорацию по эскизам Николая Рериха // *The Art Newspaper Russia: Новости искусства*. – Сетевое издание / Гл. ред. М. В. Орлова. – Москва, 2023. – 26 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20230629-hlki> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Бродский И. В. Карой Уйфалви – исследователь вепского народа и его языка // *Реальность этноса. Институт народов Севера: прошлое, настоящее и будущее североведческой науки и образования: сб. науч. статей по мат-лам XX междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 90-летию института народов Севера и 225-летию Герценовского университета*. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2022. – С. 127-128.
3. Всемирная иллюстрация. – Санкт-Петербург, 1897. – Т. 58. – 19 июля. – № 4.
4. Держава Рериха: [Сборник / Сост. Д. Н. Попов]. – Москва: Изобразит. искусство, 1994. – 445 с.
5. Иванов А. П. Списки живописных и литературных работ Н. К. Рериха // *Отдел рукописей ГРМ*. – Ф. 143. – Д. 10. – 32 л.
6. Каталог выставки картин журнала «Мир искусства». – Москва, 1902. – Кат. 177-182.
7. Князева В. П. Н. Рерих. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Москва: Искусство, 1968. – 46 с.
8. Князева В. П. Николай Константинович Рерих, 1874-1947. Жизнь и творчество. – Ленинград; Москва: Искусство, 1963. – 111 с. – (Живопись. Скульптура. Графика).
9. Костылев Н. Русская опера и балет в театре Châtelet // *Слово*. Санкт-Петербург, 1909. – 15/28 мая. – № 796. – С. 5.

10. Лейкин Н. На академической выставке картин // *Петербургская газета*. – Санкт-Петербург, 1902. – 31 марта. – № 88. – С. 9.
11. Лукашов А.М. Н. Рерих из собрания Государственной Третьяковской галереи. – Москва: Изобразительное искусство, 1989. – 48 с.
12. Лукашов А.М. Николай Рерих: [Альбом]. – [Москва]: Трилистник, 2001. – 31, [1] с. – (Художник в Третьяковской галерее).
13. Маточкин Е. П., Мельников В.Л. Идолы в произведениях Н.К. Рериха // *Рериховские Чтения*. 1997: мат-лы конф. СО РАН и СибРО 3-6 ноября 1997 года. – Новосибирск: СибРО, 2000. – С. 165-184.
14. Московские вести // *Русские ведомости*. – Москва, 1903. – 22 декабря. – № 351. – С.3.
15. Н. К. Рерих: Жизнь и творчество: Сб. статей / НИИ теории и истории изобраз. искусств Акад. художеств СССР; [Редкол.: М.Т. Кузьмина (гл. ред.) и др.]. – Москва: Изобраз. искусство, 1978. – 307 с.
16. Новые работы Н. К. Рериха // *Биржевые ведомости*. – Петроград, 1916. – 26 октября / 8 ноября. – Утренний выпуск. – № 15885. – С.5.
17. Образ Н. К. Рериха в отечественном изобразительном искусстве XX века: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Кулакова Елена Станиславовна; [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2009. – 26 с.
18. Рерих Н. К. Девассари Абунту // *Весы: Ежемесячник искусств и литературы*. – Москва: Скорпион, 1905. – Август. – № 8. – С. 1-4.
19. Рерих Н. К. Держава Света. – Southbury (Conn., USA): Alatas, 1931. – 289 с.
20. Рерих Н. К. Листы дневника: В 3 т. – Т. II. – Москва, 1995. – 544 с.
21. Рерих Н. К. Нерушимое. – Rīgā: Uguns, 1936. – 349 с.
22. Ростиславов А. А. Выставка «Мир искусства» // *Речь*. Петроград, 1917. – 24 февраля / 9 марта. – № 52. – С. 2.
23. Савицкая Т. Е. О произведениях Н. К. Рериха в Радищевском музее // *Творческое наследие семьи Рерихов в свете мировой культуры: мат-лы науч.-практ. конф. 1999-2004 годов*. – Одесса: Одесский Дом-Музей им. Н.К. Рериха, 2005. – С.97-107.
24. Скорпион. Pro domo sua // *Весы: Ежемесячник искусств и литературы*. – Москва: Скорпион, 1906. – Август. – № 8. – С. 79.
25. Тугендхольд Я. Русский балет в Париже // *Аполлон*. – Санкт-Петербург, 1910. – Май-июнь. – № 8. – С. 69-71.
26. Фармаковский М. В. М. Нестеров и Н. Рерих // *Образование*. – Санкт-Петербург, 1908. – Август. – № 8. – С. 39-44.
27. Эрнст С. Р. Н. К. Рерих; Обложка по рисунку С. В. Чехонина; Книжные украшения Н. К. Рериха. – Петроград: Община Св. Евгении, 1918. – С. 105.
28. Яблоновский С. Союз русских художников // *Русское слово*. – Москва. – 1903. – 22 декабря (1904. – 4 января). – № 350. – С. 2.
29. Яковлева Е. П. Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха. – Самара: Агни, 1996. – 272 с.
30. Watters T. On Juan Chwang's Travels in India. – Vol. II. – London: Royal Asiatic society, 1905. – 365 p.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-543-544

ПОХИЛЬКО Александр Дмитриевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета

БАКЛАНОВА Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

БРЕДИХИН Сергей Николаевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ПАШКОВ Артем Андреевич

аспирант кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета

АВТОХТОННЫЕ И АЛЛОХТОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Социально-философский анализ политического сознания показывает, что процессы рефлексии политических явлений на его теоретическом уровне происходят быстро, тогда как процессы отражения на обыденном уровне политического сознания довольно ригидны. Наличие определенного запаздывания, «лага» в оценке текущей социально-политической реальности связано с тем, что теоретический уровень политического сознания активно взаимодействует с политическими институтами и технологиями, тогда как обыденный уровень политического сознания связан с культурой, которая сама по себе ригидна и устойчива. Именно культура является источником и детерминантой автохтонности, примордиальности заведенных социокультурных и политических практик. Автохтонные это процессы, присущие социокультурным и социально-политическим практикам в течение длительного периода жизни настоящего и предыдущих поколений. Аллохтонные (привнесенные извне) это политические процессы и явления, которые ранее отсутствовали в опыте индивидов и в опыте их родителей.

Ключевые слова: общество, культура, институты, политическое сознание, автохтонные процессы, аллохтонные процессы, политический процесс, модернизация.

POKHILKO Alexander Dmitrievich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy, law and social sciences and humanities sub-faculty of the Armavir State Pedagogical University

BAKLANOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

BREDIKHIN Sergey Nikolaevich

Ph.D. in philological sciences, professor, professor of Theory and practice of translation sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

PASHKOV Artem Andreevich

postgraduate student of Philosophy, law and social sciences and humanities sub-faculty of the Armavir State Pedagogical University

AUTOCHTHONOUS AND ALLOCHTHONOUS PROCESSES AND DETERMINANTS OF THE FORMATION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Socio-philosophical analysis of political consciousness shows that the processes of reflection of political phenomena at its theoretical level occur quickly, while the processes of reflection at the everyday level of political consciousness are quite rigid. The presence of a certain delay, "lag" in the assessment of the current socio-political reality is due to the fact that the theoretical level of political consciousness actively interacts with political institutions and technologies, while the everyday level of political consciousness is associated with culture, which in itself is rigid and stable. It is culture that is the source of determinant autochthony, primordality of established sociocultural and political practices. Autochthonous are processes inherent in sociocultural and sociopolitical practices over a long period of life of the present and previous generations. Allochthonous (introduced from the outside) are political processes and phenomena that were previously absent in the experience of individuals and in the experience of their parents.

Keywords: society, culture, institutions, political consciousness, autochthonous processes, allochthonous processes, political process, modernization.

Актуальность темы нашего исследования связана с тем, что процессы, происходящие в политической сфере современного российского общества, являются динамичными, в связи с чем они активно рефлексированы отдельными индивидами, их группами и всем обществом в целом. Особенно это заметно в современной медиосфере и средствах массовой информации [4]. Следуя социально-философской методологической традиции, восходящей к советской версии марксизма и развивающейся в отечественном постмарксизме, следует выделить особую форму общественного сознания – политическое сознание. Политическое сознание представляет собой сложное, структурированное образование, благодаря которому осуществляется рефлексия происходящих политических процессов, формируются и корректируются

тактические и стратегические ориентиры политического развития наций и обществ, создаются определенные идеологические концепты и схемы, которые закладываются в программы политических действий социальных субъектов и акторов политического процесса – индивидов, групп, классов, партий, наций, этносов, наконец, целых государств и их союзов [2]. Институциональная матрица политической системы общества постоянно находится в динамике, а идеологическое и политические прагматические ориентиры постоянно изменяются вплоть до войны [9]. В современном российском обществе за последние четверть века политическая риторика сменилась от манифестирования задачи создания либерально ориентированного государства (в котором бы господствовали рыночные отношения, свобода предпринимательства и было бы раз-

решено все то, «что не запрещено законом») и соответствующих структур гражданского общества [8] до воплощения консервативно-традиционалистски фундированного проекта развития России именно как суверенного государства-цивилизации. Важно то, что такой разворот политического курса произошел в течение жизни всего лишь одного поколения. При этом в памяти большинства россиян живо еще такое геополитическое событие как распад Советского Союза и появление суверенного государства – Российской Федерации. Рефлексия этого события, его диаметрально противоположенные оценки субъектами стали одной из причин политического кризиса между ветвями политической власти в октябре 1993 года. Несмотря на кровавые столкновения, позитивным результатом кризиса стало создание Конституции Российской Федерации. При этом Конституция РФ с рядом существенных изменений и дополнений существует до сих пор.

Как уже указывалось ранее, в пространстве политического сознания на базе рефлексии и переосмысления окружающей субъектов социально-политической реальности происходит формирование комплекса политической действительности и программ политических действий, которые, в свою очередь, оказывают влияние на экономические и социокультурные процессы [7]. Для того, чтобы быстро и эффективно изменить ориентиры политического сознания активно применяются разные политические технологии и приемы общественной психологии. Однако политическое сознание неоднородно. Прежде всего, оно распадается на два уровня, в которых время политических событий, действий и процессов воспринимается по-разному и по-разному соотносится с повседневным жизненным опытом индивидов как субъектов общественно-политических отношений. Первый уровень – это теоретический уровень политического сознания, а второй – уровень обыденного политического сознания. Что касается первого уровня, то его составляют различные идеологические схемы, концепты и технологии их реализации в рамках общественно-политических практик, включая практики функционирования политических институтов. В традиционном (например, в европейском средневековом) обществе на месте политических идеологем находились религиозные схемы и установки. С наступлением эпохи Модерн (особенно в его зрелой форме в XX веке) появляются множество политических идеологий, базирующихся на различных идеалах и идеях, например, таких, как: национализм, социализм, либерализм, тоталитаризм и т.д. [1]. Эти идеологии, конкурируя между собой, проникают в различные государства и национальные сообщества и могут преобразовать их до неузнаваемости. Так, в России XX века состоялся грандиозный социальный эксперимент, когда автохтонный, казался бы, исконный, присущий Российской Империи длительный период политический порядок в результате Гражданской войны был замещен большевиками на аллохтонные (чуждые), привнесенные извне структуры политической системы социализма. Аллохтонная, чуждая суть постреволюционных институциональных структур заключалась в том, что они были искусственно «привиты» к процессам жизнедеятельности российского общества, а в рамках общественного сознания достаточно долго большей частью населения воспринимались как «чуждые», даже несмотря на то, что до этого в условиях царизма множеству подданных тоже жилось достаточно несладко, а позднее большевики активно проводили свою идеологию «в массы», ломая старые институциональные порядки и повседневные практики и насаждая идеалы псевдо-коллективизма [3]. Действительно, «пролетарская революция» произошла в аграрной стране, где пролетариат был очень немногочисленным. Примечательно, что за два века до этого социально-экономические и политические преобразования, проводимые Петром I (который является создателем Российской Империи как самодержавного государства), также воспринимались в общественном сознании как аллохтонные, привнесенные из Европы и чуждые всему укладу православного Московского царства. Поэтому далеко не случайно Петр многими воспринимался именно как Антихрист, как губитель Святой Русской Земли. Уместно в этой связи вспомнить, что именно Петр прервал традицию русского патриаршества, создав институт Священного Синода. Если проводить политические параллели, то и большевики, и Петр I фактически проводили радикальную модернизацию социально-экономических и политических структур, причем модернизация эта была не первичная, а

именно вторичная. Заметим, что вторичная модернизация всегда воспринимается обществом как процесс аллохтонный, принесенный извне, прежде всего извне социально-политического пространства. В рамках политического сознания аллохтонными (привнесенными извне) могут считаться процессы и явления, которые отсутствовали в опыте индивидов и в опыте их родителей. С этих позиций, например, идея «народной империи» (разрабатываемая рядом современных российских политологов на основе апелляции к «исторической памяти») и несмотря на поддержку консервативных СМИ) в общественном политическом сознании большинства россиян может представляться темпорально-аллохтонной, так как жизнь подавляющего количества граждан России (и их родителей) прошла в условия политических режимов, тем или иным образом практически или теоретически ориентированных в политике на волеизъявление народа.

Таким образом, проведенный структурно-темпоральный анализ политического сознания показывает, что процессы рефлексии на теоретическом уровне происходят довольно быстро, тогда как процессы на обыденном уровне политического сознания довольно ригидны. Наличие определенного запаздывания, «лага» в оценке текущей социально-политической реальности связано с тем, что теоретический уровень политического сознания активно взаимодействует с политическими институтами и технологиями, «питается» их энергией, тогда как обыденный уровень политического сознания связан с культурой, которая по своей сути является самой ригидной социокультурной формой [5]. Именно она является источником и детерминантной автохтонности, примордиальности заведенных социальных, экономических и политических порядков и практик. Невзирая на то, что в условиях современных технико-цифровых преобразований жизнь и институциональная структура меняется быстро [6], ценности традиционной культуры практически остаются константными. Важно то, что среди них находится не только традиционная семья, но и ориентация на правду и справедливость. Вот почему либеральный проект в России не был широко поддержан в конце XX века. Но также проблематичным является и современная резкая политическая переориентация на консерватизм, традиционализм, с усиленным идеям клерикализма и стремлением впадения в политическую архаику («народная империя»), так как в российском обществе еще свежа память о социалистическом проекте на базе ценности социальной справедливости в ее коммунистической интерпретации.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С. Взаимодействие интеллектуальной деятельности и идеологии: тоталитаризм и либерализм // Научная мысль Кавказа. - 2004. - № S13. - С. 23-30.
2. Бакланов И. С., Копченко И. Е., Крамчанинова Н. В. Внутренние основания автономности политического сознания // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2023. - № 4. - С. 126-133.
3. Бакланова О. А. Специфика исследования коллективизма как базового типа социального бытия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. - 2012. - № 1. - С. 18-21.
4. Бредихин С. Н., Гасанов Б. В. К проблеме делимитации образа и имиджа в политическом медиасекторе // Научная мысль Кавказа. - 2022. - № 1 (109). - С. 110-116.
5. Губанова М. А., Похилько А. Д. Культурные формообразования в духовной жизни России // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 2. - С. 198-201.
6. Денисенко С. В., Бакланова О. А., Бакланов И. С. Техника как фактор социального развития // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 8 (147). - С. 445-447.
7. Микеева О. А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. - 2009. - № 1 (57). - С. 45-48.
8. Садово-Румянцев В. Ю., Похилько А. Д. Личностные права человека в гражданском обществе // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2011. - № 5 (60). - С. 27-30.
9. Шматько А. А., Похилько А. Д., Губанова М. А. Фактор войны в структуре социальных трансформаций // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 4 (83). - С. 18-20.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-545-546

САЛИХОВ Гафур Губаевич

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий

ГАЛИМОВА Людмила Рустамовна

сотрудник Башкирского государственного медицинского университета

СООТНОШЕНИЯ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена теоретическому анализу развития человека как личности в философском предметном поле в контексте рассмотрения определенных форм социального бытия, которые регулируются социальными и культурными реалиями. Проблема соотношения естественного и искусственного рассматривается в контексте антропосоциогенеза. Основные категории анализа при этом – это «органическое и надорганическое», «социальное и биологическое», «культурное и природное». Антропосоциогенез в философском дискурсе определяется как универсальный процесс биосоциальной, культурно-природной эволюции человека, поэтому естественное и искусственное рассматривается как спонтанное (самосовершенствующееся, произвольно возникающее) и рациональное (разумно обоснованное и детерминированное, являющееся результатом выбора) измерения социальной и культурной жизни людей.

Ключевые слова: человек, личность, общество, культура, рациональное, интеллект, сознание, естественное, искусственное.

SALIKHOV Gafur Gubaevich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

GALIMOVA Lyudmila Rustamovna

employee of the Bashkir State Medical University

THE CORRELATION OF NATURAL AND SOCIAL FACTORS IN THE PROCESS OF PERSONALITY'S FORMATION

The article is devoted to the theoretical analysis of human development as a personality in the philosophical subject field in the context of considering certain forms of social existence that are regulated by social and cultural realities. The problem of the correlation of natural and artificial is considered in the context of anthroposociogenesis. The main categories of analysis in this case are "organic and supra-organic", "social and biological", "cultural and natural". Anthroposociogenesis in philosophical discourse is defined as a universal process of biosocial, cultural and natural human evolution, therefore, natural and artificial are considered as spontaneous (self-fulfilling, arbitrarily arising) and rational (reasonably justified and deterministic, resulting from choice) dimensions of people's social and cultural life.

Keywords: person, personality, society, culture, rational, intellect, consciousness, natural, artificial.

Философский подход в методологии познания личности - это длительный и многоступенчатый процесс, поскольку личность является мерой человека в качестве субъекта социальных отношений и мерой индивидуальности. Прежде всего, уточним понятия «естественное» и «искусственное» в философском дискурсе по отношению к социальному развитию человека, как личности. В выяснении вопроса естественного социального развития личности исследователи придерживаются позиции биологического или природного принципа становления самого из себя в допустимых рамках органического мира. Искусственное регулирование развития человека контролируется социумом, силой разума, по трудовым способностям, как вторая природа внутри мира культуры. Философская система толкования индивида придерживается научной позиции, где человек причисляется одновременно к двойственной позиции как существо биологическое, то есть поведенческий организм и, как социальный индивид.

Одним из актуальных направлений в научных поисках XXI века становится духовное наследие как Восточного, так и Западного мира... [6, с. 529-530]. Однако человек чаще отождествляет свое Я с биологической природой, определяет бытие в понятиях природно-детерминированного способа

совместной жизни. Социальный мир описывается в терминах, отличительных от природно-биологических форм существования. Наиболее общими и доступными определяющими характеристиками количественного и качественного состояния жизни людей являются общество и культура как настоящего времени, так и прошлого. В различных исследованиях бытие естественное выступает как данность природная и индивид пребывает в ней в форме биологического организма, представляя специфическую отличительность. «Искусственное» в человеке – это сфера реального пребывания созданных им материальных объектов, социальных и культурных образцов, критериев, норм, образовавшихся в результате его деятельности. В плане «внутреннего» мира область искусственного присутствия сводится с личностной сферой индивида в пределах его сознательного бытия. Во внешнем аспекте она совпадает с предметным миром, созданным руками человека.

Факторы сходства и отношений естественного с искусственным изучаются в формате антропосоциогенеза. Используемые аналитические категории – это «органическое и надорганическое», «биологическое и социальное», «природное и культурное». Социогенез человека в методологии

Салихов Г. Г.

Галимова Л. Р.

философии рассматривается как единый процесс биосоциальной, культурной и природной эволюции человека. Естественное и искусственное изучаются в литературе как хаотичное, произвольно самосовершающееся и рациональное, разумно детерминированное измерения и результаты социокультурной жизни народа. Наличествующее в индивидуальном естественное (экзистенциальное) принадлежит сфере его внутреннего мира и субъективного существования. Она не поддается регулированию и контролю со стороны общественных норм и традиций. Все то, что происходит в этой сфере, не подчиняется логике внешнего детерминизма, оно обусловлено социокультурными образцами [1, с. 170-175].

Искусственное в человеке причисляется к области его рационального, целенаправленного бытия, контролируется культурными и социальными ценностями жизни и нормами поведения. С такой интерпретацией естественного и искусственного в философском предметном поле связано определение человека как многогранного субъекта – с одной стороны, как «естественного существа», склонного к импровизации в ситуации различных отношений в обществе, когда поведение его не всегда предсказуемо, а с другой – рассмотрение его как субъекта сознательной и целенаправленной активности [2, с. 3-8]. Как «естественный» субъект он проявляет себя в качестве индивидуальности – субъекта спонтанной психофизической активности, а как искусственный – в качестве индивида, единичного представителя определенной группы или общности, носителя определенных социальных статусов и ролей.

Философское понимание естественного и искусственного в человеке определяет обобщенный анализ проблемы антропосоциогенеза как процесса выстраивания и контроля социальности и культурных явлений. Человек в этом пространстве становится ведущим действующим субъектом, творцом себя самого и окружающего мира. Главными категориями социально-философского анализа, в данном случае, выдвигаются такие понятия дихотомического формата как, «сознательное и стихийное», «рациональное и иррациональное». В настоящее время в философской методологии утвердилось два основных толкования естественного и искусственного в индивидуальности. В более широком понимании они представляют картину социального и культурного в человеческом существовании («искусственного»), по сравнению с биологическим и природным в ней («естественное»). В узком смысле они выражаются при помощи представлений, фиксирующих различия между рациональными и спонтанными явлениями внутри собственно социальной жизни [3, с. 140-147].

Философская интерпретация наиболее важных универсалий будет выглядеть следующим образом: 1) образно-клиповое восприятие бытия (появление образа, выявление границ активности отношений); 2) расчленение элементов среды обитания (обнаружение различий между сложившимся образом степени активности и «фоном», активности «элементы среды»); 3) предельно общее представление о картине мира и окружающих объектах; 4) «символизация» наблюдаемого пространства активности (формирование различных символов, знаков, применение сигнальных средств); 5) преобразование окружающей среды (активность, использование посторонних предметов); 6) рационализация жизнедеятельности (выбор целей, слаживание целей и средств с результатами проявляемой активности); 7) взаимодействие с элементами окружающей среды (соблюдение норм контактов с природными и др. объектами в целях получения положительных результатов); 8) рост результатов жизненной активности (сохранение и передача жизненного опыта); 9) регламентация деятельности (соблюдение правил деятельности и форматов взаимодействия с окружающим миром); 10) предвосхищение процессов жизненной активности (ожидание возможных вмешательств извне в процесс деятельности человека, умение предвидеть альтернативные линии поведения [4, с. 180-185].

В процессе постепенно происходящей дифференциации культурно обусловленных, индивидуальных качеств и способностей личности будут наблюдаться изменения и в состоянии его субъективного «Я» [5, с. 157-160]. Личностное «Я» человека обретает новые воплощения и дифференциации. С одной стороны, это «социальное Я», фиксирующее внешние связи с социальным миром и «индивидуальное Я», ориентированное на раскрытие своего «внутреннего мира». С другой стороны – «автономное Я», выражающее более высокий уровень развития самосознания личности, и «зависимое Я», подчиненное воле другого «Я» или требованиям социокуль-

турного окружения [7, с. 310-315]. Философский подход предполагает рассмотрение роли культуры, как способа формирования и развития родовых свойств личности, поскольку один из основных феноменов, определяющих процесс социализации индивида. В философии эпохи Возрождения культурные образцы человеческой личности означали гуманизм и рационализм. Гуманизм был связан с утверждением пространства личной свободы человека в повседневной жизни; рационализм подчеркивал субъективную роль человека в обретении этой свободы. Историзм в философии Возрождения указывал на направленность культурного развития в векторе расширения прав и свобод людей, признания социального прогресса. Философская интерпретация современного человека означает индивида, который несет в себе такие свойства, как стремление к познанию, интерес ко всему новому, готовность к изменениям в жизни, отличие взглядов, ориентация на более значимую информацию, экономия времени, рациональное использование ресурсов, ощущение личного достоинства [8, с. 263-286].

Философское рассмотрение социокультурной организации личности как субъекта деятельности, взаимодействия и отношения предполагает личность в качестве социального и культурного субъекта. Культурное измерение рассматривает личность как продукт культуры, в то же время и как ее творец. Нормативно-регулирующая, символично-когнитивная подсистема культуры, отвечающая за подготовку программ деятельности личности и функцию реализации стратегий и программ деятельности. Из этого следует, что главное в культуре – ее способность регулировать деятельность человека посредством имеющихся алгоритмов, выработанных человечеством. Это следует воспринимать как качественную оценку деятельности субъекта, охватывающая как личностные предпосылки индивида, включая навыки, умения, способности, так и объективные условия его существования (результаты деятельности). Личностные параметры охватывают обусловленные социальные аспекты мышления индивида, включая приобретенные социальные представления. Личностная сторона картины мира, как правило, связана с принятыми целями и волевыми решениями. Социальное измерение деятельности человека складывается на базе урегулирования представлений субъектов общественного бытия, занимающих в коллективе разные статусы и исполняющих соответствующие социальные роли. Фактор качества социальной организации определяется совместным характером деятельностного людей. Таким образом, качественные характеристики присутствуют во всех составляющих факторах жизни индивида. Включает эта характеристика такие определения как, личность (системное качество человека), культура (системное качество деятельности), социальная организация (система отношений).

Пристатейный библиографический список

1. Алпатова К. А. Социализация как процесс и результат взаимодействия “Я” и “Другого”: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Пятигорск, 2010. – 180 с.
2. Безуглая У. Я. Факторы, влияющие на формирование и социализацию личности современной молодежи // Научная палитра. – 2022. – № 3 (37). – С. 3-8.
3. Зелянина В. А. Философский анализ проблемы социализации личности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2007. – 158 с.
4. Катилина М. И. Образовательная среда как фактор социализации личности: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2009. – 198 с.
5. Парманова А. У., Парманова Г. У., Кувичкин Н. М. Социализация личности в цифровом образовании // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2022. – № 3-2. – С. 157-160.
6. Салихов Г. Г. Духовная культура народов между Иртышем и Волгой в средние века // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6 (181). – С. 529-530.
7. Салихов Г. Г. Человек эпохи глобализации. – М.: Наука, 2008. – 560 с.
8. Салихов Г. Г. Человек в глобализирующемся мире: социально-философский анализ: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. – Уфа, 2010. – 361 с.

СПИЦИНА Дарина Дмитриевна

магистрант направления «Философия» Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

КАДАНИНА Анна Валерьевна

аспирант кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ЦЕННОСТНЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ПОКОЛЕНИЯ Z

В работе исследуются изменения в социокультурном укладе и появление новых социальных и производственных технологий, которые вносят коррективы в ценностный профиль определенных поколений. Становление цифрового общества можно рассматривать как кризис традиционных институтов и структур, когда в общественном сознании растет понимание необходимости консолидации общества вокруг новых нарративов через наведение мостов между отдельными социальными группами, которые ранее во многом были ориентированы на собственные эгоистические интересы и ценности индивидуализма. Мировоззренческие основания формирования цифрового общества в значительной степени связаны с ценностными и темпоральными ориентирами современной молодежи. В свою очередь, ценностные ориентиры современной молодежи, рассматриваемой в рамках теории поколений Н. Хау и У. Штрауса как поколение Z, связаны с широким использованием знаний, электронных гаджетов и новых инновационных технологий, ориентированных на будущее. Это отражается на социокультурных практиках.

Ключевые слова: цифровое общество, молодежь, поколение Z, ценности, нормы, технологии.

SPITSINA Darina Dmitrievna

magister student in the "Philosophy" direction of the North Caucasus Federal University, Stavropol

BAKLANOV Igor Spartakovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

KADANINA Anna Valerjevna

postgraduate student of Philosophy, law and social and humanitarian sciences sub-faculty of the Armavir State Pedagogical University

WORLDVIEW FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF A DIGITAL SOCIETY: VALUE AND TEMPORAL GUIDELINES OF MODERN YOUTH AS GENERATION Z

The work examines changes in the sociocultural structure and the emergence of new social and production technologies that make adjustments to the value profile of certain generations. The emergence of a digital society can be seen as a crisis of traditional institutions and structures, when in the public consciousness there is a growing understanding of the need to consolidate society around new narratives through building bridges between individual social groups, which were previously largely focused on their own selfish interests and the values of individualism. The ideological foundations for the formation of a digital society are largely related to the value and temporal guidelines of modern youth. In turn, the value orientations of modern youth, considered within the framework of the generational theory of N. Howe and W. Strauss as generation Z, are associated with the widespread use of knowledge, electronic gadgets and new innovative technologies oriented to the future. This is reflected in sociocultural practices.

Keywords: digital society, youth, generation Z, values, norms, technologies.

Мировоззренческие основания формирования любого общества связаны как с ценностными, так и с темпоральными ориентирами. Иными словами, они связаны с конкретной конфигурацией социальных норм и с тем, на какие идеалы ориентированы люди в своей деятельности. Поясним. Темпорально различные общности, группы и возрастные когорты могут быть ориентированы в рамках общественного сознания на переживание прошлого или же наоборот, устремленность к будущему, на внедрение инноваций. Интрига заключается в том, что в идеале необходимо найти баланс темпоральных ориентиров, что сделает возможным, опять же в идеале, устойчивое развитие системы социальных элементов и институтов [2]. Аксиологический профиль здесь играет очень важное значение, ибо любая целенаправленная деятельность социальных субъектов

координируется системой социальных норм. В свою очередь, система социальных норм включает правовые, моральные и религиозные нормы, которые взаимодействуют между собой в социокультурном пространстве общества. Безусловно, само общество неоднородно и гетерогенно, в силу наличия у его членов различного социального опыта и различного доступа к информации, материальным и культурным ресурсам [5]. Важным является то, что субъекты общества также дифференцированы по наличию уникального набора знаний, навыков и компетенций. Наконец, практически каждый субъект общества обладает (или наоборот, не обладает) собственным набором ресурсов власти – силой, авторитетом и влиянием. Очевидно, что представители различных социальных групп и общностей

Спицина Д. Д.

Бакланов И. С.

Каданина А. В.

обладают собственным набором ресурсов, но представители определенных возрастных когорт могут быть мировоззренчески гораздо ближе собой [7]. Они, коммуницируя, как бы перекидывают «мосты» между группами и общностями, делая сообщества более скрепленными. В современном обществе этот эффект усиливается, за счет того, что сословия и касты, характерные для традиционного общества, практически исчезли, а каждое поколение в рамках определенных сообществ получает одинаковое воспитание, читая одни и те же книги и обучаясь в школе по одним и тем же программам. Этот эффект также усилился в условиях общества Модерн, в котором в социокультурной среде ценностные ориентиры были подвержены максимальной центрации и укладывались в единый унифицированный идеологический и мировоззренческий нарратив. Изменения в социокультурном укладе, появления новых социальных и производственных технологий могли внести коррективы в ценностный профиль определенных поколений, которые сменяли друг друга на авансцене истории. Именно от этой идеи отталкивались создатели теории поколений Нил Хау и Уильям Штраус [8], [9], которые рассмотрели исторический процесс как смену носителей различных ценностных ориентиров другими, которые, повторим, обладают уникальным набором знаний, навыков и компетенций. Чем больше различие в этих навыках, тем больший разрыв наблюдается в онтологии коммуникации между представителями различных поколений, и тем больше разрыв в их мировоззренческих позициях, например, в оценках паттернов поведения и проявления феминности и маскулинности [1]. Цементирующей основой социальных интеракций в обществе являются традиционные ценности и культурно-цивилизационный код. При этом развитие поколений динамично: все они проходят стадии детства, молодости, зрелости (акмэ) и старости при средней (модальной) продолжительности жизни 80 лет. Очевидно, что различные представители определенных поколений по-разному воспринимают технологические и социальные инновации. Современное общество можно представить цифровым в силу того, что в рамках его социокультурных и производственных практик широко используются интернет вещей, киберфизические системы и платформы облачных вычислений. Процессы цифровизации вторгаются даже в сферу повседневной жизни социальных субъектов. Технологии развиваются столь бурно, что они тяжело воспринимаются даже специалистами в соответствующих областях.

Становление цифрового общества можно рассматривать как кризис традиционных институтов и структур. Интересно, что в теории Хау и Штрауса (оформившейся в 90-х годах XX века) рождение поколения Z (около 1998-2012 гг.) соотнесено также с кризисом, связанным со стагнацией структуры социальных институтов и существования дальнейшей необходимости их реформирования в рамках социальной системы. В результате в общественном сознании растет понимание необходимости консолидации общества вокруг новых нарративов через наведение мостов между отдельными социальными группами, которые ранее во многом были ориентированы на собственные эгоистические интересы и ценности индивидуализма. Одновременно структуры культуры все больше ориентируются на потребности социума и его отдельных институтов. Иными словами, на место эстетизму и эскапизму приходит утилитаризм и здоровый прагматизм, нацеленный на повышение адаптационного потенциала институциональных структур к происходящим социокультурным изменениям и темпорально ориентированными на будущее, а не на прошлое. Во многом эти изменения связаны не только с мировоззренческой динамикой, но и с развитием техники и технологий. Реальность современного цифрового общества такова, что развитие технологий ускоряется, в результате даже уровень компетенций, навыков и умений специалистов в определенных областях может значительно отличаться от того, когда, в какой временной промежуток они осваивали в учебных заведениях данную специальность. Конечно, существует система поствузовского образования и курсов дополнительной подготовки, но важным является именно базовое образование. При этом представители поколения Z более образованы и максимально нацелены на поиск истины, тогда как предыдущее поколение Y (около 1982-1998) более прагматично, цинично и активно проявляет нигилистические настроения [4]. Возникает так называемый разрыв поколений. Так, программисты и специалисты в области кибербезопасности в 30 лет уже считаются «пожилыми». Другим примером разрыва поколений является существование и функционирование различных информационных сфер. Речь идет о том, что в медиапространстве цифрового общества практически параллельно существуют сфера электронных СМИ (куда уже широко внедряются технологии

искусственного интеллекта [6]) и социальных сетей, которыми активно пользуются молодежь, и телевидение, аудиторию которого составляют представители более старших поколений, причем, в процентном отношении число телезрителей растет пропорционально их возрасту. Между двумя медиамирами находятся представители среднего поколения (кому 40-50 лет). В цифровом обществе границы между этими мирами стираются – представители старшего поколения пытаются освоить навыки информационного общения и выходят на просторы Интернета, а телевидение все больше становится «цифровым», проникает в социальные интернет-сети и мировое web-пространство. Но несмотря на тенденцию информационного сближения, существенным отличием между поколениями является то, что у представителей разных возрастных когорт существуют разные нарративы, отраженные в высказываниях, общеупотребительных фразах или, как говорит молодежь, «мемах». Фразы «А что, «Динамо» бежит?» - «Все бегут!» («Джентльмены удачи») или «Да пребудет с Вами сила!» («Звездные войны») практически неизвестны молодежи. Одновременно старшим неясны лексемы молодежного сленга «кринж» (стыд), «шеймить» (позорить), «чилить» (расслабляться, отдыхать) или «дэд инсайд» (от. dead inside – о молодом человеке, который пессимистично настроен к жизни). Безусловно, молодежный сленг – это не такое новое явление, но сейчас он генерируется в цифровом пространстве с невообразимой скоростью. Это порождает социокультурные риски появления расхождения в мировоззренческих оценках у разных поколений [3].

Таким образом, мировоззренческие основания формирования цифрового общества в значительной степени связаны с ценностными и темпоральными ориентирами современной молодежи. В свою очередь ценностные ориентиры современной молодежи, рассматриваемой в рамках теории поколений Н. Хау и У. Штрауса как поколение Z, связаны с широким использованием знаний, электронных гаджетов и новых инновационных технологий, расширяющих горизонты будущего. Это не может не отражаться на социокультурных и политических практиках.

Приставительный библиографический список

1. Балдицына Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // Женщина в российском обществе. - 2019. - № 2. - С. 43-51.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
3. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 12. - С. 535-536.
4. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Федотенков Е. С., Федотенкова О. В., Похилько А. Д. Нигилизм в российском обществе: анализ его сущности и форм проявления. - Армавир, 2019.
5. Гришай В. Н., Зиятдинова Ю. Е., Бакланов И. С., Кияхсанов М. Х. Возраст как социальная условность: социокультурный аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2018. - № 10. - С. 40-43.
6. Еременко М. М., Богатырев С. А., Бакланов И. С. Особенности и риски применения технологий искусственного интеллекта в медиапространстве современного общества // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 12. - С. 362-363.
7. Семкина Е. Н., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Мировоззренческая неопределенность молодежи как сущностная характеристика современного общества // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». - 2018. - № 2. - С. 85-88.
8. Howe N., Strauss W. The history of American future 1584 to 2069. - Harper Perrenial, 1997.
9. Howe N. The winter of history: An Interview with Neil Howe on «The fourth turning». - Lifecourse Associates, 2009.

ТИМОЩУК Елена Андреевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

ТИМОЩУК Игорь Алексеевич

студент Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

КРИЗИСНАЯ ФИЛОСОФИЯ СТОИЦИЗМА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наша эпоха экспресс-технологий нуждается в быстрых методиках достижения осознанности и просветления. Это происходит потому, что, с одной стороны, мы трансформируем присущие жизни потребности в конкретные социальные, экономические и политические действия; с другой стороны, современная философия в основном фокусируется на языковом анализе и деконструирует многие привычные понятия традиционной культуры: «душа», «Бог», «спасение». Мы застряли в позитивистских контраверзах, однако потребности жизни не могут быть полностью решены внешним миром, а боль, спокойствие и счастье в сердцах людей не перестанут существовать из-за неясности смысла языка. На самом деле нам нужна философия для жизни больше, чем когда-либо прежде, иначе в этом современном обществе, основанном на расширении потребностей, мы всегда будем тонуть в море страданий и желаний.

Ключевые слова: популярная философия, стоики, кризисная философия, социальное вероучение, человечность, мужество жить, обуздание гнева.

TIMOSHCHUK Elena Andreevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Social sciences and humanitarian sciences sub-faculty of the Vladimir branch of the Russian Academy of National Economics and Public Administration under the President of the Russian Federation

TIMOSHCHUK Igor Alekseevich

student of the A. G. and N. G. Stoletovs Vladimir State University

THE CRISIS PHILOSOPHY OF STOICISM AND MODERNITY

Our era of rapid technology requires rapid methods for achieving awareness and enlightenment. This happens because, on the one hand, we transform the inherent needs of life into concrete social, economic and political actions; on the other hand, modern philosophy mainly focuses on linguistic analysis and deconstructs many of the usual concepts of traditional culture: "soul", "God", "salvation". We are stuck in a positivist language swamp. However, the needs of life cannot be completely resolved by the outside world, and the pain, peace and happiness in people's hearts will not cease to exist due to the unclear meaning of language. In fact, we need philosophy to live more than ever before, otherwise in this modern society based on the expansion of needs, we will always be drowning in a sea of suffering and desires

Keywords: popular philosophy, Stoics, crisis philosophy, social creed, humanity, courage to live, curbing anger.

«Современный стоицизм стал индустрией». «Будьте современным стоиком. Приходите домой и расскажите, как обрести покой и счастье», – таковы популярные сентенции в отношении одного из самых известных философских течений. Если мы познакомимся с историей западной философии, то узнаем, что вначале философия и наука были неотличимы друг от друга, и обе они говорили о мире природы. Именно Сократ приблизил философию к человеческому миру и начал говорить о человеческой жизни и душе. Он открыл новую эру философии и привлек множество последователей. Эти мыслители продолжали подвергать сомнению ценность и смысл жизни после его смерти. Философия киников, пропагандировала жизнь в полном аскетизме, школа киренаиков, напротив, пропагандировала гедонизм. Все они были слишком экстремальными и потеряли свою жизненную силу. Стоицизм – наименее радикальная из всех доктрин, это позитивная философия жизни с важными ключевыми словами: мир, добродетель, ответственность, судьба и т.д. Сделать себя и мир лучше. Ты можешь управлять негативными эмоциями, такими как гнев, печаль, тревога, страх и т.д. Мы рождены, чтобы что-то делать, мы рождены с ответственностью, и эта ответственность позволяет нам любить других и

любить весь человеческий род. Судьба, о которой говорится в нем, предназначена не для будущего, а относится только к тому, что произошло в прошлом, которое невозможно изменить; все, что нам нужно сделать, это усердно работать, чтобы изменить то, что еще не произошло.

Для философской школы, появившейся в античности, стоицизм необычайно популярен в наше время. Цитаты стоического философа и римского императора Марка Аврелия пестрят в ленте мессенджеров; можно найти экспертные советы современных стоических мыслителей о лидерстве, отношениях и, практически, обо всем [1]. Автор статьи о современном восприятии стоицизма Нил Дюррант объясняет популярность школы ее популяризацией среди широких масс несколькими известными авторами, такими как Райан Холидей, Массимо Пиглиуччи, Бриджид Делани. У каждого из них свой подход к стоицизму. Они фокусируются на разных его аспектах, например, на четырех стоических добродетелях (мужество, умеренность, справедливость и мудрость), интересуются стоическими практиками, или ищут систему навигации по жизни. Многие из них не имеют образования в области философии, но их книги становятся бестселлерами New York Times (например, книга «Причины не беспоко-

Тимощук Е. А.

Тимощук И. А.

иться: как быть стойким в хаотические времена» журналиста Дилейни, «Дисциплина – это судьба: сила самоконтроля» Холидея» [2].

Сегодня стоицизм – это не столько философия, сколько сборник ежедневных советов для преодоления тревоги, медитаций для обуздания гнева, упражнений для обретения неподвижности и спокойствия – не через «ом-медитацию» или молчаливые уединения, а через рассуждения, которые остужают или сбивают меня с пути. Современный продукт стоицизма гиперболизирован в часто цитируемых эпиграммах греческого стоика Эпиктета, но это далеко не весь стоицизм. Взгляд, сфокусированный на «я», упускает из виду акцент древнего стоицизма на нашем процветании как социальных личностей, связанных на местном и глобальном уровнях.

Первые стоики учили, что мы – граждане мира, связанные со всем человечеством через наш разум. Марк Аврелий в работе «Наедине с собой» рисует наглядный образ. Он записывает свои заметки в тишине ночи после дня битвы во время германских походов. Его мысли заняты развалинами поля боя: «Представьте себе руку и голову, лежащие отдельно от остального тела. Вот что человек делает из себя, когда отрывает себя от мира» [6, с. 48].

Сенека делает похожие выводы, он считает, что мы часто можем с помощью внимания и силы воли отслеживать импульсивные мышления и быстрые телесные реакции, которые следуют за ними, и пресекать их в зародыше. Он признает, что природа запрограммировала нас реагировать на угрозы жизни; вот что значит жить «в согласии с природой». Но он также учит, что мы не всегда хорошо можем оценивать эти угрозы. Страх и гнев слишком часто опережают разум. Нам нужно учиться, как и когда нажимать на паузу. Нам нужно мобилизовать внимание, говорит он, чтобы уменьшить влияние автоматических реакций, которые подвержены искажениям и ошибкам [7, с. 45].

Цель ежедневной медитации – это не только невозмутимость. Это спокойствие, укорененное в добродетели, а добродетель для древних греков и римлян, в том числе и стоиков, всегда заключалась в осознании себя в качестве гражданина, то есть части социальной структуры. Об этом говорит Марк Аврелий: «Люди рождены друг для друга» [6, с. 59].

Эти основополагающие элементы стоической этики не всегда поднимаются на вершину ежедневной стоической рассылки или списка бестселлеров. Например, профессор Шерман указывает тем, кто жаждет стоической мудрости на сами древние тексты [4].

В своем трактате «О гневе» Сенека призывает нас: «Давайте пестовать нашу человечность. Пусть нас никто не боится, пусть никому не грозит от нас опасность. Давайте презирать обиды, потери, ссоры, склоки, издевки, великодушно перенося скоротечные неприятности» [7, с. 45]. Это обещание стоиков: наделить нас силой в нашей общей человечности. Это не самотерапия, а групповая терапия. Безусловно, современному человеку стоит читать стоиков потому, что они призывают нас раскрыть свой потенциал – через разум, самодисциплину, сотрудничество и самоотверженность.

Несмотря на все изменения в обществе, люди все так же боятся резких изменений в своей жизни, неудач и опасностей, а также смерти. В стоицизме современный человек ищет утешения, как в прагматической философской школе, а также подтверждения правильности своей жизни. Современный стоицизм – «социальное вероучение» без религиозных практик (важно заметить, что стоицизм одинаково привлекателен как для верующих людей, так и для атеистов), а также способ медитации без боли в суставах, но прежде всего, это медийный продукт.

Не стоит забывать и о разнице мировоззрения эллина и современного человека. Марк Аврелий, как глава государства и представитель своей эпохи как никто другой понимал важность античного гражданского самосознания.

Поэтому так неуместно выглядит индивидуализм современного поп-стоицизма. Человек в античном мире, прежде всего гражданин, часть социума. Мы не должны рассматри-

вать отдельных авторов, а брать всех стоических мыслителей, рассматривать их влияние друг на друга, чтобы видеть контекст. Мы также не должны забывать о влиянии эпохи. Стоицизм появился в эпоху кризиса, поэтому даже современному человеку это философское учение всегда может прийти на помощь, если воспринимать его чуть менее поверхностно. Стоицизм предлагает современному человеку жизненные ориентиры, позволяет принимать взвешенные решения, формирует активную гражданскую позицию. Стоицизм в массовой культуре заполняет экзистенциальную пустоту человека между долгом, социальными обязательствами и самоактуализацией, заверяя в возможности осмысленной и гармоничной жизни. Пересмотр и популяризация оригинальных текстов античных философов, которые написаны не слишком сложным языком, способны сделать стоицизм современной практической жизненной философией, помочь сформировать осознанный выбор в пользу самодисциплины и внутренней силы, способной преодолеть испытания дня и всей жизни.

Что касается вещей второй категории, стоицизм учит нас, что мы должны отложить их в сторону и не заботиться о них. После того, как мы преуспели в первой категории, мы должны посвятить всю свою энергию последней категории, установить плановые цели, основанные на реальной ситуации, сделать все возможное, а затем принять окончательный результат. Только так мы сможем прожить свою жизнь наиболее эффективно.

Исторический упадок стоицизма связывают с возникновением христианства. На самом деле вера и жизнь не противоречат друг другу, истинная вера дорожит каждым мгновением жизни. Стоик усердно работает, искореняет лень, заботится о других, подавляет душевный хаос.

В современное общество стремительно ворвался культ сверхпродуктивности и универсальности, чему способствуют многочисленные организаторы, потребность составлять ежедневное расписание, неизбежные переработки, тайм менеджмент. Отдых также приобрел новое функциональное значение, необычайно популярными стали методики расслабления, различные формы медитации. Потребность выстроить баланс между работой и отдыхом – примета современной жизни в скоростном ритме [8].

Действительно, стоицизм чем-то похож на дзэн-буддизм в том, что они требуют от нас помнить о нашем временном бытии в мире. Он не предает переживаниям о смерти и не надеется на спасение в загробной жизни или на небесах. Стоик лишь периодически отвлекается от наслаждения жизнью, чтобы созерцать ее мимолетность, а затем смотрит в лицо настоящему и более тщательно создает будущее.

Пристатейный библиографический список

1. Durrant N. Three Reasons Not to Be Stoic (but to Try Nietzscheanism Instead). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theconversation.com/3-reasons-not-to-be-a-stoic-but-try-nietzsche-instead-198307>.
2. Sharp M. Stoicism 5.0: An Unwanted Reboot of Ancient Philosophy in the 21st Century. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theconversation.com/stoicism-5-0-the-unlikely-21st-century-reboot-of-ancient-philosophy-80986>.
3. Gambardella S. Nietzsche vs. Stoicism Is the Quest for Truth and Order Futile? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com/the-sophist/nietzsche-vs-stoicism-58f6bd3c8693>.
4. Sherman N. If you're reading Stoicism for the sake of the loopholes, you're missing the point. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2021/05/14/opinion/stoics-self-help.html>.
5. Рассел Б. История западной философии. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 1024 с.
6. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления. – М.: Литрес, 2018. – 140 с.
7. Сенека Л. О гневе // Луций Анней Сенека. Философские трактаты. – М.: Алтейя, 2000. – С. 103-179.
8. Тимошук И. А. Стереотипное восприятие стоицизма в XXI веке // Актуальные проблемы социального развития. Философские и социологические исследования. – Архангельск: САФУ, 2023. – С. 268-272.

ТРИФОНОВА Татьяна Леонидовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Академии ФСИН России

ШИБАЕВА Галина Евгеньевна

кандидат психологических наук, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются проблемы формирования патриотического сознания в системе традиционных российских ценностей через систему патриотического воспитания. Автором были определены три необходимых взаимосвязанных составляющих категории патриотизма: отношение, сознание и деятельность. Реализация патриотического сознания осуществляется через патриотическую деятельность, как совокупность действий, направленных на реализацию патриотических потребностей, интересов, желаний. Формирование патриотического сознания является целью патриотического воспитания. Исходя из данного утверждения, в рамках представленной статьи автор попытался определить необходимые составляющие патриотического воспитания в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое сознание, традиционные ценности, патриотическое воспитание, историческая память.

TRIFONOVA Tatyana Leonidovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SHIBAEVA Galina Evgenjevna

Ph.D. in psychological sciences, Head of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the St. Petersburg University of the FPS of Russia

FORMATION OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS IN THE SYSTEM OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

The article deals with the problems of forming patriotic consciousness in the system of traditional Russian values through the system of patriotic education. The author identified three necessary interrelated components of the category of patriotism: attitude, consciousness and activity. The implementation of patriotic consciousness is carried out through patriotic activity, as a set of actions aimed at realizing patriotic needs, interests, and desires. The formation of patriotic consciousness is the goal of patriotic education. Based on this statement, within the framework of the presented article, the author tried to determine the necessary components of patriotic education in the system of traditional Russian spiritual and moral values.

Keywords: patriotism, patriotic consciousness, traditional values, patriotic education, historical memory.

Трифопова Т. Л.

Шибаетова Г. Е.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей¹.

Угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определен перечень традиционных ценностей: жизнь, достоинство, права и свободы человека,

патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.²

1 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

2 Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Таблица 1. Что, по-Вашему, значит быть патриотом?

	2000	2006	2010	2018	2020	2022
Любить свою страну	59	69	71	59	47	50
Работать и действовать во благо/для процветания страны	35	29	26	38	44	50

Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

В перечне традиционных ценностей российского общества, в том числе, определен патриотизм. Проблема патриотизма в настоящее время является одной из наиболее актуальных тем исследования, особого внимания заслуживают вопросы формирования патриотического сознания через систему воспитания современного молодого поколения.

Патриотизм – это сложное многоплановое явление, сочетающее и преломляющее в себе прошлое и настоящее своего Отечества, чувственное и рациональное, обыденное и идейное, привязанность к родным местам и высокие патриотические идеалы, поступки, гражданский героизм и самопожертвование во благо Родины.

Необходимо учитывать, что поведение человека определяется его сознанием, системой сформированных ценностных установок, и, следовательно, патриотическое поведение возможно только тогда, когда человек осознает кровную, неотъемлемую, духовную связь со своей Родиной, реализуемую через специфическое душевное состояние, называемое «любовь к Родине». Именно это чувство осознанности формирует в человеке целенаправленную патриотическую деятельность, выражающуюся через категории гордость, ответственность, долг перед Отчиной.

Таким образом, генезисом патриотизма является ценностное отношение человека к Родине, формирующее, в свою очередь, направленность его потребностей, интересов и желаний в духе патриотического восприятия действительности, направляющего его на соответствующие действия и поступки.

Сформированность патриотического сознания в личности – это важнейшее условие функционирования патриотизма в обществе. Субъектно-объектные отношения находят свое выражение в деятельности, которую осуществляет субъект патриотизма в практическом отношении с объектом, то есть в тот момент, когда он начинает действовать как патриот.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно определить три необходимых взаимосвязанных составляющих категории патриотизма: отношение, сознание и деятельность. Реализация патриотического сознания осуществляется через патриотическую деятельность, как совокупность действий, направленных на реализацию патриотических потребностей, интересов, желаний. Формирование патриотического сознания является целью патриотического воспитания. Исходя из данного утверждения, в рамках нашей статьи мы попытаемся определить необходимые составляющие патриотического воспитания в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Патриотизм представляет собой сложное, многогранное понятие. Существует достаточно много трактовок понятия патриотизм, определяющими и смыслообразующими категориями здесь являются следующие: любовь к Родине, семье, уважение к государственным символам, законам, конфессиям и национальностям, гордость за достижения, почтение к традициям, признание единства своей судьбы и судьбы своей страны, народа, а также совокупность действий, направленных на реализацию патриотического сознания и отношения.

Необходимо отметить, что патриотами своей страны себя считают 91 % россиян,³ но патриотизм в большей степени воспринимается как любовь к своей стране, чем как деятельность, направленная на благо страны. Что подтверждается данными ВЦИОМ: так, на вопрос «Что, по-Вашему, значит быть патриотом?» ответы распределились следующим образом (таблица 1)⁴:

Как видно из таблицы, динамика в сторону восприятия патриотизма как деятельности является положительной, более того согласно опросу ВЦИОМ проведенному в 2023 г. большая часть россиян выразила мнение, что быть патриотом – значит, работать и действовать во благо, для процветания страны.⁵

При этом, необходимо отметить, что само понятие благо понимается, в первую очередь как личностно-ориентированные ценности. Так, на вопрос «Что для Вас лично означает «любить свою Родину?» 16 % указали – любовь к семье, забота о близких, 5 % – действовать в интересах страны, на благо страны.

Таким образом, связь патриотического сознания с деятельностной основой является не достаточной. На наш взгляд, решением этого вопроса может стать пристальное внимание институтов социализации к вопросу воспитания патриотизма.

В последние несколько лет задачи патриотического воспитания в нашей стране стали приоритетными, а развитие патриотизма, формирование патриотического сознания является стратегическим приоритетом национальной безопасности России. Об этом свидетельствует ряд принятых на законодательном уровне решений. Так, в 2021 году принят Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», в рамках которого ведется работа по развитию воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования.

Патриотическое воспитание здесь определено как воспитание патриотической личности, характеризующееся развитием в гражданине фундаментальной личностной установки, которая определяет оценочную позицию человека по отношению к социокультурной действительности и мотивирует общественно значимую деятельность, в которой эта позиция выражается. Содержанием этой установки является неразрывная связь с историей, традицией, территорией и культурой своей страны, в целом и частью, то есть от уровня малой родины до великой Родины⁶. Проект рассчитан до 31.12.2024, предполагается, что к этому времени доля граждан РФ в возрасте от 5 до 19 лет, непосредственно вовлечен-

3 По данным ВЦИОМ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 05.02.2024).

4 Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 05.02.2024).

5 Патриотизм: мониторинг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 05.02.2024).

6 Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 05.02.2024).

ных в реализацию мероприятий данного проекта возрастет от 61 % в 2021 г. до 90 % в 2024 г.

Федеральным агентством по делам молодежи были разработаны методические рекомендации по основам патриотического воспитания граждан Российской Федерации, где определены цели, задачи и принципы патриотического воспитания, которые в основе своей сводятся к формированию патриотического сознания, на основе традиционных ценностей и готовности служить своему Отечеству. Реализация данной цели должна основываться на гибкой, деликатной, оперативной системе патриотического воспитания, сопровождающего человека на протяжении всей жизни, при этом необходимо учитывать специфику возрастных групп.

Действительно, воспитание патриотизма должно быть системным, начиная с самого детства. Первичным институтом социализации является семья. Преемственность поколений, связь судьбы личной с судьбой своего Отечества, историческая память в контексте не абстрактно-отстраненных событий, а лично пережитых членами твоей семьи, воспоминания бережно передающимися из поколения в поколение в высокой степени способны сформировать ценностные ориентиры патриотизма. Патриотизм, в свою очередь, способен раскрыться в поведении через определяющее его ценностное сознание.

Для воспитания истинного патриота своей страны необходим комплексный подход, сочетающий в себе различные виды воспитания: нравственное, умственное, трудовое. Признавая эффективность семьи, учреждений культуры в воспитании патриотизма, необходимо обратить внимание на то, что образовательные организации играют здесь важную, определяющую роль. Патриотизм зависит не только от воспитания, но и от качества образования. В Федеральном законе от 29.12.2012 № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплено понятие образования как «единого целенаправленного процесса воспитания и обучения»⁷. То есть образование представляется как два взаимообусловленных процесса: воспитания и обучения. Так, с 1 сентября 2023 г. в основную образовательную программу среднего общего образования введены курсы начальной военной подготовки для старшеклассников, а также уроки «Разговоры о важном». При этом, положительное отношение к нововведениям декларируют 78 % и 63 % россиян соответственно, среди причин положительного отношения были перечислены в том числе и необходимость уметь защищать Родину, получение дополнительных знаний о России, нравственное, патриотическое воспитание⁸.

В Федеральном государственном стандарте (ФГОС) среднего общего образования в пункте 3 Общих положений сформулированы личностные результаты освоения основной образовательной программы, которые должны отражать уважение к своему народу, чувства ответственности перед Родиной, готовность к служению Отечеству, уважение государственных символов. Для большинства граждан олицетворением нашей страны является государственная символика: флаг, герб, гимн. Данная триада вызывает у россиян гордость и симпатию. Уровень знаний государственной символики нашей страны продолжает расти, но наш взгляд не является достаточным, так, например, верно назвали цвета государственного флага и их расположение в 2004 г. 56 % опрошенных, а в 2014 г. – 69 %; первые слова государственного гимна России

назвали верно: в 2004 г. 19 %, в 2014 – 55 %.⁹ В 2019 г. опрос, проводимый ФОМ зафиксировал уменьшение доли россиян, не знающих слова гимна: 78 % знают и слова и мелодию гимна, 83 % верно ответили о внешнем виде флага России, 80 % правильно описали, что изображено на гербе России¹⁰. При этом, необходимо отметить, что возрастает и чувство гордости, симпатии и восхищения в отношении государственной символики. Так, на вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда слышите государственный гимн?» гордость и восхищение отметили 53 % в 2006 г., 72 % в 2023 г.¹¹

В настоящее время систематично и целенаправленно с позиции того, что образование – это есть взаимосвязанный процесс воспитания и обучения, в практику работы государственных и муниципальных общеобразовательных организаций, учреждений среднего профессионального образования внедряется комплекс мер по изучению истории государственных символов Российской Федерации, церемонии поднятия Государственного флага Российской Федерации и исполнению Государственного гимна Российской Федерации. Министерством просвещения России разработаны методические рекомендации по использованию и включению в содержание процесса обучения и воспитания государственных символов Российской Федерации, с целью изучения истории государственных символов Российской Федерации и использования начиная с 1 мая 2022 г. в практике воспитательной работы образовательных организаций церемонии поднятия Государственного флага Российской Федерации и исполнения Государственного гимна Российской Федерации.¹² Кроме того, в целях укрепления неразрывности и последовательности в процессе воспитания патриотизма, традиционных духовно-нравственных ценностей у обучающихся, в настоящее время в Думу внесен законопроект, предлагающий установить, что Государственный флаг Российской Федерации должен быть вывешен постоянно на зданиях образовательных организаций независимо от форм собственности или установлен постоянно на их территориях: детских садах, школах, колледжах, институтах, университетах¹³.

Каждая страна должна обладать своей обширной и взыскательной исторической памятью, постоянно опираться на то лучшее, что накоплено предыдущими поколениями. По словам Ч. Айтматова, «человек без памяти не найдет свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем» [1, с. 378].

Какова эта историческая память – собирательная, всепрощающая, оценочная, критическая – имеет большое зна-

7 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 07.02.2024).

8 Первое сентября: что нового в наших школах? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pervoe-sentjabrja-chto-novogo-v-nashikh-shkolakh> (дата обращения: 06.02.2024).

9 Символы России: знаем и гордимся! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii-znaem-i-gordimsya> (дата обращения: 06.02.2024).

10 Опрос «ФОМнибус» проводился 1 – 2 июня 2019 г. в 104 населенных пунктах, 53 субъектах РФ при участии 1,5 тысячи респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6 %. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190607/1555380318.html> (дата обращения: 06.02.2024).

11 Символы России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii> (дата обращения: 06.02.2024).

12 Методические рекомендации «Об использовании государственных символов Российской Федерации при обучении и воспитании детей и молодежи в образовательных организациях, а также организациях отдыха детей и их оздоровления». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-15042022-n-sk-29506-ob-ispolzovanii/#100008> (дата обращения: 06.02.2024).

13 О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона «О Государственном флаге Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/541931-8#bh_note (дата обращения: 06.02.2024).

чение, так как историческая неразборчивость, попытки протаскать в настоящее и приживить то, что уже давно осуждено и отвергнуто жизнью, на лицо обнаруживают проявления национализма. В условиях, когда патриотизм фальсифицируется, подгоняется под собственные ответы, используется как прикрытие борьбы за личные цели под высокими знаменами общего дела, он теряет свои смыслообразующие компоненты и перестает выполнять свою основную функцию. Память должна нести в себе энергию созидания. Но искаженная, отравленная память может превратиться в слепое оружие разрушения.

В наши дни история становится всеобщим достоянием, вводятся в научный оборот не преданные ранее огласке факты, что отвечает потребности в исторической правде, во всестороннем освещении прошлого. Воспитание историей – это средство формирования и развития патриотического сознания личности. Задача воспитания историей заключается в формировании знаний основных закономерностей исторического процесса, умений проводить исторический анализ событий, способности на основе анализа основных этапов исторического процесса развития Российского государства, его места и роли в контексте всеобщей истории, традиционных ценностей российского общества формировать устойчивые внутренние мотивы патриотического поведения. Глубокое, всестороннее знание истории своей страны позволит противодействовать ее фальсификации, развить критическое мышление, самостоятельно, на основе знаний формировать представления о событиях в стране и в мире.

В настоящее время особое внимание уделяется формированию патриотического сознания на основе исторической памяти, что выражается в повышенном внимании к изучению Истории России в образовательных учреждениях. Так, например, Минобрнауки России утвердило приказ от 19 июля 2022 г. № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования». Согласно документу в образовательные стандарты по всем специальностям и направлениям подготовки уровней бакалавриата и специалитета вносятся изменения в части закрепления обязательного изучения дисциплины (модуля) «История России» в объеме не менее 4 зачетных единиц (144 часа), при этом объем контактной работы обучающихся с педагогическими работниками должен составлять в очной форме обучения не менее 80 %, в очно-заочной и заочной формах обучения не менее 40 % объема, отводимого на реализацию указанной дисциплины (модуля)¹⁴. Приказ вступил в силу с 1 сентября 2023 года. Начиная с указанной даты, образовательные организации высшего образования обучают студентов по обновленным образовательным программам в соответствии с образовательными стандартами.

Кроме того, с 1 сентября 2023 года в нашей стране утвержден единый государственный учебник по истории. Учебник имеет QR-коды со ссылками на документы, книги, статьи, фильмы, другие необходимые источники информации, здесь содержится более 15 тысяч документов и материалов по истории России. Национальный единый учебник истории стал полноценным интегрированным ресурсом, дающим удобный и быстрый доступ к достоверным первоисточникам, включая архивные документы.

14 декабря 2023 года в ходе проведения прямой линии с Президентом РФ, В. В. Путин обратил внимание россиян на важность и первостепенность патриотического воспитания подрастающего поколения, процитировав высказывание Бисмарка о том, что «...войны выигрывают не полководцы, а

школьные учителя и священники. Это правильно. Это точно абсолютно. Воспитание молодых людей в духе патриотизма – чрезвычайно важно. Мы уже начинаем это делать».

Мы уже осуществляем целенаправленное формирование патриотического сознания через систему воспитания молодого поколения, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Сознания, выражающегося в чувстве любви, гордости, преданности, осознании нравственного долга перед Отечеством и готовности к его защите.

Высокий моральный долг современного поколения – донести до будущего все ценное, что досталось нам от прошлого, причем в подлинном, неискаженном виде. В этом важный источник нравственного здоровья и духовной силы российской цивилизации.

Верность героическим традициям нашего прошлого, требует их развития и преломления в современных условиях. На всех полях сражений все решает человек, его сознание, личностные установки, ценностные ориентиры, основу которых составляют правильное определение и последовательное отстаивание гражданской позиции, глубокая убежденность в необходимости своего личного участия в решении проблем перестройки общества и самого мышления человека.

Пристатейный библиографический список

1. Айтматов Ч. Т. И дольше века длится день. – М.: АСТ, 2023. – 512 с.
2. Бояк Т. Н. О воспитании патриотизма у современной студенческой молодежи // Альма матер (Вестник высшей школы). – 2023. – № 10. – С. 49-50.
3. Ветошкин С. А. Патриотическое воспитание и его понятийный аппарат // Право и образование. – 2018. – № 4. – С. 4-20.
4. Жаркова М. В. Ценности и смыслы: рассуждения о патриотизме // Альма матер (Вестник высшей школы). – 2020. – № 12. – С. 41-45.
5. Сальникова О. В. Формирование патриотических ценностных ориентаций студенческой молодежи в институциональной среде высшего образования: Автореф. дис. канд. социол. наук. – Пенза, 2023. – 25 с.
6. Цветкова И. В. Поколенческие различия в динамике патриотических ценностей (на примере г. Тольятти) // Социологические исследования – 2014. – № 3. – С. 45-51.

14 Приказ от 19 июля 2022 г. № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения: 06.02.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-555-557

ФАЙЗУЛЛИН Фаниль Саитович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА

Потребности обеспечения устойчивого развития страны актуализировала исследование социального капитала и его реализации. Социальный капитал рассматривается как нематериальная часть системы ресурсов, ценностей и отношений, создающая их владельцу возможности, условия реализации определенных целей, социальной активности для получения социально значимых результатов в разных сферах общественного бытия. Его структура складывается из трудовых, научно-образовательных, профессионально-квалификационных, инновационных, организационно-управленческих, социально-демографических, политико-правоведческих элементов. Социальная диагностика этого явления представляет собой интегративную технологию, которая включает в себя совокупность принципов, методов и приемов, способствующих раскрытию основные тенденции развития, функционирования и противоречий объекта, распознавать его ресурсы, потенциальные возможности и разработать эффективные направления и обеспечения дальнейшего прогрессивного изменения. Определяются особенности использования основных методов, принципов и приемов исследования в процессе диагностики социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, социальная диагностика, принципы, методы, технологии, развитие и функционирование, реализация капитала.

FAYZULLIN Fanil Saitovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, chief researcher of the Institute of Socio-Economic Research of the National Research Center of the Russian Academy of Sciences

METHODOLOGICAL ISSUES OF DIAGNOSTICS OF THE SOCIAL CAPITAL OF THE SOCIETY

The needs of ensuring the sustainable development of the country have been actualized by the study of social capital and its implementation. Social capital is considered as a non-material part of the system of resources, values and relationships, which creates opportunities for their owner, conditions for the realization of certain goals, social activity in order to obtain socially significant results in various spheres of social existence. Its structure consists of labor, scientific and educational, professional and qualification, innovative, organizational and managerial, socio-demographic, political and legal elements. Social diagnostics of this phenomenon is an integrative technology that includes a set of principles, methods and techniques that help to reveal the main trends in the development, functioning and contradictions of an object, recognize its resources, potential opportunities and develop effective directions and ensure further progressive change. The features of the use of basic research methods, principles and techniques in the process of diagnosing social capital are determined.

Keywords: social capital, social diagnostics, principles, methods, techniques, development and functioning, capital realization.

В условиях трансформации социально-диагностическая исследовательская деятельность по изучению качественного и количественного состояния общественных явлений, процессов, их социологической экспертизы, основными задачами которых являются совершенствование системы управления и регулирования его социальных последствий, стали острой необходимостью. Вместе с тем социологический диагноз при исследовании современного состояния общества и его перспектив используется крайне недостаточно. Недостаточная разработанность методологических основ разработки социальной диагностики и ее реализации в исследовательской деятельности в этой области в нашей стране делает проблему чрезвычайно актуальной.

Как в зарубежной, так и в отечественной науке существует достаточно большое количество определений сущности и содержания социальной диагностики. Самое общее, но не раскрывающее особенности исследуемого явления, дается И. Ф. Басовым, который пишет: «Социальная диагностика — это анализ состояния социальных объектов и процессов с целью выявления проблем их функционирования»

[1, с. 188]. Л. Г. Титаренко и В. А. Бальцевич утверждают, что социальная диагностика «многозначный термин, под которым в науке прежде всего подразумевают процесс определения и сущностной характеристики социальных явлений и процессов, который выступает как необходимая первая ступень для последующего анализа этих процессов и явлений» [2, с. 436] В трактовке В. В. Щербины социологическая диагностика - это деятельность, которая направлена на выявление иерархии проблем, источниками которых являются противоречия между целями и интересами физических сообществ [3, с. 10]. С. Н. Некрасов социологическую диагностику рассматривает как определенный процесс, направленный на раскрытие проблем и определения основных путей их решения [4, с. 47]. В работе М. К. Горшкова анализируемый феномен понимается как процесс распознавания и оценка свойств, установление особенностей, состояния социума на основе целенаправленного исследования [5, с. 5]. В социологической энциклопедии социологическая диагностика определяется как «научно-исследовательская деятельность по изучению и установлению состояния объекта ис-

Файзуллин Ф. С.

следования посредством использования методов и средств социальных исследований» [6, с. 281].

Во всех приведенных здесь определениях, на наш взгляд, отражены преимущественно отдельные аспекты сущности социологической диагностики. Социологическую диагностику, по нашему мнению, следует рассматривать как интегративную технологию, которая включает в себя совокупность принципов, методов и приемов, способствующих раскрыть основные тенденции развития, функционирования и противоречий объекта, распознавать его ресурсы, потенциальные возможности и разработать эффективные направления и обеспечения дальнейших прогрессивных изменений.

Осуществление социальной диагностики предполагает ряд этапов: а) предварительное изучение объекта и разработка методологических вопросов исследования; б) определение критериев и показателей, раскрывающие особенности динамики, противоречий развития и функционирования изучаемой системы; в) сбор информации, ее обработка и анализ полученных результатов социальной диагностики; г) обобщение материалов социального диагноза и определение основных направлений управления изучаемым процессом.

Поскольку на основе результатов социологической диагностики в большинстве случаев принимаются решения об их реализации, резко возрастает необходимость строгого соблюдения методологических основ исследования объекта. Диагностические исследования должны осуществляться прежде всего на основе принципов и методов системного анализа. Системный подход к изучению социальной диагностики требует прежде всего учета историко-генетического и структурно-функционального подходов. При этом если историко-генетические методы раскрывают истоки и причины возникновения имеющихся проблем, то структурно-функциональные отражают структуру объекта, современное состояние проблем, основных тенденций и противоречий, факторов, воздействующих на эти процессы.

Важнейшим инструментом социальной диагностики является статистика. Статистика в чистом виде выступает вообще как база для установления объективных параметров социальной проблемы. Вместе с тем опора лишь на различные объективные статистические материалы недостаточно для научных выводов о развитии и функционировании исследуемого объекта, поскольку на социальный процесс существенно влияют субъективные факторы. В связи с этим появляется необходимость проведения специальных исследований социальной диагностики с использованием таких инструментальных и технологий социологической науки как наблюдение, анализ документов, анкетирование, интервьюирование, тестирование, социальная экспертиза, ранжирование полученных материалов и т.д. Особо следует отметить в настоящее время возрастание роли социальной экспертизы, которая еще не получила широкое применение в социальной диагностике. При анализе полученных материалов диагностической информации должны привлекаться достаточно активно специалисты из смежных областей деятельности. Вместе с экспертами должно осуществляться ранжирование альтернатив и порядок срочности решения проблем исходя из степени их важности и срочности.

Использование выше указанных методов обеспечивает основополагающие принципы осуществления социальной диагностики: а) объективность рассмотрения изучаемого социального объекта; б) точному установлению основных тенденций развития, функционирования и имеющихся противоречий исследуемого феномена; в) обеспечению ком-

плексности при анализе сложных связей и противоречий в динамике объекта; г) научная обоснованность рекомендаций и решений на основе результатов социальной диагностики. Таким образом, приступая к осуществлению социальной диагностики прежде всего необходимо определить сущность и особенности подвергаемого анализу объекта каким является социальный капитал.

Вместе с тем следует отметить, что в последние годы у некоторой части ученых появились идеи о необходимости отказа от разработок методологических основ исследования социального капитала. Так, И. А. Германов и Е. Б. Плотникова говорят, поскольку в настоящее время большое количество публикаций сделаны зарубежными исследователями, нам якобы предстоит большая работа по адаптации этих подходов к российским условиям [7, с. 109]. По нашему мнению, российская наука в условиях формирования новой отрасли знания должна выбрать иной путь, путь создания прежде всего теоретико-методологической концепции социального капитала не отождествляющая его с такими явлениями как сети, нормы и доверия, а более адекватно отражающая чрезвычайно сложного изучаемого феномена, используя при этом достижений как зарубежных, так и отечественных ученых при анализе отдельных аспектов проблемы

Социальный капитал в отечественной научной литературе, как и в зарубежной преимущественно рассматривается как социальные связи, общие нормы и доверия о чем свидетельствуют публикации Радаева В. В., Беляевой Л. А., Тихоновой Н. Е., Фейзба М. Я. и др. [8, с. 468]. Обобщение современной общественной практики дает основание определить социальный капитал следующим образом: социальный капитал – это нематериальная часть системы ресурсов, ценностей и отношений, создающая их владельцу возможности, условия реализации определенных целей, социальной активности для получения социально значимых результатов в разных сферах общественного бытия.

Необходимо отметить, что для социального капитала, как и для экономического капитала, характерны ограниченность ресурсов, способность к накоплению и самовозрастанию, ликвидность, включенность в воспроизводственный процесс и формирование прибавочной стоимости.

Социальный капитал любого субъекта имеет достаточно сложную иерархическую структуру, как и общество в целом. Можно утверждать, что она отражает в основном структуру общества в широком смысле, но с определенными особенностями. Необходимо также отметить, что социальный капитал не является атрибутом лишь отдельного человека, как это утверждается в большинстве зарубежных и отечественных публикаций. Его основу составляют капиталы общества в целом, различных социальных сообществ, социальных групп, слоев населения и отдельных людей, административно-государственных систем, коллективов и т. д. При анализе социального капитала, исходя из сказанного, следует выделять его такие уровни как человеческий капитал, социальные капиталы общества и различных его сообществ, регионов, социальных институтов. Так, человеческим капиталом, по мнению Добрынина А. И., Дятлова С. А., Цыреновой Е. Д. является «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка» [9, с. 33]. Что же касается социального капитала региона, то его следует рассматривать как систему элементов, непосредственно формирующих соци-

альную активность и возможности местного населения для достижения социально-экономически значимых результатов и получения различных благ [10, с. 107].

В структуре социального капитала следует выделять, трудовой, научно-образовательный, профессионально-квалификационный, информационный, инновационный, организационно-управленческий, социально-демографический, политико-правовой и другие составляющие. Естественно, каждый указанный капитал является относительно самостоятельной системой и имеет большое количество своих составляющих элементов. Все структурные элементы социального капитала находятся в органической взаимосвязи и взаимообусловленности. Возникающий в результате тесной взаимосвязи различных капиталов синергетический эффект, который, во-первых, способствует усилению социального капитала общества в целом и его отдельных элементов. Во-вторых, он формирует особенности капитала конкретных социальных субъектов. Поэтому при исследовании и разработке системы управления все структурные элементы социального капитала должны рассматриваться в их взаимосвязи, взаимной обусловленности и развитии.

Все структурные элементы социального капитала отражают не только общее, но и особенное капитала, составной частью которого они являются. При анализе особенностей конкретных видов социального капитала специфика каждого из них прослеживается достаточно четко:

Трудовой капитал, являясь составной частью социального капитала, представляет собой накопленный запас особенностей, знаний, опыта, квалификации, которые реализуются в процессе трудовой деятельности и становятся фактором создания материальных благ, приносят доход человеку, определенному социальному сообществу и государству в целом.

Научно-образовательный капитал – это феномен, сформировавшийся на основе диалектической взаимной связи научного и образовательного потенциалов, который реализуется как главный фактор, способствующий созданию основ новых материальных и духовных благ и их реализации.

Профессионально-квалификационный капитал – это полученный в процессе обучения по определенной специальности и профессиональной деятельности комплекс знаний, умений, навыков и способностей, реализация которых в жизнедеятельности людей является фактором создания конкретных продуктов, материальных и социальных благ и доходов.

Информационный капитал – это часть социального потенциала, позволяющая повышать степень обоснованности принимаемых решений, обеспечивая их своевременность, согласовывать решения, применяемые на различных уровнях управления и в разных структурных подразделениях.

Инновационный капитал – это часть инновационного потенциала различных субъектов, способных к созданию и реализации наукоемких продуктов, соответствующих требованиям мирового уровня или опережающих их, на основе которых происходит интенсификация общества или его подсистем.

Под социально-демографическим капиталом подразумевается определенная часть населения, обладающая способностями к своему воспроизводству и реализации функций, направленных на развитие общества.

Организационно управленческий капитал представляет собой способности воздействия на системы в целях совершенствования их функционирования и развития на основе различных средств и методов достижения целей и задач, на-

правленных на получение более высоких показателей в различных сферах социальной и экономической деятельности.

Под политико-правовым капиталом понимается совокупность политико-правовых ресурсов, наделенных полномочиями и способностями обеспечить управление процессами развития общества.

Таким образом, анализ сущности социального капитала дает основание утверждать, что это достаточно сложный феномен, содержание которого нельзя ограничить, рассматривая это явление лишь как социальные нормы и сети, связи и доверия, оказывающие воздействие на хозяйственные процессы, как это делается в большинстве отечественных публикаций, некритически повторяющих зарубежные авторы.

Поскольку социальный капитал имеет большое количество разнообразных структурных элементов, некоторые исследователи утверждают, что вряд ли возможно здесь создать общую систему показателей. Тем не менее разработка системы показателей, необходима не только для определения его сегодняшнего состояния, тенденций развития и функционирования, социальной диагностики, но и для совершенствования технологии управления этими процессами.

Пристатейный библиографический список

1. Основы социальной работы. Под ред. Н. Ф. Басова. - М.: Академия, 2007. - 288 с.
2. Титаренко Л. Г., Бальцевич В. А. Социология: энциклопедия. - М.: Наука, 2003. - 581 с.
3. Щербина В. В. Средства социальной диагностики в системе управления. - М.: Изд-во МГУ, 1993. - 24 с.
4. Некрасов С. И. Факторы организационного развития предприятий. - М.: Изд-во «Академия естествознания», 2009. - 235 с.
5. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. - М.: Изд-во «Новый хронограф», 2011. - 458 с.
6. Германов И. А., Плотнокова Е. Б. Концептуализация и операционализация понятия «социальный потенциал» в исследованиях организаций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2017. - Вып. 1. - С. 106-114.
7. Файзуллин Ф. С., Файзуллин Т. Ф. Основные подходы к исследованию социального капитала в современной зарубежной науке // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 4 (179). - С. 466-470
8. Социологический словарь. 2-е изд. - Минск: Университетское, 1999. - 528 с.
9. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитной экономике: формирование, оценка, эффективность использований. - СПб.: Наука, 1999. - 312 с.
10. Формирование социального капитала региона: проблемы определения сущности и факторы развития: коллективная монография / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф., акад. Академии наук Республики Башкортостан Ф. С. Файзуллина. - Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. - 188 с.

ШМАТЬКО Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИОРЕГУЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ИСТОРИЧЕСКОГО, ПРАВОВОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

В статье проводится исследование исторического сознания как формы общественного сознания и как феномена, который воздействует на процессы и явления, происходящие в полях различных социокультурных практик. Как и другие формы сознания, историческое сознание проявляет себя не только на общественном, intersubъективном уровне, но и на индивидуальном. Историческое сознание играет роль регулятора социальных процессов и регулятора функционирования общественных институтов, формируясь в процессе переосмысления коллективной памяти и intersubъективного исторического опыта и участвуя в продуцировании исторических нарративов, социальных мифов и политических идеологий. Консолидация субъектов общества в рамках исторического сознания в оценке отдельных исторических процессов может способствовать выстраиванию устойчивой культурной, национальной и/или цивилизационной идентичности, которая может стать основой для развития стабильного процесса политической легитимации и правовой легализации власти на базе политического и правового сознания.

Ключевые слова: социальная философия, историческое сознание, политика, право, политическое сознание, правовое сознание, идентичность, легитимация власти, национальное самосознание.

SHMATKO Alexander Alexandrovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and world religions sub-faculty of the Don State Technical University, Rostov-on-Don

MANIFESTATION OF THE SOCIO-REGULATORY FUNCTION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN THE INTERRELATION OF HISTORICAL, LEGAL AND POLITICAL

The article conducts a study of historical consciousness as a form of social consciousness and as a phenomenon that affects the processes and phenomena occurring in the fields of various sociocultural practices. Like other forms of consciousness, historical consciousness manifests itself not only at the social, intersubjective level, but also at the individual level. Historical consciousness plays the role of a regulator of social processes and a regulator of the functioning of public institutions, being formed in the process of rethinking collective memory and intersubjective historical experience and participating in the production of historical narratives, social myths and political ideologies. The consolidation of subjects of society within the framework of historical consciousness in the assessment of individual historical processes can contribute to the building of a stable cultural, national and/or civilizational identity, which can become the basis for the development of a stable process of political legitimation and legal legalization of power on the basis of political and legal consciousness.

Keywords: social philosophy, historical consciousness, politics, law, political consciousness, legal consciousness, identity, legitimation of power, national identity.

Динамика социальных процессов сопровождается рефлексией как отражением, осмыслением особенностей их в рамках общественного сознания. Политические процессы рефлексиируются в рамках политического сознания, процессы законодательства и законоприменения осмысливаются в рамках правового сознания, экономические процессы отражаются в рамках экономического сознания. Особенностью исторического сознания является то, что оно отражает не столько процессы, происходящие в настоящем, сколько уже произошедшие события, последствия определенных случившихся процессов [10]. Тем не менее несмотря на то, что правовое, экономическое и политическое сознание, с одной стороны, и историческое сознание, с другой стороны, обращены к различным пластам социального времени, они активно взаимодействуют между собой [8]. И это способствует тому, что историческое сознание как форма общественного сознания активно воздействует на различные процессы и явления, происходящие в полях различных социокультурных практик [11]. При этом следует обратить внимание, что историческое сознание (как и другие формы сознания) проявляет себя не только на общественном, intersubъективном уровне, но и на индивидуальном [5]. Социальные субъек-

ты также постоянно рефлексиируют события и процессы прошлого. Примечательно, что процесс индивидуальной оценки процессов прошлого может строиться на различных ценностных фундаментах. Поэтому в одном и том же обществе или даже в одной и той же группе события прошлого могут оцениваться различным образом. В этой связи важным является выстраивание общего вектора оценок прошлого для того, чтобы продуцировать процессы создания единой идентичности на групповом, национальном и цивилизационном уровнях [7], что достаточно важно для коллективистской разновидности социальности [2]. В противном случае, если оценки социальными субъектами и социальными группами исторических событий могут быть диаметрально противоположенными, в обществе может наметиться раскол. Раскол может быть латентным, скрытым для массового сознания или весьма заметным в общественно-политической жизни общества. Наличие данного раскола может иметь различные последствия, вплоть до делегитимации структур и институтов власти [4]. Наоборот, консолидация в рамках исторического сознания в оценке отдельных исторических процессов может способствовать выстраиванию устойчивой культурной, националь-

Шматько А. А.

ной и/или цивилизационной идентичности, которая может стать базисом для создания стабильного процесса политической легитимации и правовой легализации власти на базе устойчивого политического и правового сознания [1], а также развития национального самосознания как основания национальных ценностей [3]. На данном примере прослеживается очевидная взаимосвязь исторического, политического и правового сознания. Кроме того, становится очевидным, что историческое сознание играет роль регулятора ряда социальных процессов и регулятора функционирования определённых общественных институтов. Иначе говоря, формируясь в процессе переосмысления коллективной памяти и intersubъективного исторического опыта и участвуя в продуцировании исторических нарративов, социальных мифов и политических идеологий, историческое сознание выполняет роль важного социального регулятора. Важные общественно-регулирующие функции исторического сознания включают не только сохранение и передачу исторической памяти [13], формирование исторического мышления субъектов общества на базе способности к критическому мышлению [3], но процесс созидания устойчивой идентичности внутри этических и национальных сообществ и цивилизационных структур [6]. Таким образом, историческое сознание играет важную роль в общественной жизни, участвуя в формировании мировоззрения, в понимании прошлого и настоящего, поддерживая идеологические системы, сохраняя культурную память и способствуя познанию мира.

Оценивая динамику развития исторического сознания в России на протяжении более векового промежутка, можно сказать следующее. Досоветское время, предшествующее Октябрьской революции 1917 года, характеризовалось сложной социально-политической обстановкой и глубоким неравенством между различными слоями населения. Историческое сознание русского народа в это время пронизывалось чувством несправедливости и недовольства, которые стали одной из важных причин для массового поддержания революционных идей и событий 1917 года. Также в этот период формировались национальные особенности исторического сознания, связанные с осознанием русского народа себя как независимого и самобытного, с уникальной исторической судьбой и культурой. Советское время, которое длилось с 1917 года до распада СССР в 1991 году, сопровождалось идеологической индоктринацией и пропагандой. Историческое сознание русского народа было сильно нагружено идеологическими компонентами, главным образом, коммунистической идеологией. Государственная власть активно манипулировала историческими событиями и фактами, чтобы создать образ идеального социалистического общества. Таким образом, историческое сознание русского народа в советское время было подвержено противоречивостью между официально установленной исторической «правдой» и реальностью, а также между национальными и этническими интересами и политическими идеалами коммунизма. Постсоветское время сопровождалось разрушением СССР и переходом к новым политическим и социально-экономическим реалиям. Это время характеризуется появлением новых исторических нагрузок на сознание русского народа, связанных с переосмыслением прошлого, осознанием проблем и травм, вызванных переходом к рыночной экономике и демократическим преобразованиям, на фоне усиления религиозных моральных ценностей и ценности формализованного естественного права [11]. Одновременно происходит поиск новых контуров национальной идентичности и конструктивное использование исторического опыта для укрепления национального самосознания и представления общества о своей цивилизационной специфике.

Таким образом, историческое сознание русского народа является сложным и многогранным явлением, которое сочетает в себе связь с национальным сознанием, которое в значительной степени перегружено разными идеологическими схемами и конструктами. На протяжении последних ста лет оно динамично изменялось. Особенности исторического сознания русского народа демонстрируют большое значение в культурно-историческом процессе мировоззренческой, воспитательной и идеологической функций исторического сознания, а также его связь с политикой и правом, а также с соответствующими формами общественного сознания – политической и правовой формами общественного сознания.

При этом историческое сознание играет громадную роль в формировании исторической памяти, идентичности и национального самосознания.

Таким образом, дальнейшие исследования исторического сознания имеют большое значение для развития социальной философии и духовной культуры. Оживленные дискуссии по проблемам исторического сознания являются свидетельством важности этой темы в социокультурном пространстве современной России. Они позволяют лучше понять прошлое, его влияние на настоящее и будущее, а также способы его интерпретации и восприятия. Исследования исторического сознания русского народа особенно важны, так как Россия имеет богатую и сложную историю, которая оказывает огромное влияние на его сознание и коллективную память. Историческое сознание является необходимым инструментом для развития личности гражданина и общества в целом. Оно помогает понимать истоки нашей идентичности, размышлять о прошлом и делать выводы при разработке будущего. Устойчивое историческое сознание является ключом к развитию и прогрессу политических и правовых отношений в российском обществе, так как оно является важным регулятором функционирования элементов социальной системы и общественной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бичахчян М. К., Бакланова О. А. Социальная детерминация динамики правосознания: современный российский опыт // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 8. - С. 23-26.
2. Бакланова О. А. Коммунитаризм как философское основание современной теории коллективизма // Научная мысль Кавказа. - 2011. - № 2 (66). - С. 23-26.
3. Губанова М. А. Социокультурная методология исследования национальных ценностей России // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2022. - № 2. - С. 158-167.
4. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
5. Микеева О. А. Проблема конституирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности // Философия права. - 2009. - № 6 (37). - С. 65-69.
6. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследования современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 241-247.
7. Полянкин А. А., Бакланов И. С. Факторы, определяющие формирование идентичности социального субъекта в современном обществе // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. - 2012. - № 3 (32). - С. 151-154.
8. Похилько А. Д., Авалян А. М. Социальная феноменология общественного сознания // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 2. - С. 89-95.
9. Шматько А. А. Исторический опыт в структуре исторического сознания: репрезентация и социально-философская рефлексия // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2021. - № 6 (121). - С. 27-31.
10. Шматько А. А. Историческое сознание как социокультурный феномен // Национальное здоровье. - 2021. - № 3. - С. 89-92.
11. Шматько А. А., Похилько А. Д., Губанова М. А. Модальности социальных трансформаций // Гуманитарные и социальные науки. - 2015. - № 4. - С. 53-62.
12. Фомин В. Н., Похилько А. Д. Ценности морали и права в России // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2019. - № 2. - С. 57-64.
13. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Shmatko A. A., Gubanova M. A., Pokhilko A. D. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Postmodernity // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - V. 7. № 1. - С. 373-378.

ХАЗИЕВ Зия Анварович

кандидат философских наук, доцент кафедры экономической теории Уфимского университета науки и технологий

ОБЖИВАЕМЫЙ МИР И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОРЯДКА ИЗ ХАОСА

То, что нас ближайшим образом окружает, нами обживается. Необжитое предстает человеку хаотичным, неупорядоченным. В процессе жизнедеятельности мир для человека становится более упорядоченным. Упорядоченность представляет собой результат как практической, преобразующей действительности, деятельности, так деятельности сознания. В статье утверждается, что для возникновения порядка из хаоса необходимо согласованность между усилиями человека и тем, что его ближайшим образом окружает. Причем, не последнюю роль здесь играют доверительные отношения.

Ключевые слова: порядок, хаос, сознание, восприятие, внимание, контроль, доверие.

KHAZIEV Ziya Anvarovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Economic theory sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

Хазиев З. А.

THE INHABITED WORLD AND THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF ORDER FROM CHAOS

What surrounds us most closely is settled by us. The uninhabited appears to man chaotic, disordered. In the process of life, the world becomes more orderly for a person. Orderliness is the result of both practical, reality-transforming activity and the activity of consciousness. The article argues that in order for order to emerge from chaos, it is necessary to coordinate between human efforts and what surrounds him in the closest way. Moreover, trusting relationships play an important role here.

Keywords: order, chaos, consciousness, perception, attention, control, trust.

Жизнь и мышление человека, мы привыкли думать, есть приспособление к внешнему окружению. Это утверждение подкреплено суждениями разных мыслителей. (Например, по мнению Ч.С. Пирса, мышление есть средство приспособления организма к окружающей среде с целью успешного действия.) Однако есть основания полагать, что употребление здесь термина «приспособление» не дает прояснить всё, что относится к области взаимодействия человека с внешним окружением. Вместо слова «приспособление», располагающего к рассмотрению происходящего с отстраненной (объективной) позиции, воспользуемся словом «обживание», позволяющего рассматривать всё происходящее в ситуации вовлеченности в процессы (субъективно).

Итак, чем бы мы ни занимались, мы все в той или иной мере обживаем свое ближайшее окружение. Малыш учится ходить, делает свои первые шаги, и он в это самое время занят тем, что обживает мир. Кто-то устраивается на новую работу, идет в школу или поступает в университет, или, наоборот, теряет работу или бросает учебу в университете, – и этот человек, может быть, далеко не в первый раз, будет обживаться в новых для себя условиях. Одни люди кажутся обживающимися в своем окружении, другие выглядят уже обжившимися. Мир, в котором мы живем и действуем, есть не только мастерские для всего происходящего, но это также то, что мы постоянно обживаем. И то, что обжито, не похоже на то, что не обжито, ибо в первом, обжитом, возникает упорядоченность, а во втором – господствует хаос. Таким образом, здесь затрагивается важнейшая для древнегреческой философии проблема: «Почему есть Космос, а не Хаос?». И не последнюю роль в возникновении порядка (Космоса) играет процесс обживания того, с чем имеешь дело.

Мы обживаемся – и мир упорядочивается. Мы трудимся или просто живем в новых условиях, и мир понемногу упорядочивается, становится более предсказуемым. Порядок вокруг создается и преобразующей действительностью дея-

тельностью, и актами нашего сознания. Упорядоченный мир – это мир, который сделался для нас привычным. Когда мир становится привычным, он уже тем самым упорядочивается. (Эта мысль стала ключевой в учении Д. Юма; физические законы, объясняющие упорядоченность природы, полагал философ, зиждутся на наших привычках.) Вместе с тем, переход от хаоса к порядку, сопровождающий процесс обживания окружающей среды, не всегда идет гладко и в одну сторону. Потому что действительность нет-нет да и преподносит нам сюрпризы, но и само сознание порой оказывается источником непредсказуемого. Пример такого вторжения беспорядка в упорядоченное ближайшее – а ближайшее формируется восприятием предметов – можно найти в рассказе «Сон» японского писателя Р. Акутагава. Писатель вспоминает о происшествии, случившимся с ним в детстве.

«Я вспомнил о случае, происшедшем двенадцать-тринадцать лет назад, – пишет он. – Я, в то время ещё ребенок... в сумерки жег бенгальские огни. Это происходило... на террасе деревенского дома, где жили мать с отцом. Вдруг кто-то громко закричал: «Эй, давай, давай!» Мало того, еще похлопал меня по плечу. Мне пришлось, конечно, сесть на край террасы. Но когда я растерянно огляделся, то вдруг увидел, что сижу на корточках около луковой грядки за домом и старательно поджигаю лук. Да к тому же коробка спичек уже почти пуста...» [1]

Автор рассказа по рассеянности вместо бенгальских огней стал старательно поджигать лук. Конечно, чуть позже всё прояснилось: мальчик огляделся и увидел, что делает. Подобные промахи можно истолковывать как временное умопомрачение, как нарушение установившегося в сознании порядка, как вторжение хаоса в ближайшее окружение. Бывает, мы словно спим наяву и на некоторое время теряем связь с действительностью и делаем не то, что нам кажется. Наше

внимание к какой-либо детали производимого действия ослабевает, и тогда что-то, бывает, идет не так, как ожидаешь. К счастью, если такое случается, то небольшого усилия, которое мы прикладываем, чтобы стать вновь внимательными, оказывается достаточным для восстановления пошатнувшегося порядка. Однако бывает так, что прикладываемых усилий оказывается недостаточно. Чтобы на уровне восприятия установился порядок, еще должна иметься *согласованность* этих усилий (или волевого устремления) с окружением. Отсутствие согласованности усилия с ближайшим окружением замечается тогда, когда попадаешь в новые условия, условия, в которых не обжился. Если, к примеру, вы никогда не ходили по канату и пробуете по нему пройти, то стремление быть предельно внимательным (и соответствующее этому стремлению усилие), очень вероятно, вам не поможет; ваши действия не будут совпадать с тем, что задумано, потому что в новых для вас условиях не будет согласованности усилия с окружением. *Согласованность усилия (волевого устремления) с миром нами достигается в процессе обживания.*

Когда мы становимся внимательными, мы неупорядоченное, неопределенное приводим к порядку. «...Невнимательное или бредовое восприятие уподобляется полудреме...», – пишет французский философ М. Мерло-Понти в книге «Феноменология восприятия», – его объект лишен плотности, единственными объектами, о которых можно говорить, являются объекты пробужденного сознания» [2]. Упорядочивание осуществляется не только через акты сознания (созерцательно), но и через практическую деятельность. Быть внимательным, когда что-то исполняешь или в чем-то участвуешь, – значит уметь вовремя и правильно отреагировать на нежелательное изменение в ближайшем окружении. Когда учитель в классе на некоторое время отвлекается от урока, занявшись проверкой работы одного из учеников, ученики, уловив момент, начинают шуметь и хулиганить, но стоит учителю поднять на учеников свой взгляд, шалости тотчас прекращаются. Все ученики чувствуют на себе внимание учителя, который может распоясавшихся и наказать. Менее опытному учителю, чтобы держать учеников в рамках подходящего поведения, приходится на одних топтать ногами, других – наказывать, да и не всегда эти меры, быть может, действуют, потому что у менее опытного учителя еще нет, как здесь говорится, согласованности усилий с окружением.

На первый взгляд кажется, что умение вовремя отреагировать на нежелательное изменение и исправление ситуации есть *контроль* над чем-либо. Мы говорим: «Урок проводится под контролем учителя». Учитель с опытом всегда бдителен (на его уроках не забалуешь), а учитель без опыта не всегда контролирует ход урока, и, следовательно, он не всегда внимателен. Что мы имеем в виду, когда говорим о контроле? На заводах есть так называемый отдел технического контроля, который проверяет выпускаемую продукцию на соответствие техническим нормам. Следовательно, контроль здесь это *проверка* на соответствие выполненного с требуемым. Или министр МЧС, выступая перед журналистами, заявляет по поводу охвативших леса пожаров о том, что «ситуация находится под контролем». Это, надо понимать, означает, что очаги стихийного бедствия локализованы и в скором времени будут устранены. Следовательно, контроль здесь это *подавление* нежелательных вариантов развития событий. Или еще: директор предприятия пообещал заказчику лично проконтролировать выпуск партии высокоточной техники, относительно которой у них имеется договоренность. Это означает, что директор обязуется проследить за всем ходом работ в цепи производственного процесса. Следовательно, контроль здесь это, главным образом, *управление* производством. Всюду контроль над чем-либо означает установление соответствия ожидаемого с действительным. Вместе с тем, это подчинение того, что контролируется, воле контролирующего. Очевидно, мы можем осуществлять контроль над

чем-либо только при условии, что имеется согласованность наших усилий с окружением. Однако не всегда согласованность достигается через контроль.

В поэме Т.С. Элиота «Четыре квартета» есть фрагмент, в котором английский поэт и философ размышляет о реке и говорит о том, что река это не объект, которым управляет человек, а своенравная стихия.

*Не так уж много знаю о богах; но кажется река
Могучею богиней, неукротимой и непобежденной –
Дайте только срок! Сперва она была границей,
Путем торговым, полным приключений;
И наконец – задача наводителю мостов.
Задача решена – богиня горожанами
Забыта; но все ж она неумолима –
В назначенное время свирепеет, сносит все, напоминая –
Чтоб не забывали. Ни почестей, ни жертв
От технократов; но ждет она и выжидает [3]*

Быть может, поэт прав? Быть может, будет правильно думать, что нас окружают не объекты, поведение которых управляемо и предугадываемо, а стихии, следующие своей собственной сущности и способные обмануть наши ожидания? Быть может, контроль не является подлинным отношением человека к своему окружению? Но тогда как мы можем полагаться на то, что самостоятельно, что не находится в нашем подчинении? – Мы делаем это посредством *доверия*... И учитель в классе, подумав, что контролирует учеников, наверное, ошибется. Урок проходит в согласии с замыслом учителя по той причине, что прежде учителем было завоевано доверие учеников, и ученики ответно пробудили к себе долю доверия учителя. То, что мы именуем словом «контроль», часто подразумевает доверие. Контроль над чем-либо предполагает постоянное, неусыпное внимание (ведь необходимо вовремя отреагировать на нежелательное изменение). Учитель в классе не может одновременно следить за всеми учениками, всё держать в поле своего внимания. Много в его работе происходит само по себе, бесконтрольно. Учитель отвернулся к доске, он не видит учеников и, стало быть, в этот момент их не контролирует, но ученики продолжают слушать учителя, они действуют в согласии с его замыслом, и учитель догадывается об этом, потому что существует доверие. Возможно, доверие является тем подлинным отношением, которое в процессе обживания создает согласованность волевых устремлений с окружением; доверие, говоря другими словами, упорядочивает ближайшее окружение. Это наиболее близкое отношение человека к «иному» (человеку, живому существу или стихии); недоверие же – это отдаление человека от «иного» (человека, живого существа или стихии). Довериться кому-то (или чему-то) не означает подчинить своей воле; напротив, доверие строится на признании независимости «иного», и в то же время оно есть согласие с этим «иным». Когда командир военного подразделения отдает приказ солдату, он знает, что приказ будет исполнен, ибо в случае неисполнения приказа солдату грозит суровое наказание. Когда малыш подает голос, зовя маму, это не приказ, мама не находится в подчинении у своего ребенка, и это не опытами установленная регулярность «если подать голос, то прибежит мама», скорее, это ожидание, что мама обязательно придет; малыш не знает, почему мама придет, но она придет, потому что он доверился маме. *Доверие, можно сказать, выстраивает порядок в мире без рациональной основы, без какой-либо яности относительно причин этого порядка.*

Приглядимся к своему телу. Оно послушно следует нашим движениями души. Почему оно нам послушно? Мы этого не знаем. Просто когда-то, обживаясь, мы доверились ему, и у нас мало-помалу возникло некое согласие с этой стихией. В процессе обживания у нас растет доверие к некоторым вещам ближайшего окружения. Поэтому мы, например, со-

знаем под ногами твердую опору и над головой распростертую незыблемость. Мы не знаем, почему «твердое» должно хранить в себе твердость, а «незыблемое» – незыблемость, но мы уверены в том, что, по крайней мере, *это* из того, что вокруг нас происходит, будет соответствовать нашему ожиданию. Мы выходим из дому и не замечаем, что решаемся на это предприятие, потому что доверились своей памяти и не боимся, что она нас подведет. Мы откладываем какое-нибудь дело, зная, что вернемся к нему, потому что доверились своим привычкам. Вкусный запах еды возбуждает в нас аппетит, и мы, возможно, съедаем больше, чем необходимо, не беспокоясь, что отправляем внутрь себя сбор инородных предметов, потому что доверились миру. Мы засыпаем с полной уверенностью, что во время сна ничего ужасного не случится ни с нами, ни с окружением, а утром мир вновь разбудит нас – звоном будильника, приветливым лучиком солнца или голосом близкого человека... И все-таки, доверительные отношения – это также риск обмануться. То, к чему мы, обживаясь, проникаемся доверием, с чем у нас устанавливается согласие, не *обязано* всегда оправдывать наши ожидания. Мир не предлагает надежную основу нашему пребыванию. Установившийся в ближайшем окружении порядок неизвестно на чем держится. И об этом по-своему напоминает нам Д. Хармс в небольшом рассказе «Смерть старичка».

«У одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю. Старичок нагнулся, чтобы поднять этот шарик, и тут у него из глаза выскочила маленькая палочка и тоже упала на землю. Старичок испугался и, не зная, что делать, пошевелил губами. В это время у старичка из рта выскочил маленький квадратик. Старичок схватил рот рукой, но тут у старичка из рукава выскочила маленькая мышка. Старичку от страха сделалось нехорошо, и он, чтобы не упасть, сел на корточки. Но тут в старичке что-то хрустнуло, и он, как мягкая плюшевая шуба, повалился на землю. Тут у старичка из прорешки выскочил длинненький прутик, и на самом конце этого прутика сидела тоненькая птичка. Старичок хотел крикнуть, но у него одна челюсть зашла за другую, и он вместо того, чтобы крикнуть, только слабо икнул и закрыл один глаз. Другой глаз у старичка остался открытым и, перестав двигаться и блестеть, стал неподвижным и мутным, как у мертвого человека. Так наступила коварная смерть старичка, не знаящего своего часа» [4]

Смерть в рассказе писателя подступила как разрыв всех отношений, как триумф хаоса над порядком, как распад ближайшего. Как будто всё время пока мы живем существует чудесным образом возведенная стена, оберегающая наше ближайшее окружение, наш мир, от вторжения посторонних разрушительных сил. И вдруг, эта незримая защита для человека перестала действовать, и мир в его сознании моментально заполнился беспорядком. Из человека начали вываливаться странные предметы. Усилия, прикладываемые к тому, чтобы поправить положение дел, не приносили успеха. Как же раньше удавалось хранить порядок в ближайшем? Человек этого не знал. То, что случилось, в одночасье нарушило все установленные соглашения с действительностью. Вероятно, когда-то человек научился видеть мир привычным и предугадываемым, и вот однажды мир перестал быть таковым... А как нам всё время удается держаться в пределах упорядоченного мира? Похоже, нам это тоже неизвестно.

Принято считать, что порядок вокруг нас определяется объективными факторами: неизменностью законов природы, надежностью технических систем, устойчивыми тенденциями в сфере экономики, работой государственных учреждений, сложившимися в обществе традициями и т.п. Действительно, порядок вокруг нас определяется этими факторами. Однако до того, как мы станем обнаруживать

действие объективных факторов, сначала в нашем сознании устанавливается упорядоченность. И устанавливается она на основе доверия; всё начинается с того периода жизни, когда человек меньше всего способен что-либо контролировать и подчинять себе. Когда мы рассуждаем о неизменности законов природы, то стоит задаться вопросом, каким образом в нашем сознании возникает идея неизменности? Как возникает идея надежности, устойчивости, повторяемости? Эти идеи возникают в процессе обживания. С раннего детства ребенок устанавливает для себя в своем формирующемся мире упорядоченности. Так, например, он убеждается, что мама, приготовившая ему манную кашу, это та же самая мама, что вчера укладывала его спать, или, что игрушки, оставленные в детской, никуда не исчезнут. Или, например, он убеждается в том, что фарфоровые чашки оказываются хрупкими, – ведь если их уронить со стола, они непременно разобьются, в то время как деревянные кубики не бьются, и, стало быть, их совсем неопасно ронять. И число таких истин огромное множество. На первых порах ребенок может сомневаться в достоверности некоторых из них. Бывают случаи, когда мама вдруг становится злой, и тогда у ребенка закрадываются сомнения: а действительно ли эта злая женщина – моя мама? Возможно даже, что на какое-то время он погружается в особое сказочное мировосприятие, в котором под обликом мамы может скрываться другое существо, игрушки могут исчезать, а чашки – склеиваться. Но через некоторое время эти сомнения сами собой отпадают, и, в конце концов, ребенок приходит к мысли, что мама просто из-за чего-то расстроилась. Со временем эти истины обретают в уме должную незыблемость и становятся основой жизненно-практического опыта. Причем, идеи неизменности, надежности, устойчивости, повторяемости не *вкладываются* сознанием в предметы; скорее, они *утверждаются* в сознании, – так же, как утверждается в сознании, скажем, мысль о честности друга или благонадежности партнера по бизнесу; они *утверждаются* в процессе обживания, с течением времени и через доверительные отношения. Почему одни предметы, явления, люди становятся для нас неизменными и надежными, а другие – нет? Об этом мы можем только догадываться. Доверительные отношения не гарантируют нам вечной упорядоченности, не обещают, что согласованность усилия (волевого устремления) с миром не будет нарушена; и они существуют до тех пор, пока однажды всё не изменится. Для человека из рассказа Хармса это «однажды» наступило. То, что он пережил – распад ближайшего, вторжение хаоса – в миг перед смертью, возможно, ожидает каждого из нас; ибо *упорядоченность в нашем мире безосновна*. Возможно, что-то похожее – какое-нибудь чудовищное потрясение – мы можем пережить не только в миг перед смертью; и урок, который мы можем извлечь из такого опыта заключается в том, что порядок в мире строится не на рациональной (допускающей контроль) основе. Мир наш – *то, в чем мы живем, и то, чем мы живем*, – зыбок... И об этом изредка следует напоминать себе.

Пристатейный библиографический список

1. Акутагава Р. Ворота Расёмон: Новеллы. М.: Эксмо, 2007. С. 674
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. С. 54
3. Элиот Т.С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 73.
4. Хармс Д. О явлениях и существованиях. СПб.: «Азбука», 1999. С. 62.

ХОХЛОВА Ольга Михайловна

кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

Хохлова О. М.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Автор поднимает вопрос об идеологических предпосылках, играющих важную роль на современном этапе развития общества в формировании и становлении общественного согласия и государственного суверенитета, жизненно необходимого сегодня. Автор классифицирует понятие и сущность идеологии, основное (доминирующее) значение придавая государственной идеологии, которая законодательно в нашей стране, до сих пор не предусмотрена, хотя по факту существует, поскольку идеология представляет собой не только мировоззрение, а определенную доктрину (концепцию) управления обществом. Автору представляется очевидным, что государство без идеологии не способно существовать и быть конкурирующим субъектом на мировой политической арене. Оценивая современную господствующую идеологию, автор усматривает необходимость ее корректировки и нормативно-правового закрепления в основном законе – Конституции Российской Федерации. Предлагается концепция политического курса и экономической линии в суверенных условиях развития России, излагается позиция автора против либерального экономического курса, проводимого в стране, доказывается историческая склонность менталитета россиян к общественному согласию, способного при негативных условиях жизнедеятельности общества и высоком градусе социального накала перерасти в народное недовольство – протест.

Ключевые слова: идеология, политическая идеология, национальная идея, общество, общественное согласие, государственная идеология, мировоззрение, современная Россия.

KHOHLLOVA Olga Mikhaylovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Public administration sub-faculty of the Institute of Social Sciences of the Irkutsk State University

IDEOLOGICAL PREREQUISITES FOR SOCIAL HARMONY IN MODERN RUSSIA

The author raises the question of ideological prerequisites that play an important role at the present stage of development of Russian society in the formation and establishment of social harmony, which is vital today. The author classifies the concept and essence of ideology, giving the main (dominant) importance to state ideology, which is still not provided for by law in our country, but in fact exists, since ideology is not only a worldview, but a certain doctrine (concept) of management. It seems obvious to the author that the state, without ideology, is not capable of being a competing subject in the world political arena. Assessing the modern dominant ideology, the author sees the need for its adjustment and legal enshrinement in the basic law – the Constitution of the Russian Federation. The concept of a political course and economic line in the sovereign conditions of Russia's is proposed, the author's position against the liberal economic course pursued in our country is stated, and the historical tendency of the Russian mentality towards public consent, which at a certain degree may turn into popular discontent - protest is proved.

Keywords: ideology, political ideology, national idea, society, social harmony, state ideology, worldview, modern Russia, doctrine (concept) of management.

Развал Союза Советских Социалистических республик (далее – СССР) привел к актуализации вопроса о выбранном курсе развития страны и о возможности существования государственной идеологии. Поправки в Конституцию Российской Федерации (далее – РФ) 1 июля 2020 г. демонстрируют, что в стране складывается новая идеология, но определить ее сущность, виды, распознать принципы, механизмы построения, и прогнозировать перспективы на будущее сложно. Глобализация показывает, что в России происходит переоценка роли государства в мировом пространстве, изменяются его приоритеты и ценности. Для полного анализа обратимся к понятию «идеология» в разных аспектах ее понимания. В переводе с греческого «идеология» означает «образ», «идею», «смысл», «разум», что представляет систему сформированных концептуально оформленных идей, выражающую интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики и представляет форму существующего в обществе господства и власти, которые принято считать консервативной идеологией или их радикального преобра-

зования, что представлено в идеологиях «левых» и «правых» движений или идеологии и общественного сознания, представленными различными частями культуры и духовного производства¹ [1].

Преобладающую идеологию называют государственной, она обеспечивает концептуальную основу формирования настоящей социальной реальности, и создает предпочтительный образ для общества. Планы и стратегии для достижения социальных целей включены в идеологию, она формирует коллективное сознание, служит инструментом социального управления, который можно использовать для мобилизации людей на реализацию политических программ.

Идеология представляет систему, определяющую политические, социальные, экономические и культурные взгляды и действия, служит руководством для отдельных индивидов

1 Википедия. Свободная энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.02.2024).

и групп, помогая понять и интерпретировать мир вокруг себя, и формировать свое поведение таким образом, чтобы оно соответствовало определенным идеям и принципам. В формировании политической и социальной жизни общества идеологии играют ключевую роль, представляя собой основу для политических партий и движений, обеспечивая им направленность и выполняемую миссию.

Рассматривая принципы идеологий, отметим многообразие и видоизменение в зависимости от представленной идеологии. Некоторые принципы идеологий включают демократию, свободу, равенство, справедливость, консерватизм, либерализм, социализм, коммунизм и индивидуализм, представляют собой основу для имеющихся политических и социальных установок, приоритетов и ориентиров. Разные направления идеологии определяют их основное содержание и приоритеты, отдельные направления включают либерализм, консерватизм, социализм, национализм и феминизм. Каждое направление базируется на определенных проблемах, пытаясь решить конкретные задачи в соответствии с установленными принципами, ценностями и приоритетами.

Важна роль идеологии в развитии общества, включая протесты и конфликтные ситуации, интерес представляет конкурирование идеологий за власть и влияние в разных областях жизни человека [7]. Необходимо понимать основные принципы и направления идеологии, это поможет понять происходящие процессы, самоопределиться и спрогнозировать перспективы на будущее для эффективного их использования. Существующее многообразие форм идеологий: доктрины, теории, идеи, концепции, описывающие желаемое состояние общества и предлагающие различные способы его достижения. По охвату, включая территориальный, идеологии могут быть широко распространенными, иметь глобальное влияние на мировое сообщество, или, наоборот, узконаправленными и между определенными группами. Согласно нормативному характеру, определяющему определенные нормы и правила поведения, идеология зачастую имеет нормативный характер, с помощью которого определяются ценности и цели общества. В этом случае, идеологии prone влиять на формирование политического режима, социальную политику, законодательство, культурные нормы и т. д. Зачастую идеология становится основой для создания общественных объединений и движений, политических партий и различных организаций.

Глобализация в общественном развитии не имеет ничего общего с партнерством, стабильным мироустройством, соблюдением принципов, норм и правил международного права. По мнению А. А. Зиновьева, глобализация имеет цель «довести жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных и равно мощных партнеров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний Нового типа» [4]. В России понятие идеология обычно употребляется как характеристика мировоззрения-иллюзии, предназначенная для обмана и достижения материальных благ и реализации политических интересов. Порой ученые возражают против этой позиции, И. И. Кальный утверждает, что неверно отождествлять идеологию с ложным сознанием, потому, что «Идеология – это наука об Идее» [2]. А. П. Кудряшов считает, что идеология по содержанию может быть: научной, истиной, революционной, ложной, прогрессивной, консервативной, в зависимости от этого, идеология может оказывать ускоряющее (развивающее) или тормозящее (деградирующее) влияние на развитие общества [3]. Взгляд на идеологию может привести к мысли, что она представляет собой абстракцию с непонятным содержанием. Идеология позволяет выявить представленный интерес с определением эффективных средств его реализации. Абстракция требует конкретики, уточнения, объяснения ее содержательной части, это возможно посредством понятия

«политическая идеология». Анализ мнения классиков политологии М. Вебера и Т. Парсонса показывает, что политическую идеологию можно представить, как систематизированную совокупность мнений, воззрений, идей, защищающих нормы какой-либо группы, и требующих подчинения индивидуальных помыслов и поступков большого количества людей.

Делая вывод, отметим, что, политическая идеология представляется как доктрина, обосновывающая притязания отдельной группы общества на использование власти в реализации той или иной стратегии политических действий. Политической идеологии свойственно особое предназначение – играть важную роль в функционировании политической системы общества, быть ресурсом властных полномочий. Отсюда вытекают три ее функции:

Первая функция заключается в описании понятийных терминов, соотносимых с реально существующими категориями политической деятельности, концепции управления всей политической системой. В таком виде политическая идеология научна, в обратном случае добиться выполнения главных целей управления не представляется возможным.

Вторая функция политической идеологии заключается в национальной интеграции, содействии преодолению существенных различий между национальными, культурными, экономическими и иными идентичностями для отождествления каждой с существующей политической системой общества. Функция выполнима, когда основные положения идеологии совпадают с преобладающими (доминирующими) взглядами граждан на приемлемое или неприемлемое. Интеграция достигает успеха в случае, если представленная доктрина трактует адекватные уровню общественного сознания формы интерпретации теоретических заключений. В этом случае дорогу в жизнь прокладывают сразу несколько политических идеологий. Доминирующая доктрина политического управления обществом должна предусматривать механизм саморазвития и средства защиты от альтернативных доктрин. Такая идеология базируется на научных основаниях.

Третья функция идеологии представляет собой завладение массовым сознанием. Идеологическая доктрина содержит иррациональные компоненты, принимаемые населением на веру (научные, мифы, легенды, обычаи и т. д.). Политическая идеология способствует позитивному восприятию проводимого политического курса и экономической линии, убеждает, что правящая элита защищает интересы граждан, что оппозиция препятствует этому процессу, отстаивая свои цели, в итоге господствующая идеология является ресурсом легитимации политической власти.

Поясняя проблемы, предстоит определиться какая идеология в современном обществе представляет властный ресурс, лежит в основе модели политической системы, и имеет научную обоснованность. Россия в поисках национальной идеи, давно найдена, и соответствует двум тезисам: национальный суверенитет, означающий величие государства и социальная справедливость, издревле приводящая общество к согласию. Две идеи, объединенные единой целью должны воссоздать единство Родины, умиротворение и общественное согласие. Утвержденный правый политический курс соответствует русскому самосознанию, традициям, чувствам и деяниям. Идея социальной справедливости, в современных условиях развития общества переосмыслена и очищена от крайностей, несомненно получит поддержку народа [8].

Теория государства СССР в конце 80-х гг. имела особенное отношение к государственной идеологии и подвергалась серьезным изменениям. Идеология понималась как насильственно навязанное сознанию. Появились публикации, перечеркивающие советскую идеологию, их количество росло после принятия Конституции РФ, закрепившей идеологизацию общества, идеологическая деятельность была сведена к нулю. Сегодня очевидно, что это было очередной

ошибкой, возникшей из непонимания роли идеологии в жизни общества. Идеология является неотъемлемой частью общественной структуры, и обязательным элементом функционирования государства. Мировой опыт продемонстрировал, что от идеологической работы не отказывалось ни одно государство, для созидания, осуществления позитивных преобразований необходимы люди, разделяющие выдвигаемую концепцию, идеалы, воззрения. Делая выводы, отметим, что идеология является движущей силой общественного развития и инструментом политической мобилизации. Идеи, поддержанные населением, повышают легитимность, усиливают государственную власть, увеличивают эффективность общественных и государственных преобразований.

Идеология является одним из самых мощных объединяющих средств, государство без идеологии не сможет нормально развиваться, утратит свой суверенитет, ни одно государство не сможет быть неидеологическим долго. Государственная идеология развивается по законам государства, обслуживает его интересы, которые обычно не совпадают. Государственная идеология, стремится к сохранению, но деградируя, становится почвой для стагнации всего общества.

Меняется мировой порядок, непредсказуемость и стремительный рост технических инноваций поставили с ног на голову устоявшиеся концепты и мировоззренческие установки. В обществе налицо признаки постнеклассической картины мира. Мы вступаем в новый идеологизированный мир с другими правилами и логикой. Идеология представляет собой систему идей, отражающую неизбежный конфликт между должным и сущим. Первые десятилетия XXI в. обнажили ситуацию, при которой идеологические системы проявили свою жизнеспособность. Стремительно развивались коммунизм, либертаризм, экологизм, феминизм, глобализм и антиглобализм в самых разных проявлениях. Появилась новая тенденция, объединившая идеологию с геополитикой, международными отношениями и национальной безопасностью [9]. Укрепился западоцентризм, как конструктивистский тип идеологии, исламизм, включая радикальный. Идеологии продолжили сохранять свое значение, поэтому можем с уверенностью считать, что он сохранится и в будущем. Содержание идеологий также подверглось глубочайшему кризису. Массовая культура, заявила громкий протест высокой культуре, и стала противостоять ей [5].

Следующий вывод: идеологии претерпевают серьезные изменения, оставаясь инструментом познания и формирования общественного сознания, причем их значение возрастает в мире искаженной, сконструированной реальности. Известные истины стали естественной частью процессов интернационализации всех сфер жизни, взаимосвязей, начиная со сферы образования и культуры и заканчивая аспектами, включающими международную безопасность. Прошлое сегодня не дает убедительных ответов на загадки происходящего, а будущее тревожит и даже пугает. Поиск национальных, государственных, партийных и институциональных идеологий становится приметой современных реалий мироздания. Идеологии современности становятся выражением или формой самоидентификации отдельных индивидов, государственных образований, выступая также, при этом предметом и объектом научно-теоретического анализа [6].

Культура социально нестабильного общества воплощает разные типы идеологий, начиная от религиозных и политических, до национальных и профессиональных, переплетаясь и объединяясь с культурой, идеология превратилась в базовые коммуникационные социальные взаимодействия. Рассмотрим насколько велика роль идеологии в формировании согласия в обществе или общественного согласия в современной России. Реалии современного общества, начиная с пандемии 2019 г. и до сегодняшних дней заставили все общество серьезно задуматься, а уж ученых, представителей власти поставили перед фактом поиска решений в улучшении сложившейся ситуации. Искусственно созданные новые

социально-экономические, политические и культурно-идеологические условия потребовали от общества глубокого осмысления механизмов общественно-политической коммуникации. Серьезным, актуальным, нам представляется, исследование взаимодействия «власть-общество», создание модели успешного взаимодействия на основе общественного согласия (консенсуса), которому предназначено сменить конфликтность и протестную активность отдельных групп и граждан, на согласие и поддержку. Мировая политическая система проходит в современных реалиях период турбулентности, в котором общественное согласие является основным элементом жизнедеятельности нашего государства, отметим, опасным и трудно достигаемым. Актуальной является проблема социально-политического управления современным обществом. Исторически определено, что в сложные периоды развития общества обостряются различные противоречия между интересами отдельных личностей и государства, что характеризует российское общество. Революции XX в., контрреволюция, крах советской системы, перестройка, либерализация 1990-х гг. – эти периоды демонстрировали в обществе обострение противоречий общественного мнения. Отметим и то, что в нашем обществе сплочение на базе цивилизационной идентичности граничит с такой острой формой политической борьбы, как гражданская война, зачастую подпитываемая из-за рубежа. Продолжается стремление западных стран уничтожить Россию изнутри, парализовать ее экономику, дезорганизовать социальную жизнь, морально разложить духовно-нравственную культуру. Этому периоду характерно рождение поколения неолибералов, что может привести к социальному недовольству, даже взрыву и глобальной катастрофе. Общество стремительно наращивает потенциал таких представителей, что настораживает большую часть населения России. Сложившаяся в мире геополитическая обстановка требует от российского государства новых идейных основ. Ученые и политики открыто заявляют, что столкновение держав мирового сообщества будет носить ценностный характер. Речь идет о разных политических культурах с комплексом разных доминант, отсюда разные национальные стратегии и идеи. Сегодня мы являемся свидетелями и участниками цивилизационного крушения, в котором выживут лишь сильные национальные государства. Беспрецедентное давление эпохи глобализма, и развязывание войн в разных точках мира, заставило понять, что Россия с ее огромной территорией, высокой концентрацией населения, особенно в западной части, обладающая суверенитетом, может быть «лакомым куском» для стран, мобилизационные ресурсы которых опустошены. Это может быть затеяно мировыми силами для ресурсного обогащения и распределения на своей территории. Поиски общественного согласия (консенсуса) внутри России требуют сегодня тщательного и продуманного на перспективу идеологического подхода, взвешивания всех «плюсов» и «минусов».

Выстраивание диалога «власть-общество» берет свои истоки с имперской России начала XX века. Сегодня наблюдается похожая ситуация, где главным возбудителем общественного согласия является недовольный человек, группа людей, не желающих мириться со своим положением, способные разрушить своими действиями установившиеся институциональные связи, а нормативный порядок превратить в протест, бунт, революцию. Однако, институционализация может демонстрировать факторы стабилизации общества, и показывать свою заинтересованность в сохранении имеющихся институтов общества, или в создании новых, соответствующих вызовам и угрозам, способных навести порядок в установлении новых социальных взаимодействиях. Еще в начале XX века сформировали понимание, что, используемая людьми коммуникация служит дополнительным ресурсом как для власти, так и для оппозиции. С помощью коммуникации можно стремительно реагировать на изменяющуюся внешнюю среду и контролировать общественное мнение.

Коммуникация помогает реализовать интересы власти, выявить общественные инициативы, не исключая широкое распространение пропаганды, проникновения провокационных идей в народные массы, способные быстро проявить напряжение. В нестабилизированном обществе правильно выработанная политика способна оздоровить отношения, снизить накал недовольства, стабилизировать общество, и нацелить его на нравственный и культурный подъем.

Преобразования в период перестройки, по большому счету успехов не имели. Стремительные изменения, не поддававшиеся контролю, не прошедшие процесс институционализации старые связи, не оформившиеся новые связи, привели к краху проводимых реформ и обнищанию людей. Либералы с равнодушием относились к цепляющимся за советский уклад, не помогали предпочитающим старый образ жизни, стремились быстро разрушить его. Проводимая политика демонстрирует катастрофические результаты: сокращение населения почти на 10 млн. человек, такую цену пришлось заплатить за десять лет либеральных реформ в мирных условиях² [10].

Каждое столетие после революции в России начинается разрушение политической системы, содрогается социальная стабильность, являющаяся регулятором общественных отношений. Необходимым условием является сохранение ощущения принадлежности к великой истории страны, государства, и понимания перспективы будущего. Необходимо понимать, что, зародившаяся система разногласий в российском социуме сохраняется, и набирает обороты с каждым годом, благодаря реализуемой пропаганде западных, неолиберальных ценностей. Основным (фундаментальным) разногласием являются различия интересов российских капиталистов с населением, сохранившими патриотические чувства и любовь к своему Отечеству, вынужденных отстаивать свое право, на целостность и суверенитет своей Родины. Эта проблема усугубляется и нарастает, поскольку в стране отсутствует централизованная система управления ресурсами и ценностями. Попытки найти новые нравственные ориентиры, сталкиваются с проблемами соотношения традиционных русских и либеральных европейских ценностей. Отметим также, необходимость, создания благоприятной среды для успешного будущего развития русской культуры, восприятия ее через возможность получения бесплатного образования и приобщения к культурно-нравственным ценностям и богатствам нашей страны. Нам представляется обязательным проведение реформы системы современного образования, выхода из Болонской системы и наращивание интеллектуального потенциала, который мы утратили за последние двадцать лет, необходимо сегодня подтягивать уровень образования на всех его ступенях до лучшего в мире советского уровня образования [1]. На этот процесс могут уйти годы, но проблема образования, резко обнажившая себя, требует срочного реагирования.

Мировой глобальный кризис затягивает конфликт России с западными странами, что диктует необходимость перехода к лучшей советской системе высшего образования, признание стратегической роли которой в обеспечении суверенности, национальной безопасности и развития нашей страны не вызывает сомнений. Основным механизмом распространения ценностей, как и столетие назад, являются культура и СМИ. Литература, кинематограф и журналистика активно внедряют сегодня неолиберальные ценности в культуры разных стран мирового сообщества. Сила и мощь коммуникации и информации глобальна, неоспорима в насаждении чуждых взглядов, идей и интересов. Ценным и правильным было в СССР придание жесткой цензуре всех западных книг и фильмов, западная культура с ее насаждением личного, част-

ного над общественным значительно снизила силу общности социума в России. Архетипы, преобладающие в имперской России и СССР – община и коллективизм ослабели, но не искоренились полностью, стали активно укрепляться сегодня. Условия санкций запада искоренить российскую культуру из публичного пространства не принесли успеха, исследования показали, три четверти россиян считают, что вводить ответные зеркальные меры, отменяя западную культуру в нашей стране не нужно, ответили 73 % респондентов, а, 22 % респондентов высказали свое мнение, что, нам необходимо ввести санкции против запада³. Толерантности в этом процессе уготована значимая теоретическая и практическая значимость. Архетипом политической культуры общества является толерантность жителей России, базирующаяся на историческом опыте, феномене своего развития, полиэтничности (многонациональности), представляющие гармонию в своем многообразии. Оценка исторического опыта в стремлении к общественному согласию (консенсусу) демонстрирует необходимость принять его плодотворность и эффективность. Там, где происходит внедрение механизмов установления общественного согласия между народом и политической элитой, демонстрируется равномерное и продуктивное развитие общества. Отметим, что сам факт возникновения и существования этих механизмов и структур несет обществу важный политический смысл, способствуя установлению диалога между властью и представителями гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Khokhlova O. M., Faktorovich T. V. Education and erudition: ideal and reality. Practice Oriented Science: UAE – RUSSIA – INDIA. Proceedings of the International University Scientific Forum UAE, 2023. – P. 38-46.
2. Авакян С. А. Ни одна страна не может жить без идеологии // РФ сегодня. – 2009. – № 6. – С. 2-23.
3. Бабуринов С. Н. Реформа Конституции Российской Федерации в 2020 году: Возвращение конституционализма на национальный маршрут // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 13-17.
4. Зиновьев А. А. Запад. – Москва: Издательство «ЭКСМО: Алгоритм», 2003. – 507 с.
5. Хохлова О. М. Дихотомия «согласие-несогласие» в социальной сфере (философско-методологический анализ). Автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. – М., 2013. – 22 с.
6. Хохлова О. М. Общественное согласие в социально-политической сфере современного общества. – Красноярск, Сиб. федер. ун-т, 2016. – 176 с.
7. Хохлова О. М. Протестное движение в современном российском обществе (с учетом региональных особенностей). – Красноярск, Сиб. федер. ун-т, 2013. – 136 с.
8. Хохлова О. М. Становление понятий «согласие» и «несогласие» в истории философской мысли // Гуманитарный Вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. – 2022. – № 2 (94). – С. 1-16.
9. Хохлова О. М., Островских Ж. В., Рожкова А. К. Информационная безопасность в системе национальной безопасности современной России в период пандемии COVID-19 // Сибирский юридический вестник. Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2022. – № 2 (97). – С. 105-115.

² 90-е стоили России почти 10 млн жизней: демографическое исследование. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.Nakanune.ru/articles/113202/?ysclid=l52i8wpks5228073334> (дата обращения: 01.02.2024).

³ «Отмена» России и как с ней бороться (6 июня 2022 г.) // ВЦИОМ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/> (дата обращения: 01.02.2024).

ПИСАРЕВА Анна Владимировна

старший преподаватель кафедры философии, аспирант 3-го года обучения заочной формы кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени М. Туган-Барановского

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОКОВ КУЛЬТУРЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматривается специфика истоков и генезиса культуры самоуправления в России. Проведен социально-философский анализ особых факторов и составляющих формирования региональной культуры самоорганизации как основы общероссийского социально-культурного кода в исторической ретроспективе. Указывается на непреложную значимость общины в истории духовно-культурного и нравственного становления народного самосознания, присущего русской цивилизации, и материализовавшегося в феномене соборности как уникальном эффекте аккумуляции пассионарной социальной энергии Отечества. Также показана коренная роль общинности как формы социального бытия народа в становлении государственности России. Акцентировано внимание на постоянном поиске оптимальной модели взаимоотношений с региональными и местными общинами со стороны государственного управления на различных этапах истории. Обозначено исключительное значение аксиологических аспектов в природе самоуправления в российском государстве-цивилизации. На основе проведённого социально-философского анализа истоков культуры самоуправления в России: обозначены уникальные культурно-психологические черты россиян, заключающиеся в синтезе этических и волевых факторов, в процессе формирования соборного коллективного мировоззрения в условиях полиэтничности и мультирелигиозности; доказана аккумулирующая роль региональных и локальных сообществ в воспроизводстве и накоплении духовно-культурного потенциала, необходимого для прогрессивного движения государства в целом в условиях динамично меняющегося мира.

Ключевые слова: культура самоуправления, община, местное самоуправление, аксиология русского самоуправления, философия социальной самоорганизации.

PISAREVA Anna Vladimirovna

senior lecturer of Philosophy sub-faculty, postgraduate student of the 3rd year of correspondence studies of Philosophy sub-faculty of the M. Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE ORIGINS OF SELF-GOVERNMENT CULTURE IN RUSSIA

The article examines the specifics of the origins and genesis of the culture of self-government in Russia. A socio-philosophical analysis of the special factors and components of the formation of a regional culture of self-organization as the framework of the all-Russian socio-cultural code in historical retrospect was carried out. The immutable importance of the community in the history of the spiritual, cultural and moral formation of national self-awareness, inherent in Russian civilization, and materialized in the phenomenon of conciliarity as a unique effect of the accumulation of the passionate social energy of the Fatherland, is pointed out. The fundamental role of community as a form of social existence of the people in the formation of Russian statehood is also shown. Attention is focused on the constant search for an optimal model of relationships with regional and local communities on the part of public administration at various stages of history. The exceptional importance of axiological aspects in the nature of self-government in the Russian state-civilization is indicated. Based on the socio-philosophical analysis of the origins of the culture of self-government in Russia: the unique cultural and psychological traits of Russians are identified, consisting in the synthesis of ethical and volitional factors, in the process of forming a conciliar collective worldview in conditions of multi-ethnicity and multi-religion; the accumulating role of regional and local communities in the reproduction and accumulation of spiritual and cultural potential necessary for the progressive movement of the state as a whole in a dynamically changing world has been proven.

Keywords: culture of self-government, community, local self-government, axiology of Russian self-government, philosophy of social self-organization, conciliarity.

Говоря об истоках самоуправленческой культуры, её генезисе в России в социально-философском контексте, следует обозначить базовые компоненты её (культуры) формирования, отражающие специфику социально-бытового уклада жизни и коллективного социального восприятия особенностей становления самого российского государства как уникальной цивилизации, изначально складывавшейся в отдельных локально прогрессивных регионах на обширнейшей территории, характеризующейся кардинально разнообразными природными и географическими характеристиками. Это, безусловно, отразилось на природе зарождения и закрепления форм и способов самоуправления социальных общностей и путях их межкультурной диффузии в процессе объединения восточнославянских народов в единое государство.

Классические подходы к анализу культуры как социально-феномена исходят из того, что в её структуру включены две базисные составляющие – духовная и материальная стороны, образующие её целостное проявление. И философские диспуты о сопряжённой взаимоопределяющей и взаимовлияющей дуальности этих компонент в известных культурологических парадигмах по-прежнему актуальны. Исследованию сущностного смыслонаполнения и роли культуры как философского и социально значимого феномена посвящены работы таких из-

вестных ученых как И. Г. Гербер, Г. В. Ф. Гегель, И. Кант, Г. Спенсер, О. Конт, Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, А. Тойнби, Т. Парсонс, М. Фуко и многих других.

Значимую роль в анализе природы культуры как ядра характера российского народа внесли труды М. Н. Гумилева, М. М. Бахтина, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, Н. Я. Данилевского, П. А. Сорокина, В. В. Розанова, К. Н. Леонтьева и многих других представителей русской философской школы.

В трудах представителей отечественной гуманитарной науки осмысление самоуправления прослеживается по таким направлениям как: правовые взаимоотношения местного самоуправления как института с непосредственно социальными активными группами (А. К. Бельх, Е. В. Зайцева, В. В. Лысенко, М. Д. Рудин, Н. Е. Тройно, С. С. Юрьев и др.), история и социально-правовые традиции (С. С. Алексеев, П. П. Глушенко, В. Г. Графский, В. Т. Ковалев, Г. И. Рузавин, И. И. Ситов, В. Д. Сорокин, Л. Б. Тиунова и другие), социологическом (Т. А. Алексеева, М. Н. Барышников, А. И. Васильчиков, З. Т. Голенкова, А. Левандовский) и в политическом контексте – изучение условий и механизмов взаимоотношений государственной власти, органов местного самоуправления с общественными объединениями (Т. Н. Баркова, О. П. Золотых, А. Н. Кокотов, Т. П. Коржихина, В. И. Лисник, О. В. Макаренко, И. В. Мерсиянова, В. М. Шевырин,

Писарева А. В.

Л. Т. Шинелева, Д. В. Шутько, А. И. Щиглик, Ц. А. Ямпольская и других).

В целом, вопросам исследования самоуправленческих начал российского общества посвящен обширный массив работ отечественных и зарубежных учёных, но исследования направлены преимущественно на изучение природы формирования местного самоуправления территорий, административно-территориальных единиц, вопросам регионалистики, деятельности органов местного самоуправления, муниципального уровня государственного управления в их юридическом статусе, то есть в русле исторической, правовой и политической сфер научных интересов. Социально-философское осмысление темы возникло относительно недавно, что во многом обусловлено вхождением современной Россией в новый этап истории, который ярко высветил необходимость глубинного самоосмысления и мировоззренческой самоидентификации современного и будущих поколений россиян.

Значимое место в изучении и анализе социально-философских истоков в природе культуры самоуправления имеют теоретические и прикладные исследования, акцентирующие внимание на вопросах взаимоотношений современных социально ориентированных моделей государства с условиями высокого уровня институционализации общества, а также на проблемах специфики становления в России культуры гражданского общества как основополагающего элемента в структуре демократических форм социального управления и обеспечения обратных связей в политической системе государства.

По мнению авторов, местное самоуправление в России следует рассматривать не как исключительно институт публичной власти и публичного политико-правового регулирования, а как одну из базовых форм социальной народной самоорганизации, целью которой всегда было и остаётся решение комплекса социальных вопросов посредством хозяйственного управления территориями в соответствии с их спецификой и ролью в решении общегосударственных задач.

Изучение истоков и природы самоуправления, культуры самоуправления в русской истории и современности именно с позиций социальной философии сегодня имеет особую актуальность в связи с интенсифицировавшимися процессами самовозрождения России как одной из ведущих держав общемирового масштаба, являющейся флагманом в сфере мировоззрения страны-цивилизации и идеологии многополярного мира.

Не случайно, что процесс генезиса и становления культуры самоуправления в лоне всенародного самосознания на Руси, формировавшегося под влиянием исторически возникавших социальных, политических и экономических факторов, также впитал в себя двойственную аксио- и прагматологическую основу в их неразрывной и непреложной значимости в контексте развития русского государства.

Значимой стороной анализа корней культуры самоуправления с точки зрения социальной философии выступает стремление исследовать социальную энергию, воспроизводящуюся именно в культурном пласте единого ментального тела народов, населяющих территорию России. Цель исследования также заключается в необходимости понять потенциал к самоуправленческим интенциям в российской культуре в целом, с учётом её поликультурности, религиозного, этнического и языкового разнообразия как истоков соборности, выступающей уникальным социо-духовным явлением, особенной чертой с точки зрения социально-философских основ *Жизни* социальной системы России как страны.

Культура самоуправления в широком смысле включает в себя всё, что связано с теми или иными массовыми обоюдными народными инициативами, как в отдельных регионах, так и по всей стране. Яркими примерами социально значимого проявления народных самоуправленческих практик являются и восстания и революции, и добровольческие акции во время Великой Отечественной Войны (массовая добровольная материальная помощь фронту, партизанские движения) и повсеместное общественное самоуправление сегодня, в ходе событий СВО, ориентированное на помощь фронту и гражданскому населению. Но самоуправление, как социокультурное качество-свойство коллективного самосознания в контексте деятельности природы социального бытия человека и общества, наиболее перманентно проявлялось в сфере именно местного самоуправления, которое на территории России складывалось часто неодинаково и неодновременно в силу географических особенностей и масштаба государства как такового.

Этапность зарождения и становления культуры самоуправления тесно сопряжена с историческими веками развития государственности, институционального оформления страны.

В VII – IX веках родовая община у восточных славян начала вытесняться соседской (территориальной), члены которой уже являлись просто соседями. По мере роста уплотненности населения, община становилась поземельной, то есть главными связующими элементами между её членами стали такие факторы, как общее пользование землёй и жизнь по установленным правилам коллективной оплаты за данное пользование (налогов, оброков). Жизнь в общине строилась на правилах вечаевой демократии, то есть на основе не юридического, а скорее морального закона, сложившегося на устоявшихся традициях и смыслах социального взаимодействия, и имела такую организационную форму как сходки граждан, на которых происходило обсуждение общих хозяйственных проблем, распределение обязанностей, вершилось правосудие и т.д. Равенство в общинах начинает исчезать с момента появления частной собственности и выделения «нарочитой чади», то есть князей, источником власти и богатства которых становилась сила, воинская слава.

Ещё задолго до зарождения Московского государства известны успешные примеры организации вечаевых демократических республик в городах Псков, Новгород, Хлынов (Вятская земля). До последнего стремились они сохранить свою общественно-хозяйственную и политическую независимость от государства, но великокняжеское стремление централизовать власть, установить контроль и укреплять абсолютизм самодержавия, не могли далее допустить наличие очагов самоорганизованной исторически локально сложившейся плебисцитарной демократии в регионах как прецедентов. Таким образом, в конце XVI века остатки самых древних городов с их самобытным внутренним социальным устройством были ликвидированы. И положено начало выстраивания системы жесткой центральной власти с применением широкого спектра методов подавления каких-либо гражданских инициатив, но при сохранении относительной автономности общины в духовном плане её социальной бытийности.

Таким образом, попытки унификации самоуправленческих моделей и форм берут начало в ходе и результатах политики преодоления феодальной раздробленности и последовавшего за ним курса на объединение князей вокруг киевского трона, а затем собирание земель вокруг Москвы на протяжении IX-XVI вв.

Уникальная самобытность самоуправления в России заключается в постепенных преобразовательных переходах его форм (деятельностных структур и моделей) – от общинного народного вечаевого, крестьянско-общинного к земскому, губному, а затем к регионально-республиканскому управлению системы Советов и, наконец, к самоуправлению в Российской Федерации. Но стержнем самоуправления на территориях, в регионах всегда оставалась *община*, которая вела совместный быт и хозяйство на устоявшихся традиционных основах, обеспечивая определенным образом собственные потребности и потребности государства, как в хозяйственных вопросах, так и в вопросах безопасности.

Так, известный инициативный реформатор конца XIX – начала XX века, премьер-министр российского правительства П. А. Столыпин утверждал, что в корне проблемы основных препятствий в экономической модернизации России находится именно крестьянская община с её собственным укоренившимся укладом землевладения, именно внутриобщинные традиционные скрепы держали Россию в оковах пагубного консерватизма с точки зрения внешнего импульса общемирового развития и тенденций к необходимости движения к индустриализации [1]. Именно реформирование традиционного самоуправляемого внутриобщинного уклада пользования землёй и результатами её возделывания крестьянами легло в основу «стольпинских реформ» 1906-1914 гг., посредством которых планировалось изменить саму культуру самоорганизации крестьян, постепенно приучив их к «чувству» индивидуального собственника земли, мыслящего и действующего соответственно. То есть, стояла задача изменить саму матрицу социальной материи крестьянства как самого крупного социального слоя. Следует отметить, что и концепция, и методология реализации этих реформ остаётся спорной в оценках историков и философов до настоящего времени.

Социально-философское значение эволюции культурных основ самоуправления в процессе становления российской государственности прослеживается в характерном синкретизме чувственного и часто эмпативного аспекта в рефлексивном клю-

че практической жизни русского человека независимо от его положения в социально-стратификационном поле – одновременно в культурном коде сосуществуют и любовь и служение государю, и любовь к отечеству, родине, и любовь и ценность свободы духа и воли, чести, и некое фаталистическое смирение с миссией народа-хранителя православной культуры, склонность к традиционализму, и стремление к прогрессу, модернизации в производственном и технологическом плане.

С точки зрения базовых теорий местного самоуправления, в России превалирует местное самоуправление, объясняемое так называемой государственной или государствоведческой теорией. Ее авторы, немецкие ученые Л. Штейн и Р. Гнейст, полагали, что самоуправление – это одна из форм организации государственного управления, один из инструментов контроля центра за регионами, при котором органы местной власти наделены определёнными полномочиями государством и формируются из представителей местного населения, в результате чего функционируют во благо общества (общины) и государства в равной мере заинтересованно.

Среди отечественных исследователей этой теории следует отметить В. Ч. Безобразова, И. П. Белоконского, Б. Б. Веселовского, А. Д. Градовского, П. П. Гронского, В. В. Ивановского, А. Д. Кизеветтера, А. А. Корнилова, Н. И. Лазаревского, Б. Н. Чичерина.

Однако, самоорганизованное устройство древнерусской общины, которое характерно для догосударственного периода и первичных этапов зарождения Руси как государства, скорее отражает сущность теории свободной общины, основоположниками которой выступили представители французской и бельгийской научных школ в середине XIX века. Сущность теории раскрыта в трудах Г. Аренса, И. фон Арегина, К.-Ф. Гербера, К. фон Роттека, О. Лабанда, Э. Мейера и др. [2]. Согласно концепту обозначенной теории, община – это независимая и самостоятельная единица в решении всех задач, так как она первична по отношению к государству. Приверженцы теории декларировали необходимость ограничения государственного вмешательства во внутренние дела общин, акцентируя свои доводы на том тезисе, что общины образуют государство, а не наоборот.

Русская община, являясь внутри себя хранителем самобытной народной демократии, в своем социально-культурном и экономическом смысле хоть и достаточно рано стала единицей управления территорией, сумела сохранить функцию общественного представительства, что соответствует одной из черт местного самоуправления, по мнению теоретиков общественной или общественно-хозяйственной теории. Данная теория, аргументирующая, с одной стороны относительную автономность общины в силу своей первичности по отношению к государству как хозяйствующего на определенной территории субъекта, с другой – утверждающая непротивопоставляемость общины государству, а их гармоничное слияние в спектре их схожих задач и функций, представлена в трудах таких зарубежных авторов как О. Гирке, Р. Моль, Г. Происс, О. Ресслер, А. Шеффе и др.

Применительно к анализу самоуправления в России данную теорию разрабатывали А. И. Васильчиков, Л. И. Велихов, П. А. Кропоткин, В. Н. Лешков, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, и др.

В данном контексте интересны мысли и наработки князя А. И. Васильчикова, который, говоря о самоуправлении, заключал следующее: «Оно означает, по нашему разумению, участие народа в местном внутреннем управлении своего отечества; это участие в известном размере допускается во всех государственных организациях, и при самых централизованных формах правления местным жителям предоставляется все-таки весьма обширный и многосложный круг действий, преимущественно по тем предметам ведомства, которые могли бы обременить центральную администрацию чрезмерными расходами и заботами управления» [3]. Исследуя специфику распределения сфер полномочий между правительственными и местными органами власти на опыте таких стран как Англия, Франция, Соединенные Штаты Америки, Васильчиков ставит вопрос о поиске обоснованных и объективных условий и оснований границ полномочий и степени вовлеченности в управление местными делами представителей народа в России.

Известный русский правовед XIX в. В. Н. Лешков, исследуя самоуправление и его исторические корни в России, будучи убежденным славянофилом, «в своих трудах никогда не отличал общину и государство, всегда проводил между ними различия и подчеркивал самостоятельность общины (начиная с ее образования), русского народа и земства. У него община состав-

ляет основу государства. Поэтому чтобы понять государство, нужно присмотреться к общине как его основе...» [4].

Исходя из того, что «развитие демократических ценностей и институтов в российском обществе связывается, с одной стороны, с сильным государством, а с другой – с богатой, разнообразной и заметно дифференцированной жизнью людей, основанной на традициях местного самоуправления... самоуправление трактуется нами как относительно автономное функционирование какой-либо общественной организации, которое обеспечивается принятием членами данной организации норм и решений, касающихся ее жизнедеятельности, передачей по исторической эстафете традиционных социокультурных ценностей и навыков социального поведения, совместным ведением этими индивидами общих для них дел, отсутствием в организации разрыва между субъектом и объектом управления» [5]. Данная трактовка термина авторами наиболее удачно раскрывает ту дуальность природы и культуры самоуправления, которая была обозначена выше. Таким образом, о социально-философских и культурных основах самоуправления в России следует говорить, исходя из «теории дуализма местного самоуправления», которая синтезировала в себе черты как общинной, общественной, общественно-хозяйственной, так и государственной теорий, дав аргументированное пояснение границ автономности органов самоуправления и одновременно их роли в системе управления государством [6].

На генерирование составляющих культуры самоуправления в Российском государстве фундаментально значимое влияние возымело крепостное право как социальный институт, как система, закреплявшая социальные позиции, гражданско-правовые статусы и правила сословных взаимоотношений на основе соответственно обоснованного факта права собственности на землю. Являясь особенной чертой социального и экономического бытия русского государства, его сословного устройства, с достоверно не установленных времен, формально юридически закреплённое в Соборном уложении 1649 г. и упраздненное в 1861 г., крепостное право оказало пагубное тормозящее воздействие на естественный ход развития самоуправления как традиции формирования публичной власти в стране, исходящей непосредственно по инициативе народа, и связывающей центр и регионы именно в вопросах социального развития.

Но следует отметить, что политика крепостничества также отразилась на территориальных поземельных привязках крестьян, лежавших в первоначальных основах закрепощения. В периоды ужесточения крепостного права, когда оно отождествлялось с почти абсолютным юридическим гражданским бесправием крестьянства, община переживала наиболее тяжелые времена, так как отрыв от земли и от семьи в буквальном смысле разрушали остов общинного уклада.

Жизнь русского государства на протяжении длительного периода протекала в собственном течении пространства-времени, динамику которого определяла общекультурная доминанта духовного традиционализма. В трудах многих западных учёных, заметках путешественников периода средневековья прослеживается тезис о слабозвитости нашей страны, малообразованности и откровенной невежественности людей (в особенности в регионах), общей отсталости с точки зрения социальных, экономических и административных процессов, протекавших на тот момент в Западной Европе.

Так и известный советский историк и культуровед В. Г. Хорос, «анализируя различия и особенности традиционного общества западного и российского, отметил, что на Западе уже в рамках традиционного общества формировались те предпосылки, которые ускоряли процессы модернизации (рост городов, городского самоуправления, развитие торговли, прогресс в технологиях, появление мануфактур, парламентских учреждений). С одной стороны, он не противопоставлял традиционализм и модернизацию и признавал возможность и способность традиционного общества (в частности, западного) к саморазвитию. С другой стороны, явно недооценивал подобные процессы в России, но серьезным препятствием для модернизации в России видел не сопротивление традиционной культуры и не её кризис, а напротив, её недостаточное развитие и неустоявшийся характер» [7].

Подобный ангажированный взгляд и подход к анализу особенностей русского культурного субстанта представляется ограниченным и малонаучным, так как несёт в себе скорее субъективные оценочные суждения, спродуцированные ориентацией на «идеальный просвещенный либеральный западный мир» как некий эталон социокультурного и политико-экономического прогресса, нежели комплексное объективно-научное исследование.

Культура самоуправления, как часть культуры в целом, с точки зрения социальной философии носит знаковый ценностный характер для анализа законов социального бытия любого общества. Исходя из данного постулата, анализируя сущность самоуправленческих задатков в культуре русского народа, важно обратить внимание на наличие народной пассионарности, которая всегда проявляла себя в переломные периоды истории. Эта энергия народа во спасение государства как глобальной общины, находящейся под угрозой от внешних разрушительных сил, необъяснимым образом сохранялась вопреки всему периоду её централизованного подавления со стороны государства. Знаменитый отечественный историк русской древности В. О. Ключевский, проводя анализ событий конца XVI-начала XVII веков, «первым назвал социальные силы русской Смуты, рассмотрел действия различных общественных классов с их идеалами и программами, кандидатами на престол... указал на «национальные и религиозные связи, спасшие общество в смутное время». Русские люди «опытом убедились, что государство, по крайней мере, некоторое время, может быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа» [8].

Отдельное место и роль в формировании региональной и общей культуры самоорганизации жизни на локальных уровнях и общем социальном пространстве занимает религиозный контекст. Христианство как доминирующая религия на долгое время оставалось единственным источником образования через одухотворение (церковно-приходские школы) для простого народа. Именно обоснованные христианством и его священнослужителями на протяжении нескольких веков концепции природы власти князя, государя, царя, императора в России стали основой духовного единоразумения самой миссии главы государства и простого человека в их неразрывной связи от Бога. Немаловажную роль в гармоничности формирования культуры при объединении земель и народов, населенных различными этносами, исповедующими другие религии, сыграла политика невмешательства (отсутствие запрета религии) в духовные традиции коренных народов. Так, к примеру, по Соборному уложению 1649 г. ислам законодательно был признан как религия, лежащая в основе региональной культуры. Таким образом с середины XVI в. началась интеграция мусульман в единое Российское государство. Императрица Екатерина II впоследствии сняла всякие ограничения на строительство каменных мечетей и мусульманских общественных зданий и инициировала создание первой официальной организации мусульман в России [9].

Также, на рубеже XVIII-XIX веков в России калмыки и буряты, исповедовавшие буддизм, именно по инициативе правительства получили законное право на самостоятельную организацию, финансовую и политическую поддержку духовенства. Статус «Дозволенности» буддизма как одной из религий империи в России, наряду с протестантизмом, католицизмом, исламом, закрепляется в 1741-1746 гг. «Буддийское духовенство в ответ на подобное положение объявляет всех российских самодержцев – «белых царей», начиная с императрицы Екатерины II, земным воплощением милосердной богини Цаган-Дара-эхэ («Белой Тары»)» [11].

Приведённые исторические факты являются яркими показателями демонстрации особенной мудрой и дальновидной политики «мягкой силой» государственного управления обширными территориями через призму учёта их традиционной поликультурности. И именно сохранение аутентичных культурных черт отдельных народов, связанных с их исконным укладом бытия, обеспечивавшим самоуправление местными общинами на протяжении их исторического времени существования, по «благословиению» центральных властей, что предположительно поспособствовало зарождению и, впоследствии, проявлению уникальной культурно-психологической черты россиян – соборности в общей нравственной культуре народов, населяющих единую страну – Россию. Можно предположить, что в основе соборности лежат одновременно и этические и волевые посылы к обозначению коллективного мировоззрения, несущего в себе социальный опыт и традиции через поколения. «Соборность в нынешних условиях отражает стремление россиян к выработке общего социального, политического и культурного пространства. Необходимо восстановить соборность как основанный на народных традициях и русских духовных ценностях фундамент российской национальной государственности. Соборность является предпосылкой реформирования системы просвещения, в основе которой должен быть реализован философский принцип единения множества «Я» при сохранении единства индивидуального и коллективного» [10].

Русскую культуру самоорганизации и управления характеризует свойственная только ей народная пассионарность, которая совершенно точно отличается от западной активистской гражданской культуры. Внутри народа, несмотря, а порой и вопреки всей противоречивости протекания его бытия в различного рода экономических, политических сложностях, воспроизводится и самогенерируется энергия силы самосохранения в единстве. В данном случае речь идёт вот о той уникальной соборности, которую «умом не понять», рационально не объяснить, её можно только почувствовать через душевную сопричастность и разумную со-деятельность. Эта способность к накоплению духовно-культурной социальной энергии в регионах с её последующей аккумуляцией на центр для ответа на глобальные агрессивные импульсы несёт в себе неисчерпаемый потенциал культуры населения Российской Федерации к самомобилизации, модернизации и самообновлению в системе собственных ценностных координат и смыслов.

Пристатейный библиографический список

1. Столыпин. О несовместимости общинной формы с нормальным сельским самоуправлением. – М.: Тип. В. А. Гатцука, 1893. – С. 3-6.
2. Горбатюк Е. С. Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-teorii-mestnogo-samoupravleniya-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 21.08.2023).
3. Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление / Сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 960 с.
4. Корнаухова В. Н. Лешков о самостоятельности местного самоуправления // Правовая и политическая мысль. – № 7. – С.553-559. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=23977 (дата обращения: 15.08.2023).
5. Анимиди Е. Г., Тертышный А. Т. Основы местного самоуправления. – М.: ИНФРА-М., 2000. – 208 с. – (Серия «Высшее образование»). – С. 6.
6. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: Учебник. – М.: Юристъ, 2004. – С. 54-56.
7. Колесникова Е. А., Введенский Р. М. Институты самоуправления и проблема кризиса традиционализма в России в конце XVII века // Преподаватель XXI в. – 2013. – № 4 (ч. 2). – С. 295-300 // Лань: электронно-библиотечная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/journal/issue/312081> (дата обращения: 15.08.2023). – С. 3.
8. Правовая наука и юридическая идеология России: словарь: в 4 томах / ответственный редактор В. М. Сырых. – Москва: РГУП, 2009 – Том 1: XI – начало XX в. – 2009 // Лань: электронно-библиотечная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/123183> (дата обращения: 15.08.2023). – С. 345.
9. Роль религии в политической и культурной истории России // Учебно-методическое Объединение (УМО) по классическому университетскому образованию (ранее Учебно-методическое Объединение университетов СССР) на базе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.umo.msu.ru/russia_xxi_new/book/section0254.html (дата обращения: 16.08.2023).
10. Немина В. Н. Философия Российского самоуправления: социокультурные основания // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 - социальная философия. Санкт-Петербург 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004376593.pdf (дата обращения: 18.08.2023).
11. Уланов М. С. Распространение и становление буддийской традиции в Забайкалье (социально-философские аспекты) // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 2. – С. 115-121. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/journal/issue/310793> (дата обращения: 10.10.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-2-189-571-572

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович

доктор юридических наук, профессор, Директор Института права БРИКС, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

ЗИМУЛЬКИН Максим Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

НА ПУТИ К РАЗРЕШЕНИЮ НАЛОГОВЫХ РАЗНОГЛАСИЙ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е. В. ПОРОХОВА «НАЛОГОВЫЕ СПОРЫ»)

Учебное пособие «Налоговые споры» в понятной форме разъясняет российскому читателю порядок рассмотрения налоговых споров в соседнем государстве – Республике Казахстан. Книга позволяет читателю понять основные алгоритмы и процедуры защиты прав налогоплательщиков при рассмотрении налоговых споров в Республике Казахстан. Автор описывает особенности инициирования налоговых споров, основные презумпции, внесудебный порядок разрешения, последствия оспаривания правовых актов по вопросам налогообложения, а также иные общие и частные вопросы разрешения разногласий между налогоплательщиком и налоговым органом в Республике Казахстан. Рецензируемое учебное пособие может служить прикладной инструкцией (путеводителем) для налогоплательщика, считающего свои права нарушенными.

Ключевые слова: налог, налоговое право, налоговые процедуры, налоговые споры, налоговый орган, суд, правосудие.

VINNITSKIY Danil Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor, Director of the BRICS Institute of Law, Head of Financial law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

ZIMULKIN Maxim Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor of Financial law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

ON THE WAY TO RESOLVING TAX DISPUTES (REVIEW OF THE TEXTBOOK OF E. V. POROKHOV «TAX DISPUTES»)

The textbook «Tax Disputes» explains in an accessible form to the Russian reader the procedure for considering tax disputes in the neighboring state - the Republic of Kazakhstan. The textbook allows the reader to understand the basic algorithms of action in case of impossibility of protecting rights in the event of a dispute with tax guarantees of the Republic of Kazakhstan. The author describes the features of initiating tax disputes, the main presumptions, extrajudicial procedures, the consequences of challenging legal acts, as well as other general and specific issues of resolving disagreements with the tax authority. The reviewed textbook may serve as an applied instruction (guide) for taxpayers whose economic rights are violated.

Keywords: tax, tax law, tax procedures, tax disputes, tax authority, court, justice.

Доктор юридических наук, профессор Порохов Е. В. является признанным специалистом в области финансового и налогового права, который хорошо известен как в Республике Казахстан, так и на всем Европейско-Азиатском пространстве, и за его пределами.

Работы Порохова Е. В. привлекают особое внимание российской юридической науки ввиду общности проблем финансового и налогового законодательства и практики России и Казахстана, а также особого взгляда Порохова Е. В. на эти проблемы [2], [3].

Продолжая научный задел известного исследователя-правоведа Худякова А. И. и закладывая собственное научное начало, Порохов Е. В. представил множество достойных работ, которые получили признание как в Центральной Азии, так и за ее пределами.

В 2023 году Порохов Е. В. опубликовал учебное пособие, посвященное налоговым спорам. Учебное пособие подробно описывает общий порядок рассмотрения налоговых споров, а также раскрывает особенности рассмотрения отдельных категорий налоговых споров в Республике Казахстан.

Винницкий Д. В.

Зимулькин М. И.

Так, первая глава учебного пособия посвящена особенностям инициирования налоговых споров, существующим презумпциям, возможностям досудебного и альтернативно- внесудебного обжалования, порядку и сроками оспаривания административных актов и иным вопросам, являющимся общими для всех категорий налоговых споров.

Отдельное внимание автор уделяет вопросам проведения примирительных процедур между налогоплательщиком и налоговым органом.

Развитие примирительных процедур в налоговых отношениях, в том числе налоговой медиации, является предметом постоянных дискуссий как в Республике Казахстан, так и в Российской Федерации. Как отмечает Д. А. Курочкин «в последнее время налоговая медиация приобретает существенную роль в разрешении налоговых конфликтов и находит свое закрепление в законодательстве многих государств. Для российского права институт налоговой медиации можно считать новой областью регулирования налоговых правоотношений, возникшей в результате расширения форм досудебного и внесудебного урегулирования налоговых споров» [4].

Автор дает обстоятельный анализ примирительных процедур в налоговых спорах, подчеркивая необходимость учета свободы усмотрения налоговых органов при принятии тех или иных решений и нормативно обусловленной вариативности (или однозначности) действий налоговых органов в разрешении отдельных вопросов в области налогообложения.

Представляется, что примирительные процедуры в налоговых спорах в ближайшие годы будут более востребованы и позволят разрешать налоговые конфликты без использования затратных и формальных процедур.

В главах со второй по десятую учебного пособия автор приводит основные особенности отдельных категорий налоговых споров: оспаривание индивидуальных правовых и нормативных правовых актов; взыскание убытков и возмещение вреда, причиненного налогоплательщику или налоговому агенту; оспаривание регистрации юридических лиц; банкротство налогоплательщиков и т.д.

Интерес налогоплательщиков и практикующих юристов может вызвать глава четвертая учебного пособия, описывающая «особенности взыскания убытков и возмещения вреда, причиненного налогоплательщику (налоговому агенту в результате издания налоговыми органами незаконных актов и совершения их должностными лицами незаконных действий (бездействия)».

Автор обращает внимание на право налогоплательщика одновременно с иском о признании незаконными решений, действий (бездействия) должностных лиц налогового органа заявить требование о взыскании убытков, причиненных такими незаконными решениями или действиями (бездействием). Данное требование также может быть заявлено отдельно, в рамках самостоятельного производства. Бремя доказывания размера убытков возлагается на налогоплательщика.

В пятой главе автор раскрывает возможности оспаривания налоговым органом гражданско-правовых и иных частноправовых сделок. В рассматриваемом случае налоговые органы, представляя интересы государства, обращаются в суд с иском о признании сделки недействительной. Заявляя иск, налоговый орган руководствуется основаниями, предусмотренными гражданским законодательством Республики Казахстан, в том числе ссылаясь на мнимость или притворность сделки.

Налоговые органы Республики Казахстан прибегают к указанному правовому механизму в том случае, если последствия недействительности гражданско-правовых сделок влияют на налогообложение участников сделки и затрагивается публично-правовой интерес.

Глава седьмая учебного пособия позволяет определить круг полномочий налогового органа в процедурах банкротства и при инициировании таких процедур. В случае признания налогоплательщика банкротом задолженность по налоговым обязательствам подлежит погашению в третью очередь.

Сравнивая показатели налогового администрирования в двух государствах, следует отметить, что в Российской Федерации также отмечается повышение активности налоговых органов в процедурах банкротства налогоплательщика. Налоговые органы занимают активную позицию при рассмотрении дел о банкротстве налогоплательщиков, участвуя в собраниях кредиторов и выражая свое мнение в рамках обобщенных споров [5].

Также учебное пособие содержит схемы, позволяющие наглядно разобраться с порядком рассмотрения налоговых споров в Республике Казахстан (с. 243-276). В силу сложности и доступности данного материала учебное пособие может быть полезно для использования налогоплательщиками в конкретных спорах как практический путеводитель.

Важно отметить актуальность проблематики, которой посвящено учебное пособие. Проблемы применения налоговых процедурно-процессуальных правовых норм занимают особое место в современной юридической науке и практике [6], [7], [8], [9], [10].

Как верно отмечает Порохов Е. В. в учебном пособии: «Без знания другой, не менее важной, процессуальной части права, которая призвана регулировать порядок оспаривания и пересмотра административных актов и действий (бездей-

ствия) налоговых органов, налогоплательщикам будет не просто реализовать свои права в налоговом споре. Незнание порядка оспаривания незаконных актов налоговых органов и неумение использовать предоставленные налогоплательщикам по закону процессуальные права приводит к необходимости использования таких актов. Существующая в административном праве презумпция законности административной деятельности налоговых органов приравливает молчание и бездействие налогоплательщика по поводу вынесенного в отношении него административного акта к согласию с ним.».

Изложенное лишь дополнительно подтверждает необходимость неукоснительного соблюдения налоговых процедурно-процессуальных норм и обеспечения процедурно-процессуальных гарантий налогоплательщиков.

Развитие и усложнение трансграничных экономических отношений предопределяет необходимость, если не унификации подходов к рассмотрению налоговых споров, то к повышению уровня ясности подходов к защите прав налогоплательщиков. Представленное автором учебное пособие позволяет доступно ознакомиться с процедурно-процессуальными особенностями рассмотрения налоговых споров в Республике Казахстан, в частности, российским читателям, обеспечивая прозрачность способов защиты прав налогоплательщиков в исследуемой юрисдикции.

Принимая во внимание изложенное, учебное пособие Порохова Е. В. «Налоговые споры» является своевременным и необходимым путеводителем по процедурно-процессуальным аспектам рассмотрения споров между налогоплательщиками и налоговыми органами в Республике Казахстан.

Пристатейный библиографический список

1. Порохов Е. В. Налоговые споры: учебное пособие. – Алматы: Научно-исследовательский институт финансового и налогового права, 2023. – 284 с.
2. Грачева Е. Ю. Рецензия на академический курс Е. В. Порохова «Налоговое право» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 7. – С. 175-177.
3. Порохов Е. В. Налоговое право Республики Казахстан // Налоговед. – 2010. – № 1. – С. 72-79.
4. Курочкин Д. А. Медиация в налоговых спорах: перспективы развития в России и других государствах БРИКС // Российский юридический журнал. – 2017. – № 5. – С. 189-204.
5. Извеков С. С. Налогообложение при банкротстве организации: проблемы теории и практики. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2020. – 152 с.
6. Vinnitskiy D. V. Legal Interpretation of Tax Law: Russian Federation (Chapter 12) // Legal Interpretation of Tax Law, Second Edition. Edited by Robert F. van Brederode Richard Krever, Kluwer Law International BV, The Netherlands, 2017, ISBN 978-9-0411-8473-3, pp. 317-346.
7. Винницкий Д. В. Основные проблемы теории российского налогового права: Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 436.
8. Винницкий Д. В. Налоговое процедурное право и налоговый процесс: проблемы становления // Законодательство. – 2003. – № 2. – С. 23-31.
9. Зимулькин М. И. Влияние позиций высших судов на уровень процедурно-процессуальных гарантий налогоплательщиков (на примере отдельных этапов процедуры оформления результатов налоговой проверки) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 4. – С. 123-126.
10. Зимулькин М. И. Риск-ориентированный подход в механизме процедурно-процессуальных гарантий налогоплательщиков // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (144). – С. 217-219.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.